МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БАРНАУЛЬСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сборник научных трудов, выпускаемый по итогам
Международной научно-практической конференции
курсантов, слушателей и студентов

Барнаул
2026

Об издании: 1, 2

ББК 67.0я43
П 781 Проблемы совершенствования российского законодательства : Электронный сборник научных трудов, выпускаемый по итогам Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов / под ред. И.В. Ботвина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2026.

Научное электронное издание

Сборник содержит тезисы докладов участников Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов «Проблемы совершенствования российского законодательства», прошедшей в БЮИ МВД России 15-17 апреля 2026 г. В материалах конференции освещаются проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности, расследования преступлений, борьбы с административными правонарушениями, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями, а также проблемы профессиональной подготовки сотрудников ОВД.

ISBN 978-5-94552-665-5

Редакционная коллегия:
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент (председатель);
Галиев Р.С., канд. юрид. наук, доцент (заместитель председателя);
Антонов Я.А.;
Бутенко А.К., канд. филос. наук, доцент;
Гнездилова Е.В., канд. пед. наук, доцент;
Заречнев Д.О., канд. пед. наук, доцент;
Зубенко Ю.С., канд. юрид. наук, доцент;
Ипполитов П.Л., канд. юрид. наук;
Калашникова С.В., канд. пед. наук, доцент;
Ковалева Е.В.;
Красилов О.В., канд. пед. наук, доцент;
Климович Н.В.;
Крынин А.А.;
Машлякевич В.А., канд. юрид. наук;
Моисеев С.В., канд. ист. наук, доцент;
Нейман Р.А.;
Рыбин Д.Н., канд. психол. наук, доцент;
Сорокина А.Г., канд. юрид. наук, доцент;
Тимофеев В.В., канд. техн. наук, доцент;
Суверов С.Е., канд. юрид. наук;
Фотьянов Н.В.;
Шрайбер А.Н., канд. социол. наук, доцент;
Баньковская Е.Р. (ответственный секретарь).

Текстовое (символьное) электронное издание.
Объем 11 МБ.
Дата подписания к использованию: 29.09.2026.

Системные требования:
PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов.
Адрес: 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49.
ISBN 978-5-94552-665-5

Проблемы совершенствования российского законодательства

Сборник научных трудов, выпускаемый по итогам Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов

Составитель Е.Р. Баньковская
Корректура, компьютерная верстка: В.А. Телегиной
Дизайн обложки: О.С. Ткачевой

Дата подписания к использованию:
29.09.2026

Объем издания: 11 Мб
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)
Тираж: 12 дисков

ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.

НОКСА
БАРНАУЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
МВД
России

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Аникеева Я.Д. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность за преступления, совершаемые должностными лицами 29
Анкин А.П. Уголовно-правовое значение рецидива преступлений и его влияние на назначение наказания *31*
Анциферова К.Д. Необходимая оборона: критерии допустимости и превышение ее пределов 33
Астафьев М.Р. Конфискация имущества, добытого в результате коррупционного поведения 36
Балесная А.О. Общесоциальные меры предупреждения преступности несовершеннолетних: отдельные проблемы и пути их решения 38
Белоусова А.С. Совершенствование уголовно-правовой охраны животных от жестокого обращения: актуальные направления изменения ст. 245 УК РФ 41
Бессонов А.А. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа 44
Буш И.А. Анализ судебной практики по применению ст. 22 УК РФ 46
Ветошкин Р.Р. Совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации путем расширения списка статей с административной преюдицией 49
Галинская А.П. Особенности криминологической характеристики лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ 51
Голикова Е.С. Уголовно-правовые аспекты охраны жилища от посягательства 54
Горина А.Д. Современные тенденции рецидивной преступности и меры ее предупреждения 57
Дмитриева А.А. Дифференцированный подход к определению степени общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ 60
Добровольская Е.М. Предмет преступления и его значение для квалификации противоправного деяния 63
Долгушина А.А. Убийство по просьбе потерпевшего: вопросы законодательной регламентации и квалификации нового привилегированного состава убийства 66
Дрейлинг К.И. Криминологическая характеристика мошенничеств с использованием deepfake-технологий 68
Дробкова А.А. Вопросы квалификации склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов несовершеннолетних 71
Захаренкова К.А. Психологические особенности формирования мотива совершения преступления 74

Зеленова В.В. Квалификация преступных деяний против жизни и здоровья человека 77
Иванашкова Е.И. Вопросы отграничения разбоя от иных преступлений против собственности 79
Иванова А.В. Особенности влияния цифровизации на основы уголовного права в условиях современного общества 82
Ивченко Д.П. Проблемы квалификации незаконной охоты 84
Игнатьева В.В. К вопросу об инновациях в криминальной психологии 87
Ильенко В.Е. Социальные корни преступности: актуальность идей Томаса Мора для современной криминологии 90
Капранчук Д.К. Стадии совершения преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ: вопросы правоприменения 93
Караченцева У.М. Проблемы определения способа мошенничества при совершении сделок с недвижимостью 96
Кигитович Д.А. Криминологическая характеристика отдельных видов преступлений коррупционной направленности 98
Кизилова К.А. Криминологическая характеристика личности киберпреступника 100
Киселева В.Р. Новые тенденции квалификации преступлений медицинских работников по ст. 238 УК РФ 103
Ковалева К.Н. Особенности формирования мотивации осужденных к трудовой деятельности в местах лишения свободы 106
Косенко А.А. Классификация последствий в должностных преступлениях 108
Кошелева К.С. Общественная опасность дипфейков 111
Кудряшова В.В. К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ 113
Кудряшова В.В. Роль философско-правовых воззрений Чезаре Беккариа в современной криминологии 115
Кузнецова А.А. Уголовно-правовой аспект регулирования смертной казни как вида наказания в России 118
Кузьмин П.Г. Татуировки и их смысл: криминологический ретроспективный анализ 120
Ланге А.Г. Актуальность снижения возраста уголовной ответственности по ст. 228.1 УК РФ 122
Лебедева К.А. Проблемы установления субъективных признаков составов преступлений террористической направленности, совершенных несовершеннолетними, вовлеченными в преступную деятельность 125
Левченко А.П. Некоторые проблемы применения института административной преюдиции по правонарушениям, связанным с нанесением побоев 128
Лобова Е.Е. Малозначительность деяния: проблемы отграничения от преступлений и административных правонарушений 130
Логинова А.А. Личность преступника в произведениях Ф.М. Достоевского 133

Лупашко С.Д. Психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния 136
Лютц А.А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего преступление в сфере незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ 138
Максимачева У.Ю. Криминологическая характеристика семейно-бытового насилия в современной России 141
Максименко А.А. Феномен «зацепинга-экстрима» в социальных сетях: особенности уголовной ответственности 144
Малиновский Д.С. Киберспорт как объект уголовно-правового регулирования 146
Мамитько С.А. К вопросу об уголовной ответственности за причинение вреда здоровью во время спортивных состязаний 149
Мартынов Е.И. О некоторых проблемах квалификации преступлений, связанных с похищением человека 152
Масалимова А.В. Системно-институциональные и социально-психологические детерминанты пенитенциарной преступности 154
Матвеенко Д.А. Искусственный интеллект как новый способ мошенничества 157
Мещеряков З.Б. Квалификация действий лица, совершившего преступление под влиянием психического принуждения 159
Миронова К.Б. Современные подходы к уголовным наказаниям: от лишения свободы к альтернативным мерам 162
Мозговых В.И. Проблемы квалификации налоговых преступлений и ответственности в условиях реформирования фискального законодательства 165
Морозова У.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: новая форма хищения или модификация традиционного мошенничества? 167
Мотова А.А. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта 170
Мундусова В.В. Особенности личности интернет-мошенника 173
Мухаметшина С.А. Уголовная ответственность за причинение вреда с согласия потерпевшего 175
Мухарьямова Е.Ю. Ангелы смерти: криминологический портрет 178
Наумова Ю.А. Субъект уголовной ответственности за похищение несовершеннолетнего 180
Ооржак Ч.Ш. Женская преступность: современное состояние и вопросы детерминации 183
Ооржак А.Ш. Криминологическая характеристика насильственной преступности (на примере Республики Тыва) 185
Отрешко А.С. Сравнительно-правовой анализ составов преступлений, предусматривающих ответственность за разбой в России и отдельных странах СНГ 187
Ощепкова Д.В. Фейки и уголовная ответственность в цифровую эпоху: уголовно-правовая оценка их распространения 190

Понамарева А.Н. Уголовно-правовая характеристика дезертирства (ст. 338 УК РФ) 193
Притыкина А.А. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 267.1 УК РФ 196
Прохоров В.Н. Необходимая оборона в российском уголовном праве: вопросы целесообразности изменения закона 199
Пузина А.А. Антикоррупционная экспертиза законопроектов как условие совершенствования российского законодательства 201
Ратнер Е.М. Незаконные клинические исследования: уголовно-правовая оценка 204
Рафикова Е.И. Уголовно-правовое регулирование искусственного интеллекта в России 207
Росинская У.А. Характеристика личности преступника, совершающего грабежи и разбои 210
Ротэрмиль Д.Е. Современные причины преступности в России: анализ концепции Ю.М. Антоняна в контексте современных социально-экономических изменений 213
Рубцов Д.Д. Актуальные проблемы квалификации хищений (по материалам преддипломной практики) 215
Рущук В.Д. Использование «сетевых понятий» в уголовном праве России . 218
Савельева М.О. Динамика насильственных преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних 221
Сидорова В.А. Обстоятельства, смягчающие наказание, как правовой механизм гуманизации уголовной ответственности 224
Смолякова Ю.Н. Личность наркопреступника и виктимологические аспекты профилактики вовлечения в сферу незаконного оборота наркотиков 227
Созонова А.А. Унификация уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за мошенничество 229
Солодовник Е.Д. Роль социальной изоляции в формировании личности несовершеннолетнего преступника 232
Соянова А.А. Преступность как исторический феномен: сценарии будущего в Российской Федерации 234
Суржик А.В. Виктимологический аспект преступлений против половой неприкосновенности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет 237
Тойлонова А.М. Современное состояние и предупреждение преступности военнослужащих в России 240
Токарева В.Е. Профилактика преступности среди несовершеннолетних в деятельности органов внутренних дел: новые подходы в рамках идеологии «заң мен тәртіп» 243
Троян З.В. Тенденции снижения репрессивности наказания в сфере взяточничества (на примере ст. 290 УК РФ) 245
Турдалиев Д.Ж. Проблемы установления квалифицирующего признака «особая жестокость» при изнасиловании 249

Тяпкина М.М. Deepfake-технологии как новый инструмент совершения преступлений: криминологические риски и меры предупреждения 251
Ударцев В.П. Хищение игровых предметов и аккаунтов в Российской Федерации 254
Файзуллин А.И. Понятие и правовая природа дроппера 257
Шабардина М.В. Институт сроков давности в уголовном праве России: социальная обусловленность, критерии дифференциации и пределы действия 259
Шадып А.О. Проблемы квалификации побоев: теоретико-практический анализ 261
Шелмакова А.О. Механизм совершения диверсий: криминологическая модель и пути противодействий 263
Шестерекова К.В. Глобализация и интернет: факторы, влияющие на распространение экстремизма и терроризма 266
Шилова Э.А. Скулшутинг и факторы его проявления в современной России 269
Ширшакова Д.В. Пределы правомерности крайней необходимости при защите нематериальных благ 272
Шкоринова А.С. Теневая экономика как фактор общеуголовной преступности 274
Шмелева А.А. Ошибки в квалификации преступлений (на примере глав 30 и 31 УК РФ) 276
Шнайдер А.В. Повышение эффективности профилактики и правового просвещения в сфере цифровой безопасности 278
Щелокова Е.Е. Кибер-киднеппинг как новая форма похищения человека: проблемы квалификации по ст. 126 УК РФ 280
Юшина В.Д. Судебная практика назначения наказания за коммерческий подкуп: аспекты индивидуализации 284

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Авилов А.В. Оптимизация сокращенного дознания через устранение нормативных дефектов: точечные изменения главы 32.1 УПК РФ 287
Боровков К.А. Адрес-идентификатор как новый способ обеспечения сохранности цифровой валюты в следственных действиях: правовые и технологические риски 291
Буткеева Э.А. Виртуальные ассистенты на базе ИИ для следователя: автоматизация составления протоколов и проверки их соответствия УПК РФ 295
Горина А.Д. Процессуальный статус подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого уголовное дело приостановлено или прекращено в связи с прохождением военной службы 298
Жаркова А.Е. К вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства .. 301

Ибраимов М.Н. Некоторые аспекты возмещения вреда при расследовании уголовных дел 304
Капаницына А.А. Нарушение прав заявителя в стадии возбуждения уголовного дела 307
Колосунин Н.В. Проблемы и перспективы закрепления правового статуса психолога в уголовно-процессуальном законодательстве 310
Коновалов А.Ю. Обеспечение прав и законных интересов лица, в отношении которого прекращается уголовное преследование в порядке ст. 28.2 УПК РФ 313
Кудрявцева А.В. Проблемы доказывания по ст. 106 УК РФ: межотраслевой конфликт права, медицины и психологии 316
Ланге А.Г. Проблема реализации принципа языка уголовного судопроизводства в условиях дистанционного судопроизводства 319
Лапшина А.Е. Проблемы собирания доказательств по IT-преступлениям 322
Маерле А.В. Сравнительно-правовое исследование процессуального порядка привлечения в качестве обвиняемого по законодательству Республики Беларусь 324
Мамелин А.А. Проблемы совершенствования постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого 327
Медведев А.В. Дознание в сокращенной форме: ликвидировать нельзя, модернизировать можно? 330
Мозговых В.И. Обеспечение прав потерпевшего при прекращении уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ на стадии предварительного расследования: созданы ли надлежащие правовые гарантии? 333
Морозова Ю.Н. Процессуальные аспекты и проблемы предварительного исследования доказательств в ходе досудебного производства по уголовным делам 336
Мохирева Ю.М. Обстоятельства, обуславливающие производство следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ 338
Насонова А.М. Презумпция невиновности: проблемы реализации и пути совершенствования 341
Овэс Е.В. Злоупотребления процессуальным правом следователем как недобросовестная реализация процессуальной самостоятельности 343
Пожидаева Д.Д. Уголовно-процессуальные аспекты производства эксгумации 346
Понтелеева М.А. Блокчейн-верификация доказательств в уголовном процессе: технологические основы, правовые риски и перспективы институционализации 349
Поплавская И.С. Баланс публичных и частных интересов при определении места и роли помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях в уголовном судопроизводстве 352

Семенов М.А. Изъятие предметов на этапе возбуждения уголовного дела 355
Тербекова А.А. Реабилитация в уголовном процессе России: понятие, нравственные и теоретические истоки, правовое значение 357
Фоминых К.В. К вопросу об определении электронных доказательств в уголовном судопроизводстве 359
Черкасов А.В. Доказывание в рамках предварительного следствия по делам о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы и вызовы 362

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Амельченко А.П., Гуринович М.Н. Проблемы исполнения постановлений о лишении права управления транспортным средством 366
Андреева И.С. Понятие и этапы проведения профилактической беседы участковым уполномоченным полиции 369
Бакулина Ю.А. Административно-правовое регулирование замены водительских удостоверений как механизм профилактики дорожно-транспортных происшествий 372
Билалов А.Р. Информационные системы в работе участкового уполномоченного полиции: барьеры интеграции и пути повышения мобильности 373
Бугаева П.В. Содержание деятельности участкового уполномоченного полиции по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов 377
Вавилова А.А. Административно-правовая ответственность за симуляцию противоправного деяния 379
Демин В.И. Инновационные формы сотрудничества полиции с общественным активизмом в области безопасности дорожного движения 382
Ефимова М.С. Ответственность должностных лиц за нарушения в сфере государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом 385
Калунина Е.Д. Формы и методы административной деятельности полиции по выявлению, пресечению административных правонарушений, посягающих на права граждан, здоровье населения, общественную нравственность и собственность 388
Капаницына А.А. Особенности реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних, управляющих транспортным средством 390
Коломыцина Е.А. Актуальные проблемы деятельности полиции в обеспечении транспортной безопасности 394
Кузьменко А.В. Вопросы организации взаимодействия участкового уполномоченного полиции с гражданами при проведении профилактического обхода 397

Куликова И.А. Особенности охраны общественного порядка в условиях повышенной террористической и диверсионной угрозы 400
Лагутка Д.М. Проблемы реализации миграционного режима высылки в деятельности полиции: правовые и организационные аспекты 402
Логиновский Д.А. Особенности деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в семейно-бытовой сфере 404
Лымарь В.В. Административно-правовая охрана уникальных экосистем: проблемы правоприменения и профилактика правонарушений на территории национального парка «Куршская коса» 407
Ляпин Н.С. К вопросу об эффективности мер наказания за занятие проституцией 410
Ляпин Н.С. Предварительная проверка информации об административном правонарушении: постановка проблемы 412
Мальцева Э.А. Эффективность программ профилактики правонарушений, реализуемых совместно с общественностью 415
Незнамова О.В. Административная ответственность как вид юридической ответственности 418
Нечаев И.Д. Беспилотные летательные аппараты в обеспечении общественного порядка 420
Никитинский К.А. К вопросу об административно-правовом режиме оборота оружия 423
Новикова М.С. Административно-правовые средства защиты детей от вредоносной информации 426
Пуцелева В.Е. Реестр контролируемых лиц в деятельности полиции при обеспечении охраны общественного порядка 428
Светлов К.С. Некоторые аспекты правового регулирования средств индивидуальной мобильности в Российской Федерации 431
Солдатов Н.В. Правовой анализ вынесения участковым уполномоченным полиции постановления об отказе в возбуждении уголовного дела с последующей его отменой в целях продления срока проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144–145 УПК РФ. 435
Суворова А.А. Административно-правовые механизмы противодействия искусственному дроблению бизнеса в условиях цифровизации налогового контроля 437
Фоминых К.В. Соблюдение прав иностранных граждан при административном выдворении и депортации: анализ материалов судебной практики 440
Хлыстунова Д.В. Совершенствование форм и методов проведения участковым уполномоченным полиции профилактической работы с лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы, условно осужденными, лицами, в отношении которых установлен административный надзор 444
Хышова З.Э. Административно правовой статус сотрудника полиции 447
Шамсутдинов Н.Г. Содержание категории «общественный порядок» 449

Шатилова В.С. Административная ответственность за коррупционные правонарушения в Российской Федерации: особенности правовой регламентации 451
Шмелева А.А. Проблемные аспекты реализации административно-правовых мер борьбы с коррупцией в органах власти и пути их совершенствования 454
Яковлева А.А. Административные правонарушения в области таможенного дела 457
Ялтыртова Ф.А. Особенности взаимодействия органов опеки и попечительства с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации 460

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Балесная А.О. К вопросу об эффективности борьбы с проблемой бездомных животных в Алтайском крае 463
Белоусова А.С. К вопросу о проблемах механизмов защиты прав заемщиков в условиях экономической нестабильности 466
Березиков Е.М. Влияние национальных традиций на исполнение прав и обязанностей супругов в России 469
Булыжкин Д.А. Правовая неопределенность биометрических данных в гражданском праве Российской Федерации 471
Бялик Д.С. Проблематика юридической квалификации результатов творческой деятельности искусственных интеллектуальных систем в рамках российского гражданского законодательства 474
Васильева Д.С. Некоторые аспекты осуществления муниципального водного контроля в России 477
Гринченко К.С. Обязательные требования как инструмент правового воздействия на предпринимательскую деятельность 479
Громаковская А.Д. Некоторые тенденции развития норм гражданского права в сфере ценных бумаг 482
Дехтеренко В.О. К вопросу о правовом регулировании охраны атмосферного воздуха в периоды неблагоприятных метеорологических условий (на примере города Барнаула) 485
Ермеева А.Ф. Проблема верификации объявлений об аренде недвижимости в электронной среде: гражданско-правовые и криминалистические аспекты 488
Камнева А.С. Фиктивный брак: проблемы доказывания и правовые последствия 491
Капаницына А.А. К вопросу об использовании возможностей искусственного интеллекта при составлении гражданско-правовых договоров 494
Караченцева У.М. Налоговый вычет за регистрацию брака как мера государственной поддержки молодых семей 497

Киричек А.А. Проблемы противодействия психологическому насилию в семье 499
Коновалов А.Ю. Введение тарификации для определения размера компенсации морального вреда: pro et contra 502
Круговых Е.Э. К вопросу о гражданско-правовом регулировании отношений, связанных с участием дропперов 505
Лазарева А.Ю. К вопросу об отнесении информации к объекту гражданских прав 507
Лебедева Е.С. Практические аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации в зарубежном законодательстве 510
Леснов Д.Д. Правовая природа маркетплейса: посредник или самостоятельный продавец 513
Леснов Д.Д. Проблема правового регулирования использования электронных платформ при подборе кандидатов на работу 516
Лютых К.А. Проблема выявления оценки цифровых активов при разделе имущества супругов 519
Лютых К.А. Цифровая идентификация личности в Российской Федерации: проблемы ее осуществления 522
Маерле А.В. Проблемные аспекты поддержки семей с детьми 524
Матвеенко Д.А. О некоторых проблемных аспектах применения норм об ОСАГО 527
Матвеенко Д.А. Проблема возмещения экологического вреда в натуре (выполнение восстановительных работ) вместо выплаты денежной компенсации 530
Мозговых В.И. Значение добросовестности в спорах о недействительности сделок 533
Мусаева З.Т. Информационная безопасность детей 537
Пархоменко П.А. Возможность использования инновационных технологий в гражданском судопроизводстве 540
Первушина Е.И. К вопросу признания ребенка, рожденного посредством суррогатного материнства, субъектом наследования и пути решения 544
Поляков С.С. Имущественные права супругов в цифровой экономике: криптоактивы и виртуальное имущество 547
Пупынина А.А. Актуальные вопросы восстановления нарушенных имущественных прав граждан в приграничных регионах России 549
Решетникова М.Д. Раздел интеллектуальной собственности между супругами 552
Савельева Е.Ю. Смарт-контракт: проблемы правового регулирования и судебного доказывания 555
Сачивко А.В., Чалевич И.С. Формы защиты личных неимущественных прав и законных интересов родителей 558
Семендяев С.С. Наследственные права суррогатных детей в России: проблемы правового регулирования и способы их решения 560

Скворцова М.С. Проблемы теории и практики по вопросам ответственности перевозчика за утрату, недоставление и повреждение (порчу) груза или багажа 562
Снурницын Д.А. Проблемные аспекты соглашений об уплате алиментов.... 565
Солдатов Н.В. Обеспечение права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды 568
Сребняк Н.А. Отдельные вопросы дарения между супругами 571
Старовойт Т.А. Лингвистические барьеры на пути к справедливости: актуальные проблемы гражданского права и гражданского процесса..... 573
Томин А.Е. Измена как условие брачного договора 576
Тремиля Е.Д. Недостаток оснований для лишения родительских прав в семейном законодательстве Российской Федерации..... 579
Фарченко Е.Н. Проблемы правоприменения и пути совершенствования законодательства правовых отношений, регулирующих возмещение вреда, причиненного правомерными действиями 581
Филиппова Е.С. К вопросу о правовой природе смарт-контрактов или «умных договоров» 584
Фоминых К.В. Цифровые права как объект гражданского оборота 587
Шамаев С.Ю. К вопросу о соседских правоотношениях в России 590
Шван В.Р. Персонализированная цена как вызов принципу равенства участников гражданского оборота 593
Шван В.Р. Проблемы регулирования труда дистанционных работников: анализ и пути решения..... 595
Шмелева А.А. Соотношение правомочий собственника и права автора на неприкосновенность произведения 598
Шумейко Д.А. Гражданско-правовая ответственность в системе предпринимательских отношений: сущность, функции и механизмы реализации . 600
Щелокова Е.Е. К вопросу о проблемных аспектах мониторинга состояния водных объектов в Алтайском крае 603
Ярова К.А. Проблемы признания брака фиктивным: доктринальные подходы и правоприменительные коллизии 606

МЕЖДУНАРОДНОЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Буш И.А. Регулирование использования искусственного интеллекта в предвыборной агитации Российской Федерации: механизмы обязательной маркировки агитационного контента на выборах 610
Быхалов С.И. Организационно-правовое регулирование предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде в Российской Федерации: актуальные проблемы 613
Глинкова Д.Н. Ограничения конституционных прав в условиях особых правовых режимов..... 614

Ишеналиева А.Т. Конституционные реформы и их влияние на избирательную систему Киргизской Республики 619
Новацкая Е.С. Цифровая трансформация государственного управления миграционными процессами: конституционно-правовой аспект 622
Павлова Е.П. Пути повышения уровня обеспечения права граждан на судебную защиту 624
Хоренженко Д.А. Суверенитет vs надзор: правовые границы деятельности международных наблюдателей в свете принципов ООН и ОБСЕ 628
Ярцева В.Н. Проведение органами прокуратуры Российской Федерации антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, регулирующих конституционные права человека и гражданина 630

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОВД

Бармин И.С. Спортивная деятельность в оперативно-служебной подготовке сотрудников ОВД 634
Безик Ю.С. Оружие массового поражения. Ядерное оружие в современном бою. Его роль, принципы, средства защиты 637
Беседина А.А. Определение статуса лиц, управляющих СИМ 639
Бояринова Е.А. Применение современных фитнес-технологий в системе ППФП 642
Бугаева В.А. Оптимизация мер безопасности с учетом потребностей СВО 646
Быкова Е.Р. Роль огневой подготовки в обеспечении боевой эффективности и выживаемости личного состава в ходе СВО 648
Галанина К.М. Интеграция огневой подготовки с другими видами подготовки 650
Горина А.Д. «Полицейский фитнес» как средство комплексной физической подготовки абитуриентов, поступающих в вузы МВД России 654
Грищенко М.Д. Мероприятия по защите населения и сотрудников органов внутренних дел в условиях чрезвычайной ситуации 656
Ельчищева Я.Е. Исследование боевого потенциала БПЛА при поражении наземных целей и алгоритмы их боевого использования 658
Золова А.Д. Анализ типичных ошибок курсантов образовательных организаций МВД России, возникающих при выполнении упражнений стрельб из пистолета Макарова на начальном этапе изучения учебной дисциплины «Огневая подготовка» и пути их устранения 661
Зотова В.А. Разработка и внедрение инновационных методов тренировки огневой подготовки с использованием современных технологий для сотрудников правоохранительных органов 664
Ищенко М.И. Обеспечение общественного порядка и безопасности силами органов внутренних дел при проведении массовых мероприятий 667
Капаницына А.А. Физическая подготовка как фундамент профессионального здоровья и долголетия сотрудников ОВД 669

Караченцева У.М. Проблема внедрения беспилотных летательных систем в деятельность органов внутренних дел и их применения при выполнении служебных задач 672
Карелина К.А. Методы повышения стабильности удержания оружия 674
Карнаухова Я.А. Обеспечение личной безопасности сотрудников полиции при выполнении ими служебно-боевых задач в условиях необходимой обороны и крайней необходимости 677
Козлов В.И. Инженерное оборудование. Невзрывные инженерные заграждения 680
Кузнецова В.В. Особенности выработки стрелковых навыков у курсантов вузов МВД России 682
Лозинова К.И. Влияние экстремальных условий в профессиональной деятельности на физическую подготовленность и психоэмоциональное состояние сотрудников полиции 685
Мамошина А.В. Использование информационных технологий в правоохранительной деятельности. Системы видеофиксации 689
Мануйлова А.А. Проблемы личной безопасности сотрудников органов внутренних дел 692
Морозова У.В. Проблемные аспекты получения пространственных данных беспилотными летательными аппаратами 696
Огнева С.В. Особенности прицеливания из пистолета Макарова у стрелков с миопическим астигматизмом: диагностика трудностей и корректировка процесса обучения 698
Отрешко А.С. Особенности тактических приемов пресечения преступлений нарядами полиции, связанных с грабежом и разбоем 700
Прокофьев М.С. Формирование мотивации к физической активности у пожилых людей: социальный подход 703
Пушкарева Д.А. Обучение броскам через спину на практических занятиях по физической подготовке в образовательных организациях 705
Рубцова О.А. Цифровая трансформация огневой подготовки: анализ эффективности иммерсивных технологий и игровых симуляторов в формировании когнитивных и моторных навыков сотрудников силовых структур 708
Сидоренко Н.В. Особенности тактических приемов задержания сотрудниками полиции несовершеннолетних при совершении ими правонарушений 711
Сорокопуд В.А. Отравляющие вещества: физиологическое воздействие на организм человека, снаряжение ими боеприпасов 714
Степкина С.П. Эволюция методов огневой подготовки: переход от классических стратегий к цифровым технологиям в практике правоохранительных органов и спецподразделений 716
Стригунов К.Е. Проблема личной безопасности сотрудника при проведении проверки документов и личного обыска: синтез тактики, психологии и права 720
Тихонова В.В. Методика формирования навыков безопасного обращения с оружием в условиях повседневного ношения 723

Трофименко В.Е. Тактико-специальная подготовка как фактор повышения боевой устойчивости и эффективности сотрудников ОВД 725
Федорова С.А. Противодействие беспилотных летательных аппаратов по опыту специальной военной операции 728
Харахордин И.А. Особенности использования технологий искусственного интеллекта для минимизации угроз личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач 731
Хоренженко Д.А. Применение искусственного интеллекта в процессе физической подготовки 733
Хоренженко Д.А. Применение современных технологий в процессе обучения тактико-специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России 736
Шульга К.С. Использование беспилотных воздушных судов для пресечения массовых беспорядков сотрудниками полиции в современных условиях..... 738

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Абраменко А.А. Развитие культурной эмпатии у сотрудников органов внутренних дел 741
Авилов А.В. Проблемы при выявлении состояния аффекта и способы их решения 744
Авилова Д.А. Математическая модель оценки риска экстремистского поведения в социальных сетях на основе методов профайлинга..... 747
Алексеева П.Н. Совершенствование правового регулирования биометрических данных на основе оценки рисков спуфинг-атак в рамках ФЗ-572 749
Анищенко Я.В. Особенности психологической адаптации обучающихся в вузах МВД 752
Баишев П.С. Психологические аспекты подготовки сотрудников ОВД к взаимодействию со СМИ и работе в условиях повышенного общественного внимания и информационного давления на примере резонансных событий, связанных со скулшутингом..... 754
Балтукова В.М., Гарц Я.М. Межкультурная компетентность сотрудника органов внутренних дел как фактор снижения конфликтных ситуаций в многонациональной среде 757
Белик Ю.М. Проблемы формирования психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к негативному информационно-психологическому влиянию 760
Блюм А.Ю. Роль переводчиков и лингвистов в поддержке полицейской деятельности: проблемы и перспективы..... 762
Блюм А.Ю. Русский жестовый язык в правоохранительной практике сотрудников органов внутренних дел 765
Боровков К.А. Роль мотивации и дисциплины в профессиональном самоопределении личности следователя органов внутренних дел 768

Брагина М.М. Межкультурное взаимодействие и языковая подготовка сотрудников органов внутренних дел 770
Валиева А.И. Эмоциональное выгорание сотрудников полиции: причины и профилактика 772
Волкова А.В. Культурный интеллект как ключевая компетенция современного полицейского: модели оценки и обучения 775
Воронов К.М. Объяснение потерпевшего: дискурсивное описание 777
Гладкова А.П. Отклонение от акцентологических норм в юридической речи: профессиональный жаргон или ошибка? 780
Гмыря А.А. Попытки ограничения суверенитета России со стороны Запада в 20-е годы XXI века 783
Горобец Е.В. К вопросу о сохранности и развитии русского языка 785
Гребенщикова В.С. Психологический портрет преступников, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних 787
Демин В.А. К вопросу о противодействии экстремизму в современном мире 790
Демин В.И. Разграничение понятий «источник права» и «форма права» в современной юридической науке 792
Демкив Д.И. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции курсантов средствами иностранного языка 795
Демура А.В. Особенности правового регулирования деятельности органов полиции в зоне СВО 798
Дешко Н.А. Фронтовые письма как воспитательный ресурс: связь поколений через строки 801
Дик Т.Д. Автоматизация правосудия в условиях развития искусственного интеллекта 804
Дунгаа З.А. Психологическая устойчивость сотрудников отделов охраны уголовно-исполнительной системы в условиях несения службы с оружием 806
Дускалиева Д.А. К вопросу о мерах противодействия терроризму и экстремизму (на примере образовательной организации МВД России) 809
Дьяконова А.И. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся Барнаульского юридического института МВД России 812
Ермилова Д.Д. Причины преступности несовершеннолетних и уголовно-правовые меры борьбы с ней в советский период 814
Есюнина Ю.А. Механизмы формирования психологической устойчивости сотрудников ОВД к деструктивному информационно-психологическому воздействию 817
Есюнина Ю.А. Негативное информационно-психологическое воздействие как фактор вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность 820
Ефимова М.С. О роли психологических знаний в профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции 823

Жеребцов А.С. Борьба с «космополитизмом» как правовой феномен: идеологическая доктрина и ее имплементация в советское право (1946–1953 гг.) 825
Жерихова Р.А. О некоторых мерах противодействия террористической идеологии среди молодежи 829
Жолобова Д.Н. Факторы учебной мотивации студентов в контексте теории самодетерминации 832
Золотарева Р.В. Криминальная субкультура цифровой эпохи: сравнительно-правовой и психологический анализ личности киберпреступника и традиционного вора 834
Ильин К.А. Исторические примеры фрагментарности российского законодательства в XVIII – первой половине XIX вв. 837
Калиневич Г.С. Проблема косвенной и внутренней пропаганды экстремизма в социуме 839
Камышникова К.В. Роль культуры речи в профессиональной деятельности сотрудников ОВД 841
Караулова Я.Д. Национальная специфика речевого поведения русских в сравнении с другими народами 843
Карначева Ю.С. Влияние интеграции и социальной адаптации мигрантов на содержание правового статуса личности 846
Квон А.А. Вопрос этики при использовании искусственного интеллекта 849
Киршон К.А. Государственная политика Российской Федерации по сохранению традиционных ценностей 852
Комарова К.В. Особенности языковой подготовки обучающихся юридических вузов МВД в целях повышения научной квалификации в адъюнктуре 854
Коцкий Б.Э. Психологические аспекты раскрытия серийных преступлений против личности (на примере дела А.Р. Чикатило) 857
Кривоносова А.В. Некоторые вопросы сравнительного анализа работы полиции России и Великобритании 860
Кузнецова А.А. Преодоление манипулятивного воздействия со стороны участников уголовного судопроизводства на этапе предварительного расследования 863
Кузьмиченко Д.А. Проблемы культурной адаптации иностранных слушателей в Барнаульском юридическом институте МВД России 866
Ланге А.Г. Влияние изменений в миграционном законодательстве Российской Федерации на реализацию права на образование детьми мигрантов 869
Лапченко Т.Д. Проблемные аспекты противодействия экстремизму и терроризму в молодежной среде 871
Леоневский К.А. Механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую активность в сети Интернет 874
Леонова А.М. Этнокультурная компетентность сотрудника полиции 877
Литвинова Д.Л. Выявление лиц экстремистской направленности посредством профайлинга 880

Литовкин П.А. Понятие, сущность и признаки акта международного терроризма 882
Луконин И.О. Учет культурных традиций и норм поведения в работе сотрудников органов внутренних дел 885
Матвеенко Д.А. Проблемы в сфере ведомственного здравоохранения сотрудников органов внутренних дел 887
Милакин В.М. Обработка персональных данных в органах внутренних дел: проблемы правоприменения 890
Минаева А.С. Языковая подготовка сотрудников органов внутренних дел как фактор профессиональной деятельности 893
Михейцев К.Г. Патриотизм глазами курсантов образовательной организации МВД России 896
Моисеева А.П. Сравнительно-правовой анализ законодательств зарубежных стран в сфере борьбы с терроризмом 900
Молчанова О.А. Механизмы психологической адаптации слушателей в образовательном пространстве как часть профессионального становления полицейского 902
Момбеков Б.Б. Межкультурная коммуникация в деятельности органов внутренних дел: проблемы и пути решения 905
Морозова А.С. Цифровой аватар умершего: перспективы развития и проблемы правового регулирования 908
Московченко А.В. Особенности языковой компетентности сотрудников органов внутренних дел 911
Мухнурова Д.Р. Специфика межкультурного взаимодействия в деятельности сотрудников органов внутренних дел: проблемы языковой подготовки 913
Никитенко В.М. Эволюция законодательства о полиции: от «устава благочиния» 1782 г. до ФЗ «о полиции» 2011 г. 916
Никонович Б.В. Особенности участия сотрудников НКВД в организации партизанской деятельности в Крыму в годы Великой Отечественной войны 920
Новохатько В.А. Конфликтогены в межличностном общении курсантов вузов МВД (по материалам исследования в Барнаульском юридическом институте МВД России) 922
Огнева С.В. Особенности эмоционального интеллекта курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России 925
Огнева С.В. Трансформация профессионального дискурса сотрудника ОВД в условиях лингвистического пуризма: конфликт между юридической нормой и потребностями межкультурного диалога 928
Осокин Е.С. История политического убежища: СССР – Российская Федерация 931
Папшуова Д.Н. Языковая подготовка как инструмент профилактики этноконфликтных ситуаций на улице и в общественных местах 934

Паршикова Д.Е. Отношение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к психологической помощи (на примере сотрудников ОВД России, привлекаемых к несению службы в особых условиях) 936
Паршикова Д.Е. Проблемные вопросы правового регулирования искусственного интеллекта 939
Пастухова Е.А. Речевой портрет сотрудника полиции в публичном пространстве 942
Петрова М.Н. Правовое воспитание молодого поколения в условиях современных реалий и вызовов 945
Пищальникова Е.Р., Черепанова О.О. Роль AI-систем в современном процессе изучения английского языка 947
Поваляева М.Е. Феномен самооговора: почему невиновный человек может признаться в преступлении? 950
Полонникова Д.А. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций 953
Польщикова А.Д. Проблемы реализации социальных прав участников и ветеранов специальной военной операции, членов их семей 955
Попова Е.В. Использование информационных технологий в террористической деятельности 958
Призова К.С. Психологические аспекты повышения доверия населения к участковым уполномоченным полиции 960
Прокопьев С.И. Коммуникативные качества сотрудников органов внутренних дел как условие эффективной профессиональной деятельности .. 963
Просянок К.В. Психологическая устойчивость как фактор обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД 966
Пуцелева В.Е. Законодательные меры против дропперства: новые нормы и их эффективность 969
Ревякина А.А. Влияние массовой культуры на сознание молодежи 971
Ремезова Ю.Ю. Применение техник майндфулнес для повышения эффективности и снижения вероятности ошибок у сотрудников ОВД, проводящих прием граждан 974
Решетникова М.Д. Правовой статус ученого в образовательных организациях системы МВД 977
Роженцева А.В. Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет в Российской Федерации 980
Рыбакова А.Я. Жестовый язык на службе закона: интеграция РЖЯ в профессиональную подготовку 982
Самсонова К.А. Специфика межпоколенческих конфликтов в оценках курсантов БЮИ МВД России 986
Синицына А.А. Психолого-педагогические и этические подходы к коррекции ценностно-смысловой сферы осужденных с наркотической зависимостью в пенитенциарной системе 989
Соколянская В.А. Кибертерроризм: атаки на критическую инфраструктуру как новая форма асимметричной войны 991

Тедеев И.Я. Средства массовой информации как средство противодействия преступности в условиях глобальных вызовов 993
Темірбай С.Қ. Обеспечение прав человека в Республике Казахстан 996
Ткаченко А.В. Этический образ сотрудника полиции XIX века..... 999
Токарева К.В. Терроризм как угроза современности: причины и предупреждение..... 1002
Трещенко Е.В. О мотивах прохождения государственной службы в органах внутренних дел в особых условиях (на примере УМВД России по Калининградской области)..... 1004
Трубач Э.Э. Ведение переговоров с террористами: организационные, тактические и психологические аспекты..... 1007
Тутова В.С. Скрытые интенции как прагмалингвистическая составляющая речевого поведения коммуниканта..... 1010
Ушмаева А.А. Обеспечение прав несовершеннолетних путем участия психолога на стадии возбуждения уголовного дела по делам о преступлениях против половой неприкосновенности 1013
Фарченко Е.Н. Проблемы межкультурной коммуникации сотрудников полиции в многонациональной среде 1015
Фирсов Р.Е. Применение современных технологий в обучении сотрудников органов внутренних дел..... 1017
Фоминых К.В. Реализация социальных гарантий участников СВО и членов их семей: проблемы правоприменения..... 1019
Хабибуллина Г.Р. К вопросу формирования навыков межкультурной коммуникации у юристов..... 1023
Харахордин И.А. Правовые и профилактические аспекты применения технологии «киберщит» в контексте цифровой трансформации антиэкстремистской деятельности..... 1025
Цодикова Я.И. Социальная архитектура эмоционального выгорания: институциональные, цифровые и социокультурные детерминанты 1028
Чекуряева А.А. Изучение иностранного языка обучающимися в высших образовательных учреждениях МВД России..... 1031
Черепанова О.О. Образ кошки в культурах Алтая в оценках студенческой молодежи (по материалам исследования в Барнаульском юридическом институте МВД России)..... 1033
Черненко А.В. Проблемы социального сиротства (на примере Алтайского края)..... 1036
Шатилова В.С. Деятельность коллегии адвокатов Новосибирской области по организации наставничества и стажировки в период Великой Отечественной войны 1039
Шекунова А.В. Факты о Берлинской стене..... 1041
Шилин Н.С. Взаимодействие ОВД с национальными диаспорами в сфере противодействия экстремизму и терроризму..... 1043
Штейн С.Э. Языковая подготовка как инструмент межкультурного профессионального взаимодействия сотрудников полиции 1046

Щуровский Л.И. Реализация статьи 31 Конституции Российской Федерации в контексте противодействия экстремистской деятельности 1048
Яцечко О.Г Необходимость языковой подготовки сотрудников органов внутренних дел в современном мире 1051

КРИМИНАЛИСТИКА

Айжаркын Р.К. Тактические приемы преодоления конфликтных ситуаций при допросе подозреваемого 1054
Бакалдина А.М. Особенности методики раскрытия и расследования дропперства 1058
Бережная Д.А. Использование 3D-технологий при производстве следственных действий 1060
Богданова Е.В. Особенности применения беспилотных авиационных систем сотрудниками полиции при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1063
Богданчикова А.А. Мошенничество в сфере социальных проектов на примере «Пушкинской карты» 1065
Валиева А.И. Исследование фонограмм, созданных с применением технологий синтеза и клонирования голоса (deep fake audio) 1067
Галиева Р.Ф. Идентификация личности в раскрытии и расследовании преступлений 1070
Галлямитдинов Д.Э. Базовые элементы криминалистической характеристики преступлений, совершенных в составе организованной группы 1072
Галлямов Б.А. Методика расследования мошенничества на маркетплейсах с использованием подставных аккаунтов 1075
Гафарова В.Э. Проблемы, возникающие в расследовании преступлений прошлых лет, и пути их решения 1077
Герасимова Д.В. Организационно-тактическая деятельность следователя при подготовке к очной ставке 1080
Жильцов Е.А. Значение анализа элементов криминалистической характеристики в раскрытии и расследовании незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 1083
Зиборов К.О. Отдельные аспекты использования специальных знаний при расследовании мошенничеств, совершенных с применением электронных средств платежа 1086
Иванова М.Д. К вопросу о некоторых особенностях расследования хулиганства 1089
Идрисова А.Р. Актуальные вопросы взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений и органов дознания при раскрытии и расследовании преступлений 1092
Караваева В.А. Тактические особенности работы с биологическими следами в рамках производства осмотра места происшествия 1094

Караченцева У.М. Методика расследования хищений на маркетплейсах .. 1097
Кузнецова А.А. Практические и теоретические вопросы расследования преступлений в условиях ведения специальной военной операции 1100
Лебедев Д.В. К вопросу об особенностях производства осмотра места происшествия при расследовании киберпреступлений 1102
Молокова Т.Н., Своеволина А.А. Проблемы использования признаков внешнего облика человека в расследовании преступлений 1105
Нерович О.О. Использование искусственного интеллекта при изготовлении субъективного портрета 1107
Неудахин В.А. Знание баллистики. Баллистика и ее применение при осмотре места происшествия по делам о незаконной охоте..... 1109
Полонникова Д.А. Особенности расследования ДТП с участием средств индивидуальной мобильности 1113
Раисова М.Б. Криминалистические методики и технологии в установлении личности человека..... 1116
Рябых Д.О. Проблемы расследования преступлений в сфере оборота криптовалют..... 1118
Сабулова К.А. Уэйлинг и псевдофранчайзинг как новые способы финансового мошенничества: их особенности и методика раскрытия и расследования..... 1121
Самусенко Р.Р. Особенности исследования литий-ионных аккумуляторных батарей при производстве пожарно-технической экспертизы 1123
Сенина С.М. Идентификация виновного лица посредством анализа компьютерного почерка: миф или реальность? 1126
Симонян А.Г. Особенности проведения судебной психофизиологической экспертизы в ходе расследования преступлений 1129
Синицын Я.А. Актуальные проблемы расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных несовершеннолетними 1131
Синяков П.П. Проблемы, связанные с хранением вещественных доказательств по уголовным делам..... 1134
Солодовник Е.Д. Проблемы проведения следственных действий в Арктической зоне Российской Федерации и пути их решения 1136
Султанова А.А. Проблематика и перспективы повышения эффективности выявления, раскрытия и расследования преступлений средствами современной криминалистики 1139
Татаринова А.С. Актуальные проблемы расследования преступлений в экологической сфере 1141
Трофименко В.Е. Информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет) как обстановка совершения незаконного сбыта наркотических средств..... 1144
Умрихина В.И. Тактико-психологические аспекты допроса профессиональных преступников: от противодействия к признанию 1147
Ушмаева А.А. Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступлений экстремистской направлен-

ности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет 1150
Хныкина Е.А. О некоторых способах совершения организации незаконной миграции 1152
Худоба А.А. К вопросу о возможности внедрения искусственного интеллекта в дактилоскопию 1155
Циликина В.А. Современные способы буллинга подростков: проблемы расследования 1158
Чичканова Т.Ю. Использование технологий искусственного интеллекта при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации 1160
Шагдуров А.Н. Особенности расследования мошенничества, совершенного с помощью информационно-коммуникационных технологий 1163
Шаманина Ю.С. Современные способы совершения незаконного сбыта наркотических средств: проблемы выявления и расследования 1165
Шульга К.С. Способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых в пенитенциарных учреждениях 1168
Шулятицкий И.А. Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений: технологические возможности и процессуальные границы 1170

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аферина А.А. Деятельность оперативных подразделений по раскрытию преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних 1173
Басюбина А.А. Взаимодействие оперативных подразделений ФСИН с территориальными органами МВД и ФСБ в расследовании преступлений, готовящихся или совершаемых осужденными 1176
Бодрова Н.С. Применение данных оперативной-розыскной деятельности в уголовном процессе 1178
Бугаева В.А. Предупреждение преступности среди несовершеннолетних. 1181
Гермаш И.Ю. Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам 1183
Егоров В.А. Особенности выявления и документирования деятельности дропперов в оперативно-розыскной деятельности 1185
Зозуля М.В. Проблема соотношения задачи выявления преступлений с основаниями проведения оперативно-розыскных мероприятий 1189
Кобзева Е.В. Проблемы анализа результатов оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров», проводимых в отношении иностранных граждан 1192
Коваль Ю.Р. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного расследования и оперативных подразделений в процессе доказывания по уголовному делу 1194

Козлова В.А. Совершенствование российского законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности 1197
Косинова В.Ф. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации 1200
Костюченко В.П. Оперативно-розыскная деятельность в эпоху «цифрового слома»: методологические ловушки и технологические вызовы современности 1203
Лапшина А.Е. Оперативно-розыскная характеристика личности несовершеннолетнего скулшутера (по материалам оперативных подразделений)... 1205
Леоневский К.А. Пробелы в правовом регулировании взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и участников уголовного судопроизводства как фактор, сдерживающий раскрытие преступлений 1207
Максименко А.А. Проблема судебного санкционирования ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан: баланс между тайной следствия и защитой прав человека 1209
Морозова У.В. Отграничение оперативного-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации» от «Снятия информации с технических каналов связи»: постановка проблемы и пути решения..... 1212
Орлова А.А. Особенности взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность 1213
Панфиленко В.В. Оперативно-розыскная деятельность: познавательный аспект и результаты..... 1216
Полонникова Д.А. Особенности применения искусственного интеллекта при производстве отдельных оперативно-розыскных мероприятий 1218
Синицын А.М. Оперативное внедрение как комплексное оперативно-розыскное мероприятие: теоретико-правовой анализ 1221
Ситникова С.А. Проблемы реализации оперативно-розыскного обеспечения безопасности защищаемых лиц 1224
Солодовник Е.Д. Роль оперативно-розыскной деятельности в предупреждении преступлений 1227
Старкова Л.В. Особенности планирования и организации ОРМ по выявлению взяточничества 1229
Тербекова А.А. Правовое регулирование ответственности лиц за нарушение прав и свобод человека и гражданина в результате оперативно-розыскной деятельности 1232
Токарева А.А. Использование искусственного интеллекта в оперативно-служебной деятельности: возможности и вызовы 1235
Трофименко В.Е. Оперативно-розыскное сопровождение расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств посредством сети Интернет..... 1238
Турыгина А.Д. Права личности в оперативно-розыскной деятельности . 1240

Ушмаева А.А. Особенности расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет 1243
Черненко А.А. Роль мессенджера «Макс» в современной системе оперативно-розыскного противодействия мошенничеству..... 1245
Шелмакова А.О. Проблемы участия в уголовном процессе лиц, оказывающих конфиденциальное содействие 1248
Шнайдер А.В. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире .. 1250

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

***Я.Д. Аникеева**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***К.Р. Абызов**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ

Механизмы освобождения от уголовно-правовой ответственности служащих представляют собой особую группу правовых гарантий, через которые уголовное право воспринимает специфику публичной службы и ее рисковый характер. Эти юридические конструкции позволяют отличать социально оправданное поведение представителя власти от посягательств, совершенных с использованием статуса.

Внимание исследователей и практиков сосредоточено, прежде всего, на тех ситуациях, когда внешне присутствуют все признаки преступного деяния, но закон допускает отказ от наказания из-за особых условий его совершения [1, с. 35–37].

Общую нормативную рамку формирует гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, где закреплен перечень таких оснований: необходимая оборона, крайняя необходимость, исполнение приказа или распоряжения, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск.

Особое место занимает институт крайней необходимости, урегулированный ст. 39 УК РФ. Речь идет о случаях, когда лицо вынуждено причинить вред охраняемым уголовным законам интересам для предотвращения более значительной угрозы государству, обществу или отдельному человеку, и при этом такую опасность нельзя было устранить иным способом, а причиненный ущерб не выходит за пределы допустимого.

Для представителей власти подобные ситуации возникают при принятии экстренных управленческих или фактических решений, направленных на предотвращение вреда жизни и здоровью граждан, крупным имущественным комплексам, объектам массового пребывания людей.

Так, к примеру, сотрудник полиции при задержании вооруженного правонарушителя может использовать специальные средства и огнестрельное оружие, если промедление создает непосредственную угрозу окружающим.

Институт крайней необходимости, будучи правильно истолкован, защищает служащего от необоснованных обвинений, когда он действует в интересах охраны более значимых благ.

Сходную защитную функцию выполняет и необходимая оборона, предусмотренная ст. 37 УК РФ: причинение вреда нападающему оправдано, когда имело место общественно опасное посягательство, а ответные действия обороняющегося не выходили за установленные пределы.

Для работников правоохранительных органов это особенно актуально при пресечении агрессивного сопротивления либо массовых нарушений порядка, когда требуется силовое воздействие для защиты третьих лиц и охраняемых законом интересов службы.

Значительную долю специфики вносит выполнение приказа или распоряжения, регулируемое ст. 42 УК РФ. Сфера военной службы и деятельность государственных органов строятся на жесткой системе подчиненности, что нередко ставит исполнителя перед выбором между повиновением и оценкой законности полученных указаний.

Ответственность исключается, когда подчиненный реализует законный приказ, изданный компетентным руководителем и не противоречащий правовым нормам. Если же распоряжение очевидно незаконно, исполнителю вменяются последствия его действий на общих основаниях, поскольку подчиненный не освобождается от обязанности критически оценивать полученные команды [2, с. 113–114].

Аналогичным образом оценивается и ситуация физического принуждения, описанная в ст. 40 УК РФ: лицо не подлежит наказанию, когда насильственное воздействие или угроза настолько интенсивны, что полностью лишают возможности контролировать собственное поведение.

Для государевых служащих это может выражаться в воздействии организованных преступных структур, которые силой или угрозой расправы вынуждают совершить противоправный акт. При правовой оценке подобных эпизодов анализируются характер насилия, реальность угроз и наличие реальных шансов сопротивления либо обращения за защитой.

Институт обоснованного риска, предусмотренный ст. 41 УК РФ, особенно заметен в управленческих и экономических решениях, принимаемых высшими должностными лицами. Закон допускает отступление от обычных требований, если сознательное допущение потенциального вреда преследует достижение социально значимой цели и если избранный вариант действий был объективно необходим для разрешения сложившейся ситуации.

При этом когда государственный управленец, например министр, инициирует масштабную реформу, сопряженную с краткосрочными негативными последствиями, правовая оценка его поведения опирается на критерии разумности, добросовестности и соразмерности ожидаемого результата предполагаемым потерям.

В совокупности перечисленные институты образуют продуманную систему юридических фильтров, которая, с одной стороны, охраняет представителей власти от необоснованного преследования, а с другой – фиксирует пределы допустимого использования властных полномочий.

Осознание этих пределов и корректное применение соответствующих норм в практической деятельности способствует укреплению доверия общества

к публичной власти, формированию профессиональной правовой культуры служащих и более справедливому разрешению уголовных дел, связанных с функционированием государственного аппарата.

Литература

1. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: проблемы теории и практики: учеб. пособие. М.: РГУП, 2017. 140 с.

2. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. / ответственный ред. В. М. Лебедев. М.: Издательство Юрайт, 2026. Т. 1. Общая часть. 316 с.

***А.П. Анкин**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.П. Детков**, доктор юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ

Верное уголовно-правовое понимание такой формы множественности как рецидив преступления позволяет применять к лицам, совершившим общественно опасные деяния, справедливые и соразмерные меры наказания. Актуальность избранной темы обусловлена и тем обстоятельством, что, согласно данным судебной статистики, в нашем государстве около 50 % лиц, совершивших преступление, уже имеют неснятую и непогашеную судимость.

Понятие и виды рецидива раскрываются в ст. 18 УК РФ, а правила его учета при назначении наказания изложены в ст. 68 УК РФ. В частности, согласно ч. 2 ст. 68 УК РФ, срок наказания при любом виде рецидива не может быть менее 1/3 части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. При этом ч. 3 ст. 68 УК РФ допускает возможность назначения наказания нижеуказанного предела при наличии смягчающих обстоятельств.

Г.И. Чечель справедливо акцентирует внимание на необходимости дифференциации ответственности в зависимости от вида рецидива [5, с. 93]. Заметим, что теоретические основы рецидива как вида множественности преступлений раскрываются в работах И.Г. Возжанниковой [3, с. 34].

Несмотря на обилие теоретических работ, единообразия судебной практики при применении ст. 68 УК РФ достичь пока что не удалось, что подтверждается изученными нами эмпирическими материалами.

Так, нами были изучены обвинительные приговоры, вынесенные в 2024–2026 гг. районными судами г. Барнаула, а также апелляционные постановления Алтайского краевого суда, что позволило выявить следующие проблемы:

1. Формальный подход к применению ч. 3 ст. 68 УК РФ. Данная норма позволяет суду при любом виде рецидива назначить наказание менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ. Однако суды зачастую отказывают в применении этой нормы без достаточного обоснования. Например, в апелляционном постановлении Алтайского краевого суда от 05.09.2025 по делу № 22-3307/2025 отмечается, что положения ч. 3 ст. 68 УК РФ не являются императивными, и вопрос об их применении разрешается судом в каждом конкретном случае с учетом установленных фактических обстоятельств совершенных преступлений, личности осужденного и других обстоятельств дела. Суд пришел к выводу об отсутствии оснований для применения ч. 3 ст. 68 УК РФ, при этом не были раскрыты указанные им значимые условия для принятия этого решения [1].

2. Неверное определение вида уголовно-правового рецидива (простой, опасный, особо опасный) опосредует несправедливость назначенного наказания (его срока, размера) и вида исправительного учреждения. Характерной иллюстрацией является апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 27.09.2024 № 22-4193/2024, вынесенное в отношении Б., К. и Ш. При рассмотрении дела апелляционная инстанция констатировала, что ошибочное указание на опасный рецидив при отсутствии к тому предусмотренных законом оснований послужило причиной изменения приговора. Обобщение практики показывает, что подобные ошибки, как правило, являются следствием формальной проверки данных о судимости и неправильного применения ст. 18 УК РФ [2].

Проведенный анализ судебной практики районных судов г. Барнаула и Алтайского краевого суда позволил установить ряд проблем, для устранения которых нами предлагаются следующие меры:

Во-первых, дополнить п. 47 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» абзацем следующего содержания: «При наличии любого смягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктами “и” или “к” части 1 статьи 61 УК РФ, суд обязан в описательно-мотивировочной части приговора обсудить вопрос о применении части 3 статьи 68 УК РФ и изложить мотивы, по которым он пришел к выводу о невозможности назначения наказания без учета правил рецидива. Отсутствие в приговоре такой мотивировки является основанием для изменения или отмены приговора судом апелляционной инстанции» [4].

Во-вторых, изложить ч. 3 ст. 68 УК РФ в новой редакции: «3. При любом виде рецидива преступлений, если судом установлены смягчающие обстоятельства, предусмотренные пунктами “и” и (или) “к” части первой статьи 61 настоящего Кодекса, срок наказания может быть назначен менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи

Особенной части настоящего Кодекса. При наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных статьей 64 настоящего Кодекса, может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление».

В-третьих, Управлению Судебного департамента в Алтайском крае целесообразно организовать ежегодные семинары-совещания с судьями районных судов г. Барнаула, посвященные вопросам единообразия применения ст. 68 УК РФ, с обязательным разбором апелляционной практики Алтайского краевого суда.

Проведенный анализ судебной практики судов г. Барнаула свидетельствует о наличии системных проблем при назначении наказания при рецидиве преступлений и подтверждает необходимость как законодательных корректировок, так и совершенствования правоприменительной деятельности.

Литература

1. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 05.09.2025 № 22-3307/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 10.04.2026).

2. Апелляционное постановление Алтайского краевого суда от 27.09.2024 № 22-4193/2024 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 10.04.2026).

3. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2014. 112 с.

4. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Чечель Г.И. Индивидуализация как принцип назначения наказания // Наука. Инновации. Технологии. 2004. № 36. С. 92–94.

***К.Д. Анциферова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.В. Тыдыкова**, доктор юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ И ПРЕВЫШЕНИЕ ЕЕ ПРЕДЕЛОВ

Статья 37 УК РФ закрепляет право на защиту себя и других лиц от посягательств, которые могут быть как сопряженными с насилием, опасным для жизни, (угрозой такого насилия), так и не представлять опасности для жизни.

Наличие данной уголовно-правовой нормы базируется на общетеоретическом принципе верховенства прав и свобод человека и гражданина.

В отечественном уголовном законе необходимая оборона рассматривается как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Это означает, что действия обороняющегося не признаются преступлением (в его деянии не будет установлен состав преступления), если они соответствуют установленным критериям, которые раскрываются в доктрине, законодательстве и судебных решениях. Нередко анализ реализации данной нормы вызывает ожесточенные дискуссии как среди теоретиков, так и практиков [1, с. 68–71]. Думается, что изложенная проблема заключается в том, что далеко не во всех случаях лица реализовывают предоставленное им право согласно необходимым для этого условиям.

В уголовном праве можно выделить два вида необходимой обороны:

– без превышения ее пределов;

– с превышением ее пределов.

Для признания необходимой обороны правомерной, важно соблюсти несколько критериев:

1. Посягательство должно быть объективно общественно опасным и реальным. Необходима реальная опасность для жизни, здоровья, имущества или же иных охраняемых законом интересов. Помимо этого нельзя признать необходимую оборону правомерной в случаях уже завершенного посягательства (ч. 1 ст. 37 УК РФ).

2. Посягательство не должно быть мнимым. В случаях, когда лицо ошибочно полагает, что на него нападают, а реальной угрозы нет, его действия не могут быть квалифицированы как соответствующие ст. 37 УК РФ.

3. Причинение вреда только нападающему. Защита лица от посягательства не должна быть направлена к третьим лицам. Причинение вреда посторонним лицам исключает квалификацию действий как необходимой обороны.

4. Действия обороняющегося лица должны соответствовать характеру и степени опасности преступного посягательства. Это оценочная категория, и окончательное решение о соразмерности принимает суд. Однако закон допускает, что вред, причиненный нападающему, может быть больше того, который он успел нанести или мог нанести (ч. 2 и ч. 2.1 ст. 37 УК РФ).

Превышение пределов необходимой обороны – это умышленные действия обороняющегося, которые явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства. То есть отсутствует один из обязательных признаков, являющихся ключевым критерием для признания необходимой обороны правомерной (соответствующий уровень общественной опасности).

Выделим следующие признаки превышения пределов необходимой обороны:

– использование чрезмерной силы или средств защиты, явно несоответствующих посягательству (например, применение огнестрельного оружия в отношении лица, пытающегося ударить потерпевшего);

– продолжение оборонительных действий после того, как посягательство прекратилось (например, после того, как лицо нанесло несколько ударов потерпевшему и он упал дальнейшие удары прекращаются, лицо пытается покинуть место конфликта, но потерпевший сзади наносит удар по голове предметом, используемым в качестве оружия);

– отсутствие реальной угрозы (например, лицу показалось, что его преследует идущий сзади человек и хочет применить к нему насилие, однако последний не собирался этого делать и объективно не предпринимал никаких действий, направленных на воплощение этого посягательства) [2, с. 4–5].

Подчеркнем, что превышение пределов необходимой обороны влечет уголовную ответственность по специальным составам преступлений (ст. 108 УК РФ и ст. 114 УК РФ), признается обстоятельством, смягчающим наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ), однако если смягчающее обстоятельство уже предусмотрено в составе преступления, то повторно оно не учитывается (ч. 3 ст. 61 УК РФ).

Большое значение при квалификации действий лица как соответствующих условиям необходимой обороны имеет время, в течение которого они будут признаваться правомерными. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 момент начала противоправного посягательства может не совпадать с моментом начала оборонительных действий, следовательно временным промежутком, в течение которого допустимо действовать в состоянии необходимой обороны, является период с момента, с которого посягающее лицо готово перейти к совершению общественно опасного деяния и до момента окончания такого посягательства. Обозначенный временной промежуток представляется обоснованным, поскольку именно в момент, когда посягательство фактически прекращается − прерывается добровольно или пресекается со стороны самого обороняющегося, − необходимость в дальнейшей защите от него отпадает.

В судебной практике разграничение необходимой обороны и превышения ее пределов вызывает сложности из-за нескольких причин:

– субъективность оценки ситуации;

– эмоциональное состояние обороняющегося, затрудняющее адекватную оценку опасности посягательства;

– отсутствие четких критериев соразмерности [3, с. 280].

Таким образом, необходимая оборона – это важнейший институт защиты прав личности, но ее применение строго ограничено законом, чтобы препятствованию злоупотреблению этим правом. Ключевыми критериями допустимости являются реальность угрозы, соразмерность защиты, содержание общественной опасности самого посягательства. Проблема превышения пределов обороны требует от судов тщательного анализа всех обстоятельств дела и учета как объективных, так и субъективных факторов. Только при соблюдении баланса между правом на защиту и обоснованностью причинения вреда других лицам возможно справедливое разрешение подобных конфликтов.

Литература

1. Акимочкин В.И. Необходимая оборона и критерии ее правомерности (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 1. С. 55–72.

2. Попов А.Н. О превышении пределов необходимой обороны // КриминалистЪ. 2011. № 1. С. 3–6.

3. Тхазеплов Т.М. Институт необходимой обороны: проблемы применения и пути их решения // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 4. С. 278–282.

***М.Р. Астафьев**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.С. Квасников**, канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА, ДОБЫТОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Для конфискации в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) требуется установление прямой связи имущества с конкретным инкриминируемым преступлением. Отсутствие (либо недоказанность стороной обвинения) состава преступления влечет невозможность конфискации имущества.

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ о противодействии коррупции) содержит принципиально иной подход к конфискации, при котором не требуется доказывать связь имущества с конкретным преступлением. Достаточно установить два факта: фактическое владение имуществом и его несоразмерность легальным доходам за период службы [1, с. 13]. В этом случае бремя доказывания лежит на «нарушителе», которому необходимо обосновать законность приобретения имущества.

Возникает вопрос: возможно ли изъятие одного и того же имущества в рамках одного уголовного дела дважды – одновременно по основаниям УК РФ и по ФЗ о противодействии коррупции? УК РФ является специальным законодательным актом по отношению к ФЗ о противодействии коррупции (преступность, наказуемость, в т. ч. иные меры уголовно-правового характера, определяются УК РФ), поэтому при конкуренции предпочтение должно отдавать нормам УК РФ.

Однако на практике возникают сложности. Даже если факт коррупционного поведения установлен, но по каким-либо причинам правонарушителя оправдывают (например, не доказан точный размер взятки, факт злоупотребления полномочиями, и т. п.), возможность конфискации по ст. 104.1 УК РФ ис-

ключается. Раз «де-юре» преступления нет, в таких случаях применение мер по ФЗ о противодействии коррупции остается единственным инструментом, позволяющим государству изъять имущество, имеющее отношение к коррупционному поведению.

Проблема этого подхода состоит в том, что смещение бремени доказывания на «нарушителя» ставит под вопрос реализацию принципа презумпции невиновности, закрепленного в российском и международном праве. Вместо того чтобы сторона обвинения доказывала преступную природу имущества, обязанность подтверждать его законность под угрозой конфискации возлагается на владеющее этим имуществом лицо.

В контексте борьбы с коррупцией возникает необходимость оптимального баланса между эффективностью антикоррупционных мер и защитой неприкосновенности собственности, а также прав личности. Здесь можно задаться вопросом о целесообразности создания института расширенной конфискации.

Однако, с одной стороны, предложение о создании единого института расширенной конфискации в рамках УК РФ предполагает переработку всего уголовного законодательства, что требует соразмерного и тщательного подхода с учетом традиционных принципов уголовного права.

С другой стороны, переход к конфискации имущества исключительно на основании ФЗ о противодействии коррупции может привести к исчезновению конфискации как самостоятельного уголовно-правового института. При этом конфискация, по своей сути, оказывающая карательное воздействие, утратит свой традиционный уголовно-правовой характер, превращаясь, по факту, в административную меру контроля за имущественными правами. Что явилось бы преобразованием нормы уголовного закона в нормы иного «смешанного» законодательства.

Само формирование единого института расширенной конфискации представляет собой двойственный эффект: относительно уголовного права – это значительный передел уголовного закона; в сфере противодействия коррупции – создание инструмента, обеспечивающего неотвратимость конфискации, но не имеющего ничего общего с уголовным правом.

Таким образом, в контексте действующего законодательства о противодействии коррупции, принятие единого института расширенной конфискации повлечет за собой конфликт между уголовным правом и правом иных отраслей, что вряд ли положительно скажется на эффективности противодействия коррупции.

При правоприменении относительно конфискации имущества необходим баланс между эффективной борьбой с коррупцией и неприкосновенностью собственности и защитой прав личности. Для повышения качества правоприменения требуется создание сбалансированных механизмов, которые бы сочетали конфискацию имущества, полученного в результате преступного поведения, и изъятие незаконно нажитого имущества, исходя из принципов законности, справедливости и уважения к правам человека.

Поскольку принятие единого института расширенной конфискации в настоящий момент труднореализуемо, важно, чтобы институты конфискации,

закрепленные в УК РФ и в ФЗ о противодействии коррупции, не конкурировали, а дополняли друг друга.

Литература

1. Александрова Л.И. Противодействие коррупции как актуальная проблема современной России // Современная наука. 2021. № 2. С. 13–17.

***А.О. Балесная**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.В. Лоос
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Предупредительная деятельность является системой мер, направленной на выявление, устранение определенных ситуаций, провоцирующих преступность, а также выявление криминальных лиц, от которых можно ожидать совершение противоправных действий.

Установлено, что чем в более раннем возрасте человек совершил преступление, тем выше вероятность того, что он совершит новое преступление [1, с. 104]. Именно поэтому профилактике преступности несовершеннолетних следует уделять особое внимание.

Центральное место в предупреждении преступности несовершеннолетних отводится общесоциальным мерам предупреждения, которые призваны способствовать созданию оптимальных условий жизни и воспитания подрастающего поколения.

Анализ учебной и научной литературы позволяется выделить основные направления мер предупреждения преступности несовершеннолетних: контроль за условиями жизни несовершеннолетних, увеличение сфер общественно – полезной занятости; обеспечение работой родителей и детей; повышение жизненного уровня населения; развитие досуговых учреждений, преимущественно на бесплатной основе.

Данные меры реализуются с помощью неспециализированных субъектов общесоциальной профилактики преступности несовершеннолетних, к числу которых относятся органы по делам молодежи. Это организации, учреждения и движения, созданные в регионах: центры психолого-педагогической помощи детям и молодежи, центры поддержки молодежных инициатив, центры патриотического воспитания, центры молодежного творчества, юнармии. Данные

учреждения участвуют в организации отдыха, досуга и занятости детей, оказывают содействие детским и молодежным общественным объединениям, деятельность которых связана с осуществлением мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В настоящее время в ряде субъектов Российской Федерации наблюдается не только снижение финансирования учреждений органов по делам молодежи, но и устойчивая тенденция к их реорганизации и сокращению [3, с. 66]. Большинство несовершеннолетних не желают вступать в различного рода ассоциации и движения, не видят каких-либо стимулов участия. Некоторые и вовсе предпочитают не организовывать свой досуг, потому что не видят в этом выгоды.

Следующим субъектом общесоциальной профилактики преступности несовершеннолетних выступают органы службы занятости населения. Одной из основных мер государственной поддержки данного органа является организация временного трудоустройства несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время. В современных реалиях, для несовершеннолетних выделено мало рабочих мест, работодатели в приоритете устраивают на работу граждан с опытом и на полный рабочий день, у подростков такой возможности нет, поскольку основное время занято учебой.

К основным субъектам профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних относятся организации, осуществляющие образовательную деятельность. При анализе Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» выявлено отсутствие конкретных мер, направленных на профилактику преступности несовершеннолетних [2]. Школы слабо противостоят агрессивному воздействию на несовершеннолетних внешней городской среды. Большинство из них уделяют внимание в основном обучению несовершеннолетних, а воспитательная работа с ними носит характер незначительного дополнения. Учителя школ должны обращать внимание на детей, отличающихся скрытностью, отстраненностью, а также на тех, кто ненормально для их возраста осведомлен о вопросах интимной жизни. Кроме этого, учитывая коммерциализацию досугового образования, в некоторых школах слабо развита система наличия общедоступных спортивных секций и иных кружков для учащихся, не занимающихся в платных организациях.

Для решения названных отдельных проблем общесоциальной профилактики подростковой и молодежной преступности, в частности, необходимо:

– в рамках молодежной политики региональным властям на базе администраций городов во главе с комитетами по делам молодежи организовать создание долгосрочных патриотических движений, молодежных учреждений в составе подростков, которые будут призывать остальных несовершеннолетних к правопослушному поведению. Стимулировать несовершеннолетних к активному участию в молодежных движениях путем предоставления льготных путевок в летние лагеря, бесплатного посещение театров, исторических музеев в целях повышения их культурного уровня. Данные мероприятия требуют внедрения региональных программ, финансируемых за счет средств федерального бюджета;

– органам службы занятости населения обеспечить временное трудоустройство несовершеннолетних в летний период с оплатой труда, а несовершеннолетних, воспитывающихся в семьях с низким материальным уровнем жизни в учебные дни, в свободное от учебы время, путем внесения поправок в федеральный закон № 565 «О занятости населения в Российской Федерации». Подростки займут свое свободное время полезным и приносящим выгоду трудом, что значительно снизит количество преступлений и административных правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Кроме этого, данная норма снизит количество несовершеннолетних, которые находят «подработку» в интернет-пространстве и совершают преступления за вознаграждение;

– организациям, осуществляющим общеобразовательную деятельность целесообразно выйти с предложением к субъектам права законодательной инициативы о внесении законопроекта изменения федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в части, касающейся мер воспитательной составляющей, а также конкретных действий, направленных на профилактику преступлений и правонарушений несовершеннолетними.

Не вызывает сомнения, что существует необходимость в разработке, совершенствовании и повышении эффективности мер по предупреждению преступности несовершеннолетних, путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации, а также путем пересмотра государственных программ, финансируемых за счет средств федерального бюджета. Меры общего уровня призваны учитывать особенности социального статуса несовершеннолетних в обществе, способствовать созданию оптимальных условий жизни и воспитания подрастающего поколения, надлежащей организации предупреждения преступности и правонарушений подростков в государстве в целом.

Литература

1. Мальцева Л.В. Преступность среди несовершеннолетних и ее предупреждение // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 4. С. 102–105.

2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

3. Ростовская Т.К., Шимановская Я.В. Деятельность учреждений органов по делам молодежи по профилактике вовлеченности несовершеннолетних в преступную деятельность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 63–69.

***А.С. Белоусова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Мальченкова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИВОТНЫХ ОТ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СТ. 245 УК РФ

Проблема жестокого обращения с животными в современном обществе приобретает все большую актуальность. Рост числа таких преступлений, широкая огласка отдельных случаев в СМИ и усиление зоозащитного движения требуют переосмысления существующих механизмов уголовно-правовой защиты животных. Ключевым инструментом в этой сфере выступает ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая на практике сталкивается с рядом проблем правоприменения.

При этом официальная статистика не отражает реального масштаба проблемы: значительная часть подобных преступлений остается латентной. По данным зоозащитных организаций, до 80 % случаев жестокого обращения с животными не регистрируются правоохранительными органами [1].

Анализ судебной практики показывает, что наиболее частыми жертвами жестокого обращения становятся домашние животные – прежде всего кошки и собаки. Это объясняется их наибольшей распространенностью в качестве питомцев и близостью к человеку, что создает дополнительные риски в случае конфликтов или проявления агрессии со стороны владельца.

Яркий пример, вызвавший широкий общественный резонанс, – история кота Твикса. В январе 2024 г. животное, путешествовавшее с хозяином в поезде, было выброшено проводницей на мороз и погибло от переохлаждения. Этот случай продемонстрировал пробелы в законодательстве: действия проводницы формально не подпадали под признаки состава преступления по ст. 245 УК РФ, поскольку не содержали необходимых признаков [2].

Судебная практика по ст. 245 УК РФ демонстрирует ряд сложностей в применении нормы. Рассмотрим несколько показательных примеров:

В деле, рассмотренном в Республике Коми, мужчина бросил одномесячного котенка на деревянные мостки, в результате чего животное погибло. Обвинение по ч. 1 ст. 245 УК РФ было предъявлено на основании того, что действия привели к гибели животного. Однако суд оправдал подсудимого, т. к. не было доказано, что он желал причинить ему боль и страдание [3].

В другом случае мужчина прицепил поводок собаки к крышке багажника мопеда, после чего продолжил движение, волоча животное по асфальту. У собаки были диагностированы скальпированные раны на мякишах всех четырех лап. Суд первой инстанции квалифицировал действия как жестокое обращение с животным в целях причинения боли и страданий, а равно из хулиганских по-

буждений, повлекшее увечье (ч. 1 ст. 245 УК РФ). Однако кассационная инстанция отменила данный приговор [4].

Эти примеры иллюстрируют ключевые проблемы действующей редакции ст. 245 УК РФ:

1. Недостаточность квалифицирующих признаков. Текущие критерии не охватывают многие реальные случаи жестокости. Диспозиция ст. 245 УК РФ сформулирована как материальный состав, который предполагает обязательные негативные последствия для животного в виде гибели или увечья. Также используется термин «садистские методы», который не имеет четкого законодательного определения. Это затрудняет квалификацию преступлений.

2. Нечеткость признака «особой жестокости» – одна из ключевых проблем применения ст. 245 УК РФ. Законодательство не дает четкого определения этого понятия, что приводит к разночтениям в практике: действия, которые общество воспринимает как жестокие, могут не быть признаны таковыми в правовом поле. Для устранения неопределенности необходимо либо закрепить легальное определение особой жестокости (например, через перечень способов: причинение смерти или страданий с многократными травмами, использованием пыток, глумление над трупом животного, в присутствии сородичей или детенышей), либо заменить оценочный признак на более конкретные составы [5, с. 53].

3. Ограниченный круг «животных». Закон не уточняет, какие именно существа подпадают под защиту. Например, вопросы вызывает статус лабораторных животных, насекомых или рыб.

4. Сложности с установлением мотивов. В судебной практике часто возникают проблемы с доказыванием мотивов, предусмотренных ст. 245 УК РФ (хулиганские или корыстные побуждения, цель причинения боли и страданий).

5. Проблемы с определением увечья. Еще одна сложность связана с трактовкой понятия «увечье». В законодательстве и судебной практике нет единого подхода к тому, какие повреждения здоровья животного следует считать увечьем. Это создает трудности при квалификации действий по ст. 245 УК РФ.

6. Ограничения по возрасту субъекта преступления**.** Согласно диспозиции ч. 2 ст. 20 УК РФ, лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, ответственность по ст. 245 УК РФ не несут.

На основе анализа изложенных проблем можно предложить следующие меры по реформированию ст. 245 УК РФ:

1. Расширение квалифицирующих признаков:

– включить в качестве отягчающего обстоятельства систематичность жестокого обращения;

– закрепить в примечании к статье перечень действий, которые считаются проявлением особой жестокости (например, пытки, истязание, использование мучительных методов умерщвления);

– учесть длительность и интенсивность страданий животного.

2. Расширение круга защищаемых животных:

– распространить действие статьи на всех позвоночных животных, включая диких, лабораторных и сельскохозяйственных.

Следует уточнить, что действие статьи распространяется на лабораторных животных только в тех случаях, когда жестокое обращение происходит вне утвержденных научных экспериментов [6, с. 14].

– отдельно предусмотреть защиту животных, используемых в культурно-зрелищных мероприятиях.

3. Усиление санкций:

– предусмотреть содержание обязательных работ, связанных с уходом за животными в приютах.

Таким образом, совершенствование ст. 245 УК РФ является насущной необходимостью для обеспечения эффективной защиты животных от жестокого обращения. Текущая редакция нормы не отвечает современным вызовам: она не охватывает многие формы жестокости, допускает широкие трактовки и не предусматривает достаточных мер профилактики.

Литература

1. Статистика мониторинга численности безнадзорных животных // Благозоо.ру. URL: https://blagozoo.ru/statistika (дата обращения: 03.03.2026).

2. Хозяйка рассказала историю кота, которого проводница выбросила из поезда // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240119/kot-1922284516.html (дата обращения: 03.03.2026).

3. Приговор Усть-Куломского районного суда Республики Коми от 24.07.2020 по делу № 1-45/2020 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: https://sudact.ru (дата обращения: 23.03.2026).

4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2023 № 33-УД22-19. URL: https://legalacts.ru (дата обращения: 03.03.2026).

5. Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1. С. 51–60.

6. Пейсикова Е.В. Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ): судебная практика, поиск новых критериев // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4. С. 10–15.

***А.А. Бессонов**, слушатель 5 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Г.Н. Миронова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

С целью объективного исследования целесообразным представляется обращение к зарубежному уголовному законодательству, регулирующему охрану жизни сотрудников правоохранительных органов. Ввиду того, что Российская Федерация является правопреемником СССР (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) [1], оптимальным является анализ уголовных норм, содержащихся в законах бывших союзных республик.

1. Республика Беларусь (ст. 362 Уголовного кодекса) [2]. Уголовная норма регулирует ответственность за убийство сотрудника органов внутренних дел или военнослужащего в связи с выполнением обязанностей по охране общественного порядка. Виды наказания: лишение свободы от 12 до 25 лет, пожизненное заключение или смертная казнь. Круг специальных потерпевших ограничен двумя силовыми ведомствами, квалифицирующие признаки данная норма не содержит.

2. Республика Казахстан (ст. 380-1 Уголовного кодекса) [3]. Статья защищает жизнь сотрудников правоохранительных и специализированных государственных органов, военнослужащих, инспекторов, егерей и их близких. Значимое отличие – ответственность наступает за посягательство на жизнь при исполнении любых служебных обязанностей, вне зависимости от каких-либо определенных функций. В статье также содержатся квалифицированные составы (два и более лица, беспомощное состояние, беременность, особая жестокость, группа лиц и др.). Виды наказания: лишение свободы от 10 до 20 лет либо пожизненное заключение с конфискацией имущества.

3. Эстония (ст. 184² Уголовного кодекса) [4]. Рассматриваемая норма устанавливает ответственность за физическое насилие (вплоть до смерти) в отношении сотрудника полиции, а также приравненных законом к нему иных должностных лиц (пограничники, тюремные работники, судьи, прокуроры и др.), которое применяется к ним в связи с выполняемой ими со служебной деятельностью, не зависимо от выполнения конкретных функций или задач, т. е. формулировка не конкретизирует вид деятельности, исполняемый сотрудниками. Содержащиеся в статье санкции: лишение свободы до 5 лет (за насилие), от 5 до 15 лет или пожизненное заключение (при тяжких последствиях или смерти).

Таким образом, в результате анализа представляется возможным сделать следующие выводы. Наиболее близкой к советской уголовно-правовой норме (ст. 191.2 УК РСФСР) является белорусская ст. 362 УК РБ. Казахстанский и эс-

тонский подходы, с точки зрения юридической техники, используют в диспозиции статей более гибкие формулировки – «в связи с исполнением служебных обязанностей», что максимально обеспечивает защиту сотрудника независимо от конкретного вида служебной деятельности и подразделения. В УК РФ определение конкретных видов выполняемой деятельности («охрана общественного порядка» и «обеспечение общественной безопасности») сужает как круг возможных потерпевших, лишая сотрудников целых ведомств уголовно-правовой защиты по отдельной статье, так и сотрудников, которые хоть и выполняют данные функции, но лишь в определенные моменты.

Например, если нападение с целью лишения жизни происходит на оперуполномоченного уголовного розыска во время выполнения им функции по охране общественного порядка, которую он исполняет лишь в случае возложения на него таковой обязанности отдельным приказом начальника территориального ОВД, то такое деяние квалифицируется по ст. 317 УК РФ. Однако если же нападение с целью лишения жизни на оперуполномоченного происходит во время осуществления им гласных ОРМ и нападавший стремится лишить потерпевшего жизни из-за его принадлежности к правоохранительному органу, то данное деяние не влечет квалификации по ст. 317 УК РФ. Мотив мести, предусмотренный в диспозиции, вносит логическое противоречие, т. к. предполагает межличностные отношения, возникшие между потерпевшим и преступником в прошлом. В данном случае нападающего интересует личность отдельного сотрудника, а не выполнение им определенных функций. Также стоит отметить, что ст. 317 УК РФ не включена в перечень ч. 2 ст. 20 УК РФ, что не соответствует современным реалиям и уровню информированности несовершеннолетних. Принимая во внимание, что объективная сторона ст. 105 УК РФ и ст. 317 УК РФ выражена лишением жизни иного лица, возникает закономерный вопрос: почему 14 летнее лицо способно должным образом осознавать лишение жизни гражданского лица, но не способно делать то же самое в случае убийства полицейского или военнослужащего?

В связи с вышеизложенным предлагаем внести следующие изменения в ст. 317 УК РФ:

1. Не заменять понятие «посягательство на жизнь» какой-либо другой юридической формулировкой, тем самым сохранить «усеченный» характер исследуемой уголовно-правовой нормы.

2. Дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснением понятия «посягательство на жизнь» с целью обеспечения единства следственной практики.

3. Заменить конкретные виды выполняемой служебной деятельности на формулировку: «в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей» с целью обеспечения равной защиты сотрудников любых правоохранительных ведомств и подразделений.

4. Исключить из диспозиции мотив мести, ввиду заложенной в нем логической ошибки.

5. Включить ст. 317 в ч. 2 ст. 20 УК РФ с целью снижения возраста наступления уголовной ответственности.

6. Исключить пожизненное лишение свободы из перечня санкций ст. 317 УК РФ с одновременной реабилитацией института смертной казни.

Приложение: ст. 317 УК РФ с предложенными изменениями.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в целях воспрепятствования законной деятельности указанных лиц в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей – наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо смертной казнью.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=3685;-26#pos=3685;-26 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=6247;-53#pos=6247;-53 (дата обращения: 10.03.2026).

4. Уголовный кодекс Республики Эстония. URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/87/Estonia_CC_as_of_2002_ru.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

***И.А. Буш**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Г.Н. Миронова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ СТ. 22 УК РФ

На сегодняшний день лица с ограниченной вменяемостью занимают особое место в характеристике субъекта состава преступления, т. к. определение их состояния в момент совершения общественно опасного деяния представляет трудность для судебной практики.

Согласно ст. 22 УК РФ, вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействий, либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности, однако такое психическое расстройство учитывается при назначении наказания

и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Однако существует неопределенность критериев ограниченной вменяемости, из-за которых могут быть допущены ошибки при вынесении процессуальных решений.

Неопределенность этих критериев выражается в том, что не всегда заключение судебно-психиатрической экспертизы соответствует юридической оценке судьи о состоянии человека. Термин «ограниченная вменяемость» должен подразумевать под собой наличие определенных границ, которые способствовали бы различию ограниченной вменяемости от вменяемости и невменяемости.

В исследовании С.Д. Восконяна говорится о том, что ограниченная вменяемость состоит из совокупности медицинского, юридического и временного критерия. Юридический критерий отражает то, что лицо не в полной мере осознает связь между совершаемым деянием и правовыми последствиями, социальную значимость своих действий и нанесение общественного вреда. Медицинский критерий заключается в том, что лицо, на момент совершения преступления страдающее определенным психическим заболеванием частично лишается возможности полного понимания фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия), а также возможности руководить ими. Временный критерий выражается в том, что психическое воздействие на состояние человека имеет непродолжительный характер. Отсутствие отдельных критериев ограниченной вменяемости может влечь за собой игнорирование психического расстройства, как смягчающего обстоятельства при вынесении решения или, наоборот, в необоснованном смягчении наказания без учета реального состояния человека [2, с. 12–13].

Анализ судебной практики Верховного Суда Российской Федерации доказал наличие этой проблемы. Так, по уголовному делу Д. за убийство матерью новорожденного ребенка нижестоящий суд назначил более строгое наказание, несмотря на наличие психического расстройства. Также нижестоящий суд не обосновал того, как именно расстройство повлияло на поведение лица, что исключило мотивированность вынесенного. Апелляционная коллегия Верховного Суда Российской Федерации изменила данное решение, смягчив наказание на основании ст. 22 УК РФ, посчитав, что смешанное расстройство личности существенно влияет на сознание лица и способность руководить своими действиями [1].

Аналогичный пример был выявлен по уголовному делу об убийстве на почве личных неприязненных отношений. Суд нижестоящей инстанции зафиксировав, что лицо пыталось скрыть следы преступления, отказал в применении ст. 22 УК РФ, т. к., по мнению суда, данные факт свидетельствует о полноценном сознании общественного характера и опасности своих действий. В итоге приговор был отменен судом вышестоящей инстанции, т. к. лицо в состоянии ограниченной вменяемости может совершать действия, направленные на сокрытие следов преступления под влиянием имеющегося психического расстройства [4]. Вышеупомянутые примеры показывают, насколько судебная практика неоднородна и субъективна. Судьи основываются на собственном по-

нимании ограниченной вменяемости и испытывают сложности в обосновании принимаемых решений.

Чтобы устранить правовой пробел института ограниченной вменяемости, необходимо: во-первых, расширить содержание ст. 22 УК РФ, включив в нее упомянутые в работе критерии. Это поможет отличать ограниченную вменяемость от других эмоциональных состояний человека. Во-вторых, необходимо разработать отдельный акт толкования, в содержание которого включить понятие психической аномалии. Психическая аномалия непосредственно связана с ограниченной вменяемостью и является психическим расстройством, которое не достигло уровня психического заболевания, но способно существенно влиять на поведение человека. В-третьих, в этом же постановлении необходимо отразить классификацию психических болезней, подпадающих под ограниченную вменяемость. Такая классификация была разработана в трудах С.В. Долговой, где подробно описаны, какие бывают психические аномалии и как они могут влиять на человека [3, с. 85–90]. В дальнейшей перспективе возможно внедрение междисциплинарных образовательных программ для обучения судей при вынесении решений по делам с ограниченной вменяемостью подсудимых.

В перспективе также возможно создание специальных судов, рассматривающих вопросы, касающихся лиц с психическими расстройствами. Такая практика существует в таких странах, как США, Канада, Австралия, где судьи обладают особыми и более глубокими знаниями в медицине.

Таким образом, реализовав вышеперечисленные меры, мы сможем обеспечить соблюдение законных прав граждан с психическими расстройствами и создать унифицированную, основанную на законе судебную практику.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2018 № 38-АПУ18-5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Восканян С.Д. Проблемы соотношения вменяемости и невменяемости с ограниченной вменяемостью (ст. 22 УК РФ) // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2022. № 3-4. С. 12–14.

3. Долгова С.В. Особенности медицинского критерия ограниченной вменяемости // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2012. № 9. С. 85–90.

4. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2006 № 67-005-77 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***Р.Р. Ветошкин**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Мальченкова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПУТЕМ РАСШИРЕНИЯ СПИСКА СТАТЕЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

Уголовная политика Российской Федерации в современных условиях ориентирована на профилактику преступлений, гуманизацию ответственности и снижение уровня рецидивной преступности. Важную роль в этом играет институт административной преюдиции, при котором уголовная ответственность наступает только после неоднократного совершения аналогичного деяния, за которое лицо уже было привлечено к административной ответственности. Этот механизм был отмечен в Послании Президента Федеральному Собранию от 12.11.2009, как перспективный инструмент уголовной политики [1].

С 2011 по 2017 г. в УК РФ было введено несколько норм с административной преюдицией. К настоящему времени, список таких норм включает ст. 116.1, 157, 158.1, 264.1, 264.2 УК РФ и ряд других. Однако этот перечень не полностью охватывает сферы с высоким уровнем повторных нарушений, таких как экономические, экологические и иные правонарушения. К такому мнению склоняется А.Г. Безверхов [2, с. 51].

Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020–2025 годы подтверждают необходимость расширения применения норм с административной преюдицией. По ст. 157 УК РФ (неуплата средств на содержание детей) ежегодно осуждается от 37 до 46 тыс. человек. По ст. 158.1 (мелкое хищение) число уголовных дел растет на 12–17 % ежегодно. По ст. 264.1 (управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию) осуждается более 10 тыс. человек в год [3].

О.С. Капинус указывает на неоспоримую полезность данного института. В делах о повторных нарушениях правил дорожного движения или мелких хищениях административное наказание выступает эффективным предупреждением, а последующее преследование применяется только при его игнорировании. Это снижает стигматизацию и способствует ресоциализации, оставляя правонарушителю возможность реабилитироваться [4, с. 78].

Далее рассмотрим предложения по дополнениям статей УК РФ административной преюдицией более детально:

– ст. 177 УК РФ (Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) предлагается дополнить административной преюдицией по ст. 17.14

КоАП РФ (Нарушение законодательства об исполнительном производстве) или ст. 17.15 КоАП РФ (Неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера). Сама по себе ст. 177 УК РФ имеет крайне малую судебную практику, что свидетельствует о трудностях с ее пониманием и применением;

– ст. 178 УК РФ (Ограничение конкуренции) предлагается дополнить административной преюдицией по ст. 14.9 КоАП РФ (Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления). Связано это с тем, что антимонопольные нарушения часто начинаются с локальных практик. Первичное применение КоАП позволяет выносить предписания и штрафы, давая бизнесу возможность исправить нарушения без уголовного преследования. Преюдиция стимулирует саморегулирование рынка, а уголовное дело возбуждается лишь при систематическом игнорировании мер антимонопольного контроля;

– ст. 180 УК РФ (Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)) предлагается дополнить административной преюдицией по ст. 14.10 КоАП РФ (Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)). В сфере интеллектуальной собственности значительная часть нарушений совершается субъектами малого бизнеса и продавцами на маркетплейсах. Повторное нарушение после административного взыскания свидетельствует о прямом умысле и коммерческой выгоде, что оправдывает переход к уголовной ответственности. Подобная мера помогает избежать излишней криминализации;

– ст. 171 УК РФ (Незаконное предпринимательство) предлагается дополнить административной преюдицией по ст. 14.1 КоАП РФ (Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)). Значительная часть первичных нарушений связана с низкой юридической грамотностью, техническими ошибками при регистрации или временным осуществлением деятельности без крупного дохода. Административный штраф с предписанием легализоваться снижает риски избыточной криминализации. Уголовное преследование оправдано только при повторном нарушении после официального предупреждения и фиксации извлечения дохода в крупном размере;

– ст. 143 УК РФ (Нарушение требований охраны труда) предлагается дополнить административной преюдицией по ст. 5.27.1 КоАП РФ (Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации). В данном случае идет речь о том, чтобы ввести ответственность как в случаях, описанных в статье УК, так и при повторном нарушении. Большинство нарушений в этой сфере носят процедурный характер (отсутствие журналов, непроведение инструктажа). Несмотря на то, что подобные нарушения изначально кажутся незначительными, они могут повлечь серьезную опасность. Первичное административное взыскание с обязательным предписанием об устранении рисков позволяет предотвратить несчастные случаи. Уголовная ответственность должна наступать при повторном нарушении, особенно если создается реальная угроза жизни или здоровью работников.

В заключение следует отметить, что расширение списка статей с административной преюдицией является крайне важным шагом для повышения эффективности уголовной политики, разгрузки судебной системы и усиления профилактики преступлений. Как отмечено в тексте, институт преюдиции напрямую отвечает задачам, сформулированным в Посланиях Президента (2009, 2021, 2023): снижение репрессивности, смещение акцента на предупреждение, сохранение социального капитала правонарушителей.

Дела по предложенным статьям составляют до 30–40 % нагрузки мировых судей и районных судов первой инстанции. Перевод первичных составов в административную плоскость сокращает сроки рассмотрения, уменьшает количество апелляций и освобождает следственные органы для работы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

При грамотном законодательном оформлении, цифровизации учета правонарушений и сохранении судебного контроля институт административной преюдиции станет эффективным инструментом снижения криминальной нагрузки, повышения доверия к правоприменению и укрепления профилактического потенциала российского уголовного права.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2009 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Безверхов А.Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. № 2. С. 39–52.

3. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 06.03.2026).

4. Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.

***А.П. Галинская**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 228.1 УК РФ

Актуальность проблемы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России с каждым годом приобретает все более значительные масштабы. Высокая степень опасности распространения наркотиков

обусловлена не только тем обстоятельством, что при этом причиняется серьезный вред здоровью человека, изменяется его социальный статус (из 100 наркоманов, потребляющих героин, при разовом традиционном лечении только 3-5 человек окончательно избавляются от наркозависимости), но и представляет угрозу для национальной безопасности страны в целом.

В 2025 г. полицейские Алтайского края раскрыли порядка 14 тыс. преступлений, выявили около 10 тыс. нарушителей закона и изъяли из незаконного оборота 346 килограммов наркотиков, включая 100 килограммов синтетических. Об этом в конце января 2026 г. доложил начальник ГУ МВД России по Алтайскому краю генерал-лейтенант полиции Сергей Камышев в рамках расширенного заседания коллегии Министерства внутренних дел региона [1].

Современный сбыт практически полностью перешел в цифровую плоскость, что изменило характер взаимодействия между участниками. Использование зашифрованных каналов связи (Telegram, Signal) и браузера Tor (Darknet), переход на расчеты в криптовалютах, позволяет преступникам исключить личный контакт с потребителями и значительно усложняет отслеживание финансовых потоков. Это создает у рядовых исполнителей (закладчиков) ложное чувство безопасности и технической неуязвимости, что является дополнительным стимулом активизации преступной деятельности и соответственно требует от правоохранительных органов серьезного изучения особенностей личности преступников для успешного противодействия наркоугрозе.

Стоит отметить, что социально-демографический портрет личности преступника, занимающегося распространением (сбытом) наркотических средств (ст. 228.1 УК РФ), существенно отличается от портрета простого потребителя (ст. 228). Если потребитель зачастую болен, то сбытчик – это чаще всего расчетливый субъект, движимый корыстными мотивами.

Изучение судебных приговоров о делах, связанных со сбытом наркотических средств и психотропных веществ показывает, что основным «расходным материалом» (так называемыми кладмэнами) наркобизнеса являются представители возрастной группы от 18 до 25 лет. В нее входят преимущественно учащиеся вузов и колледжей, а также выпускники и обучающиеся школ.

Основным рычагом вербовки для их вовлечения в незаконный оборот наркотиков служит агрессивный маркетинг в мессенджерах (Telegram и др.), обещающий сверхбыстрый доход и отсутствие физического контакта с товаром. Молодые люди, в силу недостатка жизненного опыта, недооценивают жесткость санкций ст. 228.1 УК РФ и эффективность современных методов оперативно-розыскной деятельности.

Далее идет зрелая возрастная группа (25–40 лет), представители которой чаще занимают позиции среднего звена в иерархии наркобизнеса. В отличие от обычных исполнителей, они выступают в роли операторов магазинов или хозяев на теневых площадках (Darknet), перевозчиков крупных оптовых партий.

Деятельность в этой группе характеризуется более осознанным подходом, высокой степенью конспирации и технической грамотностью. Для многих участие в незаконном обороте наркотиков становится системным «бизнесом» с четким распределением рисков.

В последние годы фиксируется также опасная тенденция вовлечения подростков (несовершеннолетних 14–17 лет) в качестве низовых звеньев (закладчиков).

Главная проблема заключается в их правовой неграмотности и полном отсутствии осознания правовых последствий. Подростки воспринимают работу как квест из мессенджера, не понимая, что сроки лишения свободы по ст. 228.1 УК РФ (зачастую от 10 лет и выше) сопоставимы с наказанием за совершение убийства. Социальная незрелость и жажда «быстрых денег» делают их самой уязвимой и легко заменяемой частью криминальных структур.

Абсолютное большинство преступников составляет мужской контингент (75–80 %), выполняющий роли всех уровней – от рядовых курьеров до организаторов теневых площадок. Женский контингент находится в пределах 20–25 %. При этом надо отметить, что доля женщин в сфере сбыта наркотиков аномально высока по сравнению с общеуголовной преступностью.

Криминальные структуры активно используют женщин и молодых девушек, эксплуатируя стереотип об их «меньшей подозрительности». Это позволяет им эффективнее маскироваться под обычных прохожих при осуществлении закладок.

Уровень образования также играет важную роль. Значительную долю составляют студенты вузов и колледжей, что объясняется их социальной активностью, потребностью в деньгах и ложным чувством неуязвимости. В отличие от категории потребителей, сбытчики, особенно среднего и высшего звена, обладают развитыми навыками в сфере IT- технологий. Они свободно владеют инструментами анонимизации, такими как VPN, прокси-серверы, браузер Tor и методами криптографии при проведении финансовых операций через криптовалютные шлюзы. Данную группу отличает способность к планированию и выстраиванию сложных логистических цепочек.

Успешное функционирование в среде «бесконтактного сбыта» требует от них высокого уровня самодисциплины, аналитического мышления и строгого соблюдения протоколов конспирации для минимизации рисков.

Большинство лиц, вовлеченных в сбыт, не состоят в официальном браке и не обременены семейными обязательствами. Отсутствие стабильных социальных связей снижает порог ответственности и делает человека более склонным к рискованным способам заработка.

Вместе с тем также часто фиксируется и специфическая форма соучастия – «семейные подряды» (сожители или супруги), где один выступает в роли оператора, а другой – курьера.

Значительную долю рядовых исполнителей (закладчиков) составляют лица, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности. Это «расходный материал» наркомагазинов привлекаемый иллюзией безнаказанности и отсутствием криминального прошлого.

Лица, уже имеющие судимость по ст. 228.1 УК РФ или ст. 228 УК РФ, представляют собой категорию «профессиональных» преступников. Они обладают навыками противодействия правоохранительным органам.

Таким образом, современный преступник, совершающий преступления в сфере незаконного оборота наркотиков это социально-дифференцированный субъект, чей облик трансформировался под влиянием цифровых технологий, что необходимо учитывать сотрудникам правоохранительных органов при проведении мероприятий, направленных на профилактику и раскрытие наркопреступлений.

Литература

1. В ГУ МВД России по Алтайскому краю подвели итоги оперативно-служебной деятельности за 2025 год // Официальный сайт ГУ МВД России по Алтайскому краю. URL: https://22.мвд.рф/news/item/77876825/ (дата обращения: 11.02.2026).

***Е.С. Голикова**, слушатель 5 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Н.А. Черемнова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ЖИЛИЩА ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Необходимая оборона – это законное использование силы для защиты себя, других людей, или общественных и государственных интересов от нападения. Это означает, что человек имеет право причинить вред нападающему, если это необходимо для предотвращения или пресечения опасного для жизни, здоровья или других ценностей действия. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося, признается правомерной в том случае, если отсутствовало превышение пределов необходимой обороны. Представим, что нападение на лицо происходит в его жилище, какие действия правомерны в данном случае? Обороняющемуся лицу все также думать о соразмерности при нападении на него?

17 февраля 2025 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект № 842496–8 «О внесении изменения в статью 37 УК РФ» [3], который предусматривает уточнение пределов необходимой обороны. Суть изменений сводится к введению ч. 2.2 ст. 37 УК РФ, конкретизирующей понятие пределов необходимой обороны именно в рамках жилища. Проект закона фактически устанавливает презумпцию правомерности действий обороняющегося при защите себя, своих близких и имущества в собственном жилище от посягательств, не сопряженного с насилием, опасным для жизни, либо угрозой применения такого насилия при незаконном проникновением. Стоит сказать о том, что Верховный Суд Российской Федерации уже уделил внимание данному вопросу в постановлении Пленума от

27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившее преступление» [2], признав правомерным причинение вреда при незаконном проникновении в жилище в ночное время в силу неожиданности и невозможности объективно оценить характер и степень опасности нападения.

Рассматриваемый законопроект является не первым, внесенным на рассмотрение в Государственную Думу. Нижняя палата Федерального Собрания не находит нужным закрепление предлагаемых положений в законе, такую же точку зрения имеет и Верховный Суд Российской Федерации, который обосновывает отклонение законопроекта тем, что его текст содержит следующую формулировку − «защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица», в то время как незаконное проникновение в жилище, в т. ч. и с применением насилия, относится к преступлениям небольшой тяжести. К насилию, не опасному для жизни, относятся побои, легкий вред здоровью или вред здоровью средней тяжести. Аргументируя свою позицию, Верховный Суд Российской Федерации ссылается на грабеж с проникновением в жилище, который может совершаться без насилия и угрозы его применения, поэтому принятие данного законопроекта приведет к необоснованному расширению права на причинение вреда посягающему лицу без учета характера и степени общественной опасности посягательства, а также невозможности оценки действий лица со стороны соразмерности.

Действующее законодательство ставит законопослушного гражданина в сложную ситуацию. В экстремальных условиях, когда насилие уже происходит или угроза его применения очевидна, человек вынужден мгновенно оценивать степень опасности, потенциальный вред, намерения нападающего, и принимать решение о применении необходимой обороны. Это крайне сложно сделать за считанные секунды, особенно учитывая стресс и панику, сопровождающие подобные ситуации. Законопроект направлен на облегчение этой задачи, снижая риск обвинения в превышении пределов необходимой обороны. Он предполагает, что в пределах своего жилища гражданин имеет право на более решительные действия по защите себя и своих близких от преступников, не опасаясь последующего привлечения к уголовной ответственности.

Важно отметить, что авторы законопроекта предлагают ввести в законодательство России принцип «мой дом – моя крепость». Подчеркнем, что данный принцип присутствует в законодательстве зарубежных стран. Например, в США указанный принцип реализуется следующим образом: владелец жилища имеет право его защищать любыми способами – осуществлять любые действия в отношении незаконно проникших в жилище лиц, включая причинении им смерти. Рассмотрим необходимость введения данного института на примере из судебной практики: гр. Г. совместно с гр. П., имея при себе резиновую палку, ворвались в квартиру осужденного гр. А., напали на него, нанесли множественные удары, в т. ч. резиновой палкой по голове и телу. Гр. А., осуществляя защиту от действий гр. Г. и гр. П., нанес ножом гр. П. два удара в область грудной клетки, а также один удар в поясничную область гр. Г. После чего наступила смерть гр. П., а гр. Г. был причинен тяжкий вред здоровью. Действия осуж-

денного гр. А. судом первой инстанции были квалифицированы по ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ. Суд апелляционной инстанции квалифицировал действия гр. А. по ч. 1 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Указанное ранее разъяснение Верховного Суда Российской Федерации предполагает возможность отражения нападения в состоянии необходимой обороны не только в случае применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия нападавшим, но также даже при их демонстрации. В анализируемой ситуации гр. Г. и гр. П. незаконно ворвались в квартиру гр. А, создавая опасность как гр. А., так и лицам, проживающим с ним в квартире, спровоцировали конфликт, нанесли удары резиновой дубинкой по телу гр. А, и не предпринимали действий для того, чтобы покинуть жилое помещение гр. А, продолжая противоправное посягательство [1].

Таким образом, на наш взгляд, введение новой нормы позволит защитить граждан от необоснованного привлечения к ответственности. Предлагаемое изменение в УК РФ призвано снять с обороняющегося гражданина бремя оценки степени необходимости и соразмерности своих действий в условиях экстремальной ситуации внутри собственного жилища. Вместо того чтобы постоянно балансировать на грани законности и незаконности, человек может сосредоточиться на защите своей жизни и жизни своих близких, зная, что закон находится на его стороне. Это важное изменение, направленное на защиту прав и свобод граждан и усиление чувства безопасности в их собственных домах.

Литература

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2025 № 48-УД25-13-К7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект федерального закона от 17.02.2025 № 842496-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.Д. Горина**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Ш.Г. Мамедов**, канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И МЕРЫ ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Рецидивная преступность является одной из наиболее социально опасных видов преступности, создает угрозу для общественной безопасности, вызывает недоверие к правоохранительным органам и увеличивает нагрузку для системы исполнения наказания. В результате анализа статистических данных МВД России в целом наблюдается устойчивая тенденция к снижению количества выявленных лиц, ранее совершавших преступления, а также числа преступлений, совершенных этими лицами. При этом наиболее заметное снижение зафиксировано в 2024 г. [4].

С 2020 по 2024 г. количество рецидивистов в криминологическом понимании снизилось с 492 107 лиц до 375 086 лиц – это снижение может свидетельствовать об эффективности профилактических мер и об эффективности системы исполнения наказаний и ресоциализации.

Количество лиц, совершивших преступления и признанных опасными или особо опасными рецидивистами, также демонстрирует снижение с 19 068 в 2020 г. до 12 700 в 2024 г. Снижение опасного рецидива является положительным признаком, т. к. свидетельствует о снижении числа наиболее опасных преступников.

Представленная статистика указывает на положительную тенденцию снижения рецидивной преступности в период с 2020 по 2024 г. Вместе с тем для полного понимания причин и факторов, влияющих на эту тенденцию, необходим всесторонний подход, который бы учитывал влияние социальной среды, экономики и законодательных изменений на криминогенную ситуацию.

Период с 2020 по 2022 г. характеризуется незначительным увеличением числа осужденных лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности. С 2023 г. отмечается устойчивая тенденция к снижению количества осужденных с предыдущими судимостями, которая стала наиболее выраженной в 2024 г.

Наблюдается снижение общего числа осужденных, имеющих непогашенную или неснятую судимость с 204 790 человек в 2020 году до 177 022 человек в 2024 г.

Предупреждение рецидивной преступности является сложной и многогранной задачей, которая требует комплексного подхода. Эффективность этих мер зависит от их системности, целенаправленности и учета индивидуальных особенностей лиц, склонных к совершению повторных преступлений. Для обеспечения защиты общества от наиболее опасных лиц, освобождаемых из

исправительных учреждений, требуется специальное профилактическое воздействие. В этой связи система предупреждения рецидивной преступности может быть классифицирована по таким направлениям, как правовое, социальное, экономическое.

Правовое направление связано с совершенствованием работы судов и системы исполнения наказаний. Основными инструментами здесь выступают административный надзор, индивидуальный подход при вынесении приговоров, а также корректное использование механизмов условного осуждения и досрочного освобождения.

Особое значение приобретает система назначения и исполнения наказаний. Наказание для достижения своих целей должно быть максимально индивидуализированным, учитывающим личность преступника и характер содеянного. Наказание неоднократно судимым должно назначаться с учетом степени их отклонения от нормальной жизни, характера прошлых судимостей и других обстоятельств [2, с. 110–111].

Стоит отметить, что законодательство в области предупреждения рецидивной преступности развивается, например, Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», действующий с 01.01.2024, направлен на помощь осужденным и бывшим заключенным, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Основной целью пробации выступает коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, предупреждение совершения новых преступлений.

Социальное направление предупреждения совершения повторных преступлений предполагает целенаправленное создание такой социальной среды, в которой у бывших заключенных было бы меньше мотивов и больше возможностей для возвращения к законопослушной жизни.

Подготовка к освобождению начинается еще в местах лишения свободы и включает в себя психологическую подготовку, обучение социальным навыкам, информирование о доступных ресурсах и услугах, а также проводится работа по восстановлению и укреплению социальных связей осужденных [1, с. 184].

Предупреждение повторных правонарушений внутри исправительных учреждений базируется на принципах раздельного содержания впервые осужденных и преступников-рецидивистов. При этом в отношении рецидивистов должна проводиться более глубокая и интенсивная исправительная и воспитательная работа. В частности, речь идет о реализации культурных и просветительских мероприятий, которые помогают снизить уровень агрессии и способствуют пересмотру их жизненных ценностей.

Ключевым звеном в профилактике рецидивной преступности выступают органы внутренних дел Российской Федерации, которые реализуют комплексный подход, включающий выявление и нейтрализацию криминогенных детерминант. Деятельность МВД России сосредоточена также на осуществлении контроля за преступниками, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления и имеющими судимость. При этом важная роль отводится формированию единого информационного учета данных о преступниках-рецидивистах и осу-

ществлением индивидуального предупреждения постпенитенциарного рецидива [3].

Экономическое направление предупреждения рецидивной преступности включает в себя комплекс мер, направленных на устранение или смягчение экономических факторов, способствующих повторному совершению преступлений. Эффективность этого направления напрямую зависит от понимания такими лицами того, что безработица, низкий уровень образования и отсутствие перспектив могут являться первичными факторами, которые вынуждают их вновь вставать на преступный путь.

Еще одной из составляющей профилактики является надзор за лицами, имеющими повторные судимости, вместе с тем необходимо осуществлять меры постпенитенциарной адаптации осужденных. Например, содействие в трудоустройстве, однако при этом необходимо стимулировать работодателей предоставлять таким людям рабочие места путем установления различных льгот.

Важно подчеркнуть, что предупреждение рецидивной преступности будет эффективно в том случае, если обозначенные направления будут реализовываться в комплексе. Эффективная работа в этой области требует не только финансовых затрат и организационных усилий, но и изменения общественного отношения к лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Только обеспечив условия для их успешной социальной адаптации и возвращения к полноценной жизни в обществе, можно рассчитывать на то, что лица, освободившиеся из-под стражи, выберут пусть законопослушного поведения.

Литература

1. Алекеев А.И. Криминология: курс лекций. М., 2005. 340 с.

2. Овсянников В.А. Историко-правовая характеристика института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4. С. 108–112.

3. О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 24.08.2023 № 619. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020–2024 гг. URL: мвд.рф (дата обращения: 01.03.2026).

***А.А. Дмитриева**, курсант 3 курса*
Нижегородская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.Ю. Волкова**, канд. юрид. наук*
Нижегородская академия МВД России

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 127.1 УК РФ

В эпоху рабовладельческих обществ, торговля людьми представляла собой широко распространенное явление. В таких странах господствовал социально-экономический уклад, основывающийся на эксплуатации и подавлении индивида через рабство. Сегодня реализация уголовной ответственности за торговлю людьми продолжает оставаться важной проблемой, носящий транснациональный характер.

Отчет ООН по торговле людьми за 2024 г. указывает на изменения в этой области по сравнению с предшествующими годами. В период 2020–2022 гг. преобладала сексуальная эксплуатация, причем 64 % составили женщины и 28 % девочки, принужденные к занятиям в сфере проституции и находящиеся в состоянии сексуального рабства. Несмотря на то, что ранее именно сексуальная эксплуатация лидировала среди форм торговли людьми, ныне акцент сместился на принудительный труд. Выявление таких преступлений вызывает затруднения у правоохранительных органов. По данным российской статистики за 2022 г., более 70 % приговоров хотя и связаны с сексуальной эксплуатацией, но не отражают всей картины. Преступники, занимающиеся принудительным трудом, часто эксплуатируют большее число людей по сравнению с теми, кто специализируется на сексуальной эксплуатации. Данные за 2023 г. подтверждают, что 42 % жертв столкнулись с принудительным трудом, а 36 % подвергались сексуальной эксплуатации [2].

Термин «торговля людьми» обозначает не только случаи сексуальной эксплуатации, но и включает принудительную работу, состояние рабства, вынужденное изъятие органов и другие формы эксплуатации. Эти аспекты были ясно определены в Протоколе по борьбе с торговлей людьми, в частности, женщинами и детьми, который был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН от 15.11.2000 [5].

Статья 127.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) описывает торговлю людьми как серию действий. Объективная сторона предполагает выполнение определенных альтернативных действий, таких как торговля, сделка, обмена, вербовка, перемещение и прочее. Цель эксплуатации четко прослеживается в действиях вроде вербовки, транспортировки, передачи, сокрытия или взятия людей под контроль.

Согласно ч. 1 ст. 127.1 УК РФ такие действия, как «купля-продажа», «иные сделки», «вербовка», «перевозка», «передача», «укрывательство» и «по-

лучение», объединены в одну группу и, вероятно, равнозначны по уровню общественной опасности и подлежат одинаковой квалификации. Согласно разъяснениям судебной практики, «купля-продажа» человека подразумевает передачу одного лица другому за денежное вознаграждение [3], а «иные сделки» – любые другие незаконные действия, ведущие к передаче потерпевшего от одного лица к другому (например, передача безвозмездно или в обмен на вещи). Вербовка, перевозка, передача, укрывательство и получение являются вспомогательными действиями, способствующими совершению основной сделки. Их могут осуществлять любые лица, например, пособники, или те, кто вовлечен в процесс посредством злоупотребления доверием или обмана.

Диспозиция установила равенство между разнообразными деяниями, упомянутыми в ст. 127.1 УК РФ, выявляя существенную лакуну в уголовном праве. В этом контексте критично осознать, что преступления, описываемые в данной статье, имеют кардинально различающуюся степень социальной опасности, однако они классифицируются одинаково вместе с основным преступлением – торговлей, которая предполагает участие инициаторов и исполнителей сделки, в противоположность «другим альтернативным действиям» доступным широкому кругу лиц, которые могут быть вовлечены в преступную деятельность. Конкретизация данной проблематики требует анализа судебных решений:

Приговор суда № 1-406/2022 1-69/2023 от 22 октября 2023 г. по делу № 1-406/2022 в отношении Ибрагимовой Б.К. за совершение торговли малолетним. Обвиняемая, действуя преднамеренно и осознавая виновность своих действий, осуществила операцию купли-продажи новорожденного ребенка, которого она планировала родить в апреле 2022 г. Сделка была предварительно оговорена с супругами, согласившимися на покупку младенца за 200 тыс. руб. После родов и последующей выписки из медицинского учреждения, осужденная, осознавая беспомощность ребенка, передала его указанным лицам, тем самым выполнив свои преступные обязательства [6].

Приговор от 25.02.2018, г. Москва. В Москве, 25 февраля 2018 г., Б.А.А. и О.М.Я. были признаны виновными в организации преступной схемы, предусматривающей торговлю людьми с целью эксплуатации. Они намеревались осуществить продажу жертвы, а также ее вербовку, транспортировку и передачу другим лицам, включая пересечение Государственной границы Российской Федерации. Для реализации этого плана они заключили преступное соглашение и разработали детальную схему, которая предполагала использование обманных манипуляций для вербовки гражданки, ее перевозку через границу и последующую продажу в целях сексуальной эксплуатации за материальное вознаграждение. Жертва была завлечена под предлогом помощи в легальной трансплантации органов в г. Москве. Обманом добившись ее согласия, преступники перевезли ее неизвестным транспортным средством через российскую границу для дальнейшей продажи [4]. И хотя на основании действующего отечественного законодательства согласие на производство трансплантации и участие в качестве донора рассматривается как условие правомерности медицинского

вмешательства [1, с. 77], это было использовано в качестве обманного повода для совершения дальнейших преступных действий.

В указанных решениях описана торговля людьми, существенно отличающая по специфике противоправных действий. В первой ситуации действие ограничилось конкретной транзакцией – «продажей» новорожденного, в то время как во втором случае к «продаже» человека, квалифицируемой по ст. 127.1, добавились дополнительные манипуляции, включая «вербовку» и «перевозку» жертв. Несмотря на это, суд вынес идентичное наказание в обоих случаях – по 3 года лишения свободы.

Итак, для дифференциации степени общественной опасности, важно конкретизировать формулировки альтернативных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, где используется выражение «а равно», что влечет за собой неправомерное уравнение действий, различающихся по уровню угрозы общественному порядку, к единому типу преступления.

Литература

1. Волкова А.Ю. Информированное добровольное согласие физического лица на медицинское вмешательство: биомедицинский и уголовно-правовой аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4. С. 74–83.

2. Движение Альтернатива. Доклад ООН о торговле людьми от 2024 г. URL: https://alternative.help/un_report2024. (дата обращения: 28.03.2026).

3. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 3.

4. Приговор по ст. 127.1 «Торговля людьми» от 25.02.2018, г. Москва. URL: https://advokat15ak.ru/приговор-по-статье-127-1-ук-рф-торговля-люд/ (дата обращения: 29.03.2026).

5. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000. URL: https://www.unodc.org/ (дата обращения: 28.03.2026).

6. Судебные и нормативные акты РФ // Приговор № 1-406/2022 1-69/2023 от 22.10.2023 по делу № 1-406/2022. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 29.03.2026).

***Е.М. Добровольская**, слушатель 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ

Квалификация преступлений представляет собой процесс установления соответствия совершенного деяния признакам конкретного состава, закрепленного в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Правильность этого процесса определяет законность привлечения лица к уголовной ответственности. Среди признаков состава преступления предмет занимает особое положение. Формально он относится к объекту преступного посягательства, как одному из основных элементов состава преступления, однако в большинстве норм Особенной части УК РФ его указание прямо влияет на квалификацию деяния.

В современном уголовном кодексе предмет преступления прямо указан более, чем в половине статей Особенной части УК РФ, а в ряде статей признаки предмета используются как основание для выделения специальных составов (ст. УК РФ 164, 221, 226, 229, 325 и др.).

Это означает, что ошибка в установлении предмета ведет к неверной квалификации и, как следствие, к несправедливому приговору.

Между тем в теории уголовного права по-прежнему нет единства ни в определении понятия предмета преступления, ни в его разграничении с объектом и орудиями преступления.

Доктринальные дискуссии о предмете преступления в отечественной науке продолжаются, начиная с середины XIX в. и до настоящего времени.

Традиционно под предметом преступления понимается материальная вещь внешнего мира, на которую непосредственно направлено преступное воздействие при посягательстве на охраняемые уголовным законом общественные отношения. Такое понимание основано на работах, определяющих предмет как конкретный материальный объект, в котором проявляются определенные свойства общественных отношений [4, с. 83].

В современной литературе предмет преступления все чаще определяется более широко, а именно как материальные и нематериальные блага, входящие в структуру охраняемых уголовным законом общественных отношений, на которые направлено преступное воздействие [5, с. 312].

Такой подход, например, позволяет отнести к предмету компьютерную информацию и криптовалюту для цифровых преступлений, водные объекты и атмосферный воздух для экологических преступлений, что особенно актуально в условиях постоянно обновляемого уголовного закона [3, с. 196].

Предмет преступления традиционно связывают с объектом – обязательным элементом каждого состава. Разграничение между ними принципиально: объектом выступают общественные отношения, охраняемые уголовным законом, тогда как предмет – конкретная материальная или нематериальная ценность, воздействуя на которую виновный нарушает эти отношения [4, с. 85]. Так, при угоне автомобиля объектом являются отношения собственности, а предметом сам автомобиль; при хищении оружия объект – общественная безопасность, предмет – огнестрельное оружие по ст. 226 УК РФ.

Принципиальное уголовно-правовое отличие состоит в судьбе элемента состава при совершении преступления. Объекту вред причиняется всегда, именно поэтому он является обязательным признаком любого состава. Предмет, напротив, может оставаться неизменным (хранение оружия), видоизменяться (фальсификация документа) или даже улучшаться (незаконное строительство с последующим благоустройством).

Отдельного рассмотрения заслуживает разграничение предмета преступления и орудий (средств) его совершения. Предмет преступления – это то, на что направлено воздействие; орудие – это то, с помощью чего воздействие осуществляется. Одна и та же вещь способна менять правовую роль в зависимости от обстоятельств: пистолет при его хищении – предмет преступления по ст. 226 УК РФ, а при убийстве – орудие по ст. 105 УК РФ.

Непосредственно для процесса квалификации предмет преступления имеет весьма большое значение.

Во-первых, через предмет конкретизируется объект посягательства. Когда диспозиция статьи прямо называет предмет (наркотические средства – ст. 228 УК РФ; оружие – ст. 222 УК РФ; официальные документы – ст. 327 УК РФ), установление этого признака фактически определяет, какое именно общественное отношение поставлено под угрозу [2, с. 81].

Во-вторых, признаки предмета нередко образуют квалифицирующие обстоятельства, повышающие степень общественной опасности содеянного и санкцию нормы. К таким составам относятся: хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ); контрабанда стратегически важных товаров в крупном размере (ст. 221 УК РФ); незаконный оборот наркотиков в крупном и особо крупном размерах (ст. 228.1 УК РФ). В каждом из указанных случаев суд, устанавливая предмет, одновременно определяет применяемую часть статьи и диапазон наказания [1, с. 193].

В-третьих, предмет преступления отграничивает уголовно наказуемые деяния от административных правонарушений. Показателен пример с незаконным оборотом наркотиков: хранение в размере, не превышающем установленного порога, квалифицируется по ч. 1 ст. 6.8 КоАП РФ, тогда как превышение этого порога переводит деяние в плоскость уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ.

Вместе с тем имеются и серьезные проблемы при квалификации преступлений, связанные с пониманием их предмета. Например, сложность представляет определение «особой ценности» предмета при квалификации деяний по

ст. 164 УК РФ. В отличие от количественных характеристик (вес, объем) оценка культурной или исторической ценности носит экспертно-оценочный характер. Отсутствие в законодательстве четких критериев такой оценки порождает ситуации, в которых разные экспертные учреждения приходят к взаимоисключающим выводам по одному и тому же предмету, что прямо фиксируется в ряде уголовных дел [1, с. 195].

В условиях цифровизации отдельной проблемой становится квалификация преступлений, предметом которых выступает информация или цифровые объекты. Традиционный «материальный» критерий предмета преступления не позволяет однозначно распространить нормы о хищении имущества на компьютерные данные.

По мнению ряда исследователей, такие проблемы требуют специального законодательного разъяснения [3, с. 195].

Таким образом, предмет преступления – это не вспомогательная деталь состава, а активный инструмент для правильной квалификации противоправных деяний. Через предмет преступления конкретизируется объект посягательства, разграничиваются смежные составы, формируются квалифицирующие признаки и проводится граница между преступлением и административным правонарушением.

Литература

1. Алимирзаев Э.А. Объект и предмет преступления, предусмотренного статьей 244 УК РФ: вопросы квалификации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Право. 2022. Т. 22, № 2. С. 189–198.

2. Гармышев Я.В. Квалификация отдельных составов преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 3. С. 78–85.

3. Ильяшенко А.С., Пустовит Р.В. Основные аспекты разграничения объекта и предмета преступления в условиях цифровизации // Молодой ученый. 2024. № 27. С. 194–198.

4. Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. / отв. ред. В.М. Лебедев [и др.]. М.: Юрайт, 2024. Т. 1. Общая часть 316 с.

5. Репухова Д.А. Отличие предмета преступления от средства и орудия совершения преступления // Молодой ученый. 2019. № 22. С. 311–313.

***А.А. Долгушина**, курсант 1 курса*
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Е.Д. Баринова
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

УБИЙСТВО ПО ПРОСЬБЕ ПОТЕРПЕВШЕГО: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ НОВОГО ПРИВИЛЕГИРОВАННОГО СОСТАВА УБИЙСТВА

Одним из основополагающих принципов в уголовном праве выступает принцип справедливости. Согласно ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), существо данного принципа выражается в соответствии уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера степени и характеру общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [1]. Б.В. Сидоров справедливо отметил, что в контексте уголовного законодательства и практики его применения принцип справедливости проявляется в равенстве граждан перед законом и судом, но это лишь один из содержательных аспектов исследуемого принципа, в действительности составными его элементами также выступают сформулированные уголовно-правовой наукой принципы дифференциации и индивидуализации ответственности (наказания), которые выражают распределительную сторону справедливости [2, с. 190].

Из научной и законодательной интерпретации исследуемого принципа следует, что он выступает сложной юридической конструкцией, с содержательной стороны является многоаспектным и выступает краеугольным камнем в системе принципов уголовного права. Обеспечение реализации принципа справедливости способствует укреплению системы уголовно-правовых принципов в целом. Более того, принцип справедливости выступает проявлением гуманного подхода при назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера, поэтому подрыв его ценностной основы приведет к ущемлению прав и свобод и недоверию граждан к органам государственной власти [3, с. 72].

Раннее в статье обозначалось, что составным элементом исследуемого принципа выступает принцип дифференциации уголовной ответственности.

А.В. Василевский дифференциацию уголовной ответственности понимает как «изменение предусмотренного уголовным законом вида, размера и характера меры ответственности» [4, с. 4]. Под дифференциацией уголовной ответственности А.А. Ширшов понимает установление законодателем вида, объема, пределов, формы реализации уголовной ответственности в зависимости от типовой степени общественной опасности преступного деяния, личности преступника и формы его вины [5, с. 26]. Ярким примером проявления принципа дифференциации уголовной ответственности выступает система действующих составов убийств в уголовном законодательстве. Например, юридическая конструкция ст. 105 УК РФ выстроена по принципу ужесточения уголовной ответ-

ственности при наличии отягчающих ее обстоятельств (ч. 1 ст. 105 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок – от 6 до 15 лет; ч. 2 ст. 105 предусматривает отягчающие обстоятельства и соответственно размер наказания значительно выше – от 8 до 20 лет); ч. 1 ст. 107 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок – до 3 лет, поскольку критерием дифференциации уголовной ответственности выступают психологические факторы – состояние аффекта.

Представляется, что проявлением дифференциации уголовной ответственности и соответственно принципа справедливости выступает введение в уголовное законодательство нового состава убийства – убийство по просьбе потерпевшего, о законодательной регламентации которого в научной среде ведутся дискуссии достаточно давно. С учетом того, что эвтаназия в Российской Федерации запрещена и данный запрет прямо установлен ст. 45 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6], то в случае убийства по просьбе потерпевшего для избавления его от физических страданий лицо будет привлекаться к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. к. неизлечимо больной человек приравнивается к лицу, находящемуся в беспомощном состоянии. Законодательная регламентация предложенного состава убийства – убийство по просьбе потерпевшего выступает альтернативным решением и проявлением принципа справедливости, поскольку мотив данного преступного деяния – избавление потерпевшего от физических страданий не свидетельствует о проявлении жестокости и не является низменным, как, например, корыстный, политический, идеологический мотивы убийства и т. д. Таким образом, квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления выступает мотив – избавление потерпевшего от физических страданий, который относится к факультативному признаку субъективной стороны.

Вместе с тем для квалификации рассматриваемого преступного деяния и отграничения от смежных составов преступления – ст. 105 УК РФ, значение имеет характеристика самого потерпевшего, которая предполагает наличие характеризующих его состояние здоровья признаков. К таковым признакам относятся: наличие неизлечимой болезни, подтвержденной медицинским диагнозом; наличие физических страданий ввиду неизлечимой болезни, вменяемость. Также потерпевший должен выполнить определенные действия – озвучить просьбу о причинении ему смерти. Важно подчеркнуть, что данная просьба должна обладать добровольным и настойчивым характером – должна быть озвучена неоднократно и в условиях отсутствия давления со стороны исполнителя. Наличие данных признаков обязательно и в случае отсутствия одного из них лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 105 УК РФ.

Резюмируя сказанное, расширение системы привилегированных убийств новым составом – убийство по просьбе потерпевшего способствует укреплению ценностной основы принципа справедливости в уголовном праве и других принципов, для которых он выступает фундаментальным основанием.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Сидоров Б.В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4.
3. Баринова Е.Д., Беличенко Р.В. Принцип экономии мер уголовной репрессии: теоретические основы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 4.
4. Василевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2000.
5. Ширшов А.А. Уголовная ответственность: проблемы понятия и дифференциации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***К.И. Дрейлинг**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ DEEPFAKE-ТЕХНОЛОГИЙ

Цифровая трансформация, будучи драйвером прогресса, порождает новые вызовы для национальной безопасности. Одним из наиболее опасных феноменов последних лет стало использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) в преступных целях, в частности создание гиперреалистичных подделок – дипфейков. На заседании Совета Безопасности Российской Федерации в 2025 г. было отмечено, что использование deepfake приобретает массовый характер и создает угрозу информационной безопасности страны [2].

Для органов внутренних дел особую проблему представляет использование deepfake при совершении мошенничеств, что требует глубокого криминологического осмысления и выработки эффективных мер противодействия.

Технология deepfake (от англ. deep learning – глубокое обучение и fake – подделка) основана на работе генеративно-состязательных сетей (GAN) [3], которые позволяют с высокой степенью достоверности заменять лица на видео, синтезировать голоса или создавать несуществующие сцены [6].

Криминальное использование этой технологии делится на несколько категорий:

– атаки на бизнес (BEC-атаки). Наиболее опасный вид с точки зрения размера ущерба. С использованием открытых данных (интервью, выступления) синтезируется голос или видео руководителя, после чего финансовым сотрудникам направляются распоряжения о срочных переводах крупных сумм на подконтрольные счета;

– мошенничество в отношении физических лиц. Социальная инженерия, усиленная технической достоверностью. Клонируется голос родственника, имитируется ситуация (ДТП, задержание полицией), требующая немедленной передачи денег;

– дискредитация и шантаж. Создание компрометирующих видеоматериалов с последующим требованием выкупа за нераспространение. Данный способ сочетает признаки мошенничества и вымогательства [1].

Криминологическая характеристика данного вида преступлений отличается высокой латентностью. Жертвы, особенно при корпоративном мошенничестве, не всегда готовы разглашать информацию о хищениях, чтобы не подорвать свою деловую репутацию.

Способы совершения преступлений носят трансграничный характер, а преступные группы отличаются высокой организованностью и технической оснащенностью.

Особого внимания заслуживает виктимологический аспект данных преступлений. В отличие от традиционных форм мошенничества, жертвами deepfake-атак становятся не только социально уязвимые слои населения (несовершеннолетние, пенсионеры), но и вполне компетентные сотрудники организаций. Это связано с тем, что технологии позволяют нивелировать критическое мышление жертвы за счет визуального и аудиального подтверждения информации от «авторитетного» источника (руководителя, родственника). Как отмечается в исследованиях, происходит цифровая виктимизация, основанная на доверии к визуальному образу [5, с. 152].

В настоящее время квалификация таких деяний осуществляется по ст. 159 («Мошенничество») или 158 («Кража») УК РФ. Однако правоприменительная практика сталкивается с трудностями, поскольку способ совершения преступления (использование ИИ) не находит отражения в квалификации. В связи с этим актуальным является внесенный в Государственную Думу законопроект, предлагающий дополнить статьи УК РФ новым квалифицирующим признаком – совершение преступления с использованием изображения или голоса гражданина, в т. ч. фальсифицированных [4].

Таким образом, мошенничества с использованием deepfake-технологий представляют собой качественно новый вызов системе обеспечения национальной безопасности. Их криминологическая характеристика свидетельствует о повышении общественной опасности таких деяний, что требует адекватного ответа. Меры противодействия должны носить комплексный характер и включать: совершенствование уголовного законодательства (введение квалифицирующего признака), развитие системы судебных экспертиз для выявления

deepfake-контента [6], а также повышение цифровой грамотности населения и внедрение антифрод-систем в корпоративном секторе [5].

Особое внимание необходимо обратить на:

– повышение цифровой грамотности населения (информирование о рисках, правилах безопасного поведения, включая использование кодовых слов для экстренных ситуаций в семье, перепроверку информации по альтернативным каналам связи и др.);

– обучение сотрудников организаций алгоритмам действий при поступлении подозрительных распоряжений;

– минимизацию объема публикуемых персональных данных (фото, видео, аудио), которые могут быть использованы для создания дипфейков.

Литература

1. Загурский Я.Д. Deepfake и способы его распознавания // Молодой ученый. 2025. № 49. С. 315–319.

2. Заседание комитета НЭС от 17.10.2025 // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. Морозов В.И., Лосев С.Г. Уголовно-правовая оценка использования «дипфейка» при совершении преступлений // Право в эпоху искусственного интеллекта: сб. науч. ст. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 387–390.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: пояснительная записка к проекту федерального закона № 718538-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Палий Е.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4. С. 149-157.

6. Экспертиза видеозаписей на дипфейк: правовые основы, методики и практические кейсы // Федерация судебных экспертов. URL: https://sud-expertiza.ru (дата обращения: 10.03.2026).

***А.А. Дробкова**, курсант 3 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
К.В. Садовых
Сибирский юридический институт МВД России

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СКЛОНЕНИЯ К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Склонение несовершеннолетних к потреблению наркотических средств и психотропных веществ (далее – НС и ПВ) и их аналогов является одним из наиболее общественно опасных преступлений в сфере наркооборота. Общественная опасность преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ, обуславливается легкой внушаемостью несовершеннолетнего. Осложняет ситуацию юный возраст потерпевших, не имеющих четкого понимания норм закона. В несовершеннолетнем возрасте лицо легче запугать, обмануть и иным способом оказать на него воздействие.

Объективная сторона исследуемого состава преступления выражается в склонении несовершеннолетних к потреблению НС и ПВ. В п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под склонением понимается: «любые умышленные действия (включая однократно повторяющиеся), направленные на возбуждение у другого лица желания их потребления (могут выражаться в уговорах, предложениях, даче совета и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению НС или ПВ лицом, на которое оказывается воздействие».

Помимо представленного толкования, в словаре В.И. Даля под склонением понимается соблазнение, убеждение, уговоры кого-либо на что-то или к чему-то. Обобщая, можно сказать, что все упомянутое подразумевает противоправные действия, направленные на пробуждение интереса различными способами у несовершеннолетнего к употреблению запрещенных веществ.

Действия по склонению могут быть совершены как однократно, так и носить систематический характер. Однако для наступления ответственности достаточно установить один факт склонения. Состав является формальным, но определение момента окончания преступления является спорным. Как верно отмечено А.В. Наумовым, «законодатель избирает тот или иной способ конструирования объективной стороны преступления (материальные или формальные составы) не произвольно, а с учетом и в зависимости от характера и специфических особенностей общественной опасности соответствующего преступления и особенностей уголовно-правовых мер борьбы с ним» [1].

Есть два подхода к определению момента окончания склонения: с момента употребления склоняемым лицом наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов, либо с момента совершения действий, направленных на склонение другого лица к потреблению, независимо от поведения склоняемого лица. По нашему мнению, концом преступления будет факт совершения действий по склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, без употребления.

Говоря о субъективных признаках, обязательным будет установление прямого умысла виновного – целенаправленное стремление склонить потерпевшего несовершеннолетнего к потреблению наркотиков. Так, в судебной практике неоднократно рассматриваются дела, в которых обвиняемый пытается ввести в заблуждение суд и сторону обвинения, говоря о незнании о возрасте потерпевшего. Так, лицо было признано виновным в совершении преступления по п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ. Подсудимый, склонив несовершеннолетнего к потреблению НС и ПВ, сформировал желание в испытании приятных ощущений от потребления, однако утверждал, что возраста потерпевшего он не знал. Суд посчитал, что данная позиция не нашла своего объективного подтверждения. Утверждения опровергаются совокупностью собранных по делу доказательств, в связи с чем заявление о незнании возраста является способом защиты с целью смягчения ответственности за содеянное [6].

По общему правилу субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Однако, как верно указывает А.И. Рарог, что ответственность по рассматриваемому составу наступает с 18 лет в силу наличия специального потерпевшего – несовершеннолетнего [5]. Представляется возможным разделить данную позицию, в силу того, что при взаимодействии несовершеннолетних, которое может быть как позитивным, так и негативным, они не всегда осознают, что их поведение создает угрозу причинения вреда психологическому и нравственному развитию товарищей, к тому же отсутствует желание или же сознательное допущение причинение такого вреда.

Неоднократно среди ученых поднимался вопрос соотнесения терминов «склонение» и «вовлечение». Под вовлечением, по мнению Н.П. Шевченко, понимается совершения ряда умышленных целенаправленных действий, направленных на приобщение, втягивание, укрепление решимости или готовности участвовать в совершении преступления [4]. Сопоставляя «вовлечение» со «склонением», которое подразумевает возбуждение желания у другого лица совершить действие, на которое склоняет виновный, можно прийти к выводу о том, что «вовлечение» по своему значению шире, чем «склонение». В отличие от вовлечения, которое предполагает принуждение или обман с подавлением воли, склонение основано на неагрессивном психологическом воздействии.

Данный состав является смежным со ст. 151 УК РФ. Рассматривая склонение как способ возбуждения желания совершить противоправное деяние, выраженное в потреблении НС и ПВ, можно провести аналогию с вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Отличие будет в том, что предмет по ст. 230 УК РФ это НС и ПВ, их аналоги, а в ст. 151 УК РФ одурманивающие вещества, алкоголь. Проблема в том, что при не уста-

новлении конкретного вещества, не представится возможным произвести четкую квалификацию.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, склонение несовершеннолетнего к потреблению НС, ПВ и их аналогов, безусловно, обладает высокой степенью общественной опасности и относится к высоко латентным преступлениям, ставящим под угрозу общественную нравственность, психологическое становление личности, не сформировавшееся здоровье несовершеннолетнего. Обязательно, для квалификации п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ установить умысел на возбуждение желания несовершеннолетнего потребить НС и ПВ без наступления общественно-опасных последствий в виде такого потребления.

Литература

1. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996.

2. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Обзор апелляционной практики по уголовным делам за сентябрь 2015 года / Верховный Суд Республики Коми [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Шевченко Н.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. 32 с.

5. Уголовное право. Особенная часть: Учебник. Издание второе исправленное и дополненное / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008. 800 с.

6. Приговор № 1-23/2021 1-431/2020 от 18 июля 2021 г. по делу № 1-191/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LKQqOmjlZ6d/ (дата обращения: 01.02.2026).

***К.А. Захаренкова**, курсант 2 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Т.В. Малкова
Санкт-Петербургский университет МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Как известно, человек – сознательное существо, а значит, неизменно придает своему поведению мотивационную основу, независимо от его проявлений. Это означает, что человек вполне способен осознавать и объяснять как себе, так и окружающим причины своих действий, а также принципы, которыми он руководствовался. Каждый акт – это осознанно волевое действие или бездействие, мотив которого имеет определенное обоснование, а значит совершение преступления не является исключением из этого правила. Не всегда обстоятельства, складывающиеся вокруг потенциального «преступника», имеют единственную и главенствующую роль. Манера поведения всегда выбираема и целенаправленна. Она состоит как из внешних, так и из внутренних факторов. Это могут быть внутренние проявления, такие как психологические характеристики, психофизиологические особенности, и внешние – социально-экономические или социально-бытовые факторы.

Изучая состав преступления в рамках уголовного права, принято выделять обязательные (вина) и необязательные (мотив, цель, эмоциональное состояние) признаки субъективной стороны, и именно последние являются ведущим компонентом в квалификации преступления. Мотив и цель понимаются поразному. Современная психология рассматривает мотив как внутреннюю побуждающую силу; то, что активизирует, точнее, динамизирует движение, деятельность (внешнее поведение, внутренние психические процессы), а также то, что может породить фрустрацию – невозможность удовлетворения требований динамических и активизирующих сил. К мотивам относят различные динамические структуры – электрический раздражитель, эмоциональные переживания, зарплата, чувство долга, потребность самопожертвования и т. д. Целью же называют любое предвосхищение будущих результатов. Следовательно, мотив отвечает на вопрос «почему?» в контексте преступного поведения, а цель – на вопрос «к чему» оно направлено. По сути, эти два элемента являются ключевыми для понимания движущих сил и смыслового наполнения человеческих действий [3, с. 83].

В основе поведения всегда лежит мотив. В уголовном праве под мотивами понимают корысть, хулиганские побуждения, личную неприязнь, идеологические убеждения и т. д. От возникновения потребности до совершения поступка человек проходит через ряд решений. Он неоднократно выбирает: действовать или воздержаться, какой способ выбрать для удовлетворения потребности и какие средства применить. Возможность сделать такой выбор обуслов-

лена наличием нескольких вариантов действий. Если альтернатив нет, деяние считается вынужденным, и при таких обстоятельствах отсутствие вины может исключать уголовную ответственность.

С точки зрения психики человека мотивы можно разделить на постоянные, закрепившиеся как свойства личности, и внезапно возникшие при конкретных обстоятельствах. В соответствии с разделением мотивов делятся и преступления: они могут быть заранее продуманы и организованы или совершены на почве внезапно возникшего состояния сильного душевного волнения. Например, человек обнаружил факт измены. Находясь в аффективном состоянии, он не понимает характера своих действий, но может причинить вред окружающим, а именно – совершить преступление, и мотивом здесь выступит ревность. Однако это не будет заранее продуманный поступок, но тем не менее у человека сохраняется выбор: дать волю своим эмоциям или сдержаться. Другой вариант – человек с детства мечтает стать знаменитым, но вместо того, чтобы реализоваться как личность в положительном ключе, он решает совершить «громкое» преступление и таким образом завоевать внимание СМИ. Такое противоправное деяние будет обдуманным, готовящимся заранее. При такой модели поведения, признаки желания совершить преступление могут проявляться на самых ранних стадиях, и чаще всего люди делятся мыслями такого рода с близкими родственниками или друзьями [2].

Так, преступные мотивы – это антисоциальные адаптации привычных нам мотивов поведения. У любого человека есть определенные потребности, в удовлетворении которых он нуждается, и, как правило, есть две вариации их удовлетворения. Одна – общепринятая – заработать денег, обзавестись семьей, устроиться на работу, построить карьеру. Другая – украсть, отнять, избить, изнасиловать. Второй вариант удовлетворения потребностей – это сигнал об эгоизме, эгоцентричности личности, концентрации на себе и своем благосостоянии, и преступник, как правило, выбирает именно его. Он добивается желаемого результата, ущемляя права и интересы других людей.

Часто преступники, попав на скамью подсудимых, пытаются оправдаться, объясняя свое поведение травмирующим детским опытом. Так, советский серийный убийца Анатолий Сливко при ведении личного дневника и в ходе судебных разбирательств неоднократно ссылался на психические травмы, полученные в детские годы. Статистика, показывает, что 50,32% подростков, привлекавшихся к уголовной ответственности, выделяли определенные травматические события как сильно повлиявшие на их личность и ставшие причиной совершения преступлений [1, с. 72]. Эти данные подтверждаются зарубежными и отечественными исследователями. То есть примерно половина преступников действительно совершает преступления под воздействием пережитых психотравм.

Еще один мотив, который выделяют ученые, – это потребность в самоутверждении. Самым частым преступлением, вызванным подобным мотивом, считается насилие. Человек одержим идеей показать свое превосходство, ощутить власть над потерпевшим. Субъектами таких преступлений, как правило, являются мужчины, которые при общении с женщиной занимают пассивную

позицию, и единственный способ, который они находят, чтобы исправить ситуацию, это применение физической силы.

Замещение – еще один выделяемый мотив. Обычно такое происходит, когда человек испытывает личную неприязнь, агрессию или любые другие негативные эмоции по отношению к другому, но в силу определенных обстоятельств не может их выразить в открытом диалоге. В такой ситуации он вымещает злость на неодушевленных предметах или на людях, с которыми он может себе позволить сделать это, например, на более беспомощных [4]. Так, мать, которая вошла в серьезный конфликт с мужем, может избить ребенка, попавшегося «под руку».

Что касается воров, мошенников и т. д., то, помимо необходимости удовлетворить потребность в материальных ценностях и сделать это самым простым путем, этими людьми движет такой мотив, как желание показать свои интеллектуальные способности, ловкость, сообразительность. Люди поддаются азарту, и их затягивает преступный образ жизни.

Таким образом, понимание формирования мотивов преступления чрезвычайно важно для следователя. Способность разбираться в истинных целях, побуждениях и эмоциях преступника позволяет в полном объеме раскрыть и понять субъективную сторону при квалификации преступления, а именно это и есть наиважнейшая часть уголовного судопроизводства.

Литература

1. Великоцкая А.М., Ениколопов С.Н., Хломов К.Д. Изучение ситуации правонарушения как травматического события в жизни подростка // Клиническая и специальная психология. 2018. № 3. С. 66–83.

2. Зайтаев И.Р. Психологические аспекты мотивации совершения преступления // Молодой ученый. 2017. № 4. С. 590–591. URL: https://moluch.ru/archive/138/38876 (дата обращения: 08.03.2026).

3. Сидоров К.Р. Различие потребностей, мотивов и целей в психологии // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 1. С. 82–86.

4. Чернышева Е.В. Психологические аспекты криминального поведения женщин. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-kriminalnogo-povedeniya-zhenschin/viewer (дата обращения: 08.03.2026).

***В.В. Зеленова**, курсант 2 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Т.В. Малкова
Санкт-Петербургский университет МВД России

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Причинение вреда здоровью относится к числу наиболее часто встречающихся противоправных посягательств на личность. Такие деяния представляют собой общественно опасные действия, которые несут угрозу или реальную возможность нанесения ущерба жизни либо здоровью человека, а также затрагивают безопасность общества в целом. Именно жизнь и здоровье являются приоритетными объектами уголовно-правовой защиты [1, с. 72].

В современных условиях перед Российской Федерацией стоит задача обеспечения прав и свобод личности. В этой связи правильная юридическая оценка преступлений, направленных против жизни и здоровья, имеет ключевое значение как для пострадавшего, так и для лица, привлекаемого к ответственности.

Рассматриваемые составы преступлений закреплены в главе 16 Уголовного кодекса Российской Федерации. Она объединяет нормы, устанавливающие ответственность за умышленные либо неосторожные общественно опасные деяния, повлекшие смерть потерпевшего или расстройство здоровья, а также создавшие реальную угрозу наступления подобных последствий. Жизнь и здоровье выступают в качестве видового объекта преступлений, включенных в данную главу.

Под жизнью человека понимается период его естественного существования как живого организма. Началом жизни считается момент появления ребенка на свет (начало физиологического процесса родов), а ее окончанием – биологическая смерть, при которой прекращается функционирование организма как целого.

Здоровье представляет собой состояние организма, обеспечивающее нормальную работу всех его органов и систем. Согласно п. 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (в настоящее вреда утратили силу), вред здоровью трактовался как нарушение анатомической целостности либо физиологической функции тканей и органов под воздействием различных факторов – физических, химических, биологических или психологических [3, с. 68].

По степени тяжести вред подразделяется на тяжкий, средней тяжести и легкий. Определение тяжести осуществляется в рамках судебно-медицинской экспертизы или освидетельствования.

В зависимости от объекта посягательства указанные преступления классифицируются на направленные против жизни (например, ст. 105, 110 УК РФ)

и против здоровья (ст. 111 УК РФ). Наиболее опасным посягательством на личность признается убийство (ст. 105 УК РФ), т. е. умышленное причинение смерти другому человеку.

Родовым объектом для преступлений, предусмотренных ст. 105–110.2 УК РФ, является личность. Непосредственный объект – жизнь как биологический процесс, охватывающий период от рождения до смерти. Для расследования важно установление моментов начала и окончания жизни с биологической точки зрения.

Завершением жизни (смерть) фиксируется либо как смерть мозга (полное и необратимое прекращение его функций при сохранении сердечной деятельности и искусственном дыхании), либо как биологическая смерть. В последнем случае речь идет об остановке кровообращения и дыхания, носящей потенциально обратимый характер при отсутствии признаков смерти мозга, однако на фоне прогрессирования неизлечимых заболеваний либо последствий травм, несовместимых с жизнью, а также при появлении ранних или поздних трупных изменений [4].

Объективная сторона таких преступлений выражается в активных действиях либо, в отдельных случаях, в бездействии. Для признания преступления оконченным обязательным условием является наступление смерти потерпевшего и наличие причинно-следственной связи между деянием и последствием.

С субъективной стороны большинство посягательств на жизнь совершаются умышленно. Ряд преступлений (например, ст. 110–110.2 УК РФ) могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности. Деяние, предусмотренное ст. 109 УК РФ, относится к числу исключительно неосторожных – совершенных по легкомыслию либо небрежности [2, с. 22].

Субъектом убийства (ст. 105 УК РФ) может быть вменяемое лицо, достигшее 14 лет. За остальные преступления против жизни ответственность наступает с 16 лет.

Таким образом, преступления, посягающие на жизнь и здоровье, занимают центральное место в системе уголовного права, поскольку их объектом выступают фундаментальные блага человека, принадлежащие ему от рождения. Особенность квалификации таких деяний заключается в их направленности именно против указанных благ, а также в прямой зависимости правовой оценки от фактически наступивших последствий и формы вины правонарушителя.

Литература

1. Белясов С.Н. Понятие преступлений против жизни и здоровья в доктрине уголовного права // Право и наука. 2021. С. 71–76.

2. Козлов А.В. Преступления против жизни и здоровья: основные правоприменительные проблемы // Вестник Московского университета. 2020. С. 21–24.

3. Новоселов Г.П. Преступления против жизни: система и алгоритм квалификации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. С. 66–75.

4. Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти

человека [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 950. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Е.И. Иванашкова**, студент 4 курса*
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
М.С. Титеев
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС

ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ РАЗБОЯ ОТ ИНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Тема разграничения разбоя от других преступлений против собственности сохраняет свою актуальность из-за ряда факторов, влияющих на практику правоприменения. Квалификация разбоя нередко вызывает затруднения из-за значительного совпадения объективных и субъективных признаков с другими преступлениями против собственности. Некорректная правовая оценка содеянного способна привести к чрезмерному или несправедливому наказанию. В связи с усложнением способов совершения преступлений против собственности возникает необходимость четкого разграничения составов преступлений.

Следует отметить, что разграничение разбоя (ст. 162 УК РФ) от смежных составов преступлений – насильственного грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ) имеет ряд сложностей, связанных с необходимостью точной оценки нескольких юридически значимых признаков, таких как:

– интенсивности применяемого насилия;
– момента, когда преступление считается оконченным;
– содержания и степени реальности выдвигаемых угроз.

Грабеж и разбой объединяет общая цель – противоправное изъятие имущества у потерпевшего. Однако между этими преступлениями есть принципиальное различие в характере насилия.

При совершении грабежа применение насилия отсутствует, либо сводится к действиям, не создающим существенной угрозы для жизни и здоровья потерпевшего. В подобных ситуациях ущерб носит преимущественно материальный характер, при этом физическое состояние потерпевшего, как правило, остается неизменным. Возможным негативным последствием для потерпевшего могут выступать психоэмоциональные нарушения, обусловленные фактом противоправного посягательства.

Разбой характеризуется наличием агрессивного воздействия, потенциально способного причинить физический ущерб потерпевшему. В отличие от него, грабеж зачастую обходится без применения насильственных методов [4, с. 258].

Ключевое различие заключается в степени опасности применяемых действий. При разбое совершаемые действия создают реальную угрозу жизни и здоровья потерпевшего. В случае же грабежа насилие, если оно присутствует, обычно носит демонстративный характер, его цель состоит преимущественно в запугивании потерпевшего, а не в причинении реального физического вреда.

С учетом этой особенности разбой квалифицируется как преступление, непременно связанное с насилием, опасным для жизни или здоровья. Ответственность за него предусмотрена ч. 1 ст. 162 УК РФ. При наличии отягчающих обстоятельств, перечисленных в ч. 2 и ч. 3 данной статьи, квалификация и наказание изменяются в соответствии с указанными нормами.

Так, согласно апелляционному определению Ульяновского областного суда г. Ульяновска, А.В., находясь в состоянии алкогольного опьянения, зайдя в магазин в маске, где продемонстрировал потерпевшей А. нож (деревянный), с целью передачи денежных средств. А. восприняла угрозу реальной и передала ему денежные средства, после чего он скрылся [1]. Учитывая данные обстоятельства, суд признал виновным АВ в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ (разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия).

Согласно разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, если лицо угрожало заведомо негодным или имитированным оружием, деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 162 УК РФ [3]. При этом угроза ножом, даже деревянным, создала реальную опасность для потерпевшей, что подтверждает факт разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ).

Исходя из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», потерпевшей не был причинен какой-либо вред здоровью, судом не установлено, в т. ч. на основании экспертиз, что им применялся в ходе совершения открытого хищения какой-либо предмет в качестве оружия, был ли нож, указанный в обвинении, настоящим либо декоративным» [3].

В свою очередь, основным критерием, позволяющем провести четкую границу между разграничением грабежа и разбоя, является степень причиняемого вреда. Так, разбой влечет за собой последствия для здоровья потерпевшего, тогда как при грабеже вред чаще всего ограничивается психологическим воздействием (чувством страха), без причинения вреда здоровью.

Также схожим преступлением с разбоем является вымогательство (ст. 163 УК РФ). Основным отличительным признаком данных составов является характер угрозы.

При разбое угроза насилия непосредственна и направлена на незамедлительное изъятие имущества. Требование при вымогательстве сопровождается угрозой, которая оказывает давление на потерпевшего, при этом не содержит условия о немедленном выполнении условий.

Принимая во внимание насильственные действия, совершенные в разбое, в таком случае они выступают в качестве непосредственного способа изъятия либо удержания имущества. При вымогательстве насилие не направлено на фактическое завладение материальными благами, оно служит средством психо-

логического давления, тем самым воздействует на волю потерпевшего, демонстрируя серьезность выдвигаемой угрозы.

Подводя итоги рассмотрения вопросов разграничения разбоя и вымогательства, следует отметить, что основное различие этих составов преступлений заключается в механизме посягательства на имущественные права потерпевшего. При разбое действия субъекта преступления носят прямой характер, он изымает имущество у потерпевшего с применением силы либо угрозы ее немедленного использования.

Вымогательство строится по другому принципу. Здесь передача имущества осуществляется без непосредственного насильственного изъятия. Преступник использует угрозы, которые реализует в случае невыполнения требований жертвой. Таким образом, насилие носит отсроченный, потенциальный характер, выполняя роль средства психологического давления и вынуждая потерпевшего добровольно передать имущество в обозначенный срок [2, с. 377].

Ключевым критерием, который позволяет отличить разбой от вымогательства является способ завладения имуществом и характер насилия. При разбое ценности изымаются непосредственно с применением силы, тогда как при вымогательстве передача имущества осуществляется не напрямую, а под давлением угрозы, которая может быть реализована в будущем.

Литература

1. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 29 .06.2022 по делу № 22-1279/2022. URL: http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=100396 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Мелентьев А.В. Вымогательство: уголовно-правовая характеристика и современные тенденции // Образование и право. № 4. 2020. С. 375–379.

3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/ (дата обращения: 01.03.2026).

4. Таркинский А.И., Магомедов Г.М. Проблемы разграничения грабежа и разбоя от смежных составов преступлений // Право и управление. № 1. 2025. С. 257–260.

***А.В. Иванова**, курсант 3 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
К.В. Садовых
Сибирский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В наше время человечеству приходится иметь дело с тем, как быстро и радикально меняется мир вокруг. С учетом возросшей популярности идеи глобальной цифровизации, законодатель не может игнорировать ее в чем-то положительное, а в чем-то негативное влияние на правоотношения граждан, складывающиеся в уголовном праве. В целом под понятием «цифровизация» следует понимать пересмотр и переоформление привычных процессов, алгоритмов, форм деятельности в цифровой формат или же внедрение в них цифровых технологий, с целью повысить результативность, эффективность и продуктивность.

В настоящее время основной задачей уголовного законодательства является обеспечение максимальной эффективности в борьбе с новыми видами «цифровой» преступности (дипфейки, дистанционные мошенничества, хищения через фишинговые сайты) с помощью обеспечения соответствия норм права современным реалиям.

Если говорить об изменениях, произошедших в связи с цифровизацией в уголовном законе, следует рассмотреть конкретные примеры из различных разделов УК РФ:

1. Преступления против личности. Появились новые способы совершения некоторых преступлений (побои с публичной демонстрацией в СМИ, интернете, доведение до самоубийства, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершаемые с помощью интернет-ресурсов и т. д.).

Также к примерам «нездоровых веяний цифровизации» следует относить:

– кибербуллинг (разновидность привычной всем «травли», совершаемая в цифровом пространстве, часто – анонимно);

– кибersталкинг (выслеживание человека через интернет);

–клевета, совершаемая с помощью использования технологии «дипфейк» (подмена реального лица с целью восприятия искусственно созданного идентичного реальному цифрового изображения);

– треш-стримы. По своей идее стримы были созданы ради проведения безобидных трансляций киберспортсменов, однако некоторые маргинальные личности положили начало тому, что появились треш-стримы, смысл которых заключается в том, что человек в процессе ведения трансляции совершает опасные, унижающие честь и достоинство, а не редко, противозаконные действия ради одобрения зрителей и заработка. Так, блогера Стаса Решетникова,

известного как Reeflay, признали виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, и назначили ему наказание в виде шести лет колонии строгого режима за то, что он избил и вывел на улицу девушку во время одной из своих трансляций, в результате чего девушка скончалась [1].

Данная особенность наблюдается повсеместно. Многие виды преступлений, как и способы их совершения, эволюционируют и видоизменяются, появляются новые направления преступности.

2. Преступления в сфере экономики. При том уровне доступа к личным данным, который имеется у современных устройств связи, повсеместном использовании компьютерной и иной техники в рабочих и личных целях, при малом уровне просвещенности об основах работы той или иной техники, и растущей мощности компьютеров, предвещающей возможность расшифровки любых зашифрованных персональных данных, не трудно понять, почему же так стремительно возрастает количество киберпреступлений. Так, в 2025 г. зафиксировано 118 случаев утечек персональных данных – это меньше, чем годом ранее. В Сеть попали более 52 млн записей. В 2024 г. – 135 утечек и свыше 710 млн скомпрометированных записей [2]. Сложности в данной сфере для правоприменителя вызывают вопросы квалификации посягательств на оборот криптовалюты.

Само понятие криптовалюты не закреплено на законодательном уровне, а также данный вид цифровых денег не отнесен Гражданским кодексом Российской Федерации к охраняемым законом объектам гражданских прав. Соответственно, возникают проблемы в том, чтобы признать посягательство на криптовалютные средства преступлением, а также доказать, что они действительно являются своеобразным правом, которое нуждается в защите со стороны государства. Однако судебная практика по-разному относится к понятию криптовалюты: иногда она признается судом разновидностью цифрового права и т. п. Например, суд признал гражданина А. виновным по ч. 3 ст. 159 УК РФ и ч. 1 ст. 171.1 УК РФ при следующих обстоятельствах: А., в мессенджере Telegram осуществил хищение чужого имущества – цифровых виртуальных активов (криптовалюты) путем обмана под предлогом получения прибыли при торговле виртуальными активами (криптовалютой) на криптовалютном рынке [3].

Еще одним проблемным вопросом, связанным с особенностями цифровизации, является проблема контроля использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) и использование его в качестве орудия преступления. Однако следует отметить и положительные черты цифровизации, связанные с использованием ИИ. Благодаря его способности обрабатывать огромные объемы информации, быстро производить анализ и прогнозировать тот или иной исход ИИ активно используют в правоохранительной деятельности для анализа, выявления людей, находящихся в группе риска, персонификации и автоматизации поисковых процессов. Так, например, ИИ способен увеличить скорость, качество и эффективность распознавания устной речи, полученной в результате использования технических средств аудиозаписи в уголовном процессе [4, с. 2–3]. Потенциально, ИИ также можно применять и для снижения уровня преступности

с помощью алгоритмов выявления уязвимых к преступным посягательствам категорий лиц: легковнушаемые, пенсионеры, бывшие жертвы мошенников и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровизация оказывает значимое влияние на уголовное право. Она становится причиной необходимости нововведений и пересмотра устоявшихся методов совершения преступлений, способствует улучшению и продуктивности функционирования уголовно-правовой системы и расследованию преступлений, упрощает и автоматизирует многие процессы. Учитывая скорость, с которой все вокруг терпит изменения, стремясь к идеалам информационного общества и государства, следует понимать, что перед законодателем на данном этапе стоит задача поддерживать соответственную достаточность и современность уголовного закона в условиях активно перестраивающейся и приспосабливающейся к нововведениям деятельности преступников.

Литература

1. Блогера приговорили к шести годам из-за смерти девушки во время стрима // РБК. URL: https://www.rbc.ru/society/27/04/2021/6088418a9a794712ab28c1c1 (дата обращения: 14.04.2026).

2. Вестник Киберполиции России. URL: https://t.me/cyberpolice_rus (дата обращения: 14.04.2026).

3. Приговор № 1-947/2024 от 17 ноября 2024 г. по делу № 1-947/2024 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/gmTFb0zg5yb5/ (дата обращения: 14.04.2026).

4. Проваткина В.Е., Шенер Э.А., Волошина Т.В. Развитие уголовного права в условиях современных цифровых технологий // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11. С. 1–5.

***Д.П. Ивченко**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.М. Шаганова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

На сегодняшнем этапе эволюции уголовного законодательства все более значимой становится проблема борьбы с экологическими преступлениями, которые посягают на сохранность окружающей среды и разумное использование природных богатств. Одним из самых распространенных деяний экологической направленности выступает незаконная охота, ответственность за которую устанавливается ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Актуальность изучения данной темы обусловлена тем, что противоправное изъятие объектов животного мира наносит серьезный урон экологическому равновесию, ведет к уменьшению популяций отдельных видов животных и отрицательно сказывается на состоянии природных экосистем. При этом указанная категория преступлений отличается высокой степенью латентности, а правоприменительная практика испытывает существенные трудности при их юридической оценке [1, с. 8].

В научной литературе отсутствует единство взглядов на определение момента окончания незаконной охоты. Часть исследователей полагает, что преступление следует считать оконченным с момента фактической добычи животного, другая часть – с момента начала действий, непосредственно нацеленных на его поиск и преследование [2, с. 657].

Для устранения этой проблемы предлагается дополнить ст. 258 УК РФ примечанием, где следует указать, что преступление считается оконченным с момента начала действий по поиску, выслеживанию и преследованию охотничьих ресурсов с целью их добычи, независимо от фактического результата охоты.

Предлагаемое дополнение имеет под собой как теоретическую, так и практическую основу.

Во-первых, с позиции теории уголовного права, состав преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ является формальным. Это означает, что законодатель связывает окончание преступления не с наступлением последствий (например, гибелью животного или извлечением материальной выгоды), а с самим фактом совершения общественно опасного деяния, нарушающего установленный порядок природопользования. Однако существующая неопределенность в понимании момента окончания фактически размывает границы формального состава, приравнивая его в правоприменении к материальному.

Во-вторых, общественная опасность незаконной охоты заключается не только в уничтожении конкретной особи, но и в самом противоправном вмешательстве в природную среду. Поиск, выслеживание и преследование с использованием запрещенных орудий, способов или в запрещенное время уже сами по себе способны причинить вред: разрушение мест обитания животных, травмирование особей, оставшихся в живых, нарушение репродуктивного цикла [4, с. 80]. Следовательно, признание момента окончания преступления на стадии поиска и преследования в полной мере отражает реальную степень опасности такого посягательства и позволяет привлекать к ответственности за сам факт браконьерского поведения, а не только за его летальный исход.

В-третьих, предлагаемый подход устраняет проблему квалификации в ситуациях, когда фактическая добыча не наступила по независящим от виновного причинам. При действующем правовом регулировании суды вынуждены переквалифицировать такие деяния на покушение (ч. 3 ст. 30 и ст. 258 УК РФ), что влечет необоснованное смягчение ответственности по правилам ст. 66 УК РФ [3, с. 147]. Между тем умысел виновного был полностью реализован: он совершил все действия, которые считал необходимыми для добычи. Единственное, что помешало – случайный фактор (например, животное ушло от преследования или было спасено третьими лицами). Квалификация как оконченного пре-

ступления в таких случаях более точно соответствует принципу справедливости и субъективному вменению.

В-четвертых, избранная законодателем конструкция позволяет четко отграничить оконченное преступление от стадии приготовления. Приготовление к незаконной охоте (например, приобретение капканов, договоренность с соучастниками, въезд в лесной массив) еще не образует состава. Как только лицо приступает к поиску следов, выслеживанию конкретного животного или его целенаправленному преследованию – деяние переходит в стадию оконченного преступления. Это позволяет четко определить, когда преступление считается совершенным, и избавляет от ситуации, когда один следователь квалифицирует действия браконьера так, а другой – иначе [5, с. 40].

Серьезные сложности возникают и при квалификации незаконной охоты, совершенной несколькими соучастниками. Законодатель предусматривает ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, однако не учитывает случаи совершения деяния простой группой лиц без предварительного сговора.

Это приводит к тому, что лица, действовавшие совместно, привлекаются к уголовной ответственности без учета группового характера совершения преступления, что не соответствует принципу справедливости и не учитывает повышенную общественную опасность группового способа совершения преступления.

Так, в приговоре Ужурского районного суда указано: «В ходе предварительного следствия не было установлено, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, непосредственно направленных на незаконную охоту, состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла, а также какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления. … С учетом установленных обстоятельств, суд приходит к выводу о том, что ФИО1 совершил преступление в группе лиц, однако, поскольку квалифицирующий признак «группой лиц» не предусмотрен диспозицией ч. 2 ст. 258 УК РФ, он не может быть вменен ФИО1 и подлежит исключению при квалификации деяния ФИО1 по ч. 2 ст. 258 УК РФ» [6].

Проведенный анализ позволяет выделить несколько направлений совершенствования уголовно-правового регулирования в сфере охраны животного мира:

– законодательное закрепление момента окончания незаконной охоты в примечании к ст. 258 УК РФ;

– внесение в ч. 2 ст. 258 УК РФ признака «совершенное группой лиц».

Таким образом, эффективное противодействие незаконной охоте возможно лишь при условии дальнейшего совершенствования уголовного закона, формирования единообразной судебной практики и развития научных подходов к квалификации экологических преступлений.

Литература

1. Алференок Е.А., Малихова П.О. Проблемы квалификации незаконной охоты // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Всероссийская научно-практическая конференция. Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России им. В.В. Лукьянова, 2023. С. 8–10.
2. Зеленский А.В., Богинич А.А. Незаконная охота: проблемы квалификации // Аллея науки. 2018. № 9. С. 657–659.
3. Каримова Ч.Р. Проблемы квалификации незаконной охоты // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 144–149.
4. Уфимцев И.А. К вопросу о понятии незаконной охоты как признака состава преступления, предусмотренного статьей 258 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4. С. 79–86.
5. Фосова А.А. Противодействие расследованию по преступлениям, связанным с незаконной охотой (ст. 258 УК РФ) // ScienceTime. 2020. № 5. С. 39–42.
6. Приговор № 1-137/2024 1-16/2025 от 19 июня 2025 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/E95RZczXVwoW/ (дата обращения: 10.03.2026).

В.В. Игнатьева*, курсант 2 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Т.В. Малкова
Санкт-Петербургский университет МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИЯХ В КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Для эффективного расследования и раскрытия преступлений, разработки мер по профилактике правонарушений необходимо глубокое исследование и анализ сложной системы взаимосвязанных составляющих – мыслей, побуждений, мотивов, поступков, эмоциональных состояний и прочих внутренних и внешних факторов, которые приводят к совершению преступлений. В криминальной психологии, которая занимается изучением психологических причин преступного поведения, а также особенностями личности преступников и криминальных групп, в настоящее время происходит целый ряд инноваций. Они направлены на глубокое изучение причин преступности, развитие методов психологического профилирования правонарушителей, использование современных информационно-коммуникационных технологий и новейшего оборудования, разработку новых подходов к профилактике, совершенствование экспертных методов. Эти инновационные направления деятельности призваны помочь специалистам выявлять причины совершения преступлений, оценивать риски

и, что крайне важно, раскрывать и предотвращать преступления. Рассмотрим опыт исследований, проведенных в Китайской Народной Республике, по выявлению и анализу мотивации преступлений на основе сигналов электроэнцефалографии.

С целью исследования неврологических механизмов, лежащих в основе преступных решений, используется электроэнцефалография (далее – ЭЭГ). На ее основе ученые планируют осуществить разработку надежных систем, которые позволили бы точнее и объективнее устанавливать и оценивать мотивы преступлений. Кроме того, этот новый подход определенно упрощает количественный анализ по сравнению с традиционными методами.

С целью анализа сигналов ЭЭГ такие методы, как частотно-временной анализ, вейвлет-преобразования и спектральная плотность мощности, использовались для извлечения признаков из сигналов ЭЭГ, в то время как выбранные экспертом правила применялись для сопоставления этих признаков с определенными когнитивными состояниями. Это позволило сделать первые шаги в понимании связи между активностью мозга и мотивацией к преступлению [6]. Однако ручной выбор признаков ограничивал возможности анализа сложных и изменчивых ЭЭГ-сигналов. Кроме того, интерпретируемость этих признаков часто достигалась за счет снижения их применимости к разным группам людей или новым ситуациям, что привело к необходимости перехода к более продвинутым методам [3].

В попытках преодолеть недостатки традиционных подходов к анализу ЭЭГ были разработаны алгоритмы машинного обучения, направленные на улучшение интерпретации и анализа данных [5]. Они применялись для классификации паттернов ЭЭГ, связанных с различными эмоциональными и когнитивными состояниями. Эти методы автоматизировали процесс извлечения признаков и повысили гибкость анализа мотивов преступлений. Для упрощения данных и повышения эффективности мультимодального анализа использовались методы снижения размерности, такие как метод главных компонент (PCA – principal component analysis) и анализ независимых компонент (ICA – independent component analysis) [1]. Однако эти модели часто приводили к трудностям в обобщении результатов на разные наборы данных и в выявлении сложных взаимосвязей в сигналах ЭЭГ, что ограничивало их применение в реальных, сложных ситуациях.

Недавние достижения в области глубокого обучения коренным образом изменили подход к выявлению мотивов преступлений с помощью ЭЭГ, обеспечив сквозное обучение и более глубокий анализ данных. Сверточные нейронные сети (CNN – convolutional neural networks) и рекуррентные нейронные сети (RNN – recurrent neural networks) использовались для выявления пространственных и временных зависимостей в данных ЭЭГ [2].

Главная проблема заключается в том, что существующие методы не позволяют создать полную картину мотивации преступников, учитывая личные особенности, социальное окружение и меняющиеся обстоятельства. Предыдущие исследования часто опирались на упрощенные модели или методы, которые не учитывали сложного и изменчивого характера преступных намерений.

Кроме того, отсутствие возможности анализа в реальном времени и моделирования различных сценариев ограничивало практическое применение этих исследований в правоохранительной деятельности и судебной практике.

Для заполнения этого пробела исследователи [4] предложили иерархическую сетевую модель мотивации преступлений (HCM-Net – Hierarchical Crime Motivation Network) – многоуровневую структуру, которая сочетает в себе анализ ЭЭГ-сигналов с социальным и временным моделированием. В ней применяются нейросетевые кодировщики признаков для обнаружения индивидуальных черт, графовые нейронные сети для учета социальных влияний и рекуррентные предикторы для анализа временных зависимостей. Также исследователи представляют динамическую стратегию адаптации к рискам, которая обеспечивает гибкость в реальном времени, возможность моделирования различных сценариев и проведения целенаправленных вмешательств. Эта новая многоуровневая структура не только увеличивает точность классификации мотивов, но и обеспечивает интерпретируемость с помощью объяснимых методов искусственного интеллекта, что делает ее более эффективной для осуществления криминологических исследований. Устраняя недостатки предыдущих подходов, это решение создает прочную базу для анализа мотивации преступников с использованием ЭЭГ-сигналов, что может оказать существенное положительное влияние на качество профилактической работы и психолого–правовых исследований.

Таким образом, предложенный исследователями из Китайской Народной Республики метод, обладает следующими ключевыми преимуществами:

– объединяет современные архитектуры глубокого обучения со специализированными процессами предварительной обработки ЭЭГ, что способствует улучшению точности в определении мотивации;

– поддерживает мультимодальную интеграцию и обеспечивает высокую эффективность при работе с разнообразными наборами данных, что позволяет адаптировать метод для различных задач криминологии;

– гарантирует непревзойденную точность классификации мотивов, демонстрируя свою полезность в области противодействия преступлениям.

Литература

1. Bordoloi M., Biswas S.K. Sentiment analysis: a survey on design framework, applications and future scopes. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10462-023-10442-2 (дата обращения: 12.02.2026).

2. Cambria E., Mao R., Han S., Liu Q. Sentic parser: a graph-based approach to concept extraction for sentiment analysis. IEEE International Conference on Data Mining Workshops (ICDMW). 2022. URL: https://ieeexplore.ieee.org/document/10031225 (дата обращения: 12.02.2026).

3. Das R., Singh T.D. Multimodal sentiment analysis: a survey of methods, trends, and challenges. URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3586075 (дата обращения: 12.02.2026).

4. Ma D. Research on crime motivation identification and quantitative analysis methods based on EEG signals. Frontiers in Psychology. URL:

https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2025.1544589/full#B26 (дата обращения: 12.02.2026).

5. Qi Y., Shabrina Z. Sentiment analysis using twitter data: a comparative application of lexicon- and machine-learning-based approach. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s13278-023-01030-x (дата обращения: 12.02.2026).

6. Zhang B., Yang H., Zhou T., Babar M.A., and Liu X.-Y. Enhancing financial sentiment analysis via retrieval augmented large language models. URL: https://dl.acm.org/doi/10.1145/3604237.3626866 (дата обращения: 12.02.2026).

В.Е. Ильенко, *курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.Ф. Федоров, *канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ПРЕСТУПНОСТИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ ТОМАСА МОРА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Томас Мор занимает в истории криминологической мысли особое место не потому, что создал самостоятельную науку о преступности, а потому, что одним из первых в европейской социально-правовой традиции поставил вопрос о том, что преступление нельзя объяснять только порочностью отдельного человека. В его рассуждениях уже содержался принцип, который позднее станет одним из базовых для социологического и критического направлений криминологии: преступность возникает не в отвлеченном моральном вакууме, а в определенной социальной среде, где бедность, имущественное расслоение, лишение средств к существованию и несправедливая организация общественной жизни создают почву для противоправного поведения. Исследователи современной историко-правовой и философской литературы подчеркивают, что в связи с Мором особенно важен именно переход от морализаторского объяснения преступления к выявлению его общественных оснований [1].

Для современной криминологии такая постановка вопроса сохраняет методологическую значимость. Новейшие учебные и научные издания определяют криминологию как социально-правовую науку о преступности, ее детерминантах, личности преступника и предупреждении преступности [7]. Это означает, что преступность и сегодня осмысляется не просто как сумма индивидуальных деяний, а как исторически изменчивое массовое явление, тесно связанное с устройством общества, распределением ресурсов, состоянием социальных институтов и характером общественных отношений [4]. В этом Мор оказался удивительно современен: его идеи не совпадают полностью с понятийным аппара-

том нынешней науки, однако логика его размышлений прямо соотносится с современным пониманием детерминант преступности [8].

Актуальность идей Томаса Мора особенно заметна при анализе бедности как криминогенного фактора. Современные авторы прямо указывают, что нищета, безработица, низкий доход, неустойчивость занятости и экономическая депривация сохраняют значение в причинном комплексе преступности. При этом речь идет не о механическом тождестве бедности и преступности, а о формировании среды повышенного риска, в которой дефицит легальных жизненных возможностей усиливает мотивацию к противоправному присвоению. Мор видел в бедности не частный бытовой недостаток, а признак порочного общественного порядка. Современная криминология говорит об этом на ином языке, однако смысловая связь очевидна [2].

Не менее важна и проблема социального неравенства. Для Мора критика имущественной поляризации была связана с более широким вопросом о справедливости общественного устройства. В современных работах эта линия получает развитие в анализе преступности как реакции на статусную фрустрацию, социальную исключенность и институционально закрепленное неравенство [6]. Значение имеет не только абсолютная бедность, но и сравнительное положение человека в социальной структуре, его восприятие собственной вытесненности из нормальных каналов социальной мобильности. Когда общество демонстрирует резкий разрыв между декларируемыми ценностями успеха и реальными возможностями их достижения, создается благоприятная среда для роста имущественных, насильственных и рецидивных форм преступности [3].

Современные данные о повторной преступности также подтверждают значимость социального измерения проблемы. В исследованиях последних лет к числу основных причин рецидива отнесены трудности трудоустройства, отсутствие жилья, утрата трудовых навыков, дефицит социальной поддержки и стигматизация лиц, отбывших наказание [9]. Иначе говоря, даже после формального исполнения наказания преступность воспроизводится не только внутренними установками личности, но и неблагоприятной социальной средой, которая блокирует возвращение к законопослушной жизни. Этот вывод принципиально совпадает с нравственно-политической интуицией Мора: общество, создающее условия для отчуждения и лишения, само участвует в воспроизводстве преступности. В современных условиях к традиционным формам неравенства добавляется еще и цифровое расслоение. Новейшие исследования показывают, что цифровое неравенство становится фактором преступности, поскольку сопряжено с разницей в доступе к информации, образованию, безопасным технологиям и возможностям легальной социальной адаптации.

Современная российская статистика, хотя и фиксирует общее снижение зарегистрированной преступности в 2025 году на 7,3 %, одновременно показывает, что проблема преступности не может быть сведена к простой динамике общего числа зарегистрированных деяний [5]. Существенное значение сохраняют преступления, связанные с информационно-телекоммуникационными технологиями, повторная преступность, имущественные и иные деяния, чувствительные к социальным изменениям [5]. Поэтому в современной кримино-

логии востребован именно тот тип анализа, который выходит за пределы формальной уголовно-правовой регистрации и обращается к социальным основаниям преступности, к вопросам бедности, качества социальной политики и эффективности институтов поддержки [4].

Научная ценность обращения к идеям Томаса Мора состоит еще и в том, что они позволяют критически оценить ограниченность чисто карательного подхода. Если преступность имеет социальные корни, то усиление наказания само по себе не устраняет порождающих ее условий. Современная криминология подтверждает это, развивая общесоциальное направление профилактики, в рамках которого предупреждение преступности связывается с повышением уровня жизни, снижением неравенства, укреплением семьи, расширением доступа к образованию, занятости и ресоциализационным программам [7]. Именно в этом проявляется практическая актуальность идей Мора: они задают оптику, в которой борьба с преступностью понимается не только как реакция государства на уже совершенное деяние, но и как системная работа по снижению социальных оснований криминогенности.

Таким образом, идеи Томаса Мора сохраняют значимость для современной криминологии по трем основным причинам. Во-первых, они содержат раннюю и концептуально важную мысль о социальной обусловленности преступности. Во-вторых, они позволяют рассматривать бедность, неравенство и социальную исключенность как существенные элементы причинного комплекса преступности. В-третьих, они ориентируют научный и практический поиск на меры общесоциальной профилактики.

Литература

1. Васильева С.А. «Преступность есть род нравственной болезни…»: представления о средствах и методах лечения и профилактики криминального поведения в англо-американском социокультурном пространстве в конце XVIII – начале XIX вв. // Вестник Владикавказского научного центра. 2023. № 3. С. 49–53.

2. Давитадзе М.Д. Бедность и нищета как криминогенные факторы преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 44–47.

3. Долгих А.Ю. Utopia et criminalia («Утопия и преступные дела») // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 94–108.

4. Долгова А.И. Криминология: краткий учебный курс. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 368 с.

5. МВД России. Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году. URL: https://mvdmedia.ru (дата обращения: 14.03.2026).

6. Пинкевич Т.В. Цифровое неравенство как фактор преступности // Виктимология. 2024. № 4. С. 538–545.

7. Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. Криминология: учеб. пособие. Казань: Бук, 2023. 94 с.

8. Родионова А.А. Причины и условия преступности в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5–4.

9. Суслов Ю.Е., Федоров А.Ф., Беспалова А.В. Современные проблемы повторной преступности. Социально-психологический аспект // Психология и право. 2024. № 4. С. 68–84.

***Д.К. Капранчук**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Г.Н. Миронова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 228.1 УК РФ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Основной задачей современного российского государства является создание эффективно работающей нормативной базы, в т. ч. регулирующей вопросы предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

В действующем УК РФ предусмотрено несколько составов преступлений, непосредственно связанных с нелегальным оборотом наркотических средств, в частности, гл. 25 УК РФ предусматривает преступления, посягающие на здоровье населения и общественную нравственность.

Для характеристики понятия «здоровье», необходимо обратиться к федеральному закону от 21.11.2011 № 323-ФЗ, который закрепляет, что под данной категорией необходимо понимать «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [5].

Обращаясь к научной литературе, стоит отметить, что нравственность, в свою очередь, это «непосредственное отражение условий общественной жизни в сознании людей в виде категорий справедливости и несправедливости, добра и зла и т. д.» [3, с. 365–367].

Характерной чертой преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, является наличие специфического предмета посягательства. Согласно федеральному закону от 08.01.1998 № 3-ФЗ, под наркотическими средствами необходимо понимать «вещества синтетического или естественного происхождения, препараты, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» [6].

В связи с альтернативным описанием объективной стороны указанного состава преступления, а именно незаконным производством, сбытом или пере-

сылкой наркотических средств лицом, проблемным вопросом выступает отграничение оконченного состава и покушения по ст. 228.1 УК РФ.

Также в рамках данной темы, необходимо обратиться к понятию сбыта, закрепленному в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14. В соответствии с п. 13 указанного постановления под незаконным сбытом наркотических средств следует понимать «незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию … другому лицу» [1]. Важно отметить, что в сравнении с предыдущей редакцией настоящего постановления момент окончания рассматриваемого преступления наступает на более раннем этапе, в связи с чем, оконченным сбытом следует признавать не сам сбыт, а действия, на него направленные, что является противоречащим теории уголовного права.

Проблемным вопросом в судебной практике выступает определение стадии покушения по ст. 228.1 УК РФ. Данная проблема берет свои истоки еще с середины XIX в. Примечательно, что в своей работе «Русское уголовное право. Часть Общая» Н.С. Таганцев уделил институту покушения значительное внимание. Ученый отмечал, что покушение «существует в тех случаях, когда из объективных фактов ясно вытекает, что данное действие предпринято для нарушения уголовного закона», а также «когда действие свидетельствует, что лицо приступило к непосредственному совершению самого преступления» [4, с. 692].

При определении признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, необходимо устанавливать направленность умысла виновного, нацеленного на осуществление незаконного сбыта наркотических средств. Судам при назначении наказания необходимо руководствоваться разъяснениями, данными в п. 13.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14, указывающими на возникновение «независящих от лица обстоятельств», препятствующих осуществлению передачи наркотических средств приобретателю. В данном случае указанные действия необходимо квалифицировать именно как покушение на сбыт, т. е. с применением ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Обращаясь к показателям судебной статистики Российской Федерации за 2024 г., стоит отметить, что общее количество осужденных по ст. 228.1 УК РФ составило 19 823 человека, что является высоким показателям.

Переходя к результатам нашего исследования, стоит отметить, что, нами было проанализировано более 50 приговоров по применению ст. 228.1 УК РФ. В исследовании была использована крупнейшая в сети база судебных актов, судебных решений и нормативных документов (СудАкт). Проводя анализ судебной практики, был сделан вывод о возникновении случаев, свидетельствующих о неправильном определении стадии совершения преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, что непосредственно влияет на назначение самого наказания.

Примером служит постановление Президиума Московского городского суда от 23 июля 2019 года, в котором была рассмотрена кассационная жалоба осужденного о пересмотре приговора, которым гражданин был осужден по

п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 7 годам лишения свободы. Из материалов дела известно, что гражданин Ф. заранее получив от неустановленного соучастника вещество, содержащее наркотические средства, в крупном размер, прибыл к гаражному комплексу, где сделал две закладки наркотического средства, затем, направляясь к автотехническому центру, в тех же целях, намеревался исполнить свой преступный умысел, но был задержан сотрудниками полиции. Виновный сделал фотографии мест нахождения закладок, однако не направил их другому соучастнику в связи с задержанием его сотрудниками полиции. Президиум постановил об удовлетворении кассационной жалобы осужденного, а также переквалифицировал действия Федотова на ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, и назначил наказание в виде 6 лет лишения свободы [2].

Таким образом, стоит отметить, что необходимо различать признаки, влияющие на определение стадии совершения преступления, что, в свою очередь, напрямую влияет на назначение наказания по ст. 228.1 УК РФ. Правильное определение стадии является гарантией соблюдения принципов уголовного права, а также назначения справедливого наказания.

Литература

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2019 по уголовному делу № 44у-319/19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Российское уголовное право: учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 774 с.

4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции. СПб., 1902. Т. 1. С. 692.

5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***У.М. Караченцева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.Е. Суверов**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СПОСОБА МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Современная организованная преступность в сфере оборота ценных активов, недвижимости, долей в уставных капиталах практически отказалось от простых схем хищения. Наиболее распространенным методом стало создание так называемых мошеннических цепочек – серии последовательных, формально законных сделок, направленных на прерывание связей между первоначальным собственником и похищенным имуществом. Для правоприменителя такие схемы создают комплекс проблем, связанных с юридической оценкой звена данной цепи.

Интересно мнение старшего партнера фирмы «Ляпунов, Терехин и партнеры», Филиппа Терехина, который подсчитал, что за последние два года количество судебных решений, признающих сделки купли-продажи жилья недействительными из-за обмана, угрозы и неблагоприятных обстоятельств увеличилось на 15–20 %. С начала 2025 г. в судах рассматривалось около 6,7 тыс. дел по таким спорам [3].

Необходимо помнить, что ст. 40 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на жилище, которое относится к конституционным правам человека и заключается в обеспечении государством стабильного, постоянного пользования жилым помещением. В связи с этим важной задачей становится изучение коллизии при определении такого способа мошенничества с недвижимостью как «цепочки».

Традиционно в теории уголовного права, мошенничество считается оконченным с момента получения возможности распорядиться похищенным имуществом или правом пользования таким имуществом. Но в случае с «цепочкой» перед нами встает вопрос: «Считается ли преступление оконченным после первой сделки или необходимо рассматривать всю серию перепродаж недвижимости, как продолжаемое преступление?».

В доктрине уголовного права выделяют две точки зрения на поставленный нами вопрос и различаются они направленностью умысла [1, с. 60].

Так первая точка зрения, более узкая, включает в себя то, что мошенничество, совершаемое путем «цепочки», окончено, когда имущество перешло к первому номинальному владельцу, таким образом, все последующие сделки считаются тем самым распоряжением похищенным имуществом и уже не входят в состав хищения.

Вторую точку зрения считают более широкой, поскольку она содержит утверждение, опирающиеся на изначальный умысел виновных лиц, а именно

охватывал ли он реализацию имущества конечному добросовестному приобретателю для получения денежных средств. Если такой умысел подтвердится, то данное преступление следует считать единым и продолжаемым.

Проблема заключается в том, что квалификация по первой сделке часто не позволяет определить роль организаторов, которые вступают в «цепочку» на последующих этапах перепродажи.

Необходимо рассмотреть и субъективную сторону, анализируемого нами состава преступления. Так, в «цепочках» мошенников часто задействуются лица, исполняющие роль «добросовестных приобретателей», которые повсеместно отрицают причастность к незаконным действиям по перепродаже недвижимости, они и отрицают свою осведомленность о преступном происхождении полученной недвижимости, в связи, с чем квалифицировать их действия как соучастие в мошенничестве становится затруднительно [2, с. 70–71].

При замыкании мошеннической цепочки, лица, совершающие данные противоправные деяния, активно пользуются институтом добросовестного приобретателя, поскольку именно он позволяет создать видимость «чистой» истории объекта недвижимости в государственном реестре. Так следователи часто сталкиваются с тем, что гражданский суд уже признал сделку законной, а приобретателя – добросовестным и квалифицировать данные действия в рамках уголовного дела становится крайне затруднительно. Это требует пересмотра подходов к преюдиции по делам о мошенничестве.

Для эффективного противодействия «цепочкам» мы предлагаем рассматривать серию сделок с недвижимостью, как единое преступление с момента первого получения права владения до момента реализации данного права конечному добросовестному приобретателю. Также необходимо внедрить практику проведения обязательного проведения анализа цены, где явное занижение или завышение цены должно рассматриваться, как объективный признак участия в преступной схеме нескольких лиц (соучастия).

Литература

1. Белов Е.В. Об обязательных признаках субъективной стороны мошенничества с недвижимостью в жилищной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 12. С. 59–61.

2. Вещицкий Е.С., Кузовская А.А., Дроздов Д.Е. Специфика преступлений, связанных с хищением недвижимости совершенных мошенническим способом // Скиф. 2022. № 1. С. 65–80.

3. Сделок на вторичном рынке стало меньше, а мошенничества – больше // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8232343 (дата обращения: 26.04.2026).

***Д.А. Кигитович**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

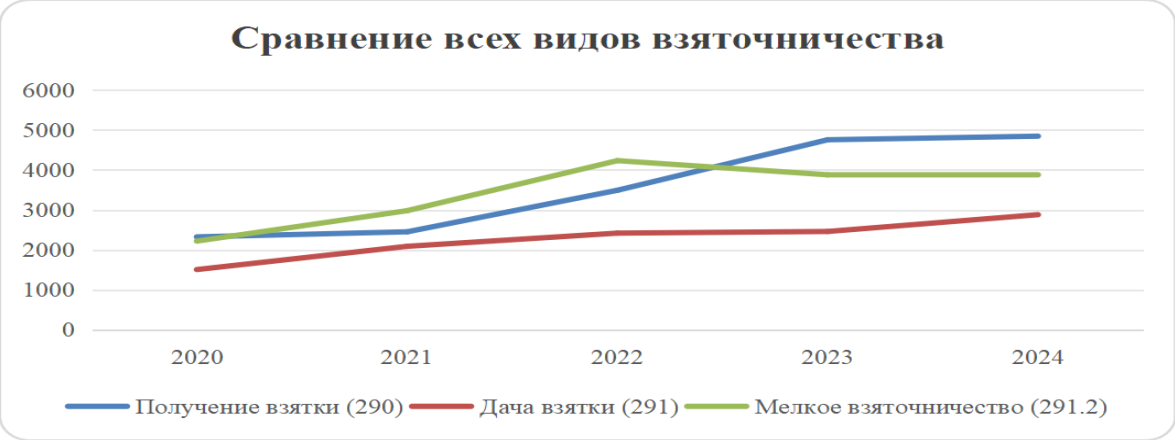
Научный руководитель:
***Г. Н. Миронова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Коррупция является одним из наиболее опасных и устойчивых социальных явлений, оказывающих деструктивное влияние на политическую систему, экономику, социальное благополучие общества и доверие граждан к государственным институтам. Согласно данным официальной статистики, коррупционные преступления в России остаются стабильно высокими на протяжении последних лет, несмотря на реализуемые государством меры по профилактике, пресечению и снижению уровня коррупции. Так, из всех преступлений коррупционной направленности за первое полугодие 2025 / 56 % – это взяточничество и 44 % иные преступления коррупционного характера.

Похожая статистическая ситуация была и в прошлые года, к примеру, в 2020 г. количество преступлений в сфере дачи и получения взятки составляло 47,8 % от общего числа преступлений коррупционной направленности, в 2021 г. – 58,6 %, 2022 г. – 49,3 %, 2023 г. – 50,4 %, 2024 г. – 53,3 % соответственно [1].

В данной научной работе были проанализированы статистические данные по ст. 290, 291, 291.2 УК РФ, как самым распространенным составам преступлений коррупционной направленности в период с 2020 по 2025 г. [1].

Исходя из графика, можно сделать вывод, что по ст. 290 УК РФ (получение взятки) наблюдается устойчивая тенденция роста: с 2325 преступлений в 2020 г. до 4844 в 2024 г. Данный состав характеризуется высокой латентностью, поскольку получение взятки является деянием, скрываемым обеими сто-

ронами, а доказанность виновности должностного лица требует проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий.

Дача взятки (ст. 291 УК РФ) демонстрирует более умеренный, и устойчивый рост, если в 2020 году было зарегистрировано 1508 таких преступлений, то в 2024 г. уже – 2880. Рост объясняется расширением практики возбуждения дел в отношении граждан, передающих взятки сотрудникам ГИБДД, медицинским работникам, преподавателям, специалистам МФЦ, паспортных столов и регистрирующих органов. При этом в примечании к статье указаны условия, при которых лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, что активно применяется на практике.

Особый интерес вызывает анализ статистики мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ). Так, количество преступлений выросло с 2220 в 2020 г. до 4232 в 2022 г., что свидетельствует о широком распространении бытовой коррупции в стране. Спад, который заметен на графике в 2023-2024 годах, объясняется цифровизацией различных услуг в области государственной деятельности, медицины и образования, т. к. личный контакт с должностными лицами становится минимальным. При этом общий уровень мелкого взяточничества продолжает оставаться на высоком уровне, что свидетельствует о социальных проблемах, таких как: низкий уровень жизни населения, недоверие граждан к официальным институтам государства, убежденности в необходимости передачи небольшой суммы должностному лицу для «ускорения процесса» и проч.

Можно сделать вывод, что структура коррупционных преступлений в сфере взяточничества смещена в сторону получения взяток на 19–20 % от всех преступлений, а доля мелкого взяточничества составляет около 18 % от общего числа. Это подтверждает, что коррупция носит системный характер и затрагивает все уровни государственного управления.

Для изменения общей ситуации и решения вопроса о способах снижения коррупционной преступности, разработаны несколько направлений. Во-первых, цифровизация государственных услуг и минимизация контакта граждан с должностными лицами. Примеры внедрения электронных «Госуслуг» показывают снижение коррупционных проявлений в сферах регистрации бизнеса, оформления документов, подачи заявлений. Во-вторых, реформа системы антикоррупционного контроля, включая расширение полномочий органов прокуратуры. К таким реформам можно отнести принятие Федерального закона от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который обеспечивает контроль не только за доходами, но и за расходами. Руководители учреждений впредь обязаны отчитываться о расходах, если сумма сделки превышает общий доход их и супругов за три предшествующих года. Непредоставление сведений или указание ложных данных о расходах служит основанием для увольнения [2]. В-третьих, ужесточение наказания за совершения коррупционных преступлений. Исходя из анализа судебной статистики за 2020-2025 г. основным наказанием (87 %) является штраф [1]. Данный вид наказания не является эффективным, т. к. он не несет в себе карательного потенциала.

В заключение следует отметить, что коррупция в России остается серьезной проблемой, требующей системной работы и комплексных мер. Анализ статистики за 2020–2025 гг. показывает устойчивый рост преступлений, связанных с получением взятки 2,08 раза (на 108 %), дачей взятки в 1,9 (на 90 %) раз, а также мелким взяточничеством в 1,74 раза (на 74,2 %). Данная тенденция обусловлена как социально-экономическими факторами, так и внешней политической обстановкой. Коррупция подрывает доверие населения к государству, тормозит экономическое развитие, снижает эффективность функционирования государственных органов. Решение проблемы возможно только при условии совмещения законодательных, организационных, образовательных и социальных мер, направленных на создание системы нулевой терпимости к коррупции.

Используя прогностическую функцию науки, полагаем, что, несмотря на предпринимаемые меры по борьбе с преступлениями коррупционной направленности, в будущем сохранится тенденция роста анализируемых преступлений.

Литература

1. Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020-2025 гг. по делам о коррупционной направленности и данных отчетов о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***К.А. Кизилова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ КИБЕРПРЕСТУПНИКА

В условиях стремительной цифровизации всех сфер общественной жизни киберпреступность превратилась в одну из наиболее серьезных угроз национальной и международной безопасности. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин 5 марта 2025 г. на совещании с членами Правительства Российской Федерации, за 2024 г. кибермошенники нанесли гражданам «недо-

пустимый ущерб», а именно 27,5 млрд рублей [5]. Не лучше выглядит ситуация и по итогам прошедшего 2025 г.

Согласно официальным статистическим данным МВД России, за период с января по декабрь 2025 г. в стране было зарегистрировано 675 372 преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Основным видом киберпреступлений являются мошенничества – 348 035 случаев, далее идут преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ – 138 730 фактов, не менее опасны на сегодняшний день преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации, количество которых по итогам прошедшего года достигло 58 782 деяний [6].

В широком смысле киберпреступность – это общее название всех типов преступлений, совершаемых с использованием вычислительных машин или сети Интернет.

Специфика киберпространства, создает уникальные условия для преступного поведения, а именно в связи с анонимностью почти невозможно отследить информационные следы, совершенного преступления и личности лица его совершившего. Интернет позволяет совершать киберпреступления дистанционно от потерпевших на огромных расстояниях.

В связи с этим изучение личностных особенностей преступников очень важно для раскрытия и расследования киберпреступлений, международного взаимодействия по решению данной проблемы, для анализа причин и условий совершения таких преступлений и в конечном итоге для разработки профилактических программ.

Специалисты выделяют целый ряд отличительных качеств, присущих портрету киберпреступника, выступающих условиями к совершению преступлений анонимно, лично не взаимодействуя с потерпевшими:

– высокая степень имеющихся знаний в IT-сфере;

– быстрое переключение внимания на внезапно возникающие факторы;

– умение выстроить собственную систему безопасности и недосягаемости для правоохранительных органов;

– высокий уровень скрытности и анонимности;

– умение вызывать доверие у людей.

Кроме того, киберпреступления в 65 % случаев совершают мужчины, женщины – 35 %. Основные возрастные категории разделяются на следующие: 18–25 лет – 60 %, 26–35 лет – 40 %. Киберпреступники в 40 % случаев имеют средне-специальное образование, 27 % – студенты высших учебных заведений, 8 % – студенты училищ, 25 % – имеют оконченное высшее образование [1, с. 116–118].

В зависимости от особенностей личности можно выделить следующие группы киберпреступников:

– первая группа – это «крутые хакеры» (от англ, hacker), как они себя иногда называют, а также дети и подростки, которые занимаются кражей паролей доступа в интернет, взломом защит компьютерных программ, сменой со-

держимого сайтов из любопытства. Например, Грэм Айван Кларк был одним из четырех человек, стоявших за крупнейшим взломом в истории Twitter, которое произошло в 2020 году. На момент расследования ему было 17 лет. Подросток и его помощники взломали около 130 учетных записей Twitter. Они использовали взломанные аккаунты знаменитых и влиятельных личностей для криптоскама, обещая от лица известных личностей «раздачу биткоинов» [2];

– вторая группа – это люди с травмированной психикой, не удовлетворенные своим положением, не нашедшие своего места в жизни, поэтому совершенствование хакерских навыков позволяет им самоутвердиться в виртуальном мире. В 2017 г. К. Козловский, бывший организатором преступной группировки, заявил о том, что помогал сотрудникам спецслужб со взломом компьютерных систем, в то время как на самом деле речь шла о хищениях из российских и иностранных банков с помощью вредоносного программного обеспечения [3];

– третья группа – это профессиональные преступники, которые отчетливо осознают мотивы своей деятельности, понимают степень ее общественной опасности. Например, П. Врублевский организовал преступную группу, которая занималась хищением денежных средств со счетов физических лиц, с помощью специально разработанных сайтов. Они имитировали финансово-хозяйственную деятельность; также на сайтах размещалась информация о получении пользователями различных призов и выплат после проведения ими различных финансовых операций [4].

На основании изложенного можно сделать вывод, что для решения проблемы киберпреступности необходимо повышать социально-культурный уровень подрастающего поколения, т. к. зарождение интереса к IT- технологиям в современном обществе начинается уже с обучения в школе.

Для снижения преступлений в сфере IT, также необходимо реализовывать таланты «юных хакеров» в легальные IT-профессии, создавать курсы для подростков, которые интересуются развитием себя в программировании. При этом следует усилить мониторинг подозрительной активности в онлайн-сообществах, а также блокировку пользователей на основе анализа поведенческих маркеров (агрессии, цинизма и т. д.) в сети Интернет.

Литература

1. Введенская О.Ю. Характеристика личности интернет-преступника // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4. С. 116–118.

2. Взломавший Twitter подросток оказался матерым киберпреступником. URL: https://www.securitylab.ru/news/510820.php (дата обращения: 10.04.2026).

3. Лидера хакерской группировки Lurk Козловского приговорили к 14 годам тюрьмы. URL: https://dzen.ru/a/YgpzEVs6UVToMs98 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Прокуратура просит приговорить к 12 годам основателя ChronoPay Врублевского. URL: https://ura.news/news/1052865693 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Путин высказался об ущербе из-за действий мошенников. URL: https://ria.ru/20250305/moshenniki-2003256565.html (дата обращения: 10.04.2026).

6. Состояние преступности (архивные данные) // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 10.04.2026).

***В.Р. Киселева**, слушатель 5 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПО СТ. 238 УК РФ

Охрана жизни и здоровья человека и гражданина – один из основных приоритетов внутренней политики Российской Федерации. Жизнь и здоровье, как конституционные права каждого гражданина, занимают одну из высших позиций в иерархии государственных приоритетов. Уголовная ответственность за нарушение прав на жизнь и здоровье предусмотрена нормами главы 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), размещение которой в начале Особенной части кодекса подчеркивает приоритет охраны данных прав. Вектор развития качества жизни и рост демографических показателей в российском государстве напрямую зависит от качества медицинских услуг и высокой квалификации кадров. Президент России Владимир Путин в своем обращении к участникам открывшегося IV Национального конгресса с международным участием «Национальное здравоохранение – 2025» призвал «постоянно улучшать качество и доступность медпомощи в стране… нужно оснащать больницы, поликлиники, фельдшерско-акушерские пункты современным оборудованием и уделять особое внимание подготовке кадров» [1].

По данным Министерства здравоохранения, озвученным на заседании Совета ректоров медицинских вузов в 2020 г., каждый год врачебные ошибки приводят к осложнениям у 70 тыс. пациентов [2]. Любое медицинское вмешательство заведомо несет в себе определенные риски, важно отметить, что такие риски должны быть оправданы и соотносимы с должным результатом успешной операции.

Каждый медицинский работник ежедневно несет бремя возможного привлечения его к уголовной ответственности по следующим статьям УК РФ: ч. 2 ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности»; ч. 2 ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью»; ч. 4 ст. 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией»; ч. 2 ст. 124 «Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее

оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью»; ст. 159 «Мошенничество»; ст. 235 «Незаконное осуществление медицинской деятельности»; ст. 290 «Получение взятки»; ст. 292 «Служебный подлог»; ч. 2,3 ст. 293 «Халатность»; до 2025 года ст. 238 УК РФ.

С 2025 г. в ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности» была внесена поправка в виде примечания «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи», соответственно ни одна из частей вышеуказанной нормы не должна применяться к медицинским работникам. Отношение к недавним изменениям в ст. 238 УК РФ, исключающим уголовную ответственность медицинских работников за небезопасное оказание услуг, разделилось. Медицинское сообщество поддержало данную поправку, указав, что помощь – не «услуга» и в применении нормы данной статьи к врачам изначально имела место быть юридическая ошибка. Кроме того, ученые в области медицинского права сравнивали ст. 238 УК РФ с «дамокловым мечом», который висит над головами медицинских работников при осуществлении профессиональных обязанностей [3].

С другой стороны – пациентское сообщество, негативно отреагировавшее на последние изменения в уголовном законе. Первый приводимый аргумент заключается в нарушении конституционного принципа «равенство всех перед законом» и придания любым действиям медицинского работника характер безнаказанности, при условии ненаступления последствий, указанных в ст. 109, 118 УК РФ. Точной информации в виде статистических данных о количестве медицинских работников, привлекаемых к уголовной ответственности в Российской Федерации нет. Однако среди ученых-юристов бытует мнение, что в случае возбуждения уголовного дела на человека в «белом халате» за совершения действий, не отвечающих требованиям безопасности профессионального характера, то чаще всего в квалификации деяния была указана ст. 238 УК РФ. Согласно данным судебной статистики, за 2020–2024 гг. по ней осуждены 1196 человек. Разумеется, не все они медики. Но эксперты утверждают: большинство преследуемых – именно медицинские работники [4]. Вторым аргументом стал критерий освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Срок давности по преступлению, предусмотренному ст. 238 УК РФ составляет 10 лет, в тот момент, как по преступным деяниям, предусмотренным ч. 2 ст. 109 УК РФ и ч. 2 ст. 118 УК РФ срок давности привлечения к уголовной ответственности составляет 2 года. Затраты времени на назначение и проведение многочисленных судебно-медицинских экспертиз, а также учитывая несвоевременное обращение пациентов в правоохранительные органы, большинство «медицинских уголовных дел» возбуждалось, направлялось в суд или же заканчивалось переквалификацией в зале суда на ст. 238 УК РФ с соответствующей частью.

Обратимся к итогам заседания Научно-консультативного совета (уголовно-правовая секция), прошедшего в Верховном Суде Российской Федерации

(далее – ВС РФ) в минувшем году. Как отметил заместитель Председателя ВС РФ В. Давыдов, бланкетный характер норм законодательства об охране здоровья и защите прав потребителей не позволяет четко разграничить понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга», что создает сложности в судебной практике при применении ст. 238 УК РФ [5]. Легальное разрешение данной коллизии было дано законодателем: статья дополнена примечанием, исключающим ответственность медицинских работников за оказание медицинской помощи по указанной статье. Президент Национальной Медицинской Палаты Л. Рошаль подчеркнул конституционный статус медицинской помощи, которая не может отождествляться с услугой вне зависимости от источника финансирования. Данная позиция была поддержана большинством членов Научно-консультативного совета при ВС РФ как основа для формирования единообразной судебной практики.

Изменения, вступившие в силу с 2025 года, исключившие из субъекта ст. 238 УК РФ медицинских работников, устранили правовую коллизию между понятиями «медицинская помощь» и «услуга», подчеркнув конституционный статус первой. В настоящее время данная поправка исключает для врачей угрозу преследования по вышеназванной статье. При этом ответственность за вред жизни и здоровью сохраняется по специальным нормам (ст. 109, 118, 124 УК РФ и др.). Реформа направлена на гуманизацию правоприменения и требует дальнейшего мониторинга для баланса интересов пациентов и врачей.

Литература

1. Путин призвал последовательно повышать качество и доступность медицинской помощи // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/online/news/6632712/ (дата обращения: 05.03.2026).

2. Муллахметова Н.Е. Виктимологические аспекты ятрогенных преступлений / // Виктимология. 2022. № 2. С. 157–162.

3. Мустафина-Бредихина Д.М. Уголовная ответственность медицинских работников: последние тенденции // Неонатология: Новости. Мнения. Обучение. 2025. № 3. С. 94–98.

4. Был бы врач, а статья найдется: за что сейчас сажают медиков в России // Московский комсомолец. URL: https://www.mk.ru/social/2025/07/15/byl-by-vrach-a-statya-naydetsya-za-chto-seychas-sazhayut-medikov-v-rossii.html (дата обращения: 05.03.2026).

5. Помощь или услуга: ВС о нюансах дел в отношении врачей // РАПСИ (Российское агентство правовой и судебной информации). URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250623/310970239.html (дата обращения: 05.03.2026).

***К.Н. Ковалева**, курсант 5 курса*
Академия права и управления ФСИН России

Научный руководитель:
***Р.М. Воронин**, доктор мед. наук, доцент*
Академия права и управления ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Современный этап уголовно-исполнительной системы нацелен на развитие трудовой мотивации осужденных. Это демонстрируется в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г., что отражено посредством следующей цели: «…совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития» [2]. Формирование уважения к трудовой деятельности будет способствовать успешной адаптации осужденных к местам изоляции (на первоначальном этапе) а также развития мотивации к правопослушному поведению (на заключительном этапе отбывания наказания), что будет способствовать успешной ресоциализации.

Рассматривая важность задачи формирования мотивации осужденных к трудовой деятельности, стоит отметить не только проблему трудоустройства после выхода из мест лишения свободы (она является важным «звеном» для обеспечения комфортной жизни вне изоляции), но и увлеченность работой в период отбывания наказания, а иначе говоря, наличие внутренней мотивации.

В процессе изучения способов развития мотивации к трудовой деятельности, стоит отметить трудности, которые могут возникнуть. С.С. Пиюкова, пишет о наличии проблем объективного и субъективного характера. Так, к объективным проблемам приобщения осужденных к трудовой деятельности можно отнести: отсутствие привлекательности рабочих мест, трудности в освоении специальности, отсутствие соответствующей квалификации. Субъективный характер проблемы приобщения к труду заключается в отсутствии мотивации к работе, нежеланию прикладывать усилия для достижения желаемых результатов [3, с. 101–102]. Именно субъективный характер является центром нашего внимания в процессе изучения особенностей формирования мотивации осужденных к труду.

Первоначально необходима организация работы с осужденными, поступающим в исправительное учреждение, которая будет способствовать приобщению к труду, информированию о способах занятости, а также о благоприятном влиянии труда на личность.

В первую очередь, следует выявить, какую ценность несет трудовая деятельности для осужденного. Иногда это может восприниматься как нечто «уничижительное», что не следует выполнять. В таком случае сотрудникам воспита-

тельного и психологического отделов следует проводить работу, направленную на разъяснение труда как способа самореализации, формирования «правильных» ценностей, способствующих реализации своего потенциала. Является важным и то, что осужденный, получающий достойную заработную плату, может обеспечивать себя в период отбытия наказания продуктами питания и предметами первой необходимости, приобретая их в магазине исправительного учреждения [4, с. 185].

Зачастую мотивация к труду отсутствует ввиду несоответствия требований работы и личности осужденного. Это может выражаться в конкретных деструктивных направленностях, а также в индивидуально-личностных качествах, которые не соответствуют внутреннему восприятию работы со стороны осужденных. Например, для формирования трудовой мотивации женщины-осужденной, стоит обращать внимание на интерес и желаемую социальную роль в обществе. Так, возможно стоит рассмотреть привитие навыков ведения домашнего хозяйства, либо предоставить возможность работы на кухне (при желании развития в области кулинарии). Учет ценностей и личностных качеств осужденных позволит им подойти к реализации труда с повышенной ответственностью, достигать поставленных целей.

Стоит обратить внимание, что осужденные отказываются от труда ввиду наличия проблем локального характера (например, трудности в выстраивании контакта с руководителем, ограничения для реализации поставленных задач и т. д.). В этом случае необходимо устраивать беседы с начальником отряда, которые позволят выявить проблемы, которые отрицательно воздействуют на мотивацию осужденного к трудовой деятельности, тем самым выполняя роль «барьера».

Одним из основных направлений является формирование положительного образа осужденного, который выполняет трудовые функции. Формирование традиций, направленных на поощрение осужденных, усердно занимающихся трудом, благоприятно скажется на восприятии их другими осужденных. Возможно использование собраний в бригадах (на производственных участках), где происходит коллективное обсуждение результатов работы.

Возможные нарушения мотивации можно преодолеть, используя индивидуальную программу психологического сопровождения, которая бы способствовала повышению мотивации. Для этого можно использовать различный психодиагностический инструментарий, позволяющий выявить основную проблему (например, отсутствие потребности в достижениях, слабый самоконтроль, апатичность), что будет способствовать применению совокупности методов психокоррекционных и психопросветительских мероприятий, реализуемых как в индивидуальном, так и в групповом формате.

Стоит отметить, что основная цель развития мотивации осужденных в местах лишения свободы – это привить ценность труда, которая успешно закрепится не только при нахождении в пенитенциарном учреждении, но и после выхода из мест лишения свободы. Для этого возможно использование вариантов технологий сотрудниками групп социальной защиты (например, некоторые из них: социальная диагностика, социальная адаптация, социальное консульти-

рование и т. д.), позволяющие вовлечь осужденного в трудовой процесс и тем самым успешно поддержать тенденцию к исправлению после отбывания наказания [1, с. 56].

Таким образом, развитие мотивации осужденного к труду является постепенным и многоступенчатым процессом, который в свою очередь, может реализоваться при успешном анализе личности и окружающей среды.

Литература

1. Лебедев И.Б., Мельниченко Д.С. Психологические аспекты деятельности сотрудников исправительных учреждений в формировании мотивации осужденных к труду // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 55–57.

2. О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021.

3. Пиюкова С.С. Формирование мотивации к труду у осужденных в исправительных учреждениях: психологический аспект // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4. С. 100–106.

4. Шабаль В.С. Об общественно полезном труде как важном средстве исправления осужденных // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 1. С. 184–189.

А.А. Косенко, *курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Г.Н. Миронова*, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ В ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Глава 30 Уголовного кодекса содержит ряд преступлений, направленных против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Данные преступления имеют ряд особенностей:

– совершаются вопреки интересам публичной службы;

– связаны с использованием занимаемого виновным служебного положения либо с неисполнением им своих служебных обязанностей;

– причиняют либо создают непосредственную угрозу причинения существенного вреда правам и законом интересам граждан и организации, общества и государства.

Как отмечается в литературе, большинство таких деяний имеют материальные составы. Их объективная сторона включает три элемента: деяние, последствия и причинно-следственную связь между ними. При этом последствия, в свою очередь, могут быть прямо обозначены по характеру, а могут характеризоваться с точки зрения тяжести (существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций) [4, с. 597–601].

Нормативное закрепление последствий в главе 30 УК РФ отличается использованием оценочных категорий. Диспозиции ряда статей в качестве обязательного признака указывают на «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Согласно конституционно-правовому истолкованию понятие «существенное нарушение прав и законных интересов», как и всякое оценочное понятие, получает содержание в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и при надлежащем толковании законодательных терминов в правоприменительной практике.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий» под существенным нарушением прав граждан или организаций следует понимать «нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в т. ч. права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.) [2].

В целях определения содержания категории «существенное нарушение прав», в рамках настоящего исследования был осуществлен анализ материалов судебной практики. В результате чего можно выделить следующую классификацию:

1) материальные последствия;
2) организационно-управленческие последствия;
3) социально-правовые последствия;
4) иные негативные последствия.

1. Материальные последствия. К ним относится имущественный ущерб, который может быть выражен в прямом реальном ущербе (например, хищение бюджетных средств) или в упущенной выгоде. Так, в республике Дагестан был вынесен приговор в отношении директора учреждения «Управление жилищно-коммунальными услугами». Ненадлежащее исполнение ФИО2 своих должностных обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, повлекло причинение материального ущерба Правительству Республики Дагестан в виде материального ущерба на сумму 14 539 874 рублей [3].

2. Организационно-управленческие последствия. Данный вид последствий связан с дезорганизацией деятельности публичных институтов. Это мо-

жет быть срыв выполнения государственных программ, нарушение работы важного социального объекта (больницы, школы), создание препятствий в работе других государственных органов [1, с. 106–108].

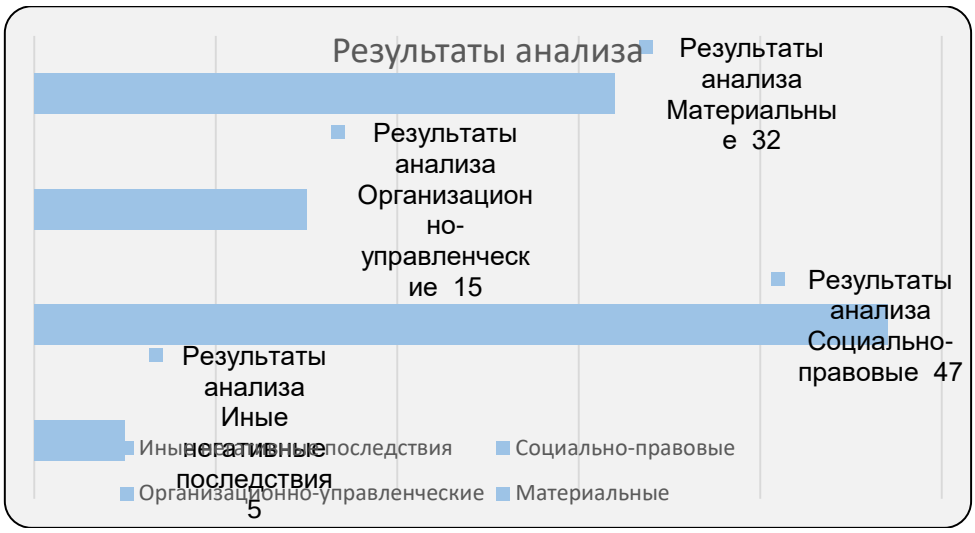
3. Социально-правовые последствия. Эта группа последствий наиболее близка к понятию «существенное нарушение прав и законных интересов». В ее содержание входят:

– нарушение конституционных прав и свобод граждан;

– дискредитация органов государственной власти, утрата доверия к ней со стороны общества, дискредитация государственной службы.

4. Иные негативные последствия. В качестве квалифицирующего признака законодатель использует понятие «тяжкие последствия». Это оценочная категория, которая может включать в себя сочетание различных видов вреда: значительный материальный ущерб, причинение вреда здоровью людей и т. д.

На основе анализа была разработана гистограмма, и подведены итоги:

1. Комплексный характер последствий: общая сумма всех последствий составляет 99, что значительно превышает количество проанализированных приговоров, а их было 50. Из этого следует, что каждое преступление влечет за собой наступление нескольких видов последствий одновременно.

2. Доминирование социально-правовых последствий. Они фигурируют в 47 из 50 приговоров, что указывает на то, что практически каждое преступление влечет нарушение конституционных прав граждан либо дискредитацию органов государственной власти, утрату доверия к ней со стороны общества.

3. Категория «иных негативных последствий» встречается реже всего, а именно только в 5 случаях. Это может говорить о том, что основные виды последствий полностью охватывают ущерб, причиняемый преступлением.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что последствия являются системообразующим признаком составов должностных преступлений, выполняющим разграничительную функцию. Их установление требует комплексного подхода, учитывающего не только материальный ущерб, но и широкий спектр организационных и социально-правовых последствий. Уста-

новление прямой причинно-следственной связи между деянием и последствием остается наиболее сложным элементом квалификации.

Литература

1. Волженкин Б.В. Служебные преступления: научно-практический комментарий. М.: Юристъ, 2021. 455 с.

2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Приговор № 1-8/2025 от 24 февраля 2025 г. по делу № 1-8/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/JN0O5BJfbFbQ/?ysclid=mn4ljkka1t483572549 (дата обращения: 01.03.2026).

4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2023. 680 с.

К.С. Кошелева, *курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Квасников, *канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДИПФЕЙКОВ

Общественная опасность – категория объективная, складывающаяся из множества критериев. Оценка общественной опасности деяния требует комплексного анализа как объективных, так и субъективных факторов. Это позволяет дифференцировать уголовную ответственность и назначать справедливое наказание. В условиях цифровизации общественных отношений появилось новое явление, связанное с созданием и использованием синтезированного аудио или видео, созданного с помощью средств искусственного интеллекта. На первый взгляд, в связи с научно-техническим прогрессом, развитием компьютерных технологий, данное явление кажется безобидным, и даже общественно полезным.

Однако интенсивное развитие цифровых технологий и их внедрение во все сферы жизнедеятельности общества создает потребность в правовом регулировании отношений, складывающихся по поводу создания и применения дипфейков. В отечественном законодательстве не установлена легальная дефиниция указанного феномена. В научной литературе и иных источниках дипфейки описываются как технологии «глубинного обучения» и «подделки» [2, с. 115]; как синтез правдоподобных поддельных изображений, видео- и аудиоматериа-

лов с помощью искусственного интеллекта [4, с. 79], а также как «поддельное видео, выполненное с использованием глубоких нейронных сетей».

Распространенность рассматриваемого явления и появление новых способов совершения преступлений с помощью дипфейков констатирует общественную опасность синтезированного аудио или видео, созданного с помощью средств искусственного интеллекта [3, с. 186]. За 2025 год в России зафиксировано более 15 млн фейковых сообщений, а за последние пять лет киберпреступления возросли более чем в два раза. Например, законодательство США и Китая содержит уголовно-правовое противодействие дипфейкам [1, с. 223].

В России в настоящее время разрабатывается законопроект, направленный на запрет создания и распространения дипфейков без согласия человека. Предполагается введение как административной, так и уголовной ответственности. Широкое распространение дипфейков подтверждает необходимость усиления уголовно-правового противодействия этому явлению [5, с. 21]. Закрепление самостоятельных уголовно-правовых норм, посвященных дипфейкам, сопряжено с двумя группами проблем. Первая группа обусловлена объективной сложностью прогнозирования путей развития информационно-телекоммуникационных технологий при одновременной необходимости сохранения стабильности уголовно-правового регулирования, которое по своей природе ориентировано на относительно устойчивые общественные отношения.

Вторая группа связана с юридико-технической невозможностью сформировать исчерпывающий перечень преступлений, совершаемых с использованием дипфейков, а также с необходимостью соблюдения принципа экономии уголовной репрессии (социальной оправданности установления уголовной ответственности). В этой ситуации остаются два варианта: либо ввести в существующие составы преступлений новую квалифицирующую отягчающую характеристику «с использованием дипфейков» (что потребует легального определения данного понятия и внесения изменений в значительное число статей Особенной части УК РФ); либо разработать отдельный уголовно-правовой запрет на создание и использование дипфейков.

По вышеизложенным причинам целесообразно дополнить ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», пунктом следующего содержания «совершение преступления, связанного с созданием и использованием синтезированного аудио или видео, созданного с помощью средств искусственного интеллекта».

Литература

1. Виноградов В.А., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2. С. 215–240.

2. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica. 2022. № 11. С. 112–119.

3. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий: учебник / под науч. ред. И.А. Калиниченко. М.: Инфра-М, 2023. 642 с.

4. Ситник В.Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 76–83.

5. Kugler, Matthew B. and Pace, Carly, Deepfake Privacy: Attitudes and Regulation (February 8, 2021). 116 Nw. U. L. Rev. 611 (2021). Northwestern Public Law Research Paper. № 21-04.

***В.В. Кудряшова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.М. Шаганова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 245 УК РФ

В нынешних условиях развития российского общества все более остро приобретает актуальность задача уголовно-правовой защиты животных от актов жестокости. Увеличение случаев насилия над животными, которые широко освещаются в медиапространстве, говорит не только о распространенности подобных действий, но и о наличии глубоких морально-психологических проблем в молодежной среде. Особое беспокойство вызывает то обстоятельство, что значительная доля таких деяний совершается подростками, еще не достигшими возраста уголовной ответственности.

Жестокое обращение с животными, квалифицируемое по ст. 245 УК РФ, отличается повышенной общественной опасностью, поскольку оно посягает не только на принципы гуманного отношения к представителям животного мира, но и сигнализирует о формировании у лица стойких агрессивных поведенческих установок. В этой связи особую важность приобретает вопрос о том, кто может признаваться субъектом данного преступления. Действующее уголовное законодательство определяет субъекта преступления как вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста. По общему правилу, ответственность за жестокое обращение с животными наступает по достижении шестнадцати лет.

Изучение научных работ показывает, что многие специалисты сходятся во мнении о способности лиц 12-13 лет адекватно оценивать смысл своих поступков и их последствия. Тем более подростки, которым уже исполнилось четырнадцать, обладают достаточным уровнем психоэмоционального развития для осознания противоправности жестоких действий по отношению к животным [2, с. 361].

Практика лишь подтверждает остроту обозначенной проблемы. Широкий общественный резонанс получил инцидент в Иркутской области, где двое несо-

вершеннолетних парней 7 и 13 лет систематически истязали собак, применяя садистские способы умерщвления [4]. Подобные случаи демонстрируют, что лица младше шестнадцати лет способны на крайне жестокие поступки, однако в ряде ситуаций остаются вне сферы уголовной ответственности.

Данные исследования свидетельствуют о том, что 75 % несовершеннолетних правонарушителей склонны к повторному совершению жестоких действий в отношении животных [3, с. 104]. Более того, психологами установлена корреляция между проявлениями жестокости к животным в детском возрасте и последующим совершением насильственных преступлений против людей [2, с. 362].

Ю.М. Антонян также отмечает постепенное нарастание агрессивности у преступников, когда первоначальные эпизоды насилия над животными становятся ступенью для формирования более тяжких криминальных наклонностей. История многих серийных убийц подтверждает существование подобной закономерности [1, с. 368].

Таким образом, отсутствие своевременного применения мер уголовно-правового характера способствует закреплению у подростков девиантного поведения и формированию устойчивой криминальной направленности личности.

Ряд ученых-правоведов обоснованно высказываются за понижение возраста уголовной ответственности до четырнадцати лет по ст. 245 УК РФ. По мнению этих исследователей, подростки данной возрастной группы осознают недопустимость причинения страданий живым существам и способны понимать общественную опасность своих действий [2, 5, 6]. Статистика показывает, что примерно 25-30 % преступлений, связанных с жестоким обращением с животными, совершается лицами в интервале от 14 до 16 лет [6, с. 67].

Попытка законодательно решить данную проблему предпринималась в отдельных регионах России. Так, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, вносило в Государственную Думу Российской Федерации законопроект об изменении УК РФ, в части включения ст. 245 УК РФ в перечень составов, ответственность по которым наступает с четырнадцати лет [7]. Несмотря на отклонение инициативы Правительством Российской Федерации, сама по себе она свидетельствует о высокой степени востребованности подобных изменений как в научной среде, так и в обществе.

Таким образом, полагаем, что несовершеннолетние, достигшие возраста четырнадцати лет, способны осознавать характер своих действий, понимать недопустимость причинения боли и страданий животным, а также предвидеть общественно опасные последствия своего поведения. Отсутствие уголовно-правовой оценки подобных деяний фактически создает обстановку безнаказанности и препятствует своевременной профилактике более тяжких преступлений, например, когда игнорирование случаев жестокого обращения с животными у несовершеннолетних впоследствии приводит к усилению агрессивного поведения и совершению насильственных преступлений против личности.

В связи с изложенным представляется целесообразным внести поправки в ч. 2 ст. 20 УК РФ, установив уголовную ответственность за жестокое обращение с животными с четырнадцатилетнего возраста. Реализация этой меры будет

содействовать предупреждению насильственной преступности среди несовершеннолетних, воспитанию у них гуманистических ценностей и обеспечению эффективной уголовно-правовой охраны животных.

Литература

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография. М.: Норма. ИНФРА-М, 2014. 368 с.

2. Еременкова Ю.И. Снижение возраста уголовной ответственности несовершеннолетних: за и против // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 361–362.

3. Кавтарадзе Д.Н., Зубакин В.А. Основные результаты работы по изучению жестокого обращения с животными // Студенчество и охрана природы. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 102–107.

4. «Лапу ей отруби». Дети 7 и 13 лет с топором издевались над собакой | АиФИркутск. URL: https://irk.aif.ru/incidents/-lapu-ey-otrubi-deti-7-i-13-let-s-toporom-izdevalis-nad-sobakoy (дата обращения: 12.04.2026).

5. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

6. Чернигова А.Ю. К вопросу о возрасте субъекта жестокого обращения с животными // Научный портал МВД России. 2020. № 4. С. 66–70.

7. Законопроект № 750685-7: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/750685-7 (дата обращения: 12.04.2026).

***В.В. Кудряшова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ЧЕЗАРЕ БЕККАРИА В СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

Современная российская криминология и уголовно-правовая доктрина функционируют в условиях все возрастающей сложности социальных вызовов, таких как цифровизация общественных отношений, трансформация форм девиантного поведения и др., что обусловливает необходимость усиления превентивной функции государства.

В этом контексте обращение к классическому наследию приобретает не ретроспективный, а эвристический характер. Одним из самых ярких представи-

телей такого классического наследия, вне всякого сомнения, является итальянский мыслитель Чезаре Беккариа. Его идеи, сформулированные в трактате «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.), заложили философско-методологический фундамент современного уголовного права, включая принципы законности, соразмерности наказания, неотвратимости юридической ответственности и гуманизма [2].

Признание значимости его наследия, системное использование идей Беккариа в современной российской науке признается большинством исследователей. Такие ключевые концепты, как превенция, рациональность наказания, социальная детерминация преступности, зачастую реализуются в качестве методологического базиса для построения целостных криминологических моделей.

Теоретическое признание и практическое применение классических принципов обусловливает необходимость историко-правовой реконструкции и доктринального анализа с целью формирования новой уголовно-правовой модели, интегрирующей классическую парадигму с современными эмпирическими и институциональными механизмами.

Центральным элементом учения Ч. Беккариа является принцип законности, сформулированный как «нет преступления и наказания без указания на то в законе» [1].

Данный постулат, впервые получивший системное обоснование в трактате 1764 г., предполагал радикальный разрыв с практикой судебного произвола и казуистического толкования норм, характерной для эпохи абсолютизма.

Беккариа настаивал на том, что только законодатель, как выразитель общей воли, вправе определять составы преступлений и санкции за их совершение, что обеспечивало предсказуемость правовой системы для граждан [4].

Принцип соразмерности наказания вытекал из утилитарной концепции Беккариа: наказание должно быть достаточным для предотвращения преступления, но не избыточно жестоким. Как отмечал мыслитель, «неизбежность наказания, даже умеренного, всегда производит более сильное впечатление, чем страх подвергнуться самому суровому наказанию, если при этом существует надежда на безнаказанность» [2]. Данная идея легла в основу современного понимания эффективности уголовной репрессии и акцента на неотвратимости, а не суровости ответственности.

Концепт превенции у Беккариа носил двойственный характер: он различал общую превенцию (удержание общества от совершения преступлений через пример наказания) и частную превенцию (предотвращение рецидива конкретным лицом [2]. При этом приоритет отдавался именно общей превенции, достигаемой через ясность законов, быстроту судопроизводства и соразмерность санкций. Важно отметить, что Беккариа рассматривал превенцию не как изолированную функцию наказания, а как системное свойство всего уголовно-правового механизма, включающего законодательство, правоприменение и социальную политику.

Идеи Беккариа невозможно адекватно интерпретировать вне контекста европейского Просвещения, характеризовавшегося утверждением рационализма, социального контракта и приоритета прав личности над произволом власти.

В этой парадигме уголовное право рассматривалось не как инструмент репрессии, а как механизм защиты общественного договора: государство получает право наказывать лишь в той мере, в какой это необходимо для обеспечения безопасности граждан [1].

Влияние этих идей на последующее развитие уголовной политики трудно переоценить. Принципы законности, гуманизма и соразмерности, сформулированные Беккариа, были инкорпорированы в конституции и уголовные кодексы большинства европейских государств, а впоследствии – в международные стандарты в области прав человека. В российской доктрине данные принципы нашли отражение в ст. 3, 6, 7 УК РФ, закрепляющих законность, справедливость и гуманизм как основополагающие начала уголовного права.

Несмотря на то, что Беккариа традиционно относят к основоположникам классической школы уголовного права, его труды содержат выраженный криминологический компонент. В трактате «О преступлениях и наказаниях» значительное внимание уделяется не только юридической квалификации деяний, но и анализу причин преступности, роли социальной среды, влиянию воспитания и экономических условий на девиантное поведение [3].

Так, Беккариа подчеркивал, что «предупреждение преступлений – вот главная цель всякого мудрого законодательства», а для ее достижения необходимо не только совершенствование карательных механизмов, но и развитие образования, снижение социального неравенства, укрепление институтов гражданского общества [4]. Данная позиция предвосхитила современные подходы к социальной превенции и ситуационному предупреждению преступлений, основанным на устранении криминогенных детерминант.

Кроме того, Беккариа одним из первых сформулировал идею о том, что эффективность наказания зависит не столько от его суровости, сколько от неотвратимости и быстроты применения. «Чем быстрее следует наказание за совершенное преступление и чем ближе оно к нему, тем оно будет справедливее и эффективнее» [2]. Этот тезис находит подтверждение в современных эмпирических исследованиях, демонстрирующих, что восприятие риска быть пойманным оказывает более сильное сдерживающее воздействие, чем тяжесть потенциального наказания.

Таким образом, историко-правовая реконструкция наследия Беккариа позволяет использовать не только его вклад в основы уголовного права, но и вклад в фундаментальные криминологические положения, сохраняющие свою ценность в условиях современных вызовов.

Литература

1. Герасимова Д.А. Уголовно-правовые воззрения Чезаре Беккариа и Иеремиа Бентама // Известия Саратовского университета. 2012. № 4. С. 112–116.

2. Сыч В.К. Фундаментальные идеи Ч. Бекариа и становление классической школы уголовного права // Человек: преступление и наказание. 2014. № 1. С. 76–78.

3. Тарасова И.А., Тарасова Н.В. Криминологические идеи Чезаре Беккариа // Право: история, теория, практика: сб. ст. и мат-лов межвуз. науч. форума. Брянск, 2021. С. 232–242.

4. Фролова Е.А. Правовая теория Ч. Беккариа // Право и государство: теория и практика. 2021. № 6. С. 199–201.

***А.А. Кузнецова**, слушатель 5 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК ВИДА НАКАЗАНИЯ В РОССИИ

Вопрос о смертной казни как о виде уголовного наказания решен достаточно давно в ведущих зарубежных демократических странах, однако в России после ее выхода из Совета Европы появились новые дискуссии на этой почве.

Проведя сравнительный анализ уголовного законодательства России и ряда зарубежных стран, можно констатировать факт того, что в Великобритании, Италии и других странах смертная казнь может быть применена только при особых обстоятельствах (период войны или угрозы войны), в Афганистане, Египте и 38 штатах США смертная казнь применяется за общеуголовные преступления [1, с. 98].

В Российской Федерации в настоящий момент времени действует мораторий на смертную казнь. Однако в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), в ч. 1 ст. 59 УК РФ говорится, что смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, которые посягают на жизнь. Расстрел является единственным видом смертной казни. Высшая мера наказания не может применяться по отношению к женщинам, к мужчинам, которые совершили преступления в возрасте до восемнадцати лет или достигшим возраста более 65 лет. Смертная казнь также может заменяться на пожизненное лишение свободы или лишение свободы на срок 25 лет в порядке помилования [2, с. 79].

Вопрос о возвращении «высшей меры наказания» в России особо дискуссионный и имеет как сторонников данной позиции, так и ее противников. В целях наиболее полного понимания данного института уголовного права стоит указать, по нашему мнению, на ряд аргументов как подтверждающих, так и опровергающих необходимость о снятии моратория.

1. Ошибки юстиции. Не существует идеальной системы правосудия, и никто не является застрахованным от ошибок судебных органов и органов предварительного расследования. По статистике, с 1978 по 2007 г. при рас-

смотрении 2/3 дел «смертной» категории допускались существенные судебные ошибки. А необратимость характера данного вида наказания не позволит, исправить совершенную ошибку.

2. Превентивная роль смертной казни достаточно низкая. Человек, совершивший преступление, за которое ему может быть назначена смертная казнь, может подсознательно, опираясь на определенные психологические установки, рассчитывать, что, находясь в этой ситуации, «ему терять нечего», тем самым смертная казнь может породить новые преступления.

Для сторонников смертной казни в России эти аргументы являются недостаточными, в силу того, что на протяжении длительного времени правосознание граждан стран бывшего Советского Союза, в т. ч. и в России, было адаптировано к такой мере наказания как смертная казнь. В связи с данным положением в России, до сих пор, имеется большое количество сторонников применения высшей меры наказания, приводящих в пользу своего мнения следующие аргументы:

1. Экономические проблемы содержания пожизненно заключенных. Содержание заключенных происходит за счет государства и тратить значительные суммы на содержание «отрицательных социальных ячеек общества», с учетом того, что достаточно большая масса граждан в России – это «тюремное население» является нерациональным, особенно в период ведения специальной военной операции, когда особо острой является необходимость в денежных средствах для восстановления разрушенных территорий или обеспечения мобилизованных граждан.

2. Невозможность рецидива совершения преступлений, что приведет к снижению уровня преступности в России.

Исходя из вышесказанного следует констатировать, что в последние несколько лет вопрос о смертной казни становится все более актуальным и обсуждаемым. Сторонники возобновления смертной казни аргументируют свою позицию необходимостью жесткого наказания для преступников особенно в случаях особо тяжких преступлений. Они считают, что это поможет обществу укрепить чувство безопасности и справедливости, а также будет служить средством предупреждения для потенциальных преступников. Но вопрос об отмене моратория требует большего научного осмысления, который должен выходить за рамки данного научного исследования, что требует проведения дополнительного анализа в иных сферах жизни общества.

Литература

1. Кокорева К. Смертная казнь, как проблема современного общества // Молодой ученый. 2016. № 17.1 (121.1). С. 98–103.

2. Михлин А.С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000. 174 с.

***П.Г. Кузьмин**, курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Д.О. Куричков
Сибирский юридический институт МВД России

ТАТУИРОВКИ И ИХ СМЫСЛ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Следует сказать, что проблема, связанная с анализом значения татуировок у осужденных, относится к числу недооцененных и недостаточно изученных. Однако данная тема обладает большим потенциалом. Дешифровка значений нательных символов и знаков, а также знание устоявшихся правил их размещения на теле предоставляет правоохранительным органам эффективный инструмент для определения криминального статуса, групповой принадлежности и вероятной направленности противоправной активности лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности. Исторически татуировки использовались в основном в утилитарных целях для идентификации лиц, совершивших преступление (например, обязательная регистрация в ранний советский период). Однако их содержание обладает более существенным криминологическим значением. Символика и сюжеты нательных изображений зачастую раскрывают криминальную специализацию, статус в преступной иерархии и мировоззренческие установки носителя.

Расшифровка этого изображения позволяет установить элементы биографии и психологический портрет. Парадоксально, но, несмотря на очевидный оперативный риск (татуировки нередко служили основанием для опознания), для представителей преступной субкультуры социальные функции этих знаков – демонстрация принадлежности, авторитета и запугивание – оказывались значимее соображений конспирации, поскольку составляли основу их групповой идентичности.

Как пример следует привести следующее значение татуировки: череп, пробитый кинжалом, роза, змея, обвивающая кинжал – это символ «Наша жизнь – борьба». Корона над змеей указывает на татуировку преступного авторитета, она встречается на плече, реже на груди. А восьмиконечная звезда – татуировка лагерных авторитетов «воров в законе», наносится под ключицу, а также на колени, символизирует то, что человек никогда не встанет на колени.

Происхождение слова «татуировка» трактуется в научной среде неоднозначно. Ряд исследователей выводят его от полинезийского «тэту» («рисунок») или имени бога Тики, который по преданию «подарил» миру татуировки. Другие связывают термин с яванским корнем «тау» («тату»), имеющим значение «рана» [3].

Первым исследователем, обратившим внимание на распространение специфических нательных изображений среди представителей криминальной субкультуры, стал Ч. Ломброзо. В своих работах он постулировал прямую корре-

ляцию между наличием татуировок и умственными способностями их носителей, которых он относил к категории «прирожденных преступников». В качестве эмпирического подтверждения своей гипотезы Ломброзо приводит свидетельства самих осужденных. Так, одно из зафиксированных им высказываний гласит: «Татуировка для нас – это как фрак с орденами: чем больше татуированный, тем выше его авторитет в среде сообщников, в то время как нетатуированный человек, напротив, лишен какого-либо влияния» [1, с. 56].

В рамках криминальной субкультуры татуировки реализуют комплекс взаимосвязанных социальных функций:

1. **Коммуникативно-идентификационная.** Татуировки выступают в качестве кода, обеспечивающего визуальную дифференциацию «своих» и «чужих», а также служат основанием для установления доверительных коммуникативных связей внутри преступной среды.

2. **Адаптивно-психологическая.** Наличие определенных нательных знаков облегчает процесс интеграции индивида в новые для него криминальные группы, снижая уровень социально-психологической напряженности и ускоряя адаптацию.

3. **Агитационно-пропагандистская.** Через символику и эстетику татуировок осуществляется пропаганда криминального образа жизни среди молодежи, что способствует ее вовлечению в преступную среду посредством романтизации воровских сообществ.

4. **Ценностно-эстетическая.** Татуировки являются инструментом, формирующим и закрепляющим в сознании носителей специфические художественные каноны, ценностные ориентации и эстетические представления, характерные для данной субкультуры [2, с. 101].

Таким образом, татуировки являются уникальным, в сравнении с иными особыми приметами, источником криминологически значимых данных о личности преступника. Это дает возможность не только идентифицировать личность и анализировать ее физико-психологические особенности, но и прогнозировать поведенческие паттерны.

Анализ татуировок, характерных для молодежной криминальной субкультуры, требует учета ряда особенностей, присущих данной возрастной категории:

1. Доминирование визуальной экспрессии. Наблюдается преобладание броской, эпатажной символики, зачастую в ущерб глубине и ясности смыслового содержания. Для изображений типично смешение и композиционное нагромождение разнородных форм и образов.

2. Распространенность текстовых и аббревиатурных форм. Широко практикуется нанесение на тело разнообразных надписей, включая сентиментальные, юмористические, а также аббревиатур (например, БЖСР!, МАГ, ЮДА, СЛОН), выполняющих идентификационные и коммуникативные функции внутри субкультуры.

3. Использование кодированных обозначений. Распространены лаконичные татуировки в виде цифровых дат, отдельных букв или так называемых разорванных композиций (напр., «БР+АТ»). Данные элементы могут служить криптографическими маркерами, позволяющими специалистам с определенной

степенью вероятности устанавливать связи между индивидами, выявляя потенциальных сообщников или соучастников преступной деятельности.

4. Использование татуировок для отстаивания лидирующих позиций среди сверстников. В этой связи в специальных исследованиях верно указывается, что «попытки создания репутации крутого парня не заканчиваются в исправительном учреждении, поскольку продолжающийся процесс гендерной самоидентификации (идентичности) заставляет несовершеннолетнего либо совершеннолетнего, но молодого осужденного использовать подобные психологические приемы для приобретения более высокого уровня неформальных привилегий – как в исправительном учреждении, так и за его пределами».

Современный арсенал включает множество методик для идентификации носителя и анализа смыслового содержания татуировок в оперативно-следственных и профилактических целях. Одним из ключевых методов выступает содержательно-символический анализ, опирающийся на изучение норм и значений криминальной субкультуры.

Проведение анализа татуировок обладает существенным значением для криминологического изучения личности правонарушителя. Данный анализ формирует методологическую основу для организации последующей оперативно-розыскной и следственно-экспертной работы. На основе полученных данных становится возможным построение более эффективных стратегий планирования и реализации мероприятий по расследованию и раскрытию уголовных дел.

Литература

1. Ломброзо Ч. Человек преступный: пер. с итал. М., 2018. 876 с.

2. Сергиенко А.С., Тепляшин П.В. О системе смысловой регуляции субъекта в контексте коррекционного воздействия на делинквентную личность // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 4. С. 97–104.

3. Энциклопедия бандитских татуировок. URL: http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=760&lvl=05 (дата обращения: 01.03.2026).

***А.Г. Ланге**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Мальченкова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

АКТУАЛЬНОСТЬ СНИЖЕНИЯ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 228.1 УК РФ

Проблема вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ приобрела в последнее десятилетие характер угрозы национальной безопасности. С развитием цифровых техноло-

гий и переходом наркорынка в сегмент даркнета и анонимных мессенджеров, методы распространения запрещенных веществ радикально изменились. Современная модель сбыта через систему так называемых закладок опирается на массовое привлечение низкоквалифицированного персонала – курьеров, значительную часть которых составляют лица в возрасте 14-15 лет. Организаторы наркобизнеса намеренно рекрутируют подростков, осознавая, что по действующему законодательству (ст. 20 УК РФ) ответственность за сбыт наркотиков наступает лишь с 16 лет.

Криминологическая ситуация осложняется тем, что современные подростки зачастую обладают достаточным уровнем интеллектуальной зрелости, чтобы осознавать общественную опасность своих действий, однако отсутствие реального страха перед уголовным наказанием становится решающим фактором в пользу «легкого заработка». В результате формируется правовой парадокс: за хищение наркотиков (ст. 229 УК РФ) подросток несет ответственность с 14 лет, а за их распространение, наносящее кратно больший ущерб общественному здоровью, – только с 16. Данное противоречие обуславливает острую необходимость научной и законодательной дискуссии о пересмотре возрастного ценза для субъектов преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ.

Инициатива снижения возраста уголовной ответственности за сбыт наркотиков с 16 до 14 лет регулярно выдвигается представителями правоохранительного блока и законодательной власти. Одним из главных инициаторов выступает Министерство внутренних дел Российской Федерации и Следственный комитет Российской Федерации, в частности, Председатель СК РФ – А.И. Бастрыкин [2]. В докладах ведомств подчеркивается, что организованная преступность «молодеет»: «наркошопы» ведут агрессивную рекламную кампанию в социальных сетях, ориентированную именно на школьников. По данным правоохранителей, задержанные в возрасте 14-15 лет зачастую признаются, что знали о своей «безнаказанности», что и подтолкнуло их к совершению преступления.

Политическую поддержку данной инициативы выразили в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, а именно сенатор Андрей Клишас. Сторонники изменений аргументируют свою позицию тем, что общественная опасность сбыта наркотиков сопоставима с убийством или грабежом (по которым ответственность наступает с 14 лет). Распространение героина, синтетических катинонов («солей») и метадона фактически является «медленным убийством» неопределенного круга лиц, и субъект, совершающий это деяние, должен подлежать адекватному государственному принуждению.

В доктрине мнения разделились. Ряд теоретиков уголовного права (например, сторонники «жесткой» уголовной политики) полагают, что снижение возраста станет мощным сдерживающим фактором – «общей превенцией». Они указывают, что в 14 лет подросток уже способен понимать социальный смысл запрета на «торговлю смертью». Однако существует и альтернативная точка зрения, представленная специалистами в области ювенальной юстиции и возрастной психологии.

Ученые-криминологи (например, Я.И. Гилинский в своих трудах о девиантности) неоднократно отмечал, что репрессивные меры в отношении несовершеннолетних не всегда достигают целей наказания [1]. Оппоненты снижения возраста указывают на то, что 14-летние «закладчики» сами зачастую являются жертвами манипуляций со стороны взрослых организаторов («кураторов»). По мнению исследователей, помещение подростка в условия пенитенциарной системы в столь раннем возрасте приведет не к исправлению, а к окончательной криминализации личности и вхождению в профессиональную преступную среду. Исследователи подчеркивают, что организаторы наркобизнеса просто найдут новые способы обхода закона, в то время как тысячи молодых жизней будут разрушены лишением свободы.

Подводя итог анализу возможности снижения возраста уголовной ответственности по ст. 228.1 УК РФ, можно сделать вывод, что данная мера является вынужденным ответом государства на изощренные методы работы наркокартелей. Основным положительным последствием такого изменения может стать ликвидация «правовой лакуны», которую используют преступные сообщества для вовлечения детей в незаконный оборот. Это позволит применять меры уголовного воздействия к тем подросткам, которые осознанно и систематически занимаются наркоторговлей, прикрываясь возрастом.

Однако необходимо признать, что одно лишь ужесточение карательной политики не способно решить корень проблемы. Снижение возраста ответственности до 14 лет без сопутствующих изменений может привести к переполнению воспитательных колоний подростками, совершившими первую и единственную ошибку под влиянием пропаганды «красивой жизни».

В качестве альтернативы и дополнения к законодательной инициативе предлагается следующее:

1. Дифференциация ответственности: возможно введение ответственности с 14 лет не за все части ст. 228.1 УК РФ, а только за квалифицированные (например, совершенные группой лиц по предварительному сговору или в крупном размере), что позволит отсечь случайные единичные эпизоды от работы на профессиональные «наркошопы».

2. Усиление ответственности для вербовщиков: ключевым вектором должно стать не только наказание подростков, но и радикальное ужесточение ответственности для взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в наркоторговлю (ст. 150 УК РФ), вплоть до пожизненного лишения свободы, если это привело к тяжким последствиям.

3. Приоритет профилактики и цифровой гигиены: необходимо внедрение государственных программ мониторинга деструктивного контента и проведение в школах не формальных, а интерактивных правовых занятий, разъясняющих не только вред наркотиков, но и механизмы вовлечения в преступность.

4. Развитие мер, не связанных с лишением свободы: для лиц в возрасте 14–15 лет, впервые совершивших преступление по ст. 228.1 УК РФ без отягчающих обстоятельств, следует расширить применение принудительных мер воспитательного воздействия, специализированных реабилитационных программ под надзором ювенальных органов.

Таким образом, актуальность снижения возраста ответственности по ст. 228.1 УК РФ продиктована временем, но реализация этой идеи требует ювелирной точности законодателя, чтобы карающий меч правосудия поражал организаторов зла, а не становился инструментом уничтожения будущего подрастающего поколения.

Литература

1. Гилинский Я.И. Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-90-е гг. XX столетия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-sotsiologiya-deviantnosti-i-sotsialnogo-kontrolya-deviantologiya-v-60-e-90-e-gg-hh-stoletiya (дата обращения: 13.03.2026).

2. СК предложил снизить возраст уголовной ответственности за наркотики до 14 лет // ТАСС: информагентство России. URL: https://tass.ru/obschestvo/23595185 (дата обращения: 13.03.2026).

***К.А. Лебедева**, курсант 4 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
***О.С. Яхонтова**, канд. юрид. наук, доцент*
Санкт-Петербургский университет МВД России

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, ВОВЛЕЧЕННЫМИ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Современная криминогенная ситуация в Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к увеличению числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, в ходе расширенного заседания коллегии МВД России Владимир Владимирович Путин констатировал существенный рост подростковой преступности. Особую обеспокоенность вызывает факт того, что 40 % от общего числа противоправных деяний приходится на тяжкие и особо тяжкие составы преступлений. В дополнение Президент Российской Федерации отметил, что «нередко молодых людей целенаправленно втягивают в преступную деятельность, вербуют в криминальную среду» [3].

Указанное утверждение в настоящий момент времени наиболее применимо к вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности. На фоне усугубляющейся глобальной нестабильности и обострения политической обстановки, являющихся ключевыми факторами роста преступности в рассматриваемом секторе, в 2025 г. зафиксировано

общее увеличение криминальной активности (число совершенных преступлений террористической направленности +75 %) [5].

В действительности преступления террористической направленности представляют собой негативное социальное явление, которое направлено на дестабилизацию политической, социальной и экономической сфер жизнедеятельности общества, параллельно выступая в качестве первостепенной угрозы национальной и международной безопасности [1, с. 72]. Наряду с этим преступления данной категории вызывают опасение за счет того, что их осуществление нередко приходится на несовершеннолетних лиц, которые вследствие психологических особенностей, присущих данной возрастной группе, склонны к манипулированию и внушению деструктивных идеологий.

Учитывая вышеизложенный аспект, представляется, что вменение несовершеннолетним лицам уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности, осуществленных посредством введения данных лиц в заблуждение или иными способами, является неоднозначным решением. Отдельное внимание следует уделить субъективным признакам рассматриваемых преступлений.

В силу повышенной общественной опасности за совершение преступлений террористической направленности к уголовной ответственности привлекаются лица, достигшие на момент совершения преступления возраста 14 лет. Исходя из положений ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, необходимо констатировать, что несовершеннолетнее лицо, достигшее возраста уголовной ответственности на момент совершения общественно опасного деяния, не может быть привлечено к уголовной ответственности в силу особенностей его психического развития, выражающиеся в отставании, не связанном с психическим расстройством, следствием которых выступает отсутствие осознания фактического характера и общественной опасности совершения противоправных действий и руководить ими [4].

Лица, причастные к осуществлению террористической деятельности, занимающиеся склонением, вербовкой или иными способами вовлечения лиц в совершение рассматриваемых преступлений, располагают колоссальным количеством методов и приемов психологического воздействия. Каждый из способов склонения, вербовки или иного вовлечения в совершение хотя бы одного из преступлений террористической направленности, закрепленный в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» представляет собой совокупность мероприятий психологического воздействия. К таким способам законодатель относит: «уговоры, подкуп, угрозы, убеждения, просьбы, предложения (в т. ч. совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применение физического воздействия или поиск лиц» [2].

Данные лица тщательно исследуют потенциального исполнителя в целях установления точек давления и поддержания контакта. Вдаваясь в подробности личной жизни несовершеннолетнего, его материального состояния, а также

учитывая отсутствие базовых знаний правовой и цифровой грамотности злоумышленники предлагают за определенное вознаграждение совершить деяние, которое предполагает собой совершение преступления, однако преподносится как общественно полезное действие, выполнение которого будет олицетворять осуществление «подвига» или иного «героического поступка». Апеллируя данными характеристиками, злоумышленники добиваются осуществления несовершеннолетними указанных действий, которые впоследствии могут остаться обманутыми и привлеченными к уголовной ответственности.

В дополнение следует учесть природу преступлений террористического характера следует отметить, что цель реализации данных мероприятий имеет прямую связь с политическими воззрениями, правильное понимание которых отсутствует в сознании несовершеннолетних. На основании этого факта наличие прямого умысла, характерного для данного рода преступлений представляется неоднозначным, вследствие того, что действия несовершеннолетних могут быть тщательно спланированы лицами, которые побудили несовершеннолетнего к осуществлению определенных действий, а также с учетом отсутствия умысла на совершение преступления террористического характера. Зачастую мотивационная составляющая данных деяний состоит в корысти, но никак не в дестабилизации деятельности органов власти.

Рассмотренный ранее аспект, заключающийся в возможности наличия у несовершеннолетнего лица отставания в психическом развитии, являет собой особую важность в установлении виновности или невинности несовершеннолетнего лица, что закладывает фундамент в обязательном проведении психологических и психиатрических экспертиз на предмет наличия или отсутствия у несовершеннолетнего признаков, свидетельствующих об отставании в развитии. Наряду с этим, при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий предлагается сосредоточить внимание сотрудников правоохранительных органов на факт наличия переписки или телефонных переговоров с последующим проведением лингвистической экспертизы. Последнее утверждение имеет место при установлении истинного умысла несовершеннолетнего на осуществление тех или иных противоправных действий.

Таким образом, подход к вменению вины несовершеннолетним вследствие исполнения указанных злоумышленниками действий, образующих объективную сторону преступлений террористической направленности, остается дискуссионным и требует значительного объема сил и средств в установление истинного умысла несовершеннолетнего лица.

Литература

1. Легушенко Д.А. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность как элемент механизма совершения преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 72–78.

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012

№ 1 (ред. от 03.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Расширенное заседание коллегии МВД // Официальные сетевые ресурсы. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 11.03.2026).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Число террористических преступлений в России с начала года выросло на 75 %. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8228398?ysclid=mmm7h964df247805982 (дата обращения: 11.03.2026).

***А.П. Левченко**, слушатель 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ ПО ПРАВОНАРУШЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НАНЕСЕНИЕМ ПОБОЕВ

В ряду факторов, актуализирующих рассматриваемую проблематику, выделяется массовый характер проявлений насилия, обусловленный недостаточной эффективностью средств правового противодействия данным противоправным деяниям.

Согласно официальным статистическим данным, представленным ГИАЦ МВД России, количество преступлений, связанных с нанесением побоев и предусмотренных ст.116.1 УК РФ в России за 5 лет с 2020 по 2024 гг. увеличилось почти в 2,8 раза с 4272 до 11 801 случаев [1].

Одной из причин такого положения выступает тот факт, что первоначально к виновникам причинения домашнего насилия, не повлекшего причинения вреда здоровью, применяют ст. 6.1.1 КоАП РФ. Однако предусмотренное данной статьей наказание во многих случаях не останавливает лицо от совершения насилия в дальнейшем, что показал анализ 30 изученных уголовных, расследованных в 2023–2025 гг. ОМВД России по Верхнекетскому району Томской области, по фабуле которых деяния квалифицированы в соответствии с ч. 1 ст. 116.1 УК РФ при повторном совершении побоев.

Это можно подтвердить типичным примером из практики изученного уголовного дела по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116.1 УК РФ. Являясь лицом, подвергнутым наказанию за совершение 06.02.2023 административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, в виде 60 часов обязательных работ на основании постановления Верхнекетского районного суда Томской области от 29.03.2023 и всту-

пившего в законную силу 11.04.2023, Б. снова совершила действия связанные с насилием.

Находясь в состоянии алкогольного опьянения в квартире № 1 дома № 15 по ул. Дорожная в п. Степановка Верхнекетского района Томской области, имея преступный умысел, направленный на нанесение побоев и иных насильственных действий в отношении несовершеннолетней Е., на почве личных неприязненных отношений, возникших в ходе ссоры, 06.02.2024 около 21.00 часов схватила потерпевшую Е. рукой за волосы, подвела ее к стене и не менее 3 раз ударила головой об стену, тем самым причинив ей физическую боль и телесные повреждения в виде кровоподтека волосистой части головы, не повлекшие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности и оцененные как повреждения, не причинившие вред здоровью человека.

Таким образом, Б. своими умышленными действиями совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116.1 УК РФ – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние [2].

Однако достаточно часто даже и после исполнения наказания по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, лицо продолжает совершать побои или причиняет еще более тяжкое по последствиям насилие, охватываемой другой статьей Особенной части УК РФ.

Такая практика вызывает серьезные споры относительно эффективности административной преюдиции применительно к ст. 6.1.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ.

Отметим, что изначально целью административной преюдиции ставится возможность дать лицу исправиться без привлечения его к уголовной ответственности.

Конструкция административной преюдиции, заложенная в рассматриваемом составе, предполагает, что лицо способно исправиться и больше не повторять подобных деяний. И только в случае повторного совершения, лицо становится общественно-опасным настолько, чтобы защита социальных отношений в этой сфере осуществлялась посредством уголовного закона. Однако проведенный анализ указанных ранее уголовных дел в Томской области показывает, что исправления в 70 % случаев не происходит.

Считаем необходимым отметить несовершенство санкции, установленной в ст. 6.1.1. КоАП РФ, которая предусматривает возможность назначения наказания в виде административного штрафа, административного ареста и обязательных работ.

Данные по изученным делам демонстрируют устойчивую тенденцию к назначению судами административного штрафа по делам о побоях (90 % случаев). При этом в абсолютном большинстве решений размер штрафа минимальный, т. е. составляет 5 тыс. руб., что не является сдерживающим фактором для правонарушителей.

Проблема низкой эффективности административной преюдиции, на наш взгляд, состоит еще в том, что при семейных ссорах финансовые последствия правонарушений распространяются на всех членов семьи, т. к. бюджет у потерпевших и правонарушителей общий.

Это формирует у потерпевших мотив к отказу от обращения за защитой, основанный на предположении о собственном участии в несении неблагоприятных имущественных последствий.

Не менее важной причиной является страх перед обидчиками и зависимость потерпевших от них, что формирует у потерпевших убеждение о возможности мести и очередной агрессии, что и служит барьером для обращения за защитой.

В связи с изложенным предлагается исключить из санкции ст. 6.1.1 КоАП РФ штраф и обязательные работы, заменив их административным арестом на максимальный срок, предусмотренный КоАП РФ.

Также полагаем целесообразным скорректировать санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, в которых предусмотреть наказание только в виде лишения свободы с учетом того, что преступное деяние направлено на нарушение основных прав человека, предусмотренных ст. 21 и 22 Конституции Российской Федерации, которые гарантируют защиту от насилия и личную неприкосновенность.

Литература

1. Сборник по России «Единый отчет о преступности» за 2020–2024 годы // Данные ГИАЦ МВД России (дата обращения: 01.03.2026).

2. Уголовное дело № 12401690030000031 // Архив ОМВД России по Верхнекетскому району Томской области за 2024 год.

Е.Е. Лобова, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
М.В. Кукасов
Барнаульский юридический институт МВД России

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Малозначительность деяния представляет собой оценочный юридический факт, противоположный общественной опасности, определяющей преступность деяния. Малозначительные деяния характеризуются тем, что они формально содержат признаки состава преступления, но в них отсутствуют общественно опасные последствия в виде реального или потенциального причинения вреда.

В науке уголовного права малозначительность деяния рассматривается как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. При этом А.М. Герасимов развивает идею об уголовно-правовой природе малозначительности деяния, обусловленной подходом законодателя к оценке уровня общественной опасности [2, с. 79].

Центральная проблема отграничения малозначительных деяний от преступлений связана с отсутствием четких, формализованных критериев общественной опасности. Как справедливо отмечает М.А. Иванова, «отсутствие в уголовном законе четко сформулированных критериев для определения малозначительности деяния доставляет правоприменителю определенные трудности» [3, с. 37].

В связи с этим значение приобретают разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Так, в п. 25.4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» уточняется, что при решении вопроса о малозначительности деяния судам необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др. Как следует из приведенных разъяснений, перечень подлежащих учету обстоятельств является открытым.

Анализ судебной практики показывает, что при решении вопроса о малозначительности суды обращают внимание также на личность лица, совершившего преступление, его мотивы, характеристику собственника похищенного имущества (частное лицо, пенсионер, работающий, государство и т. д.). Д.А. Ковлагина в своем исследовании подчеркивает, что суд, применяя ч. 2 ст. 14 УК РФ, учитывает совокупность обстоятельств реально совершенного деяния, свидетельствующую о не причинении существенного вреда объекту уголовно-правовой охраны либо об отсутствии угрозы причинения такого вреда, т. е. о низкой степени его общественной опасности [4, с. 136].

Показательный пример был обнаружен в практике Верховного Суда Российской Федерации. Так, за малозначительностью было прекращено уголовное дело в отношении Б., осужденной по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ за покушение на хищение чужого имущества. Б., находясь в гипермаркете, похитила товары на сумму 3642 рубля 15 копеек, после чего была задержана сотрудником охраны. Принимая решение, Судебная коллегия учла небольшую тяжесть совершенного преступления, размер потенциального ущерба, который фактически не был причинен, товарооборот и прибыль потерпевшего гипермаркета, а также данные о личности виновной – пенсионерка 69 лет, ветеран труда [6].

Принципиально важным является вопрос о возможности привлечения лица, совершившего малозначительное деяние, к административной ответственности. В юридической литературе высказываются разные позиции. Д.Ю. Корсун доказывает, что вопрос о юридической ответственности за малозначительное деяние должен решаться дифференцированно: уголовная и административная ответственность за его совершение исключена, тогда как граж-

данско-правовая и дисциплинарная ответственность применяться могут. Однако, как справедливо замечает автор, подобное правовое регулирование не соответствует началам справедливости, поскольку государственное реагирование на менее опасное деяние (административное правонарушение) оказывается строже, чем на более опасное малозначительное деяние [5, с. 155].

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные ошибки, допускаемые судами при решении вопроса о малозначительности. Д.А. Ковлагина отмечает, что суды зачастую используют шаблонные формулировки для признания деяния малозначительным без исследования всех необходимых фактических обстоятельств, что влечет необоснованные выводы. С другой стороны, многие суды опасаются применять ч. 2 ст. 14 УК РФ из-за отсутствия четких критериев [4, с. 135].

В литературе предлагаются различные пути совершенствования института малозначительности. М.А. Иванова предлагает вынесение Пленумом Верховного Суда Российской Федерации соответствующего постановления, а также внесение предложений по совершенствованию института малозначительности деяния как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном праве [3, с. 36]. В.Н. Винокуров предлагает дополнить ст. 14 УК РФ частью 3, где были бы перечислены деяния, совершение которых нельзя признавать малозначительным [1, с. 65].

Представляется, что наиболее перспективным направлением совершенствования законодательства является введение в российское уголовное право института уголовного проступка, который мог бы заполнить существующий разрыв между преступлениями и административными правонарушениями. Это позволило бы дифференцировать ответственность в зависимости от степени общественной опасности деяния и избежать ситуации, когда малозначительное деяние вообще не влечет никакой юридической ответственности, кроме возможной гражданско-правовой или дисциплинарной.

Подводя итог можно сказать, что институт малозначительности деяния, закрепленный в ч. 2 ст. 14 УК РФ, является необходимым инструментом дифференциации уголовной ответственности, позволяющим отграничить деяния, формально содержащие признаки состава преступления, но не представляющие общественной опасности, от истинных преступлений. Однако отсутствие четких законодательных критериев малозначительности, оценочный характер данного понятия порождают серьезные проблемы правоприменения, ведут к субъективизму судейского усмотрения и разобщенности судебной практики.

Для решения обозначенных проблем представляется необходимым: во-первых, принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации отдельного постановления, содержащего развернутые критерии малозначительности деяния и рекомендации по ее отграничению от смежных категорий; во-вторых, рассмотрение вопроса о введении в российское законодательство института уголовного проступка.

Литература

1. Винокуров В.Н. Признаки и пределы малозначительности деяния в уголовном праве // Современное право. 2022. № 2. С. 64–70.
2. Герасимов А.М. Малозначительность деяния по уголовному законодательству и административно-деликтному праву: природа и содержание // Lex Russica. 2024. № 5. С. 73–82.
3. Иванова М.А. Оценочное понятие малозначительности деяния в уголовном праве: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. № 21. С. 35–39.
4. Ковлагина Д.А. Малая значимость деяния: критерии установления, особенности правоприменения // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 7. С. 130–138.
5. Корсун Д.Ю. Юридические последствия малозначительного деяния, содержащего признаки состава преступления // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 5. С. 153–157.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2023 № 5-УДП23-68-К2.

***А.А. Логинова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Современная отечественная криминология характеризуется устойчивым преобладанием позитивистских подходов к изучению причинности преступности, виктимности и механизмов ресоциализации. Несмотря на методологическую продуктивность данных направлений, в научном сообществе наблюдаются также сторонники философско-антропологических измерений криминального поведения.

В данном контексте наследие Ф.М. Достоевского, содержащее глубокое исследование природы преступной воли, нравственной ответственности, социально-средовой детерминации и духовно-психологических механизмов профилактики, остается также интегрированным в современный теоретический аппарат.

Анализ художественных текстов произведений Ф.М. Достоевского позволяет выделить несколько устойчивых моделей личности преступника, каждая

из которых характеризуется специфическим сочетанием когнитивных, эмоциональных и нормативных компонентов.

Первая модель представлена персонажами, для которых преступление выступает следствием идеологического обоснования и рационализации противоправного акта. Наиболее репрезентативным примером является Родион Раскольников, чье поведение детерминируется теоретической конструкцией, разделяющей человечество на «обыкновенных» и «необыкновенных» лиц. В криминологической терминологии данный тип соответствует идеологически мотивированным преступникам, чьи действия обусловлены искаженным восприятием социальной справедливости, верой в исключительность собственной миссии и готовностью игнорировать правовые нормы во имя высшей цели. Характерной особенностью выступает наличие развитого интеллектуального потенциала, сочетающегося с нравственной дезориентацией и сниженной способностью к сопереживанию. После совершения преступления фиксируется интенсивная внутренняя рефлексия, сопровождающаяся когнитивным диссонансом, соматическими проявлениями стресса и постепенным разрушением первоначальной идеологической конструкции.

Вторая модель объединяет персонажей, чье преступное поведение обусловлено аффективно-импульсивной динамикой, накоплением фрустрации и деформацией ценностных ориентаций под влиянием семейной дисфункциональности. Так, Дмитрий Карамазов демонстрирует тип ситуативно-неустойчивого преступника, для которого характерны эмоциональная лабильность, низкий самоконтроль, склонность к рискованным решениям и зависимость самооценки от внешнего признания. С криминологической точки зрения наблюдается отсутствие устойчивой антисоциальной направленности. Преступное поведение формируется в условиях ситуативного конфликта, усиленного алкоголизацией, материальной нуждой и нарушенными механизмами саморегуляции. В отличие от идеологически мотивированных моделей, у данного типа фиксируется быстрый переход от аффективного возбуждения к осознанию последствий, что создает условия для последующей ресоциализации.

Третья модель представлена персонажами с латентной антисоциальной направленностью, чье поведение характеризуется расчетливостью, манипулятивностью и отсутствием внутренней рефлексии. Петр Верховенский и Алексей Смердяков иллюстрируют тип злостного и особо злостного преступника, для которого противоправные действия являются инструментом достижения статуса, власти или материального преимущества. В криминологической литературе подобные модели соотносятся с профессиональными и рецидивными типами, отличающимися устойчивостью к пенитенциарному воздействию. Характерной чертой выступает рационализация безнравственности через нигилистические конструкции, что снижает эффективность традиционных форм морального убеждения.

Четвертая модель фиксируется там, где преступное поведение выступает следствием дезадаптации и социальной изоляции маргинального типа личности. Действия преступников обусловлены потребностью в самоутверждении через деструктивное поведение и отрицание общепринятых нормативных рамок.

С точки зрения современной уголовной политики произведения Ф.М. Достоевского выступают источником критического осмысления карательной парадигмы. В произведениях наглядно показано, что эффективность наказания определяется не столько строгостью санкции, сколько способностью системы восстановить нарушенный правовой статус, обеспечить условия для личностной трансформации и предотвратить маргинализацию.

Данные выводы согласуются с современными тенденциями гуманизации уголовного законодательства, расширением применения альтернативных мер наказания, развитием восстановительного правосудия и усилением профилактики на ранних стадиях девиации.

При этом существующие обращения к творчеству писателя носят преимущественно этико-пенитенциарный или культурологический характер, тем не менее достаточно часто транслируются в криминологические конструкты, позволяющие понять особенности личности правонарушителей и причины их деяний.

Исследователи творчества Достоевского фиксируют, что он отвергал упрощенный социально-экономический детерминизм, акцентируя внимание на внутренней свободе личности и ее способности к нравственному самоопределению [2, с. 17].

В литературе последних лет также фиксируется интерес к профилактическим практикам, на основе идей Достоевского о «внутреннем преображении» и способности личности к нравственному перерождению даже после тяжких преступлений [1, с. 263]. Указывается, что профилактика, основанная на пробуждении внутренней рефлексии и смысловой переориентации, может дополнять традиционные программы ресоциализации.

Это значит, что философско-литературные конструкты Достоевского сохраняют высокий эвристический потенциал. Теоретические положения о гуманистической направленности ресоциализации и духовно-психологических механизмах профилактики используются в ведомственных методиках ФСИН России, региональных программах профилактики правонарушений и учебных материалах вузов.

Литература

1. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2010. 784 с.

2. Петров С.И. Свобода выбора и детерминизм в уголовно-правовой доктрине: историко-философский анализ // Закон и право. 2020. № 11. С. 15–21.

***С.Д. Лупашко**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.С. Квасников**, канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

ПСИХИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, занимает важное место в системе уголовного права Российской Федерации. Назначение данного института заключается в том, чтобы обеспечить правовую оценку поведения лица в ситуациях, когда причинение вреда охраняемым законом интересам обусловлено особыми, исключительными обстоятельствами. Одним из таких обстоятельств является психическое принуждение.

В ст. 40 УК РФ закрепляется одно из этих обстоятельств, однако его содержание и пределы применения вызывают проблемы применения на практике, а также множество вопросов в уголовно-правовой науке. Например, возникает вопрос о правовой сущности психического принуждения, а также критериях его преодолимости и то, как оно соотносится с крайней необходимостью.

В научной литературе принуждение рассматривается как противоправное воздействие на человека, которое направлено на подавление его воли и склонение к совершению общественно опасных действий либо воздержание от них [3, с. 223].

Именно психическое принуждение рассматривается как особая форма воздействия на человека путем влияния на его сознание и его волю. Оно может выражаться как в угрозах причинения вреда, так и в угрозах иного характера.

Воля чаще всего понимается как способность человека свободно определять вектор своего поведения. При психическом воздействии данная способность значительно уменьшается, однако исходя из нынешней позиции судов, полностью не утрачивается. Именно поэтому психическое принуждение на практике рассматривается через призму крайней необходимости.

Такой подход логичен, ведь на практике говорится о преодолимости психического воздействия. Однако психическое воздействие может выступать настолько сильным фактором, что его можно приравнять к физическому по его эффекту.

Для признания причинения вреда правомерным должны соблюдаться следующие условия:

1) общественная опасность принуждения;

2) само по себе наличие принуждения;

3) принуждение должно быть реальным и действительным;

4) невозможность устранения принуждения иными средствами;

5) причиненный вред должен быть меньшим, чем предотвращенный [1, с. 94].

Только совокупность всех указанных условий позволяет признать деяние правомерным.

Но не все так однозначно, ведь мы не можем рассматривать психическое принуждение только со стороны лица, на которое это психическое воздействие оказывается. На практике применение норм о психическом принуждении вызывает ряд сложностей. Во-первых, отсутствуют четкие критерии разграничения преодолимого и непреодолимого воздействия. Законодатель изначально относит психическое принуждение к преодолимому, что не всегда соответствует действительности. Во-вторых, возникают трудности в оценке реальности угрозы. Правоприменителю необходимо установить, насколько обоснованными были опасения лица, и могла ли угроза быть реализована. В-третьих, проблематичным является вопрос о субъективных особенностях личности. Разные люди по-разному реагируют на угрозы: для одного ситуация может быть преодолимой, для другого – нет. Это ставит вопрос об индивидуализации оценки поведения [2, с. 118].

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов является признание непреодолимого психического принуждения самостоятельным обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Именно поэтому нами предлагается рассматривать психическое принуждение как самостоятельный и универсальный критерий оценки в других институтах уголовного законодательства. Не стоит рассматривать психическое принуждение только со стороны лица, на которое направлено это воздействие, необходимо также рассматривать это со стороны лица, непосредственно оказывающего воздействие. Учитывая это, для того чтобы определить непреодолимость воздействия, необходимо будет произвести психофизиологическую экспертизу, которая будет направлена на доказывание факта воздействия и факта способности воздействовать на лицо. Результаты экспертизы должны будут быть направлены на определение силы воздействия, что в дальнейшем поможет повлиять на решение о применении смягчающего обстоятельства либо же вовсе об исключении уголовной ответственности лица.

Литература

1. Вишнякова Н.В. Психическое принуждение как обстоятельство исключающее преступность деяния // Алтайский юридический вестник. 2023. № 2. С. 93–98.

2. Григорьева Л.В. Перспективы развития института физического и психического принуждения как обстоятельства, исключающего преступность деяния // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4. С. 115–121.

3. Луценко Е.Г. Критерии правомерности психического принуждения по уголовному праву Российской Федерации // Наука. Инновации. Технологии. 2011. № 73. С. 222–226.

***А.А. Лютц**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Д.А. Маракулин
Барнаульский юридический институт МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Анализ ежегодной характеристики состояния преступности в Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что за период 2020-2025 гг. доля преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств ежегодно составляет около 10 % от общего числа преступлений. По результатам официальной статистической информации, в Российской Федерации в период с января по декабрь 2025 г. было зарегистрировано 214 770, в 2024 г. – 198 043 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее – связанные с незаконным оборотом наркотических средств) [1]. Таким образом, в 2025 г. количество данных преступлений увеличилось на 8,4 %, в сравнении с 2024 г.

В Уголовном кодексе Российской Федерации преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств закреплены в ст. 228–234 УК РФ. Анализируя структуру преступности по вышесказанным статьям уголовного закона, можно отметить, что наибольшую долю преступлений составляют незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (далее – сбыт наркотических средств) – 158 728 преступлений в 2025 г., 134 998 – в 2024 г.

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, являются одной из главных угроз общественной и государственной безопасности. С 2022 по 2025 г. количество преступлений рассматриваемой категории увеличилось с 177,7 тыс. до 214,8 тыс. Проведенный анализ статистических данных свидетельствует о необходимости не только оперативного выявления и расследования указанных преступлений, но и совершенствования мер по их предупреждению, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению. По нашему мнению, перспективным направлением в сфере предупреждения и профилактики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, является проведение криминологического исследования личности преступника, совершающего незаконный сбыт наркотических средств. Значимость данного направления исследования заключается в том, что

что на основе усредненных данных о личности преступника разрабатывается комплекс мероприятий по предупреждению преступлений, а также методика выявления и расследования преступлений, тактика производства процессуальных и следственных действий. Для данной категории преступлений анализ личности преступника наиболее значим, т. к. в области сбыта наркотических средств прослеживается низкий процент выявления лиц, совершивших преступления. Например, в 2025 г. из 158 728 тыс. преступлений в сфере незаконного сбыта наркотических средств раскрыто 77 562 преступления и выявлено лишь 16 001 лицо, совершившее преступления. В 2024 г. раскрыто 57 720 преступлений, выявлено – 19 192 лица.

Личность преступника – совокупность социально-значимых свойств и качеств человека, совершившего преступление. В структуру личности преступника входят социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые признаки. На основе статистических данных, представленных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации в 2024 г. по ст. 228.1 УК РФ осуждено 19 823 лица [2]. В первую очередь, стоить отметить, что по преступлениям, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, следующая половозрастная характеристика осужденных: преобладающее большинство – мужчины (87,3 % – 16 308), данные преступления чаще всего совершают лица в возрасте 18–29 лет: 9163 осужденных (46,2 %). Также в 2024 г. за совершение данных преступлений осуждено 3436 лиц в возрасте 30–34 года (17,3 %), 2 841 лицо в возрасте 35–39 лет (14,3 %), 3564 лица в возрасте 40 лет и старше (17,9 %). Большая часть лиц, совершающих преступления рассматриваемой категории являются гражданами Российской Федерации: 17 225 граждан Российской Федерации (86,8 %). Также можно выделить критерий, связанный с местом жительства лиц, совершающих незаконный сбыт наркотических средств: 16 243 осужденных (81,9 %) постоянно проживают в местности, где ими были совершены преступления, 3314 лиц – жители иной местности (16,7 %). Одним из ключевых социально-демографических признаков лица, совершившего преступление в сфере незаконного сбыта наркотических средств, можно выделить уровень образования. Основная доля лиц, совершающих преступления рассматриваемой категории, имеют среднее профессиональное образование (7374–37,1 %) и среднее общее образование (7226 – 36,4 %). Наименьшее количество осужденных по ст. 228.1 УК РФ имеют основное общее и начальное образование (3 227 – 16,2 %) и высшее образование (1 996 – 10 %). Анализ данных, отражающих род занятий (социальное положение) осужденных по ст. 228.1 УК РФ позволяет сделать вывод о том, наибольшее число лиц, являлись трудоспособными, однако постоянный источник дохода у них отсутствовал (13 473 – 67,9 %). Также среди данной категории лиц выделяют рабочих (2651 – 13,3 %), учащихся и студентов (1003 – 5 %).

Также стоит отметить, что особенностью совершения рассматриваемой категории преступлений в настоящее время является использование информационно-телекоммуникационных технологий (74 %, 117 505 преступлений по ст. 228.1 УК РФ, совершены с использованием ИТТ), т. е. лицо обладает доста-

точными познаниями в области информационных технологий, использует для совершения преступления соответствующие информационные ресурсы.

На основе статистических данных трудно отразить нравственно-психологические признаки структуры личности преступника, совершившего незаконный сбыт наркотических средств. Однако, опираясь на то, что по конструкции состав преступления, предусмотренный ст. 228.1 УК РФ, является формальным и преступление совершается умышленно, можно сделать вывод, что большинство лиц, осужденных по данной статье уголовного закона, совершили преступление в трезвом состоянии, осознавали общественную опасность своих действий и желали наступления общественно опасных последствий. Согласно статистическим данным, в 2024 г. совершили незаконный сбыт наркотических средств в состоянии наркотического опьянения 328 лиц (1,6 %), в состоянии алкогольного опьянения 29 лиц (0,14 %).

Уголовно-правовая характеристика. Согласно статистическим данным, четверть осужденных по ст. 228.1 УК РФ совершают преступление повторно. Так, количество осужденных лиц, которые имели неснятые и непогашенные судимости на момент совершения преступления в 2024 г. составило – 4 952 человек (24,9 %). Также стоит отметить, что преступления данной категории преимущественного совершаются в группе – 14 368 осужденных (72,4 %).

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что усредненный портрет лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ следующий: мужчина (18–29 лет), гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий по месту совершения преступления, имеющий среднее профессиональное и среднее общее образование. По роду занятий является трудоспособными, однако без постоянного источника дохода, преступление совершает не в одиночку, как правило, состоит в группе. По нашему мнению, полученные результаты можно использовать в рамках проведения профилактических мероприятий, обращая особое внимание на лиц, которые могут быть подвержены вовлечению в совершение преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации. Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 01.03.2026).

2. Статистическим данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о судимости в России за 2024 г. // URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 01.03.2026).

У.Ю. Максимачева, *курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.Ф. Федоров, *канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Домашнее насилие – это одна из самых сложных и актуальных проблем, находящаяся на стыке личного пространства человека и области, регулируемой нормами административного и уголовного права. Особенность такого рода правонарушений в том, что они крайне редко выходят за пределы семьи (высокая латентность), что объясняется как психологическими барьерами самих пострадавших, так и прочно укоренившимися общественными представлениями о том, что недопустимо посторонним лицам вмешиваться в семейные дела. Для криминологического изучения насилия в семье необходим всесторонний подход, который принимает во внимание не только статистику официально зарегистрированных инцидентов, но и глубинные причины, приводящие к противоправному поведению; при этом первостепенную роль среди таких случаев играют распространенность злоупотребления алкоголем и нехватка финансовых средств.

Анализ характеристики семейного насилия можно начать с рассмотрения показателей латентности. Именно они, по сути, раскрывают реальный объем изучаемого феномена. Согласно результатам нескольких криминологических изысканий, уровень латентности преступлений в области внутрисемейных конфликтов приближается к пиковым значениям, варьируясь, по разным оценкам, от 70 % до 90 % [4, с. 112]. Такое положение дел вызвано совокупностью причин. Во-первых, на протяжении долгого периода времени наша правовая система в основном квалифицировала домашнее насилие как административные правонарушения (например, ст. 6.1.1 КоАП РФ), в результате этого как у правонарушителей, так и у общества в целом сформировалось представление о малозначительности подобных проступков. Во-вторых, пострадавшие от агрессии, в особенности женщины и люди, зависимые финансово или психологически от агрессоров, нередко не обращаются в полицию из-за опасений усиления жестокости или, что обидчик наказан не будет.

Важно подчеркнуть, что латентность проявляется не только в числовом выражении, но и на качественном уровне. В криминологической науке принято различать преступления, сокрытые от внимания правоохранительных структур, и случаи, которые хоть и были заявлены, но не попали в официальную статистику вследствие отказа в возбуждении уголовных дел или медиации (примирения) участников [1, с. 58]. Применительно к насилию в семье, примирение сторон зачастую представляет собой вынужденную меру, продиктованную давлением со стороны родственников, необходимостью сохранения общего хозяй-

ства или отсутствием действенных механизмов, гарантирующих реальную защиту жертве на стадии расследования.

Анализируя причины и условия семейно-бытового насилия, необходимо подчеркнуть, что их природа носит системный характер. Криминогенная детерминация здесь строится на взаимодействии личностных деформаций субъекта преступления и неблагоприятных факторов микросоциальной среды. Одним из ведущих криминогенных факторов выступает алкоголизация населения. Злоупотребление спиртными напитками не просто выступает фоном совершения преступления, но и является структурным элементом механизма преступного поведения. Алкогольное опьянение снимает внутренние социальные запреты, усиливает агрессивные реакции на фрустрирующие ситуации, которые в условиях совместного проживания возникают постоянно. Как отмечается в современных криминологических исследованиях, более 70 % случаев тяжкого насилия в семье совершается лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, при этом сам образ жизни, включающий систематическое употребление алкоголя, формирует устойчивый тип личности агрессора с высоким уровнем конфликтности и дефектами эмоционально-волевой сферы [2, с. 205]. Важно отметить, что речь идет не столько о единичных случаях употребления, сколько о системной алкоголизации как образе жизни семьи, где насилие становится привычным способом разрешения конфликтов.

Финансовые трудности также служат сильным триггером для разрушительных тенденций внутри семейных ячеек. Вопреки усредненному представлению, согласно которому домашнее насилие присуще всем без исключения слоям общества, данные криминальной статистики и исследования жертв указывают на его доминирование среди тех, кто сталкивается с низкими доходами, нерегулярной занятостью и отсутствием собственного жилья. Лишения в сфере материального обеспечения вызывают постоянное напряжение, ослабляют способность домочадцев к приспособлению и инициируют конфликты из-за дефицита благ. Потеря работы, в особенности у представителей сильного пола, влечет за собой ниспровержение их социального положения, что, согласно устоявшимся взглядам, часто компенсируется чрезмерным установлением доминирования, в т. ч. через применение физической силы [3, с. 87]. Проблема жилья, вынуждающая жертву оставаться на одной территории с обидчиком без перспективы раздельного существования, обеспечивает непрерывную уязвимость и способствует регулярному рецидиву актов агрессии.

Среди факторов, усугубляющих проблему насилия в семье, выделяется невысокая результативность превентивных мер, реализуемых правоохранительными органами. Это проявляется в поверхностном подходе к реагированию на бытовые конфликты и дефиците адекватных механизмов обеспечения безопасности пострадавших.

Ключевым аспектом является то, как меняется характер домашнего насилия в периоды социальных потрясений. Эпидемия COVID-19 наглядно высветила активизацию скрытой агрессии, спровоцированной необходимостью длительного пребывания в замкнутом пространстве. Сокращение свободы передвижения, невозможность обратиться к привычным каналам социальной под-

держки, и экономическая нестабильность обернулись тем, что для многих жертв домашняя обстановка стала зоной повышенного криминального риска [5, с. 44]. Данный отрезок времени подтвердил тесную связь между частотой актов насилия в семье и общим уровнем социально-экономического неблагополучия.

Таким образом, анализ изучаемой проблемы дает основание утверждать, что насилие в сфере семейно-бытовых отношений является распространенным общественно-правовым явлением. Его возникновение обусловлено сочетанием финансовых трудностей, искажениями морально-этических установок, усугубляемыми злоупотреблением алкоголем, а также неспособностью государственных структур адекватно обеспечивать защиту. Значительная латентность этого явления выступает основным препятствием для реализации принципа неизбежности наказания. При этом социально-экономические аспекты служат пусковыми механизмами для эскалации домашних споров в форму агрессии.

Соответственно, для снижения распространенности семейно-бытового насилия необходимо усовершенствование законодательного регулирования проблемы, а также развитие системы помощи тем семьям, которые оказались в затруднительном положении.

Литература

1. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. 524 с.

2. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 368 с.

3. Клейменов М.П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2020. 432 с.

4. Лебедева С.Ю. Латентная преступность в сфере семейно-бытовых отношений: проблемы выявления и профилактики // Российский криминологический взгляд. 2023. № 2. С. 108–115.

5. Шестаков Д.А. Семейная криминология: проблемы пандемии и новые вызовы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 41–48.

***А.А. Максименко**, курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Е.С. Чуканова**, канд. юрид. наук, доцент*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ФЕНОМЕН «ЗАЦЕПИНГА-ЭКСТРИМА» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Такое явление, как «зацепинг-экстрим» или «трейнсерфинг», с каждым годом все больше популяризуется среди несовершеннолетних, которые совершая такие действия, не только нарушают установленные нормы действующего уголовного законодательства, но и ставят под угрозу жизнь и здоровье тех, кто их совершает.

«Зацепинг» предполагает проезд в нетрадиционном месте на поезде, электропоезде, вагоне метро, а также иных скоростных поездах. Нетрадиционным местом для «зацепинга» может являться крыша вагона, а также место сцепки вагонов, также не предназначенное для передвижения.

Предусмотрены также два основных вида зацепинга. Первый вид предполагает «классический» и всем известный вид, при котором езда осуществляется на внешних частях вагона поезда, в т. ч. на «гармошках», сцепках состава, подножках. Второй вид связан с управлением электропоездом, а именно лица залезают на крышу, шатают пантографы, разъединяют сцепки, фактически вмешиваясь в работу поезда. Этот вид смертельно опасен: ток напряжением в несколько тысяч вольт проходит через все тело, заземляясь о крышу вагона. Удар током возможен даже без прямого контакта с пантографом, поскольку на некоторых поездах провода под напряжением проходят вдоль крыши и для тяжелых последствий достаточно просто наступить на них.

Именно второй вид представляет большую общественную опасность и связан не только с нарушением безопасности эксплуатации транспорта, но и с созданием непосредственной угрозы жизни и здоровью пассажиров.

Особую опасность такой феномен вызывает, поскольку несовершеннолетние, не осознавая не только общественную опасность своих действий, но и угрозу своему собственному здоровью и жизни, допускают такое поведение.

Практические ежедневно новостные каналы, интернет-сообщества, а также иные интернет-источники сообщают о случаях «зацепинга» в России. С начала 2025 г. отмечено порядка 20 случаев летального исхода вследствие «зацепинга» [5].

Среди наиболее «популярных» регионов, в рамках которых практикуется такое деяние, выделяется Калужская область. В качестве примеров стоит рассмотреть некоторые случаи «зацепинга», которые были отражены в Телеграмм-каналах, а также на иных интернет-платформах. Важно отметить, что особое

внимание со стороны правоохранительных органов уделяется вопросу определения организатора такого вида «увлечения».

Организатор, как правило, является или совершеннолетним, который не участвует в «зацепинге» самостоятельно, а лишь определяет место, время и условия, при которых несовершеннолетний станет «зацепером». Также стоит обратить внимание на то, что совершеннолетний организатор является так называемым куратором, как и в компьютерных играх, ставя условия выполнения задания и санкции за их невыполнение.

Например, следственными органами Западного межрегионального следственного управление на транспорте СК России было возбуждено уголовное дело в отношении 19-летнего молодого человека. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 151.2 УК РФ (вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни) [1]. Было установлено, что подозреваемый организовал вовлечение несовершеннолетнего лица в занятие «зацепингом», приняв совместно с ним участите. Такая деятельность совершалась на периодической основе.

В Наро-Фоминске при экстренном торможении электропоезда, следовавшего по маршруту Москва-Калуга, погиб один из подростков, второй по словам очевидцев с места совершения преступления скрылся [3]. Такой же случай произошел на станции Шемякино, где по пути движения электропоезда погиб несовершеннолетний [2].

Нередки случаи, когда подростки погибают от удара током, а не вследствие падения. В Боровском районе Калужской области в Кабицино зацепер, получив удар током, упал на рельсы [4].

Такие случаи не являются единичными и с каждым днем их количество становится все больше. Возможно, это зависит напрямую от отсутствия уголовной ответственности за такое нарушение законодательства, несмотря на его распространенность, в то время как уголовный закон предусматривает уголовную ответственность исключительно за вовлечение несовершеннолетнего в такой вид деятельности.

Введение уголовной ответственности не только за вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправного поступка, но и для самого несовершеннолетнего, может снизить количество случаев «зацепинга» в стране.

Это связано с тем, что при наличии уголовной ответственности за конкретный вид преступления, подросток будет оценивать свои поступки не с точки зрения исключительно собственного поведения, но и его последствий, которые могут предусматривать уголовное наказание в виде лишения свободы, а на такие риски несовершеннолетние в большинстве своем идти не готовы.

Важно отметить, что уголовно-правовое регулирование «зацепинга» в современной России не может быть ограничено уголовной ответственностью исключительно за вовлечение несовершеннолетнего. По нашему мнению, это является пробелом в уголовном законодательстве, поскольку подростки не оценивают степень опасности таких действий и чувствуют себя безнаказанными за последствия, возникающие вследствие этих действий.

Новостные каналы, интернет-сообщества популяризуют случаи «зацепинга», не обозначая его последствий, освещая события и приводя примеры нарушений общественного порядка.

Для борьбы с таким феноменом необходимо принимать профилактические действия со стороны правоохранительных органов. Для этого, необходимо законодательно установить административную преюдицию для несовершеннолетних «зацеперов», когда за первый раз совершения такого деяния будет применятся мера административного характера. При этом несовершеннолетнему будет разъяснена вся опасность и незаконность совершаемых им деяний, а в случае аналогичного повторного нарушения, допущенного в течение года, будут применяются уже меры уголовного характера. Полагаем, что реализация комплекса таких мер по противодействию «зацепингу» может снизить негативные последствия данного явления.

Литература

1. В Москве задержан подозреваемый в вовлечении несовершеннолетних в занятия зацепингом. URL: https://sledcom.ru/news/item/2035716/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. В Шемякино трагедия – подросток-зацепер не выжил при попытке прокатиться на крыше электрички. URL: https://web.telegram.org/a/#-1001248833523 (дата обращения: 01.03.2026).

3. На мосту в Наре экстренная остановка электрички в Калугу, погиб зацепер. URL: https://web.telegram.org/a/#-1001248833523 (дата обращения: 01.03.2026).

4. Подросток едва не погиб в Боровском районе. URL: https://web.telegram.org/a/#-1001248833523 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Получил удар током, сорвался с вагона, попал под поезд. Более 20 жертв зацепинга только с начала 2025 года. URL: https://www.miloserdie.ru (дата обращения: 01.03.2026).

***Д.С. Малиновский**, курсант 3 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.Н. Бархатова**, канд. юрид. наук, доцент*
Восточно-Сибирский институт МВД России

КИБЕРСПОРТ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В современное время в молодежной среде начинает активно развиваться совершенно новое направление, а именно киберспорт. Киберспорт – это вид соревновательной деятельности и специальной практики подготовки к соревнованиям на основе компьютерных или иных видов видеоигр, где сама игра пред-

ставляет среду объектов управления, обеспечивая равные условия состязаний человека с человеком или команды с командой. И дело заключается в том, что и здесь ровно также возникают отрицательные моменты, способные оказать негативное влияние на результат спортивного матча, например: использование сторонних программ, которые в киберспортивной среде получили название «читы», они предназначены для стороннего вмешательства в игровой процесс и благодаря этому игрок получает значительное преимущество.

Также игроки могут влиять на матчи путем использования «багов» – это присутствующие в игре программные ошибки, которые игрок может находить сам, особенно если он знаком с технологией разработки игр, но в отличие от читов игрок не использует никаких сторонних программ, а наоборот он использует свою смекалку, поэтому использование «багов» является довольно-таки спорным моментом, хотя большинство спортивных организаций все же запрещает намеренное использование таких программных ошибок.

Еще одним негативным моментом, конечно, является договорной матч, который в киберспортивной среде даже получил свое название – «322». Такое интересное название он получил в связи со скандалом, связанным с российским игроком в Dota Алексеем Березиным с игровым ником Solo. В турнире, в котором он участвовал на одну из своих игр, он поставил на проигрыш собственной команды 100 долларов, а выиграл 322 доллара, после этого сумма закрепилась в игровом сообществе как символ договорных матчей. Из этого следует, что и в киберспортивной среде существуют такие негативные моменты, которые влияют на справедливый результат спортивного матча, и это довольно сложные квалифицирующие аспекты, поскольку в сфере компьютерных технологий есть свои определенные игровые условности и средства влияния на результат спортивных соревнований.

В категорию проблемных аспектов подпадают как раз таки субъекты таких правоотношений и использование ими потенциально новых методов, одними из которых и являются «читы», которые представляют собой применение специализированных программ и оборудования в онлайн-играх для получения лучшего результата и преимущества перед другими игроками [2, с. 223]. «Читы» очень своеобразный игровой аспект, и сама их функция в игровой среде вызывает множество вопросов, поэтому существует позиция, согласно которой лиц, их использующих, следует относить их к категории употребляющих допинг, но эта позиция является в корне не верной. Во-первых, даже если и отнести сторонние компьютерные программы к категории допинга, то к диспозициям ст. 230.1 и 230.2 УК РФ их использование даже логически не подойдет. Во-вторых, сам допинг в законодательстве Российской Федерации определен, как различные субстанции и методы, оказывающие влияние именно на физические показатели человека, путем ввода этих субстанций внутрь организма человека, «читы» таким свойством не обладают, значит, и не могут быть рассмотрены в качестве допинга.

Что касается субъектов киберспортивных соревнований, то стоит сказать, что в УК РФ не определен такой субъект, как спортсмен или тренер, здесь нужно обратиться к федеральному закону от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической

культуре и спорте в Российской Федерации» [3], а именно в п. 22 ст. 2, где спортсмен – это физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях, киберспорт официально был внесен в спортивный реестр, поэтому игроки официально считаются спортсменами, согласно данному закону, а вот с тренером здесь могут обстоять некие сложности, потому что неясным остается и вопрос относительно того, кого в рамках уголовного права можно назвать тренером. В упомянутом законе в п. 24 ст. 2 указывается, что «тренер – физическое лицо, которое имеет соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование, организует учебно-тренировочный процесс, включая проведение со спортсменами, обучающимися учебно-тренировочных мероприятий, а также руководит их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов [1, с. 299]. Но ведь тренер может быть и лицом, не имеющим специального образования, что особенно актуально для киберспорта, т. к. полноценных профессиональных квалификационных курсов вообще нет, и тренером зачастую становятся бывшие киберспортивные игроки, либо лица, которые просто решили создать свою команду и записать в качестве тренера, что исключает возможность применения ст. 230.1 и ст. 230.2 УК РФ.

Подводя итог, стоит сказать, что преступления в киберспортивной сфере еще в недостаточной сфере урегулированы, а их квалификация осложняется рядом проблем. Сюда входят проблемы определения статуса тренера, а в некоторых аспектах и игрока. Также сложности вызывает использование киберспортсменами запрещенных методов, например, использование игроком в официальных киберспортивных матчах дополнительных запрещенных компьютерных программ – «читов» с целью оказания влияния на результаты киберспортивного соревнования.

В настоящее время в российском уголовном праве просто отсутствует состав за использование игроками таких программ. В связи с этим и возникает вопрос, как квалифицировать такие деяния, по сути своими действиями игрок оказывает противоправное влияние на результат спортивного соревнования, но под диспозицию ст. 184 УК РФ такое действие не подпадает. Из этого следует вывод о том, что киберспорт вообще не имеет никаких правовых средств защиты и правоприменители упустили этот момент из виду, но и по большей мере это связано с тем, что киберспорт – молодое явление в России, поэтому его законодательное регулирование находится в стадии становления.

Литература

1. Буртаева Е.С., Вазирова Р.М. Проблемы квалификации составов преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 УК РФ // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30.

2. Пермяков М.В., Банных С.Г., Краснов Р.В. Преступность в киберспорте // Юридическая наука. 2023. № 9.

3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***С.А. Мамитько**, слушатель 5 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
***Н.В. Уварова**, канд. юрид. наук, доцент*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ВО ВРЕМЯ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ

Спорт, без сомнения, выполняет важнейшую функцию по воспитанию подрастающего поколения, укреплению физического и психологического здоровья. Во время проведения спортивных состязаний, будь это футбольный матч или соревнования по легкой атлетике, болельщики, смотря на данные состязания, получают бурю эмоций, наслаждение, забывают о бытовых проблемах.

Многие дети, наблюдая за трансляциями спортивных соревнований, находят себе кумиров, желают стать такими же хорошими спортсменами, поэтому записываются в спортивную школу и активно занимаются спортом, вместо совершения девиантных действий.

Однако во время спортивного состязания имеется возможность получения вреда здоровью, в т. ч. от действий другого спортсмена. Особенно большое количество такого рода вреда здоровью причиняется в контактных видах спорта: футбол, хоккей, регби, смешанные единоборства и др.

К сожалению, в отечественном спорте имеются примеры и со смертельным исходом. Так, 18 августа 2001 г. во время футбольного матча между ЦСКА и «Анжи» во время борьбы за мяч столкнулись два игрока. В данном эпизоде Сергей Перхун получил травму и был отправлен в больницу, однако его состояние резко ухудшилось, и 23 августа он скончался [1].

Отметим, что в Уголовном кодексе Российской Федерации [5] (далее – Уголовный кодекс, УК РФ) содержатся нормы права, устанавливающие уголовную ответственность за причинение вреда здоровью человека, однако до сих пор остается нерешенным вопрос о наличии признаков состава преступления при причинении вреда здоровью во время спортивного состязания, несмотря на то, что одной из задач Уголовного кодекса является охрана жизни и здоровья человека.

Так, в научных кругах единого мнения по данному поводу нет: некоторые авторы указывают на отсутствие состава преступления [3], другие, напротив, утверждают о недопустимости исключения уголовной ответственности за данные деяния [4].

Также в УК РФ отмечен институт обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ).

Популярным является мнение об отсутствии уголовной ответственности за причинение вреда здоровью одним спортсменом другому в силу обоснованного риска, закрепленного в ст. 41 УК РФ.

Обязательным критерием применения обоснованного риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, является достижение общественно полезной цели, которая не могла быть достигнута иным способом.

В случае причинения вреда здоровью во время спортивного состязания сложно однозначно утверждать, что имеется достижение общественно полезной цели, поскольку результат, например, футбольного матча, имеет большое значение лишь для игроков, находящихся на поле, поэтому исключение ответственности за причинение вреда во время спортивного состязания по ст. 41 УК РФ не представляется верным.

Применение института малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) не является возможным в рассматриваемых отношениях, поскольку, в результате данных действий вред причиняется общественным отношениям в сфере охраны жизни и здоровья человека, что само по себе означает высокую степень общественной опасности.

Нельзя также говорить о невиновном причинение вреда (ст. 28 УК РФ), т. к. спортсмен не может не осознавать, что в результате того или иного действия возможно причинение вреда здоровью сопернику.

Подчеркнем, что спорт неразрывно связан со столкновениями и травмами, поэтому привлечение к уголовной ответственности после каждого случая причинения вреда здоровью одним из участников другому привело бы к необходимости запрета контактных видов спорта как детерминанта преступности, что видится неразумным и нелогичным.

Во время спортивного состязания у спортсменов возникают различные эмоции, в т. ч. кураж, азарт, спортивная злость, которую не следует отождествлять с обычной злостью, имеющей негативный характер, поэтому в некоторых игровых моментах спортсмен может проявить грубость, однако нельзя утверждать о направленности умысла последнего на причинение вреда здоровью другому спортсмену.

Учитывая, что спортсмен не желал наступления последствий, которые выразились в виде причинения вреда здоровью другому спортсмену, несправедливым будет привлекать его к уголовной ответственности за совершения таких действий, поэтому в Уголовном кодексе необходимо предусмотреть норму, исключающую преступность деяния во время спортивного состязания.

Однако следует обратить внимание на умышленное причинение вреда здоровью во время спортивных соревнований. При наличии в УК РФ нормы, исключающей уголовную ответственность за причинение вреда здоровью во время спортивного состязания, возможны случаи умышленного причинения вреда здоровью спортсмена, что Уголовный кодекс игнорировать не может. Несмотря на применение со стороны спортивной федерации санкции в отношении спортсмена, умышлено причинившего вред здоровью другому спортсмену, будет причинен вред объекту уголовно-правовой охраны, и, в случае не привлечения к уголовной ответственности будет нарушен принцип неотвратимости наказания.

При определении умысла на причинение вреда здоровью необходимо учитывать характер и способ причинения вреда здоровью, предшествующее

и последующее поведение лица, причинившего вред здоровью, специфику спортивного состязания. Например, нельзя говорить о неосторожности при ударе соперника рукой в лицо в футбольном матче, когда игроки не борются за мяч, однако в смешанных единоборствах такое действие не будет охватываться составом преступления в силу специфики данного вида спорта.

Отметим, что мнение А.Т. Биналиева, А.А. Тащияна, И. Е. Лапшина об отсутствии состава преступления при причинении вреда здоровью или жизни профессиональным спортсменом [2], поскольку критерии относимости спортсмена к профессиональному или непрофессиональному раскрыты не в полном объеме, а также не аргументировано наличие привилегированного положения у спортсмена с профессиональным статусом, что, напротив, видится несправедливым.

Таким образом, спорт является неотъемлемой составляющей общества, однако во время спортивных состязаний риск получения вреда здоровью значительно выше, чем в повседневной жизнедеятельности человека, однако до настоящего времени не решен вопрос уголовной ответственности лиц, причинивших вред здоровью во время проведения спортивного состязания.

Отметим, что применение обоснованного риска, малозначительности деяния и невиновного причинения вреда в данном случае не является верным, поскольку спортивные состязания не подпадают под критерии данных институтов.

Следует предусмотреть в Уголовном кодексе правовую норму, исключающую преступность причинения вреда здоровью в спортивном состязании, указав, что ответственность за умышленное причинение вреда здоровью, выходящее за рамки спортивного состязания, наступает на общих основаниях.

Литература

1. «Я бы никогда не пошел до конца, если бы Перхун был в штрафной». 20 лет трагедии в Махачкале. URL: https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/sergey-perhun-20-let-tragedii-v-matche-anzhi-cska-v-mahachkale-kak-eto-bylo-1825463/ (дата обращения: 01.03.2026).

2. Биналиев А.Т., Тащиян А.А., Лапшин И.Е. К вопросу о некоторых особенностях привлечения спортсменов к уголовной ответственности // Юристъ-Правоведъ. 2020. С. 75–79.

3. Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2009. 208 с.

4. Степанова Т.А., Тащиян А.А., Биналиев А.Т. Отдельные аспекты привлечения организаторов спортивных мероприятий, собственников и пользователей объектов спорта к уголовной ответственности // Юристъ-Правоведъ. 2019. С. 53–58.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

***Е.И. Мартынов**, слушатель 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОХИЩЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

Статья 22 Конституции Российской Федерации гарантирует право каждому человеку на свободу и личную неприкосновенность [1].

В случае нарушения данного права любого гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории нашей страны, Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность, в т. ч. в ст. 126 предусмотрена ответственность за похищение человека [3].

В этой связи, на стадии предварительного расследования возникает множество проблем по поводу квалификации и правильной юридической оценки действий лиц, связанных с похищением людей. Это касается как действий преступников, так и действий или бездействий потерпевших в момент совершения в отношении них преступных посягательств.

По смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Захват, перемещение и удержание человека могут быть совершены с применением угроз, насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Похищение человека может быть совершено также и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания.

Похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения. В случаях когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось.

Данные деяния необходимо отличать от тех, которые предусмотрены в ст. 127 УК РФ регламентирующей ответственность за незаконное лишение свободы.

Поэтому при квалификации преступных деяний следует понимать существенную разницу между ст. 126 УК РФ и ст. 127 УК РФ, а именно состав преступления ст. 127 УК РФ охватывает действия, которые подразумевают ограничение на возможность потерпевшего перемещаться в месте его нахождения (к примеру, потерпевший находился в частном доме, где его закрыли и удержи-

вают, тем самым лишают возможности покинуть данное место и фактически нарушают его право на свободу перемещения).

Также на стадии предварительного расследования на момент получения показаний от потерпевшего лица, либо на момент сбора материалов проверки в показаниях заявителя, необходимо устанавливать обстоятельства, которые не позволили ему попытаться убежать от своих похитителей или иными способами не позволить им совершить в отношении заявителя преступных действий, связанных с похищением человека (к примеру, если подозреваемый посадил потерпевшего в автомобиль и пытался увезти его в другое место, сразу возникает вопрос к потерпевшему, по какой причине он не смог самостоятельно покинуть автомобиль).

Если у потерпевшего была такая возможность, а действия подозреваемого не носили характер угроз, которые можно воспринимать реально, то в данном случае не будет состава преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, хотя формально действия подозреваемого попадают под данный состав преступления.

В силу того, что потерпевший осуществлял бездействие и не пытался избежать указанной ситуации, связанной с нахождением в автомобиле, то нельзя квалифицировать действия подозреваемого, как похищение человека или как попытку похищения указанного лица [2].

Дополнительные проблемы создает то обстоятельство, что в настоящее время появляются новые случаи, связанные с применением ст. 126 УК РФ, а именно после начала специальной военной операции участились действия по совершению в отношении граждан Российской Федерации преступных посягательств мошеннического характера со стороны недружественных государств.

Так, неустановленные лица от имени сотрудников правоохранительных органов под угрозой неприятных последствий для родственников убеждают несовершеннолетних смонтировать видеоролики, на которых они сообщают близким, что были похищены, в то время как на самом деле просто ограничили связь с ними.

Далее неустановленные лица связываются с родственниками несовершеннолетних и демонстрируют указанные видеоролики, убеждая их поверить в правдивость ситуации.

При этом, поскольку связаться с несовершеннолетними родственники не могут, то они начинают верить, что их близкие были похищены.

При обращении родственников в правоохранительные органы возникает вопрос о квалификации указанных деяний, которые по своим первоначальным признакам попадают под состав преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ.

Поскольку речь может идти о жизни несовершеннолетних лиц, то уголовные дела возбуждаются максимально быстро.

Вместе с тем после проведения необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий местонахождение несовершеннолетних устанавливается и возникает вопрос о прекращении уголовных дел или их переквалификации на другую статью УК РФ.

Таким образом, в современных реалиях со стороны правоохранительных органов требуется всесторонний и объективный подход к квалификации деяний по каждому отдельному случаю, связанному с похищением человека с целью обеспечения прав и свобод граждан. Необходимо также проводить работу по совершенствованию законодательной базы исходя из реалий, которые складываются в правовом поле на территории Российской Федерации, что поможет более эффективно способствовать раскрытию и расследованию данных преступлений.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 (ред. от 09.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.В. Масалимова**, курсант 4 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
***Ю.В. Лазарев**, канд. юрид. наук, доцент*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

СИСТЕМНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Как справедливо отмечает авторский коллектив под руководством А.И. Долговой, пенитенциарная преступность представляет собой системное явление, которое охватывает преступления, совершаемые в условиях принудительной изоляции виновного лица от общества [8, с. 596]. По мнению А.Б. Ваганова, указанная форма преступности включает в себя противоправные деяния, совершенные в исправительных колониях различного режима, тюрьмах, следственных изоляторах (в отношении осужденных), а также в лечебных и воспитательных учреждениях пенитенциарной системы [2].

В.Е. Бурый отмечает, что субъект пенитенциарной преступности подразделяется на две основные категории в зависимости от избираемого теоретиче-

ского подхода: 1) при широком подходе: осужденные (вне зависимости от вида наказания) и представители администрации исправительных учреждений; 2) при узком подходе: исключительно лица, в отношении которых реализуется наказание в виде лишения свободы в пенитенциарных учреждениях [1, с. 32]. Несколько иной вариант разграничения субъектов пенитенциарной преступности предложен авторами монографического исследования В.С. Жеребиным, В.М. Морозовым, В.В. Меркурьевым. По их мнению, к специфическому субъекту рассматриваемого вопроса относятся, с одной стороны, осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, а с другой – персонал учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), включая начальствующий состав, а также производственно-технический, медицинский, педагогический и иные сотрудники [6, с. 9].

По нашему мнению, наибольшее значение имеет вопрос определения природы пенитенциарной преступность, а также детерминантов в той или иной классификации ее субъектов. Для системного анализа рассмотрим указанный вопрос в следующей структуре:

Системно-институциональные детерминанты. Пенитенциарная преступность в учреждениях УИС обусловлены большим количеством факторов, которые взаимодействуют между собой и создают условия для девиантного поведения. По нашему мнению, одним из системообразующих факторов выступает карательная ориентация пенитенциарной политики, исторически укорененная в российской традиции, определяет приоритет наказания над реабилитацией и ресоциализацией осужденных. Такой подход усиливает социальное отчуждение лиц, находящихся в местах лишения свободы, и препятствует их позитивной адаптации.

Следующим не менее значимым фактором выступает недостаточное финансирование УИС. Это приводит к деградации материально-технической базы, что выражается в антисанитарных условиях содержания, недостатке медицинского обслуживания и отсутствии возможностей для организации конструктивной деятельности осужденных. Закрытость пенитенциарной системы и слабый общественный контроль создают условия для безнаказанности нарушений и отсутствия внешних механизмов регуляции процессов, происходящих внутри учреждений [7, с. 158].

Более того, исходя из эмпирических данных исследования В.Г. Громова, при опросе сотрудников исправительных учреждений была выявлена латентность преступлений против жизни и здоровья осужденных, о которой сообщает подавляющее большинство опрошенных сотрудников (до 70 %). Данные показатели указывают на существование значительного разрыва между фактическим уровнем насилия в учреждениях и официальной статистикой. Такая латентность обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: нежеланием потерпевших обращаться к администрации исправительного учреждения из страха перед оценкой указанного действия другими осужденными, недостаточной мотивацией работников УИС к регистрации инцидентов, которые могут скомпрометировать репутацию учреждения, а также отсутствием эффективных механизмов защиты свидетелей и потерпевших [4, с. 44].

Латентность пенитенциарной преступности порождает замкнутый круг, который заключается в создании иллюзии благополучия в системе, что препятствует принятию адекватных мер по ее реформированию. Одновременно недостаточная видимость преступлений снижает мотивацию органов власти к инвестированию ресурсов в улучшение условий содержания и профилактику девиантного поведения. Криминологические исследования в области обозначенного вопроса, проведенные ранее, позволили выявить структурные причины латентности и предложить методологические подходы к ее преодолению, однако практическое внедрение рекомендаций остается ограниченным.

К структурным элементам пенитенциарной преступности следует отнести социально-психологические детерминанты, которые действуют через определенные механизмы. Социально-психологическая деформация личности охватывает как осужденных, так и персонал учреждений. Осужденные подвергаются процессу адаптации к жестокой и враждебной среде, что требует усвоения криминальных норм и принятия роли в иерархической структуре. Сотрудники пенитенциарных учреждений испытывают профессиональную деформацию, выражающуюся в развитии авторитарных установок, циничного отношения к осужденным и склонности к использованию неформальных практик управления.

В свою очередь, синдром тюремного надзирателя, который относится к работникам УИС, характеризуется эмоциональным выгоранием, приводящим к расстройствам самовосприятия личности и обесцениванием личных достижений. Указанное приводит к нарушению профессиональной этики и применению насилия как инструмента управления и оправдания указанных действий процессом исправления осужденных [9, с. 147].

Интеграция вышеуказанных элементов структуры детерминант пенитенциарной преступности образует замкнутую систему, в которой структурные недостатки пенитенциарной политики воспроизводят психологические механизмы конфликтности, а личностные деформации закрепляют системные нарушения.

Преодоление пенитенциарной преступности требует комплексного преобразования как институциональной структуры системы, так и психосоциальных условий функционирования учреждений [3, с. 21].

Таким образом, пенитенциарная преступность подтверждает свой системный характер, выступая не как простая совокупность преступлений, а как целостное явление, порождаемое специфическими условиями принудительной изоляции. Ключевым системообразующим детерминантом выступает карательная ориентация пенитенциарной политики, которая, будучи исторически укорененной, предопределяет приоритет наказания над ресоциализацией. Недостатки института УИС непосредственно инициируют процессы социально-психологической деформации личности.

Литература

1. Бурый В.Е. К вопросу о понимании сущности пенитенциарной криминологии // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2015. № 8. С. 31–38.
2. Ваганов А.Б. Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности и ее профилактика: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 30 с.
3. Гирько С.И., Долгополов А.А. Пенитенциарная преступность: современное состояние и тенденции // Научный портал МВД России. 2021. № 1. С. 18–24.
4. Громов В.Г. Профилактика преступлений осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1. С. 41–45.
5. Дьячок М.Т., Огурцова Н.А. Социальные диалекты и тотальные институты: к проблеме изучения // Научные исследования XXI века. 2020. № 3. С. 351–354.
6. Жеребин В.С., Морозов В.М., Меркурьев В.В. [и др.]. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / под общ. ред. Ю.И. Калинина. Владимир: Владимир. юрид. ин-т Минюста России, 2005. 420 с.
7. Комлев Ю.Ю. Предупреждение преступлений в местах лишения свободы в рамках пенитенциарной криминологии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4. С. 158–159.
8. Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Юридическое издательство «Норма», 2000. 808 с.
9. Тимофеева И.А. Профессиональная подготовка сотрудников пенитенциарной системы: российский и зарубежный опыт // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 4. С. 143–149.

***Д.А. Матвеенко**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Мальченкова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ СПОСОБ МОШЕННИЧЕСТВА

Искусственный интеллект (далее – ИИ) набирает большую популярность в современном мире. Его развитие способствовало изменениям в различных сферах: науке, бизнесе, экологии. ИИ помогает быстро найти закономерности в больших объемах данных, в сфере бизнеса может настроить производство и поставки. Однако кроме положительных результатов деятельности ИИ есть

и отрицательные, так с развитием ИИ злоумышленники научились разрабатывать новые виды мошенничества, тем самым увеличивая количество преступлений [1, с. 137].

На данный момент существуют следующие схемы мошенничества с использованием ИИ:

1. Шантаж дипфейком.

Дипфейк (Deepfake) – это видео или фото, созданное искусственным интеллектом, где один человек (или объект) очень реалистично заменен на другого. Обычно злоумышленники генерируют нецензурные или экстремистские действия и от лица жертвы рассылают этот контент. Обычно мошенники угрожают отправить родственникам, друзьям или органам власти эти материалы и взамен просят много денег [4].

2. Копирование голоса.

Раньше преступник звонил жертве от лица ее родственника и говорил, что тот попал в ДТП. После чего просил срочно перевести деньги – на лечение или чтобы избежать уголовной ответственности. Заподозрить мошенничество было легко из-за другого голоса. Теперь же злоумышленники могут скопировать голос близкого и позвонить от его имени, чтобы вымогать деньги. Обычно мошенник использует технологию синтезирования голоса другого человека, известного жертве лично.

3. Фейковая девушка.

Мошенники могут притворяться парнями или девушками с сайтов знакомств. Этот метод обмана давно всем известен, но сейчас его популярность опять растет благодаря нейросети LoveGPT.

Мошенник генерирует фотографию несуществующего человека, знакомится онлайн и назначает свидание. После просит купить билеты в кино, кидает ссылку на фишинговый сайт, а когда жертва переводит средства, исчезает [3].

4. Генерация фейковых видео в Telegram.

Еще один распространенный способ обмана основан на возможностях Telegram, позволяющих пользователям создавать небольшие видеоролики. Когда аккаунт похищается, мошенники ищут подходящие фотоматериалы, загруженные ранее самим владельцем.

5. Онлайн-генерация видеофейков с лицами реальных людей.

Пока доступный мошенникам функционал недостаточно хорош: на видео заметны детали, выдающие, что картинка сгенерирована ИИ. Но уже в самом ближайшем будущем онлайн-генерация видео с лицом человека достигнет уровня, когда будет фактически невозможно отличить реальность от сгенерированного контента [2, с. 740].

Таким образом, современные мошеннические схемы с использованием искусственного интеллекта представляют собой высокотехнологичную манипуляцию человеческим доверием. Если раньше злоумышленники полагались на массовые анонимные рассылки, то сейчас они перешли к более целенаправленным методам. В этом контексте основными инструментами становятся фальшивые видео, подделанный голос и имитация общения с близкими людьми.

Главная цель таких манипуляций – быстрое вымогательство денег, которое осуществляется через шантаж или применение приемов психологического воздействия. Развитие ИИ привело к созданию новых видов мошенничества.

Для того чтобы минимизировать мошенничество при помощи ИИ нужно законодательно закрепить данные преступления. В настоящее время нет отдельной нормы, криминализирующей «мошенничество с использованием искусственного интеллекта», для данных преступлений применяются нормы ст. 159 УК РФ «Мошенничество». Кроме того, мы предлагаем в ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» добавить пункт «совершение преступления с использованием искусственного интеллекта». Тем самым закон закрепит особую общественную опасность преступлений с ИИ и необходимость активного противодействия им. Не стоит забывать, что такое законодательное закрепление лишь один из элементов комплексного подхода. Только с помощью системного подхода мы сможем минимизировать мошенничество с использованием ИИ.

Литература

1. Казаченко И.С. Искусственный интеллект и мошенничество: новые угрозы и способы противодействия // Международный научный журнал «Вестник науки». 2025. № 7. С. 135–139.

2. Лапина А.А. Дипфейки как инструмент для мошенничества // Криминалистика наука без границ: традиции и новации: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции. СПб., 2024. С. 737–743.

3. Новые риски цифровой эпохи: как мошенники применяют искусственный интеллект. URL: https://ria.ru/20250715/ii-2029059218.html (дата обращения: 25.02.2026).

4. Новые схемы мошенников – теперь они используют ИИ. URL: https://habr.com/ru/articles/855248/ (дата обращения: 25.02.2026).

***З.Б. Мещеряков**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.Е. Суверов**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Актуальность избранной темы обусловлена совершением организованными группами насильственных преступлений, когда психическое воздействие на личность становится основным инструментом вовлечения граждан в проти-

воправную деятельность. Правоприменительная практика сталкивается с серьезными затруднениями при квалификации действий лиц, формально выполнявших объективную сторону преступления, но действовавших под влиянием угроз, поскольку грань между состоянием психического принуждения и институтом соучастия в уголовном праве остается недостаточно четкой [2].

Особое внимание данная проблема приобретает в контексте соучастия. Законодательная конструкция ст. 40 УК РФ, отсылающая к норме о крайней необходимости, не учитывает специфику ситуаций, когда принуждаемый действует в составе группы лиц по предварительному сговору.

Психическое принуждение как уголовно-правовая категория характеризуется воздействием на сознание и волю человека с целью понудить его к совершению общественно опасного деяния. В отличие от физического принуждения (ч. 1 ст. 40 УК РФ), психическое принуждение всегда оставляет за человеком возможность выбора поведения. Видится, что применение ч. 2 ст. 40 УК РФ (в которой идет речь о психическом принуждении) предполагает оценку соотношения причиненного и предотвращенного вреда, что в условиях групповой преступной деятельности зачастую затруднительно. При совершении преступления в соучастии принуждаемое лицо может выступать в различных ролях: от непосредственного исполнителя до пособника.

Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий и проч. В ситуации психического принуждения такое содействие осуществляется вынужденно, под влиянием угрозы. Нам представляется, что в подобных случаях отсутствует главный признак соучастия – совместность умысла, поскольку воля принуждаемого направлена не на достижение преступного результата, а на избежание более тяжких последствий для себя или своих близких. Как верно отмечается, современные теории соучастия требуют учета не только объективной стороны взаимодействия соучастников, но и характера их субъективных связей, включая мотивационную сферу [2].

Принципиальное значение для правильной квалификации, по нашему убеждению, имеет разграничение преодолимого и непреодолимого психического принуждения. В первом случае лицо сохраняет способность руководить своими действиями, но может ссылаться на крайнюю необходимость. Во втором – психическое воздействие парализует волю, превращая человека в «орудие» преступления. В доктрине уголовного права обоснованно ставится вопрос о применении правил о посредственном причинении вреда, когда фактический исполнитель не подлежит ответственности в силу отсутствия вины.

Особую сложность, на наш взгляд, представляет квалификация действий принуждаемого, когда он выполняет лишь часть объективной стороны преступления, а другие соучастники – остальное. Статья 36 УК РФ определяет эксцесс как совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. Однако при психическом принуждении умысел самого исполнителя либо отсутствует, либо существенно искажен, что не позволяет применять правила об эксцессе в чистом виде. А.М. Ахатова справедливо указывает на нерешенность вопроса о соучастии с негодным субъектом, к числу

которых, по нашему мнению, можно отнести и лиц, действующих под влиянием непреодолимого психического принуждения [1, с. 21].

Анализ правоприменительной практики показывает отсутствие единообразного подхода: в одних случаях действия лица квалифицируются как соучастие со смягчающим обстоятельством (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ), в других – применяются правила о крайней необходимости. Мы считаем, что ключевым критерием должна выступать степень сохранения лицом способности к волевому управлению своими действиями. Если психическое принуждение полностью подавило волю, лицо не может признаваться соучастником, поскольку отсутствует такой обязательный признак соучастия, как умышленная совместная деятельность.

В этом случае принуждающий должен нести ответственность как исполнитель преступления, совершенного посредством использования лица, действовавшего под принуждением (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Если же лицо сохраняло возможность выбора, но предпочло причинить вред охраняемым интересам для защиты собственных, вопрос должен решаться по правилам крайней необходимости с учетом характера угрозы, ее реальности, возможности избежать вреда иными способами, а также соотношения причиненного и предотвращенного вреда.

В целях формирования единообразной судебной практики по рассматриваемой категории дел мы предлагаем внести изменения в действующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [3]. Нам видится необходимым дополнить указанный акт следующим разъяснением: «При рассмотрении дел в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние под влиянием психического принуждения в составе группы, судам следует исходить из того, что такое лицо не может признаваться соучастником преступления, если его воля была подавлена настолько, что оно не имело реальной возможности отказаться от совершения деяния без наступления тяжких последствий для себя или своих близких». Полагаем, что данное дополнение позволит более точно квалифицировать действия «соучастников поневоле», обеспечивая баланс между принципом неотвратимости ответственности и защитой прав лиц, ставших жертвами психического насилия.

Литература

1. Ахатова А.М. Спорные проблемы теории и практики соучастия в преступлении // Новеллы законодательства криминального цикла и их отражение в уголовно-правовых науках: мат-лы Всерос. научно-практ. конф-ции. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 18–23.

2. Перескоков М. Эксцесс исполнителя при совершении преступления группой по предварительному сговору [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Электрон-

ный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***К.Б. Миронова**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Г.Н. Миронова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЯМ: ОТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ К АЛЬТЕРНАТИВНЫМ МЕРАМ

Проблема совершенствования системы уголовных наказаний является наиболее актуальной в современной уголовно-правовой политике Российской Федерации.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в последние годы наблюдается устойчивая тенденция к сокращению применения лишения свободы как вида наказания. «Кроме этого, уровень рецидивной преступности среди осужденных, прошедших процедуру пробации (ресоциализации), в пять раз ниже, чем у других категорий», – заявил директор ФСИН России А.А. Гостев [2]. Это подчеркивает важность применения альтернативных мер наказания, поскольку, анализируя судебную статистику о применении основного и дополнительного наказания, мы можем заметить, что некоторые виды наказаний, связанных с лишением свободы, в настоящее время не реализуются.

Например, предусмотренный ст. 54 УК РФ арест, представляющий собой краткосрочную строгую изоляцию на срок от одного до шести месяцев, на практике остается редко применяемой мерой, используемой преимущественно в отношении военнослужащих. Судебная статистика показывает, что наказание в виде ареста уже почти 10 лет не используется судами [7]. Отсутствие арестных домов препятствует его практическому применению, создавая существенный разрыв в системе наказаний между лишением свободы и более мягкими мерами воздействия. В качестве решения проблемы Д.А. Добряков предлагает сделать арест специальным видом уголовного наказания, применяемым исключительно в отношении военнослужащих [3, с. 93]. А.Д. Нечаев и В.В. Усалев полагают, что на территории исправительных учреждений можно создать локальные участки, которые будут функционировать в виде арестных домов [4, с. 92–93].

Считаем, что исключать арест из системы наказаний является нецелесообразным решением. А.К. Теохаров и А.В. Честнов указывают, что в настоящее время пока экономическая ситуация в стране не наладится и не начнется

строительство арестных домов, местом исполнения наказания в виде ареста можно рассмотреть следственный изолятор. Данное решение является менее затратным, потому что следственный изолятор подразумевает собой покамерное размещение осужденных [8, с. 52–60].

Согласно тезису Махатмы Ганди о гуманном отношении к уязвимым, нравственность общества неразрывно связана с отказом от жестоких наказаний, включая смертную казнь. В России ее применение ограничено решениями Конституционного Суда и международными нормами, что диктует необходимость дальнейшего переосмысления репрессивных мер в современном праве. Получается, что наказание по УК РФ остается исключительной мерой реагирования, а иными правовыми актами оно предусматриваться не может.

В.В. Путин заявляет, что наказание в виде смертной казни является неэффективным для осужденных. Возникает вопрос об эффективности применения наказаний, связанных с лишением свободы на длительный срок. Некоторые исследователи считают, что пятилетний срок лишения свободы является критическим рубежом, после которого исправительный эффект снижается, сменяясь личностным регрессом, десоциализацией и утратой осужденным чувства вины [6, с. 108–116]. Следовательно, социальная реабилитация осужденных становится практически невозможной. Получается, что основная цель уголовного наказания, исправление осужденных, и, как следствие, возвращение преступников в общество как законопослушных граждан, не достигается. Полагаем, что сохранение наказания в виде смертной казни в действующей системе наказаний необходимо в превентивных устрашающих целях.

Суд может заменить наказание в виде лишения свободы на принудительные работы при наличии оснований, позволяющих сделать вывод о том, что осужденный может исправиться без реального отбывания наказания в местах лишения свободы [5]. Проанализировав судебную практику, можно сделать вывод, что принудительные работы не являются самостоятельным наказанием и применяются только вместо лишения свободы. Кроме того, сложившаяся практика назначения данного наказания не соответствует общим началам назначения наказания.

Значимо, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что в связи с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс Российской Федерации, принудительные работы будут представлять собой самостоятельный основной вид наказания. Также проектом предусмотрены разъяснения, относящиеся к учету судами смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Отдельные изменения касаются учета при назначении наказания такого смягчающего обстоятельства, как наличие малолетних детей, и применения нового отягчающего обстоятельства – совершения преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации [1].

Нынешняя система наказаний в России демонстрирует значительные успехи в области гуманизации и эффективной ресоциализации осужденных, что подтверждается снижением уровня рецидивной преступности среди тех, кто прошел процедуру пробации. Сохранение такого вида наказания как арест возможно, при этом местом исполнения ареста должен быть следственный изоля-

тор. Это обеспечит более гибкий подход к наказаниям и позволит избежать избыточного применения лишения свободы. Важно не исключать некоторые виды наказаний, т. к. они могут служить эффективными инструментами для достижения главной цели уголовного права – исправления и возвращения осужденных в общество.

Литература

1. Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/34939/ (дата обращения: 15.01.2026).

2. Глава ФСИН заявил о снижении числа рецидивов у прошедших ресоциализацию осужденных. URL: https://lenta.ru/news/2025/03/12/glava-fsin-zayavil-o-snizhenii-chisla-retsidivov-u-proshedshih-resotsializatsiyu-osuzhdennyh/ (дата обращения: 02.02.2026).

3. Добряков Д.А. К вопросу о неприменимых видах наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 5. С. 93–97.

4. Нечаев А.Д., Усалев В.В. Проблемы создания учреждений, исполняющих наказания в виде ареста // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 47. С. 92–97.

5. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Славинская Ю.В., Кокурин А.В. О необходимости разработки комплексного подхода к психологическому сопровождению лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 108–116.

7. Статистические сведения о применении основной и дополнительной меры наказаний. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/12/s/8 (дата обращения: 15.01.2026).

8. Теохаров А.К., Честнов А.В. Уголовное наказание в виде ареста: проблемы и перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 4. С. 52–60.

***В.И. Мозговых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Мальченкова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ФИСКАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В условиях глобальных рыночных преобразований и санкционного давления обеспечение экономической безопасности России требует от государства не только адаптивной фискальной политики, но и четко отлаженных механизмов правовой защиты бюджетной системы через уголовное законодательство. Преступления, связанные с нарушением налогового законодательства, классифицируемые ст. 198–199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), по своей сути являются бланкетными [1]. Это означает, что их правовая оценка напрямую зависит от постоянно меняющихся норм фискального права.

Современный этап реформирования налоговой системы, который включает введение прогрессивной шкалы налогообложения, уточнение процедур налогового администрирования, а также меры по амнистии в отношении так называемого дробления бизнеса, порождает сложные вопросы для юридической науки и практики. Эти вопросы касаются как точной квалификации противоправных деяний, так и достижения справедливости при назначении наказания.

Одной из ключевых проблем в квалификации налоговых преступлений остается определение момента их окончания и установление пороговых значений ущерба, отличающих уголовно наказуемое деяние от простого налогового правонарушения. Важным событием стало вступление в силу 01.04.2024 федерального закона № 79-ФЗ, который существенно повысил пороги для квалификации ущерба как крупного и особо крупного по ст. 198 и 199 УК РФ [2]. Теперь для юридических лиц крупным размером недоимки считается сумма, превышающая 18,75 млн рублей (ранее – 15 млн), а особо крупным – 56,25 млн рублей (ранее – 45 млн). Юридическое сообщество восприняло данное изменение как шаг к декриминализации экономических правонарушений в контексте инфляции. Тем не менее, как отмечает П.С. Яни, простое индексирование указанных сумм не снимает фундаментального вопроса о том, следует ли при квалификации деяний по УК РФ учитывать пени и штрафы, или же расчет должен производиться только на основе основной суммы недоимки [3, с. 15–20].

Распространенным заблуждением является представление о том, что уголовная ответственность за налоговые преступления ограничивается суммой неуплаченного основного налога. Однако отсылки к Налоговому кодексу Российской Федерации (далее – НК РФ) создают почву для толкования ущерба в более широком смысле.

Одной из насущных проблем последних лет стало определение правовой природы действий, связанных с «дроблением бизнеса». В рамках налоговой реформы 2024 г. было предусмотрено освобождение от ответственности лиц, отказавшихся от таких схем в период 2025–2026 гг. Тем не менее в уголовном законодательстве отсутствует четкое разграничение между законной налоговой оптимизацией и криминальным уклонением. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 48 разъясняет, что под уклонением понимаются преднамеренные искажения данных, однако на практике разграничение реальной предпринимательской деятельности и «схем дробления» носит субъективный характер [4].

Актуальная судебная практика, в частности Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 № 5-УД23-101-К2, подчеркивает важность подтверждения фактического осуществления хозяйственных операций [5]. Суд акцентирует внимание на том, что само по себе наличие нескольких взаимосвязанных лиц не является достаточным доказательством преступного умысла, если не подтверждено отсутствие их экономической самостоятельности.

Судебная практика 2023–2024 гг. свидетельствует о тенденции к привлечению к ответственности за любые расчеты, осуществленные через счета третьих лиц при наличии налоговой задолженности, даже если такие действия были направлены на поддержание функционирования бизнеса.

Б.В. Волженкин акцентировал внимание на том, что для инкриминирования данного деяния ключевым является наличие факта сокрытия, а не простое нарушение последовательности платежей, однако судебная практика зачастую приравнивает эти понятия [7, с. 640].

Особое значение в системе противодействия налоговым преступлениям имеет институт освобождения от уголовной ответственности при условии возмещения причиненного ущерба (ст. 76.1 УК РФ). С 2023 г. законодателем установлено правило, согласно которому уголовное разбирательство не может быть инициировано, а уже начатое подлежит прекращению, если налоговая задолженность полностью погашена до того, как назначено судебное заседание.

Несмотря на положительный фискальный эффект данной меры, специалисты в области уголовного права, такие как А.П. Кузнецов, указывают на риск утраты предупредительной функции наказания: состоятельные налогоплательщики рассматривают уголовное преследование как своего рода «налоговый кредит», который они могут погасить в конце процесса [8, с. 312].

Исследование теоретических и практических аспектов налоговых правонарушений представляет собой задачу первостепенной важности в системе российского уголовного права. Это обусловлено исключительной значимостью налогообложения как фундаментальной основы функционирования современной российской экономики и гарантом социальной стабильности общества.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Яни П.С. Проблемы квалификации экономических преступлений // Законность. 2024. № 2. С. 15–20.
4. О практике применения судам и законодательства об ответственности за налоговые преступления [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 № 5-УД23-101-К2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: теоретический анализ. М.: Волтерс Клувер, 2023. 380 с.
7. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2021. 640 с.
8. Кузнецов А.П. Ответственность за экономические преступления: актуальные вопросы теории и практики. Н. Новгород, 2023. 312 с.

***У.В. Морозова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.Е. Суверов**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: НОВАЯ ФОРМА ХИЩЕНИЯ ИЛИ МОДИФИКАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА?

Актуальность избранной темы обусловлена стремительным темпом развития информационных технологий, который открывает широкий спектр возможностей и представляет многообещающие перспективы, однако вместе с этим потенциально создает определенные проблемы в сфере уголовно-правовых отношений. Так, лица, склонные к противоправному поведению и обладающие специальными познаниями в сфере IT-технологий, могут применять их в преступных целях.

При осуществлении комплексного анализа субинститута мошенничества представляется возможным выявить следующую несогласованность между его уголовно-правовыми нормами, которая осложняет применение ст. 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на практике [1, с. 139].

Итак, вышеуказанная несогласованность связана с таким факультативным признаком объективной стороны как способ совершения преступления. Отметим, что всем видам мошенничества присуще использование обмана или злоупотребления доверием, что предопределяет вступление в непосредственный контакт с потерпевшим. Данный способ является отличительной чертой рассматриваемой формы хищения. Однако, формулируя ст. 159.6 УК РФ, законодатель не указал в диспозиции подобный способ. В данном контексте необходимо отметить, что мошенничество в сфере компьютерной информации совершается путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, который исключает привычное при совершении мошенничества взаимодействие с потерпевшим, а значит делает невозможным охарактеризовать рассматриваемое общественно опасное деяние как мошенничество в известном нам смысле. Таким образом, законодатель ввел новую форму хищения, что возможно подтвердить судебной практикой.

В частности, приговором Дзержинского районного суда г. Волгограда лицо признали виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Костюченко А.С., работая в ООО «ХКФ Банк», имея умысел на хищение денежных средств банка, получил данные клиента банка ФИО и, узнав о доступности его номера телефона, приобрел сим-карту. Реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение денежных средств с банковского счета ООО «ХКФ Банк», используя абонентский номер оператора сотовой связи ПАО «ВымпелКом», осуществил незаконный доступ к онлайн кабинету клиента банка ФИО, не осведомленного о преступных намерениях Костюченко А.С., и подписал от имени ФИО простой электронной подписью, путем получения СМС-сообщения с кодом на указанный абонентский номер, договор потребительского кредита по карте «Карта рассрочки Свобода», с открытием счета в ООО «ХКФ Банк», с лимитом овердрафта в размере 200 000 рублей, т. е. произвел без согласия клиента ООО «ХКФ Банк» ФИО, ввод и модификацию компьютерной информации, в дальнейшем распорядившись денежными средствами по своему усмотрению [2].

Аналогичные примеры были обнаружены нами при изучении судебной практике. Таким образом, возможно заключить, что подобным преступлениям не свойственно использование обмана или злоупотребления доверием конкретного лица. Преступные лица «обманывают» информационные системы [4, с. 99–100].

Далее необходимо отметить, что, по мнению некоторых ученых, ст. 159.6 УК РФ имеет бланкетный характер, который подразумевает необходимость обращения к соответствующим нормативным актам и разъяснениям высшего судебного органа нашего государства. Тем не менее А.Ю. Чупрова придержива-

ется позиции, согласно которой рассматриваемый состав обладает самостоятельностью и имеет ряд отличий от «традиционного» мошенничества. Автор приводит следующие аргументы такого тезиса:

1. Отсутствует присущая мошенничеству добровольность передачи имущества или права на него;

2. Предметом хищения выступают безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и прочие нематериальные объекты, имеющие стоимостное выражение;

3. Вмешательство в информационную систему осуществляется без ведома потерпевшего, исключается тем самым непосредственное взаимодействие;

4. Данное деяние совершается полностью или частично в IT-пространстве;

5. Способ выражен в незаконном получении доступа к информационной системе [3].

Отметим, что в доктрине уголовного права дискуссионным является вопрос относительно необходимости исключения рассматриваемой статьи уголовного закона. При этом следует подчеркнуть, что введение ст. 159.6 УК РФ было вызвано необходимостью реагирования органов законодательной власти на новый вид преступного посягательства, что отражает адаптацию законодательства под изменяющиеся реалии и новые формы преступности. Тем не менее с момента принятия данной уголовно-правовой нормы прошло более 13 лет и в настоящее время существует необходимость ее пересмотра и внесения ряда корректив с целью ее однозначного толкования и, соответственно, беспроблемного применения. Итак, мы предлагаем следующую формулировку: «Хищение в сфере компьютерной информации, т. е. неправомерное завладение чужим имуществом или приобретение права на чужое имущество, совершенное с использованием информационных технологий». На наш взгляд, приведенная формулировка отражает специфику рассматриваемого деяния, но при этом не содержит сложных терминов, использующихся в сфере информационных технологий. Вышеизложенная диспозиция также приобретает самостоятельность и уже не является воспроизводством других уголовно-правовых норм.

Литература

1. Патеева Д.Р. Проблемы применения ст. 159.6 УК РФ // Вестник науки. 2021. № 10. С. 138–142.

2. Приговор Дзержинского районного суда г. Волгоград по делу № 1-33/2023 от 13.03.2023. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/75949879/extended (дата обращения: 09.02.2026).

3. Чупрова А.Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 131–134.

4. Шайкова Е.С. Мошенничество в сфере компьютерной информации: особенности применения статьи 159.6 УК РФ // E-Scio. 2022. № 4. С. 97–102.

***А.А. Мотова**, курсант 4 курса*
Казанский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.Ф. Муксинова
Казанский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Процессы информатизации и автоматизации человеческой деятельности набирают обороты с каждым годом. Однако правовое регулирование таких достижений остается на начальном этапе. Неопытность законодателей в этой области порождает множество вопросов, связанных с разграничением ответственности между владельцем роботов и их разработчиками.

Исследователи выделяют следующие основные пробелы: отсутствие четкого понятийного аппарата, неопределенность правового статуса искусственного интеллекта, возможность или невозможность наделения его правосубъектностью, а также сложности в применении ответственности за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу [2, с. 27].

В соответствии со ст. 8 УК РФ, «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ» [4].

«Искусственный интеллект сможет стать полноправным субъектом преступления лишь в том случае, если достигнет самосознания личности и будет признан таковым законодательно. В таком случае целесообразно использовать термин «искусственное лицо», по аналогии с физическими и юридическими лицами» [5, с. 96].

Сам искусственный интеллект (далее – ИИ) нельзя привлечь к уголовной ответственности только потому, что он не признан лицом, обладающим самостоятельностью, а также отдающим отчет в совершении инкриминируемого деяния, хотя ни в коем случае не следует исключать такого развития события в будущем, что и предопределит правовой статус таких систем.

В связи с этим для более точного отражения роли ИИ в преступной деятельности, предлагается дополнить существующие статьи Особенной части УК РФ новым квалифицирующим признаком «с использованием искусственного интеллекта» либо разработать отдельные составы преступлений, связанные с противоправным использованием технологий искусственного интеллекта.

Также ввиду новых угроз, возникающих вследствие использования ИИ, было бы целесообразно внести изменения в ст. 63 УК РФ, которая закрепляет обстоятельства, отягчающие наказание. Как уже выяснилось, искусственный интеллект представляет собой потенциальную опасность с точки зрения уголовного права, выступая в роли мощного технического инструмента. Его способность генерировать реалистичные дипфейки и управлять автоматизирован-

ными системами массовой коммуникации (например, чат-ботами) открывает широкие возможности для расширения круга потерпевших и увеличения причиняемого вреда, что делает его выявление правоохранительными органами крайне сложным. Именно это подталкивает внести новое отягчающее обстоятельство: «совершение преступления с использованием технологий искусственного интеллекта». Закрепление данного отягчающего обстоятельства в ст. 63 УК РФ позволит суду объективно учитывать реальную степень общественной опасности преступления и правильно индивидуализировать наказание.

В настоящее время, когда действия «умных» систем причиняют какой-либо вред, юридическая ответственность за них не может быть возложена на сам ИИ. В этой связи необходимо определить круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности, в случае неосторожного или умышленного причинения вредных или общественно опасных последствий непосредственно самими технологиями ИИ или кем-либо с их использованием: программистами, разработчиками, производителями и пользователями ИИ.

Ответственность может быть основана на недобросовестности при использовании ИИ, что может привести к применению норм уголовного, административного или гражданского права. В таких случаях ключевым является установление причинно-следственной связи между действиями (бездействиями) конкретного лица, ответственного за использование ИИ и наступившими негативными последствиями.

Особый случай – когда ИИ отключается в экстренной ситуации: тогда ответственность за правонарушение несет человек, управляющий системой, причем в случае с автопилотом предлагается рассматривать ответственность как водителя, так и компании-разработчика. Если же ИИ изначально создавался с целью совершения противоправных действий, ответственность должна лежать на разработчике и пользователе [3, с. 133].

Рассмотрим в качестве примера реальный случай: «М. признана виновной и осуждена за покушение на незаконный сбыт наркотического средства с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, группой лиц по предварительному сговору. В судебном заседании М. вину в инкриминируемом ей деянии не признала. В апелляционной жалобе осужденная М. считает не нашедшим подтверждения вывод суда о том, что она действовала с кем-либо совместно и в группе. Указывает, что никогда не встречалась с лицом, зарегистрированным в сети Интернет под именем «...», не знает его внешность и личные данные. Полагает, что переписка осуществлялись *с искусственным интеллектом,* который нанял ее на работу, поручал проведение операций по раскладке и фотографированию тайников. Просит изменить приговор в связи с неправильным применением уголовного закона, исключить из обвинения квалифицирующий признак «совершение преступления в группе лиц по предварительному сговору»» [1].

В данном случае суд определил отменить приговор в отношении М., частично удовлетворить доводы апелляционного представления, а уголовное дело

передать на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе.

Действительно, общение с «искусственным интеллектом» трудно воспринимать за реальных лиц и тем более считать соучастниками в совершенном преступлении. Однако преступления, совершенные в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, как правило, предполагают работу в группе, где каждое лицо выполняет определенную роль: начиная от организатора и изготовителя и заканчивая курьером и потребителем.

Таким образом, нарастающая интеграция искусственного интеллекта в повседневную жизнь требует пересмотра не только его статуса, но и существующих норм уголовного права. Необходимость четкого определения его правосубъектности и деликтоспособности становится более актуальной, поскольку использование самосовершенствующихся программ может привести к правонарушениям, выходящим за рамки традиционного понимания преступления. В связи с изложенным предлагаем закрепить использование искусственного интеллекта при совершении преступления в качестве отягчающего обстоятельства, добавив в ч. 1 ст. 63 УК РФ пункт *«х) совершение преступления с использованием технологий искусственного интеллекта»*.

Литература

1. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 18.03.2023 № 22-1024/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кузнецова Н.В. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта // Право и бизнес. 2025. № 2. С. 25–32.

3. Туров С.С., Григорьева Н.В. Проблема ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // Современное право. 2025. № 8. С. 131–134.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Хилюта В.В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 90–103.

В.В. Мундусова, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.Ф. Федоров, *канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ИНТЕРНЕТ-МОШЕННИКА

Особенности современной преступности в России заключаются в том, что значительная часть преступных деяний совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Так, по данным официального сайта МВД России, из 1 771 174 зарегистрированных в стране преступлений по итогам 2025 г. 675 372 деяния, или 38,1 % совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

При этом самым распространенным преступлением стали, так называемые дистанционные мошенничества, количество которых достигло 348 035 случаев, что обусловлено целым рядом факторов:

– доступность личной информации в интернет-пространстве, что приводит к утечкам персональных данных;

– повсеместная цифровизация и доступность интернета;

– использование банковских карт вместо наличных денежных средств;

– развитие искусственного интеллекта и др.

Все это способствует разработке и внедрению преступниками новых способов и схем совершения преступлений, для выработки методов борьбы с которыми со стороны правоохранительных органов требуется время.

Самыми распространенными мошенническими схемами являются:

– получение доступа к личной информации посредством рассылки поддельных сообщений, писем и ссылок;

– поддельные сообщения, имитирующие речь и внешность человека с просьбой перевести денежные средства;

– массовые звонки от якобы «сотрудников банков», «сотрудников правоохранительных органов» с предложением перевода денежных средств на «безопасный счет» либо уведомление о возбуждении в отношении лица уголовного дела и др.;

– создание сайтов-двойников, копирующих официальные сайты организаций и иные способы, направленные на получение данных банковских карт, личных кабинетов в онлайн банках, иной информации.

В этой связи крайне важно иметь в виду, что в основе понимания механизма таких преступлений лежат особенности личности преступников.

Личность преступника является ключевым объектом криминологического изучения и центральным звеном преступного поведения. Личность является источником действий, поскольку без человека не могут совершаться преступления. Личность – это «социальное лицо человека», то, кем он стал в процессе со-

циального развития, формирования и деятельности в обществе. По мнению Ю.М. Антоняна, «успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения» [2, с. 3]. Изучение «криминального портрета личности преступника» является актуальным не только для науки криминологии, но и для практической деятельности правоохранительных органов, т. к. это позволяет эффективно решать ряд задач:

– выявлять детерминанты совершения преступлений;

– осуществлять прогнозирование индивидуального преступного поведения;

– совершенствовать меры профилактики и предупреждения преступлений и способы их расследования;

– устанавливать личность предполагаемого преступника.

Стоит отметить, что для совершения преступлений дистанционным способом мошенникам необходимы определенные личностные характеристики и навыки, которые отличают их от иных типов корыстных преступников.

Личность интернет-мошенника, характеризуется целостной структурой и включает в себя следующие элементы:

– демографические признаки (пол, возраст);

– социальная роль в сложившихся общественных отношениях (образование, семейное положение и т. д.);

– нравственно-психологическая характеристика.

Однако ввиду большого уровня латентности данного вида преступлений, которая связанна с тем, что граждане не всегда понимают, что в отношении них было совершено преступление или была попытка совершения, и не заявляют об этом в правоохранительные органы, представление о конкретной криминологической характеристике данных преступников вызывает определенную сложность.

Что касается социально-демографических признаков интернет-мошенника, то более половины мошеннических действий совершается мужчинами, но количество женщин, совершающих данный вид преступлений, неуклонно растет.

Женщины часто входят в состав преступных групп, являясь соучастницами. Например, они могут выступать в качестве подставных лиц – так называемыми дропперами.

Если анализировать возрастные группы, то наиболее криминально-активные – это лица в возрасте от 20 до 30 лет – 62 %, далее идут лица в возрасте свыше 30 лет – 27 % и все чаще встречаются лица в возрасте от 16 до 20 лет, что свидетельствует об «омоложении» современных мошенников. При этом следует отметить, что лица до 30 лет являются соучастниками преступлений или входят в состав преступных групп, а старше 30 лет выступают в роли организаторов таких групп [3, с. 62].

Нравственно-психологическая характеристика личности мошенника проявляется в мотивации преступного поведения. Основным мотивом выступает корысть, но причины ее формирования различаются. Это чаще всего:

– нехватка средств к существованию;

– стремление к повышению уровня жизни и материального достатка, не достижимого в настоящее время;

– невостребованность и нереализованность профессиональных навыков.

Говоря об уровне образования, профессиональной компетенции, следует учесть, что интернет-мошенничество можно отнести к высокоинтеллектуальным способам преступной деятельности, требующей большого объема знаний в самых различных областях. Мошенников нередко называют интеллектуалами, элитой преступного сообщества. Мошенники имеют хорошие знания в области психологии, экономики, различных отраслях права, и информационных технологий и, что самое главное, умеют успешно эти знания использовать.

Они умеют быстро налаживать контакт с людьми, оказывать на них влияние, располагать к себе, поддерживать разговор, часто используют различные психологические приемы воздействия на людей [1, с. 84].

Таким образом, можно выделить типичные признаки интернет-мошенника: мужской пол, молодой возраст, высокий уровень образованности, использование информационных технологий, корыстная мотивация, знание психологии людей, способность оказывать влияние и располагать к себе.

Знание этих особенностей позволит вырабатывать более результативные способы профилактики интернет-мошенничеств, что позволит снизить количество таких преступлений.

Литература

1. Аксенов В.А., Молчанова Т.В. Особенности личности современного интернет-мошенника в механизме индивидуального преступного поведения // Криминологический журнал. 2020. № 4. С. 79–86.

2. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 467 с.

3. Котельникова О.А. Личность мошенника: криминологическая и психологическая характеристики // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2024. № 3. С. 61–64.

***С.А. Мухаметшина**, курсант 2 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Н.В. Вишнякова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА С СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не устанавливает согласие на причинение вреда как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Закон не признает умышленное уничтожение своего имущества человеком, лишение себя жизни, а также причинение себе вреда здоровью об-

щественно опасным деянием [1, с. 62]. Справедливо ли возлагать уголовную ответственность на того, кто исполняет просьбу потерпевшего?

Кроме того, причинение вреда с согласия весьма распространено:

– в медицине;

– на соревнованиях, например, по боксу или по другим травмоопасным видам спорта;

– при создании контента с краш-тестами различных вещей и т. п.

То есть институт согласия на причинение вреда существует в современных общественных отношениях, но закреплен опосредованно в спортивных, медицинских регламентах, соглашениях, гражданско-правовых договорах и др. В УК РФ согласие также упоминается, но лишь в отдельных нормах Особенной части. Например, в примечании к ст. 122 УК РФ добровольное и своевременное согласие лица на совершение с ним действий, создающих опасность заражения ВИЧ-инфекцией, освобождает от уголовной ответственности лицо, которое такие действия совершило [2, с. 124].

Мы считаем, что поскольку многие сферы нашей жизни связаны с тем, что с согласия лица ему причиняется вред, который в обычных условиях считался бы преступным, то целесообразно закрепление в главе 8 УК РФ согласия в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Важным вопросом является определение условий и пределов причинения вреда с согласия лица. Полагаем, что условия должны быть следующими:

1. Осознанность и добровольность волеизъявление лица на причинение ему вреда.
2. Лицо, давшее согласие, должно быть дееспособным субъектом правоотношений.
3. Наличность согласия, т. е. оно должно быть дано до совершения деяния.
4. Конкретность. Этот признак означает, что согласие должно относиться к конкретному времени, лицу, которому оно дано, и способу причинения вреда.
5. Причинение вреда не должно быть направлено на те права, которыми лицо, давшее согласие, на самом деле не может распоряжаться.
6. Вред не должен совершается общеопасным способом и затрагивать права интересы третьих лиц.
7. Согласие не должно быть направлено на достижение общественно вредных целей. Нельзя дать согласие на причинение вреда здоровью с целью уклониться от военной службы, получения социальной поддержки от государства и т. д.

Самым спорным является вопрос о пределах допустимого вреда с согласия лица. В некоторых странах разрешена эвтаназия (Нидерланды, Бельгия и др.). Отметим, что законы об эвтаназии освобождают от ответственности только медицинских сотрудников, для остальных лиц наказание сохраняется. Если лицо лишило жизни другое лицо по его просьбе, то наказание по Уголовному кодексу Нидерландов составляет 12 лет тюремного заключения.

В нашей стране только в УК РСФСР 1922 г. исключалась ответственность за убийство с согласия лица. Примечание к ст. 143 содержало положение:

«убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается».

Мы же придерживаемся того мнения, что согласие потерпевшего может исключать преступность деяния в отношении отчуждаемых благ, прежде всего собственности, в отношении деяний, противоправность которых обусловлена отсутствием согласия лица (незаконное проникновение в жилище, похищение человека, нарушение неприкосновенности частной жизни и т. п.), а также причинение вреда, относящегося к делам частного и частно-публичного обвинения. В свою очередь, причинение вреда здоровью средней тяжести, тяжкого или смерти, даже с согласия потерпевшего, следует оценивать, как преступление.

Обобщая сказанное, предлагаем дополнить главу 8 УК РФ ст. 42.1 следующего содержания:

«1. Не признается преступлением причинение вреда отчуждаемым и личным неотчуждаемым правам лица, добровольно и своевременно давшему согласие в установленной форме, если при этом не было допущено нарушение условий дачи и исполнения согласия.

2. Причинение вреда лицу с его согласия не должно совершаться общеопасным способом и затрагивать права интересы третьих лиц, а также не должно быть направлено на достижение общественно вредных целей.

3. Пределы причиняемого вреда должны соответствовать утвержденным регламентам проведения спортивных состязаний, медицинского вмешательства и другой законной деятельности. В случаях отсутствия соответствующего регламента согласие на причинение вреда отчуждаемым благам, а также вреда, относящегося к делам частного и частно-публичного обвинения, исключает преступность деяния. Умышленное причинение смерти, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью с согласия потерпевшего влечет уголовную ответственность на общих основаниях».

Литература

1. Савинов А.В. Уголовная ответственность за причинение вреда с согласия лица или по его просьбе // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 3. С. 61–71.

2. Соктоев З.Б., Ринчинова А.Р. Согласие лица на причинение вреда его жизни и здоровью // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 12. С. 121–129.

***Е.Ю. Мухарьямова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

АНГЕЛЫ СМЕРТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Феномен серийных убийств по обыкновению ассоциируется в повседневном и научном сознании с криминальной субкультурой, парафилией или деструктивным образом жизни. Тем не менее выделяется специфическая группа серийных убийц, чья преступная деятельность парадоксальным образом связана не с отвержением общественных норм, а с их извращением. Речь идет о представителях одной из наиболее социально-значимых профессий – медицинских работниках, так называемых ангелах смерти – серийных убийцах, совершающих посягательства на жизнь пациентов в условиях медицинских учреждений, учреждений социального ухода, и даже в их собственных домах.

Актуальность исследования медицинских работников, совершающих серийные убийства пациентов, обусловлена не только высокой общественной опасностью данных деяний, но и их высокой латентностью. В криминологической науке данный тип преступника занимает особое место, поскольку он действует в условиях «идеального прикрытия»: в легальном поле, имея доступ к препаратам и пользуясь безусловным доверием подопечных. Феномен «ангелов смерти» представляет собой специфическую форму серийного убийства, где профессиональная роль субъекта, как медицинского работника, является ключевым инструментом совершения преступления. Внешние признаки насилия зачастую маскируются под биологические процессы и осложнения болезней, а реже за врачебные ошибки, тем самым позволяя преступнику увеличивать количество жертв. Проблема осложняется тем, что в условиях стационара граница между «терапевтическим риском» и «преступным умыслом» становится прозрачной. Это порождает криминологический парадокс: субъект, наделенный государством и обществом полномочиями по защите жизни, видоизменяет свою профессиональную идентичность в сторону обладания неограниченной властью над жизнью и смертью человека.

Основываясь на анализе мировой практики, возможно, сформировать усредненный профиль данного типа преступника. В отличие от классических серийных убийц, среди «ангелов смерти» значительную долю составляют женщины, что является особой меткой для серийной преступности данного вида.

Кристин Гилберт из Массачусетса, США является классическим примером типа «ангел смерти». За семь лет работы медсестрой во время ее смен скончалось 350 человек. Это чрезвычайно большое количество по сравнению со сменами других сестер. В Австрии четыре медсестры из предместья Вены, известные также как «ангелы смерти из Лайнца» в 1980-е умертвили от 49 до 200 пациентов. Ирен Лейдольф, Вальтрауд Вагнер, Стефания Мейер и Мария

Грубер изобрели свой способ убийства: одна из сестер запрокидывала и держала голову пациента, вторая зажимала нос, а третья наливала воду в рот жертве, пока та не захлебывалась [3]. Поскольку у пожилых пациентов часто бывает жидкость в легких, это выглядит

Однако факты совершения таких преступлений мужчинами также достаточно распространены. Например, 40-летний паллиативный врач М. Йоханнес, работавший в немецких клиниках с 2019 по 2023 г. обвиняется в убийстве 15 пациентов и подозревается еще в 70 убийствах [2].

Мотивацию данных преступлений делят на три основные модели.

Первый тип – «сострадательный» убийца. Преступник убежден, что действует исходя из благих намерений, избавляя пациента от страданий. Ю.М. Антонян подробно описал этот тип, основываясь на том, что движет преступником – «любовь» к человеку либо мотив «сострадания» к ближнему [1, с. 144–160]. Зачастую преступники ссылаются на то, что действовали не вопреки воле пациента, а именно по его просьбе, тем самым предоставляя человеку право на жизнь и смерть, т. е. речь идет об эвтаназии.

Второй тип – «садист» убийца. Преступник использует свою профессию для получения власти и контроля над больными людьми, собственной выгоды, а также получая удовольствие от убийства и контроля над жизнью человека.

Третий тип – «Зловредный герой». Это самый циничный тип в криминологии. Преступник создает своими действиями угрозу для жизни пациента, а потом самостоятельно спасает ее, тем самым чувствуя свою ценность и значимость, т. е. надевая на себя маску героя спасителя.

Известным примером «сострадательного» мотива можно назвать ранее указанного немецкого врача М. Йоханнеса Судебный процесс по его делу идет до настоящего времени. Однако в своем первом судебном заседании подсудимый заявил, что всегда действовал только в интересах своих пациентов, с благими намерениями и состраданием.

Примером «садистского» мотива является американская медсестра Джейн Топпан, которая признавалась в 31 убийстве. На своих пациентах она испытывала препараты и наблюдала за полученной реакцией.

Также она призналась, что получала сексуальное наслаждение, когда ложилась в постель к умирающей жертве [3].

Яркой иллюстрацией типа «Зловредный герой» являются деяния техасской медсестры Дженен Джонс по прозвищу «Сестра-смерть», которая по версии следствия причастна к десяткам убийств детей Дженен, вводила сильнодействующие препараты детям, пришедшим на лечение или прививки, а в момент наступления приступа оказывала им всю необходимую медицинскую помощь. Показывая свои профессиональные таланты и «багаж» знаний она становилась героем, чудо-доктором, который может спасти от смерти. Однако не всегда у Джонс получалось выйти победителем из сложившейся медицинской ситуации [3].

Феномен «ангелов смерти» показывает, что страшные, а порой и зверские преступления могут быть совершены людьми, которые должны спасать жизнь человека.

Понимание мотивов их поведения имеет огромное значение для разработки эффективных мер профилактики преступлений в медицинских учреждениях. Выявление склонных к противоправным действиям медицинских работников требует повышенной бдительности руководства и персонала, а также тщательного психологического отбора при приеме на работу. При этом осуществление контроля за действиями медицинских работников, полная отчетность и проверка каждого случая гибели или причинения вреда здоровью пациентов должны стать неотъемлемой частью работы руководства медицинских учреждений и правоохранительных органов.

Литература

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. М.: Юристъ, 1997. 304 с.

2. В Европе судят врача-маньяка, число его жертв может достичь 100. Он делал инъекции и поджигал дома, чтобы замести следы. URL: https://weekend.rambler.ru/read/55275854-v-evrope-sudyat-vracha-manyaka-chislo-ego-zhertv-mozhet-dostich-100-on-delal-inektsii-i-podzhigal-doma-chtoby-zamesti-sledy/ (дата обращения: 05.03.2026).

3. Почему женщины убивают: 6 типов женщин-серийных убийц. URL: https://www.sobaka.ru/irk/specials/projects/136874 (дата обращения: 05.03.2026).

Ю.А. Наумова, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.В. Мальченкова, *канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СУБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОХИЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Уголовный Кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за похищение человека посредством ст. 126. Существует также квалифицирующий признак, а именно п. «д» ч. 2 ст. 126 – похищение в отношении заведомо несовершеннолетнего. Однако данный квалифицированный состав не предполагает в качестве специального субъекта преступления родителя и иного родственного лица несовершеннолетнего.

Существует достаточно большое количество случаев, в которых один из родителей, например, отец тайно изымал ребенка у другого и в последующем вывозил его в другую страну, либо же оставлял в пределах страны, но запрещал и отграничивал связь с другим родителем. Так, муж москвички О. Шибаровой сириец Эль-Али втайне от супруги увез на свою Родину трех дочерей. Девушка осуществляла попытку обратиться в правоохранительные органы, однако ей от-

казали в возбуждении дела ввиду «отсутствия оснований по Семейному Кодексу Российской Федерации». Министерство иностранных дел Российской Федерации также посчитало, что нельзя забрать детей у родного биологического отца [2].

Ввиду этого возникает вопрос об уголовной ответственности за данное деяние, т. к. подобные прецеденты могут не влечь мер ответственности, хотя ими нарушаются права как родителей, так и детей.

В первую очередь, при исследовании данного вопроса следует изучить практику зарубежных стран и, соответственно, узнать, существует ли в других станах ответственность за данное деяние.

Например, в Израиле с 1991 г. действует международный акт, который имеет силу во многих странах Восточной Европы – Гаагская конвенция. Согласно данному документу, похищенных одним из родителей детей, убывших за границу, обязаны немедленно вернуть на Родину. Для того чтобы требование о возвращении ребенка было удовлетворено, необходимо соблюдение нескольких условий. Прежде всего, обе страны – та, откуда вывезли ребенка, и та, куда его привезли – должны быть участниками Конвенции. Израиль ратифицировал этот международный договор, что означает принятие на себя соответствующих обязательств.

Далее перемещение должно быть признано незаконным. Это происходит, когда ребенка вывозят или удерживают в нарушение прав опеки родителя, который фактически осуществлял эти права или мог бы их осуществлять. Критический момент: должно быть нарушено право опеки в соответствии с законодательством страны постоянного проживания ребенка. Наконец, на момент перемещения ребенок должен был постоянно проживать в стране, из которой его вывезли.

Российское уголовное законодательство не рассматривает в качестве специального состава преступления похищение ребенка, если оно было совершено одним из его родителей. Причиной этому является конституционное и семейное законодательство Российской Федерации. Статья 19 Конституции Российской Федерации гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от их пола, расы, национальности и других обстоятельств. Семейный Кодекс Российской Федерации в ст. 61 провозглашает равные права и обязанности в отношении детей.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что при совершении похищения ребенка одним из родителей нарушаются его права, в свободы, а в некоторых случаях и возможность выбора, поскольку ребенок с момента достижения им возраста 10 лет имеет право на выбор места проживания с определенным родителем и т. д. Кроме того, нарушаются права одного из родителей, который остался без ребенка, ведь данное лицо таким образом остается лишенным прав и обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего ребенка.

Говоря о решении данной проблемы, российское законодательство устанавливает административную ответственность по ст. 5.35 КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних». В по-

добных ситуациях привлекаются к административной ответственности по ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ родители детей, не передавшие ребенка другому родителю при наличии решения/определения суда, предписывающего такую передачу; удерживающие у себя ребенка по истечении установленного для общения с ребенком периода времени; забравшие ребенка и скрывшие его местонахождение, как при наличии решения судебного органа об определении места жительства ребенка с другим родителем, так и при отсутствии такого решения [1].

Показателен инцидент, произошедший в Воронежской области: летом 2024 г. мать четырехлетней девочки из г. Воронежа заявила о похищении ребенка прямо с детской площадки – по словам очевидцев, неизвестный мужчина унес девочку, зажав ей рот. Информация мгновенно разлетелась по соцсетям, вызвав панику. Однако в ходе проверки выяснилось, что ребенка забрал родной отец, с которым мать находилась в разводе. Полиция быстро установила местонахождение девочки: она находилась у отца, который подтвердил, что забрал дочку к себе. В данной ситуации в действиях отца не усмотрели состава похищения человека, поскольку отсутствовало судебное решение, запрещающее отцу видеться с ребенком, то он имеет такие же права, как и мать. По сути, произошел конфликт между родителями, но не уголовное преступление [3].

Данный случай подчеркивает важность своевременного юридического оформления опеки и порядка общения с детьми при разводе, чтобы избежать недопонимания и тревоги.

По нашему мнению, общественная опасность похищения ребенка одним из родителей намного выше, чем предусмотренная административным законодательством, т. к. в данном случае нарушаются права детей, защита которых является одним из ключевых направлений деятельности государства. Ввиду этого считаем нужным ввести уголовную ответственность за похищение ребенка одним из родителей в ст. 126.1 «Незаконное удержание, вывоз ребенка в пределах и за пределы Российской Федерации одним из родителей (усыновителей) без согласования с другим родителем (усыновителем)». Фактически второй родитель полностью исключается из процесса воспитания и общения с ребенком, лишается возможности отстаивать его интересы. Грубо нарушаются и самостоятельные права ребенка, предусмотренные Семейным кодексом Российской Федерации. Введение данной нормы направлено, прежде всего, на защиту интересов детей, а проблема похищения детей сочетает в себе уголовно-правовые, семейно-правовые и психологические аспекты.

Литература

1. Иванова Е.В. Перспективы привлечения родителей и иных близких родственников к уголовной ответственности за похищение собственных детей // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 104–112.

2. Муж-сириец украл у москвички трех дочерей. URL: https://www.kp.ru/daily/24487/643175/ (дата обращения: 24.03.2026).

3. Похищения детей: как защитить ребенка. URL: https://kudaev-and-partners.ru/publications/pohischeniya-detei-kak-zaschitit-rebyonka (дата обращения: 24.03.2026).

***Ч.Ш. Ооржак**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Булгакова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОПРОСЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ

В настоящее время в нашем государстве наблюдается не только рост тяжких и особо тяжких преступлений, рецидивной преступности, но и возрастает количество преступлений, совершаемых лицами женского пола. Так, за первое полугодие 2025 г. обвинительные приговоры, уже вступившие в законную силу, вынесли в отношении более 42 тыс. женщин [2]. Это огромная цифра, которая наглядно демонстрирует масштаб проблемы.

Криминальная мотивация совершающих преступления женщин носит ярко выраженную эмоциональную окраску и формируется за счет особенностей их нервной системы, повышенной впечатлительности, эмоциональности, а преступное поведение характеризуется импульсивностью и агрессивностью.

Приведем некоторые примеры преступлений, совершенных женщинами. Так, в 2023 г. Дарья Т. совершила террористический акт, в результате которого погиб военный корреспондент Владлен Татарский, а еще 42 человека получили ранения. Девушка тщательно готовилась к преступлению по заданию кураторов с другого государства и заранее втерлась в доверие к своей жертве. Суд назначил Дарье Т. наказание в виде 27 лет лишения свободы [4].

Широко известна и деятельность банды «амазонок», действовавшей в течение 15 лет на территории Ростовской области (с 1998 по 2013 гг.). На их счету – 10 доказанных убийств, 2 покушения на убийство, бандитизм, незаконный оборот оружия, а также множество эпизодов кражи, разбоя и посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов. Возглавляла группу Инесса Т. Также в нее входили ее сожитель Роман П., дочь Виктория Т., сотрудник ГИБДД Сергей С. и его жена Анастасия С. [1].

Кроме того, в Алтайском крае завершено расследование уголовного дела в отношении 50-летней женщины из Третьяковского района. Ее обвиняют в жестоком убийстве сожителя. В ходе бытовой ссоры она нанесла ему многочисленные удары ножом в шею и спину. От полученных травм мужчина скончался в машине скорой помощи. Обвиняемая признала свою вину, объяснив, что ее разозлило поведение сожителя. Органами предварительного расследования были собраны достаточные доказательства, и уголовное дело направлено в суд для рассмотрения [3].

Анализ приведенных примеров позволил выделить следующие детерминанты женской преступности:

1) социально-психологические (внушаемость, подчиняемость авторитету (куратору, лидеру банды), готовность действовать в группе);

2) семейно-бытовые (виктимное поведение, нерешенность семейных проблем, насилие в семье);

3) корыстные интересы;

4) криминальная профессионализация (длительное занятие преступной деятельностью);

5) эмоционально-психологические (вспыльчивость, утрата самоконтроля, агрессивность);

6) алкоголизация населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что женская преступность в настоящее время представляет серьезную угрозу для современного общества, т. к. оказывает негативное воздействие на институт семьи. Выделенные в статье детерминанты позволят сформулировать комплекс мер, направленных на ее предупреждение. Считаем, что они должны носить комплексный характер, включая как общесоциальные, так и специально-криминологические меры.

Литература

1. «Банда амазонок»: история самой кровавой женской группировки в России. URL: https://ria.ru/20171206/1510276387.html (дата обращения: 09.03.2026).

2. В Российской Федерации осудили более 42 тысяч женщин за первое полугодие 2025 г. URL: https://www.kp.ru/online/news/6753244/ (дата обращения: 09.03.2026).

3. На Алтае женщина зарезала сожителя после бытовой ссоры. URL: https://altai.aif.ru/incidents/na-altae-zhenshchina-zarezala-sozhitelya-posle-bytovoy-ssory (дата обращения: 09.03.2026).

4. Суд приговорил Трепову к 27 годам колонии по делу о теракте в Петербурге. URL: https://ria.ru/20240125/trepova-1923433273.html (дата обращения: 09.03.2026).

***А.Ш. Ооржак**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Булгакова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА)

Анализ оперативной обстановки на территории Республики Тыва за 2025 г. показал, что она характеризуется увеличением числа зарегистрированных преступлений на 4,1 % (с 5 339 до 5 558), при условии, что в Российской Федерации в целом наблюдается динамика снижения количества зарегистрированных преступлений. Вызывает опасения также рост числа убийств (+9,1 %; с 66 до 72) и изнасилований (+10 %; с 40 до 44) в регионе. В свою очередь умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть, остается на уровне 2024 г. (33 случая). При этом рост тяжких и особо тяжких преступлений отмечен на территории двенадцати муниципальных образований – значительный в Сут-Хольском (+285,7 %; с 7 до 27), Чаа-Хольском (+107,1 %; с 14 до 29) и Улуг-Хемском (+38,2 %; с 76 до 105) районах. Следует отметить, что по уровню преступности Республика Тыва занимает 8 место по России [2].

Учитывая то, что приведенные статистические данные вызывают тревогу, а уровень насильственной преступности в Республике Тыва высок, выбранная тема исследования является достаточно актуальной. Приведем некоторые случаи насильственной преступности в регионе.

Так, убийства жен собственными мужьями – это крайняя форма домашнего насилия, часто обусловленная ревностью, а также психологическими особенностями агрессора (вспыльчивость, предельная самоуверенность). Патриархальные установки и безнаказанность насильника способствуют эскалации конфликтов, приводящих к трагедии. В частности, страшная трагедия произошла в городе Кызыл: погибла 38-летняя участница специальной военной операции А., ветеран боевых действий и мать двоих детей. Убийцей женщины стал ее собственный муж. В 2024 г. она добровольно отправилась в зону СВО, где получила звание ефрейтора. Приехав обратно домой, муж зарезал ее из-за ревности [3].

В ситуациях домашнего насилия важное внимание следует уделять виктимному поведению жертвы. Она часто не пишет заявление в правоохранительные органы из-за страха мести агрессора, экономической или психологической зависимости. Жертвы испытывают беспомощность, надеются, что партнер изменится, они не хотят «разрушать семью».

Почти все исследователи проблем семьи отмечают одну особенность ее членов, склонных к проявлению насилия: многие из этих людей сами были

жертвами насилия в детстве. Фактически внимание ученых обращается на эту черту так часто, что в наше время стало вполне привычным говорить о цикличности проявления агрессивности или, другими словами, о передаче склонности к агрессии от поколения к поколению – «насилие порождает насилие» [4, с. 8].

Примечательно, что в Республике Тыва насилие применяется в отношении малолетних и несовершеннолетних детей, причем преступниками выступают также несовершеннолетние. Так, молодые люди 19 и 17 лет были привлечены к уголовной ответственности за многократные насильственные действия сексуального характера в отношении 10-летнего школьника. Подобные действия могли и дальше оставаться латентными, если бы не общественный резонанс [1].

Исследовав приведенные и многие другие примеры, мы попытались разобраться в причинах столь распространенной насильственной преступности в Республике Тыва. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что по уровню дохода населения данный регион длительное время занимает последнее или предпоследние места. Кроме того, более 40 % населения живет за чертой бедности, а реальная безработица достигает 50 %.

Подобная ситуация связана с тем, что в регионе плохо развита инфраструктура, пути сообщения, что не позволяет бизнесу развиваться. Крупные промышленные предприятия, существовавшие в советское время, закрылись. Основными «заработками» для многих стали нелегальная торговля, охота или, что особенно опасно, выращивание конопли, которая в климате Тывы растет в изобилии.

Ситуацию насилия, в т. ч. домашнего, усугубляет употребление алкоголя, что с учетом описанных реалий становится для многих средством решения проблем.

В связи с этим проведение общесоциальной профилактики в регионе, направленной на улучшение благосостояния населения, создание центров помощи от зависимостей или психологических проблем, должно стать важным направлением проводимой государственной политики.

Кроме того, в рамках профилактики домашнего насилия можно обратиться к опыту Республики Казахстан по созданию так называемого Закона Салтанат. Закон получил такое название, поскольку поправки в государственное законодательство принимались на фоне уголовного процесса над экс-министром национальной экономики Куандыком Бишимбаевым, которого судят за жестокое убийство гражданской супруги Салтанат Нукеновой. В частности, что изменилось: 1) раньше – если жертва и агрессор проживали в одной квартире, то семейный дебошир обязан был покинуть жилье только в том случае, если у него есть другое жилище; сейчас же – агрессора будут выселять из жилища независимо от того, является ли он собственником этого жилья; 2) установлена административная ответственность за буллинг, а также на законодательном уровне запретили высадку из автобуса, трамвая или троллейбуса несовершеннолетнего (не достигшего 16 лет) без сопровождения; 3) в уголовном законодательстве криминализировали побои, нанесенные

с особой жестокостью, в отношении детей и лиц, выполняющих профессиональный или служебный долг.

Таким образом, следует констатировать, что складывающаяся в Республике Тыва ситуация по росту преступности, в т. ч. носящей насильственный характер, нуждается в серьезных изменениях. Выявленные ее причины и условия, а также приведенный положительный опыт зарубежных стран в данном направлении, могут способствовать улучшению ситуации в регионе. Однако к проблеме нужно подходить комплексно, ведь решение лишь финансового вопроса не позволит изменить мировоззрение и ценностные установки населения, формировавшиеся длительное время.

Литература

1. В Туве трое молодых людей 19 и 17 лет за многократные изнасилования 10-летнего школьника приговорены к 7, 8, 9 годам заключения. URL: https://www.tuvaonline.ru/2024/06/16/v-tuve-troe-molodyh-lyudey-19-i-17-let-za-mnogokratnye-iznasilovaniya-10-letnego-shkolnika-prigovoreny-k-7-89-godam-zaklyucheniya.html (дата обращения: 10.03.2026).

2. Информационно-аналитическая справка об итогах оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Тыва за 2025 г. URL: https://17.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Otcheti_dolzhnostnih_lic/writings/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. «Маленький еще не знает, что мамы больше нет»: Анна Дамбыы из Тувы только вернулась с СВО, как стала жертвой своего мужа. URL: https://www.krsk.kp.ru/daily/27763/5211221/ (дата обращения: 10.03.2026).

4. Тарасова Л.Я., Шатилова О.А. Криминологическая характеристика насильственной преступности в отношении членов семьи. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. 28 с.

***А.С. Отрешко**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Д.А. Маракулин
Барнаульский юридический институт МВД России

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗБОЙ В РОССИИ И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ СНГ

Традиционно разбой рассматривается как одно из наиболее общественно опасных деяний в категории преступлений против собственности. Его тяжесть обусловлена совокупностью двух элементов: нарушения имущественных прав и прямого, часто насильственного, воздействия на личность потерпевшего. По-

скольку государства-участники Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) разделяют общую историко-правовую базу, заложенную в советскую эпоху, их уголовное законодательство претерпело индивидуальные реформы, что привело к расхождениям в определении элементов состава разбоя, интерпретации его квалифицирующих признаков и установлении соответствующих санкций. Также постсоветское пространство продолжает характеризоваться тесными экономическими и миграционными взаимоотношениями, в связи с чем возникает острая необходимость в едином подходе к толкованию статей, определяющих ответственность за разбой. Это важно как для развития юридической науки, так и для эффективного применения законодательства правоохранительными органами.

В части определения разбоя современные уголовные кодексы (далее – УК) стран СНГ сохранили основные положения советского права, в т. ч. из ст. 146 УК Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 года. «Нападение с целью хищения чужого имущества, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия (разбой)» [6].

Сущность разбоя как криминального деяния обусловливает его классификацию в качестве преступления со сложным (двухобъектным) составом. В правовых системах, подвергнутых рассмотрению, разбой посягает как на имущественные отношения, так и на законные интересы и права личности. Однако при анализе уголовного законодательства, становится очевидным расхождение в приоритетах. В законодательстве Российской Федерации (раздел VIII, глава 21, ст. 162 УК РФ [1]), Казахстана (глава 6, ст. 192 УК РК [3]) и Беларуси (Раздел VIII, глава 24, ст. 207 УК РБ [2]) разбой располагается в разделах, посвященных преступлениям против собственности, что свидетельствует о том, что в правовой системе этих стран основным объектом защиты при данном преступлении является имущество, а жизнь и здоровье выступают в роли дополнительного. В Узбекистане (раздел III, глава X, ст. 164 УК Руз [5]) и Киргизии (раздел VII, глава 28, ст. 207 УК КР [4]) преступления против собственности хоть и формально регулируются соответствующими разделами УК, последние научные исследования все чаще указывают на то, что защита личности имеет не меньшее, а порой и большее значение. Эта тенденция объясняется усилением государственной политики в области противодействия насильственным преступлениям.

Центральным элементом объективной стороны разбоя во всех анализируемых кодексах является нападение, понимаемое как внезапное, целенаправленное воздействие на потерпевшего или третьих лиц, создающее реальную возможность завладения имуществом. Диспозиции ст. 162 УК РФ, ст. 192 УК РК, ст. 207 УК РБ, ст. 164 УК РУз и ст. 207 УК КР формулируют данный признак практически идентично, однако расхождения проявляются в трактовке насилия и угрозы. В российском законодательстве и судебной практике угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья, сама по себе признается достаточным основанием для квалификации деяния как разбоя при условии ее восприятия потерпевшим как реальной. В законодательстве Казахстана и Кир-

гизской Республики закреплен аналогичный подход, тогда как в узбекском и белорусском уголовном праве подчеркивается необходимость установления объективной возможности реализации.

Особое значение имеет вопрос о моменте окончания преступления. В российском УК зафиксирован усеченный состав: разбой признается оконченным с момента начала нападения, независимо от того, удалось ли виновному завладеть имуществом. Такой подход поддерживают Казахстан и Киргизская Республика. В то же время в Беларуси и Узбекистане допускается материальная трактовка, при которой состав считается завершенным лишь при фактическом изъятии имущества или передаче его в пользование виновному.

В законодательстве всех изучаемых стран субъект преступления, квалифицируемого как разбой, является общим. Уголовная ответственность наступает при достижении законодательно установленного возраста и наличии вменяемости. Возрастной порог, общий для всех стран, снижен до 14 лет – это закреплено в ст. 20 УК РФ, ст. 15 УК РК, ст. 27 УК РБ, ст. 19 УК РУз и ст. 22 УК КР.

Субъективная сторона разбоя в рамках всех изучаемых юрисдикций определяется прямым умыслом и направленностью на хищение чужого имущества. Тем не менее квалифицирующие признаки адаптированы с учетом особенностей правоприменения в конкретных странах. В УК РФ ст. 162 предусматривает четыре части, регулирующие ответственность за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия или предметов, имитирующих оружие, в крупном и особо крупном размерах, организованной группой и т. д. Аналогичная градация предусмотрена в УК Республики Казахстан и УК Республики Беларусь, однако пороговые значения для категорий «крупный» и «особо крупный» размеры определяются в национальных валютах, что обуславливает заметные различия в денежном эквиваленте. В Узбекистане, Киргизской Республике дополнительно выделены признаки «неоднократности» и «особо опасным рецидивистом».

Рассмотрение вопроса о наказаниях за данные преступления свидетельствует о сохранении жестких санкций за разбой в странах СНГ, как и в России. Так, в Российской Федерации верхняя граница наказания за особо квалифицированный разбой – 15 лет лишения свободы с возможностью назначения ограничения свободы и штрафа. В Казахстане аналогичный предел – 15 лет, при этом законодательство активно применяет конфискацию имущества и запрет на осуществление определенных видов деятельности. В Беларуси наказание варьируется от 5 до 13 лет, с возмещением ущерба и применению условного осуждения при отсутствии отягчающих обстоятельств. Узбекистан и Киргизская Республика устанавливают максимальный срок лишения свободы в пределах 12-15 лет.

Проведенный сравнительно-правовой анализ свидетельствует о сохранении нормативного единства в понимании сущности разбоя в уголовном законодательстве России и стран СНГ, обусловленного общими историческими корнями и схожей социальной природой преступления. Выявленные различия не носят критического характера, но, исходя из всего вышеперечисленного, счита-

ем целесообразным разработать рекомендательные акты при Межпарламентской Ассамблее СНГ, которые будут направленны на унификацию критериев «опасного для жизни или здоровья насилия», что будет способствовать устранению практических сложностей, возникающих при расследовании транснациональных разбойных нападений, экстрадиции и исполнении приговоров на территории СНГ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З // Вебсайт Право.БУ. URL: https://pravo.by/.php (дата обращения: 05.04.2026).

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗРК // Вебсайт Адилет. URL: https://adilet.zan.kz (дата обращения: 05.04.2026).

4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.09.2021 № 127 // Вебсайт Министерство юстиции Киргизской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg (дата обращения: 05.04.2026).

5. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (Утвержден Законом РУз от 22.09.1994 № 2012-II) // Вебсайт Лех.УЗ. URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 05.04.2026).

6. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Д.В. Ощепкова**, студент 3 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
***А.П. Титаренко**, канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский филиал РАНХиГС

ФЕЙКИ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Распространение недостоверной (ложной) информации – явление, которое не представляется чем-то новым для общества, но при этом оно может привести к общественно опасным последствиям в экономике, политике, а также поставить под угрозу безопасность отдельно взятого государства [4, с. 48]. В условиях глобализации информационного обмена фейки становятся не только результатом некомпетентности или манипуляций, но и объектом системной угрозы для экономики, политики и национальной безопасности. По мере расширения доступа к онлайн-платформам усиливается проблема различения ис-

тинной информации и ее ложной альтернативы: что можно считать достоверным, а что – сознательно или по небрежности искажено. В научной дискуссии зафиксированы различные подходы к определению фейковых новостей.

Так, С.Н. Ильченко в рамках узкого подхода определяет фейковые новости как журналистское сообщение, содержащее недостоверную и непроверенную информацию, не соответствующую реальным фактам и эмпирической действительности и опубликованную в СМИ [1, с. 16]. А.П. Суходолов и А.М. Бычкова определяют фейковые новости как сообщения, стилистически созданные как настоящая новость, но ложные полностью или частично [3, с. 155]. По мнению Н.А. Рябченко и О.П. Малышевой, fake news – это информация, которая является искаженной, пристрастной и ложной, и распространяется в геометрической прогрессии через различные каналы массовой коммуникации, включая традиционные СМИ и современные медиа.

Одной из центральных проблем является дефиниционная неоднозначность термина «фейковые новости». Разные авторы подчеркивают аспекты ложности, непроверенности, стилистической подмены и виральности материала, а также его распространение через сети и каналы массовой коммуникации [2, с. 75]. Эта неоднозначность отражается и в правовой плоскости: в российском уголовном законодательстве отсутствует единое закрепление термина и его границ, однако существуют нормы, направленные на противодействие распространению информации, которая может вызвать общественную опасность. Так, нормы, закрепляющие ответственность за эпидемиологическую дезинформацию и за информацию, связанную с вооруженными силами, свидетельствуют о том, что государство осознает угрозы, связанные с ложной информацией об особо значимых сферах.

Вопрос о том, какие именно сведения следует относить к данным о жизни и безопасности, к общественно значимой информации или к сведениям об использовании вооруженных сил, остается невыясненным и нуждается в дополнительном законодательном уточнении. В результате под понятие «заведомо ложной информации» подпадают фейковые материалы, но границы этого понятия пока формально не зафиксированы [4, с. 11].

Темп и способы распространения информации уже вышли за рамки традиционных механизмов контроля: социальные сети, мессенджеры и другие онлайн-платформы мгновенно тиражируют материалы и воспроизводят их в самых разных форматах. Это осложняет сбор доказательств и повышает риски правоприменения: подложные сведения могут маскироваться в виде видеозаписей, аудиофайлов или поддельных документов, что затрудняет установление первоисточника и наличия умысла. Поэтому важно соотнести действующие уголовно-правовые нормы с реальностью цифровой экосистемы, где границы между манипуляцией, ошибкой и намеренным введением в заблуждение часто размыты.

Ключевой задачей следствия и суда является доказать, что распространение осуществлялось как факт, а не являлось ошибкой или элементом сатиры; в этом помогают способ подачи информации, ссылки на якобы авторитетные источники и заявления публичных фигур. Вместе с тем остается неясным, ка-

кие именно категории сообщений следует включать в сферу ответственности и как соизмерять нормы с разнообразием форматов и каналов распространения.

Динамичность цифровой среды означает, что кривая распространения фейков может резонировать с политическими и экономическими циклами, что усложняет оценку ущерба и установление цепи причинно-следственных связей. В этой связи правоприменение сталкивается с задачей идентифицировать источник ложной информации, определить намерение распространять ложь и установить конкретные последствия для конкретного государства или группы граждан. Сами технологии формирования фейков – от псевдообъективной подачи новостей до глубинных подделок аудио и видеоматериалов – добавляют сложности к доказыванию состава преступления и требуют применения современных методик расследования и доказательства. В этом плане актуализируются вопросы взаимодействия между правоохранительными органами, платформами и экспертным сообществом по выработке единых стандартов обнаружения, маркировки и анализа ложной информации, а также по выстраиванию эффективных процедур по удалению и ограничению распространения вредного контента.

На основании проведенного анализа целесообразно выработать комплекс мер, призванных согласовать правовое регулирование с реалиями цифровой коммуникации. Требуется законодательная и методическая определенность: четкое, единообразное толкование понятий «фейковые новости» и «заведомо ложная информация», позволяющее соизмерять составы преступлений с реальной степенью общественной опасности и повышать предсказуемость решений судов. Доказательная работа должна опираться на расширенный инструментарий – цифровая криминалистика, метрики распространения контента, экспертизы аудио- и видеоматериалов и формализованные процедуры верификации источников. Одновременно необходима системная координация между государственными органами, правоохранительными структурами и онлайн-платформами: разработка стандартов маркировки сомнительного контента, прозрачных принципов работы алгоритмов и регламентов оперативного реагирования, что позволит уменьшить временной лаг реакции и минимизировать причиняемый ущерб.

Фейковые новости представляют собой сложный объект для правовой квалификации, однако действующее уголовное законодательство уже содержит инструменты для противодействия им в случаях, когда распространение ложных сведений посягает на охраняемые законом общественные отношения.

Литература

1. Ильченко С.Н. Фейковая журналистика. Спецкурс: учеб. пособие. М.; Берлин: Директ Медиа, 2019. 264 с.

2. Рябченко Н.А., Малышева О.П. Трансформация социально-политической коммуникации: структурно-реляционный анализ феномена Fake News // Социальная инженерия: как социология меняет мир: мат-лы IX Междунар. социологической Грушинской конф-ции (г. Москва, 20-21 марта 2019 г.). М.: ВЦИОМ, 2019. С. 46–52.

3. Суходолов А.П., Бычкова А.М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. № 2. С. 143–169.

4. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа: научно-практ. пособие / Е.И. Галяшина, В.Д. Никишин, К.М. Богатырев. М.: БлокПринт, 2023. 144 с.

5. Online fake news is costing us $78 billion globally each year // ZDNET. URL: https://www.zdnet.com/article/online-fake-news-costing-us-78-billion-globally-each-year/ (дата обращения: 27.02.2026).

***А.Н. Понамарева**, курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.А. Байкалов
Сибирский юридический институт МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЗЕРТИРСТВА (СТ. 338 УК РФ)

Дезертирство как преступление представляет собой одну из наиболее сложных и значимых проблем в современных реалиях. В условиях современных изменений в социальной и политической обстановке, данная тема приобретает особую значимость, поскольку она связана с нарушением воинской дисциплины и угрозой национальной безопасности. Увеличение случаев дезертирства среди военнослужащих требует глубокого анализа причин и последствий этого явления. Целью настоящей статьи является проведение анализа состава преступления дезертирства, особенностей уголовной ответственности за него, а также исследования правоприменительной практики.

Общественная опасность дезертирства проявляется в нарушении воинской дисциплины и установленного порядка несения службы. Данное преступление негативно влияет на боеспособность Вооруженных Сил России и повышает криминальные риски, т. к. зачастую военнослужащие, которые уклоняются от службы, совершают преступления.

В соответствии с диспозицией ст. 338 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) дезертирство это самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу.

Поскольку данная норма включена в главу 33 УК РФ, родовым объектом выступают общественные отношения в сфере обеспечения порядка прохождения военной службы. Непосредственный основной объект – установленный порядок пребывания на военной службе.

Объективная сторона дезертирства может быть выполнена путем:

1. Действия: оставление воинской части или места службы. Ярким примером является случай с военнослужащим З., который, тяготясь исполнением обязанностей, с целью окончательного уклонения от службы без законных оснований покинул расположение части и незаконно проживал по месту жительства, свободно распоряжаясь временем [8].

2. Бездействия: неявка в воинскую часть/к месту службы при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации. Например, военнослужащий С., проходивший службу по контракту, получив предписание военного коменданта, в установленный срок не прибыл в часть, а скрывался по различным адресам до момента задержания [1].

Следует отметить, что в соответствии п. 48 ППВС № 11 дезертирство – длящееся преступление. В случае с дезертирством длящийся характер преступления создается самим образом действий виновного – его постоянным отсутствием и, как следствие, длительным невыполнением воинского долга.

Момент окончания преступления имеет специфику. Данный состав считается оконченным в двух случаях: во-первых, с момента явки виновного с повинной; во-вторых, с момента задержания виновного лица.

Как справедливо отмечает О. С. Капинус, если лицо не было задержано и не явилось добровольно, преступление может считаться оконченным в связи с утратой специального субъекта – прекращением обязанности проходить военную службу [2, с. 584]. Для военнослужащего по призыву таким моментом является достижение возраста 30 лет, поскольку в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 22 федерального закона от 28.03.1998 №53-ФЗ призыву подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет [3]. Для военнослужащих по контракту и женщин установлены иные возрастные критерии, определяемые законодательством.

Для военнослужащих, проходящих службу по контракту, дезертирство считается оконченным преступлением, если лицо достигает предельного возраста пребывания на военной службе, установленного в зависимости от его воинского звания. Возрастные границы установлены в пределах от 50 до 65 лет. Однако для женщины, проходящей службу, факт дезертирства считается завершенным, как только ей исполняется 45 лет, вне зависимости от воинского звания.

Субъект данного преступления будет специальный, а именно военнослужащий, проходящий службу по призыву либо по контракту. Также субъектом будет гражданин, пребывающий в запасе во время прохождения им военных сборов.

Субъективная сторона данного деяния характеризуется прямым умыслом. Иными словами, человек, совершающий дезертирство, полностью отдает себе отчет в общественно опасном характере собственных поступков и сознательно стремится к их совершению. Наряду с умыслом обязательным признаком является наличие цели. Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ (п. 45 ППВС №11), о наличии умысла на дезертирство могут свидетельствовать такие обстоятельства, как изготовление или приобретение фальшивых документов, сокрытие

факта службы, трудоустройство и иные действия, направленные на сокрытие от органов власти [7].

Показательным примером является дело К., который, самовольно оставив часть, в течение длительного времени скрывался, используя поддельный паспорт на имя другого лица, и трудоустраивался, скрывая свою принадлежность к Вооруженным Силам [6].

В уголовно-правовой науке высказано мнение, что именно цель отличает дезертирство от других преступлений, в т. ч. и от самовольного оставления воинской части [4, с. 25]. Так, стоит подчеркнуть, что ситуации, когда военнослужащий надолго покидает часть или не является на службу без веских оснований, но не ставит целью полный отказ от военной службы, должны рассматриваться по ч. 4 ст. 337 УК РФ. Зачастую намерение полностью уклониться от службы может появиться у военнослужащего не до, а уже во время самовольного отсутствия. В таких случаях менее серьезное нарушение воинского порядка (по ст. 337 УК РФ) перерастает в более тяжкое – дезертирство (ст. 338 УКРФ), и действия подлежат квалификации исключительно по последней.

Помимо этого, необходимо по субъекту преступления проводить разграничение дезертирства от прохождения военной или альтернативной службы (ст. 328 УК РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 328 УК РФ, деяние может быть совершено только лицом, призываемым на военную службу, которое отказывается явиться по призыву – при этом без разницы, уклоняется ли призывник от обыскного призыва или стремится полностью избежать военной службы. А в соответствии с ч. 2 ст. 328 УК РФ, деяние совершается гражданином, проходящим альтернативную службу [5, с. 8].

Из проведенного анализа видно, что дезертирство является тяжким преступлением, которое не только подрывает воинскую дисциплину, но и создает угрозу национальной безопасности. Юридическая квалификация данного деяния требует внимательного анализа как объективной, так и субъективной стороны. При квалификации преступления особую роль играет наличие цели полного отказа от службы, что отличает дезертирство от иных нарушений воинского порядка. Правоприменительная практика показывает, что своевременное выявление и пресечение таких деяний является важным элементом обеспечения боеспособности сил и безопасности государства.

Литература

1. Приговор Казанского гарнизонного военного суда №1-34/2019 от 17 сентября 2019 г. по делу № 1-34/2019. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 29.10.2025).

2. Капинус О.С. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Т. 2: учебник для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2023.

3. О воинской обязанности и военной службе [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Ахметшин Х.М. Дезертирство: науч.-практ. комментарий к ст. 338 УК РФ. М., 2002.

5. Мальков С.М. Преступления против военной службы: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.

6. Приговор Казанского гарнизонного военного суда № 1-1/2019 1-37/2018 от 25 января 2019 г. по делу №1-1/2019. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 30.10.2025).

7. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Приговор Курского гарнизонного военного суда №1-52/2019 от 10 сентября 2019 г. по делу №1-52/2019. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 29.10.2025).

А.А. Притыкина, *курсант 2 курса*
Луганский филиал Воронежского института МВД России

Научный руководитель:
Б.Ю. Бурбело, *канд. юрид. наук, доцент*
Луганский филиал Воронежского института МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 267.1 УК РФ

Статья 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств» была введена 3 апреля 2017 г. соответствующим федеральным законом. Важно, что данная норма является одной из немногих в главе 27 УК РФ, закрепляющих признаки преступления с формальным составом, в отличие от большей части других статей данной главы, которые предусматривают в качестве обязательного признака причинение вреда здоровью человека и иные тяжкие последствия.

Практика по вынесению судами обвинительных приговоров на основании данной статьи в Российской Федерации уже имеется, однако наибольший резонанс возможность применение закрепленной в ней нормы получила в последние годы в связи с распространением таких общественно опасных действий, как «зацепинг», опасное вождение на дорогах и иные угрожающие безопасности эксплуатации транспорта деяния.

На наш взгляд, применение ст. 267.1 УК РФ связано с рядом проблем. Как представляется, сам объект данного преступления – безопасная эксплуатация транспортных средств, недостаточно конкретизирован в законодательстве. Соответственно, возникают вопросы и о признаках угрозы такой безопасности. Под безопасной эксплуатацией транспортных средств чаще всего понимают соблюдение комплекса требований, направленных на поддержание их технического состояния и оборудования в таком виде, который обеспечивает безопас-

ность использования данных средств: т. е. исключает или минимизирует возможность причинения тяжких последствий [4].

Статья 267.1 УК РФ посвящена уголовной ответственности за действия, которые угрожают безопасной эксплуатации транспортных средств. В ней определяются основные составы преступлений, связанных с нарушениями, способными привести к авариям и другим инцидентам на транспорте. Законодатель акцентирует внимание на том, что подобные действия могут включать как умышленные, так и неосторожные деяния, создающие угрозу безопасности движения. Важный аспект статьи – указание на последствия, которые могут возникнуть в результате таких действий: в т. ч. возможность причинения вреда здоровью или жизни людей, а также ущерба имуществу. В то же время, конкретный уровень опасности совершаемых на транспорте действий, который бы свидетельствовал о наличии угрозы безопасности эксплуатации транспорта, законодатель не уточняет, и его определение остается в зоне усмотрения судьи и других правоприменителей.

Кроме того, ст. 267.1 УК РФ не содержит общего определения либо описания конкретных вариантов действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. С этой точки зрения, диспозицию данной статьи можно классифицировать как простую. Такая простота, с одной стороны, оправдана большим разнообразием подобных действий и невозможностью закрепить их в виде перечня. С другой стороны, под признаки таких действий могут неоправданно подпадать и незначительные, на первый взгляд, нарушения. Например, даже распространенное поведение водителей и пассажиров на дороге – выброшенный окурок в окно автомобиля, – теоретически может считаться угрожающим безопасности эксплуатации транспорта, поскольку во время движения он потенциально может попасть в салон другого транспортного средства, спровоцировать пожар или неконтролируемую реакцию его водителя на ожог, а в итоге – привести к дорожно-транспортному происшествию и иным тяжким последствиям. Для квалификации по ст. 267.1 УК РФ не требуется, чтобы действия были совершены внутри транспортного средства: главное, чтобы они обладали свойством угрозы его безопасной эксплуатации.

Еще одна сложность видится в том, что обязательным признаком состава преступления по ст. 267.1 УК РФ являются хулиганские побуждения. Это субъективный признак, который характеризует мотив нарушителя, дополняя характеристику умышленной формы вины. В то же время, доказывание хулиганских мотивов также сопровождается рядом трудностей. Так, согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», под хулиганскими побуждениями понимаются умышленные действия, совершенные без какого-либо повода или с использованием незначительного повода [1].

Для правильной квалификации важно отграничивать хулиганские побуждения от других мотивов и целей, а также учитывать обстоятельства совершения деяния (место, время, способ действий и т. д.). В противном случае сообщение нарушителем о каком-либо правдоподобном поводе совершения им

опасных действий на транспорте затруднит их квалификацию по ст. 267.1 УК РФ: формально это может означать отсутствие хулиганских побуждений.

Кроме того, в правоприменительной практике могут возникнуть и другие сложности. Так, установление прямой причинно-следственной связи между действием (бездействием) виновного и наступившими последствиями – краеугольный камень для квалификации многих транспортных преступлений. В условиях сложной дорожной обстановки и множества факторов, влияющих на развитие событий, доказывание этой связи может быть крайне затруднительным, например, если при столкновении нескольких транспортных средств каждый водитель допустил нарушение [2].

С точки зрения субъективной стороны рассматриваемого состава преступления, ряд сложностей связан и с доказыванием умысла (в т. ч. косвенного) – особенно в случаях, когда действия совершаются в условиях стресса, ограниченного времени для принятия решений либо при наличии скрытых дефектов транспортного средства и сложных внешних условий [3].

Для повышения эффективности действия исследуемой нормы и адаптации уголовного законодательства к современным вызовам предлагаются следующие направления:

1) разработка методических рекомендаций для правоприменителей;

2) внесение в уголовное законодательство изменений в части уточнения содержания используемых понятий; введения новых специальных составов преступлений, в т. ч. рассмотрение возможности криминализации «систематического опасного вождения»; «особо злостного опасного вождения»;

3) повышение уровня правовой культуры лиц, использующих транспорт;

4) совершенствование системы контроля и надзора на транспорте;

5) усиление ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершенные в состоянии опьянения.

Литература

1. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 // Российская газета. 2007. № 260.

2. Петров В.Д. Уголовно-правовые меры противодействия угрозам транспортной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 112–120.

3. Современные проблемы правоприменения в сфере безопасности дорожного движения: сб. науч. ст. / под ред. Л.И. Волковой. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. 240 с.

4. Яковлев А.А. Уголовная ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств: теория и практика // Право и безопасность. 2022. № 3. С. 78–86.

В.Н. Прохоров, *курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Квасников, *канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ВОПРОСЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНА

В современном правовом пространстве вопрос защиты жилища приобретает особую актуальность в связи с ростом случаев неправомерного вторжения в него и угрозы безопасности граждан. Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации и ряд других международных актов закрепляют положение, о том, что жилище неприкосновенно, на практике имеются случаи посягательств на конституционные права и свободы человека и гражданина, связанные с неприкосновенностью жилища.

В УК РФ закреплена ст. 37 «Необходимая оборона», которая соответствует ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации относительно права каждого защищаться всеми способами, не запрещенными законом [1].

Вместе с тем правоприменительная практика по применению ст. 37 УК РФ противоречива. На наш взгляд, противоречие в правоприменении возникает, в т. ч. из-за содержания указанной уголовно-правовой нормы.

Так, например, 22 июля 2018 г. двое мужчин в состоянии алкогольного опьянения проникли на территорию частного дома с целью кражи имущества. Хозяин дома увидел незнакомых мужчин и потребовал уйти. В ответ один из мужчин замахнулся металлической арматурой, тогда хозяин дома произвел три выстрела в направлении потерпевших. В результате 38-летний местный житель получил проникающее ранение груди, от которого скончался на месте происшествия, а его 35-летний знакомый с ранениями в области груди был госпитализирован в медицинское учреждение.

Суд признал хозяина дома виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ [3].

Такая квалификация действий хозяина дома видится спорной ввиду того, что:

1. Один из мужчин был вооружен металлической арматурой, в связи с чем имела место реальная угроза как здоровью, так и жизни.

2. Численное превосходство нападавших.

3. Игнорирование законных требований хозяина дома о том, чтобы они покинули территорию дома.

В уголовном законодательстве зарубежных стран защите жилища уделяется особое значение. Например, в США с 1604 г. существует Доктрина «крепости», которая закрепляет, что место жительства является неприкосновенным, а проникновение в него без разрешения – преступно [2]. Данное положение является схожим со ст. 25 Конституции Российской Федерации, которая закреп-

ляет, что жилище неприкосновенно, и чтобы нарушить это положение, по общему правилу, требуется судебное решение.

Однако в США указанная Доктрина предоставляет жителю законное право атаковать вторгшегося любыми доступными средствами вплоть до причинения последнему смерти, чтобы защитить себя, свою собственность и других людей от любого нападения или вторжения. Предполагается, что незаконное проникновение в жилище представляет опасность для жизни.

В Израиле принят «Закон Шая Дроми», который предусматривает освобождение от уголовной ответственности тому, кто действовал незамедлительно против злоумышленника, проникшего в его владение, – будь то жилище, магазин или ферма, с намерением совершить преступление [4].

Подводя итог, можно сказать, что положение о неприкосновенности жилища закреплено и соблюдается во многих странах мира, однако сам институт исключения уголовной ответственности, при защите своей частной собственности реализован по-разному. В определенных странах разрешено применять оружие на поражение без уголовного преследования, в некоторых странах хозяин дома должен предупредить о готовности применения оружия и в случае продолжения преступного посягательство может его применить.

В ч. 2.1 ст. 37 УК РФ закреплено: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения».

Однако, по-нашему мнению, данная норма прямо не регулирует возможность исключения уголовной ответственности при защите частной собственности, а лишь косвенно говорит, что если хозяин дома не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения, то только тогда уголовная ответственность будет исключена.

По вышеуказанным причинам мы считаем, что необходимо внести дополнения в УК РФ, а именно дополнить ст. 37 УК РФ ч. 2.2, которая содержала бы следующий тезис:

«Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, при защите от противоправного насильственного вторжения в его жилище, независимо от того, какие способы и средства были применены».

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Колоколов Н.А. Общие начала необходимой обороны. Часть первая: вопросы теории, истории и практики, касающиеся применения норм Castle Doctrine (мой дом – моя крепость), Stand your ground (бежать не обязан), Affirmative defense (презумпция невиновности), Intruder culpability (априори виновен нападающий), Immunity from civil lawsuit (иммунитет от гражданского

иска), а также концепции Duty to retreat (обязан бежать) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-nachala-neobhodimoy-oborony-chast-pervaya-voprosy-teorii-istorii-i-praktiki-kasayuschiesya-primeneniya-norm-castle-doctrine (дата обращения: 22.03.2026).

3. Приговор Трусовского районного суда г. Астрахани. Новости Следственного управления Следственного комитета по Астраханской области: «В Астрахани местный житель признан виновным в убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны» от 07 февраля 2019 г. URL: https://astr.sledcom.ru/news/item/1297520/?ysclid=mo5l8ldus8391134120 (дата обращения: 22.03.2026).

4. Закон Шая Дроми принят Кнессетом. URL: https://www.isra.com/news/98789?ysclid=mmrmzh5qhd440615354 (дата обращения: 22.03.2026).

***А.А. Пузина**, курсант 2 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
***А.Ю. Сагайдак**, канд. пед. наук, доцент*
Санкт-Петербургский университет МВД России

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗАКОНОПРОЕКТОВ КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Антикоррупционная экспертиза представляет собой деятельность уполномоченных субъектов по проверке нормативных предписаний действующего законодательства Российской Федерации и проектов нормативных правовых актов с целью выявления и устранения коррупциогенных факторов, обеспечения законности и правопорядка [1]. В свою очередь, коррупциогенными факторами признаются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), которые устанавливают для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции [5]. Таким образом, цель экспертизы – невыявление актов коррупции как таковых, а обнаружение «обходов» в тексте законов, которые делают коррупцию возможной или провоцируют ее.

Несмотря на то, что с момента принятия федерального закона № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» прошло уже более пятнадцати лет, институт антикоррупционной экспертизы до сих пор нельзя назвать полностью сложив-

шимся и эффективно работающим механизмом. Анализ правоприменительной практики и научных исследований позволяет полагать, что существующая модель сталкивается с рядом системных проблем, которые существенно снижают ее потенциал как инструмента очищения законодательства от коррупциогенных норм. Эти проблемы можно объединить в три взаимосвязанных блока: неопределенность статуса независимых экспертов, формальный подход к проведению экспертизы со стороны государственных органов и фактическое игнорирование результатов экспертной деятельности при принятии окончательных решений [4, с. 34–35].

Наиболее остро стоит вопрос о положении независимых экспертов, которые, по замыслу законодателя, должны были стать ключевым элементом общественного контроля за качеством законопроектов. Формально процедура их аккредитации в Министерстве юстиции детально регламентирована: ими могут быть граждане Российской Федерации, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности (направлению подготовки) не менее 15 лет, а также юридические лица, имеющие в своем штате не менее 3 работников, удовлетворяющих требованиям [3]. Однако сама по себе аккредитация еще не гарантирует, что мнение эксперта будет реально влиять на содержание принимаемых законов [5]. Главная проблема заключается в том, что заключения независимых экспертов носят сугубо рекомендательный характер. Государственный орган обязан рассмотреть поступившее заключение, но закон не обязывает его следовать изложенным в нем рекомендациям – достаточно направить мотивированный ответ с обоснованием причин несогласия, после чего процедура считается соблюденной. На практике это приводит к тому, что подавляющее большинство замечаний независимых экспертов либо отвергаются под разными предлогами, либо просто остаются без должного внимания.

Ситуация усугубляется тем, что высококвалифицированные специалисты, способные провести действительно глубокий и профессиональный анализ законопроекта, не имеют экономических стимулов заниматься этой работой, тогда как лица, готовые трудиться на безвозмездной основе, не всегда обладают необходимым уровнем компетенции.

Другая серьезная проблема связана с формальным подходом к проведению антикоррупционной экспертизы самими государственными органами. В федеральных органах исполнительной власти, Министерстве юстиции и прокуратуре экспертиза нередко проводится лишь ради соблюдения формальных требований регламента, а не с целью действительного выявления коррупциогенных факторов [4, с. 12–15].

Сотрудники, ответственные за ее проведение, зачастую ограничиваются беглым просмотром текста, не вникая в глубинные правовые конструкции и возможные коллизии [2, с. 126]. Красноречивым свидетельством формализма является тот факт, что одни и те же коррупциогенные факторы на протяжении многих лет переходят из одного законопроекта в другой. Особенно это касается таких типичных нарушений, как использование формулировок «вправе» и «может» вместо императивного «обязан», неопределенных понятий вроде «иные основания» или «в исключительных случаях» без раскрытия их содержания.

Наконец, третья группа проблем касается игнорирования результатов экспертизы на стадии принятия окончательных решений. Даже в тех случаях, когда экспертиза проведена качественно и выявлены реальные коррупциогенные факторы, законодательные и исполнительные органы далеко не всегда спешат их устранять [4, с. 35–37]. Особенно часто это происходит при рассмотрении так называемых оперативных законопроектов, которые проводятся в ускоренном режиме.

Действующее законодательство не предусматривает эффективных механизмов контроля за устранением выявленных коррупциогенных факторов и не устанавливает никакой ответственности для разработчиков, проигнорировавших обоснованные замечания экспертов [5].

Заключения Министерства юстиции, выносимые при государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти носят императивный характер [3]. Однако парадокс заключается в том, что такие заключения выносятся уже в отношении готовых, принятых и направленных на регистрацию актов, тогда как потенциал предварительной редакции законопроектов от коррупциогенных норм на стадии их разработки, где как раз и должны играть ключевую роль независимые эксперты и внутриведомственные проверки, используется явно недостаточно.

Институт антикоррупционной экспертизы занимает важное место в системе профилактики коррупции и совершенствования российского законодательства. Однако проведенный анализ показывает, что в настоящее время его эффективность существенно снижается из-за ряда системных проблем. Главные из них – рекомендательный характер заключений независимых экспертов, формальный подход государственных органов к проведению экспертизы и отсутствие реальных механизмов, обязывающих разработчиков устранять выявленные коррупциогенные факторы.

Для изменения ситуации необходимо законодательно усилить статус независимой экспертизы, конкретизировать методику выявления коррупциогенных факторов и ввести ответственность за игнорирование обоснованных экспертных заключений.

Литература

1. Аккредитация юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: minjust.gov.ru (дата обращения: 04.03.2026).

2. Магомедов Р.М. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов в России. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.

3. Нормативное правовое регулирование проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. URL: https://to02.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/14/normativnoe-pravovoe-regulirovanie-20102023/ (дата обращения: 04.03.2026).

4. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики: научно практ. пособие. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 160 с.

5. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 29. Ст. 3609.

***Е.М. Ратнер**, курсант 4 курса*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Т.Г. Нечаева**, канд. юрид. наук*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕЗАКОННЫЕ КЛИНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА

Современное законодательство Российской Федерации в области медицины характеризуется не только широким механизмом, регулирующим общий порядок, но и динамичным стремлением детального нормативного регулирования отдельных направлений оказания медицинской помощи гражданам. Виды, условия, формы такой помощи раскрываются в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и конкретизируются в других правовых актах. Медицинская помощь направлена на сохранение либо восстановление состояния здоровья посредством предоставления соответствующих медицинских услуг. При этом медицинская услуга рассматривается как медицинское воздействие, ориентированное на предупреждение болезней, установление диагноза, проведение терапии, а также реабилитационные мероприятия медицинского характера.

В свою очередь, наряду с нормативно-правовой базой, которая регулирует законный порядок обеспечения всей «*медицинской работы*», законодателем в целях предупреждения и пресечения нарушений в виде деяний, носящих в себе общественную опасность, в Уголовном кодексе Российской Федерации сформирован перечень преступлений, которые можно отнести к «медицинским» (общие: ст. 109, 118, 122 УК РФ; специальные: ст. 123, 124, 235, 293 УК РФ).

В последнее время среди исследователей-правоведов выделяется проблема, которая связана с таким незаконным медицинским вмешательством, как незаконное проведение клинических исследований в отношении людей, не давших на это предварительного согласия.

Одним из первых в России факт проведения опытов над людьми исследовал врач А.Ф. Шафонский в работе на тему: «Описание моровой язвы, бывшей

в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений» [5]. В XVIII веке в Москве многие жители погибали от чумы. Однако врачами была создана особая смесь порошка, которая служила дезинфектором. Зараженные вещи окунали в экспериментальные смеси, которые тестировали на роль дезинфектора, надевая на приговоренных к пожизненному лишению свободы либо смертной казни. В течение нескольких дней за заключенными наблюдали и сверяли показатели их жизнедеятельности. Если показатели были в норме, то считалось, что препарат прошел проверку, хотя автор отмечал множественные летальные исходы.

Казалось бы, история незаконных опытов над людьми не могла повториться в эпоху современности, однако это не так. В современном мире также присутствуют случаи проведения клинических исследований над людьми незаконно.

К примеру, 03.02.2022 стал известен резонансный случай в государственном республиканском детском доме в Карачаево-Черкесской республике. В нем, по некоторым освещенным в СМИ данным, над детьми-сиротами проводились клинические исследования прививки от коронавируса для выяснения побочных эффектов [4]. Поскольку долгосрочное действие прививки от коронавируса было не исследовано, перед врачами стояла задача найти такой препарат, который мог быть в дальнейшем применен в масштабном порядке на детях России. Упомянутые исследования производились в нарушении принципа добровольности, в соответствии с которым запрещено проводить эксперименты с участием детей-сирот [6].

Ранее общественной огласке была предана информация о проведении клинического исследования в г. Волгограде, начатого в 2005 году и продолжавшегося до 2007 г. [2, 3]. Согласно сведениям от официальных представителей органов прокуратуры Российской Федерации, под видом импортной эффективной вакцины детям в детской поликлинике города вкололи препарат, который участвовал в исследовании. Британская фармацевтическая компания «ГлаксоСмитКлайн» исследовала новую вакцину, чтобы вывести ее на рынок продаж. В Волгограде, согласно договору с фармацевтической компанией, железнодорожная поликлиника применила в опыте две такие вакцины. С целью обойти закон, данную вакцину тестировали под видом обычного отечественного препарата, который используется при прививках детей. Не обошлось без осложнений: были зафиксированы жалобы от законных представителей детей о том, что у некоторых из них ослабла после прививки иммунная система, появилась высокая температура, в отдельных случаях высыпания, раздражения на коже. В результате ситуация стала достаточно нашумевшей, от чего появилась необходимость вмешательства правоохранительных органов, которыми и было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в», ч. 2 ст. 238 УК РФ («Выполнение работ и оказание услуг, не отвечающих требованием безопасности, если они совершены в отношении товаров, работ, услуг, предназначенных для детей в возрасте до 6 лет»).

Соответственно, исходя из представленных и проанализированных выше примеров, когда в отношении людей, не предоставивших предварительно свое-

го согласия, проводились клинические исследования, стоит обратить внимание на сам факт относительной распространенности подобного в России. Более того, выявленные случаи – это лишь возможная малая часть от общего числа, поскольку нельзя исключать латентность подобных деяний.

Вместе с этим стоит отметить, что проведение незаконного клинического исследования в отношении человека заключается в совершении определенного комплекса действий, направленных на исследование физиологических, биологических или психологических проявлений организма испытуемых, подверженных экспериментальной обработке. Под экспериментальной обработкой в данном контексте понимаются любые действия, связанные с: 1) использованием медицинских сертифицированных или не сертифицированных препаратов путем введения в организм человека через кровеносную, мышечную, пищеварительную системы или в кору головного мозга; 2) проведением медицинских операций на коже, волосяном покрове, относительно системы органов; 3) созданием для испытуемого человека несвойственной среды обитания, определенным образом негативно влияющей на организм на определенный промежуток времени.

Резюмируя изложенное, в первую очередь важно отметить, что институт привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений в области медицины в настоящее время достаточно разнообразен. Однако в условиях современного времени возникла проблема, связанная с отсутствием юридического механизма привлечения к такой ответственности лиц, которыми были проведены незаконные клинические исследования в отношении людей, не давших предварительного согласия. В связи с этим имеется необходимость для законотворческой деятельности органов власти по разработке и юридическому закреплению нового состава преступлений в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» – «Незаконное проведение клинических исследований».

Литература

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. URL: https://un.org (дата обращения: 11.03.2026).

2. На детях поставили лекарственный эксперимент. Репортаж. Новости НТВ от 01.03.2007. URL: https://www.ntv.ru (дата обращения: 10.03.2026).

3. Плановая вакцинация детей от кори, оспы и краснухи закончилась в Волгограде судебными осложнениями. URL: https://www.ntv.ru/novosti (дата обращения: 10.03.2026).

4. Сиротпром пошел на клиническое исследование с вакцинацией: в России ведут испытания на детях. URL: https://tsargrad.tv (дата обращения: 10.03.2026).

5. Шафонский А.Ф. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений URL: https://rusneb.ru (дата обращения: 10.03.2026).

6. Об обращении лекарственных средств [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ.

в силу с 01.03.2026) (статья 43). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Е.И. Рафикова, *курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Квасников, *канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИИ

Стремительное развитие цифровых технологий в XXI в. существенно изменило характер общественных отношений, а также поставило перед государством новые задачи правового регулирования. Одним из наиболее значимых технологических явлений последних лет стало распространение систем искусственного интеллекта, включая нейросетевые алгоритмы, способные выполнять интеллектуальные задачи, анализировать большие объемы данных и создавать новый цифровой контент. Активное внедрение таких технологий в экономику, образование, медицину и правоохранительную деятельность способствует научно-техническому прогрессу, однако одновременно формирует новые угрозы общественной безопасности.

В научной литературе искусственный интеллект рассматривается как совокупность технологий, позволяющих компьютерным системам имитировать отдельные аспекты человеческой интеллектуальной деятельности, обрабатывать огромные массивы информации и создавать новые цифровые продукты, включая аудио- и видеоматериалы, которые могут выглядеть полностью достоверными для человека. Именно развитие таких технологий привело к появлению феномена дипфейков – искусственно сгенерированных изображений, аудио- и видеозаписей, имитирующих голос или внешность конкретного человека.

Практика последних лет демонстрирует, что использование преступниками технологий искусственного интеллекта приводит к возникновению новых способов совершения преступлений, включая мошенничество, шантаж, клевету, распространение порнографических материалов, а также информационные манипуляции в политической сфере. Например, известны случаи, когда злоумышленники создавали аудиозаписи с использованием нейросетей, имитируя голос знакомого человека и обращаясь с просьбой перевести денежные средства. В другом случае преступники использовали дипфейк-видеосвязь для имитации общения с руководителем компании, в результате чего бухгалтер перевела мошенникам значительную сумму денежных средств [2].

В российском праве на сегодняшний день отсутствует комплексное уголовно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за отдельные деяния, которые могут быть совершены с использованием нейросетей, например, мошенничество (ст. 159 УК РФ), клевету (ст. 128.1 УК РФ), нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Однако данные нормы не учитывают специфику преступлений, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта. Особую проблему представляет вопрос: если преступление совершено с использованием искусственного интеллекта, то кто должен нести ответственность? Считаем, что ответственность должна возлагаться на человека – разработчика, оператора или пользователя соответствующей технологии.

Подобной позиции придерживаются и представители общественных организаций. Так, глава Лиги безопасного интернета Екатерина Мизулина отмечает, что в ближайшие годы качество сгенерированного контента достигнет уровня, при котором отличить его от реального станет практически невозможно, что создаст серьезные риски для общественной безопасности. В этой связи необходимо разработать законодательные механизмы регулирования искусственного интеллекта и установить ответственность за злоупотребление такими технологиями [3].

В связи с этим возникает необходимость совершенствования уголовного законодательства. Представляется целесообразным дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации специальной нормой, устанавливающей ответственность за незаконное создание и распространение дипфейков. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», искусственный интеллект – это комплекс технологических решений позволяющий, имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [4].

В качестве одного из возможных вариантов может быть предложена новая уголовно-правовая норма:

Статья 137.1 УК РФ. Незаконное использование голоса и (или) изображения гражданина с применением технологий искусственного интеллекта.

1. Незаконное изготовление, распространение или публичная демонстрация цифровых материалов (дипфейков), содержащих изображение или голос гражданина, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта без его согласия и совершенных в целях введения в заблуждение, причинения вреда правам и законным интересам гражданина либо извлечения имущественной выгоды, наказываются штрафом в размере до 300 тыс. руб. либо обязательными работами на срок до 300 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года.

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении несовершеннолетнего;

б) с использованием служебного положения;

в) с целью совершения мошенничества, вымогательства или клеветы;

г) в отношении двух и более лиц, – наказываются штрафом до пятисот тысяч рублей либо лишением свободы на срок до двух лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия либо совершены в отношении государственного или общественного деятеля, – наказываются лишением свободы на срок до трех лет.

В примечании к данной статье следует закрепить определение дипфейка как цифрового продукта в виде изображения, звука или их сочетания, полностью или частично сгенерированного с использованием нейросетевых технологий.

Предложенные изменения позволят устранить существующий пробел в уголовном законодательстве и создать правовую основу для борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием искусственного интеллекта [1, с. 376].

Таким образом, развитие технологий искусственного интеллекта требует своевременного реагирования со стороны уголовного законодательства. Несмотря на очевидные преимущества цифровых технологий, их использование может создавать новые формы преступности, включая распространение дипфейков и манипулирование информацией. В современных условиях наиболее обоснованным является подход, согласно которому лица, использующие искусственный интеллект в преступных целях, должны нести ответственность в соответствии с уголовным законом.

Литература

1. Белых Е.С. Грабчев М.А. К вопросу о введении уголовной ответственности за изготовление дипфейков в преступных целях // Право и управление. 2024. № 5. С. 372–377.

2. В Сбере рассказали об использовании мошенниками технологии дипфейк. URL: https://lenta.ru/news/2023/03/04/dpfk/?ysclid=mmma1wyyy1191695868 (дата обращения: 13.03.2026).

3. Мизулина: регулирование ИИ необходимо для защиты от фейков. URL: https://myurist.online/news/mizulina-regulirovanie-ii-neobhodimo-dlya-zashchity-ot-feykov?ysclid=mmm9icfep2985930829 (дата обращения: 13.03.2026).

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный рессурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***У.А. Росинская**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А. Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ГРАБЕЖИ И РАЗБОИ

Изучение личности преступника для таких преступлений как грабежи и разбои имеет особое значение, поскольку данные противоправные деяния часто планируются, могут быть групповой деятельностью, требуют определенной «профессии» – навыков, собранности, способности к взаимодействию с другими, принятию риска и готовности к насилию.

Личность преступника, совершающего преступления корыстно-насильственного характера, определяется особенностями, которые имеют социальные, психологические, демографические и криминальные черты. Формирование такой личности происходит под влиянием множества факторов, носящих негативный характер, к которым криминологи относят условия социализации, недостатки воспитания и психологические особенности индивида.

Отметим, что грабежи и разбои имеют общую корыстную направленность, но различаются по характеру насилия, степени планирования, психологическому напряжению и уровню криминального риска. Соответственно, их совершает не одинаковая категория лиц, а различные психологические и социальные типы, хотя между ними существует пересечение.

В криминологии существует несколько типологий преступников.

Это эндогенные преступники (те, у которых есть системная предрасположенность к преступлению: внутренние установки, склонности, устойчивое криминальное мировоззрение, «преступная профессия») и экзогенные или ситуативные (лица, совершившие преступление под воздействием обстоятельств: стресса, давления, спонтанной возможности. У них могут быть дефекты психической саморегуляции, слабый самоконтроль, импульсивность).

Согласно статистическим данным, большинством криминальных личностей, совершающих такие преступления, как грабежи и разбои, являются мужчины. Данный факт объясняется тем, что при совершении таких преступлений, субъекту необходимо применять физическую силу в целях завладения чужим имуществом, чего некоторые женщины сделать не в состоянии. Женщины же участвуют главным образом в групповых нападениях или выполняют вспомогательные роли.

Что касается возраста преступников, то наблюдается активность от 16 до 35 лет. Более того, отметим, что наиболее криминогенно активной группой являются граждане в возрасте от 18 до 25 лет, когда социальная адаптация еще не завершена, а потребность в материальных благах высока.

Значительная доля грабежей, особенно совершаемых в группе, приходится на несовершеннолетних преступников в возрасте от 14 до 17 лет. Для них характерно совершение преступлений под влиянием одобрения сверстников или лиц, которые выступают авторитетом, ради самоутверждения или из-за дефицита средств [2].

Что касается психологического портрета субъектов рассматриваемых преступлений, то такие лица характеризуются сочетанием эмоциональной неустойчивости, искаженной системы ценностей и высокой готовности к агрессии.

Кроме того, выделяют эмоциональные особенности: повышенная эмоциональная возбудимость, низкая стрессоустойчивость, низкий уровень эмпатии, агрессивность, диссоциативные черты.

Следует отметить, что высокая склонность к насилию, особенно для разбоев, является ключевой чертой. Преступник, совершающий грабеж или разбой часто имеет легкую возбудимость, импульсивность и не имеет склонность к эмпатии.

С нравственно-психологической точки зрения лица, совершающие грабежи и разбои, выражают явление криминальной зараженности общества, в котором преступные образцы поведения не встречают должного осуждения и отпора, а несвоевременное выявление преступников позволяет им обрести криминальный опыт и увериться в собственной безнаказанности [1, с. 183].

Корысть является доминирующим мотивом и ключевой особенностью личности. Она складывается из преобладания потребительских установок над социально одобряемыми, стремлением к немедленному удовлетворению своих потребностей и желаний и восприниманием чужого имущества в качестве объекта, который можно незаконно легко и быстро присвоить.

Критическим фактором является совершение преступлений в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Опьянение снимает внутренние психологические барьеры и ослабляет самоконтроль, что повышает агрессивность и импульсивность, способствуя переходу от простого хищения к насильственному.

Несмотря на то, что категории преступников, совершающих грабежи и разбои, объединены корыстно-насильственным мотивом, между ними существуют определенные различия, отражающие разный уровень криминальной зрелости и опасности.

Что касается грабежа, то здесь преобладают ситуативные, незапланированные преступления. При этом субъект склонен применять насилие, не опасное для жизни человека. В отличие от грабежа, лицо, совершающее разбой представляет повышенную опасность и более высокую степень криминального профессионализма.

Зачастую разбой требует предварительной подготовки, например, выбор объекта, изучение маршрута, подготовка оружия. Кроме того, высокая доля разбоев совершается в группе, что требует определенного уровня планирования и координации. Также лицо, совершающее разбой, демонстрирует высокую го-

товность к причинению тяжкого вреда или убийству для достижения корыстной цели.

При этом у преступников, совершающих разбойные нападения, выше уровень сознательной агрессии, цинизма, криминального опыта.

Как уже упоминалось ранее, большое влияние на личность преступника оказывает его окружение. Так, преступное поведение в форме грабежа и разбоя часто является результатом длительной социальной дезадаптации и психологического отчуждения.

При этом мотивационный аспект рассматриваемых видов преступлений, может быть как внешним, так и внутренним. К внешним факторам относят: низкий социальный статус, безработицу, бедность, отсутствие социальных лифтов. К внутренним же: ощущение себя в качестве жертвы социальной несправедливости, а также использование агрессии в качестве механизма защиты от враждебной социальной среды.

Таким образом, личность преступника, совершающего грабежи и разбои, представляет собой сложный комплекс социально-демографических и психологических признаков. Грабители и разбойники отличаются типологическими и психологическими особенностями: уровнем агрессии, мотивацией, самоконтролем, степенью криминализации, характером волевой регуляции и групповой вовлеченностью.

Грабеж чаще связан с импульсивностью, социальной дезадаптацией, низким самоконтролем; разбой – с организованностью, выраженной агрессивностью и устойчивыми антисоциальными установками.

Понимание этих особенностей важно для разработки эффективных мер профилактики, криминологического прогнозирования и построения индивидуальных программ исправления осужденных.

Литература

1. Криминология: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Гладких. М.: ЮСТИЦИЯ, 2021. 474 с.

2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 10.04.2026).

***Д.Е. Ротэрмиль**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ: АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ Ю.М. АНТОНЯНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Преступность как социально-правовое, относительно массовое и исторически изменчивое явление, представляющее собой совокупность всех совершенных преступлений на определенной территории за определенный период времени является одной из составляющих всего криминологического учения.

Данное явления всегда было, есть и будет являться проблемным и дискуссионным вопросом, т. к. само по себе оно формируется под воздействием различных факторов и с течением времени требует внимания со стороны исследователей.

Одним из выдающихся таких исследователей является российский криминолог Ю.М. Антонян, вклад которого в разработку проблемы преступности, трудно переоценить. В своих работах он предлагает рассматривать причины преступности не только через совокупность социальных явлений и условий, но и через призму внутренних признаков личности преступника [1, с. 12].

В криминологической теории основным подходом к объяснению преступности являлся тот, что рассматривал причины преступности в зависимости от социально-экономических обстоятельств.

К таковым относятся: социальное неравенство, безработица, низкое материальное благополучие, влияние семьи и иные факторы. Но в итоге мнение сводится к тому, что данный подход не обеспечивает понимания природы преступного поведения.

Сам Ю.М. Антонян отмечал, что даже если признать, что нужда и бедность могут выступать важными причинами преступности, остается открытым вопрос о том, «почему совершают преступления представители материально обеспеченных групп населения, не говоря уже о богатых людях» [1, с. 10]. Данное умозаключение показывает, что проблема требует более пристального внимания, нежели ей уделяется путем сведения ее решения к материальным обстоятельствам.

Ю.М. Антонян считает, что именно совокупность социальных условий и особенности личности человека формирует преступное поведение. Безусловное влияние оказывает именно внешняя среда, но то, что конкретно заставляет человека совершать противоправные действия заложено непосредственно в восприятии самим преступником окружающего мира и происходящих в нем событий. Изоляция, отчужденность и непринадлежность к социальному миру

может стать присуще человеку в любой момент его жизни, и именно эти факторы станут ключевыми на этапе формирования преступного поведения, однако стоит заметить, что «далеко не всегда отчуждение приводит к преступному и иному отклоняющемуся поведению» [1, с. 29]. Тем не менее определенные жизненные обстоятельства и «триггеры» могут создать предпосылки девиантного поведения человека.

Внимание Ю.М. Антонян уделяет внутренним психологическим переживаниям личности. Состояние тревоги, ощущение угрозы со стороны окружающего мира, эмоциональные потрясения и внутриличностные конфликты, как по отдельности, так и в совокупности формируют то преступное, не иначе как «особое» восприятие действительности человеком. Как следствие, формируются реакции, сопровождающиеся агрессией, озлобленностью, ненавистью, в голове зарождаются и прорабатываются противоправные способы решения этих «триггеров», под которыми мы понимаем тяжелые жизненные обстоятельства. Поэтому важность изучения внутреннего состояния личности преступника обретает важность в утверждениях российского криминолога, поскольку иногда и сам человек не может до конца разобраться в причинах своего поведения, не может даже назвать момент осознания им противоправности своих действий.

Говоря про актуальность данного учения Ю.М. Антоняна, нельзя не заметить, что, как и в любой период времени, любое общество претерпевает изменения, в особенности наше. Ведь за эти годы произошло серьезное становление рыночной экономики, до сих пор происходят изменения социальной структуры. И, как следствие, характерной особенностью нашего современного мира стало все более заметным «резкое расслоение общества на очень богатых и очень бедных», что, по мнению Ю.М. Антоняна, представляет собой серьезный криминогенный фактор, поскольку подобная ситуация способна порождать зависть, недоверие, страх и иные различные формы социального напряжения [1, с. 118].

Само по себе социальное неравенство никогда не являлось прямым следствием преступности, но психологические явления, формирующейся под влиянием данного социально-экономического фактора, в сознании общества оказывают большое влияние на поведение людей. Чувство несправедливости, недоверия к государственной власти, отсутствие социальной поддержки и перспектив на будущее – те ощущения, которые испытывает значительная часть населения. Как следствие, снижается авторитет правовых норм и законных способов достижения материального благополучия.

Трансформируется и система общественных ценностей. Экономические и культурные новшества, в особенности их быстротечность, приводят к снижению устойчивости традиционных моральных ориентиров. Результат этого выражается в разрушении у людей границ дозволенного поведения, формировании терпимости к противоправным действиям и снижении уровня правосознания.

Таким образом, анализируя концепцию Ю.М. Антоняна, можно сделать вывод о том, что преступность – это всегда результат взаимодействия целого комплекса факторов, внешних и внутренних. Среда, которая формируется под

влиянием социально-экономических явлений, в свою очередь формирует психологические особенности личности человека. И не менее важную роль играют жизненный опыт, характер восприятия личностью окружающего мира и психологического отношения к нему. Именно поэтому комплексный подход должен присутствовать и в предупреждении преступности, а не только в ее анализе, необходимо учитывать не только внешние социальные, но и внутренние психологические аспекты преступного поведения человека.

Литература

1. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2006. 304 с.

***Д.Д. Рубцов**, слушатель 4 курса*
Казанский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.Ф. Муксинова
Казанский юридический институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕДДИПЛОМНОЙ ПРАКТИКИ)

В настоящее время, по данным ГИАЦ МВД России, самым распространенным преступлением является кража. Так, в 2025 г. в России зафиксировано 453 338 преступлений, совершенных по ст. 158 УК РФ (кража). Если сравнивать с 2024 г., то их число сократилось на 46 тыс. По данным статистики, в 2025 г. зарегистрировано 14,4 тыс. грабежей (ст. 161 УК РФ), 2,5 тыс. разбоев (ст. 162 УК РФ).

Хищением, согласно примечанию 1 ст. 158 УК РФ, является безвозмездное неправомерное изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу или пользу иных лиц с корыстной целью, которое причинило имущественный ущерб лицу, являющемуся собственником или владельцем такого имущества. Из данного понятия вытекают несколько характерных черт, традиционно выделяемых теорией уголовного права в качестве обязательных признаков хищения: 1) Предметом преступления является чужое имущество, т. е. не принадлежащее виновному и не находящееся в его законном владении; 2) Безвозмездность изъятия, т. е. невозвращение изъятого у собственника имущества и неполучение им эквивалентного возмещения за это имущество; 3) Противоправность изъятия, т. е. незаконность, изъятие имущества с нарушением законодательных норм, «без спросу»; 4) Изъятие – это начальное действие всех форм хищения, за исключением присвоения и растраты, которое заключается в исключении имущества из владения собственника или другого лица, которое владеет данным имуществом на законных основаниях; 5) Обращение ха-

рактеризуется использованием полученного имущества в свое пользование и распоряжение, виновный становится новым собственником похищенного имущества; 6) Корыстная цель – виновное лицо осознает преступный характер совершаемых действий и желает получить выгоду материального характера;

Кража (ст. 158 УК РФ) – тайное хищение чужого имущества, грабеж (ст. 161 УК РФ) – открытое хищение чужого имущества, разбой (ст. 162 УК РФ) – нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

В ходе прохождения преддипломной практики в оперативном подразделении отдела полиции по г. Кирову нами обнаружено, что в повседневной служебной деятельности даже у опытных сотрудников ОВД возникают трудности с квалификацией хищений. По нашим наблюдениям, больше всего вопросов, связанных с отграничением форм хищения, связаны с ситуациями так называемого перерастания краж в более тяжкие формы хищения, такие как грабеж или разбой.

Так, 4 февраля 2026 г. в УМВД России по г. Кирову в КУСП было зарегистрировано заявление по факту кражи из магазина «Пятерочка». Неустановленное лицо тайно, из корыстных побуждений, путем свободного доступа похитило имущество, принадлежащее ООО «Агроторг» на общую сумму 3555 рублей. В этот же день было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 158 УК РФ. В ходе дополнительной оперативной работы по уголовному делу, направленной на раскрытие преступления, было установлено, что, когда виновное лицо, покидало магазин, минуя расчетно-кассовую зону, ему вслед кричали кассир и администратор магазина, чтобы он остановился и заплатил за изъятый товар. Впоследствии следователем СУ УМВД России по г. Кирову было принято решение о переквалификации деяния с ч. 1 ст. 158 УК РФ на ч. 1 ст. 161 УК РФ (грабеж). Данное решение следователя полностью соответствует п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29: «Если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж» [1].

Встречаются ситуации, когда кража перерастает не просто в грабеж, а даже в разбой. Так, 27 января 2026 г. гр. А. проходила мимо ТЦ «ЛЕТО». В этот момент у проходящего рядом с ней гр. Б. появился умысел на хищение из сумки гр. А. сотового телефона модели iPhone стоимостью 50 000 рублей. После чего гр. Б., действуя скрытно, приступил к хищению указанного имущества и тайно изъял из сумки гр. А указанный сотовый телефон. Однако гр. А., заметив противоправные действия в отношении нее, начала оказывать сопротивление и попыталась отнять сотовый телефон, из-за чего гр. Б. применил кастет, нанеся гр. А. вред здоровью средней тяжести. По данному факту следователем изначально было возбуждено уголовное дело по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ в совокупности с ч. 1 ст. 112 УК РФ. Однако впоследствии обоснованно переквалифицировано на ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Также хочется отметить, что большинство преступников воспринимают кражу как повседневную работу. Приведенная статистика, где просматривается убывающая динамика числа краж, во многом, на наш взгляд, объясняется тем, что многие преступники давно научились разграничивать кражу от мелкого хищения. Основным критерием разграничения является сумма причиненного материального ущерба. Сумма материального ущерба, предусмотренная за мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП) не должна превышать 2500 руб. Наличие отягчающих признаков кражи, предусмотренных УК РФ, исключает квалификацию административно наказуемого мелкого хищения независимо от имущественного ущерба, причиненного потерпевшему. К указанным признакам относятся: совершение кражи группой лиц по предварительному сговору; с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем; совершенная с незаконным проникновением в жилище; совершенная организованной группой.

При квалификации преступного деяния особое внимание необходимо обратить на цель совершаемого деяния. Так, если противоправные действия были направлены на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику, то такие деяния подлежат квалификации по ст. 330 УК РФ.

Некоторые проблемы возникают на практике при определении размера причиненного ущерба собственнику. Значительный ущерб не может быть менее 5000 руб., крупным ущербом признается стоимость имущества, превышающая двести 50 000 руб., а особо крупным – 1 млн руб. Однако при квалификации действий лица необходимо учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство. Так, при расследовании, например, магазинных краж, в первую очередь запрашивается справка об ущербе, в которой в обязательном порядке указывается стоимость товара без учета НДС, стоимость товара с учетом НДС и розничная стоимость товара. При квалификации деяния причиненный собственнику материальный ущерб определяется по розничной стоимости товара.

Преддипломная практика показала, что несмотря на то, что хищения являются самыми распространенными преступлениями, с которыми сталкиваются сотрудники ОВД, у них довольно часто возникают проблемы, связанные с квалификацией таких деяний. С уголовно-правовой точки зрения считаем, что необходимо законодательно повысить размеры значительного, крупного и особо крупного ущерба, указанные в примечаниях 2 и 4 к ст. 158 УК РФ, а также сумму в 2500 рублей, разграничивающую кражу и мелкое хищение. Особенно актуально это предложение в тех случаях, когда потерпевшими в хищении становятся юридические лица (магазины, банки). Такие незначительные для них суммы нередко приводят к признанию хищения малозначительным деянием.

Литература

1. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***В.Д. Рущук**, студент 3 курса*
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Научный руководитель:
***О.В. Ермакова**, доктор юрид. наук, доцент*
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «СЕТЕВЫХ ПОНЯТИЙ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Современное уголовное право все чаще оперирует цифровыми категориями, поскольку через информационно-телекоммуникационные сети (далее – ИТС) совершается значительная часть преступлений: от мошенничества и незаконного оборота запрещенных товаров до экстремистских и террористических преступлений, а также преступлений в сфере компьютерной информации. В зависимости от конструкции конкретного состава, ИТС может выступать обязательным признаком состава, квалифицирующим признаком либо самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. В связи с этим особое значение приобретает разграничение понятий, связанных с ИТС, закрепленных в уголовном законодательстве.

Основная проблема видится в том, что в уголовном законе отсутствует единая терминология, следовательно, в настоящее время существует потребность раскрыть «сетевые понятия», используемые в Особенной части УК РФ. Тем более, что большая часть этих понятий имеет иноотраслевую природу.

Наиболее общим понятием необходимо признать ИТС, поскольку это целая технологическая система, существующая для передачи информации (ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ). При этом сеть Интернет входит в указанное понятие в качестве одного из видов (п. 17 ППВС РФ от 15.12.2022 № 37).

«Сеть связи общего пользования» – это более узкая телекоммуникационная категория, она ограничена сетями электросвязи, теле и радио каналами (ФЗ «О связи» от 07.07.2003 № 126-ФЗ). В УК РФ это понятие используется точечно: прежде всего в ст. 274.2, где уголовно-правовая охрана распространяется на правила централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования ИТС.

Центральным понятием главы 28 УК РФ выступает «компьютерная информация» – это сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов (примечание к ст. 272 УК РФ) [2, с. 12-23].

Как указывает М.А. Ефремова, использование ИТС в Особенной части УК РФ чаще всего выступает как квалифицирующий признак, усиливающий ответственность, потому что сетевой способ совершения преступления повышает его общественную опасность: обеспечивает дистанционность, анонимность, массовость и быстроту распространения информации [1, с. 105].

Такой подход прямо виден, например, в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, где публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, оправдание терроризма или пропаганда терроризма, совершенные с использованием СМИ либо электронных или ИТС, в т. ч. сети Интернет, образуют квалифицированный состав. Аналогичная техника используется и в иных статьях, где сетевой канал позволяет расширить аудиторию либо облегчить доступ к потерпевшему: например, в п. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 2 ст. 260.1, п. «в» ч. 2 ст. 354.1, ч. 4 ст. 354.1 УК РФ и др.

Тот же прием законодатель использует и в п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Здесь использование СМИ или ИТС, важно не само по себе, а как способ публичной демонстрации убийства. Иначе говоря, ИТС усиливает общественную опасность деяния потому, что делает его открытым для неопределенного круга лиц, увеличивает масштаб информационного воздействия и придает преступлению демонстративный характер. Именно поэтому законодатель выделяет такой способ в самостоятельный квалифицирующий признак. Аналогичная логика прослеживается и в других составах, где ИТС используется не просто как канал связи, а как средство публичного распространения или демонстрации противоправного поведения: например, в п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч.2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.2, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258.1, п. «б» ч. 3 ст. 260.1 и т. д.

Еще одна группа составов связана с распространением запрещенных материалов и незаконным оборотом предметов, когда сеть используется как канал массового сбыта или публичного распространения. Законодатель исходит из того, что сетевой способ позволяет быстро находить потребителей, расширять круг адресатов и скрывать реальный механизм сбыта, что объективно повышает общественную опасность деяния. Аналогичная логика прослеживается в п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 4 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222.1, п. «в» ч. 5 ст. 222.1, п. «в» ч. 3 ст. 222.2, п. «в» ч. 5 ст. 222.2, п. «д» ч. 2 ст. 230, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 242.2 и др.

Однако даже для введения соответствующего квалифицирующего признака, в ряде случаев законодатель использует различную терминологию. Так, в ч. 2. ст. 205.2 , п. «б» ч. 2 ст. 228.1 , «б» ч. 2. ст. 258.1 , ч. 2. ст. 280.1 УК РФ есть указание еще и на «электронные сети». В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 разъясняется, что для целей уголовного законодательства понятия электронных и ИТС не разграничиваются. Таким образом, хотя судебное толкование устраняет терминологиче-

ские разногласия в законе, с точки зрения юридической техники их устранение все же необходимо, т. к. судебные органы не должны выполнять законодательные функции.

Таким образом, содержательное соотношение «сетевых» понятий имеет иерархический характер. ИТС – это родовое понятие, которое охватывает любую сеть, обеспечивающую передачу информации с использованием средств вычислительной техники; интернет – частный случай ИТС, глобальная и общедоступная сеть; сеть связи общего пользования – инфраструктурная категория из законодательства о связи. Именно поэтому в УК РФ законодатель иногда пишет просто «информационно-телекоммуникационные сети», иногда добавляет «(в том числе сеть Интернет)», а иногда прямо называет интернет и сеть связи общего пользования как самостоятельные объекты регулирования.

Из этого следует то, что одно и то же деяние, совершенное через интернет, обычно одновременно подпадает и под более общее указание на ИТС, и под конкретную норму, если она специально выделяет интернет. Но если законодатель говорит именно об интернете, это значит, что ему важно не просто сетевое средство как таковое, а глобальный публичный характер канала распространения или доступа.

Представляется необходимым дальнейшее совершенствование законодательной техники [3, с. 133–138]: унификация сетевых понятий, их закрепление на уровне УК РФ, а также выработка более четких критериев их уголовно-правового значения. Это позволит повысить определенность уголовного закона, обеспечить единообразие правоприменительной практики и более точно разграничивать роль ИТС в составе преступления.

Литература

1. Ефремова М.А. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 101–106.

2. Особенности квалификации и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учеб. пособие / И.В. Ботвин, О.В. Ермакова, О.М. Шаганова, М.А. Малетина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. 100 с.

3. Сорокун Н.С., Ермакова О.В. Особенности квалификации, выявления, устранения причин и условий совершения киберпреступлений на современном этапе // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3. С. 133–138.

***М.О. Савельева**, студент 2 курса*
Алтайский государственный педагогический университет

Научный руководитель:
***Н.А. Сапронова**, канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский государственный педагогический университет

ДИНАМИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

На сегодняшний день насильственная преступность, посягающая на половую неприкосновенность несовершеннолетних, затрагивает не просто права детей как будущего поколения, а ставит более острые вопросы, например, такие как: право на нормальное развитие и защиту от жестокого обращения, право воспитываться в семье без причинения эмоциональных, психических и физических травм. Все чаще преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних стали совершаться родными и приемными родителями, опекунами, родственниками.

Указанный вид преступности трансформируется, вид и личность преступника меняется (если раньше это были по большей части – незнакомые для несовершеннолетнего потерпевшего люди, то сегодня все чаще можно услышать о совершении преступлений кровными, приемными родителями, родственниками, людьми из близкого окружения несовершеннолетнего). В России каждая четвертая жертва изнасилований и почти каждая вторая жертва (42 %) насильственных действий сексуального характера – несовершеннолетняя [1, с. 350]. Обычно жертвами сексуального порочного отношения являются дети моложе 12 лет. Взрослые преступники пользуются тем, что в этом возрасте ребенок еще не понимает происходящего. Преступники используют все более изощренные способы заманивания жертвы, ее выслеживания, например, через интернет. Понятие педофилия из медицинского, психиатрического диагноза перешло в разряд юридических терминов, стало носить название «криминальной педофилии» [2, с. 758], хотя действующий УК РФ такого понятия не содержит.

Прежде всего, необходимо отметить, что в круг насильственных преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, входят такие составы, как: п «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ; п «а» ч. 3, п «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ; ч. 2 ст. 133 УК РФ, ст. 134 УК РФ, ст. 135 УК РФ. Сложность выявления данных преступлений заключается в том, что большинство совершаемых из них, носят латентный характер. Как отмечает А.О. Гринькова: «Высокий уровень латентности таких преступлений объясняется отсутствием заявлений от потерпевших, а не издержками в их регистрации» [1, с. 347]. Обращаясь к статистическим данным преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ и п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, следует отметить, что официальная статистика, публикуемая Судебным Департаментом при

Верховном Суде Российской Федерации, МВД России и Генеральной прокуратурой РФ, предоставляется только в агрегированном виде по ст.131 и 132 УК РФ в целом. В опубликованных данных отсутствует детализация по отдельным пунктам указанных статей, что не позволяет отдельно выделить преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних жертв, т. к. статистика включает в себя показатели как по преступлениям против несовершеннолетних, так и по аналогичным преступлениям, совершенным в отношении совершеннолетних лиц. Поэтому обратимся к динамике преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 133 УК РФ, ст. 134 УК РФ, ст. 135 УК РФ. В таблице 1 представлена динамика осужденных по отдельным видам преступлений, посягающим на половую неприкосновенность несовершеннолетних в РФ с 2021 по 2024 гг.

Таблица 1

Динамика осужденных по насильственным преступлениям,
посягающим на половую неприкосновенность несовершеннолетних
в Российской Федерации с 2021 г. по 1 полугодие 2025 г. [3]

	2021	**2022**	**2023**	**2024**	**1 полугодие 2025**
ч. 2 ст. 133 УК РФ	38	32	15	21	7
ст. 134 УК РФ	2592	2709	2701	2564	1036
ст. 135 УК	616	842	1000	1002	457

Анализ динамики количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 133, 134 и 135 УК РФ за период с 2021 по 2025 годы, позволил выявить следующие тенденции:

– количество преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 133 УК РФ стабильно сокращается;

– показатели преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ, характеризуются колебаниями, однако общее число остается высоким и значительным. Увеличение статистики в первые годы сменяется незначительным снижением в последующие годы

Наибольший прирост наблюдается по преступлениям, предусмотренным ст. 135 УК РФ. Здесь фиксируется стабильный ежегодный рост количества преступлений

Относительные показатели преступлений, посягающим на половую неприкосновенность несовершеннолетних (ч. 2 ст. 133 УК РФ, ст. 134 УК РФ, ст. 135 УК РФ), в Российской Федерации представлены в таблице 2.

Таблица 2

Относительные показатели количества осужденных
за насильственные преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних (ч. 2 ст. 133 УК РФ, ст. 134 УК РФ, ст. 135 УК РФ)
в Российской Федерации с 2021 по 2024 г.

Год	Количество осужденных за данные преступления	Темп роста, %	Темп прироста, %
2021	3246	100	-
2022	3583	110,38	+ 10,38
2023	3716	103,71	+ 3,71
2024	3587	96,53	- 3,47

Из представленных таблиц видно, что количество осужденных за насильственные преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних, с каждым годом снижается, однако преодолеть ее все равно не удается. Приведенные показатели рассматриваемого вида преступности основаны на материалах официальной статистики. Как отмечено С. М. Иншаковым, «криминологические исследования, посвященные изучению рассматриваемой проблемы, позволяют утверждать, что уровень фактически совершенных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних в России в несколько раз превышает уровень зарегистрированных» [4, с. 730]. Таким образом, динамика преступлений показывает, что, несмотря на некоторые успехи в сокращении отдельных видов насильственных преступлений, угроза продолжает существовать. Причины этого кроются в низкой осознанности, высоком уровне латентности и сложной демографической ситуации.

Литература

1. Гринькова А.О. Показатели насильственной преступности против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних // Аллея науки. М., 2023. № 11. С. 347–350.

2. Колбасин В.В. Педофилия как юридический термин (криминальная педофилия) // Правовая парадигма. М., 2025. № 2. С. 756–759.

3. Данные судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ: Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения:10.03.2026).

4. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ: Закон и право. 2012. 839 с.

В.А. Сидорова, *курсант 3 курса*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Н.Н. Кемова, *канд. юрид. наук*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СМЯГЧАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ, КАК ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Анализируя личность подсудимого, мотивы и обстоятельства преступления, суд стремится понять глубинные внутренние причины поступка. Институт смягчающих обстоятельств позволяет правоприменителю дать более точную оценку степени общественной опасности как самого деяния, так и личности виновного, а также его готовности к исправлению, делая наказание не только законным, но и справедливым. Ведь согласно ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), целями наказания являются восстановление справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений. На практике смягчающие обстоятельства помогают достичь этих целей, позволяя правоприменителю осуществить индивидуализированную оценку общественной опасности как содеянного, так и личности виновного.

Однако в настоящее время существует проблема, связанная с отсутствием единообразных критериев оценки смягчающих обстоятельств: суды по-разному трактуют одни и те же факты, что приводит к субъективизму и противоречивой практике. Подобная правовая неопределенность существенно затрудняет реализацию принципа справедливости. Все это указывает на необходимость научного анализа смягчающих наказание обстоятельств.

Смягчающие наказание обстоятельства на практике применяются с существенными нюансами. Рассмотрим ключевые из них:

1. Несовершеннолетие виновного. Данный пункт прямо закреплен в ст. 61 УК РФ и признается смягчающим в силу возрастных психологических особенностей и специфики волевой сферы подростков. И. В. Масалитина связывает такой подход с эмоциональной неустойчивостью несовершеннолетних, ограниченными навыками самоконтроля и колебаниями в поведении [3, с. 8]. Правоприменительная практика учитывает этот фактор практически автоматически, вне зависимости от тяжести содеянного, что вызывает критику со стороны ряда ученых. В частности, Г. И. Чечель высказывает позицию о недопустимости автоматического смягчения наказания при совершении тяжких и особо тяжких преступлений, полагая, что возраст не должен нивелировать общественную опасность деяния [7, с. 180].

2. Беременность. Буквальное толкование закона относит это обстоятельство исключительно к женщинам. Однако в ряде приговоров суды, руководствуясь ч. 2 ст. 61 УК РФ, учитывают беременность супруги или сожительницы подсудимого-мужчины как «иное» смягчающее обстоятельство. Это связывают

с социальной ролью мужчины в семье и его ответственностью за будущего ребенка. Дискуссионным остается вопрос о моменте, значимом для учета беременности. Анализ показывает наличие трех подходов: значение имеет сам факт беременности на момент преступления; учет допустим только при доказанной связи психофизиологического состояния женщины с мотивацией преступления; признание беременности приоритетным гуманистическим фактором, направленным на защиту материнства и детства, независимо от временных рамок. Современная практика движется по пути широкой оценки: суды принимают во внимание беременность как на дату преступления, так и на дату вынесения приговора, стремясь смягчить карательное воздействие с учетом реальной семейной ситуации [1, с. 10].

3. Наличие малолетних детей. Гражданский кодекс Российской Федерации определяет малолетних как лиц, не достигших 14 лет. Хотя законодатель использует множественное число («дети»), надзорные инстанции подтвердили допустимость учета данного обстоятельства и при наличии одного ребенка [4]. Ключевое значение для суда имеет не формальный статус родителя, а реальное участие лица в воспитании и содержании ребенка. Э.Ф. Габрохамова подчеркивает, что применение этой нормы требует от осужденного фактического выполнения социально значимых функций родителя [2, с. 68]. В приговорах все чаще встречаются формулировки «на иждивении находится малолетний ребенок» или «дети сожительницы находятся на содержании». Категория «иждивения» заимствована из трудового права и предполагает полное или преобладающее финансовое обеспечение. При отсутствии юридически зарегистрированного отцовства в отношении детей гражданской супруги, суду необходимо доказать реальную материальную поддержку и участие в воспитании.

4. Тяжелые жизненные обстоятельства. Пункт «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ сконструирован как оценочная норма и нуждается в конкретизации через судебную практику и разъяснения высших судов. К таким обстоятельствам обычно относят безработицу, резкое падение дохода, болезнь, инвалидность, необходимость ухода за престарелыми родственниками, многодетность, утрату жилья и иные кризисные события. Также по данному вопросу имеется разъяснение: «Под стечением тяжелых обстоятельств следует понимать объективно существовавшие на момент самовольного оставления части (места службы) неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военнослужащим как негативные обстоятельства, под воздействием которых он принял решение совершить преступление» [6].

Проведенный анализ правоприменительной практики позволяет зафиксировать устойчивую тенденцию к использованию судами права, предоставленного им ч. 2 ст. 61 УК РФ, признавать в качестве «иных» смягчающих обстоятельств факты, прямо в законе не названные. По наблюдению А.Н. Петрушенкова, такие обстоятельства встречаются в приговорах значительно чаще, чем прямо перечисленные законом, что отражает реальную потребность правосудия в гибкости и многофакторной оценке [5, с. 150].

Таким образом, корректное применение института смягчающих обстоятельств требует соблюдения важного принципа: не допускать двойного учета

одних и тех же фактов. Обстоятельства, смягчающие наказание, являясь частью общих начал назначения наказания, не должны подменять собой или дублировать иные данные о личности, уже учтенные судом. Недопустимо, когда одна и та же положительная характеристика сначала служит основанием для признания обстоятельства смягчающим, а затем повторно учитывается как иное положительное качество личности. Подобная практика создает искусственный перекос в сторону необоснованного смягчения, нарушая принцип соразмерности и справедливости наказания.

Литература

1. Арзамазова Д.А. Обстоятельства, смягчающие наказание, не вошедшие в перечень уголовного закона // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: мат-лы IV Междунар. научно-практ. конф-ции: в 2 т. Донецк, 2024.

2. Габрохамова Э.Ф. Признание наличия малолетних детей у виновного смягчающим наказание обстоятельством: проблемы правоприменения // Крымский научный вестник. 2018. № 4.

3. Масалитина И.В. Несовершеннолетие виновного как обстоятельство смягчающее наказание // Правовые проблемы укрепления российской государственности. 2014. Т. 62.

4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.05.2012 по делу № 11-Д12-28. URL: http://судебныерешения.рф/38482975 (дата обращения: 16.02.2026).

5. Петрушенков А.Н. Лейтмотив закрепления и реализации института обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1.

6. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 // Российская газета. 2023. 2 июня. № 120.

7. Чечель Г.И. Спорные вопросы назначения наказания несовершеннолетним // Общество и право. 2011. № 3.

***Ю.Н. Смолякова**, слушатель 5 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Д.В. Токманцев**, канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский юридический институт МВД России

ЛИЧНОСТЬ НАРКОПРЕСТУПНИКА И ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ В СФЕРУ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Понимание личности наркопреступника является ключом к эффективному противодействию наркопреступности. По структуре, предложенной В.В. Лунеевым, она включает социально-демографические, психологические и социальные характеристики, анализ которых позволяет не только составить портрет правонарушителя, но и выявить факторы, превращающие обычных людей в жертв наркотизации [5].

Чтобы получить целостное представление об этом феномене, необходимо обратиться к конкретным статистическим данным, которые раскрывают криминологический портрет наркопреступника. Вопреки стереотипам, ядро наркопреступности в Красноярском крае составляют не подростки, а лица 30-39 лет (718 человек в 2024 г.), хотя молодежь 18-29 лет также активно вовлечена (500 человек) [3]. Социальный статус типичного преступника маргинален: каждый второй не имеет постоянного дохода, а 1207 человек ранее уже привлекались к уголовной ответственности. Семейные связи разрушены – в браке состоят лишь 10 % [4]. Ключевой чертой данных личностей является неразрывная связь с потреблением: многие осужденные, например, А.Е. Дацкий, согласно судебно-медицинской экспертизе имеет хроническую зависимость от наркотических средств [7].

Однако за внешне единым портретом скрываются принципиально разные категории правонарушителей, что требует применения типологии преступников. Для выбора мер воздействия важно разделять их на две категории. Первая – это потребители, которые, как правило, совершают наркопреступления ради удовлетворения физической тяги. Среди них выделяются стадии от «экспериментаторов» до полностью зависимых больных. Ко второй категории относятся непотребители, представленные предпринимателями наркобизнеса, использующими сбыт наркотических средств как основной источник дохода. Данные личности особо опасны, т. к. действуют хладнокровно и профессионально, как, например, осужденный В.И. Долин, получавший от сбыта сотни тысяч рублей [8].

Изучение этих типов необходимо не только для понимания мотивов преступников, но и для анализа обратной стороны медали – механизма появления их жертв. Здесь мы подходим к изучению виктимологического аспекта наркопреступников. В сфере наркопреступности жертва и преступник часто переплетены: каждый наркозависимый ежегодно вовлекает от 5 до 17 новых лиц, тира-

жируя преступность [2]. Исследование выделяет две модели вовлечения. Первая – опосредованная: социальное отчуждение в семье или школе порождает тревожность, которую человек пытается заглушить в девиантной среде. Значимым является и кризис семьи. Так, согласно проведенному исследованию, 8 разводов приходится на 10 заключенных браков [1] и формализм образования семей создают питательную почву для этого. Вторая – прямая: давление микросреды, компании, где царит культ праздности и гедонизма, что напрямую втягивает индивида в потребление [9].

Понимание этих механизмов прямо подводит нас к вопросу о том, как должна строиться профилактика: от запугивания к пониманию? Виктимологическая профилактика должна учитывать эту градацию. Тактика устрашения неэффективна и порождает эффект «запретного плода». Необходимо честное информирование о последствиях и развенчание мифов о «легкости» лечения [10]. Работа должна быть дифференцированной: к «экспериментаторам» применимы воспитательные и психологические меры, к больным наркоманией – обязательное лечение и реабилитация.

Таким образом, возвращаясь к исходному тезису, можно утверждать, что личность наркопреступника и жертвы имеют общие социальные корни. Как подчеркивает Стратегия государственной антинаркотической политики, ключевая задача – развитие системы ресоциализации, которая разрывает порочный круг «жертва-преступник» [6]. Только профилактика, основанная на глубоком анализе их психологии и устранении причин отчуждения, способна снизить уровень наркотизации общества.

Литература

1. 8 из 10 союзов распадаются: главное о браках и разводах в России // РБК Тренды. URL: https://trends.rbc.ru (дата обращения: 01.03.2026).

2. Землюков И.С. Общественная опасность наркопреступлений: системный анализ // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. № 2. С. 185–196.

3. Информация о наркоситуации в Красноярском крае // Официальный портал Красноярского края. URL: http://www.krskstate.ru/safety/ank/info (дата обращения: 01.03.2026).

4. Курындина А.Н. Криминологическая классификация и типология личности лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3. С. 82–88.

5. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник для магистров: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. М.: Юрайт, 2015. 1003 с.

6. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Приговор по делу от 11.12.2025 № 1-702/2025 по обвинению Дацкого А.Е. по ч. 2 ст. 228 УК РФ (Октябрьский районный суд г. Красноярска). URL: https://oktyabr--krk.sudrf.ru (дата обращения: 01.03.2026).

8. Приговор по делу от 25.07.2025 № УА2 по обвинению (Октябрьский районный суд г. Красноярска). URL: https://oktyabr--krk.sudrf.ru (дата обращения: 01.03.2026).

9. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Употребление психоактивных веществ в молодежной среде как социальная проблема // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-2. С. 27–32.

10. Сливко К.Ю., Сливко Н.К., Бондаренко Д.М. К вопросу об эффективности метода убеждения, как средства реализации отдельных направлений государственной политики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9. С. 266–270.

***А.А. Созонова**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.С. Квасников**, канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

УНИФИКАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО

Унификация правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за мошенничество, представляется одним из наиболее обоснованных направлений совершенствования главы 21 УК РФ. После реформы, проведенной федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ, помимо общего состава мошенничества, закрепленного в ст. 159 УК РФ, законодатель выделил ряд специальных составов: ст. 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ, а также ранее действовавшую ст. 159.4 УК РФ. Формально такое решение было направлено на более точное отражение ответственности за отдельные способы хищения, совершаемые в кредитной, страховой, предпринимательской и цифровой сферах. Однако последующее развитие законодательства, а также правоприменительная практика показали, что подобная дифференциация не устранила, а, напротив, усилила внутреннюю несогласованность правового регулирования. Специальные нормы не образовали самостоятельной группы качественно новых преступлений, а лишь раздробили единый по своей сути состав хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана либо злоупотребления доверием [1, с. 145].

Главный аргумент в пользу унификации состоит в том, что во всех специальных составах сохраняется одно и то же юридическое ядро: корыстная

направленность, обманный способ завладения имуществом и причинение имущественного ущерба потерпевшему. Различается преимущественно сфера совершения деяния, но не его уголовно-правовая природа. Мошенничество в сфере кредитования, страхования, получения выплат или компьютерной информации не перестает быть мошенничеством только потому, что обман реализуется через банк, страховщика, государственный орган или электронную систему. Следовательно, разграничение проводится не по существу посягательства, а по его внешнему контексту, что вряд ли оправдывает существование нескольких самостоятельных статей. Как отмечает Ю.В. Голик, «раскассировать мошенничество на конкретные шесть видов, оставив в неприкосновенности его общий состав, это все равно, что, сохранив общую норму об изнасиловании, предусмотреть уголовную ответственность за изнасилование отдельно взятых Маши, Даши, Глаши, Наташи и далее по списку женских имен» [2, с. 1402]. Именно поэтому более логичным представляется сохранение в законе общего состава мошенничества с возможным учетом специальных способов его совершения в качестве квалифицирующих признаков внутри ст. 159 УК РФ, а не в форме автономных норм.

Избыточность специальных составов подтверждается и судебной практикой. Верховный Суд Российской Федерации в обзоре практики применения федерального закона № 207-ФЗ прямо указывал, что ст. 159.1–159.6 УК РФ являются специальными по отношению к ст. 159 УК РФ [3]. Уже это обстоятельство свидетельствует о вторичном характере данных норм: если их содержание неизбежно соотносится с общим составом как с основой, значит, их самостоятельность носит во многом условный характер. Более того, тот же обзор показывает, что после введения новых статей возникла необходимость в массовой переквалификации ранее вынесенных приговоров. Так, по одному из дел действия лица, осужденного по ч. 4 ст. 159 УК РФ за получение кредита на основании ложных сведений, были впоследствии переквалифицированы на часть 1 ст. 159.1 УК РФ со смягчением наказания. Фактическая сторона содеянного при этом не изменилась: речь по-прежнему шла о хищении денежных средств путем обмана, но законодательная конструкция потребовала формального переноса деяния из общего состава в специальный. Подобная ситуация скорее демонстрирует искусственность раздробления, чем его необходимость.

Постановление Октябрьского районного суда г. Омска Омской области по делу № 1-277/2019 подтверждает ту же тенденцию применительно к предпринимательскому мошенничеству. В данном деле обвинитель просил переквалифицировать действия подсудимого с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 159.4 УК РФ, после чего производство было прекращено в связи с истечением срока давности [4]. Здесь особенно заметно, что специальная норма изменила не существо преступления, а его процессуально-правовые последствия. Получается, что при идентичной модели поведения выбор между общей и специальной статьей влияет не на точность квалификации, а на объем уголовной ответственности. Такой подход трудно признать соответствующим требованиям системности и равенства перед законом.

Большое значение имеет и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [5]. Само наличие единого постановления Пленума по всем разновидностям мошенничества показывает, что высшая судебная инстанция исходит из общности базовых признаков данных деяний: обмана, злоупотребления доверием, момента окончания хищения, разграничения преступления и гражданско-правового спора. Иными словами, даже судебное толкование вынуждено возвращаться к общей конструкции мошенничества, а специальные статьи не создают самостоятельной, автономной системы регулирования. Это является веским аргументом в пользу отказа от избыточной множественности норм.

Таким образом, сохранение ст. 159 УК РФ как общего и единственного состава мошенничества представляется более последовательным решением, чем дальнейшее поддержание специальных ст. 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 и 159.6 УК РФ. Специальные нормы не устранили сложности квалификации, а породили новые споры о конкуренции общего и специального состава, о пределах действия каждой статьи и о соразмерности санкций. Судебная практика показывает, что их применение нередко сводится к последующей переквалификации уже установленного мошенничества в одну из специальных форм. При таком положении вещей унификация законодательства является не упрощением ради упрощения, а способом восстановления внутренней логики уголовного закона. Оптимальным представляется сохранение общего состава мошенничества в ст. 159 УК РФ с включением действительно значимых специальных признаков внутрь этой нормы, что позволило бы обеспечить единообразие квалификации, предсказуемость правоприменения и более стройную систему ответственности.

Литература

1. Веденин Д.В. Об унификации норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за мошенничество // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 144–148.

2. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russica (Русский закон). 2014. № 12. С. 1399–1410.

3. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии». URL: https://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8992&ysclid=mn5x7snpub437012191 (дата обращения: 25.03.2026).

4. Постановление Октябрьского районного суда г. Омска Омской области № 1-277/2019 от 11.07.2019 по делу № 1-277/2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QpKCDS4GxtQu (дата обращения: 25.03.2026).

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. февраль. № 2.

***Е.Д. Солодовник**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.В. Лоос
Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность остается одной из наиболее актуальных в современной криминологии и психологии. Особую тревогу вызывает участие данных субъектов в террористической преступной деятельности, что обусловлено не только идеологическим воздействием, но и социально-психологическими факторами, а также особенностями формирования личности. Так, одним из ключевых факторов вовлечения детей в террористическую деятельность выступает социальная изоляция – явление, при котором происходит отторжение или исключение (эксклюзия) индивида или социальной группы из общества, приобретение социальной дистанции в результате прекращения или сокращения социальных контактов [1]. В научной литературе данное явление рассматривается в тесной связи с такими понятиями, как одиночество, социальная депривация и отчуждение [4]. Важно отметить, что социальная изоляция носит объективный характер, тогда как одиночество является субъективным переживанием.

Социальная изоляция может проявляться в различных формах: от полного разрыва контактов до формального присутствия в обществе без реального взаимодействия. Она имеет как физическое выражение (ограничение общения как со сверстниками, так и с обществом в целом), так и психологическое (ощущение несовершеннолетним ненужности, непонимания, отчужденности).

У несовершеннолетних, находящихся в процессе становления личности, социальные связи играют ключевую роль – именно в этот период происходит развитие самооценки, идентичности и формирования системы жизненных ценностей. В то же время данный период характеризуется повышенной эмоциональностью, уязвимостью и склонностью к необдуманному риску. Эти черты могут быть использованы вербовщиками, если подросток в данный период сталкивается с такими причинам социальной изоляции как семейные проблемы (конфликтные ситуации, дефицит эмоционального контакта с родителями), трудности в образовательной среде (лицо является объектом буллинга), а также

социально-экономические факторы. В современном мире одной из причин является развитие сети Интернет – современные террористические организации активно используют интернет-пространство для вербовки несовершеннолетних – жертвы могут получать поддержку, признание и чувство принадлежности в интернете (посредством общения с террористами, использующих «фейковые» аккаунты), которых им не хватает в реальной жизни.

Исследование, проведенное Ю.В. Лебедевой и О.П. Рудацкой, выявило, что у подростков, испытывающих трудности в коммуникативной сфере, чаще проявляется повышенный уровень физической агрессии [2]. Также отметим, что социально изолированным несовершеннолетним характерно чувство социальной несправедливости, протестное поведение, а также стремление к альтернативным формам самореализации.

Примером может послужить инцидент в гимназии № 5 Брянска, произошедший 7 декабря 2023 г. Ученица 8 класса Алина А. совершила стрельбу, в результате которой погибли два человека, еще пятеро получили ранения [3].

По данным следствия, Алина подвергалась систематическому буллингу со стороны одноклассников. Свидетели утверждали, что ее дразнили с младших классов. Известно, что Алина была замкнутой и почти не общалась с одноклассниками. В семье девочки были проблемы – отец применял к дочери физическое и эмоциональное насилие. После случившегося в вещах Алины также нашли коробку патронов и тетрадь с записью о том, что ей «надо обязательно встретиться с другом».

При подготовке настоящих материалов нами было проведено исследование, направленное на выявление уровня социальной изоляции среди несовершеннолетних. В исследовании приняли участие 46 респондентов в возрасте от 14 до 17 лет, среди которых преобладали учащиеся образовательных учреждений 6-11 классов. Исследование проводилось в форме анонимного анкетирования, включающего 20 утверждений, сгруппированных по таким блокам как «Социальная изоляция», «Социальное недоверие», «Потребность в принадлежности к группе и «Протестные установки».

Оценка проводилась по шкале Лайкерта – 5-балльной шкале, где каждому варианту ответа соответствует числовой балл от 1 до 5 («Полностью не согласен, «Скорее не согласен», «Нейтрально», «Скорее согласен», «Полностью согласен»).

Анализ полученных данных показал, что у 21 % респондентов выявлен высокий уровень социальной изоляции, у 36 % – высокий уровень социального недоверия, у 50 % – высокая потребность в принадлежности к группе, у 21 % – выраженные протестные установки. Особое значение имеет выявленная взаимосвязь: респонденты с более высоким уровнем социальной изоляции чаще демонстрируют повышенные показатели социального недоверия и протестных установок.

Полученные данные подтверждают положения современной науки о том, что социальная изоляция может выступать значимым фактором формирования девиантных установок у несовершеннолетних.

Таким образом, социальная изоляция является хотя и не единственным (она выступает лишь одной из ряда причин, влияющих на развитие личности несовершеннолетнего), но весьма важным фактором формирования личности несовершеннолетнего преступника. Наряду с другими факторами она требует эффективной профилактики, основанной на взаимодействии всех ключевых социальных институтов – семьи, школы и государства.

Литература

1. Карпенко П.О., Митрухина С.В., Чаптыков Д.Е. Социальная изоляция как объект научного анализа // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-3. С. 158–162.

2. Лебедева Ю.В., Рудацкая О.П. Исследование личностных особенностей подростков, проявляющих разные формы агрессивности // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2010. № 9. С. 244–253.

3. Стрельба в Брянске: восьмиклассница пришла в школу с дробовиком. URL: https://iz.ru/1616853/elizaveta-gritcenko/strelba-v-brianske-vosmiklassnitca-prishla-v-shkolu-s-drobovikom (дата обращения: 20.02.2026).

4. Червак И., Гарбуз В. Психологические аспекты феномена социальной изоляции // Psihologia în mileniul III – provocări și soluții. 2020. Т. 1. С. 341–344.

***А.А. Соянова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Преступность, будучи имманентным свойством человеческого общества, неразрывно связана с его эволюцией, трансформируясь под влиянием социальных, экономических и культурных изменений [2, с. 179]. Ее корни уходят в присущую человеку противоречивость, где стремление к коллективному сосуществованию соседствует с проявлениями индивидуализма, конкуренции и агрессии. От примитивных форм регулирования в родоплеменных сообществах до изощренных систем правосудия современности, человечество непрерывно ищет пути минимизации девиантного поведения и его деструктивных последствий.

Современная криминология исследует это явление с позиций различных теоретических подходов. Теории асоциальных субкультур, получившие распространение в 1990-е годы в Российской Федерации на фоне экономических потрясений и правового нигилизма, акцентируют внимание на влиянии деформи-

рованных групповых норм на формирование криминального поведения, особенно среди молодежи. Примером может служить подражание образам из криминальных фильмов, таких как «Бумер», «Бригада». Психологические теории, например, советская теория «опасного состояния личности» [3, с. 3], фокусируются на индивидуальных психических факторах, рассматривая такие институты, как рецидив и меры медицинского характера. Теории конфликта, развивавшиеся в период застоя (1964–1985 гг.), трактуют преступность как результат глубоких социальных противоречий и борьбы за ресурсы.

Анализ современной криминальной ситуации позволяет выделить вероятные сценарии развития преступности в Российской Федерации.

Первым сценарием является эскалация транснациональной преступности на фоне миграционных процессов. Масштабные миграционные потоки могут способствовать обострению криминогенной обстановки, включая формирование новых этнических преступных группировок.

Вторым сценарием выступает кадровый дефицит в правоохранительной системе. Официальные данные свидетельствуют о перегрузке личного состава МВД. В 2025 г. число уволившихся из МВД составило 80 000 человек, что на 7 % больше предыдущего года и на 40 % превышает число поступивших на службу. Нехватка кадров в патрульно-постовой службе оценивается в 40 %, в уголовном розыске – в 30 %, в следствии – в 27 %, среди участковых – свыше четверти [6]. Причинами являются низкая заработная плата и трудности с обеспечением жилья. Данная проблема оказывает прямое влияние на эффективность правоохранительной деятельности.

В третьем сценарии криминологического развития ключевую роль играет технологическая преступность. Стремительный прогресс цифровых технологий открывает новые горизонты для противоправной деятельности, сосредоточенной преимущественно в киберпространстве. Эти изменения, сопутствуя общему глобальному росту уровня жизни, неизбежно приводят к углублению финансового и социального неравенства, что порождает значительный дисбаланс в обществе. Важно учитывать данную тенденцию, поскольку социальные последствия глубоких трансформаций, подобно тому, как это происходило в прошлом, закономерно становятся общими детерминантами преступности будущего [4, с. 426]. Хакерские атаки, хищение персональных данных и финансовое мошенничество являются прямым следствием этих процессов. Эффективное противодействие данным угрозам требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательной базы, развитие передовых систем кибербезопасности и целенаправленное повышение цифровой грамотности населения.

Для минимизации рисков и повышения эффективности системы предупреждения преступности предлагается комплекс взаимосвязанных мер.

Во-первых, следует усилить меры противодействия нелегальной миграции, совершенствуя механизмы контроля за миграционными потоками и разрабатывая эффективные программы интеграции мигрантов, способствующие снижению социального напряжения. Это может включать расширение программ по изучению русского языка и правовой культуры для мигрантов, содействие их трудоустройству в приоритетных отраслях и усиление взаимодействия

с общинами мигрантов для профилактики формирования этнических преступных группировок.

Во-вторых, кадровый дефицит в правоохранительных органах должен быть восполнен. Крайне важно существенное улучшение материального и социального стимулирования сотрудников, а также популяризация профессии сотрудника правоохранительных органов.

Усиление роли гражданского общества, стимулирование создания общественных объединений, поддерживающих законность и правопорядок, а также активная воспитательная деятельность среди молодежи приобретают особую актуальность в свете расширяющегося вовлечения подростков в противоправные действия, обусловленного активным использованием сети Интернет и социальных медиа деструктивными группами и зарубежными кураторами.

Оперативно-профилактическое мероприятие «Сила поколения» (Саракташский район, Оренбургская область, 2025 г.) наглядно демонстрирует важность профилактических бесед с учащимися [5]. Однако для обеспечения долгосрочной эффективности необходима системная работа по межведомственному взаимодействию с образовательными учреждениями, органами опеки, и иными заинтересованными структурами.

В-третьих, приоритетными направлениями должны стать инвестиции в передовые системы кибербезопасности, профессиональное обучение специалистов и повышение уровня цифровой грамотности населения [1, с. 54]. Системы искусственного интеллекта и повсеместного мониторинга («умный город», «безопасный город») могут сыграть значительную роль в пресечении анонимной преступности.

Таким образом, прогнозирование преступности в Российской Федерации требует комплексного подхода, учитывающего как исторические закономерности, так и динамично меняющиеся социально-экономические и технологические факторы. Реализация предложенных мер, направленных на реабилитацию, интеграцию, комплектование кадров и технологическое развитие, является ключом к снижению рисков и обеспечению устойчивой безопасности в будущем.

Литература

1. Жмуров Д.В. Преступность как цивилизационный феномен: исторические пределы и сценарии будущего // Российский судья. 2026. № 1. С. 52–56.

2. Московцев А.Ф., Суходолов А.П. Методологические тупики современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. С. 177–192.

3. Сайфуллина М.И. Теория опасного состояния личности и ее влияние на уголовное законодательство и практику его применения // Научно-образовательный журнал StudNet. 2021. № 2.

4. Серебренникова А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3. С. 423–430.

5. «Сила поколения»: профилактика правонарушений среди школьников. URL: https://sar.orb.ru/presscenter/news/279151/?ysclid=mnpmz6hz5s18829144 (дата обращения: 08.04.2026).

6. Число уволившихся из МВД за год на 40 % превысило количество нанятых сотрудников. URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 08.04.2026).

***А.В. Суржик**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Цифровизация общественных отношений существенно трансформировала характер и способы совершения преступлений, в т. ч. посягающих на половую неприкосновенность личности. По данным МВД России, доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 2025 г. достигла 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений [7]. Среди них особую тревогу вызывают посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, количество которых в сфере интернет-коммуникаций демонстрирует устойчивую тенденцию к росту [5, с. 127].

Преступления против половой неприкосновенности, совершаемые с использованием сети Интернет, охватывают широкий спектр деяний, предусмотренных главой 18 УК РФ. В их число входят развратные действия, совершаемые посредством видеосвязи и переписки (ст. 135 УК РФ), понуждение к действиям сексуального характера с использованием шантажа и угроз (ст. 133 УК РФ), а также половые контакты с лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, знакомство с которыми произошло через интернет-платформы (ст. 134 УК РФ). Отдельной проблемой выступает изготовление и распространение порнографических материалов с участием несовершеннолетних (ст. 242.1, 242.2 УК РФ).

Специфика данных посягательств заключается в том, что информационно-телекоммуникационная среда выступает не только средством установления контакта с потенциальной жертвой, но и непосредственным местом совершения ряда преступных действий. Преступник получает возможность действовать анонимно, одновременно взаимодействовать со множеством потенциальных жертв, дистанционно осуществлять манипулятивное воздействие, а также фик-

сировать и хранить материалы, которые впоследствии используются для шантажа или распространения [2, с. 36].

Основной группой потерпевших от рассматриваемых преступлений являются несовершеннолетние в возрасте от 10 до 16 лет. Согласно исследованию, проведенному в 2023 г., 96 % подростков сталкиваются с различными цифровыми угрозами, при этом каждый шестой ребенок подвергался попыткам онлайн-груминга со стороны незнакомых взрослых [1]. Среди площадок, используемых злоумышленниками, лидируют социальные сети (28 %), мессенджеры (19 %), онлайн-игры и игровые чаты (15 %) [6].

Виктимологический анализ позволяет выделить ряд факторов, повышающих уязвимость несовершеннолетних в цифровой среде. К объективным факторам виктимности относятся: психологическая незрелость, свойственная возрасту доверчивость, потребность в признании и общении, недостаточная осведомленность о рисках интернет-коммуникации, а также отсутствие эффективного родительского контроля за цифровой активностью ребенка. К субъективным факторам, усиливающим виктимогенное воздействие, можно отнести рискованное поведение подростков в сети: размещение личных данных и фотографий в открытом доступе, готовность к общению с незнакомцами, участие в обмене материалами интимного характера (секстинг).

Вместе с тем применительно к несовершеннолетним вопрос о виновном поведении жертвы приобретает принципиально иное звучание. Несовершеннолетний в силу возраста не способен в полной мере осознавать характер и последствия своих действий в цифровой среде, а потому его интернет-активность не может расцениваться как провоцирующее поведение [3, с. 42].

Типичный механизм виктимизации при совершении преступлений рассматриваемой категории включает несколько последовательных стадий. Первоначально преступник осуществляет поиск и отбор потенциальных жертв, используя социальные сети, игровые платформы и мессенджеры. На следующем этапе происходит установление психологического контакта и формирование доверительных отношений (онлайн-груминг): злоумышленник создает ложный профиль, имитирует дружеское или романтическое общение, проявляет мнимую заботу и понимание [7, с. 3]. Далее следует этап сексуализации общения, в ходе которого преступник постепенно вводит в переписку тематику сексуального характера, побуждая жертву к обмену интимными фотографиями или видео. Наконец, полученные материалы используются для шантажа с целью вымогательства новых материалов или склонения к встрече и совершению контактных преступных действий.

Виктимологическая профилактика преступлений против половой неприкосновенности, совершаемых посредством сети Интернет, предполагает реализацию мер на нескольких уровнях [8, с. 79].

На общесоциальном уровне первостепенное значение приобретает формирование культуры цифровой безопасности: внедрение в образовательные программы курсов по безопасному поведению в интернете, повышение цифровой грамотности родителей и педагогов, расширение их осведомленности о рисках и способах контроля интернет-активности детей.

На специально-криминологическом уровне актуально совершенствование мониторинга интернет-пространства правоохранительными органами, развитие сотрудничества с операторами платформ по блокированию подозрительных аккаунтов, внедрение автоматизированных систем выявления признаков груминга, а также усиление межведомственного взаимодействия между подразделениями по делам несовершеннолетних, следственными органами и образовательными учреждениями.

На индивидуальном уровне виктимологическая профилактика направлена на снижение личностной виктимности и включает проведение тренингов безопасного поведения, моделирование предкриминальных ситуаций, обеспечение доступа подростков к телефонам доверия.

Таким образом, виктимологический аспект преступлений против половой неприкосновенности, совершаемых с использованием сети Интернет, требует целенаправленного научного осмысления и практического реагирования. Высокая виктимность несовершеннолетних в цифровой среде обусловлена комплексом возрастных, психологических и социальных факторов, а многоэтапный механизм виктимизации существенно затрудняет своевременное выявление преступных посягательств. Эффективное противодействие данному виду преступности возможно лишь при условии интеграции виктимологической профилактики в общую систему предупреждения преступлений, объединяющую усилия правоохранительных органов, образовательных учреждений, семьи и интернет-индустрии.

Литература

1. Альянс по защите детей в цифровой среде: исследование 2023 г. // РБК. 2023. 1 ноября. URL: https://rt.rbc.ru (дата обращения: 10.03.2026).

2. Бадоян С.М. Криминалистические особенности установления лиц, совершивших распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 1. С. 35–44.

3. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.

4. Взрослые и дети в интернете: аналитический отчет // Лаборатория Касперского. М., 2023. 32 с.

5. Лоос Е.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4. С. 123–129.

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2025: статистические данные МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 10.03.2026).

7. Тыдыкова Н.В. Сексуальное насилие в эпоху цифровизации: вопросы правовой оценки // Правоведение. 2024. № 2. С. 1–18.

8. Щеголева А.Н. К вопросу о виктимологической профилактике преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 1. С. 78–79.

***А.М. Тойлонова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИИ

Преступность военнослужащих занимает особое место в системе криминологического знания. Вооруженные Силы Российской Федерации представляют собой важнейший государственный институт, и любые проявления противоправного поведения в воинской среде несут повышенную общественную опасность. Актуальность криминологического исследования данного явления обусловлена структурными изменениями в динамике воинской преступности, произошедшими в последние годы, а также значительными законодательными новеллами, включая принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 [9].

В криминологии преступность военнослужащих определяется как совокупность преступлений, совершаемых лицами, проходящими военную службу по призыву либо по контракту. Она включает как воинские преступления, предусмотренные главой 33 УК РФ, так и общеуголовные деяния. Криминологическая особенность такой преступности заключается в том, что она подрывает не только общественный порядок, но и военную дисциплину, порядок несения службы и боеготовность подразделений [3, с. 287].

В структуре воинской преступности значительный удельный вес сохраняют нарушения уставных правил взаимоотношений (ст. 335 УК РФ), остающиеся одной из наиболее распространенных форм насилия в армейской среде [9]. При этом важной характеристикой воинской преступности является высокая латентность: существенная доля преступлений скрывается командованием из соображений поддержания формальных показателей дисциплины, что затрудняет объективную оценку масштабов противоправного поведения [3, с. 291].

Причинный комплекс воинской преступности включает несколько уровней факторов. На общесоциальном уровне ключевое значение имеют социально-экономические трудности, влияние общих криминогенных процессов, распространение алкоголизма и наркотизма. Армия не является изолированной си-

стемой и неизбежно воспроизводит негативные тенденции, присущие обществу [1, с. 114].

На специально-криминологическом уровне существенное значение имеют организационно-управленческие факторы: недостатки контроля за личным составом, формальное отношение к воспитательной работе, неполнота адаптационных мер на начальном этапе службы. Немаловажную роль играют нарушения дисциплины, неуставные взаимоотношения [2, с. 42].

На индивидуальном уровне для преступников-военнослужащих характерны повышенная агрессивность, низкий уровень правосознания, дефицит навыков бесконфликтного общения. Отдельно следует отметить возрастание числа ранее судимых лиц, обусловленное принятием федерального закона от 23.03.2024 № 61-ФЗ [8] и федерального закона от 23.03.2024 № 64-ФЗ [7], допускающих заключение контрактов о прохождении военной службы с лицами, имеющими судимость. Включение таких лиц в воинские коллективы объективно усложняет криминогенную обстановку [5, с. 147].

Предупреждение воинской преступности представляет собой многоуровневую систему. Общесоциальное предупреждение обеспечивается совершенствованием условий прохождения службы, повышением социальной защищенности военнослужащих, улучшением процедур отбора, включая медицинское и психологическое обследование.

Специально-криминологическое предупреждение включает совершенствование правовой работы органов военного управления, повышение эффективности деятельности военной прокуратуры и следственных органов, внедрение методик изучения личности, своевременное выявление лиц с девиантным поведением, правовое воспитание. В этой связи Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11 ориентирует правоприменительную практику на дифференцированный подход и содействует повышению качества уголовно-правового реагирования, проводя четкое разграничение между преступлениями и грубыми дисциплинарными проступками.

В рамках индивидуальной профилактики целесообразно развивать систему психологического сопровождения на всех этапах службы, осуществляя раннее предупреждение, непосредственную профилактику и предупреждение рецидива [2, с. 43-44]. С учетом расширения категории лиц, привлекаемых к военной службе в связи с принятием федерального закона от 28.12.2024 № 507-ФЗ [6], усиление индивидуальной профилактики приобретает первостепенное значение.

Таким образом, предупреждение преступности военнослужащих в современных условиях требует комплексного подхода, учитывающего как традиционные детерминанты, так и новые факторы, обусловленные изменениями структуры личного состава и законодательными новеллами. Эффективность предупредительной деятельности зависит от взаимодействия органов военного управления, военной прокуратуры, следственных органов и войсковых психологов. Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, развитие научно-методического обеспечения профилактики и усиление индивидуального подхода к военнослужащим группы риска.

Литература

1. Агаркова Н.В. Обстоятельства, генерирующие преступность военнослужащих // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2. С. 113–116.

2. Борбат А.В., Кандыбко Н.В., Паршаков А.С., Лагашкина Ю.В. Основные направления и меры предупреждения преступности среди военнослужащих // Российский следователь. 2017. № 23. С. 41–44.

3. Иншаков С.М. Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 432 с.

4. Катков Ю.Ю. Преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими: уголовно-правовые аспекты // Вестник Российского государственного университета правосудия. 2024. № 9. С. 215–222.

5. Молчанова Т.В., Сухаренко А.Н. Криминологические особенности воинской преступности: новые реалии в условиях специальной военной операции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 141–149.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.12.2024 № 507-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

***В.Е. Токарева**, курсант 3 курса*
Костанайская академия МВД Республики Казахстан
имени Шракбека Кабылбаева

Научный руководитель:
***А.А. Примкулова**, доктор философии (PhD)*
Костанайская академия МВД Республики Казахстан
имени Шракбека Кабылбаева

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В РАМКАХ ИДЕОЛОГИИ «ЗАҢ МЕН ТӘРТІП»

Преступность несовершеннолетних была и остается одной из наиболее острых проблем любого государства, поскольку от успешности ее решения зависит будущее общества. В Республике Казахстан профилактика правонарушений среди подростков является стратегической задачей, реализуемой при координирующей роли органов внутренних дел (далее – ОВД). Актуальность исследования обусловлена не только криминогенной значимостью подростковой преступности, но и необходимостью поиска эффективных форм взаимодействия полиции с институтами гражданского общества в свете новой государственной политики. В свете новой государственной идеологии «Заң мен тәртіп» («Закон и Порядок»), провозглашенной президентом страны, деятельность полиции смещается от простого реагирования на факты нарушений к созданию комплексной системы предупреждения, основанной на тесном взаимодействии с обществом, школой и семьей. Цель данной работы – проанализировать современные методы профилактики преступности среди несовершеннолетних в деятельности ОВД с учетом последних законодательных и социальных изменений.

Идеология «Заң мен тәртіп» подразумевает не просто неотвратимость наказания, но и формирование в обществе, и особенно в молодежной среде, уважения к закону как к высшей ценности. Для органов внутренних дел это означает усиление превентивной функции. В рамках этой идеологии особый упор делается на виктимологическую профилактику, т. е. обучение детей тому, как не стать жертвой преступления, и правовое просвещение, чтобы предотвратить совершение правонарушений самими подростками [4]. В этой связи ключевым направлением становится проведение встреч сотрудников ОВД в общеобразовательных заведениях. Важно подчеркнуть, что данные мероприятия выходят за рамки формальных лекций; представители полиции, прокуратуры и специалисты Национального института «Өркен» разъясняют учащимся основы правовой грамотности, рассказывают о возрасте наступления уголовной и административной ответственности. Как отмечают практики, дети активно интересуются, с какого возраста наступает ответственность, и задача сотрудника ОВД – доступно донести, что за особо тяжкие преступления она наступает с 14 лет.

Однако простого информирования о законе сегодня недостаточно. На смену традиционным лекциям приходят интерактивные методы работы, что особенно актуально в свете обострения такой проблемы как буллинг (травля) в детских коллективах. Переходя к вопросу противодействия данному явлению, необходимо отметить, что статистика подтверждает серьезность проблемы: по данным исследований, значительная часть казахстанских детей сталкивалась с различными формами насилия в школе. Именно поэтому с 2022 года в Законе «О правах ребенка» официально закреплено понятие «буллинга» и «кибербуллинга», что создало правовую основу для вмешательства правоохранителей [2]. Более того, с 1 сентября 2025 года во всех школах и колледжах Казахстана стартовала масштабная антибуллинговая программа «ДосболLIKE». Разработанная Министерством просвещения и прошедшая апробацию в 50 школах, эта программа показала обнадеживающие результаты: уровень виктимного поведения у детей снизился на 5,4 %, а количество высмеиваний уменьшилось на 1,5 % [1].

В рамках данной программы органы внутренних дел выступают ключевым партнером. Сотрудники полиции участвуют в работе антибуллинговых команд в школах, проводят совместные занятия по правовой культуре (например, пилотный проект в Талгарском районе, где бывшие полицейские преподают уроки правовой культуры). Особое значение имеет разъяснительная работа о последствиях буллинга: сотрудники ОВД подчеркивают, что за травлю предусмотрен штраф в размере 10 МРП, а за повторное нарушение – 30 МРП (до 16 лет ответственность несут родители). Таким образом, из сугубо педагогической проблемы буллинг переходит в плоскость административно-правового регулирования, где роль полиции является определяющей [3].

Эффективность профилактической работы ОВД была бы неполной без анализа новейших законодательных изменений и технических инструментов, внедренных в последние годы. В дополнение к живой работе с детьми и педагогами, деятельность ОВД по профилактике подкреплена новыми законодательными мерами, направленными на защиту детей. Среди наиболее значимых изменений следует выделить запуск контакт-центра «111»: во всех школах размещены QR-коды, позволяющие детям анонимно и круглосуточно сообщать о нарушении своих прав, буллинге или насилии. С начала 2025 г. поступило более 92 тыс. обращений [5]. Важно, что эта информация напрямую поступает в т. ч. и в полицию для оперативного реагирования. Кроме того, возобновлены еженедельные 10-минутные уроки личной безопасности, на которых сотрудники ОВД и педагоги в игровой форме обучают детей правилам поведения в экстремальных ситуациях, защите от мошенничества и действиям при угрозе насилия [1]. Наконец, нельзя обойти вниманием и организационные меры: штат сотрудников органов опеки увеличен втрое, что позволяет более качественно вести учет неблагополучных семей, находящихся в поле зрения участковых инспекторов полиции.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что профилактика преступности среди несовершеннолетних в деятельности органов внутренних дел Республики Казахстан выходит на качественно новый уровень. Внедрение

идеологии «Заң мен тәртіп» в образовательную среду через системные встречи, реализацию программы «ДосболLIKE» и использование цифровых инструментов (QR-коды, контакт-центры) позволяет перейти от карательной меры к превентивной. Эффективность этой работы, как показывает анализ, напрямую зависит от тесного взаимодействия полиции, педагогов, психологов и родителей. Только совместными усилиями можно создать ту безопасную и поддерживающую среду, которая убережет подростков от противоправного поведения и защитит их от насилия. Дальнейшее совершенствование требует не только правоприменительной практики, но и научного осмысления этих новых социально-правовых явлений [4].

Литература

1. Об административных правонарушениях: Кодекс Республики Казахстан от 05.07.2014 № 235-V ЗРК.

2. О правах ребенка в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 08.08.2002 № 345.

3. Хасанова В.В. Правовые аспекты профилактики буллинга в школьной среде в Республике Казахстан // Мир закона. 2025.

4. От «ДосболLIKE» до QR-кодов «111»: как школы Казахстана защищают права детей. URL: https://www.inform.kz/ru/ot-dosbollike-do-qr-kodov-111-kak-shkoli-kazahstana-zashishayut-prava-detey-c02693 (дата обращения: 01.04.2026).

5. Штрафы за буллинг и высадку из автобуса: новые меры защиты детей в РК. URL: https://www.inform.kz/ru/shtrafi-za-bulling-i-visadku-iz-avtobusa-novie-meri-zashiti-detey-v-rk-2fb5f7 (дата обращения: 01.04.2026).

***З.В. Троян**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Г.Н. Миронова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

ТЕНДЕНЦИИ СНИЖЕНИЯ РЕПРЕССИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ В СФЕРЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СТ. 290 УК РФ)

В современном мире проблематика борьбы с коррупционными преступлениями остается актуальной для многих государств. Подтверждением этому могут выступать ряд международных актов, таких как Конвенции Организации Объединенных Наций, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и др., в которых подчеркивается, что коррупция превратилась в транснациональное явление [1].

Российская Федерация не является исключением из перечня стран, для которых борьба с этим явлением является одним из ключевых приоритетов гос-

ударственной политики, т. к. коррупция представляет собой серьезную угрозу для устойчивого развития экономики, причину подрыва доверия к государственным институтам, является средством усиления социального неравенства и влечет за собой многие другие значимые последствия.

Статья 290 УК РФ («Получение взятки») традиционно является центральным элементом системы мер уголовно-правового пресечения коррупционных проявлений, что подтверждается тем, что преступления, предусмотренные данной нормой составляют 19 % от общего числа преступлений коррупционной направленности за последние пять лет.

Для исследования были использованы статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Результаты исследования отображены в таблицах [2].

Таблица 1

Доля преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ в общем количестве преступлений коррупционной направленности за 2020-2024 г.

Год	Количествово преступлений коррупционной направленности	Преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ	Процентное соотношение, %
2020	12 669	2325	18,3
2021	15 162	2452	16,2
2022	20 560	3491	16,7
2023	22 014	4754	21,6
2024	21 728	4844	22,3
Среднее значение		19,02	

Фактически каждое пятое преступление коррупционной направленности – получение взятки. В связи с этим возникает научный интерес в изучении современной правоприменительной практики, которая демонстрирует, что, несмотря на суровость предписанных в норме права мер наказания, например, длительные сроки лишения свободы и многомиллионные штрафы, можно проследить и, выявить проблему недостаточной строгости назначаемых наказаний, а также тенденцию дальнейшей гуманизации их назначения.

Действующая редакция ст. 290 УК РФ предусматривает альтернативную санкцию. Несмотря на суровость предусмотренной законом санкции, практика применения наказаний за получение взятки вызывает серьезные нарекания: сроки лишения свободы зачастую оказываются незначительными, а условное осуждение стало распространенным вариантом решения дела. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера применяется редко.

Наказание в виде лишения свободы выступает основным и самым строгим, однако нижний предел срока закреплен исключительно в санкциях частей

3-6, что устанавливает минимальный порог наказания, чем создает градацию, отражая повышенную общественную опасность квалифицированных видов взяточничества. Однако даже при наличии нижнего предела суды не стремятся к назначению данного вида наказания.

Таблица 2

Тенденция применения конфискации имущества и назначения реального и условного лишения свободы за 2020-2024 г. по ч. 1 ст. 290 УК РФ

Год	Реальное лишение свободы, %	Условное лишение свободы, %	Применение конфискации, %
2020	15,7	15,0	4,1
2021	17,8	16,6	6,8
2022	16,6	14,3	4,7
2023	15,9	10,9	4,7
2024	14,7	9,4	6,8
Среднее значение	16,1	13,2	5,42

Таблица 3

Тенденция применения конфискации имущества и назначения реального и условного лишения свободы за 2020-2024 г. по ч. 3 ст. 290 УК РФ

Год	Реальное лишение свободы, %	Условное лишение свободы, %	Применения конфискации, %
2020	9,6	24,0	4,2
2021	8,9	22,7	6,1
2022	9,9	25,14	4,0
2023	7,4	16,3	4,1
2024	7,9	13,9	6,1

Таблица 4

Тенденция применения конфискации имущества и назначения реального и условного лишения свободы за 2020-2024 г. по ч. 5 ст. 290 УК РФ

Год	Реальное лишение свободы, %	Условное лише-ние свободы, %	Применения конфискации, %
2020	19,6	8,4	3,3
2021	22,8	10,0	5,4
2022	20,7	7,0	4,0
2023	19,3	6,4	4,0
2024	16,7	5,2	5,5

Таблица 5

Тенденция применения конфискации имущества и назначения реального и условного лишения свободы за 2020-2024 г. по ч. 6 ст. 290 УК РФ

Год	Реальное лишение свободы, %	Условное лишение свободы, %	Применения конфискации, %
2020	55,2	6,3	14,7
2021	67,3	3,7	14,2
2022	44,1	7,1	12,5
2023	55,6	5,0	12,0
2024	52,5	5,8	14,0

Анализ практики осуждения виновных в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3, 5 и 6 ст. 290 УК РФ, позволяет сделать однозначный вывод: наблюдается незначительная репрессивность назначаемых судом наказаний, а в отдельных случаях устойчивая тенденция к снижению применения наказаний в виде реального лишения свободы и конфискации, как иной меры уголовно-правового характера, активного назначения лишения свободы условно, несмотря на высокую общественную опасность рассматриваемых преступлений.

Правоприменителю необходимо уделить особое внимание повышению строгости ответственности за коррупционные преступления, включая усиление уголовной репрессии, расширение круга субъектов ответственности и повышение прозрачности правовых процедур. Это позволит создать действенный механизм противодействия коррупционным проявлениям и обеспечить надежную защиту общественных и государственных интересов.

Литература

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Форма № 10.4.1 «Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации по вступившим в законную силу приговорам и другим судебным постановлениям, в том числе по преступлениям коррупционной направленности». URL: https://cdep.ru/?id=150 (дата обращения: 01.03.2026).

***Д.Ж. Турдалиев**, курсант 1 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Т. Б. Крищенко
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА «ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ» ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Признак «особой жестокости» (п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ) является одним из наиболее сложных для судебного толкования. Отсутствие законодательного определения и оценочный характер понятия порождают ошибки в квалификации, при этом неоднозначность толкования признака «особой жестокости» в судебной практике приводит к существенным различиям в квалификации одних и тех же деяний, что влияет на справедливость назначаемого наказания и защиту прав потерпевших, тем самым нарушается принцип справедливости [3].

В настоящее время наблюдается рост числа уголовных дел, по которым возникает необходимость установления наличия или отсутствия квалифицирующего признака «особая жестокость» – это связано не только с увеличением числа насильственных преступлений, но и с расширением понимания жестокости как явления, включающего не только физические, но и психические страдания. Одна из проблем квалификации указанного признака заключается в отграничении «особой жестокости» от жестокости, имманентно присущей самому акту насильственного полового сношения. Не всякое насилие, примененное при изнасиловании, может быть признано особо жестоким. Согласно сложившейся судебной практике, для признания особой жестокости необходимо установить, что виновный действовал с особой безжалостностью, цинизмом и бессердечием, а причиняемые страдания были заведомо избыточными для достижения цели изнасилования.

Кроме этого, в уголовном праве особая жестокость проявляется не только в физическом, но и психическом насилии, выходящем за пределы необходимого для подавления сопротивления потерпевшей [1, с. 312]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» относит к особой жестокости – пытки, истязания, глумление, множественные телесные повреждения, а также совершение преступления в присутствии близких [6]. Однако судебная практика сталкивается с тремя ключевыми проблемами.

Первая проблема – доказывание психического насилия. Психический аспект жестокости представляет сложную для доказывания категорию. Он проявляется в глумлении над потерпевшей, ее унижении, в совершении преступления в обстановке, усиливающей моральные страдания. Психическая жестокость может выражаться в угрозах убийством или причинением тяжкого вреда здоро-

вью, в совершении насильственных действий в присутствии близких потерпевшей (детей, родителей, супруга), в осквернении мест или предметов, имеющих для нее особую ценность, а также в фиксации процесса преступления на видео для последующего шантажа или распространения, указанные действия причиняют тяжелые нравственные страдания, но редко признаются особой жестокостью без физических повреждений [2, с. 25], при этом Верховный Суд Российской Федерации указывает, что сама съемка может быть признана особой жестокостью, т. к. осознание возможности распространения видео травмирует потерпевшую [3], однако нижестоящие суды часто игнорируют это разъяснение.

Вторая проблема – квалификация изнасилования в присутствии близких. Формально это особо жестокое преступление, но суды требуют доказательств, что виновный знал о присутствии близкого лица, а потерпевшая осознавала это. Например, в Определении ВС РФ № 57-УД18-15 действия виновного были переквалифицированы на ч. 1 ст. 131 УК РФ, т. к. спящий ребенок не воспринимал происходящее [4]. Такой подход снижает защищенность потерпевших.

Третья проблема – ситуации «мнимого согласия», когда воля потерпевшей парализована психическим давлением (угрозы увольнением, шантаж, зависимость). Суды часто трактуют отсутствие сопротивления как согласие, не исследуя глубину принуждения [5, с. 49]. Хотя доктрина рассматривает циничное использование уязвимости как проявление жестокости [1, с. 318], практика противоречива.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, отсутствие четких критериев особой жестокости ведет к субъективизму судебных решений. Во-вторых, психическое насилие недооценивается по сравнению с физическим. В-третьих, формальный подход к установлению умысла при изнасиловании в присутствии близких оставляет потерпевших без защиты.

В связи с этим предлагается:

1. Дополнить п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указанием на то, что особая жестокость может выражаться в психическом насилии (шантаж, угрозы, использование зависимости), причиняющем исключительные нравственные страдания.

2. Закрепить в практике презумпцию отсутствия добровольного согласия при использовании виновным явного преимущества (служебная зависимость, психологическое давление).

3. Активнее назначать комплексные психолого-психиатрические экспертизы для объективизации психических травм.

Реализация этих мер позволит повысить эффективность уголовно-правовой защиты потерпевших и обеспечить неукоснительное соблюдение принципа справедливости.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Рарога. 14-е изд. М.: Проспект, 2023. 992 с.

2. Кузнецова Н.В. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности, совершенных с особой жестокостью // Российский судья. 2021. № 5. С. 23–28.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 4.

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2018 по делу № 57-УД18-15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Петров С.В. Психическое насилие как признак особой жестокости при изнасиловании // Уголовное право. 2020. № 3. С. 45–51.

6. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***М.М. Тяпкина**, студент 3 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
***А.П. Титаренко**, канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский филиал РАНХиГС

DEEPFAKE-ТЕХНОЛОГИИ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Развитие технологий искусственного интеллекта существенно изменило характер современной преступности. Наряду с традиционными формами киберпреступлений появляются новые способы совершения противоправных действий, основанные на использовании генеративных алгоритмов. Одним из наиболее обсуждаемых явлений последних лет стали так называемые deepfake-технологии, позволяющие создавать реалистичные изображения, видео и аудиозаписи, имитирующие внешность или голос конкретного человека.

Изначально подобные технологии использовались преимущественно в сфере развлечений и медиаиндустрии. Однако их широкая доступность и стремительное совершенствование привели к тому, что deepfake стали активно применяться в преступных целях. Как отмечается в научной литературе, использование данной технологии в неправомерных целях способно причинить вред как правам и законным интересам отдельной личности, так и создавать более серьезные угрозы в информационном пространстве, затрагивая интересы государства [5, с. 48].

Целью настоящего исследования является рассмотрение deepfake-технологий как способа совершения преступлений, а также анализ криминологических особенностей их использования и мер предупреждения.

Термин «deepfake» образован от слов deep learning (глубокое обучение) и fake (подделка) и обозначает синтетический медиаконтент, созданный при помощи алгоритмов машинного обучения. Как отмечается в исследованиях, единого технико-правового термина рассматриваемого явления до настоящего времени еще не разработано, однако вполне приемлемая дефиниция содержится в отчете Европейского парламента, в котором дипфейк определен как искусственный звуковой и/или визуальный медиа, который при полной внешней достоверности является созданным искусственно и отражающим те события, которых в действительности никогда не происходило.

По своей природе дипфейки представляют собой специальный алгоритм или набор алгоритмов, который анализирует множество параметров разнообразного контента, а затем, используя полученные данные, подменяет его в зависимости от поставленной изготовителем задачи [5, с. 48].

Deepfake-технологии становятся одним из наиболее значимых факторов трансформации современной преступности, т. к. они позволяют создавать различные виды синтетического контента: подмену лица человека в видеозаписи; генерацию искусственной речи, имитирующей голос конкретного лица; синтез фотореалистичных изображений; создание полностью искусственных видеороликов с участием «реалистичных» персонажей [4, с. 295].

Практика последних лет показывает, что такие технологии уже используются в крупных мошеннических схемах и способны наносить многомиллионный ущерб компаниям и частным лицам.

Согласно данным исследования компании «Информзащита», только в финансовом секторе в 2024 г. было зафиксировано около 5,7 тыс. атак с применением данной технологии, что на 13 % больше показателей предыдущего периода, при этом от 15 до 20 % таких атак являются успешными и причиняют реальный материальный и репутационный ущерб [6].

Помимо экономических преступлений, deepfake-технологии активно используются для распространения ложной информации, шантажа и дискредитации личности, используются в политических целях для манипуляции общественным мнением: фальшивые видео политиков могут создаваться с целью распространения ложной информации или подрыва доверия к определенным кандидатам [4, с. 296].

Одним из первых широко известных случаев использования deepfake-технологий стало преступление, совершенное в 2019 г. Злоумышленники использовали технологию синтеза речи для имитации голоса руководителя немецкой компании и позвонили генеральному директору британского филиала энергетической компании. Во время телефонного разговора преступник убедительно воспроизвел голос руководителя, включая характерный акцент и интонации, и потребовал срочно перевести средства поставщику. В результате директор компании перевел около 220 000 евро (примерно 243 000 долларов США) на банковский счет, контролируемый преступниками.

Предупреждение преступлений данного типа требует комплексного подхода, включающего несколько направлений.

Одним из важных направлений является совершенствование технических средств обнаружения deepfake-контента. Развитие технологий анализа цифровых изображений и аудиозаписей для выявления характерных признаков искусственной генерации материалов позволит правоохранительным органам и цифровым платформам более эффективно обнаруживать поддельный контент и предотвращать его распространение [2, с. 90].

Существенную роль в предупреждении подобных преступлений играет и совершенствование правового регулирования. В настоящее время в России отсутствует специальное законодательство по вопросу использования deepfake [4, с. 296]. Вместе с тем в последние годы ведется активная работа по созданию правовых норм для борьбы с фальсификацией видео и защиты прав личности.

Так, в январе 2026 года депутатами Государственной Думы был внесен законопроект № 1133088–8 «О внесении изменений в ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Согласно пояснительной записке, действующая редакция ст. 272.1 УК РФ содержит пробел: она исключает ответственность лица, непосредственно осуществляющего неправомерную алгоритмическую обработку чужих персональных данных для создания дипфейка, если это лицо не участвовало в распространении или хранении дипфейка [6].

Отмечается необходимость закрепления в законодательстве понятия deepfake, а также установления ответственности за создание и распространение заведомо ложных материалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. Кроме того, предлагается разработать механизмы обязательной маркировки синтетического медиаконтента, что позволит пользователям понимать, что рассматриваемый материал является искусственно созданным [1, с. 44].

В условиях дальнейшего развития технологий искусственного интеллекта можно предположить, что использование deepfake-технологий в преступной деятельности будет только расширяться. Это делает проблему их криминологического исследования и разработки эффективных мер предупреждения одной из наиболее актуальных задач современной юридической науки.

Литература

1. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4. С. 42–55.

2. Данилова В.А., Левкин Д.М. Правовые аспекты регулирования Deepfake-технологии в России // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7. С. 88–91.

3. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex Russica (Русский закон). 2022. № 11. С. 112–119.

4. Кунгурова Е. Технология Deepfake как источник криминальных угроз // Молодой ученый. 2025. № 44. С. 294–296.

5. Светанков Д.Ю. Социально-правовая обусловленность формирования механизма уголовно-правового противодействия преступлениям, совершенным с использованием технологии deepfake // Российский следователь. 2025. № 6. С. 47–51.

6. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 1133088–8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1133088-8#bh_note (дата обращения: 09.03.2026).

***В.П. Ударцев**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
М.В. Кукасов
Барнаульский юридический институт МВД России

ХИЩЕНИЕ ИГРОВЫХ ПРЕДМЕТОВ И АККАУНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В последние годы игры стали не только развлечением, но и серьезным бизнесом. Обороты игровой индустрии достигают миллиардов долларов, а некоторые игроки тратят много времени и денег на развитие своих персонажей и приобретение виртуальных предметов. Как справедливо отмечает член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, профессор МГИМО Э.Л. Сидоренко, в ближайшие годы следует ожидать «беспрецедентный рост краж игровых и мошенничеств игровых» [3], что требует немедленной выработки научно обоснованной методологии квалификации таких деяний.

Правоприменительная практика сталкивается с фундаментальной проблемой: возможно ли признать предметом хищения то, что не имеет материальной формы, и можно ли признать лицо потерпевшим в случае хищения из его игрового кабинета ценных предметов или собственно самого аккаунта. Центральной коллизией при квалификации хищения игровых предметов выступает определение их правовой природы и, соответственно, объекта уголовно-правовой охраны. Традиционное понимание предмета хищения в науке уголовного права всегда базировалось на его физическом (вещном) признаке. Дискуссия осложняется тем, что законодатель не дает четкого ответа на вопрос, относятся ли внутриигровые предметы к имуществу. Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации относит к объектам гражданских прав, в т. ч. безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права, однако игровые предметы напрямую в этом перечне не поименованы. Возникает вопрос о правовой квалификации виртуальных предметов в играх. Являются ли они результатом интеллектуальной деятельности? С одной стороны, игровые предметы – это код, созданный разработчиками. Однако пользовательские соглашения предоставляют игроку не право собственности на пред-

мет, а лишь лицензию на его использование. Это обстоятельство препятствует признанию перехода исключительных прав. Некоторые считают виртуальные предметы услугами. Но эта позиция также вызывает критику. Услуги потребляются в процессе оказания и не обладают накопительной ценностью. Виртуальное имущество, например скины, накапливается на аккаунте и может увеличивать свою рыночную стоимость. Следовательно, вопрос о правовой природе виртуальных предметов остается открытым. Возможным направлением анализа является рассмотрение их в контексте имущественных прав. Именно к этой категории, по мнению И.А. Зольникова, игровое имущество наиболее близко [2, с. 302].

Анализ текстов большинства соглашений для современных MMOG-игр демонстрирует, что такие объекты принадлежат разработчикам (или лицензиарам). Исследователи отмечают, что столь односторонний характер соглашений, когда пользователи, «уплачивая» за инвентарь и виртуальную валюту временем, усилиями или реальной валютой, не получают на них прав, создает асимметричную, ущербную с моральной точки зрения ситуацию.

Крупнейший онлайн-сервис цифрового распространения компьютерных игр Steam предусматривает в пользовательском соглашении, что предоставляет подписчикам доступ к программным продуктам и к контенту. Под контентом в соглашении (EULA) понимаются среди прочего любые виртуальные объекты, обмен, продажа или покупка которых осуществляются на торговой площадке подписок Steam. Определяя правовой статус отношений с подписчиком относительно контента, разработчики предусмотрели, что передается именно право пользования контентом и услугами, а не вещные права, что передаваемое право не порождает ни титула, ни права собственности на контент. «Все права собственности и права интеллектуальной собственности… принадлежат компании Valve и (или) ее лицензиарам или лицензиарам аффилированных лиц». Анализ положений лицензионных соглашений показывает, что разработчики и лицензиары не предусматривают наделение пользователей какими-либо правами на внутриигровой контент, кроме лицензионных прав и прав пользования. Наделение правами на контент необходимо для признания игроков потерпевшими от хищений.

Однако отсутствие легального определения не отменяет экономической реальности. В правоприменительной практике прослеживаются различные подходы к квалификации таких деяний. Анализ, проведенный исследователями Восточно-Сибирского института МВД России, показывает наличие коллизий при разграничении смежных составов: кражи, мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) и неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Квалификация по ст. 158 УК РФ (кража) возможна лишь при условии признания игрового предмета имуществом, что не всегда очевидно для судов.

Представляются возможными два пути развития. Первый заключается в возврате к хищению в традиционном его понимании при условии параллельной разработки иного регулирования имущественных отношений в отношении цифровых (включая виртуальные) активов. Традиционное хищение в таком

случае распространялось бы только на вещи, а в отношении имущественных ценностей в цифровом (электронном) виде был бы создан отдельный режим уголовно-правовой охраны. Второй путь состоит в расширении признаков хищения путем иного толкования вещного и экономического признаков предмета хищения, а также широкого подхода к владению и изъятию. Судам следует выработать критерии отграничения исключительно игровых отношений (т. е. внутри игры) от тех, к которым требуется применение норм права, в т. ч. в силу общественной опасности деяний, нарушающих установленные правила поведения.

По нашему мнению, верным решением было бы принять второй путь развития всей ситуации. Суд может принять решение о признании лица потерпевшим в уголовном деле на основании фактического владения предметом преступления и несения связанных с ним расходов, не углубляясь в детали гражданско-правовых отношений, регулирующих право собственности. Данный подход отличает «виртуальные права» (по терминологии Зольникова) от простой претензии к разработчику. В уголовном праве давно признается экономический характер предмета хищения: он не ограничивается материальной вещью, а может представлять собой все то, что обладает стоимостью и способно быть изъято. Развитие цифровой экономики требует применения именно такого подхода. Второй подход предлагает судебной практике разработать критерии для разграничения правонарушений в сфере виртуальных прав. Это позволит выработать единую позицию по определенным вопросам. Если злоумышленник путем несанкционированного доступа (ст. 272 УК РФ) завладел чужими игровыми ценностями и использовал их в своих интересах (продажа, личное использование), его действия квалифицируются как хищение. При широком толковании состава преступления данная ситуация попадает под определение кражи (ст. 158 УК РФ), совершенной с использованием компьютерных средств (как способа проникновения). Этот вариант является наиболее ясным и понятным.

Проведенное исследование установило существенное несоответствие между динамично развивающимся рынком виртуальных игровых активов и недостаточной правовой защитой этих активов. С одной стороны, виртуальные предметы и аккаунты обладают признаками имущества, с другой – юридически они находятся в неопределенном положении: не будучи классическими вещами и не будучи прямо упомянутыми в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, они не могут быть однозначно квалифицированы как объект хищения, а их владельцы – в качестве потерпевших.

Литература

1. Зобнина С.А., Краснова М.О. Уголовная ответственность за хищение, совершаемое путем использования информационных технологий. URL: https://moluch.ru/archive/542/118533 (дата обращения: 06.03.2026).

2. Зольников И.А. Сделки с виртуальным игровым имуществом: проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2025. № 23. С. 301–303.

3. Сидоренко Э.Л. предложила выработать методику квалификации краж игровой валюты // РАПСИ. 2026. URL: https://www.rapsinews.ru/White_Internet_news/20260122/311529313.html (дата обращения: 06.03.2026).

4. Степанов П.П., Филатова М.А. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. Проблемы уголовно-правовой охраны виртуального игрового имущества. URL: https://cj.bgu.ru/classes/pdfDL.ashx?id=24792 (дата обращения: 06.03.2026).

***А.И. Файзуллин**, слушатель 4 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
***М.А. Яковлева**, канд. юрид. наук, доцент*
Санкт-Петербургский университет МВД России

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДРОППЕРА

Стремительное развитие информационных технологий и переход реального общения в виртуальное повлекли за собой совершение мошенничества с использованием IT-технологий, которое происходит в отношении наиболее доверчивой части общества – пенсионеров, что подтверждают слова первых лиц Российской Федерации. Так, Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Александрович Колокольцев в своем выступлении делает акцент: «Свыше 200 миллиардов рублей похитили у россиян телефонные мошенники за последние полтора года. Жертвами стали более 40 тыс. пенсионеров» [1].

Также Председатель Следственного комитета Российской Федерации Александр Иванович Бастрыкин в своем выступлении говорит, что: «итогом работы в сфере противодействия IT-преступности стало расследование свыше 10,5 тыс. деяний, совершенных с применением новых цифровых технологий, в т. ч. атак на граждан с использованием методов социальной инженерии» [2].

Законодательство старается активно противодействовать современным хищениям, об этом свидетельствует наличие в нем различных нормативно-правовых актов в данной сфере, а именно: ст. 159 и ст. 187 УК РФ, которые закрепляют уголовную ответственность за совершение мошенничества или отмывания преступно нажитого дохода с использованием дропперов, а также наличие федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», который направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения [3]. Также следует отметить,

что данные преступления совершаются с использованием такого участника, как дроппер.

Так, под «дропперами» как лицами, участвующими в совершении мошенничества, предлагаем понимать физических лиц, осуществляющих изъятие и перевозку/перенос денежных средств от потерпевшего к месту, обозначенному организаторами мошенничества, а также физических лиц, чьи счета в банках используются для перевода электронных денежных средств от потерпевшего к организаторам мошенничества. Также следует отметить, что данный участник может существовать только в том случае, если при мошенничестве используются компьютерные и телефонные сети, что воздействует на сознание потерпевшего путем обмана, склоняет к передаче имущества удаленным образом.

Изучая дропперов как лиц, участвующих в совершении мошеннических действий, необходимо дать их классификацию для дальнейшей криминологической классификации. Так, по выполняемым ими функциям выделяют дропперов:

– обнальщики – лица, участвующие в преступной цепи, которые выполняют функции вывода и обналичивания денежных средств на свои счета или счета других лиц, в т. ч. с использованием средств электронного платежа;

– транзитники – лица, участвующие в преступной цепи, которые выполняют функции по выводу и обналичиванию денежных средств или без такого, в т. ч. с использованием электронных средств платежа, для последующего перевода данных денежных средств организаторам совершения преступления;

– заливщики – лица, участвующие в преступной цепи, которые выполняют функции по обеспечению процесса перевода наличных денежных средств, полученных от других лиц, в т. ч. от потерпевших, на свои счета или счета подставных лиц, для осуществления дальнейшего перевода денежных средств счета организаторов совершения преступления;

– почтовые – лица, участвующие в преступной цепи, которые выполняют функции по осуществлению передачи материальных ценностей от жертвы к организаторам совершения преступления.

Помимо функциональных особенностей дропперов, также необходимо рассмотреть средства, используемые им в участии совершения преступления, а именно:

– банковские карты и электронные кошельки, используемые в качестве, как промежуточных средств хранения и дальнейшей пересылки электронных денежных средств, так и конечного счета, используемого организаторами преступления;

– крипто-кошельки, которые используются для вывода денежных средств с счетов жертв на счета в крипто-бирже, для дальнейшего обналичивания или перевода их на электронные кошельки или банковские счета, которые в конечном итоге получают мошенники-организаторы.

Также необходимо сказать, что для сокрытия следов используются различные способы, например: многоэтапные транзакции, в процессе пересылки денежных средств применяются различные электронные счета дропперов (лиц, которые передали свои счета, в пользование мошенников) или жертв предыду-

щих преступлений, электронные кошельки или же вывод денежных средств на крипто-кошельки, для дальнейшего обналичивания. Помимо многоэтапности транзакций, используется территориальное распределение, а именно местонахождение кол-центров, которые организуют мошеннические цепи, как правило находятся за территорией Российской Федерации.

Таким образом, были рассмотрены функции дропперов в совершении мошенничества, а именно функции обнальщиков, заливщиков, транзитников и почтовых дропперов, которые сводятся к пересылки денежных средств или иных материальных ценностей к организаторам совершения преступления или обеспечению данного процесса. Кроме того, были изучены средства, используемые для вышеуказанных целей, – банковские карты, электронные кошельки и крипто-кошельки, а также способы сокрытия следов – многоэтапные транзакции, использование подставных счетов, географическое расположение организаторов совершения преступления. Все вышеизложенное должно поспособствовать повышению эффективности противодействия исследуемым общественно опасным деяниям.

Литература

1. Колокольцев: мошенники украли у россиян 200 млрд рублей за полтора года. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1226730-kolokoltsev-moshenniki-ukrali-u-rossiian-200-mlrd-rublei-za-poltora-goda (дата обращения: 13.03.2026).

2. Бастрыкин заявил, что СК нередко выявляет новые виды мошенничества. URL: https://ria.ru/20230725/moshennichestvo-1886079185.html (дата обращения: 13.03.2026).

3. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***М.В. Шабардина**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.Е. Суверов**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ИНСТИТУТ СРОКОВ ДАВНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ: СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ, КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ

Институт сроков давности в уголовном праве России закреплен в ст. 78 УК РФ и является одним из оснований освобождения лица от уголовной ответственности [4, с. 412]. Данный институт отражает баланс между принципами гуманизма и неотвратимости наказания [3, с. 31–32].

Лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли определенные сроки – сроки давности. Их существование обуславливается несколькими весомыми обоснованиями.

Во-первых, это возможная утрата и снижение общественной опасности личности [1, с. 63]. Если лицо, совершившее преступление, на протяжении многих лет ведет законопослушный образ жизни, добросовестно выполняет гражданские обязанности, оно перестает представлять угрозу для общества. В подобных случаях применение наказания спустя 15 или же 20 лет может разрушить уже социально сформировавшуюся личность [5, с. 55].

Во-вторых, общественная опасность самого деяния со временем постепенно угасает [2, с. 47]. Факт совершения преступления теряет свою значимость: если на протяжении долгого времени о нем не вспоминали, это может свидетельствовать о восстановлении нарушенных социальных связей, сглаживании негативных последствий. Привлечение к ответственности спустя десятилетия за преступления небольшой тяжести может вызвать больший общественный резонанс, чем само преступление в прошлом.

В-третьих, осуществление правосудия должно быть не только своевременным, но и качественным. По прошествии многих лет утрачиваются доказательства, свидетели могут забывать детали, а следы и вовсе могут уничтожиться. Установление истины по таким доказательствам влечет риск совершения ошибки. Существование сроков давности в уголовном праве позволяет координировать работу более оперативно и не откладывать дела и материалы по ним в «долгий ящик».

Для каждой категории преступлений (ст. 15 УК РФ) определены конкретные сроки давности. Логика связи между сроками и категориями предельно проста и рациональна: чем общественно опаснее совершенное преступление, тем дольше общество помнит о нем и виновный должен оставаться под угрозой ответственности.

Сроки давности исчисляются со дня совершения общественно опасного действия или бездействия, вне зависимости от времени наступления последствий, и до момента вступления в законную силу приговора суда или иного судебного решения.

Так, для преступлений небольшой тяжести установлен срок два года. У преступлений средней тяжести срок составляет шесть лет. Для тяжких преступлений предусмотрен десятилетний срок давности, что соразмерно причиненному вреду и позволяет качественно и эффективно использовать ресурсы на поиск виновных лиц. Для особо тяжких преступлений установлен максимальный срок – пятнадцать лет.

Помимо данных сроков давности к совершенным преступлениям также существуют и некоторые исключения. Например, согласно ч. 4 ст. 78 УК РФ, решение о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрена смертная казнь или пожизненное лишение свободы, принимает суд. Если суд отказывает в освобождении от ответственности по причине истечения давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы все равно не назначаются. Данное исключение можно аргументировать тем,

что для таких преступлений предусмотрена крайняя мера наказания, которая может подрывать общественную справедливость.

Часть пятая этой статьи указывает, что к конкретным статьям исключается применение сроков давности уголовной ответственности в силу их особо высокой общественной опасности, связанной с терроризмом, посягательством на власть, военными преступлениями и геноцидом.

Таким образом, институт сроков давности в уголовном праве России представляет собой многозадачный и многоуровневый механизм, существование которого обусловлено объективными факторами [3, с. 31]. Дифференциация сроков давности отражает принцип соразмерности и гарантирует, что тяжесть содеянного влияет на длительность периода уголовного преследования. Преступления без срока давности обозначают деяния, на которые принцип экономии репрессии не распространяется в силу их исключительной опасности для человечества.

Литература

1. Гребеньков А.А. О справедливости оснований и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания // Современное право. 2024. № 5. С. 62–67.

2. Иванов Н.Г., Мазуренко П.Н. Давность в уголовном праве: от теории к практике // Российский следователь. 2023. № 1. С. 45–49.

3. Маликов С.В. Исчисление срока давности освобождения от уголовной ответственности: вопросы теории и практики // Уголовное право. 2021. № 3. С. 30–37.

4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М.: ИНФРА-М, 2024. 560 с.

5. Черненко Т.Г. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности // Уголовное право. 2022. № 4. С. 54–59.

***А.О. Шадып**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Булгакова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОБОЕВ: ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анализ трансформации санкций, содержащихся в нормах об уголовной ответственности за побои в законодательстве Российской Федерации за последние 30 лет показывает, что поиск эффективных средств противодействия

преступлениям, посягающим на телесную неприкосновенность, не прекращается и актуален на сегодняшний день.

Об эффективности обозначенных изменений было бы возможно ответить на основе анализа официальных статистических данных о количестве зарегистрированных преступлений, публикуемых МВД России. Но, к сожалению, эти показатели не позволят составить объективную картину о масштабах посягательств, т. к. на сегодняшний день уголовное преследование по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ проводится в порядке частного обвинения, а по ст. 116 УК РФ – частно-публичного обвинения [5]. То есть уголовные дела данной категории возбуждаются исключительно при наличии заявления потерпевшего.

Данное обстоятельство приводит к тому, что домашнее насилие часто имеет эскалацию. То, что начинается как дело частного обвинения (побои), может перерасти в тяжкое или особо тяжкое преступление. Наглядной иллюстрацией данного тезиса служит резонансное уголовное дело, рассматриваемое в Дзун-Хемчикском районном суде в отношении Кежика Кара-Сала. Как следует из материалов уголовного дела 34-летний тренер по вольной борьбе Кежик Кара-Сал жестоко избил свою жену Ай-Суу Кара-Сал во дворе их частного дома. В это время в доме находились трое их маленьких дочерей. Свидетели показали, что в ту ночь Кежик Кара-Сал совместно с другом употреблял спиртные напитки. Вернувшись домой, мужчина сразу вступил в конфликт с супругой, нанося удары руками и ногами по голове и ее телу. После того, как потерпевшая перестала подавать признаки жизни, он спрятал труп жертвы в сарае, а на следующий день написал явку с повинной [1]. Из показаний свидетелей выяснилось, что потерпевшая систематически подвергалась побоям со стороны супруга. Однако, опасаясь мести с его стороны, усиления агрессии, она с заявлением в полицию не обращалась.

Трагедия вызвала большой общественный резонанс в Республике Тыва. Под воздействием информационной кампании в СМИ в регионе произошла институционализация помощи жертвам домашнего насилия, выразившаяся в открытии специализированных кризисных центров для жертв домашнего насилия.

Анализ позиций научного сообщества и правоприменительной практики позволил выделить такую проблему квалификации побоев по объективной стороне, как определение количества ударов. В доктрине российского уголовного права этот вопрос носит спорный характер. Одни авторы понимают под побоями многократные удары [4]; другие – один удар [3, с. 37].

Подавляющее большинство правоприменителей исходят из того, что один удар должен квалифицироваться как иные насильственные действия, а не побои. Так, в апелляционном постановлении Новосибирского областного суда указывается – «доводы о том, что один удар рукой не может быть квалифицирован как побои, а потому А. не может быть осужден по ст. 116 УК РФ, не основаны на материалах дела, поскольку А. осужден за совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль» [2].

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что побои представляют серьезную проблему для современного общества. Ситуация усугубля-

ется и тем, что они зачастую носят латентный характер, а также могут перерастать в тяжкие и особо тяжкие преступления. Рассмотренные подходы ученых и правоприменителей к понятию «побои» позволили сделать вывод, что под ними следует понимать нанесение не менее двух ударов, в свою очередь действия, связанные с нанесением одного удара, толканием, сбиванием с ног, вырыванием волос, заламыванием и выкручиванием рук, сдавливанием частей тела, связыванием, применением животных или насекомых для причинения боли, а также совершение любых иных действий, которые вызвали физическую боль, должны рассматриваться как «иные насильственные действия».

Литература

1. «Разбиты голова и лицо»: тиран убил жену, отвез детей в школу и пошел на работу. URL: https://www.ntv.ru/novosti/2947361/ (дата обращения: 15.03.2026).

2. Апелляционное постановление № 22-3415/2020 от 20 августа 2020 г. по делу № 1-3/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/yebx3sd0EQYY/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. Кабанов П.Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 172 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под. ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2020.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.О. Шелмакова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Ф. Федоров**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНИЯ ДИВЕРСИЙ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЙ

В современных геополитических условиях защита критической инфраструктуры становится приоритетом национальной безопасности Российской Федерации.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что только за 2025 г. в Российской Федерации было задержано более 300 человек за диверсии и теракты на транспорте, что подтверждает необходимость в совершенствования мер по противодействию в совершении диверсионной деятельности [4].

Диверсия как преступление против государственной власти и основ конституционного строя приобретает новые формы, используя технологические уязвимости и человеческий фактор.

Механизм совершения диверсий с точки зрения криминологии включает комплекс факторов, которые определяют формирование преступной мотивации, выбор методов действий, роль личности преступника и внешние условия, способствующие реализации преступлений. Поэтому представленный механизм можно рассматривать через призму таких криминологических категорий, как детерминанты, личность преступника и его мотивация, планирование и реализация преступного деяния.

Детерминантами преступности являются причины, условия, факторы или те негативные социальные явления, события и процессы, которые воспроизводят преступления как свое закономерное следствие. Иными словами, причины – это то, что порождает, условия – облегчают, факторы влияют на совершение преступлений.

К главным детерминантам совершения преступлений диверсионной деятельности можно отнести следующие:

1. Экономические факторы, которые представляют собой негативные процессы в экономике, такие как экономический кризис, безработица, расслоение населения по уровню жизни;

2. Социальные противоречия: социальная нестабильность, различия в культурно-бытовых условиях жизни, недостатки в обеспечении трудовых прав граждан, проблемы в образовании и социальном обеспечении.

3. Идеологические (духовно-нравственные) факторы: обесценивание традиционных культурных и нравственных ценностей, преобладание эгоистических установок, девальвация труда.

4. Технологические факторы: научно-технический прогресс, развитие информационных интернет-ресурсов, что в свою очередь повышает мобильность и конспиративность диверсионной деятельности, облегчает вербовку и координацию исполнителей.

Что касается лиц, совершающих преступления, то в криминологической теории базисом, на основе которого проводится их исследование, являются социально-демографические, социально-ролевые, уголовно-правовые, интеллектуальные, духовно нравственные, психологические критерии. Таким образом, личность преступника – это совокупность социально значимых свойств и качеств человека совершившего преступление. Личность преступника-«диверсанта», имеет свою типологию, которую можно изобразить следующим образом: организатор – интеллектуал с радикальными взглядами, способен к психологической обработке других людей, мотивация может быть связана как с идеологическими взглядами, так и с материальной выгодой; исполнители – лица, которые не обладают глубокими знаниями в области права, часто завербованы обманным путем, ради материального вознаграждения или под влиянием манипуляций. Среди исполнителей часто встречаются несовершеннолетние, пожилые люди, маргинальные слои населения, лица с психологическими расстройствами [3, с. 107–115].

Криминологическая специфика диверсии заключается в ее целевой направленности на подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации, а не на получение непосредственной материальной выгоды. Так, в июне 2024 года С. поджег релейный шкаф сигнальной установки на железнодорожных путях перегона станций Глазов – Балезино (участок Горьковской железной дороги). По данным следствия, неустановленное лицо связалось с ним в мессенджере Telegram и предложило «в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации» совершить диверсию. Неизвестный передал студенту координаты объекта и инструкции по способу совершения преступления. Суд установил, что С. является оппозиционером, который негативно относится к проводимой руководством Российской Федерации внешней и внутренней политике, а также к СВО. Мотивом диверсии стало желание нарушить железнодорожное сообщение, чтобы сократить поставки боеприпасов в зону боевых действий на территории Украины. С. объяснял это стремлением снизить количество погибших на СВО [1].

Анализ судебной практики и различных публикаций в СМИ приводит к выводу о том, что с криминологической точки зрения механизм совершения диверсий можно представить как последовательность нескольких этапов.

1. Формирование преступной мотивации под влиянием различных детерминант.
2. Выбор цели и объекта диверсии: критически важные объекты инфраструктуры.
3. Планирование: разработка способа совершения диверсии (взрыв, поджог и т. д.).
4. Вовлечение исполнителей, которое может осуществляться через обман, шантаж, подкуп, психологическое воздействие, использование уязвимостей личности.
5. Реализация диверсии: совершение конкретных действий, направленных на разрушение или повреждение объекта.
6. Сокрытие следов преступления: уничтожение доказательств, маскировка причастности организаторов и исполнителей.

С учетом увеличения в последние годы количества совершенных преступлений диверсионной направленности возникла острая необходимость разработки мер по предупреждению данных преступлений.

К таким мерам предлагается отнести:

Во-первых, совершенствование отдельного института диверсионных преступлений, сформированного с 2022 г., который образовал обособленный и в то же время единый перечень уголовно-правовых запретов, схожий с институтами преступлений террористического характера и экстремистской направленности [2, с. 28–35].

Во-вторых, разработка региональных программ занятости для молодежи, которые нивелируют указанные ранее экономические факторы и социальную нестабильность, создающие благоприятную среду для вербовки исполнителей.

В-третьих, интеграция в образовательные программы школ модулей по основам национальной безопасности, правовой культуре и критическому мышлению, что в свою очередь сформирует внутренний барьер подростков против участия в преступной деятельности.

В-четвертых, введение системы материального поощрения за информацию, способствовавшую предотвращению диверсии (с гарантией анонимности и защиты).

В-пятых, разработка и утверждение межведомственного стандарта по расследованию диверсионных преступлений с акцентом на сбор цифровых следов, анализ мотивации и выявление организаторов.

Предложенные меры, основанные на криминологическом анализе механизма совершения диверсий и направленные на разрыв причинно-следственных связей на каждом этапе преступной деятельности: от нейтрализации детерминант до пресечения финальной стадии сокрытия следов, совершенного преступления, позволят более эффективно противостоять совершению диверсионных преступлений.

Литература

1. Диверсия пошла в зачет // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7889031 (дата обращения: 07.04.2026).

2. Игнатенко Е.А. Диверсионная преступная деятельность: криминологический анализ некоторых детерминант // Криминалистъ. 2025. № 3. С. 28–35.

3. Игнатенко Е.А. Криминологический анализ типологии личности участника диверсионной деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2. С. 107–115.

4. Что известно о диверсиях и терактах на транспорте в России // News.ru. URL: https://news.ru/vlast/chto-izvestno-o-diversiyah-i-teraktah-na-transporte-v-rossii (дата обращения: 07.04.2026).

***К.В. Шестерекова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
М.В. Кукасов
Барнаульский юридический институт МВД России

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕРНЕТ: ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Под влиянием глобализации и цифровых технологий криминальный мир претерпел изменения. Стирание информационных границ создало благоприятную среду для распространения экстремистской идеологии. В российской юридической науке отсутствует единое понимание соотношения понятий «экстре-

мизм» и «терроризм». Согласно федеральному закону № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами власти через устрашение населения [5]. Экстремизм, в свою очередь, является более широким понятием, включающим различные формы политической, идеологической и религиозной ненависти [8, с. 21–25]. По мнению автора, терроризм выступает крайней, наиболее опасной формой проявления экстремизма. При этом родовым объектом террористических преступлений является общественная безопасность, а экстремистских – нормальное функционирование государственных институтов.

Национальная уголовно-правовая политика Российской Федерации основывается на УК РФ, федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6] и федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7]. Законодатель последовательно вводит квалифицирующие признаки, ужесточающие наказание за совершение преступлений с использованием интернета или СМИ. Ключевым механизмом оперативного реагирования является внесудебная блокировка ресурсов по требованию Генерального прокурора через Роскомнадзор (ст. 15.3 ФЗ № 149-ФЗ) [7].

Международное сотрудничество строится на базе Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.) и Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.). Основной проблемой остается коллизия юрисдикций: контент, запрещенный в Российской Федерации (как экстремистский), в другой стране может считаться легальным выражением мнения, что создает «безопасные гавани» для террористической пропаганды [8, с. 54–58].

Цифровое пространство обладает рядом уникальных свойств, делающих его привлекательным для экстремистов и террористов: анонимность (достигаемая через VPN, шифрование, подмену IP), трансграничность (преступник, жертва и сервер находятся в разных юрисдикциях), высокая скорость распространения мультимедийного контента и возможность точечного воздействия на аудиторию (включая несовершеннолетних) [4].

Данные МВД России свидетельствуют о нарастающей опасности: число экстремистских преступлений, совершенных с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), увеличилось с 257 случаев в 2019 г. до 493 в 2022 г. В 2023 г. зафиксирован 11,8-процентный рост террористических преступлений (548 эпизодов), а в 2024 г. их количество выросло до 5433, демонстрируя прирост в 55,9 %.

Важно отметить, что использование интернета выступает не просто техническим средством, а элементом объективной стороны, формирующим публичность деяния. Преступление считается оконченным с момента размещения информации независимо от того, ознакомился ли с ней кто-либо [2].

Действующая система ответственности провайдеров и владельцев сайтов строится на принципе «знал или должен был знать». Однако механизм блокировки по решению Роскомнадзора (ст. 15.3 ФЗ № 149-ФЗ) [7] имеет системные недостатки: запрещенный контент легко перемещается на другие сайты, а при

нахождении серверов за рубежом удаление информации становится невозможным. Кроме того, блокировки часто затрагивают легальный контент. Судебная практика (Определение ВС РФ № 223-УД20-6-А6) показывает, что суды требуют устанавливать не только факт размещения, но и умысел, связь с экстремистскими организациями, а также объем, частоту и продолжительность публикаций [1].

Особую уязвимость демонстрирует молодежь. Экстремистские организации активно используют социальные сети (в т. ч. закрытые группы и мессенджеры) для вербовки, навязывая радикальные взгляды через акцентирование на социальной несправедливости [3, с. 33–40]. Пример – уголовное дело в отношении несовершеннолетних из сообщества Vesna Crew.

Эффективная профилактика должна включать:

1. Образовательные программы по цифровой гигиене и критическому мышлению [3, с. 62–65].

2. Онлайн-просвещение – контрпропаганда через те же платформы, что использует экстремизм.

3. Техническое сотрудничество с провайдерами по выявлению деструктивного контента.

4. Психологическую поддержку лиц, подверженных радикализации [3, с. 78–80].

5. Использование ИИ для мониторинга сети и выявления подозрительных паттернов поведения (переход от реактивной блокировки к прогностической).

Подводя итог, хочется отметить, что глобализация и интернет стали основными факторами трансформации экстремизма и терроризма, превратив их в сетевые, децентрализованные и транснациональные угрозы. Национальное уголовное законодательство Российской Федерации демонстрирует высокую адаптивность (введение квалифицирующих признаков за использование ИКТ, механизмы внесудебной блокировки). Однако эффективность правоприменения снижается из-за коллизии юрисдикций, анонимности пользователей и технических сложностей изъятия цифровых следов [8, с. 71–75]. Перспективными направлениями являются: 1) унификация понятий экстремизма на международном уровне; 2) введение обязательной идентификации пользователей; 3) внедрение систем на основе ИИ для предиктивного анализа; 4) смещение акцента с карательных мер на профилактику в молодежной среде, включая контрпропаганду в цифровом пространстве [3, с. 102–105].

Литература

1. Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих ВС РФ от 24.12.2020 № 223-УД20-6-А6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Профилактика экстремизма в молодежной среде / под ред. А.В. Мартыненко. М.: Юрайт, 2024. 297 с.

4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об информации, информационных технологиях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Фоменко Е.В., Маторина Ю.Н. Правовые основы противодействия терроризму. М.: Юрайт, 2026. 186 с.

***Э.А. Шилова**, студент 1 курса*
Многопрофильный колледж ИСТиС ЮУрГУ

Научный руководитель:
Г.Н. Деньщикова
Многопрофильный колледж ИСТиС ЮУрГУ

СКУЛШУТИНГ И ФАКТОРЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема вооруженного насилия в учебных заведениях, получившая в международной практике наименование «скулшутинг», в последние десятилетия приобрела для России характер серьезной угрозы национальной и общественной безопасности. За последние десятилетие Российская Федерация столкнулась с серией беспрецедентных по своей жестокости нападений в образовательных учреждениях (Керчь, Казань, Пермь, Ижевск и др.). Все это говорит о необходимости принятия особых мер по предупреждению таких преступлений, что поможет сохранить жизни и здоровье подрастающего поколения.

Скулшутинг или «школьная стрельба» представляют собой акт применения вооруженного насилия в образовательных учреждениях и преимущественно к учащимся, что чаще всего перерастает в массовые убийства. Такие акты насилия всегда считались исключительно западной проблемой, т. к. истоки исходят из США, когда в американской школе «Колумбайн» штата Колорадо, 20 апреля 1999 г. учащиеся старших классов Эрик Харрис и Дилан Клиболд, ворвавшись в здание устроили стрельбу: погибли 13 учащихся и 1 педагог, еще 37 пострадали. Оба преступника покончили с собой. Это был первый мировой

прецедент, послуживший началом образования молодежного движения «Колумбайн», в основе которого лежала идеология насилия, преследовавшая своей целью массовые убийства людей [4, с. 57].

Первое подобное нападение в Российской школе произошло осенью 2017 г. в Подмосковье в городе Ивантеевка. После чего в нашей стране были зафиксированы аналогичные случаи [2].

2 февраля 2022 г. Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил иск Генеральной прокуратуры Российской Федерации и признал Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») террористическим, следовательно запрещенным на территории России [1].

Для того чтобы выработать адекватные меры профилактики необходимо определить причины такого противоправного поведения, т. к. только внутренние мотивы могут толкать на такое жестокое насилие.

Одной из доминирующих причин скулшутинга в России остаются нарушенные взаимоотношения между школьниками. Буллинг является острой проблемой подрастающего поколения. Анализ биографий лиц, совершающих «скулшутинг», показывает, что большинство из них длительное время находились в ситуации социального отчуждения или систематической травли, что порождает личностные мотивы (стремление утвердить себя, желание заявить о себе, олицетворение себя с человеком, который решает за других, жить им или умереть, и т. п.), в т. ч. это месть за ранее произведенную травлю со стороны одноклассников или учителей [5, с. 48].

Следующей причиной такого деструктивного поведения становится социализация современных подростков, которая характеризуется неопределенностью, непредсказуемостью, неустойчивостью. Основными агентами социализации детей и молодежи являются уже не семья и государство в лице социальных институтов, а медийно-информационная среда. интернет-сообщества (несмотря на все запреты) продолжают транслировать культ «Колумбайна». Для социально дезориентированного подростка фигура стрелка становится образцом «сильной личности», решившей свои проблемы радикальным путем, а избыточное освещение личности преступника в СМИ невольно способствует его идеализации среди других потенциальных агрессоров, ищущих способы «уйти громко», формируя своеобразную субкультуру.

18 октября 2018 г. Президент России В.В. Путин, оценивая нападение на Керченский политехнический колледж, отметил, что «в соцсетях, в интернете мы видим, что созданы специальные сообщества... Молодые люди с неустойчивой психикой создают для себя каких-то лжегероев... Это значит, что мы не создаем нужного, интересного и полезного контента для молодых людей, и они хватают этот суррогат героизма. Это приводит к трагедиям» [6].

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, более 700 сообществ создано в сети для пропаганды идеологии запрещенного в Российской Федерации террористического движения «Колумбайн» [3].

Еще одним важным фактором являются недостатки системы безопасности в школах, которые проявляются в физической уязвимости (открытые двери,

отсутствие контроля доступа), отсутствии адекватных протоколов реагирования на чрезвычайные ситуации. Кроме того, стоит отметить уровень охраны образовательных учреждений. Дети являются будующим страны, что требует особого внимания со стороны государства и соответственно их защиты [4, с. 59].

Для предупреждения «скулшутинга» в России необходимы комплексные меры профилактического характера всех социальных институтов. Необходимо быть внимательными к подросткам, т. к. будущие «скулшутеры» всегда подают опознающие их знаки, такие как интерес к огнестрельному оружию и особенный интерес к подобным прецедентам случившивимся ранее. Как правило, такие подростки уже перестают сопротивляться буллингу, а при анализе их социальных сетей можно заметить использование специфических хэштегов, повышение градуса насилия на странице и нарастающую агрессию в интернет-поведении.

В заключение стоит отметить, что причины «скулшутинга» в России представляют собой сложную систему личностных нарушений, школьного климата и информационного воздействия. Ключевым фактором является не одна конкретная причина, а комплекс факторов, когда личная обида накладывается на психическую нестабильность и подкрепляется готовой деструктивной идеологией из сети. Профилактика должна сместиться с внешнего контроля (охраны) на внутренний, где в основу ляжет создание среды эмоционального принятия и раннее выявление признаков психологического неблагополучия.

Литература

1. Верховный Суд Российской Федерации признал «Колумбайн» террористической организацией // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/ (дата обращения: 01.04.2026).

2. Гамзина А.В. Идеология «колумбайн» и влияние информационно-телекоммуникационных сетей на ее распространение // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 93–101.

3. Генпрокуратура насчитала почти 700 интернет-сообществ про «Колумбайн». URL: https://ria.ru/20220425/kolumbayn-1785312554.html (дата обращения: 01.04.2026).

4. Деньщикова Г. Н. Скулшутинг факторы проявления в современной России и меры профилактики // Научные высказывания. 2026. № 3. С. 56–60.

5. Попова С.А., Борисова Н.Ф., Борисова О.О. Уголовно-правовые аспекты скулшутинга в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1. С. 46–53.

6. Путин о трагедии в Керчи: для молодежи создается слишком мало контента. URL: https://ria.ru/20181018/1530976450.html?ysclid=mmprocgh 1t300598313 (дата обращения: 01.04.2026).

Д.В. Ширшакова, *курсант 3 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
Е.Н. Бархатова, *канд. юрид. наук, доцент*
Восточно-Сибирский институт МВД России

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОСТИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИ ЗАЩИТЕ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ

Крайняя необходимость является одним из перечисленных в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации обстоятельств, исключающих преступность деяния. Крайней необходимостью признается вынужденное причинение вреда для предотвращения большего ущерба охраняемым законом интересам. В современном понимании юридическая сущность крайней необходимости рассматривается через защиту наиболее важных и значимых ценностей – нематериальных благ, таких как жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство и др. Допустимо сказать, что крайней необходимостью является ситуация, когда закон позволяет отступить от закрепленных предписаний, поскольку конкретные обстоятельства требуют от лица действий иной, более высокой социальной значимости, например, как спасение жизни человека путем причинения ущерба имуществу или собственности. Жизнь и здоровье человека и гражданина в данном контексте занимают более значимое место в общепринятых ценностях.

Решая, действовать ли в условиях крайней необходимости, лицо всегда оценивает угрозу на будущее и задается вопросом: станет ли хуже, если ничего не предпринять? Но понимание, что опасность есть, недостаточно – важно определить, откуда она исходит. В теории уголовного права к таким источникам относят самые разные явления: стихийные бедствия, сбой в работе техники, эпидемии и пандемии, противоправные действия других людей или даже необходимость выбирать между двумя важными обязанностями. Данный список не является закрытым и постоянно изменяется – жизнь слишком многогранна, чтобы предугадать все возможные сценарии, способные создать угрозу для защищаемых законом благ и ценностей.

Изучение обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2019 г. показывает, что особое внимание уделяется проблематике квалификации поступков, совершенных в условиях крайней необходимости. Ключевыми критериями здесь выступают, во-первых, доказанность реальности опасности (опасность должна существовать реально), созданной в отношении охраняемых законом благ (личные, общественные или государственные), а во-вторых, отсутствие иных законных способов ее предотвращения, кроме как через причинение вреда [1].

Представленная практика судов по делам, связанным с крайней необходимостью, и официальные разъяснения позволяют сделать вывод о том, что прямые примеры, где ст. 39 УК РФ применялась для защиты жизни и здоровья в открытых источниках встречаются крайне редко. Данная ситуация связана

с тем, что подобные дела не доходили до рассмотрения их судом, либо рассматриваются в контексте гражданско-правовой ответственности (ст. 1067 ГК РФ).

Есть несколько решений 2025 г. по ст. 39 УК РФ, однако некоторые из них рассматривались уже в рамках гражданско-процессуальных отношений, тем не менее в решении речь идет о нормах уголовного законодательства. Так, было совершено преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК РФ, но на основании ч. 1 ст. 39 УК РФ действия водителя были рассмотрены в рамках крайней необходимости, поскольку опасность в виде неизбежного столкновения с автомобилем под управлением водителя, была реальной и непосредственной, и угрожала жизни и здоровью другому лицу и его пассажиру, но и самому водителю. В случае не устранения данной опасности немедленно наступили бы более тяжкие последствия, в связи, с чем действия другого лица не могут быть квалифицированы по ст. 264 УК РФ [4].

Говоря о расследовании случаев, связанных с пределами крайней необходимости, важно сказать, что в высоко напряженной обстановке часто происходит акт спасения одного объекта ценой причинения вреда другому объекту. В разъяснениях подчеркивается, что даже при защите жизни нельзя причинять равный или больший вред. Например, прокуратура прямо указывает: «Нельзя спасать свою жизнь за счет лишения жизни другого человека. В силу требований ч. 2 ст. 39 УК РФ в данном случае будет иметь место превышение пределов крайней необходимости» [3].

Также необходимо отметить, что в отличие от необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, крайняя необходимость коррелирует с нанесением ущерба и вреда тем субъектам, которые не представляют собой источник опасности.

Определенный научный интерес представляет пробел в уголовном законодательстве, касающийся оценки деяний, при которых лицо сначала создает источник опасности, а затем, предотвращая катастрофические последствия, жертвует менее ценными благами, охраняемыми законом.

В юридической литературе существуют две противоположные позиции по данному вопросу [2, с. 24–32]. Согласно первой, подобные действия полностью подпадают под признаки крайней необходимости, т. к. конечная цель предотвращения вероятных больших негативных последствий достигнута. Другая позиция базируется на том, что состояние крайней необходимости исключается, если опасность создана преднамеренно. В такой ситуации уместно говорить о провокации крайней необходимости. Данное явление трактуется как умышленное формирование угрозы с целью получения оправдания для последующего причинения вреда.

Таким образом, крайняя необходимость представляет собой сложную систему по оценке законности, обоснованности применения и доказыванию фактов, допускающих ее применения. Однако если рассматривать вопрос по защите нематериального блага, то возникают схожие условия и проблематика обоснованности ее применения. В случаях применения крайней необходимости

главное учитывать условие того, что спасение какого-либо блага будет превышать возможный ущерб.

Литература

1. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.05.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кальченко Н.В. Крайняя необходимость в уголовном законодательстве Российской Федерации: некоторые вопросы теории // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2022. № 3. С. 24–32.

3. Прокуратура Московской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru (дата обращения: 28.02.2026).

4. Решение № 2-545/2025 от 23 апреля 2025 г. по делу № 2-545/2025: СудАкт.ру // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/j4KFUwBdIYNT/ (дата обращения: 28.02.2026).

***А.С. Шкоринова**, курсант 2 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
***А.Ю. Сагайдак**, канд. пед. наук, доцент*
Санкт-Петербургский университет МВД России

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В настоящее время теневая экономика представляет одну из наиболее серьезных угроз в сфере экономической безопасности, оказывающих влияние на социальную стабильность общества. По данным Росстата, объем теневой экономики в 2024 г. составил около 16,2 % ВВП, что составило примерно 27 трлн рублей [5, с. 416]. Эксперты Высшей школы экономики и Счетной палаты указывают, что реальный масштаб с учетом скрытых доходов составляют 25–30 % ВВП, особенно это проявляется в сфере услуг, строительства и торговли. По статистике МВД России, в 2024 г. зарегистрировано более 1,9 млн преступлений, учитывая, что каждое четвертое совершено в состоянии алкогольного опьянения, а каждое третье связано с хищением чужого имущества [6]. Эксперты подтверждают прямую корреляцию между ростом «серой» занятости и увеличением числа грабежей, разбоев и бытового насилия в регионах с высокой долей теневого сектора [4, с. 208].

Особая опасность теневой экономики состоит не только в сокрытии доходов и недополучении налогов, но и в ее криминогенном потенциале. Теневые рынки напрямую влияют на общеуголовную преступность, а неофициальная

занятость и неформальные трудовые отношения ведут к маргинализации населения и росту имущественной преступности. В криминологической литературе отмечается, что теневая экономика выступает активным детерминантом, формирующим мотивацию для совершения новых преступлений.

Теневая экономика – это процессы, которые не афишируются, скрываются их участниками, не контролируются государством и обществом, не фиксируются официальной статистикой. Это экономические отношения, в которых заинтересованы отдельные люди и группы людей. Для криминологического анализа важно не столько экономическое содержание такого явления, сколько изучение его способности развивать преступность, разрушать социальные институты и формировать устойчивые криминальные практики.

В криминологической литературе принято разделять понятия «теневая», «неформальная», «нелегальная» и «криминальная» экономика. По мнению А.И. Долговой, неформальная экономика – легальные виды деятельности, но с нарушением оформления (например, работа без договора); нелегальная (фиктивная) экономика – создание фиктивных фирм, приписки, коррупционные схемы; криминальная экономика – запрещенные виды деятельности, наркобизнес, сутенерство [2, с. 832].

Структура теневой экономики может быть представлена в зависимости от характера связи с официальной экономикой: внутренняя – операции, скрываемые внутри легальных предприятий (например, наличные деньги, которые не были учтены); внешняя – самостоятельный нелегальный бизнес; криминальная экономика в узком смысле – деятельность организованных преступных групп, контролирующих теневые рынки [3, с. 192].

Для оценки масштаба теневой экономики в криминологии используют разные методы исследования: монетарные – это анализ объема денег в обращение, спрос на наличность сверх официальных потребностей; метод занятости – сравнение официальной и реальной численности занятых; метод технологических коэффициентов – сопоставление потребления электроэнергии и официального выпуска продукции; социологические опросы – изучение мнений предпринимателей и населения о распространенности теневых практик [1, с. 416].

Особую сложность представляет оценка криминальной составляющей теневой экономики. По данным МВД России, в 2025 г. выявлено 107,2 тыс. преступлений экономической направленности. Их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений составил 6,1 % [7]. Материальный ущерб от преступлений данного вида составил 363,4 млрд руб. По данным статистики, за 2025 г. число выявленных тяжких и особо тяжких преступления в общем числе преступлений экономической направленности составили 67,6 %.

Однако по оценкам криминологов, латентность экономических преступлений достигает 90–95 %.

Подводя итог, можно отметить, что теневая экономика представляет собой не просто экономический феномен, а сложный многоуровневый криминогенный комплекс, оказывающий прямое и опосредованное воздействие на состояние общеуголовной преступности в современной России, что разрушает

социальные институты. Такую проблему можно решить только целенаправленным комплексом мер во все сферах государства и слоях его общества.

Литература

1. Гилинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна: сб. ст. СПб.: Алетейя, 2024. 239 с.

2. Долгова А.И. Криминология: учебник. 6-е изд. М.: Норма, 2024. 832 с.

3. Есипов В.М. Теневая экономика и экономическая безопасность: учеб. пособие. М.: Московский университет МВД России, 2024. 192 с.

4. Криминологическая характеристика преступности в регионах с высоким уровнем теневой занятости / под ред. С.В. Иванцова. М.: Юрлитинформ, 2025. 208 с.

5. Официальная статистика: национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 21.02.2026).

6. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2025. URL: https://мвд.рф/reports/item/47090125/ (дата обращения: 21.02.2026).

7. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел. 2025. URL: htssp://мвд.рф/reports/item/47090125/ (дата обращения: 01.03.2026).

***А.А. Шмелева**, курсант 2 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Н.А. Черемнова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

ОШИБКИ В КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАВ 30 И 31 УК РФ)

От того, насколько верно суды и органы расследования квалифицируют преступления против государственной службы и правосудия, напрямую зависит действие принципов законности и неотвратимости наказания. Как метко подметил В.Н. Борков, должностные преступления по праву считаются одними из самых трудноотделяемых в уголовном праве, и причина тому – бланкетный характер диспозиций и оценочные признаки составов [1, с. 77]. Практика сталкивается с серьезными трудностями при разграничении ст. 285 и 286 УК РФ, при отграничении этих составов от смежных деяний (мошенничества, присвоения и растраты, служебного подлога), а также при квалификации посягательств на правосудие. Все это делает тему особенно актуальной на фоне цифровизации госаппарата.

Без четкого понимания, кого считать должностным лицом (а это определение дается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ), невозможно говорить о правильной квалификации. В литературе справедливо обращают внимание: ошибки в установлении специального субъекта ведут либо к неверной квалификации, либо к необоснованному обвинению в должностном преступлении [2, с. 148]. Проблема усугубляется тем, что в доктрине до сих пор нет теоретически выверенной конструкции должностного полномочия. Е.М. Попова предлагает рассматривать его как сложную структуру, куда входят уполномоченное лицо, субъект уполномочивания, его интересы, дозволенное действие, условия и нормативная основа [4, с. 89].

Больше всего судебных ошибок приходится на разграничение ст. 285 и 286 УК РФ. При злоупотреблении лицо действует в пределах своих прав, но использует их во вред службе; при превышении же он совершает действия, которые заведомо выходят за любые допустимые границы. Н.С. Кириллов замечает, что общественная опасность здесь двоякая: это не только конкретные негативные последствия, но и подрыв доверия ко всей системе госслужбы, распространение правового нигилизма [3, с. 54]. П.С. Яни уточняет: разграничивать эти составы нужно, прежде всего, по объективной стороне – при злоупотреблении лицо использует свои права, при превышении – делает то, на что не уполномочено ни при каких условиях [6, с. 112].

Типичную ошибку иллюстрирует апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации. Следствие посчитало превышением полномочий то, что чиновник подписал муниципальный контракт без торгов. Однако Судебная коллегия переквалифицировала содеянное на ч. 1 ст. 285 УК РФ, резонно указав: подписание контракта входило в его должностные обязанности, просто он сделал это вопреки интересам службы, а не выходя за пределы прав [4]. Что касается субъективной стороны, то обязательный признак злоупотребления – корыстная или иная личная заинтересованность.

Много ошибок связано и с неправильным применением правил конкуренции норм. По ч. 3 ст. 17 УК РФ, при конкуренции общей и специальной норм приоритет у специальной. Так, В.Н. Борков разъясняет: если должностное лицо вносит ложные сведения в официальные бумаги, но не выходит за пределы своих полномочий, это полностью охватывается ст. 292 УК РФ (служебный подлог) [1, с. 58].

Немало квалификационных ошибок допускается и по преступлениям против правосудия (глава 31 УК РФ). Самые частые дефекты: неточное определение момента окончания деяния, ошибочное установление специального субъекта (судья, прокурор, следователь, дознаватель), а также смешение заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ) и заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ). Показательный случай – дело, рассмотренное Никулинским районным судом г. Москвы. Свидетеля осудили по ч. 1 ст. 307 УК РФ за показания, не соответствующие действительности. Апелляция оставила приговор в силе, указав, что ложные показания касались существенного обстоятельства – алиби подсудимого – и были опровергнуты совокупностью доказательств, в т. ч. записями камер наблюдения [5].

Проведенный анализ показывает: проблем при квалификации посягательств на госслужбу и правосудие – множество, и они весьма разнородны. Типичные ошибки правоприменителей проистекают из неверной оценки признаков специального субъекта, из смешения близких составов (особенно ст. 285 и 286 УК РФ), а также из неправильного применения правил конкуренции общей и специальной норм. Корень же этих ошибок, с одной стороны, – слабая теоретическая разработка категории должностного полномочия, с другой – оценочный характер многих признаков субъективной стороны.

Литература

1. Борков В.Н. Установление личной заинтересованности у лица, совершающего должностное преступление // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 77–84.

2. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 560 с.

3. Кириллов Н.С. Вопросы отграничения злоупотребления должностными полномочиями от превышения должностных полномочий // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2025. № 2. С. 52–62.

4. Попова Е.М. Уголовно-правовая концептуализация категории «должностное полномочие» как необходимая предпосылка для единообразного разграничения составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 86–95.

5. Приговор Никулинского районного суда города Москвы от 20.03.2024 по делу № 1-234/2024 // Никулинский районный суд города Москвы: официальный сайт. URL: https://nikulinsky.mos.sudrf.ru (дата обращения: 11.03.2026).

6. Яни П.С. Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий и служебный подлог. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2020. 178 с.

***А.В. Шнайдер**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Мальченкова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время в условиях стремительного развития цифровых технологий и глобальной информатизации общества, наблюдается быстрый рост преступлений, связанных с информационной сферой. Это становится одной из

наиболее динамично растущих угроз. Из года в год жертвами подобных посягательств становятся миллионы граждан.

Так, в соответствии с краткой характеристикой состояния преступности в Российской Федерации в 2024 г. 40 % преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а это на 13,1 % больше, чем в 2023 г. [1]. По итогам 2025 г. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, зарегистрировано на 11,8 % меньше, чем за 2024 г. [2]. Высокая уязвимость населения связана с низкой цифровой грамотностью.

Сокращение количества преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий стало результатом совместных усилий всех взаимодействующих органов власти, в т. ч. профилактическая работа в сфере ИТ-безопасности. Профилактическая работа включает формирование «цифровой гигиены» у граждан и просветительскую деятельность СМИ и государственных структур [3].

По мнению Александра Хинштейна, «цифровая гигиена, цифровая безопасность и цифровая грамотность – критически важные навыки для современного человека, потому как онлайн-среда стала неотъемлемой частью повседневной жизни». В рамках реализации нацпроекта «Цифровая экономика» проходит ежегодная акция «Цифровой диктант». Она призвана определить реальный уровень компетенций граждан в цифровой среде и помочь им повысить свою грамотность с учетом возрастных особенностей.

Активную профилактическую работу также ведут и правоохранительные органы. Они освещают новые схемы мошенничества и разъясняют правила безопасного поведения. В целях противодействия мошенничеству организована работа специальных каналов связи: телефонных «горячих линий» и тематических веб-порталов, где населению готовы помочь и принять соответствующую информацию.

Также для повышения эффективности профилактики и правового просвещения в сфере цифровой безопасности, помимо уже существующих мер, перечисленных выше, можно предложить следующие новшества, разделенные на категории:

1. Обучение через развлечения/игры. Создание «цифровых квестов» в популярных играх, например, придумав сложный пароль для перехода на следующий уровень. Проведение соревнований по киберспорту, где в процессе турнира включается решение задач, связанных с цифровой грамотностью.

2. Искусственный интеллект – разработка чат-бота, в различных мессенджерах, который будет напоминать о смене паролей, отвечать на вопросы пользователя, касательно данной темы, тем самым вести его «по руке».

3. QR-коды в общественных местах – это видеопамятки от известных актеров и блогеров.

4. «Цифровая этика» как отдельный школьный предмет.

Таким образом, повышение цифровой безопасности граждан достигается совокупностью действий в трех ключевых направлениях: образовательных, информационно просветительских и юридических. Решение проблемы лежит

в массовом обучении цифровым навыкам и создания доступной цифровой среды. При комплексной реализации этих подходов снизится уязвимость населения и укрепится общее цифровое знание.

Литература

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 20.02.2026).

2. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2025 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 20.02.2026).

3. Программа кибергигиены // digital.gov.ru. URL: https://digital.gov.ru/activity/kiberbezopasnost/programma-kibergigieny-2 (дата обращения: 20.02.2026).

***Е.Е. Щелокова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.В. Лоос
Барнаульский юридический институт МВД России

КИБЕР-КИДНЕППИНГ КАК НОВАЯ ФОРМА ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПО СТ. 126 УК РФ

Процесс всеобщей цифровизации, трансформируя социально-экономические отношения и создавая новые возможности для прогресса, одновременно провоцирует возникновение принципиально новых криминальных вызовов. Современные исследования подчеркивают нарастающую остроту проблемы эксплуатации цифровых технологий в противоправных целях: если на ранних этапах развития киберпреступности ее фокус концентрировался преимущественно на имущественных преступлениях, то в настоящее время злоумышленники все активнее нацеливаются на посягательства против личности, ее конституционных прав и свобод [1].

В последние годы тревогу вызывает распространение феномена кибер-киднеппинга (cyber-kidnapping) – термина, заимствованного из зарубежной криминологической доктрины, обозначающего похищение человека, при котором информационно-коммуникационные технологии играют ключевую роль в механизме совершения преступления.

Сравнительный анализ зарубежной и отечественной правоприменительной практики показал расхождения в трактовке этого понятия. Так, в США

данный термин, как правило, используется для обозначения виртуальной формы похищения людей, выступающей в качестве схемы вымогательства. В России кибер-киднеппинг не сводится исключительно к схеме вымогательства, а квалифицируется как совокупность самостоятельных преступных деяний, где похищение и вымогательство рассматриваются как отдельные составы преступлений.

Так, в 2026 г. злоумышленники, предположительно находившиеся на территории Украины, посредством мессенджера Telegram вынудили несовершеннолетнюю покинуть место жительства, после чего потребовали от ее матери выкуп в размере 5 млн рублей. Главным следственным управлением СК России по Московской области было возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, и п. «д», «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ [2].

Анализ эмпирических данных демонстрирует: сводить кибер-киднеппинг исключительно к мошенническим схемам было бы существенным упрощением. На практике это явление проявляет себя в разных формах, что позволяет выделить два принципиально различающихся типа данного преступления.

Первый тип – «Инструментальный кибер-киднеппинг». Цифровые технологии выполняют вспомогательную, инструментальную функцию – служат средством подготовки и реализации традиционного похищения человека. В процессе совершения преступления злоумышленники используют интернет-ресурсы для сбора информации о жертве, установления с ней контакта, организации встречи «вживую». В процессе такой встречи и происходит физический захват потерпевшего. Таким способом, к примеру, в США мужчина похитил 10-летнюю девочку. Контакт с жертвой был установлен при использовании игровой платформы Roblox [3].

Второй разновидностью рассматриваемого деяния является «психологический кибер-киднеппинг». Он получил широкую известность после случая с китайским студентом в США, которого преступники убедили изолироваться и отправить родственникам фотографии, свидетельствующие о якобы похищении. В результате таких действий семья студента перевела злоумышленникам крупную сумму денег в качестве выкупа [4]. Особенностью такого типа кибер-киднеппинга является отсутствие физического захвата человека. Потерпевший, находясь под психологическим воздействием преступников, добровольно совершает действия, имитирующие собственное похищение, воспринимая их как единственный способ обеспечения собственной безопасности и безопасности своих близких.

Принципиальное различие двух типов заключается в механизме подавления воли потерпевшего. В первом случае воля подавляется физически (захват, перемещение, удержание); во втором – воля жертвы деформируется под воздействием обмана и психологического давления, что приводит к внешне добровольным действиям по самоизоляции.

В соответствии с устоявшейся уголовно правовой доктриной и официальными разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, характеризуется совокупностью трех обязательных действий: захватом, перемещением и по-

следующим удержанием потерпевшего. При этом традиционное толкование понятия «захват» подразумевает физическое завладение человеком, осуществляемое вопреки его воле.

Для инструментального киберкиднеппинга нет препятствий для квалификации по ст. 126 УК РФ: физический захват и перемещение лица против воли образуют состав преступления независимо от того, был ли установлен контакт с жертвой через цифровые технологии, или нет. Однако возникает вопрос о необходимости учета цифрового способа в квалификации: повышает ли использование интернета общественную опасность деяния и требует ли оно отражения в квалифицирующих признаках? Полагаем, что да, поскольку цифровые технологии существенно расширяют круг потенциальных жертв, позволяют преступникам действовать анонимно и собирать значительный объем информации о потерпевших.

Квалификация психологического кибер-киднеппинга значительно сложнее: здесь отсутствует ключевой признак похищения – физическое изъятие и перемещение потерпевшего. Жертва формально действует добровольно, хотя ее воля сформирована под влиянием обмана. Возникает коллизия: с одной стороны – «добровольность» действий, с другой – очевидная общественная опасность содеянного.

Представляется, что действия преступников при психологическом киберкиднеппинге содержат признаки иных составов преступлений: мошенничества; вымогательства; незаконного лишения свободы. Однако квалификация по совокупности не в полной мере отражает специфику содеянного и его повышенную общественную опасность, поэтому решение данной проблемы требует особого внимания.

Анализ правоприменительной практики и доктринальных источников выявляет ряд ключевых проблем квалификации кибер-киднеппинга.

Во-первых, установление момента окончания преступления. Для инструментального кибер-киднеппинга момент окончания определяется по общим правилам – с момента фактического захвата и начала перемещения жертвы. Однако особенности цифровой коммуникации могут создавать ложное впечатление, что преступление завершено раньше (например, уже в момент договоренности о встрече). Это требует четкого разъяснения на уровне судебной практики.

Во-вторых, отсутствие квалифицирующего признака использования информационных технологий. Действующее законодательство предусматривает квалифицирующий признак совершения преступления с использованием информационно телекоммуникационных сетей (в т. ч. интернета) лишь для ограниченного числа составов преступлений против личности. При этом ст. 126 УК РФ (похищение человека) в данный перечень не входит. В результате невозможно адекватно отразить повышенную общественную опасность киберкиднеппинга и дифференцировать ответственность с учетом способа совершения преступления.

В-третьих, трансграничный характер преступлений. Кибер-киднеппинг нередко совершается лицами, находящимися за пределами Российской Федера-

ции, что порождает ряд сложностей: определение места совершения преступления; применение уголовного закона в пространстве; организацию международного сотрудничества при расследовании и экстрадиции.

Для решения выявленных проблем предлагается реализовать следующие меры:

1. Дополнить Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» разъяснением о том, что использование информационно-телекоммуникационных сетей при подготовке или совершении похищения человека подлежит учету при оценке степени общественной опасности деяния и определении меры наказания.

2. Внести в ст. 126 УК РФ изменение, дополнив ч. 2 пунктом «е1» следующего содержания: «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)».

3. Для случаев психологического кибер-киднеппинга, не подпадающих под признаки ст. 126 УК РФ, разработать алгоритм квалификации по совокупности преступлений: как мошенничество в отношении родственников, передавших выкуп, и как приготовление к похищению человека или незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ) в отношении жертвы, если будет установлено, что планировался физический захват либо осуществлялось реальное ограничение свободы передвижения под угрозой применения насилия.

Литература

1. Перина А.С. Квалификация цифровых преступлений против личности: проблемные вопросы // Вестник Югорского государственного университета. 2023. № 2. С. 89–104.

2. В Подмосковье мошенники дистанционно похитили дочь у матери и требовали выкуп. URL: https://dzen.ru/a/aagqPAWwsDlXd81T (дата обращения: 20.03.2026).

3. В США мужчина похитил 10-летнюю девочку при помощи игровой платформы. URL: https://amoledo.com/ru-ua/news/13225-2526-v-ssha-muzhchina-vymanil-10-letnyuyu-devochku-cherez-roblox-i-pohitil (дата обращения: 20.03.2026).

4. Китайского подростка спасли после «киберпохищения». URL: https://shazoo.ru/2024/01/03/151858/kitaiskogo-podrostka-spasli-posle-kiberpoxishheniia (дата обращения: 20.03.2026).

В.Д. Юшина, *курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Г.Н. Миронова, *канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП: АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

В настоящее время экономические преступления вызывают особое внимание, поскольку именно экономика является базовой сферой развития и функционирования любого государства. Одним из самых значимых экономических преступлений, хотя и не часто используемых по сравнению с общеуголовными составами, является коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Однако, согласно отдельным источникам, тенденция применения статьи и количество выявляемых преступлений неуклонно возрастает. Так, в 2025 г. сообщалось, что за первое полугодие количество приговоров по ст. 204 УК РФ выросло на 22 %, достигнув 749 осужденных [5]. Таким образом, в настоящее время данное преступление перестает быть «экзотикой» и требует пристального внимания.

Правовая интерпретация понятия «подкуп» в рамках ст. 204 УК РФ демонстрирует значительное отличие от его обыденного понимания и даже от контекста теоретических дискуссий о взяточничестве и коррупции [2, с. 647–653]. Ключевым аспектом, отличающим коммерческий подкуп, является его темпоральная гибкость (от лат. tempus – время), которая означает особую правовую конструкцию, при которой момент окончания преступления и его квалификация не привязаны жестко к конкретному временному промежутку между передачей вознаграждения и совершением действия [3, с. 104–116]. Уголовно-правовое значение имеет именно сам факт передачи или получения незаконного вознаграждения, а не строгое соблюдение хронологии относительно действий (бездействия) в интересах подкупающего субъекта. Это означает, что передача вознаграждения может предшествовать (т. е. быть в виде аванса или обещания), сопровождать, или следовать за совершением управленцем действий (бездействия) в интересах передающего. Указанная особенность позволяет квалифицировать по ст. 204 УК РФ как факты предоставления «предварительного» подкупа, так и последующего «вознаграждения».

Вместе с тем в доктрине высказываются предложения о переименовании ст. 204 УК РФ путем исключения из нее термина «подкуп» [4, с. 70–75]. Однако, на наш взгляд, данная инициатива имеет ограниченную практическую ценность. Более существенным для точной квалификации преступления является не само наименование статьи, а детальное описание объективной стороны, которое в ст. 204 УК РФ достаточно полно и ясно фиксирует как акт передачи, так и акт получения незаконного вознаграждения, независимо от момента его совершения относительно действий управленца.

Особую значимость приобретает вопрос дифференциации ответственности за активный и пассивный подкуп [1, с. 84]. В действующей редакции главы 30 УК РФ законодатель использует дифференцированный подход, выделяя три самостоятельных состава: получение взятки (ст. 290), дачу взятки (ст. 291) и посредничество во взяточничестве (ст. 291.1). В отличие от этого, в главе 23 УК РФ нормы об ответственности за дачу (ч. 1–4 ст. 204) и получение (ч. 5–8 ст. 204) коммерческого подкупа консолидированы в рамках одной статьи.

Однако вопрос о том, насколько оправдано текущее различие в способах конструирования диспозиций норм о коммерческом подкупе с позиции правоприменительной практики, остается открытым. Для подтверждения обоснованности выделения самостоятельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за дачу и получение предмета подкупа, нами было проведено эмпирическое исследование 100 судебных приговоров по делам о коммерческом подкупе (ст. 204 УК РФ), вынесенных в период с 2023 по 2025 г. Результаты показали, что наиболее распространенным составом является деяние, квалифицируемое по ч. 6 ст. 204 УК РФ, тогда как следующим по распространенности является деяние, предусмотренное п. «г» ч. 7 ст. 204 УК РФ.

Наряду с вышеуказанными данными, идентичный показатель распространенности демонстрирует деяние по п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ.

Проведенный анализ репрезентативной выборки судебных приговоров по делам о коммерческом подкупе выявил устойчивую тенденцию к преобладанию пассивной формы данного преступления.

Вместе с тем анализ показал, что активная форма коммерческого подкупа также занимает значительную долю в общем числе приговоров, что свидетельствует о сопоставимой распространенности обеих сторон коррупционной сделки. Так, преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ, встречается в 37 % случаев. Аналогичная тенденция прослеживается и по квалификации п. «б», «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ, которая была применена в 27 % судебных решений.

Таким образом, высокий процент применения квалифицирующих признаков в совокупности со значительной частотой как пассивной, так и активной форм коммерческого подкупа, убедительно подтверждает целесообразность разграничения действующей ст. 204 УК РФ на два самостоятельных состава преступления. Данная мера позволит не только унифицировать подходы к криминализации подкупа в гл. 23 и 30 УК РФ, но и обеспечит более точную правовую оценку каждого элемента коррупционного взаимодействия. Дифференциация ответственности за получение и дачу коммерческого подкупа будет способствовать повышению эффективности правоприменительной деятельности и адекватному отражению степени общественной опасности каждого из деяний.

На основании изложенной позиции и в целях обеспечения системного единства антикоррупционных норм, предлагается осуществить концептуальную трансформацию структуры главы 23 УК РФ:

Статья 204. Получение коммерческого подкупа (части 5–8 действующей редакции ст. 204 УК РФ).

Статья 204.1. Дача коммерческого подкупа (части 1–4 действующей редакции ст. 204 УК РФ).

Таким образом, реализация предложенного подхода позволит преодолеть искусственный разрыв между регулированием ответственности за коррупцию в частной и публичной сферах. Унификация структуры главы 23 создаст условия для формирования единых стандартов противодействия подкупу, обеспечит терминологическую точность закона и повысит эффективность правоохранительной деятельности в сфере защиты интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Литература

1. Витвицкая С.С., Левченко П.И. Актуальные проблемы криминализации и пенализации подкупа в частной и публичной сфере // Философия права. 2015. № 4.

2. Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Уголовно-правовые проблемы привлечения к ответственности за преступления коррупционной направленности на примере коммерческого подкупа // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31, Вып. 4.

3. Маликов С.В. Темпоральные уровни уголовного закона: значение для теории и практики // Науки криминального цикла. 2019. № 4.

4. Маслова Л.А. Коммерческий подкуп и взяточничество: современный взгляд на отграничение составов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 1.

5. Самыми распространенными в России остаются взятки до 50 тыс. рублей. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139111 (дата обращения: 15.02.2026).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

***А.В. Авилов**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Э.Х. Широва**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОПТИМИЗАЦИЯ СОКРАЩЕННОГО ДОЗНАНИЯ ЧЕРЕЗ УСТРАНЕНИЕ НОРМАТИВНЫХ ДЕФЕКТОВ: ТОЧЕЧНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАВЫ 32.1 УПК РФ

Институт дознания в сокращенной форме был введен в российское уголовно-процессуальное законодательство федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ в качестве инструмента процессуальной экономии при расследовании очевидных преступлений небольшой и средней тяжести [7]. Однако, как обоснованно отмечает С.Б. Россинский, по прошествии более десяти лет «ни сами дознаватели, ни их руководители, ни прокуроры, ни суды, ни адвокаты не сумели преодолеть недоверие к возможностям установления имеющих значение для уголовных дел обстоятельств посредством «неполноценных» когнитивных приемов» [4, с. 2]. Следствием данного недоверия стала устойчивая стагнация исследуемого правового института, поскольку, как оказалось, на практике данный институт демонстрирует низкую востребованность. В этой в настоящей статье предпринята попытка выявить и проанализировать нормативные дефекты главы 32.1 УПК РФ с целью обоснования конкретных изменений, способных повысить эффективность сокращенного дознания без ущемления процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

Итак, обращение к статистическим данным ГИАЦ МВД России за январь – ноябрь 2025 г. позволило выявить существенный разрыв между общим числом уголовных дел, оконченных органами дознания (428 358, что составляет более 70 % от всех расследованных преступлений), и долей дел, завершенных вынесением обвинительного постановления в порядке главы 32.1 УПК РФ – не более 7–8 % [1].

В целях установления причин сложившейся ситуации по специально разработанной анкете проведен опрос дознавателей г. Барнаула и получены следующие результаты: из 100 % респондентов 65 % опрошенных дознавателей используют сокращенную форму дознания, однако делают это достаточно редко; 35 % опрошенных дознавателей никогда не применяли сокращенную форму дознания. Эмпирическое исследование позволило выяснить причины недостаточной востребованности сокращенной формы дознания при производстве предварительного расследования, которые распределились следующим образом:

– риск возврата уголовного дела прокурором или судом – 35 %;

– прямая позиция прокурора (не рекомендует применять) – 30 %;

– отказ подозреваемого от признания вины или от сокращенной формы – 15 %;

– отсутствие подходящих дел в практике – 8 %;

– избыточное количество условий в ст. 226.1 УПК РФ – 12 %.

Обобщение и анализ обозначенных причин позволили прийти к выводам, что доминирующим фактором недостаточной востребованности института сокращенного дознания у дознавателей, выступают правоприменительные риски, подкрепленные позицией органов прокуратуры. Дознаватели объективно опасаются возврата уголовного дела на дополнительное расследование, в случае расследования его посредством «неполноценных» когнитивных приемов, что в условиях высокой текучести кадров и отсутствия устойчивого правоприменительного навыка делает сокращенную форму «процессуальной ловушкой» [6, с. 48].

Обращение к доктринальным источникам показало, что в науке уголовного процесса традиционно выделяются три группы проблем реализации дознания в сокращенной форме: доктринальные (отсутствие единой концепции), правоприменительные (недоверие прокуроров, возвраты дел) и нормативные (дефекты конструкции главы 32.1 УПК РФ) [2, с. 148]. Представляется, что именно нормативные дефекты носят системообразующий характер, порождая остальные трудности.

Среди наиболее существенных нормативных дефектов следует выделить избыточность условий применения главы 32.1 УПК РФ (ст. 226.1 УПК РФ) и обстоятельств, исключающие производство дознания в сокращенной форме (ст. 226.2 УПК РФ). К примеру, совокупность требований, предъявляемых к подозреваемому (признание вины, согласие с правовой оценкой деяния, отсутствие иных языковых или процессуальных барьеров) существенно сужает сферу применения института.

Кроме того, полагаем, что анализируемая глава содержит неоправданно широкие основания для перехода к общему порядку (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ). Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе отказаться от сокращенного дознания в любой момент вплоть до удаления суда в совещательную комнату. Это создает риски злоупотребления правом и дестабилизирует процесс расследования. Как справедливо отмечает Е.В. Кузнецова, «отказ от процедуры после завершения дознания фактически аннулирует усилия дознавателя и требует повторного проведения всех следственных действий» [6, с. 46]. В качестве примера приведем постановление Нарьян-Марского городского суда от 17.12.2019 по делу № 1-255/2019. В данном случае суд возвратил уголовное дело прокурору именно ввиду поступления возражений подсудимого против дальнейшего рассмотрения дела в особом порядке, хотя дознание было полностью завершено в сокращенной форме [8].

Обращаясь к такому обстоятельству, исключающему сокращенную форму дознания как ограничение по языковому критерию (п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ), здесь следует отметить, что подозреваемые, не владеющие языком уголовного судопроизводства, исключаются из числа лиц, в отношении которых мо-

жет применяться сокращенная форма. Думается, что участие переводчика не увеличивает объема процессуальных действий и не усложняет процедуру доказывания, тогда как сохранение данного ограничения вступает в противоречие с принципом равенства всех перед законом (ст. 19 Конституции Российской Федерации).

На основе проведенного анализа нами предлагаются следующие точечные изменения (уточнения), направленные на совершенствование гл. 32.1 УПК РФ:

1. Предусмотреть ограничение права на отказ от сокращенного дознания путем дополнения ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ абзацем следующего содержания: «Ходатайство о переходе к производству дознания в общем порядке может быть заявлено подозреваемым или обвиняемым только при наличии объективных обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в сокращенной форме (выявление новых фактических данных, исключающих преступность деяния, заявленный сторонами самооговор, существенное нарушение права на защиту)».

2. Предусмотреть запрет для потерпевшего на отказ от сокращенной формы дознания после того, как производство дознания в указанной форме уже началось. Однако лишь при условии, если потерпевший дал согласие на сокращенную форму дознания еще на стадии возбуждения уголовного дела, то такое согласие должно признаваться окончательным. Оно не может быть отозвано после вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Исключение могут составлять случаи, когда объем обвинения существенно изменяется в худшую для потерпевшего сторону.

3. Предусмотреть исключение языкового ограничения, посредством признания утратившим силу п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, предусматривающего отказ в применении сокращенного дознания в случае, если подозреваемый не владеет языком уголовного судопроизводства. Предоставление переводчика (ст. 18 УПК РФ) в полной мере обеспечивает право на защиту и не создает препятствий для ускоренной процедуры.

На наш взгляд, предложенные уточнения соответствуют принципу разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) и обеспечивают баланс между ускорением процесса и гарантиями прав участников, а именно:

– не ущемляют процессуальные гарантии стороны защиты (сохраняется право на отказ при наличии объективных причин);

– не создают дополнительных организационных сложностей для стороны обвинения;

– расширяют доступ к ускоренной процедуре для большего круга категорий подозреваемых, включая иностранных граждан и лиц с языковыми барьерами.

Реализация данных мер не претендует на окончательное разрешение всех доктринальных споров, но станет важным шагом к повышению эффективности сокращенного дознания как реальной альтернативы ординарному расследованию.

Дознание в сокращенной форме сохраняет перспективу как инструмент процессуальной экономии, однако его эффективность объективно ограничена

нормативными дефектами главы 32.1 УПК РФ. Предложенные точечные изменения позволят:

1. повысить востребованность сокращенной формы дознания за счет снижения рисков возврата дел;

2. устранить дискриминационный языковой критерий;

3. обеспечить предсказуемость процедуры для дознавателя и прокурора;

4. создать основу для накопления устойчивой правоприменительной практики.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/75687768/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Озерова Ю.С., Кирикова М.В. Нужно ли дознание в сокращенной форме как отдельная форма расследования? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 146–151.

3. Россинский С.Б. Заметки на полях главы 32.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3. С. 1–9.

4. Кузнецова Е.В. О некоторых проблемах завершающего этапа дознания в сокращенной форме // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 45–51.

5. Сержантова Л.А. Сокращенное дознание: современные реалии // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11. № 2. С. 66–71.

6. Качалов В.И., Качалова О.В., Марковичева Е.В. Рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: научно-практ. пособие. М.: Проспект, 2023. 112 с.

7. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

8. Постановление Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 17 декабря 2019 г. по делу № 1-255/2019 // Интернет-портал ГАС «Правосудие» (sudact.ru). URL: https://sudact.ru/regular/doc/CG6KotDRmTmW/ (дата обращения: 13.04.2026).

***К.А. Боровков**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Э.Х. Широва**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

АДРЕС-ИДЕНТИФИКАТОР КАК НОВЫЙ СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАННОСТИ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ: ПРАВОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

Цифровая валюта (криптовалюта) прочно влилась в современный финансовый оборот. Обладая свойствами имущественной ценности, анонимности и трансграничности, она одновременно выступает в качестве распространенного инструмента совершения преступлений в сфере мошенничества, легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, а также противоправных деяний в сфере компьютерной информации. Как справедливо отмечает А.В. Луданина, правоприменитель испытывает существенную нужду в создании законодательных механизмов наложения ареста на криптовалютные активы, поскольку длительное отсутствие процессуального регулирования продолжает порождать противоречивую следственную и судебную практику [6, с. 97].

Существенный шаг в решении данной проблемы был сделан 3 марта 2026 г. с вступлением в силу федерального закона от 20.02.2026 № 38-ФЗ, которым цифровая валюта официально признана имуществом в контексте уголовного судопроизводства. В соответствии с легальной дефиницией, под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства или международной расчетной единицей [2, с. 1]. Одновременно Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен новеллой – ст. 164.2, регламентирующей особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий. В этой связи обозначилась цель – выявить правовые и технологические риски, связанные с применением адрес-идентификатора как нового способа обеспечения сохранности цифровой валюты, и предложить пути минимизации данных рисков.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «адрес-идентификатор». Исходя из правоприменительной практики и технологической сущности, под адрес-идентификатором следует понимать уникальную последовательность символов, используемую в распределенном реестре (блокчейне) для идентификации участника операции и выступающую в качестве публичного реквизита транзакции [2, с. 1]. Важно подчеркнуть, что сам по себе адрес-идентификатор не предоставляет доступа

к цифровой валюте; распоряжение активами осуществляется посредством приватного (секретного) ключа, который известен исключительно владельцу.

Порядок изъятия цифровой валюты в соответствии со ст. 164.2 УПК РФ предполагает следующую последовательность действий:

1. Обнаружение цифрового кошелька, связанного с преступной деятельностью (на основе анализа транзакций, показаний участников процесса, результатов оперативно-розыскной деятельности).

2. Фиксация адрес-идентификатора (как правило, в ходе допроса владельца или с использованием специалиста).

3. Изъятие материального носителя, на котором хранится цифровая валюта или информация для доступа к ней (например, аппаратного кошелька, мобильного устройства), с обязательным участием специалиста.

4. При наличии технической возможности – перевод цифровой валюты на адрес-идентификатор, обеспечивающий ее сохранность. Процедура перевода подлежит фиксации в протоколе следственного действия с указанием вида валюты, количества, хэш-идентификаторов транзакции [7].

Следует различать два типа хранения цифровой валюты, которые предопределяют различные правовые последствия. Кастодиальное хранение (биржевые или программные «горячие» кошельки) предполагает, что оператор платформы имеет техническую возможность заблокировать или перевести средства по требованию правоохранительных органов. Некастодиальное хранение («холодные» аппаратные кошельки, бумажные кошельки) характеризуется тем, что закрытые ключи находятся исключительно у владельца, и доступ к ним без добровольного содействия последнего технически невозможен [3]. Как обоснованно отмечает Ассоциация банков России, доступ к средствам на некастодиальных кошельках без добровольной передачи ключей сопряжен с высокими затратами и не гарантирует результата [3].

Показательным примером, иллюстрирующим необходимость внедрения анализируемых механизмов, является позиция Верховного Суда Российской Федерации по делу о легализации средств, конвертированных из криптовалюты. Суд первой инстанции оправдал фигуранта по ст. 174 УК РФ, указав, что перевод биткоинов на банковские карты без введения их в экономический оборот не свидетельствует о легализации. Однако Верховный Суд Российской Федерации в своем определении подчеркнул, что для наличия состава преступления не требуется обязательного вовлечения средств в экономический оборот; достаточно самого факта совершения финансовых операций с целью придания правомерного вида владению [4].

Данное решение высшей судебной инстанции подтверждает, что криптовалюта рассматривается судами как полноценный объект уголовно-правового воздействия, что повышает значимость процессуальных механизмов ее изъятия и сохранности. Как будет показано далее, существующий правовой инструментарий остается несовершенным.

Анализ норм ст. 164.2 УПК РФ и практики их потенциального применения позволяет выявить следующие группы рисков.

Отсутствие четких критериев «технической возможности» перевода криптовалюты на адрес-идентификатор.

Так, закон предусматривает перевод криптовалюты на адрес-идентификатор только «при наличии технической возможности». Однако критерии определения такой возможности не установлены. Означает ли отсутствие технической возможности невозможность доступа к приватным ключам владельца холодного кошелька? В таком случае закон не создает принудительного механизма доступа. Если подозреваемый отказывается от предоставления пароля или seed-фразы (мнемонической фразы для восстановления кошелька), следствие сталкивается с ситуацией, когда формальный арест произведен (носитель изъят), но фактически владелец, сохранивший резервную копию ключей, продолжает контролировать активы [3]. Доказать наличие резервной копии в уголовном процессе практически невозможно.

Неурегулированность ответственности за утрату и изменение стоимости криптовалюты.

Так, перевод криптовалюты на государственный адрес-идентификатор сопряжен с двумя существенными рисками:

1) риск безвозвратной утраты, когда речь идет о необратимой операции в блокчейне. Ошибочный перевод на неверный адрес или утрата приватных ключей от адреса-идентификатора ведут к уничтожению имущества. Закон не отвечает на вопрос, кто несет материальную ответственность за такую утрату – специалист, осуществивший перевод, следователь либо государство в целом.

2) риск степени изменчивости курса, а именно рыночной стоимости криптовалют, которая подвержена значительным колебаниям. Закон не устанавливает, подлежит ли возврату первоначальный объем криптовалюты (in natura) или ее денежного эквивалента, а также на какую дату определяется стоимость (на момент изъятия, на момент вынесения приговора или на момент фактической конвертации). Как обоснованно отмечается в литературе, данная неопределенность создает потенциал для споров о реальной стоимости конфискованного имущества [8].

Наличие проблемы, связанной с отсутствием порядка хранения адрес-идентификаторов и ключей. Так, пункт 4 ст. 164.2 УПК РФ отсылает к порядку, устанавливаемому Правительством Российской Федерации. Однако на момент вступления закона в силу данный подзаконный акт отсутствовал. Не определены требования к формату адрес-идентификатора, способам его создания (органом расследования или специализированной организацией), процедурам доступа, хранения и передачи. Как справедливо указывается в на отдельными специалистами, если ключи от адреса-идентификатора утеряны или стали известны посторонним, ответственность за утрату цифровой валюты прямо не возложена на следствие [3].

Существует проблема идентификации владельца и принудительной конвертации, а именно децентрализованная природа блокчейна порождает фундаментальную проблему анонимности адресов. На практике принадлежность адрес-идентификатора подозреваемому устанавливается преимущественно через допросы, а не с применением технических средств анализа блокчейна [3]. Если

лицо умалчивает о факте владения криптовалютой, следствие может не располагать информацией об активе.

Кроме того, отсутствует механизм принудительной конвертации цифровой валюты в фиатные денежные средства для последующего возмещения ущерба или конфискации. В литературе обоснованно предлагается ввести в УПК РФ новую меру процессуального принуждения – конвертацию цифровых активов в денежные средства через уполномоченные организации [8].

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что внедрение адрес-идентификатора является важным, но рамочным шагом, не обеспечивающим в полной мере эффективность уголовно-процессуального регулирования. Для устранения выявленных пробелов представляется необходимым:

1. Разработать и принять подзаконный нормативный акт, детально регламентирующий: порядок создания и хранения адрес-идентификаторов и ключей; требования к их защите; процедуру доступа; ответственность должностных лиц за утрату активов.

2. Ввести в УПК РФ положение об уголовно-правовой ответственности за непредоставление доступа к цифровой валюте, в отношении которой судом установлен факт владения (по аналогии с ответственностью за неисполнение судебного решения). Как обоснованно предлагала Ассоциация банков России, это создаст стимул к добровольной передаче ключей [3].

3. Законодательно закрепить механизм принудительной конвертации цифровой валюты через уполномоченные организации (лицензированные криптобиржи, банки из реестра ЦБ РФ) с фиксацией курса на момент изъятия. Определить перечень таких организаций.

4. Установить правило об определении стоимости цифровой валюты на момент ее фактического перевода на адрес-идентификатор (либо на момент вынесения приговора) с предоставлением права потерпевшему требовать возмещения разницы в случае существенного падения курса по вине следственных органов.

Подводя черту изложенному, отметим, что признание цифровой валюты имуществом и введение адрес-идентификатора в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации является своевременным и необходимым шагом, отражающим объективные потребности правоприменительной практики. Однако анализ такой новеллы, как ст. 164.2 УПК РФ, свидетельствует о ее рамочном характере, наличии существенных правовых и технологических рисков, связанных с отсутствием четких механизмов доступа к некастодиальным кошелькам, хранения ключей и оценки стоимости активов. Дальнейшее совершенствование законодательства должно идти по пути конкретизации процедур, введения ответственности за отказ в доступе и создания института принудительной конвертации. Только при соблюдении этих условий адрес-идентификатор сможет стать действительно эффективным инструментом обеспечения сохранности цифровой валюты в рамках уголовного судопроизводства.

Литература

1. Законопроект № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Информационный ресурс Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8 (дата обращения: 29.03.2026).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 171-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Цифровая валюта и следственные действия: особенности изъятия. ПРАВО.РУ, 29.03.2026. URL: https://pravorf.ru (дата обращения: 29.03.2026).
4. Верховный Суд Российской Федерации впервые разрешил считать «отмыванием денег» конвертацию криптовалюты в фиатную валюту. REVERA Legal, 2025. URL: https://belarus.revera.legal (дата обращения: 29.03.2026).
5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Луданина А.В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе Российской Федерации: возможные пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 6 (151). С. 95–104.
7. В УПК прописали порядок изъятия криптовалюты. Бахчисарайский районный суд Республики Крым, 19.02.2026. URL: https://bahchisarai--krm.sudrf.ru (дата обращения: 29.03.2026).
8. Яджин Н.В., Егоров В.А. Понятие, формы, разновидности цифровых финансовых активов и их правовое регулирование // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 2 (72). С. 54–66.

***Э.А. Буткеева**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Н.В. Фотьянов
Барнаульский юридический институт МВД России

ВИРТУАЛЬНЫЕ АССИСТЕНТЫ НА БАЗЕ ИИ ДЛЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ: АВТОМАТИЗАЦИЯ СОСТАВЛЕНИЯ ПРОТОКОЛОВ И ПРОВЕРКИ ИХ СООТВЕТСТВИЯ УПК РФ

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства стала объективной реальностью, требующей переосмысления традиционных подходов к организации предварительного расследования. Весной 2025 г. Совет судей Российской Федерации создал специальную рабочую группу по формированию концептуальных подходов к использованию искусственного интеллекта (ИИ) в су-

дах, а в Федеральной палате адвокатов Российской Федерации аналогичная структура занялась анализом проблем применения ИИ в юридической практике [3, с. 1–2]. Эти институциональные изменения свидетельствуют о том, что вопрос внедрения ИИ в правовую сферу перешел из теоретической плоскости в практическую.

Особую значимость данная проблематика приобретает для органов предварительного расследования. Следователь ежедневно сталкивается с необходимостью оформления значительного объема процессуальных документов, каждый из которых должен строго соответствовать требованиям УПК РФ. По данным исследований, автоматизация рутинных операций с использованием ИИ может сократить время проверки документов в три раза и существенно снизить нагрузку на правоприменителя [1, с. 1]. При этом, как отмечают разработчики, ключевым условием эффективности таких систем является достижение такого уровня точности, при котором отпадает необходимость в полной перепроверке результатов человеком.

Несмотря на очевидный потенциал оптимизации, внедрение виртуальных ассистентов в деятельность следователя сопряжено с рядом фундаментальных проблем, требующих научного осмысления и законодательного решения. Согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь законом и совестью. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что данное нормативное предписание направлено на исключение какого бы то ни было внешнего воздействия на следователя с целью понуждения к принятию того или иного решения.

Однако использование ИИ для предварительной оценки доказательств, формулировок обвинения, а также прогнозирования перспектив движения дела создает риск подмены личной интеллектуальной деятельности следователя сторонней технологией. В основе уголовного процесса лежат присущие человеку интеллектуальные и моральные качества – способность к критическому осмыслению, сомнению, сопоставлению информации, пониманию чувств других и принятию этически верных решений. Эти качества пока недоступны для полного воссоздания искусственным интеллектом.

Практика использования ИИ для составления процессуальных документов выявляет риск формирования «обвинительного уклона» в зависимости от формулировки запроса. Искусственный интеллект конструирует текст в соответствии с поставленной задачей. Если следователь формулирует запрос с обвинительной установкой, результат будет соответствующим, что может привести к нарушению принципа состязательности.

Кроме того, существующие системы аудиопротоколирования несовершенны: технические сбои, недостаточное качество записи, проблемы с распознаванием речи могут приводить к искажению содержания процессуальных документов. Как отмечают эксперты, без жестких механизмов контроля не исключена возможность ошибок [7, с. 42].

Из-за того, что новые технологии внедряются быстрее, чем успевает адаптироваться законодательство, возникает опасность нарушения процессу-

альных норм при сборе и использовании цифровых доказательств. Как отмечают исследователи, необходимо определение четких критериев допустимости технологий ИИ в уголовном процессе, а также указание на объективные характеристики уголовного судопроизводства, требующие непосредственного человеческого участия.

Первоочередной мерой должно стать законодательное определение правового статуса виртуальных ассистентов в уголовном судопроизводстве. Представляется обоснованным закрепить, что результаты работы ИИ не могут признаваться иными документами-доказательствами по смыслу ст. 84 УПК РФ, а используются исключительно как вспомогательный аналитический инструмент, не имеющий доказательственного значения. Целесообразно дополнить УПК РФ положением о том, что применение систем искусственного интеллекта не освобождает следователя от обязанности личного формирования внутреннего убеждения и принятия процессуальных решений. В связи с развитием цифровых технологий предлагается внести изменение в ст. 166 УПК РФ, предусмотрев, что составление протокола следственного действия может осуществляться виртуальным ассистентом на базе искусственного интеллекта с согласия заинтересованных участников, при этом следователь сохраняет персональную ответственность за полноту, достоверность и юридическую корректность зафиксированных сведений, а сам протокол подлежит обязательному утверждению следователем.

Для предотвращения рисков нарушения прав участников уголовного судопроизводства необходимо внедрение механизмов контроля за использованием ИИ. К числу таких механизмов следует отнести:

– обязательное аудио- и видеопротоколирование следственных действий при использовании систем автоматической расшифровки;

– право участников процесса на ознакомление с исходными материалами, на основе которых ИИ сформировал тот или иной результат;

– возможность обжалования процессуальных документов, составленных с использованием ИИ, с обязательной проверкой их соответствия требованиям УПК РФ.

Виртуальные ассистенты на базе искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом для оптимизации деятельности следователя, особенно в части автоматизации составления протоколов и проверки их соответствия требованиям УПК РФ. Однако внедрение этих технологий должно осуществляться с соблюдением фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, прежде всего, принципа свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Ключевым условием успешной цифровой трансформации стадии предварительного расследования является обеспечение сбалансированного подхода, учитывающего как технологическую эффективность, так и процессуальные гарантии. Искусственный интеллект должен функционировать как вспомогательный инструмент в распоряжении следователя, не подменяя его самостоятельную интеллектуальную деятельность и нравственную ответственность. Реализация данного баланса предполагает не только техническое совершенствование

систем, но и адекватное правовое регулирование, а также формирование компетенций у специалистов, способных к эффективному и законному применению новых технологий.

Литература

1. СофтМедиаЛаб создаст ИИ-ассистента для юристов // CNews. 2025.
2. Судебные протоколы поручат искусственному разуму // Ассоциация юристов России. 2025.
3. Шеляшкова А.А., Исакова Е.В. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном процессе. На что обратить внимание защите // Уголовный процесс. 2026. № 3.

***А.Д. Горина**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.В. Павлов**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРИОСТАНОВЛЕНО ИЛИ ПРЕКРАЩЕНО В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Правовое положение подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе – это совокупность их прав, законных интересов и обязанностей, закрепленных в УПК РФ.

Помимо основных прав, предусмотренных ст. 46, ст. 47 УПК РФ, у подозреваемого и обвиняемого имеются дополнительные (специальные) права и обязанности в случае приостановления или прекращения уголовного дела в связи с прохождением военной службы.

Преследуемое лицо, которое совершило одно из преступлений, указанных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, имеет право на приостановление уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 3. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а в последующем право на освобождение от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 78 УК РФ.

Ввиду вышеуказанного права следователь разъясняет лицу основания его прекращения. Разъяснение следователем оснований прекращения уголовного дела по ст. 28.2 УПК РФ – это важнейшая процессуальная процедура. Поскольку это основание является нереабилитирующим, следователь обязан убедиться, что лицо полностью понимает юридические последствия такого шага.

Следователь обязан донести до лица следующие факты:

1. Прекращение дела по ст. 28.2 УПК РФ не означает, что человек признан невиновным или что преступления не было.

2. Государство просто отказывается от дальнейшего преследования и наказания ввиду заслуг или обстоятельств службы.

3. В информационных центрах МВД (базах данных) навсегда останется отметка о том, что лицо привлекалось к уголовной ответственности, но дело было прекращено по нереабилитирующему основанию.

Следователь обязан разъяснить, что прекращение уголовного дела не освобождает от обязанности возместить вред, потерпевший имеет право предъявить гражданский иск в порядке гражданского судопроизводства, материалы прекращенного уголовного дела могут быть использованы потерпевшим как доказательство факта причинения вреда.

Следователь должен разъяснить лицу право на судебное разбирательство, а также обязан спросить: «Согласны ли вы на прекращение дела по данному основанию?». Если лицо не согласно (например, хочет доказать свою полную невиновность и добиться оправдательного приговора), следователь не имеет права прекращать дело по ст. 28.2 УПК РФ, поэтому у лица есть возможность, в случае его невиновности, по решению суда быть реабилитированным. В этом случае производство продолжается в обычном порядке. Согласие лица фиксируется письменно в протоколе разъяснения прав и порядка прекращения дела. В нем фиксируется, что лицу зачитаны его права, объяснены последствия, и оно выражает свое согласие. Копия этого документа вручается лицу, а также направляется прокурору и потерпевшему.

В случае подписания контракта с ВС РФ лицо обязано проходить службу в том месте, которое было указано при заключении контракта. Проходя службу, обвиняемый обязан соблюдать дисциплину, исполнять решения командования воинской части, а также придерживаться надлежащего поведения.

На законодательном уровне термин «надлежащее поведение» не раскрывается, в связи с чем возникает вопрос, что под ним понимается. Для того чтобы понять что такое «надлежащее поведение» необходимо разобраться из чего оно состоит.

Надлежащее поведение складывается из:

1. Отсутствия новых преступлений (главный критерий).

Согласно закону, если в период прохождения военной службы лицо совершает новое преступление, механизм ст. 78.1 УК РФ перестает работать. Суд назначает наказание по совокупности приговоров (с учетом старого дела, которое было приостановлено). Надлежащее поведение здесь – это строгое соблюдение уголовного закона.

2. Соблюдение воинской дисциплины.

Поскольку лицо находится в статусе военнослужащего, его «законопослушность» проверяется через отношение к службе. Надлежащее поведение в этом смысле означает: выполнение приказов командиров, отсутствие фактов самовольного оставления части или дезертирства, отсутствие дисциплинарных взысканий.

3. Исполнение условий «процессуального контракта» со следствием.

Если следователю необходимо провести процессуальное действие, которое возможно в период службы, лицо обязано явиться (при содействии командования).

4. Надлежащее поведение по отношению к потерпевшему.

В теории уголовного права «надлежащее поведение» подозреваемого, обвиняемого всегда включает в себя постпреступное поведение, направленное на сглаживание последствий содеянного. В настоящее время закон напрямую не обязывает возмещать ущерб.

Согласно ст. 78.1 УК РФ и ст. 208 УПК РФ, контроль за поведением подозреваемого, обвиняемого осуществляет командование воинской части. Командир дает характеристику на военнослужащего. Именно ходатайство или отзыв командования ложится в основу решения о том, заслуживает ли лицо окончательного прекращения дела (после награды или окончания службы).

Таким образом, надлежащее поведение в рамках ст. 78.1 УК РФ – это совокупность правомерных действий подозреваемого (обвиняемого), выражающаяся в строгом соблюдении уголовного законодательства (несовершение новых преступлений), безупречном выполнении обязанностей военной службы и соблюдении воинской дисциплины, а также в добросовестном отношении к обязательствам по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Статья 104 УПК РФ предусматривает то, что если лицо нарушило поведение, следователь просто меняет меру пресечения на более строгую и уголовное дело при этом продолжается (ст. 117–118 УПК РФ) [3].

Если говорить о надлежащем поведении (ст. 78.1 УК РФ), то если лицо нарушило поведение, последствия более серьезны:

1. Уголовное дело возобновляется.

2. Лицо навсегда теряет право на освобождение от ответственности по этому основанию.

3. Добавляется риск нового срока за нарушение дисциплины.

Таким образом, нарушение лицом надлежащего поведения по смыслу ст. 78.1 УК РФ влечет за собой более серьезные последствия, чем нарушение мер наблюдения по ст. 104 УПК РФ, поскольку ведет к полному отказу в праве на освобождение от уголовной ответственности.

Исследование процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого в отношении которого уголовное дело приостановлено или прекращено позволяет охарактеризовать данный институт как специфический межотраслевой механизм, где приоритет интересов государственной безопасности временно превалирует над принципом неотвратимости наказания.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Карпова О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 37.

***А.Е. Жаркова**, слушатель 5 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.О. Галимова**, канд. юрид. наук*
Сибирский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ПОДЛЕЖАЩИХ ДОКАЗЫВАНИЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

В условиях активной миграции растет число наркопреступлений, совершаемых иностранцами и лицами без гражданства: мигранты, сталкиваясь с трудностями адаптации, языковыми барьерами и отсутствием легального дохода, становятся уязвимыми для вовлечения в наркотрафик, что требует особого подхода к расследованию таких дел.

Статья 73 УПК РФ определяет обстоятельства, подлежащие доказыванию по этой категории дел. На этапе возбуждения уголовного дела обязательным условием является подтверждение наркотической природы изъятого вещества через судебную экспертизу; без положительного заключения правовые основания для возбуждения дела отсутствуют. Процесс доказывания по делам о незаконном обороте наркотиков (НОН) условно делится на три этапа [1, с. 32]: сбор информации, относящейся к конкретному эпизоду незаконного оборота; установление участников преступной деятельности, задержание подозреваемых с поличным и предъявление обвинения; окончательное формирование доказательственной базы и составление обвинительного заключения. Таким образом, ключевым элементом возбуждения дела выступает экспертное подтверждение наркотической природы вещества, а само доказывание строится поэтапно – от сбора исходных сведений об эпизоде до задержания участников и оформления процессуальных документов, обеспечивая целостность доказательственной базы на всех стадиях.

Расследование дел о НОН, совершенных иностранцами или лицами без гражданства, имеет ряд особенностей, влияющих на процесс доказывания [2, с. 270]: специфический предмет преступления (наркотические вещества); отсутствие потерпевших; значительный массив подзаконных нормативных актов, регулирующих оборот наркотиков; умышленный характер преступлений; отсутствие свидетелей при совершении большинства таких преступлений; аноним-

ное взаимодействие участников через социальные сети и мобильные приложения.

Таким образом, доказывание по делам рассматриваемой категории осложнено не только спецификой предмета и правового регулирования, но и латентным характером преступлений, а также использованием современных средств анонимной коммуникации, что требует от следствия особой тактики и применения расширенного инструментария для выявления и изобличения участников преступной деятельности.

Вот пример: Печорский городской суд рассмотрел уголовное дело против 24-летнего иностранца, который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ (приобретение и хранение наркотических средств в значительном размере без намерения сбыта). Суд установил, что в августе 2022 г. мужчина заказал через интернет синтетическое наркотическое средство, которое было изъято из тайника в садовом товариществе в г. Печоре, и он хранил его при себе до момента задержания полицией [3].

Практическое значение предмета доказывания по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, закрепленное в ст. 73 УПК РФ, заключается в том, что следователи и дознаватели имеют четкое представление о том, какие обстоятельства они должны подтвердить в ходе расследования. Они целенаправленно собирают доказательства и данные, необходимые для установления фактов, относящихся к конкретному преступлению. При этом наряду с общими требованиями к доказательствам, существует необходимость учитывать особенности различных видов наркопреступлений. Каждая группа преступлений, например, может иметь свои специфические признаки как объективного (например, вид наркотического вещества, количество и способ его хранения), так и субъективного характера (например, намерение преступника, уровень участия). То есть помимо общих элементов состава преступления, следователь должен также искать и подтверждать дополнительные факты, которые могут иметь решающее значение для дела [4, с. 32].

В рамках расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых иностранными гражданами или лицами без гражданства, обязательному доказыванию подлежат следующие обстоятельства:

– вид наркотического средства, его размер (масса) и достаточность веса для наступления уголовной ответственности;

– событие преступления: конкретные действия, образующие объективную сторону, способ, место, время и иные обстоятельства;

– субъект преступления: лицо (лица), состав группы, роль каждого участника;

– обстоятельства, характеризующие личность виновного;

– причины и условия, способствовавшие совершению преступления;

– обстоятельства, исключающие преступность деяния либо влекущие освобождение от уголовной ответственности.

Таким образом, предмет доказывания по данной категории дел охватывает как стандартные элементы состава преступления (событие, субъект, вина), так и специфические, обусловленные особенностями наркотических средств

(вид, размер, достаточность веса), а также факторы, позволяющие индивидуализировать ответственность и установить детерминанты преступного поведения. Четкое определение этих обстоятельств необходимо для обоснованного привлечения к ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства.

Установление каждого обстоятельства, входящего в предмет доказывания по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, обязательно для обеспечения полного и всестороннего расследования уголовного дела [5, с. 79]. К обстоятельствам, подлежащим доказыванию, относятся методы совершения преступлений, связанных с наркотическими средствами. Важно четко определять момент окончания сбыта: при бесконтактной продаже преступление считается завершенным с момента выполнения продавцом всех необходимых действий по передаче наркотика покупателю, независимо от того, получил ли его покупатель и осуществил ли оплату. Сбыт становится доказуемым, когда покупатель получает информацию о месте закладки; аналогичный подход применяется и при пересылке наркотиков. Ответственность по ч. 1 и 2 ст. 228 УК РФ за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков наступает при отсутствии цели сбыта. Перевозка представляет собой умышленное перемещение наркотиков из одного места в другое, в т. ч. в пределах одного населенного пункта, однако при перемещении небольшого количества для личного потребления такие действия квалифицируются как хранение, а не перевозка.

Поскольку данные преступления совершаются преимущественно организованными группами, доказыванию подлежат групповой характер преступления (состав, количество участников, их функции); организованность и устойчивость группы (иерархия, распределение ролей, планирование, стабильность состава, внутренние правила); основные направления преступной деятельности (основной и дополнительный виды, цели, нетипичные преступления); техническое оснащение, использование программного обеспечения, интернет-ресурсов и платежных систем; руководство группой (роль в планировании, распределении доходов, администрировании интернет-ресурсов); наличие коррупционных связей с государственными служащими, используемые средства и лица, их обеспечивающие.

Четкое определение предмета доказывания по уголовному делу является необходимым условием установления фактических обстоятельств совершенного деяния и его правильной юридической квалификации, что позволяет следователю, дознавателю принять обоснованное процессуальное решение. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании незаконного оборота наркотиков, совершенных иностранными гражданами либо лицами без гражданства, приобретают доминирующее значение для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и осуществления объективного, всестороннего расследования. Прежде всего важен предмет преступного посягательства – принадлежность изъятого вещества к перечню наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Литература

1. Дейнис Д.В., Воронин С.Э. К вопросу об особенностях доказывания по делам о незаконном обороте наркотических средств // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 61–63.
2. Битов А.А. Выявление и раскрытие преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационных технологий // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5. С. 270.
3. Приговор № 1-23/2023 от 20 января 2023 г. по делу № 1-23/2023. URL: http://sudact.ru (дата обращения:19.12.2025).
4. Александрова О.Ю. Предмет и пределы доказывания по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2013. № 1 (12). С. 32.
5. Кушхов Р.Х. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Пробелы в российском законодательстве: юрид. журнал. 2017. № 3. С. 79.

***М.Н. Ибраимов**, слушатель 5 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Казанцева**, канд. юрид. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является одной из основных задач уголовного судопроизводства. Данная норма представляет собой процессуальную имплементацию конституционного принципа, закрепленного в Основном законе России, гарантирующей охрану прав потерпевших и обеспечение им компенсации причиненного ущерба. Таким образом, «институт возмещения вреда в уголовном процессе выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он служит восстановлению нарушенных частных интересов, а с другой – реализует публичный интерес государства в обеспечении справедливости и социального мира» [1, с. 97–98]. Для эффективного выполнения этой задачи требуется не просто декларация, а четкая, регламентированная деятельность органов предварительного расследования.

Ключевым субъектом, чьи интересы призван защищать данный институт, выступает потерпевший, т. е. физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, либо юридическое лицо

в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации, наделяется широким комплексом процессуальных прав. К их числу, в контексте возмещения вреда, относятся: право знать о предъявленном обвинении, знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, участвовать в судебном разбирательстве, а также предъявлять гражданский иск о возмещении имущественного вреда и компенсации морального вреда (п. 4 ч. 2, ч. 3, ч. 4 ст. 42 УПК РФ). Именно заявление гражданского иска и последующее признание лица гражданским истцом являются центральным процессуальным механизмом, запускающим процедуру возмещения в рамках уголовного дела. Гражданский истец вправе поддерживать иск, представлять доказательства, знакомиться с материалами, касающимися иска, и выступать в судебных прениях, что обеспечивает ему активную роль в восстановлении своих прав.

На досудебной стадии уголовного процесса законодатель предусматривает несколько форм и механизмов, направленных на обеспечение и реализацию права потерпевшего на возмещение вреда.

Во-первых, это добровольное возмещение вреда лицом, совершившим преступление. Данное деятельное раскаяние является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч.1 ст.61 Уголовного кодекса Российской Федерации), а в случаях, прямо предусмотренных законом, – основанием для освобождения от уголовной ответственности (например, ст. 75,76, 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Добровольное возмещение может выражаться в передаче потерпевшему денежных средств, восстановлении поврежденного имущества, компенсации расходов на лечение и т. п.

Во-вторых, для обеспечения реальности будущего взыскания закон устанавливает специальный механизм – наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия (ст. 115 УПК РФ). Наложение ареста, заключающееся в запрете распоряжаться, а в необходимых случаях и пользоваться имуществом, является мерой процессуального принуждения, призванной гарантировать исполнение будущего судебного решения о возмещении вреда. Следователь или дознаватель обязаны принимать такие меры по собственной инициативе или по ходатайству гражданского истца (ст. 160.1 УПК РФ).

В-третьих, к способам возмещения относится реституция – возврат потерпевшему вещественных доказательств в виде предметов, изъятых в ходе следствия, но признанных его собственностью (ч. 3 ст. 82 УПК РФ). Это упрощенная процедура, позволяющая восстановить владение конкретным имуществом до окончания рассмотрения дела в суде.

Процедура возмещения вреда в ходе расследования начинается с заявления гражданского иска. Иск может быть предъявлен с момента возбуждения уголовного дела до окончания предварительного расследования (ст. 44 УПК РФ). Следователь, дознаватель или судья выносят постановление (определение) о признании лица гражданским истцом, разъясняя ему процессуальные права. Отказ в признании гражданским истцом может быть обжалован.

Важным этапом является установление размера причиненного вреда. Для этого орган предварительного расследования вправе назначить соответствую-

щую экспертизу (судебно-бухгалтерскую, товароведческую, строительно-техническую, медицинскую и др.), результаты которой служат доказательством как по уголовному делу, так и для обоснования размера исковых требований. Потерпевший (гражданский истец) вправе ходатайствовать о производстве таких экспертиз, представлять свои расчеты и документы, подтверждающие размер ущерба.

Одной из ключевых проблем в правоприменительной практике, сопутствующей прекращению уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, выступает неудовлетворительное процессуальное закрепление факта добровольной компенсации причиненного ущерба.

В научной доктрине обосновывается тезис о том, что для обеспечения законности и обоснованности такого процессуального решения требуется нормативное закрепление обязанности следователя надлежащим образом документально фиксировать указанное обстоятельство. Реализовать это можно, в частности, путем составления специального протокола либо посредством приобщения к материалам дела первичных документов, свидетельствующих о произведенных компенсационных выплатах или передаче имущества (финансовые квитанции, расписки получателя и т. п.). Наличие подобных доказательств в уголовном деле формирует необходимую доказательственную базу, без которой вынесение мотивированного постановления о прекращении преследования представляется недопустимым. Игнорирование данного требования на практике зачастую приводит к принятию ошибочных решений. Типичной является ситуация, когда вред фактически устранен (например, похищенное имущество изъято в ходе задержания), однако это произошло не в результате волеизъявления и активных действий виновного лица, а вследствие оперативно-розыскных мероприятий. В подобных случаях отсутствие надлежаще оформленных доказательств добровольности приводит к неправомерной квалификации случившегося как деятельного раскаяния или примирения, что искажает цели восстановительного правосудия.

«Деятельность следователя по обеспечению гражданского иска, как справедливо отмечают исследователи, становится ключевым фактором в формировании у потерпевшего доверия к правосудию и восприятия справедливости работы правоохранительной системы в целом» [2, с. 67].

Таким образом, нормативная модель досудебного порядка возмещения вреда, несмотря на свою детализацию, ставит эффективность восстановления прав потерпевшего в прямую зависимость от активности и добросовестности действий должностных лиц, ведущих производство по делу.

Литература

1. Мамичева С.В. Права жертв преступлений и злоупотреблений властью // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 97–98.

2. Темушкин Е.П., Филиппов П.М. Вопросы обеспечения в уголовном деле возмещения материального ущерба и возможной конфискации // Правовые и экономические меры борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: сб. науч. тр. / ГВШ МВД СССР. Горький, 1981.

***А.А. Капаницына**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.Г. Михайлова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЗАЯВИТЕЛЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящее время одной из наиболее острых и спорных проблем в российском уголовном судопроизводстве является обеспечение прав заявителей на этапе возбуждения уголовного дела. Ежегодно в правоохранительные органы поступает большое количество сообщений о преступлениях, однако значительная часть заявителей сталкивается с незаконными отказами в приеме и регистрации таких заявлений. Согласно Докладу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 г., в первом полугодии 2024 г. прокуроры выявили 3 074 879 нарушений законодательства в досудебном производстве, при этом большинство из них напрямую затрагивают интересы заявителей. Эта тревожная статистика подтверждается результатами социологических исследований: несмотря на рост числа обращений на 25 % за год, примерно каждый шестой пострадавший (около 17 %) сталкивается с попытками сотрудников полиции убедить его не подавать заявление, а почти каждое десятое сообщение о преступлении (9 %) не принимается [3]. Таким образом, данные факты свидетельствуют о том, что нарушения прав заявителей на стадии возбуждения уголовного дела приобрели системный и устойчивый характер.

Проблема отсутствия легального определения понятия «заявитель» в УПК РФ наблюдается с 22 ноября 2001 года по настоящее время [2]. Несмотря на упоминание данного термина в нормах, регулирующих стадию возбуждения уголовного дела (ст. 141, 144, 145 УПК РФ), законодатель не включил его в перечень участников уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК РФ) и не раскрыл его содержание в ст. 5 УПК РФ. Чтобы раскрыть сущность данного понятия, необходимо обратиться к теоретическим разработкам уголовного процесса, посвященным правовому положению заявителя. Так, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор П.А. Лупинская определяет заявителя, как «лицо, являющееся инициатором сообщения о преступлении, т. е. лицо, официально заявившее о преступлении» [4]. Авторы статьи «Заявитель – участник уголовного судопроизводства»: Г.В. Костылева и Н.Е. Муженская предлагают более развернутое толкование: «Заявитель – это физическое или юридическое лицо, которое обратилось в орган внутренних дел или мировой суд с намерением сделать в устном или письменном виде заявление о готовящемся или совершенном преступлении» [5, с. 438–442]. Исходя из вышеизложенного и руководствуясь ст. 141 УПК РФ «Заявление о преступлении», под заявителем следует понимать лицо, сообщившее лично о совершенном в его отношении преступлении, либо представителя такого лица.

Анализ научной статьи выявил, что обеспечение прав заявителя на стадии возбуждения уголовного дела представляет собой комплексную и многогранную проблему, характеризующуюся систематическими нарушениями. Сложность этой системы вызвана рядом факторов, среди которых выделяются: неопределенность процессуального положения заявителя, его ограниченные процессуальные возможности, трудности в реализации права на обжалование решений и действий уполномоченных лиц, а также недостаточный уровень информирования заявителя о судьбе его сообщения о преступлении. Однако наиболее критичной проблемой, лежащей в основе всего досудебного производства, является неправомерный отказ в приеме или регистрации сообщения о преступлении. Это нарушение напрямую блокирует доступ заявителя к правосудию и является серьезным посягательством на его права. Часть 1 ст. 144 УПК РФ обязывает дознавателя, орган дознания, следователя и руководителя следственного органа принимать и проверять сообщения о любых совершенных или готовящихся преступлениях. Несмотря на это, в настоящее время граждане (заявители) все чаще сталкиваются с отказами в приеме их заявлений. Анализ правоприменительной практики позволяет систематизировать причины данных отказов, выделив несколько устойчивых групп нарушений:

– во-первых, распространены отказы, обусловленные некомпетентностью сотрудников либо их неверным толкованием норм о подследственности. Должностные лица ошибочно полагают, что заявление не относится к их компетенции, и отказываются принимать его, ссылаясь на территориальную неподследственность или необходимость обращения в иной орган. Однако в силу прямого указания закона (п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ) заявление может быть подано в любое подразделение, которое обязано принять его и впоследствии передать по подследственности;

– во-вторых, нередки случаи откровенного нарушения должностных обязанностей и установленных процедур, когда сотрудники, руководствуясь личным нежеланием выполнять работу, уклоняются от приема заявлений под надуманными предлогами;

– в-третьих, значительный пласт нарушений составляют формальные отговорки, не имеющие под собой правового основания. Заявителям отказывают, ссылаясь на окончание рабочего дня, давность происшествия либо неполноту сведений в заявлении. Вопреки подобной практике, дежурные части обязаны функционировать круглосуточно, а сообщение о преступлении должно приниматься вне зависимости от времени его совершения, полноты сведений и формы представления. (Приказ МВД России от 29.08.2014 №736) [1].

– в-четвертых, сотрудники нередко указывают на ошибки в оформлении заявления, полагая их непреодолимым препятствием. Вместе с тем закон не предъявляет жестких требований к форме заявления – будь то устное или письменное обращение, – акцентируя внимание на содержательной стороне: наличии сведений, указывающих на признаки преступления».

Приведенный перечень неправомерных отказов в регистрации сообщений о преступлениях не является исчерпывающим. Тем не менее существуют случаи, когда отказ может быть признан законным. Показательным примером яв-

ляется определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2021 № 347-О. В ходе рассмотрения обращения гражданина И.А. Солодкина, осужденный за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, инициировал процедуру подачи заявления о преступлении, которое, по его мнению, заключалось в медицинской халатности, приведшей к летальному исходу в рамках его дела. Однако следственные органы приняли решение не регистрировать данное заявление, поскольку вступившим в законную силу приговором суда было установлено, что причиной смерти стало противоправное деяние самого Солодкина. В ответ на отказ в возбуждении уголовного дела, Солодкин подал жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ. Районный суд не удовлетворил его ходатайство, мотивируя это тем, что оспариванию подвергается судебный приговор, а не решение о регистрации заявления. Далее суд апелляционной инстанции, в ходе заседания которого Солодкину было отказано в участии, отменил постановление нижестоящего суда. Приняв новое решение, суд апелляционной инстанции также отказал в принятии жалобы, аргументируя это тем, что заявитель, по сути, ставит под сомнение вынесенный приговор. Впоследствии Солодкин обратился в Конституционный Суд Российской Федерации. Он оспаривал конституционность нескольких положений УПКРФ, утверждая, что они ограничивают его право на доступ к правосудию. Конституционный Суд Российской Федерации принял решение не принимать жалобу Солодкина к своему производству [6].

Для устранения нарушений прав граждан, обращающихся с заявлениями о преступлениях, а также для улучшения порядка начала уголовного преследования необходимо внести некоторые изменения в УПК РФ:

– прежде всего, важно точнее определить правовое положение заявителя. В законодательстве следует закрепить его основные права и обязанности. Человек, подавший заявление, должен иметь возможность получать квалифицированную юридическую помощь, участвовать в проверке сообщения о преступлении и получать сведения о ходе рассмотрения обращения с момента его подачи;

– также необходимо повысить уровень информирования граждан. Сотрудники, принимающие заявления, обязаны разъяснять заявителям их права, сроки рассмотрения обращения, порядок обжалования решений и этапы проведения проверки. Дополнительно можно ввести обязательную выдачу памятки с краткой информацией о процедуре;

– помимо этого, требуется усилить ответственность должностных лиц за нарушения при приеме и регистрации заявлений. В случаях несоблюдения установленного порядка к виновным должны применяться дисциплинарные или административные меры ответственности.

Таким образом, защита прав заявителя на первоначальном этапе возбуждения уголовного дела выступает в качестве фундаментального аспекта справедливого судопроизводства. Гарантия того, что каждое поступившее заявление будет рассмотрено в строгом соответствии с законом, с должным учетом изложенных обстоятельств и без какого-либо ущемления законных интересов

обратившегося лица, является краеугольным камнем, формирующим доверие граждан к системе правосудия.

Литература

1. Об утверждении инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах министерства внутренних дел российской федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Юрченко О.Б. Сравнительно-правовой анализ правового статуса заявителя в законодательстве Российской Федерации и странах Содружества Независимых Государств // ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», г. Омск, 2020 г.
5. Гребенщикова А.А. Общая характеристика «заявления о преступлении» как повода возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. 2016. № 14 (118). С. 438–442.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Солодкина Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.02.2021 № 347-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Н.В. Колосунин**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Н.В. Климович
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Действующий УПК РФ понятие «психолог» законодательно не закрепляет, что создает правовую неопределенность и затрудняет понимание его процессуальной роли. Психолог не выделен в качестве самостоятельного участника

уголовного судопроизводства и не имеет отдельной правовой нормы, регламентирующей сущность его правового статуса.

На сегодняшний день в науке и практике сложилось два основных подхода к пониманию процессуального положения психолога. Согласно первому подходу, психолог рассматривается как самостоятельный участник уголовного судопроизводства, требующий отдельной правовой регламентации [3]. Сторонники второго подхода полагают, что психолог выступает как привлекаемый в уголовный процесс эксперт или специалист, участие которого регламентировано ст. 57, 58, 70, 71, 80, 168 УПК РФ, и введение дополнительных законодательных норм не является целесообразным [2, с. 14].

Несмотря на то, что часть норм Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации регламентирует участие психолога в следственных и процессуальных действиях, в правоприменительной деятельности до настоящего времени остается не разрешенным ряд вопросов.

Так, Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] была дополнена ст. 144 УПК РФ нормой, разрешающей назначение и производство судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. На практике это привело к тому, что дознаватели и следователи стали назначать судебно-психиатрические и психолого-психиатрические экспертизы еще до возбуждения уголовного дела. Однако проведение очных экспертиз с обязательным исследованием непосредственного лица на данной стадии вызывает серьезные сомнения, поскольку на решение о возбуждении уголовного дела экспертные выводы о вменяемости (невменяемости) лица повлиять не могут. Ключевая проблема заключается в том, что УПК РФ не регламентирует процессуальный статус психолога, привлекаемого для дачи заключения или консультации на стадии доследственной проверки. Законодатель предусмотрел обязательное назначение экспертизы только при наличии указанных в УПК РФ оснований в отношении подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего. В отношении иных лиц (свидетелей, заявителей) вопрос о необходимости установления их психического состояния на стадии доследственной проверки остается неурегулированным, что создает риск признания полученных доказательств недопустимыми.

Кроме того, в ходе предварительного расследования участие психолога сопряжено с рядом серьезных проблем, обусловленных пробелами уголовно-процессуального законодательства. Во-первых, в УПК РФ отсутствуют нормы, регламентирующие самостоятельный процессуальный статус психолога, как участника судопроизводства, ограничиваясь регулированием его участия в следственных действиях. При этом законодатель не разграничивает статус педагога и психолога, что порождает неоднозначность трактовки положений закона, затрудняет соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних и ведет к разногласию в правоприменительной практике. Во-вторых, в УПК РФ отсутствует регламентация прав и обязанностей психолога, участвующего в следственных действиях. Как отмечается в литературе, отсутствие четко регламентированных прав и обязанностей этого участвующего лица порождает

сложности и проблемы на практике [1, с. 105]. Единообразия в понимании пределов компетенции психолога и защиты эмоционального состояния несовершеннолетнего у правоприменителя не сформировалось. Функция психолога в ходе его участия в следственном действии трактуется по-разному.

Следующей очевидной проблемой при расследовании уголовных дел является отсутствие квалификационных требований к психологу. В Российской Федерации не существует единой базы психологов, привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве. К следствию может быть привлечен любой специалист, формально подходящий под квалификационные требования (наличие образования либо опыта работы). При этом психолог может иметь лишь свидетельство о переквалификации, а не полноценное профессиональное образование, что ставит под сомнение качество оказываемой им помощи.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статьей «58.1. Психолог» и изложить ее в следующем содержании: «*1. Психолог – лицо, обладающее специальными познаниями в области психологии, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом.*

Психолог вправе:

1) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать замечания, подлежащие внесению в протокол;

2) с разрешения следователя, дознавателя или суда задавать вопросы допрашиваемому лицу;

3) заявлять ходатайства, связанные с обеспечением прав и законных интересов несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства;

4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Психолог не вправе:

1) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд;

2) разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу.

За разглашение данных предварительного расследования психолог несет ответственность в соответствии со ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о необходимости комплексного реформирования уголовно-процессуального законодательства в части закрепления правового статуса психолога. Отсутствие четкой регламентации процессуального положения психолога, его прав и обязанностей, а также квалификационных требований к данному участнику уголовного судопроизводства создает существенные проблемы в правоприменительной практике, ведет к формальному привлечению психологов и снижает эффективность защиты прав несовершеннолетних участников процесса.

Представляется, что предложенная нами в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации норма устранит существующие проблемы в теории и обеспечит единообразие правоприменительной деятельности.

Литература

1. Лазарева В.А. Демкина М.С. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 3. С. 101–107.
2. Тришина Н.Т., Миликова А.В. Роль психолога в досудебном уголовном процессе // Юридическая психология. 2022. № 2. С. 13–16.
3. Уголовно-процессуальный статус педагога и психолога при проведении следственных действий в отношении несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого // Интернет-конференции сибирского юридического университета URL: https://conf.siblu.ru/ugolovno-processualnyy-status-pedagoga-i-psihologa-pri-provedenii-sledstvennyh-deystviy-v-otnoshenii (дата обращения: 05.03.2026).
4. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

***А.Ю. Коновалов**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Торовков
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРЕКРАЩАЕТСЯ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В ПОРЯДКЕ СТ. 28.2 УПК РФ

Российский уголовно-процессуальный закон в настоящий момент предусматривает самостоятельное, вне сомнений в контексте истории уникальное, основание прекращения уголовного преследования в связи с прохождением лицом военной службы (ст. 28.2 УПК РФ). Появление данного основания стало следствием особого курса уголовной политики. Законодательная новелла предоставила возможность лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений и изъявившим желание выполнять конституционный долг по защите Отечества, быть не привлеченными к уголовной ответственности, а также позволила государству получить дополнительный источник людских ресурсов для пополнения личного состава подразделений Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ).

Исходя из правовой конструкции ст. 28.2 УПК РФ, представляется, что прекращение уголовного преследования в связи с прохождением лицом военной службы является нереабилитирующим основанием, на что указывает прямая обязанность субъектов уголовной юрисдикции по получению согласия ли-

ца на такое прекращение (ч. 2 ст. 28.2 УПК РФ). Сказанное обуславливает актуальность обращения научного взора на проблематику обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого прекращается уголовное преследование в порядке ст. 28.2 УПК РФ.

Прежде всего, стоит заметить, что прекращение уголовно-процессуального производства по рассматриваемому основанию отличается «двухступенчатостью», состоящей в необходимости предварительного приостановления последнего. Причина такого построения видится в том, что само по себе, например, заключение контракта, еще ничего не значит, лицо не предприняло должных активных действий по своему исправлению путем выполнения конституционного долга по защите Отечества, потому уголовное преследование не прекращается, а приостанавливается с тем, что в случае повторных противоправных действий, уклонения от выполнения обязанностей военнослужащего или расторжения контракта не по предусмотренным ст. 78.1 УК РФ основаниям, оно вновь может возобновиться.

Приостановление производства по уголовному делу в рамках реализации рассматриваемого механизма на стадии предварительного расследования осуществляется следователем и дознавателем, на судебных стадиях – судом соответственно. При этом по уголовному делу должен иметься подозреваемый или обвиняемый (подсудимый, осужденный) в совершении преступления, не входящего в перечень исключений ч. 1 ст. 78.1 УК РФ.

Фактическим основанием для принятия решения о приостановлении выступает факт призыва подозреваемого или обвиняемого (подсудимого, осужденного) на военную службу в период мобилизации или в военное время в ВС РФ, заключение ими контракта о прохождении военной службы в ВС РФ или прохождение ими военной службы в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, а юридическим основанием – ходатайство командования воинской части (учреждения) о приостановлении расследования (производства по уголовному делу). Вместе с тем примечательно, что про необходимость получения согласия подозреваемого (обвиняемого, подсудимого, осужденного) при решении вопроса о приостановлении уголовно-процессуального производства не упоминается, однако оно подразумевается самим порядком, поскольку если лицо, например, не заключит контракт о прохождении военной службы, то механизм просто не сможет запуститься. Про отношение к инкриминируемому деянию на момент приостановления в законе также ничего не сказано, поступление на службу еще не означает признания вины или то, что лицо впоследствии обязательно должно согласиться с прекращением уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ.

Например, бывший заместитель главы Министерства обороны Российской Федерации Т.В. Иванов вину в совершении целого ряда преступлений не признает, в т. ч. и по расследуемому на момент написания настоящей работы уголовному делу о получении взяток в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ), при этом он заявил о готовности поступить на военную службу в ВС РФ и отправиться в зону проведения СВО в составе штурмового подразделения [2]. По этой причине все возникающие на страницах юридической литературы идеи

о возложении на лицо, в отношении которого уголовно-процессуальное производство приостанавливается в связи с прохождением военной службы, различных обязательств, к примеру о возмещении вреда, причиненного преступлением [1, с. 240], противоестественны и противоречат принципу презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ).

Стоит указать и на то, что основания приостановления (п. 3.1 ч. 1 ст. 208, п. 5 ч. 1 ст. 238, ч. 3.1 ст. 253, ч. 2 ст. 389.7, ч. 5 ст. 389.11, ч. 2.1 ст. 389.13 УПК РФ), так и основание прекращения уголовного преследования (ст. 28.2 УПК РФ) являются императивными и исключают дискреционное усмотрение субъектов уголовной юрисдикции. Данный вывод подтверждается, во-первых, конструкцией ст. 28.2 УПК РФ с односложной формулировкой «прекращает уголовное преследование», а также буквальным толкованием положений той же ст. 208 УПК РФ, диктующих необходимость приостановления предварительного расследования в случае поступления подозреваемого на военную службу в конкретные периоды и время.

Во-вторых, позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой п. 3. 1 ч. 1 ст. 208 и ст. 28.2 УПК РФ закрепляют гарантии обязательного приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования и не допускают в этих случаях составления следователем, дознавателем обвинительного документа, в противном случае могут возникнуть препятствия рассмотрению уголовного дела судом с дальнейшим возвращением его прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ [3].

К тому же возможность вынесения субъектами уголовной юрисдикции отказа в прекращении уголовного преследования в связи с прохождением военной службы «ломала» бы весь замысел механизма. Непременно возникал бы парадокс, когда государство предоставляет подозреваемому и обвиняемому (подсудимому, осужденному) вариант «искупления вины» в рамках прохождения военной службы и обозначает конкретные критерии такого «искупления», однако затем само же, действуя через субъектов уголовной юрисдикции, может отказаться от своих обязательств. Данное бы являлось прямым нарушением прав и законных интересов лица, вовлеченного в орбиту уголовно-процессуальных отношений.

Объем настоящей статьи позволяет ограничиться лишь самым общим выводом: прекращение уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ является самостоятельным нереабилитирующим основанием, что предопределяет необходимость пристального внимания к соблюдению прав и законных интересов лица, в отношении которого такое прекращение осуществляется. Считаем, что современное состояние правового регулирования в данной части позволяет это обеспечить в полной мере.

Литература

1. Нехаев И.Н. О положении потерпевшего по прекращенному уголовному делу на основании статьи 28.2 УПК РФ в призме развития социальных гарантий и некоторых иных мер поддержки лиц – участников специальной воен-

ной операции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 235–241.

2. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 39 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2025. № 2.

3. Осужденный Тимур Иванов заявил о готовности отправиться на спецоперацию. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68f8d9319a7947395dca8a72 (дата обращения: 10.03.2026).

***А.В. Кудрявцева**, слушатель 5 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.О. Галимова**, канд. юрид. наук*
Сибирский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СТ. 106 УК РФ: МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОНФЛИКТ ПРАВА, МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ

Правовая конструкция ст. 106 УК РФ, устанавливающая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, представляет собой уникальный для уголовного права компромисс между принципом неотвратимости наказания и учетом особого психофизиологического состояния женщины. Однако именно этот компромисс порождает глубочайший конфликт в правоприменении. Доказывание по данной категории дел превращается в «юридическую ловушку»: с одной стороны, требуется установить все элементы состава преступления против жизни, с другой – доказать наличие привилегирующих признаков (состояние родов или психотравмы), которые снижают общественную опасность деяния.

Парадокс ситуации усугубляется тем, что ключевые понятия состава – «момент начала жизни», «период новорожденности» и «психическое расстройство, не исключающее вменяемости» – не имеют в законе четких дефиниций и отданы на откуп междисциплинарным экспертным оценкам. Отсутствие единообразной правоприменительной практики, ставит под угрозу принцип справедливости правосудия.

В юридической литературе встречается мнение о том, что началом жизни следует считать момент первого вздоха ребенка.

Момент отделения плода от матери можно считать началом рождения. Но младенец может родиться мертвым, поэтому в перинатальной медицине введе-

ны критерии «живорожденности», охватывающие наличие безусловных врожденных рефлексов.

Точное определение начала жизни имеет правовое значение для привлечения к уголовной ответственности за посягательства на жизнь.

В ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено начало правоспособности человека – момент его рождения, смертью правоспособность заканчивается. Отечественное уголовное право также стоит на аналогичных позициях, началом жизни считается момент физиологических родов.

В юридической и медицинской науке существуют разные точки зрения о моменте наступления смерти. Так, Н.И. Загородников обращал внимание, что условным моментом смерти считается момент окончательной остановки сердцебиения [1, с. 3]. В свою очередь, А.В. Маринская считает, что смертью является необратимая гибель головного мозга, при этом этот факт должен быть установлен при помощи выработанных современной медициной средств и способов, которые без сомнения свидетельствовали о ее наступлении. Именно этот момент активирует все юридические последствия смерти человека во всех правовых сферах. Особо это проявляется в уголовном, гражданском, семейном праве [2, с. 140].

Таким образом, моментом наступления смерти необходимо считать момент полного необратимого прекращения всех функций головного мозга.

Все изложенное порождает вопросы, связанные с возможностью обладать субъективными правами лишь с рождения, либо находясь в положении эмбриона, т. к. он генетически автономен от матери не является продолжением ее тела и частью материнского организма и способен к саморазвитию.

Ребенок признается новорожденным в момент его отделения от утробы матери и появлении у него первых признаков жизни. Установление факта рождения живого ребенка, чрезвычайно важно при квалификации преступления.

Спорным можно считать и вопрос о том, с какого моменте заканчивается период новорожденности. Большинство ученых сходятся во мнении, что период новорожденности длится до одного месяца.

Однако большинство исследователей и практиков поддерживают существование ст. 106 УК РФ, аргументируя это особой психофизиологией деторождения. Современные исследования подтверждают, что в послеродовой период у женщины наблюдаются эндокринные изменения, вызывающие психические расстройства, неврозы и депрессии. Особенно тяжелыми эти состояния бывают при наличии длительного негативного воздействия со стороны родственников или тяжелого социального положения. Как показывает практика, большинство осужденных за детоубийство – молодые женщины, рожавшие впервые, часто не имеющие нормальных бытовых условий, постоянного заработка или поддержки близких. Сторонники этой позиции также подчеркивают, что формирование мотива у таких женщин часто происходит под влиянием нежелательной беременности на протяжении многих месяцев, и убийство ребенка во время родов психологически воспринимается ими не как лишение жизни, а как «избавление от беременности», особенно когда ребенок еще не отделился от тела матери.

Ключевая проблема доказывания по ст. 106 УК РФ кроется в оценочном характере ее ключевых понятий. Закон оперирует такими категориями, как «психотравмирующая ситуация», «психическое расстройство, не исключающее вменяемости», а также временными рамками «во время родов», «сразу же после родов». Однако ни Уголовный кодекс, ни Пленум Верховного Суда не дают четких разъяснений, что именно следует понимать под этими терминами. На практике это приводит к серьезным разночтениям.

Решение этой проблемы видится в комплексе мер. Прежде всего, необходима законодательная конкретизация. Так, следует либо в самом тексте ст. 106 УК РФ, либо в постановлении Пленума Верховного Суда четко определить временные рамки, в течение которых убийство может считаться совершенным «сразу же после родов», а также дать развернутое толкование понятия «психотравмирующая ситуация» применительно к данному составу преступления. Ключевую роль в доказывании играют судебные экспертизы. Необходимо не только обязательное проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы, но и повышение квалификации экспертов для оценки влияния конкретных жизненных обстоятельств на состояние женщины в родах и послеродовой период.

Проведенный анализ выявил ключевые выводы теоретического и практического значения:

1. Доказывание по ст. 106 УК РФ усложнено ее междисциплинарной природой: предмет доказывания лежит на пересечении юриспруденции, акушерства и психиатрии. Юридические факты тесно переплетены с медицинскими критериями (живорожденность, гибель мозга). Пока в законе не зафиксировано единое толкование этих понятий, следственные ошибки останутся неизбежными.

2. Оценочные термины («психотравмирующая ситуация», «сразу же после родов») порождают правовую неопределенность. Без их законодательного определения наличие состава преступления зависит от субъективного усмотрения, а не от объективных фактов.

3. Выделение детоубийства в отдельный привилегированный состав имеет научное обоснование: эндокринология и психиатрия подтверждают влияние родового состояния на способность женщины осознавать действия. Социальные факторы усиливают эффект, превращая беременность в «психотравмирующую ситуацию».

4. Для решения проблем требуется уточнение закона и улучшение экспертиз. Следует законодательно определить период новорожденности (до 28 дней жизни) и психотравмирующую ситуацию. Основную роль должны играть комплексные психолого-психиатрические экспертизы, выявляющие причинно-следственную связь между психическим состоянием женщины и ее деянием.

В итоге проблема доказывания по ст. 106 УК РФ выходит за рамки чисто юридической – это комплексный вызов уголовному правосудию, решение которого требует согласования правовых норм с данными современной медицины.

Литература

1. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. С. 278.
2. Маринская А.В. Различие терминов «момент смерти» и «время смерти» // Новеллы права и политики (г. Гатчина, 23 ноября 2022 г.). Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ. 2022. № 2. С. 140–142.

***А.Г. Ланге**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.Г. Михайлова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Процесс цифровизации российского правосудия, получивший мощный импульс в последние годы, привел к существенному расширению применения дистанционных технологий. Внедрение ст. 241.1 в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [1] закрепило возможность участия в судебном заседании подсудимого путем использования систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) не только в исключительных случаях, но и как общую практику при обеспечении безопасности и порядка. Однако стремительная «технологизация» процесса неизбежно вступает в противоречие с традиционными фундаментальными принципами, одним из которых является принцип языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ).

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что дистанционный формат создает дополнительные барьеры для коммуникации. Для лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, технические искажения звука, задержки связи и отсутствие личного контакта с участниками процесса могут стать критическим фактором, искажающим суть происходящего. В условиях, когда правосудие осуществляется «через экран», обеспечение права на бесплатную помощь переводчика трансформируется из формального требования в сложнейшую организационно-правовую проблему, решение которой в действующем законодательстве не представлено.

Фундаментальная проблема реализации принципа языка в дистанционном судопроизводстве заключается в отсутствии четкой регламентации места нахождения переводчика и механизма его взаимодействия с подсудимым. Согласно ст. 18 УПК РФ, участникам процесса, не владеющим языком, должно быть обеспечено право давать показания, заявлять ходатайства и выступать на родном языке. В условиях очного присутствия переводчик находится в непо-

средственной близости от подсудимого, что позволяет осуществлять синхронный перевод «на ухо», обеспечивая непрерывность восприятия процесса. В условиях дистанционного судопроизводства (ВКС) эта связь разрывается. Если переводчик находится в зале суда рядом с судьей, подсудимый, находящийся в следственном изоляторе, слышит перевод через динамики с искажениями. Если же переводчик находится в СИЗО вместе с подсудимым, судья не всегда может адекватно контролировать точность перевода.

Теоретики уголовного процесса, такие как Л.А. Воскобитова и Т.Ю. Вилкова, справедливо отмечают, что дистанционное правосудие не должно снижать уровень процессуальных гарантий. По мнению Вилковой, «цифровое равенство» участников процесса невозможно без обеспечения качественного канала аудиовизуальной трансляции для перевода [2]. В свою очередь, политики и представители высших судебных инстанций часто делают акцент на эффективности и экономии бюджетных средств при использовании ВКС (сокращение расходов на конвоирование и этапирование) [3].

Особое внимание заслуживает сравнение статуса защитника и переводчика в контексте ст. 241.1 УПК РФ. Законодатель в ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ сделал важный шаг, указав, что для обеспечения права на защиту адвокат может находиться как в месте нахождения подсудимого, так и в зале суда. Это хотя бы минимально регулирует участие защитника. В то же время о переводчике в данной статье не сказано практически ничего.

Этот правовой вакуум выглядит деструктивным, поскольку переводчик является единственным гарантом участия в судопроизводстве лиц, не знающих языка. Без качественного перевода подсудимый превращается в пассивного наблюдателя, что нарушает принцип состязательности сторон.

Так, например, в 2022 г. при рассмотрении дела о замене режима исправительного учреждения со строгого на тюремный Чердынским районным судом Пермского края в отношении гражданина П. переводчик ввиду болезни не смог явиться на судебное заседание. Осужденный по национальности грузин и плохо владеет русским языком, однако суд, ссылаясь на доводы прокурора, рассмотрело дело в отсутствие переводчика. Впоследствии защитник осужденного подал апелляционную жалобу, которая была удовлетворена, так суд решил, что были допущены нарушения прав осужденного, предусмотренные ст. 18 УПК РФ; судебное разбирательство, в котором по существу разрешался вопрос об ухудшении положения П., было проведено без участия переводчика; осужденный был лишен права давать пояснения на родном языке, получать достоверную информацию, содержащую большое количество документов, с переводом, что повлекло нарушение не только права П. на судебную защиту, но и конституционных принципов равенства сторон и состязательности уголовного процесса [4].

Для решения указанных проблем и минимизации рисков нарушения прав граждан предлагается внести следующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

1. Дополнить ст. 241.1 УПК РФ частью 4.1 следующего содержания: «При участии в судебном заседании подсудимого путем использования систем

видео-конференц-связи, если подсудимый не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство, переводчик должен находиться в месте нахождения подсудимого. В исключительных случаях, при невозможности явки переводчика в место нахождения подсудимого, допускается участие переводчика путем видео-конференц-связи из зала суда при условии обеспечения подсудимого и его защитника отдельным выделенным каналом аудиосвязи для перевода». Физическое нахождение переводчика рядом с подсудимым – это единственный способ обеспечить синхронный перевод и возможность оперативного взаимодействия между обвиняемым и судом без технических задержек.

2. Разработать и утвердить технический регламент использования ВКС для целей перевода, предусмотрев обязательное использование гарнитур (наушников) для подсудимого, чтобы перевод не перекрывал речь судьи или других участников процесса в общем канале связи. Техническое несовершенство систем связи часто приводит к тому, что переводчик «забивает» голос судьи, из-за чего подсудимый не слышит ни оригинал, ни перевод должным образом.

3. Внести изменения в ст. 18 УПК РФ, дополнив ее положением о том, что при использовании дистанционных технологий перевода нарушение качества связи, приводящее к невозможности понимания процесса подсудимым, является безусловным основанием для перерыва или отложения судебного заседания.

Реализация данных предложений позволит гармонизировать процесс внедрения высоких технологий с незыблемыми принципами уголовного судопроизводства, обеспечив реальную, а не декларативную защиту прав лиц, не владеющих языком судопроизводства. Цифровизация должна быть инструментом справедливости, а не препятствием к ней.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Вилкова Т.Ю. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в условиях развития цифровых технологий // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3А. С. 306–313.

3. Романько А.Г. О Некоторых вопросах реализации принципа языка уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Право и практика. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-realizatsii-printsipa-yazyka-uglovnogo-sudoproizvodstva-v-usloviyah-tsifrovizatsii.

4. Григорьев В. Непредоставление переводчика как нарушение права на защиту // Адвокатская газета. 2022. № 256.

***А.Е. Лапшина**, курсант 4 курс*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Фельк
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО IT-ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Стремительная цифровизация, охватившая практически все сферы общественной жизни, изменила не только повседневный уклад, но и криминальную среду. Значительная часть противоправной деятельности переместилась в виртуальное пространство, где применяются сложные технические приемы. По данным международных исследований, в 2024 г. размер причиненного киберпреступлениями ущерба достиг критических величин [1, с. 21]. Для России также характерен устойчивый рост числа деяний, совершаемых в сфере компьютерной информации. Указанные обстоятельства выводят противодействие подобным угрозам на первый план среди задач правоохранительных органов, а следователям диктуют необходимость осваивать принципиально иные подходы к расследованию. В этих условиях на первый план выходит собирание цифровых доказательств.

Действующий УПК РФ не закрепляет легальных дефиниций «электронное доказательство» либо «цифровое доказательство». В ст. 74 УПК РФ самостоятельного вида доказательств, охватывающего цифровую информацию, нет. Поэтому правоприменители вынуждены адаптировать традиционные средства доказывания: материальные носители (флеш-накопители, жесткие диски) признаются вещественными доказательствами, а содержащиеся на них файлы – иными документами. Как подчеркивают А.А. Поддубняк и А.А. Алиева, отсутствие точного нормативного определения электронных носителей порождает неоднозначное толкование даже в среде сотрудников правоохранительных органов [2, с. 214]. Эта неопределенность разделила процессуалистов: одни настаивают на выделении электронных доказательств в отдельный вид, полагая, что их специфика требует особого правового режима, другие же считают, что приемы доказывания в данной области принципиально не отличаются от работы с традиционными источниками информации, и обособление излишне.

Сама деятельность по собиранию цифровых доказательств сопряжена с рядом трудностей. Она предполагает проведение специфических следственных действий, порядок производства которых урегулирован недостаточно полно.

З.И. Харисова справедливо указывает на необходимость детальной регламентации и алгоритмизации процессов собирания, хранения и использования цифровых данных, имеющих значение для дела [3, с. 119]. Особые сложности возникают и при изъятии электронных носителей. УПК РФ пополнился соответствующими нормами, в частности ст. 164.1, предусматривающей участие специалиста при изъятии электронных следов. Однако практика применения

этой статьи выявила серьезные недостатки, требующие дальнейшего совершенствования закона.

У цифровых доказательств есть существенное свойство: их относительно легко изменить или безвозвратно удалить. Чтобы минимизировать этот риск, на практике применяют специальные методы фиксации – хэширование (формирование уникального цифрового отпечатка) и ведение журналов аудита (протоколирование всех операций с данными). Вместе с тем отсутствие единых стандартов обработки цифровой информации создает проблему: суды нередко отказываются признавать такие материалы допустимыми доказательствами, ссылаясь на сомнения в их достоверности [4, с. 121].

Стремительное развитие технологий также обостряет коллизию между фактическими возможностями обработки данных и действующими правовыми ограничениями. Например, системы искусственного интеллекта способны за считаные минуты проанализировать объем информации, на изучение которого человеку потребовались бы месяцы. При этом в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют четкие правила, определяющие законный и корректный порядок применения таких инструментов. В результате использование передовых технологических решений может невольно приводить к нарушению процессуальных предписаний [5, с. 153].

Проблемы собирания доказательств по IT-преступлениям носят комплексный характер, затрагивая правовые, организационные и технические аспекты. Отсутствие легального определения электронных доказательств, несовершенство процессуальных механизмов их собирания, недостаточная подготовка кадров и слабая техническая оснащенность правоохранительных органов в совокупности обусловливают низкую раскрываемость преступлений названной категории. Преодоление этих трудностей требует системного подхода, объединяющего модернизацию законодательства, внедрение современных технико-криминалистических средств и развитие системы профессиональной подготовки специалистов. Особое значение приобретает использование искусственного интеллекта и автоматизированных аналитических комплексов, дающих возможность эффективно обрабатывать большие массивы цифровой информации. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что дальнейшее развитие в этой сфере немыслимо без тесного взаимодействия ученых, практиков и законодателей. Только при условии разработки взвешенных правовых норм, внедрения актуальных технологий и подготовки квалифицированных кадров можно обеспечить эффективное противодействие IT-преступности в условиях цифровой трансформации общества.

Литература

1. Савельева Е.А. Тенденции киберпреступности: анализ отчетов о происшествиях и ущербе // Экономика и парадигма нового времени. 2025. Вып. № 5.

2. Поддубняк А.А., Алиева А.А. Специфика доказательственного значения отдельных видов электронных носителей информации // Ученые записки

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2020. Т. 4 (70). С. 207–214.

3. Харисова З.И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 116–126.

4. Яковлева Н.Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (80).

5. Пшава В.В., Плетнев В.В., Стешина Е.А. Некоторые аспекты использования возможностей искусственного интеллекта в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве // Право и практика. 2025.

***А.В. Маерле**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.Г. Михайлова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Действующее законодательство РБ в сфере уголовного судопроизводства регулируется нормами УПК РБ [1]. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РБ обвиняемым является физическое лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в свою очередь, по делам частного обвинения обвиняемым является физическое лицо, относительно которого судом принято заявление о совершенном им преступлении.

Менее дифференцированный подход к вариациям приобретения лицом статуса обвиняемого, по сравнению с российским законодателем (обвинительный акт, обвинительное постановление), довольно просто объясняется тем, что в уголовном судопроизводстве РБ дознание переведено в разряд первоначального этапа предварительного расследования, так, лицо, производящее дознание по возбужденному уголовному делу, производит неотложные следственные и другие процессуальные действия для установления и закрепления следов преступления, после чего в срок не позднее 10 суток направляет дело следователю (ст. 186 УПК РБ) [3; 7, с. 69].

В России же процедура выдвижения обвинения является одним из ключевых критериев дифференциации предварительного расследования – предварительное следствие и дознание соответственно. Несмотря на стремление россий-

ского законодателя максимально унифицировать эти две формы предварительного производства по уголовному делу, полного их слияния не произошло. Вследствие этог, для дознания, как более упрощенной формы досудебного расследования, законодательно установлен облегченный порядок выдвижения обвинения. Наличие же автономной процедуры привлечения лица в качестве обвиняемого в рамках предварительного следствия, по мнению профессора С.Б. Россинского, обусловлено тем, что последнему свойственно более глубокое погружение в обстоятельства дела, обеспечивающее подлинную возможность их полного, всестороннего и объективного исследования в лучших традициях отечественной уголовной юстиции, тогда как дознание в целом сохраняет свою «полицейскую природу» [8, с. 37].

Так или иначе, по смыслу уголовно-процессуального законодательства как Республики Беларусь, так и Российской Федерации, лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого с момента вынесения уполномоченным должностным лицом специального процессуального акта. Помимо этого, в РБ для обвиняемого устанавливается ряд обязательств, в частности, своевременно являться по вызову органа, осуществляющего уголовное преследование, неукоснительно следовать законным требованиям указанного органа (в Российской Федерации подобные требования устанавливаются подпиской о невыезде и надлежащем поведении, обязательством о явке), а также активно участвовать в производстве следственных и иных процессуальных мероприятий.

В дополнение к этому в ч. 1 ст. 240 УПК РБ особо подчеркивается, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно быть мотивированным, тем не менее определение мотивированности находится в сфере дискреционного усмотрения субъекта уголовной юрисдикции. В Российской Федерации требование мотивированности вытекает из принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ) [2].

Также мы обнаруживаем различия в механизме изменения обвинения на стадии судебного разбирательства. Так, в соответствии со ст. 252 УПК РФ, пределы судебного разбирательства определяются сформулированными в ходе предварительного расследования обвинения и выход за его пределы считается недопустимым. В противном случае, когда изложенное в обвинительном заключении обвинение не соответствует обвинению, предъявленному следователем, а также когда наличествует необходимость изменить квалификацию, вменить более тяжкое преступление, уголовное дело в порядке ст. 237 УПК РФ возвращается прокурору.

Несколько иной подход избран белорусским законодателем, согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики. Если в ходе судебного следствия требуется изменить обвинение в части его усиления, т. е. вменить более тяжкое, то суд в порядке ст. 301 УПК РБ по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв в судебном заседании для принятия соответствующего решения. Представляется, что данное различие видится весьма эффективным инструментом изменения обвинения, прежде всего из соображений экономии процессуальных сроков, к тому же процедура позволяет обеспечить

стороне защиты возможность для подготовки к судебному разбирательству в условиях расширенной уголовно-правовой претензии.

Считаем, что для российского уголовно-процессуального закона перенятие указанной возможности крайне целесообразно, да и многие видные российские ученые-процессуалисты уже обращали внимание на несовершенство порядка изменения («исправления дефектов») обвинения в судебных стадиях [4, с. 41; 5, с. 129]. Однако необходимо понимать, что введение такого механизма потребует комплексных изменений в УПК РФ, в т. ч. и пересмотра оснований и порядка возвращения уголовного дела прокурору (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), а также его согласования с целым рядом позиций Конституционного Суда Российской Федерации [6, с. 173–176].

Следует также отметить, что ни УПК РФ, ни УПК РБ, в части регулирования порядка предъявления обвинения и последующего допроса обвиняемого, в настоящее время не предусматривают использование современных возможностей видео-конференц-связи.

Подводя итог, следует констатировать, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого в РБ в значительной степени воспроизводит модель, существовавшую в советское время, что указывает на склонность белорусского законодателя к сохранению устоявшихся норм подобно законодателю Российской Федерации. Одним из достоинств белорусского механизма выступает возможность прокурора изменять обвинение на более тяжкое уже на судебных этапах. Обосновано предложение перенять данную процедуру и внедрить в российский уголовно-процессуальный закон. Кроме того, в качестве одного из путей совершенствования порядка предъявления обвинения и допроса обвиняемого было названо использование дистанционного формата.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=HK9900295 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2026).

3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака. Минск: Академия МВД, 2014. 1230 с.

4. Гаврилов Б.Я. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в российском и зарубежном законодательстве // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции, г. Санкт-Петербург, 24 ноября 2023 г. С. 41.

5. Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: современная характеристика и предпосылки реформирования // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: Избранные труды. 2016. С. 129.

6. Куряхова Т.В. Возвращение уголовного дела прокурору для усиления обвинения: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: мат-лы XXVI Междунар. научно-практ. конф-ции, г. Красноярск, 20–21 апреля 2023 г. С. 173–176.

7. Матвейчев Ю.А. Формы предварительного расследования // Вестник Могилевского института МВД. 2020. № 2. С. 69.

8. Россинский С.Б. Привлечение в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве: национальные традиции VS зарубежный опыт // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 4. С. 37.

***А.А. Мамелин**, слушатель 5 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.О. Галимова**, канд. юрид. наук*
Сибирский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого традиционно рассматривается как кульминационный момент предварительного следствия, знаменующий переход к этапу окончательной формулировки версии обвинения. Несмотря на детальную регламентацию процедуры вынесения соответствующего постановления (ст. 171 УПК РФ), правоприменительная практика сталкивается с целым комплексом проблем, снижающих его эффективность и создающих препятствия для реализации прав участников процесса. Эти трудности лежат не только в плоскости недостаточной мотивированности самого документа, но и в более глубоких пластах – в вопросах процессуальной самостоятельности следователя, характера ведомственного контроля и доступности судебной защиты. Анализ указанных проблем показывает, что существующая модель нуждается в пересмотре как на законодательном, так и на правоприменительном уровне.

В условиях современной процессуальной практики процессуальная самостоятельность следователя, предполагающая его право на независимое выдвижение и проверку версий преступления, сбор, анализ и оценку доказательств, предъявление обвинения и совершение иных процессуальных действий, существенно ограничивается иерархической подчиненностью руководителю следственного органа (РСО). Как отмечает Мищенко В.А., такая подчиненность создает барьеры для объективного расследования, поскольку страх карьерных репрессий подавляет инициативу следователя даже при наличии убедительных доказательств, альтернативных позиции руководства, что приводит к тому, что

постановление о привлечении в качестве обвиняемого отражает не внутреннее убеждение следователя, а предопределенную волю РСО до всестороннего исследования материалов [1, с. 220].

Проблематика заключается в том, что декларируемая независимость следователя нивелируется фактической подчиненностью руководителю следственного органа (далее – РСО). Использование устных указаний и механизмов административного давления приводит к тому, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого зачастую отражает не внутреннее убеждение следователя, сформированное на основе анализа доказательств, а заранее определенную позицию руководства. Это создает барьеры для объективного расследования и подрывает состязательность на досудебной стадии.

В рамках рассматриваемой проблемы решением может стать законодательное закрепление процессуальной самостоятельности следователя в качестве отдельного принципа уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ) с заменой института согласования ключевых процессуальных решений на механизм последующего уведомления руководителя, ограничивающий возможность немотивированного вмешательства.

Кроме того, на практике наблюдается подмена требования о мотивированности (ст. 171 УПК РФ) простым перечислением доказательств без раскрытия их содержания и анализа достаточности совокупности для формулирования обвинения. Такой подход противоречит доктринальной природе процессуальных актов и существенно ограничивает право лица на защиту, не позволяя ему в полной мере понять суть инкриминируемых деяний до передачи дела в суд. Недостаточная мотивированность постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, где вместо глубокого анализа доказательств и их достаточности для обвинения допускается лишь формальное перечисление фактов без раскрытия содержания и подтверждаемых обстоятельств, противоречит доктринальным требованиям к процессуальным актам (законность, обоснованность, мотивированность). Попова И.П. обосновывает механизм принятия решений следователем как многоэтапный волевой процесс, опирающийся на установление фактов, внутреннее убеждение как властного субъекта и творческое применение профессиональных компетенций, однако практика демонстрирует дефицит аналитической составляющей [2, с. 219].

Указанную проблему позволит решить внесение изменений в ст. 171 УПК РФ, обязывающих следователя в описательно-мотивировочной части не только указывать список доказательств, но и излагать их содержание, а также приводить развернутую аргументацию о достаточности этих доказательств для выдвижения обвинения.

К числу проблем также, на наш взгляд, можно отнести сложившуюся систему ведомственного контроля. Она зачастую усугубляется устными указаниями РСО, которые, как отмечает Бондарь М.М., исключают обжалование и позволяют перераспределять дела к менее принципиальным следователям, подрывая процессуальную независимость [3, с. 19]. Наконец, обжалование постановлений по ст. 125 УПК РФ оказывается формальным, поскольку суды ограничиваются процедурными аспектами, игнорируя оценку наличия доказательств об-

винения, несмотря на позицию Конституционного Суда Российской Федерации о праве обвиняемого на ясное понимание и опровержение инкриминируемого.

Для законодательного закрепления процессуальной самостоятельности следователя целесообразно ввести ее как самостоятельный принцип в гл. 2 УПК РФ, заменив согласование ключевых решений (включая постановление об обвинении) на последующее уведомление РСО с возможностью контроля законности. Статья 171 УПК РФ требует дополнения нормой о обязательном анализе в описательно-мотивировочной части обстоятельств, подлежащих доказыванию, с изложением содержания доказательств и их достаточности для обвинения, что усилит доказательственную ценность акта и права защиты.

Необходимо узаконить письменную форму всех указаний РСО по существу расследования для обеспечения обжалования и ответственности; в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснить расширение судебного контроля по ст. 125 УПК РФ на наличие (без оценки достоверности) доказательств обвинения.

Выявленные проблемы носят системный характер и не могут быть решены точечными поправками. Дефицит автономии следователя, низкое качество процессуальных актов и формализм контрольных механизмов взаимосвязаны: административное давление обесценивает аналитическую работу, а отсутствие глубинной судебной проверки снимает стимулы к качественному обоснованию обвинения. Переход от иерархического согласования к принципу самостоятельности, узаконивание письменного контроля и расширение пределов судебной проверки – позволит восстановить баланс между публичными интересами и правом личности на защиту, обеспечив легитимность итоговых обвинительных решений. Только такая интегрированная трансформация УПК РФ гарантирует баланс между иерархией и независимостью, способствуя верховенству права в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Мищенко В.А. Проблемы осуществления процессуальной самостоятельности следователя и пути их решения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-3 (96). С. 218–221.

2. Попова И.П. Требования к процессуальным решениям следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 23. № 3. С. 219–228.

3. Бондарь М.М. Некоторые проблемные аспекты реализации процессуальной самостоятельности следователя в ходе принятия процессуальных решений // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1 (13). С. 17–21.

***А.В. Медведев**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.Г. Михайлова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ДОЗНАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: ЛИКВИДИРОВАТЬ НЕЛЬЗЯ, МОДЕРНИЗИРОВАТЬ МОЖНО?

Отечественная уголовно-процессуальная форма сконструирована законодателем с направленностью на достижение публичного интереса. В свою очередь, обеспечение достижения публичного интереса должно приниматься во внимание каждый раз, когда речь заходит об изменениях в уголовном судопроизводстве, в т. ч. и при дифференциации.

Дифференциация уголовно-процессуальной формы состоит в создании различных по степени процессуальной сложности процедур по различным категориям дел [4].

Частным случаем дифференциации российской уголовно-процессуальной формы институт производства дознания в сокращенной форме, предусматривающий уменьшенный срок расследования, особенности по доказыванию и иную специфику, закрепленную в УПК РФ.

Однако основная цель введения данного института – сокращение объемов процессуальной деятельности – достигнута не была. Виной тому, как указывают О.В. Химичева и Г.П. Химичева, стали правовые недостатки [7]. Сегодня форма сокращенного дознания активно критикуется, вплоть до предложений по ее ликвидации и возвращению к протокольной форме [3].

Считаем, что институт дознания в сокращенной форме все-таки имеет право существование. Мы не отрицаем наличие у правовой конструкции определенных проблем, которые как раз и препятствуют более свободному и широкому применению ее в практической деятельности.

Одним из обстоятельств, исключающим производство дознания в сокращенной форме, является факт возражения пострадавшей стороны, т. е. потерпевший имеет возможность заявить соответствующее ходатайство до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, которое повлечет переход на общий порядок производства дознания. Данное законодательное решение было расценено отечественными учеными-процессуалистами по-разному.

Некоторые усматривают целесообразность этого универсального права в том, что это позволяет компенсировать процессуальные риски нарушения прав потерпевшего, способствуя защищенности гарантий прав и свобод личности в целом. Как замечает Е.М. Варпаховская, обязательное условие о получении согласия на данную форму предварительного расследования в полной мере соответствует запросам лиц, пострадавших от преступлений. Ведь у потерпевшего появляется

возможность еще до суда уладить с обвиняемым все важные вопросы: от компенсации ущерба и заглаживания вреда до получения извинений [1].

Другие ученые, напротив, говорят о неоправданности подобной диспозитивности в данном случае, высок риск злоупотребления правом, ввиду чего следует снизить степень зависимости вида производства по уголовному делу от усмотрения потерпевшего.

Б.Я. Гаврилов указывает, что суды достаточно часто возвращают дела прокурору согласно ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ. Это, во-первых, удлиняет расследование и отсрочивает правосудие, а во-вторых, снижает заинтересованность дознавателя в производстве дознания в сокращенной форме ввиду возможности возвращения дела на дорасследование по обстоятельствам, не связанным с его действиями [2].

По мнению Д.В. Кима и А.А. Торовкова, таким образом законодатель ставит публичный уголовный процесс в прямую зависимость от усмотрения частного лица. Причем данному лицу предоставляется в ходе предварительного расследования несколько раз менять свою позицию, руководствуясь личными мотивами и складывающимися обстоятельствами. Обосновывать же заявленное потерпевшим ходатайство закон не обязывает. Как указывают авторы, дознаватель обязан удовлетворить поступившее ходатайство – иной вариант закон не предусматривает [5].

Мы поддерживаем вторую точку зрения, т. к. предоставленное потерпевшему право менять форму дознания ставит деятельность государственных органов в подчиненное положение по отношение к воле частного лица. Все доводы относительно усиления таким образом защиты прав и свобод мы считаем неубедительными.

Конституционный суд Российской Федерации в своих решениях подчеркивал: публичный характер уголовно-правовых отношений исключает возможность для потерпевшего диктовать государству, нужно ли привлекать то или иное лицо к ответственности и какова должна быть мера этой ответственности. Государство данное право взяло на себя в лице своих законодательных и правоприменительных органов, не делегируя это право частным лицам [6].

Должностное лицо не должно спрашивать потерпевшего, в какой форме предварительного расследования ему вести производство по уголовному делу – это исключительная прерогатива государства и должностного лица, обладающего определенной процессуальной самостоятельностью в той или иной части.

Нами предлагается аннулировать право потерпевшего на возражение против дознания в сокращенной форме, предусмотренное УПК. В качестве достаточной гарантии предлагается использовать право на обжалование решения о проведении такой формы предварительного расследования.

Следовательно, предусмотренное сегодня законом право потерпевшего не соглашаться на производство дознания в сокращенной форме есть не что иное, как нарушение публичности процесса. Такое регулирование расходится с розыскной сущностью расследования и сужает возможности применения данного института на практике. Автором был предложен конкретный путь решения данной проблемы, а именно – исключить норму, предоставляющую потерпев-

шему возможность такого возражения, ограничившись лишь правом обжалования решения лица, ведущего производство по уголовному делу.

Литература

1. Варпаховская Е.М. Развитие российского уголовно-процессуального законодательства в части учета мнения потерпевшего при принятии процессуальных решений // Сибирский юридический вестник. 2014. № 3 (66). С. 92–97.

2. Гаврилов Б.Я. Институт дознания в сокращенной форме: генезис, современное состояние и перспективы совершенствования // Искусство правоведения. 2023. № 4 (8). С. 57–67.

3. Гаврилов Б.Я. К вопросу об эффективности современного уголовно-процессуального законодательства: мнение ученого и правоприменителя // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции: сб. мат-лов Международ. научно-практ. конф-ции. М., 2024. С. 118–125.

4. Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации: Современные тенденции развития: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 466 с.

5. Ким Д.В., Торовков А.А. О волеизъявлении заинтересованных участников уголовного процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2 (86). С. 43–47.

6. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.04.2003 № 7-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Химичева О.В., Химичева Г.П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 33–36.

***В.И. Мозговых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.Г. Михайлова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТ. 28.2 УПК РФ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: СОЗДАНЫ ЛИ НАДЛЕЖАЩИЕ ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ?

В условиях появления новых вызовов и угроз перед уголовным и уголовно-процессуальным законодательством были поставлены абсолютно новые задачи, в т. ч. предполагающие учет публичного интереса по комплектованию подразделений Вооруженных сил Российской Федерации. Представляется, что именно из таких соображений законодателем был сконструирован специальный механизм прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (п. 3.1 ч. 1 ст. 208, ст. 28.2 УПК РФ и др.) [4].

Появление данного, вне сомнений, по своей природе уникального в историко-правовом контексте процессуального механизма предопределило повышенное внимание ученых к самым различным проблемным аспектам, причем не только теоретического, но и праксиологического характера [3]. В настоящей статье предлагается рассмотреть один из наиболее дискуссионных моментов выбранной нами законодательной новеллы, а именно необходимость обеспечения прав потерпевшего при прекращении уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК.

Прежде всего надлежит отметить, что принципиальная важность деятельности по обеспечению прав потерпевшего прямо следует из ст. 6 УПК РФ, провозглашающей защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в качестве одного из составных назначений отечественного уголовного судопроизводства. Непосредственная реализация назначения российского уголовного процесса в этой части может быть весьма различной, но в рамках текущего исследования наибольший интерес представляет возможность позиции потерпевшего определенным образом влиять на решение по уголовному делу, а также его право заявить гражданский иск в целях возмещения подозреваемым (обвиняемым) вреда, причиненного преступлением.

Вместе с тем, по нашему мнению, вести речь об обеспечении прав потерпевшего при прекращении уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ стоит лишь применительно к гражданскому иску по следующим причинам.

Во-первых, как справедливо заметил профессор Л.В. Головко, у потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве не может быть права на месть; времена ордалий и судебных поединков закончились [1]. В правовом государстве наказание – это публично-правовая функция, что находит отражение и в позициях Конституционного суда Российской Федерации [5].

Ввиду чего отсутствие императивного требования о необходимости учета позиции потерпевшего при разрешении субъектом уголовной юрисдикции вопроса о прекращении уголовно-процессуального производства в порядке ст. 28.2 УПК РФ вовсе не означает нарушение каких-либо прав.

Во-вторых, подозреваемый (обвиняемый), принимающий участие в СВО, рискуя собственной жизнью, защищает интересы всей страны, повышает уровень безопасности всего гражданского населения в целом и потерпевшего в частности, потому об ущемлении интересов последнего вовсе не приходится говорить при взвешенном подходе.

В-третьих, возможность ломать всю процедуру прекращения уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ просто исказила бы законодательную логику процессуального механизма и приводила бы к весьма неоднозначной ситуации, когда государство, с одной стороны, обещает лицу при добросовестном исполнении воинского долга быть впоследствии не привлеченным к уголовной ответственности, но с другой – затем объявляет подозреваемому (обвиняемому), что в силу диспозитивного усмотрения потерпевшего, которое не подлежит какому-либо обязательному обоснованию, уголовное наказание назначено все же будет.

Возмещение вреда, причиненного преступлением. Особенностью прекращения уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ является то, что в соответствующем федеральном законе [4] было прямо отражено, что вопросы, касающиеся возмещения вреда, который был причинен в ходе преступлений, разрешаются исключительно в порядке гражданского судопроизводства.

Следовательно, гражданский иск по уголовному делу, которое потенциально будет прекращено в порядке ст. 28.2 УПК РФ, не будет разрешен в рамках уголовного судопроизводства, вместе с тем его обеспечительную роль никто не отменял. Речь идет о том, что иск потерпевший заявить все также может, а следователь (дознаватель) обязан предпринять активные меры по обнаружению надлежащего имущества подозреваемого (обвиняемого) и наложению на последнее ареста (ст. 115 УПК РФ), причем последующее приостановление производства (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ) не создает как таковых препятствий.

Однако прекращение уголовного дела в порядке ст. 28.2 УПК РФ в конечном итоге приведет к оставлению потерпевшего с обязанностью доказывания виновности причинителя вреда в гражданском судопроизводстве один на один, без какой-либо помощи субъектов уголовной юрисдикции, для которых производство уже будет приостановленным [2, с. 107], а обеспечительные меры в виде наложения ареста будут отменены сразу же, поскольку они не могут действовать вне уголовного дела.

В целях создания дополнительных правовых гарантий обеспечения прав потерпевшего при прекращении уголовного преследования в порядке ст. 28.2

УПК РФ считаем целесообразным создать межотраслевую процедуру, предусматривающую алгоритм передачи органом предварительного расследования в суд материалов по имуществу, на которое был бы наложен арест для принятия решения, касающегося возмещения вреда, причиненного преступлением. Представляется, что одним из обязательных условий для такой передачи должно выступать наличие заявленного по уголовному делу гражданского иска.

Законодательная новелла в лице процессуального механизма прекращения уголовного преследования в порядке ст. 28.2 УПК РФ имеет определенные проблемные аспекты теоретического и праксиологического характера, требующие своего разрешения. Автором была обоснована необходимость совершенствования существующих гарантий обеспечения права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением и предложен конкретный вариант модернизации.

Литература

1. Прокурор должен вернуть себе право на возбуждение уголовного дела, которое у него было исторически. URL: https://e.ugpr.ru/1123243 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Гончаров Д.Ю., Гончарова С.Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. 2024. № 1. Т. 11. С. 103–113.

3. Михайлова О.Г. Новое основание приостановления предварительного расследования требует уточнения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2025. № 25. С. 213–215.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 13. Ст. 1687.

5. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.04.2003 № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 18. Ст. 1748.

***Ю.Н. Морозова**, курсант 4 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
М.Ю. Курченко
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Структура уголовного процесса представляет собой последовательность взаимосвязанных стадий, каждая из которых выполняет специфические задачи в механизме расследования и раскрытия преступлений. Первоначальная стадия – возбуждение уголовного дела, приобретает фундаментальное значение для достижения целей уголовного процесса, поскольку именно в ее рамках осуществляется верификация поводов и оснований для инициирования уголовного преследования.

По мнению И.А. Анищенко и М.В. Галезник, результаты предварительного исследования следов и объектов способствуют рациональному планированию первоначального этапа расследования, обеспечивают методологическую основу для организации розыскных мероприятий и задержания лиц, причастных к совершению преступления, по «горячим следам», а также оптимизируют процесс принятия иных процессуальных решений при разрешении сложных задач криминалистического характера [1, с. 1].

Учитывая временные ограничения, установленные для предварительной проверки сообщения о преступлении, и процессуальную сложность производства судебной экспертизы, законодатель предусмотрел возможность проведения предварительного исследования специалистом.

В современной правоприменительной практике результаты предварительного исследования, проводимого при проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [6], оформляются в виде справок об исследовании документов, предметов, трупов и иных объектов, которые могут быть признаны доказательствами в категории «иные документы».

Существенная проблематика в сфере использования специальных знаний заключается в неоднозначном соотношении процессуального статуса заключения специалиста и заключения эксперта. В определенных процессуальных ситуациях заключение специалиста фактически выполняет функции, аналогичные заключению эксперта, однако отсутствие надлежащих процессуальных гарантий не обеспечивает признание факта, удостоверенного специалистом, в качестве полноценного доказательства, что впоследствии обусловливает необходимость назначения следователем судебной экспертизы в соответствии с требованиями УПК РФ на стадии предварительного расследования.

Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта [4]. Данное положение актуализирует необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования в части признания результатов предварительных исследований в качестве полноценных доказательств, что потенциально способствовало бы оптимизации процессуальной деятельности путем сокращения количества назначаемых судебных экспертиз на стадии предварительного расследования, минимизации временных и материальных затрат.

Особую сложность представляют ситуации, связанные с расследованием преступлений против здоровья (ст. 111, 112 Уголовного кодекса Российской Федерации [5] и др.), требующих обязательного проведения судебно-медицинской экспертизы. В правоприменительной практике возникают случаи, когда для объективной оценки характера и степени тяжести телесных повреждений недостаточно исследования медицинской документации, а в ряде случаев такая документация отсутствует вследствие отказа потерпевших от обращения в медицинские учреждения и предпочтения самолечения. В подобных обстоятельствах эксперту необходимо непосредственное обследование потерпевшего, что требует от следователя применения мер убеждения в отношении заявителя. Принудительное доставление потерпевшего для освидетельствования не представляется возможным в силу отсутствия соответствующих правовых механизмов и потенциального нарушения конституционных прав граждан.

Несмотря на очевидность состава преступления, отсутствие законодательно предусмотренной процедуры принудительного доставления заявителя для экспертного осмотра приводит к отказу в возбуждении уголовного дела, поскольку преступления данной категории относятся к делам публичного обвинения и не подлежат прекращению в связи с примирением сторон.

Г.А. Корнилов и И.Г. Корнилова критикуют институт предварительных исследований на стадии возбуждения уголовного дела. По их мнению, основные проблемы заключаются в отсутствии доказательственного значения результатов таких исследований, возможности частичного или полного уничтожения исследуемого объекта и необходимости проведения повторного исследования в рамках судебной экспертизы [2, с. 40]. А.М. Косенко же в своей работе обращает внимание, что данная критическая позиция обусловлена неадекватным восприятием функционального назначения стадии возбуждения уголовного дела, которая ориентирована на получение данных о признаках преступления, а не исключительно на формирование доказательственной базы [3, с. 201].

Таким образом, производство предварительных исследований представляет собой необходимый инструмент оперативного получения криминалистически и процессуально значимой информации о признаках преступления. Несмотря на существующие пробелы в российском законодательстве, гибкость правового регулирования предварительных исследований обеспечивает их эффективное использование в различных следственных ситуациях. Однако целе-

сообразно инициировать законодательный пересмотр процессуального статуса предварительных исследований в системе доказательств, что позволит оптимизировать их соотношение с судебными экспертизами и повысить эффективность формирования доказательственной базы.

Литература

1. Анищенко И.А., Галезник М.В. Предварительное исследование следов (объектов) при расследовании преступлений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2012.
2. Корнилов Г.А., Корнилова И.Г. Использование специальных знаний сведущих лиц на стадии выявления и документирования преступления // Научный портал МВД России. 2020. № 2.
3. Косенко А.М. Проблемы назначения предварительных исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Закон и право. 2024. № 6.
4. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. 2010. 30 дек. № 296.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25 ст. 2954.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24.12.2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

***Ю.М. Мохирева**, слушатель 5 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***М.В. Монид**, канд. юрид. наук*
Сибирский юридический институт МВД России

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЛУЧАЯХ, НЕ ТЕРПЯЩИХ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА, В СООТВЕТСТВИИ С Ч. 5 СТ. 165 УПК РФ

Следственные действия в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), достаточно сложная нормативная конструкция уголовно-процессуального права, которая порождает дискуссии на теоретическом уровне и сложности в деятельности органов предварительного расследования.

Основной трудностью при производстве следственных действий в условиях неотложности является их неразрывная связь с конституционными правами граждан, а точнее, возможностью их законного ограничения в целях обеспе-

чения эффективного расследования по уголовному делу. Допущение ошибок при оценке правоприменителем без судебного контроля оснований и условий производства следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства, может повлечь не только признание судом полученных в доказательства недопустимыми, но и нарушение конституционных прав граждан.

Причина возникающих сложностей, в первую очередь, в том, что в рамках уголовно-процессуального закона и иных норм понятие «случаи, не терпящие отлагательства» не закреплено, признаки и критерии, характеризующие такие случаи, не конкретизированы, в связи с чем во многом носят оценочный характер.

На уровне разъяснений законодательства предпринимаются попытки уточнить эти случаи путем простого перечисления соответствующих ситуаций. Так, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19 установлено, что к таким случаям, например, относятся ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться[6] и ряд других. Некоторые ученые считают целесообразным установить закрытый перечень такого рода случаев [5, с. 125]. Другие придерживаются мнения о том, что это, наоборот, ограничит возможности органов предварительного расследования [2, с. 271–282]. В условиях быстро меняющегося социального взаимодействия, следует согласиться с Е.С. Алексеевой, что ограничивать перечень таких случаев нецелесообразно, а отожествлять их как «не терпящие отлагательства» необходимо через определенные критерии [1, с. 124]. Более оправдано сформировать системное представление о критериях (признаках) рассматриваемых случаев через категорию «обстоятельства».

Именно к ней обращаются и ученые и юристы-практики. Например, в уже упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судьям при оценке такого рода случаев предписывается устанавливать, имелись обстоятельства, свидетельствующие о необходимости безотлагательного производства следственного действия [6]. В приказе Генпрокурора Российской Федерации при оценке исключительности рассматриваемых случаев указывается на необходимость, акцентировать внимание на данных, свидетельствующих об исключительности обстоятельств, требующих безотлагательного производства следственных действий [7]. К понятию «обстоятельства» обращается также некоторые исследователи [8, с. 81].

Таким образом, мы неизбежно приходим к необходимости определения обстоятельств, наличие которых может указывать на случай, не терпящий отлагательства в контексте ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Произведенный анализ легальных разъяснений и мнений ученых (С.Д. Долгинов [3, с. 58–62], А.Н. Ильин [4, с. 129], В.В. Шабарин [8, с. 81]) позволяет отнести к таким обстоятельствам:

1) наличие законных оснований для производства следственного действия;

2) необходимость ограничения конституционных прав граждан при производстве следственного действия;

3) внезапность и динамичность ситуации, т. е. она возникла неожиданно в ходе расследования (или производства другого следственного действия) и требует незамедлительной реакции;

4) дефицит времени означает, что реальная возможность обратиться в суд без риска наступления негативных последствий отсутствует;

5) необходимость предотвращения преступления, либо существующая угроза продолжения преступной деятельности лицо,

6) угроза, что в случае промедления лицо, причастное к совершению преступления, скроется;

7) риск утраты доказательств или их изменения (сокрытие, уничтожение, порча в силу действий каких-либо лиц, природных или техногенных факторов).

Таким образом, основная проблема при принятии решения о проведении следственных действий в порядке, установленном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, заключается в отсутствии легального определения случаев, не терпящих отлагательства, что создает риски ошибок в правоприменительной практике и подразумевает достаточно широкое усмотрение следователя (дознавателя). Наиболее обоснованным решением данной проблемы является не установление какого-либо перечня «неотложных случаев», а формирование возможности для анализа каждой конкретной ситуации в правоприменительной практике через призму характеристики обстоятельств, которые указывают на наличие случая, не терпящего отлагательства.

Литература

1. Алексеева Е.С. Категория «случаи, не терпящие отлагательства» в уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84).

2. Баев О.Я. Усмотрение следователя об «исключительности» ситуации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 2 (9).

3. Долгинов С.Д. Осмотр жилища: уголовно-процессуальные аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 3. С. 58–62.

4. Ильин А.Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении. М. 2009.

5. Осипов А.В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2.

6. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2017 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России от 17.09.2021 № 544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Шабарин В.В. Соблюдение принципа неприкосновенности жилища при производстве следственных действий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3.

***А.М. Насонова**, курсант 3 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.О. Галимова**, канд. юрид. наук*
Сибирский юридический институт МВД России

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Принцип презумпции невиновности, закрепленный в ст. 49 Конституции Российской Федерации и ст. 14 УПК РФ, является фундаментальной гарантией прав личности в уголовном судопроизводстве. Однако, несмотря на конституционное и процессуальное закрепление, его практическая реализация сталкивается с рядом системных проблем, обусловленных как несовершенством законодательных формулировок, так и сложившейся правоприменительной практикой. Анализ доктринальных источников и материалов судебной статистики свидетельствует о наличии устойчивого разрыва между нормативным содержанием принципа и его воплощением в деятельности органов предварительного расследования и суда. Цель настоящей работы – выявить ключевые проблемы реализации презумпции невиновности, связанные с положениями общей части УПК РФ, и предложить возможные направления их разрешения.

Проблема обвинительного уклона и ее связь с толкованием принципа. Статистические данные демонстрируют устойчиво низкую долю оправдательных приговоров в России (менее 1 % от общего числа решений), что позволяет говорить о фактическом обвинительном уклоне судебной системы [1]. Как справедливо отмечает профессор Л.В. Головко, «презумпция невиновности превращается в фикцию, когда система поощряет обвинительные итоги вне зависимости от доказательственной базы» [2, с. 112]. Причины этого явления кроются не только в правоприменительной психологии (наследие советской карательной модели), но и в отсутствии в ст. 14 УПК РФ четких механизмов, обеспечивающих реальную независимость судьи при оценке доказательств. Существующая редакция ст. 17 УПК РФ, декларирующая свободу оценки доказательств по внутреннему убеждению, не подкреплена гарантиями защиты судьи от ведомственного давления при вынесении оправдательного приговора. В связи с этим представляется необходимым дополнить ст. 14 УПК РФ положением о том, что любое сомнение в виновности, неустранимое в ходе судебного разбирательства, влечет постановление оправдательного приговора, и дан-

ное правило является императивным и не может быть преодолено соображениями процессуальной экономии или ведомственной отчетности.

Коллизия презумпции невиновности и институтов, основанных на признании вины. Особый порядок судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) и досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) создают парадоксальную ситуацию: лицо, формально пользующееся презумпцией невиновности, должно признать вину для доступа к упрощенным процедурам. При этом уголовное дело рассматривается без всестороннего исследования доказательств, что создает риск осуждения невиновного лица, согласившегося с обвинением под давлением обстоятельств. Как обоснованно указывают Ю.В. Деришев и А.А. Суворова, «реализация принципа презумпции невиновности возможна только при запрещении презюмирования виновности» [3, с. 45]. В данном случае признание обвиняемым своей вины de facto становится основой приговора, что противоречит ч. 2 ст. 77 УПК РФ, требующей подтверждения виновности совокупностью доказательств. Для разрешения данной коллизии предлагается внести изменение в ст. 14 УПК РФ, дополнив ее частью 5 следующего содержания: «Согласие обвиняемого с предъявленным обвинением не освобождает суд от обязанности убедиться в обоснованности обвинения имеющимися в деле доказательствами, а также в добровольности и осознанности такого согласия».

Неопределенность понятия «неустранимые сомнения» в ч. 3 ст. 14 УПК РФ. Правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого является ключевым элементом презумпции невиновности, однако его практическое применение затруднено из-за отсутствия легальной дефиниции понятия «неустранимые сомнения». Анализ судебной практики показывает, что суды нередко смешивают понятия «сомнение» и «противоречие в доказательствах», отказываясь толковать последние в пользу обвиняемого [4]. Кроме того, встречаются случаи, когда суд фактически перекладывает бремя опровержения обвинения на защиту, требуя от нее представления «убедительных» доказательств невиновности, что прямо противоречит ч. 2 ст. 14 УПК РФ. Так, в одном из апелляционных постановлений суд отклонил доводы защиты, указав, что «не представлено убедительных доказательств», хотя обязанность доказывания лежит на стороне обвинения [5]. Для устранения данной неопределенности целесообразно дополнить ст. 5 УПК РФ пунктом, определяющим «неустранимые сомнения» как объективную невозможность, на основе исследованных доказательств, сделать однозначный вывод о виновности лица, при том что все законные средства и способы доказывания исчерпаны. Соответствующее разъяснение также следует закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Подводя итог, необходимо отметить, что совершенствование общей части УПК РФ в части регламентации презумпции невиновности должно идти по пути конкретизации ее содержания, усиления гарантий независимости суда и четкого определения механизмов толкования сомнений. Предложенные изменения в ст. 14 УПК РФ и смежные нормы будут способствовать превращению презумпции невиновности из декларативного принципа в реально действующий инструмент защиты прав личности.

Литература

1. Уголовная статистика Верховного Суда зафиксировала обвинительный уклон // NG.RU. URL: https://www.ng.ru/politics/2024-03-06/1_8964_mistakes.html (дата обращения:19.08.2026).
2. Головко Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021.
3. Деришев Ю.В., Суворова А.А. Реализация принципа презумпции невиновности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55).
4. Барабаш А.С. Толкование сомнений в пользу обвиняемого, его связь с презумпцией невиновности // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 4 (14).
5. Апелляционное постановление № 10-56/2018 от 18.09.2018 по делу № 10-56/2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BOK4HXnXQymW/ (дата обращения:19.08.2026).

***Е.В. Овэс**, курсант 3 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Т.В. Малкова
Санкт-Петербургский университет МВД России

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПРАВОМ СЛЕДОВАТЕЛЕМ КАК НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Следователь – это лицо, наделенное процессуальными правами и обязанностями по производству предварительного следствия. Любое наделение субъекта общественных отношений правами при определенных условиях может повлечь злоупотребления ими. В условиях уголовного процесса злоупотребление может привести к существенному нарушению прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Законодатель должен обеспечить сохранность вышеуказанных прав посредством создания норм, предупреждающих совершение следователем злоупотребления своими процессуальными правами, а также способствующих пресечению злоупотребления на начальном этапе его совершения. В отечественной науке существует множество трудов, объясняющих понятие злоупотребления правами, изучены его предпосылки, способы противодействия, однако исследования, систематизирующих знания о данном явлении, практически отсутствуют.

Деятельность следователя связана с реализацией полномочий, закрепленных за ним Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [6], для направления хода расследования по уголовному делу. Именно следователь

производит следственные и иные процессуальные действия, собирает доказательства по уголовному делу, избирает подозреваемому или обвиняемому меру пресечения, т. е. он наделен полномочиями на ограничение конституционных прав граждан при определенных условиях. Однако при злоупотреблении процессуальным правом возникает существенное нарушение прав и свобод человека.

В отечественной науке нет единого мнения относительно понятия «злоупотребление процессуальными правами». Анализ имеющихся точек зрения позволяет выделить два крупных направления во взглядах: представители первого направления считают, что злоупотребление процессуальным правом является преступным деянием, т. к. нарушаются права участников уголовного процесса. В.И. Гойман определяет злоупотребление правом как основанное на эгоистических побуждениях поведение управомоченного субъекта, противоречащее природе права, закрепленной в его нормах цели, либо связанное с привлечением неправовых средств для ее достижения [2]. О.И. Даровских считает, что злоупотребление правом – это деятельность участника уголовного правоотношения, обладающего процессуальными правами, осуществляемая в процессе правомерной реализации этих прав, но в противоречии с их смыслом, назначением и интересом самого участника процесса либо при отсутствии интереса, противоречащая интересам общества и государства и причиняющая либо способная причинить вред или иные негативные последствия другим участникам процесса, обществу, государству [3].

Представители второго направления не считают злоупотребление правом преступным деянием, а считают его самостоятельным избранием способа реализации права, данного законом, но лишь в том случае, если не были нарушены права и законные интересы участников. Так, О.Я. Баев считает, что злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве есть умышленная деятельность соответствующего правообладателя, не выходящая за рамки прямых запрещений и предписаний норм его поведения, обозначенных уголовно-процессуальным законом, этими рамками ограниченная [1].

Различие взглядов на одно и то же явления поднимает следующие вопросы: что является предпосылкой возникновения злоупотребления права? Каким образом можно пресечь или предупредить злоупотребления правом?

Процессуальная самостоятельность следователя возникает из наличия процессуальных прав по самостоятельному направлению хода расследования по уголовному делу. Под злоупотреблением процессуальными правами мы понимаем совершение следователем действий, хоть и входящих в круг его полномочий, обеспечиваемых нормами УПК РФ, однако не соответствующих обстановке, при которой эти процессуальные права применяются. Существует два вида злоупотребления процессуальным правом: первым является преступное злоупотребление, т. е. совершение действий, входящих в круг полномочий субъекта, совершенное лицом с корыстной или иной заинтересованностью, причинившее существенный вред общественным отношениям. Вторым видом можно считать злоупотребление, не связанное с какой-либо заинтересованностью, совершенное с целью выполнения своих должностных обязанностей, не

причинившее нарушение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Процессуальная независимость ограничена предусмотренным уголовно-процессуальным инструментарием, а именно контролем и надзором со стороны руководителя следственного органа, прокурора, а также суда [4]. Однако наличие вышеуказанного контроля и надзора не подрывает институт процессуальной самостоятельности следователя, они существуют исключительно для того, чтобы имелась реальная возможность пресечь злоупотребление на начальном этапе расследования, что обеспечит сохранение прав и свобод человека и гражданина, закрепленных Конституцией Российской Федерации [5] или общепризнанными международными актами, ратифицированных на территории Российской Федерации [7].

Литература

1. Баев О.Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2013. № 2 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-kak-ugolovno-protsessualnaya-kategoriya (дата обращения: 11.01.2026).

2. Гойман В.И. Правонарушение и юридическая ответственность. Общая теория государства и права: учебник. М., 2002. С. 288.

3. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2012. № 43 (302). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-pravom-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-ponyatie-i-priznaki (дата обращения: 11.01.2026).

4. «Злоупотребление правом на обвинение» подрывает основы уголовного судопроизводства. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/zloupotreblenie-pravom-na-obvinenie-podryvaet-osnovy-ugolovnogo-sudoproizvodstva/ (дата обращения: 11.02.2026).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Халиулин А., Назаренко В. От прокурорского надзора к судебному контролю // Законность. 2004. № 1. С. 27.

***Д.Д. Пожидаева**, курсант 3 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Е.В. Горчакова
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСГУМАЦИИ

В условиях современности правовая составляющая жизнедеятельности общества стремительно меняется, совершенствуясь и тем самым устраняя существующие пробелы в праве, в т. ч. присутствующие в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Вопрос производства эксгумации в рамках раскрытия и расследования преступлений актуален и требует всестороннего рассмотрения.

Дефиниция эксгумации прямо не закреплена в действующем уголовно-процессуальном законе, поэтому трактовки, выдвигаемые процессуалистами в юридической науке, в ряде случаев, кардинально разнятся. Одним из наиболее полно отражающих сущность и условия проведения является понятие, выдвинутое А.Е. Кригером. По его мнению, эксгумация являет собой «самостоятельное следственное действие, направленное на извлечение погребенного трупа из места официального захоронения, производимое в рамках уголовного судопроизводства по постановлению следователя (определению суда) для осмотра (в т. ч. повторного), опознания или экспертного отождествления захороненного трупа, получения образцов для сравнительного исследования, экспертного исследования (первичного, дополнительного, повторного) с целью выяснения обстоятельств по делу, а также для патологоанатомического исследования, направленного на обнаружение и изъятие вещественных доказательств с последующим захоронением трупа» [2, с. 55].

Эксгумация – процессуальное действие, закрепленное в ст. 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4] (далее – УПК РФ), процедура его проведения противоречит религиозным нормам и нравственности, в ряде случаев подрывая психическое состояние родственников умерших, однако оно во многом помогает при расследовании уголовных дел, нередко играя решающую роль. Наиболее ярко негативное отношение к указанному следственному действию можно наблюдать в ходе судебного заседания, когда «близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации» [5] и необходимость ее проведения обосновывается в суде, несмотря на их негативное отношение. С этой точки зрения интересна позиция С.Г. Еремеева, который считает, «что по ходатайству близких родственников или родственников умершего к участию в эксгумации должен привлекаться религиозный деятель, если к этому нет объективных препятствий» [3]. С его мнением стоит согласиться, рассмотрев закрепление изменений в УПК РФ, ведь есть семьи, для которых вопрос веры стоит во главе моральной составляющей.

Однозначное мнение о правовой сущности эксгумации отсутствует, в связи с чем возникают дискуссии по этому поводу. С учетом положений, закрепленных в ч. 1 ст. 178 УПК РФ, можно прийти к логичному заключению – эксгумация закреплена в законодательстве в качестве самостоятельного следственного действия. Однако ряд процессуалистов отрицают данное толкование, настаивая на том, что она является подготовительным процессуальным действием для последующего опознания или осмотра трупа. В частности, С.А. Шейфер настаивает на том, что «данное процессуальное действие надо рассматривать как техническую предпосылку осмотра трупа, судебно-медицинской экспертизы либо предъявления для опознания. Именно в результате этих действий, а не в результате эксгумации в распоряжение следователя поступают новые фактические данные» [1, с. 375], исходя из того, что само «извлечение трупа из места захоронения» [4] не несет в себе никакое доказательственное значение. Тем не менее законодатель закрепляет эксгумацию в качестве самостоятельного следственного действия, с чем нельзя не согласиться, ведь порядок ее производства строго ограничен процессуальными рамками, в которых следователь и осуществляет свою деятельность, поэтому проводимые в дальнейшем осмотр и опознание выполняют роль целей эксгумации.

В особенности затруднительны случаи, когда эксгумация производится не из официальных «мест захоронения», ведь если рассматривать термин «эксгумация» через призму положений, содержащихся в федеральном законе № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», закрепляющем, что «местами погребения» являются «отведенные в соответствии с этическими, санитарными и экологическими требованиями участки земли с сооружаемыми на них кладбищами для захоронения тел (останков) умерших, стенами скорби для захоронения урн с прахом умерших (пеплом после сожжения тел (останков) умерших, далее – прах), крематориями для предания тел (останков) умерших огню, а также иными зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших» [5] следует, что неофициальные захоронения не охватываются смыслом определения, что создает дополнительные препятствия при обеспечении производства по уголовному делу. С целью устранения пробела следует внести дополнения в ст. 178 УПК РФ, которые будут касаться извлечения трупа не только из «мест захоронения», либо внести изменения в дефиницию «места погребения».

Для эксгумации требуется разрешение близких родственников или родственников покойного, т. е. предполагается, что личность похороненного известна, следовательно извлечение неопознанного трупа не будет выступать в качестве эксгумации в рамках уголовного судопроизводства, в т. ч. и по этой причине требуется законодательное уточнение самих условий производства данного действия. Проблемным вопросом выступает и эксгумация из мест массового захоронения. «Действующая ст. 178 УПК РФ не содержит специальных правил для извлечения останков из братских могил или иных мест массового погребения. В предлагаемой ст. 178.1 необходимо закрепить обязательный порядок действий» [3, с. 24].

Немаловажным является условие, заключающееся в наличии возбужденного уголовного дела для производства эксгумации. Согласно ч. 4 ст. 178 УПК РФ только осмотр трупа «может быть произведен до возбуждения уголовного дела» [4]. В связи с этим стоит рассмотреть возможность введения предписания, предполагающего проведение эксгумации так же до возбуждения уголовного дела, в случаях проверки сообщения о преступлении.

Таким образом, эксгумация – сложное следственное действие, которое вызывает проблемы как при подготовке, так и непосредственном производстве, касающиеся религиозной и социальной сфер, а также трудности при обнаружении неопознанных погребений, находящихся вне официального захоронения. По этой причине, требуется провести подробный анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих условия и порядок проведения эксгумации, с последующим внесением дополнений и изменений.

Литература

1. Бабкина А.П., Корнелюк О.В. Эксгумация в уголовном процессе как вид следственного действия, ее проблемы и особенности // Вестник науки. 2025. № 5 (86). Т. 4. С. 373–377.

2. Казанцева И.В. К вопросу о необходимости совершенствования правовой регламентации проведения эксгумации // Проблемы применения уголовного закона и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов: сб. науч. ст. по итогам научно-практ. конф-ции магистрантов, г. Воронеж, 11 апреля 2024 г. Воронеж-Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал». 2024. С. 54–56.

3. Крупицкая Е.А. Эксгумация как следственное действие в уголовном процессе России: проблемы правовой регламентации и пути совершенствования // Юриспруденция: теория и практика. 2025. № 8. С. 23–27.

4. Серов А.П. Эксгумация в уголовном процессе: правовая природа. URL: https://conf.siblu.ru/eksgumaciya-v-ugolovnom-processe-pravovaya-priroda (дата обращения: 28.01.2026).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О погребении и похоронном деле [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М.А. Понтелеева, *курсант 3 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
Е.А. Семенов, *канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

БЛОКЧЕЙН-ВЕРИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВЫЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Как справедливо отмечают ученые, цифровая трансформация общественных отношений ставит перед уголовно-процессуальной деятельностью принципиально новые вызовы [3, с. 172]. Традиционная система доказывания, формировавшаяся веками под влиянием материальных носителей информации, сегодня сталкивается с феноменом «цифровой нематериальности». Положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации создают позицию для следователей и дознавателей о необходимости собирания относимых, достоверных, допустимых и достаточных доказательств, которые, как отмечается в литературе, будут в дальнейшем удовлетворять условиям их проверки и оценки властными участниками уголовного судопроизводства [4, с. 45].

Классические механизмы верификации, такие как свидетельские показания лиц, участвовавших в изъятии, и протоколирование (понятых), в цифровой среде оказываются недостаточными. Они не могут гарантировать, что файл не был изменен в промежутке между его копированием и экспертизой. Ответом на данный технологический разрыв стало появление концепции использования технологии распределенного реестра (блокчейн) для создания неизменяемой цепочки цифрового следа доказательства.

В теории уголовного процесса фундаментальным требованием к любому доказательству является его допустимость, одним из аспектов которого выступает достоверность сведений о его происхождении и неизменности. Для материальных объектов гарантом выступает осмотр, опись, упаковка и подписи понятых. Однако в отношении цифровых данных механизм «упаковки» трансформируется. Основным инструментом фиксации цифрового доказательства становится создание его копии и вычисление контрольной суммы (хеш-функции). Контрольная сумма – это уникальный цифровой отпечаток набора данных.

Парадокс ситуации заключается в том, что хеш-сумма, вычисленная в момент изъятия и зафиксированная в протоколе, сама по себе не защищена от подлога. Если следствие или третьи лица имеют доступ к оригиналу файла, они могут изменить его, вычислить новую хеш-сумму и внести изменения в протокол задним числом. Например, скриншот с телефона без хеш-суммы, протокола изъятия и заверения технического специалиста может быть исключен судом как недопустимое доказательство. Аналитика, проведенная без судебного эксперта или в отсутствие лицензии на деятельность, также подлежит оспариванию [2].

Технология блокчейн, изначально разработанная для обеспечения функционирования криптовалют, предлагает решение указанной проблемы. В одном из научных трудов блокчейном называют не только цепочку блоков, но и устройство хранения блоков, не подключенных к общему серверу, а также базу данных, которая позволяет контролировать достоверность транзакций без надзора каких-либо финансовых регуляторов [5, с. 40].

Применительно к доказательствам, блокчейн выполняет функцию «цифрового нотариуса». Само доказательство хранить в блокчейне накладно и технически нецелесообразно. Вместо этого в блокчейн записывается хеш-сумма файла, метаданные о времени его создания и участниках процесса. Любое последующее изменение файла приведет к изменению его хеша, который перестанет соответствовать тому, который был зафиксирован в неизменяемом распределенном реестре.

Несмотря на очевидные преимущества, слепое заимствование технологий без адаптации к фундаментальным принципам уголовного судопроизводства могут повлечь необратимые последствия. Технология гарантирует неизменность данных после их записи в реестр. Однако она не дает возможность проверить, соответствуют ли записанные данные реальности в момент их создания. Если следователь загрузил в систему поддельный файл или зафиксировал хеш скриншота, а не исходного лога сервера, блокчейн навсегда сохранит эту фальсификацию как истину. Сторона защиты и суд могут учесть такие данные только потому, что они верифицированы блокчейном, забывая о необходимости проверки законности источника их получения.

А.А. Шурдумов отмечает, что достоверность информации в блоках создается децентрализованным хранением, а фальсификация сведений возможна, теоретически, лишь при одновременном изменении записей на всех электронных носителях, использующих систему блокчейн [6, с. 228].

Представляется, что для успешной интеграции блокчейн-верификации необходимо внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), дополнив статью, регламентирующую порядок изъятия электронных носителей, положением об обязательном вычислении контрольной суммы и ее внесении в единый распределенный реестр государственных органов.

Предлагается закрепить процессуальную презумпцию: доказательство, хеш которого совпадает с записью в государственном распределенном реестре, сделанной в момент его изъятия или представления, признается достоверным с точки зрения отсутствия несанкционированных изменений. Данная презумпция должна быть опровержимой – сторона защиты должна иметь право доказывать, что манипуляции были произведены на этапе до внесения хеша в реестр или что сама система была скомпрометирована.

В условиях, когда понятые физически не могут присутствовать при всех действиях с цифровым кодом, их функцию может частично выполнять алгоритм. Однако полная замена человека машиной в удостоверительной деятельности недопустима. В качестве компромисса может быть введен институт «цифрового понятого» – адвоката или специалиста, который имеет доступ к ин-

терфейсу системы фиксации и наблюдает за процессом внесения хеша в блокчейн в реальном времени, удостоверяя это своей квалифицированной электронной подписью. Это соединит классические гарантии участия людей в процессе с преимуществами технологии.

Указанные преобразования без потери конфиденциальности позволят уменьшить сроки расследования, усовершенствуют процедуру судебного контроля и прокурорского надзора, повысят качество расследования, что также подтверждается специалистами [1, с. 229].

Блокчейн-верификация доказательств представляет собой необходимый этап эволюции уголовно-процессуального доказывания в цифровую эпоху. Анализ показывает, что технология способна решить фундаментальную проблему обеспечения неизменности цифровых следов, создав прозрачную и устойчивую к фальсификациям цепочку их хранения. Институционализация блокчейн-верификации в уголовном процессе возможна лишь путем системных изменений: создания государственного верифицируемого реестра, внесения соответствующих дополнений в УПК и пересмотра роли участников процесса в сторону их большей технологической компетенции.

Литература

1. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.

2. Защита по цифровым активам: как адвокат помогает при уголовных делах с криптовалютой, NFT и цифровыми доказательствами. URL: https://aktr.ru/news/blogs/crypto-defense-article/ (дата обращения: 01.03.2026).

3. Проказин Д.Л., Семенов Е.А., Ляпин А.И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 171–178.

4. Федосеева Е.Л., Шевырталов Е.П. Процессуальные вопросы собирания цифровых доказательств при расследовании отдельных видов преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1 (29). С. 44–48.

5. Федотова В.В., Емельянов Б.Г., Типнер Л.М. Понятие блокчейн и возможности его использования // European Science. 2018. № 1 (33). С. 40–48.

6. Шурдумов А.А. Блокчейн-верификация доказательств в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 226–230.

***И.С. Поплавская**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.В. Павлов**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА И РОЛИ ПОМЕЩЕНИЯ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Защита прав участников уголовного процесса – это приоритет государственной политики и конституционный императив. Реализация принципов состязательности и гуманизма требует поиска баланса между целями правосудия и правами личности, что особенно важно при обеспечении процессуальных гарантий лицам, страдающим психическими расстройствами. Ограничение прав граждан в уголовном процессе допустимо только в рамках публичных интересов и при соблюдении конституционных принципов соразмерности и справедливости. Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо указывает, что при разрешении вопросов, связанных с применением меры пресечения суды обязаны соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер государственного принуждения и правом личности на свободу. В контексте применения ст. 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), этот баланс приобретает особую значимость, поскольку речь идет не только об ограничении свободы лица, страдающего психическим расстройством, но и о защите общества от возможных общественно опасных действий от этих лиц [1].

Несмотря на попытки придания конституционной легитимности ст. 435 УПК РФ норма и практика ее применения содержат значительные недостатки, нарушая баланс между публичными и частными интересами. Практика показывает, что помещение в психиатрический стационар используется преимущественно для проведения судебно-психиатрической экспертизы, а дальнейшие меры против лиц, признанных невменяемыми, невозможны. Например, если до направления в стационар была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, лицо после экспертизы возвращается в СИЗО, а обязанность оказания психиатрической помощи ложится на ГУФСИН РФ [2, с. 96]. Данные проведенного А.В. Кудрявцевой исследования подтверждают, что нуждающиеся в лечении лица зачастую остаются в СИЗО до окончания процесса без перевода в стационар. Очевидно, это свидетельствует о превалировании интересов государства над правом на лечение, что противоречит международным нормам, предписывающим ускоренный перевод таких лиц в специализированные стационары [3]. На сегодняшний день система психиатрических стационаров не

адаптирована для эффективного применения нормы, предусмотренной ст. 435 УПК РФ, однако законодатель этот аспект проигнорировал. В качестве решения указанной проблемы предлагается создание специализированных отделений для лиц, нуждающихся в психиатрической помощи. Интересно, что исходный проект Кодекса предусматривал учреждения особого режима, признавая специфику контингента, однако эти положения были исключены, вероятно из-за отсутствия подобных заведений в стране и неопределенности перспектив их появления.

Проблема выписки лиц рассматриваемой категории заключается в несвоевременном реагировании правоохранительных органов на уведомления больниц о выздоровлении или существенном улучшении состояния пациентов. По свидетельству А.С. Березкина, врачи вынуждены незаконно продлевать госпитализацию из опасений за общественную безопасность, т. к. опасаются брать ответственность за преждевременную выписку, поскольку обвиняемый в преступлении человек может представлять опасность обществу, хотя закон такую обязанность на них не возлагает, что ведет к неправомерному лишению свободы вопреки законодательству Российской Федерации [4, с. 22], однако функция «обеспечения безопасности окружающих» вполне является реализованной.

Следователь не вправе единолично поместить лицо в психиатрический стационар. Однако закон допускает такую возможность до судебного решения при наличии серьезного психического расстройства требующего неотложного лечения. В данном случае приоритет отдается публичному интересу-защите безопасности окружающих и самого лица.

Вопрос участия защитника при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу ст. 203 УПК РФ сохраняет актуальность. Практика исключения адвоката из участия в уголовном процессе нарушает конституционное право на защиту и принципы состязательности. Следует отметить, что согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, участие защитника в производстве в отношении лиц с психическими расстройствами является обязательным [3]. Более того, законодательство прямо закрепляет право лиц с психическими расстройствами на помощь адвоката. Тем не менее для единообразного толкования закона представляется целесообразным внести дополнение в УПК РФ, прямо предусматривающее участие защитника при рассмотрении судом соответствующего ходатайства.

В российском праве медицинское вмешательство основывается на автономии личности и требует информированного согласия пациента для оказания медицинской помощи. Однако правовой режим психиатрической помощи допускает случаи принудительной госпитализации, когда лицо представляет непосредственную опасность для себя или окружающих. Принудительная госпитализация оправдана приоритетом защиты жизни и безопасности общества над личной автономией. Опрос 27 респондентов (19 курсантов и 8 специалистов правоприменительной сферы) показал, что 59 % респондентов высказались за возможность принудительной госпитализации в целях обеспечения безопасности неопределенного круга лиц. Вместе с тем 37 % опрошенных придерживаются альтернативной точки зрения, считая, что госпитализация допу-

стима лишь при наличии оснований для заключения под стражу. Полагаем, что респонденты первого подхода иначе толкуют само понятие «угрозы безопасности», понимая ее не только как реальную, но и потенциальную. В этой логике опрошенные с меньшим процентом голосов, вероятнее всего, рассматривали наличие оснований для заключения под стражу в качестве дифференцирующего критерия, позволяющего разграничить ситуации, требующие немедленной принудительной госпитализации (реальная угроза), и ситуации, требующие дальнейшей оценки и расследования со стороны правоохранительных органов (потенциальная угроза).

Подводя итог вышесказанному, отметим, баланс между публичными и частными интересами в отношении психиатрических стационаров в уголовном судопроизводстве пока не реализован в полной мере, несмотря на позитивные ориентиры, заданные Конституционным Судом. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Литература

1. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кудрявцева А.В. Правовая природа и практика применения процессуальной меры, предусмотренной ст. 435 УПК // Уголовное право. 2014. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

4. Макушкин Е.В., Шишков С.Н. Помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, на основании статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***М.А. Семенов**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Н.В. Климович
Барнаульский юридический институт МВД России

ИЗЪЯТИЕ ПРЕДМЕТОВ НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

С принятием Федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] были введены значимые нормативные дополнения в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые урегулировали некоторые проблемы в правоприменении, однако до сих пор остался неразрешенным ряд вопросов.

Обращаясь к понятию изъятия предметов на этапе возбуждения уголовного дела, необходимо прежде всего констатировать отсутствие его легальной дефиниции в действующем законодательстве. В уголовно-процессуальной доктрине под изъятием, понимается обеспеченное силой государственного принуждения действие уполномоченных должностных лиц, направленное на физическое обособление и процессуальное закрепление материальных объектов, предположительно сохранивших на себе следы преступления.

Понимание сущности доследственного изъятия неразрывно связано с определением его допустимой процессуальной формы. Нормативный парадокс современного правового регулирования кроется в том, что законодатель, прямо задекларировав право изымать предметы, сделал отсылку к порядку, установленному уголовно-процессуальным законом, не предусмотрев при этом специального процессуального документа изъятия, для стадии возбуждения дела. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит исчерпывающий и не подлежащий расширительному толкованию перечень процессуальных действий, допустимых до момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. М.П. Перякина справедливо указывает на то, что в сложившихся реалиях легитимным следственным действием поискового характера, в рамках которого возможно процессуально чистое физическое изъятие материальных объектов на этапе доследственной проверки, является осмотр места происшествия, предусмотренный ст. 176 процессуального закона [2, с. 64].

Разрешение концептуального конфликта между практическими потребностями следственных органов в оперативном изъятии объектов и защитой конституционных прав личности взяли на себя высшие органы судебной власти. На сегодняшний день правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации играют системообразующую роль в уяснении подлинного смысла положений ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Фундаментальной в этом отношении является правовая позиция,

изложенная в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2014 № 518-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав п. 43 ст. 5, ст. 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3].

Не менее значимым аспектом судебного надзора за правомерностью изъятия материальных объектов на стадии доследственной проверки являются разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [4]. Правовые позиции Верховного Суда прямо ориентируют судейское сообщество на необходимость принятия к производству в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации жалоб на действия должностных лиц, связанные с фактическим принудительным изъятием предметов до возбуждения дела. При этом акцент делается на то, что предметом судебной проверки в данном случае является не только формальное наличие правильно составленного протокола осмотра места происшествия, но и фактическая законность и обоснованность самого акта изъятия, его соразмерность целям проверки. Суды обязаны оценивать, не способно ли длительное удержание изъятого имущества (например, серверного оборудования или товарных запасов) парализовать законную экономическую деятельность юридических или физических лиц. На практике это означает, что Верховный Суд Российской Федерации требует от нижестоящих судебных инстанций проведения глубокого сущностного анализа материалов проверки, категорически пресекая формальный подход.

Синтезируя представленные теоретические положения отечественной науки уголовного процесса и устоявшуюся практику высших судебных инстанций, можно с уверенностью констатировать, что понятие и сущность изъятия предметов на этапе возбуждения уголовного дела образуют исключительно сложный, многогранный и противоречивый правовой институт, требующий дальнейшего системного совершенствования уголовно-процессуального закона. Представляется целесообразным заменить в ч. 1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации слова: «*изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом*» на следующее содержание: «*изымать протоколом изъятия*», исчерпывающе определяющими допустимые формы физического изъятия объектов, а также закрепить на законодательном уровне жесткие процессуальные сроки удержания изъятого имущества до принятия итогового решения. Практическая реализация данных предложений позволит окончательно устранить правовую неопределенность и обеспечить неукоснительное соблюдение конституционных прав личности в строгом соответствии с законом.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Перякина М.П. Некоторые процессуальные вопросы изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 2 (69). С. 62–67.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Брамма Виталия Викторовича и Навального Алексея Анатольевича на нарушение их конституционных прав пунктом 43 статьи 5, статьями 144 и 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2014 № 518-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.

4. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

***А.А. Тербекова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Л.В. Черепанова,** канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РЕАБИЛИТАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПОНЯТИЕ, НРАВСТВЕННЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ, ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В правовом государстве защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод является столь же значимой задачей, как и борьба с преступностью. Конституция Российской Федерации в ст. 53 провозглашает право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Реализацией этой конституционной гарантии в сфере уголовного судопроизводства выступает институт реабилитации, закрепленный в гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Несмотря на кажущуюся устойчивость, институт реабилитации продолжает вызывать острые дискуссии в научной среде. Дискуссионными остаются вопросы его отраслевой принадлежности, соотношения публичных и частных начал, а также нравственного содержания. Цель настоящей работы – проанализировать понятие, нравственные и теоретические основы реабилитации, а также определить ее значение как комплексного правового института.

Легальное определение реабилитации содержится в п. 34 ст. 5 УПК РФ. Под ней понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения при-

чиненного ему вреда. В юридической литературе подчеркивается, что это понятие следует отличать от прекращения уголовного дела по так называемым нереабилитирующим основаниям (амнистия, истечение сроков давности), где лицо, хотя и освобождается от ответственности, но не признается невиновным [8].

Ключевым элементом реабилитации является официальное признание государством факта незаконного преследования. Как отмечают исследователи, буквальное толкование термина предполагает наличие трех элементов: 1) уголовное преследование было незаконным или необоснованным; 2) к лицу незаконно применялись меры принуждения; 3) отсутствовали сами основания для привлечения к ответственности. Субъектами права на реабилитацию являются не только оправданные подсудимые, но и лица, в отношении которых прекращено преследование по реабилитирующим основаниям (отсутствие события или состава преступления, непричастность), а также лица, незаконно подвергнутые мерам процессуального принуждения.

Нравственная природа реабилитации уходит корнями в многовековое развитие представлений о гуманизме и справедливости. Исторически идеи восстановления прав невиновно пострадавших развивались параллельно в медицине и юриспруденции. В психиатрии, например, еще в XVIII–XIX вв. Ф. Пинель, Дж. Конолли и русские психиатры С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев отстаивали принципы «нестеснения» и гуманного отношения к больным, возвращения им социального статуса. Эти же идеи лежат в основе юридической реабилитации.

В теории уголовного процесса одним из ключевых является вопрос о правовой природе норм, регулирующих реабилитацию. Традиционно институт реабилитации рассматривается как уголовно-процессуальный. Однако все больше сторонников завоевывает позиция, согласно которой этот институт носит межотраслевой (комплексный) характер.

Институт реабилитации в российском уголовном процессе представляет собой сложное, многомерное явление. Имея глубокие нравственные корни, связанные с идеями гуманизма и справедливости, он сегодня выступает важнейшей гарантией прав личности. Его теоретическая конструкция выходит за узкие рамки одной отрасли права, приобретая межотраслевой характер и требуя согласованного применения норм уголовно-процессуального, гражданского и социального законодательства.

Значение реабилитации трудно переоценить: это не просто порядок выплаты компенсаций, а комплексный механизм восстановления социальной справедливости, репутации и правового статуса гражданина, пострадавшего от ошибок карательной системы. Дальнейшее совершенствование данного института должно идти по пути устранения законодательных противоречий и расширения гарантий своевременного и полного восстановления прав реабилитированных лиц.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Основания возникновения права на реабилитацию в уголовном судопроизводстве // Официальный сайт Прокуратуры Иркутской области. 2020. 30 июля.

3. Федюнин А.Е., Перетятько Н.М. Концептуальные проблемы института реабилитации в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 14. С. 278–286.

4. Roberts G., Boardman, J. Lewis, K. Rehabilitation as a values-led practice: the contribution of recovery, social inclusion and personalisation // Enabling Recovery. Cambridge University Press, 2018. P. 39–60.

5. Концепция реабилитации и организационно-правовые механизмы ее реализации в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2019.

6. Тиганов А.С. Общая психиатрия. Гл. «Социально-трудовая реабилитация психически больных». М., 2008.

7. Янчуркина Н. Что такое реабилитация? // Официальный сайт Кодинского городского суда. 2014. 4 августа.

***К.В. Фоминых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.Г. Михайлова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В условиях цифровой трансформации всех сфер общественной жизни особую значимость приобретает вопрос о правовой природе электронных доказательств в уголовном процессе. Анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации позволяет указать на наличие пробела в правовом регулировании: понятие «электронные доказательства» в УПК РФ отсутствует [8].

Законодатель, не выделяя электронные доказательства в самостоятельный вид, использует термин «электронные носители информации», которые в силу п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ приобщаются к уголовному делу как вещественные доказательства.

Под электронными доказательствами предлагается понимать сведения, имеющие значение для уголовного дела, которые созданы, переданы, сохранены или могут быть восприняты с помощью электронных вычислительных машин и иных устройств, функционирующих на базе цифровых технологий. Такие сведения фиксируются в виде электрических, электромагнитных или иных

сигналов на материальных носителях либо передаются по телекоммуникационным каналам связи и содержатся в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет [7, с. 156].

Следует полагать, что законодательное определение электронных доказательств должно отражать их сущностные признаки данного явления. На основе анализа теоретических разработок можно сформулировать следующую редакцию для включения в УПК РФ: электронные доказательства – это сведения, имеющие значение для установления обстоятельств уголовного дела, представленные в цифровой (электрической, электромагнитной, оптической или иной) форме, содержащиеся на материальных носителях, в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) или в системах хранения данных (облачных сервисах), в т. ч. в виде файлов, электронных сообщений, метаданных, логов и баз данных, при условии их соответствия требованиям относимости, допустимости и достоверности.

Законодательство не предусматривает какого-либо одного универсального следственного действия для работы с электронными данными, поэтому выбор следственного действия зависит от места нахождения информации, степени ее доступности и процессуального статуса объекта, на котором она содержится.

Наиболее детальное регулирование в УПК РФ получил порядок изъятия электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ). Ст. 164.1 УПК РФ устанавливает требование о приоритете копирования перед изъятием, определяет роль специалиста как гаранта сохранности информации и создает правовой механизм минимизации ущерба для законных владельцев изымаемых устройств.

По уголовным делам, указанным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ (преимущественно о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности), изъятие электронных носителей не допускается. Однако из этого правила предусмотрено три исчерпывающих исключения.

Первое основание связано с необходимостью экспертного исследования. Экспертиза требует непосредственного доступа к оригиналу устройства, т. к. исследуются не только файлы, но и аппаратная часть, скрытые области памяти, аппаратные закладки и иные физические носители следов.

Второе основание отсылает к судебному контролю. Изъятие допускается, если оно произведено на основании судебного решения, т. к. на электронных носителях может содержаться не только информация, относящаяся к расследованию, но и персональные данные, коммерческая тайна, охраняемая законом.

Третье основание носит материально-правовой характер и включает в себя три альтернативных условия:

– отсутствие у владельца правомочий на хранение информации (например, обнаружение детской порнографии, экстремистских материалов, баз данных, неправомерно полученных из государственных информационных систем). В данном случае изъятие необходимо для пресечения противоправного владения;

– наличие риска использования информации для совершения новых преступлений. Это оценочная категория, позволяющая изъять устройство, если

есть основания полагать, что с его помощью планируется или может быть совершено новое деяние (например, координация действий соучастников);

– невозможность копирования без утраты или изменения информации, что должно быть подтверждено заявлением специалиста.

Исследование электронных доказательств в суде инициируется сторонами путем заявления ходатайства об осмотре электронного носителя в порядке ст. 284 УПК РФ.

Оценка электронных доказательств и их исследование в суде обусловлены необходимостью соблюдения принципа непосредственности при работе с цифровой информацией, существующей в нематериальной форме. На основании ст. 240 УПК в приговоре не допускается ссылка на не исследованные судом доказательства (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» [6]). Поэтому суд обязан исследовать именно содержание носителя, а не ограничиваться оглашением протокола его осмотра, составленного на предварительном следствии [1, с. 57].

При этом существует противоречие между теорией и практикой, т. к. в приговорах встречаются ссылки именно на протоколы осмотра электронных носителей на этапе предварительного расследования. Так, суд не посчитал нарушением то, что в основу приговора положены сведения, содержавшиеся не на диске, а в протоколе осмотра этого диска во время предварительного расследования, который был исследован в судебном заседании [2, 3]. В некоторых случаях между исследованием информации на электронном носителе и оглашением протокола его осмотра ставится знак равенства [4]. Следует полагать, что такая практика создает риски судебной ошибки, т. к. суд лишен возможности убедиться в достоверности и полноте представленной в протоколе информации.

Специфика цифровой информации предопределяет наличие специальных правил хранения. В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ, электронные носители информации хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления посторонних лиц с содержащейся на них информацией и обеспечивающих их сохранность и сохранность указанной информации. Хранение электронных носителей осуществляется в специализированных помещениях [5].

Таким образом, использование электронных доказательств в уголовном судопроизводстве требует законодательного закрепления их понятия и процессуального статуса, единообразного применения существующих процедур их получения и исследования, а также последовательной реализации принципа непосредственности при оценке цифровой информации судом. Такой подход способен обеспечить как публичные интересы расследования, так и конституционные права граждан в условиях цифрового развития правосудия.

Литература

1. Лашкин Ф.Г. Как адвокату работать с цифровыми доказательствами в защите по уголовным делам // Уголовный процесс. 2020. № 10.

2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2023 № 77-4117/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2023 № 77-1798/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2023 № 77-5353/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О некоторых вопросах обеспечения сохранности в органах внутренних дел Российской Федерации изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов, включая электронные носители информации, и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, вещественных доказательств по уголовным делам и арестованного имущества [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 23.12.2024 № 901. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О судебном приговоре [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Попова Е.И. Электронные доказательства в уголовном процессе: терминология и особенности // Научный поиск: мат-лы XVI науч. конф-ции аспирантов и докторантов. Челябинск, 2024.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.В. Черкасов**, курсант 4 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
М.Ю. Курченко
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ДОКАЗЫВАНИЕ В РАМКАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, что неизбежно влечет трансформацию преступности.

Согласно статистическим данным МВД России, количество преступлений, совершаемых с использованием информационных телекоммуникационных технологий (гл. 28 и другие составы, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ)) [4], впервые за последние годы сократилось. По итогам 2025 г. отмечено снижение количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на 11,8 % по сравнению с предыдущим годом. В частности, сокращение составило 4,6 % по категории тяжких и особо тяжких преступлений. Наиболее значительное падение зафиксировано по таким составам, как дистанционные кражи (23,6 %), мошенничества, совершенные дистанционным способом (9 %), а также преступления в сфере компьютерной информации (42,2 %) [3].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 дается определение информационно-телекоммуникационной сети – это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [2].

В литературных источниках, имеющих актуальность на данное время, понятие «преступления в сфере компьютерной информации» считается абсолютно аналогичным и взаимозаменяемым термину «компьютерные преступления», но существует позиция, согласно которой термин «компьютерные преступления» обладает более широким смыслом [1, с. 12].

Преступления, совершаемые с применением информационно-телекоммуникационных технологий, представляют собой противоправные деяния, при которых компьютерные системы, сети и данные выступают либо как средство, либо как объект посягательства. Специфика предмета доказывания по делам о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий обусловлена необходимостью установления не только обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, но и дополнительных элементов.

Это касается, в первую очередь, следов преступления. Ряд авторов расходится во мнениях относительно их интерпретации. А.И. Рахимов выделяет цифровые следы наряду с материальными и идеальными. Другие специалисты дают определение «компьютерно-техническим» следам. В научной среде все чаще звучат предложения о выделении в рамках трасологии такого направления – цифровая трасология. Данная инициатива обусловлена уникальной природой цифровых доказательств, которые характеризуются рядом специфических свойств: отсутствием физической (материальной) формы, возможностью бесконечного воспроизведения в идентичных копиях, а также высокой степенью уязвимости к модификации без образования видимых следов вмешательства.

Процедуры обнаружения и фиксации цифровых следов преступной деятельности сопряжены со значительными процессуальными и техническими сложностями. Виртуальный характер таких следов определяет их высокую нестабильность и подверженность как преднамеренному, так и случайному изменению в ходе изъятия или передачи. Отсюда вытекает одна из ключевых про-

блем современного уголовного процесса – обеспечение сохранности и неизменности цифровых доказательств на всех этапах их обращения.

При осмотре места происшествия по делам о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий необходимо уделять особое внимание не только компьютерной технике, но и иным носителям информации, включая мобильные устройства, съемные носители, сетевое оборудование.

При производстве выемки электронных носителей информации следует соблюдать требования ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [5], предусматривающей участие специалиста и возможность копирования информации без изъятия самих носителей в определенных случаях.

Взаимодействие следователя со специалистами в области информационных технологий является необходимым условием эффективного расследования преступлений рассматриваемой категории. Из этого возникают проблемы, связанные с недостаточным количеством квалифицированных специалистов в штате правоохранительных органов, отсутствием единых требований к их компетенции.

В связи с вышеизложенным предлагается:

1. Дополнить ст. 5 УПК РФ определением понятия «цифровое доказательство», «цифровой след», а также внести изменения в главу 10 УПК РФ, регламентирующую виды доказательств, выделив цифровые доказательства в отдельную категорию с учетом их специфических свойств;

2. Необходимо законодательно закрепить процедуру получения, фиксации и исследования цифровых доказательств, определить критерии их допустимости и достоверности, в т. ч. возможность обязать подозреваемых, обвиняемых предоставлять ключи шифрования при наличии соответствующего судебного решения;

3. Совершенствование системы профессиональной подготовки и курсы повышения квалификации следователей в области информационных технологий.

Таким образом, проведенное исследование проблем доказывания по преступлениям, совершенным с применением информационно-телекоммуникационных технологий, позволило сформулировать ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование следственной и судебной практики. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего модернизацию уголовно-процессуального законодательства, разработку единых методических рекомендаций, совершенствование системы профессиональной подготовки следователей. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность расследования преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий и обеспечить формирование качественной доказательственной базы.

Литература

1. Егорова И.А. Первоначальный этап расследования преступлений в сфере компьютерной информации: магистерская диссертация // Министерство

науки и высшего образования Российской Федерации Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ). 2020. 87 с.

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3. П. 2, 17.

3. О состоянии преступности в Российской Федерации за 2025 год Министерство внутренних дел Российской Федерации. М., 2026.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024) 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.П. Амельченко, М.Н. Гуринович*, курсанты 3 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
Е.Е. Новичкова
Восточно-Сибирский институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ О ЛИШЕНИИ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

Проблема исполнения постановлений о лишении права управления транспортным средством является не только юридическим, но и общественно значимым вопросом. Ее актуальность подтверждается ростом количества нарушений, недостатками механизма исполнения и необходимостью повышения эффективности административного принуждения.

В последние годы не уменьшается количество нарушений правил дорожного движения (далее – ПДД) среди водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения или без права на управление транспортным средством (далее – ТС).

Безопасное поведение на дороге и обеспечение безопасности дорожного движения являются приоритетными задачами правоохранительных органов. В этой связи наличие в российской системе права административного и уголовного наказания преследует целью сформировать у участников дорожного движения ответственное поведение, которое бы не создавало угроз для окружающих и не нарушало общественный порядок.

Лишение права управления транспортным средством, выступающее как мера административного и уголовного воздействия, преследует следующие цели:

– исключение нарушителя из участия в дорожном движении, что предотвращает возможность совершения им новых правонарушений или преступлений на дороге;

– повышение эффективности наказания по сравнению с денежными штрафами, которые зачастую не являются сдерживающим фактором для водителей с высоким уровнем дохода;

– использование в качестве крайней меры при совершении особо опасных нарушений ПДД, что способствует соблюдению установленного порядка и дисциплины на дорогах [1, с. 31].

Следует отметить, что лишение специального права – мера административной ответственности, применяемая исключительно судом и только в отношении физических лиц. Подобный строгий судебный порядок направлен на реализацию задач административного наказания, а также служит дополнительной

гарантией от возможного произвола со стороны государства. Данный процесс предполагает разрешение спора между государством и гражданином по поводу фактических обстоятельств совершенного правонарушения, а потому его исполнение требует особой правовой точности и ответственности [4].

Лишение специального права представляет собой форму ограничения субъективных прав граждан в рамках административно-разрешительной системы. Это объясняется тем, что специальные права являются неотъемлемой частью правового статуса личности и предоставляются государством в целях удовлетворения определенных потребностей или осуществления деятельности, требующей дополнительной правовой регламентации. Контроль за реализацией таких прав напрямую связан с обеспечением основ конституционного строя, охраной нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечением государственной и общественной безопасности. Неправомерное использование специальных прав способно нанести ущерб этим общественно значимым ценностям, что и обуславливает необходимость строгого регулирования порядка их ограничения.

Эффективное исполнение постановлений о лишении права управления транспортными средствами требует слаженной работы различных государственных органов. В настоящее время в этой сфере существует ряд проблем, решение которых возможно путем системных и организационных мер на федеральном и региональном уровнях [2, с. 206].

Одной из ключевых проблем является отсутствие нормативной базы, регламентирующей порядок взаимодействия между Гостехнадзором, ГИБДД и судами. Для ее устранения необходимо разработать и утвердить межведомственный регламент, четко определяющий обязанности и процедуры взаимодействия. Это требует инициативы и реализации на федеральном уровне [5, с. 118].

Проблемой можно обозначить отсутствие доступа Гостехнадзора к федеральным информационным системам, таким как ФИС МВД и ГИС ГМП. Для ее решения необходимо расширить доступ через интеграционные шлюзы, а также заключить и утвердить нормативные соглашения между ведомствами. Эти меры требуют реализации на федеральном уровне, поскольку затрагивают централизованные системы. Одной из причин ухода от ответственности со стороны лиц, лишенных права управления, является отсутствие актуальной информации о статусе лишения. Для устранения этой проблемы необходимо внедрить автоматические уведомления между информационными системами, а также создать единый цифровой реестр лиц, лишенных права управления. Это обеспечит оперативное обновление данных и повысит прозрачность контроля. Данные решения могут быть реализованы как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Многие водители воспринимают лишение права управления транспортным средством исключительно как изъятие водительского удостоверения – физического документа. Однако в реальности санкция заключается именно в утрате права, а не документа. При этом в отдаленных от населенных пунктов районах значительно возрастает риск встретить за рулем водителя, не имеющего

или лишенного права управления. Это связано, в частности, с сокращением численности сотрудников ДПС и переходом к автоматизированной фиксации нарушений правил дорожного движения.

Само водительское удостоверение в бумажном или пластиковом виде сегодня уже можно считать устаревшим элементом – рудиментом аналоговой эпохи. С учетом тенденции к цифровизации наказание в виде изъятия бланка удостоверения постепенно теряет свою актуальность. С переходом к цифровым технологиям документ может быть заменен уникальным цифровым идентификатором, и тогда необходимость физического хранения удостоверения в подразделениях ГИБДД исчезнет [3].

Цифровая трансформация в этой сфере может быть реализована через внедрение электронного водительского удостоверения (далее – ЭВУ) – устройства, интегрированного с базами данных и оснащенного, например, сканером отпечатков пальцев. В случае лишения водителя права управления, ЭВУ должно автоматически блокироваться после вступления в силу соответствующего постановления. Такой подход позволяет ограничить доступ к управлению транспортными средствами не только по факту нарушения, но и по другим основаниям (например, медицинским или возрастным ограничениям).

Для автомобилей, оснащенных системой ЭВУ, возможна реализация регулярной проверки биометрических данных водителя во время поездки – для предотвращения передачи управления лицам с ограничениями. Это создает дополнительные механизмы контроля и исключает возможность эксплуатации автомобиля водителем без действующего права.

Таким образом, внедрение цифровых технологий не только упростит процесс исполнения административных наказаний, но и повысит их эффективность. Роль сотрудников ГИБДД в этом случае трансформируется: вместо традиционного контроля документов они будут обеспечивать недопущение несанкционированного доступа к транспортным средствам и проводить сверку биометрических данных с информацией в государственных базах данных.

Решение проблем исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами требует комплексного подхода, включающего нормативные, организационные и технологические меры с участием всех заинтересованных органов власти.

Литература

1. Гвоздева Е.В. Проблемы исполнения лишения права управления транспортными средствами по административным и уголовным делам // Современная наука. 2021. № 3. С. 31–38.

2. Головко В.В., Слышалов И.В., Сахно А.И. Исполнение наказания в виде лишения права на управление транспортным средством // Правоприменение. 2021. № 3. С. 205–214.

3. Минцифры предложило приравнять автоправа на «Госуслугах» к бумажным. 5 декабря 2025 г. URL: https://www.rbc.ru/society/05/12/2025/6933036c9a794755947e43a4.

4. Киселева О.В. Административное наказание в виде лишения права управления транспортным средством // Молодой ученый. 2020. № 46 (336). С. 252–254.

5. Бекетов О.И., Корыц С.И. Проблемы исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами // Правоприменение. 2017. № 1 (2). С. 115–123.

***И.С. Андреева**, слушатель 4 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Д.Г. Заброда**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПОНЯТИЕ И ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ БЕСЕДЫ УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ

Вопросы профилактики правонарушений, предупреждения конфликтных ситуаций и формирования положительных установок у различных групп населения приобретают особую актуальность.

Значительная роль в этом процессе отводится профилактическим беседам – одному из наиболее эффективных и доступных методов профилактической работы [5]. Профилактическая беседа, как ключевой инструмент предупредительной деятельности правоохранительных органов, давно перестала быть формальной процедурой и трансформировалась в сложный вид профессиональной коммуникации, находящийся на стыке юриспруденции, психологии и педагогики. Ее эффективность напрямую определяет способность государства не карать, а предупреждать правонарушения, что является признаком зрелой правовой системы.

В контексте теории управления профилактическая беседа является формой мягкого, убеждающего воздействия на объекты управленческого влияния (граждан, склонных к девиантному поведению) с целью минимизации рисков для общественной безопасности.

С позиции социальной психологии – это целенаправленное взаимодействие, призванное изменить установки, ценностные ориентации и поведенческие модели реципиента через механизмы информирования, разъяснения и предупреждения.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение специфики профилактических бесед, проводимых участковыми уполномоченными полиции (далее – УУП).

Правовым основанием для их проведения является п. 35.2 приказа МВД России от 29.03.2019 № 205 участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) в целях предупреждения преступлений и иных правонарушений

УУП при посещении лиц, в отношении которых он осуществляет индивидуальное профилактическое воздействие, проводит с ними профилактическую беседу, разъясняет лицу его моральную и правовую ответственность перед обществом, государством, социальные и правовые последствия продолжения антиобщественного поведения [2].

Профилактические беседы, проводимые УУП, имеют ряд особенностей, обусловленных характером их служебной деятельности, а также категориями лиц, в отношении которых ими проводится индивидуальная профилактическая работа. При этом УУП, как правило, обладая наиболее полной информацией о ситуации на административном участке, будучи лично знакомым с большинством жителей, в т. ч. и лиц, склонных к совершению правонарушений, проводит профилактические беседы, основываясь на знании индивидуальных особенностей профилируемых лиц и условий их жизнедеятельности [1, 2].

Базируясь на анализе научных публикаций и общении с УУП, нами предлагается выделять следующие этапы проведения профилактической беседы:

1. Подготовительный этап предусматривает изучение информации о профилируемом лице (биографических данных, особенностях личности, условиях жизни, круге общения, совершенных ранее правонарушениях, отношении к работе или учебе, семейной ситуации и др.); определить цели и задачи предстоящей беседы, выбрать оптимальную стратегию поведения и тактику убеждения; определить место и время проведения беседы, обеспечивающие необходимую конфиденциальность и комфортные условия для общения, а также целесообразность присутствия во время ее проведения других лиц (например, сотрудников уголовного розыска, представителей общественности и др.).

2. Основной этап – непосредственное проведение беседы – представляет собой динамический процесс, основанный на сочетании мер психологического воздействия на профилактируемого и интенсивного применения приемов правового информирования (разъяснения, критики, стимулирования позитивного поведения лица, оказания помощи), с целью убеждения его в необходимости сознательного отказа от социально-негативных жизненных установок, ведения антиобщественного образа жизни, нарушения общественного порядка и прав граждан и др.

Результативность беседы повышает план ее проведения, учитывающий очередность доведения необходимой информации, выбор стиля диалога, в зависимости от категории профилактируемого, а также другие обстоятельства (например, непосредственную цель, первичность или повторность поведения, место проведения и т. п.).

3. Заключительный (итоговый) этап беседы предполагает ее содержательное завершение и документальное оформление. На данном этапе сотрудник подводит итоги диалога, резюмирует достигнутые договоренности, вырабатывает совместно с гражданином план позитивных изменений и разъясняет дальнейшие перспективы взаимодействия. Документальная фиксация результатов является не просто бюрократической формальностью, а инструментом контроля и анализа эффективности профилактической работы.

Зачастую УУП как результат профилактической беседы, составляют предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений [4].

Однако существующая практика ведения документации зачастую сводится к фиксации самого факта проведения беседы без отражения ее содержательного наполнения, психологического портрета собеседника и динамики его состояния [1, с. 28–31]. Это не позволяет использовать накопленные данные для последующего анализа, прогнозирования поведения и оценки результативности применяемых мер. Следствием является разрыв между процессом профилактики и его итогами, когда деятельность оценивается по количественным, а не по качественным показателям.

Таким образом, выбор и создание алгоритма организации и проведения профилактической беседы УУП представляет собой комплексную проблему, решение которой лежит в плоскости преодоления существующего разрыва между формально-правовым и психолого-педагогическим компонентами их деятельности. Эффективность этой работы детерминирована не только строгим соблюдением регламента, но и способностью сотрудника к построению профессионального диалога, основанного на принципах индивидуализации воздействия, уважения личности и ориентации профилактируемого на позитивные изменения.

Литература

1. Заброда Д.Г. Формы несения службы участковыми уполномоченными полиции: учебно-метод. пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. 76 с.

2. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 04.03.2020 № 119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Ю.А. Бакулина**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.В. Перцев
Барнаульский юридический институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАМЕНЫ ВОДИТЕЛЬСКИХ УДОСТОВЕРЕНИЙ КАК МЕХАНИЗМ ПРОФИЛАКТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

В современной транспортной системе автомобиль занимает доминирующее положение как наиболее распространенное средство передвижения, что обусловлено совокупностью социально-экономических, технологических и инфраструктурных факторов.

Так, по данным статистики, в 2025 г. парк легковых автомобилей в мире превышает 1,4 млрд единиц, при этом уровень автомобилизации в развитых странах достигает 600 – 800 автомобилей на 1000 жителей, что подтверждает статус автомобиля как основной транспортной единицы [1].

По данным Госавтоинспекции, за 2024 г. на дорогах совершено 132 037 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), в которых 164 754 человек получили ранения различной степени тяжести, 14403 человека погибли. За аналогичный показатель 2025 г. совершено 128 793 ДТП, в которых 159 889 человек получили ранения, 13 943 человека погибли [2].

В настоящее время на территории Алтайского края и г. Барнаула все чаще на дорогах происходят ДТП, где виновниками становятся водители автотранспорта. Так, по данным отдела пропаганды безопасности дорожного движения ГАИ УМВД России по г. Барнаулу, за 2024 г. произошло ДТП с участием водителей возрастом до 30 лет – 194 ДТП, с 30 до 60 лет 319 ДТП, старше 60 лет – 115 ДТП. За аналогичный период 2025 года произошло ДТП с участием водителей возрастом до 30 лет – 167 ДТП, с 30 до 60 лет – 375 ДТП, старше 60 лет – 96 ДТП.

Проведя анализ анкетирования среди водителей транспортных средств различного возраста, можно сделать вывод о том, что 40 % водителей забывают знания некоторых норм правил дорожного движения (далее – ПДД), а 50 % анкетируемых не изучают новые вступившие в силу правила, тем самым увеличивая вероятность совершения ДТП.

Зачастую водители транспортных средств осознанно нарушают ПДД, чтобы сэкономить время либо сократить расстояние. Однако бывают случаи, когда причиной совершения водителями ДТП становится незнание или забывание требования ПДД.

Так, в Ижевске водитель иномарки, 51-летний мужчина, который был за рулем автомобиля, совершил разворот в запрещенном для этого месте и врезался в 23-летнего водителя, который двигался во встречном направлении, устроив серьезное ДТП [3].

В настоящий момент повторная сдача экзамена по знанию водителями транспортного средства ПДД проводится только у лиц, которые были лишены водительского удостоверения за совершения ими административного правонарушения. Указанная мера направлена на улучшения знаний ПДД, что снижает вероятность повторных нарушений и совершения ДТП из-за несоблюдения ПДД.

Полагаем, что при проверке знаний ПДД у всех лиц, имеющих водительское удостоверение через определенный период времени, положительным образом отразится на уменьшении ДТП.

Исходя из этого, мы предлагаем внести изменения при замене водительского удостоверения по истечении срока действия, которая в настоящий момент включает в себя только проведение обязательной медицинской комиссии водителей транспортных средств, добавив обязательную сдачу теоретической части экзамена по знанию ПДД.

По нашему мнению, указанные нововведения положительным образом отразятся на подтверждении и актуализации знаний ПДД, и дальнейшего допущения к управлению транспортного средства таких лиц.

Литература

1. Автомобилей становится больше, но кто из стран лидирует по их количеству? URL: https://www.pravda.ru/news/auto/2186284-global_car_count/ (дата обращения: 10.08.2026).

2. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 10.08.2026).

3. В Ижевске водитель развернулся в неположенном месте и устроил жесткое ДТП. URL: https://udm.aif.ru/incidents/roadaccident/v-izhevske-voditel-razvernulsya-v-nepolozhennom-meste-i-ustroil-zhyostkoe-dtp (дата обращения: 10.08.2026).

***А.Р. Билалов**, курсант 4 курса*
Казанский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Казаченок**, канд. юрид. наук, доцент*
Казанский юридический институт МВД России

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ В РАБОТЕ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ: БАРЬЕРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ

Цифровизация как стратегический вектор развития МВД России определяется совокупностью нескольких факторов: государственным курсом на цифровую трансформацию, потребностью МВД в повышении управляемости и оперативности, высокой нагрузкой на участковых уполномоченных полиции,

а также необходимостью правового обеспечения интеграции и мобильного использования информационных систем.

Участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) действует в условиях высокой нагрузки, территориальной рассредоточенности адресов, необходимости быстрого реагирования на обращения граждан и постоянной проверки сведений по различным учетам. Если значительная часть служебных операций по-прежнему требует возвращения в стационарный пункт, повторного внесения информации и параллельного ведения бумажного и электронного документооборота, то это неизбежно снижает мобильность сотрудника, замедляет принятие решений и уменьшает время реальной профилактической работы «на участке».

В настоящее время анализируются организационные основы деятельности УУП и ищутся пути ее оптимизации. В публикациях, посвященных совершенствованию работы участковых, подчеркивается, что современная эффективность полиции зависит от способности выстроить более рациональный документооборот, ускорить внутренние служебные процессы и сократить издержки, связанные с дублированием функций и повторным вводом информации. Проблема мобильности УУП – не второстепенный технологический вопрос, а часть общей задачи по повышению результативности правоохранительной деятельности. При этом важно подчеркнуть, что современная научная литература пока не предлагает окончательно сложившейся, единой модели цифровой мобильности УУП. Напротив, анализ доступных публикаций показывает, что исследователи сходятся в признании самой потребности в цифровом усилении службы, но по-разному расставляют акценты [2].

Вызывает интерес опыт ряда зарубежных стран (например, в государствах Европы и Азии), где участковые офицеры повсеместно оснащены служебными планшетами, которые напрямую подключены к аналитическим и диспетчерским системам. Анализ зарубежной практики показывает, что перенос рабочих процессов в мобильную среду решает сразу две ключевые задачи. Во-первых, минимизируется время, затрачиваемое на возвращение в участок для составления рапортов и проверки лиц по базам данных. Во-вторых, обеспечивается так называемое визуальное присутствие полиции на улицах, что само по себе является мощным фактором профилактики правонарушений. Международный опыт внедрения таких комплексов подтверждает, что при грамотной настройке защищенных каналов связи (применение аппаратного шифрования, многофакторной и биометрической аутентификации) риски утечки служебной информации сводятся к минимуму, а оперативность работы возрастает многократно.

Несмотря на активное развитие Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД), процесс интеграции современных мобильных решений в повседневную практику УУП сталкивается с существенными барьерами.

Самым сложным барьером является нормативно-режимный. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» детально не регулирует работу с цифровой информацией, не закрепляет четких

форм фиксации и верификации данных из интернета, из-за чего правоприменители вынуждены использовать общие нормы закона (ст. 6) и ведомственные инструкции для работы в сети. Отсутствуют четкие алгоритмы подтверждения подлинности информации, полученной из открытых источников в сети, что затрудняет ее использование в качестве доказательств. Закон не содержит специфических процедур для оформления скриншотов, баз данных или переписок в мессенджерах, ограничиваясь общими формулировками о технических средствах.

Отсутствие в УПК РФ четких норм о понятии, процедуре фиксации и оценки цифровых следов до возбуждения уголовного дела также создает правовую неопределенность. Это затрудняет использование переписки в мессенджерах, данных геолокации и файлов, изъятых в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в качестве доказательств, требуя совершенствования механизмов. Для устранения этих проблем правоохранительные органы используют информационные системы и технические средства, но правовая база в этой части требует актуализации, что подтверждается экспертными обсуждениями [3, с. 175].

По мнению В.Ю. Жандрова, «классические подходы, выработанные в рамках аналогового оборота информации, теряют применимость в отношении сетевых, анонимных и распределенных цифровых форм преступности. На этом фоне все чаще встает вопрос о необходимости выделения нормативного оформления «цифровой оперативной информации» как особого рода сведений, извлекаемых оперативными подразделениями из информационно-телекоммуникационной среды до возбуждения уголовного дела» [3, с. 180]. При этом обозначается необходимость внедрения в работу не только УУП, но и всего МВД таких сервисов, позволяющих в краткий срок получить информацию о лице, не только которая его субъектизирует, но и которая будет считаться легальной, которую можно будет применять в последующих процессуальных документах в ходе как административного, так и уголовного производства.

Цифровизация деятельности УУП необходима для эффективного взаимодействия с населением и оперативного получения информации. Внедрение дистанционных инструментов, таких как чаты, видеосвязь и комплекс «Мобильный участковый» (доступ к ИСОД МВД), не изменит сущности работы, но качественно поменяет методы, ускоряя правоприменительные процедуры и профилактику правонарушений [4, с. 37].

Для преодоления указанных барьеров и реального повышения эффективности службы требуется комплексный подход, затрагивающий правовую и технологическую базу деятельности УУП.

Во-первых, необходимо нормативно закрепить в ведомственных приказах МВД России статус поисковых систем в открытых интернет-пространствах для получения об искомом лице информации из социальных сетей, оставленном цифровом следе в интернете, информации на форумах и сайтах в интернете.

Во-вторых, перспективным путем является внедрение систем автоматизации рутинных процессов. Как указывает А.Г. Гришаков, «предполагается, что цифровой участковый пункт полиции существенно повысит материально-техническое оснащение и сократит затраты служебного времени участковых

уполномоченных полиции, связанные с административно-юрисдикционной и уголовно-процессуальной деятельностью, а также общей и индивидуальной профилактикой» [1, с. 61].

В-третьих, целесообразно разработать специализированное мобильное приложение «Рабочее место УУП», имеющее функции мгновенной проверки лиц по базам розыска, электронного паспорта административного участка и цифрового приема обращений граждан, для оптимизации деятельности, объединяющее в себе базы, которыми и так пользуется УУП. Интеграция этих мер на базе обновленного административного законодательства позволит превратить цифровую трансформацию из декларативной концепции в реальный рабочий инструмент полиции, который оптимизирует, автоматизирует и упростит работу УУП.

Таким образом, усовершенствование работы УУП в цифровом характере позволит сократить временные и процессуальные издержки при производстве административных и уголовных дел, а также добавит ряд до этого недоступных инструментов для поиска информации из баз открытых источников информации, которые помогут быстрее и эффективнее разыскивать лицо, конкретизировать его криминологическую личность, понимать его уровень жизни, исходя из его социальных сетей, а также обнаруживать его место положение, а также это позволит упростить административный надзор – быстрее выявлять нарушения наложенных на него обязательств.

Литература

1. Гришаков А.Г. Искусственный интеллект как инструмент правоохранительной деятельности участкового уполномоченного полиции // Алтайский юридический вестник. 2025. № 1 (49). С. 55–63.

2. Смушкин А.Б. Проблемы построения единой цифровой экосистемы правоохранительных органов в период цифровой трансформации // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21. № 3. С. 104–113.

3. Жандров В.Ю. Цифровая оперативная информация: нормативное регулирование и правовой режим использования в уголовном преследовании // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. № 3. С. 172–186.

4. Литвин И.И. Некоторые аспекты цифровизации деятельности участковых уполномоченных полиции // Академическая мысль. 2024. № 1 (26). С. 35–38.

***П.В. Бугаева**, слушатель 5 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
А.И. Котляр
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

СОДЕРЖАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ сохраняет свою высокую актуальность для Российской Федерации, представляя серьезную угрозу национальной безопасности и здоровью нации. Анализ статистических данных демонстрирует тревожную динамику: несмотря на общее снижение количества зарегистрированных преступлений, число наркопреступлений за аналогичный период возросло. В структуре преступности 2025 г. доля деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, составляет уже около 10 % [5]. Масштаб проблемы усугубляется значительным латентным характером. По экспертным оценкам, количество лиц, регулярно употребляющих наркотические средства, достигает 6 млн человек, при этом 60 % из них приходится на молодежь в возрасте от 16 до 30 лет, а число лиц, имевших хотя бы разовый опыт употребления, превышает 18 млн человек.

На фоне общемировой тенденции роста числа потребителей наркотиков (по данным Управления ООН по наркотикам и преступности, за последние 10 лет их количество увеличилось на 20 %, достигнув 292 млн человек) [6], особенно остро стоит вопрос о роли первичного звена правоохранительной системы в противодействии этому явлению. В этой связи деятельность участкового уполномоченного полиции приобретает ключевое значение.

В научной литературе понятие «противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» трактуется многогранно. Так, М.В. Анисифорова определяет его как «часть антинаркотической деятельности, которая направлена на установление строгого контроля за оборотом таких веществ, раннее выявление незаконного потребления, уменьшение числа больных наркоманией, сокращение количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков» [1, с. 45]. Другие авторы (С.Ф. Якубов, Т.А. Боголюбова, В.Ю. Кузовлев) рассматривают его более широко – как совокупность правовых, организационных, профилактических, оперативно-розыскных и иных мер, направленных на все этапы – от предупреждения до расследования преступлений и минимизации последствий [2, с. 112]. Обобщая данные подходы, можно предложить авторское определение, согласно которому противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – это комплекс целенаправ-

ленных действий и институциональных мер, реализуемых государственными органами и обществом, направленных на системное предотвращение, выявление и пресечение всех форм незаконного обращения данных веществ, а также на минимизацию их деструктивного воздействия на здоровье населения и общественный порядок.

Роль участкового уполномоченного полиции в реализации этого комплекса мер является определяющей. Являясь субъектом профилактики, наиболее приближенным к населению, он обладает уникальной возможностью осуществлять мониторинг оперативной обстановки на административном участке. Эффективность этой работы подтверждается статистикой: более 60 % раскрытых наркопреступлений непосредственно связаны с деятельностью участковых [5]. При этом ситуация продолжает обостряться: в первом квартале 2025 г. зарегистрировано 60 700 наркопреступлений, что на 32,3 % выше показателя аналогичного периода 2024 г., причем основной рост пришелся на тяжкие и особо тяжкие составы, связанные с производством, сбытом и хранением [5].

Содержание деятельности участкового уполномоченного в данной сфере представляет собой комплексную систему, включающую три основных взаимосвязанных направления. Во-первых, это профилактическая работа, направленная на информирование населения, особенно молодежи, о вреде наркотиков, выявление лиц, склонных к их употреблению, и организацию лекций в образовательных учреждениях. Во-вторых, это оперативно-розыскная деятельность, включающая сбор информации, проведение проверок по сообщениям граждан, задержание подозреваемых и изъятие запрещенных веществ в ходе рейдов. В-третьих, это взаимодействие с другими субъектами профилактики: подразделениями по контролю за оборотом наркотиков, медицинскими учреждениями (наркодиспансерами), социальными службами и общественными организациями для организации комплексной работы, включая реабилитацию наркозависимых [3, с. 88; 4, с. 215].

Важной составляющей является также документальное сопровождение выявленных фактов, требующее от сотрудника высокой квалификации, знания нормативно-правовой базы и строгого соблюдения процессуальных норм, что обеспечивает законность и укрепляет доверие граждан.

Таким образом, деятельность участкового уполномоченного полиции по противодействию незаконному обороту наркотиков представляет собой комплексную, многоуровневую систему, интегрирующую предупредительные, оперативные и правоприменительные меры. От профессионализма и активности участковых, их способности адаптироваться к усложняющимся методам распространения запрещенных веществ, напрямую зависит не только снижение уровня наркопреступности, но и оздоровление социальной обстановки на вверенной им территории. В условиях роста наркопреступности системная поддержка государства и дальнейшее повышение квалификации сотрудников этого звена являются необходимыми условиями эффективной реализации государственной антинаркотической политики.

Литература

1. Анисифорова М.В. Концептуальные основы административно-правового регулирования оборота наркотиков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 198 с.
2. Якубов С.Ф., Боголюбова Т.А., Кузовлев В.Ю. Противодействие незаконному обороту наркотиков: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 110–118.
3. Административная деятельность полиции: учебник для вузов / под ред. В.В. Черникова. М.: Юнити-Дана, 2022. 432 с.
4. Профилактика наркомании в молодежной среде: организация взаимодействия правоохранительных органов и институтов гражданского общества: сб. мат-лов Всерос. научно-практ. конф-ции (г. Омск, 15 ноября 2024 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2024. 280 с.
5. Состояние преступности в Российской Федерации // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения: 15.01.2026).
6. World Drug Report 2024 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Vienna, 2024. Mode of access: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr2024.html (дата обращения: 15.01.2026).

***А.А. Вавилова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Г. Бачурин**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СИМУЛЯЦИЮ ПРОТИВОПРАВНОГО ДЕЯНИЯ

В настоящее время одной из актуальных проблем, явно недостаточно урегулированных административным законодательством, является противодействие симуляции противоправных деяний. Стремление граждан к получению «вирусного», яркого контента, в т. ч. с демонстрацией противоправных действий для социальных сетей, является фактором, осложняющим обеспечение общественной безопасности. Подобные действия не только причиняют моральный вред родственникам мнимых «потерпевших», но и дезорганизуют работу правоохранительных органов, вынужденных проводить масштабные розыскные мероприятия, отвлекая силы и средства от реальных преступлений.

В Российской Федерации ответственность за заведомо ложные вызовы специализированных служб предусмотрена ст. 19.13 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Такое дея-

ние влечет наложение административного штрафа в размере от 1000 до 1500 руб. [2].

Данная норма работает лишь в случае обращения в экстренные службы и не учитывает ситуации, когда лицо создает сложную инсценировку противоправных действий, не сообщая в полицию напрямую, но заведомо провоцируя ее реагирование через третьих лиц, например родственников, очевидцев.

Отметим, что во многих странах мира существует юридическая ответственность за симуляцию противоправного деяния. Например, параграф 145d Уголовного кодекса Германии (StGB) устанавливает ответственность за «преднамеренное создание видимости совершенного преступления». Максимальное наказание – лишение свободы до трех лет или штраф [5].

Во Франции, согласно ст. 434–26 Уголовного кодекса, инсценировка преступления путем создания обстановки, которая может повлечь начало расследования, наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев или штрафом [4].

Таким образом, зарубежный опыт показывает, что ответственность должна наступать за саму инсценировку, как самостоятельное общественно опасное деяние, совершенное независимо от обращения в экстренные службы.

В российском законодательстве самостоятельный состав ответственности за симулирование противоправного деяния отсутствует. Имеющаяся ст. 19.13 КоАП РФ ориентирована на пресечение ложных вызовов, тогда как инсценировки, не сопровождаемые такими вызовами, находятся вне сферы ее действия, несмотря на их потенциальную общественную опасность. Уголовная ответственность наступает лишь в тех случаях, когда симулирование противоправного деяния является способом совершения иного преступления (например, мошенничества). Фактически действия, связанные с созданием ложной картины преступления, остаются безнаказанными, если они не сопровождались прямыми требованиями выкупа или иными корыстными мотивами.

Приведем несколько примеров.

Так, 4 марта 2026 г. в Подмосковье подростки по указанию неизвестных «кураторов» инсценировали собственное похищение для требования выкупа у родных. По данным прокуратуры Московской области, злоумышленники вступили в переписку с семнадцатилетней девушкой, и под их воздействием 17 февраля она самостоятельно покинула дом и направилась в другой регион. По пути она встретилась с шестнадцатилетним юношей, которым также длительное время манипулировали неизвестные, представляясь сотрудниками правоохранительных органов. Действуя по инструкции, подростки инсценировали собственное похищение и направили родственникам видеосообщение с требованием выкупа под угрозой применения насилия [1].

Еще одним примером является случай, произошедший в Тюмени в 2025 г. Группа молодых людей в возрасте от 19 до 25 лет, одетых в камуфлированную одежду, передвигаясь на автомобиле УАЗ, заблокировали движение легковому автомобилю, с силой вытащили водителя из салона, затолкали в багажник своей машины и уехали. При этом один из налетчиков снимал происходящее на каме-

ру мобильного телефона. Устроенное представление, которое перепугало горожан, они объяснили розыгрышем [3].

Данные примеры подтверждают, что подобные инсценировки – не единичные случаи, а распространенное явление. Это свидетельствует о необходимости законодательного закрепления самостоятельного состава административного правонарушения за саму симуляцию противоправного деяния.

Таким образом, исходя из вышесказанного, предлагаем дополнить главу 19 КоАП РФ «Административные правонарушения против порядка управления», а именно предусмотреть ст. 19.13.1 «Симуляция противоправного деяния»:

1. Симуляция противоправного деяния: события преступления, административного правонарушения, несчастного случая или иного происшествия, совершенное в общественном месте или с использованием средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, но повлекли отвлечения сил и средств правоохранительных органов, призванных оказывать помощь в экстремальных ситуациях, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех до пяти тысяч рублей; на должностных лиц от десяти до двадцати тысяч рублей.

2. Те же действия, совершенные с вовлечением несовершеннолетнего либо группой лиц, – влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти до десяти тысяч рублей или административный арест на срок до 15 суток; на должностных лиц от двадцати до пятидесяти тысяч рублей.

Предлагаемая нами новелла позволит устранить существующую правовую неопределенность, установив ответственность за сам процесс симуляции противоправного деяния, создающий угрозу общественному порядку и дезорганизующий работу госорганов, а также усилить предупредительные меры, воздействуя на лиц, склонных к такому асоциальному поведению.

Литература

1. В Подмосковье взяли на контроль ситуацию с подростками, которые инсценировали похищение. URL: https://tass.ru/proisshestviya/26658641 (дата обращения: 13.03.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Пять участников пранка с похищением человека в Тюмени установлены полицией и арестованы на 5 суток. URL: https://mvdmedia.ru/news/operativnye-novosti/pyat-uchastnikov-pranka-s-pokhishcheniem-cheloveka-v-tyumeni-ustanovleny-politsiey-i-arestovany-na-5/ (дата обращения: 13.03.2026).

4. Code pénal (France). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Code_pénal_(France) (дата обращения: 13.03.2026).

5. German Criminal CodeStrafgesetzbuch – StGB). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (дата обращения: 13.03.2026)

***В.И. Демин**, курсант 1 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***М.В. Сидорова**, канд. пед. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛИЦИИ С ОБЩЕСТВЕННЫМ АКТИВИЗМОМ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Современная парадигма обеспечения безопасности на транспорте требует перехода к новым формам совместной работы всех заинтересованных сторон. Инновационные подходы к такому партнерству, вызванные к жизни ростом числа участников движения и технологическим прогрессом, становятся фундаментом действенной системы профилактики аварийности. Их суть заключается во внедрении цифровых инструментов, активизации ресурсов гражданского сектора и создании интегрированной среды, объединяющей потенциал общественности [5, 7].

Цифровая трансформация стала фундаментом для внедрения передовых методов работы в области безопасности дорожного движения. Распространение «умных» гаджетов, повсеместный доступ к сети Интернет и функционал мобильных платформ формируют принципиально новые каналы коммуникации между представителями правопорядка, добровольческими объединениями, системой образования и населением. В качестве примера можно привести создание профильных мобильных приложений, которые дают возможность юным участникам движения и их родителям оперативно получать актуальные сведения о правилах дорожного движения, отслеживать корректировки нормативной базы и становиться участниками образовательных курсов в интерактивном формате [2, 7].

В функционал таких программ нередко входят:

– Тренажеры, моделирующие дорожные обстоятельства, позволяющие отрабатывать алгоритмы безопасного поведения в различных сценариях [8].

– Навигационные слои с обозначением аварийно-опасных участков улично-дорожной сети и подсказками по их безаварийному прохождению [3].

– Каналы прямой связи с ответственными службами для информирования о неполадках в обустройстве дорог (отсутствие разметки, неработающие светофоры, дефекты освещения) [1, 3].

Значимую роль в развитии партнерства играет внедрение инструментов искусственного интеллекта и обработки больших массивов данных. Современные комплексы наблюдения за транспортными потоками способны в автоматическом режиме интерпретировать информацию с видеокамер, прогнозировать возникновение аварийных ситуаций и выдавать рекомендации для их предотвращения. В данном контексте Госавтоинспекция налаживает плотное взаимо-

действие с представителями IT-сектора для разработки и внедрения высокоэффективных программных продуктов [5].

В последнее время социальные медиа превратились в ключевую площадку для реализации предупредительных мер и популяризации норм безопасного поведения на дорогах [4]. Сотрудники полиции и активисты общественных организаций ведут активную работу в социальных сетях и мессенджерах, где размещают обучающие ролики, тематические посты и наглядную инфографику. Подобный контент ориентирован на закрепление у подписчиков стереотипов законопослушного поведения. Ключевое преимущество соцсетей – возможность охвата массовой аудитории, прежде всего молодежи, и быстрая обратная связь через обсуждения и ответы на запросы пользователей [4, 7].

Новым вектором работы полицейских с гражданским активом становятся виртуальные акции и флешмобы, цель которых – сфокусировать внимание социума на вопросах безопасности. Например, мероприятия с хэштегами «Переходи Правильно» или «Ремень спасает Жизнь» строятся на принципах интерактивности, вовлекая людей в обучающий процесс через выполнение творческих заданий [7].

Все шире в профилактике детского травматизма применяется геймификация – внедрение игровых механик в обучающие и профилактические программы. Разработка компьютерных игр и симуляторов дорожной тематики позволяет в доступной и увлекательной манере прививать детям необходимые навыки. К примеру, в ряде регионов успешно используются развивающие игры, где ребенок, управляя персонажем (пешеходом, велосипедистом, водителем), учится анализировать дорожную обстановку и делать безопасный выбор [2, 8].

Параллельно с играми активно осваиваются интерактивные образовательные платформы и технологии виртуальной реальности (VR) [8]. С помощью VR-шлемов можно погрузить ребенка в смоделированную ситуацию – от пересечения проезжей части по «зебре» до поездки в автомобиле. Это способствует глубокому пониманию возможных последствий пренебрежения правилами и формирует устойчивые модели безопасного поведения [8].

Современные формы партнерства подразумевают активное подключение бизнес-сообщества к реализации программ, направленных на снижение аварийности [5]. Крупные корпорации, руководствуясь принципами социальной ответственности, инвестируют средства, предоставляют ресурсы и инициируют собственные проекты. Так, автопроизводители выступают организаторами конкурсов и лекций для детей и подростков по дорожной грамоте. Ритейлеры включаются в пропаганду использования световозвращающих элементов, распространяя их на льготных условиях или безвозмездно.

Отдельного внимания заслуживает рост волонтерского движения. Активисты оказывают весомую поддержку полиции и педагогам в проведении профилактических рейдов и занятий. Добровольцы задействованы в мероприятиях, популяризирующих применение ремней безопасности и автокресел, распространяют памятки, проводят беседы с различными категориями граждан, особое внимание уделяется несовершеннолетним [5, 7].

В деятельность по профилактике все активнее вовлекаются родители. Например, в Орловской области получили развитие программы семейного обучения, например «Родительский патруль», в рамках которых взрослые и дети совместно проходят теоретические и практические занятия, обсуждая необходимость неукоснительного соблюдения правил дорожного движения [7].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что инновационные формы и методы совместной работы полицейских и общественного активизма представляют собой активно эволюционирующее направление, открывающее новые возможности для повышения качества профилактики аварийности. Применение цифровых технологий, налаживание контактов с институтами гражданского общества, стимулирование гражданской активности и поиск нестандартных форм партнерства [6] формируют основу для создания более защищенной дорожной среды и планомерного сокращения числа пострадавших в результате дорожно-транспортных происшествий.

Литература

1. Антонов С.Н. Цифровая трансформация в деятельности Госавтоинспекции: современное состояние и перспективы развития // Административное право и процесс. 2023. № 4. С. 45–49.

2. Богданова Т.В., Жданова И.Л. Инновационные технологии в профилактике детского дорожно-транспортного травматизма // Педагогика и психология образования. 2022. № 3 (32). С. 112–120.

3. Иванов В.В. Использование инструментов «умного города» в целях повышения безопасности дорожного движения // Транспорт Российской Федерации. 2024. № 1 (104). С. 22–27.

4. Климова Е.А. Социальные сети как платформа для формирования правосознания участников дорожного движения // Общество и право. 2023. № 2 (80). С. 88–93.

5. Обеспечение безопасности дорожного движения: стратегические направления и инновационные подходы: монография / под общ. ред. В.И. Жулева. М.: Юрист, 2023. 320 с.

6. Петров А.В. Международное сотрудничество в сфере безопасности дорожного в контексте целей устойчивого развития ООН // Московский журнал международного права. 2022. № 4. С. 95–106.

7. Современные методы пропаганды безопасности дорожного движения: метод. пособие / под ред. Н.М. Якуповой. Орел: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2023. 88 с.

8. Федотов Д.Ю. Применение технологий виртуальной реальности в обучении детей безопасному поведению на дороге // Информатика и образование. 2024. № 1 (334). С. 54–61.

***М.С. Ефимова**, курсант 2 курса*
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***О.М. Пономарева**, канд. пед. наук*
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Государственная регистрация сделок с недвижимым имуществом представляет собой ключевой элемент системы управления и контроля за оборотом недвижимости. Должностные лица, осуществляющие данную процедуру, несут ответственность за правильность и законность регистрационных действий. Анализ этой ответственности позволяет выявить механизмы обеспечения законности и защиты прав участников сделок с недвижимостью.

Дисциплинарная ответственность наступает за нарушение должностными лицами своих служебных обязанностей при осуществлении регистрационных действий. Это может выражаться в нарушении сроков регистрации, ненадлежащем исполнении обязанностей по проверке документов, нарушении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН). Меры дисциплинарной ответственности включают замечание, выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, увольнение [3, с. 330].

Административная ответственность предусмотрена за ряд нарушений в сфере государственной регистрации недвижимости. Статья 5.63 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг, что применимо и к регистрации сделок с недвижимостью.

Особое значение имеет ответственность должностных лиц за нарушение порядка предоставления сведений, содержащихся в ЕГРН. Незаконное предоставление или отказ в предоставлении сведений могут повлечь за собой как дисциплинарную, так и административную ответственность.

Следует отметить, что ответственность должностных лиц при государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом тесно связана с принципом публичной достоверности ЕГРН. Этот принцип предполагает, что лицо, полагающееся на данные ЕГРН, не должно нести негативные последствия в случае, если эти данные оказались недостоверными по вине регистрирующего органа [2, с. 42].

Механизм привлечения должностных лиц к ответственности включает в себя процедуру обжалования их действий (бездействия) как в административном, так и в судебном порядке. Лицо, права которого нарушены действиями (бездействием) должностного лица при государственной регистрации, вправе обратиться с жалобой к вышестоящему должностному лицу или в суд.

Практика применения мер ответственности к должностным лицам показывает, что наиболее распространенными являются случаи привлечения к дисциплинарной и административной ответственности. Одним из ключевых аспектов ответственности должностных лиц при государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом является проблема разграничения персональной ответственности должностного лица и ответственности регистрирующего органа в целом. В большинстве случаев ущерб, причиненный неправомерными действиями или бездействием должностного лица, возмещается за счет казны Российской Федерации. Однако это не исключает возможности последующего регрессного требования к конкретному должностному лицу, допустившему нарушение.

Особую актуальность приобретает вопрос ответственности должностных лиц в контексте цифровизации процесса государственной регистрации недвижимости. Внедрение электронных систем регистрации, с одной стороны, снижает риск человеческой ошибки, но с другой – создает новые вызовы, связанные с обеспечением информационной безопасности и защитой персональных данных. В этих условиях возникает необходимость в четком определении границ ответственности должностных лиц за функционирование автоматизированных систем регистрации [1, с. 305].

Значимым аспектом является роль профессиональной подготовки и повышения квалификации должностных лиц регистрирующих органов в контексте предупреждения нарушений и минимизации рисков привлечения к ответственности. Регулярное обучение, ознакомление с изменениями в законодательстве и судебной практике способствуют повышению качества работы регистраторов и снижению вероятности ошибок.

Отдельного внимания заслуживает проблема ответственности должностных лиц за нарушения, совершаемые при взаимодействии с другими государственными органами в процессе регистрации сделок с недвижимостью. Межведомственное информационное взаимодействие, являясь неотъемлемой частью процесса регистрации, создает дополнительные риски, связанные с обменом данными и их достоверностью.

В условиях системы «одного окна» при оказании государственных услуг возникает вопрос о распределении ответственности между должностными лицами регистрирующего органа и сотрудниками многофункциональных центров, участвующими в приеме и выдаче документов для государственной регистрации сделок с недвижимостью. Значительное число нарушений связано с несоблюдением сроков осуществления регистрационных действий. В связи с этим возникает необходимость в совершенствовании механизмов контроля за соблюдением процессуальных сроков и повышении персональной ответственности должностных лиц за их нарушение.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о роли судебной практики в формировании подходов к определению ответственности должностных лиц. Решения судов по делам, связанным с обжалованием действий (бездействия) регистраторов, служат важным ориентиром для совершенствования правоприменительной практики и уточнения границ ответственности. В условиях рас-

тущей сложности сделок с недвижимым имуществом повышаются требования к профессиональному суждению должностных лиц при принятии решений о регистрации или отказе в регистрации. Это актуализирует вопрос о критериях оценки правомерности таких решений и определения границ дискреционных полномочий регистраторов.

Важным аспектом является обеспечение баланса между ответственностью должностных лиц и защитой их от необоснованных претензий. Необходимо создание механизмов, позволяющих должностным лицам эффективно защищать свои права и профессиональную репутацию в случае необоснованных обвинений в нарушениях при осуществлении регистрационных действий.

Таким образом, институт ответственности должностных лиц при государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом находится в процессе постоянного развития и совершенствования. Эффективность этого института во многом определяет качество функционирования всей системы государственной регистрации недвижимости и, как следствие, стабильность гражданского оборота в целом.

Литература

1. Панин Н.Ю. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество как одно из условий деятельности сделок с недвижимостью // Молодой ученый. 2023. № 52 (499). С. 305–307.

2. Романов М.Е. Актуальные проблемы государственной регистрации прав на недвижимое имущество // Евразийская адвокатура. 2023. № 1 (60). С. 39–43.

3. Салахутдинов А.И. Регистрация прав на недвижимое имущество как основание возникновения прав на жилые помещения // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия: мат-лы III Всерос. научно-практ. конф-ции с междунар. участием. Казань, 2021. С. 329–333.

***Е.Д. Калунина**, курсант 3 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***И.В. Зырянов**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, ПРЕСЕЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ПРАВА ГРАЖДАН, ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ, ОБЩЕСТВЕННУЮ НРАВСТВЕННОСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

Административная деятельность полиции по выявлению, пресечению административных правонарушений, которые посягают на права граждан, здоровье населения, общественную нравственность и собственность является важнейшим направлением деятельности участковых уполномоченных полиции, что обусловлено приоритетностью таких категорий, как права человека и гражданина, их здоровье, нравственность и собственность [1].

В связи с тем, что на сотрудников полиции возлагается большой объем обязанностей [4], они наделяются широким перечнем прав, позволяющим им эффективно выполнять свою служебную деятельность. Установленные формы административного предупреждения и пресечения направлены на осуществление их функций. Так, под формой административной деятельности полиции понимают однородные по своему характеру и правовой природе внешне выраженные действия, направленные на борьбу с административными правонарушениями.

Как правило, все формы можно классифицировать по их внутреннему содержанию, а именно правоустанавливающие (правовые) и соответственно неправовые.

Первая форма административной деятельности полиции включает в себя право установительную и правоприменительную деятельность.

Соответственно данная деятельность ОВД заключается в издании ведомственных нормативных правовых актов. Так, обеспечение прав человека, согласно Приказу МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [6], возлагается на участковых полиции. На обслуживаемой территории они выполняют следующие задачи:

– пресекают нарушение прав и свобод человека;

– осуществляют превентивные меры в целях недопущения возникновения противоправных посягательств;

– проводят профилактическую работу, в т. ч. с лицами, которые состоят на профилактическом учете;

– контролируют соблюдение лицами, стоящими на административном учете, возложенных на них обязанностей и т. д. [6].

Следовательно, правоустановительная деятельность носит разноплановый характер и направлена на дальнейшее совершенствование правоприменительной практики.

Неправовая форма административной деятельности полиции.

В отличие от правовых форм, не влекут возникновение, изменение или прекращение административно-правовых отношений.

Так, к их числу можно отнести совещания, собрания, инструктажи.

Таким образом, формы административной деятельности позволят эффективно выполнять служебные обязанности сотрудников всех подразделений полиции в целях обеспечения прав человека.

Под методами, согласно теории административного права, понимают совокупность способов и средств, применение которых позволяет эффективно выполнять сотрудника полиции свои служебные обязанности при непосредственном контакте с гражданами. Общепринято классифицировать такие способы административной деятельности полиции на методы убеждения и принуждения.

Относительно определения понятия «меры административной ответственности» в теории сложилась неоднозначная позиция. Так, П.В. Анисимов и В.Д. Симухин отмечают, что административная ответственность выступает в качестве института государственного принуждения и обладает следующими признаками:

– в большинстве случаев имеет внесудебный характер;

– назначение осуществляется уполномоченными лицами (сотрудниками органов внутренних дел) [7, с. 24].

Рассмотренные нами формы и методы административной деятельности полиции направлены на своевременное выявления и пресечения административных правонарушений, посягающих на права граждан, здоровье население, общественную нравственность и собственность.

Общественная вредность административных правонарушений, посягающих на собственность заключается в том, что нарушитель посягает на принадлежность материальных благ соответствующих собственников, ограничивая его правомочия на владение, пользование и распоряжение [2]. Таким образом, нами были рассмотрены методы административной деятельности полиции, которые применяются в целях обеспечения прав и законных интересов граждан.

Совершенствование основы профилактической работы в рассматриваемом аспекте участкового уполномоченного полиции в целом и в рассматриваемом нами аспекте является одним из важнейших направлений совершенствования оперативно-служебной деятельности данного подразделения ОВД, которое решает поставленные задачи во взаимодействии с сотрудниками других служб полиции [5].

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Рос. газета. 1993. 25 дек.; Рос. газета. 2020. № 144. Ст. 8198 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.02.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 28.06.2021 № 495. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: теория и практика: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2022. С. 83.

***А.А. Капаницына**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.В. Яковлева
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, УПРАВЛЯЮЩИХ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

В настоящее время управление транспортным средством несовершеннолетними в Российской Федерации давно переросло рамки административного правонарушения и преобразовалось в одну из наиболее острых и социально опасных угроз безопасности дорожного движения.

Ежегодно фиксируется рост ДТП с участием водителей, не достигших установленного возраста. Зачастую ДТП с участием несовершеннолетних носят

трагический характер: гибель и тяжкий вред не только самих несовершеннолетних, но и других участников дорожного движения. По данным ГИБДД, в России в 2025 г. зафиксирован рост числа ДТП с участием несовершеннолетних водителей. Так, за 2025 г. произошло около 2000 подобных аварий, что на 12 % превышает показатель 2024 г. [4].

В Алтайском крае по итогам 2025 г. также отмечен рост ДТП с участием несовершеннолетних, управляющих транспортным средством, на 6,6 % (с 318 в 2024 г. до 339 в 2025 г.). Число травмированных несовершеннолетних выросло на 6,5 % (с 353 до 376). Особую тревогу вызывает рост погибших, который составил 200 % – с 4 до 12 детей. Наиболее острая проблема проявляется в управлении несовершеннолетними мототехникой. Рост происшествий данного вида составил 31,8 % – с 44 до 58 случаев [5].

В целях снижения уровня ДТП с участием несовершеннолетних водителей, на наш взгляд, необходимо сосредоточиться на двух действиях – задержании и медицинское освидетельствовании. По нашему мнению, эти меры очень важны и необходимы, потому что играют немаловажную роль в правоприменении, т. к. в законодательстве есть серьезные проблемы, когда речь идет о несовершеннолетних водителях.

При задержании несовершеннолетнего, управляющего транспортным средством, сотрудник полиции вправе применить меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренные ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ. К числу таких мер относятся доставление, административное задержание, личный досмотр, досмотр транспортного средства, отстранение от управления транспортным средством и иные процессуальные действия [1].

Алгоритм действий сотрудников полиции при доставлении несовершеннолетнего в территориальный орган МВД России, закрепленный в Инструкции (Приказ МВД России № 845), включает: установление анкетных данных нарушителя и его законных представителей, незамедлительное уведомление последних, выяснение обстоятельств правонарушения, оформление процессуальных документов, а также проведение мероприятий по выявлению фактов принуждения к употреблению запрещенных веществ и источников их приобретения [2]. При наличии оснований подозревать состояние опьянения или наличие телесных повреждений, несовершеннолетний подлежит направлению в медицинское учреждение.

Несовершеннолетний правонарушитель может быть задержан на срок не более трех часов (ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ), а в случае, если правонарушитель находится в состоянии алкогольного опьянения, срок административного задержания начинает исчисляться согласно ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ с момента вытрезвления несовершеннолетнего.

Об административном задержании несовершеннолетнего в обязательном порядке уведомляются его родители или иные законные представители (ч. 4 ст. 27.3 КоАП РФ).

По завершении процессуальных действий несовершеннолетний может быть передан сотруднику подразделения по делам несовершеннолетних либо родителям или законным представителям.

Медицинское освидетельствование несовершеннолетнего при управлении транспортным средством проводится в соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.04.2025 № 262н «Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения…» [3]. Согласно п. 8 освидетельствование несовершеннолетнего, не достигшего возраста 15 лет, – на основании письменного заявления одного из его родителей или иного законного представителя. Отметим, что в случае если несовершеннолетний достиг возраста административной ответственности, то за отказ от прохождения медицинского освидетельствования при управлении транспортным средством несовершеннолетний несет ответственность согласно ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ.

Например, в Твери 28 марта 2026 г. около 23:30 инспекторы ДПС остановили автомобиль ВАЗ у дома № 9 на бульваре Профсоюзов. За рулем сидел 16-летний юноша, не имевший водительского удостоверения. При этом у подростка обнаружили признаки опьянения – от него исходил запах алкоголя. От прохождения медицинского освидетельствования молодой человек отказался. В итоге его привлекли к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.26 КоАП РФ. Транспортное средство поместили на специализированную стоянку. Вместе с несовершеннолетним в отдел полиции доставили и его родителя. В отношении законного представителя был составлен административный материал по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ за неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка [6].

Решение обозначенной проблемы видится в реализации комплекса новых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних, управляющих транспортным средством:

1. Дополнить ст. 27.12.1 КоАП РФ: «Медицинское освидетельствование на состояние опьянения несовершеннолетнего, не достигшего возраста 18 лет, проводится в присутствии родителей или иных законных представителей либо с согласия несовершеннолетнего».

2. Дополнить часть 1.1 ст. 27.5 КоАП РФ: «В случае административного задержания несовершеннолетнего, управляющего транспортным средством, срок задержания может быть продлен, но не более чем до 4 часов, для проведения обязательной профилактической беседы с участием психолога и (или) инспектора по делам несовершеннолетних».

Таким образом, новый набор мер может значительно упростить работу правоприменительных органов. Во-первых, устраняется правовая неясность в вопросах медицинского освидетельствования. Уточняется, что законные представители обязаны участвовать или что несовершеннолетний должен дать согласие, и тем самым устраняется риск того, что результаты освидетельствования будут признаны недопустимыми доказательствами. Ранее такой риск часто задерживал процесс и приводил к прекращению дел. Во-вторых, увеличивается максимальный срок задержания до 4 часов, в течение которых проводится обязательная профилактическая беседа с психологом или инспектором ПДН. Такая беседа сочетает процессуальные действия с воспитанием и при этом не нарушает законные временные пределы. Мы считаем, что такие изменения ре-

ально помогут ускорить работу и сделать процесс более понятным. Внедрение этих мер позволит сделать производство в данной сфере гораздо проще, быстрее и надежнее с точки зрения закона.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15.09.2013 № 845. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Об утверждении порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), включающего определение клинических признаков опьянения и правила химико-токсикологических исследований, а также критерии, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, учетной формы акта медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), а также формы и порядка ведения журнала регистрации медицинских освидетельствований на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.04.2025 № 262н. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500367 (дата обращения: 31.03.2026).

4. Тревожная статистика: в 2025 году выросло количество ДТП с детьми (заглавие с экрана). URL: https://spas-rt.ru/news/gibdd/trevoznaia-statistika-v-2025-godu-vyroslo-kolicestvo-dtp-s-detmiURL:https://spas-rt.ru/news/gibdd/trevoznaia-statistika-v-2025-godu-vyroslo-kolicestvo-dtp-s-detmi (дата обращения: 31.03.2026).

5. Профилактика ДТП. О состоянии аварийности за 2025 год. URL: https://zatosib.edu22.info/node/49 (дата обращения: 31.03.2026).

6. В Твери пьяный подросток без прав управлял автомобилем. URL: https://www.afanasy.biz/news/society/252732 (дата обращения: 31.03.2026).

***Е.А. Коломыцина**, курсант 3 курса*
Уральский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Д.А. Кошелев
Уральский юридический институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Развитый транспорт и инфраструктура – важнейший фактор для современного государства, обеспечивающий его экономическое и социальное развитие в рамках страны и на международной арене [3, с. 62]. Транспорт и его инфраструктура являются не просто средством перемещения людей и грузов, а ключевым фактором экономического развития, социальной сплоченности и национальной безопасности. Инвестиции в развитие транспортной инфраструктуры являются инвестициями в будущее государства.

Транспортная безопасность представляет собой неотъемлемый элемент национальной безопасности, поскольку она тесно переплетается с различными аспектами общественной жизни и игнорирование этого фактора способно подорвать общую защищенность страны. В этой системе особая миссия возложена на органы внутренних дел на транспорте, выступающих в роли специализированного подразделения МВД России. Их главное предназначение – поддержание правопорядка и защита жизни, здоровья и имущества граждан на объектах транспортной инфраструктуры.

Несмотря на то, что полиция не решает весь спектр задач в области транспортной безопасности, именно от ее работы зависит прочность и стабильность всей защитной системы транспортного комплекса. При этом высокая значимость деятельности правоохранителей не отменяет наличия правовых и организационных пробелов в этой сфере, требующих безотлагательного восполнения. Именно поэтому всесторонний анализ административно-правовых основ функционирования полиции в контексте транспортной безопасности приобретает особую научную и практическую актуальность [4, с. 5].

Комплексная система обеспечения безопасности на транспорте призвана защищать объекты инфраструктуры от противоправных посягательств, причем в центре внимания находятся не только террористические угрозы, но и широкий круг незаконных операций, использующих транспортные сети. В связи с этим первостепенное значение отводится тщательному контролю перемещений пассажиров и грузов, ведь транспортные магистрали часто задействованы в теневых финансовых и экономических схемах.

О масштабе проблемы красноречиво свидетельствуют оперативные данные транспортной полиции: только за 2023 год было выявлено 376 преступлений экономической и коррупционной направленности, связанных с лесным оборотом. Показательно, что подавляющее большинство из них – 294 эпизода – квалифицированы как совершенные в крупном и особо крупном размере. Это

напрямую указывает на то, что незаконная вырубка приобрела промышленные масштабы, а транспортные каналы активно используются для легализации похищенного ресурса.

Не менее тревожна ситуация и в сфере трансграничных преступлений: зарегистрировано 265 фактов контрабанды лесоматериалов, когда ценные породы древесины пытались незаконно переместить через границу. При этом транспортная инфраструктура выступает ключевым звеном и во внутреннем обороте нелегальной древесины – выявлено 69 нарушений, связанных с приобретением, хранением, перевозкой и переработкой заведомо незаконно заготовленного леса. Вся приведенная статистика не оставляет сомнений: успешная борьба с «черными лесорубами» невозможна без перекрытия логистических путей сбыта их продукции [6].

Сложность и многогранность задач, стоящих перед системой обеспечения безопасности на транспорте, а также необходимость четкого взаимодействия с широким кругом смежных структур и ведомств, неизбежно порождают ряд серьезных системных проблем. Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие целостной и непротиворечивой правовой базы: до сих пор законодательно не определен единый орган, который нес бы исключительную ответственность за принятие ключевых решений в сфере охраны правопорядка на транспорте и нес бы за это полную ответственность.

Существует и другая законодательная коллизия: хотя субъекты транспортной безопасности и перечислены в нормативных актах, их конкретные полномочия и, что еще важнее, мера ответственности в рамках общей системы охраны правопорядка остаются размытыми. Это создает ситуацию, когда формально ответственные есть, а реального рычага влияния или четкого понимания границ своей компетенции у них нет.

Критически важным пробелом является и слабая регламентация механизмов межведомственного и межуровневого взаимодействия. Отсутствие четких, прописанных на законодательном уровне процедур совместных действий приводит к несогласованности, замедлению реакции на инциденты и общему снижению эффективности работы различных подразделений, призванных действовать как единый механизм.

Наибольшую остроту данная проблема приобретает в регионах, где местные подразделения транспортной полиции, будучи фактически задействованными в охране общественного порядка и защите инфраструктуры, действуют в условиях правовой неопределенности. Их роль и функционал в общей системе безопасности законодательно не закреплены, а отсутствие четких границ полномочий серьезно осложняет процесс принятия оперативных решений и разграничение обязанностей с иными правоохранительными и гражданскими структурами [3, с. 64].

Учитывая масштабы территории России, транспортная система выполняет основополагающую функцию в перемещении граждан, грузов и стратегически важных ресурсов, что выводит задачу ее защиты в разряд государственных приоритетов. Хотя в сфере обеспечения транспортной безопасности, особенно в деятельности полиции, сохраняются определенные недочеты и правовые про-

белы, нормативная база продолжает совершенствоваться, наделяя правоохранительные органы дополнительными полномочиями. В таких условиях именно налаженное взаимодействие и согласованность действий между полицией и иными структурами, отвечающими за безопасность на транспорте, становятся решающим условием для устойчивой работы инфраструктуры и защиты интересов всех участников перевозочного процесса [5, с. 296].

Литература

1. О транспортной безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Административная деятельность полиции: учебник / Р.Ю. Аврутин, А.Г. Бачурин, В.М. Гарманов [и др.]. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. 576 с.

3. Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сб. трудов Всерос. (с междунар. участием) научно-практ. конф-ции, г. Кострома, 22–23 апреля 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 434 с.

4. Актуальные проблемы административной деятельности полиции: монография [И.А. Адмиралова, А.В. Елисеев, М. М. Зиганшин и др.]; под ред. заслуженного сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, д-ра юрид. наук, профессора М.В. Костенникова; Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2019. 255 с.

5. Смирнова Т.С. Курс лекций по транспортной безопасности: учеб. пособие. М., 2013. 296 с.

6. Органы внутренних дел на транспорте продолжают работу по выявлению и пресечению преступлений в сфере незаконного оборота стратегически важных ресурсов. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 03.06.2026).

А.В. Кузьменко, *курсант 4 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Д.Г. Заброда, *канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С ГРАЖДАНАМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ОБХОДА

Одной из центральных организационных форм несения службы УУП является обход административного участка, который служит основным методом получения первичной информации о криминогенной обстановке, способом выявления и пресечения административных правонарушений и преступлений, а также используется УУП для непосредственного взаимодействия с населением, проживающим на административном участке [1].

В частности, проведенное в 2021 г. в Барнаульском юридическом институте МВД России исследование показало, что наиболее часто в ходе профилактического обхода УУП выявляются административные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 20.20, 20.21, 20.1, 20.6.1, 6.24, 12.29, 19.15, 6.1.1 КоАП РФ, а преступлениями – ст. 158 и 119 УК РФ [3].

В соответствии с п. 23 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструкция), профилактический обход рассматривается как: а) самостоятельная форма несения службы; б) форма несения службы, сочетающаяся с проведением индивидуальной профилактической работы и (или) рассмотрением обращений граждан [2].

Общение с УУП показало, что большинство из них сочетают профилактический обход с другими формами несения службы, ориентируясь на актуальность решения, стоящих перед ними текущих задач.

К задачам, которые непосредственно решаются УУП во время профилактического обхода, следует отнести и взаимодействие с гражданами, проживающими на административном участке.

Круг лиц, с которыми УУП взаимодействует в ходе профилактического обхода, определен в п. 24.1 и 24.2 Инструкции. К ним относятся: жители и собственники (представители собственников) объектов, расположенных на территории закрепленного административного участка.

Анализ положений правовых актов МВД России позволяет к взаимодействующим с УУП лицам, относить:

а) граждан, участвующих в охране общественного порядка (например, внештатных сотрудников полиции, командирами народных дружин, лицами, содействующим полиции в части предоставления информации о правонарушениях и об угрозах общественному порядку);

б) лиц, которые в рамках доверительных отношений оказывают содей-

ствие в процессе выявления, пресечения и расследования правонарушений, оказании индивидуального профилактического воздействия на подучетных;

в) представителей общественных организаций, участвующих в правоохранительной или правозащитной деятельности (например, кризисных центров, волонтерских и добровольческих структур) и др.

Основными целями такого взаимодействия являются:

– ознакомление УУП с населением, проживающем на закрепленном административном участке;

– непосредственное наблюдение за состоянием правопорядка на административном участке, динамикой изменений состояния профилактируемых лиц, семей, подверженных конфликтам; совместное с гражданами решение вопросов обеспечения общественного порядка и общественной информации;

– обмен информацией о криминогенной ситуации на административном участке и способах ее улучшения;

– проверка результатов устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушения или причин их невыполнения;

– получение информации от населения о фактах противоправного поведения жильцов квартир и домовладений, лицах, составляющих оперативно-профилактический интерес, а также пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми;

– повышение уровня доверия среди населения путем налаживания делового сотрудничества с гражданами, собственниками (представителями) объектов, расположенных на территории закрепленного административного участка.

В ходе взаимодействия УУП использует следующие способы общения с гражданами:

– информационно-разъяснительные беседы (профилактические беседы с подучетными лицами);

– правовое консультирование, предоставление наглядных (например, содержащих рекомендации по противодействию кибермошенничеству, терроризму и экстремизму, распространению наркотиков) и информационных (например, содержащих данные о телефонах общественных организаций, оказывающих помощь лицам, пострадавшим от семейно-бытового насилия, оказавшимся в сложной жизненной ситуации) материалов;

– направление запросов должностным лицам организаций, предприятий и учреждений и т. п.

К факторам, которые снижают эффективность взаимодействия УУП с гражданами при проведении профилактического обхода, предлагается относить:

– дефицит времени, возникающий в связи с необходимостью для УУП совмещать срочность решения текущих задач и длительностью процесса налаживания коммуникации с гражданами; недостаток кадров в службе УУП;

– несформированность коммуникативных навыков УУП;

– пробелы в правовом закреплении взаимодействия УУП и общественности на уровне МВД России;

– недостаточный уровень доверия граждан к полиции в целом и службе

УУП и конкретному УУП в частности;

– нежелание отдельных граждан контактировать с УУП, опосредованное предыдущим опытом (привлечением к уголовной или административной ответственности его или родственников) или обнародования контактов с полицией;

– сложности языкового, культурного или религиозного характера, возникающие у УУП при общении с гражданами и др.

Подводя итого, отметим, что оптимизации рассматриваемого вида деятельности УУП будет способствовать: детализация задач, основных форм и методов взаимодействия УУП с общественностью в приказе МВД России от 29.03.2019 № 205, увеличение числа внештатных сотрудников полиции, закрепляемых за УУП; рассмотрение вопроса о целесообразности создания института помощников УУП в сельской местности; разработка методических рекомендаций, содержащих алгоритмы общения УУП с различными категориями граждан, а также способы преодоления конфликтных ситуаций.

Литература

1. Заброда Д.Г., Осяк А.Н. Основные направления совершенствования форм несения службы участковыми уполномоченными полиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-form-neseniya-sluzhby-uchastkovymi-upolnomochennymi-politsii (дата обращения: 18.02.2026).

2. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности: методические рекомендации / А.Г. Гришаков, Я.Е. Верхоглядов, А.А. Гайдуков [и др.]. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. 44 с.

И.А. Куликова, *курсант 3 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Т.В. Малкова
Санкт-Петербургский университет МВД России

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕННОЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ДИВЕРСИОННОЙ УГРОЗЫ

В связи с проведением специальной военной операции на Украине современная система обеспечения общественного порядка в России сталкивается с новыми угрозами. Террористические и диверсионные движения направлены на дестабилизацию социальной обстановки и подрыв доверия к государственным институтам. Данные обстоятельства диктуют необходимость более бдительной и всесторонней охраны общественного порядка и вынуждают правоохранительные органы искать новые пути для обеспечения общественного благополучия в особых условиях и борьбы за спокойную жизнь граждан.

Охрана общественного порядка в условиях повышенной террористической и диверсионной угрозы имеет ряд особенностей, связанных с необходимостью обеспечения не только привычной охраны порядка, но и предотвращение различных ситуаций.

Общественный порядок – это система урегулированных нормами права и поддерживаемых государством общественных отношений, обеспечивающих безопасность, стабильность и нормальные условия жизнедеятельности граждан [4]. В условиях повышенной угрозы его охрана приобретает особый режим, в который входит усиление мер контроля, различные предупредительные действия и ограничение некоторых прав и свобод для обеспечения защиты общества.

Нормативно-правовая база охраны общественного порядка включает в себя Конституцию Российской Федерации, устанавливающую приоритет прав и свобод человека, но допускающую их ограничение в целях безопасности государства; федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции», в котором устанавливаются полномочия полиции по обеспечению охраны общественного порядка и общественной безопасности; федеральный закон № 390-ФЗ «О безопасности», в котором определяется система мер по защите личности и общества от угроз. В федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» регламентируются действия при введении режима контртеррористической операции, порядок ограничения прав и привлечения силовых структур. Важную роль играют совместные приказы МВД, ФСБ и Росгвардии, закрепляющие порядок межведомственного сотрудничества.

Повышение террористической и диверсионной активности на новых территориях связано с рядом факторов, среди которых деятельность диверсионно-разведывательных групп, целью которых является подрыв объектов инфра-

структуры. Снижение доверия к органам власти, распространение радикальной идеологии в социальных сетях и мессенджерах оказывает влияние на мировоззрение граждан и провоцирует их на различные противоправные действия [3]. Миграционные процессы тоже играют не последнюю роль, они создают дополнительные риски нелегальной деятельности. Особое значение приобретает угроза применения различных дистанционных взрывных устройств и дронов, что требует от органов внутренних дел новых методов противодействия.

В условиях повышенной опасности перед территориальными органами МВД России стоит ряд специфических задач, решение которых необходимо для усиленной защиты населения, объектов инфраструктуры. К таким задачам относятся постоянный мониторинг оперативной обстановки, выявление подготовительных действий диверсионных групп, совместные мероприятия с военными структурами, ФСБ и Росгвардией, а также активное использование технических средств для противодействия противоправным деяниям. Важную роль играют профилактические меры, патрулирование и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на предотвращение террористических актов еще на стадии подготовки [2].

Ключевой деятельностью полиции в условиях повышенной террористической и диверсионной опасности является организация работы с населением, т. к. именно через население можно предотвратить угрозы и повысить уровень безопасности. Также при тесном сотрудничестве с гражданами повышается доверие к органам МВД, что позволяет эффективно выявлять подозрительных лиц и предметы. Правое просвещение населения о правилах поведения в условиях террористической опасности, развитие института добровольных народных дружин, общественных объединений, проведение профилактических бесед в образовательных учреждениях и создание каналов обратной связи между гражданами и правоохранительными органами способствуют повышению правосознания и безопасности людей [5].

Несмотря на вышеперечисленные мероприятия, проводимые органами внутренних дел, возникает ряд проблем. К ним относятся кадровый дефицит, вызванный обширными территориями и большим количеством граждан, недостаточное техническое оснащение отдельных подразделений, сложность противодействия новым все более извращенным методам осуществления противоправных действий, а также необходимость более тесного межведомственного сотрудничества.

Охрана общественного порядка в условиях повышенной террористической и диверсионной угрозы приобретает все большую значимость и требует комплексного подхода. В данных условиях территориальные органы МВД выполняют не только традиционные функции по обеспечению безопасности правопорядка, но и проводят ряд специфических мероприятий, направленных на предупреждение, пресечение и выявление террористических и диверсионных актов.

Основной особенностью деятельности является сочетание силового, оперативно-розыскного и профилактического воздействия. С одной стороны, это выражается в усилении патрулирования и контроля общественных мест, обес-

печении безопасности на транспорте и объектах инфраструктуры. С другой стороны, в активной работе по сбору и анализу информации, выявлению лиц, причастных к террористической и экстремистской деятельности, пресечение каналов их пропаганды [1].

Работа с населением является неотъемлемой частью деятельности органов внутренних дел, т. к. именно граждане часто становятся источником информации о готовящихся угрозах. Необходимо формировать у людей навыки безопасного поведения, развивать правосознание и укреплять доверие к правоохранительным органам.

Таким образом, охрана общественного порядка в условиях повышенной угрозы терроризма и диверсий представляет собой сложную деятельность, требующую высокой мобильности, профессионализма и постоянной готовности к противодействию.

Литература

1. Ильин Ю.И. Особенности охраны общественного порядка на территории проведения специальной военной операции // Закон и власть. 2022. № 3.
2. Молдажиев А.И. Терроризм как угроза национальной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-2.
3. Осипов А.П. Противодействие терроризму и экстремизму // Закон и право. 2021. № 2.
4. Усманов Д.Р., Ковалев Т.В. Особенности обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности в особых условиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-4 (86).
5. Шумский В.В., Ткаченко В.В., Колениченко В. В. Некоторые вопросы взаимодействия полиции с населением по охране общественного порядка // Научный вестник ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1 (102).

***Д.М. Лагутка**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
О.О. Попова
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОГО РЕЖИМА ВЫСЫЛКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Миграционная политика Российской Федерации является важным инструментом обеспечения национальной безопасности, правопорядка и социально-экономической стабильности. Одним из ключевых механизмов регулирования миграционных процессов выступает режим высылки иностранных граждан

и лиц без гражданства, который был принят на основе предложений об ужесточении миграционной политики. Содержательная сущность данного правового режима заключается в установлении комплексных ограничений для иностранных граждан, пребывающих на территории России с нарушением установленного порядка, в реализации отдельных прав и свобод, а также в существенной интенсификации применяемых в отношении них мер государственного контроля и надзора [4, с. 52].

Актуальность темы обусловлена расширением полномочий полиции в миграционной сфере – это возложило на сотрудников органов внутренних дел значительный объем новых функций. Изменения в законодательстве предоставили полиции возможность самостоятельно принимать решения об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, что ранее относилось к исключительной компетенции судебных органов [5, с. 39].

Обязательным условием для принятия решения об административном выдворении является всесторонний анализ обстоятельств дела, включая личные качества человека, его социальный статус, семейные связи в Российской Федерации и другие влияющие факторы. Ключевым элементом данного процесса также служит право на обжалование выдворения в суде, дающее иностранцу возможность защитить себя законными средствами [6, с. 36].

В рамках проведенного исследования нами выявлены несколько проблем реализации миграционного режима высылки. Во-первых, проблема информированности внесенных в реестр контролируемых лиц. Следовательно, иностранный гражданин не может исполнять возложенные на него обязанности и ограничения, т. к. не был осведомлен надлежащим образом. Вторая проблема – существенные финансовые потери на покупку билетов и содержания мигрантов, если они не могут оплатить выезд самостоятельно. Третья проблема – кадровая нагрузка в крупных городах и регионах с высокой миграционной привлекательностью.

Отдельно хотелось бы отметить, что режим высылки – сложный и многоаспектный правовой режим, затрагивающий права и интересы иностранных граждан и лиц без гражданства, ограничивая право на свободу передвижения. Поэтому режим высылки необходимо применять с учетом всех объективных обстоятельств каждого дела.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что необходимо совершенствовать миграционный режима высылки. Представляется возможным закрепить обязанность о направлении лицу, внесенному в реестр, официальное уведомление с разъяснением прав и обязанностей, например, это можно сделать с помощью портала Государственных услуг Российской Федерации или по месту регистрации. Кроме того, следует провести анализ нагрузки на подразделения по вопросам миграции и участковых уполномоченных полиции для того, чтобы можно было перераспределить штатную численность в пользу регионов с небольшим количеством контролируемых лиц.

Литература

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 115. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об организации работы Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов при применении в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства режима высылки [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10.12.2024 № 862. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Амельчаков И.Ф., Катаева О.В. Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 138–159.
4. Емельянов В.М. Инновации миграционного законодательства как стимул повышения эффективности деятельности полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3 (69). С. 38–47.
5. Карпушкин А.В. К вопросу о правовом статусе режима высылки и депортации иностранных граждан и лиц без гражданства // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону, 2025. № 4 (115). С. 51–55.
6. Попова О.О. Особенности реализации административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2025. № 25. С. 36–37.

***Д.А. Логиновский**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

*Научный руководитель**:***
О.О. Попова
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Административные правонарушения, связанные с нанесением побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ), в семейно-бытовой сфере остаются одной из наиболее сложных категорий дел. Их специфика обусловлена закрытостью семейных отношений, высокой латентностью и особым статусом потерпевших.

В рамках данного исследования нами были определены ключевые направления и особенности деятельности участкового уполномоченного полиции (далее – УУП) по выявлению и профилактике правонарушений в семейно-

бытовой сфере на основе правоприменительной деятельности сотрудников МО МВД России «Каменский».

Выявление побоев в семье сопряжено с рядом объективных и субъективных факторов. Во-первых, закрытость бытовой среды. В отличие от правонарушений в общественных местах, побои наносятся вне поля зрения посторонних. Свидетелями часто выступают лишь несовершеннолетние дети или лица, находящиеся в материальной зависимости от агрессора, что затрудняет сбор доказательств.

Во-вторых, специфика объекта профилактики – семья как система. Потерпевшие (чаще всего женщины или пожилые родственники) нередко отказываются от дачи объяснений и заявлений по таким причинам как экономическая зависимость от правонарушителя и страх перед эскалацией насилия после вмешательства полиции.

В-третьих, проблемы доказывания. Для привлечения к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ [1] необходимо наличие медицинского освидетельствования, подтверждающего факт побоев. Между событием и обращением в травмпункт часто проходит время, следы повреждений исчезают, либо потерпевший уклоняется от освидетельствования. Кроме того, в бытовых конфликтах нередко обе стороны имеют повреждения, что требует от сотрудника полиции тщательного разграничения ролей (агрессор – жертва – самооборона).

Полагаем, что с целью снижения латентности и упрощения доказывания предлагается внедрить на уровне муниципального образования (в т. ч. в Каменском районе) межведомственный регламент «Единое окно фиксации бытового насилия». Суть данного регламента заключается в следующем: медицинские организации при обращении пациента с телесными повреждениями, полученными в быту, обязаны в течение двух часов направить электронное уведомление в территориальный орган МВД России, а также в органы опеки и попечительства (в случаях, если потерпевшим является несовершеннолетний, который в силу возраста не может самостоятельно осуществлять защиту своих прав; причинения телесных повреждений взрослому родителю, свидетелем(лями) чего стал(и) несовершеннолетний(ие)).

Полиция, получив такое уведомление, осуществляет его регистрацию в дежурной части территориального органа МВД России с целью проведения предварительной проверки (разрешения сообщения) в порядке, установленном КоАП РФ.

Профилактическая работа УУП с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере, строится по нескольким направлениям.

Первым направлением является индивидуальная профилактическая работа (далее – ИПР). Лица, совершившие административные правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ в семейно-бытовой сфере, ставятся на профилактический учет. УУП проводит с ними беседы по месту жительства не реже одного раза в полугодие, при этом в зависимости от личности лица, характера его поведения, включая систематичность допускаемых им правонарушений, периодичность осуществления данных мероприятий может быть увеличена до одного и более раз в квартал [2].

Второе направление – межведомственное взаимодействие. Эффективность профилактики повышается при координации с органами социальной защиты, здравоохранения, центром занятости. УУП инициирует: направление агрессора к наркологу (при наличии признаков алкогольной зависимости); содействие в трудоустройстве или социальной адаптации; информирование органов опеки о неблагополучии в семье, если в конфликте участвуют несовершеннолетние [3, с. 19].

Третье направление – работа с потерпевшими. УУП разъясняет потерпевшим их права, порядок фиксации побоев, алгоритм действий в случае повторного насилия. Важно формировать у потерпевшего понимание, что своевременное обращение в полицию и медицинское освидетельствование – единственный способ остановить эскалацию конфликта [5, с. 25].

В Каменском районе, как показывают данные, нагрузка на УУП остается высокой. Внедрение четких регламентов ИПР и цифровизация учета позволяют сделать профилактику более системной и снизить количество повторных правонарушений. Анализ статистических данных МО МВД России «Каменский» за последние два года подтверждает актуальность темы исследования. Так, в 2024 г. было рассмотрено 186 дел данной категории, в 2025 г. – 150, а за январь–февраль 2026 г. – уже 29 [4].

Снижение количества рассмотренных дел не всегда свидетельствует о реальном уменьшении числа правонарушений; зачастую это результат сложностей в выявлении и доказывании.

Учитывая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что административные правонарушения, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ, совершенные в семейно-бытовой сфере, остаются сложным объектом административной юрисдикции. Основные проблемы – высокая латентность, трудности доказывания, зависимость возбуждения дела об административном правонарушении от воли потерпевшего и низкая эффективность профилактических мер при отсутствии межведомственного взаимодействия

Предложенный межведомственный регламент «Единое окно фиксации бытового насилия» позволит снизить зависимость от заявления потерпевшего, повысить объективность доказывания и обеспечить более оперативное начало профилактической работы. В свою очередь, системная деятельность УУП в рамках ИПР и координация с социальными службами способны снизить рецидив и стабилизировать обстановку в семейно-бытовой сфере.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Иванова Е.Ю. Профилактика семейно-бытового насилия в деятельности участкового уполномоченного // Российский следователь. 2025. № 1. С. 18–22.

4. Отчет судебного департамента по Каменскому району о рассмотрении дел об административных правонарушениях по ст. 6.1.1 КоАП РФ за 2024–2026 гг. (архивные данные).

5. Шерстобоев О.Н. Административная ответственность за побои: проблемы правоприменения // Административное право и процесс. 2024. № 3. С. 24–28.

В.В. Лымарь, *курсант 2 курса*
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Н.В. Шкорбатова, *канд. юрид. наук*
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА УНИКАЛЬНЫХ ЭКОСИСТЕМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «КУРШСКАЯ КОСА»

На территории Калининградской области расположены уникальные природные объекты, имеющие международное значение. Куршская коса представляет собой песчаный полуостров – узкую полосу суши протяженностью 98 км и шириной от 400 м до 3,8 км, отделяющую Куршский залив от акватории Балтийского моря. Геоморфологическую специфику территории определяют песчаные дюны, достигающие высоты 60–70 м. Административно коса разделена между Российской Федерацией и Литовской Республикой на паритетных началах. В 2000 г. данный природный комплекс был включен в перечень объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в номинации «культурный ландшафт» [1].

Другим значимым географическим объектом региона выступает Балтийская коса, которая является самой западной точкой Российской Федерации. Она представляет собой узкую полоску суши, отделяющую Калининградский залив от основной части Гданьского залива. Общая длина косы составляет 65 км, из которых 35 км в северо-восточной части принадлежат России, остальная территория – Польше. Ширина косы варьируется от 300–1800 м в средней и южной частях до 8-9 км – в северной.

Куршская коса характеризуется высокой степенью туристической аттрактивности. Ежегодный туристический поток достигает 500 тыс. человек, при этом фиксируется устойчивая тенденция к росту данного показателя. По данным 2025 г., национальный парк «Куршская коса» входит в пятерку самых посещаемых особо охраняемых природных территорий России.

С начала 2010-х гг. Куршская коса неоднократно становилась объектом внимания средств массовой информации и правоохранительных органов в связи с выявленными нарушениями природоохранного законодательства. В частности, фиксировались факты незаконных рубок лесных насаждений, самовольного строительства и иных деяний, наносящих ущерб уникальной экосистеме. Основными субъектами, выявляющими данные правонарушения, выступают должностные лица национального парка, а также представители калининградских общественных экологических и антикоррупционных организаций [2].

На территории национального парка «Куршская коса» предусмотрены штрафы за нарушения правил поведения, которые могут нанести ущерб природе. Это связано с тем, что коса – особо охраняемая природная территория, и на ее территории запрещается любая деятельность, которая может нанести ущерб природным комплексам, объектам растительного и животного мира, естественным экологическим системам

Динамика административных правонарушений на территории национального парка «Куршская коса» демонстрирует устойчивый рост, коррелирующий с увеличением туристической нагрузки. В 2021 г. составлено 660 протоколов об административных правонарушениях, в 2022 г. – 850, в 2023 г. – 1045 (рост на 22,9 % по сравнению с предыдущим годом). Летний сезон 2024 г. характеризовался рекордной интенсивностью правонарушений: за три месяца составлен 621 протокол, преимущественно (198) по ст. 8.39 КоАП РФ (нарушение режима особо охраняемых природных территорий). В летний период 2025 г. составлено более 500 протоколов [3].

К числу основных экологических проблем, оказывающих негативное воздействие на уникальную экосистему национального парка «Куршская коса», относятся следующие:

– загрязнение почв и вод – обусловлено выносимыми штормами автошинами (источник канцерогенов, накапливающихся в растительности) и разливами нефтепродуктов;

– эрозия авандюны – до 2020 г. в критическом состоянии находилось около 50 % российской части косы; реализуемые берегоукрепительные мероприятия замедлили деструктивные процессы;

– неудовлетворительная очистка сточных вод – в ряде поселков и рекреационных объектов очистные сооружения отсутствуют либо функционируют ненадлежащим образом;

– аккумуляция морского мусора – антропогенные отходы (пластик, стекло) в прибрежной зоне нарушают функционирование экосистем и угрожают биоте;

– нелегальное берегоукрепление – установка волнорезов в г. Зеленоградске без экологической экспертизы привела к аккумуляции песка в корневой части косы и возможному дефициту наносов на остальной территории [4].

Административная ответственность за нарушение правил пребывания на территории национального парка «Куршская коса» установлена ст. 8.39 КоАП РФ, предусматривающей наложение административного штрафа. Максималь-

ный размер санкции для физических лиц составляет 4 тыс. рублей (при оперативной уплате – 2 тыс. рублей).

В целях профилактики правонарушений на особо охраняемой природной территории реализуется комплекс мер, включающий следующие направления:

– организационно-управленческие – повышение эффективности деятельности контрольно-надзорных органов;

– идейно-нравственные – формирование экологического правосознания и правовой культуры поведения;

– социально-психологические – нейтрализация криминогенных установок в обществе;

– медико-психологические и педагогические – коррекция поведения лиц с девиациями, профилактика социально опасных явлений;

– технические – внедрение систем видеонаблюдения, сигнализации, контрольно-кассовой техники, средств информационной безопасности;

– правовые – совершенствование нормативно-правовой базы в сфере охраны окружающей среды и борьбы с правонарушениями.

Таким образом, применяемые меры профилактики охватывают основные сферы предупредительного воздействия – от технического контроля до формирования ценностных ориентаций. Ключевым условием эффективности природоохранной деятельности выступает осознание населением неотвратимости ответственности и личной сопричастности к сохранению уникальной экосистемы. Вместе с тем низкий (до 4 тыс. рублей) размер штрафных санкций для физических лиц не в полной мере соответствует принципу неотвратимости и соразмерности наказания, что требует дальнейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Литература

1. Орленок В.В., Курков А.А., Кучерявый П.П., Тупикин С.Н. Физическая география: учеб. пособие / под науч. ред. В.В. Орленок. Калининград: Янтарный сказ, 1998. 477 с.

2. Сидоренко А.В., Петров И.И. Экологические правонарушения на особо охраняемых природных территориях (на примере Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. № 3. С. 45–58.

3. Лунева Е.В., Попова О.В., Редникова Т.В. Проблемы создания единого правового режима трансграничных особо охраняемых природных территориях на примере Куршской косы // Труды Института государства и права РАН. 2021.

4. Архипов М.Л. Проблемы сохранения Всемирного наследия ЮНЕСКО в российских регионах // Культурное наследие и устойчивое развитие: международный опыт и российские реалии. М.: Наука, 2024. С. 234–248.

***Н.С. Ляпин**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.А. Федяев
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР НАКАЗАНИЯ ЗА ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ

Одним из негативных явлений, совершение которого облегчила сеть Интернет стала проституция. Взаимодействия между людьми все больше приобретают дистанционный характер, что позволяет говорить о новых чертах развития общества.

Анализ оперативной обстановки Алтайского края и близлежащих ему регионов на предмет статистики совершения административного правонарушения предусмотренного ст. 6.11 «Занятие проституцией» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), позволяет сделать вывод о росте фактов совершения данного правонарушения [4]. При этом отметим, что среди правонарушителей встречаются несовершеннолетние, что является отдельным негативным моментом.

Как показывает исследование М.Г. Левандовской, большинство авторов предполагают, что само оказание сексуальных услуг при проституции должно осуществляться посредством физического взаимодействия [5, с. 2]. При этом данное взаимодействие по оказанию услуг сексуального характера, обусловлено вознаграждением в денежной или любой иной форме. «Оконченным правонарушение считается с момента достижения договоренности об оказании услуг сексуального характера за вознаграждение и о размере этого вознаграждения. Передача вознаграждения проституирующему лицу или оказание услуг сексуального характера не могут считаться моментами окончания правонарушения, поскольку для установления факта правонарушения «занятие проституцией» необходимо именно установление факта оказания сексуальных услуг за вознаграждение...» [1, с. 91].

В ряде стран, таких как Сингапур [8, с. 1], Швейцария [9, с. 2], Германия [7, с. 2], проституция приобрела статус профессии. В этих странах ученые, политологи, журналисты борются за права «жриц любви», публикуя множество работ в связи с нарушением прав последних [9, с. 3]. В других странах проституция считается преступлением, например в Албании. Там за занятие проституцией предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 5 до 15 лет, (после 1 марта 2012 г.) клиентам, которым оказали данную услугу, грозит наказание в виде лишения свободы до 3 лет лишения свободы [10, с. 2].

В России также обсуждались предложения, направленные на легализацию проституции. Так, в 2005 г. Государственной Думой Российской Федерации велась работа над законопроектом, предполагающим легализацию проституции [6, с. 2]. Сторонники этой инициативы полагают, что такой шаг поможет

решить ряд актуальных проблем, включая снижение распространения инфекций, передающихся половым путем, и повышение уровня безопасности для лиц, занимающихся данной деятельностью. Указанная законодательная инициатива вызвала активные дискуссии, но в итоге сошла на нет. Мы можем предположить, что легализация проституции в России станет вызовом для общества. В связи с этим реализация указанной инициативы представляется нерациональной.

Согласно ст. 6.11 КоАП РФ занятие проституцией наказывается штрафом от 1500 до 2000 руб. Анализируя данные сайтов в сети Интернет по оказанию интимных удалось установить, что среднее значение стоимости услуги (7500 руб.). Размер штрафа полностью перекрывается доходом за один сеанс услуги. Таким образом, утрачивается превентивная функция санкции исследуемой нормы. По нашему мнению, необходимо внеси в санкцию ст. 6.11 КоАП РФ меру наказания в виде обязательных работ, с соблюдением положений ст. 3.13 КоАП РФ. В отличие от штрафа, который может быть уплачен третьими лицами, обязательные работы требуют личного исполнения. Физический труд и значительные временные затраты от 20 до 60 часов оказывают более сильное сдерживающее воздействие, чем не эффективные денежные взыскания. Правонарушители привлекаются к работам, направленным на улучшение городской среды: благоустройство, уборка, к помощи в социальных учреждениях. Таким образом, их труд теоретически компенсирует нанесенный общественной морали ущерб через общественно полезную деятельность.

Таким образом, становится очевидно, что проституция как правонарушение и антисоциальное явление в настоящее время приобрела новый, прогрессивный характер. Для разрешения данного вопроса необходимо внести некоторые коррективы. Указанные коррективы позволят более эффективно бороться с деликтом, при этом оказывая положительное воздействие на самого правонарушителя.

Литература

1. Административно-правовые основы предупреждения и пресечения милицией правонарушений в сфере оборота продукции, оказания услуг и проведения зрелищных мероприятий сексуального характера: диссертация. Омск: Омская академия МВД России, 2004. 223 с.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Левандовская М.Г. Установление уголовной ответственности за организацию онлайн-проституции // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 208–211.

4. Панов С.Л. Легализация проституции: «за» и «против». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/legalizatsiya-prostitutsii-za-i-protiv?ysclid=mkqfncfx1y132485014 (дата обращения: 15.04.2026).

5. Ausbeutung von Prostituierten. URL: https://www.fachanwalt.de/magazin/strafrecht/ausbeutung-von-prostituierten.

6. SINGAPORE STORIES // Guide Prostitution in Singapore. URL: https%3A%2F%2Fsingaporestories.com%2Fsingapore-xxx-guide%2F&utf=1 (дата обращения: 15.04.2026).

7. Legalizing prostitution means legitimizzing human rights violation. URL: https://www.researchgate.net/publication/259383222_Legalizing_prostitution_means_legitimizing_human_rights_violation (дата обращения: 15.04.2026).

8. Procesi i rekrutimi dhe përzgjedhjes. URL: https://spar.al/al/karriera/mundesi-punesimi/procesi-i-rekrutimi-dhe-perzgjedhjes (дата обращения: 15.04.2026).

9. Prostitution in Switzerland: Sex work is legal here. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Проституция_в_Мексике?ysclid=mn8wk34fjx342722014 (дата обращения: 15.04.2026).

***Н.С. Ляпин**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Я.Е. Верхоглядов
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА ИНФОРМАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) более очевидными для выделения считаются четыре стадии юрисдикционного производства [1]. Стоит отметить, что в научных кругах существуют точки зрения, ставящие данную градацию стадий под сомнение [4, с. 28]. Не оспаривая позиции ученых, заметим, что по-прежнему наблюдается неясность и в вопросе не менее фундаментального значения: с чего начинается процессуальное ведение дела об административном правонарушении и насколько оно нормативно упорядоченно?

Казалось бы, нормы главы 28 КоАП РФ полностью определяют моменты возбуждения дела об административном правонарушении, однако углубляясь в сущность и нюансы данной стадии, возникает ряд неясностей. Одной из таковых является недостаточная урегулированность вопроса первоначальных действий должностных лиц перед непосредственным возбуждением дела, а именно предварительной проверки информации об административном правонарушении. Принимая во внимание уже довольно длительный срок действия КоАП РФ, отсутствие за этот период необходимых изменений нормативного характера дают дополнительные основания полагать, что названая отправная точка всей юрисдикционной деятельности заслуживает особого исследовательского внимания.

В поисках путей совершенствования заявленного направления обратимся к схожему юридическому процессу, а именно его части – стадии возбуждения уголовного дела. Так, в уголовном процессе названная стадия четко регламентирована ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Упомянутые нормы устанавливают круг субъектов, уполномоченных на осуществление процессуальных действий и обладающих определенным статусом, сроки разрешения сообщений о преступлениях и т. д. Для проведения предварительной проверки субъектам предоставлен широкий спектр полномочий: получение объяснений, истребование образцов, изъятие документов и т. д. По ее результатам принимается одно из ключевых решений: о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. Заявитель всегда уведомляется о принятом решении и получает разъяснения о порядке его обжалования [3].

Действующее законодательство об административных правонарушениях не предусматривает детализацию предварительной проверки, аналогичной стадии возбуждении уголовного дела, по результатам которой принимается решение о возбуждении дела об административном правонарушении либо об отказе в возбуждении. Хотя, именно с помощью ее реализации будет собрана более легальная доказательственная база, позволяющая полноценно принять законное процессуальное решение. Также будет в иной степени обеспечена законность проводимых действий. Как мы видим в УПК РФ первостепенная стадия, предшествующая предварительному расследованию уголовного дела, обладает большей упорядоченностью в сравнении с КоАП РФ, что задает ориентир для совершенствования.

Касаясь вопроса о целесообразности применения данной инициативы, стоит обратиться к научным разработкам прошлых лет. Так, Л.А. Косицина указывала, что ранее действовавший Таможенный кодекс Российской Федерации 1993 г. включал особый порядок административного производства, в рамках которого разрешение дел осуществлялось путем применения предварительной проверки. Должностные лица на данной стадии были наделены рядом полномочий на проведение различного рода процессуальных действий, обладали процессуальным статусом еще до момента возбуждения дела, что создавало большие гарантии законности, уверенность в качестве собранных данных и в обоснованности принятых решений [2, с. 87].

Статья 24.1 КоАП РФ определяет задачи производства по делам об административных правонарушениях, где одной из них является «всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела». Положения данной нормы в определенной мере находит свое отражение в формулировках ст. 28.1 КоАП РФ, а именно что для возбуждения дела необходимы «достаточные данные». Достаточные данные понимаются как обстоятельства, указывающие на противоправность деяния, ответственность за которые предусмотрена санкцией статьи особенной части КоАП РФ. На практике процесс первоначального сбора данных не всегда изначально приводит к итогу, позволяющему однозначного утверждать о наличии события административного правонарушения. В подобной ситуации возникают вопросы: в рамках каких

юридических процессах производства и какой нормы права тогда действовало должностное лицо, предварительно проверяющее информацию о якобы административном правонарушении? каким процессуальным статусом оно обладало и обладало ли им вообще? каким процессуальным статусом обладают участники данного этапа? каким сроком для проверки оно руководствовалось?

В случае обнаружения должностным лицом признаков преступного деяния, правоотношения переходят в разряд уголовно-процессуальных, где ответы на поставленные вопросы более ясно отражены в УПК РФ, чего нельзя сказать про КоАП РФ. По нашему мнению, перед составлением протокола об административном правонарушении либо вынесении определения об отказе в возбуждении дела логично провести предварительную проверку в рамках этапа стадии возбуждении дела об административном правонарушении. Проведение предварительной проверки, которую следует регламентировать КоАП РФ, позволит определить процессуальный статус должностного лица, в большей степени узаконить процесс сбора первичных сведений для определения наличия оснований для возбуждения дела либо отказа в его возбуждении и т. д. Таким образом, действующая стадия возбуждения дела об административном правонарушении нуждается в дополнении ее этапом предварительной проверки и нормативном урегулировании, по аналогии с УПК РФ и ранее действующим Таможенным кодексом Российской Федерации 1993 г.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Косицина Л.А. Возбуждение дела об административном правонарушении в области таможенного дела, совершенном юридическим лицом // Полицейское право. 2006. № 1(5). С. 86–90.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Ширеева Е.В. Проблемы правового регулирования и практики реализации стадии подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 221 с.

***Э.А. Мальцева**, курсант 2 курса*
Луганский филиал Воронежского института МВД России

Научный руководитель:
Я.С. Иванова
Луганский филиал Воронежского института МВД России

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОГРАММ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, РЕАЛИЗУЕМЫХ СОВМЕСТНО С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Сегодня вопросы предупреждения правонарушений становятся все более важными для правового государства и общества. Участие граждан в поддержании порядка – это естественный результат демократических изменений в работе государственных органов, а не просто формальное требование. Чтобы понять, насколько успешны программы профилактики с участием общественности, необходимо изучить и теоретическую базу такого сотрудничества, и его реальные итоги на практике.

Теоретические основы участия общественности в профилактической деятельности восходят к классическим концепциям социального контроля, разработанным в работах Эмиля Дюркгейма и Габриеля Тарда. Социологическая школа криминологии рассматривает преступность как социальное явление, обусловленное дезорганизацией общественных структур и ослаблением социальных связей [1, с. 151]. В рамках данного подхода общественное участие в профилактике правонарушений выступает механизмом восстановления нарушенной социальной солидарности и укрепления неформального социального контроля.

Следует отметить, что народные дружины остаются одной из наиболее традиционных форм общественного участия в охране общественного порядка. Современное законодательство определяет их как добровольные объединения граждан, оказывающие содействие органам внутренних дел в охране общественного порядка. Основными направлениями народных дружин является:

– содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка;

– участие в предупреждении и пресечении правонарушений на территории по месту создания народной дружины;

– участие в охране общественного порядка в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций [5].

Эффективность деятельности народных дружин во многом зависит от уровня их организации, материально-технического обеспечения, а также профессиональной подготовки народных дружин.

Опыт Республики Татарстан по применению региональной программы «Наш двор» показывает высокую эффективность комплексного подхода к организации общественного участия в профилактике правонарушений. Данная программа объединяет различные формы общественной активности: от создания

дворовых советов до организации спортивных и культурных мероприятий для молодежи. Результатом реализации программы стало существенное снижение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и улучшение криминогенной обстановки в жилых кварталах. Ключевыми факторами успеха программы являются системность подхода, устойчивое финансирование и активная поддержка со стороны региональных властей.

Рассматривая зарубежный опыт, можно увидеть множество примеров успешной реализации программ общественного участия в профилактике правонарушений. Например, британская модель Neighbourhood Watch (Соседский дозор) получила широкое распространение не только в Великобритании, но и в других странах англосаксонской правовой системы. Программа предусматривает создание добровольных групп жителей, которые следят за безопасностью в своих районах и поддерживают связь с местной полицией. Эффективность программы подтверждается статистическими данными: в районах действия Neighbourhood Watch уровень квартирных краж снижается в среднем на 25–30 % [6, с. 235].

В США программы Community Policing (Общественная полиция) показывают, как можно объединить работу правоохранителей с социальными инициативами на местах. Полицейские участки берут на себя координацию не только силовых мер, но и профилактики: занимаются молодежью, помогают неблагополучным семьям, организуют досуг и помощь с работой. Такая модель помогает влиять на причины преступности заранее и не дает сформироваться криминальным установкам.

В скандинавских странах развивается восстановительное правосудие, где общественность активно участвует в реабилитации нарушителей. В Норвегии работают Conflict Resolution Councils (Советы по разрешению конфликтов) – туда входят обученные волонтеры, которые помогают улаживать споры и работают с подростками-правонарушителями. По данным исследований, среди людей, прошедших через восстановительное правосудие, рецидив встречается намного реже, чем у тех, кто прошел через обычную систему наказаний.

При изучении факторов успешных программ можно определить несколько важных условий их работы. Системный подход требует, чтобы разные формы участия общества координировались в рамках одной стратегии по профилактике правонарушений. Отдельные инициативы без общей концепции работают намного хуже, чем комплексные программы. Так, например, качественная подготовка участников общественных формирований необходима для успешной профилактической работы и помогает избежать возможных нарушений прав граждан при общественном контроле.

Стоит отметить, что стабильное финансирование программ участия общества дает материальную базу для их долгосрочной работы. Когда ресурсов не хватает, деятельность общественных организаций становится формальной, а мотивация участников падает.

Однако на практике программы общественного участия в профилактике правонарушений сталкиваются с серьезными проблемами и ограничениями, которые нужно анализировать и решать. Первая важная проблема – риски непро-

фессионализма у участников общественных формирований. Как уже было отмечено, слабая правовая подготовка добровольцев может привести к нарушениям прав граждан во время профилактических мероприятий, неправильному применению мер общественного воздействия, ошибочной оценке криминогенных ситуаций. Для решения проблемы непрофессионализма нужно внедрить систему обязательной подготовки участников общественных формирований. В программы обучения необходимо включить правовые основы профилактической деятельности, психологические особенности работы с разными категориями правонарушителей и методы конструктивного разрешения конфликтов. Профессионализации общественного участия будут способствовать регулярное повышение квалификации активистов, стажировки в правоохранительных органах и обмен опытом между регионами.

Помимо этого, будущее участия граждан в предупреждении преступлений во многом зависит от внедрения цифровых технологий, появления новых способов общественного надзора и связи профилактики с планами развития регионов. Электронные сервисы для связи населения с полицией позволяют быстрее реагировать на опасные ситуации и лучше организовывать превентивную работу.

Литература

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 2018. 572 с.
2. Клейменов М.П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 400 с.
3. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М.: Норма, 2019. 286 с.
4. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. И доп. М.: Юстицинформ, 2021. 544 с.
5. Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Шестаков Д.А. Криминология: краткий курс. 2-е изд. СПб.: Юридический центр, 2020. 295 с.

О.В. Незнамова, *слушатель 4 курса*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
М.А. Вашаев, *канд. юрид. наук*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Административная ответственность занимает особое место в системе юридической ответственности, являясь одним из ключевых инструментов обеспечения правопорядка и дисциплины в обществе. Она применяется в случаях совершения правонарушений, не представляющих высокой общественной опасности, но требующих соответствующей реакции государства. В условиях развития административного законодательства и усиления профилактических мер, значение административной ответственности возрастает, что определяет актуальность научного анализа.

Административная ответственность представляет собой форму государственного принуждения, применяемого к лицам, совершившим административные правонарушения. Она закреплена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и регулирует широкий спектр общественных отношений [1].

Сущность административной ответственности заключается в применении к правонарушителю мер административного воздействия, имеющих карательный и превентивный характер. Тем самым государство обеспечивает соблюдение правил, обязательных для граждан, организаций и должностных лиц.

Ключевыми элементами, определяющими сущность административной ответственности, являются:

– наличие состава административного правонарушения;
– государственно-властный характер принуждения;
– применение специальных мер воздействия, установленных законом;
– процессуальная форма реализации ответственности [2, с. 57].

Основанием административной ответственности выступает совершение административного правонарушения – противоправное, виновное действие или бездействие, посягающее на установленный порядок управления, общественную безопасность, права граждан и другие охраняемые законом ценности.

Для привлечения лица к административной ответственности необходимы следующие условия [3, с. 127]:

– наличие события правонарушения, установленного в порядке административного производства;

– наличие вины правонарушителя в форме умысла или неосторожности;

– отсутствие обстоятельств, исключающих производство, например, крайняя необходимость или невменяемость;

– доказанность состава правонарушения, включая объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону.

Проанализировав функции административной ответственности, стоит отметить, что в настоящее время многие ученые активно исследуют понятие «функции административной ответственности», но единого мнения по данному вопросу не сформировалось. В процессе своего исследования мы систематизировали разнообразные мнения и подходы к этой теме. Таким образом, функции административной ответственности можно рассматривать как воздействие определенных правил поведения на действия людей. В настоящее время выделяют несколько классификаций функций административной ответственности. К числу этих функций можно отнести:

1. Воспитательная функция. Основное значение заключается в формировании у граждан устойчивой мотивации к правомерному поведению. Это достигается через развитие правовой культуры общества, что включает в себя понимание и уважение к законам и правовым нормам;
2. Предупредительная функция. Заключается в предотвращении совершения административных правонарушений;
3. Правоограничительная функция. Заключается в том, что при ее применении происходит лишение определенных прав, ограничение свобод, а также возложение дополнительных обязанностей на лицо, которое совершило административное правонарушение. Следует сказать, что гражданин, который нарушает закон, может столкнуться с последствиями, которые непосредственно затрагивают его права и свободы [4, с. 111].

Таким образом, данная форма ответственности служит важнейшим инструментов обеспечения стабильности и законности в государстве, гарантируя соблюдение общеобязательных норм, необходимых для гармоничного развития социума.

По своей сути административная ответственность – это оперативный и универсальный механизм правового воздействия. Ее отличительными чертами являются относительная быстрота процедур и широкий охват регулируемых общественных отношений, что позволяет эффективно реагировать на нарушения и поддерживать режим законности.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Лещина Э.Л., Магдаленко А.Д., Агаджанов А.А. Административная ответственность и административный процесс: учеб. пособие. Челябинск: Цицеро, 2016.
3. Повов Л.Л. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров. М.: РГ-Пресс. 2015.
4. Телегина А.С. Административное право: учебник. Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020.

И.Д. Нечаев, *курсант 3 курса*
Санкт-Петербургский университет МВД России

Научный руководитель:
Т.В. Малкова
Санкт-Петербургский университет МВД России

БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) в деятельности федеральных органов исполнительной власти имеет исключительную практическую направленность. Такие устройства способны решать широкий спектр задач разведывательного, диверсионного и иного характера, в некоторых случаях даже эффективнее, чем целый подготовленный отряд сотрудников. Возможно, применение БПЛА при реализации не только военных, но и оперативно-разведывательных задач, а также при осуществлении охраны общественного порядка позволит оптимизировать деятельность ОВД на современном этапе.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, стоит упомянуть факт применения БПЛА еще во время пандемии COVID-19 полицией Китайской Народной Республики, которая использовала аппараты с громкоговорителями для уведомления граждан о необходимости надеть медицинскую маску. В Суньхуа внедрили БПЛА, способные регулировать дорожное движение и при выявлении нарушения ПДД не только оформлять штраф водителю, но и лишать его прав [2]. Таким образом, в некоторых странах уже существует положительный опыт в использовании БПЛА правоохранительными органами; однако не в рамках использования летательного аппарата как полноценного средства пресечения преступления наравне с огнестрельным оружием или специальными средствами, а в качестве вспомогательного инструмента для обеспечения правопорядка [3].

В качестве примера рассмотрим Квадрокоптер Autel Evo II 2 Pro V3. Особенностью данного БПЛА является относительная универсальность и стабильная система полета. Он снабжен передовой камерой, позволяющей фиксировать видео с высочайшей четкостью и детализаций объектов. Точная встроенная навигация по GPS и функция автоматического полета обеспечит достойную координацию действий и удобное управление, что, в свою очередь, позволит внимательнее фокусироваться на задаче. Также данная модель известна как надежная и долговечная, защитные компоненты способны выдержать сложные погодные условия, в т. ч. и сильный ветер.

Основываясь на технических характеристиках, можно определить основные направления его применения: поиск лиц без вести пропавших, а также лиц, находящихся в розыске; выявление административных правонарушений и преступлений; осуществление превентивной деятельности; получение сведений об актуальной оперативной обстановке. Из несомненных преимуществ примене-

ния БПЛА с целью обновления технических средств, состоящих на вооружении ОВД, выделим следующие шесть:

– Своевременное реагирование на совершение административных правонарушений и преступлений. Технические критерии открывают новые методы, способы и возможности в обеспечении общественной безопасности. Это, в свою очередь, повысит эффективность самой деятельности полиции, уменьшив число преступлений и правонарушений.

– Повышенная мобильность наблюдателя-оператора. Высокая скорость, позволяющая совершать различные маневры и, порой, достигающая сотен километров в час, предоставит возможность для новых тактических способов оперативного реагирования.

– Фото-, видео-, аудиофиксация правонарушений, преступлений. Именно этот элемент станет определяющим в различных процессуальных действиях, т. к. изображение станет доказательной базой при рассмотрении спорных дел.

– Использование летательных аппаратов в труднодоступных местах. Небольшие габариты устройства позволят использовать его в условиях ограниченного пространства и видимости, в т. ч. на большой высоте.

– Дополнительное оснащение БПЛА специальными средствами для решения особых задач боевого и оперативно-розыскного характера. Данный критерий во много раз расширит функциональность БПЛА, сделав его универсальным, адаптивным и незаменимым в работе правоохранительных служб.

Дистанцирование правоохранителей от экстремальной обстановки повышает уровень их личной безопасности.

Некоторые БПЛА можно использовать при отражении вооруженного нападения на сотрудников полиции или задержания правонарушителей, имеющих при себе оружие, соответствующим методом сопротивления. Компания SIG Sauer показала сразу два экспериментальных квадрокоптера, имеющих в своей конструкции огнестрельное оружие. Специальные алгоритмы управления были разработаны SIG Sauer для точного и эффективного ведения огня, они способны удерживать требуемую точность и плотность стрельбы, а также адаптировать импульс отдачи и учитывать прочие важные переменные.

Рассматривая тему применения БПЛА в рамках выполнения полномочий сотрудником полиции по обеспечению охраны общественного порядка, следует указать, что с учетом складывающейся обстановки в рамках пресечения массовых беспорядков использование боевых БПЛА будет особенно целесообразным [4]. Кроме того, с помощью беспилотного летательного аппарата возможным станет осуществление мониторинга при организации несения службы в случае возникновения массовых беспорядков. БПЛА позволят произвести планирование, а также координацию, расстановку сил и средств, т. е. обеспечить в случае необходимости использования огнестрельного оружия предварительное наблюдение с высоты с целью определения, какие именно виды оружия и специальных средств будут необходимы.

Однако, несмотря на описанные выше достоинства внедрения систем беспилотных летательных аппаратов при осуществлении охраны правопорядка, следует также указать на ряд проблемных вопросов. Во-первых, это отсутствие

на данный момент гибкой нормативной правовой базы, в которой не было бы правовых пробелов и коллизий, отдаляющих нас от повсеместного использования БПЛА. Во-вторых, необходимость специальной подготовки. Вопрос стоит достаточно остро, ведь в Российской Федерации недостаточного опыта в эксплуатации БПЛА для обеспечения правопорядка [1]. Нужны годы практического применения, чтобы ощутить все тонкости такого специального устройства, осознать все достоинства и недостатки системы. В-третьих, дороговизна самого оборудования. Бюджетные средства в настоящий момент не позволяют задуматься о массовом внедрении таких специальных устройств.

Таким образом, использование БПЛА для осуществления служебной деятельности, в т. ч. обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, представляет собой чрезвычайно перспективное направление деятельности. Оно направлено на совершенствование с помощью использования современной техники не только работы правоохранительных органов, но и на оптимизацию межведомственного взаимодействия между оперативными службами Российской Федерации.

Литература

1. Караяни А.Г. Психологические и психофизиологические особенности деятельности операторов боевых беспилотных летательных аппаратов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 1 (84). С. 6–15.

2. Синьхуа: Китай вывел на трассы полицейские дроны с правом ареста. URL: https://www.pravda.ru/amp/news/world/1942204-police2dron/ (дата обращения: 24.01.2026).

3. Торочкова Д.А. Зарубежный опыт огневой подготовки сотрудников полиции. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49761519 (дата обращения: 24.01.2026).

4. Черашев А.М. Применение беспилотного летательного аппарата во время проведения занятий по учебной дисциплине «Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел» // Правоохранительные органы: теория и практика. 2022. № 1 (42). С. 191–193.

***К.А. Никитинский**, слушатель 5 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Казанцева**, канд. юрид. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ

Административно-правовой режим, представляя собой разновидность общественного регулятора, может охватывать как деятельность органов публичной администрации, так и правовое положение невластных субъектов – граждан и их объединений, устанавливая при этом особый порядок взаимодействия, меры воздействия и принуждения к нарушителям [2, с. 64].

Специализированным административно-правовым режимом выступает правовое регулирование оборота оружия, упорядочивающий правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории России. Законодателем в Федеральном законе от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» сформулирована его многоцелевая направленность: защита жизни и здоровья граждан, охрана собственности, обеспечение общественной безопасности, сохранение окружающей среды и природных ресурсов, развитие спортивных дисциплин, связанных с использованием спортивного оружия, а также укрепление международного сотрудничества в противодействии преступности и незаконному распространению оружия. Анализ преамбулы позволяет выделить два конститутивных признака, имманентных любому правовому режиму: четко определенный предмет регулирования – однородный объект общественных отношений (в данном случае оружие во всем многообразии его видов и назначения) и ясно выраженная целевая ориентация нормативного воздействия, отражающая приоритет публичных интересов и ценностей, охраняемых государством. Ссылаясь на ст. 1 указанного закона, административный режим оборота оружия включает в себя деяния по принципу исчерпывающего перечня: приобретение, продажу, передачу, хранение, ношение, перевозку, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз на территорию России и вывоз из нее. Вместе с тем доктринальный и правоприменительный анализ позволяет утверждать о необходимости расширительного толкования данного понятия.

Анализируя законодательную конструкцию и отечественные научные труды, предлагается авторское понимание термина «административно-правовой режим оборота оружия» как частный административно-правовой режим, представляющий собой целостную систему публично-правовых средств регулирования отношений, связанных с производством, торговлей, приобретением, хранением, ношением, перевозкой, использованием, изъятием и иными операциями с оружием, его основанными частями, боеприпасами, предусмат-

ривающая обязательное лицензирование, специальный учет, ограничения и запреты, государственный контроль и иные административно-правовые способы регулирования их оборота а также юридическую ответственность за нарушения порядка оборота.

Специфика предмета изучаемого административно-правового режима и многоаспектный характер стоящих целей предопределяют необходимость одновременного решения социальных, организационных и технико-конструктивных задач, зачастую в рамках единого нормативного правового акта. В этом проявляется одна из ключевых особенностей исследуемого режима – органичное включение технических норм в юридическую технику, которые непосредственно инкорпорированы в федеральные и подзаконные акты.

Имея государственную монополию на регулирование оборота оружия, на законодательном уровне предписано, что структурный механизм административно-правового режима обязательно включает в себя органы государственной власти в любых возможных формах правоотношений, вариативных от количества сторон или их правового статуса (физическое или юридическое лицо). Подобный факт позволяет применять ограничительные и разрешительные процедуры для реализации непосредственных контрольных мероприятий, воплощая положения ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации – принципа соразмерности ограничений прав и свобод, как для всей системы запретов и дозволений, составляющих содержание административно-правового режима оборота оружия. Любые запреты и ограничения прав физических и юридических лиц в сфере оборота оружия декларируются исключительно нормами отраслевого законодательства и только в мере необходимой для защиты конституционных ценностей. Нормы отраслевого закона в сфере оборота оружия, образуя специализированный административно-правовой режим, образуют его структуру из: абсолютных запретов (например, оборот автоматического оружия гражданами); относительных ограничений (по возрасту, состоянию здоровья, наличию судимости); позитивных предписаний (обязанность хранения в сейфах, прохождения обучения и т. д.); разрешительно-лицензионного порядка совершения большинства действий с оружием.

Административно-правовой режим оборота оружия представляет собой сложносоставную, функционально ориентированную систему, органично объединяющую две взаимосвязанные подсистемы: 1) регулятивно-процедурную – совокупность административных процедур, обеспечивающих правомерную реализацию материальных норм оборота оружия (лицензирование, регистрация, контроль за хранением, ношением, перевозкой и др.); 2) охранительно-юрисдикционную систему мер административного пресечения, предупреждения и ответственности за правонарушения в данной сфере (гл. 19, 20 КоАП РФ), а также комплекс мер по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (ст. 222–226.1 УК РФ).

Именно в данном единстве проявляется сущность государственного контроля и федерального надзора за оборотом оружия и патронов, направленных на минимизацию рисков их противоправного использования и незаконного распространения. Административно-правовой режим оборота оружия характе-

ризуется наличием общих и специальных субъектов, наделяя его уникальной юридической природой [1, с. 18].

Таким образом, административно-правовой режим оборота оружия представляет собой специализированный, комплексный, материально-процессуальный институт публичного права, сформированный в рамках предмета и метода административного права и выполняющий служебную роль по обеспечению публичных интересов в сфере повышенной общественной опасности. Под термином «административно-правовой режим оборота оружия» надлежит понимать частный административно-правовой режим, представляющий собой целостную систему публично-правовых средств регулирования отношений, связанных с производством, торговлей, приобретением, хранением, ношением, перевозкой, использованием, изъятием и иными операциями с оружием, его основанными частями, боеприпасами, предусматривающая обязательное лицензирование, специальный учет, ограничения и запреты, государственный контроль и иные административно-правовые способы регулирования их оборота, а также юридическую ответственность за нарушения порядка оборота.

Административно-правовой режим оборота оружия является ярким примером специализированного отраслевого режима, в котором в концентрированном виде проявляются основные черты административного права: властно-императивный метод, приоритет публичных интересов и сочетание регулятивной и охранительной функций государства. Тесно связан с гражданским режимом ввиду того, что при отсутствии административного разрешения нет легитимного гражданского владения; нет гражданской сделки – нет объекта для административной регистрации.

Литература

1. Анализ нововведений законодательства Российской Федерации, регулирующего оборот оружия: учеб. пособие. Ижевск: Ижевский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2023.

2. Понежина Л.Ю., Понежин М.Ю. Административно-правовой режим как часть механизма правового регулирования оборота холодного оружия // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 4 (111). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovoy-rezhim-kak-chast-mehanizma-pravovogo-regulirovaniya-oborota-holodnogo-oruzhiya (дата обращения: 01.03.2026).

***М.С. Новикова**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Я.Е. Верхоглядов
Барнаульский юридический институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ВРЕДОНОСНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В современных реалиях процессы цифровизации охватывают широкие слои населения, существенно влияя на разнообразные сферы жизнедеятельности. Многие действующие нормативно-правовые акты не способны оперативно адаптироваться к внедрению инноваций, использованию новых программных продуктов, технических средств и технологий, включая применение их в тех областях повседневности, которые ранее более успешно регулировались предшествующими юридическими механизмами. Так, на сегодняшний день в законодательстве отсутствует легальное определение понятия «вредоносная информация», однако она окружает нас повсюду. Сформулируем авторское определение понятия: вредоносная информация – это категория информации, имеющая возможность несения потенциальной угрозы правовым ценностям государства и общества, нарушающая при распространении закрепленные правовые нормы, запрещенная к обороту. Нами предлагается его закрепление в п. 7.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2].

Не отрицая огромного значения метода убеждения как регулятора общественных отношений в сфере государственного управления, следует признать, что государственный механизм функционирует не только по доброй воле объединенных им субъектов, но и благодаря существованию возможности применения государственных мер. Принуждение связано с ограничением некоторых прав и интересов лиц, совершивших противоправные поступки. Применение принуждения является, по мнению большинства исследователей, неотъемлемым признаком государства и гарантией эффективного действия права как регулятора общественных отношений [3, с. 167–168].

Одной из важных форм защиты граждан является нормативное закрепление и последующее применение такого метода принуждения как юридическая ответственность. Опираясь на действующее законодательство и авторское определение вредоносной информации, предложим условный перечень административно-правовых норм, санкционирующих отдельные проявления оборота исследуемых нами сведений: ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1]; ст. 6.17 КоАП РФ; ст. 13.11 КоАП РФ; ст. 13.15 КоАП РФ; ст. 13.53 КоАП РФ; ст. 14.3.1 КоАП РФ; ст. 20.2 КоАП РФ; ст. 20.3 КоАП РФ; ст. 20.29 КоАП РФ.

Статья 23.3 КоАП РФ включает в себя перечень административных правонарушений, рассматриваемых органами внутренних дел, среди которых из

выделенного нами ряда деликтов есть лишь ч. 2 ст. 6.13 КоАП РФ. Однако ст. 28.3 КоАП РФ относит к ОВД уже большее количество административных правонарушений (ст. 6.13, 13.53, 20.2, 20.3, 20.29 КоАП РФ), разделяя юрисдикционные полномочия по ним с должностными лицами органа, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ст. 13.11, 13.15 КоАП РФ) и федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (ст. 6.17, 14.3.1 КоАП РФ) [1].

Обращаясь к вопросам привлечения к административной ответственности, нами предлагается дополнить перечень сфер законодательства, по которым срок давности представлен тремя годами (ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ), словами «в сфере оборота вредоносной информации» для более результативной реализации принципа неотвратимости наказания. Соответственно необходимо рассмотреть возможность разработки федерального закона, объединяющего существующие механизмы борьбы с вредоносной информацией, где будет четко определена данная категория статей КоАП РФ и дано определение вредоносной информации, что позволит практическим сотрудникам единообразно применять законодательство в данной сфере.

Наиболее часто встречающимся видом административных наказаний по рассматриваемым выше составам является административный штраф. Названный вид санкции занимает особое место среди мер административной ответственности ввиду своей распространенности и универсальности. Как правило, значительное увеличение размеров штрафов ведет лишь к росту числа уклонений от уплаты, снижению доверия к органам власти и увеличению социального напряжения.

Возможно применение такого вида наказания как административное приостановление деятельности, предусмотренное ст. 3.12 КоАП РФ, в тех случаях, где происходит распространение вредоносной информации ресурсами юридических лиц. Вышеуказанная статья предусматривает перечисление случаев применения административного приостановления деятельности, куда видится необходимым также добавить данный перечень «в сфере оборота вредоносной информации».

Далее в рассматриваемых нормах встречается конфискация рекламной продукции и оборудования, что относится к такому виду наказания как конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, закрепленная в п. 4 ч. 1 ст. 3.2 КоАП РФ. В случае оборота вредоносной информации данный вид административного наказания во многих случаях видится эффективным и весьма перспективным. Также ключевую роль играет стоимость изъятого предмета, которая может способствовать на сознание человека с целью прекращения противоправной деятельности, особенно если это дорогостоящая техника (компьютер, телефон).

Стоит отметить, что ограничение конституционных прав на доступ к информации, применение достаточно жестких наказаний со стороны государства

являются обоснованными в силу того, что последствия правонарушения, связанного с оборотом вредоносной информации, могут быть намного серьезнее, чем опубликование поста в социальных сетях. Данная категория информации способна воздействовать на сознание индивидов.

Исходя из изложенного, представляется необходимым внедрение более персонифицированного подхода к принятию решений относительно наступления административной ответственности, а также к установлению видов административных наказаний, адекватно отражающих всю совокупность вероятных последствий совершенного правонарушения.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 09.03.2026).

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.03.2026).

3. Рябцев Л.М. Административное право: учеб. пособие [и др.]; под общ. ред. Л.М. Рябцева. Минск: Амалфея, 2009. 432 с.

В.Е. Пуцелева*, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
О.О. Попова
Барнаульский юридический институт МВД России

РЕЕСТР КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЛИЦ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

В настоящее время одним из эффективных инструментов миграционного контроля является реестр контролируемых лиц (далее – РКЛ), функционирующий в рамках государственной информационной системы миграционного учета [5, с. 40].

Согласно статистическим данным (по состоянию на март 2026 г.), представленным на официальном сайте МВД России, в РКЛ включены и тем самым ограничены в правах более 850 тысяч иностранных граждан [1].

В системе мер, направленных на обеспечение охраны общественного порядка, РКЛ выступает в качестве действенного инструментария для сотрудников полиции. При несении патрульно-постовой службы, при несении службы на закрепленном административном участке и проведении оперативно-профи-

лактических мероприятий сотрудники полиции обязаны осуществлять проверку иностранных граждан на предмет их нахождения в реестре.

Порядок действий при выявлении лица из РКЛ регламентирован Приказом МВД России от 10.12.2024 № 862. При установлении факта включения иностранного гражданина в РКЛ сотрудник органов внутренних дел обязан осуществить его доставление в дежурную часть. В случаях, когда местонахождение контролируемого лица неизвестно, сведения о необходимости принятия мер по его установлению фиксируются в автоматическом режиме, после чего инициируются розыскные мероприятия [4].

Несмотря на очевидную эффективность РКЛ, правоприменительная практика выявляет ряд проблемных аспектов, требующих научного осмысления и законодательного решения.

Во-первых, сохраняется риск ошибочного включения иностранных граждан в реестр ввиду несвоевременного поступления информации об их выезде с территории Российской Федерации. Технические задержки в обновлении баз данных пограничных и миграционных служб могут приводить к ситуациям, когда добросовестно выехавший иностранец продолжает числиться в РКЛ, что создает предпосылки для его неправомерного задержания при повторном въезде.

Во-вторых, действующий механизм взаимодействия подразделений полиции при работе с РКЛ. Отсутствие у всех нарядов полиции доступа к служебным планшетам с возможностью оперативной проверки по реестру вынуждает сотрудников обращаться в дежурную часть, что увеличивает временные затраты и снижает эффективность контрольных мероприятий.

В-третьих, в отношении иностранных граждан, включенных в РКЛ, но не имеющих постоянного места жительства, возникают сложности с установлением их фактического местонахождения и обеспечением соблюдения запрета на перемещение.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать комплекс предложений, направленных на повышение эффективности контроля и надзора за иностранными гражданами, включенными в РКЛ.

Приоритетным направлением видится оснащение всех нарядов патрульно-постовой службы мобильными терминалами (служебными планшетами) с возможностью мгновенного доступа к РКЛ и иным оперативно-справочным учетам МВД России. Целесообразна интеграция модуля проверки по реестру в существующие системы мобильного доступа сотрудника полиции, что позволит сократить время идентификации лица, включенного в РКЛ.

Кроме того, в целях повышения эффективности розыска контролируемых лиц, местонахождение которых неизвестно, представляется обоснованным создание на региональном уровне специализированных межведомственных координационных центров. В состав таких центров должны войти представители подразделений по вопросам миграции, уголовного розыска, участковых уполномоченных полиции, а также Росфинмониторинга (для отслеживания финансовых операций контролируемых лиц) и Роскомнадзора (для установления местоположения по геолокации мобильных устройств). Подобная межведом-

ственная кооперация позволит существенно повысить результативность розыскных мероприятий.

Важно отметить, действующая правовая модель предполагает единый набор ограничений для всех лиц, включенных в РКЛ. Однако представляется целесообразным дифференцировать режим контроля в зависимости от категории иностранного гражданина. В частности, для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, должен применяться наиболее строгий режим с обязательным помещением в специальные учреждения. Для лиц, нарушивших лишь сроки пребывания, может быть предусмотрен более мягкий режим с обязательной периодической регистрацией и использованием электронных средств контроля. Полагаем, что такая дифференциация позволит оптимально распределить ресурсы полиции.

Внедрение РКЛ представляет собой значимый шаг в совершенствовании миграционного контроля в Российской Федерации. Публичный характер реестра, обновление информации каждые четыре часа, а также наделение полиции широкими полномочиями по доставлению и задержанию контролируемых лиц создают прочную правовую и организационную основу для противодействия незаконной миграции и обеспечения охраны общественного порядка.

Литература

1. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2025 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/81291187/ (дата обращения: 31.03.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.08.2024 № 248-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об организации работы Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов при применении в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства режима высылки: приказ МВД России от 10.12.2024 № 862. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Попова О.О. Реестр контролируемых лиц как инструмент противодействия незаконной миграции в Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2026. № 26. С. 39–41.

***К.С. Светлов**, курсант 2 курса*
Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.П. Лиховидова**, канд. филол. наук*
Волгоградская академия МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность исследования вопросов правового регулирования средств индивидуальной мобильности (далее – СИМ) на современном этапе обусловлена комплексом социально-экономических, технологических и правовых факторов, которые выдвигают данную проблему в число наиболее динамично развивающихся и социально значимых в сфере транспортного права. Данный вопрос становится достаточно явным противоречием между стремительным проникновением СИМ в повседневную жизнь современного общества и явным отставанием правовой базы, призванной обеспечить безопасность, порядок и защиту прав всех участников дорожного движения[1]. Своевременное и сбалансированное правовое регулирование транспортной эксплуатации СИМ является необходимым условием для их устойчивой интеграции в городскую среду, минимизации связанных с ними рисков и раскрытия их потенциала для развития современной, экологичной и мобильной городской инфраструктуры.

Отправной точкой использования СИМ как современного альтернативного вида транспорта принято считать период пандемии COVID-19 (в период с марта 2020 г. и вплоть до ноября 2021 г.). В это же время появившийся новый вид транспортного средства вынудил законодателей нашей страны срочно разработать правила использования данного нового для городской среды транспорта[2].

Вместе с тем рост популярности СИМ неизбежно привел к увеличению количества дорожно-транспортных происшествий с их участием. Так, в 2023 г. количество аварий с участием электросамокатов и других СИМ выросло на 229,4 % в сравнении с предыдущим периодом и составило 3,1 тыс. случаев. В них погибли 43 человека, пострадали 3177[3].

В 2024 г. количество ДТП с участием СИМ продолжил свой рост (+42,8 %) и достигло 4426 случаев. Число пострадавших в таких ДТП выросло

---

[1] См.: Куда все катится: как средства индивидуальной мобильности изменили жизнь горожан. URL: https://profile.ru/society/kuda-vsjo-katitsya-kak-sredstva-individualnoj-mobilnosti-izmenili-zhizn-gorozhan-1376393/ (дата обращения: 02.02.2026).

[2] См.: Регулирование использования средств индивидуальной мобильности. URL: https://rosacademtrans.ru/sim_regulation/ (дата обращения: 05.02.2026).

[3] См.: В МВД заявили о высоком росте количества пострадавших в авариях с электросамокатами. URL: https://news.drom.ru/99355.html (дата обращения: 02.02.2026).

на 44,5 % и составило 4591 человека (в 2023 г. – 3177 человек)[1]. В результате аварий погибли 54 человека (на 25,6 % больше, чем в 2023 году), в т. ч. 6 детей[2].

До недавнего времени правовое поле дорожного движения оперировало четырьмя основными категориями: пешеходы, водители, пассажиры и велосипедисты – это основные категории участников дорожного движения. Обычно большинство систем СИМ ассоциировались с пешеходами[3], однако имеют существенные отличия от всех существующих категорий транспортных средств. В целях более четкого юридического определения/разграничения, в частности, электросамокатов и моноколеса (с мощностью от 0,25 до 4 кВт) необходимо однозначно классифицировать их по параметрам мощности.

1 марта 2023 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 № 1769, которым в Правила дорожного движения были внесены ключевые изменения, регулирующие использование СИМ[4].

Первое и основное изменение – введение в пункт 1.2 ПДД самого понятия СИМ. Средство индивидуальной мобильности, или СИМ, определяется как устройство, предназначенное для передвижения человека с использованием электродвигателя и/или мускульной энергии (роликовые коньки, самокаты, электросамокаты, скейтборды, гироскутеры, сигвеи, моноколеса и иные аналогичные средства), за исключением велосипедов и инвалидных колясок.

Ключевыми аспектами определения СИМ являются следующие:

1. СИМ является транспортным средством, что означает, что на него распространяются все соответствующие положения и правила ПДД;

2. Конструкция СИМ предполагает наличие как минимум одного колеса и одного двигателя (тип двигателя не обязательно электрический), при этом ограничения по максимальной мощности отсутствуют;

3. СИМ предназначено для индивидуального передвижения.

СИМ не является механическим транспортным средством передвижения, оно занимает промежуточное положение между пешеходами и велосипедистами: на него распространяются как правила для пешеходов (при спешивании), так и отдельные нормы для велосипедистов, а также уникальные правила, разработанные специально для СИМ. Согласно п. 24.6 ПДД, скорость движения на СИМ не должна превышать 25 км/ч[5]. Вопросы введения регистрационных зна-

---

[1] См.: Число смертельных аварий с СИМ в 2024 году поражает. URL: https://dzen.ru/a/Z-vkmFHnrFu1vUfs (дата обращения: 02.02.2026).

[2] См.: Электросамокаты забуксовали в поправках. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7622769 (дата обращения: 05.02.2026).

[3] См.: Участники дорожного движения – это кто? Права и обязанности по ПДД. URL: https://avtocod.ru/uchastniki-dorozhnogo-dvizheniya-ehto-kto-prava-i-obyazannosti-po-pdd?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 02.02.2026).

[4] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2022 № 1769. URL: http://government.ru/docs/all/143507/ (дата обращения: 05.02.2026).

[5] О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ков и специальной категории прав для управления СИМ на данный момент не рассматриваются. При движении по тротуарам и в пешеходных зонах масса СИМ не должна превышать 35 кг. Более тяжелые устройства должны использовать велоинфраструктуру, обочину или правый край проезжей части. Тяжелые СИМ могут быть сертифицированы как мопеды, что влечет применение к ним соответствующих правил.

За нарушение ПДД пользователь СИМ, согласно ст. 12.29 КоАП РФ, может быть оштрафован на 800 рублей, а в состоянии опьянения – на 1000–1500 руб.[1]. Если нарушение повлекло причинение легкого вреда здоровью (ст. 12.30 КоАП РФ), штраф составит 1000–1500 руб. В случае причинения тяжкого вреда здоровью или смерти пострадавшего наступает уголовная ответственность по ст. 268 УК РФ.

В ПДД введен новый дорожный знак 3.35 «Движение на средствах индивидуальной мобильности запрещено».

Сегодня для водителей СИМ установлен ряд запретов, включая: 1) управление без держания за руль; 2) перевозка пассажиров; 3) создание помех или опасности для пешеходов; 4) обгон или объезд слева транспортных средств (включая припаркованные); 5) буксировка.

Эксперты сходятся во мнении, что проблему безопасной эксплуатации СИМ нельзя решить исключительно перечисленными аспектами. Необходим комплекс мер, включающий некоторые запреты:

– запрет на использование СИМ в общественных пространствах. Вице-спикер Госдумы Борис Чернышов считает, что на федеральном уровне необходимо ввести четкий свод правил обращения с электросамокатами[2];

– введение специальных прав для электросамокатчиков. Первый зампред Думского комитета по охране здоровья Федот Тумусов считает, что для управления самокатами нужно ввести специальные права[3];

– замена тротуаров велодорожками. Депутаты Госдумы предлагают заменить тротуары велодорожками или создать в городах отдельные инфраструктуры[4];

– разработка законопроекта о приравнивании водителей самокатов к автомобилистам. По мнению авторов инициативы, люди за рулем мобильных

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от: 05.03.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Управа на СИМ: Депутаты Госдумы рассказали, будут ли в России запрещать электросамокаты. URL: https://vfokuse.mail.ru/article/uprava-na-sim-deputaty-gosdumy-rasskazali-kakih-ogranichenij-zhdat-elektrosamokatchikam-65311722/ (дата обращения: 05.03.2026).

[3] В РФ предложили выдавать самокатчикам права категории «М» по упрощенной схеме. URL: https://www.gazeta.ru/auto/news/2025/10/01/26854244.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 05.03.2026).

[4] СИМ-СИМ, постройся: в ГД готовят новые правила езды на электросамокатах. URL: https://iz.ru/1985082/maksim-bazanov/sim-sim-postrojsya-v-gd-gotovyat-novye-pravila-ezdy-na-ehlektrosamokatah (дата обращения: 05.03.2026).

транспортных средств должны наравне с автомобилистами нести ответственность за свои действия[1];

– создание единого реестра электросамокатов. Он должен содержать информацию о средствах индивидуальной мобильности и их владельцах[2].

Таким образом, стремительное проникновение СИМ в городскую среду обусловило актуальность их интеграцию в правовое поле дорожного движения. Внесенные в 2023 г. изменения в Правила дорожного движения и Кодекс об административных правонарушениях стали своевременным и значимым шагом в этом направлении. Современный этап правового регулирования СИМ ознаменовался созданием необходимой законодательной базы с последующей ее имплементацией, которая, в свою очередь, потребует усилий законодателя, правоохранительных органов, органов местного самоуправления, бизнеса и гражданского общества для создания безопасной транспортной среды.

Литература

1. Астафьев С.А., Астафьева П.С. Влияние средств индивидуальной мобильности на повышение комфортности городской среды. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2024. № 26 (1). С. 70–82.

2. Баранчикова М.В. Лица, управляющие средствами индивидуальной мобильности, как субъекты и потерпевшие в криминальных дорожно-транспортных происшествиях // Виктимология. 2022. Т. 9, № 4. С. 408–416.

3. Гулый И. М. Развитие рынка услуг предоставления средств индивидуальной мобильности в России // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 4. С. 2329–2338.

4. Казаченок В.В. Средства индивидуальной мобильности: вопросы правового регулирования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 2 (44). С. 165–170.

5. Калюжный Ю.Н. Современные проблемы законодательного регулирования использования отдельных видов электросамоката // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 5. С. 27–32.

[1] В России предложили обязать водителей электросамокатов получать права. URL: https://www.rbc.ru/society/16/03/2025/67d6b83e9a794746cb2a9327 (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Минтранс предложил ввести регистрацию всех электросамокатов. URL: https://www.rbc.ru/society/13/09/2024/66e46d2f9a7947ef70f23177 (дата обращения: 05.03.2026).

***Н.В. Солдатов**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.А. Федяев
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ВЫНЕСЕНИЯ УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ЕГО ОТМЕНОЙ В ЦЕЛЯХ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В ПОРЯДКЕ СТ. 144–145 УПК РФ

Деятельность участкового уполномоченного полиции (далее – УУП) по своей юридической природе является многогранной ввиду того, что он одновременно осуществляет работу с материалами, зарегистрированными на проверку как в порядке Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), так и Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ). Ввиду того, что УУП, как правило, перегружены материалами, которые в свою очередь имеют четко установленные сроки рассмотрения – сотрудникам приходится искать процессуальные пробелы, позволяющие продлевать сроки проведения проверки. Одним из таких способов является вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (далее – ВУД) с одновременным вынесением постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства об отмене «незаконного» постановления об отказе в ВУД.

Согласно ст. 144 УПК РФ срок проверки сообщения о преступлении составляет 3, 10 и 30 суток [1]. Но на практике зачастую возникают ситуации, когда УУП не в состоянии уложиться в срок 30 суток, ввиду чего необходимо принимать одно из итоговых решений в соответствии со ст. 145 УПК РФ. Так, УУП выносят постановления об отказе в ВУД и ходатайствуют о его отмене, ввиду чего прокурор при удовлетворении данного ходатайства устанавливает новый (дополнительный) срок проверки. Зачастую такой возможностью пользуются в случае, если зарегистрировано сообщение о причинении телесных повреждений, но результаты судебно-медицинской экспертизы еще не готовы [3]. Но такой способ также используют и в случаях, когда срок оказывается пропущенным ввиду нехватки процессуальных средств для принятия решения.

Законность и конституционность данного метода была подвержена сомнению жалобой Е.В. Степалиной в 2025 г. ввиду того, что орган дознания неоднократно выносил постановления об отказе в ВУД и отменял их, тем самым назначая новые сроки и создавая документальную волокиту. Конституционный Суд Российской Федерации в свою очередь данную жалобу отклонил и пояснил, что при удовлетворении ходатайства об отмене постановления об отказе ВУД прокурором устанавливаются обязательные к выполнению указания, а также то, что лицо, проводящее проверку сообщения, не вправе повторно

принимать решение об отказе в ВУД на основе тех же фактических обстоятельств, с опорой на те же материалы проверки сообщения о преступлении, а обязаны после устранения выявленных нарушений вновь оценить как фактическую, так и правовую сторону дела и принять новое процессуальное решение [2].

С одной стороны, Конституционный Суд Российской Федерации встал на сторону правоохранителей ввиду того, что при условии выполнения указаний прокурора и проведения новой проверки можно повторно отказать в ВУД, тем самым продлив сроки проверки, но с другой – возник прецедент того, что граждане стали критичнее относиться к подобным процессуальным решениям. По своей сути УУП вынося такое постановление об отказе в ВУД ввиду того, что не хватило процессуальных средств понимает, что оно «заведомо незаконное». В свою очередь прокуратура, удовлетворяя ходатайства органа дознания, устанавливает новый срок с конкретными указаниями и не назначает проведение служебной проверки, ввиду чего по таким «незаконным» отказам в ВУД не был привлечен к ответственности ни один сотрудник.

Углубляясь в саму суть данного метода обновления сроков, можно указать на несколько причин почему такая ситуация сложилась:

1. Фактическое отсутствие предельного срока проверки сообщения о преступлении ввиду обновления процессуальных сроков описанным выше методом, а также отсутствие легального продления сроков свыше 30 суток в случаях, когда, например, невозможно произвести экспертизу на этапе проверки в сроки, установленные ст. 144 УПК.
2. Оценка деятельности территориальных органов внутренних дел через призму статистических показателей.

Решение первой причины могло бы искоренить вынесение подобных постановлений об отказе в ВУД. Мы полагаем, что продление срока проверки свыше предельного можно возложить на прокуроров и только при наличии исключительных обстоятельств, на которые УУП обязан ссылаться (например, проведение экспертизы) по аналогии с продлением срока расследования уголовного дела.

Касаемо второй причины: теоретически УУП при невозможности установления точной квалификации подследственного ему преступления ввиду, например, отсутствия заключения СМЭ, должны возбудить уголовное дело, начать производство необходимых процессуальных действий и впоследствии произвести переквалификацию если это будет необходимо. Но практической стороны этим никто не пользуется, т. к. из-за этого пострадает статистика территориального органа.

Таким образом, мы видим легальное решение ситуации, сложившейся вокруг рассматриваемого метода продления процессуальных сроков, а именно внесение изменений в ст. 144 УПК РФ, позволяющих решением прокурора продлевать срок проверки сообщения о преступлении свыше 30 суток только при наличии исключительных обстоятельств, как, например, невозможность проведения экспертизы в установленные выше указанной статьей сроки или невозможность опросить лицо ввиду независящих от него или органа дознания обстоятельств (нахождение в коме, прохождение службы в зоне СВО). Данные

изменения позволят урегулировать деятельность УУП по материалам зарегистрированным в порядке УПК РФ и исключить возможность необоснованного обновления процессуальных сроков.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Степалиной Е.В. на нарушение ее конституционных прав ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.10.2025 № 2665-О.

3. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 04.11.2025 № 809 // Архив ОМВД России по г. Саяногорску.

***А.А. Суворова**, студент 3 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
Н. А. Фролова
Алтайский филиал РАНХиГС

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОМУ ДРОБЛЕНИЮ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Искусственное дробление бизнеса представляет собой схему, при которой единый бизнес искусственно разделяется на несколько субъектов для минимизации налоговой нагрузки путем применения специальных режимов. В условиях цифровизации налогового контроля Федеральной налоговой службы России (далее – ФНС) усиливает выявление таких схем с использованием своих сервисов, а также проводит анализ транзакций.

В соответствии с российским законодательством закрепляется официальное определение, которое регламентирует, что представляет собой «дробление бизнеса». Вместе с тем единое понимание данного понятия по-прежнему отсутствует, а его содержание раскрывается преимущественно через положения налогового и административного законодательства и правоприменительную практику.

При этом федеральный законодатель, в целях урегулирования различных общественных отношений в сфере налоговой деятельности и установления оснований привлечения к ответственности за нарушение налогового законодательства, в императивной форме закрепляет перечень деяний, относимых к грубым нарушениям. Однако действующее регулирование не учитывает в полной

мере современные формы злоупотреблений, в т. ч. связанные с искусственным дроблением бизнеса. Так, под грубым нарушением требований понимается занижение сумм налогов и сборов не менее чем на 10 % вследствие искажения данных бухгалтерского учета, искажение любого показателя бухгалтерской (финансовой) отчетности, выраженного в денежном измерении, не менее чем на 10 %, ведение счетов бухгалтерского учета вне применяемых регистров бухгалтерского учета и другое, а ответственность за нарушение указанных положений устанавливается в соответствии со ст. 15.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1]. Закрепляя такое грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету, федеральный законодатель не уточняет одну из важных, на наш взгляд, категорий – искусственное дробление бизнеса путем создания или поддержания структуры взаимосвязанных субъектов, что приводит к неоднозначному понимаю данных категорий, как со стороны правоприменителя, так и различных субъектов рекламной деятельности.

При анализе административно-правовых механизмов противодействия искусственному дроблению бизнеса следует отметить существенную проблему, связанную с недостаточным регулированием административной ответственности в сфере бухгалтерского учета. В настоящее время ст. 15.11 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение требований к бухгалтерскому учету, включая искажение данных бухгалтерской (финансовой) отчетности. Однако данная норма не учитывает современные формы злоупотреблений, связанные с искусственным дроблением бизнеса, при котором искажение учета носит распределенный и формально законный характер.

На практике это приводит к тому, что бухгалтерская отчетность каждой отдельной организации может соответствовать требованиям закона, при этом совокупная хозяйственная деятельность искажается, налоговый орган вынужден доказывать злоупотребление через сложные конструкции (ст. 54.1 НК РФ), а не через прямую норму ответственности.

Так, в 2024 г. Арбитражный суд Алтайского края рассмотрел дело № А03-7809/2022 по признакам нарушения налогового законодательства Российской Федерации. Согласно материалам дела общество с ограниченной ответственностью «Натурфрукт» (далее – ООО «Натурфрукт») оспаривало решение налогового органа о доначислении НДС и налога на прибыль. Инспекция установила признаки искусственного дробления бизнеса, а именно использование взаимозависимых лиц, распределение финансовых потоков, формальное разделение операций между субъектами. Суды первой и кассационной инстанции поддержали налоговый орган, при этом указав, что формальное разделение деятельности не исключает единого бизнеса, приоритет имеет реальное экономическое содержание операций [2].

Рассматривая иные случаи оспаривания налогоплательщиком решение налогового органа, связанное с доначислением налогов, есть также постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.02.2026 дело № А03-12774/2022, который оставил требования истца без удовлетворения по вопросу оспаривания решения налогового органа, связанного с доначислением налогов.

В данном деле рассматривался вопрос о квалификации франшизы, чем оная является – искусственным дроблением или бизнес-моделью?

Определение суда Апелляционной инстанции от 30.06.2025, согласившись с судом Первой инстанции уточняет следующее: налоговый орган посчитал, что ИП Данилюк А.Н., основатель сети BEERhouse, создал схему искусственного дробления бизнеса для сохранения права на применение ЕНВД и УСН. По версии инспекции, предприниматель перераспределял торговые объекты между взаимозависимыми лицами через договоры коммерческой концессии (франчайзинга), простого товарищества и купли-продажи. ООО «Консалтинг Плюс» использовало мессенджеры («Франшизная сеть БИРхаус») для взаимодействия с продавцами, что, по мнению заявителя, отражало специфику управления франчайзинговой сетью, а не контроль над деятельностью контрагентов. Показания сотрудников общества не подтвердили наличие у них полномочий распоряжаться средствами франчайзи. В обоснование деловой цели заявитель представил заключения: Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Омской области (20.09.2024) – отношения построены по типу франчайзинга, соответствуют модели ведения аналогичного бизнеса, кандидата экономических наук, доцента ОмГУ им. Ф.М. Достоевского С.А. Гараниной (02.12.2024) – развитие франчайзинговой модели с 2016 года экономически обосновано, продажа франшиз отражала стратегию роста сети. Однако этого оказалось недостаточно в суде Кассационной инстанции [2].

Таким образом, представляется целесообразным дополнить примечание к ст. 15.11 КоАП РФ новым пунктом, отражающим следующее: «Грубым нарушением требований к бухгалтерскому учету также признается ведение бухгалтерского учета и (или) формирование бухгалтерской (финансовой) отчетности несколькими взаимозависимыми лицами таким образом, при котором искажается действительное экономическое содержание хозяйственной деятельности, в т. ч. путем искусственного распределения доходов, расходов, активов или обязательств между такими лицами с целью получения необоснованной налоговой выгоды».

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. М., 2001–2025. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.02.2026).

2. Дело № А03-7809/2022 // Электронное правосудие. М. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/8b8f6b65-04a4-4a79-8941-4be153dba850 (дата обращения: 28.02.2026).

3. Дело № А03-12774/2022 // Электронное правосудие. М. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/8ee583bd-649b-4d8b-a5f9-87db3c58494e (дата обращения: 28.02.2026).

4. Погосян Д.А. Схема искусственного дробления бизнеса в налоговом планировании: сущность и перспективы легализации через налоговую амни-

стию // Молодежь и системная модернизация страны: сб. науч. ст. IX Междунар. науч. конф-ции студентов и молодых ученых. 2025. С. 307–310. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_82398232_10025765.pdf (дата обращения: 28.02.2025).

5. Трапезников А.И. Правовая аналитика юрисконсульта при определении признаков искусственного «Дробления бизнеса» // Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника». 2024. № 18. С. 695–699. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_60046581_32626016.pdf (дата обращения: 28.02.2025).

***К.В. Фоминых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.В. Яковлева
Барнаульский юридический институт МВД России

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ПРИ АДМИНИСТРАТИВНОМ ВЫДВОРЕНИИ И ДЕПОРТАЦИИ: АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В российском праве административное выдворение и депортация являются мерами государственного принуждения, применяемыми к иностранным гражданам и лицам без гражданства при нарушении ими миграционного законодательства.

Административное выдворение представляет собой принудительное и контролируемое перемещение иностранного гражданина через государственную границу Российской Федерации либо контролируемый самостоятельный выезд из страны. Данная мера закреплена в ст. 3.10 КоАП РФ и применяется судом как вид административного наказания [1].

Депортация, в отличие от выдворения, является мерой административного принуждения, применяемой к иностранному гражданину, утратившему законные основания для пребывания в стране. Депортация не является наказанием, а служит способом восстановления миграционного порядка.

Анализ правоприменения показывает, что суды формируют практику, в которой защита публичного порядка и национальной безопасности имеет приоритет, но при этом соблюдаются и гарантии иностранных граждан.

Так, Верховный Суд Российской Федерации указал, что наличие близких родственников – граждан Российской Федерации не является безусловным основанием для отмены депортации. Верховный Суд Российской Федерации подтвердил правомерность депортации иностранца, имевшего вид на жительство, жену и двоих детей – граждан России, но неоднократно нарушавшего закон (нарушения ПДД, миграционного учета, кражи). Суд указал, что безопасность

населения России не может быть поставлена в зависимость от семейных связей иностранного гражданина, грубо нарушившего законодательство [2].

Следовательно, даже наличие семьи не дает иностранцу иммунитета от выдворения, если он систематически нарушает закон. Уполномоченные должностные лица и суды обязаны оценивать не только семейное положение, но и поведение иностранца.

Данная позиция Верховного Суда Российской Федерации основана на подходе Конституционного Суда Российской Федерации, который разъяснил, что защита семейной жизни, гарантируемая Конституцией Российской Федерации, не обладает абсолютным приоритетом и должна соразмерно сочетаться с публичными интересами государства в миграционной сфере [3, 4].

При этом Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях № 5-П и № 37-П конкретизировал критерии такой соразмерности. Для определения оправданности ограничений (например, запрета на въезд) недостаточно констатировать наличие семьи – требуется комплексная оценка личности иностранца, включая его добросовестность как налогоплательщика, финансовую состоятельность и жилищную обеспеченность [7, 8].

Поэтому уполномоченные должностные лица при подготовке материалов в суд должны собирать максимум информации об иностранце – не только о семье, но и о его финансовой состоятельности и жилищных условиях.

Рубцовский городской суд в деле № 5-117/2023, рассматривая ситуацию с гражданином, утратившим документы и проживающим с сожительницей – гражданкой Российской Федерации, а также имеющим брата – гражданина Российской Федерации, пришел к выводу, что административное выдворение повлечет чрезмерное вмешательство в право на уважение семейной жизни, и назначил наказание в виде административного штрафа без выдворения [9].

Следовательно, суды вправе смягчить наказание, если иностранца связывают с Россией реальные семейные отношения. При этом уполномоченные должностные лица должны доказать отсутствие таких связей, если предлагают выдворение.

Вместе с тем суды учитывают, что наличие семьи не обеспечивает иностранным гражданам бесспорного иммунитета от законных и действенных принудительных мер в сфере миграционной политики, соразмерных опасности миграционных правонарушений. Данный подход нашел отражение в решениях, где при отсутствии у иностранного гражданина устойчивых семейных связей, работы, имущества и гарантий самостоятельного выезда суды назначают наказание в виде выдворения. В деле № 5-14/2025 Центральный районный суд г. Барнаула, установив отсутствие у гражданина Таджикистана близких родственников, официальной работы, имущества и непринятие мер к легализации, назначил принудительное выдворение с содержанием в ЦВСИГ, указав на отсутствие оснований полагать, что правонарушитель самостоятельно покинет территорию Российской Федерации [10]. Аналогичная позиция изложена в деле № 5-33/2023 Целинного районного суда [11].

Следовательно, отсутствие семьи, работы и попыток легализоваться ведет к самому строгому наказанию – выдворению.

Существенным процессуальным аспектом является соблюдение гарантий прав иностранных граждан при помещении в специальные учреждения. Суды следят за тем, чтобы ограничение свободы иностранца до момента депортации происходило исключительно на основании судебного решения. Так, Ленинский районный суд г. Новосибирска, удовлетворяя иск о помещении гражданина Таджикистана в Центр временного содержания, указал на императивность нормы закона: содержание допускается только на основании суда, и нахождение такого лица где-либо кроме спецучреждения не допускается [13]. Аналогичный подход продемонстрировал тот же суд в деле гражданина Узбекистана, подчеркнув, что это не зависит от желания иностранца выехать самостоятельно [14].

Поэтому сотрудники миграционной службы не имеют права помещать иностранца в спецучреждение без судебного решения. Это важнейшая гарантия прав.

Процедура депортации может быть применена только при наличии предусмотренных законом оснований. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции оставил без удовлетворения жалобу на решение о продлении срока содержания в спецучреждении, что косвенно подтверждает законность ранее принятых решений о депортации [5]. Второй кассационный суд общей юрисдикции также подтвердил законность продления содержания гражданина Украины, в отношении которого были вынесены решения о неразрешении въезда, нежелательности пребывания и депортации после отбытия наказания за тяжкие преступления [6].

Следовательно, уполномоченные должностные лица должны строго соблюдать все процедурные сроки и основания депортации, иначе суд вправе признать их действия незаконными.

В случаях, когда деяние иностранного гражданина создает угрозу национальной безопасности, суды применяют наиболее строгие меры наказания вне зависимости от наличия смягчающих обстоятельств. Так, по делу № 5-90/2025 Центральный районный суд г. Барнаула, квалифицировав действия по ч. 2 ст. 6.9 КоАП РФ, учел сведения о причастности лица к покушению на сбыт наркотических средств в крупном размере, что явилось основанием для назначения административного ареста с принудительным выдворением [12].

В данной связи следует сделать вывод, что угроза национальной безопасности превосходит любые личные обстоятельства. Уполномоченные должностные лица в таких случаях обязаны требовать ареста и выдворения.

Таким образом, административное выдворение и депортация выступают необходимыми инструментами миграционной политики государства. Вместе с тем их применение связано с существенным ограничением прав иностранных граждан, что требует соблюдения процессуальных гарантий. Анализ судебной практики показывает, что российские суды следуют разъяснениям Верховного и Конституционного судов. При этом основную роль на досудебной стадии играют уполномоченные должностные лица, т. к. именно они собирают доказательства, оформляют протоколы и ходатайства, от которых во многом зависит решение суда. Суды оценивают каждый случай индивидуально: учитывают се-

мейное положение, длительность пребывания в России, законность доходов, наличие жилья и реальную возможность самостоятельно выехать. Если будет доказано, что иностранец грубо нарушает закон и не имеет устойчивых связей с Россией, суд назначает выдворение. Если же связи сильны, а нарушения неопасны – суд вправе ограничиться штрафом. Главное, чтобы любое ограничение свободы до депортации происходило только по решению суда. Такой подход обеспечивает интересы государства в миграционной безопасности и защиту прав иностранных граждан.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2025 № 9-КАД25-4-К1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05.03.2014 № 628-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2015 № 2667-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции № 8а-21798/2025 от 17.09.2025 URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=39554944&case_uid=b8882d69-3746-4c4a-8d03-1beb75df04ff&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 11.03.2026).
6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции № 88а-25027/2025 от 22.09.2025. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16068150&case_uid=1f5b29ec-7760-4925-9119-5342209ee7c5&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 11.03.2026).
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2016 № 5-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2023 № 37-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Рубцовского городского суда Алтайского края № 5-117/2023 от 22 июня 2023 г. по делу № 5-117/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/h5iLb22AvKVv/ (дата обращения: 11.03.2026).
10. Постановление Центрального районного суда г. Барнаула № 5-14/2025 от 26 января 2025 г. по делу № 5-14/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/kkzpOtPpeHYm/ (дата обращения: 11.03.2026).

11. Постановление Целинного районного суда Алтайского края № 5-33/2023 от 4 октября 2023 г. по делу № 5-33/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lJMUWkFfsMmV/ (дата обращения: 11.03.2026).

12. Постановление Центрального районного суда г. Барнаула № 5-90/2025 от 13 августа 2025 г. по делу № 5-90/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/I3UiBW6WKrYJ/ (дата обращения: 11.03.2026).

13. Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска № 2А-6598/2024 2А-6598/2024~М-4497/2024 М-4497/2024 от 15 июля 2024 г. по делу № 2А-6598/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/3tOJhZhTIyW8/ (дата обращения: 11.03.2026).

14. Решение Ленинского районного суда г. Новосибирска № 2А-6679/2024 2А-6679/2024~М-4582/2024 М-4582/2024 от 18 июля 2024 г. по делу № 2А-6679/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/a6YZYgJvXcrH/ (дата обращения: 11.03.2026).

***Д.В. Хлыстунова**, слушатель 4 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Д.Г. Заброда**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ И МЕТОДОВ ПРОВЕДЕНИЯ УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С ЛИЦАМИ, УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫМИ, ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ УСТАНОВЛЕН АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР

Принимаемые органами внутренних дел (далее – ОВД) меры в 2025 г. были направлены на стабилизацию криминогенной обстановки в России, позволили снизить число зарегистрированных преступлений в 80 субъектах нашей страны на 7,3 %. При этом число преступлений, выявленных на стадиях приготовления и покушения увеличилось на 19,3 %, а удельный вес ранее судимых лиц сократился с 28,9 % до 26,4 %, и составил 53,7 % [6, с. 50–52].

К эффективным мерам, которые привели к указанным результатам, следует относить введение институтов пенитенциарной и постпенитенциарной пробации и усиление индивидуального профилактического воздействия на поднадзорных и ранее осужденных лиц, состоящих на учете в ОВД дел и Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН), осуществляемого участковыми уполномоченными полиции (далее – УУП) и сотрудниками других подразделений полиции [2, 5].

Так, основными формами и методами индивидуальной профилактической работы УУП с лицами, которые ранее совершали преступления, являются: а) проведение профилактических бесед; вынесение официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений; правовое информирование; административный надзор; участие УУП в оказании помощи подучетным в социальной реабилитации, адаптации и ресоциализации; взаимодействие УУП с другими субъектами профилактики правонарушений и пробации, в первую очередь, Уголовно-исполнительной инспекции ФСИН (например, УУП направляют информации об обращении лица, в отношении которого может применяться исполнительная либо постпенитенциарная пробация, об оказании ему мер содействия, предусмотренных законах); б) систематическая проверка соблюдения установленных судом ограничений и обязанностей, участие в проверках лиц, состоящих на учетах в ФСИН; посещение профилактируемых лиц по месту проживания в установленные сроки, а также с частотой, учитывающей личность лица, характера его поведения, включая систематичность допускаемых им правонарушений; применение административной ответственности за совершение этими лицами административных правонарушений; продление административного надзора и ужесточение ограничений, назначенных поднадзорному лицу и др. [1, с. 65, 73, 74; 3].

В то же время, несмотря на отмечаемую официальной статистикой положительную динамику в улучшении показателей данной разновидности преступности, принятие федерального закона «О пробации», нормативное регулирование и практика работы УУП с данной категорией лиц содержит ряд недостатков, к которым по нашему мнению, можно относить: отсутствие перечня категорий лиц, в отношении которых может осуществляться профилактический учет, определения их прав и обязанностей профилактируемых, а также незакрепление роли полиции как основного субъекта профилактики в федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [4]**;** необходимость поддержания взаимодействия УУП с сотрудниками УИИ ФСИН России, требующее постоянного планирования совместных мероприятий и осуществления координации их совместных действий со стороны руководителей соответствующих органов; недостаточная квалификация отдельных УУП и других сотрудников полиции, участвующих в профилактике повторной преступности; неопределенность критериев оценивания эффективности профилактической деятельности УУП; **з**начительный объем документационной работы, связанной с обработкой обращений граждан, подготовкой планово-отчетных материалов и ведением сопутствующей документации, а также отвлечение УУП от выполнения возложенных на него основных обязанностей.

Для совершенствования деятельности УУП предлагается: в приказе МВД России от 29.03.2019 № 205 закрепить алгоритм профилактической работы с подучетными гражданами, права и обязанности УУП в области постпенитенциарной пробации, конкретизировать обязанности руководителей территориального органа МВД России по организации взаимодействия с ФСИН, а так-

же уточнить критерии оценивания эффективность этой деятельности; разработать типовые планы совместных профилактических мероприятий ОВД и других субъектов профилактики правонарушений по контролю за профилактируемыми лицами различных категорий; рассмотреть возможность создания и использования электронной платформы «Профилактика» для улучшения информационного взаимодействия между органами внутренних дел и другими субъектами профилактической деятельности, предусмотрев в ней модули проактивного анализа рисков и оценки вероятности рецидива преступлений и правонарушений, оповещение УУП о значимых событиях в отношении подучетных лиц (смена работы, нарушение режима, обращение за медицинской помощью) и электронного документооборота; при подготовке УУП в образовательных организациях МВД России обеспечить формирование навыков использования ими методов воздействия на профилактируемых лиц, основанных на интеграции достижений криминологии, социологии преступности, юридической психологии и позитивном отечественном и зарубежном опыте, привлечении к обучению представителей государственным и других органов и организаций, с которыми УУП взаимодействует в ходе профилактической деятельности.

Думается, что реализация предложенных мер позволит преодолеть существующие противоречия и перевести профилактическую деятельность УУП на качественно новый уровень, что в конечном итоге будет способствовать укреплению правопорядка и повышению уровня доверия граждан к правоохранительным органам.

Литература

1. Заброда Д.Г. Административная деятельность участковых уполномоченных полиции: учеб. пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. 120 с.

2. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Регламент взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений, утвержденного приказом Минюста России и МВД России от 04.10.2012 № 190/912 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О пробации в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Состояние преступности за январь–декабрь 2025 года // ФКУ «ГИАЦ», МВД России, 2026. 64 с.

***З.Э. Хышова**, курсант 3 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Д.О. Савочкина**, канд. юрид. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

АДМИНИСТРАТИВНО ПРАВОВОЙ СТАТУС СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Правовой статус – это взаимосвязь человека с государством и принадлежность лица к нему, которая выражается в правах, обязанностях и запретах. Элементы правового статуса, а именно права, обязанности и запреты регламентируются в нормативно правовых актах, федеральных законах, подзаконных актах и законодательстве Российской Федерации. Правовой статус является показателем политической, экономической и социальной принадлежности лица к государству [1, с. 185].

Конституция Российской Федерации предусматривает в своих нормах главу № 2, где прописаны основные права и свободы человека. Исходя из данных положений, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, они являются неотчуждаемыми и принадлежат каждому с рождения, а также осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Если говорить о правовом статусе сотрудника полиции то следует понимать, что в правовой статус входят, не только права и обязанности, а также ответственность за действия, которые направлена на защиту личности, общества и государства от преступных посягательств [3, с. 345]. Толкование понятие административного статуса сотрудника полиции – урегулированное нормами административного права положение сотрудника полиции, выражающееся в наличии у него обязанностей и прав, необходимых для осуществления им служебной деятельности в органах внутренних дел.

Данный правовой статус является специальным, т. к. сотрудник полиции наделен дополнительными полномочиями, правами и обязанностями по отношению к другим лицам [4, с. 56]. Полицейский имеет право на применение определенных мер принуждения к субъектам правонарушения, которые прописаны в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4], такие как применение физической силы, огнестрельного оружия, специальных средств, проникновение в жилые помещения и иные участки и т. д.

Содержание правового статуса сотрудника полиции как индивидуального субъекта характеризуется следующими элементами. Правосубъектность, состоящая из дееспособности и правоспособности сотрудника. Под *правосубъектностью* понимается юридическая категория, на основе которой лицо, способно осуществлять права и обязанности, т. е. выступать субъектом правоотношений. Правоспособность включает в себя обладание субъекта правами и обязанно-

стями, они появляются с момента рождения и прекращают свое действие смертью субъекта. Дееспособность – это способность лица осуществлять права и обязанности. Она разделяется на полную, частичную или ограниченную в зависимости от возраста, состояния здоровья и других факторов.

Полная дееспособность присваивается субъекту по достижению восемнадцатилетнего возраста, т. е. лицо вправе самостоятельно реализовывать свою деятельность, к примеру, заключать сделки и участвовать в правоотношениях.

Деликтоспособность – это способность лица самостоятельно нести ответственность за свои противоправные действия, осознавать их опасность и причиненный ущерб.

Обязанности сотрудника полиции предполагают императивные нормы, обязывающие должностное лицо совершать определенные действия, урегулированные государством, действующим законодательством и иными правовыми актами, к примеру, Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4] и Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] закрепляют в двенадцатой статье перечень обязанностей сотрудника полиции.

Таким образом, правовой статус сотрудника полиции оказывает огромную роль на качественный подход к служебной деятельности и формирует представление о структурных его элементах и их значимости, что позволяет сделать вывод о том, что:

1. Административно-правовой статус сотрудника полиции определяет специальные права и обязанности наряду с другими субъектами правоотношений, это выражается в способности применения мер государственного принуждения.

2. Правовое положение сотрудника полиции четко структурированного и ограниченно элементами его административно-правового статуса.

3. Особая отведенная роль, как государственного служащего по осуществлению возложенных на него полномочий государством.

4. Императивный характер элементов правового статуса связан как с большими правами сотрудников полиции, так и с огромным грузом ответственности за свою профессиональную деятельность.

Литература

1. Основные принципы обеспечения национальной безопасности // Основы национальной безопасности (политико-правовой подход). М.: Издательство Русь, 2023. С. 183–192.

2. Савочкина Д.О., Горошко О.В. Особенности морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел при выполнении задач в особых условиях // Российский следователь. 2023. № 6. С. 54–58.

3. Савочкина Д.О., Путренко А.Н. Проблемные вопросы применения сотрудниками полиции физической силы // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 344–346.

4. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***Н.Г. Шамсутдинов**, слушатель 4 курса*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***В.М. Ленский**, канд. юрид. наук, доцент*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК»

Понимание термина «общественный порядок» и его сущности представляет собой одну из самых актуальных задач, стоящих перед современной административно-правовой наукой. Это связано с тем, что в настоящее отсутствует единый, общепринятый подход к определению данного термина, а его использование охватывает законодательство, научные исследования, средства массовой информации и повседневную жизнь общества.

«Общественный порядок» является одним из основополагающих понятий, которое тем не менее не закреплено в федеральном законодательстве. Оно многократно упоминается в Конституции Российской Федерации, в частности, в п. «е» ч. 1 ст. 114 и ч. 1 ст. 132. В контексте административного законодательства данный термин отражает нормы поведения, нарушение которых влечет за собой определенные санкции [3, с. 95].

Перейдем к рассмотрению ключевых признаков, характеризующих категорию «общественный порядок»:

1. Общественные места играют важную роль в формировании общественного порядка, т. к. нарушение правил поведения в местах общения людей затрагивает интересы другой личности, группы людей, общества. Помимо этого, общественные пространства играют важную роль в укреплении социальной коммуникации и создании сплоченных сообществ. Так, хорошо организованные, доступные и безопасные зоны оказывают положительное влияние (например, зоны отдыха, пространства для физической активности), нежели запущенные, небезопасные общественные места, которые, напротив, могут способствовать социальной дезорганизации [2, с. 42].

2. Правовое регулирование общественных отношений. А именно процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения с помощью специальных юридических средств и методов.

3. Системность волевых общественных отношений с соблюдением норм. Системность волевых отношений проявляется в том, что существует целая система социальных норм, которые создаются в результате сознательно-волевой деятельности людей и обусловлены духовными и социально-экономическими факторами жизни данного общества. Что касается связи волевых общественных отношений, данный признак заключается в том, что установленные государством правовые нормы определяют должное поведение людей в сфере общественного порядка.

Таким образом, категория «общественный порядок» – это сложное и многогранное явление, которое включает в себя аспекты политического, экономического, культурного и правового характера, а также общенациональные, национальные и классовые интересы [1, с. 15].

Следует отметить, что «общественный порядок» и «правопорядок» не тождественные понятия. Первое из них является более обширным и охватывает не только юридические нормы, но и другие социальные нормы, такие как моральные ценности, традиции и обычаи. Напротив, «правопорядок» представляет собой одну из составляющих общественного порядка, которая начинает существовать с появлением правовых норм, законов и публичной власти, и выступает как результат реализации правовых норм.

В теории административного права понятие общественного порядка рассматривается как в широком, так и в узком смыслах. Более широкая категория включает в себя и правопорядок.

В широком смысле, согласно мнению И.Н. Даньшина, общественный порядок – «это порядок волевых общественных отношений, складывающихся в процессе сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения и тем самым обеспечивающих слаженную и устойчивую совместную жизнь людей в условиях развитого общества».

В узком смысле А.В. Серегин характеризовал общественный порядок как «урегулированную нормами права и иными социальными нормами систему общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают поддержание состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважение их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности» [4, с. 170].

Однако необходимость принятия федерального закона для четкого регулирования общественных отношений в данной сфере на данный момент актуальна. Данный закон мог бы установить единое собирательное понятие; определить права и обязанности граждан, а также полномочия органов власти в обеспечении общественного порядка; ввести механизмы ответственности за нарушения общественного порядка; гарантировать защиту прав и свобод граждан, особенно в контексте их участия в общественной жизни и выражения мнения; способствовать конструктивному взаимодействию между различными социальными группами и др.

Подводя итог вышесказанному, комплексный подход к регулированию общественного порядка может способствовать созданию более безопасной

и стабильной социальной среды. Общественный порядок действительно представляет собой динамичную систему, требующую постоянного анализа и адаптации к изменяющимся условиям жизни общества.

Литература

1. Виприцкий Н.Н. Организация административной деятельности полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. URL: https://xn--80ae7bem.xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site122/document_file/T_17_lekciya.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
2. Горбашев В.В., Реуф В.М., Сулейманов А.М., Третьяков И.Л. Общественный порядок и его обеспечение правоохранительными органами // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 1.
3. Калустов Р.Г. Общественный порядок: понятие и содержание категории // Социология и право. 2020. № 2 (48).
4. Пыркова О.В. Толкование категории «общественный порядок» в юридической литературе // Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. 2018.

***В.С. Шатилова**, студент 1 курса*
Сибирский государственный университет путей сообщения

Научный руководитель:
***К.В. Дувыдов**, доктор юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Коррупция признается одной из серьезных угроз общественной стабильности, экономическому развитию и доверию граждан к государственным институтам. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации относит коррупцию к основным угрозам государственной и общественной безопасности. Противодействие коррупции является приоритетной задачей правовой политики государства. Коррупция наносит не только экономический, но и политический вред, выражающийся в снижении легитимности власти и ослаблении национального суверенитета.

Современное антикоррупционное законодательство России начало формироваться в 2000-х гг. Основополагающим актом стал Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», впервые закрепивший

легальное определение коррупции [6]. Наряду с уголовным законодательством, важную роль играют нормы КоАП РФ. По определению К.А. Васильева и К.Р. Гимандиновой, А.А. Идрисова, административная ответственность за коррупционные правонарушения представляет собой установленный законом способ реагирования государства на деяния, нарушающие административно-правовые запреты и посягающие на общественные интересы [1, с. 28].

В законодательстве отсутствует легальное определение «административного коррупционного правонарушения», что порождает научную дискуссию. В доктрине сложилось несколько подходов к идентификации таких правонарушений.

Первый (формально-юридический) подход относит к коррупционным только два состава, закрепленные в гл. 19 КоАП РФ, корреспондирующие с Законом о противодействии коррупции и Конвенцией ООН против коррупции. Статья 19.28 КоАП РФ устанавливает ответственность юридических лиц за незаконное вознаграждение от имени юридического лица, включая передачу, обещание или предложение вознаграждения. Процессуальные особенности производства регламентированы изменениями, которыми введены: освобождение от ответственности при способствовании выявлению правонарушения, сокращенный срок уплаты штрафа (7 дней) и возможность ареста имущества. Статья 19.29 КоАП РФ предусматривает ответственность за незаконное привлечение к трудовой деятельности бывших государственных и муниципальных служащих [4].

Второй подход, который можно обозначить как материально-правовой, основывается на расширительном толковании административного коррупционного правонарушения и опирается на систему материальных критериев для идентификации коррупционной составляющей в деянии. Сторонники данного подхода, к числу которых относятся А.В. Кудашкин, П.А. Кабанов, предлагают выделять следующие ключевые признаки коррупционного правонарушения: наличие подкупа или иной личной заинтересованности; использование должностного или служебного положения вопреки интересам службы; совершение деяния с нарушением установленного порядка осуществления публичного управления; причинение вреда охраняемым законом интересам общества и государства либо создание угрозы причинения такого вреда [5, с. 302; 3, с. 251]. Указанный подход исходит из того, что коррупционные действия могут маскироваться под иные составы административных правонарушений, в связи с чем требуется глубокий анализ фактических обстоятельств дела и мотивации правонарушителя для выявления коррупционной природы деяния.

Третий подход, который может быть определен как отраслевой, предлагает классифицировать административные правонарушения коррупционной направленности исходя из сферы их совершения. В рамках данного подхода выделяются коррупционные правонарушения в сфере государственного и муниципального управления, предпринимательской деятельности, избирательного процесса, а также в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд [2, с. 466]. Данный подход позволяет учитывать специфику раз-

личных сфер общественных отношений при разработке мер предупреждения коррупционных правонарушений.

Четвертый подход, обозначаемый как законотворческий, ориентирован на совершенствование законодательной регламентации. Его сторонник, в частности А.М. Цирин, настаивает на необходимости внесения изменений в КоАП РФ, направленных на создание новых составов правонарушений коррупционной направленности, например, ответственности за нарушение требований антикоррупционного стандарта поведения, за непринятие мер по предотвращению конфликта интересов [7, с. 12]. Также предлагается систематизация антикоррупционных норм путем выделения в структуре КоАП РФ самостоятельной главы, объединяющей составы административных правонарушений коррупционного характера.

Таким образом, в доктрине административного права сложилось четыре основных подходов к определению административной ответственности за коррупционные правонарушения. Представляется, что наиболее обоснованным и перспективным является материально-правовой подход, поскольку он позволяет выявить коррупционную природу деяния независимо от его формальной квалификации, ориентируясь на такие сущностные признаки, как подкуп, личная заинтересованность и использование служебного положения вопреки интересам службы. Именно этот подход способен обеспечить эффективное противодействие коррупции в тех случаях, когда коррупционные действия маскируются под иные составы административных правонарушений. Вместе с тем материально-правовой подход не исключает, а предполагает использование элементов иных подходов: формально-юридического – для обеспечения определенности правоприменения, отраслевого – для учета специфики отдельных сфер, законотворческого – для совершенствования нормативной базы, функционального – для предупреждения коррупциогенных факторов.

В этой связи дальнейшая научная дискуссия представляется необходимой для выработки единообразных критериев квалификации административных правонарушений коррупционной направленности, а также для поиска оптимального баланса между сущностным и формально-юридическим подходами в правоприменительной практике.

Литература

1. Васильев К.А., Гимандинова К.Р., Идрисова А.А. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Интернаука. 2022. № 19-7 (242).

2. Илий С.К. Административные правонарушения коррупционной направленности // Административное и муниципальное право. 2015. № 5 (89).

3. Кабанов П.А. Административные коррупционные правонарушения: понятие и некоторые проблемы правоприменения // Эпомен. 2020. № 49.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

5. Кудашкин А.В. Административно-правовые санкции за коррупционные правонарушения // Административное и муниципальное право. 2010. № 1.

6. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

7. Цирин А.М. Перспективные направления развития антикоррупционного законодательства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2011. № 2 (170).

***А.А. Шмелева**, курсант 2 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***О.А. Дизер**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Коррупция, понимаемая как злоупотребление служебным положением для получения неправомерных преимуществ, представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности, подрывает доверие граждан к институтам власти и наносит колоссальный ущерб бюджету. Административно-правовые меры занимают центральное место в противодействии коррупции, однако их эффективность снижается из-за ряда системных проблем [1].

Первой фундаментальной проблемой является комплексность и фрагментарность нормативно-правовой базы. Хотя существует Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], его положения конкретизируются в ведомственных актах, указах Президента и постановлениях Правительства, что создает правовую неопределенность и противоречия в толковании. Многие нормы носят декларативный характер, предписывая общие принципы служебного поведения, но не устанавливая четких механизмов их реализации и ответственности за несоблюдение. Например, обязанность госслужащих сообщать о конфликте интересов зачастую остается на их усмотрение из-за отсутствия действенной системы мониторинга и проверки подобных сведений [3, с. 78–81].

Второй ключевой проблемой является недостаточная эффективность профилактических мер, в частности проверок достоверности сведений о доходах и имуществе («декларационные кампании»). На практике этот механизм зачастую превращается в формальную бюрократическую процедуру. Анализ деклараций носит поверхностный характер и не подкреплен возможностями глу-

бокой финансовой и оперативной проверки. Многие чиновники научились скрывать активы, используя схемы с участием родственников и подставных лиц (номинальных владельцев), что делает выявление несоответствия доходов и реального уровня жизни крайне затруднительным без применения оперативно-розыскных мероприятий, которые в рамках административного процесса строго ограничены.

Третья группа проблем связана с деятельностью самих уполномоченных органов. Наблюдается дублирование функций и отсутствие четкой координации между подразделениями кадровых служб, прокуратурой, Следственным комитетом, ФСБ, МВД и подразделениями собственной безопасности [3, с. 45–56]. Это приводит к размыванию ответственности, ведомственным разногласиям и утере информации. Низкий уровень межведомственного информационного обмена, обусловленный в т. ч. ведомственной секретностью, позволяет коррупционерам избежать ответственности. Тем не менее иллюстрацией успешного выявления и пресечения коррупционных преступлений может служить приговор Железнодорожного районного суда г. Симферополя в отношении группы должностных лиц органов местного самоуправления. Суд установил, что трое чиновников в период с 2021 по 2022 г. получили взятки на общую сумму 310 000 руб., действуя группой лиц по предварительному сговору, причем один из них был задержан с поличным. Суд назначил наказание в виде штрафов от 2 до 3 млн рублей с лишением права занимать должности на 4-5 лет [7]. Данный пример показывает, что совместные скоординированные действия правоохранительных органов позволяют привлекать к ответственности даже членов организованных групп.

Четвертая, наиболее сложная проблема – кадровая и организационно-культурная, а именно формирование «коррупционных сетей» или «круговой поруки» внутри отдельных ведомств. В такой системе принцип невыгодности коррупционного поведения нивелируется: разоблачение одного члена сети ставит под удар всю систему, поэтому действуют механизмы коллективного сокрытия нарушений. Борьба с этим требует не только административных, но и политических решений высочайшего уровня [4, с. 67–75]. Кроме того, сохраняется проблема «кадрового голода» в антикоррупционных подразделениях: привлечь и удержать высококвалифицированных, неподкупных специалистов при существующем уровне оплаты труда и постоянном давлении со стороны коррумпированных структур крайне сложно.

Пятой проблемой является дисбаланс между карательными и профилактическими мерами. Административно-правовая политика зачастую делает акцент на наказании за уже совершенные коррупционные правонарушения (например, увольнение за недостоверное декларирование). Однако профилактика, направленная на создание среды, в которой коррупция изначально невозможна, развита слабее. Необходимо дальнейшее внедрение прозрачных конкурсных процедур замещения должностей и упрощение административных регламентов, порождающих коррупциогенные факторы [6, с. 51]. Чем больше разрешительных и распределительных полномочий у чиновника, тем выше искушение злоупотребить ими.

В заключение следует отметить, что преодоление проблем административно-правового противодействия коррупции требует комплексного и последовательного подхода. Недостаточно ужесточать наказания или увеличивать количество проверок. Необходима системная работа по следующим направлениям: унификация и конкретизация антикоррупционного законодательства, в т. ч. с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации; внедрение современных цифровых технологий для мониторинга доходов и госзакупок, что повысит прозрачность; укрепление независимости и координации антикоррупционных органов; проведение последовательной кадровой политики, направленной на ротацию и воспитание нового поколения госслужащих. Анализ судебной практики показывает, что даже при существующей системе правоохранительные и судебные органы способны выявлять и пресекать коррупционные преступления, однако масштаб и системный характер коррупции требуют усиления именно профилактической составляющей. Только такой многоуровневый стратегический подход сможет переломить ситуацию и создать в органах государственной власти среду, в которой коррупция станет не просто наказуемой, но и в высшей степени рискованной и невыгодной практикой.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.03.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Агапов П.В. Административно-правовые средства противодействия коррупции в системе государственной службы // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 45–56.

4. Бондаренко Д.А. Коррупция как системная угроза национальной безопасности: административно-правовые аспекты // Государство и право. 2019. № 5. С. 67–75.

5. Григорьев А.С. Административная ответственность за коррупционные правонарушения: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 51.

6. Дизер О.А. Гармонизация мероприятий и способов по преодолению конфликта интересов на государственной службе // Актуальные проблемы полицейского права: мат-лы международ. научно-практ. конф-ции, г. Омск, 1–2 июня 2023 г. Омск: Омская академия МВД России, 2023. С. 78–81.

7. Приговор Железнодорожного районного суда г. Симферополя Республики Крым от 22.09.2025 по делу о коррупции должностных лиц органов местного самоуправления.

***А.А. Яковлева**, курсант 2 курса*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***В.М. Ленский**, канд. юрид. наук, доцент*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

В настоящее время в России совершается достаточно большое количество правонарушений, в т. ч. административных правонарушений и не редко эти правонарушения происходят в области таможенного дела. В связи с этим возрастает значение органов правопорядка, т. к. подобные деяния мешают нормальному функционированию таможенных органов и могут причинить вред как общественным, так и государственным интересам.

Рассмотрим статистику, которую предоставляет нам Федеральная таможенная служба [5, с. 15]. Только за начало 2025 г. таможенными органами возбуждено около 44 510 дел об административных правонарушениях. Из них наибольшее количество дел возбуждено из-за правонарушений в области таможенного дела (27 173). Из них по контрабандообразующим составам возбуждено 18 285 дел. Исходя из выше представленных данных, мы можем сделать вывод, что на данный момент вопросы борьбы с таможенными правонарушениями являются актуальными.

Говоря об административных правонарушениях о области таможенного дела, стоит сказать о том, что с точки зрения законодательства представляет из себя административное правонарушение. Согласно ст. 2.1 КоАП РФ административное правонарушение – это противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность. То есть это деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, которые посягают на общественные отношения, в данном случае в области таможенного дела и могут причинить ущерб какой-либо личности, обществу или государству.

За административные правонарушения в области таможенного дела предусмотрена ответственность, которая установлена только в КоАП РФ, а именно в гл. 16. Главным отличием данной ответственности является то, что она предусмотрена только в КоАП и не регулируется другими правовыми актами, в т. ч. правовыми актами субъектов.

Особенностью данного состава является объект. Родовым объектом являются общественные отношения в области таможенного дела. Непосредственный объект устанавливается в рамках главы 16 и зависит от определенного деяния, т. е. от санкции, которая предусмотрена за данное деяние [1, с. 315].

Например, непосредственным объектом административного правонарушения в области таможенного дела могут быть отношения:

– связанные с представлением недействительных документов для выпуска товаров до подачи таможенной декларации;

– связанные с несоблюдением порядка таможенного транзита;

– связанные с несоблюдением запретов и (или) ограничений на ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза или в Российскую Федерацию и (или) вывоз товаров с таможенной территории Евразийского экономического союза или из Российской Федерации.

Также в качестве отличия подобных составов можно выделить особенную (двойную) противоправность, которая может объясняться тем, что должностные лица таможенных органов уполномочены составлять протоколы как за административные правонарушения таможенного законодательства, так и за административные правонарушения, например, в области интеллектуальной собственности, за нарушение финансового законодательства и наносящие ущерб работе таможенных органов.

Еще одной особенностью состава административного правонарушения в области таможенного дела можно выделить субъект. Во-первых, за правонарушения в данной области предусмотрена ответственность для специального субъекта, т. е. для участников внешнеэкономической деятельности, во-вторых, возможность привлечения к ответственности одновременно физического и юридического лица [2, с. 85].

Стоит отметить, что данные правонарушения характерны не для одной конкретной страны, а носят международный характер. Рассмотрим, как правонарушения в области таможенного дела проявляются в других странах. Например, в Беларуси. По данным Таможенных органов Республики Беларусь [4, с. 121], за I полугодие 2025 г. установлено 683 факта незаконного перемещения наличных денежных средств через белорусский участок таможенной границы ЕАЭС, выявлено 6 фактов незаконного перемещения через таможенную границу товаров, представляющих историческую и культурную ценность.

В Республике Казахстан [3, с. 512] за десять месяцев 2025 г. были проведены таможенные проверки в количестве 830, в результате которых были выявлены несоответствия в 81 % случаев. Наиболее частыми правонарушениями были:

– недостоверное определение таможенной стоимости (40 %);

– неверная классификация товаров по ТН ВЭД (20 %);

– нецелевое использование товаров с ограничениями (11 %);

– нарушение условий таможенных процедур, в т. ч. временного ввоза (9 %).

Вышеуказанные данные подтверждают актуальность данной проблемы и необходимость повышенного внимания к ней, а также необходимость международного сотрудничества для борьбы с правонарушениями в области таможенного дела. Именно международное сотрудничество является важной частью борьбы с подобными правонарушениями, т. к. оно может помочь с решением таких проблем как воспрепятствование доступа на территорию того или иного

государства товаров, которые запрещены на его территорию, оно также может помочь с решением проблемы правового регулирования таможенного дела путем обмена правовой базой, в т. ч. делает возможным рассмотрение вопроса о совершенствовании законодательства с целью облегчения процесса прохождения международной торговли, что в свою очередь будет способствовать укреплению международных связей, стран-сотрудниц.

Если говорить про борьбу с административными правонарушениями в области таможенного дела в Российской Федерации, то в качестве санкций за отдельные правонарушения можно предложить такие варианты как запрет на въезд на территорию государства с дальнейшим ограничением получения гражданства для правонарушителя и его семьи. Или в качестве предупреждения можно рассмотреть усложнения процедуры получения гражданства иностранным гражданам, которые согласно статистике, чаще совершают правонарушения на территории Российской Федерации.

Литература

1. Амелин Р.В., Добробаба М.Б., Капитанец Ю.В. [и др.] // Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Ч. 2: комментарий к главам 15–32 КоАП РФ (под общ. ред. Л. В. Чистяковой) // ГроссМедиа ОАО «РОСБУХ». 2019.
2. Дащян А.Р., Земскова И.А. Правонарушения в сфере таможенного дела // Актуальные исследования. 2024. № 51-1 (233).
3. Международное информационное агентство «Казинформ» URL: https://www.inform.kz/ru/tamozhennie-proverki-v-kazahstane-viyavleno narusheniy-na-31-mlrd-tenge-80015b (дата обращения: 15.02.2026).
4. Таможенные органы Республики Беларусь URL: https://www.customs.gov.by/pravookhranitelnayadeyatelnost/pravookhranitelnaya-deyatelnost/ (дата обращения: 12.12.2025).
5. Федеральная таможенная служба России URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/633039 (дата обращения: 20.12.2025).

Ф.А. Ялтыртова, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
О.О. Попова
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА С ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Обеспечение защиты прав и интересов детей, а также профилактика девиантного поведения требуют согласованной работы различных государственных органов. Особую роль в этом процессе играет взаимодействие органов опеки и попечительства с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ПДН ОВД). Органы опеки и попечительства отвечают за защиту прав и интересов детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Профилактику безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних реализуют инспекторы ПДН ОВД, выявляют и устраняют причины и условия, способствующие этому, а также защищают их права и законные интересы [1, с. 32].

Основными формами взаимодействия, сотрудничества органов опеки и попечительства с ПДН ОВД являются:

1) информационный обмен – ПДН ОВД сообщает органам опеки о детях, оставшихся без попечения родителей или находящихся в опасной жизненной ситуации; органы опеки, в свою очередь, передают сведения о семьях, нуждающихся в профилактической работе;

2) совместные обследования и рейды – специалисты органов опеки и инспекторы ПДН ОВД проверяют условия жизни и воспитания детей в семьях, состоящих на профилактическом учете;

3) процессуальное взаимодействие – при подготовке материалов в суд о лишении или ограничении родительских прав ПДН ОВД предоставляет сведения о поведении родителей и ребенка [2, с. 22].

В рамках данного исследования особе внимание необходимо обратить на особенности реализации процедуры изъятия ребенка из семьи. При возникновении непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка, законодательство предоставляет уполномоченным органам право на немедленное отобрание ребенка из семьи. Данная мера носит исключительный характер, и ее применение возможно лишь в случаях, не терпящих отлагательства.

Согласно действующему законодательству, инспектор ПДН ОВД не имеет самостоятельного права на изъятие ребенка из семьи. Это полномочие принадлежит исключительно органам опеки и попечительства на основании статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации.

Инспектор ПДН ОВД выступает в качестве субъекта содействия – может участвовать в процедуре изъятия в составе комиссии, обеспечивать доступ в жилище, но не инициировать отобрание самостоятельно.

Единственным основанием для экстренного изъятия ребенка является непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка**.** При этом закон требует, чтобы эта угроза была реальной и очевидной, а не предполагаемой.

Однако отсутствие в законе четких критериев «непосредственной угрозы» порождает широкую дискрецию правоприменительных органов и риск субъективной оценки ситуации. В ежедневной практической деятельности данная мера применяется не только в случаях явного насилия или оставления в опасности, но и при так называемом социально опасном положении, связанном с бедностью, антисанитарией или алкоголизацией родителей.

Показательным является решение Северо-Курильского районного суда Сахалинской области от 16 июня 2025 года. Инспектор ПДН самостоятельно приняла решение об изъятии несовершеннолетнего, посчитав, что он находится в опасной жизненной ситуации, и поместила его в больницу. Суд признал действия инспектора незаконными, указав, что: функции выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей, являются исключительной компетенцией органов опеки и попечительства; инспектор ПДН ОВД не известила орган опеки и попечительства о ситуации; ребенок фактически имел семью, осуществлявшую за ним надзор.

Действующее законодательство относит разрешение вопроса о немедленном изъятии ребенка из семьи к исключительной компетенции органов опеки и попечительства. При этом на практике органы опеки либо не успевают всесторонне оценить семейную ситуацию, что ведет к риску неправомерного изъятия, либо предпочитают избегать использования механизма принудительного изъятия, перекладывая эту задачу на органы полиции (что незаконно).

Учитывая вышеизложенное, в целях эффективной реализации полномочий ПДН ОВД важно создать механизм оперативного взаимодействия с органами опеки и попечительства. В связи с этим необходимо: на законодательном уровне закрепить право инспектора ПДН ОВД на временное (до 24 часов) отобрание ребенка при наличии четко определенных в законе критериев непосредственной угрозы жизни или здоровью. Предлагается дополнить ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации пунктом следующего содержания: «При выявлении сотрудником органов внутренних дел (подразделения по делам несовершеннолетних) обстоятельств, свидетельствующих о наличии непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка, и невозможности незамедлительного уведомления органа опеки и попечительства, сотрудник ПДН ОВД вправе осуществить временное отобрание ребенка на срок не более 24 часов с обязательным письменным уведомлением органа опеки и попечительства и прокурора в течение 2 часов с момента отобрания»**.**

В свою очередь, дополнить КоАП РФ статьей 5.35.2 «Временное отобрание ребенка сотрудником подразделения по делам несовершеннолетних при непосредственной угрозе жизни или здоровью».

1) внедрить региональные диспетчерские службы, работающие круглосуточно, для приема уведомлений от ПДН ОВД об изъятии ребенка;

2) установить сокращенные сроки реагирования органа опеки (например, не более 2 часов с момента уведомления);

3) на законодательном уровне закрепить обязанности органа опеки по незамедлительной организации временного размещения, изъятого ребенка.

Литература

1. Болурова З.Л. Вопросы изъятия ребенка из семьи: сравнительный анализ систем защиты прав ребенка в некоторых скандинавских странах и России // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 32–35.

2. Косова О.Ю. Административное отобрание детей из семьи: состояние и развитие законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 11. С. 18–24.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

***А.О. Балесная**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.В. Никулина
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ПРОБЛЕМОЙ БЕЗДОМНЫХ ЖИВОТНЫХ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Проблема бездомных животных является одной из актуальных социальных и экологических проблем современной России. Согласно Всероссийской переписи бездомных животных, проведенной в 2025 г., в числе таковых оказались 3,6 млн собак и кошек, что составляет 4 % от общего количества питомцев. В приютах живут около 170 тыс. животных, большинство же обитают на улицах [2].

В качестве основных причин безнадзорности животных выделим следующие: безответственное отношение хозяев к домашним питомцам, отказ от них путем оставления на улице; нежелательное потомство нестерилизованных животных; бесконтрольный выгул домашних животных.

В соответствии с Федеральным законом от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на территории Российской Федерации действует метод обращения с бездомными животными ОСВВ – «отлов, стерилизация, вакцинация, возврат животного на прежнее место обитания» [6].

Данный метод используется и на территории Алтайского края. При этом в дополнение к нормам, регламентированным федеральным законом, 4 октября 2024 г. был принят Закон Алтайского края № 62-ЗС «О регулировании отдельных отношений в области обращения с животными на территории Алтайского края» (далее - Закон), который в свою очередь устанавливает обязательную регистрацию и маркирование собак на территории Алтайского края (регистрация и маркирование иных видов домашних животных не обязательны и проводятся по инициативе их владельцев, регистрация осуществляется бесплатно, а стоимость маркирования составляет от 150 до 350 руб. и производится за счет владельцев). В случае невыполнения владельцем обязанности по регистрации и (или) маркированию, для него наступает административная ответственность [5].

Кроме того, Закон определяет перечень мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев на территории Алтайского края:

1) отлов животных без владельцев, в т. ч. их транспортировка в приюты для животных (с обязательным помещением на карантин);

2) умерщвление животных без владельцев в случаях:

– наличия достоверно установленных специалистом в области ветеринарии признаков болезней, опасных для человека и (или) других животных, либо если животное является переносчиком этих болезней;

– прекращения непереносимых физических страданий нежизнеспособных животных;

– проявления немотивированной агрессивности;

– зафиксированного факта нападения конкретного животного на человека или другое животное.

3) создание пунктов временного содержания, где обеспечивается кратковременное (не более 10 дней) содержание отловленных животных без владельцев в целях проведения мероприятий по осмотру и оценке состояния животных, стерилизации и оказания ветеринарной помощи, маркированию, размещению в сети Интернет сведений о поступивших животных, а также возврат владельцам или в прежнее место обитания [4].

В 2025 г. в конкурсе на соискание грантов администрации города Барнаула, направленного на работу с безнадзорными животными, победила городская общественная организация - приют для бездомных собак и кошек «Ласка». Общая сумма грантовой поддержки составила около 10 млн рублей. Реализация этих средств была осуществлена по трем направлениям: создание 100 новых мест для содержания животных без владельцев, оказание услуг по бесплатной стерилизации более 700 домашних животных, маркирование более 1300 животных [1].

Анализируя проблему эффективности принимаемых мер, необходимо отметить, что на территории города Барнаула численность безнадзорных собак и их потомства сокращается. По данным управления ветеринарии Алтайского края на 30 января 2026 г., в регионе зарегистрировано и маркировано 79 763 собаки. Край находится в числе регионов-лидеров по этому показателю в стране [3]. Однако работа в данном направлении не в полной мере решает проблему массового скитания собак по городам и поселкам Алтайского края, поскольку после процесса ОСВВ их возвращают обратно на улицы. Повторно таких собак не отлавливают, в результате в определенном месте может сформироваться стая животных, представляющих потенциальную опасность для жителей населенного пункта. Несмотря на то, что возвращенные собаки по итогам оценки их состояния были признаны неагрессивными, их поведение базируется на основе врожденных инстинктов, вследствие чего они способны сбиваться в стаи, проявлять агрессию, защищая свою территорию или источники питания, чувствуя преимущество перед человеком.

Кроме этого, приют «Ласка», который выиграл грантовую поддержку, осуществляет свою деятельность только на территории города Барнаула, в то время как в других городах и поселках Алтайского края на сегодняшний момент проблема с бродячими животными не решена. Как сообщают новостные источники, в администрацию города Рубцовска ежедневно поступают жалобы

от местных жителей на бездомных собак. Администрация не может определить подрядчика по отлову бездомных животных, т. к. никто не соглашается работать в этом направлении, пунктов временного содержания животных в настоящее время нет [7].

Таким образом, несмотря на изменения законодательной базы в направлении совершенствования работы с бездомными животными, проблема полностью не искореняется. Учитывая вышеизложенное, для полного или частичного решения проблемы необходимо:

– в целях недопущения скитания отловленных животных по улицам, организовать содержание животных в приютах, а не выпускать их в прежнюю среду обитания. В рамках этого увеличить финансовую поддержку со стороны государства и органов местного самоуправления для строительства дополнительных вольеров в приютах;

– властям Алтайского края обратить внимание на ситуацию, связанную с бродячими животными в иных, кроме Барнаула, городах и поселках, организовать помощь в поиске подрядчиков, которые будут заниматься реализацией программы ОСВВ;

– зоозащитным организациям вести активную пропаганду о необходимости ответственного обращения с домашними животными, а также о возможности размещения животного в приюте, вместо оставления его на улице.

В заключение хотелось бы отметить, что можно бесконечно бороться с последствиями, но главная задача – устранить первоисточник проблемы.

Литература

1. В Барнауле определили победителя на соискание грантов по поддержке приютов // Официальный сайт города Барнаула. URL: https://barnaul.org/news/v-barnaule-opredelili-pobeditelya-na-soiskanie-grantov-po-podderzhke-priyutov-.html (дата обращения: 10.03.2026).

2. Всероссийская перепись бездомных животных 2025. URL: https://petcarecenter.ru/articles/vserossiiskaia-perepis-bezdomnyx-zivotnyx-2025 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Интервью с Председателем комитета по аграрной политике, природопользованию и экологии Серовым С.Н. // Официальный сайт Алтайского краевого Законодательного Собрания. URL: https://akzs.ru/conf/2697 (дата обращения: 10.03.2026).

4. О регулировании отдельных отношений в области обращения с животными на территории Алтайского края [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 04.09.2024 № 62-ЗС. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об административной ответственности за совершение правонарушений на территории Алтайского края [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 10.07.2002 № 46-ЗС. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ре-

сурс]: федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Рубцовск вновь ищет подрядчика для отлова бездомных собак. URL: https://vestialtai.ru/news/rubtsovsk-vnov-ishchet-podryadchika-dlya-otlova-bezdomnykh-sobak (дата обращения: 10.03.2026).

***А.С. Белоусова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАЕМЩИКОВ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В условиях экономической нестабильности вопросы защиты прав заемщиков приобретают особую актуальность. Рост инфляции, снижение доходов населения, колебания валютного курса, изменения ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации и социально-экономические потрясения (включая СВО) напрямую влияют на платежеспособность граждан. Все эти обстоятельства приводят к увеличению просроченной задолженности и необходимости поиска эффективных правовых механизмов, позволяющих сохранить баланс интересов сторон кредитного обязательства.

Одним из ключевых механизмов, позволяющих заемщику адаптировать свои обязательства к изменившимся экономическим условиям, является реструктуризация долга. Реструктуризация долга представляет собой правовой механизм, направленный на изменение условий кредитного договора (срока, размера платежей) в целях адаптации обязательств к изменившемуся финансовому положению заемщика. Ключевым инструментом принудительной реструктуризации являются кредитные каникулы (ст. 6–7 федерального закона «О потребительском кредите») [2]. При наличии оснований (снижение дохода более чем на 30 %, потеря работы, мобилизация) банк обязан предоставить отсрочку платежей на срок до 6 месяцев.

Анализ практики 2024–2025 гг. выявляет системные дефекты механизма. Во-первых, банки активно используют формальные отказы: требуют документы по строго определенной форме, ссылаются на несоответствие суммы кредита установленному лимиту (300–450 тыс. руб.), оспаривают период снижения дохода. Во-вторых, отсутствует оперативный внесудебный порядок принуждения. В отличие от ипотечных каникул, где споры можно решить через финансового уполномоченного (омбудсмена), в случае с обычными потребительскими кредитами заемщик вынужден идти в суд. Судебная практика подтверждает, что

банки часто отказывают незаконно, но сам судебный процесс длится от двух до шести месяцев. За это время смысл каникул – быстро помочь заемщику – теряется. В-третьих, если кредит обеспечен залогом (например, автокредит), возникает проблема: банки требуют отдельно переоформлять договор залога, когда меняются условия кредита. Это противоречит правилу, по которому залог автоматически следует за основным долгом (т. е. если меняется кредит, то и залог должен меняться без лишних процедур). Р.С. Бевзенко [5]). Л.Ф. Нетишинская [1] и Н.В. Фирсова с соавторами [4] отмечают, что отсутствие синхронизации между реструктуризацией основного долга и сохранением залога создает дополнительные барьеры. В-четвертых, в период рассмотрения заявления банки начисляют неустойку, которую заемщику приходится оспаривать в суде.

Соответственно вывод такой, что механизм кредитных каникул формально является эффективным инструментом защиты, однако на практике его эффективность снижается из-за формальных отказов, отсутствия досудебного принуждения и несогласованности с залоговым законодательством.

Далее в период экономической нестабильности процедуры банкротства граждан перестают быть исключительно судебным инструментом. Федеральным законом от 31.07.2020 № 289-ФЗ [3] в законодательство о банкротстве была введена упрощенная процедура – внесудебное банкротство, позволяющая гражданину освободиться от долгов без обращения в арбитражный суд через многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Условия применения данной процедуры (размер долга от 25 000 до 1 000 000 руб., наличие оконченного исполнительного производства) делают ее востребованной именно для граждан с невысоким уровнем дохода, которые наиболее уязвимы в условиях нестабильности.

Для заемщика у внесудебного банкротства есть несколько плюсов: не нужно платить судебные издержки, процедура занимает меньше времени, а единственное жилье не могут забрать в счет долгов. Благодаря принципу акцессорности, о котором пишет Р.С. Бевзенко [5], освобождение от основного долга автоматически прекращает и все обеспечивающие его обязательства, например поручительство или залог.

Однако на практике выявляются и проблемы: условия для внесудебного банкротства слишком жесткие (сумма долга ограничена), а также требуется, чтобы судебные приставы уже закончили исполнительное производство из-за отсутствия у должника имущества. Это требование не всегда отражает реальную неплатежеспособность человека. В условиях экономической нестабильности назрела необходимость расширить критерии для внесудебного банкротства, включив в него, например, безработных или тех, у кого есть ипотечный долг [4].

Отдельной проблемой является уступка прав требования (цессия) коллекторским агентствам, которые часто нарушают правила взыскания. Закон о потребительском кредите (ст. 12, 17) [2] устанавливает ограничения: уступка долга возможна, только если это прямо прописано в договоре, и запрещает передавать долг тем, у кого нет банковской лицензии (если только закон не разрешает иное). В условиях нестабильности коллекторы активизируются, поэтому заем-

щикам нужно быть внимательнее. Что касается залога (например, ипотеки), то переход прав на залог к новому кредитору должен пройти государственную регистрацию. Если этого не сделали, заемщик вправе оспорить действия нового взыскателя, указав, что у того нет права залога [1].

Проведенный анализ показывает, что российское законодательство предлагает достаточно много способов защиты заемщиков в условиях экономической нестабильности: реструктуризация долга и кредитные каникулы, внесудебное банкротство, возможность оспорить навязанные услуги, снижение непомерных штрафов и контроль за передачей долга коллекторам. Все эти инструменты помогают соблюсти баланс интересов сторон и не дать банкам злоупотреблять своим положением. Однако на практике возникают проблемы: непонятно, как заставить банк согласиться на реструктуризацию, условия внесудебного банкротства слишком жесткие, а доказать, что услугу навязали, бывает сложно. Чтобы заемщики чувствовали себя более защищенными в непростые времена, нужно доработать законы в этих направлениях и добиться единообразной судебной практики.

Литература

1. Нетишинская Л.Ф. К вопросу о правовом регулировании залога недвижимого имущества // Гражданское право. 2019. № 3. С. 29–31.

2. О потребительском кредите (займе): федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. 3 авг. № 31 (часть I). Ст. 5048.

4. Фирсова Н.В., Баширина Е.Н., Никерина Т.А. Особенности договора ипотеки по современному российскому законодательству // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 164–166.

5. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств. М.: Статут, 2013. 96 с.

Е.М. Березиков, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ИСПОЛНЕНИЕ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ СУПРУГОВ В РОССИИ

Актуальность темы исследования обусловлена глубинными изменениями в российском правовом поле, связанными с конституционализацией защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 закрепил понятие традиционных ценностей как основы общероссийской идентичности, среди которых особое место занимает «крепкая семья». Однако право и обычай находятся в сложном диалектическом взаимодействии: если закон формально закрепляет равенство супругов, то национальные традиции нередко регулируют фактическое распределение ролей в семье, влияя на реализацию личных и имущественных прав.

Целью данной работы является анализ воздействия национальных и религиозных традиций народов России на осуществление супругами своих прав и обязанностей. В рамках исследования предполагается рассмотреть историческую ретроспективу вопроса, проанализировать современное законодательство в контексте традиционных ценностей, а также выявить коллизии между правовыми нормами и обычным правом (адатом).

Влияние национальных традиций на брачно-семейные отношения имеет глубокие исторические корни. В советский период государство вело активную борьбу с так называемыми пережитками родового быта. Как отмечает Е.А. Юдина, на территории Казахстана, Азербайджана и Киргизии были широко распространены обычаи калыма, многоженства и принуждения к вступлению в брак, которые вступали в противоречие с провозглашенными принципами добровольности и равноправия. Вплоть до середины XX в. Уголовный кодекс РСФСР содержал главы о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев (например, уплата калыма или похищение невесты), что свидетельствовало о высокой степени конфликта между позитивным правом и традиционным укладом.

В современной России произошла декриминализация большинства подобных деяний. Сегодня уплата калыма или соблюдение обычая «похищения невесты» (при отсутствии насилия) рассматриваются как юридически нейтральные действия – дань традиции. Однако это не означает исчезновения влияния традиций. Напротив, они перешли из уголовно-правовой плоскости в плоскость семейно-правовую и морально-нравственную, где их влияние на внутренний уклад семьи остается определяющим.

Современное российское законодательство, закрепленное в Семейном кодексе Российской Федерации (ст. 31, 32), исходит из принципа равенства супругов в решении вопросов жизни семьи. В.В. Долинская утверждает, что норма, закрепленная ст. 1 СК РФ о построении семьи на чувствах взаимной любви и уважении находится в силовом поле конституционных поправок, которые ориентируют общество на традиционные ценности. Это создает парадокс: закон гарантирует эмансипацию, а традиции предписывают женщине роль хранительницы очага, а мужчине роль добытчика.

Особенно традиции проявляются в республиках Северного Кавказа и других горных регионах нашей страны, в которых ислам и местные адаты оказывают сильное влияние. В этих регионах институты никяха (религиозного брака) или кебина (брачного дара) существуют с официальной регистрацией. С точки зрения права данные ритуалы не порождают юридически значимых последствий, но с точки зрения общественного мнения и внутрисемейной иерархии имеют решающее значение. Например, обязанность мужа предоставить жене отдельное жилье или имущество, которое называется «махр», фактически исполняется, хотя в законе это прямо не прописано и не закреплено, что свидетельствует о приоритете религиозно-традиционных норм над позитивным правом в данном обществе.

Проблема «двойного стандарта» в семейных отношениях становится наиболее острой в вопросах расторжения брака и защиты прав женщин. Традиционный обычай «талак» (развод по инициативе мужа) в некоторых культурах до сих пор воспринимается как легитимный способ прекращения отношений, что противоречит установленной законом процедуре судебного или административного расторжения брака.

Исследователи отмечают, что наличие правовой нормы само по себе не гарантирует ее исполнения, если она противоречит устоявшемуся мировоззрению. А.М. Рабец в своем исследовании подчеркивает, что система неправовых социальных регуляторов (обычаи, традиции, религиозные догмы) часто оказывается сильнее правовых предписаний в регулировании повседневных отношений супругов. В связи с этим государство стремится не к искоренению традиций (как в советский период), а к их гармонизации с законодательством. Примером является позиция Министерства юстиции Российской Федерации, которое в рамках Года семьи 2024 призвало искать способы защиты семьи, опираясь именно на уникальные традиции народов России.

Влияние национальных традиций на исполнение прав и обязанностей супругов в России носит амбивалентный характер. С одной стороны, традиционные ценности (взаимопомощь, уважение к старшим, ответственность) служат фундаментом крепкой семьи и поддерживаются государством. С другой стороны, некоторые архаичные обычаи могут вступать в противоречие с конституционным принципом равенства и добровольности брачного союза.

Развитие семейного права в современной России идет по пути интеграции традиционных духовно-нравственных ориентиров в правовую ткань без прямого заимствования конкретных обычаев. Эффективность правоприменения в данной сфере зависит от способности законодателя учитывать региональную

и этнокультурную специфику, сохраняя при этом верховенство закона и гарантии прав каждого члена семьи. Дальнейшие научные исследования в этой области должны быть направлены на поиск баланса между универсальными правами человека и культурным многообразием российской семьи.

Литература

1. Долинская В.В. О семейно-правовом значении фактов личного характера в супружеских правоотношениях // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 16–18 .
2. Летова Н.А. Категория «традиционные семейные ценности»: проблемы определения и защиты // Семейное и жилищное право. 2025. № 1. С. 10–12.
3. Конференция на тему укрепления семейных ценностей состоялась в Минюсте // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). 30 мая 2024. URL: https://rapsinews.ru (дата обращения: 11.03.2026).
4. Рабец А.М. Традиционные семейные ценности, семейные обычаи и традиции в системе источников семейного права Российской Федерации // Цивилист. 2024. № 4. URL: https://civilistmag.ru/magazines/4_2024?utm_campaign=CI4Rabets&utm_medium=news&utm_source=siteCl&utm_content=&utm_term=4102024 (дата обращения: 14.03.2026).
5. Фиошин А.В. О защите традиционных духовно-нравственных ценностей России в контексте медицинского и семейного законодательства // Нотариус. 2025. № 3. С. 32–37.
6. Юдина Е.А. Девиации в семейно-правовой сфере, составляющие «пережитки родового быта» // Вестник молодых ученых Самарского университета. 2024. № 2 (25). С. 294–299.

***Д.А. Булыжкин**, курсант 4 курса*
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Н.А. Малышева**, канд. юрид. наук*
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Развитие цифровых технологий привело к широкому распространению средств удаленной идентификации личности. Банковские сервисы, государственные цифровые платформы и иные информационные системы все чаще используют физиологические характеристики человека в качестве инструмента подтверждения личности. В этих условиях биометрические данные приобретают особое значение для функционирования цифровой экономики и государственного управления. Одновременно усиливается научная дискуссия относи-

тельно их правовой природы. Законодательство содержит детальные правила обработки таких сведений, однако вопрос об их гражданско-правовой квалификации остается открытым. Отсутствие единого подхода затрудняет определение границ допустимого использования биометрии и механизмов ее правовой защиты.

Российское законодательство рассматривает биометрические сведения в рамках института персональных данных. Согласно ст. 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» биометрическими персональными данными признаются сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность [7]. Речь идет о характеристиках, которые обладают индивидуальной устойчивостью и позволяют идентифицировать конкретного человека.

Особенность биометрических данных состоит в их непосредственной связи с физической природой человека. Если большинство информационных ресурсов создается и изменяется в результате деятельности субъектов, то биометрия обусловлена физиологическими характеристиками личности. Она не возникает вне человека и не может быть произвольно изменена без воздействия на самого носителя этих признаков.

В последние годы регулирование данной сферы существенно расширилось. Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» закрепил правовые основы функционирования государственной информационной системы «Единая биометрическая система» [8]. Закон определяет порядок сбора, хранения и использования биометрических сведений, а также устанавливает требования к операторам таких данных. Несмотря на подробную регламентацию процедур обработки биометрии, законодатель по-прежнему не дает ответа на вопрос о ее гражданско-правовой природе.

Эта неопределенность находит отражение и в научной литературе. А.И. Савельев, анализируя правовое регулирование персональных данных в условиях цифровой экономики, отмечает, что информация, связанная с личностью человека, приобретает все большую экономическую ценность, однако ее правовой режим не может определяться исключительно интересами информационного рынка [5, с. 47]. Приоритет, по мнению исследователя, должен сохраняться за защитой частной жизни.

Проблематика персональных данных как элемента личной сферы человека рассматривается также в работах Е.В. Гринь. Исследователь подчеркивает, что сведения, позволяющие идентифицировать гражданина, неизбежно затрагивают его право на неприкосновенность частной жизни, что требует установления специальных механизмов правовой защиты [2, с. 63].

Иной подход предлагается М.А. Киндзерским, который анализирует цифровые объекты гражданского права как особую категорию нематериальных благ информационной эпохи. По его мнению, развитие цифровой среды приводит к формированию новых объектов гражданского оборота, существующих

преимущественно в информационной форме [3, с. 118]. Биометрические данные в этом контексте могут рассматриваться как элемент цифровой инфраструктуры идентификации личности.

А.В. Быков и Г.Н. Комкова обращают внимание на сложную правовую природу персональных данных, которые одновременно выступают средством идентификации личности и объектом правовой охраны [1, с. 72; 4, с. 54]. Такое сочетание функций усложняет определение их места в системе объектов гражданских прав.

В классической цивилистической доктрине иной акцент делает Е.А. Суханов. Рассматривая систему объектов гражданских прав, он подчеркивает значение категории нематериальных благ, закрепленной в ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации [6, с. 405]. К таким благам относятся жизнь и здоровье, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и иные ценности, неразрывно связанные с личностью гражданина.

Отсутствие единой доктринальной позиции порождает неопределенность и в правоприменении. Биометрические данные активно используются в хозяйственной деятельности. Банковские организации применяют их для удаленной идентификации клиентов, цифровые платформы – для доступа к различным сервисам. Однако сама природа биометрии вызывает сомнения в возможности ее полноценного включения в гражданский оборот.

Судебная практика также демонстрирует стремление рассматривать сведения, позволяющие идентифицировать человека, как элемент его личной сферы. В определении Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2017 №78-КГ17-9 указано, что распространение персональных данных без согласия субъекта может рассматриваться как нарушение его личных неимущественных прав [9]. Аналогичный подход выражен в определении Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2019 № 18-КГ18-238, где подчеркивается необходимость обеспечения защиты информации, позволяющей установить личность гражданина [9].

Совокупность указанных обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что биометрические сведения по своей природе тесно связаны с личностью человека. Их уникальность, неизменность и физиологическая обусловленность отличают их от иных видов информации.

С учетом этих признаков биометрические данные могут рассматриваться как разновидность нематериальных благ. Такая квалификация позволяет объяснить особенности их правового режима. Биометрические сведения не могут быть отчуждены от личности, поскольку отражают ее природные характеристики. Их использование возможно только при наличии согласия гражданина, а нарушение режима обращения таких данных должно рассматриваться как посягательство на личные права человека.

Литература

1. Быков А.В. Персональные данные в системе объектов гражданских прав // Гражданское право. 2018. № 3.

2. Гринь Е.В. Персональные данные как объект гражданских прав // Закон. 2019. № 8.
3. Киндзерский М.А. Цифровые объекты как категория гражданского права // Закон. 2021. № 7.
4. Комкова Г.Н. Правовое регулирование персональных данных в Российской Федерации. М., 2019.
5. Савельев А.И. Правовое регулирование персональных данных в России и за рубежом. М., 2016.
6. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 2 т. М., 2020. Т. 1.
7. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31.
8. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных: федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1.

***Д.С. Бялик**, курсант 2 курса*
Академия ФСИН России

Научный руководитель:
***В.А. Илюхина**, доктор юрид. наук, доцент*
Академия ФСИН России

ПРОБЛЕМАТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ В РАМКАХ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и их проникновение в различные сферы жизни, традиционно считавшиеся прерогативой человека – литературу, музыку, науку – поставило перед правовой системой новые задачи. Сейчас все больше интеллектуальная деятельность, формально считающаяся авторским творением одного гражданина, включает в себя намного больше соавторов, причем каждый из них скорее всего не является физическим лицом, а представляет из себя генеративную модель, которая может без каких-либо трудностей написать научную работу, стихотворение, музыкальное произведение и много другое, при этом сохранить стилистическую окраску, правила орфографии и все остальные требования, необходимые для успешной публикации авторского творения.

Несмотря на то что искусственный интеллект достаточно популярная и обсуждаемая область практически любой науки, для более точного анализа, стоит обратиться к понятию искусственного интеллекта, предполагаемому учеными. Искусственный интеллект, как утверждает Е.В. Соломонов, это система,

обладающая способностью к обучению, осуществляющая самостоятельный поиск, анализ и обобщение информации, имеющая признаки разумного поведения – возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения, достигая и превышая при этом результаты интеллектуальной деятельности человека вне зависимости от сферы применения [2, с. 57–65]. Анализируя данное определение, можно отметить, что в настоящее время технологии, хоть и не в реальной профессиональной деятельности, а только в части, затрагивающей теоретическую основу или поверхностное исполнение некоторых обязанностей, могут служить не просто помощником, а прямо быть исполнителем той или иной работы. Для наглядности стоит привести примеры: музыкант самостоятельно исполняет музыкальное произведение на сцене, только сама песня и музыка созданы не им, а искусственным интеллектом, аналогично, студент в университете участвует в научной конференции самостоятельно, только информация, которую преподносит, сгенерирована искусственным интеллектом.

Суть проблемы ясна, но стоит ли сфера применения технологий в интеллектуальной деятельности такого внимания и обсуждения, если учитывать тот факт, что ст. 1228 ГК РФ нам четко дает понять, что автором результата интеллектуальной деятельности признается только гражданин, т. е. физическое лицо, проживающее на территории Российской Федерации и имеющее устойчивую правовую связь с государством [2]. Искусственный интеллект – не является ни физическим лицом, ни гражданином, а следовательно, и автором. Тогда можно было бы закрыть данный вопрос, но чрезмерные последствия различного характера, возникающие при такой практике, показывают необходимость не только обсуждения, но и законодательного регулирования. Примером таких последствий является вопрос авторства и достоверности информации. Искусственный интеллект проходит обучение на основе уже существующих авторских работ, а следовательно, при ответе на поставленный вопрос использует их. Отсюда и появляется первая правовая коллизия – нарушение авторского права при использовании искусственного интеллекта. Вопрос достоверности информации также остается открытым. Генеративные модели различного типа могут не просто написать неправильно, но и полностью сгенерировать несуществующую информацию, а порой даже нарушающую законодательство нашей страны, которую автор, не проверив, выдаст за свою. Здесь рождается вторая коллизия в законодательстве – кто за такое применение ИИ-технологий понесет ответственность? С одной стороны, все понятно – автор, а с другой – почему такая информация доступна для общества? оперировать ею может кто угодно, независимо от целей. Такого рода проблем, на самом деле, достаточно много. Избежать использования ИИ-технологий уже невозможно, поэтому стоит подходить к этому вопросу более открыто, придавая результатам работ искусственного интеллекта правовую окраску.

Стоит вернуться к тому утверждению, что искусственный интеллект – своего рода соавтор. Современное состояние законодательства, как в России, так и в зарубежных странах, не предусматривает возможность признания искусственного интеллекта официальным автором результатов интеллектуальной

деятельности. Такие результаты трудно отличить от человеческих трудов, что поднимает вопрос: насколько справедливо игнорировать роль искусственного интеллекта в процессе создания произведений? Возможно, это звучит неправильно в современных реалиях, ведь для любого научного деятеля, который использовал нейросети в роли помощника в написании научной работы, будет стыдным признаться о том, что работа в какой-то части не его. Но многие современные ученые, юристы, практиканты, заинтересованные в науке люди, рассматривают, что будет, если данную точку зрения, да и в целом такую практику повернуть вспять. В своих работах авторы могут упоминать о том, что работа написана совместно с искусственным интеллектом и потенциально не несет в себе конкретного, так называемого списывания. Благодаря такой практике как авторы, так и читатели могут расширить свой кругозор в определенной области знаний, сравнить мнение человека и «робота», выявить противоречия и разногласия, развить точки зрения и рассмотреть объект исследования с разных сторон, возможно даже с тех, о которых человек мог не задумываться. Если раскрыть такую практику в полном, открытом и закрепленном законодательством режиме, можно сказать, что использование нейросетей перестанет нам казаться чем-то неправильным, а наоборот создаст почву для плюрализма мнений и их дальнейшего развития науки.

Но важно отметить, что такая практика должна внедряться постепенно и начинать нужно с того, что, во-первых, обучение искусственного интеллекта должно основываться только на достоверных и проверенных источниках, не входящих в перечень экстремистских материалов, во-вторых, искусственный интеллект при генерации каких-либо текстов должен указывать источники используемой информации, и, в-третьих, искусственный интеллект должен основываться на качественной и добросовестной основе, не используя нецензурную брань или смысловые выражения используемые в качестве пропаганды экстремистских и террористических организаций. Работа программистов, ученых и иных людей, причастных к созданию и обучению нейросетей должна быть более качественной, но в силу настолько быстрого развития интереса людей к нейросетям и получения интеллектуальных навыков в этой сфере, такой процесс не создал бы серьезных проблем.

В заключение хочется сказать, что научная, творческая, духовная и другие сферы нашей жизни развиваются настолько стремительно, насколько позволяет еще более стремительно развивающийся разум человека. Все, что создается человеческим интеллектом, должно использоваться в открытой форме, постоянном обсуждении и изменении. Только тогда мы можем говорить о прозрачности и верном и стремительном развитии новшеств, созданных человеком.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации.

2. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-iskusstvennogo-intellekta-1 (дата обращения: 23.02.2026).

***Д.С. Васильева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Кабанова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ВОДНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Вода – это источник жизни, который каждый день засоряется, загрязняется и нерационально используется при осуществлении хозяйственной деятельности. Эти действия приводят к пересыханию рек, непригодности воды для хозяйственного использования и питья, уменьшению количества пресной воды, нарушению экологической обстановки в целом, к смене климата и другим природным изменениям.

На данный момент в мире уже отмечается нехватка пресной воды, уменьшение количества водных биологических ресурсов, загрязнение вод бытовыми отходами и продуктами нефтепереработки, т. е. налицо проблема сохранения водных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности населения и будущих поколений. Все это актуально не только для мирового сообщества в целом, но и для Российской Федерации в частности. Проблема сохранения и очищения водных ресурсов в России имеет комплексный характер и находится на стыке различных отраслей права, а также правоприменительной практики. Остановимся на правовом регулировании вопросов осуществления муниципального водного контроля органами местного самоуправления.

Анализ норм Водного кодекса Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (далее – ВК РФ) показывает, что фактически органы местного самоуправления отстранены от участия в охране водных объектов, находящихся в федеральной собственности, но расположенных на территории муниципальных образований. В соответствии со ст. 27 ВК РФ органы местного самоуправления имеют полномочия по владению, пользованию, распоряжению водными объектами, находящимися в муниципальной собственности. Отметим, что к муниципальным водным объектам относятся пруды и обводненные карьеры.

Осуществление мер по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий также является полномочием органов местного самоуправления, т. е. они должны принимать меры по расчистке водных объектов, недопущению их зарастания и заиливания, осуществлять дноуглубление, а также укрепление берегов. Отметим, что осуществление мер по охране вод-

ных объектов, находящихся в собственности муниципальных образований, должно осуществляться в соответствии с нормами действующего законодательства, т. е. к полномочиям органов местного самоуправления по охране водных объектов можно отнести осуществление мероприятий по определению местоположения береговых линий (границ водных объектов), установлению границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос.

На основании ст. 26 ВК РФ федеральные органы могут передавать ряд своих полномочий в указанной сфере органам государственной власти субъектов Российской Федерации, однако муниципальные образования отстранены от таких полномочий, что приводит к проблеме невыполнения органами местного самоуправления своих функций. Из-за этого происходит разрыв в системе управления, т. к. органы местного самоуправления имеют право на землепользование и застройку водосборов, которые напрямую влияют на состояние водных объектов, но не имеют законодательно закрепленных полномочий по их охране.

ВК РФ разграничивает полномочия городских и сельских поселений в отношении водных объектов. Так, сельские поселения не могут осуществлять ни какие полномочия, кроме полномочий собственности, за исключением случаев, когда законом субъекта Российской Федерации за сельским поселением закреплено соответствующее полномочие. Органы местного самоуправления городских поселений имеют полномочия по обеспечению свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования и их береговым полосам, расположенным на территории городского поселения, и информированию населения об ограничениях водопользования на водных объектах общего пользования, расположенных на территории городского поселения.

В свою очередь, к полномочиям органов местного самоуправления муниципального район, городского и муниципального округа относятся, установление правил использования водных объектов общего пользования, расположенных на их территории, для личных и бытовых нужд и для рекреационных целей.

Продемонстрированная правовая неопределенность полномочий органов местного самоуправления в сфере эксплуатации водных объектов общего пользования требует пересмотра и более детального урегулирования. Также в законодательстве не определен четкий перечень форм взаимодействия между Росприроднадзором и органами местного самоуправления, как и не определены полномочия указанных органов по осуществлению муниципального водного контроля. В научной литературе высказываются идеи о необходимости наделения органов местного самоуправления полномочиями по охране водных ресурсов находящихся на их территории, а также установления четкого перечня форм взаимодействия между ними и другими органами.

Отметим, что проблема разграничения полномочий не является единственной. Так, на данный момент органы местного самоуправления либо вовсе не осуществляют муниципальный водный контроль, либо выполняют его не качественно. Уклонение органов местного самоуправления от выполнения своих функций, приводит к нарушению прав граждан и загрязнению водных объектов как муниципальных, так и федеральных.

В Московской области были выявлены факты нарушения водного законодательства органами местного самоуправления. Из-за отсутствия плановой очистки Красного пруда и выброса нечистот в водоем, пруд зарос илом и растительностью, что привело к его последующей ликвидации и расположению на его территории складов. В Липецкой области, центральный пруд Воловского района по вине органов местного самоуправления, спустивших воду через плотину, превратился в заросшее тиной болото. Таких случаев по России достаточно много, что говорит о необходимости решения данных проблем на уровне законодательства.

Последствиями данных действий являются сокращение количества водных объектов с пресной водой, гибель растений, водных биологических ресурсов и животных, проживающих в акваториях прудов. Помимо этого, наносится ущерб экосистеме, сокращается количество водных объектов служащих личным бытовым нуждам и рекреационным целям.

Таким образом, осуществление муниципального водного контроля в современной России сталкивается с комплексом системных проблем, для решения которых необходима проработка системы делегирования и разграничения полномочий в сфере муниципального водного контроля, нормативное регулирование и изменение на законодательном уровне полномочий и границ водных объектов.

Литература

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Воловский пруд превратился в болото из-за экологической катастрофы. URL: https://lipetsknews.ru/news/43304 (дата обращения: 10.03.2026).

3. История Красносельских водоемов // Красносельские воды. URL: https://mr.moscow/krasnoselskie-vody/ (дата обращения: 10.03.2026).

***К.С. Гринченко**, студент 4 курса*
Алтайский государственный университет

Научный руководитель:
***Л.Г. Коновалова**, канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский государственный университет

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Современная система государственного регулирования предпринимательской деятельности основана на сочетании свободы экономической инициативы и механизма правового воздействия. Федеральный закон от 31.07.2020

№ 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [3] стал первой масштабной попыткой систематизации огромного массива предписаний, предъявляемых к бизнесу. Закон закрепил исчерпывающий перечень актов, которые могут устанавливать такие требования (ст. 2), и ввел принцип «регуляторной гильотины», отменив тысячи устаревших актов.

Однако, как верно отмечает профессор Ю.А. Тихомиров, любая масштабная реформа требует не только формальных изменений, но и трансформации правоприменительной практики и правосознания тех, кто ее реализует, в т. ч. чиновников [6, с. 45]. Анализ первых лет действия Закона № 247-ФЗ показывает, что систематизация остается поверхностной, а многие его инструменты носят декларативный характер.

Во-первых, наряду с актами, включенными в реестр в соответствии с № 247-ФЗ, продолжают действовать обязательные предписания, содержащиеся в иных документах. Помимо него, законодательство апеллирует понятиями «нормативные документы, федеральные нормы и правила в области охраны окружающей среды», «федеральные нормы и правилами в области промышленной безопасности», «постановления, распоряжения, указания, методические, инструктивные и другие документы по вопросам организации федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» и др., что приводит к терминологической путанице и порождает коллизионность в правовом регулировании. Ярким примером являются постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации, которые, не будучи федеральными законами или постановлениями Правительства, устанавливают обязательные для бизнеса санитарно-эпидемиологические требования. Например, Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 27.10.2020 № 32 [4] содержит детальные обязательные правила работы предприятий общественного питания. И хотя сама идея создания реестра прогрессивна, его практическая реализация оставляет желать лучшего. Реестр зачастую запутан, не обладает удобным интерфейсом и не всегда дает пользователю четкий и однозначный ответ на его запрос. В этом контексте гораздо более эффективными инструментами правовой определенности для бизнеса оказываются чек-листы (перечни контрольных вопросов), используемые контролирующими органами при проведении проверок в соответствии с п. 11.1 ст. 9 федерального закона № 294-ФЗ [1]. Их преимущество – в конкретике и однозначности трактовки.

Во-вторых, сама конструкция «регуляторной гильотины» подвергается обоснованной критике. Формальная отмена около 12 000 актов зачастую свелась к их консолидации и переизданию в виде новых, меньших по объему, но содержащих, по сути, те же обязанности. Для предпринимателя же фактически мало что изменилось. В научной литературе этот процесс характеризуется как «профанация реформы». По сути, произошла не столько «гильотина», сколько «переупаковка» нормативного массива, при которой старые нормы были перенесены в новые акты без их содержательного пересмотра».

В-третьих, периодичность введения новых требований (два раза в год – с 1 марта и с 1 сентября), установленная п. 1 ст. 3, также вызывает вопросы. С точки зрения бизнеса, подобный график выглядит искусственным, порождая известный принцип «от сессии до сессии». Ключевой вопрос не в том, когда вводятся новые обременительные нормы, а в их содержании и обоснованности. Шестимесячный переходный период, безусловно, полезен для адаптации, но не отменяет необходимости оценки самой целесообразности нововведения.

В-четвертых, закон № 247-ФЗ в ст. 4 провозглашает принципы законности, обоснованности обязательных требований, правовой определенности и системности, открытости и предсказуемости, а также исполнимости обязательных требований, однако они носят несколько декларативный характер. Их декларативный характер проявляется в том, что в судебном порядке, в рамках КАС РФ, оспорить нормативный акт можно лишь на предмет его законности, но не обоснованности и правовой определенности. Суд не проверяет, насколько выбранная мера регулирования эффективна для достижения заявленной цели, оставляя за органами власти широкую дискрецию. В отечественной правовой доктрине лишь начинаются дискуссии о возможности заимствования зарубежного опыта, где судебный контроль может распространяться и на оценку эффективности и соразмерности регулирующих мер. Например, в США суды при осуществлении надзора за действиями агентств применяют принцип «произвольного и капризного» действия (arbitrary and capricious standard), что позволяет им в определенной мере проверять обоснованность и рациональность принятых решений.

В-пятых, процедура оценки регулирующего воздействия, регламентированная Постановлением Правительства Российской Федерации № 1318 [2], на практике зачастую проводится формально, без реального учета мнения бизнес-сообщества. В частности, в Решении Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2021 № АКПИ21-787 [5] было выявлено, что Банк России разместил для общественного обсуждения проект нормативного акта, не содержащий ключевого спорного положения – требования о целочисленном коэффициенте распределения акций. Данное положение, имеющее значительные экономические последствия для бизнеса, было включено в окончательную редакцию акта уже после завершения процедуры оценки, что позволило регулятору избежать полноценного обсуждения наиболее обременительного для предпринимателей требования.

Таким образом, хотя Закон № 247-ФЗ заложил важные основы для упорядочивания обязательных требований, его практическая реализация выявила ряд системных проблем. Для действительного снижения административной нагрузки необходима глубокая содержательная ревизия всего массива обязательных требований, придание принципам Закона № 247-ФЗ прямого действия, а также реформа оценки регулирующего воздействия и реестра, направленная на их ориентацию на реальные нужды предпринимателей.

Литература

1. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
2. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1318 // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2012. № 52. Ст. 7491.
3. Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.
4. Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил и норм СанПиН 2.3/2.4.3590-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания населения»: постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 27.10.2020 № 32 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 12.11.2020).
5. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2021 № АКПИ21-787 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монография. М.: Норма, 2021. 480 с.

А.Д. Громаковская*, курсант 3 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
А.А. Вичева
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Процесс перехода от традиционного бумажного документарного оформления к электронному хранению и обращению ценных бумаг стал одним из важных этапов развития российского законодательства. Это требует создания особого регулирования, которое позволит обеспечить юридическую силу электронных записей и осуществить ряд мероприятий, направленных на защиту

прав владельцев виртуальных активов. Законодатель активно внедряет новые инструменты регулирования, способствующие повышению прозрачности совершаемых сделок и снижению рисков вкладчиков денежных средств.

Среди основных тенденций и направлений совершенствования правового регулирования оборота ценных бумаг выделяют следующие ключевые моменты. Первым является – укрепление гарантий для инвесторов. Гарантия – это специальный вид защиты, который позволяет вкладчикам быть уверенным в сохранности их вложений, а также возможности получения прибыли. Зачастую мелкие инвесторы обладают меньшим количеством информации, чем профессиональные участники рынка, вследствие чего благодаря правовым гарантиям будет обеспечиваться баланс интересов сторон. Банк России опубликовал проект «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации» на 2026–2028 гг. [1]. В положениях этого документа указывается, что банк России сосредоточится на обеспечении надлежащего уровня прозрачности публичной информации и аргументированности корпоративных решений, влияющих на права и интересы инвесторов. Полнота и точность предоставляемой информации влияют на реализацию основных принципов гражданского права, таких как свобода договора, добросовестность и разумность сторон. Договорные отношения являются одним из главных аспектов гражданского права. Между инвестором и эмитентом заключается договор инвестирования. Инвесторы приобретают ценные бумаги на основании представленной эмитентом информации, включающей финансовые отчеты, прогнозы доходов и описания рисков. Согласно ст. 6 Федерального закона от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг», инвестор вправе потребовать у профессионального участника или эмитента предоставить достоверную информацию в связи с приобретением или отчуждением ценных бумаг [3]. Если такая информация оказывается недостоверной или недостаточно детализированной, инвестор может требовать расторжения договора и возмещения ущерба в судебном порядке согласно ст. 450 ГК РФ.

Также стоит отметить, что 1 июля 2025 г. Президентом Российской Федерации был утвержден Указ № 436 «О дополнительных гарантиях прав иностранных инвесторов» [2]. Основные положения документа касаются упрощения процедуры инвестирования в российскую экономику. Однако с юридической точки зрения остается ряд неразрешенных вопросов. К таковым относятся непонятность самого механизма вывода средств и возникновение правовых коллизий. Согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ закреплен принцип добросовестности и разумности участников гражданского оборота. Тем не менее механизм контроля продвижения денежных средств после их перевода на зарубежные счета остается неясным. Сложно определить, каким образом иностранные инвесторы могут распоряжаться денежными средствами, в связи с чем может возникнуть риск нарушения вышеуказанного принципа. Введение дополнительной статьи с указанием подробного механизма движения средств поможет избежать в будущем появления правовых споров.

Следующей тенденцией является упрощение процедур выпуска и обращения ценных бумаг. Упрощение междепозитарного оборота ценных бумаг

планируется Банком России к осени 2026 г. [4]. Это нововведение полностью соответствует нормам гражданского законодательства в рамках реализации его фундаментальных принципов, таких как свобода распоряжения имуществом, защита интересов инвесторов и возможность участия в оборота начинающих вкладчиков, желающих диверсифицировать свой портфель, тем самым снизить риск убытков и одновременно уменьшить возможность подпадания в категорию людей перед которыми компания обязательства по выплате денежных средств не выполнила, а также укреплению законности всего гражданского оборота. Простота и быстрота перевода обеспечивает сохранность активов, снижая риски потери прав собственности при длительных и сложных процедурах перевода. Стандартизация и автоматизация процессов снижают временные издержки и повышают качество обслуживания инвесторов, поддерживая цели справедливости и эффективности, заложенные в основу гражданского права.

Также весьма важной выступает тенденция по цифровизации рынков капитала. Ранее права на ценные бумаги подтверждались бумажными сертификатами, теперь же преобладают электронные методы учета через депозитарии и регистраторы, повышающие прозрачность и удобство управления активами. Электронные договоры, заключаемые дистанционно, требуют надежной идентификации сторон и подтверждения подлинности документов, это можно осуществить путем токенизации, процесса, позволяющего представлять материальные и финансовые активы в виде цифровых токенов, отражающих доли собственности.

Таким образом, российское гражданское право претерпевает существенные изменения, вызванные цифровизацией. Все большую популярность приобретают электронные договоры, электронные методы учета, упрощающие оборот и привлечение инвестиций. Указанное свидетельствует об адаптации гражданского законодательства к цифровой трансформации, создавая механизмы защиты всех участников исследуемых правовых отношений.

Литература

1. Банк России определил основные направления развития финансового рынка на 2026–2028 годы // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=26942 (дата обращения: 08.02.2026).

2. О дополнительных гарантиях прав иностранных инвесторов: Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2025 № 436. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг: федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. ЦБ к осени 2026 года упростит перевод ценных бумаг розничных инвесторов между депозитариями. URL: https://www.interfax.ru/russia/1037861 (дата обращения: 08.02.2026).

***В.О. Дехтеренко**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Кабанова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА В ПЕРИОДЫ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА БАРНАУЛА)

Атмосферный воздух является жизненно важным компонентом окружающей природной среды, определяющим состояние здоровья населения и экологическое равновесие. Особую остроту проблема его охраны приобретает на урбанизированных территориях с высокой промышленной нагрузкой. Существенным фактором, усугубляющим негативное воздействие на качество воздуха, выступают неблагоприятные метеорологические условия (далее – НМУ), способствующие накоплению загрязняющих веществ в приземном слое атмосферы.

Согласно ежегодному докладу Роспотребнадзора Российской Федерации по итогам 2024 г., Алтайский край вошел в число регионов-антилидеров по уровню заболеваемости населения, обусловленному загрязнением воздуха. Фиксируется превышение среднероссийских показателей, как по смертности, так и по количеству диагностированных заболеваний, связанных с качеством атмосферного воздуха [4, с. 492]. Таким образом, назрела необходимость анализа правового регулирования охраны атмосферного воздуха в периоды НМУ на примере города Барнаула и разработке предложений по совершенствованию существующего механизма.

Правовое регулирование в рассматриваемой сфере базируется на многоуровневой системе нормативных актов. Федеральный уровень представлен ключевыми законами: «Об охране окружающей среды» 10.01.2002 № 7-ФЗ и «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 № 96-ФЗ. На региональном уровне в Алтайском крае действует Закон № 3-ЗС «Об охране окружающей среды в Алтайском крае», а также ведомственные акты, такие как приказ Министерства природных ресурсов и экологии Алтайского края от 03.02.2021 № 138, утверждающий порядок проведения работ по регулированию выбросов в периоды НМУ. На муниципальном уровне ключевым документом является постановление администрации города Барнаула от 31.03.2023 № 443, которым утвержден Порядок организации работ по регулированию выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в периоды НМУ на территории городского округа Барнаула.

Важной вехой в развитии законодательства стало вступление в силу с 1 марта 2026 года изменений, обязывающих юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, эксплуатирующих объекты I, II и III категорий, раз-

рабатывать и утверждать планы мероприятий по снижению выбросов в периоды НМУ с последующим согласованием с уполномоченными органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. К объектам I категории относятся объекты, оказывающие значительное негативное воздействие на окружающую среду и относящиеся к областям применения наилучших доступных технологий (далее – НДТ), к II категории – оказывающие умеренное негативное воздействие, к III категории – оказывающие незначительное негативное воздействие.

Географические и климатические особенности Барнаула, такие как расположение, в долине реки Оби, способствующее застою воздушных масс, частые антициклоны, ветры и температурные инверсии, создают предпосылки для формирования продолжительных периодов НМУ. В сочетании с наличием предприятий теплоэнергетики, машиностроения и автотранспорта это формирует высокую антропогенную нагрузку.

По данным Алтайского ЦГМС, в 2024 г. в городе было зафиксировано 18 периодов НМУ продолжительностью от 2 до 5 дней. В эти периоды фиксировалось превышение предельно допустимых концентраций (ПДК) взвешенных частиц (PM2.5) в 1,5-2 раза [1].

С 2023 г. Барнаул является участником федерального проекта «Чистый воздух» национального проекта «Экология». Целевым показателем определено снижение объема выбросов загрязняющих веществ к 2030 г. в два раза относительно уровня 2020 г. Реализуемые в городе мероприятия включают несколько ключевых направлений: 1. Газификация частного сектора, так на период 2026–2030 гг. запланирован перевод 1495 частных домовладений с угольного и дровяного отопления на газовое с объемом федерального финансирования 430,3 млн рублей. Планируется, что до конца 2026 г. будет газифицировано порядка 100 домов, в 2027 г. – еще около 300; 2. Модернизация теплоэнергетики – на Барнаульских ТЭЦ проводятся ремонт и обслуживание золоулавливающих установок. Компанией АО «СГК-Алтай» в 2023 г. введены в эксплуатацию 5 новых котельных, работающих на газообразном топливе; 3. Развитие электротранспорта; 4. Развитие системы мониторинга, уже определено 7 участков для размещения стационарных пунктов наблюдения за качеством воздуха [3, с. 11].

Анализ динамики загрязнения демонстрирует определенные успехи. По данным Алтайгидромета, за пятилетний период (2020–2025 гг.) отмечено значительное снижение концентраций бензапирена и сажи. Однако в 2024 г. фиксировался рост содержания взвешенных веществ, диоксида азота и оксида углерода (сажи), что свидетельствует о нестабильности ситуации [2].

Анализ существующей системы позволяет выделить ряд проблем, снижающих эффективность охраны воздуха в периоды НМУ: отсутствие у администрации города достаточных полномочий для самостоятельного расчета базовых и целевых объемов выбросов создает сложности при формировании и актуализации комплексного плана мероприятий; недостаточная координация между Росприроднадзором, Роспотребнадзором и местными властями снижает оперативность и эффективность контрольно-надзорных мероприятий; высокая стоимость природоохранного оборудования и работ по модернизации (перевод

на газ, установка фильтров) является препятствием как для предприятий, так и для населения; жители частного сектора зачастую неохотно переходят на более экологичные виды топлива из-за высоких первоначальных затрат на переоборудование домовладений.

Для повышения эффективности охраны атмосферного воздуха в периоды НМУ представляется целесообразным реализовать комплекс мер:

1. Ускорение темпов газификации частного сектора (упрощение процедур подключения к газовым сетям, т. е. сокращение сроков оформления документов, создание «единого окна» для подачи заявок, проведение информационной кампании среди жителей частного сектора о преимуществах газификации и доступных мерах поддержки).

2. Привлечение дополнительных источников финансирования. Помимо федерального и регионального бюджетов, использование средств экологических платежей (плата за негативное воздействие на окружающую среду – обязательный публично-правовой платеж для бизнеса (юридических лиц и ИП) и иностранных лиц, деятельность которых оказывает вредное воздействие на окружающую среду, можно предложить инициативу о целевом использовании части этих средств на местные природоохранные мероприятия, например, на модернизацию систем очистки выбросов на предприятиях или на развитие) сети мониторинга воздуха), инвестиций бизнеса.

3. Экологическое просвещение: активизировать информационно-просветительскую работу через СМИ и образовательные учреждения для повышения экологической грамотности и ответственности граждан.

Создание зеленых зон в городской среде – действенный способ улучшить качество воздуха. Деревья и кустарники, адаптированные к условиям высокого уровня транспортных выбросов (липа, тополь, береза, лиственница, рябина, ель), выполняют функцию естественных фильтров, поглощая загрязняющие вещества. При планировании озеленения важно учитывать плотность населения: чем больше жителей в районе, тем обширнее должны быть зеленые насаждения.

Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха в периоды НМУ в г. Барнауле находится в стадии активного развития. Участие города в федеральном проекте «Чистый воздух» уже привело к позитивным сдвигам: модернизации теплоисточников, началу масштабной газификации и снижению концентраций ряда специфических загрязнителей.

Тем не менее существующие проблемы в разграничении полномочий, межведомственном взаимодействии и финансовом обеспечении требуют дальнейшего совершенствования правового механизма. Ключевыми направлениями для дальнейших исследований и практических действий являются: углубленная оценка эффективности реализованных природоохранных мер, моделирование влияния газификации на качество воздуха, изучение международного опыта, а также разработка и внедрение цифровых инструментов прогнозирования НМУ и принятия оперативных решений.

Литература

1. Алтайский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды // Метеорологический портал. URL: www.meteo22.ru (дата обращения: 10.03.2026).

2. Данные мониторинга загрязнения атмосферного воздуха в городах Алтайского края (2015–2023 гг.) // Архив Алтайгидромета. URL: www.meteo22.ru (дата обращения: 10.03.2026).

3. О состоянии и об охране окружающей среды в Алтайском крае в 2023 году: государственный доклад // Правительство Алтайского края, Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края. Барнаул, 2024. С. 11.

4. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2024 году: государственный доклад. М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2025. 424 с.

***А.Ф. Ермеева**, курсант 2 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.Р. Белявская
Уфимский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМА ВЕРИФИКАЦИИ ОБЪЯВЛЕНИЙ ОБ АРЕНДЕ НЕДВИЖИМОСТИ В ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЕ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Цифровизация рынка аренды породила качественно новые виды мошеннических посягательств. Цель работы – анализ признаков фиктивных объявлений и оценка правовых последствий неосмотрительности арендаторов. В статье представлена типология мошеннических схем, предложен алгоритм безопасной сделки и проанализированы способы защиты нарушенных прав.

Цифровизация рынка аренды недвижимости создала для граждан беспрецедентные удобства: поиск жилья стал возможен в режиме 24/7, а выбор объектов безграничен, но обратной стороной этого процесса стала эволюция мошеннических схем. Закрепленное в ГК РФ определение цифровых прав носит абстрактный характер, что создает правовой вакуум в сфере регулирования отношений, складывающихся по поводу аренды недвижимости с использованием электронных платформ [1, с. 8]. Постановлением Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 разъяснены отдельные вопросы практики применения правил ГК РФ о договоре аренды, но эти разъяснения касаются классических форм аренды [4, с. 3]. Рынок аренды характеризуется высокой адаптивностью зло-

умышленников к новым технологиям. Анализ судебной практики позволяет выделить несколько устойчивых типологий правонарушений. Во-первых, мошенники размещают эффективные объявления с качественными фотографиями и заниженной ценой. При обращении лиц «арендодатель» сообщает о большом количестве желающих и предлагает внести депозит для бронирования просмотра. После получения денег объявление удаляется и связь прекращается. Во-вторых, злоумышленники, получив доступ к электронным каналам связи сторон, в нужный момент подменяют платежные реквизиты, направляя контрагенту подложные инструкции для перевода задатка [3, с. 30]. В-третьих, мошенники создают deepfake-видео и сайты-клоны, в которых демонстрируют квартиру, которой не существует [3, с. 31].

Таким образом, основными маркерами фейкового объявления выступают: низкая цена, отсутствие точного адреса, «студийные» фотографии, требование перевода общения в сторонние мессенджеры, настойчивое требование предоплаты до личного осмотра и подписания договора [5, с. 3]. Наличие описанных рисков требует от арендатора реализации алгоритма действий:

Первый этап: необходимо воспользоваться сервисами обратного поиска изображений. Если они в десятках объявлений в разных городах, это свидетельство мошенничества [5, с. 3]. Еще следует обратить внимание на профиль продавца: дату регистрации, есть ли еще объявления, отзывы.

Второй этап: стандартом является получение актуальной выписки из ЕГРН. Нужно сверить, совпадает ли имя в реестре с именем в паспорте арендодателя. В выписке следует обратить внимание на: наличие обременений (залог, ипотека) – при ипотеке требуется согласие банка [4, с. 7], количество собственников – при долевой собственности требуется согласие всех совладельцев [1, с. 120], кадастровый номер и его соответствие фактическому адресу. Важное разъяснение есть в п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ № 73: договор аренды может заключить лицо, которое в момент передачи вещи в аренду было законным владельцем вновь созданного либо переданного ему недвижимого имущества и право собственности которого еще не было зарегистрировано в реестре [4, с. 5]. Это означает, что отсутствие зарегистрированного права собственности не делает договор аренды недействительным.

Третий этап: критически важное правило: никаких переводов до личного осмотра квартиры и подписания договора. Добросовестный собственник никогда не требует нестандартных способов оплаты [5, с. 4]. Переводы по СБП на карту лица опасны, т. к. отозвать их невозможно. Предпочтительны банковские переводы по реквизитам счета с указанием назначения платежа. Несоблюдение правил влечет негативные правовые последствия. С точки зрения материального права, основной риск – утрата денежных средств. Квалификация действий мошенников осуществляется по ст. 159 УК РФ [7, с. 82], либо при дополнительных обстоятельствах квалифицируется по ст. 327 УК РФ [7, с. 156].

Сложность для потерпевшего заключается в том, что даже при возбуждении дела реальное возмещение ущерба затруднительно. Мошенники используют дропов или выводят средства на криптобиржи [7, с. 32]. Поэтому параллельно с обращением в органы необходимо создать гражданско-правовые способы

защиты. Если личность мошенника установлена, возможно предъявление иска о взыскании неосновательного обогащения [1, с. 450] и процентов за пользование чужими денежными средствами [1, с. 210]. В случае заключения сделки под влиянием обмана, она признается недействительной на основании ст. 179 ГК РФ [1, с. 95]. В соответствии со ст. 71 ГПК РФ, письменными доказательствами признаются документы, выполненные в форме цифровой записи, в т. ч. через сеть Интернет [2, с. 45]. Арендатор должен сохранять: скриншоты переписки и объявления, подтверждения перевода денежных средств, данные для идентификации мошенника. Если взаимоотношения между пользователями происходят вне контура сервиса-агрегатора, гарантии безопасности сделки на платформу не распространяются. Следовательно, оплата по внешним ссылкам лишают потерпевшего права требовать компенсацию. В силу п. 15 Постановления Пленума ВАС РФ № 73, договор, где не индивидуализировано передаваемое в аренду имущество, не может быть признан незаключенным, если он фактически исполнялся сторонами [4, с. 8]. Но это не снимает с арендатора обязанности по тщательному описанию предмета аренды. Договор должен содержать точный адрес, поэтажный план, условия об арендной плате, порядке возврата обеспечительного платежа, показания счетчиков на момент вселения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проблема верификации объявлений об аренде в электронной среде приобрела комплексный характер. Мошеннические схемы характеризуются высоким технологическим уровнем. Судебная практика демонстрирует устойчивый рост количества уголовных дел по ст. 159 УК РФ, причем ущерб достигает миллионов рублей [6, с. 2]. Способом защиты выступает соблюдение алгоритма проверки: верификация контента, получение выписки из ЕГРН, личная встреча с собственником, безопасные расчеты и грамотное оформление договора. Статья 71 ГПК РФ признает электронные документы доказательствами, что создает основу для защиты нарушенных прав.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Нахова Е.А. Судебное обеспечение электронных доказательств в цивилистическом и административном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 12. С. 28–33.

4. Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 (ред. от 25.12.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовное дело о мошенничестве при аренде квартир в Новосибирске // РСН МО. 05.07.2025. № 45. С. 2–4.

6. Уголовное дело о мошенничестве при аренде недвижимости в Геленджике // Официальный сайт МВД России. 18.07.2025. С. 1–2.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.С. Камнева**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

ФИКТИВНЫЙ БРАК: ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В последние годы можно проследить тенденцию к возрастанию числа фиктивных браков. Так, по данным прокуратуры, с 2021 по 2023 г. было выявлено более 4 тыс. фиктивных браков. Это является не только нарушением законодательства Российской Федерации, но и серьезной проблемой, которая представляет реальную угрозу для государства. Это в значительной степени влияет на миграционную политику, также ущерб наносится экономической сфере. Первостепенной задачей каждого человека в наше время является сохранение культурных ценностей и традиций. Такие «союзы» подрывают институт семьи. Именно поэтому эта тема является актуальной и требует контроля со стороны государства. Но до сих пор отсутствует единая судебная практика при рассмотрении данных дел. Суды вынуждены рассматривать косвенные доказательства, а законодатель – постоянно совершенствовать закон, т. к. с каждым годом появляется все больше прецедентов.

Законодательство Российской Федерации дает нам легальное определение понятия «фиктивный брак». Так, в части 1 ст. 27 Семейного кодекса Российской Федерации [5] закреплено, что фиктивный брак – это брак без намерения создать семью. При этом законодатель не устанавливает цели, с которыми заключаются подобного рода браки. Это является пробелом в праве, который восполняется судебной практикой. Главной целью в таком случае можно считать получение прав и льгот имущественного или иного характера. Например, право на имущество супруга в случае его смерти, право на пенсию, пособия и т. п.

Главная проблема при доказывании недействительности фиктивного брака, которая стоит перед правоприменителем, – это проблема доказывания субъективного намерения сторон. Суждение «без намерения создать семью» субъективно и может толковаться по-разному, поэтому и отсутствует единая судеб-

ная практика по этому вопросу. Чаще всего суд рассматривает следующие критерии:

1. Совместное проживание супругов;
2. Наличие общего хозяйства;
3. Наличие совместно нажитого имущества;
4. Знает ли один из супругов сведения о местонахождении другого, его родственниках и тому подобное;
5. Наличие доказательств получения одной из сторон выгоды.

Но это лишь косвенные признаки, которые суд может рассматривать только в совокупности. К тому же постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [4] разъясняет, что инициировать процесс расторжения фиктивного брака может не каждое лицо. К ним относятся: прокурор, а также не знавший о фиктивности брака супруг в случае заключения фиктивного брака. Это правило направлено против злоупотребления правом: добросовестный участник фиктивного союза не должен нести негативные последствия, в то время как инициатор обмана не вправе требовать признания брака недействительным.

Одним из самых распространенных мотивов является получение гражданства Российской Федерации. Пункт 5 ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [3] устанавливает, что иностранный гражданин вправе подать заявление о приеме в гражданство Российской Федерации без учета достаточно многих требований, если указанный иностранный гражданин или лицо без гражданства состоят в браке с гражданином Российской Федерации, проживающим в Российской Федерации, и имеют общего ребенка, в т. ч. усыновленного (удочеренного). Это в значительной степени упрощает процедуру получения гражданства и этим активно пользуются.

Но как было сказано ранее, способы мошенничества совершенствуются и подстраиваются под события, которые происходят в обществе. Так, с началом Специальной военной операции появилось понятие «Черная вдова». Женщины заключают брак с бойцами и легально получают их заработную плату, а в случае смерти – большие выплаты, около 5 млн руб. Статья 11 СК РФ [6] устанавливает, что при наличии особых обстоятельств (непосредственной угрозы жизни одной из сторон) брак может быть заключен в день подачи заявления. Схема простая: знакомятся, за один день оформляют брак, а потом получают выплаты, и так по кругу, не один раз.

Осознавая, что в данное время существует ряд пробелов в праве, законодатель выступает с инициативой и предлагает ряд законопроектов. К примеру, 15 октября 2024 г. постановлением Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации были внесены изменения в ст. 25.6 федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2]. В законодательство Российской Федерации вносятся изменения, которые касаются получения иностранцами временного про-

живания или вида на жительство на основании брака или усыновления. Согласно новым правилам, претендовать на эти документы можно будет только по истечении трех лет с момента заключения брака или усыновления. Параллельно с этим, Госдума рассматривает законопроект, который направлен на борьбу с мошенничеством. Законодатель выступил с инициативой ввести в Уголовный кодекс статью за заключение фиктивного брака с целью незаконного получения мер государственной поддержки [1].

Проанализировав судебную практику и законодательные инициативы, мы предлагаем следующие меры борьбы с фиктивными браками:

1. Внести в законодательство точные критерии фиктивности брака. Как следствие, судебная практика станет единообразная, а количество судебных ошибок сократится.

2. Создать комиссии, которые будут выявлять фиктивные браки.

3. Расширить круг лиц, которые могут инициировать признание брака недействительным в силу его фиктивности.

Данное явление требует решения, т. к. фиктивный брак оказывает влияние на многие сферы общественной жизни. В настоящее время наблюдается законодательная инициатива, которая направлена на противодействие фиктивным бракам, что позволяет предположить, что в ближайшем будущем численность фиктивных браков сократится.

Литература

1. УК РФ предлагают дополнить статьей за фиктивный брак для получения соцпособий [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. О внесении изменений в статью 25.6 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.10.2024 № 358-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О гражданстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (последняя ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Принят закон, направленный на борьбу с фиктивными браками, отцовством и материнством мигрантов. URL: http://duma.gov.ru/news/60172/ (дата обращения: 10.04.2026).

А.А. Капаницына, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Ю.С. Зубенко, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

В настоящее время в России цифровизация затрагивает все значимые аспекты жизнедеятельности общества. Гражданско-правовые отношения, характеризующиеся заключением договоров, принятием обязательств и оформлением сделок, подвергаются значительным трансформациям. В частности, это становится очевидным в области контрактной деятельности, где традиционные методики создания и изучения документов обогащаются и развиваются благодаря применению технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Впервые официально понятие «искусственный интеллект» было использовано в Российской Федерации в Указе Президента России от 10.09.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Согласно п. 5 Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [4].

В гражданско-правовой сфере внедрение ИИ демонстрирует существенное ускорение процессов принятия решений и повышение их качества. ИИ обеспечивает более высокую точность и минимизирует вероятность ошибок, возникающих по причине человеческого фактора. Наиболее показательным примером применения ИИ является автоматизация процесса формирования гражданско-правовых договоров. ИИ способен оперативно генерировать юридические тексты, проводить их проверку на соответствие действующему законодательству и заблаговременно идентифицировать потенциальные риски на этапе согласования. Ключевым преимуществом ИИ является радикальное сокращение временных затрат на выполнение задач, традиционно требующих значительных усилий от юристов [5, с. 97]. Так, подготовка проекта договора, которая ранее могла занимать несколько часов (включая поиск релевантных шаблонов и согласование формулировок), при использовании ИИ сокращается до нескольких минут. Исследовательские данные свидетельствуют о том, что до 70 % рабочего времени юристов приходится на рутинные операции, в т. ч. около девяти часов в неделю – на составление проектов договоров, подготовку ответов на претензии и аналогичные задачи [3, с. 176]. Нейросети нового поколения способны трансформировать краткое описание сделки в полноценный, структурированный проект договора. Эти автоматически создаваемые докумен-

ты призваны удовлетворить основные запросы сторон и соответствовать законодательству, тем самым повышая эффективность. Однако за кажущейся простотой скрываются глубокие проблемы и правовая неопределенность, анализ которых является критически важным для обоснованного и безопасного внедрения ИИ в юридическую практику. Рассмотрим основные из них:

1. Технологическая неспособность мешает работе с оценочными понятиями.

Гражданское право оперирует множеством понятий, лишенных строгих формальных критериев, например, «разумный срок», «добросовестность» или «существенное нарушение». Эти абстрактные категории сложно измерить с абсолютной точностью. ИИ, работающий на основе статистических закономерностей, не в состоянии адекватно оценить уникальные обстоятельства конкретной сделки. Его возможности сводятся к воспроизведению наиболее распространенных шаблонов.

2. Отсутствие субъекта ответственности за ошибку ИИ.

Действующее законодательство не содержит четких указаний относительно того, кто несет ответственность за ущерб, причиненный алгоритмом. Отсутствует ясность в вопросе о том, кто будет отвечать за ошибочное решение, сгенерированное искусственным интеллектом:

1) юрист, применивший ИИ, и, как следствие, признанный виновным в халатности согласно ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2];
2) работодатель юриста, т. е. организация, в которой он трудоустроен;
3) создатель программного обеспечения;
4) или же ответственность не возлагается ни на кого.

В сложившейся ситуации потерпевшая сторона лишена возможности эффективно отстаивать свои законные интересы, а сторона, полагавшаяся на ИИ, не может адекватно управлять связанными с этим рисками. Это приводит к возникновению правового пробела и ставит под угрозу предсказуемость экономических отношений.

3. Невозможность участия ИИ в переговорах и динамическом согласовании.

Разработка договора – это гораздо больше, чем формальная процедура; это кульминация интенсивных переговоров. Этот процесс включает в себя представление предложений, нахождение взаимно приемлемых решений, документирование устных договоренностей и тщательную оценку надежности всех участников. Договор, созданный исключительно искусственным интеллектом, без вовлечения человека, его способности к коммуникации, гибкости, пониманию тонких намеков и невербальных сигналов, не сможет адекватно отражать реальное согласие воли сторон. Такой юридический документ впоследствии может быть оспорен. В соответствии со ст. 178 ГК РФ и ст. 179 ГК РФ, использование ИИ одной стороной без согласия другой может быть расценено как введение в заблуждение или обман [1].

4. Отсутствие легальных стандартов для юридических ИИ.

На данный момент в России отсутствует законодательная база, которая регулировала бы использование ИИ в юриспруденции. Не установлены важные аспекты, такие как минимальный требуемый уровень точности, требование к ведению истории версий, необходимость страхования ответственности разработчиков, а также процедуры сертификации. Несмотря на наличие множества продуктов на рынке, претендующих на роль «юридического ИИ», их реальные возможности не прошли должной проверки, а обещания «безошибочного автоматического создания контрактов» являются исключительно маркетинговым ходом. Отсутствие четких стандартов для оценки надежности ИИ-систем вынуждает юристов принимать решения о покупке, что увеличивает риск приобретения неэффективных инструментов и, как следствие, повышает вероятность обвинений в профессиональной халатности.

Проведенное исследование подтвердило, что ИИ способен революционизировать процесс заключения контрактов. Он не только оптимизирует временные затраты, но и позволяет всесторонне анализировать актуальную внутрикорпоративную информацию. Применение ИИ исключает риски при внедрении новых договоров, значительно ускоряя как их составление, так и исполнение соответствующих условий.

Литература

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Липецкого областного суда от 23 апреля 2025 г. по делу № 33-1114/2025 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кошелюк Б.Е., Тарарышкина И.С. Использование искусственного интеллекта при заключении сделок // Аграрное и земельное право. 2023. № 12 (228). С. 175–176.

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Шайхуллин Л.Л. О некоторых проблемах правового регулирования в связи с функционированием искусственного интеллекта: гражданско-правовой аспект // Пермский период: сб. мат-лов V Междунар. научно-спорт. фестиваля курсантов и студентов. 2023. С. 97–99.

***У.М. Караченцева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Кабанова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

НАЛОГОВЫЙ ВЫЧЕТ ЗА РЕГИСТРАЦИЮ БРАКА КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

В настоящее время страны сталкиваются с определенными демографическими вызовами, поэтому вопросы государственной поддержки семей приобретают особую актуальность и выходят на первый план в государственной политике большинства стран. Снижение рождаемости, откладывание процедуры бракосочетания, рост числа неполных семей и трансформация традиционных семейных ценностей формируют комплекс проблем, требующих системного ответа от органов государственной власти. В этой связи особую актуальность приобретают меры, направленные на стимулирование создания крепких, благополучных семей и на снижение финансовых барьеров на пути их формирования.

Необходимо отметить, что данная проблема была проанализирована органами государственной власти Российской Федерации и привела к принятию 15.03.2025 распоряжения Правительства Российской Федерации № 616-р «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» (далее – Стратегия), которая закрепила следующие цели: сохранение населения за счет повышения рождаемости, укрепление здоровья родителей; охрана, поддержка и защита семьи путем повышения благосостояния и качества жизни; укрепление института семьи на основе традиционных семейных ценностей [2].

Для реализации целей указанных в Стратегии, депутаты Государственной Думы Российской Федерации активно предлагают меры поддержки молодых семей. Одним из обсуждаемых инструментов такой поддержки выступает инициатива введения налогового вычета за регистрацию брака и организацию свадебного торжества. Так, 3 апреля 2025 г. депутат от фракции ЛДПР Станислав Наумов предложил ввести новый социальный налоговый вычет, который бы позволил молодоженам вернуть до 150 000 рублей на каждого из супругов за организацию свадебного торжества [3].

По нашему мнению, данная инициатива в случае ее принятия положительно бы повлияла на процедуру заключения брака молодыми семьями, поскольку свадьба традиционно сопряжена со значительными финансовыми затратами, которые повсеместно становятся барьером для молодых людей, в частности для студенческих семей. Помимо этого, поддержка на этапе создания семьи способна повысить привлекательность официального брака и способствовать укреплению института семьи в целом, а стимулирование расходов

на свадебные услуги могут оказать мультипликативный эффект на смежные отрасли экономики.

Рассматривая вопрос подробнее, можем прийти к выводу, что введение налогового вычета за регистрацию брака может привести к увеличению рождаемости, поскольку официальная регистрация отношений создает институциональные предпосылки для планирован семьи и рождения детей. В данном контексте вычет выступает не только как финансовая поддержка, но и как символический сигнал государственной заинтересованности в укреплении семейных ценностей.

Изучая данную тему, безусловно, необходимо отметить, что реализация налогового вычета за регистрацию брака сопряжена с рядом практических вызовов. К ним относятся:

1) необходимость четкого определения перечня расходов, подпадающих под вычет и разработка механизмов подтверждения таких расходов;

2) риск злоупотреблений и рост фиктивных браков с целью денежного обогащения, путем получения налогового вычета;

3) потенциальная нагрузка на бюджет, порождающая необходимость выделения дополнительного финансирования;

4) урегулирование на законодательном уровне порядка взаимодействия налогового органа с молодоженами, установление сроков и порядка предоставления вычета.

Помимо рассмотренных проблем, возникает дискуссия, касающаяся социальной справедливости предоставления налогового вычета за регистрацию брака, поскольку целевой аудиторией являются молодожены способные позволить себе проведение не только регистрации брака, но и торжества по данному случаю. При этом лица, отказавшиеся от проведения торжества либо не имеющие достаточных для этого средств, не смогут воспользоваться данным вычетом, что может привести к расслоению общества, которое не всегда положительно оценивает социальную поддержку не доступную всем категориям граждан.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что перспективы внедрения налогового вычета за регистрацию брака зависят от комплексного подхода к семейной политике. Для повышения эффективности мер целесообразно сочетать вычет с другими формами поддержки молодых семей, ограничить перечень компенсируемых расходов социально значимыми услугами, исключив предметы роскоши, предусмотреть дифференцированный размер вычета в зависимости от уровня доходов семьи или региона проживания.

Литература

1. Бухалова Н.А, Игнатьева Н.Н. Современное состояние и меры поддержки молодой семьи в России // KANT: Social science & Humanities. 2025. № 2. С. 131–135.

2. Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Фе-

дерации от 15.03.2025 № № 615-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Расходы молодых семей на свадьбу предложили компенсировать // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/economics/raskhody-molodykh-semey-na-svadbu-predlozhili-kompensirovat.html (дата обращения: 18.04.2026).

***А.А. Киричек**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Кабанова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

Последнее время в российском обществе отмечается всплеск подростковой преступности. В СМИ высказываются мнения об оказании негативного влияния на сознание и психику несовершеннолетних по средствам запрещенных в России мессенджеров, склонению их к совершению противоправных действий. Возникает вопрос: на каком этапе происходит влияние на сознание и психику несовершеннолетних? Так, ряд авторов утверждает, что всему виной неисполнение родителями своих обязанностей по надлежащему воспитанию детей, другие высказывают мнение о негативном влиянии общества, СМИ и ближайшего окружения несовершеннолетних, куда относят друзей, одноклассников и т. д.

Отметим, что данные подходы имеют право на существование, т. к. все вышеперечисленное играет немаловажную роль в формировании сознания и критического мышления несовершеннолетнего. В рамках данного исследования хотелось бы отметить, что в первую очередь ребенок получает знание о мире и обществе через семью, однако последнее время участились случаи оказания психологического давления на детей в семье.

Данная проблема достаточно актуальна, т. к. в России нормативными правовыми актами закреплены пределы вмешательства государства в дела семьи. Так, в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – СК РФ) закреплено, что семейные отношения должны строиться на любви и взаимоуважение, недопустимости вмешательства в дела семьи иных лиц, в т. ч. государства. Таким образом, можно выделить две проблемы:

– невмешательство государства в дела семьи в произвольном порядке, до возникновения противоправной ситуации;

– воспитание детей в семье с использованием недопустимых форм воспитания, сопряженных с психическим и физическим насилием.

Разберемся в вопросах психологического насилия и его влиянии на психику членов семьи. Психологическое насилие – это воздействие на чужую психику с помощью манипуляций, наносящих травму, акты повреждений психического здоровья другого человека. К психологическому насилию можно отнести: угрозы и запугивания; оскорбления и принижения; взращивание чувства стыда и вины; пренебрежение и намеренную холодность; эксплуатацию; принудительную изоляцию; применение власти или контроля.

Когда речь идет о психологическом насилии в семье очень часто возникает ошибочное мнение о том, что дети единственные подвержены таким проявлениям, однако это не так. Наиболее распространенные ситуации, при которых дети получают травмы, связаны с систематическим насилием и в отношении супругов, т. к. порождают замкнутый круг, из которого нет выхода.

Психическое насилие в семье связано и с профессиональными навыками родителей. Так лица, участвовавшие в боевых действиях, часто получают психологические травмы, что приводит к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Ветераны и участники боевых действий сталкиваются с трудностями в адаптации к гражданской жизни, включая проблемы с трудоустройством и социальной изоляцией, что увеличивает напряжение в семье и способствует возникновению психологического и даже физического насилия.

Часто встречающимися видами психологического насилия в семьи являются:

1. Вербальное – члена семьи унижают и оскорбляют, чего-то лишают, демонстрируя свою власть. Наиболее частый пример такого насилия, это угрозы, повышение голоса из-за якобы проступков члена семьи, применение в отношении членов семьи ненормативной лексики, занижение личных качеств человека и т. д.

2. Скрытое физическое – принудительная забота о члене семьи, изображение больного для наделения второго супруга большим кругом полномочий и перекладывание на него ответственности за плохое самочувствие, нарушение личных границ, проявление сексуальных форм насилия, объятия и поцелуи без разрешения члена семьи;

3. Скрытое психологическое – использование в отношении членов семьи манипуляторных форм общения, навязывание чувства вины, принижение значимости проблем, доведение до конфликтных ситуации для получения более ярких эмоций.

Клинические психологи отмечают, что ребенок, растущий в семье, в которой по отношению к одному из родителей применяют психологическое насилие, склонен в своей социальной среде проецировать такое поведение на окружающих. Также матери, подвергающиеся психологическому и физическому насилию со стороны своих мужей, зачастую проецируют такое же поведение на детей.

Отметим, что в отличие от физического насилия, психологическое насилие не оставляет видимых следов, т. к. наличие у человека психологических травм может выявить лишь специалист, при этом психологическое насилие

в России остается за гранью правового поля, т. к. в большинстве случаев сотрудники полиции имеют право привлекать к ответственности нарушителей лишь за физическое насилие.

В России ответственность за психологическое насилие в семье вскользь регулируется рядом нормативных правовых актов, хотя конкретных статей, предусматривающих наказание за психологическое насилие в российских кодифицированных актах нет. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) можно выделить следующие составы, предусматривающие наказание за психологическое насилие, сопряженное с физическим насилием: ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», ст. 116 УК РФ «Побои», ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений».

Несмотря на отсутствие прямых составов, предусматривающих ответственность за психологическое насилие, существует механизм взыскания морального вреда за факты применения психологического насилия в семье. Так наличие в семье фактов психологического насилию учитывается гражданском судопроизводстве при решении вопросов раздела имущества, определения места жительства детей после развода родителей.

Если в ходе судебного разбирательства устанавливаются факты применения родителями в отношении детей побоев, истязания, причинения вреда здоровью сопряженного с психологическим насилием, родителей могут лишить родительских прав или ограничить в них. Однако такой механизм действует не всегда, т. к., по словам адвоката Александра Кузнецова «Если в отношении детей родители не совершали прямого насилия, им дается шанс исправить свое поведение. Исключение составляет совершение тяжкого преступления, наличие алкогольной или наркотической зависимости, которая подталкивает родителей к совершению преступлений».

В России начиная с 2016 года обсуждается принятие законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия, который предполагает создание системы защиты жертв, включая возможность получения временных запретов на приближение агрессора к жертве, внедрение в кодифицированные акты новых составов преступлений, предусматривающих ответственность за применении в семье психологического насилия. Также данный проект предлагает создать организацию кризисных центров и горячих линий, где жертвы могут получить поддержку и консультации. Однако законопроект до сих пор не принят, и судя по всему, так и останется законопроектом.

Литература

1. «Мой папа – очень плохой человек». Насилие в семье: рассказы подростков и советы экспертов. URL: https://mel.fm/zhizn/istorii/3196480-moy-papa--ochen-plokhoy-chel ovek-nasiliye-v-semye-rasskazy-podrostkov-i-sovety-ekspertov (дата обращения: 07.03.2026).

2. Моральный вред за супружескую измену. URL: https://assistentus.ru/zanimatelno/moralnyj-vred-za-supruzheskuyu-izmenu/?ysclid=mmho kwn6mk377410388 (дата обращения: 07.03.2026).

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Эмоциональное насилие в отношениях. URL: https://medaboutme.ru/articles/emotsionalnoe_nasilie_v_otnosheniyakh/?ysclid=mmhp13glz135047520 (дата обращения: 07.03.2026).

А.Ю. Коновалов, *слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
О.С. Черепанова, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ВВЕДЕНИЕ ТАРИФИКАЦИИ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА: PRO ET CONTRA

Компенсация морального вреда выступает одним из основных способов защиты гражданских прав, именно поэтому должное правовое регулирование, а также надлежащая реализация соответствующих предписаний закона является крайне важными всегда. Российский законодатель, закрепляя право на компенсацию морального вреда, не определяет ни минимального, ни максимального его размера, а отсутствие точно сформулированных критериев и общего метода оценки размера компенсации морального вреда привело к тому, что определение суммы компенсации носит оценочный характер и судьи выносят решения в рамках предоставленной им законом свободы усмотрения.

Однако последствия такого подхода представляются весьма неоднозначными. Дело в том, что результаты анализа решений судов демонстрируют наличие существенного разрыва размеров выплат в рамках компенсации морального вреда по аналогичным случаям в различных субъектах Российской Федерации, и даже в различных судах одного региона. Причем данное характерно для всех источников причиненного вреда, будь то преступление, ненадлежащая медицинская помощь, незаконное уголовное преследование, трудовое увечье, ДТП и т. д. [4, с. 67].

В таких условиях возникает своего рода дисбаланс, когда права граждан обеспечиваются в разной степени в зависимости от территориального и субъективного факторов, что не может не рассматриваться как нарушение принципов справедливости и равенства граждан перед законом. Здесь же возникает непо-

нимание и недоверие граждан к судебной системе, которое и без того находится не на высоком уровне, так согласно данным опроса ВЦИОМ за февраль 2026 г. лишь 40,2 % респондентов выразили свое одобрение деятельности судебной системы [1].

Данное положение дел заставляет обратиться к весьма дискуссионной, но тем не менее перспективной теме, связанной с введением тарифов для определения размера компенсаций морального вреда на законодательном уровне. Представляется целесообразным привести следующие доводы «за» и «против».

Позиция «за»:

1. *Закрепление минимальных сумм компенсаций морального вреда положительно скажется на предупреждении нарушений прав граждан.* Незначительные суммы компенсаций не работают на предупреждение причинения морального вреда, увеличение же минимального размера компенсаций позволит более эффективно выполнять превентивную функцию, а также создаст дополнительные стимулы к соблюдению прав других граждан.

2. *Единообразие судебной практики.* Ситуация, когда два идентичных гражданских иска по аналогичным случаям в разных судах могут закончиться значительно разнящейся компенсацией будут сведены к минимуму. Тарификация установит фиксированные минимальные суммы, что поспособствует повышению уверенности судей в определяемом размере компенсации морального вреда.

3. *Стимулирование досудебного урегулирования споров и примирения сторон.* Если потенциальный ответчик будет точно знать, что за конкретное правонарушение он должен будет заплатить определенно-фиксированную сумму, по крайней мере в минимальном отношении, то ему будет проще выплатить ее добровольно, не доводя дело до суда и не неся для себя дополнительные судебные расходы. Сказанное будет справедливо и к действующему ответчику, который может изъявить желание примириться с потерпевшим также в целях экономии времени и средств.

Позиция «против»:

1. *Невозможность создания идеальных критериев тарификации.* Даже самая сложная таблица коэффициентов не сможет учесть все обстоятельства дела: степень родства с погибшим, социальный статус, публичность оскорбления, поведение потерпевшего и т. д. Реальная действительность бесконечно разнообразнее, внести в тарифную сетку всевозможные критерии крайне затруднительно. Все возможные попытки в данном направлении обречены на провал, да и в целом напоминают казуистический способ нормативного регулирования, который более свойственен незрелым и неразвитым правовым системам.

2. *Индивидуальный характер «страданий».*

Невозможно оценить глубину человеческих страданий по какому-то прейскуранту, для одного человека оскорбление в интернете – пустяк, для другого – глубокая травма. Для боксера-тяжеловеса сломанный нос – боевая отметина, которой можно гордиться, для второклассника – большое психологическое по-

трясение от школьных задир. Тарификация неизбежно будет усреднять и обезличивать все страдания.

3. *Риск обесценивания человеческих страданий и повсеместного формализма.* После фиксации цены «страдания», будет фактически объявлена стоимость нематериальных благ, в т. ч. человеческого достоинства, здоровья и даже жизни. Данное напоминает правовые атавизмы, например, в Русской правде были схожие правила, так «если потерпевший не мог мстить за себя, то он имел право брать с виновного 3 гривны и сверх того плату лекарю» [3]. Сегодня данное просто невообразимо, поскольку будет противоречить конституционным принципам.

К тому же установление размеров компенсаций с большой долей вероятностью обернется ориентацией судов на конкретные цифры и нежесткого нормирования просто не получится. Как отмечает профессор кафедры общих проблем гражданского права Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева Д.В. Новак, такие опасения вполне реальны и повод так думать имеется [2].

4. *Злоупотребление правом и перегруз судебной системы.*

Тарификация размера компенсации морального вреда создаст все предпосылки появления практики злоупотребления своими правами, когда действия будут направлены не на защиту законных интересов, а на причинение вреда гражданам или организациям или получение необоснованных выгод.

Объем настоящей статьи позволяет ограничиться лишь самым общим выводом: современное правовое регулирование порядка определения размера компенсации морального вреда и соответствующая практика судов характеризуется весьма неоднозначно, что связано с большим разрывом сумм компенсаций в аналогичных ситуациях. Идея закрепления минимальных размеров компенсаций морального вреда на законодательном уровне хотя и может показаться на первый взгляд весьма целесообразной и даже необходимой, вместе с тем она несет свои риски для национальной правовой системы.

Литература

1. Деятельность общественных институтов. URL: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page (дата обращения: 10.03.2026).

2. Моральный вред: как заставить российские суды присуждать справедливые компенсации? URL: https://www.eg-online.ru/article/414200 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Бакалаврская программа «Юриспруденция». URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ruspravda (дата обращения: 10.03.2026).

4. Фаст И.А. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги 25 лет существования института в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2018. № 5 (36). С. 58–75.

***Е.Э. Круговых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Зубенко**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УЧАСТИЕМ ДРОППЕРОВ

Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» [5] ввел уголовную ответственность за так называемое дропперство. Дропперство – это предоставление своего электронного средства платежа (чаще всего платежных карт) другому лицу за вознаграждение или без такового. Дроп – это человек, который предоставляет мошенникам свою банковскую карту или банковский счет для «отмывания» похищенных денег либо обналичивает их самостоятельно [1, с. 761].

По информации с сайта Банка России число дропов в 2025 г. уже 1,2 млн человек. Э.А. Волчкова приводит данные, согласно которым большинство краж и мошенничеств в 2024 г. совершались преступниками с использованием платежных средств, оформленных на других лиц [3, с. 84–87].

В последние годы активно используют механизм гражданско-правовой защиты потерпевших от мошенничества, обращаясь в суды с исками о взыскании денежных средств. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, требования прокуроров к таким лицам удовлетворены судами на сумму более 1 млрд рублей [6].

Анализ судебной практики показывает, что суды в большинстве случаев поддерживают позицию прокуратуры и потерпевших, квалифицируя полученные на банковские счета средства как неосновательное обогащение.

Ключевыми нормами, применяемыми судами, являются положения главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4].

Согласно ст. 1102 ГК РФ, лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица, обязано возвратить неосновательно приобретенное имущество.

Для признания неосновательного обогащения необходимо установить:

1) факт получения имущества ответчиком;
2) отсутствие законного основания получения;
3) приобретение имущества за счет потерпевшего.

Дополнительно могут применяться:

1) ст. 1107 ГК РФ – взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами;

2) ст. 395 ГК РФ – ответственность за неправомерное пользование денежными средствами;

3) ст. 1103 ГК РФ – соотношение норм о неосновательном обогащении с иными обязательствами.

Суды также учитывают особенности распоряжения банковским счетом, установленные ст. 847 ГК РФ, согласно которой операции по счету совершаются лицом, уполномоченным владельцем счета, а средства на счете считаются находящимися в распоряжении владельца. Позиция судов: ответственность владельца банковского счета.

Большинство судебных решений основывается на том, что денежные средства, поступающие на банковский счет, считаются находящимися во владении и распоряжении владельца счета.

В другой категории дел ответчики выступают фактическими посредниками – курьерами, получающими деньги от потерпевших и переводящими их далее по указанию мошенников.

В одном из дел суд установил, что ответчик получал денежные средства от потерпевшего и переводил их на счета неизвестных лиц, оставляя себе небольшое вознаграждение. Суд признал наличие неосновательного обогащения, поскольку:

1) между сторонами отсутствовали договорные отношения;
2) деньги получены без правового основания;
3) средства получены в результате мошеннической схемы.

При этом суд отметил, что ответчик вправе предъявить регрессные требования к лицам, которым он перечислил деньги, но это не освобождает его от обязанности возвратить средства потерпевшему (ст. 1102 ГК РФ).

Не только прокуроры, но и сами потерпевшие обращаются в суды с требованиями о взыскании неосновательного обогащения.

Несмотря на преобладающую практику удовлетворения исков, существуют случаи, когда суды отказывают во взыскании средств с дропперов.

Основные причины отказа:

1) отсутствие доказательств получения денежных средств ответчиком;
2) установление факта распоряжения средствами третьими лицами;
3) наличие встречного исполнения обязательства;
4) невозможность доказать, что именно ответчик получил выгоду.

Современная судебная практика показывает устойчивую тенденцию к взысканию денежных средств с дропперов в порядке норм о неосновательном обогащении. Основное значение при разрешении подобных споров имеют положения ст. 1102, 1103, 1107, 395 и 847 ГК РФ, а также установление фактического контроля владельца над банковским счетом.

В связи с этим судебная практика фактически формирует подход, при котором владелец банковского счета рассматривается как лицо, обязанное обеспечить безопасность использования своих платежных инструментов и нести последствия их неправомерного применения.

Литература

1. Антонов Ю.И., Костиков А.Д. Об уголовной ответственности за дропперство (чч. 3-6 ст. 187 УК РФ) // Образование и право. 2026. № 1.
2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Новосибирского областного суда от 29.01.2026 по делу № 33-1221/2026 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Волчкова Э.А. Обоснованность уголовной ответственности за дропперство и пути ее совершенствования // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2025. № 4.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Российские прокуроры взыскали с дропперов более миллиарда рублей // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/25404937 (дата обращения: 03.04.2026).

***А.Ю. Лазарева**, курсант 4 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
***О.В. Турчина**, канд. юрид. наук, доцент*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ ИНФОРМАЦИИ К ОБЪЕКТУ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В настоящее время в гражданском законодательстве отсутствует регулирование информации как самостоятельного объекта. Исключением является только ноу-хау – информация о результатах интеллектуальной деятельности, предусмотренная ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Однако до 31 декабря 2007 г. информация регулировалась ГК РФ как самостоятельный объект, но в последующем была исключена. Таким образом, в данный момент информация поддается правовому регулированию только при отнесении ее к какому-либо объекту, содержащемуся в ст. 128 ГК РФ. Но, в то же время, в научной литературе вновь активно обсуждается вопрос об отнесении информации к объектам гражданских прав.

В научной литературе при обсуждении данного вопроса мнения ученых разделились на несколько точек зрения. Первая группа ученых считает, что информацию следует относить к объекту интеллектуальной собственности. Например, В.О. Пучков считает, что более целесообразно относить информа-

цию к интеллектуальной собственности, т. к. она имеет наиболее схожие черты, такие как: нематериальную основу, которая имеет возможность ознакомления путем переноса на материальный носитель; получение, изменение или восприятие которой связано с мыслительной деятельностью, а также неразрывность информации с субъектом гражданских правоотношений [6, с. 137]. Но также он утверждает, что более логично информацию следует воспринимать как результаты интеллектуальной деятельности. Была попытка отнести всю информацию к ноу-хау, однако данная точка зрения не нашла положительного результата в обсуждении, т. к. правомочия у ноу-хау и иной информации разная, поэтому и форма и условия передачи иным лицам будут иметь различия [5, с. 35].

Анализируя позиции второй группы ученых, которые утверждают, что информация не может быть отнесена к объектам гражданских прав, т. к. она не сочетает в себе необходимые признаки, такие как дискретность и системность. Согласно данным позициям информация не обладает дискретностью, т. к. не имеет четких границ и не отражает точного закрепления, ведь создается в процессе мыслительной деятельности. Но данная позиция критикуется с точки зрения признака системности – информация носит способность к самоорганизации и взаимозамещению. Информация неразрывно связана со всеми объектами гражданского права и всей системы гражданского права в целом. То есть когда информация приобретает признак системности, например, при составлении научной статьи, она приобретает признак дискретности и юридическую привязку. Но в то же время, исходя из определения ст. 2 федерального закона № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149), информация – это любые сведения вне зависимости от формы ее представления [2]. То есть якобы вообще любая информация должна выступать результатом интеллектуальной деятельности и может быть связана с субъектом, например, нормами авторского права, предусмотренного гл. 70 ГК РФ или же патентом – гл. 72 ГК РФ. Также авторы данной позиции допускают мысль, что согласно ФЗ № 149 информация может выступать объектом гражданских правоотношений, т. е., имея все необходимые признаки, выступать в качестве объекта гражданского права. Изучая данный закон, можно также отразить норму, в которой говорится, что информация может передаваться по договору или на иных законных основаниях – как и объекты гражданского права [6, с. 275].

Мы же в данном исследовании не придерживаемся мнения, что на информацию возможно распространить правовой режим вещи или иное вещное право как на объект гражданского права, т. к. довольно трудно распространить триаду правомочий при условии ее нематериальной сущности. Например, владение данной информации может содержаться в сознании лица, что нельзя оформить согласно нормам гражданского законодательства. Пользование и распоряжение также может осуществляться с помощью мыслительного процесса. И законодательно оформить права на ограничение такого пользования и распоряжения возможно лишь с законодательным закреплением ограничения таких прав.

В данном случае это нецелесообразно, т. к. на всю информацию невозможно установить такое ограничение, как, например, на коммерческую тайну, которая по своей сути тоже является информацией, но ограничение на правомочия регулируются помимо ГК РФ, также и специальным Федеральным законом «О коммерческой тайне» [3]. Такое ограничение возможно только лишь в исключительных случаях, например, персональные данные, которые регулируются Федеральным законом «О персональных данных» [4], или же та же информация ноу-хау, ограниченные права которой закреплены в ГК РФ. И персональные данные и ноу-хау выступают информацией в чистом виде, но только лишь при условии ограничения вещных прав они могут выступать как объекты гражданского права.

То есть информация как объект гражданских прав может выступать только в том случае, если она является нематериальным благом или результатом интеллектуальной деятельности, в остальных случаях она может выступать только опосредованным объектом по отношению к тем, которые уже перечислены в ст. 128 ГК РФ.

Иным подходом к определению информации как к объекту гражданских прав можно выделить позицию, если информацией будет восприниматься только документированная информация, но для этого необходимо внести изменения в определения информации, данное законодателем. В то же время информация может нести свою экономическую ценность без совокупности ее с каким-либо объектом, уже перечисленным в ст. 128 ГК РФ и не регулироваться данным правовым режимом. Исходя из этого, можно сделать вывод об определении совокупности критериев, к которым должна относиться информация, как самостоятельный объект – например, цель создания информации и ее взаимосвязь с отношениями, которые реализуются посредством регулирования гражданским правом, а также наличие в ней признака дискретности, системности и юридической привязки.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать вывод, что исключение информации из объектов регулирования гражданси законодательством было логичным и целесообразным, однако в современный период, требуется ее правовое регулирование. В данный момент информация может попадать под регулирование гражданским законодательством, но существуют исключения, где она взаимосвязана с объектами гражданского права, но не быть их частью. В связи с этим следует заключить, что информация может быть самостоятельным объектом гражданского права только при наличии определенных критериев, таких как юридическая привязка, дискретность, системность, наличие взаимосвязи, а также документированную форму, которая позволит реализовывать триаду полномочий права собственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: федеральный закон 29.07.2004 № 98-ФЗ (последняя ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кресс В.В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 30–40.

6. Попова Ю.Д. Критерии отнесения информации к объекту гражданско-правового регулирования // Молодой ученый. 2022. № 52 (447). С. 273–276.

7. Пучков В.О. Информация – объект гражданского права? // Арбитражные споры. 2020. № 2 (90). С. 135–144.

***Е.С. Лебедева**, курсант 2 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Казанцева**, канд. юрид. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Практические аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации в зарубежном законодательстве играют ключевую роль в обеспечении прав личности. В большинстве правовых систем мира, от англосаксонской до континентальной, существует четкое разграничение между защитой физических и юридических лиц.

В ряде стран нематериальный вред имеет более широкое толкование, чем в России. Так, например, Гражданский кодекс Франции не разграничивает материальный и моральный вред [6]. К имущественным правам относятся все те, которые способны индивидуализировать человека. Честь, достоинство и деловая репутация также относится к их числу, что связано с формированием статуса индивида. Понятие «нематериальные блага» в основном включают следующие нарушения: неправомерное использование чужого имени или псевдонима; умаление женской чести; причинение вреда деловой репутации. Рассматривая такие дела, можно проследить, что большое значение имеет установление при-

чинно-следственной связи с деянием и наступившими последствиями, т. е. косвенный вред практически не может быть признан [1, с. 126–128].

Итальянский Гражданский Кодекс устанавливает, что неимущественный вред возвращается только в случаях, указанных законом. Неимущественные права трактуются расширительно по сравнению с пониманием в российском праве и включают: субъективный моральный вред, экзистенциальный вред, биологический вред. Честь, достоинство и деловая репутация в большей части относятся к субъективным правам, а соответственно, ответственность последует за причинения морального вреда субъективным правам [3].

В защите зарубежного правопорядка выделяется два подхода к пониманию диффамации:

– французский подход: «диффамация» – преступление против законодательства о средства массовой информации, печати, информационно-телекоммуникационных сетей и т. д. Это означает, что любое размещение в печатном или электронном пространстве факта, способного навредить чести, достоинству или деловой репутации – наказывается в зависимости от возникающих последствий по гражданскому или уголовному законодательству [6];

– германский подход: «диффамация» – разновидность клеветы, которая может быть выражена как письменно, так и устно [7]. Для того чтобы определить верность указанной точки зрения, необходимо рассмотреть понятие «клеветы» – это всегда распространение заведомо ложных сведений.

Условно мы разделили некоторые зарубежные страны на 3 группы в зависимости от закрепления статуса права на честь, достоинство и деловую репутацию в нормативных правовых актах.

В первую группы мы отнесли страны, в которых нематериальные права защищаются на основе общих положений гражданского права об ответственности за внедоговорное нарушение, деликт. К ним можно отнести Францию, Нидерланды, Италию, Великобританию.

Ко второй группе относятся страны, в нормативной базе которых честь, достоинство и деловая репутация рассматриваются двояко: со стороны общих правил и с точки зрения специальных отягчающих признаков, закрепленных исключительно в гражданском законодательстве – США, Индия.

Третья категория содержит обширную базу, т. е. положения закреплены не только в гражданском законодательстве, но и в отдельных актах – Германия, Австрия, Испания, Греция, Швейцария, Япония.

Первоначально рассмотрим особенности защиты нематериальных прав в судебной системе Великобритании. По нормам общего права право на деловую репутацию – основополагающее. В связи с отсутствием писаной Конституции положения о чести, достоинстве и репутации долгое время не рассматривались. Но, анализируя Билль о правах и действующую правовую базу, мы пришли к выводу, что на сегодняшний день примат отводится именно защите этих прав, в сравнении с правом на «свободу слова» [2, с. 210].

Судебная практика удовлетворяет иски тех, кто оказался жертвой порочащих его статус фраз. К таким лицам применяются штрафы и выговоры.

Сравнивая «свободу слова» и «деловую репутацию», мы проследили, что эти два понятия тесно взаимодействуют друг с другом. На наш взгляд, свобода слова способна породить ложную и непристойную информацию в отношении конкретной личности или группы. Поэтому необходимо предусмотреть рамки, выход за пределы которых гарантируется наказанием [1, с. 126].

Всем известны первые 10 поправок в Конституцию США, которые закрепляют в т. ч. и право на свободу слова. В отличие от России, Верховный Суд США, анализируя прецедентную практику, пришел к выводу, что право на свободу слова должно превалировать над остальными правами.

В целом отметим, что судебная практика по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации на территории США не богата, что связано с неоднократным отклонением гражданских исков по этому поводу.

В Германии защите нематериальных прав отводится большое внимание. Так, в Гражданском процессуальном уложении Германии закреплено, что требование о возмещении вреда и устранении неблагоприятных последствий, возможно в случае, когда содержание сведений, даже при их возможном положительном толковании, непереносимо для истца. В данном случае можно проследить некий субъективизм, т. е. если истец докажет, что, на первый взгляд, общие фразы, не вызывающие у других абсолютно никакой реакции, способны причинить или причинили вред потерпевшему, то иск будет удовлетворен [4].

Таким образом, нами проанализированы практические аспекты защиты чести, достоинства и деловой репутации в зарубежном законодательстве. В рамках данного вопроса изучены основные положения зарубежного законодательства, судебная практика в области защиты чести, достоинства и деловой репутации. В целом правовая база разных зарубежных стран устанавливает различные положения, защищающие право человека на честь, достоинство и деловую репутацию. Это связано с разрозненностью понимания и трактования указанных гражданско-правовых институтов.

Литература

1. Абагуева Л.Б. Международно-правовая охрана личных неимущественных прав автора // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 5-2 (45). С. 125–130.

2. Амагыров А.В. Особенности правовой защиты нематериальных благ в странах англосаксонской правовой семьи // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 205–212.

3. Артеменко Н.С. Методы расчета возмещения нематериального вреда в Италии https://igzakon.ru/magazine/article?id=8095.

4. Бергманн В. Гражданское процессуальное уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому процессуальному уложению. 2-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2016.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

6. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. [В.Н. Захватаева]. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

7. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению; пер. с нем. / науч. ред. Т.Ф. Яковленко. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015.

***Д.Д. Леснов**, студент 3 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
Е.А. Козьякова
Алтайский филиал РАНХиГС

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МАРКЕТПЛЕЙСА: ПОСРЕДНИК ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРОДАВЕЦ

В условиях стремительной цифровизации гражданского оборота традиционные модели купли-продажи претерпели существенные изменения. С появлением и распространением цифровых платформ, именуемых маркетплейсами, возникла проблема определения их правовой природы. Является ли маркетплейс посредником, лишь обеспечивающим техническую возможность заключения договора, или же его фактическая роль в сделке настолько значительна, что он должен нести ответственность наравне с продавцом?

Правовой статус владельца агрегатора нормативно закреплен в Законе Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о ЗПП). Согласно абз. 13 преамбулы, ключевым признаком агрегатора является предоставление потребителю возможности одновременно ознакомиться с предложением продавца, заключить договор купли-продажи и произвести предварительную оплату товара путем перевода денежных средств владельцу агрегатора. Таким образом, законодатель определил агрегаторов в отдельную категорию субъектов, отличную как от продавцов, так и от информационных посредников. Юридически отношения продавцов и торговой платформы оформляются по-разному: на практике обычно встречаются агентское соглашение, когда маркетплейс продает товары в интересах продавца, действуя от собственного или от его имени, и договор возмездного оказания услуг, когда маркетплейс оказывает комплексную помощь по продвижению продукции на своей платформе.

Основная проблема разграничения ответственности заключается в так называемом дуализме маркетплейса. С одной стороны, согласно п. 2.1 ст. 12 Закона о ЗПП, агрегатор несет ответственность лишь за предоставление недостоверной информации о товаре или продавце, а также за невозврат предоплаты в случае недоставки товара в срок. По общему правилу ответственность за не-

надлежащее качество товара несет продавец, а не владелец агрегатора. С другой стороны, фактическое участие платформы в хранении и доставке товара делает ее ключевым звеном, влияющим на качество исполнения договора. Е.М. Чагина справедливо указывает, что агрегатор выступает в роли коммерческого агента, обладающего расширенными полномочиями, что позволяет ставить вопрос о введении солидарной ответственности маркетплейса и продавца за качество товара, особенно в тех случаях, когда доставка осуществляется через собственную логистическую сеть агрегатора [5, с. 3]. К.К. Краулин приходит к выводу о необходимости расширения пределов ответственности владельцев агрегаторов и введения субсидиарной ответственности таких субъектов перед потребителями, условия применения которой должны быть определены законом [3, с. 24].

Анализ судебной практики наглядно демонстрирует отсутствие единообразия при определении правового статуса маркетплейса. Знаковым решением является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 7-КГ23-4-К2: суд указал, что маркетплейс не вправе в одностороннем порядке аннулировать заказ, ссылаясь на отсутствие товара у продавца или техническую ошибку в цене, поскольку предложение товара на сайте агрегатора является публичной офертой, а агрегатор не может полностью перекладывать ответственность на продавца, если он обеспечивал проведение транзакции [1]. В деле № 88-17295/2022 Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, напротив, указал, что ООО «Интернет Решения» (Ozon) не является продавцом и изготовителем товара, а действует как агент, предоставивший площадку продавцу; суд отказал во взыскании с маркетплейса стоимости бракованного биокамина [2].

Для преодоления выявленных противоречий представляется необходимым внести комплексные изменения в действующее законодательство. Прежде всего, видим логичным закрепить субсидиарную ответственность владельцев агрегаторов перед потребителями, при этом данный механизм предполагает, что потребитель обращается с требованиями прежде всего к продавцу, а при его уклонении, банкротстве или невозможности идентификации получает право предъявить требования к маркетплейсу как к субсидиарному должнику с последующим правом регресса последнего к продавцу. Аналогичный принцип «условной субсидиарной ответственности» платформы успешно апробирован в законодательстве Казахстана и Беларуси. Соответствующие нормы целесообразно включить в Закон о ЗПП путем дополнения ст. 12 новым пунктом, а также продублировать в ФЗ № 289-ФЗ в качестве обязанности оператора посреднической цифровой платформы.

Далее видим возможным законодательное закрепление критерия «функционального продавца», позволяющего квалифицировать маркетплейс как полноценную сторону договора купли-продажи в случаях одновременного наличия формализованных признаков: хранение товара на складе платформы, участие в логистике и передаче товара потребителю, инкассация платы и управление расчетами, а также отсутствие или формальный характер раскрытия сведений о реальном продавце, когда покупатель обоснованно воспринимает платформу в качестве продавца. М.А. Рожкова и Л.В. Кузнецова справедливо указывают на

необходимость «более тщательного подхода к ответственности владельцев агрегаторов» и подчеркивают, что при квалификации договорных отношений с участием агрегаторов суду следует «не только учитывать буквальное содержание слов и выражений, но и применять системное и телеологическое толкование, выяснять действительную природу заключаемых договоров и распространять на них соответствующие положения закона», в т. ч. нормы об агентировании (гл. 52 ГК РФ) [4, с. 30]. Именно устранение формального подхода судов к оценке пользовательских соглашений и переход к анализу реального функционала платформы позволят обеспечить единообразие судебной практики.

Таким образом, правовая природа маркетплейса в российском гражданском праве остается гибридной. Критерием разграничения между посредником и «функциональным продавцом» все чаще выступает степень фактического контроля платформы над ключевыми условиями сделки. Нам представляется обоснованным предложение К.К. Краулина о законодательном закреплении субсидиарной ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями, а также введение дифференцированной ответственности в зависимости от степени вовлеченности платформы в исполнение обязательства, что позволит сбалансировать интересы всех участников цифрового торгового оборота.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 7-КГ23-4-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.06.2022 по делу № 88-17295/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Краулин К.К. Пределы гражданско-правовой ответственности владельцев маркетплейсов перед потребителями в РФ и США // Научно-практический журнал Цифровое право. 2022. № 3. С. 20–42.

4. Рожкова М.А., Кузнецова Л.В. Об ответственности агрегаторов в контексте понимания их деятельности как агентирования // Право цифровой экономики. 2019. № 1 (504). С. 27–34.

5. Чагина Е.М. Права обязанности владельца агрегатора информации о товарах и услугах в отношениях с потребителем // Юридические исследования. 2025. № 1. С. 1–13.

***Д.Д. Леснов**, студент 3 курс*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
***Н.И. Минкина**, канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский филиал РАНХиГС

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТФОРМ ПРИ ПОДБОРЕ КАНДИДАТОВ НА РАБОТУ

С развитием сети Интернет процесс поиска работы и подбора персонала стал значительно проще и оперативнее. В наши дни все больше людей находят работу через онлайн-платформы, а работодатели активно применяют социальные сети и специализированные профессиональные ресурсы для поиска подходящих кандидатов, данного мнения, в частности, придерживаются и О.В. Кашпурова и Е.А. Кононов [1, с. 85]. Электронные платформы для поиска работы представляют собой информационные системы, предоставляющие организациям и гражданам возможность размещать информацию о вакансиях и резюме, осуществлять поиск подходящих кандидатов и работодателей, а также взаимодействовать в процессе трудоустройства. В российской практике наиболее распространенными являются как коммерческие платформы, так и государственная Единая цифровая платформа в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Использование электронных платформ для поиска работы существенно меняет динамику возникновения трудовых отношений. М.С. Рыбаков утверждает, что современные трудовые отношения формируются в эпоху цифровизации, а законодательное регулирование трудовых отношений в цифровой экономике России только начинает развиваться [2, с. 188]. Этот процесс базируется на ряде стратегических политико-правовых документов, к которым в т. ч. относится федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации», который регламентирует лишь работу платформы «Работа в России».

Электронные платформы для поиска работы существенно облегчают процесс установления первичного контакта между потенциальными сторонами трудовых отношений, позволяя работодателям аккумулировать информацию о множестве соискателей с различными уровнями квалификации, проводить предварительный анализ резюме, организовывать онлайн-собеседования, проводить тестирования кандидатов в электронном формате, что значительно ускоряет процесс найма, позволяет расширить географию поиска кандидатов и существенно снижает издержки на проведение процедуры подбора персонала. Вместе с тем электронные платформы для поиска работы создают определенные риски, связанные с неточностью и иногда недопустимостью информации, размещаемой работодателем о вакансии, или недостаточностью сведений, предоставляемых соискателем в резюме, что может привести к нарушениям при возникновении трудовых отношений, в т. ч. к недобросовестности. Отсутствие достаточного контроля со стороны операторов электронных платформ для по-

иска работы над качеством и полнотой информации, размещаемой работодателями, создает условия для возможного обмана или дискриминации потенциальных работников. Кроме того, проблемой является и тот факт, что данные цифровые платформы поиска работы иногда допускают дискриминационные критерии поиска кандидатов.

Данные риски и проблема подтверждаются также и судебной практикой. Так, решением Тюменского областного суда по делу № 4А-2/2018 установлено, что организация, размещая вакансию на платформе SuperJob, предоставило адрес электронной почты и номер мобильного телефона, которые ею в своей деятельности не используются, сама платформа же сослалась, что администратор сайта SuperJob не осуществляет проверку достоверности размещаемых данных и полномочий лица, размещающего информацию, кроме того, информационный портал SuperJob также допустил размещение организацией вакансии, содержащей ограничения дискриминационного характера по признаку возраста [3]. В ином же случае Хабаровский краевой суд в апелляционном определении по делу № 33-2548/2024 рассмотрел жалобу по иску с требованием установления заработной платы на уровне 100 000 рублей, как в размещенной вакансии на платформе hh.ru и отклонил данные доводы, основываясь на том, что оплата труда определяется трудовым договором, а не указанием суммы в размещенной вакансии [4].

Таким образом, к основным проблемам следует отнести, в первую очередь, отсутствие четкого и унифицированного определения и дифференциации на виды электронных платформ поиска работы, т. к. современное законодательство ограничивается лишь регулированием государственной платформы «Работа России». Кроме того, очевидна недостаточность норм, регулирующих конкретно ответственность операторов подобных платформ за допущение размещения на них недостоверной информации и предлагаемых вакансиях работодателей. Так, именно отсутствие четкого механизма контроля за информацией от работодателей создает ситуацию, при которой права потенциальных работников, введенных в заблуждение, нарушаются при возникновении трудовых отношений. Также немало важной проблемой является возможность скрытой дискриминации определенных категорий граждан (по полу, возрасту, инвалидности и т. д.) при использовании подобных электронных платформ, в том случае если операторы платформы или работодатели при использовании автоматизированных систем фильтрации резюме применяют критерии, нарушающие принцип равного доступа граждан к трудовой деятельности.

Для решения вышеописанных проблем мы предлагаем дополнить Трудовой кодекс Российской Федерации статьей, которая четко установит требования и пределы использования электронных платформ с целью поиска работодателями соискателей, в т. ч. требования к информации, размещаемой и используемой на данных платформах, ответственность операторов за содержание информации и процедуру отбора кандидатов. Причем в ней необходимо закрепить, что информация, содержащаяся на данных платформах, должна представлять собой достоверные сведения о работы, требованиях к кандидату, режиме и характере работы, условиях и размере оплаты труда, на что в дальнейшем соиска-

телей при заключении трудового договора может рассчитывать и исполнения чего он вправе требовать.

Помимо вышеуказанного мы также предлагаем закрепить обязанность операторов платформ поиска работа по проведению верификации и контроля информации о вакансиях, что будет в себя включать проверку регистрационных данных работодателя, его правоспособности и дееспособности – видится, что подобное изменение определенно приведет к снижению количества обманчивых предложений и укреплению защиты прав соискателей. Мы также считаем целесообразным развитие систем рейтинга работодателей на основании отзывов работников, причем по различным критериям, такой механизм позволит соискателям заранее оценивать репутацию работодателей.

Кроме того, мы видим необходимым установить в трудовом законодательстве требования к недискриминационному характеру алгоритмов фильтрации и поиска кандидатов на электронных платформах поиска работы, в т. ч. прямой запрет на использование критериев, основанных на половом признаке, возрасте, инвалидности, национальности, вероисповедании и иных защищаемых законом характеристиках. По нашему мнению, нужно также возложить непосредственно на операторов обязанности по проведению регулярного аудита используемых алгоритмов для выявления признаков дискриминации.

Литература

1. Кашпурова О.В., Кононов Е.А. Интернет как средство поиска работы и персонала // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11–2. С. 85–89.

2. Рыбаков М.С. Правовое регулирование труда в условиях цифровой реальности: основные тенденции развития законодательства // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 188–194.

3. Решение Тюменского областного суда от 09.01.2018 по делу № 4А-2/2018. URL: clck.ru/3SUt4D (дата обращения: 08.01.2026).

4. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 03.05.2024 по делу № 33-2548/2024. URL: clck.ru/3Susvt (дата обращения: 08.01.2026).

***К.А. Лютых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Переход значительной части экономической активности в цифровое пространство породил феномен, который еще два десятилетия назад казался фантастикой: виртуальное имущество стало обладать реальной, порой весьма значительной стоимостью. По данным обзора Банка России, за 2025 г. россияне разместили цифровые финансовые активы (ЦФА) на 1,65 трлн рублей, что почти в 3 раза больше, чем в 2024 г. [3].

Впрочем, законодатель включил цифровые рубли и цифровые права в объекты гражданских прав только в середине 2023 г. Особенностью этого объекта является одновременно и вещеподобность (обладают ценностью, могут отчуждаться), и нематериальность (существуют лишь в виде записи в распределенном реестре или на сервере).

Семейное право столкнулось с этой проблемой особенно остро. Раздел имущества супругов традиционно опирается на возможность четко идентифицировать объект, установить его стоимость и физически либо юридически разделить между сторонами. Цифровые активы ставят под сомнение все три предпосылки сразу.

Начиная с 2022 г., когда российские суды впервые столкнулись с необходимостью учитывать крипто-валютные накопления при разводе, выявилась системная неготовность правоприменителей. В одном из дел Московского городского суда супруга требовала включить в совместно нажитое имущество биткоины стоимостью около 47 млн рублей, однако не смогла доказать ни сам факт владения ими ответчиком, ни момент их приобретения [5].

Здесь стоит сделать оговорку: отсутствие единых стандартов доказывания владения цифровыми активами создает питательную среду для злоупотреблений. Супруг, осведомленный о приближающемся разводе, может перевести криптовалюту на анонимные кошельки, передать доступ к NFT третьим лицам или «продать» доменное имя подставной компании. Выявить такие манипуляции технически возможно, но требует специальных познаний, которыми ни суды, ни даже большинство адвокатов пока не обладают.

Проблема усугубляется тем, что российское законодательство о цифровых финансовых активах (федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ) фокусируется исключительно на регулировании обращения, налогообложении и предотвращении легализации доходов. Вопросы семейно-правового режима виртуальных объектов остались за рамками внимания законодателя.

В Великобритании суды уже несколько лет признают криптовалюты объектом имущественных прав и включают их в состав делимого при разводе. Более того, английские судьи активно используют институт freezing order – предварительного запрета на распоряжение активами. При наличии подозрений, что одна из сторон может вывести криптовалюту, суд может обязать ее раскрыть все кошельки и воздержаться от транзакций до завершения процесса. Нарушение такого предписания влечет уголовную ответственность за contempt of court (неуважение к суду).

В нескольких штатах США разработаны специальные процедуры выявления цифровых активов. Адвокат может направить запрос крупнейшим биржам с требованием сообщить, имеются ли у ответчика там счета. Биржи обязаны отвечать на такие запросы в рамках процедуры discovery. Разумеется, это не решает проблему анонимных кошельков, но значительно повышает шансы обнаружить активы, если они хранятся на централизованных платформах.

Для России применение этих подходов потребовало бы серьезных законодательных изменений. Поправки в ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации могли бы прямо указать, что к совместно нажитому имуществу относятся в т. ч. цифровые финансовые активы, криптовалюты, NFT-токены и иные виртуальные объекты, имеющие экономическую ценность [2].

Во-вторых, следует разработать процедуру обязательного декларирования цифровых активов в рамках бракоразводного процесса. Каждая сторона при подаче иска о разделе имущества должна раскрывать сведения о наличии криптокошельков, доменов, NFT и аккаунтов с монетизацией. За заведомо ложные сведения вводить ответственность вплоть до уголовной (по аналогии с дачей заведомо ложных показаний или фальсификацией доказательств).

В-третьих, необходимо создать институт специализированной цифровой экспертизы. Эксперты должны уметь отслеживать движение средств в блокчейне, анализировать историю транзакций, оценивать рыночную стоимость NFT и доменов с учетом специфики этих активов. Для этого потребуется подготовка кадров и разработка методических рекомендаций.

В-четвертых, стоит внедрить механизм блокировки цифровых активов по решению суда. Технически это сложно, но возможно при взаимодействии с российскими криптобиржами и операторами информационных систем. Если установлено, что активы хранятся на платформе, подконтрольной российскому праву, суд должен иметь возможность обязать оператора заморозить их до вынесения окончательного решения.

Цифровые активы уже перестали быть экзотикой. Миллионы россиян владеют криптовалютой, покупают NFT, монетизируют блоги и приобретают доменные имена. При разводе эти объекты неизбежно становятся предметом спора, но правовая система пока не готова эффективно их регулировать.

Основные проблемы концентрируются вокруг трех узловых моментов: невозможность достоверного выявления активов, отсутствие методик их оценки и сложность принудительного исполнения судебных решений о разделе. Каждая из этих проблем коренится в специфике цифровых технологий – ано-

нимности блокчейна, волатильности крипторынков, нематериальности объектов.

Путь к решению проблемы лежит в комплексном подходе. Законодательство должно установить, что цифровые активы являются общим имуществом супругов, и обязать их декларировать. Изменения в процессуальном праве должны дать судам возможность запрашивать сведения у провайдеров платформ и арестовывать виртуальные объекты.

Также необходимо выработать и законодательно закрепить механизмы для раскрытия цифровых активов, для минимизации рисков при вынесении судебных решений, а также прозрачности, которая не позволит сокрытия одной из сторон своего так называемого имущества.

Исходя из вышеизложенного, цифровое имущество становится неотъемлемой частью семейных отношений, а его раздел стал новой задачей, стоящей перед правоприменителями. С развитием технологий, проблема стала одной из ведущих, которая показывает, как, вроде бы, последовательное и динамичное развитие приводит к трудностям в принятии судебных решений. Порой российское законодательство не успевает за развитием интернет-технологий, но важно, чтобы в дальнейшем нормы стали более конкретными по отношению к виртуальному имуществу и содержали инструментарий, который бы помогал при его оценке и разделе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Волкова Т.С. Проблемы раздела криптовалют при разводе в российском законодательстве // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 24–30.

5. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 58–67.

***К.А. Лютых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.С. Черепанова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Система цифровой идентификации в России развивается с 2018 г., когда была утверждена национальная программа «Цифровая экономика». С 2025 г. реализуется национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». К началу 2025 г. количество зарегистрированных учетных записей на портале «Госуслуги» превысило 120 млн – это около 82 % населения старше 14 лет, также на портале зарегистрировано 3,5 млн мигрантов [3]. С конца 2025 г. в России стал развиваться национальный мессенджер «Макс», который стал первым мессенджером, регистрация в который происходит через «Госуслуги». Однако за такими огромными цифрами скрывается иная картина, которая показывает реальную ситуацию.

Граждане регистрируются под давлением каких-либо внешних обстоятельств – необходимость получить справку, записаться к врачу, оформить пособие, – но не воспринимают систему как удобный инструмент, который в будущем может заменить привычные нам бумажные документы. Доверие к цифровым сервисам остается фрагментарным, особенно в возрастной группе старше 55 лет и в малых населенных пунктах, где цифровая грамотность ниже среднероссийского уровня.

Министерство цифрового развития Российской Федерации в 2024 г. запустило пилотный проект по внедрению единой биометрической системы (далее – ЕБС) в банковском секторе и при получении государственных услуг. Планировалось, что к концу 2025 г. биометрические данные сдадут не менее 70 млн человек. Реальность оказалась скромнее: по состоянию на март 2026 г. в систему внесены данные лишь 12 млн граждан. Почему так вышло?

Здесь стоит сделать оговорку. Речь идет не столько о технической неготовности инфраструктуры – оборудование установлено в большинстве МФЦ и крупных банков, – сколько о психологическом барьере и недоверии к компьютерным технологиям и в принципе ко всему новому.

Проблема усугубляется правовой неопределенностью. Федеральный закон № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» от 29.12.2022 закрепил правовые основы обработки биометрии, но не устранил все коллизии и пробелы. Каким образом будут защищены данные при взломе системы? Кто несет ответственность за утечку – оператор, разработчик или государство? На эти вопросы однозначного ответа пока нет. Кроме того, один из

главных пробелов в том, что закон относит к биометрии только физиологические признаки (отпечатки пальцев, радужка глаза), но не учитывает поведенческие характеристики (например, динамику подписи или походку), которые все чаще используются за рубежом. Это создает правовую неопределенность для новых методов идентификации [4].

Одна из самых острых проблем – невозможность равномерного технологического обеспечения. В Москве, Санкт-Петербурге и других крупных региональных центрах инфраструктура развита на достаточно высоком уровне. Однако в сельских районах, небольших городах Сибири, Дальнего Востока картина иная. Скорость интернета не всегда позволяет комфортно работать с порталом «Госуслуги», не говоря уже о сложных процедурах идентификации.

Сбои в работе ЕСИА также подрывают доверие. В 2023 г. зафиксировано более 15 крупных инцидентов, когда система была недоступна от нескольких часов до суток, это без учета мелких инцидентов, когда проблемы были устранены в короткий срок. Пользователи не могли войти в личный кабинет, подать заявление, получить справку. Особенно критично это для тех, кто обращается за услугами в срочном порядке – оформление загранпаспорта перед поездкой, подача документов на пособие, запись к врачу. Один сбой – и доверие к системе падает. Люди возвращаются к привычной практике личного визита в необходимое ему ведомство, что обесценивает саму идею цифровизации в принципе [1].

Впрочем, проблемы не только в инфраструктуре. Качество распознавания биометрии тоже вызывает вопросы. По данным аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, в ЕБС настроен высокий порог точности: вероятность ошибки минимальна и составляет 1 к 10 млн случаев. При масштабе в десятки миллионов пользователей даже такое количество ошибок означают сотни тысяч случаев неверной идентификации. Это риски как для граждан – отказ в доступе к услуге из-за технической ошибки, – так и для государства, поскольку возникают претензии граждан, они начинают подавать судебные иски и тому подобное. Также технологии позволяют злоумышленникам создавать поддельные копии голоса и лица для обхода систем безопасности в банках. Как отмечают эксперты, текущих гражданско-правовых механизмов недостаточно, поэтому предлагается ввести уголовную ответственность за фальсификацию биометрии с помощью ИИ.

Внедрение систем распознавания лиц создает риск тотальной слежки. Суды пока не выработали четкого механизма компенсации морального вреда, если гражданин пострадал из-за ошибки алгоритма. Также вызывает опасения создание «цифрового профиля» гражданина – при объединении всех данных о человеке (от налоговой до социальной сети) высок риск утраты контроля над личной информацией.

Цифровая идентификация личности в России переживает период активного становления. Формальные показатели – количество зарегистрированных пользователей, объем предоставляемых услуг, число внедренных технологий – выглядят внушительно. Однако за цифрами скрываются серьезные проблемы: технологическая неравномерность регионов, правовая неопределенность, де-

фицит доверия со стороны граждан, недостаточная цифровая грамотность значительной части населения. Главная проблема – отставание закона от технологий. Сегодня ключевые нормативные акты – это федеральный закон № 572-ФЗ о ЕБС и поправки в КоАП (ст. 13.11.3). Однако они пока не могут полностью закрыть вопросы, связанные с поведенческой биометрией, дипфейками и цифровыми профилями.

Литература

1. Калинина Т.И. Инфраструктурные ограничения цифровой трансформации регионов России // Региональная экономика: теория и практика. 2023. № 8. С. 112–128.
2. Кузнецова О.В. Проблемы внедрения портала «Госуслуги» в регионах РФ: социологический анализ // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 67–81.
3. Национальные проекты Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://национальныепроекты.рф/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-itogi-natsproekta-ekonomika-dannykh/ (дата обращения: 10.04.2026).
4. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ (в ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 24.06.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.В. Маерле**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.В. Никулина
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Российская Федерация – одна их тех стран, которая уделяет особое внимание развитию и укрепление института семьи. В подтверждении этому ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации закрепляет норму о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1].

В настоящее время немаловажное значение отводится вопросам социальной поддержки семей с детьми. Еще в начале 2022 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин заявлял, что в «России появится единая система поддержки семей от этапа беременности до достижения детьми 18 лет» [9]. На сегодняшний день можно говорить о сложившейся так называемой бесшовной системе социальной поддержки, которая включает в себя меры поддержки семей с детьми до достижения ими восемнадцатилетнего возраста.

Правовая основа, регулирующая меры поддержки семей с детьми, в настоящее время очень обширна. Так, к регулированию вопросов, касающихся рассматриваемой темы, можно отнести следующие нормативно-правовые акты: 1) федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ; 2) федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ; 3) федеральный закон от 03.07.2019 № 157-ФЗ; 4) федеральный закон от 13.07.2024 № 179-ФЗ [3–6] и др.

В установленных случаях семьи с детьми имеют право на следующие меры социальной поддержки: разовое пособие по беременности родам, единовременное пособие при рождении ребенка, единое пособие, материнский капитал, больничный по уходу за ребенком и т. д.

Кроме этого, каждый субъект Российской Федерации может устанавливать дополнительные меры социальной поддержки для семей с детьми. К примеру, в Законе г. Москвы от 23.11.2005 № 60 закреплена такая мера социальной поддержки, как единовременная компенсационная выплата на возмещение расходов в связи с рождением (усыновлением) ребенка [8].

Отдельно стоит обратить внимание на то, что ранее меры социальной поддержки семей с детьми, установленные в Российской Федерации, можно было классифицировать по возможности их получения в зависимости от возраста ребенка: от 0 до 3 лет, от 3 до 7 лет и от 8 до 17 лет.

Однако со дня официального опубликования постановления Правительства Российской Федерации от 16.12.2022 № 2330, которое стало объединять сразу несколько ранее существовавших мер в рассматриваемой сфере, утрачена актуальность в распределении указанных мер в зависимости от возраста ребенка [7].

Особый интерес в настоящее время представляет постановление Правительства Российской Федерации от 28.11.2025 № 1928, вносящее ряд изменений, учитываемых при назначении алиментных обязательств с 1 марта 2026 г. [2].

Так, основные изменения касаются следующих аспектов:

1. Минимальный размер алиментов для учета пособий привязан к среднемесячной номинальной зарплате по региону за прошлый год (ранее – к МРОТ). Данное положение применяется в случаях, когда:

– отсутствует нотариально заверенное соглашение об уплате алиментов;

– в соглашении об уплате алиментов размер алиментных обязательств указан в размере меньшем, чем установлено законодательством Российской Федерации;

– отсутствует судебный приказ.

Соответственно, следует, что при расчете доходов для получения пособия учтут более существенную сумму чем, когда суммы рассчитывались только в зависимости от МРОТ, хотя на деле ребенок может получать гораздо меньший размер алиментных выплат от родителя. В тех регионах, где имеет место большая разница между МРОТ и средней зарплатой, переход на новую систему расчета может дать значительный прирост размера дохода, учитываемый при назначении пособия. Так, законодатель стремится к тому, чтобы снизить любые устные договоренности об уплате алиментных обязательств между родителями, что будет активно способствовать развитию института алиментных обязательств и защите прав несовершеннолетних детей. Однако такая система исчисления алиментов может снизить количество семей, претендующих на получение рассматриваемого пособия.

2. Ранее каждому трудоспособному совершеннолетнему члену семьи за расчетный период (12 мес.) необходимо было заработать не меньше 4-х МРОТ, иначе его доход признавался нулевым, что являлось основанием для отказа в назначении единого пособия. В настоящее время этот порог увеличен до 8-ми МРОТ за расчетный период. Увеличение до 8-ми МРОТ должно исключить случаи получения пособий семьями с формально низким доходом, но без реальной нуждаемости, и направить выплаты тем, кто действительно нуждается в помощи. Кроме этого, рассматриваемую меру поддержки семей с детьми не назначат родителям без объективных причин отсутствия занятости, если их заработок ниже нового порога.

Подводя итог, хочется отметить, что в России существует обширная нормативно-правовая база, регулирующая меры поддержки семей с детьми. Вопросы, касающиеся поддержания семей с детьми, остаются актуальными в настоящее время, т. к. существующие меры поддержки направлены на повышение качества жизни семей, укрепление института семьи и улучшение демографической ситуации. Весь комплекс мер в рассматриваемой области находится под особым контролем государства, а по мере необходимости преобразуется и модернизируется. Однако имеется ряд проблем, которые еще требуют особого внимания и законодательного регулирования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16.12.2022 № 2330 [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 28.11.2025 № 1928. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 19.05.1995 № 81-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 29.12.2006 № 256-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 13.07.2024 № 179-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13.2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 03.07.2019 № 157-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 16.12.2022 № 2330. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве [Электронный ресурс]: закон г. Москвы от 23.11.2005 № 60. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Путин пообещал скоро объявить новые шаги по созданию в РФ единой системы поддержки семей. URL: https://tass.ru/ekonomika/13978675 (дата обращения: 30.03.2026).

***Д.А. Матвеенко**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ОСАГО

В настоящее время есть некоторые проблемные аспекты в применении норм об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств (далее – ОСАГО).

Обратимся к судебной практике. Рассмотрим дело № 2-4868/2024 Ленинского районного суда города Новосибирска. Истец ФИО1 требовала взыскать с виновника ДТП ФИО2 и его работодателя ООО «ТТ-АВТО» разницу между фактическим ущербом (836 500 руб.) и выплатой страховой компании (400 000 руб.), а именно 436 500 руб., а также проценты.

ДТП произошло 07.02.2024 по вине водителя ФИО2, который управлял автомобилем, принадлежащим ООО «ТТ-АВТО». Страховая компания выплатила истцу максимальную сумму по ОСАГО – 400 000 руб.

Согласно проведенной судебной экспертизе размер ущерба составил:

1. Рыночная стоимость автомобиля на момент ДТП – 751 100 руб.

2. Стоимость восстановительного ремонта (847 900 руб.) превысила рыночную стоимость, поэтому ремонт признан нецелесообразным.

3. Размер ущерба рассчитывается как рыночная стоимость минус годные остатки: 751 100 руб. – 122 000 руб. = 629 100 руб.

Итоговая сумма взыскания: с учетом выплаченной страховкой суммы 229 100 руб. Исковые требования судом были удовлетворены частично [2].

Проблема заключается в несправедливом возмещении расходов, поскольку стоимость ремонта и восстановления автомобилей варьируется в зависимости от их модели и состояния. В ст. 7 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», закреплено, что страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред, который составляет в части возмещения вреда, причиненного имуществу каждого потерпевшего, 400 тыс. рублей [1]. Но на практике данной суммы не всегда достаточно, чтобы покрыть все расходы, потраченные в связи с дорожно-транспортным происшествием (далее – ДТП). Так как средняя стоимость нового автомобиля в России в 2025–2026 гг. превышает 3 млн рублей, а стоимость запасных частей выросла на 20–40 % за последние два года [5].

Таким образом, актуальность исследования заключается в очевидном несоответствии между максимальной страховой выплатой по ОСАГО, закрепленной в ФЗ № 40-ФЗ (400 000 руб. за имущественный вред), и фактическими расходами на ремонт или рыночной стоимостью современных автомобилей.

Над этой проблемой работал кандидат юридических наук Ерин Василий Васильевич. В своей работе он отмечает, что страховым компаниям более выгодно выплачивать страховое возмещение в форме страховой выплаты. Оставшуюся часть фактических расходов на восстановление транспортного средства потерпевший может взыскать с причинителя вреда. «В этом случае законодатель, по нашему мнению, незаслуженно ставит причинителя вреда в более угнетенную позицию. Ведь приобретая полис ОСАГО причинитель вреда полагал, что страховая компания несет полную ответственность в пределах всей страховой суммы и ему не надо будет нести никаких дополнительных расходов, возникших в результате причинения вреда», – пишет В.В. Ерин [3, с. 85].

Таким образом, на сегодняшний день получается парадоксальная ситуация: владелец бюджетного транспортного средства и владелец нового премиального внедорожника платят за ОСАГО практически одинаковые деньги. Но если первый попадет в аварию, страховой компании придется заплатить за ремонт примерно 400 тыс. рублей. А если второй – сумма ущерба может легко превысить миллион. При этом страховой взнос у них почти равный. Получает-

ся, что владельцы бюджетных автомобилей фактически финансируют риски, связанные с дорогими машинами, что вряд ли можно назвать справедливым. Недостаточность покрытия приводит к конфликтам между страховщиками и потерпевшими, росту судебных издержек и недоверию к институту страхования в целом.

Мы предлагаем два альтернативных подхода к реформированию системы.

Во-первых, лимит выплаты по ОСАГО за вред имуществу (сейчас 400 000 руб.) необходимо увеличить, потому что из-за инфляции и удорожания автомобилей и их ремонта владельцам транспортных средств не хватает денежных средств для восстановления автомобиля. В марте 2026 г. нами был проведен опрос среди 43 владельцев транспортных средств, где им был задан вопрос «Согласны ли Вы что лимит выплаты по ОСАГО за вред имуществу (сейчас 400 000 руб.) необходимо увеличить?», 93 % опрошенных согласились с тем, что нужно увеличить лимит выплаты по ОСАГО. Также такой точки зрения придерживается Александр Константинович Кичатый, в своей статье он пишет: «В качестве основных идей выхода из кризиса можно выделить повышение лимитов страхового покрытия в ОСАГО» [4, с. 38].

Во-вторых, внедрить в систему ОСАГО «Страховой конструктор» – это подход, при котором устанавливается не один обязательный лимит страховой выплаты, а шкала из нескольких уровней покрытия (например, базовый, расширенный, премиальный). Владелец автомобиля самостоятельно выбирает, какой уровень защиты ему приобрести, уплачивая соответствующий страховой взнос.

Таким образом, каждый водитель сам решает, сколько риска он хочет застраховать, и сколько готов за это заплатить. При этом обязательным остается базовый уровень, гарантирующий, что даже самый дешевый полис покроет базовые убытки потерпевшего.

Подводя итог вышеизложенному, хочется сказать, что действующая система ОСАГО в части имущественного лимита в 400 000 рублей объективно не соответствует экономическим реалиям, что подтверждается как судебной практикой (дело № 2-4868/2024), так и мнением подавляющего большинства опрошенных водителей. Предлагаемые альтернативные подходы, как увеличение фиксированного лимита, так и внедрение «Страхового конструктора» – направлены на устранение выявленных противоречий. Особенно перспективным представляется внедрение многоуровневой системы, позволяющей водителям самостоятельно выбирать степень защиты с учетом стоимости своего транспортного средства и индивидуальных рисков. Данное нововведение нашло широкую поддержку среди опрошенных (95,3 %), а также позволяет выйти на справедливую модель, при которой каждый платит соразмерно предполагаемой ответственности. Реализация такого подхода будет способствовать снижению судебных споров и повышению финансовой защищенности потерпевших.

Литература

1. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств [Электронный ресурс]: федеральный закон от

25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Судебные решения. URL: https://www.судебныерешения.рф/82944527 (дата обращения: 11.03.2026).

3. Ерин В.В., Шелестюков В.Н., Рыбашкова А.Р. Возмещение вреда по ОСАГО: правовые коллизии // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 84–86.

4. Кичатый А.К. Страхование ОСАГО: проблемы и пути их решения // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 19 (451). С. 37–41.

5. Почему эксперты прогнозируют повышенные траты на обслуживание автомобилей в 2026 году. URL: https://auto.ru/mag/article/zapchasti-i-masla-vyrastut-v-cene-na-25-chto-i-pochemu-uzhe-podorozhalo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 11.03.2026).

***Д.А. Матвеенко**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Зубенко**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМА ВОЗМЕЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА В НАТУРЕ (ВЫПОЛНЕНИЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ) ВМЕСТО ВЫПЛАТЫ ДЕНЕЖНОЙ КОМПЕНСАЦИИ

Одной из фундаментальных задач экологического права остается обеспечение справедливого возмещения ущерба, нанесенного природной среде. Правоприменители часто сталкиваются с выбором между взысканием компенсации исходя из установленных тарифов и методик либо принуждением виновника к проведению восстановительных мероприятий на местах – например, рекультивации земель, озеленению территорий, очистке водоемов.

В п. 2 ст. 78 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закреплено, что на основании решения суда вред окружающей среде, причиненный нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, может быть возмещен посредством возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды за счет его средств в соответствии с проектом восстановительных работ [4].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» указано, что определе-

ние способа возмещения вреда – в натуре или в денежном выражении – зависит прежде всего от возможности его возмещения в натуре, необходимости оперативно принимаемых мер, их эффективности для восстановления нарушенного состояния окружающей среды. В отсутствие таких обстоятельств суд вправе избрать способ защиты в виде компенсации вреда в денежном выражении (взыскание убытков). Суд, удовлетворяя требование о возмещении вреда в натуре, должен основываться на соответствующем проекте и указать на него в резолютивной части решения. Если проект отсутствует, суд выносит решение о возмещении вреда в денежной форме [5].

Таким образом, возмещение вреда природе путем исполнения конкретных работ, предусмотренных законодательством Российской Федерации, представляет собой одну из форм восстановления экосистем. Несмотря на юридическую закрепленность этого механизма, его реализация сопровождается значительными правовыми и практическими вызовами.

Проблема возмещения экологического вреда в натуре (выполнения восстановительных работ) вместо выплаты денежной компенсации связана с тем, что возложение на причинителя вреда двойной ответственности недопустимо. Нельзя одновременно требовать от компании и выплатить денежную компенсацию, и провести восстановительные работы. Суд вправе выбрать один из способов возмещения вреда, но решение зависит от возможности возмещения в натуре, оперативности принимаемых мер и их эффективности для восстановления нарушенного состояния природной среды.

Кроме того, денежная форма возмещения вреда может быть спорной с точки зрения реального восстановления экосистемы, т. к. взысканные деньги зачастую не обособляются от остальных бюджетных средств и не расходуются на экологию. Данной точки зрения придерживаются А.В. Винницкий, В.В. Круглов, М.С. Соловьев в своей работе, они считают, что деньги, поступая в бюджет, обезличиваются и часто не доходят до реальных восстановительных мероприятий на том конкретном участке, где был причинен вред. Цель экологического права – восстановление окружающей среды – фактически не достигается, хотя формально ответственность наступила [1, с. 25].

Они отмечают, что суды зачастую идут по пути наименьшего сопротивления, взыскивая деньги по методикам, т. к. это проще, чем контролировать исполнение сложных и долгосрочных проектов восстановительных работ.

Также И.А. Игнатьева считает, что сегодня прослеживается стремление правоприменителя (судов, органов власти) к экономии ресурсов, желание создать «понятные» и «быстрые» процедуры, а также природопользователи заинтересованы в минимизации расходов. Упрощение ведет к тому, что вместо реального восстановления природы, проводятся денежные выплаты, которые не помогают восстановлению природы [3, с. 98]. Этот автор призывает к необходимости преодоления тенденции к упрощению. Правоприменитель должен быть готов к сложным делам, требующим оценки проектов восстановления, назначения экспертиз и длительного контроля.

Таким образом, ключевая проблема заключается в том, что денежная компенсация вреда, поступая в бюджет и обезличиваясь, не гарантирует прове-

дения реальных восстановительных работ на пострадавшей территории, из-за чего цель экологического права остается недостигнутой. Для исправления ситуации необходимо преодолеть тенденцию к упрощению правоприменительной практики и перейти от формальных взысканий к сложным, но эффективным механизмам натурального возмещения ущерба.

Если обратиться к судебной практике, то можно найти примеры, где суды встают «на сторону природы» и обязывают сторону проводить восстановительные работы. Так, например, Арбитражный суд ХМАО-Югры рассмотрел дело № А75-17097/2021 по иску Природнадзора Югры к ООО «РН-Юганскнефтегаз» о взыскании 140 817 рублей вреда, причиненного лесному фонду [2].

Истец (Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды) требовал взыскать с ответчика ущерб в денежной форме за загрязнение нефтепродуктами лесного участка площадью 0,0107 Га.

Ответчик (ООО «РН-Юганскнефтегаз») не оспаривал факт причинения вреда, но просил возместить его в натуре путем проведения рекультивации согласно разработанному и согласованному проекту.

Результат рассмотрения дела: исковые требования удовлетворены, но иным способом. Суд обязал ответчика возместить вред в натуре – провести рекультивацию загрязненного участка в соответствии с утвержденным проектом (проект рекультивации земельного участка «т.25 – к.99» Приразломного месторождения, согласованный 01.06.2022). Сроки выполнения работ установлены указанным проектом.

В удовлетворении требования о денежной компенсации суд отказал, выбрав наиболее эффективный, по его мнению, способ восстановления окружающей среды.

Подводя итог вышеизложенному, мы поддерживаем мнение авторов, т. к. главная цель восстановления экологического вреда – восстановление и сохранение благоприятной окружающей среды, но также согласны, с тем, что не все катастрофы можно возместить выполнением восстановительных работ. Поэтому мы предлагаем комбинированный подход возмещения экологического вреда**,** там, где можно восстановить – восстановить (натурально), а там, где потери невосполнимы (например, гибель уникальных объектов или длительное нарушение экосистемы) – компенсировать деньгами.

Литература

1. Винницкий А.В., Круглов В.В., Соловьев М.С. К вопросу о приоритете натуральной формы возмещения вреда, причиненного окружающей среде (на примере водных объектов и почв) // Юридические исследования. 2020. № 12.

2. Дело № А75-17097/2021 Арбитражного суда ХМАО-Югры. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ReEK2LyRM3rH/ (дата обращения: 11.03.2026).

3. Игнатьева И.А., Развитие правового регулирования возмещения вреда окружающей среде как упрощение природоохранной концепции // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 3.

4. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***В.И. Мозговых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.С. Черепанова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЗНАЧЕНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СПОРАХ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК

В современном российском гражданском праве принцип добросовестности трансформировался из декларативной нормы в действенный правовой инструмент, интегрированный во все сферы частного права. Особую актуальность он приобретает при оспаривании сделок, где служит своего рода «нравственным фильтром», призванным сбалансировать интересы участников гражданского оборота и обеспечить устойчивость правовых отношений. Проведенная более десяти лет назад реформа Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закрепила добросовестность как основополагающий принцип (ст. 1 ГК РФ), обязывая стороны вести себя честно и открыто, уважая права и законные интересы друг друга [1]. В контексте споров о недействительности сделок, добросовестность играет многогранную роль, включая пресечение злоупотребления правом и защиту обоснованных ожиданий добросовестного контрагента.

Ключевым механизмом реализации принципа добросовестности в рамках института недействительности является правило «эстоппель», закрепленное в п. 5 ст. 166 ГК РФ. Данная норма гласит, что требование о недействительности сделки не имеет юридической силы, если сторона, ссылающаяся на нее, действует недобросовестно, в частности, если ее предыдущие действия создавали у других лиц уверенность в действительности сделки.

Как указывает К.И. Скловский, эта норма призвана пресекать противоречивое поведение, подрывающее доверие в гражданском обороте [2, с. 278]. Если сторона исполнила сделку или иным образом подтвердила ее действительность, а затем, посчитав исполнение невыгодным, пытается заявить о ее ничтожности или оспоримости, такое поведение должно быть пресечено судом.

В таком случае добросовестность выступает как препятствие для тех, кто пытается использовать формальные недостатки сделки для уклонения от обязательств. Данная правовая позиция находит подтверждение в судебной практике. Например, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 подчеркнул, что суды должны анализировать поведение сторон на предмет его соответствия стандартам добросовестности, не позволяя извлекать выгоду из противоправного или недобросовестного поведения [3].

Рассматривая воздействие добросовестности на исход сделок, целесообразно обратиться к позиции Е. А. Суханова, который подчеркивает приоритет обеспечения стабильности гражданского оборота над формальным соблюдением законодательных норм [4, с. 576]. В этом контексте добросовестность выполняет функцию «оздоровления» правовых сделок. Так, при заключении сделок без требуемого согласия третьей стороны (ст. 173.1. ГК РФ) или при выходе за пределы предоставленных полномочий (ст. 174 ГК РФ), ключевым фактором для признания их недействительными выступает осведомленность другой стороны сделки о существующих ограничениях. При условии, что контрагент действовал добросовестно и проявил должную осмотрительность, его добросовестность приобретает защитный характер, предотвращая оспаривание сделки. В подобных ситуациях законодательство отдает предпочтение охране законных ожиданий добросовестного участника, а не интересов лица, чьи права были нарушены, но которое не обеспечило адекватный надзор за своим представителем или имуществом.

Современная судебная практика, охватывающая период последних годов, демонстрирует еще более глубокое интегрирование принципа добросовестности в процесс анализа оспариваемых и ничтожных сделок. В частности, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 305-ЭС23-10234 было отмечено, что одних лишь формальных признаков недействительности (например, нарушение процедуры одобрения крупной сделки) недостаточно для ее отмены, если истец не докажет факт сговора контрагента или его осведомленность о существенном ущербе для компании [5]. Суд акцентировал внимание на том, что правовая защита участника общества не должна осуществляться в ущерб законным интересам добросовестного третьего лица. Эта позиция согласуется с тезисом В.В. Витрянского о том, что в современном правовом поле добросовестность ограничивает эгоистические интересы участников сделок в пользу общественной потребности в стабильности договорных отношений [6, с. 528].

В некоторых основаниях оспаривания сделок добросовестность прямо не упоминается, что не препятствует исследованию судами вопроса о ее наличии и значении для разрешения спора, поскольку «добросовестность» является общим принципом гражданского права.

В контексте оспаривания сделок, совершенных вследствие злоупотребления правом (ст. 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации), оценка добросовестности участников приобретает особую значимость. Исторически такие сделки признавались ничтожными. Однако, как отмечают правоведы, существует сложность в разграничении обычного нарушения закона и преднаме-

ренного, недобросовестного поведения, которое требует более строгих мер гражданско-правовой ответственности [8].

Добросовестность в таких спорах оценивается как психологическое состояние субъекта, его понимание истинных целей сделки, например, вывод активов перед процедурой банкротства. Актуальные обзоры судебной практики по делам о банкротстве за 2024 г. подчеркивают, что для признания сделки недействительной по ст. 10 ГК РФ необходимо доказать наличие умысла на злоупотребление правом у обеих сторон.

Следовательно, если покупатель приобрел имущество по справедливой рыночной цене и не обладал информацией о неплатежеспособности продавца, его добросовестность исключает возможность аннулирования сделки, даже если она фактически причинила ущерб кредиторам.

Резонансное решение Верховного Суда Российской Федерации по делу Долиной и Лурье подчеркнуло значимость добросовестности в оспаривании сделок, совершенных под влиянием заблуждения. Суд установил, что оспаривание таких сделок создает риски для участников оборота и подрывает доверие к сделкам. Исключение составляет случай, когда одна из сторон договора продемонстрировала безупречное добросовестное поведение. В такой ситуации сделка не подлежит признанию недействительной по причине заблуждения другой стороны, поскольку защита прав добросовестного контрагента является основой принципа «договоры должны исполняться» [8].

Соблюдение принципа добросовестности распространяется и на процессуальный аспект. Сторона, оспаривающая сделку, также должна действовать добросовестно. Если истец способствовал заключению сделки с нарушениями, а впоследствии пытается ее оспорить, суды, руководствуясь правилом «эстоппель» (запрет противоречивого поведения), отказывают в удовлетворении иска. Это предотвращает использование права на оспаривание как инструмента давления на контрагента. Правовая система не поддерживает требования, основанные на недобросовестном поведении самого заявителя [9, с.756].

Таким образом, добросовестность участников является ключевым фактором обеспечения стабильности гражданского оборота, ограничивая формальные основания для признания сделок недействительными. Приоритетом современного гражданского права является защита добросовестных участников, а принцип добросовестности служит эффективным регулятором, предотвращающим злоупотребление институтом недействительности сделок.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий глав 9 и 10 ГК РФ (постатейный). 4-е изд. М.: Статут, 2019. 278 с.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гражданское право: учебник. В 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Статут, 2023. Т. 1. 576 с.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.09.2023 № 305-ЭС23-10234 по делу № А40-205465/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018. 528 с.

7. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. 756 с.

З.Т. Мусаева, *курсант 3 курса*
Академия МВД Киргизской Республики
имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева

Научный руководитель:
С.М. Автандилова
Академия МВД Киргизской Республики
имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ

Актуальность информационной безопасности детей сегодня является критической и постоянно возрастающей проблемой. Это обусловлено тотальной цифровизацией жизни, стремительным ростом детской интернет-аудитории и увеличением разнообразия угроз в цифровом пространстве.

Хоть наша Конституция и напрямую не содержит отдельной статьи с формулировкой «информационная безопасность детей». Однако она закладывает конституционные основы для обеспечения этой безопасности через ряд ключевых статей, который гарантирует общие права и защиту как для всех граждан, так и специально для детей.

Информационная безопасность детей вытекает из следующих конституционных положений:

Статья 27 (Право на развитие и защиту детей):

Устанавливает, что Каждый ребенок имеет право на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития.. Защита от вредной информации напрямую связана с обеспечением нравственного и духовного развития[1].

Закрепляет принцип наилучших обеспечений ребенка в Киргизской Республике.

Статья 29 (Неприкосновенность частной жизни достоинства):

Гарантирует неприкосновенность частной жизни, защиту чести и достоинства каждого. Это включает незаконный сбор информации, хранение и распространение конфиденциальной информации и информации о частной жизни.

Данные нормы распространяются и на детей защищая их от кибербуллинга, разглашения личных данных и другого цифрового вреда.

Согласно этой статье[2] Уголовный кодекс Кыргызской Республики предусматривает (ст. 190. Нарушение неприкосновенности частной жизни).

Цифровизация оказывает двойственное и глубокое влияние на детей и их развитие: она открывает беспрецедентные возможности для обучения и творчества, но в то же время несет серьезные риски для их когнитивных функций, фи-

[1] Конституция КР от 5 мая 2021 г.
[2] Уголовный кодекс КР от 28 октября 2021 г.

зического и психосоциологического здоровья, особенно при неконтролируемом использовании.

Дети по своей природе более уязвимы в цифровой причине по нескольким причинам:

Недостаток критического мышления: им сложно отличить достоверную информацию от фейков, манипуляции от рекламы, а виртуальную угрозу от реальной.

Эмоциональная незрелость: дети более склонны к эмоциональным реакциям (страх, паника, гнев), которые могут быть вызваны деструктивным контентом или кибербуллингом, и не всегда знают, как правильно реагировать на угрозы.

Доверие: они чаще, чем взрослые, могут раскрыть личную информацию (адрес, номер телефона и фото) незнакомцам в сети, что делает их жертвами злоумышленников (грумминг, мошенничество).

Необходимость Правовой Защиты и Медиаграмотности обусловлена необходимостью адекватного ответа государства и общества на вызовы:

Необходимо постоянно обновлять законодательство (как это делает Киргизская Республика, принимая поправки к закону «(Модельный Закон о защите детей от вредной информации, 2007 г.)»[1], в который были внесены существенные изменения (например, в августе 2023 г.).

Этот закон ввел понятия:

– информационная безопасность детей;

– информация, причиняющая впред здоровью и развитию детей (к ней относят информацию, пропагандирующую насилие, жестокость, отрицающие семейные ценностисодержащие нецензурную брань и порнографию, и т. д.).

Законодательство устанавливает, меры и требования для защиты детей в медиапространстве,включая:

– маркировку информационной продукции;

– требования к распространению информации в СМИ и интернете;

– ответственность за распространение вредной информации.

Критически важно обучать не только детей, но и родителей и педагогов основам медиаграмотности и цифрового родительства, для обеспечения информационной безопасности наших детей, ведь именно они являются нашим будущим поколениям.

При рассмотрении конституционных основ, законодательной базы и влияния цифравизации,можно сделать вывод,что информационная безопасность детей в Киргизской Республике является критически актуальной, многоаспектной проблемой,требующнй постоянного совершенствования законодательства и усилий всего общества.

Киргизская Республика предпринимает шаги для защиты детей, опираясь на Конституционные гарантии и Специализированное законодательство.

[1] Модельный Закон о защите детей от вредной информации. 2007 г.

Однако скорость развития технологий зачастую опережает законотворческий процесс, что требует постоянной адаптации и детализвции норм, особенно в части регулирования социальных сетей и новых форм контента.

Защита информационной безопасности в КР – это не только вопрос запретов и наказаний, но и задача формирования цифровой культуры. Успех в этой сфере зависит от трех столпов: сильного и гибкого законодательства, повышения медиаграмотности детей и родителей, и активного участия интернет-провайдеров и образовательных учреждений в создании безопасной цифровой среды.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики от 05.05.2026). Ст. 27, 29. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru?anchor=r3 (дата обращения: 20.08.2026).

2. Модельный Закон о защите детей от вредной информации от 03.12.2007. Принят на тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи. № 33-15.

3. Нарушение неприкосновенности частной жизни от 28.09.2021: Уголовный Кодекс Кыргызской Республики, Глава 27. Преступления против гражданских и иных прав человека. Ст. 190.

***П.А. Пархоменко**, курсант 3 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
М.И. Бояркина
Сибирский юридический институт МВД России

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Современное гражданское судопроизводство сталкивается с существенными вызовами, обусловленными ростом процессуальной сложности и объема рассматриваемых дел. Традиционные методы работы судов демонстрируют недостаточную эффективность, проявляющуюся в систематических задержках рассмотрения споров, рисках, связанных с человеческим фактором, и ограниченной прозрачности процедур. Эти проблемы усугубляются в условиях динамично изменяющейся правовой среды и увеличивающейся нагрузки на судебную систему. Как следствие, возникает настоятельная потребность в поиске новых подходов к организации гражданского процесса.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024), подчеркивает центральную роль внедрения передовых цифровых технологий в формировании всеобъемлющей системы регулирования общественных отношений, а также в оптимизации человеческого труда в различных отраслях экономики и социальной сферы [1]. Более того, инновационные цифровые методы сбора и обработки информации фундаментально трансформируют модели взаимодействия между гражданами и органами государственной власти, включая судебную ветвь, в то время как радикально новые подходы к устоявшимся процессам инициируют глубокие изменения в механизмах осуществления правосудия. В контексте реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» и федерального проекта «Искусственный интеллект» Правительство Российской Федерации активно интегрирует новейшие технологии в сферу судопроизводства и альтернативных форм разрешения споров, стремясь к их модернизации, упрощению процедур и построению эффективной системы правосудия. Актуальность этих инициатив подтверждается недавними разработками: на Международной конференции AI Journey 2025 Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил о подготовке национальной стратегии по генеративному искусственному интеллекту, подчеркивая приоритет технологического суверенитета и вклад ИИ в экономический рост, с прогнозируемым совокупным эффектом для ВВП свыше 11 трлн рублей к 2030 г. Кроме того, в июне 2025 г. было учреждено Центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, что усиливает координацию усилий по внедрению ИИ в ключевые сектора, включая правовую сферу.

Интеграция передовых цифровых технологий – включая искусственный интеллект, распределенные реестры (блокчейн) и инструменты анализа больших данных – в сферу гражданского судопроизводства обладает существенным потенциалом для повышения эффективности функционирования судебной системы. К числу ключевых преимуществ цифровизации правосудия относятся снижение судебных расходов для участников процесса, минимизация рисков пропуска процессуальных сроков, повышение удобства подготовки и подачи процессуальных документов, а также существенное улучшение скорости и качества их обработки. Внедрение цифровых решений способствует реализации фундаментальных принципов гражданского судопроизводства, включая равенство участников процесса перед законом и судом, гласность и открытость судебных процедур, полномасштабную техническую фиксацию судебных действий, соблюдение разумных сроков рассмотрения дел, а также обеспечение состязательности и диспозитивности процесса.

Зарубежный опыт внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство свидетельствует о позитивной тенденции в части автоматизации судебных процессов. В ряде зарубежных стран применяется термин Legal tech, под которым подразумевают общее использование информационных технологий в правовой сфере [1, с. 36–40].

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) демонстрируют высокую эффективность в обработке обширных массивов юридической документации, включая классификацию исковых заявлений и выделение критических элементов дел, что способствует повышению оперативности и точности судебных процедур. Среди ведущих платформ, использующих ИИ, можно выделить такие системы, как ChatGPT (OpenAI), Microsoft Bing AI, YandexGPT, а также специализированные инструменты вроде Grok (xAI) и Claude (Anthropic), которые эволюционировали к 2025 г. с акцентом на мультимодальные возможности и интеграцию с юридическими базами данных. Особого внимания заслуживает концепция «предиктивного правосудия» (predictive justice), подразумевающая применение алгоритмов ИИ для анализа обширных корпусов судебных решений с целью прогнозирования исходов споров определенных категорий. Этот метод позволяет выявлять корреляции между входными переменными (например, обстоятельствами дела, профилем сторон и прецедентами) и выходными результатами (судебными вердиктами), опираясь на машинное обучение и большие данные [2, с. 37]. В контексте российской судебной системы такие подходы способствуют обоснованности решений судей за счет учета накопленной практики, а также оптимизации распределения ресурсов путем предварительной оценки вероятности досудебного урегулирования или успеха апелляций. Актуальность этих разработок подтверждается недавними инициативами: в ноябре 2025 г. Председатель Верховного Суда Российской Федерации Игорь Краснов распорядился ускорить внедрение ИИ в судебные процессы, включая автоматизированный анализ практики и выявление нормативных пробелов, что отражает переход к цифровизации правосудия в рамках национальной стратегии по ИИ.

Учитывая подобные возможности ИИ, также считаем перспективным предложение о применении искусственного интеллекта в таких делах, как выдача судебного приказа (гл. 11 ГПК РФ). Требования, по которым выдается судебный приказ, содержатся в ст. 122 ГПК РФ [3]. Положения п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве», в свою очередь, содержат разъяснение о том, что требования, которые рассматриваются в порядке приказного производства, должны быть бесспорными [4]. При рассмотрении бесспорных требований в приказном производстве, на наш взгляд, не исключается применение ИИ, поскольку подобная работа не связана напрямую с анализом правоотношений сторон и носит в основном технический характер. Однако и в этом случае с полной уверенностью говорить о полноценной замене судьи искусственным интеллектом не представляется возможным.

Блокчейн-технология обеспечивает криптографическую защиту электронных доказательств и судебных решений от несанкционированных модификаций. Данная характеристика реализуется посредством децентрализованного хранения данных и применения хеш-функций, что исключает возможность незаметного изменения информации.

Однако вопрос о правовой природе технологии блокчейн является дискуссионным. Одни авторы рассматривают блокчейн как «технологический инструмент фиксации и хранения данных, аналогичный распределенной базе данных, но с высокой степенью защиты от модификации» [5, с. 14]. В рамках такого понимания правовое регулирование концентрируется преимущественно на вопросах информационной безопасности и придания юридической силы записям, сформированным в распределенном реестре. Подобная трактовка тесно связана с концепцией правового признания электронных доказательств и цифровых подписей, что открывает возможности для интеграции блокчейна в процессы государственного администрирования. Другой подход исходит из того, что блокчейн является не просто инструментом хранения информации, а механизмом «юридической фиксации прав и обязательств, который может выполнять функции самостоятельного регулятора» [6, с. 22].

Блокчейн в этом случае интерпретируется как инновационная форма регулирования частноправовых отношений, при которой алгоритмические механизмы выполняют функции традиционных правовых инструментов. Такой подход предполагает необходимость модернизации действующего законодательства с учетом специфики цифровых технологий, а также признания блокчейн-платформ юридически значимыми средствами документирования и удостоверения сделок.

Например, блокчейн способен подтвердить авторские права, определить и отследить размер вознаграждения авторов (соавторов). Соответствующие гражданско-правовые споры рассматриваются судами общей юрисдикции как не связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Так, в п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федера-

ции закреплено, что для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения. При этом всегда существует вероятность злоупотребления правом третьими лицами. Блокчейн исключает такую возможность, поскольку полностью фиксирует и подтверждает установление авторства на результаты интеллектуальной деятельности, а также его использование третьими лицами.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в гражданское судопроизводство выступает в качестве стратегического направления эволюции судебной системы, позволяя ей соответствовать современным стандартам оперативности, доступности и справедливости правосудия. Успешность таких трансформаций обусловлена сбалансированным подходом, учитывающим как технологические инновации, так и правовые гарантии.

Литература

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. Галкина Н.М., Кузнецова Д.В., Воробьев М.А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. С. 36–40.

3. Галкина Н.М., Кузнецова Д.В., Воробьев М.А. Зарубежный опыт применения искусственного интеллекта в судебной системе // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 3. С. 35–44.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532;

5. Михеева И.Е. Альтернативный взгляд на правовое регулирование технологии блокчейн // Юрист. 2021. № 11. С. 13–18.

6. Гарашко А.Ю. Перспективы использования блокчейн-технологий в системе государственно-правовой политики // Advances in Law Studies. 2021. Т. 9. № 4. С. 21–25.

***Е.И. Первушина**, курсант 3 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
А.А. Вичева
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ПРИЗНАНИЯ РЕБЕНКА, РОЖДЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА, СУБЪЕКТОМ НАСЛЕДОВАНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Продолжительное время в частноправовой науке и гражданском законодательстве бытовало мнение, что зачатие могло происходить исключительно в период жизни наследодателя. Однако развитие медицины и внедрение новых методов лечения различных заболеваний, связанных с репродуктивной функцией человека различные методики искусственного оплодотворения, становятся не только актуальными, но и единственными способами реализации функции деторождения. Одним из методов лечения бесплодия является экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО) [12]. С помощью ЭКО появляется возможность биологической матери не только зачать, но и в отдельных случаях родить ребенка не вынашивая его. Если естественные роды невозможны по медицинским показаниям, или женщина не желает вынашивать ребенка самостоятельно, то пара может прибегнуть к услугам суррогатной матери.

Указанная технология продолжительно реализуется на территории нашего государства. При этом некоторые аспекты, связанные с правовым регулированием наследования ребенком, рожденным при ее помощи, являются не до конца закрепленными. Положения ст. 55 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323), предусматривают, что ребенок, рожденный с помощью суррогатного материнства, не имеет кровного родства с женщиной, родившей его. Указанное нормативное предписание подтверждается мнением врачебного сообщества [9]. Даже при единстве правового и медицинского аспектов, в отдельных случаях могут возникать коллизии, особенно, когда идет речь о рождении ребенка, чьи генетические родители умерли. С одной стороны, медицина утверждает, что суррогатная мать и ребенок – генетически чужие друг другу люди, а с другой – ст. 48 СК РФ, признает матерью женщину, родившую ребенка в медицинском учреждении [10]. В этом случае, как представляется, суррогатная мать будет записана как потенциальный родитель, если не откажется от ребенка [5, с. 1161]. Тогда такой ребенок не сможет стать наследником прав своих генетических родителей.

Следует отметить, что в соответствии с частью 4 ст. 51 СК РФ генетические родители могут зарегистрировать своего ребенка только при согласии суррогатной матери [4]. При этом могут быть случаи, когда по разным мотивам, гестационный курьер отказывается передавать ребенка его биологическим родителям. В указанном случае ситуация разрешается в судебном порядке. Вер-

ховный Суд Российской Федерации в этом отношении указывает, что отказ суррогатной матери дать согласие на запись потенциальными родителями «не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание» и решение необходимо принимать в интересах ребенка [6].

Судебное рассмотрение – длительный процесс, порождающий риски юридических осложнений и непредвиденных обстоятельств, к числу которых можно отнести смерть как суррогатной матери [1], так и генетического родителя. В связи с этим возникает предположение о необходимости изменения процедуры получения исследуемого согласия суррогатной матери. Представляется, что рассматриваемое согласие может быть дано суррогатной матерью до начала беременности и может оформляться путем включения положения о нем в договоре суррогатного материнства. А в случае смерти генетических родителей или генетической матери (использование репродуктивной технологии одинокой женщиной), предлагаем в указанное согласие, включить положение о биологических родственниках, которые могут быть с согласия суррогатной матери зарегистрированы в качестве родителей, например бабушка. Такая практика в Российской Федерации уже существует [3].

Также следует отметить, что согласие суррогатной матери на регистрацию генетических родителей родителями ребенка, предоставленное до наступления беременности может оказывать превентивное влияние на случаи отказа [8] последних от новорожденного, а также исключит необходимость применения штрафных санкций за неисполнение условий договора [11]. Фактически заказчики вспомогательной репродуктивной технологии после рождения ребенка уже не смогут отказаться от него, а следовательно такой ребенок будет обладать наследственными правами в отношении своих биологических родителей.

Отметим, что порядок наследования нерожденным ребенком в целом имеет нормативное закрепление. С учетом тематики исследования, представляется необходимость внесения изменений в указанную статью, в части выделения обязательной доли для ребенка, рожденного в результате реализации посмертной программы суррогатного материнства. Отсутствие нормативного регулирования наследственных прав указанной категории детей, а также прямое их закрепление может порождать правовую неопределенность, затягивать сроки вступления в наследство и нарушать права других наследников. В связи с этим считаем целесообразным сокращение сроков до 12 месяцев, как, например, в Великобритании и Италии [2, с. 6], в течение которых после смерти генетических родителей может быть реализована посмертная программа суррогатного материнства.

Литература

1. Антонов А. Суррогатное материнство. URL: https://pravo163.ru/surrogatnoe-materinstvo/ (дата обращения: 14.02.2026).

2. Бурмистрова Е.В. Установление происхождения детей при посмертной репродукции с использованием метода суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. 2014. № 3. С. 6–9.

3. Дмитриева А. Судьи не пришли к единому мнению, как следует регистрировать родившихся от суррогатной матери детей [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Как зарегистрировать рождение ребенка от суррогатной матери? URL: https://235.56.мвд.рф/document/48947539 (дата обращения: 25.01.2026).

5. Лескова Ю.Г., Малимонова А.С. К вопросу о наследственных правах суррогатных детей по законодательству РФ // Научный журнал КубГАУ. № 111 (07). 2015. С. 1158–1168.

6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

8. Профилактика отказов от новорожденных детей. URL: http://crisiscenter74.ru/profilaktika-otkazov-ot-novorozhdennyh-detej (дата обращения: 14.02.2026).

9. Селезнев М. Передаются ли гены суррогатной матери ребенку? URL: https://dnk-otcovstvo.ru/article/peredayutsya-li-geny-surrogatnoj-materi-rebenku/ (дата обращения: 25.01.2026).

10. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

11. Чернышева П.Н. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства. URL: https://arzamas.ruc.su/upload/medialibrary/1ea/Chernysheva_Gromova.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

12. Экстракорпоральное оплодотворение при бесплодии – причины появления, симптомы заболевания, диагностика и способы лечения. URL: https://www.invitro.ru/library/bolezni/32974/ (дата обращения: 22.01.2026).

***С.С. Поляков**, курсант 3 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.Ю. Ковган
Ростовский юридический институт МВД России

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА СУПРУГОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: КРИПТОАКТИВЫ И ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО

Современная правовая система находится перед необходимостью адаптации традиционных правовых институтов к условиям функционирования цифровой экономики. Одной из наиболее дискуссионных проблем в данном контексте выступает определение правового режима криптоактивов и виртуального имущества применительно к институту имущественных прав супругов. Сложившиеся подходы к регулированию совместной собственности, сформированные в условиях преимущественно материального оборота, сталкиваются со значительными затруднениями при применении к объектам, существующим исключительно в цифровой среде.

Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет принцип совместной собственности супругов на имущество, приобретенное в период брака [1, ст. 34]. К объектам такой собственности относятся доходы от трудовой, предпринимательской и интеллектуальной деятельности, пенсии, пособия, а также движимое и недвижимое имущество, приобретенное за счет общих средств. В то же время в данную правовую конструкцию не полностью вписываются криптоактивы – цифровые валюты и токены, а также категории виртуального имущества, включающие игровые предметы, доменные имена, аккаунты в социальных сетях и NFT-объекты. Их правовая специфика обусловлена отсутствием материально-вещественной формы, высокой волатильностью стоимости, анонимностью владения и трансграничным характером обращения.

Криптоактивы, такие как Bitcoin, Ethereum и иные токены, представляют собой записи в распределенном реестре (блокчейне). Правовой статус этих объектов в России до недавнего времени оставался неопределенным. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» признал цифровую валюту имуществом, но запретил ее использование в качестве средства платежа на территории Российской Федерации [4]. Это создает парадоксальную ситуацию: криптовалюта может быть объектом собственности, но ее оборот ограничен. При разделе имущества супругов суд должен определить, относится ли криптовалюта к совместной собственности, какова ее стоимость на момент раздела и как обеспечить исполнение решения суда при хранении активов на анонимных кошельках.

Виртуальное имущество еще сложнее вписать в рамки семейного права. Предметы в онлайн-играх, скины, виртуальная земля в метавселенных, уникальные NFT-токены имеют реальную рыночную стоимость, но их правовой

статус не урегулирован. Например, аккаунт в популярной онлайн-игре может стоить сотни тысяч рублей, содержать редкие предметы, полученные в период брака. Однако ни Гражданский кодекс, ни Семейный кодекс не содержат норм, прямо регулирующих оборот таких объектов. Судебная практика по спорам о разделе виртуального имущества крайне скудна, а подходы судов разнятся: от полного отказа признавать такие активы имуществом до оценки их по аналогии с имущественными правами.

Ключевой проблемой является доказывание факта владения криптоактивами и виртуальным имуществом. В отличие от недвижимости или банковских счетов, информация о цифровых активах не фиксируется в государственных реестрах. Супруг, владеющий криптовалютным кошельком, может скрыть его существование, используя анонимные сервисы или аппаратные хранилища. Даже при установлении факта владения возникает вопрос оценки: курс криптовалют меняется в течение часов, а стоимость игрового предмета зависит от спроса на внутриигровых рынках. Судам приходится привлекать экспертов для проведения оценки, что увеличивает сроки и стоимость процесса [2, с. 40].

Еще один аспект – момент возникновения права собственности. Криптоактивы могут быть добыты (майнинг) в период брака, куплены на личные средства одного из супругов или получены в дар. Виртуальное имущество может быть создано в результате интеллектуального труда (например, дизайн NFT-арта) [3, с. 49]. Семейный кодекс предусматривает, что имущество, полученное в дар или в порядке наследования, остается личной собственностью. Установление источника происхождения средств, использованных для приобретения криптовалюты, представляет значительную сложность, особенно в случаях, когда соответствующие операции осуществлялись посредством децентрализованных обменных платформ.

Судебная практика постепенно адаптируется к новым реалиям цифровой экономики. В ряде дел арбитражные суды и суды общей юрисдикции исходят из возможности квалификации криптовалюты (цифровой валюты) как имущества, в т. ч. подлежащего включению в конкурсную массу должника при банкротстве, что опосредованно подтверждает ее имущественный характер. По аналогии такой подход представляется применимым и к вопросам правового режима криптовалюты в семейных правоотношениях, если соответствующие активы приобретены в период брака за счет совместных средств супругов. Вместе с тем отсутствие выработанной единой методологии оценки криптовалюты и специальных процедур принудительного исполнения судебных актов в отношении таких активов остается существенным препятствием для эффективной реализации указанных подходов на практике

Перспективы разрешения обозначенных проблем просматриваются в нескольких направлениях. Необходимость внесения изменений в Семейный кодекс Российской Федерации представляется очевидной. Предлагается законодательно определить криптоактивы и иное цифровое имущество как элементы совместной собственности супругов, приобретенные в браке на общие средства или созданные их совместным трудом. Параллельно необходимо разработать для судов методические указания по оценке таких активов, предусматриваю-

щие привлечение IT-специалистов и использование биржевых данных. Важной задачей является создание правовых механизмов раскрытия цифровой собственности, в т. ч. путем обязательного декларирования супругами криптокошельков при разводе. Международные аспекты осложняются трансграничным характером криптоактивов, что требует гармонизации законодательства на уровне международных соглашений о правовой помощи и признании решений. Итоговое переосмысление имущественных отношений супругов с учетом цифровизации и адаптация семейного права к новым реалиям обеспечат справедливое разрешение споров и укрепят доверие к судам.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон (принят Государственной думой 8 декабря 1995 г. по состоянию на 31 июля 2023 г.). М.: Проспект, 2023. 96 с.
2. Корчагина К.А., Туровская В.А. О противоречивой судебной практике применения нормы права, обязывающей ответчиков обнародовать через СМИ или иным способом решения судов по искам в защиту законных интересов неопределенного круга потребителей, в случае их удовлетворения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 37–41.
3. Ковган Е.Ю. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве // Актуальные проблемы конституционного права: сб. матлов Всерос. научно-практ. конф-ции, г. Екатеринбург, 21 мая 2025 г. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2025. С. 48–50.
4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

***А.А. Пупынина**, курсант 3 курса*
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
И.Н. Навроцкая
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

В настоящее время в условиях геополитической нестабильности существенно возрастают риски для безопасности жизни и здоровья граждан, нормального развития и функционирования общества в целом. В особенности это актуально в отношении приграничных регионов России, расположенных непо-

средственно рядом с зонами боевых действий, ведущихся в рамках проведения Специальной военной операции. Угрозы безопасности связаны, прежде всего, с нанесением вражескими формированиями ракетных ударов, а также воздействием беспилотными средствами на стратегические, социальные, коммерческие объекты и гражданское население. В статье проанализированы актуальные способы защиты имущественных прав граждан, потерпевших от обстрелов в приграничных регионах России, на примере Белгородской области.

Атаки вражескими формированиями, наносимые по территориям приграничных регионов России, на сегодняшний день приобрели системный характер. К примеру, в Белгородской области по состоянию на 2025 г. в результате боевых атак зафиксированы повреждения 134 многоквартирных домов, 55 частных домов, 40 соцобъектов и 29 хозсубъектов. Более того, повреждения различной степени получили 367 автомобилей.

Центральной проблемой является отсутствие должной правовой регламентации процесса возмещения ущерба в приграничном регионе России. Возможность компенсации ущерба гражданам в субъектах Российской Федерации преимущественно зависит от действующего на их территории правового режима. Так, в Белгородской области возмещение вреда от атак вражеских формирований осуществляется на основе нормативных актов, принимаемых Губернатором или Правительством региона. Данные решения могут быть приняты исключительно в соответствии с положениями Указа Президента Российской Федерации «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» [3]. Часть 4 упомянутого Указа предоставляет органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации полномочия по введению (изменению, отмене) особых правовых режимов, в т. ч. по регулированию уровней террористической опасности.

Введение особых правовых режимов представляет собой необходимую реакцию государства на конкретные угрозы [6, с. 93]. Так, сегодня на территории Белгородской области действует «желтый» уровень террористической опасности, который был введен 4 февраля 2023 г. В текущих условиях процедура и возможности возмещения вреда, причиненного в результате атак противоборствующей стороны, претерпели определенные изменения, направленные на упрощение данной системы. Это обусловлено тем, что в настоящее время инциденты, связанные с атаками вражеских формирований на частные и коммерческие объекты, квалифицируются как акты террористической деятельности. Однако унифицированный нормативно-правовой акт, комплексно регламентирующий порядок компенсации ущерба в подобных обстоятельствах, на сегодняшний момент отсутствует.

Как показывает судебная практика и научный анализ исследователей, в ряде случаев такие обстоятельства признаются страховым случаем, однако здесь имеются определенные нюансы [4, с. 154]. Исходя из норм действующего законодательства, в частности ст. 1064 Гражданского Кодекса Российской Федерации, принцип деликтной ответственности предполагает возмещение вреда его непосредственным причинителем. Но поскольку рассматриваемые атаки

осуществляются со стороны иностранного государства, и в условиях отсутствия введенного военного положения на территории России, возможность прямой ответственности виновных субъектов исключается.

Следующий нюанс заключается в том, что согласно ч. 1 ст. 964 Гражданского Кодекса Российской Федерации, страховщик освобождается от обязанности по выплате страхового возмещения и страховой суммы в тех случаях, когда наступление страхового события обусловлено военными действиями, а также иными военными мероприятиями. Следовательно, если военные риски, включая риски совершения террористических актов, не были включены в условия страхового договора, страховщик правомерно освобождается от ответственности и обязанности возместить ущерб.

С целью сохранения за жителями приграничных регионов права на возмещение ущерба и успешной его реализации, компенсация вреда, причиненного стороной вражеских формирований, осуществляется за счет федерального бюджета в соответствии с ч. 2 ст. 18 федерального закона «О противодействии терроризму». При этом высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации участвует в «социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта» [5, с.135]. В связи с данным положением органы исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации наделены компетенцией по самостоятельному определению прядка и регламентации процедуры возмещения ущерба в указанных случаях.

Так, для жителей Белгородской области определен особый порядок действий в случае причинения имущественного ущерба их собственности. Гражданину необходимо инициировать процедуру оценки степени причиненного вреда путем подачи заявления в уполномоченный орган местного самоуправления по месту жительства или посредством обращения в единую дежурно-диспетчерскую службу 112. В последующем обязательным этапом является проведение экспертной оценки фактического состояния поврежденного имущества, а также формирование исчерпывающего пакета подтверждающей документации. Дополнительно следует отметить, что в Белгородской области установлен специальный порядок расчета компенсационных выплат.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день, в условиях нестабильной геополитической обстановки и военных конфликтов, необходимо упорядочить и структурировать нормы законодательства, регламентирующие порядок компенсации имущественного ущерба гражданам в случае атаки со стороны боевых единиц иностранного государства, а также привести их в единую систему. Такие меры связаны с приобретением системного характера атак на частные объекты и инфраструктурные сооружения и необходимостью в полной мере обеспечить законное право человека и гражданина на возмещение причиненного ему имущественного ущерба.

Литература

1. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023 № 287-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. 3 янв. № 1. Ст. 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ч. 1. Ст. 2954.
3. О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства: Указ Президента Российской Федерации от 14.06.2012 № 851 (ред. от 06.09.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru.
4. Черепанова М.А. Проблемы квалификации неосторожного уничтожения или повреждения имущества // Вестник науки. 2024. № 3. С. 152–157.
5. Нгуен В.Т. К вопросу о способах возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 134–139.
6. Уварова Д.С. Социально-правовая обусловленность и сравнительно-правовой анализ административной ответственности в условиях введения правовых режимов, связанных с внешней угрозой // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 3. С. 92–98.

***М.Д. Решетникова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***О.С. Черепанова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РАЗДЕЛ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

Если раздел материальных объектов (недвижимости, транспортных средств, банковских вкладов) относительно урегулирован законодательством, то вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью вызывают множество споров и неоднозначных толкований. Основная проблема заключается в дуалистической природе интеллектуальной собственности. С одной стороны, интеллектуальное права является личным неимущественным правом и неразрывно связано с личностью создателя, а с другой – исключительное право, которое имеет экономическую ценность и способное приносить доход. Именно это противоречие порождает вопросы при разделе такого имущества.

Согласно ст. 1226 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), на результаты интеллектуальной деятельности признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право (имущественное)

и личные неимущественные права. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) в ст. 34 относит к совместной собственности супругов доходы от интеллектуальной деятельности, а затем в ст. 36 СК РФ определяет, что исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный одним из супругов, принадлежит автору такого результата.

Исходя из вышеизложенного, само исключительное право на результат интеллектуальной деятельности неразрывно связано с личностью автора, а следовательно, принадлежит тому супругу, который является создателем соответствующего объекта интеллектуальных прав. Соответственно, при расторжении брака имущественное право на интеллектуальную собственность не подлежит включению в состав общего имущества супругов, оставаясь за автором-правообладателем. Вместе с тем доходы, полученные от использования указанного права в период брака, относятся к общему имуществу супругов, если брачным договором не установлено иное [2]. Данной позиции придерживается большинство исследователей в области семейного и гражданского права, утверждая, что интеллектуальные результаты, созданные в период брака и приносящие фактический доход уже после его прекращения, независимо от момента расторжения брака, следует рассматривать в качестве совместной собственности. В контексте указанных рассуждений доходы от эксплуатации интеллектуальных достижений, созданных в период брака, признаются общим имуществом супругов. Поскольку такие доходы относятся к числу совместных, имущество, приобретенное за счет этих средств, также является совместно нажитым.

Наиболее дискуссионным вопросом в судебной практике является правовой режим товарных знаков, зарегистрированных на имя одного из супругов в период брака. Формально товарный знак относится к средствам индивидуализации и охраняется как результат интеллектуальной деятельности. Однако он не является результатом творческого труда в классическом понимании, что порождает противоречия в толковании закона в судебной практике.

Есть общее правило, по которому, если исключительное право на товарный знак приобретено за счет общих доходов супругов по договору об отчуждении такого права, оно является общим, если иное не установлено договором. Значительно сложнее выглядят ситуации, в которых товарный знак зарегистрирован лишь на одного из супругов. Среди ученых нет единой позиции: одни убеждены, что товарный знак является личной собственностью супруга-правообладателя, и его раздел в принципе невозможен. Другие же рассматривают такой знак как общую совместную собственность. Данное расхождение во взглядах порождает множество проблем при разделе совместно нажитого имущества супругов.

С.К. Смирнова считает, что товарный знак является совместной собственностью супругов, аргументируя это тем, что перечень совместного имущества супругов не является исчерпывающим [5]. Такой же позиции придерживается А.Г. Матвеев, утверждая, что ГК РФ относит товарный знак к средствам индивидуализации, а не к результатам интеллектуальной деятельности, и в силу существа объекта и правил ч. 4 ГК РФ у него нет автора. На основе этих рассуж-

дений, делая вывод, что товарный знак является совместной собственностью супругов и не подлежит разделу [3].

В судебной практике ключевое значение при разрешении споров о принадлежности товарного знака придается тому, на имя кого из супругов осуществлена его государственная регистрация. Другой супруг, как правило, вправе претендовать лишь на выплату денежной компенсации, поскольку действующее законодательство не допускает ни выдела доли в таком объекте, ни одновременной регистрации знака на обоих супругов. Подобный правовой подход порождает серьезные затруднения в правоприменительной деятельности.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, когда индивидуальный предприниматель (ИП) предъявил иск к своей бывшей супруге, также имеющей статус ИП. Требования заключались в обязании прекратить использование товарного знака и взыскании компенсации за его незаконное применение в размере 800 000 руб. При расторжении брака общий бизнес был разделен между супругами в равных долях, однако вопрос о принадлежности товарного знака, зарегистрированного на имя супруга, остался неурегулированным. Арбитражный суд (далее – АС) Иркутской области в удовлетворении иска отказал. Обоснование состояло в том, что исключительное право на товарный знак, хотя и не является результатом интеллектуальной деятельности, а лишь приравнивается к таковым, представляет собой общую совместную собственность супругов. Суд апелляционной инстанции оставил данное решение без изменения. Вместе с тем Суд по Интеллектуальным правам Российской Федерации (далее – СИП РФ) отменил указанные судебные акты, исходя из того, что правообладателем товарного знака должно признаваться лицо, на имя которого осуществлена его регистрация [4].

Решение СИП РФ соответствует закону и поэтому является формально правомерным. Вместе с тем позиция АС Иркутской области, пытающаяся обеспечить справедливый раздел имущества и не нарушить права бывших супругов, представляется более обоснованной и логичной. В период брака товарный знак фактически использовался обоими супругами в бизнесе, однако его судьба при разделе имущества не рассматривалась. СИП РФ передал права на знак бывшему супругу исключительно на основании регистрации на его имя, что, по нашему мнению, является существенным нарушением прав его бывшей супруги.

На сегодняшний день проблема раздела интеллектуальной собственности встает в условиях несовершенства правовых норм. Это приводит к тому, что в ряде случаев ущемляются законные интересы одной из сторон. На основе анализа судебной практики можно утверждать, что в соответствии с действующим законодательством, при разделе исключительных прав на товарные знаки в случае расторжения брака между супругами, судебные органы сталкиваются со значительными трудностями. В связи с изложенным представляется целесообразным внесение изменений в СК РФ И ГК РФ, предусматривающих возможность государственной регистрации товарного знака одновременно на обоих супругов в качестве совместных правообладателей.

Литература

1. Андреева Ю.С., Гурина А.В. Раздел и наследование результатов интеллектуальной деятельности, созданных одним из супругов или приобретенных в результате сделки // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 6 (237). С. 56–61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razdel-i-nasledovanie-rezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti-sozdannyh-odnim-iz-suprugov-ili-priobretennyh-v-rezultate-sdelki (дата обращения: 08.04.2026).
2. Графов Н.В. Раздел интеллектуальной собственности при разводе // Право и управление, 2024, № 3 С. 341–344. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razdel-intellektualnoy-sobstvennosti-pri-razvode (дата обращения: 08.04.2026).
3. Матвеев А.Г. Режим совместного имущества супругов и исключительное право на товарный знак: ошибки судебной практики // Российский судья. 2023. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.09.2021 по делу № А19-17458/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Смирнова С.К. «Судьба товарного знака при разводе супругов-предпринимателей» // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 3. С. 65–71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-tovarnogo-znaka-pri-razvode-suprugov-predprinimateley (дата обращения: 13.04.2026).

***Е.Ю. Савельева**, студент 3 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
Е.А. Козьякова
Алтайский филиал РАНХиГС

СМАРТ-КОНТРАКТ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Развитие цифровых технологий привело к появлению смарт-контрактов – программных алгоритмов на основе технологии блокчейн, обеспечивающих автоматическое исполнение условий соглашения. Несмотря на такие преимущества, как прозрачность и надежность, их применение в юридической практике сопровождается рядом проблем, связанных с правовым регулированием, судебным признанием и особенностями доказывания.

Одной из наиболее дискуссионных проблем, связанных с использованием смарт-контрактов, является отсутствие их прямого закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. Действующее гражданское законодательство не содержит специального определения данного явления. В ряде случаев смарт-контракты могут рассматривать как разновидность элек-

тронных договоров, однако особенности их заключения и исполнения посредством программного кода прямо не урегулированы нормами ГК РФ.

Следует отметить, что изменения, внесенные в п. 1 ст. 160 ГК РФ, закрепили возможность использования электронных и иных технических средств для фиксации содержания сделки, но не учитывают специфику автоматизированного исполнения обязательств. В научной литературе отсутствует единый подход к определению правовой природы данной конструкции. Так, Л.Г. Ефимова и О.Б. Сиземова рассматривают смарт-контракт как особую договорную модель, при которой исполнение предусмотренных обязательств осуществляется автоматически с использованием программного алгоритма и без непосредственного участия сторон [2, с. 22]. Подобный механизм исполнения обязательств выходит за рамки традиционного понимания договора и поднимает ряд вопросов, связанных с применением существующих норм. Наличие указанных проблем подтверждается и судебной практикой. Так, в деле № А74-11791/2015 Арбитражный суд города Москвы рассматривал спор, связанный с исполнением обязательств по договору, заключенному с использованием электронных средств и автоматизированных систем [3]. Суд пришел к выводу о том, что действующее законодательство позволяет признать такой договор заключенным, однако механизм автоматического исполнения обязательств в настоящее время не получил правовой регламентации, что может создавать правовую неопределенность при разрешении подобных споров.

Отсутствие специального регулирования смарт-контрактов в ГК РФ порождает ряд вопросов, связанных с их правовым статусом и порядком исполнения. В частности, возникает проблема оценки автоматического исполнения условий договора в ситуации, когда одна из сторон считает, что обязательства были выполнены ненадлежащим образом. Особенность смарт-контракта заключается в том, что его условия реализуются автоматически на основе программного кода, поэтому в случае возникновения технической ошибки исправить ее может быть невозможно. В деле № А40-244775/2023 Арбитражный суд города Москвы рассматривал спор, связанный с оспариванием автоматического списания денежных средств, произведенного в рамках смарт – контракта [4]. Суд указал, что применение подобных механизмов осложняется отсутствием прямых норм в законодательстве, регулирующих их использование. В связи с этим было отмечено, что сторонам целесообразно предусматривать дополнительные условия по договору, позволяющие при необходимости вмешательство человека в процесс исполнения обязательств. Таким образом, развитие цифровых технологий и их внедрение в сферу договорных отношений обуславливают необходимость развития нормативной базы, направленной на определение правового статуса смарт – контрактов, а также на закрепление прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений.

Ключевой проблемой применения смарт-контрактов в судебной практике является их доказательная сила. В рамках традиционного гражданского процесса факт исполнения обязательств подтверждается письменными документами, свидетельскими показаниями или другими доказательствами. Смарт-контракты же фиксируют исполнение условий в виде программного кода, при этом его со-

держание не всегда может быть понятно лицами, не обладающим специальными техническими знаниями. По мнению П.И. Чулюкиной, для анализа таких контрактов в суде часто требуется участие высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий. Привлечение экспертов увеличивает сложность и продолжительность рассмотрения дела [5, с. 258].

Для эффективного применения смарт-контрактов в российской правовой системе требуется формирование соответствующей нормативной базы, способной учитывать технологические особенности данного инструмента. Прежде всего, следует внести изменения в ГК РФ, закрепив правовую природу смарт-контрактов и правила разрешения ситуаций с ошибками в программном блоке.

Судебная практика показывает, что анализ программного кода и алгоритмов исполнения смарт-контракта требует специальных знаний в области информационных технологий. В связи с этим необходимо развитие системы судебной экспертизы, предполагающей участие специалистов, способных разъяснить суду технические аспекты функционирования соответствующих цифровых инструментов. Также законодатель должен определить ответственность за возможные ошибки в коде, как для разработчиков, так и для участников договора.

Таким образом, интеграция смарт-контрактов в российскую правовую систему представляет собой перспективное направление развития гражданского законодательства, механизмов судебного доказывания, что позволит обеспечить более эффективное использование цифровых технологий в гражданском обороте.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Ефимова Л.Г. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 21–28.

3. Решение Арбитражного суда города Москвы от 07.11.2015 по делу № А74-11791/2015. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/kEWqP01avNo8/?ysclid=mcbhtyfrg9112601303 (дата обращения: 08.03.2026).

4. Решение Арбитражного суда города Москвы от 23.01.2024 по делу № А40-244775/2023. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/fHHa9dAdcDVh/ (дата обращения: 08.03.2026).

5. Чулюкина П.И. Смарт-контракт в договорном праве в контексте цифровизации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 9-5 (96). С. 257–260.

***А.В. Сачивко, И.С. Чалевич**, курсанты 4 курса*
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

Научный руководитель:
А.С. Андрианова
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОДИТЕЛЕЙ

Традиционно нормативно детально регламентирован порядок, формы и способы защиты прав и законных интересов ребенка, что логично, поскольку дети, с одной стороны, относятся к самому социально уязвимому слою населения в силу возраста и недостатка жизненного опыта, а с другой – дети – будущее любого общества и государства.

Особую роль в жизни ребенка играют его родители, на которых возлагаются обязанности не только по содержанию, обеспечению удовлетворения имущественных потребностей детей (жилье, пища, одежда), но и обязанности по их воспитанию, обучению, подготовке к самостоятельной жизни. Именно в семье у ребенка формируется мировоззрение, система ценностей, гражданственность. Невыполнение родителями своих обязанностей, является основанием для вмешательства государства с целью защиты прав и законных интересов ребенка.

В то же время представляется обоснованным, что эффективность реализации родителями своих обязанностей во многом зависит от обеспечения и защиты их личных неимущественных прав, система которых закреплена в ст. 68 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (в ред. от 09.12.2025 № 110-З) (далее – КоБС) и включает в себя:

– определение фамилии имени, отчества ребенка;
– определение гражданства ребенка;
– определению места жительства ребенка;
– выбор форм, методов и средств воспитания детей;
– осуществление представительства интересов ребенка;
– обеспечение защиты прав и законных интересов детей [1, ст. 68].

Традиционно в теории выделяют две формы защиты прав и законных интересов: юрисдикционная, предполагающая обращение к компетентным государственным органам, и неюрисдикционная (самозащита). Поскольку в КоБС отсутствует перечень неюрисдикционных форм защиты неимущественных прав и законных интересов родителей представляется обоснованным обратиться к ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (в ред. от 16 марта 2026 г. № 134-З), в которой установлен достаточно обширный, открытый перечень способов защиты гражданских прав [2, ст. 11]. Родители, для предотвращения возникновения в будущем спорных вопросов относительно обеспечения и воспитания ребенка могут заключить соглашение о детях [1, ст. 76.1].

Среди юрисдикционных способов защиты неимущественных прав и законных интересов родителей можно выделить:

1. Общественную защиту, осуществляемую общественными организациями либо объединениями граждан, например, религиозными организациями. В данном случае речь, скорее всего, идет не столько о защите, сколько о представлении прав и законных интересов родителей.

2. Административную защиту, предполагающую обращение в компетентные государственные органы, к примеру, в случае отказа органа, регистрирующего акты гражданского состояния, внести изменения в книгу записей актов гражданского состояния об отцовстве ребенка родители могут обжаловать данное решение в вышестоящий орган (управление юстиции соответствующего исполнительного комитета). Родители, лишенные родительских прав, могут обращаться в органы опеки и попечительства для предоставления права на общение с ребенком и т. д.

Общественная и административная формы защиты эффективны в определенной сфере и имеют свои преимущества, а также некоторые недостатки. Так, преимущество административной формы – быстрота защиты, а недостаток – неприспособленность к разрешению сложных споров. Преимуществом общественной формы защиты является способность оперативно, с учетом соглашения сторон и при минимальном содействии государственных органов оказать защиту частноправовым интересам. Основным недостатком ее применения в настоящее время является отсутствие традиции ее использования субъектами права.

3. Судебную защиту, которая является наиболее совершенной и универсальной формой защиты неимущественных прав и законных интересов родителей. Так, при расторжении брака закономерно возникает вопрос об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка. При не достижении согласия по данному вопросу место жительства ребенка определяется судом с учетом интересов ребенка, условий проживания и содержания, предлагаемых каждым из родителей.

Перечень способов судебной защиты прав и законных интересов граждан, в т. ч. и родителей, закреплен в ст. 6 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (в ред. от 30.12.2025 № 126-З) [3, ст. 6]:

1) признание права;

2) присуждение к исполнению обязанности, восстановление нарушенного права или запрет либо пресечение действий, ведущих к нарушению права;

3) обеспечение возникновения, изменения или прекращения правоотношений;

4) установление факта, имеющего юридическое значение;

5) применение других предусмотренных законодательством способов, например, при обжаловании актов, принятых в административном порядке, в суде.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии достаточно широкого спектра форм защиты неимущественных прав и законных интересов родителей,

среди которых особое значение имеет судебная форма защиты, посредством которой могут быть разрешены фактически любые вопросы, касающиеся воспитания, обучения и содержания детей.

Литература

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: 9 июля 1999 г. № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.03.2026).

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 20.03.2026).

3. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: 11 марта 2024 г. № 359-З: принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г.: одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.03.2026).

***С.С. Семендяев**, аспирант 3 курса*
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Научный руководитель:
***Т.А. Мосиенко**, канд. юрид. наук, профессор*
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРАВА СУРРОГАТНЫХ ДЕТЕЙ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Суррогатное материнство в России является распространенной вспомогательной репродуктивной технологией, необходимой для решения проблемы мужского и женского бесплодия. Рождение ребенка суррогатной матерью является юридическим фактом, влекущим правовые последствия в виде наступления детско-родительских отношений между ним и его заказчиками (генетическими отцом и матерью). Вместе с тем в гражданском законодательстве Российской Федерации остается не урегулированным вопрос наследования суррогатными детьми. Данный вопрос априори проблемный, т. к. связан с правовым режимом эмбриона, а в судебной практике преобладает консервативный подход отсутствия наследственных прав у ребенка, рожденного после смерти наследодателя, выступившего заказчиком услуг суррогатного материнства при жизни.

Согласно п. 1 ст. 1116 ГК РФ [3] граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, могут призываться к наследованию. На практике программа суррогатного материнства, как прави-

ло, длительна по времени, поэтому суррогатный ребенок может быть зачат (путем переноса эмбриона в полость матки суррогатной матери) уже после наступления смерти своего генетического родителя.

Кроме того, в соответствии со ст. 47 СК РФ [1] и ст. 14 федерального закона «Об актах гражданского состояния» [2] права и обязанности родителей и детей возникают с момента государственной регистрации родительства первых над последними в органах записи актов гражданского состояния. От указанного юридического факта зависит возникновение наследственных прав у суррогатных детей. В России в случае смерти суррогатной матери, вынашивающей ребенка, потенциальные родители (заказчики) де-юре лишены права установления родительских прав в отношении ребенка, поскольку не смогут получить на то согласия со стороны суррогатной матери, требуемого ч. 4 ст. 51 СК РФ. В данном случае суррогатный ребенок, исходя из толкования ГК РФ, вправе наследовать за суррогатной матерью. Решение же вопроса родительского статуса заказчиков возможно только в судебном порядке.

Обозначенные выше проблемы актуальны и в этой связи требуют решения. Во-первых, выходом из сложившейся проблематики является заблаговременное использование наследодателем завещания, в котором положительным образом разрешена судьба наследственных прав суррогатного ребенка.

Во-вторых, интересным является законодательный подход к разрешению данного вопроса в Республике Казахстан. Так, на основании ч. 1 ст. 59 Кодекса Республики Казахстан 2011 г. «О браке (супружестве) и семье» [4] родителями ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий, на основании договора о суррогатном материнстве всегда признаются заказчики. По данной причине при наступлении смерти суррогатной матери правовая связь между ней и новорожденным не формируется. Также при наступлении смерти одного из заказчиков суррогатный ребенок приобретает статус наследника умершего лица. Тем самым презюмируются наследственные права суррогатного ребенка независимо от момента его зачатия и смерти наследодателя.

Таким образом, способами решения проблемных вопросов установления наследственных прав суррогатных детей выступают распространение практики применения завещания наследодателем, выступающим заказчиком услуг суррогатного материнства, либо совершенствование законодательства Российской Федерации (по опыту Республики Казахстан) в части, касающейся установления презумпции наследования суррогатными детьми от их генетических родителей (заказчиков по договору суррогатного материнства).

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс]: федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О браке (супружестве) и семье: Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 № 518-IV. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518 (дата обращения: 02.07.2026).

***М.С. Скворцова**, курсант 2 курса*
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
В.В. Семенов
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕВОЗЧИКА ЗА УТРАТУ, НЕДОСТАВЛЕНИЕ И ПОВРЕЖДЕНИЕ (ПОРЧУ) ГРУЗА ИЛИ БАГАЖА

Вопросы ответственности перевозчика за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза и багажа занимают важное место в системе гражданского права. Ключевыми проблемами в этой сфере являются: сложность доказывания причинно-следственной связи между действиями перевозчика и причиненным ущербом, неоднозначность судебной практики в толковании норм об ответственности, коллизии между ГК РФ и специальным транспортным законодательством, неопределенность основания ответственности перевозчика (вопрос о виновной или безвиновной ответственности), проблемы разграничения ответственности между перевозчиком и экспедитором, особенно в смешанных перевозках.

Правовое регулирование ответственности перевозчика базируется прежде всего на положениях Гражданского кодекса, в частности в ст. 796, согласно которой перевозчик несет ответственность за сохранность груза с момента его принятия к перевозке и до момента выдачи получателю. Так как Гражданский кодекс содержит лишь общие положения о перевозке, более подробно условия перевозки регламентируются в специальных законах, транспортных уставах и кодексах, регулирующих деятельность отдельных видов транспорта, поскольку их использование в перевозочном процессе имеет определенные особенности. Такое многоуровневое регулирование порождает ряд проблем, связанных с согласованностью норм и их применением на практике. Суды уделяют первоочередное внимание документальному оформлению – актам, подписям, дате фиксации дефектов и соответствию условий перевозки договору. Поэтому пе-

ревозчику крайне важно детально вести внутреннюю документацию и фиксировать все операции.

Например, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд 11 февраля 2020 г. оставил без изменения решение суда первой инстанции по делу № А5694268/2019 – в удовлетворении иска ИП Кечеджиева Э.С. к ООО «Деловые Линии» о возмещении ущерба при перевозке груза отказано.

Суд пришел к выводу, что истец не доказал: наличие повреждений груза по вине ответчика – коммерческие не содержат описания повреждений, досмотр не проводился из-за отсутствия сопроводительных документов; размер ущерба – объявленная в накладных ценность груза не сопоставима с суммой, заявленной в иске, а сопроводительные документы отсутствовали; необходимость взыскания полной суммы – стоимость неоказанной услуги по жесткой упаковке уже возвращена истцу. Апелляционная жалоба признана несостоятельной: ее доводы не опровергают выводы суда первой инстанции. Дело наглядно демонстрирует, насколько критично для истца доказывание факта повреждения груза – вины перевозчика или обстоятельств, освобождающих от ответственности.

Еще одна проблема связана с понятием непреодолимой силы. Согласно п. 3 ст. 401 ГК, лицо освобождается от ответственности, если докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств. Однако на практике не всегда ясно, какие обстоятельства следует считать непреодолимой силой применительно к перевозкам.

Проиллюстрировать эту проблему можно на примере судебной практики. Так, по иску грузоотправителя к перевозчику о возмещении ущерба в связи с повреждением груза при автомобильной перевозке. В ходе разбирательства было установлено, что груз был поврежден в результате ДТП, произошедшего по вине водителя третьего транспортного средства. Перевозчик ссылался на отсутствие своей вины и просил освободить его от ответственности. Однако суд первой инстанции удовлетворил иск, сославшись на п. 1 ст. 796 ГК и указав, что в рассматриваемой ситуации перевозчик являлся коммерческой организацией, осуществлявшей на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Как профессиональный перевозчик он не мог не знать о рисках, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, следовательно, указанное обстоятельство не является непредвидимым, и перевозчик несет риск убытков, связанных с его наступлением. Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Конфликт норм ГК РФ и специальных законов также вызывает сложности. Транспортные уставы и кодексы иногда устанавливают иные основания ответственности, чем ГК. Рассмотреть данную проблему можно на примере разграничения ответственности между перевозчиком и экспедитором, особенно в рамках смешанных перевозок, опираясь на различия в регулировании договоров перевозки и транспортной экспедиции между ГК и ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»

По ГК РФ договор перевозки предполагает обязанность перевозчика доставить груз в пункт назначения и выдать его получателю (ст. 785 ГК РФ), а его ответственность за утрату, недостачу или повреждение груза наступает с момента принятия груза и действует до его выдачи (ст. 796 ГК РФ). Перевозчик отвечает независимо от вины, если не докажет влияния обстоятельств непреодолимой силы. В отношении экспедитора ГК (ст. 803 ГК РФ) устанавливает, что он несет ответственность по правилам главы 25 ГК об ответственности за нарушение обязательств; если нарушение вызвано ненадлежащим исполнением договоров перевозки, ответственность определяется по тем же правилам, по которым перед экспедитором отвечает перевозчик.

Закон № 87 ФЗ конкретизирует и дополняет положения ГК применительно к экспедиционной деятельности. Так, он прямо закрепляет, что экспедитор несет ответственность за повреждение груза с момента его принятия и до выдачи получателю (ст. 7), освобождаясь лишь при доказанности обстоятельств, которые не мог предотвратить. Судебная практика подтверждает, что, если экспедитор фактически принял на себя обязанности перевозчика – он несет полную ответственность за сохранность груза, а условия договора об ограничении такой ответственности признаются ничтожными. При смешанных перевозках экспедитор, как правило, отвечает за действия привлеченных третьих лиц, если договором не предусмотрено иное и, если он не доказал осмотрительность при их выборе. Ключевыми критериями разграничения ответственности в судебной практике выступают: от чьего имени заключен договор перевозки, выдавался ли экспедитором собственный транспортный документ, выделялась ли стоимость перевозки отдельной строкой и принимал ли экспедитор на себя ответственность за сохранность груза.

Анализ гражданско-правового регулирования ответственности перевозчика позволяет выделить ряд ключевых проблем, затрудняющих правоприменительную практику и защиту прав грузоотправителей и грузополучателей. Прежде всего, наблюдается различное толкование основания ответственности: доктрина и судебная практика расходятся в вопросе о виновной либо безвиновной ответственности перевозчика, также существенную проблему представляют коллизии в правовом регулировании. Имеют место расхождения между положениями ГК РФ и транспортными уставами или кодексами в части оснований и объема ответственности перевозчика. Особую сложность вызывают проблемы разграничения ответственности между перевозчиком и экспедитором, особенно в рамках смешанных перевозок. Данные проблемы значительно снижают эффективность защиты прав грузоотправителей и порождают противоречивую судебную практику.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2017)

[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.04.2022 № 5-КГ22-14-К2. URL: https://13.rospotrebnadzor.ru/content/verhovnyy-sud-rossiyskoy-federacii-razyasnil-ekspeditor-prinyavshiy-na-sebya-obyazannosti (дата обращения: 04.03.2026).

4. Постатейный комментарий к Разделу IV «Отдельные виды обязательств» части второй Гражданского кодекса Российской Федерации / С.П. Гришаев, Ю.П. Свит, Т.В. Богачева). «Новая правовая культура», 2021 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5. О транспортно-экспедиционной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.06.2003 № 87 ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Д.А. Снурницын**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОГЛАШЕНИЙ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ

В современной практике родители все чаще предпочитают добровольно урегулировать размер алиментов путем заключения нотариального соглашения, которое после удостоверения приобретает силу исполнительного документа. Соглашение об уплате алиментов позволяет установить порядок и суммы выплат, совмещая различные способы (доля от дохода, фиксированная сумма, имущество и др.) Однако при этом сохраняется правило: размер алиментов не может быть ниже минимальной доли, установленной законом (не менее 1/4 заработка на одного ребенка, 1/3 – на двоих, 1/2 – на троих и более) [1]. Соглашение может включать условия, которых нет в законе (например, распределение выплат на содержание ребенка и обеспечение прочих расходов), но незаконные условия (ущемляющие интересы детей или третьих лиц) суд может отменить [1]. В доктринальной литературе отмечают как преимущества таких соглашений (гибкость, скорость, отсутствие конфликтов), так и риски злоупотреблений: в частности, использование алиментных контрактов для ухода от долгов при банкротстве[2, 3]. Стандартные положения семейного законодательства (ст. 101 СК РФ) позволяют изменять или расторгать соглашение только по взаимному согласию в той же нотариальной форме, а «односторонний отказ» запрещен.

При существенном изменении обстоятельств стороны вправе обратиться в суд (ст. 101 СК РФ) [4]. В таком случае суд учтет интересы всех сторон.

С юридической точки зрения возникают коллизии интересов: с одной стороны, соглашения должны расширять возможности родителей мирно договориться, а с другой – они открывают возможность злоупотреблений. На практике выявлены случаи, когда алиментные соглашения заключаются без реальной выплаты денег, чтобы скрыть доходы и препятствовать удовлетворению законных требований кредиторов (например, при банкротстве должника) [2]. Судебная практика показывает, что подобные сделки часто оспариваются как «причиняющие вред кредиторам или интересам детей». Например, Верховный Суд отмечал: дети вправе сохранять прежний уровень жизни, но не «за счет кредиторов» и конкурсной массы [2]. Это означает, что условия соглашения не должны ставить получателя алиментов в явно благоприятное положение по сравнению с другими кредиторами должника. Иначе соглашение может быть признано недействительным по иску взыскателя алиментов, органа опеки или прокурора [1].

Другой риск – игнорирование интересов детей самим получателем. Если родитель подписал соглашение, а затем годами ничего не предпринимал для его исполнения, вопрос о цели соглашения может вызвать сомнения. Как отмечают эксперты, «заключение соглашения – это добровольная процедура», и при банкротстве плательщика суд задаст вопрос: «для каких целей вы его заключили, если вы не пытались получить деньги?» [2]. Таким образом, бездействие получателя может усугубить позицию при оспаривании.

В литературе целесообразность алиментных соглашений признается в целом положительной: они уменьшают судебные издержки и помогают устанавливать более гибкий режим выплат[1, 3]. Авторы обращают внимание на разнообразие возможных условий (долевые выплаты, фиксированные суммы, предоставление имущества) и на необходимость учитывать интересы детей при составлении соглашения. Например, соглашением можно предусмотреть перечисление части средств непосредственно на счет ребенка [3], чтобы контролировать расходование алиментов.

Однако ученые и юристы подчеркивают ограничения и риски. Так, в диспозиции СК РФ (ст. 101) уже заложен баланс: добровольность соглашения сочетается с тем, что его нельзя изменить в одностороннем порядке и нельзя заключить на существенно меньшие суммы [1]. Некоторые авторы предлагают конкретизировать эти требования. Отмечается, что законодатель мог бы предусмотреть обязательность последующего исполнения условий соглашения (иначе оно теряет смысл) – например, требование подачи уведомления приставу об удостоверении или отчетов о расходах на ребенка[2, 3].

В ряде публикаций обсуждается тема алиментных соглашений в контексте банкротства. Юристы предупреждают: добровольный характер соглашения не должен превращаться в «механизм ухода от долгов» [2]. При банкротстве суды уже склоняются к тому, что наличие соглашения не освобождает получателя от обязанности доказать факты задолженности по нему. Некоторые авторы

указывают на целесообразность взыскания алиментов в фиксированной сумме, а не в долях дохода, чтобы предотвратить сокрытие доходов должником [2].

Итак, основные взгляды: соглашения об алиментах рассматриваются как диспозитивный инструмент (по аналогии с гражданским договором) для регулирования выплаты содержания, но с дополнительными государственными гарантиями – нотариальной формы, контрольной ролью суда и органов опеки, запретом на условия, ущемляющие ребенка [1, 4]. При этом практическая дискуссия смещена в сторону выявления способов недобросовестного использования соглашений (уклонение от судебных решений, затягивание исполнения, введение в заблуждение кредиторов) и поиска мер противодействия этим злоупотреблениям [2].

С учетом выявленных проблем предлагаются следующие решения:

Усиление ответственности и мониторинг. Законодателю рекомендуется уточнить в СК РФ обязанность получателя алиментов (или его представителя) предпринимать разумные действия для исполнения соглашения. Например, можно предусмотреть: при банкротстве плательщика участие в реестре кредиторов по алиментам возможно лишь при доказательстве регулярных обращений о взыскании (заявлений приставам, в суд). Также стоит рассмотреть санкции за злоупотребление: заключение фиктивных соглашений об алиментах с целью обмана кредиторов может квалифицироваться как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) или даже состав мошенничества (ст. 159 УК РФ). Необходимы методики выявления таких схем, например запросы пристава о движении средств по исполнению соглашения.

Изменения в судебной практике. Судам целесообразно следовать принципу: наличие соглашения не снимает с получателя обязанности доказывать задолженность (как и предлагалось в юридической печати) [2]. При оспаривании суд должен выяснять цель и обстоятельства заключения соглашения: если документ оформлен лишь для отложенного исполнения (например, при условии банкротства) и никаких действий по его реализации не предпринималось, суд вправе усомниться в его добросовестности [4]. В ряде дел уже сформулированы подходы: отсутствие попыток взыскать алименты может быть учтено как признак злого умысла взыскателя.

Защита прав ребенка. Предлагается конкретизировать в законе: например, обязать нотариуса при удостоверении соглашения оценивать, не ухудшает ли размер и сроки выплат фактическое содержание ребенка. При возрастании долгов или ухудшении условий, соглашение может быть заявлено как наносящее ущерб ребенку (по аналогии со ст. 101 СК РФ о недействительности).

Конституционно-правовая оценка. Предусмотренные предложения соответствуют основам Конституции Российской Федерации. Усиление контроля за злоупотреблениями – это уравновешенная мера: она не изобретает новые запреты для родителей, а лишь обеспечивает реализацию уже существующих норм и интересов детей и кредиторов.

Можно подвести итог, что соглашения об уплате алиментов – эффективный инструмент мирного урегулирования вопросов содержания детей, но он же порождает и новые риски. Ключевым остается баланс свободы договора и за-

щиты социальных интересов: соглашение должно быть гибким, но не доводить до злоупотреблений и не ущемлять права ребенка. Предложения автора направлены на уточнение существующих норм (минимальный размер, нотариальное удостоверение, запрет односторонних изменений [4]) и на формирование дополнительных гарантий (контроль обоснованности соглашений, ответственность за мошеннические схемы, четкие условия соглашения). Эти меры помогут сохранить семейную автономию сторон, не ослабляя при этом гарантий детей и кредиторов.

Литература

1. Уплата алиментов по соглашению сторон. URL: https://south-butovo.ru/prokuratura/?ELEMENT_ID=6845 (дата обращения: 25.03.2026).

2. Соглашение о выплате алиментов – Рыков и Партнеры. URL: https://grykov.ru/pressa/sudebnye-spory/soglashenie-o-vyplate-alimentov (дата обращения: 25.03.2026).

3. Как перечислять алименты непосредственно ребенку, в том числе на его счет в банке? URL: https://www.n-vartovsk.ru/news/citywide_news/bgorod/prokuratura_informiruet/514020.html (дата обращения: 25.03.2026).

4. Порядок заключения, исполнения, изменения, расторжения и признания недействительным соглашения об уплате алиментов [Электронный ресурс]: Семейный кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Н.В. Солдатов**, слушатель 5 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Кабанова**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О СОСТОЯНИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Согласно ст. 42 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [1]. Отметим, что право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, хоть и нашло отражение в законодательстве России, зачастую нарушается в связи с отсутствием в законодательстве России легального определения понятия «экологическая информация». На наш взгляд, «экологическая информация» – это сведения, полученные в результате мониторинга окружающей среды в определенной местности, касающиеся состояния окружающей среды, воздействия на нее, ее изменения

и мер по ее охране, а также влияния окружающей среды на человека. Отсутствие закрепления данного положения приводит к проблемам в правоприменительной практике.

Стоит сказать, что проведенный анализ показывает, что наиболее значимой проблемой современности отмечается обеспокоенность состоянием окружающей среды, но, на наш взгляд, не менее актуальным является вопрос об уровне осведомленности населения страны об экологической ситуации, как в целом, так и в отдельно взятых регионах. По результатам исследования, проведенного ВЦИОМ видно, что 36 % молодых людей отметили, что их интерес к экологической обстановке обусловлен СМИ и соцсетями; для 18–24-летних этот показатель составил 45 %, а для 30–35-летних – лишь 27 %. Результаты исследования демонстрируют, что молодое поколение в большей степени волнует проблема состояния окружающей среды – тем более данный процесс проще осмысливать посредством новостных репортажей и постов в социальных сетях, чем через непосредственный опыт [4].

Стоит отметить, что, несмотря на освещение экологических проблем в сети Интернет, в России существует проблема сокрытия и искажения информации о состоянии окружающей среды. На данный момент, в России нередко поднимается вопрос об уровне доверия населения к власти и к публикуемой в СМИ информации, в т. ч. экологической. Так, проводимые в 2025 г. социологические исследования показали, что уровень доверия находится в диапазоне «ниже среднего». Такое явление представляет опасность для общества, т. к. таит угрозу безопасности здоровья населения и может привести к нарушению прав граждан, проживающих на определенной территории. Например, сокрытие или искажение данных о неблагоприятной экологической обстановке в регионе, может привести к непринятию мер по предупреждению неблагоприятных последствий как для компонентов окружающей среды, так и для здоровья и собственности граждан. Также под угрозу может попасть экономическое состояние как отдельных регионов, так и всей страны в целом.

Рассуждая о фактах сокрытия экологической информации нельзя не отметить случай, связанный с изъятием крупнорогатого скота (далее – КРС) в Новосибирской области. Начиная с февраля 2026 г., органы местного самоуправления начали массово изымать и умерщвлять КРС частных фермеров под предлогом «особо опасного заболевания». Заинтересованные лица посредством обращения в районные администрации не получали никакой информации, которая могла бы подтвердить эпизоотию, или хотя бы узнать диагноз животных, который не могли объявить местные власти. Так, ветеринарные службы сначала ссылались на вспышку пастереллеза, но данная инфекция не отнесена к категории заболеваний, при которых в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26.05.2006 № 310 «Об утверждении Правил изъятия животных и (или) продукции животного происхождения при ликвидации очагов особо опасных болезней животных» КРС необходимо изымать и производить принудительный убой. Позднее информация о пастереллезе была опровергнута, ввиду массового обращения фермеров, и диагноз был заменен на

ящур, несмотря на то, что не было проведено ни одного ветеринарного исследования [6].

Но, несмотря на описанные выше события, следует отметить, что тенденции к обеспечению граждан достоверной экологической информацией активно прорабатываются государственным аппаратом. Например, принятый в 2021 г. федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон от 30.12.2021 № 446-ФЗ “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» обязал все предприятия предоставлять сведения о влиянии их деятельности на экологическую среду, а федеральные, региональные и местные органы – публиковать эти данные в открытых источниках в сети Интернет [2, 5]. Также немаловажным является нововведение, снимающее с данной экологической информации статус коммерческой тайны [3].

Все вышеперечисленное свидетельствует о модернизации законодательства, направленного на обеспечение граждан достоверной экологической информацией. При этом есть ряд проблем которые до сих пор не нашли решения: отсутствие четких сроков предоставления экологической информации и процедур обеспечения сотрудничества общественности с государственными органами в рассматриваемой сфере.

Таким образом, в настоящее время имеется ряд практических проблем, затрудняющих реализацию гражданами права на получение полной и достоверной экологической информации. Это приводит к нарушению конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и на возмещение ущерба здоровью, причиненного экологическим правонарушением. Следовательно, эффективной мерой было бы закрепление на уровне законодательства России определения «экологической информации», установление четких сроков и процедур предоставления такой информации обязанными субъектами, выработка механизма взаимодействия между общественностью и государственными органами поп получению полной и достоверной экологической информации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2021 № 446-ФЗ. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100091 (дата обращения: 15.03.2026).

3. О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Экология должна быть экономной? // Аналитический центр ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologija-dolzhna-byt-ehkonomnoi (дата обращения: 08.04.2026).

5. Граждане смогут узнавать о состоянии окружающей среды из открытых источников // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://duma.gov.ru/news/50734/ (дата обращения: 15.03.2026).

6. Уничтожение коров в Новосибирской обрасти: насколько законны карантинные изъятия скота // РБК Новосибирск. URL: https://nsk.rbc.ru/nsk/12/03/2026/69b24acd9a794713a760828e (дата обращения: 08.04.2026).

***Н.А. Сребняк**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Д.А. Белецкий
Омская академия МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДАРЕНИЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

В Гражданском кодексе Российской Федерации [1], так же как и Семейном кодексе Российской Федерации [3], усматривается применение различных правовых конструкций при осуществлении супругами сделок с имуществом в браке. Так, ГК РФ допускает заключение договоров, не противоречащих гражданскому законодательству, а СК РФ прямо не запрещает возможность применения такого подхода. Вышеперечисленные аспекты относятся в т. ч. и к договору дарения, который определяет переход права собственности от одного лица к другому.

Действующее законодательство прямо не запрещает заключение договора дарения между супругами. Однако анализ норм позитивного права позволяет заключить, что договор, опосредующий безвозмездный переход имущества из совместной собственности супругов в личную собственность одного из них, должен быть заключен в специальной форме, а именно в форме брачного договора (ст. 40 СК РФ).

Возникает вопрос, каковы последствия несоблюдения требований к форме договора дарения между супругами при заключении его в простой письменной форме? Особую актуальность данный вопрос вызывает в свете того, что такой договор дарения может затрагивать права и интересы третьих лиц.

Видится наиболее актуальным рассмотрение вопроса о правовых последствиях заключения договора дарения между супругами в двух ситуациях:

1) разделе совместно нажитого имущества супругами;

2) банкротстве одного из супругов.

Так, при разделе совместно нажитого имущества неизбежно возникает ситуация конфликта, в которой велика вероятность того, что супруг-даритель будет признавать договор дарения незаключенным, мнимым и пытаться вер-

нуть в совместную собственность, подлежащую разделу, подаренное ранее имущество. Актуальность обозначенного нами вопроса подтверждается примерами из судебной практики.

Так, Верховным Судом Российской Федерации было рассмотрено гражданское дело, из материалов которого следует, что в период брака муж подарил жене автомобиль (дарение оформлялось путем заключения договора дарения в простой письменной форме), а в последующем, после расторжения брака заявил, что договор является недействительным [2].

Проведенное научное исследование позволяет нам заключить, что в случае, если между супругами заключается договор дарения в простой письменной форме, а при разделе совместно нажитого имущества супруг-даритель заявляет о признании данного договора недействительным, судам следует признавать подаренное имущество личной собственностью одаряемого супруга.

Наше умозаключение обосновывается тем, что согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ участники гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно, а действия супруга-дарителя, сначала заявляющего о дарении, а затем меняющего свою позицию при разделе имущества является противоречивым поведением, что подпадает под принцип недопустимости противоречивого поведения (эстопель).

В соответствии с п. 5 ст. 166 ГК РФ заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки.

Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что в данной ситуации действия сторон не затрагивают права третьих лиц, а касаются лишь сторон этой сделки. Соответственно, самым справедливым будет сохранить договор в силе.

Вторая обозначенная нами ситуация касается вопроса о правовой судьбе договора дарения в случае возбуждения в отношении одного из супругов процедуры несостоятельности (банкротства). Особую актуальность данный вопрос вызывает в свете того, что это неизбежно затрагивает права и интересы третьих лиц (кредиторов супруга банкрота).

В поставленном нами вопросе возможно две ситуации: 1) процедура банкротства возбуждена в отношении супруга-дарителя; 2) процедура банкротства возбуждена в отношении супруга-одаряемого.

В случае возбуждения процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении супруга-дарителя, считаем, что договор дарения должен признаваться недействительным, а подаренное имущество должно попадать в имущественную массу супруга-дарителя. Данный вывод обосновывается тем, что сохранение договора дарения в силе приведет к ущемлению интересов кредиторов и будет открывать для недобросовестных должников механизм, позволяющий выводить свое имущество из конкурсной массы.

Если же процедура несостоятельности (банкротства) возбуждается в отношении одаряемого супруга, то исходя из интересов третьих лиц, следует за-

ключить, что договор дарения должен сохранять свою силу, а кредиторы должны иметь возможность получить полное удовлетворение за счет этого имущества. Это решение обосновывается тем, что признание договора незаключенным будет подрываться стабильность гражданского оборота и доверие кредиторов, рассчитывающих при выдаче кредита на то, что у должника есть индивидуальное имущество, за счет которого в случае чего они смогут получить удовлетворение.

В заключение следует отметить, что проведенное нами исследование позволяет считать, что договор дарения заключенный между супругами не может одинаково оцениваться во всех ситуациях. Его правовые последствия зависят от конкретного контекста и круга затрагиваемых интересов. При разделе совместно нажитого имущества приоритет следует отдавать принципу добросовестности и обеспечения стабильности гражданского оборота.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть вторая [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2024 № 117-КГ24-7-К4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Т.А. Старовойт**, курсант 2 курса*
Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель:
И.А. Савичева
Волгоградская академия МВД России

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Гражданское право как одна из фундаментальных отраслей правовой системы неразрывно связано с языком. Язык права – это источник потенциальных проблем, порождаемых неоднозначностью, расплывчатостью и несовершенством терминологии. Особую остроту эти проблемы приобретают применительно к гражданскому процессу, где точность формулировок и ясность изложения имеют первостепенное значение для справедливого разрешения споров. Таким образом, языковые вопросы в гражданском праве и гражданском процес-

се становятся все более актуальными. Перед тем как перейти к анализу этих вопросов, дадим понятие гражданского права и процесса.

Гражданское право – это отрасль права, которая регулирует корпоративные, имущественные, а также личные неимущественные отношения, основанные на независимости имущественной самостоятельности их участников и равенстве сторон. Гражданское право основывается на принципах, закрепленных в ст. 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации, которые регулируют равенство участников правоотношений, их интересы, свободу вступать в любые отношения наравне с юридическими лицами и ППО, гарантируют защиту частной жизни. Это право включает в себя семейные, трудовые и иные правоотношения, участником которых может стать каждый человек [1].

Гражданский процесс – это предусмотренные процессуальным законодательством действия по рассмотрению, расследованию и разрешению гражданских дел в ходе судопроизводства. Также он регулирует деятельность суда и других участников самого процесса [2]. Гражданское судопроизводство и право предназначены для защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, в т. ч. интересов Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований и иных лиц, которые являются субъектами каких-либо правоотношений.

Существуют на сегодняшний день два проблемных направления в гражданском праве и гражданском процессе, которые хотелось бы выделить: защита имущественных прав и исполнительное производство [4]. В первом случае, когда иное лицо мешает гражданину владеть имуществом, принадлежащем ему по закону, а гражданин не осознает своих прав, в суде сложно добиться справедливости. Вторая проблема возникает в конце судебного производства, когда судебный пристав заставляет проигравшую сторону исполнять приговор суда, однако лицо, проигравшее в суде, часто игнорирует требования, либо может скрывать себя и основной доход от возмещения убытков.

Что касается языка и лингвистики, то они играют неотъемлемую роль в гражданском праве, т. к. оно является текстуальным, как и сам процесс. Это означает, что право, в первую очередь, существует и проявляется как текст. В наше время в юриспруденции катастрофически необходим «простой юридический язык», не только для того, чтобы обычные граждане не переплачивали за перевод документов адвоката при вступлении в какие-либо отношения, но и юридические лица могли понимать точность закона, т. к. некоторые слова, написанные в нормативно-правовых актах, бывают двусмысленными [6].

Лингвистическая экспертиза также может использоваться для интерпретации противоречивых фрагментов частных договоров, когда неясность формулировок сделки приводит к различному пониманию ее условий сторонами, что порождает неопределенность в отношении выполнения фактических обязательств. Аналогичную функцию лингвистическая экспертиза выполняет и в тех случаях, когда требуется предварительно удостовериться в корректности изложения всех пунктов, например, при переводе текста с одного языка на другой в международных соглашениях [5, с. 1363]. В этой области малейшая неточность может привести к глобальным убыткам либо потере юридической защи-

ты. Понятия могут существовать в одном право устройстве и исключаться в другом, слова могут звучать одинаково или, если речь идет об одном и том же слове, они могут иметь разные юридические значения в зависимости от отрасли права.

Язык также влияет на культуру речи и убеждений, например, в суде, во время реализации одного из принципов судопроизводства – состязательности сторон. Адвокат и прокурор пользуются лингвистической риторикой, т. е. правильным построением фраз и логическим ударением, чтобы сделать сторону клиента или обвинения более весомой в суде.

Реализация отраслей права выступает через участников судопроизводства (адвокаты, судьи, ответчики, истцы), которые могут вести дело на разных языках, и с этим есть риск судебной ошибки. Эти же коммуникативные сбои в гражданском процессе могут привести к искаженности обмена информации [3].

Отдельную проблему вызывают авторские права в гражданском праве [5, с. 1362–1363]. Автороведческая экспертиза обеспечивает защиту авторских прав, предотвращая случаи публикации произведений под именем другого человека. В нынешней ситуации наблюдается значительный рост интереса к анализу товарных знаков, включая слоганы, девизы и прочие обозначения, на предмет их идентичности или сходства до степени смешения с другими объектами интеллектуальной собственности, принадлежащими конкурирующим компаниям, что также известно как нейминговая экспертиза («нейм» – имя собственное, используемое для определения конкретного предмета или понятия).

Основным выводом исследования можно выделить то, что на сегодняшний день в гражданском праве и гражданском процессе имеется множество проблем, привлекающих к себе внимание. Еще раз подчеркнем, что проблема лингвистики является самой распространенной проблемой в представленных отраслях права. Исследование показало, насколько языковедение влияет на юридическую силу закона, и, на наш взгляд, без лингвистики не существовало бы юридических документов и понимания.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский процессуальный кодекс [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Максимова С.Ю., Мацюпа К.В. Актуальные проблемы правовой лингвистики // Евразийский союз ученых. 2015. № 5-5(14). С. 130–132.

4. Суслова В.И., Суменкова С.О. Актуальные проблемы гражданского права и пути их решения // Молодой ученый. 2025. № 18 (569). С. 360–362. URL: https://moluch.ru/archive/ 569/124621 (дата обращения: 26.02.2026).

5. Чумаченко И.С., Жумаканова Н.А. Актуальные задачи лингвистической экспертизы в гражданском процессе // Весенние дни науки: сб. докладов Междунар. конф-ции студентов и молодых ученых, г. Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 г. Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2023. С. 1362–1364.

6. Шашек В.В., Харченко Н.А. Проблема ясности языка законодательства и множественности интерпретаций текстов законов (на материале статей Гражданского Кодекса Российской Федерации) // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 1191–1196. URL: https://moluch.ru/archive/111/27876 (дата обращения: 26.02.2026).

***А.Е. Томин**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

ИЗМЕНА КАК УСЛОВИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

По ст. 40 СК РФ брачный договор – это соглашение, «определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения» [1]. Иначе говоря, предметом договора являются имущественные отношения. При этом часть 3 ст. 42 СК РФ строго запрещает содержать в брачном договоре условия, регулирующие личные неимущественные отношения между супругами – например, права и обязанности по воспитанию детей или обязанность не изменять второй половине [1]. Условие о супружеской измене, по сути, требует от одного супруга определенного поведения (оставаться верным): такими являются личные неимущественные обязательства. Таким образом, оно формально выходит за рамки предмета брачного договора по семейному законодательству.

Нормативная база Российской Федерации в этом вопросе включает: Семейный кодекс (ст. 40, ст. 42, ст. 38 СК РФ об общих принципах и имущественном разделе), Гражданский кодекс Российской Федерации (свобода договора и нормы об условиях сделок – ст. 157–158 ГК РФ, о штрафной неустойке – ст. 332–333 ГК РФ, об ограничениях свободы договора – ст. 421, 422, 138 ГК РФ) и Конституцию (ст. 31, 38 о свободе брака и ценности семьи). Все вместе это значит: стороны могут свободно согласовывать имущественный режим (ст. 42 СК РФ не запрещает ничего имущественного), но не вправе ограничивать конституционные права друг друга («личные неимущественные отношения» по СК РФ).

Из судебной практики известно несколько споров такого рода. Так, в случае, описанном в определении ВС РФ №5-КГ16-174 (2016), в брачном договоре было условие: при разводе по инициативе супруга из-за его «недостойного поведения» (в т. ч. измены) все совместное имущество переходит жене. Суд первой инстанции нашел эти положения недействительными – договор ставил супруга в крайне неблагоприятное положение, лишая его всего имущества [2]. Суды апелляции и кассации, включая ВС РФ, подтвердили: условие об изъятии

имущества в случае «пьянства, измены, хулиганства» признано незаконным [2]. То есть Верховный Суд косвенно подтвердил, что санкции за измену через брачный договор не допускаются.

Такая практика четко сигнализирует о риске: если супруги включат в договор «штраф» за измену, суд, скорее всего, признает его ничтожным. Более того, пункт 3 ст. 42 СК РФ прямо указывает, что договор не должен ставить одну из сторон «в крайне неблагоприятное положение»[1]; нарушение этого положения может привести к полной недействительности договора. Кроме того, обязанность сохранять верность – неимущественное обязательство, за нарушение которого по закону супруг привлекаться к имущественной ответственности не должен. Включение такой оговорки может противоречить ст. 31 Конституции Российской Федерации (невозможность принуждения к браку или договору) и гарантии равенства супругов. Следовательно, юридические риски включают: ничтожность условия об измене, вплоть до ничтожности всего договора, нарушение баланса прав супругов и потерю нотариальной гарантии его исполнения.

Доктринальные оценки разделились, но превалирует точка зрения, что условие о верности неуместно в брачном договоре. Российские авторы подчеркивают имущественную природу договора: Е.А. Кириллова пишет, что «в России в брачный договор могут быть включены условия только имущественного характера» и «условия, касающиеся личных неимущественных отношений, не имеют юридической силы». Аналогично М.В. Ульянова отмечает, что супружеская измена относится к личным отношениям; включение ее последствий в договор означает попытку урегулировать личные права, «что не предусмотрено» законодательством. Другие источники (например, комментарии к СК РФ) подчеркивают: брачный договор нельзя использовать для «личных требований» вроде наказания за неверность или выполнения обязанностей по дому [2].

Тем не менее часть авторов предлагает нетривиальные интерпретации. Некоторые рассматривают условие о «штрафе за измену» как отлагательное условие имущественного обязательства. В Гражданском кодексе есть институт отлагательных условий (ст. 157–158 ГК РФ) и штрафных санкций (ст. 332–333 ГК РФ). Сторонники этой точки зрения полагают: если стороны четко формулируют, что при разводе из-за измены один супруг выплачивает другому компенсацию, то это может рассматриваться как имущественное обязательство, наступающее при определенном событии. Однако даже эти авторы подчеркивают: подобный подход противоречит духу семейного законодательства. Как отмечено в литературе, «измена или иное недобросовестное поведение супруга… свидетельствуют о включении условия о личном неимущественном праве, что не предусмотрено» семейным правом [2].

Итак, доктрина в целом критически настроена против прямого «условия о верности».

Тем не менее возможно предложить внести в Семейный кодекс Российской Федерации в ч. 3 или 4 ст. 42 фразу о том, что брачный договор может содержать имущественное условие, обусловленное виной супруга при расторжении брака. Например: «Стороны могут предусмотреть обязанность одного супруга выплатить другому супругу денежную компенсацию в случае расторже-

ния брака по инициативе и по вине этого супруга (в т. ч. вследствие признания супружеской измены)». Такая формулировка закрепит право включать «штраф» за измену как имущественное обязательство, не противоречащее запрету на личные требования. При этом условие должно быть четким: определено событие (развод по вине) и форма доказательства измены (решение суда).

Рекомендуется нотариусу при удостоверении договора разъяснить сторонам последствия условия и проверить отсутствие принуждения. Рекомендуется в регламенте нотариата установить обязанность проверять соразмерность в случае включения условия о финансовой санкции при измене. Также логично требовать одновременную оценку общего имущества (чтобы размер компенсации был честным) и право отказаться от сделки до удостоверения, если условие кажется «кабальным».

Условие о компенсации за измену не нарушает Конституцию Российской Федерации. Это добровольное соглашение в рамках свободы договора, касающееся имущества (сфера, по общему правилу, регулируемая договором). Условие не ограничивает право сторон на развод (ст. 31 КРФ), а лишь связывает последствия развода с виновным поведением одного из них. Отказ законодателя предусмотреть такие условия ранее не был обусловлен положениями Конституции, поэтому новая норма будет соответствовать как духу, так и букве основного закона. С точки зрения семейных ценностей (ст. 38 КРФ), мера не противоречит защите семьи: она укрепляет ответственность супругов перед браком, не ущемляя при этом их свободы (условие вступает в силу только после добровольного согласия сторон и инициирования развода). Таким образом, при грамотной формулировке эта институция представляется соразмерной и конституционно допустимой.

Условие о верности традиционно считается «вне предмета» брачного договора. Однако с точки зрения семейно-правовой политики возможно законодательно оформить его как имущественную санкцию, что потребует четкого баланса интересов и гарантии добровольности. Правильно прописанная оговорка о возмещении ущерба от измены позволила бы укрепить ответственность супругов и сохранить принцип свободы договора, не нарушая конституционных гарантий.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 233-ФЗ. URL: https://sudact.ru/law/sk-rf/razdel-iii/glava-8_1/statia-40/ (дата обращения: 06.04.2026).

2. Калиниченко В.Т. Правовые проблемы оказания нотариальной помощи в брачно-семейных отношениях с иностранным элементом // Нотариальный вестник. 2025. № 6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Е.Д. Тремиля**, курсант 2 курса*
Академия ФСИН России

Научный руководитель:
***А.В. Тюменев**, канд. юрид. наук, доцент*
Академия ФСИН России

НЕДОСТАТОК ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Семейная политика в современной России является одним из важнейших направлений деятельности государства, поскольку благополучие и устойчивость института семьи представляет большое значение в становлении и развитии процветающего общества. Однако, несмотря на высокое внимание со стороны государственных органов к вопросам защиты семейных ценностей, некоторые моменты правового регулирования семейно-правовых отношений остаются малоизученными или не до конца раскрытыми.

Так, семейное законодательство Российской Федерации имеет довольно большое количество пробелов в сфере применения мер юридической ответственности к участникам семейных правоотношений.

Как отмечает профессор Ю.Ф. Беспалов, российская законодательная база на протяжении своего развития, в т. ч. «Русская Правда», «Соборное уложение», «Свод законов Российской Империи», не содержала четких норм, регламентирующих ответственность участников семейно-правовых отношений [2, с. 45]. Это служит первопричиной недостатка теоретического исследования юридической ответственности в рамках семейного права.

Отдельной мерой семейно-правовой ответственности является лишение родительских прав, применяемое лишь в крайних случаях при наличии реальной опасности для ребенка. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2024 г. в суды общей юрисдикции поступило более 34 тыс. дел о лишении родительских прав. Количество поступивших дел позволяет сделать вывод, что более углубленное изучение и выявление проблем института лишения родительских прав актуально в нынешней действительности.

В настоящее время одной из общезначимых проблем науки семейного права и конкретно семейно-правовой ответственности признается ограниченный перечень оснований для лишения родительских прав, содержащийся в ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1]. Объяснить это можно, прежде всего, уязвимостью и недееспособностью (либо частичной дееспособностью) лиц, не достигших совершеннолетия.

В вышеупомянутой статье законодатель выделяет шесть оснований для лишения родительских прав. Изучив данные положения, можно прийти к выводу, что предусмотренные СК РФ основания направлены лишь на действия ро-

дителя в отношении непосредственно ребенка или в некоторых случаях других членов семьи. Например, совершение умышленного преступления против жизни и здоровья будет служить основанием для лишения родительских прав только в том случае, если потерпевшими являются дети преступника, другой родитель детей, супруг или иной член семьи.

На наш взгляд, статья закона имеет крайне локализированный характер и требует доработки. Предлагается расширить перечень оснований для лишения родительских прав и внести в ст. 69 СК РФ новые позиции. К примеру, как дополнительное основание можно определить наличие судимости за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

Выбор данной категории обусловлен ежегодно увеличивающимся числом насильственных посягательств на половую свободу несовершеннолетних, а также потенциальной угрозой для ребенка, находящегося в непосредственной близости с лицом, виновным в совершении такого преступления. Немалое значение имеет и сохранение психологической безопасности несовершеннолетнего, которое в большинстве случаев будет нарушено в результате взаимодействия с родителем, способным на злодеяние против ребенка.

Подводя общий итог, хочется сказать, что перечень оснований для лишения родительских прав требует пересмотра и расширения с учетом всех аспектов выявленной проблемы. Добавление новых оснований в соответствующую статью СК РФ поспособствует защите детей от негативного воздействия и преступных посягательств со стороны взрослых.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации (СК РФ) от 29.12.1995 № 223-ФЗ (последняя ред.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2.

***Е.Н. Фарченко**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Г.Б. Федоренко
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ

Одним из важнейших институтов Российского гражданского права является институт ответственности за причинение вреда, поскольку в жизни часто возникают ситуации, когда вред причинен, но действия лица, приведшие к этому, не считаются противоправными с точки зрения закона. По общему правилу, для возмещения вреда, причиненного во внедоговорных отношениях, необходимо 4 условия ответственности: вред, противоправность, вина, причинно-следственная связь. Ущерб, причиненный правомерными действиями, подлежит возмещению только в случаях, установленных законом (п. 3 ст. 1064 ГК РФ, ст. 16.1 ГК РФ) [1]. Как правило, таких ситуаций в практике встречается достаточно много. Например, вред, который причинен в результате применения необходимой обороны или в условиях крайней необходимости, будет считаться правомерным. Вред также может возникнуть в результате правомерных действий, когда лицо выполняет возложенные на него обязанности. К примеру, это происходит при тушении пожара или задержании преступника. Но существуют ли четкие критерии возмещения вреда? Какова социальная и правовая значимость защиты интересов потерпевшего в ситуациях, когда вред причиняется действиями, направленными на достижение общественно полезных целей? Задачей исследования является выявление основных проблем и поиск путей их минимизации.

Первоначально разберемся, что такое правомерное действие? Это волевое поведение, которое соответствует правовым предписаниям, а также согласуется с содержанием прав и обязанностей. В отличие от противоправных действий, которые влекут за собой юридическую ответственность – от штрафов и возмещения вреда до лишения свободы, – правомерные действия являются основой правопорядка и законности в обществе. Если правонарушение нарушает установленный правовой баланс и требует применения мер государственного принуждения для восстановления справедливости, то правомерное поведение, напротив, способствует стабильности социальных связей и реализации законных интересов граждан и организаций [2, с. 3]. Закон устанавливает четкие границы, в пределах которых причинение вреда считается правомерным. Уполномочивая лицо на совершение указанных действий, законодатель стремится к предотвращению еще более значительных потерь, к достижению обществен-

но полезных целей. Но даже когда действие направлено на полезные для социума цели, при этом нарушаются права человека, т. к. его имуществу наносится вред. Согласно Конституции Российской Федерации: никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда [3]. То есть чтобы лишиться своей собственности по закону, нужно самому быть виноватым. Как же быть гражданину, которому причинили вред при применении правомерных действий, когда в Гражданском кодексе указывается, что в таком случае возмещения не предусмотрено? Несмотря на то, что институт возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, призван обеспечить защиту прав потерпевших, его практическая реализация сталкивается с рядом серьезных проблем, среди которых можно выделить следующие.

Одна из основных проблем – отсутствие в законодательстве четких правил об ответственности за вред, причиненный правомерными действиями. Например, ст. 1067 ГК РФ обязывает возместить вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, даже если действия были направлены на устранение опасности. Суды испытывают трудности с оценкой реальности этой опасности и ее соразмерности причиненному вреду. Аналогичные вопросы возникают и по уголовным делам в сфере экономической деятельности при оценке действий руководителей предприятий.

Так, например, в результате прорыва водопровода возникла угроза затопления жилых домов. Руководитель аварийной службы, чтобы предотвратить катастрофу, принял решение перекрыть воду, для чего пришлось разрушить частный гараж и забор. Однако разрушения оказались значительно больше, чем требовалось для устранения угрозы. В итоге должностное лицо может быть признано виновным в превышении пределов крайней необходимости, поскольку причиненный ущерб несоразмерен опасности. Это влечет за собой обязанность возместить ущерб собственнику, несмотря на то, что действия были направлены на спасение людей. Собственник же, лишившийся имущества в ходе законных мероприятий, сталкивается с трудностями при получении компенсации: суды могут снизить ее размер или отказать, если сочтут действия соразмерными опасности.

Для решения данной проблемы нужно закрепить в законодательстве принцип, согласно которому при причинении вреда в состоянии крайней необходимости для защиты жизни и здоровья граждан приоритетом будет являться восстановление прав пострадавшего, а не привлечение к ответственности должностного лица. Для реализации этого принципа предлагаем внести в Гражданский кодекс ст. 1067.1 «Приоритет восстановление прав пострадавшего при причинении вреда в состоянии крайней необходимости». Благодаря этой статье приоритетом является оперативное восстановление прав пострадавшего. Лицо, причинившее вред, освобождается от ответственности, если докажет, что вред был меньше предотвращенного и не было иной возможности устранить опасность. Если вред причинен должностным лицом при исполнении обязанностей, сначала полностью возмещается ущерб пострадавшему, а вопрос о привлечении к ответственности решается после этого. Вред возмещается за

счет бюджета или организации, в интересах которой действовало лицо. Суд обязан, в первую очередь, обеспечить восстановление прав пострадавшего.

Еще одной ключевой проблемой выступает недостаточность четкого регулирования возмещения экологического вреда, причиненного правомерными действиями, например, при строительстве дорог, когда законная вырубка леса наносит ущерб экосистеме, а пострадавшие, они же – местные жители, не могут добиться компенсации из-за отсутствия в законе четкого механизма.

Для решения данной проблемы необходимо закрепить в гражданском кодексе специальный экоделикт, который прямо устанавливает обязанность возмещать вред окружающей среде даже при правомерных действиях. Сделать это можно дополнив в ст. 1064 ГК РФ часть 1.1, согласно которой вред, причиненный компонентам природной среды, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим, независимо от правомерности его действий, в т. ч. при осуществлении разрешенной деятельности. Размер компенсации определяется по утвержденным методикам или фактическим затратам на восстановление, а сам вред возмещается в приоритетном порядке. В качестве дополнительной гарантии предлагается ввести обязательное страхование экологических рисков для субъектов предпринимательской деятельности, чья работа связана с повышенной опасностью для экологии.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что основные проблемы в правовом регулировании возмещения вреда, причиненного правомерными действиями, были выявлены, в т. ч. в сфере экологии и чрезвычайных ситуаций. Законодательство не всегда обеспечивает эффективную компенсацию ущерба, возникающего при реализации общественно значимых проектов или действиях в условиях крайней необходимости. Для решения этих проблем предлагаются следующие пути: необходимо закрепить в Гражданском кодексе Российской Федерации специальные нормы, а это ст. 1067.1 и ч. 1.1 ст. 1064, и также ввести обязательное страхование ответственности для субъектов, чья деятельность связана с риском причинения такого вреда.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданское право России. Обязательственное право: курс лекций (отв. ред. О.Н. Садиков). М.: Юристъ, 2004. 362 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гинц Е.М. Обязательство по возмещению вреда, причиненного правомерными действиями: понятие, основание, условия // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8. С. 45–48.

Е.С. Филиппова, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Ю.С. Зубенко, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ ИЛИ «УМНЫХ ДОГОВОРОВ»

В настоящее время стремительное развитие приобретает сфера IT-технологий, ведь сегодня она затрагивает все стороны жизнедеятельности общества. Не осталось в стороне и право. IT-технологии способствуют формированию безопасного интернет-пространства и созданию безопасных интернет-правоотношений, основой которых чаще всего являются сделки. Именно поэтому особое значение приобретает использование смарт-контрактов или «умных договоров». Понятие смарт-контрактов получило стремительное развитие во всех странах мира и сейчас внедряется в России.

В 1994 г. Ник Сабо эксперт в области информатики, криптографии и права, представил идею смарт-контракта. Он предложил описывать все условия таких «умных» соглашений с помощью математических формул и языков программирования. Сабо рассматривал смарт-контракт как электронный алгоритм, способный автоматизировать процесс выполнения договорных обязательств. В российском правовом поле интерес к этой концепции появился относительно недавно. Принцип работы смарт-контракта заключается в том, что условия договора записываются в виде программного кода, который затем отслеживает и гарантирует исполнение обязательств, а также применяет заранее оговоренные санкции в случае их несоблюдения [5, с. 98–101].

В настоящее время в Российской Федерации разрабатывается ряд законодательных инициатив, направленных на регулирование отношений, связанных со смарт-контрактами. В законопроекте федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», разработанном Министерством экономического развития Российской Федерации, понятие «смарт-контракт» характеризуется как «договор в электронной форме, который определяет исполнение прав и обязательств путем совершения в автоматическом порядке цифровых записей в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [2]. Определение данного понятия также представлено в проекте федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» [3], а также в ряде других законодательных инициатив. Можно сделать вывод, что конкретного нормативного закрепления понятия смарт-контрактов в настоящее время нет, но в попытке его ввести наиболее успешно проявили себя Министерство экономического развития Российской Федерации и Центральный Банк Российской Федерации.

Для более ясного понимания понятия и сфер использования смарт-контрактов приведем примеры:

1. Вы хотите приобрести телефон, но продавец находится в другом городе и просит внести предоплату. Вы боитесь, что товар окажется не тем, что вы ожидали, а продавец боится, что вы не заберете товар и он получит лишь убытки от отправки в одну сторону и в другую. Для этого разработана программа, которая следит за выполнением условий обеих сторон и в случае невыполнения предусмотрены штрафы и санкции.

2. Применение смарт-контрактов распространяется и на сферу спортивных пари. Представим ситуацию, когда два друга решают заключить пари на исход одного и того же спортивного события. Средства, поставленные ими, блокируются на их счетах и фиксируются в блокчейне. По завершении матча смарт-контракт автоматически верифицирует его результат и осуществляет перевод выигрыша законному получателю. Преимущество использования смарт-контрактов по сравнению с традиционными букмекерскими конторами очевидно: участники пари избавляются от необходимости уплачивать комиссионные сборы, взимаемые букмекерами.

3. Умные контракты революционизируют сферу доставки, особенно актуальную для растущего числа онлайн-покупателей. Традиционные методы оплаты не всегда гарантируют получение заказанного товара. Умные контракты устраняют этот риск: сумма покупки блокируется в блокчейне при отправке. Дополнительные условия, такие как временные рамки доставки или период хранения, могут быть прописаны в контракте. В случае неявки покупателя за товаром в установленный срок автоматически взимается штраф, остаток средств возвращается, а товар возвращается продавцу.

Классификация смарт-контрактов по степени автоматизации условий сделки позволяет выделить два основных типа. С одной стороны, существуют полностью автоматизированные смарт-контракты, где все без исключения условия и положения сделки заложены непосредственно в программный код. С другой стороны, встречаются частично автоматизированные смарт-контракты, которые представляют собой гибридное решение: часть условий реализована программно, а оставшаяся часть фиксируется традиционным способом – на бумажном носителе.

Если говорить о преимуществах использования смарт-контрактов, то к ним можно отнести исполняемость и точность. Из-за того, что все действия осуществляются при помощи компьютерных программ, то можно полностью исключить человеческий фактор. Во-вторых, самоисполнимость делает гражданский оборот более удобным и быстрым, ведь больше не затрачивается время на долгие перепроверки информации и утверждения условий [1, с. 97–118].

Лишь в 2019 г. в Российской Федерации произошел прорыв в правовом регулировании этой деятельности, когда федеральный закон № 34-ФЗ закрепил цифровые права в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. В процессе законотворчества депутаты Государственной Думы Российской Федерации активно обсуждали определение смарт-контракта, предлагая широкий спектр вариантов: от простого «договора в электронной форме, хранящегося

исключительно в реестре цифровых транзакций» до более сложного «программного кода, предназначенного для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий». Данные поправки были отклонены, а принятый 22 июля 2020 г. Государственной Думой Российской Федерации закон не содержит понятия «смарт-контракт». В пояснительной записке от 26 марта 2018 г. к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»[4] говорится, что «для целей облегчения совершения сделок с цифровыми правами совершенствуются правила ГК о форме сделок, в т. ч. договоров (уточнения вносятся в ст. 160, 432, 493, 494 ГК)», и содержится положение о том, что воле изъявление с помощью электронных или иных аналогичных технических средств будет приравнено к простой письменной форме сделки.

Таким образом, смарт-контракты представляют собой весьма эффективный инструмент для регулирования сделок, отличающийся удобством, скоростью и простотой применения в широком спектре направлений. Тем не менее их полноценное внедрение сдерживается из-за стагнации в законодательном регулировании этой инновационной области. Существенно затормаживает развитие отсутствие законодательного закрепления и регулирования смарт-контрактов.

Литература

1. Березина Е.А. Использование смарт-контрактов как правовая технология: отечественная и зарубежная практика // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63).

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 419059-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге) [Электронный ресурс]: проект федерального закона. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: пояснительная записка к проекту федерального закона № 424632-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Серкина А.В., Борисова О.В. Смарт-контракт: юридическая природа и сфера его применения // Студенческие научные исследования: сб. ст. XII Междунар. научно-практ. конф-ции. В 2 ч. Пенза, 2022.

***К.В. Фоминых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Зубенко**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

В силу ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [2]. Статья была введена федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ в целях адаптации гражданско-правового регулирования к современным условиям цифровизации экономики и развития информационных технологий [6].

Данная норма не создает принципиально нового типа субъективного права, но вводит особый способ его фиксации и реализации – цифровую форму существования традиционных прав требования. Сущность цифрового права заключается в том, что само право удостоверяется совокупностью электронных данных (цифровым кодом, токеном или иным обозначением), существующих в распределенном реестре или иной информационной системе, а лицо, обладающее уникальным доступом к такому обозначению, презюмируется законным правообладателем.

Родовое понятие «цифровые права» конкретизируется в специальных федеральных законах, выделяющих отдельные виды таких прав, различающихся по экономическому содержанию и правовому режиму.

Так, цифровые финансовые активы (ЦФА) регулируются федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ [5]. К ЦФА относятся цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличных акционерных обществ и иные имущественные права. Утилитарные цифровые права (УЦП) регулируются федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ. Данный вид цифровых прав удостоверяет требования по передаче вещей (индивидуально-определенных или родовых), исключительных прав, а также по выполнению работ или оказанию услуг.

Цифровые права следует отличать от бездокументарных ценных бумаг (БЦБ), которые также существуют в нематериальной форме и учитываются в специальных информационных системах. Однако БЦБ учитываются в системе специализированных субъектов – профессиональных участников рынка ценных бумаг, таких как депозитарии и регистраторы. Их оборот осуществляется посредством внесения записей в соответствующие реестры, ведение которых возлагается на уполномоченные организации [3]. Цифровые права, напротив, существуют в информационной системе, функционирующей по заранее установ-

ленным правилам, и их осуществление, передача или обременение происходят непосредственно внутри такой системы без обращения к посредникам.

Цифровое право следует отличать от цифровой валюты, т. к. первое – это юридический термин для обозначения прав на активы, выпущенные в цифровой форме, а цифровая валюта – это самостоятельный вид цифрового актива, который имуществом признается, но прав требования к кому-либо не дает.

Практическая значимость данного разграничения нашла отражение в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 20.01.2026 № 2-П подтвердил право лиц, получивших цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом, на судебную защиту имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой [7]. При этом суд признал ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она препятствует судебной защите требований лиц, получивших цифровую валюту способами, не связанными с майнингом, указав на необходимость внесения изменений в правовое регулирование.

К 2026 г. сложилась практика, согласно которой криптовалюта, NFT, токены признаются объектами гражданских прав (цифровыми правами), но не являются деньгами. Их можно передавать, наследовать, взыскивать в рамках исполнительного производства, однако платежи криптой за товары и услуги в Российской Федерации запрещены [3].

Практическая деятельность кредитных организаций подтверждает многообразие возможностей их применения.

Так, Альфа-Банк развивает собственную платформу «А-Токен», на которой реализованы многочисленные выпуски цифровых прав. Банк реализовал выпуск индексных цифровых прав на золото, а также гибридные цифровые права на вино и киловатты электроэнергии. В декабре 2025 г. Альфа-Банк организовал выпуск гибридных цифровых прав на топливо для компании ПАО «ЕвроТранс» (бренд «Трасса»), предоставляющий инвестору право выбора: по истечении срока либо получить фиксированную доходность в размере 20 % годовых, либо получить топливную карту на 100 литров бензина АИ-95 [8].

ПАО «Сбербанк» является одним из лидеров рынка цифровых финансовых активов. Его платформа «Цифровые активы Сбера» была включена Банком России в реестр операторов информационных систем в марте 2022 г. В декабре 2025 г. ПАО «Сбербанк» осуществил пилотный выпуск кредитных ЦФА – цифровых прав на денежный поток от корпоративного кредита, базовым активом которых выступили платежи по кредиту ООО «Рельеф Центр». Данный инструмент удостоверяет право на часть дохода по кредиту и имеет существенное значение для апробации технологии секьюритизации кредитных портфелей [9].

Банк «ВТБ» развивает собственную платформу «ВТБ Капитал Трейдинг». За 2024–2025 гг. совокупный объем выпущенных ЦФА превысил 160 млрд рублей, из которых около 50 млрд рублей пришлось на 2025 г. ВТБ готовит тиражируемые решения для корпоративного бизнеса и выводит инструменты ЦФА в розничные каналы продаж. Банк готовится к выходу на рынок криптоактивов после введения полноценного регулирования, намерен получить соответству-

ющую лицензию и предоставить клиентам возможность покупать криптовалюту через брокерские счета [1].

Приведенные примеры иллюстрируют положения о природе и обороте цифровых прав: обязательственную природу (право требования к эмитенту), привязку к информационной системе (операции осуществляются в рамках соответствующих платформ), свободу передачи (обращение на вторичном рынке без согласия эмитента), различие видов (финансовые, индексные, утилитарные цифровые права).

Таким образом, институт цифровых прав представляет собой элемент модернизации объектов гражданского оборота в условиях цифровой экономики. Он позволяет значительно упростить и ускорить гражданский оборот, снизить издержки, обеспечить наибольшую прозрачность и достоверность учета прав. Однако его дальнейшее развитие требует уточнения правового режима цифровых прав, расширения нормативной базы и выработки единообразных подходов в правоприменительной практике.

Литература

1. ВТБ намерен выйти на рынок криптовалют после введения регулирования. URL: https://finuslugi.ru/navigator/news/novosti_bankovskoj_otrasli/vtb_nameren_vyjti_na_rynok_kriptovalyut_posle_vvedeniya_regulirovaniya (дата обращения: 11.03.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гражданское право в 2026 году: цифровизация, добросовестность и новые вызовы для бизнеса и граждан. URL: https://harant.ru/blog/grazhdanskoe-pravo/grazhdanskoe-pravo-v-2026-godu-czifrovizacziya-dobrosovestnost-i-novye-vyzovy-dlya-biznesa-i-grazhdan/ (дата обращения: 11.03.2026).

4. Линников А.С. Цифровой правовой контроль как новая цивилистическая категория // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2 (64). С. 289–310. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=67999887 (дата обращения: 18.08.2026).

5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. «Сибстекло» и Альфа-Банк выпустили «зеленые» ЦФА на платформе «А-Токен». URL: https://www.ratm.ru/press-center/news/sibsteklo-i-alfa-bank-vypustili-zelenye-tsfa-na-platforme-a-token/ (дата обращения: 11.03.2026).

9. Сбер разместил ЦФА на денежный поток по кредиту юридического лица. URL: https://lenta.ru/news/2025/12/25/sber-razmestil-tsfa-na-denezhnyy-potok-po-kreditu-yuridicheskogo-litsa/ (дата обращения: 11.03.2026).

***С.Ю. Шамаев**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Д.А. Белецкий
Омская академия МВД России

К ВОПРОСУ О СОСЕДСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ В РОССИИ

Правовая категория «соседское право» давно известна цивилистике. В силу своего естественного происхождения соседские права, как ограничения права собственности в интересах соседа, были известны еще римскому частному праву.

Обращение к зарубежной практике показывает, что в отдельных государствах данный институт сложился уже давно. Например, в Германии и Швейцарии, в законодательстве которых нормы соседского права были систематизированы и помещены в специальные разделы нормативно-правовых актов.

В законодательстве России на сегодняшний день институт соседских правоотношений не регламентирован. Однако отдельные вопросы соседских отношений разрешаются путем применения институтов частного и (или) публичного права. Это в свою очередь приводит к тому, что в отечественной практике отсутствует единообразный подход в регулировании обозначенных правоотношений.

Следует отметить, что отечественные цивилисты давно обращали свое внимание на необходимость развития «соседского права». В частности, К.П. Победоносцев считал, что соседские права являются необходимым ограничением права собственности лиц, совместно использующих имущество, раздел которого или выдел доли которого, физически невозможен [4, с. 511]. И.Б. Новицкий, в свою очередь, определяя специфику соседских прав, указывал на необходимость учитывать свои интересы, но и не забывать о чужих [2, с. 83].

Об актуальности обозначенной темы свидетельствует достаточно большое количество правовых конфликтов, возникающих между обладателями соседних земельных участков, а также в жилищных отношениях. В частности, судебная практика демонстрирует споры между соседями в сфере использования недвижимого имущества, смежного с другим недвижимым имуществом или

расположенным близко к нему. Одним из немногих примеров является так называемый спор о пасеке [3].

В целях развития соседского права, первоочередным направлением должно являться определение объекта соседских правоотношений. Обращаясь к трудам С.С. Алексеева, можно вывести, что «предмет или явление, в отношении которого объективное право предоставляет лицу возможность (право), и является объектом этой возможности» [1, с. 156].

Мы разделяем позицию С.С. Алексеева относительно понятий содержания и объекта правоотношений, а точнее позицию, что субъективное право, предоставленное субъекту правоотношений, по своей природе, и является объектом правоотношений, которое реализуется путем совершения определенных действий или воздержания от совершения этих действий.

В России в основном регулирование соседских правоотношений осуществляется на основе признания абсолютности права собственности. Под абсолютностью вещного правоотношения понимается наличие у всех иных субъектов права (помимо управомоченного) пассивной обязанности воздерживаться от действий, нарушающих субъективное вещное право управомоченного лица.

Мы выступаем с инициативой более детально проработать права участников соседских правоотношений, придерживаясь концепции С.С. Алексеева о понимании содержания и объекта правоотношений. Это обусловлено необходимостью создания полноценной системы вещных прав в сфере соседских правоотношений, которая могла бы удовлетворить потребности участников гражданского оборота в максимально стабильном и защищенном правовом режиме пользования чужим имуществом, т. е. во владении и пользовании, основанном именно на вещном праве [5].

Одним из принципов реализации данной идеи будет выступать, в т. ч. и принцип «претерпевания» явлений, возникающих в результате жизнедеятельности человека, в том случае, если они не влияют на использование объекта соседней собственности. Необходимо развивать данный институт правоотношений, для этого необходимо выдвинуть конкретные права субъектов соседских правоотношений, к которым могут относиться:

1. Право на благоприятную окружающую среду;
2. Право требовать соблюдения пределов допустимого воздействия;
3. Право на участие в строительстве или разумных расходах на создание общих объектов;
4. Право на запрет строительства определенных зданий, строений, сооружений;
5. Право на запрет на разведение подсобного хозяйства;
6. Право на незахламление и прочее.

Выделив права субъектов правоотношений, у нас и будет возникать объект правоотношений. Именно поэтому реализация субъективных прав приведет к возникновению юридических обязанностей. В связи с этим мы предлагаем создать систему, состоящую из обязанностей пассивного и активного типа.

Формой реализации обязанности активного типа является исполнение, когда субъект права должен действовать определенным образом. Данная обя-

занность означает действие в интересах соседей. В основном обязанности активного типа возникают на основе самостоятельного волеизъявления стороны правоотношения.

В соседских правоотношениях большинство составляют именно обязанности пассивного типа, реализация которых осуществляется путем соблюдения определенных запретов, содержащих безусловные к исполнению всеми обязанными лицами императивные требования, связанные с недопустимостью совершения тех или иных действий. Установление запретов – это и есть форма закрепления обязанностей данного типа. Действительно, если мы обратимся к законодательству, регулирующему соседские правоотношения, то мы в основном увидим нормы, где говорится, что недопустимо нарушать права и интересы сторон соседского правоотношения

Представляется, что как правовой институт, соседское право – это, прежде всего, институт с комплексным правовым регулированием, а именно гражданско-правовыми нормами и нормами публичного права, устанавливающими ограничение права собственности в интересах соседа в виде пределов (запретов, стеснений) и, соответственно, форм осуществления данного права, а также способов его защиты при выходе за установленные ограничения и альтернативные варианты урегулирования последствий при выходе за установленные пределы.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. Т. 2. 359 с.

2. Новицкий И.Б. Право соседства. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. М.: Статут, 2006. Т. 1. 460 с.

3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2019 № 37-КГ19-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М.: Статут, 2001. Ч. 1. 800 с.

5. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 47538-6 (внесен Президентом Российской Федерации в Государственную думу Российской Федерации 3 апр. 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***В.Р. Шван**, студент 3 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
Е.А. Козьякова
Алтайский филиал РАНХиГС

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННАЯ ЦЕНА КАК ВЫЗОВ ПРИНЦИПУ РАВЕНСТВА УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

С развитием цифровых технологий и экономики онлайн-платформы начали аккумулировать значительные массивы информации о пользователях: историю покупок, геолокацию, модель используемого устройства, поведенческий профиль, и иные данные, позволяющие оценить готовность конкретного лица заплатить за товар или услугу. Как отмечает Е.А. Пономарева, развитие технологий, направленных на сбор и анализ данных пользователей цифровых платформ, приводит к расширению использования алгоритмов установления персонализированных цен на товары и услуги. Подобная практика ставит под сомнение реализацию фундаментального принципа равенства участников гражданских правоотношений [2, с. 70]. При этом важно отметить, что А.Я. Рыженков, исследуя природу гражданско-правового равенства, подчеркивает, что в перечне основных начал гражданского законодательства равенство участников поставлено именно на первое место [3 с. 93].

Особое значение принцип равенства приобретает применительно к публичным договорам. В силу п. 2 ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории. Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 17 Постановления от 25.12.2018 № 49 разъяснил, что категории покупателей могут быть определены самим лицом, обязанным заключить публичный договор, например, правилами программы лояльности, однако, исходя из объективных критериев, не противоречащих закону.

Между тем алгоритмическое персонализированное ценообразование существенно отличается от дозволенной дифференциации. Если последняя предполагает деление потребителей на объективные группы по формализованным признакам, то персонализированная цена формируется индивидуально для каждого пользователя на основе непрозрачных алгоритмов, опирающихся на поведенческие характеристики и личные данные. Так, Е.А. Пономарева на примере сферы услуг такси в Москве показала, что на ценообразование статистически значимо влияют не только издержки предоставления услуг, но и персональные характеристики потребителей, а также ряд внешних факторов (погодные условия, дорожная обстановка и иные), приводящих к изменению готовности пользователей платить. В частности, использование для заказа такси более дорогой модели телефона по сравнению с более старой моделью приводило к увеличению

цены поездки в среднем на 8,6 руб., наличие осадков повышало цену на 10,1 руб., а ухудшение дорожной обстановки на 1 балл – на 6,2 руб. [2, с. 76–77].

Особенно остро проблема проявляется в сфере цифровых платформ, обладающих доминирующим положением. Федеральная антимонопольная служба России (далее – ФАС РФ) уже обратила внимание на проблему алгоритмического ценообразования. За 2023 г. в ФАС РФ поступило более 300 жалоб на «ЯндексТакси» как от пассажиров, так и от водителей, связанных со стоимостью поездок. Заместитель руководителя ФАС РФ П.В. Иванов указал, что алгоритм ценообразования услуг такси не раскрывается компанией в полном объеме. В 2025 г., после снятия моратория на проверки IT-компаний, ФАС направила запросы 344 агрегаторам в 85 регионах страны для анализа конкуренции на рынке такси.

Кроме того, в марте 2024 г. ФАС РФ возбудила дело в отношении авиакомпании S7, установив, что перевозчик в рамках одного подкласса тарифа продает авиабилеты по разной цене на один и тот же рейс в одинаковые дату и время вылета, при этом различия не были связаны с оказанием услуг на борту дополнительными расходами или временем приобретения билета. Авиакомпании вменялось отсутствие ценовой политики с экономическим обоснованием, суд поддержал позицию ФАС [4].

Показательным является также дело № А40-149833/2013 в отношении ООО «Атак» (сеть Auchan). ФАС РФ признала ретейлера нарушившим п. 1 ч. 1 ст. 13 Закона о торговле в связи с созданием дискриминационных условий для поставщиков рыбной продукции: цена маркетинговых исследований для различных компаний варьировалась от 8 000 до 45 000 руб. при сопоставимых условиях. Арбитражный суд города Москвы поддержал позицию ФАС РФ, указав, что взимание различной платы за одну и ту же услугу создает дискриминационные условия доступа на рынок [5].

На площадке маркетплейсов проблема персонализированной цены приобрела особый резонанс. В 2024-2025 гг. ФАС РФ выдала предупреждение маркетплейсу Wildberries, установив, что площадка вводит ежедневное изменение тарифов на логистические услуги и хранение товаров без определения условий такого изменения, что навязывает невыгодные условия договора продавцам. В октябре 2025 г. ФАС также рассмотрела жалобы на Wildberries и Ozon, выявив практики, содержащие риски ущемления интересов продавцов и покупателей. В декабре 2024 г. крупнейшие отраслевые ассоциации обратились к Председателю Правительства Российской Федерации М. Мишустину и в Администрацию Президента, указав на дискриминацию участников традиционной розницы со стороны маркетплейсов и запрос на раскрытие алгоритмов ценообразования. Стоит отметить, что некоторые международные исследования призывают к общему запрету ценовых техник, использующих персональные данные для корректировки цены на основе поведенческих прогнозов в отношении индивидуального потребителя.

Для решения описанных проблем представляется целесообразным реализовать комплекс мер. Прежде всего, необходимо закрепить в гражданском законодательстве обязанность субъектов, использующих алгоритмическое цено-

образование, информировать потребителей о том, что предлагаемая им цена является персонализированной, с указанием параметров персонализации, а также предоставлять потребителю возможность получить товар или услугу по единой (базовой) цене в случае отказа от использования его персональных данных в целях ценообразования. Далее следует законодательно расширить содержание понятия «потребители соответствующей категории» в п. 2 ст. 426 ГК РФ, указав, что категоризация не может основываться исключительно на поведенческих данных, характеризующих индивидуальную готовность потребителя платить. Кроме того, целесообразно обязать платформы, занимающие доминирующее положение на рынке раскрывать политики ценообразования для целей разработки регулятором алгоритмов, противодействующих дискриминации.

Литература

1. ФАС заявила о серьезных замечаниях к «ЯндексТакси» из-за ценообразования. URL: https://www.rbc.ru/business/26/02/2024/65dbb5489a7947161473186a (дата обращения: 10.03.2026).

2. Пономарева Е.А. Ценовая дискриминация на двухсторонних рынках: пример такси // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 9. С. 70–79.

3. Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. 2016. С. 92–95.

4. Суд оставил в силе требования ФАС к авиакомпании S7 о необходимости разработать коммерческую политику. URL: https://fas.gov.ru/news/33034?ysclid=mmq8j127p6287866064 (дата обращения: 10.03.2026).

5. ФАС выиграла дело о «маркетинговой» дискриминации поставщиков. URL: https://pravo.ru/story/262809/ (дата обращения: 10.03.2026).

***В.Р. Шван**, студент 3 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
***Н.И. Минкина**, канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский филиал РАНХиГС

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ: АНАЛИЗ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В настоящее время дистанционный труд набирает популярность как среди работников, так и среди работодателей. Одновременно с этим выявились многочисленные проблемы в правовом регулировании отношений между работодателями и дистанционными работниками.

Во-первых, одной из наиболее острых проблем, связанных с дистанционным трудом, является проблема переработки работников. Специфика дистанционной работы, при которой работник выполняет обязанности вне офиса и имеет большую автономию, создает условия для размывания границы между рабочим временем и личным временем. По общему правилу в соответствии со ст. 312.4 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) дистанционный работник имеет право самостоятельно определять, когда начинать работу, когда заканчивать и какие делать перерывы. Однако эта норма часто приводит к парадоксальным результатам: при жестких требованиях работодателя к результатам работы «добровольный» выбор режима превращается в иллюзию, и работник вынужден работать столько часов, сколько необходимо для выполнения задач. Кроме того, удаленные работники зачастую работают по часовому поясу компании, отвечают на служебные звонки и письма вне рабочего дня, что также приводит к увеличению рабочего времени. Эта проблема усиливается многозадачностью, отсутствием нормирования труда, неравномерным распределением задач работодателем между работниками, увеличением рабочего времени, злоупотреблением работодателем в установлении ненормированного режима работы и др. Так, например, по решению Головинского районного суда г. Москвы по делу № 02-0425/2024, в котором работодателем неоднократно давались поручения, не соответствующие трудовой функции работника, а также устанавливались произвольные, заведомо нереальные сроки исполнения заданий, не входящих в трудовые обязанности [3].

Описанная проблема набирает актуальность. Так, в октябре 2025 г. председатель комитета Государственной Думы по труду, соцполитике и делам ветеранов Ярослав Нилов напомнил, что работники при нормированном графике вправе уйти со связи в нерабочее время, даже если находятся на удаленке. Я.Е. Нилов также отметил, что в случае переработки работник имеет право на денежную выплату или же компенсацию дополнительными днями отпуска. Кроме того, работникам важно в случаях нарушений их прав обращаться в суд за защитой, тем более что судебной практикой сформировался примерный перечень доказательств, с помощью которых можно доказать факт переработки. Так, самыми распространенными являются табели учета рабочего времени, которые обязаны вести работодатели, а также показания свидетелей [2, с. 721].

Во-вторых, проблемой, связанной с дистанционным трудом работников, является смена места жительства работника. Согласно ст. 312.8 ТК РФ, трудовой договор может быть расторгнут при изменении дистанционным работником рабочего места, если это влечет невозможность исполнения обязанностей на прежних условиях. Судебная практика при возникновении спора относительно смены работником места выполнения своей трудовой обязанности без согласования с работодателем складывается в пользу последнего. Так, Нальчикский городской суд Кабардино-Балкарской Республики в своем решении от 22.05.2023 по делу № 2-2548/2023 оставил исковые требования работника без удовлетворения, ссылаясь на то, что в трудовом договоре было закреплено выполнение дистанционной работы на постоянной основе в городе проживания, в городе Нальчике, т. е. стороны согласовали выполнение трудовых функций

в пределах Российской Федерации, истец же переехал жить в Турцию, о чем был обязан уведомить работодателя, чтобы тот мог оценить возможность продолжения сотрудничества на прежних условиях.

В-третьих, проблему, связанную с самовольной отменой работодателем режима удаленной работы. Зачастую компании переводят работников с удаленного формата в очный, без согласования и заключения дополнительных соглашений, иначе говоря, превышают свои права и тем самым ущемляют права удаленных работников. Примером является определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2024 г., согласно которому работник был уволен по причине того, что работодатель решил вернуть часть работников в офис. Суд апелляционной инстанции принял позицию работника и уточнил, что одностороннее изменение условий трудового договора было незаконным без организационных или технологических обоснований [4].

В-четвертых, выделим проблему, связанную с компенсацией стоимости ремонта личного оборудования, используемого работником в интересах работодателя. В силу ст. 22 ТК РФ работодатель обязан обеспечить необходимыми средствами работника для исполнения ими трудовых обязанностей. На практике часто встречается, что работник использует собственное оборудование для выполнения работы, предварительно согласовав это с работодателем. В связи с этим законодателем установлено право работника на компенсацию за использование и износ оборудования, а также возмещения расходов, связанные с использованием, что чаще всего игнорируется работодателем. Приведем пример: решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска по делу № 2-164/2024, в котором суд признал отказ работодателя незаконным и обязал возместить стоимость за ремонт личного оборудования работника [5].

На основании вышеизложенных проблем, связанных с дистанционным трудом работников, предлагаем закрепить на законодательном уровне «право на отключение», данной позиции придерживается и А.Л. Сафонов, который считает, что закрепление «права на молчание» снизит случаи переработки [1]. Необходимым также видится закрепление запрета на отправку за час до окончания рабочего дня заданий, результат по которым руководитель ждет сегодня. Отметим, что закрепление «права на отключение» с успехом применяется в законодательстве зарубежных стран. Так, в Бельгии сотрудники правительственных учреждений могут быть недоступны в периоды отдыха, и за то, что они находятся вне связи, не должны подвергаться санкциям, в Португалии «право на отключение» распространяется на всех работников и обязывает работодателя обеспечить его соблюдение, более того, нарушение права рассматривается как административное правонарушение. Приведенные примеры иллюстрируют успешную реализацию данного института в зарубежных правопорядках, следовательно, мы также согласны с мнением, что закрепление «права на отключение» в российском законодательстве приведет к положительным изменениям в сфере дистанционного труда. Относительно проблемы, связанной со сменой места жительства работника, предлагается закрепить в ст. 57 ТК РФ рабочее

место как обязательное условие трудового договора, заключаемого с дистанционным работником.

Литература

1. Жандарова И. Профессор Александр Сафонов предложил урегулировать вопрос о праве сотрудников не отвечать на звонки в нерабочее время // Официальный сайт «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2024/01/24/vne-zony-dostupa.html?ysclid=lrro30zhva384268008 (дата обращения: 18.01.2026).
2. Прасолова И.А., Василенко Ю.Е. Особенности правового регулирования рабочего времени дистанционных работников // Кадровик. 2024. № 3. С. 718–724.
3. Решение Головинского районного суда г. Москвы от 01 марта 2024 г. по делу № 020425/2024. URL: https://mos gorsud.ru/rs/golovinskij/services/cases/civil/details/bac18c11-53d5-11ee-9f48-f72f8639d43a?caseNumber=02-0425/2024 (дата обращения: 21.01.2026).
4. Решение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26 августа 2024 г. по делу № 8Г 21860/2024. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=38408115&case_uid=246b244e c45f 4750 9b75 b5e40df0bf7b&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 21.01.2026).
5. Решение Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 24 января 2024 г. по делу № 2-164/2024. URL: https://zasvijajskiy--uln.sudrf.ru/moules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=126417073&_uid=705729c5 ec18 4c6c b382 c3ca9f0b5204&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 20.08.2026).

***А.А. Шмелева**, курсант 2 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.Н. Жданова**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОМОЧИЙ СОБСТВЕННИКА И ПРАВА АВТОРА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Проблема соотношения правомочий собственника материального объекта и права автора на неприкосновенность произведения, воплощенного в этом объекте, представляет собой одну из наиболее сложных в современном гражданском праве. Данный конфликт возникает, когда произведение существует в единственном экземпляре и физически неотделимо от вещи, находящейся в собственности другого лица. Собственник желает использовать вещь по назначению, включая ее видоизменение или уничтожение. Автор же, обладая

личным неимущественным правом на неприкосновенность произведения, стремится сохранить его в целостном виде. Право на неприкосновенность – это личное неимущественное право, охраняющее не материальный объект, а идеальную сущность результата творческого труда. В соответствии со ст. 209 ГК РФ собственник не должен нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц. Согласно п. 1 ст. 1266 ГК РФ, не допускается без согласия автора внесение в его произведение каких-либо изменений, сокращений и дополнений. Это право охраняется бессрочно и не переходит по наследству, однако защищать его после смерти автора могут наследники.

В качестве механизма разрешения конфликта законодатель предоставил автору право доступа (ст. 1292 ГК РФ). Автор вправе требовать от собственника оригинала предоставления возможности воспроизведения своего произведения. Однако данное право не решает проблему неприкосновенности, а лишь обеспечивает создание копий. Н.А. Кастерин обосновывает обязательственную модель права доступа, квалифицируя его как реальное обязательство [2, с. 137–138]. Следование права доступа за правом на оригинал произведения свидетельствует, что оно может быть отнесено к реальным обязательствам [2, с. 139]. Наиболее острый вопрос – вправе ли собственник уничтожить вещь, если это повлечет уничтожение уникального произведения? Прямого запрета в законе нет. Как отмечает Е.Ю. Петрова, российское законодательство создает проблемы при конфликте прав авторов и собственников оригиналов произведений [3, с. 19]. Если уничтожение совершается умышленно с целью причинить вред автору или носит характер вандализма, могут применяться нормы о злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) или уголовного законодательства (ст. 243 УК РФ).

Право на неприкосновенность не может быть отчуждено. Даже продав материальный носитель, автор сохраняет право запрещать его искажение. Согласно ст. 1293 ГК РФ, при каждой перепродаже оригинала автор имеет право на процент от цены (право следования). В соответствии со ст. 1291 ГК РФ, при отчуждении автором оригинала исключительное право на произведение сохраняется за автором, если договором не предусмотрено иное. Приобретатель оригинала без согласия автора вправе демонстрировать произведение и воспроизводить его в каталогах, но не вправе вносить изменения. В судебной практике наметился подход, согласно которому право собственности не должно подавлять личные неимущественные права автора. В Постановлении Суда по интеллектуальным правам указано, что внесение изменений в произведение без согласия автора, даже при технической необходимости, нарушает право на неприкосновенность [4]. Однако существует и иная практика. В 2018–2022 гг. в Москве проводилась реновация домов советского периода, многие из которых были украшены уникальными мозаиками (например, «Сказки Пушкина» в Тропарево-Никулино). При сносе собственники часто принимали решения об уничтожении произведений без уведомления авторов. Суды в ряде случаев отказывают в защите права на неприкосновенность, ссылаясь на приоритет права собственности.

Можно выделить следующие пути разрешения конфликта:

Первый – законодательное закрепление неотчуждаемых моральных прав автора с указанием пределов их действия в отношении собственника оригинала.

Второй – стимулирование договорных отношений между авторами и собственниками, разработка типовых договоров о сохранении целостности произведения.

Третий – совершенствование регулирования права доступа. Признание его обязательственной природы позволяет применить общие положения об обязательствах и восполнить пробелы ст. 1292 ГК РФ [2, с. 140].

Соотношение правомочий собственника и права автора на неприкосновенность должно разрешаться в пользу приоритета личного неимущественного права автора. Собственник обязан уважать права автора, а его свобода распоряжения вещью ограничивается необходимостью сохранения целостности произведения. Данный баланс служит сохранению культурного наследия и защите интересов творческой личности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

2. Кастерин Н.А. Обязательственная модель права доступа: конец регуляторной недосказанности? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Вып. 3 (41). С. 134–141.

3. Петрова Е.Ю. Разрушение оригинала произведения: интеллектуальные права и право собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 12. С. 19–23.

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.04.2016 № С01-214/2016 по делу № А43-31718/2014 // Суд по интеллектуальным правам: официальный сайт. URL: https://ipc.arbitr.ru (дата обращения: 11.03.2026).

***Д.А. Шумейко**, курсант 4 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
***О.А. Ищенко**, канд. юрид. наук, доцент*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ: СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Гражданско-правовая ответственность в самом общем виде представляет собой предусмотренную законом или договором меру государственно-принудительного воздействия на правонарушителя, выражающуюся в наступ-

лении для него отрицательных, преимущественно имущественных, последствий в форме уплаты убытков, неустойки (штрафа, пени), потери задатка и т. д. [5]. Так, п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) устанавливает презумпцию вины предпринимателя, не исполнившего или ненадлежащим образом исполнившего обязательство. Бремя доказывания отсутствия вины лежит на самом нарушителе [4]. Стороны предпринимательского договора вправе самостоятельно определять меры ответственности за его нарушение (неустойку, порядок исчисления убытков, ограничение или увеличение размера ответственности), что повышает гибкость регулирования, но требует высокого уровня юридической грамотности. Основными формами ответственности являются возмещение убытков и уплата неустойки [3, с. 26].

Так, возмещение убытков – универсальная и общая форма ответственности, применяемая во всех случаях нарушения прав, если иное не предусмотрено законом или договором. Убытки включают в себя реальный ущерб (расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права) и упущенную выгоду (неполученные доходы, которые были бы получены при обычных условиях оборота) [6, с. 102].

Для привлечения к гражданско-правовой ответственности необходимо наличие следующих условий (состава гражданского правонарушения):

Противоправность поведения должника – нарушение им норм права, условий договора или общих начал и смысла гражданского законодательства.

Наличие отрицательных последствий (убытков) у кредитора – для возмещения убытков. Для взыскания неустойки это условие не требуется.

Причинно-следственная связь между противоправным поведением и наступившими последствиями и вина нарушителя [2, с. 78].

Внедоговорная (деликтная) ответственность наступает при причинении вреда личности или имуществу лица, не состоящего с причинителем в договорных отношениях (например, вред, причиненный дефектным товаром потребителю, экологический вред и т. д.). В предпринимательстве это может быть ответственность за ненадлежащую информацию о товаре, за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих [1].

Анализ судебной практики позволяет выделить ряд актуальных проблем:

Соотношение убытков и неустойки. Суды активно применяют ст. 333 ГК РФ о снижении явно несоразмерной неустойки.

Взыскание упущенной выгоды. Суды требуют от истца предоставления доказательств с разумной степенью достоверности, подтверждающих размер неполученных доходов и причинную связь с действиями ответчика.

Ответственность при множественности должников. В солидарных обязательствах, характерных для предпринимательства (например, поручительство, совместное причинение вреда), кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности (ст. 323 ГК РФ), что усложняет в дальнейшем взаиморасчеты.

Влияние принципа добросовестности. В соответствии со ст. 1 ГК РФ суды все чаще отказывают в защите прав лицу, злоупотребляющему своим правом, в т. ч. в применении механизма ответственности (например, взыскание

чрезмерной неустойки при минимальном нарушении). Так, Президиум ВАС РФ рассмотрел заявление ООО «Юникс» о пересмотре судебных актов по делу о взыскании с ООО «ЭКС КАРГО-ТРАНССЕРВИС» 1 142 079,82 руб. убытков за утраченный при пожаре груз. Суды нижестоящих инстанций отказали «Юникс» в иске, придя к выводу, что перевозчик не виновен в пожаре, и удовлетворили встречный иск перевозчика о взыскании долга по другой перевозке. Президиум ВАС РФ отменил эти решения, указав на неправильное применение норм материального права. Ответственность перевозчика по ст. 796 ГК РФ наступает независимо от вины, и освобождается он только при наличии объективно непредотвратимых обстоятельств. Возгорание транспорта относится к обычным предпринимательским рискам, которые перевозчик мог предвидеть. Поскольку факт утраты груза подтвержден, а «Юникс» (экспедитор) уже возместил его стоимость клиенту, иск подлежит удовлетворению.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность в предпринимательских отношениях выступает не просто санкцией за нарушение, а сложным, многофункциональным институтом, обеспечивающим стабильность, предсказуемость и безопасность коммерческого оборота. Его специфика, обусловленная профессиональным характером деятельности, выражается в объективизации вины, ужесточении оснований освобождения от ответственности и расширении диспозитивных начал в договорном регулировании. В целях совершенствования законодательства и единообразия судебной практики, полагаем необходимым добавить в гражданский кодекс понятие «злоупотребление правом», обозначить содержание такого важного термина как «предпринимательский риск» и разъяснить порядок взыскания упущенной выгоды.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Бычкова А.К., Макаревич М.Л. Понятие и виды гражданско-правовой ответственности в предпринимательских отношениях // Молодой ученый. 2023. № 14 (461). С. 171–176.

3. Кошкин А.А. Некоторые вопросы правоспособности и дееспособности публично-правовых образований как участников предпринимательских отношений // Молодой ученый. 2021. № 49 (391). С. 215–219.

4. Обзор практики разрешения споров, связанных с применением отдельных положений ГК РФ о неустойке, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.06.2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

6. Разумовская Е.В. Предпринимательское право: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. 241 с. URL: https://urait.ru/bcode/582591 (дата обращения: 08.02.2026).

***Е.Е. Щелокова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Кабанова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ МОНИТОРИНГА СОСТОЯНИЯ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Водные ресурсы являются важнейшим природным компонентом, определяющим экологическое благополучие и социально-экономическое развитие региона. Алтайский край, обладающий богатым водным потенциалом, сталкивается с рядом серьезных экологических вызовов, требующих системного подхода к их решению.

На данный момент назрела необходимость совершенствования системы мониторинга водных объектов в условиях возрастающей антропогенной нагрузки и климатических изменений, т. к. эффективный контроль состояния водных экосистем является ключевым фактором в обеспечении экологической безопасности территории и сохранении водных ресурсов и здоровья населения.

В соответствии с Водным кодексом Российской Федерации, под государственным мониторингом водных объектов понимается система наблюдений, оценки и прогноза изменений состояния водных объектов [3]. Однако практика правоприменения в Алтайском крае выявила серьезные пробелы в реализации органами исполнительной власти данных полномочий, что и послужило предметом нашего исследования.

В частности, февраль 2026 г. ознаменовался важным судебным решением, имеющим существенное значение для организации мониторинга водных объектов в регионе. Центральный районный суд г. Барнаула удовлетворил иск Алтайской межрайонной природоохранной прокуратуры к Министерству природных ресурсов и экологии Алтайского края, ссылаясь на нарушение требований норм, закрепленных в Постановлении Правительства Российской Федерации от 10.04.2007 № 219 «Об утверждении Положения об осуществлении государственного мониторинга водных объектов» [1].

Основанием для иска послужило бездействие уполномоченного органа, выразившееся в нарушения организации и осуществления государственного мониторинга водных объектов на территории региона. По результатам проверки, прокуратурой было установлено, что автоматизированная система мониторинга за состоянием водных объектов на территории Алтайского края отсут-

ствует, регулярные наблюдения за состоянием дна, берегов, состоянием и режимом использования водоохранных зон, зон затопления, подтопления и изменениями морфометрических особенностей водоемов, расположенных на территории Алтайского края, а также наблюдения за объемом вод при водопотреблении и сбросе вод в водные объекты на всех водных объектах ведомством не осуществляется.

Своим решением суд обязал Министерство природных ресурсов и экологии Алтайского края разработать региональную программу ведения мониторинга водных объектов на территории Алтайского края с целью осуществления возложенных на него законодательством Российской Федерации полномочий.

Подтверждением негативных последствий ненадлежащего осуществления мониторинга водных объектов стал инцидент, связанный с промывом дамбы, произошедший в Калманском районе Алтайского края 27 февраля 2026 г. Местные жители указывали на то, что дамба проседала еще с осени 2025 г. и об этом стало известно уполномоченным органам, однако никакие попытки к предотвращению ее прорыва предприняты не были [2].

В условиях недостаточно продуктивного государственного мониторинга особую важность приобретает общественный активизм, ориентированный на наблюдение за состоянием водных объектов.

Демонстрационным случаем такого общественного контроля явился значимый вклад юных экологов в социальный мониторинг водных объектов, показавший наглядный пример практической природоохранной деятельности, направленный на сохранение водных ресурсов родного края. 14 февраля 2026 г. ученики лицея №86 г. Барнаула в рамках проекта «Водный дозор» Алтайского отделения Русского географического общества провели полевое исследование состояния реки Барнаулки. В ходе данной деятельности были отобраны пробы воды и выполнен гидрохимический анализ. Полученные результаты показали неблагоприятную экономическую ситуацию, а именно превышение предельно допустимых концентраций по восьми показателям. Эти данные были внесены на электронную платформу «НашНатуралист» и направлены в уполномоченные органы, став достоянием общественности [4].

Указанные недостатки государственного мониторинга, загрязнение водных объектов, техногенные аварии, в своей совокупности приводят к нарушению конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Отсутствие регулярного мониторинга означает, что органы власти и граждане не владеют полной и достоверной информацией о реальном состоянии водных объектов. Общественные инициативы лишь в некоторой степени компенсируют этот пробел, однако не могут в полной мере заменить систематические государственные наблюдения.

Ключевое положение содержится в п. 5 ч. 2 ст. 39 Водного кодекса Российской Федерации, которое обязует вести учет объема забора (изъятия) водных ресурсов из водных объектов и объема сброса сточных, в т. ч. дренажных, вод, их качества, регулярные наблюдения за водными объектами и их водо-

охранными зонами, а также бесплатно и в установленные сроки представлять результаты такого учета и таких регулярных наблюдений в федеральную государственную информационную систему состояния окружающей среды. ФГИС «Экомониторинг» была введена в эксплуатацию 1 марта 2025 г. в рамках национального проекта «Экологическое благополучие» и представляет собой единую цифровую платформу, которая получает различные данные, связанные с состоянием окружающей среды. Данная система направлена на централизацию данных, повышение эффективности контроля, а также служит источником информирования граждан о состоянии экологии в своем регионе [5].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии системных проблем в осуществлении государственного мониторинга водных объектов в Алтайском крае. Нормативно-правовая база, несмотря на ее совершенствование (внедрение ФГИС «Экомониторинг»), не реализуется в полном объеме правоприменителями. Решение Центрального районного суда г. Барнаула от февраля 2026 г. подтверждает факт бездействия уполномоченных органов.

Таким образом, состояние водных объектов Алтайского края требует принятия безотлагательных мер по совершенствованию системы экологического государственного мониторинга. Интенсификация правовой определенности, модернизация технической базы, усиление кадрового потенциала и расширение участия гражданского общества создадут условия для обеспечения устойчивого развития региона, сохранения природных ресурсов и предотвращения ухудшения экологической обстановки. Осуществление предложенных мер позволит эффективно устранить актуальные проблемы и минимизировать риски разрушения водных систем.

Литература

1. Алтайской межрайонной природоохранной прокуратурой выявлены нарушения при организации и осуществлении мониторинга водных объектов на территории региона. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_22/mass-media/news/regional/e8380308/ (дата обращения: 08.03.2026).

2. В Калманском районе ввели режим повышенной готовности из-за промыва дамбы. URL: https://www.amic.ru/news/v-kalmanskom-rayone-vveli-rezhim-povyshennoy-gotovnosti-iz-za-promyva-damby-579025 (дата обращения: 08.03.2026).

3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/ (дата обращения: 08.03.2026).

4. Полевое исследование Барнаулки в рамках проекта «Водный дозор». URL: https://rgo-altay.ru/www/polevoe-issledovanie-barnaulki-v-ramkah-proekta-vodnyj-dozor/ (дата обращения: 08.03.2026).

5. Продолжается развитие федеральной государственной информационной системы состояния окружающей среды. URL: http://government.ru/news/57685/ (дата обращения: 08.03.2026).

***К.А. Ярова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Ю.С. Кабанова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ БРАКА ФИКТИВНЫМ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ

Институт недействительности брака является важным механизмом защиты прав и законных интересов отдельных граждан и государства в целом. Особое место среди оснований признания брака недействительным занимает фиктивный брак, т. е. брак, заключенный без намерения супругов создать семью. Квалификация брака как фиктивного представляет собой одну из наиболее сложных задач для судов, т. к. судам необходимо установить субъективный признак – с какой целью была осуществлена регистрация брака. Данный признак тяжело доказать, что приводит к теоретическим спорам и неоднородности судебной практики.

Отметим, что исторически законодательство стремилось противодействовать использованию института брака в целях, не связанных с созданием семьи. Уже в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года прямо указывалось на недействительность брака [3]. Это же положение нашло отражение и в последующих актах, регулирующих семейные правоотношения. Однако в Семейном кодексе Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – СК РФ) легальное определение фиктивного брака не нашло закрепления, что вынуждает правоприменителя обращаться к доктринальному толкованию и аналогии закона, где под фиктивным браком понимается брак, зарегистрированный в установленном порядке без цели создания семьи хотя бы у одного из супругов.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 №15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» перечислены основные признаки семьи, на создание которой должна быть направлена воля мужчины и женщины при заключении брака: совместное проживание, предполагающее ведение общего хозяйства; совместное решение основных вопросов жизни семьи; наличие взаимных прав и обязанностей, взаимной ответственности [4]. Однако эти критерии не абсолютны, т. к. внешнее соблюдение указанных признаков может скрывать корыстный умысел. СК РФ устанавливает, что совместное проживание не является обязательным, а его отсутствие не доказывает фиктивность брака. Поэтому суду необходимо устанавливать грань между реальными отношениями и их искусной симуляцией.

Следует отметить, что существует проблема субъектного состава, имеющего право на оспаривание брака. Законодатель, устанавливая круг лиц, имею-

щих право на иск (супруг и прокурор), исходил из презумпции наличия конфликтов интереса внутри семьи. Данная конструкция в современном мире оказывается неэффективной в ситуациях, когда обе стороны действуют согласованно, реализуя противоправный интерес. Прокурор же не усматривает оснований для вмешательства.

Также ключевой теоретической и практической проблемой является разграничение фиктивного брака и «несостоявшегося брака». В науке существует позиция, что брак, в котором супруги прожили вместе длительное время, родили детей, но впоследствии выяснилось, что изначально один из них руководствовался корыстными мотивами, не должен признаваться фиктивным.

Верховный Суд Российской Федерации в своих определениях неоднократно подчеркивал: решающее значение имеет момент заключения брака. Возникает сложность установления состоятельности брака, если супруги прожили вместе 10 лет, имеют детей и имущество, можно ли говорить о том, что брак не состоялся? Суды в таких случаях, как правило, отказывают в исках о признании брака недействительным, фактически применяя принцип конвалидации (исцеления) брака. Хотя СК РФ прямо не предусматривает исцеления фиктивного брака, суды исходят из того, что длительное существование фактических брачных отношений снимает вопрос о фиктивности, т. к. цель создания семьи была в итоге достигнута (или намерение трансформировалось). Прямое указание на это содержится в п. 3 ст. 29 СК РФ: суд не может признать брак фиктивным, если лица, зарегистрировавшие такой брак, до рассмотрения дела фактически создали семью.

Закон говорит о создании семьи до рассмотрения дела судом. Но если иск подан прокурором сразу после регистрации брака, основанного на корысти, но супруги начали жить вместе «по инерции» или вынужденно, как суду оценить, является ли это «созданием семьи» или продолжением имитации?

Анализ судебной практики показывает, что в России наиболее распространенными категориями дел в рассматриваемой сфере являются:

1. Браки, заключенные для получения разрешения на временное проживание, вида на жительство и гражданства Российской Федерации. Так, Ржевской городской суд Свердловской области рассмотрел дело № 2-177/2025, по иску прокурора о признании брака недействительным между гражданином Таджикистана и гражданкой Российской Федерации. Судом было установлено, что брак был заключен с целью упрощения получения разрешения на временное проживание гражданином Таджикистана, с выплатой супруге вознаграждения за оказанные услуги, сто и послужило ключевым доказательством по делу [5]. Аналогичное дело рассматривалось в Вязниковском районе Владимирской области, где Межрайонная прокуратура установила, что между местной жительницей гражданкой Российской Федерации и гражданином Таджикистана был заключен брак с целью упрощенного получения последним гражданства Российской Федерации, с выплатой вознаграждения фиктивной супруге. Судом было установлено, что гражданин Таджикистана не проживал с женой, не вел совместного хозяйства, общих детей у них не было. В ряде случаев суды в России пользуются зарубежный опыт [2]. Так Архангельским областным судом

в 2025 г., был рассмотрен иск исполняющего обязанности Котласского межрайонного прокурора к гражданке Российской Федерации и гражданину Азербайджана, о признании брака фиктивным. Судом было установлено, что после регистрации брака супруги совместно не проживали, общего хозяйства не вели, общий бюджет отсутствовал, фамилии не изменяли, с родственниками и друзьями друг друга не знакомы, при этом супруг не знал ФИО родителей жены и самой супруги [1]. Суды во всех случаях пришли к выводу о фиктивности брака, признав браки недействительными и аннулировав записи в органах записи актов гражданского законодательства.

2. Браки, заключенные с участниками специальной военной операции с целью получения государственных выплат и льгот, положенных членам семей погибших или получивших ранения. Судебная практика по таким делам активно формируется и демонстрирует жесткую позицию судов по признанию их фиктивными в связи с регистрацией брака для получения выгоды, а не для создания семьи. Так, Советский районный суд Красноярска 19.02.2026 признал брак между жителем Красноярска, погибшим на СВО, и гражданкой Армении недействительным. Судом был установлен факт заключения брака с целью получения гражданства и статуса члена семьи участника специальной военной операции.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности противодействия фиктивным брачным союзам и унификации судебной практики.

Во-первых, уйти от оценочных суждений, конкретизируя ст. 27 СК РФ, например, дополнить статью примечанием, устанавливающим, что «цель создания семьи» подтверждается фактическим исполнением супружеских обязанностей. Данная мера позволит минимизировать судебное усмотрение при квалификации брака в качестве фиктивного.

Во-вторых, расширить перечень истцов, включив в ст. 28 СК РФ органы миграционного учета в качестве лиц, имеющих право инициировать процедуру признания брака недействительным, если фиктивность брака затрагивает публичные интересы (например, при получении гражданства или прав на жилое помещение).

В-третьих, внедрить современные стандарты доказывания, т. е. использовать при рассмотрении дел электронные доказательства (например, банковские транзакции). Это позволит объективно установить факт ведения общего хозяйства, при обязательном соблюдении требований к сохранению тайн частной жизни и допустимости доказательств.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что современная судебная практика демонстрирует тенденцию к отказу от формального подхода в пользу глубокого анализа фактических отношений сторон. Дальнейшее развитие института должно идти по пути совершенствования процессуальных механизмов доказывания.

Литература

1. А был ли брак? Ответил суд. URL: https://pravdasevera.ru/2025/08/10/6897b5f0ebdc1c5a2202e034.html (дата обращения: 10.03.2026).

2. В Вязниках по требованию прокурора судом расторгнут фиктивный брак, заключенный с целью приобретения гражданином Таджикистана гражданства России. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_33/mass-media/news/main/e6282506/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке: постановление ВЦИК от 19.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Решение № 2-177/2025 от 31 марта 2025 г. по делу № 2-177/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qLkYEa1O3odJ/ (дата обращения: 10.03.2026).

МЕЖДУНАРОДНОЕ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

***И.А. Буш**, курсант 3 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Кошелев**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕХАНИЗМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ МАРКИРОВКИ АГИТАЦИОННОГО КОНТЕНТА НА ВЫБОРАХ

На сегодняшний день регулирование искусственного интеллекта (далее – ИИ) в предвыборной агитации Российской Федерации требует особого внимания в условиях активной цифровизации избирательного процесса. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490, прямо ставит задачу внедрения ИИ для снижения издержек производства агитационных материалов и повышения доступности политической рекламы [3]. Однако стремительное развитие технологий, обеспечивающих генерацию изображений, видео и голоса создает новые вызовы для обеспечения честности и прозрачности выборов.

В 2025 г. в Государственную Думу был внесен проект федерального закона № 993193-8 о внесении изменений в Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Этот документ впервые легализует использование ИИ в агитации, одновременно вводя обязательную маркировку сгенерированного контента [2]. Актуальность темы обусловлена ростом угроз манипуляции общественным мнением: реалистичные deepfake-материалы способны вводить избирателей в заблуждение, подрывая доверие к избирательному процессу в целом.

Значимость проблемы усиливается приближающимися выборами в Государственную Думу 2026 г. Маркировка контента становится ключевым инструментом защиты конституционного права граждан на свободное волеизъявление [1]. Без четкого правового регулирования ИИ агитация рискует превратиться в инструмент скрытого воздействия, что противоречит принципам равенства и достоверности. Таким образом, разработка механизмов обязательной маркировки – это не только техническая задача, но и важнейший элемент обеспечения легитимности выборов в эпоху цифровизации.

На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует четкое определение «изображения, сгенерированные ИИ», что создает правовую неопределенность. Федеральный закон № 20-ФЗ не содержит норм, регулирующих сгенерированный контент, включая статичные изображения, видео, аудио. Это приводит к риску введения избирателей в заблуждение, т. к. возникающие на фоне этой уязвимости deepfake-материалы оказывают мощный манипулятивный эффект, отчего существенно могут повлиять на общественное мнение.

Также существуют проблемы, которые связаны с отсутствием эффективных механизмов реагирования на нарушения. Нет границ, при которых будет установлено, что сгенерированный материал может ввести избирателей в заблуждение. Также не урегулирован вопрос по установлению сроков устранения проблем, связанных с отсутствием маркировки.

Особую остроту приобретает конфликт с охраной изображения гражданина по ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации: использование образа без согласия даже в искусственной форме может нарушать личные права гражданина, отчего есть вероятность поступления жалоб от лиц, схожих с нейросетевым изображением.

В Российской Федерации эти проблемы уже проявляются на практике. Ярким примером стала ситуация, когда Челябинское отделение КПРФ попыталось использовать в предвыборной листовке изображение семейной пары в советской стилистике, полностью сгенерированное нейросетью. 22 августа 2025 г. региональная избирательная комиссия запретила созданную нейросетью листовку, мотивировав это тем, что КПРФ нарушила законодательство, которое разрешает использовать в агитации или образ конкретного кандидата, или «неопределенный круг лиц». Впоследствии по данному спору Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что использование в предвыборной агитации изображений людей, созданных при помощи ИИ, противоречит закону. В результате агитационный материал был признан незаконным и запрещен.

Анализ данного прецедента показывает глубину проблемы: при отсутствии обязательной маркировки и четких правил использования таких изображения, даже добросовестная попытка применения ИИ может привести к судебному разбирательству. Это создает правовую неопределенность для всех участников кампаний, которое ограничивает свободу агитации и лишает избирателей возможности самостоятельно отличать искусственный контент от реального.

Перспектив решения этого вопроса лежат в скорейшем принятии проекта федерального закона № 993193-8, регламентирующем использование искусственного интеллекта, а также разработке подзаконных актов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Предлагается дополнить ст. 62 федерального закона № 20-ФЗ нормой о возможности изготовления агитационных материалов с применением ИИ, а особенности механизма регулирования этого контента делегировать ЦИК России. Обязательная маркировка вводится в ст. 64 о печатных материалах, ст. 66 о периодической печати и ст. 68 об аудиовизуальных материалах [4]. В используемом контенте должна содержаться явная информация о том, что изображение физического лица сгенерировано ИИ.

Подзаконный акт ЦИК определит нейтральные критерии «изображения, сгенерированного ИИ», которые не будут вводить в заблуждение общество, а также машиночитаемую часть, т. е. наличие QR-кода или метаданных с информацией о генерации и изготовителе. Обязательным станет хранение информации о полном пути происхождения материала. В перспективе возможно создание реестра генерации контента, где будет отражен весь искусственный контент в предвыборной агитации, что сделает процедуры оперативного реагирования на нарушения более эффективными. Все вышеперечисленное позволит проводить эффективные проверки контента, а также способствовать доказыванию нарушений в суде.

Реализация этих механизмов позволит легализовать ИИ в агитации, снизить издержки кампаний и одновременно защитить избирателей от манипуляций. Качественная проработка подзаконных норм обеспечит баланс между свободой агитации и достоверностью информации, укрепив доверие к избирательной системе Российской Федерации, что будет способствовать реализации Национальной стратегией развития ИИ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 993193-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ (последняя ред.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С.И. Быхалов, *магистрант 2 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
Р.С. Галиев, *канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский филиал РАНХиГС

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Актуальность темы исследования обуславливается в контексте национальных целей развития на период до 2030 г., где цифровая трансформация государственного и муниципального управления выделена как приоритетное направление. Реализация национальных проектов «Цифровая экономика Российской Федерации» и «Экономика данных и цифровая трансформация государства» предполагает переосмысление механизмов взаимодействия государства и общества и создание инфраструктуры электронного правительства. Несмотря на прогресс в области цифровой трансформации государственного и муниципального управления нельзя отрицать существование проблемных аспектов в сфере организационно-правового регулирования предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде.

Не менее актуальной проблемой является неравенство в цифровом развитии субъектов Российской Федерации, в ряде из которых, особенно в малых и удаленных населенных пунктах, наблюдаются проблемы внедрения и функционирования информационно-коммуникационных технологий. Другим проблемным аспектом в условиях геополитической напряженности и усиления санкционного давления выступают периодические сбои в работе государственных сервисов, недостаточный уровень защиты персональных данных, повышающий риск утечки персональных данных. Несмотря на действие Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [1] на практике наблюдается усиление тенденции утечки информации из государственных информационных систем. Это обуславливается как техническими недочетами (уязвимости программного обеспечения, слабые механизмы аутентификации), так и «человеческим» фактором. Данные проблемы подрывают доверие граждан к механизму предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде и требуют постоянного совершенствования средств криптографической защиты и мониторинга угроз.

Не стоит упускать из поля зрения и социальные вызовы, которые обусловлены «сопротивлением» части населения цифровой трансформации. В частности, здесь стоит отметить приверженность некоторых граждан традиционному бумажному документообороту, что замедляет переход к электронным формам взаимодействия. Особенно это характерно для граждан пожилого

возраста, испытывающих трудности с освоением цифровых технологий вследствие низкого уровня цифровой грамотности.

К другим проблемам следует отнести отсутствие четких регламентов обмена данными между федеральными, региональными и ведомственными государственными информационными системами, а также недостаточная информированность населения о возможностях предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде.

Таким образом, совокупность правовых, организационных, технологических и социальных проблем создает барьеры на пути полноценной цифровой трансформации государственного и муниципального управления.

Для преодоления указанных проблем автор исследования обосновывает целесообразность комплексного подхода, который предусматривает:

– расширение цифровой инфраструктуры в малонаселенных регионах;

– повышение цифровой грамотности граждан;

– усиление защиты персональных данных и надежности IT-инфраструктуры;

– создание системы мониторинга качества предоставления государственных и муниципальных услуг и механизмов общественного контроля.

Литература

1. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.

***Д.Н. Глинкова**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Я.С. Яхонтова
Барнаульский юридический институт МВД России

ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Проблема законности ограничения прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов в связи с нестабильной международной обстановкой является одной из актуальных. Проблема возникает в связи с вопросами, насколько правомерно ограничить человека в его правах и свободах? Центральной точкой дискуссии становится вопрос о пределах и механизмах ограничения прав граждан в условиях специальных правовых режимов.

В настоящее время условия особого правового режима в Российской Федерации регулируются Конституцией Российской Федерации, а именно п. 3 ст. 55. Она устанавливает, что права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты

конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. Из этой нормы вытекает три обязательных требования: во-первых, ограничения должны быть прописаны в законе, а не в подзаконном акте; во-вторых, должна быть конкретная цель; в-третьих, меры должны быть адекватны угрозе и не быть чрезмерными.

Для ответа на поставленные вопросы прежде всего необходимо определиться с легальной терминологией. Режим контртеррористической операции (далее – КТО) – вводится для пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов [1]. Режим военного положения (далее – ВП) – режим, вводимый в случае агрессии против Российской Федерации или угрозы агрессии [2]. Режим чрезвычайной ситуации (далее – ЧС) – обстановка, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы или распространения заболевания, опасного для жизни и здоровья граждан [3]. Режим чрезвычайного положения (далее – ЧП) – особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, вводимый на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях [4]. Пункт временного размещения (далее – ПВР) – комплекс технических и материальных средств, предназначенных для жизнеобеспечения пострадавшего населения, вынужденных переселенцев и лиц, эвакуированных из зоны ЧС.

Особую научную и практическую значимость имеет анализ одновременного действия двух различных административно-правовых режимов на одной территории. Рассмотрим это на примере г. Белгорода, где в 2024 г. были введены одновременно два режима: КТО и ЧС. Режим ЧС ввели 15 августа 2024 г., режим КТО был введен ранее – 10 августа 2024 г. Введение режима ЧС практически не отразилось на повседневной жизни граждан, детские сады и образовательные учреждения продолжали работать в штатном режиме [9]. Но при этом были введены меры для обеспечения общественного порядка в зоне ЧС и на прилегающей территории, на маршрутах эвакуации, на территории ПВР, а также обеспечение сохранности имущества граждан. При работе режима КТО граждане были обязаны иметь при себе документ, удостоверяющий личность, при возникновении реальной угрозы жизни и здоровью граждан проводилась эвакуация населения из опасных зон, а также вывоз транспорта [12]. Кроме того, было введено ограничение, связанное с прослушиванием телефонных переговоров. Приведенный пример ставит вопрос о юридической приоритетности специальных административно-правовых режимов в случае их одновременного введения на одной территории. В действующем законодательстве отсутствует четкое указание на то, какой из режимов имеет верховенство при возможной коллизии предписаний.

Также примером может служить пандемия 2020 г., которая создала опасный правовой прецедент. Вместо введения чрезвычайного положения (далее – ЧП), предусмотренного Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», власти использовали режим «повышенной готовности». Проблема заключается в том, что подмена режима ЧП

режимом «повышенной готовности» позволила вводить ограничения без гарантий и компенсаций. Наиболее существенные риски для принципа правовой определенности возникли в связи с широким делегированием нормотворческих полномочий региональным органам власти. Ограничения вводились указами мэров и губернаторов. С точки зрения Конституции это прямое нарушение: субъект Российской Федерации или глава региона не могут ограничивать конституционные права своим указом, т. к. это прерогатива федерального законодателя [13]. Государство выстроило систему контроля: прокуратура проверяла указы на предмет необоснованного ограничения прав, а суды оценивали, не превысил ли губернатор свои полномочия, ограничивая конституционные права граждан. Также их полномочия расширялись через указы Президента, например, Указ Президента от 02.04.2020 № 239 [6].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 25.12.2020 № 49-П [8] признал такие ограничения не противоречащими Конституции Российской Федерации. Многие эксперты не согласились с данным решением. В.В. Руденко считает, что в условиях беспрецедентной угрозы и отсутствия четкой федеральной регламентации решение суда придало необходимую легитимность действиям региональных властей, которые были вынуждены действовать на опережение [13]. С. Афанасьев в своей статье утверждает, что Суд использовал три ключевых приема, чтобы «подвести конституционную базу под любой произвол»: 1) бездоказательное нагнетание страха об опасности; 2) подмену понятий (противопоставление права на жизнь другим правам, в то время как Конституция не устанавливает такой иерархии); 3) умолчание о том, почему не было введено официальное чрезвычайное положение, что позволило губернаторам действовать с превышением полномочий [14].

С 2022 г. правовая реальность усложнилась введением различных уровней реагирования указами Президента от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» [5] и от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756» [7]. Данным указом было установлено четыре уровня реагирования: максимальный уровень реагирования – самый строгий режим, предполагающий проведение территориальной обороны и введение дополнительных ограничений, предусмотренных законом о военном положении, применяемый в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях; средний уровень реагирования – режим для территорий, непосредственно граничащих с зоной боевых действий (Крым, Севастополь, Белгородская область); уровень повышенной готовности – для регионов, не имеющих общей границы с зоной конфликта, но находящихся в непосредственной близости (остальные регионы Центрального и Южного федеральных округов); уровень базовой готовности – самый мягкий режим для удаленных от зон боевых действий территорий (Урал, Сибирь, Дальний Восток) [11]. Если соотносить данные уровни реагирования с режимами, то базовый уровень по своему содержанию больше близок к режиму повышенной готовности; уровень повышенной готовности является более жестким, т. к. добав-

ляет возможность ограничивать движение транспортных средств и проводить его досмотр; средний уровень реагирования приближен к режиму ЧС, но с военным уклоном, при нем допускается временное отселение жителей; максимальный уровень реагирования фактически представляет собой ЧП в военном варианте, включая комендантский час, военную цензуру и задержание граждан на срок до 30 суток. В ФКЗ от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» не содержатся понятия «уровни реагирования», поэтому это является подзаконным инструментом, что создает проблемы правовой определенности.

Конституция четко закрепляет, что ограничения прав могут вводиться только федеральным законом. Однако на практике сложилась иная схема, а именно принимается рамочный закон, который делегирует правительству или регионам право устанавливать «обязательные правила поведения». В итоге реальные ограничения закрепляются указами глав регионов или актами исполнительной власти, в которых она сама определяет границы своих полномочий. Данный сложившийся порядок создает реальную угрозу административного произвола, и противоречит ст. 55 Конституции Российской Федерации.

На наш взгляд, в первую очередь необходимо на федеральном уровне закрепить полноценные правовые режимы – с гарантиями, порядком реализации и компенсациями, что позволит избежать подзаконного произвола. Еще одной необходимой мерой будет усиление судебного контроля за введением и реализацией специальных административно – правовых режимов. Что должно включать не только формальный анализ соответствия акта закону, а также анализ соразмерности вводимых ограничений. Принятие предложенных шагов позволит вернуть приоритет федерального закона. Однако необходимо принимать во внимание, что в ряде случаев введения специальных административно – правовых режимов необходимо оперативное реагирование на стремительно изменяющуюся ситуацию на органичной территории, т. е. с сохранением приоритета федерального регулирования необходимо в дальнейшем разработать эффективный механизм административно-правовой реализации указанных режимов на местах.

Таким образом, анализ практики реализации особых административно-правовых режимов показывает: основная проблема – подмена законных установленных на федеральном уровне режимов гибкими, но менее гарантийными инструментами, а также делегирование полномочий подзаконным актам. Соблюдение легальности, соразмерности и правовой определенности – единственный способ сохранить баланс между безопасностью и конституционными правами.

Литература

1. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» .

2. О военном положении [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (ред. от 13.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 757. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности…» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Власти разъяснили порядок функционирования режима ЧС в Белгородской области. URL: https://bel-pobeda.ru (дата обращения: 15.03.2026).

10. В Белгородской области введен правовой режим контртеррористической операции. URL: https://belduma.ru (дата обращения: 15.03.2026).

11. Винокуров В.А. Военное положение, уровни реагирования, специальная военная операция: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 203–207.

12. Жителей белгородских населенных пунктов будут временно отселены с 19 августа. URL: https://openbelgorod.ru (дата обращения: 15.03.2026).

13. Руденко В.В. К вопросу об ограничении прав человека актами субъектов Российской Федерации в период распространения новой коронавирусной инфекции: комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 25.12.2020 № 49-П // Вестник Гуманитарного университета. 2021. № 3. С. 62–68.

14. Афанасьев С. Обзор правовых позиций в постановлениях Конституционного Суда России: № 49-П – 50-П (2020), № 1-П – 3-П (2021) // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. Т. 30, № 1 (140). С. 157–166.

***А.Т. Ишеналиева**, студент 2 курса*
Академия МВД Киргизской Республики
имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева

Научный руководитель:
***С.М. Автандилова**, канд. юрид. наук, доцент*
Академия МВД Киргизской Республики
имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В современных исследованиях отмечается, что в Киргизской Республике конституционные реформы неоднократно меняли не только форму правления, но и избирательную систему. Однако изменения конституционной модели не всегда приводили к устойчивому развитию избирательной системы, что вызывается научные дискуссии. Так, по мнению А. Алексеева, после длительного периода президентской формы правления (до 2010 г.) эта форма была преобразована в парламентскую модель, а после принятия Конституции 2021 г. снова стала президентской, что, по его мнению, «свидетельствует о нестабильности политической системы Киргизии» [5].

Избирательная система является одним из ключевых институтов конституционного строя, определяющим порядок формирования представительных органов власти.

Первая Конституция Киргизии, принятая 5 мая 1993 г. закрепила основы политической системы государства [1]. Жогорку Кенеш (далее – ЖК) стал высшим представительным органом, состоящим из 105 депутатов, избираемых по мажоритарной системе. Партийная система была слаба, что усиливало личностные факторы выборов.

Референдум 1994 г. преобразовал ЖК в двухпалатный парламент: Законодательное собрание (35 депутатов) и Собрание народных представителей (70 депутатов). Референдумы 1996, 1998 годов усилили роль главы государства в системе государственной власти. Полномочия президента были расширены в сфере формирования правительства, кадровых назначений и взаимодействии с парламентом.

Одновременно изменения затрагивали и избирательную систему: по итогам референдума 1998 г. численность ЗС составляла 60 депутатов, а СНП – 45 депутатов. При этом 15 мандатов в ЗС закреплялись за политическими партиями, преодолевшими пятипроцентный избирательный барьер. Внедрение пропорционального представительства стало важным этапом в становлении политических партий в процессе выборов. Это содействовало развитию партийной системы и увеличению вовлеченности политических партий в работу парламента.

Конституционная реформа 2003 г. упразднила двухпалатную структуру парламента и закрепила однопалатный ЖК в составе 75 депутатов, избираемых

по мажоритарной системе. В таких условиях ключевую роль на выборах играли отдельные кандидаты и их региональная поддержка, тогда как влияние политических партий оставалась ограниченным. Такая система усиливала связь депутатов с избирателями, но не способствовала развитию партийной системы. Именно это послужило последующим переходом к пропорциональной избирательной системе.

Новая редакция Конституции была принята впоследствии событий 2005 г., более известных как «тюльпановая революция». Теперь ЖК состоял из 90 депутатов, избираемых по партийным спискам. Киргизия одной из первых в Центральной Азии предприняла попытку формировать парламент через политические партии, что рассматривалось как шаг к развитию парламентаризма. Однако из-за слабой партийной базы, на практике это привело к тому, что руководство партий фактически определяло состав списков, а связь депутатов с избирателями стала менее прямой.

В соответствии с Конституцией 2010 года ЖК стал состоять из 120 депутатов, избираемых по пропорциональной системе на основе партийных списков при ограничении не более 65 мандатов для одной партии. Данное положение было введено для предотвращения доминирования одной партии и развития политического плюрализма.

В развитие системы были введены требования к формированию партийных списков. Общее число кандидатов, выдвигаемых политической партией, должно составлять не менее 120 и не более 200 человек. При этом не более 70 % лиц одного пола, а разница очередности в списках кандидатов женщин и мужчин, выдвинутых от политических партий, не должна превышать трех позиций, не менее 15 % лиц не старше 35 лет, не менее 15 % – представители различных национальностей, не менее 2 кандидатов – лица с ограниченными возможностями здоровья, при этом один из них должен быть включен в список первых 50 кандидатов. Закрепление таких требований было направлено на обеспечение более сбалансированного и инклюзивного представительства в парламенте [3].

Вместе с тем практика применения пропорциональной системы показала и ряд недостатков. В условиях слабого развития партийной системы избиратели голосовали преимущественно за политические партии, а не за конкретных кандидатов. Это ослабляло прямую связь между депутатами и избирателями и снижало уровень их персональной ответственности перед населением, поскольку распределение мест во многом зависело от составления партийных списков.

Данные проблемы особенно заметно проявились в деятельности VI созыва ЖК (2015–2021 гг.), когда общественная критика была связана с недостаточной связью части депутатского корпуса с интересами населения и закрытым характером отбора кандидатов. Проблема была не в самой пропорциональной системе, а в слабом развитии партийной системы.

Конституция 2021 г. обозначила переход к президентской форме правления. Численность ЖК была сокращена до 90 депутатов, а порядок избрания был передан на регулирование конституционным законом. Первые выборы были

проведены по смешанной системе: 36 депутатов – по одномандатным округам и 54 – по единому избирательному округу по пропорциональной системе [4]. Именно открытые списки были принципиально важны, потому что они должны были частично компенсировать недостатки прежней закрытой партийной модели: избиратель голосовал не только за партию, но и отдавать предпочтение конкретным кандидатам внутри партийного списка. То есть была попытка соединить преимущества партийного представительства с более высокой персональной ответственностью кандидатов перед избирателями.

Последующие изменения связаны не с новой конституционной реформой, а ранее указанным конституционным законом. Законодатель отошел от смешанной системы и усилил мажоритарно-территориальное начало представительства. Для проведения выборов были образованы 30 избирательных округов, где на каждый округ приходилось по три депутата. Это было обусловлено стремлением усилить связь депутатов с регионами, повысить их персональную ответственность и смягчить чрезмерную конкуренцию, характерную для одномандатных округов. Новая модель направлена на более сбалансированное представительство, в т. ч. с учетом гендерного равенства.

Конституционные реформы не были просто хаотичной сменой моделей ради смены; каждая следующая система вводилась с целью устранить недостатки предыдущей, но на практике каждая выявляла собственные ограничения. Это позволяет сделать вывод о том, что развитие избирательной системы Киргизской Республики носит поисковый характер и отражает стремление государства найти баланс между партийным представительством, региональными интересами и персональной ответственностью депутатов перед избирателями.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики от 05.05.1993. URL: Министерство юстиции, цбд, Минюст, сбд, цбд минюст (дата обращения: 08.03.2026).

2. Конституция Кыргызской Республики. Принята референдумом (всенародным голосованием) 11.04.2021. URL: https://cbd.minjust.gov.kg (дата обращения: 08.03.2026).

3. О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики: Конституционный закон Кыргызской Республики от 02.07.2011 № 68. URL: Министерство юстиции, цбд, Минюст, сбд, цбд минюст (дата обращения: 08.03.2026).

4. О внесении изменений в конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики»: Конституционный закон Кыргызской Республики от 09.06.2025 № 113. URL: Министерство юстиции, цбд, Минюст, сбд, цбд минюст (дата обращения: 08.03.2026).

5. Алексеев Р.А. Конституционные реформы в Республике Кыргызстан: сущность и особенности // Политологические науки. 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-reformy-v-respublike-kyrgyzstan-suschnost-i-osobennosti/viewer (дата обращения: 08.03.2026).

***Е.С. Новацкая**, курсант 2 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Д.В. Климова**, канд. юрид. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Процесс цифровой трансформации оказал существенное воздействие на все социально-экономические сферы общества, включая сферу государственного управления миграционными процессами. В системе управления миграцией активно используются достижения цифровизации, потенциал искусственного интеллекта и прочие технологии, предназначенные для сбора и обработки данных. Формирование новой технологической среды под влиянием современных цифровых технологий и технических возможностей ставят задачу адаптации конституционно-правового регулирования к возможностям применения достигнутых результатов в области цифровых технологий.

Как отмечается в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [5], цифровые коммуникации прочно вошли во все сферы жизни. Они стали неотъемлемым элементом современных подходов к управлению, ключевых секторов экономики, а также систем обеспечения национальной обороны и безопасности. Сущность современного этапа цифровой трансформации в России заключается в адаптации административных механизмов к требованиям общества через их цифровую модернизацию или полное перепроектирование. Эта объективная тенденция ведет к тотальной цифровизации публичной сферы, создавая необходимые условия для реализации интересов, как отдельных граждан, так и всего общества.

По справедливому мнению отдельных авторов (А.Е. Горбань, А.Н. Жеребцов, Д.В. Климова) внедрение цифровых технологий в процесс государственного управления процессами миграции требует поэтапного решения комплекса задач, направленных на правовую регламентацию цифрового профиля мигранта, миграционного учета, идентификации личности мигранта и др. [1, 2].

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [6] определил ключевые приоритеты, среди которых: демографическое благополучие, создание комфортной и безопасной среды, и, разумеется, цифровая трансформация. 7 ноября 2024 г. было подписано постановление Правительства Российской Федерации № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без граждан-

ства» [7]. Этот документ не просто ввел временные новые правила, а создал правовой «полигон» для тестирования инновационных процедур. Его главная цель – на практике отработать новые технологические и административные решения, оценить их эффективность, выявить возможные сложности и, по итогам, сформировать оптимальную модель для повсеместного внедрения.

Уже 1 декабря 2024 г. эксперимент перешел в активную фазу. Стартовал его первый этап, сфокусированный на сборе биометрических данных иностранных граждан. Пилотными площадками стали наиболее загруженные транспортные узлы, а именно крупнейшие аэропорты Москвы [7]. На этом этапе отрабатывался централизованный сбор биометрических образцов (отпечатков пальцев и/или изображений лица). По нашему мнению, это фундаментальный шаг для создания масштабируемой базы биометрических данных, которая в будущем станет ядром системы цифровой идентификации и позволит повысить надежность идентификации личности, ускорить процедуры паспортного контроля за счет использования биометрических коридоров, бороться с мошенничеством и использованием поддельных документов.

26 июня 2025 г. было выпущено мобильное приложение ruID [4] – вторая стадия эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Его появление в магазинах приложений – это сигнал, адресованный каждому иностранцу: «Мы не хотим видеть в вас только объект для учета. Мы предлагаем вам удобный цифровой инструмент». Через это приложение мигрант превращается в активного пользователя государственных сервисов: он может получить информацию, отслеживать статус документов, а в перспективе – хранить свой цифровой паспорт прямо в телефоне.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что управление миграционными процессами в Российской Федерации находится в стадии глубокой и системной технологической трансформации.

Ключевым вектором этой трансформации является переход от автоматизации отдельных задач к формированию «умной миграции» – модели, в которой данные и технологии используются для прогнозного, адресного и безопасного регулирования потоков в национальных интересах.

Основной вызов на текущем этапе заключается в обеспечении их правомерного применения при соблюдении прав человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерацией.

Успех всей цифровой трансформации будет определяться способностью государства поддерживать баланс между эффективностью государственного контроля, безопасностью данных, удобством для иностранных граждан и защитой прав человека. Дальнейшее развитие предполагает эволюцию от экспериментальных решений к созданию целостной, правозащищенной и социально ориентированной цифровой среды управления миграцией, что является неотъемлемым условием для устойчивого развития нашей страны.

Литература

1. Жеребцов А.Н., Горбань А.Е. Целевая концепция государственной миграционной политики Российской Федерации и административно-правовой механизм ее реализации: монография. М.: Проспект, 2022. 232 с.
2. Климова Д.В. Цифровые технологии в механизме государственного управления миграционными процессами в современной России: состояние и перспективы // Вопросы государства и права: сб. науч. ст. Всерос. круглого стола, Краснодарский университет МВД России, 20 февраля 2024 г. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 100–103.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (в действующей ред.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Мобильное приложение «ruID»: Официальный пресс-релиз Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 15.01.2025. URL: https://digital.gov.ru/activity/gosuslugi/mobilnoe-prilozhenie-ruid/ (дата обращения: 21.08.2026).
5. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 (в действующей ред.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 (в действующей ред.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 07.11.2024 № 1510 (в действующей ред.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***Е.П. Павлова**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Я.С. Яхонтова
Барнаульский юридический институт МВД России

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ГРАЖДАН НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Значимым событием для реализации права граждан на судебную защиту стало упразднение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (далее – уставных судов) в 2020 г., которое поставило под сомнение

эффективность многоуровневой, надежной и справедливой судебной защиты. 18 ноября 2020 г. Государственная Дума приняла закон о ликвидации уставных судов со сроком полной ликвидации до 1 января 2023 г. [2]. Вместо них была дана возможность создания конституционных или уставных советов при региональном парламенте, которые, по нашему мнению, не способны восполнить деятельность судов, т. к. не имеют властных полномочий для отмены нормативных актов – их решения носят рекомендательный характер. Кроме того, в системе уставных советов не предусмотрен механизм прямого обращения граждан: круг лиц, имеющих право обращаться в такой совет, крайне ограничен (губернатор, группа депутатов, омбудсмен) [4]. Невозможность самостоятельного инициирования проверки законов гражданами подтверждает неспособность советов заменить уставные суды.

Как указал в интервью депутат Юрий Синельщиков, основными причинами ликвидации уставных судов законодатель посчитал их зависимость от местных властей, отсутствие вышестоящей инстанции, дублирование полномочий судов общей юрисдикции, а также неэффективность и низкую обращаемость граждан [7].

Зависимость от местных властей. Яркий пример – Челябинский уставной суд, конфликт которого с губернатором привел к его упразднению еще до общефедеральной реформы. Рычагом давления являлось финансирование из бюджета субъекта. Данную зависимость ошибочно считать проблемой самого института уставного судопроизводства – она решается передачей финансирования на федеральный уровень.

Отсутствие вышестоящей инстанции. На практике это создавало ситуацию, когда суд, финансируемый и контролируемый региональной властью, выносил постановление, не подлежащее проверке свыше. Для преодоления этого недостатка предлагаем закрепить за Конституционным Судом Российской Федерации право проверять решения уставных судов на предмет соответствия федеральной Конституции.

Дублирование полномочий судов общей юрисдикции. В этом утверждении есть логическая неточность: в отличие от судов общей юрисдикции, уставные суды обладали уникальной функцией – контролем за соответствием региональных актов конституции (уставу) субъекта. Судами общей юрисдикции проверяются те же акты, но на соответствие федеральному закону – это иной предмет проверки. Для устранения пересечения предлагаем четко разграничить компетенцию: за уставным судом – предварительный нормоконтроль на соответствие региональной конституции, за судом общей юрисдикции – последующий контроль на соответствие федеральному закону.

Неэффективность и низкая обращаемость. Конституционный суд Республики Дагестан вынес 26 постановлений за весь период деятельности (1991–2022) [8], Уставной суд Свердловской области – 117 постановлений за 1998–2022 гг. [9]. Однако низкая обращаемость – не объективная закономерность, а следствие региональных факторов. Утверждение о «неэффективности» из-за малого количества дел основано на неверном применении количественных критериев, уместных для судов общей юрисдикции, а не для органов конституци-

онного контроля. Эффективность уставного суда измеряется качеством и оперативностью защиты, стабильностью регионального законодательства. Небольшое количество постановлений – объективное следствие узкой специализированной компетенции, что следует расценивать как положительный критерий стабильности и высокой правовой культуры регионального законодателя.

Согласно Конституции Российской Федерации защита прав и свобод граждан – предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов [1]. Уставные суды являлись дополнительным способом защиты, обеспечивая двухуровневую систему: сначала обжалование регионального закона в своем субъекте, затем – на федеральном уровне. Ликвидация одного из звеньев повлекла снижение оперативности и эффективности защиты прав граждан. М.Х. Евлоев и З.М. Басиев отмечали, что ликвидация уставных судов неминуемо приведет к бюрократизации и затягиванию рассмотрения жалоб, а также к унификации решений без учета региональной специфики [5].

Ежегодно в Конституционном Суде Российской Федерации регистрируется порядка 15–20 тыс. обращений, при этом выносится около 20–30 постановлений, остальные отклоняются без слушания [8]. Сроки рассмотрения дел могут затягиваться в среднем от 6 до 8 месяцев [10]. В 2024 г. поступило 13 258 обращений, в 2025 г. – около 11 000, вынесено 59 и 51 постановление соответственно [11]. Иными словами, с вынесением итогового решения удовлетворяется менее 0,5 % обращений.

В свою очередь, практика Уставного суда Санкт-Петербурга демонстрирует иной уровень оперативности: жалоба гражданина, поданная 17 февраля 2005 г., разрешена постановлением от 14 марта того же года [3] – всего за 25 дней. Для сравнения, суды общей юрисдикции рассматривают подобные дела месяцами, без учета времени на апелляционное и кассационное обжалование.

Таким образом, реформа 2020 г., упразднившая уставные суды, привела к снижению оперативности и эффективности правосудия, лишив систему многоуровневого механизма защиты прав граждан, что ставит под сомнение полноту такой защиты. Исходя из изложенного, мы присоединяемся к позиции ученых, предлагающих возродить институт региональных уставных судов. Как отмечает М.С. Басиев, целесообразность возрождения может быть обеспечена закреплением принципа инстанционности и расширением подведомственности [6].

Основными путями повышения уровня обеспечения права граждан на судебную защиту, на наш взгляд, могли бы стать: восстановление региональной конституционной юстиции с финансированием из федерального бюджета для устранения зависимости от местных властей; создание апелляционной инстанции для проверки решений уставных судов; законодательное разграничение компетенции уставных судов и судов общей юрисдикции, чтобы исключить дублирование и подчеркнуть уникальную функцию контроля за соответствием региональных актов конституции (уставу) субъекта Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы [Электронный ресурс]: федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. По делу о проверке соответствия Уставу Санкт-Петербурга отдельных положений постановления Правительства Санкт-Петербурга от 18 ноября 2003 года № 43: постановление Уставного суда Санкт-Петербурга от 14.03.2005 № 127-П // Официальный сайт Уставного суда Санкт-Петербурга. URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/7/postanovlenie_pravitelstva_sankt-peterburga_ot_18_11_2003_N/0/postanovlenie_ustavnogo_suda_sankt-peterburga_ot_14_03_2005.html (дата обращения: 12.04.2026).

4. Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. Конституционные советы республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия): кто в лес, кто по дрова? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 2. С. 58.

5. Евлоева М.Х., Басиев З.М. Проблемы реализации конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Ингушетия) // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 4. С. 45–51.

6. Басиев М.С. Региональный судебный конституционный контроль: возможный вариант возрождения в России // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 48.

7. По вопросам, посвященным завершению ликвидации Конституционных судов субъектов РФ. URL: https://youtu.be/X3gA68GUHn8?is=BNqmH0qi5T6pGDur (дата обращения: 12.04.2026).

8. КСРФ. Количество обращений в Конституционный Суд Российской Федерации по годам. URL: https://www.ksrf.ru/Petition/Statistics/by-year.php?ysclid=mn7psjp794434441586 (дата обращения: 12.04.2026).

9. За 20 лет работы Свердловский уставный суд вынес 117 постановлений – Российская газета. URL: https://rg.ru/2018/10/03/reg-urfo/za-20-let-raboty-sverdlovskij-ustavnyj-sud-vynes-117-postanovlenij.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.04.2026).

10. Стадии конституционного судопроизводства. URL: http://kslitigation.ru/poryadok-obrashheniya-v-konstitutsionnyiy-sud-rf/stadii-konstitutsionnogo-sudoproizvodstva (дата обращения: 12.04.2026).

11. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений конституционного суда российской федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2019 году. URL: https://www.ksrf.ru/about/Maintenance/Documents/Report_2019.pdf?ysclid=mn7prkvyfh809589291 (дата обращения: 12.04.2026).

***Д.А. Хоренженко**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Д.Е. Баталов
Омская академия МВД России

СУВЕРЕНИТЕТ VS НАДЗОР: ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В СВЕТЕ ПРИНЦИПОВ ООН И ОБСЕ

Возникновение института международных наблюдателей связывают с проведением плебисцита, проводимого в 1857 г., в результате которого образовалось такое государство, как Румыния. Представители из разных стран мира выступали в роли наблюдателей за прозрачностью и законностью проводимого плебисцита.

Одним из основополагающих документов, являющихся отправной точкой создания института наблюдателей является Всеобщая декларация прав человека. В п. 3 ст. 21 данной Декларации говорится о принятии соответствующих мер для обеспечения всеобщих, равных, нефальсифицированных выборов. В этих целях был создан данный институт, чтобы не только обеспечить законность, прозрачность и честность проводимых выборов, но и обеспечивать невмешательство в избирательный процесс, а также подотчетность проводимых выборов. Закрепление правового статуса международных наблюдателей, кодекса поведения, а также принципы их деятельности получили свое закрепление в Декларации принципов международного наблюдения за выборами ООН «Кодекс поведения международных наблюдателей за выборами» 27.10.2005 [1], «Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах – участниках Содружества Независимых Государств» (Санкт-Петербург, 25 ноября 2008 г.)» [2]. Институт международных наблюдателей находится между государственным суверенитетом и международным надзором, и только при соблюдении баланса между ними достигаются цели создания международных наблюдателей. Но так ли это? На наш взгляд, это не совсем так, институт международных наблюдателей приобретает черты, которые вступает, наоборот, в противоречие с государственным суверенитетом. Если рассматривать каждый из вышеуказанных нормативно-правовых актов то они указывают на обязательное приглашение наблюдателей, но встречаются случаи, когда страны-участники высказывают отказ, во-первых, это связано с ростом зависимости от решения международных миссий, в научных трудах говорится, о том, что происходит ужесточение критериев оценки проведения выборов, если до принятия Декларации 2005 г. наблюдатели оценивали проведение выборов в соответствии с законодательством из страны пребывания, то после принятия Декларации наблюдатели уже оценивают легитимность выборов на основании международных нормативных актов, во-

вторых, приходится говорить о политических издержках и дипломатическом давлении, что, на наш взгляд, не совсем верно, т. к. происходит вмешательство в государственных суверенитет. Примером стран, которые отказались от участия международных наблюдателей, является Китай, который допускал иностранных наблюдателей с начала 1990-х до 2003 г., Зимбабве – в 2000 г. и сразу после смещения Р. Мугабе в 2018 г. [3, с. 33]. Если рассматривать вопрос о запрете участия международных наблюдателей в России, то такие вопросы обсуждались ярким примером является выступление депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Евгения Федорова предложившего ввести запрет иностранных наблюдателей: «…наблюдатели приедут в Россию не для того, чтобы нам помогать, а для того, чтобы нам навредить, они не стесняются пользоваться методом вранья… Вопрос: зачем нам нужны вруны, которые будут интерпретировать события в заранее известном негативном для нас ключе?.. они придумают на пустом месте какой-нибудь негатив» [4]. Но дальше обсуждения процесс не зашел, следовательно, введение полного запрета на участие международных наблюдателей в странах- участников сводится к минимуму.

Еще одним проблемным вопросом является ограничение передвижения международных наблюдателей. В соответствии с нормами международного права принимающая сторона должна обеспечить свободу передвижения для всецелого использования своего мандата, но возникают случаи, когда государства создают так называемые серые зоны, когда происходит недопущение пропуска наблюдателей в определенные регионы по причине обеспечения их безопасности [5, с. 99].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод, что роль международных наблюдателей в избирательном процессе в свете принципов ООН и ОБСЕ носит дискуссионный характер. С одной стороны, таким образом обеспечивается легитимность проведенных выборов, а с другой – происходит вмешательство в суверенитет государства, страны-участники только формально дают свое согласие на их участие, но порядок их участия, правила наблюдения определяются в основном международными организациями. За последнее время правительства хоть и высказывают свое отрицательное отношение к данному институту, но каких либо действий не предпринимают для установления своего влияния над международным наблюдением за выборами.

Литература

1. Декларация принципов международного наблюдения за выборами, 27 октября 2005 г. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/7/c/16936.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

2. О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах – участниках Содружества Независимых Государств: Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (г. Санкт-Петербург, 25 ноября 2008 г.).

3. Гришин Н.В. Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? // Политическая наука. 2019. № 1. С. 33–47.

4. Гришин Н.В., Линдерс А.М.Р. Децентрализация системы управления выборами // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3. С. 99–115.

5. Федоров Е. Запрет международных наблюдателей на выборах. URL: https://www.youtube. com/watch?v=FSgzoZ-31_Q (дата обращения: 08.02.2026).

***В.Н. Ярцева**, студент 1 курса*
Алтайский государственный университет

Научный руководитель:
Д.С. Яковлев
Алтайский государственный университет

ПРОВЕДЕНИЕ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной доктрине правового государства нормативная коррупция признается одним из наиболее опасных видов нарушения конституционных прав. Это объясняется тем, что, в отличие от бытового или должностного взяточничества, она локализована не в стадии правоприменения, а непосредственно в тексте нормативно-правового акта и де-юре не влечет за собой правонарушение. Тем самым законодатель конструирует правовое правило таким образом, что реализация конституционного права гражданина ставится в зависимость от неконтролируемого усмотрения должностного лица. Ключевая проблема здесь заключается в системном разрыве между формальным наличием полномочий прокуратуры по проведению антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов и их реальной эффективностью.

Правовую основу деятельности прокуратуры в данной сфере составляют ст. 9.1 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2, ст. 9.1] и федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [3], императивно наделяющие прокуратуру правом выявления коррупциогенных факторов. В свою очередь, на подзаконном уровне Правительство Российской Федерации своим Постановлением утвердило Правила и Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов [4], а также Генеральная прокуратура Российской Федерации в Приказе «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» распреде-

лила компетенцию органов прокуратуры в данной сфере и установила сроки проведения экспертизы (1–2 месяца) [5].

Важно подчеркнуть, что прокуратура является единственным органом, проводящим как внешнюю, так и последующую экспертизу действующих актов, что имеет критическое значение для защиты прав, уже нарушенных дефектными нормами.

Предметом экспертизы выступают акты, прямо или косвенно регулирующие конституционные права, такие как право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции Российской Федерации), частную собственность (ст. 35 Конституции Российской Федерации), жилище (ст. 40 Конституции Российской Федерации), охрану здоровья (ст. 41 Конституции Российской Федерации) и образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации) и пр. [1].

Согласно отмеченной выше Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 года № 96, выделяются три блока коррупциогенных факторов:

1. Широта дискреционных полномочий без законодательно установленных пределов (например, формулировки «срок устанавливается руководителем»).

2. Неопределенность и двусмысленность содержания (использование оценочных понятий без легальных дефиниций («разумный срок», «достаточные основания»), что создает почву для произвольного толкования).

3. Процедурные факторы (отсутствие четкой административной процедуры, неисчерпывающий перечень оснований для отказа, отсутствие обязательного досудебного обжалования) [4].

Выявление таких дефектов прокурор напрямую квалифицирует как нарушение права на эффективное средство правовой защиты, закрепленное ст. 46 Конституции Российской Федерации [1, ст. 46].

Несмотря на более чем пятнадцатилетнюю историю данного института, на практике выявлены следующие проблемы в этой сфере:

1. Доктринальная неопределенность правовой природы полномочия. Так, вынесение ст. 9.1 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2] за пределы главы о надзоре порождает дискуссию: является ли проведение органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы формой участия прокурора в правотворческой деятельности или видом такой общей отрасли прокурорского надзора как надзор за исполнением законов, урегулированной гл. 1 разд. III федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2]?

2. «Отложенное» действие требования прокурора. Так, нормативно-правовой акт продолжает действовать до тех пор, пока его не отменят или изменят. При переносе заседания по рассмотрению вопроса об его отмене или изменении акт сохраняет силу, создавая реальные предпосылки для коррупции.

3. Низкое качество первичной экспертизы на муниципальном уровне. Так, должностные лица органов местного самоуправления зачастую не владеют Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых

актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 [4], вследствие чего акты принимаются без надлежащей проверки, а дефекты устраняются лишь «постфактум» по требованию прокурора.

4. Отсутствие судебного экспертного сопровождения. Так, при рассмотрении исков о признании акта недействующим суды редко назначают специальную судебную экспертизу, полагаясь на собственные познания, что снижает объективность нормоконтроля.

Для устранения указанных недостатков предлагается комплекс законодательных и организационных мер:

1. Внести в ст. 9.1 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [2, ст. 9.1] изменения, которые бы закрепляли проведение органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы как надзорную функцию.

2. Дополнить Методику проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, утвержденную Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 [4], типовой дорожной картой проведения экспертизы и заменить закрытый перечень коррупциогенных факторов на открытый (примерный), позволяющий квалифицировать вновь возникающие нормативные дефекты.

3. Закрепить обязательное ежеквартальное обучение государственных и муниципальных служащих по юридически правильному и корректному с точки зрения требований юридической техники написанию нормативных правовых актов без коррупциогенных факторов, а также ввести дисциплинарную ответственность за непринятие мер по своевременному устранению выявленных факторов.

4. Рекомендовать Пленуму Верховного Суда Российской Федерации разъяснить допустимость назначения судебной антикоррупционной экспертизы в случаях, когда наличие коррупциогенного фактора является спорным и требует специальных познаний в области лингвистического анализа.

В заключение стоит отметить, что антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов, проводимая органами прокуратуры Российской Федерации, представляет собой самостоятельный вид прокурорского надзора. Ее специфика в сфере конституционных прав заключается в том, что любой выявленный дефект напрямую ограничивает конституционную правосубъектность гражданина. Реализация предложенного комплекса мер позволит перейти от реактивного устранения нарушений к их превентивному предупреждению, ускорить исправление опасных формулировок и обеспечить реальную защиту прав граждан до момента их фактического нарушения. Именно в этой, порой незаметной, но системной работе прокурора и реализуется конституционная формула Российской Федерации как правового государства [1].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 29.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]: федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 30.09.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 (ред. от 20.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2009 № 400 (ред. от 13.03.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОВД

***И.С. Бармин**, слушатель 5 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Л.Н. Козлов
Омская академия МВД России

СПОРТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ОВД

Спорт – неотъемлемая часть жизни каждого человека. В системе МВД России спорту уделяется особое значение, а совершенствование спортивных навыков носит непрерывный характер, начиная у курсантов в образовательных организациях, и продолжая в течение всей дальнейшей службы в территориальных подразделениях ОВД. Введение нового приказа [1], регулирующего оперативно-служебную подготовку, свидетельствует о том, что руководство МВД России постоянно отслеживает и внедряет новый опыт по оперативно-служебной подготовке сотрудников полиции. Изменение нормативов и упражнений для подготовки демонстрирует стремление адаптировать физическую готовность сотрудников к реалиям современной службы.

Важным стимулирующим фактором физического совершенствования для сотрудников является соревновательная деятельность. На всех уровнях – от образовательных организаций и территориальных органов до Центрального аппарата МВД России, организуются спортивные мероприятия по различным видам спорта. Спортивные мероприятия формируют культуру постоянного стремления к спортивному совершенствованию среди действующих сотрудников ОВД. В процессе решения оперативно-служебных задач сотрудниками полиции приходится подвергаться экстремальным по величине и продолжительности нагрузкам, требующим предельной мобилизации функциональных возможностей организма и предъявляющим высокие требования к физической подготовке [2, с. 173].

Анализ практики показывает, что отношение к спортивной деятельности в системе МВД кардинально меняется при переходе из категории «обучающегося» в категорию «аттестованный сотрудник». В период обучения в образовательных организациях МВД России занятия спортом являются неотъемлемой частью повседневного распорядка. Наличие спортивного инвентаря, тренерского состава, а также окружения, которое стремится к совершенствованию своих физических навыков, способствует тому, что курсанты и слушатели воспринимают физическое совершенствование как обязательный элемент своего профес-

сионального становления. В вузе формируется постоянность и системность спортивной активности будущих офицеров.

Однако после назначения на должность в территориальных органах внутренних дел ситуация коренным образом меняется. Несмотря на то, что многие сотрудники сохраняют приверженность к любительскому спорту, продолжая тренироваться в свободное время и участвовать в соревнованиях различного уровня, массовый охват спортивной деятельностью среди сотрудников заметно снижается. Стоит отметить, что переход к практической деятельности связан рядом объективных причин, которые делают спорт не приоритетной задачей в жизни сотрудников.

Одной из ключевых причин снижения спортивной активности после выпуска из образовательной организации является смена характера деятельности. В территориальных органах служебный график зачастую не позволяет регулярно заниматься спортом. Специфика службы во многих подразделениях министерства внутренних дел предполагает ненормированный рабочий день, в которых сотрудник находится в постоянной оперативной готовности. Внезапные выезды на места происшествий, длительные следственные действия, охрана общественного порядка, частые суточные дежурства делают невозможным планирование тренировочного процесса. В таких условиях физическая активность перестает быть системной и приобретает ситуационный характер, что ведет к снижению спортивных результатов и утрате накопленной в вузе физической базы.

Современная служба в ОВД сопряжена не только с высокими физическими нагрузками, но и психологическим напряжением. Сотрудник полностью вовлечен в выполнение служебных задач, нередко связанных с риском для жизни, что приводит к психологическому выгоранию и нежеланию заниматься физической активностью в свободное время. Спорт, требующий высокой концентрации и энергозатрат, заменятся пассивным отдыхом.

С переходом на службу после окончания образовательной организации большинство сотрудников создают семьи, в связи с чем у многих меняются приоритеты. Свободное время, которое раньше отводилось на спортивное совершенствование, переходит в необходимость выполнения родительских и семейных обязанностей. В таких условиях спорт начинает восприниматься как дополнительное обременение и теряет ценность для сотрудников.

Обеспечение физической подготовки сотрудников ОВД в территориальных подразделениях – важный элемент обеспечения их эффективности и безопасности, должен рассматриваться как приоритетное направление в работе МВД России [3, с. 80]. Стоит отметить, что в образовательных организациях спорт поощряется и является возможностью отличиться перед руководством, курсовыми офицерами, преподавателями. В территориальном органе значимость спортивных успехов утрачивает значение. Если руководство подразделения никаким образом не поддерживает сотрудника и его спортивную активность, то спорт превращается не в общее требование, а личную инициативу, которая никак не поощряется. Помимо прочего, отсутствуют условия для занятий спортом: спортивный инвентарь, оборудованные залы, тренерский состава.

В результате даже при наличии у сотрудников стремления, они сталкиваются с организационными трудностями.

Исходя из этого, следует, что спортивная деятельность является неотъемлемым фактором оперативно-служебной подготовки сотрудников ОВД. Переход от физической активности курсантов и слушателей в образовательных организациях к сотрудникам территориальных подразделений имеется ряд проблемных вопросов: дефицит времени, психологическое выгорание, изменение жизненных приоритетов и высокая служебная нагрузка. В территориальных подразделениях физическая подготовка становится вынужденной, когда сотрудник тренируется лишь в период подготовки к проверке. Спорт воспринимается как некое обязательство перед проверяющими, а не как внутренняя потребность в поддержании профессиональных качеств.

Спортивная деятельности позволяет сотрудникам достичь развития силовых качеств и выносливости, что способствует решению служебных задач: задержанию, применению физической силы и специальных средств. Спорт выступает эффективным инструментом борьбы со стрессом, который возникает при повседневной деятельности сотрудников полиции. Спорт способствует развитию дисциплины, являющейся базовым требованием оперативно-служебной деятельности сотрудников ОВД.

Литература

1. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Овчинников В.А., Галкин В.Н., Плешивцев А.Ю. Профессионально важные физические способности сотрудников органов внутренних дел России // Профессиональная подготовка сотрудников ОВД. 2013. С. 172–176.

3. Носов С.А., Хайменова В.В., Алдошин А.В. Организация физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в территориальных органах // Автономия личности. 2023. № 2 (30).

***Ю.С. Безик**, курсант 1 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
В.И. Тарасова
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ. ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ В СОВРЕМЕННОМ БОЮ. ЕГО РОЛЬ, ПРИНЦИПЫ, СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

Ядерное оружие является наиболее мощным средством массового поражения. Действие его основано на использовании внутриядерной энергии, освобождающейся при ядерных превращениях, носящих характер взрыва.

Мощность ядерных боеприпасов выражается тротиловым эквивалентом – количеством тротилового заряда в тоннах, энергия взрыва которого равна энергии взрыва данного ядерного заряда. Тротиловый эквивалент измеряют в сотнях, тысячах (кило) и миллионах (мега) тонн. Проблематика исследования формулируется вокруг необходимости актуализации знаний о ядерной угрозе и немедленной адаптации существующих протоколов защиты для персонала, чьи штатные функции не связаны напрямую с ведением ядерной войны.

Научная новизна данной статьи заключается в разработке интегративной модели реагирования, которая устанавливает четкую корреляцию между физическими параметрами ядерного взрыва (мощность, высота детонации) и конкретными поведенческими алгоритмами, выбором защитного снаряжения и процедурами эвакуации для неспециализированного военизированного персонала на выживание в первые критические часы [2].

Ядерный взрыв – это процесс высвобождения энергии, основанный на цепной реакции деления (для атомного оружия) или деления и синтеза (для термоядерного оружия) [5]. Объем высвобождаемой энергии колоссален и приводит к формированию трех доминирующих, последовательно действующих поражающих факторов, которые необходимо учитывать при планировании защиты.

Первым и самым быстрым является световое излучение. Оно представляет собой мощный поток электромагнитной энергии в видимом, инфракрасном и ультрафиолетовом диапазонах.

Второй фактор – это ударная волна. Ее разрушительная сила обусловлена резким скачком давления воздуха. Вблизи эпицентра она способна полностью уничтожить большинство промышленных и жилых построек, а на периферии вызвать тяжелые контузии и баротравмы.

Третьим, и наиболее длительным по своему негативному эффекту, является проникающая радиация (гамма- и нейтронное излучение) и, что более важно для выживания в долгосрочной перспективе, радиоактивное заражение

местности (осадки) [4]. Радиация вызывает ионизацию биологических тканей, приводя к острой лучевой болезни (ОЛБ) или кумулятивным онкологическим заболеваниям.

Огненный шар, быстро поднимаясь вверх и увеличиваясь в размерах, постепенно охлаждается. При температуре 2000–3000º свечение прекращается, и образуется облако взрыва. Под действием светового излучения и ударной волны в районе взрыва в воздух поднимается огромное количество пыли и частиц грунта, образуя облако.

Порядок действий и правила поведения людей в зараженном районе определяются органами гражданской обороны, которые сообщают о характере радиационной обстановки и разъясняют, как нужно действовать. При умеренном заражении необходимо находиться в противорадиационном укрытии от нескольких часов до суток, а затем можно перейти в обычное помещение. При входе в помещение не забудьте очистить обувь и одежду от радиоактивной пыли. Выход из помещения в первые сутки разрешается не более чем на 4 часа. Предприятия и учреждения продолжают работу в обычном режиме. При сильном заражении находиться в укрытии нужно до трех суток; в последующие четверо суток допустимо пребывание в обычном помещении, выходить из него можно не более чем на 3–4 ч в сутки. Предприятия и учреждения работают по особому режиму, при этом работы на открытой местности прекращаются на срок от нескольких часов до нескольких суток.

Ядерное оружие, оставаясь в арсеналах ведущих держав, диктует необходимость формирования у личного состава специальных формирований повышенной готовности к реагированию на ОМП. Личная безопасность в условиях ядерной угрозы зависит от глубокого понимания физики взрыва и неукоснительного соблюдения правил защиты, основанных на принципах времени, расстояния и экранирования. Успешное выживание требует не только наличия средств защиты, но и интеграции радиационной грамотности в общую тактическую подготовку, что является залогом сохранения человеческого потенциала в случае самого экстремального сценария развития конфликта.

Литература

1. Барсуков В.М. Радиационная защита и действия войск в условиях применения ядерного оружия: учебник. М.: Воениздат, 2010. 416 с.

2. Военная доктрина Российской Федерации (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 05.12.2014 № 640) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Иванов А.П., Смирнов М.В. Тактика действий личного состава в зонах радиоактивного заражения // Вестник войск РХБ защиты. 2017. № 3. С. 22–29.

4. Ковалев В.А. Сравнительный анализ поражающих факторов ядерного взрыва малой мощности и средств индивидуальной защиты // Военно-медицинский журнал. 2019. Т. 330, № 5. С. 70–76.

***А.А. Беседина**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.А. Ульрих**, канд. техн. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТАТУСА ЛИЦ, УПРАВЛЯЮЩИХ СИМ

В процессе развития городской инфраструктуры и появления новых видов транспортных устройств перед системой правового регулирования встала задача по определению статуса средств индивидуальной мобильности. Долгое время отсутствие четкой классификации таких средств порождало трудности в правоприменительной практике, поскольку лица, использующие электросамокаты, гироскутеры и моноколеса, формально не подпадали под категории «водитель» или «пешеход» в их классическом понимании.

В настоящее время административное законодательство в Российской Федерации претерпело изменения, направленные на устранение этой правовой неопределенности, однако процесс исполнения норм продолжает сталкиваться с особенностями, обусловленными техническими характеристиками устройств и их широким распространением.

Поэтому анализ действующего механизма исполнения административного законодательства в отношении лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, а также выявление основных направлений его совершенствования является задачей актуальной.

Правовое регулирование использования средств индивидуальной мобильности базируется на их классификации, заложенной в Правилах дорожного движения. Согласно действующим нормам, СИМ определяются как устройства, предназначенные для передвижения человека с использованием электродвигателя или мускульной энергии. Лица, использующие для передвижения средства индивидуальной мобильности, признаются участниками дорожного движения, однако их правовой статус отличается от статуса водителей транспортных средств.

Минтрансом России совместно с МВД ведется работа по внесению изменений в Правила дорожного движения, в рамках которых каждый человек, управляющий СИМ, должен соотноситься с водителем механического транспортного средства. При этом введение отдельного водительского удостоверения для управления такими устройствами не предусматривается. Важной задачей является также разграничение правового статуса СИМ, велосипедов, мопедов и мотоциклов с учетом их массы, мощности, максимальной скорости и конструктивных особенностей. Очевидно, что такое разграничение позволит определить территории, где эти средства могут передвигаться, и установить единые требования к водителям.

Кроме того, целесообразным является и увеличение минимального возраста для передвижения на средствах индивидуальной мобильности по дорогам общего пользования с четырнадцати до шестнадцати лет.

Исполнение административного законодательства в отношении лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, осуществляется на основании Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. При этом пользователи СИМ не выделены в отдельную категорию субъектов правонарушений, что требует от правоприменителя правильной квалификации действий таких лиц.

За нарушение Правил дорожного движения лицом, использующим для передвижения средство индивидуальной мобильности, предусмотрена административная ответственность по ч. 2 ст. 12.29 КоАП РФ, которая устанавливает наказание в виде штрафа в размере восьмисот рублей. В случае совершения такого нарушения в состоянии опьянения применяется ч. 3 ст. 12.29 КоАП РФ, в соответствии с которой размер штрафа возрастает и составляет от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей.

Если нарушение Правил дорожного движения лицом, управляющим СИМ, повлекло создание помех в движении транспортных средств, ответственность наступает по ч. 1 ст. 12.30 КоАП РФ, что влечет наложение штрафа в размере одной тысячи рублей. В случае, когда такое нарушение повлекло по неосторожности причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, применяется ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ, предусматривающая штраф в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей.

Особое внимание в правоприменительной практике уделяется вопросу пересечения проезжей части лицами, управляющими СИМ. Согласно пункту 24.8 Правил дорожного движения, при пересечении проезжей части по пешеходному переходу водитель СИМ обязан спешиться и вести устройство рядом с собой. Невыполнение данного требования квалифицируется как нарушение Правил дорожного движения с соответствующим наложением административного штрафа.

Существенной проблемой в сфере исполнения административного законодательства остается правовой вакуум в отношении частных средств индивидуальной мобильности. Если в сегменте кикшеринга пользователи идентифицированы через приложения и сервисы знают, кто взял устройство, то владельцы личных СИМ зачастую остаются вне зоны контроля. Отсутствие государственных регистрационных номеров на таких устройствах не позволяет фиксировать нарушения автоматическими камерами и оперативно выписывать постановления.

Таким образом, введение обязательной государственной регистрации средств индивидуальной мобильности, в первую очередь электросамокатов, является мерой распространяющей на частный сегмент ключевых норм регулирования, включая идентификацию пользователей, установление технических стандартов и обеспечение эффективной ответственности.

Важным направлением совершенствования правоприменения является также внедрение системы идентификации пользователей кикшеринга через

портал «Госуслуги» с использованием пароля ЕСИА. Такая система уже зарекомендовала себя в Москве, где удалось выявить и заблокировать значительное количество аккаунтов несовершеннолетних пользователей. Необходимо, чтобы аналогичный механизм заработал на всей территории страны.

На региональном уровне также принимаются меры по установлению административной ответственности за нарушения в сфере использования СИМ. В частности, вводятся штрафы за размещение средств индивидуальной мобильности в местах, где их стоянка не допускается, за оставление СИМ в непредназначенных для этого местах, а также за передвижение на них в зонах, где установлен запрет. Размеры таких штрафов дифференцируются в зависимости от статуса нарушителя.

Таким образом, признание пользователей СИМ водителями введение обязательной государственной регистрации таких устройств, повышение минимального возраста для их использования на дорогах общего пользования, привлечение к ответственности владельцев частных СИМ, которые в отличие от пользователей кикшеринга не идентифицированы и не подлежат системному контролю позволит осуществлять фиксацию нарушений автоматическими средствами и сформировать устойчивую правоприменительную практику при условии согласованного действия законодательных, организационных и технических механизмов, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения и предупреждение правонарушений.

Литература

1. Баканов К.С., Ляхов П.В., Никулин Е.Д. и др. Учет сведений об участии в ДТП средств индивидуальной мобильности (СИМ), а также участников, управляющих такими средствами: учебно-наглядное пособие. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России», 2025. 32 с.

2. Чурсин А.С. Административно-правовое регулирование использования средств индивидуальной мобильности в сфере дорожного движения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 1 (60), С. 408–416.

Е.А. Бояринова, *курсант 2 курса*
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
А.А. Гайворонский
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИТНЕС-ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ППФП

В настоящее время понятие «фитнес» является устоявшимся определением, которое слышно буквально «на каждом шагу». Фитнес (англ. fitness, от глагола to fit «соответствовать, быть в хорошей форме») – комплекс спортивных мероприятий, направленных на укрепление здоровья, поддержание физической формы и общего благополучия организма. Термин обозначает не столько тренировки, сколько образ жизни, включающий регулярные физические упражнения, сбалансированное питание и заботу о психологическом состоянии.

Основная цель фитнеса – поддержание и улучшение здоровья человека, что достигается через разнообразные виды тренировок и правильный образ жизни.

Если посмотреть на обычные занятия по физподготовке, видно много плюсов: от поддержания тонуса до отработки боевых приемов борьбы. Но даже при всех достоинствах не все курсанты осваивают программу одинаково хорошо. Преподаватели помогают отстающим на консультациях и самоподготовке, в перерывах между парами тем самым подтягивая успеваемость. Однако посещение консультативных и дополнительных самостоятельных занятий не гарантируют сдачи нормативов на «отлично».

Проведя анализ данной ситуации, можно выделить следующие проблемы в физической подготовке курсантов образовательных организаций МВД России:

1. Отсутствие индивидуального подхода к тренировкам обучаемых.
2. Отсутствие культуры правильного питания.
3. Применение устаревших систем тренировок.

Решение этих проблем возможно в следующем:

1. Разработка стандартов подготовки курсантов, с учетом их личных навыков. Разработка систем личных тренировок для курсантов.
2. Максимальное внедрение правильного питания для курсантов, живущих в общежитиях и питающихся в столовых университета МВД;
3. Установка в образовательных учреждениях МВД оборудования для продажи «перекусов», относящихся к правильному питанию (протеин, белковые батончики и т. д.);
4. Внедрение в систему подготовки курсантов новых направлений физической подготовки (йога, пилатес, CrossFit).

Традиционные методики физической подготовки, несмотря на доказанную эффективность, демонстрируют определенные ограничения в контексте

современных требований к профессиональной готовности сотрудников ОВД. Стандартизированный характер не всегда позволяет в полной мере учитывать индивидуальные особенности обучающихся, динамику их функционального состояния и специфику выполнения оперативно-служебных обязанностей в профессиональной деятельности.

В этой связи интеграция фитнес-технологий в систему ППФП представляется перспективным направлением модернизации образовательного процесса. Фитнес-технологии как совокупность научно обоснованных методов и средств физической активности обладают рядом принципиальных преимуществ:

– вариативность форм и методов воздействия на организм;

– возможность индивидуализации нагрузки с учетом исходного уровня подготовленности;

– высокая мотивационная составляющая за счет разнообразия упражнений и использования современного оборудования;

– комплексный характер воздействия на физические качества и функциональные системы организма.

В качестве эксперимента (в течение 12 недель) предложили применение системы ВИИТ в подготовке курсантов образовательных организаций МВД России.

ВИИТ – это тренировка, основанная на чередовании непродолжительных высокоинтенсивных нагрузок и отдыха, во время которого выполняются восстановительные упражнения более низкой интенсивности. Пример ВИИТ – скоростной бег на короткую дистанцию в сочетании со спокойной ходьбой. Занятие может включать в себя силовые и аэробные упражнения.

Главная цель тренинга – активизировать метаболизм для ускоренного сжигания жира. Добиться этого позволяет попеременная физическая нагрузка в интенсивном и умеренном темпе. В результате тело сначала пускает в ход запасы гликогена в мышцах, а затем переключается на жировую ткань.

В настоящее время протоколы ВИИТ составляют не менее 70 % большинства программ тренировок на выносливость, а ВИИТ и тренировка средней интенсивности (СИТ) делят оставшуюся часть годичного плана подготовки. В рекреационной тренировке на выносливость спортсмены тратят от 5 до 15 часов на свое увлечение, в основном на километраж, создающий и поддерживающий аэробную базу.

По мнению Gibala and McGee, высокие требования ВИИТ нагружают окислительную и гликолитическую системы, вызывая существенное увеличение рекрутирования мышечных волокон. Во время ВИИТ рекрутируются волокна второго типа (быстросокращающиеся гликолитические) и первого типа (медленно сокращающиеся окислительные). Подобный кратковременный двойной стимул работы высокой интенсивности увеличивает массу митохондрий и повышает активность окислительных ферментов – эффект, который обычно связывают с НИТ.

Это очень важно, потому что митохондрии в мышечных клетках необходимы для обеспечения превращения субстратов в энергию. Усилия высокой ин-

тенсивности стимулируют организм рекрутировать, нагружать и тренировать больше двигательных единиц – сократительно-сигнальных структур в составе мышечных групп. Наличие большего количества высоко тренированных единиц является преимуществом, особенно с увеличением интенсивности, т. к. мышечные волокна и соответствующие двигательные единицы сменяются при низкой интенсивности путем чередования циклов работа/отдых. Спортсмены с большим числом потенциально активных двигательных единиц получают преимущество в чередовании для задержки утомления.

Именно благодаря данным факторам, указывающим на эффективность ВИИТ, мы и решили провести эксперимент с этой фитнес-технологией. Эти упражнения будут полезны для создания эффективной программы, которая поможет курсантам, особенно в тренировках на выносливость.

В ходе проведения исследования, участниками которого стали курсанты 2 курса ФПСПЭБиПК было выявлено следующее:

1. Большее количество курсантов, получивших оценку «неудовлетворительно» были девушки. Данный показатель объясняется несколькими причинами: во-первых, биологическими различиями физической конституции, во-вторых, морально-психологической составляющей обучающихся.

2. Оценивая динамику изменений курсантов на момент второй контрольной даты (25 декабря 2025 г.), можно отметить, что во второй половине контрольного периода (с 15.11.2025 по 25.12.2025) показатели курсантов возросли в большем объеме, чем в первую половину контрольного периода (с 01.10.2025 по 15.11.2025).

В ходе экспериментального внедрения модели в образовательный процесс была подтверждена ее эффективность. Занятия проводились 3 раза в неделю на протяжении 12 недель. Контрольные замеры показали улучшения следующих показателей:

1) количество подтягиваний н перекладине;
2) результат челночном беге 10 × 10 м;
3) отжимания в упоре лежа;
4) уровень анаэробного порога (по данным газоанализа).

Анализ результатов продемонстрировал статистически значимое улучшение всех тестируемых параметров. В среднем по группам составил:

– в подтягиваниях – 18,7 %;
– в челночном беге – 9,3 %;
– в анаэробном пороге – 14,2 %.

Отдельно стоит сказать о том, как такая модель повлияла на курсантов, которые изначально показывали слабые результаты по нормативам и в целом отставали по физической подготовке. Для этой группы разработали облегченные версии упражнений: снизили нагрузку, увеличили время отдыха между подходами. В итоге за время эксперимента отстающие подтянулись до среднего уровня по группе, а разрыв с лидерами сократился на 65,8 %. Это говорит о том, что методика хорошо помогает сглаживать разницу в возможностях, при этом общая планка и требования не снижаются.

Значит, упражнения на основе фитнес-технологий вполне можно считать полезным инструментом для обновления системы профессионально-прикладной физподготовки курсантов в органах внутренних дел. Такой подход не только улучшает физическую форму, но и учит ребят самостоятельно следить за своим состоянием. Чтобы двигаться дальше, нужна более продуманная система: прорабатывать единые стандарты, следить за результатами. Тогда получится поднять уровень физподготовки сотрудников ОВД на новую ступень.

Литература

1. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Бароненко В.А., Рапопорт Л.А. Здоровье и физическая культура студента: учеб. пособие. М.: Альфа-М, 2017. 352 с.

4. Барчукова Г.В. Мизин А.Н. Физическая культура: настольный теннис: учеб. пособие. М.: Советский спорт, 2020. 312 с.

5. Бишаева А.А. Физическая культура: учебник. М.: Academia, 2017. 136 с.

6. Кузнецов В.С., Колодницкий Г.А. Физическая культура (спо). М.: КноРус, 2016. 224 с.

7. Физическая культура. Лекции: учеб. пособие / Е.А. Малейченко и др. М.: Юнити, 2016. 208 с

8. Ярославский М.А., Токов Х.Х.-А. Физическая подготовка как фактор развития морально-волевых качеств у слушателей образовательных организаций МВД России // Научное обозрение. Педагогические науки. 2020. № 3. С. 76–80.

В.А. Бугаева, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.А. Машлякевич, *канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОПТИМИЗАЦИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТЕЙ СВО

В статье рассматривается актуальная проблема профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) к выполнению задач в зоне специальной военной операции (далее – СВО) в условиях насыщенности поля боя беспилотными летательными аппаратами (далее – БПЛА).

Актуальность применения противодронового оружия в зоне специальной военной операции на сегодняшний день является значимой – беспилотные летательные аппараты стали одним из главных средств ведения боевых действий, выполняя функции разведки, корректировки огня и непосредственного поражения целей. По данным статистики Министерства обороны Российской Федерации, только за одну неделю апреля 2026 г. средствами противовоздушной обороны было сбито 7597 беспилотных летательных аппарата самолетного типа, а за сутки – 291 дрон [1]. Всего с начала проведения специальной военной операции российская армия уничтожила уже более 130 тысяч БПЛА противника. При этом значительная часть дронов сбивается именно стрелковым оружием на ближних подступах, когда возможности средств радиоэлектронной борьбы ограничены или подавлены.

Как известно, сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации привлекаются к выполнению оперативно-служебных задач в зоне СВО и, соответственно, должны обладать навыками противодействия БПЛА. При этом особое внимание должно уделяться тактике действий при атаках FPV-дронов и дронов-камикадзе. Наряду с тактической и инженерной подготовкой, навыки стрельбы по малоразмерным воздушным целям должны быть отработаны до автоматизма еще до прибытия личного состава в район выполнения задач.

В соответствии с действующей нормативно-правовой базой МВД России, меры безопасности при проведении стрельб содержат категорический запрет на ведение огня выше пулезащитных валов [2]. Данное требование исторически направлено на исключение вылета пуль за пределы стрельбища и обеспечение безопасности прилегающих территорий, однако именно оно делает невозможной полноценную отработку стрельбы по дронам на стандартных полигонах.

Проблема усугубляется тем, что тактика применения современных беспилотников предполагает полет на высотах, принципиально недоступных для поражения в рамках указанных ограничений. Как следует из технических характеристик и опыта боевого применения, большинство ударных и разведывательных дронов для скрытности от систем ПВО и визуального обнаружения движутся на малых высотах – от 20 до 100 метров. Как отмечают эксперты, дроны типа

«Лютый», «Бобер» и большинство FPV-аппаратов для скрытности от систем ПВО и визуального обнаружения идут на малых высотах – от 50 до 100 метров. Даже разведывательные коптеры работают на высотах, значительно превышающих боевую траекторию пули при стрельбе по наземным целям. Таким образом, любая цель, имитирующая летящий дрон, даже на самой минимальной высоте (50 м) будет гарантированно находиться выше линии пулезащитных валов. Следовательно, ведение огня по такой цели в условиях стандартного стрельбища является прямым нарушением действующих мер безопасности и создает реальную угрозу вылета пуль за пределы полигона. Возникает парадокс: для спасения жизни в бою бойцу нужно учиться стрелять вверх, но нормативная база и инженерное обустройство местности этого категорически не позволяют. Даже минимальная из этих высот (50 метров) многократно превышает высоту пулезащитных валов на стандартных стрельбищах, которая обычно составляет от 3 до 6 метров.

Выход из сложившегося противоречия видится в комплексе организационных и инфраструктурных решений. Во-первых, необходимо внесение изменений в упомянутый приказ МВД России, регламентирующий меры безопасности при стрельбе, с выделением специального раздела, разрешающего ведение огня выше пулезащитных валов на специализированных элементах стрельбищ, предназначенных для противодроновой подготовки. Во-вторых, требуется создание таких специализированных посадочных мест, оборудованных системами пулеулавливания для пуль, выпущенных под большим возвышением. Конструктивно такой участок может представлять собой закрытый тир с высоким пулеуловителем для отработки начальных навыков сопроводительной стрельбы по малоразмерной беспилотной мишени, а также открытый тактический сектор с обеспечением угла обстрела до 90º, радиолокационным контролем траекторий пуль и гарантированным отсутствием населенных пунктов в радиусе дальности полета пули. Только при одновременном изменении нормативной базы и модернизации полигонной инфраструктуры отработка жизненно необходимого навыка поражения БПЛА для сотрудников органов внутренних дел станет возможной, что, в конечном счете, повысит их боевую выживаемость в зоне СВО.

Литература

1. Итоговый взгляд на апрель 2026 года в зоне СВО: динамика перехвата дронов, авиабомб и ракет. URL: https://military.pravda.ru/2348577-drony-pvo-rossii (дата обращения: 04.05.2026).

2. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Е.Р. Быкова**, курсант 4 курса*
Нижегородская академия МВД России

Научный руководитель:
О.В. Логачев
Нижегородская академия МВД России

РОЛЬ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БОЕВОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ВЫЖИВАЕМОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА В ХОДЕ СВО

Специальная военная операция, которая характеризуется высокой интенсивностью и современными средствами поражения, предъявляет уникальные требования к уровню индивидуальной подготовки военнослужащих. В таких условиях огневая подготовка перестал быть обычной дисциплиной боевой подготовки, превратившись в ключевой элемент обеспечения выживаемости личного состава и выполнения поставленных задач. Огневая подготовка обеспечивает боеготовность и выживаемость солдат. Она повышает эффективность, развивает тактику, укрепляет психологию и дает универсальные навыки. Актуальность темы обусловлена прямым влиянием качества владения оружием на минимизацию потери военнослужащих в ходе боевых действий.

Огневая подготовка направлена на формирование навыков точной и эффективной стрельбы, но, к сожалению, на примере специально военной операции, этого недостаточно. Ведение боя в современных условиях (на примере СВО) требует обладание такими навыками как ведение маневренного огня в изменяющейся обстановке, наиболее часто в условиях именно непосредственного соприкосновения лицом к лицу с противником. Боевая эффективность в современном бою обеспечивается, в первую очередь, слаженностью действий подразделений.

Практической составляющей огневой подготовки для мобилизованных военнослужащих, которые в последующем будут направлены в зону проведения СВО, является их непосредственная подготовка. «21 сентября 2022 года Президент России Владимир Владимирович Путин объявил о начале частичной мобилизации, которая призвана защитить территорию и суверенитет страны. В планах было мобилизовать 300 тысяч мужчин. Мобилизованные не могут сразу отправиться на участки, где происходят военные действия, для начала им необходимо пройти обучение»[1]. Под мобилизацию попали лишь те граждане, которые уже имеют опыт в военных действиях. Например, в войне в Чечне, в Сирии или же проходили службу в Северной Осетии. Все приобретенные навыки уже забыты, поэтому данные граждане проходят переобучение. В настоящее время граждане, проходящие срочную службу, имеют возмож-

[1] Как проходит учеба мобилизованных. URL: https://edunews.ru/additional-education/blog/obuchenie-mobilizovannyh.html (дата обращения: 12.08.2026).

ность подписать контракт на прохождение службы в зоне СВО. Как правило, срочники не имеют опыта работы с настоящим оружием, отсутствуют навыки, необходимые для успешного выполнения боевых задач. В связи с этим выживаемость личного состава более чем низкая, т. к. период обучения, установленный законодательством, составляет от 3 до 6 месяцев зависимости от рода войск и специализированной подготовки. По нашему мнению, данный срок очень мал для успешного выполнения срочниками боевых задач.

«Проведенный анализ применения войск в ходе специальной военной операции (далее – СВО) показал, что необходимо пересмотреть подходы к формам и методам подготовки подразделений».

Специально военная операция длится уже 3 года и 10 месяцев, за это время опыт, который был получен бойцами на СВО, позволил выявить пробелы в подготовке, исправить которые помог переход к новым формам обучения. Касаемо огневой подготовки проводится:

1) Огневая подготовка атаки:

1. Уничтожение выявленных целей (выполнение огневых задач с временных позиций, немедленная и четкая передача целеуказания на все доступные огневые средства для поражения цели);

2. Для минометных и артиллерийских подразделений – выполнение цикла задач на время (развертывание, открытие и корректировка огня, смена огневой позиции, норматив на полный цикл – не более 3 мин.);

3. Для танковых экипажей – выполнение цикла задач на время (выход на огневой рубеж, поражение целей, отход в район перезарядки);

4. Принцип ведения огня «один выстрел – одна цель» (способность самостоятельно производить расчеты и поражать вновь выявленные цели после получения целеуказания);

5. Тактические действия пехоты (скрытное выдвижение, штурм опорного пункта, занятие выгодных огневых позиций);

6. Проделывание проходов(ведение огня по минным полям для их дистанционного разминирования).

2) Огневая поддержка атаки:

1. Основополагающий принцип – атакующие подразделения должны видеть разрывы своих снарядов, что обеспечивает моральную поддержку и позволяет быстро корректировать огонь;

2. В огневой поддержке участвуют все огневые средства с распределением по целям, рубежам, времени;

3. Безопасная дистанция – разрывы снарядов артиллерии должны находиться на расстоянии не ближе 200 м от наступающих подразделений;

4. Отработка огневого поражения цели не более чем одним-двумя снарядами;

5. Непрерывное взаимодействие между пехотой, средствами БПЛА, огневыми средствами [1].

Это только малая часть инноваций, внедренных для успешного обучения военнослужащих для прохождения военной службы в зоне СВО и выполнения боевых задач. Такой подход к обучению позволяет качественно провести под-

готовку военнослужащих к боевым действиям, ввести их в боевую обстановку и быть готовым к выполнению задач, поэтому за период проведения СВО возросла численность военнослужащих, которые имеют реальный опыт в боевых действиях.

Опыт специально военной операции доказывает, что огневая подготовка, помимо учебной дисциплины, является фундаментальным элементом боевой эффективности и главным инструментом для сохранения жизни личного состава.

Литература

1. Бой в населенном пункте: учеб. пособие // Главное управление боевой подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации. М., 2022.

2. Обучение мобилизованных: как оно проходит и куда их потом отправляют. URL: https://edunews.ru/additional-education/blog/obuchenie-mobilizovannyh.html (дата обращения: 07.08.2026).

К.М. Галанина*, курсант 4 курса*
Нижегородская академия МВД России

Научный руководитель:
А.А. Конычев
Нижегородская академия МВД России

ИНТЕГРАЦИЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ С ДРУГИМИ ВИДАМИ ПОДГОТОВКИ

В настоящие время уровень качества профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) представлена весьма актуальной задачей. В первую очередь, это связано с достаточно напряженной криминальной обстановкой в стране. Одним из основных направлений такой подготовки выступает огневая подготовка, которая в свою очередь ориентирована на формирование, развитие и совершенствование навыков и умений, необходимых для уверенного владения огнестрельным оружием в ходе выполнения своих служебных обязанностей. Однако для качественного выполнения поставленных перед сотрудником боевых задач указанных умений недостаточно. Получение сотрудниками знаний в разных областях необходимых знаний дает лишь представление о том, как нужно действовать в определенной ситуации, однако владея лишь теоретическими знаниями недостаточно. Безусловно, осуществляется и практическая деятельность, однако она зачастую ограничивается лишь отдельной отработкой тех или иных навыков и умений в отдельной сфере, без соединения с другими практическими дисциплинами. Поэтому необходима интеграция огневой подготовки с другими видами подготовки (тактической, физической и медицинской подготовками): ведь сотрудник помимо работы с оружием должен уметь правильно вести себя в любой непредсказуемой ситу-

ации и действовать в рамках сложившейся обстановки. Благодаря интегрированию различных видов подготовки сотрудники ОВД могут развить универсальные навыки, повысить координацию действий, улучшить физическую подготовку и укрепить психологическую устойчивость, что необходимо для успешного выполнения боевых задач и сохранения жизни в динамичных и непредсказуемых условиях.

Тактико-специальная, физическая, медицинская, психологическая и огневая подготовка должны изучаться в рамках одной учебной дисциплины. Это позволит сформировать у сотрудников необходимые профессиональные знания, улучшить личностные качества, развить умения и навыки, что позволит сделать из сотрудника высококвалифицированного специалиста.

Перейдем непосредственно к указанной теме статьи. Разберемся в основном понятии. Интеграция представляет собой процесс объединения частей в одно целое. В данном случае соединение огневой подготовки с другими видами подготовки это не просто слияние отдельных элементов обучения, а процесс слияния всех элементов различных видов подготовки. Рассмотрим данное явление на примере нескольких основных направлениях. Интеграция огневой подготовки с тактической подготовкой подразумевает соединение и отработку навыков тактических действий, включая одновременное использование огнестрельного оружия, будь то ведение огня, прицеливание и т. п. [3, с. 19]. К примеру, в определенной ситуации у сотрудника не хватает времени и необходимых навыков для принятия определенного решения, быстрой разработки тактики ведения огня, не потеряв при этом контроль над оружием. В голове, как бы, возникает проблема выбора: либо контролировать ситуацию, либо оружие. Поэтому «слияние» поспособствует ускоренному развитию способностей быстро принимать решения и реагировать по ситуации, четко и грамотно взаимодействовать с членами группы и эффективно использовать огнестрельное оружие. Если говорить о слиянии огневой и физической подготовки, то можно также гарантировать их успешную взаимосвязь [4, с. 256]. Так, например, из-за недостатка выносливости у сотрудников часто возникает «конфликт со своим телом», когда в вынужденной ситуации необходимо осуществлять долгое ведение огня в различных динамических условиях, а силы на исходе. По этой причине необходимо заострять внимание на развитие физической выносливости, силы и скорости. Благодаря этому сформируется навык четкого и правильного формирования хвата оружия, прицеливания и ведения огня при перемещениях, кувырках и поворотах. Помимо указанных пар интеграции, стоит также поговорить о менее подвижных видах: медицинской подготовке. Обучение оказанию первой помощи пострадавшим, а также самому сотруднику в боевых условиях повышает шансы на выживание и сохранение боеспособности [2, с. 27]. Действуя в критической ситуации, сотрудник должен автоматически уметь оказывать первую помощь для сохранения жизни себе и своим товарищам. Опять же, из-за различия областей знаний, реакция действий может оказаться притупленной и медлительной из-за «переключения» с одного действия на другое, что может повлечь появление жертв. Для сохранения контроля над собой, необходимо отметить взаимоотношение огневой подготовки с психологической. Про-

фессиональная деятельность сотрудников ОВД предполагает определенную напряженность, стресс, поэтому неподготовленность человека к деятельности в экстремальных условиях накапливают негативные эмоции, вызывая психические негативные изменения, а это, в свою очередь, мешает сосредоточиться и эффективно реагировать на сложившуюся ситуацию [1, с. 3]. Развитие психологической устойчивости станет наиболее эффективной, если у сотрудника будет не только общее представление о том, как ему вести себя в той или иной ситуации, а иметь представление о том, как это будет проявляться на практике. Именно по вышеуказанной информации мы можем прийти к выводу, что изучение указанных дисциплин в комплексе отобразятся на профессиональную подготовленность гораздо результативнее.

Интеграция огневой подготовки с другими видами подготовки – это не просто научный интерес, а необходимость для достижения высокой боевой эффективности в современных войнах. «Научные исследования в области физиологии, медицины и теории методики физической культуры широко раскрыли и доказали положительное влияние физических упражнений разнообразного характера на формирование и совершенствование новых специфических или прикладных умений и навыков на фоне имеющихся»[1], следовательно при составлении программы обучения для сотрудников необходимо планировать изучение дисциплин с учетом смежных тем и дисциплинарных связей с целью успешного формирования компетенций, знаний, умений и навыков, т. к. реализация полученных междисциплинарных знаний и умений в практической деятельности будет более эффективной и целесообразной. Следовательно, необходимо осуществлять формирование новых специфических умений с помощью традиционных, оригинальных методик, используя разнообразные доступные средства и методы, на основе сформированных ранее базовых знаний, умений и навыков. Однако в процессе обучения данному фактору зачастую уделяется недостаточно времени, что является значительным пробелом в процессе подготовки специалиста для ОВД. Выживание в сложных условиях вооруженного конфликта определяется тем, что профессиональная деятельность сотрудников, как правило, сопряжена с высоким психоэмоциональным напряжением, которое может способствовать снижению эффективность выполнения поставленных задач. В процессе комплексного процесса воспитания сотрудников правоохранительных органов необходимо основываться на дифференцированном подходе, индивидуальных особенностях, что будет способствовать реализации потенциальных возможностей на основе имеющихся специальных базовых знаний, умений и навыков. Из этого следует, что основной задачей междисциплинарных связей при изучении специальных дисциплин будет являться организация специфического процесса подготовки таким образом, чтобы сотрудники

[1] Черменев Д.А. Комплексная подготовка сотрудников правоохранительных органов России // Актуальные проблемы огневой, тактикоспециальной и профессионально-прикладной физической подготовки: сб. ст. V Междунар. научно-метод. конф-ции (Могилев, 20-21 ноября 2020 г.) / отв. ред. В.В. Борисенко. Могилев, 2020. С. 229–232.

в полной мере могли овладеть комплексными специальными знаниями, умениями и навыками и могли успешно и правомерно применять и использовать их в практической деятельности. Это необходимые компоненты для успешного выполнения боевых задач и сохранения жизни в динамичных и непредсказуемых условиях современных конфликтов.

Литература

1. Психолого-педагогическое проектирование комплексных занятий по огневой подготовке с курсантами образовательных учреждений МВД России. Е.А. Белоусова, С.В. Бронников, М.С. Десятов [и др.]. М., 2008. С. 3.

2. Болотин А.Э., Петренко А.В. Педагогическая модель военно-профессиональной подготовки подразделений внутренних войск МВД России к проведению контртеррористических операций // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2014. № 12 (118). С. 25–30.

3. Буданов А.В. Обучение сотрудников правоохранительных органов тактике и методам обеспечения личной безопасности: учебно-практ. пособие. М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997. 56 с.

4. Напалков Ю.А., Таран А.Н. Актуальность комплексирования огневой и физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 4 (30). С. 254–257.

***А.Д. Горина**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
А.А. Мартин
Омская академия МВД России

«ПОЛИЦЕЙСКИЙ ФИТНЕС» КАК СРЕДСТВО КОМПЛЕКСНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ АБИТУРИЕНТОВ, ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗЫ МВД РОССИИ

Вузы МВД России предъявляют жесткие требования к физическим кондициям поступающих. Традиционной школьной программы физкультуры часто недостаточно для успешной сдачи дополнительных вступительных испытаний. «Полицейский фитнес» как специализированная система позволяет целенаправленно развивать именно те качества, которые необходимы для выполнения служебных задач: взрывную силу, силовую выносливость, координацию и быстроту реакции. Разработаны специальные нормативы, которые помогают оценить уровень тренированности будущих сотрудников правопорядка[1].

О.С. Панова указывает, что уровень физической подготовленности школьника существенно уступает необходимому уровню курсанта первого курса образовательной организации МВД России [2]. Внедрение методики «Полицейского фитнеса» актуально как инструмент быстрой и эффективной коррекции физического состояния абитуриентов в сжатые сроки перед поступлением.

Кандидаты должны демонстрировать высокий уровень результатов беге на 100, 1000 м (девушки, юноши), а также в подтягивании на перекладине (юноши) и силовое комплексное упражнение (девушки). Все результаты интерпретируются в баллы, максимальное количество баллов по сумме трех упражнений равно 100 баллов, причем во всех трех упражнениях должно быть набрано не менее одного балла.

Сравнительный анализ школьной программы по физкультуре и требований вузов МВД показал разрыв в нормативах. Например, для девушек пробежать на оценку «отлично» 1000 метров по школьной программе требуется за 4 мин. 23 сек., в то время как для поступления это же время интерпретируется в 13 баллов, что говорит о том, что школьная программа ориентирована на поддержание базового здоровья (оздоровительная направленность), а программа МВД ориентирована на профессиональную пригодность.

Полицейский фитнес – это система функционально-прикладного тренинга, направленная на развитие физических качеств, необходимых для поступления на службу в учебное заведение МВД России.

Целью полицейского фитнеса является одновременное развитие всех базовых физических качеств (силы, скорости, выносливости, гибкости и координации), а также формирование психологической устойчивости к экстремальным нагрузкам, моделирующим условия оперативно-служебной деятельности сотрудника ОВД.

Традиционный спорт направлен на достижение максимального результата в одной узкой дисциплине. Полицейский фитнес направлен на развитие базовых физических качеств и сочетает в себе различные виды спорта:

1. Кроссфит (абитуриент выполняет упражнения одно за другим с минимальным отдыхом).

2. Легкая атлетика (бег – это база любого спорта и является ключевым нормативом для поступления в образовательную организацию).

3. Элементы единоборств. Хоть и боевые приемы борьбы не являются контрольным нормативом для поступления, однако на этапе подготовки к поступлению следует обратить внимание на них, т. к. уже с самого начала обучения их изучение необходимо.

Программа для абитуриента должна строиться по принципу «от общего к специальному» и состоит из двух блоков. Блок развития силовых качеств должен включать в себя работу с собственным весом (подтягивания, отжимания – обязательные нормативы дополнительных вступительных испытаний), а также многосуставные упражнения (приседания, выпады). В блок скоростно-силовой выносливости входит челночный бег (развитие координации и быстроты), интервальный бег (подготовка к бегу на 1000 метров).

В рамках программы «Полицейского фитнеса», характеризующегося высокой интенсивностью и функциональностью, самоконтроль является важнейшим инструментом. Он позволяет абитуриенту не только эффективно подготовиться к сдаче нормативов, но и закладывает основы ответственного отношения к собственному здоровью.

Помимо самоконтроля важным качеством для успешной подготовки к вступительным испытаниям является дисциплинированность. Тренировки должны проходить с определенной периодичностью (3 раза в неделю) и не должно быть больших перерывов.

Полицейский фитнес выступает не просто как методика тренировок, а как средство комплексного изменения абитуриента. Он интегрирует в себе требования вступительных испытаний и реалии будущей служебной деятельности, обеспечивая преемственность между школьным этапом подготовки и профессиональным обучением в вузе МВД.

Литература

1. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Панова О.С., Струганов С.М., Якушев Э.В. Эффективность методики физической подготовки кандидатов на обучение в образовательных организациях высшего образования МВД России // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 9 (175).

***М.Д. Грищенко**, курсант 2 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Ю.В. Музыка
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЗАЩИТЕ НАСЕЛЕНИЯ И СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

В условиях возрастающей частоты и масштаба чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) природного, техногенного и социогенного характера особую значимость приобретает организация надежной защиты населения и профессиональных групп, выполняющих функции обеспечения безопасности и правопорядка. К числу таких групп относятся сотрудники органов внутренних дел (далее – ОВД), которые не только подлежат защите как граждане, но и обязаны действовать в зоне ЧС, обеспечивая общественный порядок, охрану объектов и содействие аварийно-спасательным службам.

Актуальность нашей статьи обусловлена многообразием угроз, требующих дифференцированного подхода к защите различных категорий граждан; особой ролью ОВД как субъекта единой государственной системы предупреждения и ликвидации ЧС.

Обратимся к концепту «чрезвычайная ситуация»: это совокупность факторов, которые представляют серьезную опасность для окружающего мира.

В настоящее время происходит большое количество чрезвычайных ситуаций по всей территории нашей страны и других стран, например, загрязнение Черного моря в Анапе, лесные пожары в Забайкальском крае и Амурской области, землетрясения на Камчатке, штормовые ветра в Хабаровском крае, а также другие чрезвычайные ситуации, которые напрямую повлияли на жизнедеятельность человека [1, с. 448].

Чрезвычайных ситуаций очень много, и все они имеют разную степень сложности и последствия, остановимся на некоторых из них:

1. Транспортные катастрофы. Они случаются в настоящее время практически каждый день. Транспортные катастрофы представляют собой сход с рельсов товарных и пассажирских поездов, затопление речных и морских грузов, а также различные автомобильные аварии на дорогах. Каждая из этих катастроф – это опасность для человека, поскольку, по данным статистики, большинство аварий, в конечном счете, заканчиваются смертью или увечьями человека.

2. Лесные пожары. В августе 2025 г. от лесных пожаров пострадало большое количество субъектов Российской Федерации. Пожары в Забайкальском крае, от них пострадали деревни, села и даже города. Как известно, лесной пожар страшен своим проявлением, скоростью, масштабом бедствия и послед-

ствий, особенно представляет опасность «верховой пожар» – переброс пламени через реку.

3. Аварии с выбросом химических веществ. Ярким примером данной аварии послужил разлив мазута в Керченском проливе в 2024-м году, волонтеры и неравнодушные люди до сих пор не могут избавиться от последствий этой трагедии.

4. Землетрясения, ярким примером, которого является землетрясение, произошедшее 20 сентября 2025 года на Сахалине.

Правоохранительные органы осуществляют ряд мероприятий, целью которых являются защита населения от чрезвычайных ситуаций. Ниже мы рассмотрим порядок и последовательность действий сотрудников органов внутренних дел при осуществлении основных мероприятий, которые в своей совокупности представляют обеспечение безопасности населения и личного состава органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях.

Мероприятия направленные на обеспечение безопасности населения при чрезвычайных ситуациях – это комплекс мер, которые осуществляют структурные подразделениями МВД, МЧС и другие оперативные службы для обеспечения безопасности государства в целом.

Основными видами мероприятий, проводимых органами внутренних дел в случае угрозы или возникновения чрезвычайных ситуаций, являются:

1. Оповещение населения об опасности и информирование о порядке действий при сложившихся чрезвычайных условиях. При возникновении чрезвычайных ситуаций сотрудники органов внутренних дел эффективным образом и в кратчайшие сроки должны оповестить население, расположенное на опасной территории о сложившейся обстановке.

2. Эвакуация. После оповещения населения о чрезвычайной обстановке сотрудникам органов внутренних дел необходимо осуществить эвакуацию людей и определение их в безопасную зону.

3. Оцепление территории. После эвакуации людей в безопасную зону сотрудникам органов внутренних дел необходимо не допустить проникновение посторонних лиц в зону повышенной опасности.

4. Радиационно-химическая защита. В случаях заражения территории химическими веществами сотрудникам органов внутренних дел необходимо обеспечить каждого гражданина необходимой защитой, например противогазом.

5. Медицинская защита. Если на момент прибытия сотрудников правоохранительных органов обнаружены люди, которые получили негативные последствия от проявления чрезвычайных ситуаций, то сотрудникам необходимо оказать первую медицинскую помощь, после чего незамедлительно направить их в медицинское учреждение.

В целом объемы, содержание и сроки проведения мероприятий по защите населения определяются на основании прогнозов природных и техногенных опасностей на соответствующей территории, исходя из принципов разумной достаточности, с учетом экономических возможностей по их подготовке и реализации.

Кроме подразделений органов внутренних дел меры по защите населения при чрезвычайных ситуациях осуществляются силами и средствами предприятий, учреждений, организаций, органов местного самоуправления, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, на территории, где сложилась чрезвычайная ситуация.

Эффективность борьбы с ЧС во многом зависит от слаженного взаимодействия всех участников: спецслужб, властей и населения. Ключевую роль играет подготовка, как профессиональная (для сотрудников спецслужб), так и общегражданская – знание правил поведения в кризисных ситуациях.

Литература

1. Константинов А.В. Нормативная правовая регламентация деятельности полиции при чрезвычайных обстоятельствах // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 150–152.

2. Майдыков А.Ф., Майдыков А.А., Синодов И.А. О правомочиях органов оперативного управления (оперативных штабов) органов внутренних дел Российской Федерации и их руководителей в особых условиях (при возникновении чрезвычайных обстоятельств) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 139–144.

3. Синодов И.А. К вопросу охраны имущества, оставшегося без присмотра в условиях чрезвычайной ситуации // Академическая мысль. 2021. № 1 (14). С. 51–54.

***Я.Е. Ельчищева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Н.С. Котельников
Барнаульский юридический институт МВД России

ИССЛЕДОВАНИЕ БОЕВОГО ПОТЕНЦИАЛА БПЛА ПРИ ПОРАЖЕНИИ НАЗЕМНЫХ ЦЕЛЕЙ И АЛГОРИТМЫ ИХ БОЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Беспилотные летательные аппараты прошли путь от вспомогательного средства разведки до ключевого элемента огневого поражения противника. Трансформация тактики применения БПЛА связана с появлением FPV-дронов – модифицированных гоночных квадрокоптеров, адаптированных для доставки боевого заряда непосредственно к цели. В отличие от классических барражирующих боеприпасов, FPV-дроны управляются оператором в очках виртуальной реальности, что обеспечивает высокую точность наведения при относительно низкой стоимости изделия. Впрочем, это создает и ограничения – даль-

ность применения редко превышает 15 км без использования ретрансляторов, а эффективность зависит от мастерства пилота [2].

Технологический прорыв 2024–2025 гг. связан с внедрением дронов на оптоволоконном управлении. Тончайший разматываемый кабель обеспечивает устойчивую связь на расстояниях до 10–20 км, делая беспилотник невосприимчивым к средствам радиоэлектронной борьбы и невидимым для радиоэлектронной разведки противника. Качество видеосигнала при этом остается идеальным вплоть до момента столкновения с целью [1]. Параллельно развивается направление интеграции искусственного интеллекта – дроны типа «Ветер» оснащаются системами автоматического захвата цели, что позволяет беспилотнику завершить атаку в автономном режиме даже при потере связи с оператором [4].

Разведывательно-ударные комплексы представляют третью категорию – БПЛА большой дальности с установленными лазерными целеуказателями для наведения корректируемых боеприпасов. «Орлан-30» и «Гранат-4» способны обнаруживать цели на глубину обороны противника с высоты свыше 5 км, передавать координаты в режиме реального времени и осуществлять лазерную подсветку для снарядов «Краснополь», сокращая время от обнаружения до поражения цели до считанных минут [3].

Это качественно иной подход по сравнению с тактикой начала 2023 г., когда разведывательный беспилотник выявлял цель, оператор вручную определял координаты, передавал их по радиосвязи артиллерийскому подразделению, расчет производил расчеты, и лишь затем открывал огонь.

Корректировка огня артиллерии и целеуказание составляют наиболее востребованную миссию БПЛА на тактическом уровне. Алгоритм выполнения боевой задачи по поражению целей с применением беспилотных систем предусматривает распределение функций между разведывательными и ударными звеньями. Разведывательный дрон обнаруживает и опознает цель, оператор передает координаты либо непосредственно ударной группе вертолетов, либо артиллерийским расчетам, либо запускает FPV-дрон для непосредственного поражения [2]. Такое распределение задач сокращает время выполнения боевой задачи, повышает вероятность выхода на цель, позволяет применять средства поражения с максимальных дальностей без входа в зону действия ПВО противника.

Однако картина не столь однозначна при работе в условиях интенсивного радиоэлектронного противодействия. Средства РЭБ противника подавляют значительную долю дронов, работающих на стандартных радиочастотах – до 25 % беспилотников классифицируются как «локационно потерянные», исчезнувшие с радаров вследствие активного противодействия.

Проблема защиты от беспилотных систем стала критичной для всех участников современных конфликтов – около половины потерь на линии боевого соприкосновения приходится на атаки БПЛА, при этом ни одна армия пока не располагает полноценными эффективными средствами борьбы с FPV-дронами [1]. Традиционные системы ПВО типа «Стрела-10» или «Тунгуска»

эффективны против вертолетов и штурмовиков, но малоэффективны против малоразмерных быстро маневрирующих целей на малых высотах.

Радиоэлектронное подавление остается наиболее распространенным методом нейтрализации беспилотников. Комплексы РЭБ создают направленные помехи в диапазонах частот, используемых для управления и передачи данных. Впрочем, появление дронов на оптоволоконном управлении нивелирует преимущества классических средств РЭБ. Такие беспилотники невосприимчивы к радиопомехам, что вынуждает разрабатывать альтернативные методы противодействия.

Активно развивается направление дронов-перехватчиков. «Елка» – российский беспилотник-камикадзе, специализирующийся на перехвате вражеских БПЛА, развивает скорость до 250 км/ч, дальность действия составляет до 3 км, высота перехвата – до 2 км. Усиленный корпус выполняет роль ударной части, при столкновении на высокой скорости практически гарантируется уничтожение беспилотника противника.

Беспилотные летательные аппараты трансформировались из вспомогательного средства разведки в ключевой элемент системы огневого поражения противника. Эффективность применения БПЛА при поражении наземных целей определяется комплексом факторов: тактико-техническими характеристиками платформы, алгоритмами боевого использования, интеграцией с традиционными огневыми средствами, мастерством операторов и эффективностью противодействия средствам РЭБ противника.

Алгоритмы боевого использования эволюционировали от последовательной схемы «разведка – передача данных – принятие решения – огневое поражение» к параллельным процессам, когда разведывательный и ударные дроны работают в связке, сокращая цикл от обнаружения до уничтожения цели до нескольких минут. Интеграция лазерных целеуказателей на разведывательных БПЛА с корректируемыми боеприпасами обеспечивает высокоточное поражение целей артиллерией с первого выстрела.

Основные вызовы связаны с противодействием средств РЭБ, что стимулирует разработку дронов на оптоволоконном управлении и систем автономного наведения с элементами искусственного интеллекта. Перспективы развития включают создание роевых технологий, интеграцию с наземными и морскими роботизированными платформами, формирование специализированных подразделений беспилотных систем в составе вооруженных сил.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов при разработке тактики применения беспилотных систем, планировании программ закупок и модернизации вооружения, подготовке операторов БПЛА. Дальнейшие исследования целесообразно направить на изучение методов противодействия роевым атакам беспилотников, разработку алгоритмов автономного целераспределения в группе БПЛА, анализ эффективности интегрированных систем воздушно-наземной обороны от массированных ударов дронов.

Литература

1. Барражирующие боеприпасы против FPV-дронов: технологический разрыв и новые правила игры // Dron News. 2024. URL: https://dron.news/11257/ (дата обращения: 17.04.2026).
2. Каширин А.Д. Статистика применения БпЛА «Ланцет» в зоне СВО: лидируют ВДВ и общевойсковые соединения ВС РФ // Amalantra. 2024. URL: https://amalantra.ru/statistika-primeneniya-bpla-lantset-v-zone-svo/ (дата обращения: 17.04.2026).
3. Мартынов П.И. «Умный» БПЛА поразит врага: новейший FPV-дрон «Ветер» с искусственным интеллектом применили на фронте // Www1.ru. 2024. URL: https://www1.ru/news/2024/08/06/umnyi-bpla-porazit-vraga-noveisii-fpv-dron-veter-s-iskusstvennym-intellektom-primenili-na-front.html (дата обращения: 17.04.2026).
4. Федорчак А.Н. «Орлан» помог артиллеристам обнаружить и поразить гаубицу M777 // Телеканал «Звезда». 2024. URL: https://pablic.tvzvezda.ru/news/2024641713-d4fBH.html (дата обращения: 17.04.2026).

***А.Д. Золова**, курсант 1 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
В.И. Тарасова
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ ОШИБОК КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ УПРАЖНЕНИЙ СТРЕЛЬБ ИЗ ПИСТОЛЕТА МАКАРОВА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА» И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Огневая подготовка является одной из фундаментальных учебных дисциплин в процессе обучения курсантов ОО МВД России. Ее цель – формирование навыков уверенного владения огнестрельным оружием в различных условиях [5, с. 215]. В свою очередь пистолет Макарова, несмотря на простоту его конструкции, требует от сотрудника ОВД знания наиболее эффективных техник стрельбы, особенно на начальном этапе обучения, который начинается с первого года обучения в образовательной организации МВД России [2, с. 112–115].

Многие курсанты, впервые приступая к выполнению упражнений стрельб, сталкиваются с трудностями, которые приводят к низким результатам. Своевременное выявление и устранение ошибок при стрельбе – ключевая задача как

для самого курсанта, так и для преподавателя учебной дисциплины «Огневая подготовка».

Практика проведения занятий по огневой подготовке в учебных заведениях МВД России позволяет выделить три основные группы ошибок: технические, психофизиологические и связанные с изготовкой.

К типичным ошибкам, связанным с изготовкой к стрельбе, относится, например, неустойчивая стойка. Это означает, что курсанты часто принимают излишне напряженную или, наоборот, расслабленную стойку. Смещение центра тяжести, неправильная расстановка ног приводят к раскачиванию корпуса и, как следствие, ухудшению результатов стрельбы [5, с. 215].

Еще одной ошибкой, связанной с изготовкой к стрельбе, служит неправильный хват, т. е. недостаточно плотное удержание рукояти пистолета. 9 мм пистолет Макарова имеет значительную отдачу [4, с. 136], и слабый хват приводит к сильному «подскоку» ствола после выстрела, что затрудняет быстрое восстановление прицельной линии для последующих выстрелов. Не менее частой ошибкой является «подлавливание» мушки кистями рук при ее колебаниях [2, с. 112–115].

Ошибками в прицеливании, в свою очередь, является неровная мушка и прицеливание одним глазом. В условиях стрессовой ситуации курсант концентрируется на мишени, забывая о совмещении мушки и целика пистолета Макарова, при этом результат выстрела значительно ухудшается. В свою очередь прицеливание с двумя открытыми глазами позволяет лучше воспринимать обстановку, снижает общее напряжение и предотвращает быстрое утомление глазных мышц [5, с. 215].

Наконец, наиболее распространенными ошибками в технике спуска курка являются рывок спускового крючка и рефлекс антиципации. Рывок спускового крючка – это основная причина промахов. Вместо плавного, постепенного увеличения давления на спусковой крючок, курсант, стремясь произвести выстрел в момент идеального удержания мушки, совершает резкое движение указательным пальцем. Это приводит к смещению ствола в момент выстрела. При рефлексе антиципации стрелок подсознательно готовится к отдаче и звуку выстрела, что вызывает непроизвольное движение кисти вперед или вниз для «компенсации» отдачи. Это одна из самых трудноустранимых ошибок, имеющая психофизиологическую природу [3, с. 178–181].

На наш взгляд, борьба с ошибками на начальном этапе обучения должна вестись комплексно, начиная с подготовительных упражнений без патронов.

В качестве наиболее эффективных путей устранения ошибок мы выделим следующие:

Во-первых, это отработка базовых элементов. В данном случае необходимо добиться мышечной памяти. Курсант должен многократно отрабатывать принятие стойки и хват пистолета до состояния автоматизма. Силу хвата можно тренировать с использованием кистевого эспандера.

Кроме того, целесообразно тренироваться с использованием разряженного пистолета. Преподаватель огневой подготовки или напарник может поло-

жить монетку на ствол пистолета – если при спуске курка монетка не падает, значит, движение было достаточно плавным.

Не менее важным моментом является контроль и самоконтроль. В первую очередь, это использование тренажеров (тир «Рубин», «СКАТТ»). Кроме того, разбор выстрелов совместно с преподавателем непосредственно после выполнения упражнений стрельб помогает определить систематическую ошибку. Например, группа попаданий слева-вниз от центра для правши часто свидетельствует именно о «рывке» спускового крючка [1, с. 45-49].

Кроме того, на пути к устранению ошибок при стрельбе важным этапом является психологическая подготовка. В рамках указанной психологической подготовки следует выполнять дыхательные упражнения. Перед выполнением выстрела необходимо отработать технику дыхания (полувдох, задержка дыхания на 5-8 секунд для спуска курка). Это снижает колебания оружия, вызванные биением сердца и движением грудной клетки [3, с. 178–181]. Более того, важно концентрироваться на процессе выстрела, т. е. на правильности выполнения каждого элемента (стойка, хват, мушка, плавный спуск).

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что слабые результаты выполнения упражнений стрельб на начальном этапе обучения в большинстве случаев являются следствием систематических ошибок. Основными из них являются неправильный хват и резкое нажатие на спусковой крючок.

Устранение этих ошибок возможно за счет регулярного посещения занятий по огневой подготовке. Предложенные нами методы являются доступными средствами для повышения качества огневой подготовки на начальном этапе обучения [1, с. 45–49].

Литература

1. Антипов В.А., Гришин А.С. Типичные ошибки курсантов при стрельбе из пистолета Макарова и методика их устранения // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 45–49.

2. Дмитриев С.Н., Карпов Э.А. Совершенствование методики начальной огневой подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 112–115.

3. Коршунов И.В. Психолого-педагогический анализ ошибок в начальной огневой подготовке курсантов вузов МВД России // Образование и наука в современных реалиях. 2020. № 3-2. С. 178–181.

4. Наставление по стрелковому делу. 9-мм пистолет Макарова (ПМ). М.: Воениздат, 2020. 136 с.

5. Петрова В.Н. Огневая подготовка в органах внутренних дел: учебно-метод. пособие / под ред. В.Н. Петрова. М.: ИНФРА-М, 2021. 215 с.

***В.А. Зотова**, курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

О.А. Юсупова
Сибирский юридический институт МВД России

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ТРЕНИРОВКИ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Огневая подготовка, как один из основных предметов обучения сотрудников и курсантов правоохранительных органов, позволяет обучаться личному составу и совершенствовать свои навыки стрельбы, но учитывая, что в современном мире цифровые технологии постоянно развиваются, занятия по огневой подготовке вышли на новый уровень, а именно в процесс обучения внедрили инновационные разработки, которые позволяют решить множество проблем. В частности, тренировки в тире не позволяют безопасно создать реальные оперативные условия, требуют значительных расходов на боеприпасы и имеют условия, в которых достаточно трудно отработать множество навыков, т. к. жизненные ситуации представляют собой иную обстановку, которая не ограничивается неподвижной мишенью, благоприятными погодными условиями, безопасностью и небольшим пространством. Несмотря на то, что лекции и иные занятия по огневой подготовке играют свою роль в образовании и получении теоретической информации для усвоения основ безопасного обращения с оружием и применения его в практической деятельности, они не могут заменить необходимость в подготовке к жизненным реальным угрозам. Для наиболее эффективной подготовки к борьбе с преступностью требуются симуляции реальной обстановки, моделирующие напряженные ситуации и позволяющие выработать своевременные решения различных событий, с которыми приходится сталкиваться сотруднику во время своей работы.

Для правоохранительных органов инновационные технологии в огневой подготовке служат инструментом для развития навыков в обращении с огнестрельным оружием, а именно освоения основ стрельбы, способов прицеливания, стрельбы из различных положений, создавая максимально реалистичные сценарии для тренировок. Современные подходы к обучению в правоохранительных органах подразумевают решение ситуационных задач, проведение занятий в игровом формате, и применение цифровых разработок: интерактивных технологий для отработки навыков, к которым относятся

– симуляторы виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности, позволяющие моделировать реальные тактические ситуации,

– современные стрелковые тиры и тренажеры с интерактивными возможностями,

– технологии мониторинга и анализа деятельности, а именно – системы видеозаписи и последующего анализа действий сотрудников и устройства телеметрии для точного измерения характеристик стрельбы,

– а также интеллектуальные системы помощи принятия решений – решения на базе искусственного интеллекта (далее – ИИ) для оценки законности применения огнестрельного оружия.

Наилучшие результаты от использования платформ виртуальной реальности достигаются, когда они максимально реалистично моделируют как физические, так и психологические трудности, с которыми сталкивается сотрудник правоохранительных органов в реальной жизни. Виртуальная реальность должна предоставлять сценарии с различными возможными исходами, давая сотрудникам и курсантам образовательных учреждений МВД России возможность понять свои недочеты и исправить их, вместо того чтобы совершать ошибки в настоящих жизненных ситуациях. Так, постепенно уже началось внедрение современных технологий в процесс обучения курсантов образовательных учреждений МВД России, например, 27 октября 2023 г. в Волгоградской академии МВД России проведено открытое занятие с применением VR-технологий – в ходе занятия слушатели, используя технологию виртуальной реальности, практиковались в проведении следственного действия – проверке показаний на месте. Все действия обучающихся транслировались на экран, позволяя остальным участникам наблюдать и анализировать процесс, а преподавателю – своевременно вносить коррективы и оценивать качество выполнения задания.

Данные технологии являются более безопасными и доступными, стрелок способен практиковаться с различным видом оружия и в различных условиях, которые влияют на точность стрельбы, что особенно важно для подготовленности сотрудника.

Для сотрудников ОВД существуют тренажеры, представляющие собой электронные устройства, которые оттачивают навыки стрельбы, путем анализа и отслеживания попадания в цель, при этом производя выстрелы из различного оружия, с различной дистанции и со сменой позиции стреляющего. Примерами таких тренажеров являются «СКАТТ» и «РУБИН», они чаще используются для обучения первоначальным навыкам стрельбы. Принцип работы «СКАТТ» основан на определении местоположения и фиксации выстрела с помощью специального датчика, благодаря сенсору определяется перемещение ствола относительно мишени и выстрел изображается пробоиной, а «РУБИН» на подаче сигнала лазерного луча, который попадает в экран и отмечается красной точкой – местом куда попал стрелок, тренажер может изменять уровень сложности заданий, размеры изображений и т. д. После выполнения упражнений на этих устройствах результаты выводятся на монитор или же сохраняются на компьютере, что позволяет произвести анализ проделанной работы. Следовательно, внедрение виртуальных тренажеров представляет собой значительный прогресс для образовательных организаций МВД России, поскольку современные технологии позволяют создавать максимально реалистичные тренировочные ситуации для отработки навыков обращения с огнестрельным оружием.

Литература

1. Грязнов С.А. Использование технологии виртуальной реальности при подготовке сотрудников правоохранительных органов // Вестник Самарского юридического института. 2021. С. 101–105. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologii-virtualnoy-realnosti-pri-podgotovke-sotrudnikov-pravoohranitelnyh-organov/viewer (дата обращения: 12.08.2026).

2. Дмитриев А.В. Инновационные технологий в системе огневой подготовки как необходимый фактор повышения профессиональных компетенций сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 146–148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-tehnologiy-v-sisteme-ognevoy-podgotovki-kak-neobhodimyy-faktor-povysheniya-professionalnyh-kompetentsiy-sotrudnikov?ysclid=mimqn2e44p797438800 (дата обращения: 12.08.2026).

3. Иванова М.С., Смирнов Д.А. Применение виртуальных тренажеров для улучшения огневой подготовки в правоохранительных органах // Полиция и общество. 2021. № 3. С. 45–52.

4. Официальный сайт Волгоградской академии МВД России. URL: https://xn--80ad.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/43047008 (дата обращения: 12.08.2026).

5. Петренко А.В., Назаров Ю.П. Моделирование боевых ситуаций с использованием виртуальной реальности в подготовке сотрудников МВД // Технологии безопасности: монография / под ред. В.С. Капустина. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2024. С. 156–164.

6. Сайт целевых технологий «Виртуальный криминалист». URL: https://aimtech.ru/catalog/278 (дата обращения: 07.08.2026).

***М.И. Ищенко**, курсант 3 курса*
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***И.В. Зырянов**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ СИЛАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Органы внутренних дел играют важную роль в укреплении этого согласия через профилактическую работу, взаимодействие с местными сообществами и осуществление образовательных программ, направленных на формирование правосознания граждан.

Общественная безопасность представляет собой широкое понятие, вбирающее в себя как правовые, так и социальные аспекты, обеспечивая гармоничное существование и развитие общества в условиях постоянных вызовов и угроз. Так, под общественным порядком П.Н. Жуков понимает систему норм и правил, которые обеспечивают согласие и стабильность в обществе, создавая пространство для социального взаимодействия [1, с. 29].

Проведение массовых мероприятий требует от органов внутренних дел эффективной организации и применения административно-правовых средств, которые направлены на предупреждение и пресечение нарушений общественного порядка. Это обусловлено тем, что в условиях скопления большого числа людей возрастает риск возникновения конфликтных ситуаций и правонарушений, что противоречит основным принципам общественного порядка, который включает в себя упорядоченное и предсказуемое социальное поведение, основанное на легитимных нормах и управлении [2, с. 36].

Административно-правовые средства представляют собой совокупность методов и инструментов, которые используются органами внутренних дел для обеспечения порядка и безопасности во время массовых мероприятий. Эти средства направлены не только на предотвращение правонарушений, но и на защиту прав граждан, обеспечивая организованное и безопасное проведение публичных акций [3, с. 48].

Стоит также рассмотреть классификацию мер административно-правового характера, критериями дифференциации которой будут выступать следующие категории:

1. По характеру действия: реактивные меры – применяются в случае совершения правонарушений. Это может быть наложение штрафов, административные аресты, а также запрет на проведение мероприятий в будущем.

2. По субъекту применения: меры, применяемые органами власти – это может быть полиция, органы местного самоуправления, которые имеют полномочия по контролю за проведением массовых мероприятий; меры, принимаемые организаторами мероприятий – разработка собственных правил поведения зрителей, обеспечение безопасности, информирование участников о правилах поведения.

3. По стадии организации и проведения публичного мероприятия среди них можно выделить:

– применяемые до проведения публичного мероприятия;

– во время публичного мероприятия;

– после его проведения [4, с. 281].

Органы внутренних дел используют комплекс административно-правовых мер для предотвращения и пресечения нарушений во время массовых мероприятий. Эти средства направлены на минимизацию рисков и обеспечение безопасности участников. Их можно разделить на предупредительные и пресекательные.

1. Средства предупреждения нарушений – направлены на предотвращение правонарушений и чрезвычайных ситуаций до начала мероприятия. Организационно-плановые меры.

Согласование мероприятий: согласно ст. 7 ФЗ № 54-ФЗ существует требование к организаторам уведомлять о проведении акций и иных массовых мероприятий [5].

Разработка планов безопасности предусматривает зонирование территории, расчет сил полиции, создание резервных групп и организацию пропускного режима и оцепления.

Профилактические действия включают в себя проверку участников и организаторов предусматривает анализ данных на наличие лиц, склонных к экстремизму или хулиганству. Информационная работа связана с оповещением граждан о правилах поведения через СМИ, соцсети, информационные стенды.

Используются достижение науки и техники необходимо заниматься установкой систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, использование металлодетекторов, рамок и дронов для мониторинга толпы.

Вводятся правовые ограничения. Запрет на проведение мероприятий вблизи стратегических объектов (ст. 8 ФЗ № 54-ФЗ). Ограничение времени и места (например, запрет на ночные акции).

2. Средства пресечения нарушений – применяются в ходе мероприятия для остановки противоправных действий, а именно административно-принудительные меры:

а) досмотр граждан и транспорта (на основании ст. 13 № 3-ФЗ при подозрении на наличие оружия или запрещенных предметов);

б) требование прекратить нарушение (устное предупреждение (ст. 19.3 КоАП РФ);

в) административное задержание;

г) применение специальных средств (использование наручников, резиновых дубинок, светошумовых гранат [6];

д) составление протоколов об административных правонарушениях;

е) приостановка или прекращение мероприятия (решение принимается при угрозе жизни участников или общественной безопасности согласно ст. 16 ФЗ № 54-ФЗ).

Таким образом, нами рассмотрены административно-правовые средства предупреждения и пресечения нарушений порядка при проведении массовых мероприятий.

Организация взаимодействия, как и само взаимодействие должно иметь место при проведении массовых мероприятий, а также обязано быть регламентировано законом, что порождает строгое соответствие действий субъектов обеспечения правопорядка нормативным предписаниям того или иного правового акта.

Литература

1. Жуков П.Н. Проблемы правового регулирования массовых мероприятий. М.: КноРус, 2024. С. 29.

2. Якимов С.Н. Правоохранительные меры для обеспечения общественного спокойствия. М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 2022. С. 36.

3. Дьяченко Т.В. Правовые основы обеспечения безопасности на массовых мероприятиях. М.: Проспект, 2023. С. 48.

4. Лазарев Е.Г. Тактика обеспечения общественного порядка на массовых мероприятиях. М.: Академический проект, 2023. С. 281.

5. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

6. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***А.А. Капаницына**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
С.В. Мананников
Барнаульский юридический институт МВД России

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК ФУНДАМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ И ДОЛГОЛЕТИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД

Государство играет основополагающую роль в жизни общества. Оно определяет политический курс государства, формирует органы власти, создает нормативно-правовую базу, определяет внешнюю и внутреннюю политику

страны [4]. Регулярные занятия физической культурой и спортом служат действенным способом для сохранения и повышения общего уровня благополучия человека. Для сотрудников полиции регулярные тренировки – вопрос профессионального выживания. Хотя силовые контакты при исполнении опасны травмами, именно плановые нагрузки, помимо подготовки к жестким действиям, поддерживают здоровье и повышают функциональные резервы организма. Однако грамотно дозированные и спланированные нагрузки не только готовят человека к силовому воздействию, но и играют ключевую роль в сохранении здоровья.

Плановые занятия по физической подготовке способствуют повышению функциональных возможностей личного состава. При регулярном посещении занятий у сотрудников отмечается улучшение физических показателей, в силовой подготовке, быстроте реакции, координации движений и общей выносливости. Помимо этого, происходит совершенствование двигательных навыков и прикладных приемов, требуемых в профессиональной деятельности. Следовательно, физическая подготовка выступает фундаментом профессионализма в органах внутренних дел, напрямую влияя на здоровье, результативность службы, личную безопасность и продолжительность профессиональной деятельности.

В настоящее время система физической подготовки личного состава ОВД характеризуется высокой интенсивностью нагрузок. Программа подготовки и проверки готовности к несению службы сотрудниками правоохранительных органов, утверждена Приказом МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». МВД России осуществляет свою деятельность в области подготовки кадров, в т. ч. через образовательные организации системы МВД России [1].

Физическая подготовка сотрудников ОВД комплексно развивает силу, быстроту, выносливость, уверенность, ловкость, стрессоустойчивость, силу воли и смелость – данные качества, критически важные для эффективного выполнения оперативно-служебных задач. Обширный комплекс подготовки сотрудников ОВД разделен на группы подготовки по физическим качествам:

1. Скоростно-силовая подготовка. В данном разделе характеризуются максимальным проявлением силы за минимальный временной интервал. К таким упражнениям относятся: метание различных предметов (в большинстве случаев гранаты), бег на короткие дистанции, удары руками и ногами, прыжки, жим штанги, подтягивания на высокой перекладине, сгибания рук, в упоре лежа, приседания, упражнения на пресс.

2. Общая выносливость. Занятия, направленные на развитие общей выносливости посредством циклических видов активности, включают в себя такие дисциплины, как бег на средние и длинные дистанции, плавание, марш-броски, ходьба на лыжах. Занятия должны проводиться в соответствии с учебно-методическим планом, в котором систематизированы разделы. Отдельные часы отведены лыжной подготовке, плаванию, легкой атлетике [3].

3. Координация движений. Развитие координационных навыков осуществляется посредством специально-подготовительных упражнений, таких как прикладная гимнастика, акробатика, легкая атлетика, кувырки, боевые стойки, болевые приемы, различные удары и защита от них, пресечение нападения с оружием, выполнение бросков при задержании нарушителей.

4. Комплексная подготовка. Развивает несколько качеств одновременно в динамично меняющихся условиях. Они характеризуются одновременным развитием разнообразных физических качеств в условиях изменчивой двигательной активности. Примерами таких упражнений служат единоборства (рукопашный бой, борьба, бокс), а также подвижные игры и преодоление полосы препятствий.

Выполнение сотрудником полиции обязательных нормативов показывает уровень профессиональной подготовки сотрудника, создавая основу для профессионального долголетия [5].

Но на практике помимо профессиональной физической подготовки, сотрудники полиции занимаются самостоятельно, добиваясь повышения своей функциональной готовности к любым непредвиденным и сложным обстоятельствам. Так, в феврале 2024 г. сотрудники патрульно-постовой службы полиции Красноярского края наглядно подтвердили значимость функционального тренинга, выступив на соревнованиях по кроссфиту. Восемь команд, состоящих из двух сотрудников, соревновались в многоборье, включающем упражнения из тяжелой атлетики, гимнастики и гиревого спорта [2].

Таким образом, анализ теории и практики, касающихся организации физической подготовки сотрудников МВД России, позволяет сделать вывод: целенаправленная и систематическая физическая подготовка напрямую влияет на уровень профессионального здоровья, личную безопасность и срок активной службы сотрудников органов внутренних дел. Она способствует формированию необходимой профессиональной готовности к результативным действиям в экстренных и неординарных ситуациях.

Литература

1. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44. URL: https://24.мвд.рф/news/item/47516837 (дата обращения: 04.04.2026).

2. Красилов О.В., Мананников С.В., Хромов В.А. Здоровый образ жизни. Современный подход привлечения населения для занятий физической культурой // Вестник экономической безопасности. М., 2020. № 2. С. 337–340.

3. Мананников С.В. К вопросу о совершенствовании физической подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России // Вестник учебного отдела Барнаульского юридического института МВД России. Барнаул, 2022. № 38. С. 146–148.

4. Хромов В.А. Срочная и долговременная адаптация в служебной деятельности к физическим нагрузкам // Психология педагогика служебной деятельности. 2023. № 1. С. 162–165.

***У.М. Караченцева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
И.О. Климентьев
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМА ВНЕДРЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИХ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ

Деятельность сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) охватывает множество аспектов по вопросам, касающимся защиты прав и свобод человека, таких как: охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, безопасности дорожного движения, специальных операций, осуществление оперативно-розыскной деятельности, расследование преступлений и т. д. Вместе с тем в эпоху технологического развития, деятельность криминогенных элементов не стоит на месте. Методы, способы осуществления преступных посягательств на различные виды объектов в настоящее время многогранны и отличны друг от друга. Тем самым все актуальнее встает вопрос совершенствования деятельности правоохранительных органов. Так, в соответствии с Перечнем поручений по итогам участия Президента Российской Федерации В.В. Путина в мероприятиях по вопросам развития беспилотных авиационных систем, Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г., где одним из направлений применения беспилотных авиационных систем декларируется «проведение авиационной разведки и обеспечение охраны территории и отдельных объектов» [4]. Реагируя, на утвержденную стратегию, Министерство внутренних дел Российской Федерации активно включилось в деятельность по освоению перспективных беспилотных аппаратов, в частности, путем использования роботизированных технологических комплексов при решении конкретных задач, направленных на обеспечение правопорядка в нашей стране.

Ярким примером эффективности применения беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) послужит оперативно-розыскное мероприятие, осуществленное 1 декабря 2025 г. в Свердловской области, где сотрудники Управления на транспорте МВД России по УрФО, с помощью беспилотной авиационной системы, скрытно, выявили и зафиксировали на оптические приборы подвесной системы летательного аппарата двух лиц, которые осуществляли распространение наркотических средств путем раскладывания «закладок» [5].Тем самым сотрудникам правопорядка удалось не только провести негласное наблюдение за действиями вышеуказанных лиц, но и в дальнейшем, грамотно задокументировать и задержать правонарушителей для привлечения последних к установленной законом ответственности.

Стоит также обратить внимание на разнообразный функционал беспилотного воздушного судна, который обеспечит сотрудникам возможность проведения поисковых, разведывательных мероприятий в сложных климатических условиях, а также в закрытых, труднопроходимых участках местности. Это, конечно же, зависит от технических характеристик отдельной модели. Так, на сегодняшний день можно выделить несколько наиболее подходящих для данной деятельности моделей беспилотных воздушных судов: DJI Air, Mini, Mavic, Matrice; Autel Evo. Большинство из них обладают высокой дальностью полета (до несколькмх десятков километров), возможностью фото, видео фиксации с качеством изображения 4К (Full HD), использования тепловизионной камеры и много других современных функций, которые позволят благоприятно выполнять оперативно-служебные задачи, возлагаемые на деятельность ОВД, в т. ч. в особых условиях [1, с. 89–90].

Многообразие применения БПЛА в служебной деятельности полиции подтверждается в статистических данных, приведенных в научной статье профессора ФКУ НПО «СТиС» МВД России В.Ю. Карпычева: «…42 % приходится на задачи мониторинга и наблюдения, 30 % на поисково-спасательные миссии, 18 % на регуляцию транспортной инфраструктуры, и 10 % на иные операции, включая контртеррористические и специализированные действия» [2, с. 41–42]. Вместе с тем ряд ведомственных образовательных учреждений системы МВД России уже оснащены беспилотными системами и активно используют их в рамках учебного процесса в подготовке будущих сотрудников правопорядка.

К сожалению, в настоящее время на территории нашего субъекта функционирует только одно такое подразделение, которое обеспечивает содействие различным подразделениям всего края при выполнении различных служебных задач с использованием БПЛА – отдел применения и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов ЦИТСиЗИ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Он состоит менее чем из 10 человек, что с учетом кадрового дефицита, высокой рабочей нагрузкой на сотрудников ОВД и высоким состоянием преступности – просто недопустимо.

В связи с этим органам внутренних дел для обеспечения правопорядка на территории нашей страны необходимо максимально использовать весь современный технический сегмент, который будет повышать статистические показатели работы всей правоохранительной системы. А это возможно при расширении кадрового состава на уровне каждого территориального органа, путем планомерного введения в структурные подразделения отдельной должности «внешнего пилота» («оператора»), их обучение и снабжение всей материально-технической базой для дальнейшей работы по содействию другим подразделениям в выполнении служебных задач, в целях реализации п. 10.2 Приказа МВД России от 26.12.2024 № 955 «Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» [3], где утверждены отдельные подразделения территориальных органов, имеющие право на использование РТК и БПЛА при осуществлении оперативно-

служебных задач, что в реальной действительной – не осуществляется в полном объеме.

Литература

1. Астахова Н.Л., Лукашов В.А. Дроны и их пилотирование. С чего начать. СПб.: БХВ-Петербург, 2021.

2. Карпычев В.Ю. Особенности роботизации беспилотных летательных аппаратов для задач органов внутренних дел // Научно-технический портал МВД России. 2020. № 1.

3. Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 26.12.2024 № 955. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Перечень поручений по итогам совещания по развитию беспилотных авиационных систем [Электронный ресурс]: утв. Президентом Российской Федерации 19.03.2025 № Пр-589. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Происшествия на территории России. URL: https://news.mail.ru/incident/68921541/ (дата обращения: 30.03.2026).

6. Черменев Д.А., Бордачев А.Ю. Особенности использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности органов внутренних дел // Научный компонент. 2023. № 1 (17).

К.А. Карелина, *курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.А. Байкалов
Сибирский юридический институт МВД России

МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ УДЕРЖАНИЯ ОРУЖИЯ

В современном мире, несмотря на достижения в области высокотехнологического оружия, которое определяет главную роль при достижении точности и кучности стрельбы, в любом случае играет антропогенный фактор.

Ключевым моментом, влияющим на меткость выстрела, является способность стреляющего к удержанию оружия в неподвижном состоянии в течение определенного промежутка времени, минимизируя отклонения от точки прицеливания. Именно поэтому такой навык, как устойчивость удержания оружия, требует особого внимания.

В своем исследовании В.Е. Баранов, А.Б. Благодатин и В.И. Гурылев отмечают, что при подготовке сотрудников системы МВД России основной проблемой является неточность при стрельбе, которая выражается в систематическом отклонении пробоин вниз от центра мишени. Данная проблема преимущественно проявляется у курсантов второго и третьего курсов образовательных учреждений системы МВД России [1, с. 20–22].

В работах профессора В.С. Гурфинкеля устойчивость рассматривается как сложный нейрофизиологический процесс, обеспечивающий точную координацию движений стрелка. Основным элементом данного процесса служит способность регулировать взаимодействие различных систем организма, а именно вестибулярной и зрительной систем восприятия [2, с. 34–63]. Из этого следует, что ведущей целью такой регуляции является умение минимизировать колебания тела и, соответственно, оружия, непосредственно перед выстрелом, что способствует повышению точности попадания.

Также следует отметить, что способность стреляющего сохранять неподвижное положение оружия на необходимых временных интервалах снижается под воздействием психологических факторов, в частности, ожидание выстрела.

Стрелок, ожидающий выстрела, рефлекторно напрягает мышцы для того, чтобы противодействовать отдаче оружия и одновременно резко нажимает на спусковой крючок, что приводит к сбою прицеливания. Ожидание выстрела отвлекает стреляющего от точного прицеливания при нажатии на спусковой крючок, создавая напряжение в нервной системе. Сотрудник может начать ускорять нажим на спусковой крючок, что влияет на плавность его хода.

Сложность в обнаружении данной ошибки обусловлена тем, что сила отдачи оружия при выстреле и, следовательно, перемещение оружия, «смазывает» ошибки. Это усложняет контроль стрелка за собственными действиями. Стреляющий может не замечать, как он ускоряет нажатие на спусковой крючок, напрягает мускулатуру или ослабляет хват кисти, что в конечном итоге приводит к сбою прицеливания.

Исходя из вышеизложенного, для преодоления ожидания выстрела следует на некоторое время прекратить тренировки и стрельбу с патронами. Для поддержания стабильности положения тела и закрепления положительных рефлекторных реакций стреляющему рекомендуется продолжить регулярные тренировки «вхолостую».

Необходимо учесть, что в ходе тренировок «вхолостую» сотрудник должен тренировать тщательное прицеливание и анализировать свои действия. Это позволит ему обнаружить и устранить ошибки.

Данная тренировка направлена на развитие навыков плавного и точного нажатия на спусковой крючок, а также способствует совершенствованию техники нажатия на спусковой крючок, минимизирующий смещение оружия.

Хочу отметить, что хоть для производства выстрела и не требуется значительная физическая сила, но тем не менее ее развитие является важным фактором в совершенствовании навыков стрельбы. Повышение результатов в стрельбе непосредственно зависит от улучшения устойчивости оружия и гармонизация прицеливания с процессом спуска курка [3, с. 18–21].

Устойчивость оружия напрямую зависит от способности стрелка осуществлять его удержание на протяжении значительного периода времени, направляя его в цель. Соответственно, чем больше физическая сила, тем проще решить эту задачу.

Только приобретя способность к длительному удержанию оружия в неподвижном состоянии, стрелок может сосредоточиться на утончении прицеливания и правильной обработке спускового крючка.

Ключевым аспектом устойчивости в стрельбе является тренировка мышц кистей и предплечий. Эти группы мышц играют важную роль при стрельбе из пистолета. Сильные и выносливые мышцы кисти обеспечивают стабильность и точность стрельбы.

Следует отметить, что научные исследования выявили многообразные физические упражнения, способствующие существенному снижению психологического напряжения у начинающих стрелков в условиях огневого рубежа, что, в свою очередь, приводит к повышению эффективности их стрельбы.

– сгибание и разгибание рук в упоре лежа (отжимания);
– бег на дистанции от 10 до 30 м (подбежка);
– выпрыгивания из положения приседа с хлопком над головой (берпи);
– упражнение «упор присев-упор лежа»;
– челночный бег на дистанции 10 м;
– упражнение на координацию движения [3, с. 18–21].

Таким образом, повышение меткости при стрельбе и стабильность удержания оружия в руках зависит от нескольких факторов и только при комплексном подходе.

Исключительно при устойчивом удержании оружия стрелок может сосредоточиться на тщательной работе по совмещению прицеливания и нажатия на спусковой крючок, что в результате приводит к точному попаданию в цель.

Литература

1. Баранов В.Е., Благодатин А.Б., Гурылев В.И. Формирование устойчивости удержания оружия стрелком // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 36. С. 20–22. URL: http://e-koncept.ru/2017/771205.htm (дата обращения: 24.08.2026).

2. Гурфинкель В.С., Коц Я.М., Шик И.Л. Регуляция позы человека. М.: Медицина. 1965. С. 34–63.

3. Борисов И.Ю. К вопросу об особенностях стрельбы после физической нагрузки // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: сб. мат-лов XXII Всерос. научно-метод. конфции: в 2 т. Иркутск, 2–3 марта 2017 г. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. Т. II. С. 18–21.

***Я.А. Карнаухова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Б.А. Федулов**, доктор пед. наук, профессор*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ИМИ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ В УСЛОВИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Необходимая оборона и крайняя необходимость являются важными институтами уголовного права, направленными на защиту охраняемых законом интересов личности и общества. В контексте деятельности сотрудников полиции эти понятия приобретают особое значение, т. к. данные лица часто оказываются в ситуациях, требующих оперативного и адекватного реагирования на угрозы. Настоящая статья посвящена анализу особенностей реализации необходимой обороны и крайней необходимости сотрудниками полиции при выполнении ими служебных задач с учетом зарубежного опыта в данной области.

Право сотрудника полиции на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия предусмотрено ст. 18 Закона № 3-ФЗ, запреты, ограничения по применению сотрудниками полиции спецсредств закреплены в ст. 22 ФЗ «О полиции» [5], а также в ведомственных нормативных актах. В то же время в правоприменительной практике возникает немало спорных вопросов при квалификации действий сотрудников при выполнении ими служебных задач.

Согласно ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), необходимая оборона представляет собой действия, направленные на защиту охраняемых законом интересов от общественно опасного посягательства. Важно отметить, что действия должны быть пропорциональны угрозе. Крайняя необходимость, в свою очередь, регулируется ст. 39 УК РФ и подразумевает действия, совершенные для устранения непосредственной угрозы интересам личности или общества, когда невозможно было избежать ущерба [4]. При противодействии особо опасным и вооруженным преступникам практически невозможно спрогнозировать степень возможного нанесения ими ущерба, поэтому для правоохранительной деятельности эти положения в этих условиях, на наш взгляд, должны быть уточнены в ряде законодательных актов. По крайне мере в ведомственных нормативных актах необходимая оборона и крайняя необходимость должны отличаться для сотрудников полиции от применения эти положений для гражданских лиц. Имеющиеся положения по применению огнестрельного оружия сотрудниками Росгвардии в определенной степени расширяют их права и способствуют повышению их личной безопасности, но

они не касаются всех сотрудников полиции, которые также часто оказываются в экстремальных условиях [3, с. 77].

В современных условиях при применении силовых действий сотрудники полиции не редко подвергается критике отдельными представителями общества. Это создает риск необоснованных обвинений в превышении полномочий и может формировать у сотрудников установку на избегание активных действий даже в оправданных ситуациях.

С целью совершенствования процесса обеспечения личной безопасности сотрудников можно обратиться к зарубежному опыт. Изучение опыта применения норм необходимой обороны и крайней необходимости позволяет выявить полезные практики и подходы для Российского законодательства.

В большинстве зарубежных законодательных актах отсутствует понятие превышения пределов необходимой обороны для сотрудников правоохранительных органов, так например, в Бельгии, Германии, Голландии и всех стран СНГ. Вместе с тем в правовых системах многих стран содержатся нормы, устанавливающие критерии допустимости защитных действий. Например, Уголовный кодекс Австрии предусматривает необходимость соблюдения соразмерности между действиями защищающегося и характером посягательства. Испанское законодательство требует, чтобы избранный способ пресечения или предотвращения преступного деяния отвечал критериям разумной необходимости. В итальянском УК закреплено условие, согласно которому оборона признается правомерной, если она соответствовала степени опасности нападения. Французское уголовное законодательство допускает защитные действия, за исключением ситуаций, когда наблюдается очевидное несоответствие примененных средств защиты тяжести совершенного посягательства. Уголовный кодекс Швейцарии предоставляет право отражать нападение способом, соразмерным сложившимся обстоятельствам.

В основе оценки правомерности оборонительных действий в зарубежных странах лежат различные критерии: во Франции это соотношение средств защиты и тяжести посягательства; в Испании, Польше и Швейцарии – соответствие избранного способа конкретной ситуации; в Австрии, Дании и Италии – адекватность защиты характеру посягательства [2]. Наиболее сбалансированной представляется дефиниция, закрепленная в Уголовном кодексе Республики Казахстан, согласно которой превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, повлекшее причинение посягающему явно чрезмерного, не обусловленного обстановкой вреда.

В США действует принцип «разумной силы», в соответствии с которым сотрудник правомочен использовать физическое воздействие или огнестрельное оружие сообразно складывающейся обстановке по личному усмотрению. Там разработана многоступенчатая шкала применения силы, где каждая ступень соотносится с уровнем исходящей угрозы. В рамках профессиональной подготовки полицейские осваивают техники деэскалации конфликтов и алгоритмы анализа оперативной ситуации.

Следовательно, институты необходимой обороны и крайней необходимости, выступают фундаментальными элементами, обеспечивающими личную безопасность сотрудников органов внутренних дел при выполнении ими служебных задач. Корректное применение этих правовых механизмов требует от полицейского высокой квалификации, развитого профессионального мышления и способности к быстрому анализу. Это, в свою очередь, актуализирует задачу совершенствования образовательного процесса в ведомственных вузах, ориентируя его на личностно-профессиональное становление курсантов образовательных организаций МВД России [6].

Таким образом, следует признать, что круг вопросов, при которых невозможно предвидеть пределы причинения вреда для сотрудников полиции при выполнении ими служебно-боевых задач достаточно обширен, поэтому ряд законодательных актов нуждается в корректировке. Так, силовые действия по пресечению деятельности вооруженных и особо опасных преступников должны быть квалифицированы как действия в условиях при крайней необходимости.

Литература

1. Антонов М.Е., Чичин С.В. Правовая защищенность как элемент обеспечения личной безопасности сотрудников патрульно-постовой службы полиции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. С. 92–94.

2. Наумов А.В., Меркурьев В.В., Тараканов И.А. Нуждается ли статья 37 УК РФ в кардинальном изменении: судебная практика и законотворческие перспективы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. № 2 (94). С. 45–53.

3. Левченко А.А., Морозов В.А., Федулов Б.А. Формирование готовности сотрудников полиции к обеспечению личной безопасности в экстремальных условиях. Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 77–79.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Федулов Б.А. Личностно-профессиональное развитие курсантов высших военных учебных заведений: аксиологический подход: автореф. дис. … д-ра. пед. наук. Барнаул, 2000. 37 с.

В.И Козлов, *курсант 1 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Д.А. Лапин
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

ИНЖЕНЕРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. НЕВЗРЫВНЫЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ ЗАГРАЖДЕНИЯ

Инженерные заграждения применяются во всех видах боевых действий войск, устраивают их в соответствии с решением командира в сочетании с естественными препятствиями, в тесной увязке с системой огня и действиями войск. Создают инженерные заграждения по рубежам (перед позициями войск) и по направлениям. Они должны быть неожиданными для противника, устойчивыми ко всем видам огневого воздействия и не стеснять маневра войск.

Инженерные заграждения, устраиваемые на местности, должны отвечать следующим требованиям:

1. Обеспечивать высокую эффективность и внезапность воздействия на противника;
2. Допускать быструю установку на местности с применением средств механизации;
3. Обладать взрывоустойчивостью против действия ударной волны ядерного взрыва и средств преодоления заграждений;
4. Не стеснять маневра своих войск [2].

Проблематика исследования: существующее законодательство, регулирующее применение мер принуждения (включая изъятие имущества и помещений) в условиях чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) и КТО, недостаточно детализировано в части оперативного и правомерного перепрофилирования гражданских НВС для целей личной и коллективной безопасности силовых структур [5]. Отсутствует унифицированная методика быстрой оценки защитных характеристик этих сооружений (коэффициента ослабления радиации, стойкости к гидродинамике ударной волны).

Научное новшество содержит в разработке концепции «Динамической пригодности НВС». Данная идея предлагает условия и алгоритм быстрого разделения доступных НВС по их защитным свойствам, что позволяет немедленно отдать приказ о переход в укрытие, базируясь не на формальном статусе здания, а на его физической способности сберечь жизнь сотрудника.

Правовое поле, регулирующее использование имущества граждан для обеспечения обороны и безопасности, основывается на федеральном законе «Об обороне» и законодательстве о ЧС. Эти акты наделяют органы власти правом временного изъятия или ограничения использования объектов.

Основная проблема личной безопасности, заключается в следующем: в момент объявления угрозы ЯВ или массированного ракетного удара, время на юридические процедуры исчерпано. Сотрудник должен действовать немедленно, используя ближайшее доступное заглубленное помещение. Это создает риск последующего юридического преследования за самоволие или порчу имущества [3].

Нужна разработка ведомственных приказов, которые в условиях объявленного режима КТО (или повышенной угрозы) делегируют командирам на местах безусловное право принимать решения о немедленном использовании любых глубоких сооружений, с следующим оформлением актов изъятия и компенсации в течение 48 часов после нормализации обстановки. Это снимает психологическую и юридическую нагрузку с исполнителя и переводит ответственность на высшее командование, обеспечивая свободное перемещение к защите.

Инженерные заграждения устанавливаются в первой и во второй степенях готовности.

Первая степень – заграждения приведены в полную боевую готовность: мины окончательно снаряжены и установлены, а управляемые мины и минные поля приведены в боевое состояние, ограждения минных полей отсутствуют; невзрывные заграждения полностью подготовлены, проходы и переходы через них закрыты, разрушены или заминированы.

Вторая степень – заграждения подготовлены к быстрому переводу их, в первую степень мины окончательно снаряжены и установлены, но минные поля ограждены; управляемые мины и минные поля находятся в безопасном состоянии; невзрывные заграждения подготовлены полностью, но проходы и переходы через них не закрыты, не разрушены и не заминированы или заминированы управляемыми минами, содержащимися в безопасном состоянии.

НВС не проектировались для защиты от ядерного удара, поэтому их пригодность должна оцениваться по двум ключевым параметрам: защита от радиации и стойкость к ударной волне.

Эффективность укрытия измеряется его коэффициентом ослабления (далее – КО). Для обычного подвала, покрытого 1 метром грунта, КО может быть высоким (до 1000), в то время как подвал в центре города, окруженный только железобетонными стенами, покажет низкие результаты [1].

Комбинированные заграждения представляют собой сочетание минно-взрывных и невзрывных заграждений.

В первые минуты после вспышки приоритет отдается радиационной защите (заглубление), т. к. ударная волна пройдет быстро. Если же укрытие не выдержало ударной волны, его защитные свойства против осадков теряют смысл. Обучение должно четко дифференцировать эти приоритеты в зависимости от типа взрыва (наземный, воздушный).

Для обеспечения личной безопасности персонала, не имеющего доступа к военным убежищам, необходимо создание предварительных ведомственных карт укрытий [4]. Это требует сотрудничества между МВД, МЧС и городскими администрациями.

Для повышения защищенности сотрудников и обеспечения их правовой неприкосновенности при действиях в условиях ЧС, требуется не только улучшение физических средств защиты, но и немедленное правовое урегулирование их оперативного использования. Добавление методики оценки «Динамической пригодности НВС» позволит превратить пассивный фонд гражданских построек в активный элемент системы личной безопасности. Минные поля и группы мин должны прикрываться огнем и располагаться на местности так, чтобы наличие мин было внезапным для противника, обеспечивало эффективное поражение его личного состава и техники. При установке минных полей перед позициями наших войск наименьшее удаление тыльного ряда минного поля или отдельных мин от позиции должно исключать поражение личного состава ударной волной или осколками при взрыве мин.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05.02.2010 № 146. М., 2010.
2. Захаров А.Н. Силы специальных операций ведущих стран мира // Зарубежное военное обозрение. 1999. № 9. С. 71–75.
3. Рекомендации по охране и обороне запасных пунктов управления федеральных органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. М.: ГУСП, 1999. 88 с.
4. Седнев В.А., Лысенко И.А. Пути повышения устойчивости функционирования запасного пункта управления субъекта Российской Федерации // Научно-технический сборник ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). 2011. № 15. С. 185–191.

***В.В. Кузнецова**, курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.А. Байкалов
Сибирский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАБОТКИ СТРЕЛКОВЫХ НАВЫКОВ У КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Под стрелковыми навыками следует понимать умение взаимодействовать с оружием, осуществлять техничную стрельбу и владение тактикой ведения огня в разных условиях [1]. Освоение таких навыков является крайне важным для курсантов вузов МВД России.

Главным показателем успешного освоения стрелковых навыков является способность курсанта производить меткие выстрелы в различных обстоятельствах (в условиях ограниченного времени, плохой видимости и т. д.), быстро ориентироваться в необходимости применения оружия, быть готовым к огне-

вому контакту и уметь соблюдать правила безопасности при осуществлении стрельбы.

К сожалению, на сегодняшний день выработка стрелковых навыков у курсантов ведомственных вузов связана с рядом проблем:

1. Психологическая неготовность курсанта к стрельбе из оружия.

С данной проблемой часто сталкиваются в начале обучения, когда реальное оружие вызывает у курсантов страх, повышенную эмоциональность, усиление защитных психологических рефлексов. На занятиях по огневой подготовке это проявляется в неспособности курсанта соблюдать правильное дыхание при производстве выстрела, а также в треморе рук, вызванном волнением.

2. Слишком резкое нажатие на спусковой крючок.

Данная проблема также наиболее распространена у начинающих стрелков, у которых либо еще не выработан достаточный уровень самоконтроля, либо не отточена правильная техника производства выстрела. В результате резкое нажатие на спусковой крючок приводит к смещению оружия в сторону и, соответственно, к снижению меткости выстрела.

Решение этой проблемы заключается в формировании у курсанта умственного контроля своих действий. Со стороны преподавателя важно разъяснить курсанту важность плавного нажатия на крючок, а также технику дыхания, которая поможет делать это более концентрированно и спокойно.

3. Движение головой во время прицеливания**.**

Эта проблема зачастую встречается при производстве выстрелов в условиях ограниченного времени. В этой ситуации важно помнить о том, что во время прицеливания необходимо сохранять неподвижность головы и туловища, т. к. эти движения могут увеличивать время прицеливания и негативно влиять на меткость выстрелов.

4. Рефлекторные сокращения мышц при резком звуке выстрела и отдаче оружия.

Малоопытные в стрельбе курсанты при громком звуке выстрела могут непроизвольно вздрагивать и напрягать мышцы, резко нажимая кистью на рукоятку пистолета, готовясь к отдаче (чтобы противодействовать ожидаемому удару).

Решение данной проблемы должно быть комплексным: в первую очередь, преподавателю необходимо разъяснить курсанту его действия и их влияние на результат выстрела (поскольку зачастую такая реакция является рефлекторной и незаметной для самого курсанта).

Помимо этого, полезно использовать разнообразные упражнения и методики, направленные на выработку психологической готовности курсанта к отвлекающим факторам (в т. ч. к резкому громкому звуку выстрела). В этом могут помочь как тренировочные стрельбы в повышенных шумовых условиях, так и использование мультимедийных стрелковых тренажеров, в которых курсант сможет имитировать стрельбу в самых разных обстоятельствах (например, на полигоне, в условиях городской застройки и т. д.) [2, с. 40–42].

Также следует отметить, что высокую эффективность в выработке стрелковых навыков у курсантов вузов МВД России показывает проведение различ-

ных соревнований по огневой подготовке (к примеру, соревнования по стрельбе, по сборке-разборке оружия, технике выстрелов и т. д.), а также организация практических занятий в условиях, приближенных к реальным (например, проведение стрельб за пределами полигона – в лесу, на заброшенных стройках и т. д.) [3, с. 32].

Таким образом, существующие на сегодняшний день проблемы, связанные с выработкой стрелковых навыков у курсантов вузов МВД России, должны решаться комплексно. Затем преподаватели должны обращать пристальное внимание на технику производства выстрела каждого курсанта, своевременно и подробно разъяснять обнаруженные ошибки и их последствия, оттачивать технические навыки до автоматизма. Целесообразно проводить практические занятия по стрельбе в различных обстоятельствах, а также обеспечивать курсантам возможность участвовать в соревнованиях, где они смогут продемонстрировать свои навыки обращения с огнестрельным оружием.

Литература

1. Беляков А.А., Поминова О.Л. Формирование навыков скоростной стрельбы из стрелкового оружия в процессе военно-профессиональной подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-navykov-skorostnoy-strelby-iz-strelkovogo-oruzhiya-v-protsesse-voenno-professionalnoy-podgotovki-kursantov-voennyh (дата обращения: 22.11.2025).

2. Комаров М.С., Лысухин А.М. Ошибки курсантов при проведении стрельб в процессе обучения в ведомственных институтах // Научные высказывания. 2023. № 13.

3. Юсупова О.А., Литвиненко А.Г., Колиненко А.Д. Теоретические аспекты совершенствования навыков стрельбы в профессиональной подготовке сотрудников полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-sovershenstvovaniya-navykov-strelby-v-professionalnoy-podgotovke-sotrudnikov-politsii (дата обращения: 22.11.2025).

***К.И. Лозинова**, курсант факультета ПСПЭБиПК*
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
В.А. Хромов
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ФИЗИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Профессиональная деятельность сотрудников полиции изначально связана с выполнением задач в условиях повышенного риска и повышенной правовой ответственности. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» закрепляет за полицией функции по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, участию в пресечении массовых беспорядков, террористических угроз и иных опасных проявлений, создающих угрозу жизни и здоровью граждан [1]. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ специально выделяет «особые условия службы», связывая их с выполнением задач в чрезвычайных обстоятельствах, условиях вооруженных конфликтов и массовых нарушений общественного порядка, что фактически задает правовые рамки экстремальных ситуаций в деятельности органов внутренних дел [2].

Для целенаправленной подготовки сотрудников полиции важно не только общее определение, но и классификация экстремальных условий. В работах, посвященных служебно-прикладной подготовке, предлагается подход, основанный на выделении типов экстремальных ситуаций по происхождению угрозы [5]. Обычно выделяют:

– природные экстремальные условия (стихийные бедствия, наводнения, лесные пожары и др.), при ликвидации последствий которых полиция обеспечивает охрану общественного порядка, защиту имущества, регулирование движения и содействие эвакуации населения;

– техногенные (крупные транспортные происшествия, аварии на промышленных и коммунальных объектах, масштабные пожары), где сотрудники полиции выполняют задачи по ограничению доступа в опасную зону, организации пропускного режима, обеспечению безопасности граждан;

– социальные (массовые беспорядки, террористические акты, захват заложников, вооруженные нападения), в которых основное содержание деятельности полиции связано с пресечением противоправных действий, задержанием правонарушителей и минимизацией ущерба для населения;

– смешанные ситуации, сочетающие природные, техногенные и социальные факторы, когда на фоне чрезвычайного происшествия возникают дополнительные угрозы общественному порядку [6].

Особое практическое значение для системы служебной и физической подготовки имеет ведомственное понятие «особые условия службы». К таким условиям относятся ситуации, предъявляющие повышенные требования к физической выносливости, силе, координации движений, владению приемами борьбы и огневой подготовкой (задержание вооруженного лица, действия в ограниченном пространстве, эвакуация граждан из опасной зоны и др.). По сути, «особые условия службы» являются частным случаем экстремальных условий, акцентирующим внимание на их физической и тактико-специальной составляющей.

Физическая подготовленность сотрудников полиции представляет собой комплексную профессионально значимую характеристику, опирающуюся на нормативные требования МВД России и подтвержденную результатами научных исследований. Она одновременно является условием успешных действий в экстремальных ситуациях и уязвимым компонентом в условиях хронического профессионального стресса и неблагоприятного режима труда. В последующих разделах работы физическая подготовленность будет рассмотрена во взаимосвязи с психоэмоциональным состоянием сотрудников полиции и характером экстремальных служебных нагрузок [5].

С позиций психологии стресса экстремальные условия службы выступают как комплекс сильнодействующих стрессоров, требующих мобилизации значительных адаптационных ресурсов. При длительном воздействии интенсивных стрессоров без достаточного восстановления происходит истощение ресурсов и формирование хронического профессионального стресса, сопровождающегося тревожностью, нарушениями сна, снижением концентрации внимания и устойчивости к перегрузкам [7]. В условиях реальной угрозы такие изменения увеличивают риск ошибочных решений и неадекватных реакций.

Одним из наиболее изученных последствий длительного профессионального напряжения является синдром эмоционального выгорания, понимаемый как состояние эмоционального, психического и физического истощения, проявляющееся в эмоциональном опустошении, циничном отношении к объектам профессиональной деятельности и ощущении снижения собственных профессиональных достижений. Для сотрудников органов внутренних дел отмечаются проявления выгорания в виде формализованного отношения к гражданам, снижения мотивации к службе, роста раздражительности и конфликтности в служебном взаимодействии.

Психоэмоциональное состояние сотрудников полиции в экстремальных условиях характеризуется устойчивым влиянием профессиональных стрессоров, что проявляется в повышенной тревожности, эмоциональном напряжении, риске формирования синдрома эмоционального выгорания и других форм профессиональной дезадаптации. Зарубежные и отечественные исследования подтверждают связь полицейского стресса с ухудшением психического и соматического здоровья, а также снижением надежности служебных действий. Одновременно подчеркивается, что высокий уровень профессиональной и физической подготовленности способствует снижению субъективной экстремальности ситуации и ослаблению негативных психоэмоциональных последствий.

Не менее значимо влияние профессионального стресса и экстремальных нагрузок на состояние сердечно-сосудистой системы. В зарубежных исследованиях показано, что сочетание психоэмоционального стресса, нерегулярного режима сна и недостаточной физической активности способствует развитию артериальной гипертензии, метаболических нарушений и других факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний у сотрудников полиции. Выявлено, что участие в ведомственных программах, включающих регулярные занятия физическими упражнениями, коррекцию образа жизни и контроль сердечно-сосудистых факторов риска, связано с более благоприятными показателями липидного профиля и физической работоспособности полицейских.

Особое внимание уделяется сравнению сотрудников, регулярно участвующих в ведомственных программах физической подготовки, и тех, кто ограничивается лишь обязательными занятиями. Отмечено, что регулярные тренировки с учетом специфики служебных задач (элементы единоборств, работа на полосе препятствий, комплексные силовые упражнения) способствуют более стабильному сохранению выносливости и силовых показателей, а также лучшей адаптации к экстремальным нагрузкам. Анализ данных зарубежных исследований сходным образом демонстрирует, что сотрудники с более высоким уровнем физической подготовленности имеют лучшие показатели служебной работоспособности и реже временно выводятся из строя вследствие заболеваний и травм.

Экстремальные условия службы запускают у сотрудников полиции типичные для человека механизмы стресс-реагирования, однако частота и интенсивность стрессоров в правоохранительной деятельности делают эти реакции более выраженными и устойчивыми. В основе лежит активация симпатоадреналовой системы и гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси: учащается сердцебиение, повышается артериальное давление, возрастает мышечное напряжение, мобилизуются энергетические ресурсы. Такая реакция позволяет сотруднику быстро включиться в действие при внезапной угрозе, но при регулярном повторении без достаточного восстановления приводит к истощению адаптационных резервов.

Для служебной деятельности характерно как острое, так и хроническое стрессовое реагирование. Острый стресс возникает при непосредственном столкновении с угрозой жизни и здоровью, массовыми беспорядками, вооруженным сопротивлением правонарушителя. В этих условиях у сотрудника может наблюдаться сужение поля внимания, стремление действовать по привычным схемам, повышение импульсивности реагирования при одновременном субъективном переживании времени как «ускоренного» или «замедленного». Хронический стресс формируется постепенно под воздействием сменного режима, высокой ответственности, постоянного контакта с негативной информацией и человеческим горем.

Для наглядности основные группы проявлений стрессовых реакций у сотрудников полиции целесообразно представить в виде таблицы, поскольку такая форма позволяет быстро сопоставить симптомы по сферам и увидеть их взаимосвязь. Табличное представление облегчает оценку выраженности при-

знаков, помогает выделить наиболее проблемные зоны (эмоциональную, поведенческую, когнитивную и физиологическую) и может использоваться как удобная основа для первичного мониторинга состояния сотрудников и дальнейшей диагностики.

Эмоциональное истощение проявляется в устойчивом чувстве усталости, «опустошенности», ощущении отсутствия внутренних сил для выполнения привычных служебных задач. Сотрудник все чаще испытывает нежелание включаться в общение с гражданами, избегает сложных ситуаций, минимизирует инициативу. Деперсонализация выражается в формировании отчужденного, формального, иногда циничного отношения к гражданам и даже к коллегам, в стремлении эмоционально дистанцироваться от их проблем как способ «защититься» от перегрузки. Снижение чувства профессиональной эффективности проявляется в переживании бесполезности собственных усилий, недооценке достигнутых результатов, ощущении «застревания» в профессии.

Выгоранию сотрудников полиции способствуют устойчивые факторы: постоянный контакт с конфликтными ситуациями и негативным контингентом, разрыв между ожиданиями и реальными условиями службы, дефицит признания и поддержки руководства, низкая возможность влиять на организацию труда, нехватка времени и ресурсов для восстановления. В российских условиях дополнительно влияют перегрузка документированием, формализованный контроль и общественная критика, усиливающие чувство недооцененности и несправедливости.

Профилактика негативного влияния экстремальных условий на сотрудников полиции требует не разрозненных мер, а комплексных программ подготовки, в которых физический и психологический компоненты изначально увязаны между собой и с реальными задачами службы. Речь идет не только о выполнении установленных нормативов, но и о целенаправленном формировании готовности действовать в условиях высокой неопределенности, риска и дефицита времени.

Дополнительным фактором успешности комплексных программ является активное участие командиров подразделений. Их установка на значимость физической и психологической подготовки, личное участие в занятиях, поддержка инициатив сотрудников по сохранению профессионального здоровья во многом определяют мотивацию личного состава и восприятие профилактических мероприятий как реально значимых, а не формальных.

Результаты исследования показывают, что физическая подготовленность и психоэмоциональное состояние сотрудников полиции взаимосвязаны и вместе определяют профессиональную готовность к действиям в экстремальных условиях. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать выводы и рекомендации для совершенствования служебной, физической и психологической подготовки, а также программ профилактики стресса, выгорания и соматических нарушений. В дальнейшем целесообразно эмпирически оценить эффективность комплексных программ подготовки и восстановления в разных подразделениях ОВД.

Литература

1. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49. Ст. 7020.
3. Баркалов С.Н., Герасимов И.В., Кателкин А.В. Специальная направленность физической подготовки сотрудников органов внутренних дел: монография. Орел: ОрЮИ МВД России, 2010. 214 с.
4. Баркалов С.Н. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел: уточнение понятий и конкретизация задач // Наука-2020. 2019. № 8 (33). С. 45–52.
5. Баландин А.А. Совершенствование координационных способностей сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции на основе использования полосы препятствий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 163–169.
6. Вахнина В.В., Кубышко В.Л. Психологическая работа в органах внутренних дел: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2019.
7. Шишалов А.О. Правовые основы организации огневой и физической подготовки сотрудников территориальных органов МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020.

***А.В. Мамошина**, курсант 2 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Ю.В. Музыка
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. СИСТЕМЫ ВИДЕОФИКСАЦИИ

Современный мир характеризуется развитием цифровых технологий, которые способствуют повышению качества работы в различных сферах жизни общества. Система видеофиксации не является исключением, ведь именно данное устройство влияет на снижение совершаемых преступлений в обществе.

Как показывает статистика, в 2024 г. в органах внутренних дел было использовано 29,8 тысяч систем видеофиксации, из них 26 тысяч стационарных камер, 3000 передвижных камер и 800 сотовых. Все применяемые системы видеофиксации имели значение для фиксирования противоправных деяний в нашей стране.

Данная статистика показывает нам, как широко распространены системы видеофиксации и с каждым годом данное число возрастает.

Для дальнейшего исследования данной темы необходимо рассмотреть, какие задачи выполняет система видеофиксации в контексте расследования преступлений.

Системы видеофиксации применяются во многих сферах жизни общества. Они необходимы для контроля поведения людей в целях выявления, пресечения и предупреждения возможных преступных деяний, а также для контроля за соблюдением правил дорожного движения.

Кроме этого, в дальнейшем необходимо разработать автоматизированные информационные системы, которые смогут автоматическом порядке передавать информацию о фактах нарушения законности и правопорядка сотрудникам органов внутренних дел.

Система видеофиксации выполняет ряд задач, к которым относится:

– Выявление совершения преступных деяний, аварийных и чрезвычайных ситуаций. До появления данных систем у определенных служб нашей страны (МВД, МЧС, ФСИН, ФСБ) возникали некоторые сложности, в области выполнения опасной работы, поскольку отсутствовал тот массив информации, которая предоставляет нам данная система.

В настоящее время благодаря данным системам обнаруживаются различные техногенные аварии, дорожно-транспортные происшествия, а также иные противоправные деяния.

– Документирование конкретных событий. В случае совершения какого-либо преступления в зоне, которую охватывает камера видеонаблюдения, данную видеозапись можно посмотреть даже через некоторый промежуток времени. У некоторых систем видеонаблюдения время для возможности просмотра видеозаписи составляет 7 дней и более, как пример может являться супермаркет или торговый центр.

– Обработка информации. В определенные виды систем видеофиксации встроены системы распознавания лиц и случаи совершения противоправных деяний.

Ярким примером может послужить система видеофиксации на дорогах, где с помощью данной системы отслеживается скорость машин. В случае проезда на высоко скорости данная информация сразу передается на пост ГИБДД.

– Обеспечение безопасности данных. Важной задачей данной системы является ее шифрование от не санкционированного доступа различных пользователей.

Таким образом, система видеофиксации выполняет ряд задач, которые весьма важны для населения нашей страны. Область применения систем видеофиксации.

Благодаря широкому спектру своих возможностей системы видеофиксации находят широкое применение в различных сферах нашей жизни. Основной задачей нашей статьи является рассмотрение сфер, в которых система видеофиксации играет значимую роль.

1. Системы видеофиксации способствуют быстрому реагированию на совершаемые преступления. В связи с тем, что системы видеофиксации развиваются с каждым днем, самые новые системы способны передать информацию о совершаемых противоправные деяния напрямую сотрудникам органов внутренних дел.

2. Как упоминалось ранее, системы видеофиксации имеют широкое распространение в области контроля дорожного движения, а именно они важны для контроля выполнения водителями правил дорожного движения.

3. Системы видеофиксации в данной предназначены для осуществления контроля за возможными авариями, которые могут произойти в процессе работы с различными веществами.

4. Системы видеофиксации предназначены для контроля торговли, для наблюдения за действиями посетителей и персонала, а главное для фиксирования случаев кражи и мошенничества

5. Система видеофиксации выполняет роль мониторинга, для недопущения дискриминации прав обучающихся и выявления возможных конфликтных ситуаций между детьми.

6. Системы видеофиксации необходимо для фиксации действий вандализма, нарушения прав и законных интересов проживающих.

7. Системы видеофиксации устанавливают в общественных местах для мониторинга большого скопления людей, их действий и возможных чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, системы видеофиксации широко распространены во всех сферах жизнедеятельности как человека и общества, так и государства в целом. В связи с этим возрастает роль систем видеофиксации, в частности в сфере обеспечения безопасности и охраны общественного порядка. Благодаря внедрению данных технологий в определенные государственные службы, муниципальные и общественные организации контроль за выявлением противоправных деяний значительно усилился, что в свою очередь оказывает положительное влияние на деятельность правоохранительных органов Российской Федерации.

В заключение работы важно выделить, что системы видеонаблюдения являются неотъемлемой частью работы правоохранительных органов, поскольку благодаря им становится легче выявить, пресечь и предупредить различного рода преступления, нарушения общественного порядка и общественной безопасности.

Дальнейшее исследование данной темы необходимо направить на подробное изучение теоретического материала в аспекте внедрения искусственно интеллекта в систему видеофиксации.

Литература

1. Макарецкий Е.А., Нгуен Лием Хиеу. Исследование Фурье и вейвлет-спектров изображений транспортных средств // Фундаментальные исследования. 2021 № 12. С. 80–81.

2. Ахметханов Р.С. Применение вейвлет-анализа и теории фракталов в исследовании изображений микрошлифов // Заводская лаборатория. Диагностика материалов. 2025 Т. 81, № 3. С. 31–37.

3. Бархатов Н.А., Ревунов С.Е., Виноградов А.Б. Алгоритм классификации МГД вейвлет-скелетонных спектральных картин геоэффективных плазменных потоков в солнечном ветре // Вестник Мининского университета. 2024. № 3. С. 25.

4. Дмитриев Е.Г., Котенков А.В. О некоторых особенностях использования информации систем видеонаблюдения в ходе расследования преступлений // Российский следователь. 2023. № 1. С. 5–9.

5. Качан О.А. Роль систем видеонаблюдения в профилактике дорожно-транспортных происшествий // Транспортное право. 2022. № 3. С. 35.

6. Колотушкин С.М., Ткачев С.Е. Тактические приемы использования стационарных систем видеонаблюдения в решении задач выявления, раскрытия и расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 20. С. 2–7.

***А.А. Мануйлова**, курсант 3 курса*
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Д.А. Рубан**, канд. пед. наук*
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Личная безопасность представляет собой комплексную правовую, организационную и социальную проблему, имеющую фундаментальное значение для эффективного функционирования всей правоохранительной системы. В условиях роста профессиональных рисков, усложнения оперативной обстановки и увеличения уровня агрессии в обществе, обеспечение безопасности сотрудников ОВД становится не только вопросом их личной защищенности, но и фактором национальной безопасности [10, с. 17].

Актуальность данной темы обусловлена устоявшейся высокой степенью угроз жизни и здоровью сотрудников при выполнении служебных обязанностей: опираясь на статистику МВД России, можно сказать о том, что ежегодно при исполнении погибают десятки сотрудников, и сотни получают телесные повреждения различной степени тяжести.

Личная безопасность сотрудников ОВД – состояние защищенности жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества сотрудника от противоправных посягательств, связанных непосредственно с исполнением ими служебных обязанно-

стей, обеспечиваемое системой правовых, организационных, технических и социальных гарантий.

В структуре личной безопасности можно выделить следующие элементы:

1. Физическая безопасность (защита от посягательства на жизнь и здоровье сотрудника);
2. Психологическая безопасность (защита от профессионального стресса и выгорания, как проявления психологического риска);
3. Социально-правовая безопасность (социальная защита, оказание правовой поддержки при привлечении к ответственности);
4. Информационная безопасность (защита персональных данных сотрудника, а также членов его семьи);

Профессиональной особенностью сотрудника ОВД является наличие постоянного повышенного риска – вероятность причинения ему вреда вследствие исполнения им своих служебных обязанностей, что обусловлено некоторыми факторами:

1. Характер служебных задач (обеспечение задержания вооруженных лиц, работа, направленная не только на предупреждение, но и на пресечение преступной деятельности);
2. Публичный характер деятельности;
3. Взаимодействие с криминальным элементом, а также лицами, ведущими антиобщественный образ жизни);

Основа правового регулирования вопроса защищенности сотрудника ОВД включает в себя:

1. На федеральном уровне:

1.1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (обеспечивает право сотрудника на применение огнестрельного оружия, специальных средств, физической силы в целях защиты третьих лиц и себя от опасных посягательств);

1.2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (устанавливает социальные гарантия сотрудников ОВД и членов их семей);

1.3. Уголовный кодекс Российской Федерации (устанавливает нормы, предусматривающие ответственность граждан за посягательство на жизнь, здоровье сотрудника правоохранительных органов);

1.4. Трудовой кодекс Российской Федерации (предусматривает положения относительно вредных, опасных условий труда сотрудников ОВД);

2. Ведомственные акты:

2.1. Приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»;

2.2. Приказ МВД России от 02.01.2013 «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности системы Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Существуют некоторые проблемы правового регулирования деятельности сотрудников правоохранительных органов, например проблема правомерности применения физической силы и критериев ее оценки: чрезмерно широкие форму-

лировки закона «О полиции» («при наличии достаточных оснований») создают почву для субъективного толкования, а в дальнейшем привлечения сотрудников к ответственности на основе этих размышлений. Судебная практика неоднозначна: в аналогичных ситуациях суды выносят разные решения относительно правомерности применения физической силы [4, с. 34].

Следующей ключевой проблемой выступает проблема защиты от необоснованного уголовного преследования в отношении сотрудников правоохранительных органов [1, с. 36].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает специального режима расследования дел в отношении сотрудников ОВД, особенностей доказывания по делам о превышении полномочий сотрудниками, что приводит к возложению на сотрудника бремени доказывания своей невиновности, что противоречит принципам производства по уголовным делам. По сведениям Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, около 30 % уголовных дел в отношении сотрудников правоохранительных органов возбуждаются незаконно и в последующем прекращаются.

Ключевой проблемой также выделяется проблема обеспечения безопасности членов семей сотрудников. В ст. 42 ФЗ № 342 предусмотрена лишь общая гарантия «принятия мер безопасности» в отношении членов семей сотрудников. Конкретные порядок и критерии защиты не предусмотрены.[2, с. 25]. Реальная практика показывает, что в большинстве случаев защита ограничивается разъяснением прав о конспирации, что неэффективно в настоящее время, в эпоху современных способов получения несанкционированного доступа к персональным данным.

В целях обеспечения полной защищенности сотрудников ОВД следует развивать определенные направления совершенствования правового регулирования:

1. Разработка и принятие нормативно-правового акта, устанавливающего механизмы защиты семей сотрудников, а также введение презумпции добросовестности сотрудника при выполнении служебных задач.
2. Внесение в уголовно-процессуальные нормы специальной процедуры расследования дел в отношении сотрудников ОВД.
3. Обеспечение участия специалиста по тактико-специальной и физической подготовке для оценки действий сотрудника по применению физической силы.
4. Формирование стабильной судебной практики посредством разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по делам о применении физической силы сотрудниками.
5. Создание специализированного состава судей для рассмотрения дел данной категории.

Личная безопасность сотрудников ОВД представляет собой сложный, многогранный институт, требующий системного подхода к регулированию [4, с. 29]. Ключевые проблемы заключаются в неопределенности критериев применения специальных прав сотрудниками, слабом регулировании мер социальной защиты и приоритете недоверия по отношению к действиями сотрудников.

Меры, предложенные для решения этих вопросов, позволят создать устойчивую систему гарантий, которая сможет обеспечить реальную защищенность со-

трудников, а также сохранить контроль со стороны граждан за деятельностью ОВД. Укрепление правовых основ будет способствовать повышению престижа службы, более эффективной борьбе с преступностью, и, как следствие, укреплению правопорядка в стране.

Литература

1. Алексеев С.Н. Правовые основы обеспечения безопасности сотрудников ОВД. М.: Юрлитинформ, 2019. 224 с.
2. Дубовик Н.В. Психологическая безопасность в профессиональной деятельности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. № 1 (48). С. 23–27.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
4. Коршунов М.В. Социально-правовые гарантии безопасности сотрудников органов внутренних дел и членов их семей // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 34–41.
5. Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности системы Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 02.01.2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Уголовно-процессуальный кодекс от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Шевчук Д.А. Организационно-правовые основы обеспечения личной безопасности сотрудников патрульно-постовой службы. М.: Академия управления МВД России, 2019. 167 с.

У.В. Морозова, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Н.С. Котельников
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДАННЫХ БЕСПИЛОТНЫМИ ЛЕТАТЕЛЬНЫМИ АППАРАТАМИ

Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) – это летательные устройства, управляемые дистанционно без присутствия человека на борту. Их оснащение включает в себя вычислительный блок и контролер, благодаря которым как раз таки становится возможным осуществлять дистанционное управление [2, с. 24].

В настоящее время участилось применение БПЛА ввиду его практичных технических характеристик, которые делают их использование универсальным. Например, промышленные беспилотники обеспечивают достаточный уровень пространственных данных, от определения размеров объектов и расположения до получения данных о топографии и создания планов. Говоря о выполнении оперативно-служебных задач посредством применения беспилотных летательных аппаратов, необходимо подчеркнуть, что их использование позволяет оперативно получать разведывательную информацию, быстро реагировать на перемену обстановки и осуществлять корректировку имеющегося плана действий. Таким образом, БПЛА является эффективным средством сбора необходимых для выполнения служебных задач сведений, что обусловливает необходимость более детального рассмотрения его функционала, особенно аспект, касающийся получения пространственных данных, который является относительно проблемным. Для наиболее эффективного рассмотрения избранной темы представляется необходимым привести понятие получения пространственных данных посредством применения БПЛА. Это процесс получения географических данных с целью составления топографического плана или цифровой модели какой-либо местности для решения оперативно-служебных задач.

Итак, с целью всестороннего изучения обозначенного аспекта, следует рассмотреть методы получения пространственных данных беспилотным летательным аппаратом. Одним из наиболее эффективных методов получения пространственных данных ученые и практики справедливо признают воздушное лазерное сканирование. Его применение становится возможным даже в условиях труднодоступной местности ввиду высокой плотности измерения. Сущность рассматриваемого метода заключается в следующем: встроенный лазерный сканер излучает ряд импульсов, которые в свою очередь отражаются от поверхности требуемых для изучения объектов с различной степенью интенсивности. Таким образом, становится возможным получить необходимые данные и идентифицировать какой-либо объект [1, с. 87].

В последующем полученные в ходе работы данные преобразуются в цифровую модель рельефа, которая является основой для создания топографического плана. Главным достоинством данного метода следует признать крайне оперативное время достижения результата по сравнению с иными методами получения пространственных данных. Также следует подчеркнуть, что получить необходимый результат становится возможным независимо от освещения [2, с. 25].

Следующим методом, который будет рассмотрен нами в рамках данной работы, – цифровая аэросъемка. Суть метода заключается в фотографировании земной поверхности с небольшим перекрытием и получением точных координат съемки. Получаемые данные обрабатываются путем поиска общих точек на различных изображениях, с помощью которых создается облако точек, описывающее участок земной поверхности. К достоинствам данного метода можно отнести высокую результативность и детализацию полученных изображений, а также меньшую стоимость оборудования по сравнению с ранее рассмотренным методом. Однако к недостаткам можно отнести зависимость результата от освещенности и более длительный процесс обработки данных [3, с 1150].

Современные технические характеристики БПЛА позволяют выйти на качественно новый уровень исследования территорий и получения пространственных данных. Тем не менее существует как положительные, так и отрицательные черты подобных технологий, которые необходимо рассмотреть в рамках данной работы.

Конструктивные особенности беспилотников позволяют осуществлять съемку даже в самых неблагоприятных условиях, несмотря на это, предоставляя изображения должного качественного уровня в короткие сроки, демонстрируя тем самым свою высокую производительность. Так, представляется возможным получить более 90 % необходимой пространственной информации всего за один вылет с участием одного или двух компетентных сотрудников. Однако за этим следует длительный трудоемкий процесс, требующий значительных финансовых затрат.

Также следует подчеркнуть, что однозначно присутствует определенная зависимость от погоды, сезона и освещения в пределах исследуемой местности. Безусловно, чем благоприятнее условия, тем выше качество и точность получаемых изображений [1, с. 85]. БПЛА могут применяться для выполнения ряда специфических задач, которые могут быть выполнены как с помощью метода аэрофотосъемки, так и лазерного сканирования. Процесс обработки полученных данных осуществляется с учетом специфики поставленной задачи. Определенные технические программы, такие как Civil 3D, облегчают исследование заданных зон путем наложения топографической съемки на ортофотоплан [2, с. 27].

Подводя итог, можно заключить, что рассмотренные нами методы обладают рядом преимуществ и недостатков. Выбор обусловлен целями, задачами, а также имеющимся оборудованием. Аэрофотосъемка предоставляет изображения с высоким уровнем детализации посредством применения менее дорогой техники, в то время как лазерное сканирование, которое возможно применить

в любое время суток, больше подходит для создания цифровой модели местности. Ввиду вышеизложенного, на наш взгляд, трудно сделать однозначный выбор в пользу того или иного метода. Поскольку БПЛА играют ключевую роль в современной разведке, мониторинге и обеспечении безопасности, требуется изучение текущих технологий, исследование новых возможностей и совершенствование конструкций для повышения эффективности технических характеристик дронов.

Литература

1. Ознамец В.В. Пространственная съемка и моделирование с использованием беспилотных летательных аппаратов // Образовательные ресурсы и технологии. 2020. № 1 (30). С. 83–91.

2. Татарчук А.П., Гусев А.С. Проблематика получения пространственных данных с помощью беспилотных летательных аппаратов // Научно-технический вестник: технические системы в АПК. 2024. № 15. С. 23–28.

3. Урасова А.А., Глезман Л.В., Федосеева С.С. Применение беспилотных летательных аппаратов в сельском хозяйстве Российской Федерации: оценка региональной популярности потребительских предпочтений // Экономика региона. 2023. Т. 19. № 4. С. 1146–1160.

***С.В. Огнева**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Щербинин
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРИЦЕЛИВАНИЯ ИЗ ПИСТОЛЕТА МАКАРОВА У СТРЕЛКОВ С МИОПИЧЕСКИМ АСТИГМАТИЗМОМ: ДИАГНОСТИКА ТРУДНОСТЕЙ И КОРРЕКТИРОВКА ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ

В практике огневой подготовки курсантов образовательных организаций МВД России нередки случаи, когда при правильной изготовке и отработанном спуске курка результаты стрельбы остаются стабильно низкими. Традиционное объяснение – недостаток старания либо технические погрешности. Однако у части обучающихся причина неудач объективна: миопический астигматизм. При этой аномалии рефракции глаз неодинаково фокусирует вертикальные и горизонтальные линии. По данным офтальмологических исследований, она выявляется у 25–30 % молодых людей [1, с. 45]. При стрельбе из пистолета Макарова (открытый прицел) астигматизм приводит к искаженному восприятию мушки: двоение, расплывание, смещение относительно прорези целика. Действующая нормативная правовая база, регламентирующая огневую подготовку

в органах внутренних дел, не учитывает данной особенности, что влечет необоснованное занижение оценок и появление у стрелка чувства неуверенности.

Педагогическая диагностика. Преподаватель не ставит медицинский диагноз, но может выявить признаки астигматических искажений. Согласно мнению С.Ю. Костина [2, с. 26], к ним относятся: жалобы на «двоение» или «размытость» мушки; систематическое смещение средней точки попадания вниз и влево (для правшей) при правильной изготовке; излишне длительное прицеливание; быстрое зрительное утомление после первой серии выстрелов. При наличии таких проявлений курсанту рекомендуется дополнительное офтальмологическое обследование, но основная коррекция осуществляется педагогическими методами.

Методы коррекции. Решение проблемы – не принудительное ношение контактных линз (есть противопоказания, требуется привыкание), а адаптация методики обучения. Предлагаются пять мер.

Первое. Изменение техники прицеливания. Вместо классической «ровной мушки» курсанта обучают «габаритному прицеливанию»: ориентир – не четкость граней, а равномерность световых зазоров между мушкой и прорезью. При правильной изготовке эти зазоры одинаковы даже при размытой мушке [4, с. 67].

Второе. Специальные упражнения. В тренировочный процесс включаются: стрельба по негабаритным мишеням (ошибка прицеливания визуально усиливается) и упражнения с фиксацией взгляда на верхней точке мушки, снижающие влияние астигматического расплывания [3, с. 38].

Третье. Адаптация временных нормативов. На этапе обучения для курсантов с подтвержденным астигматизмом допустимо увеличение времени на упражнение (например, с 20 до 30 секунд). Это не снижение требований к результату, а компенсация физиологических затрат на «расшифровку» искаженного изображения.

Четвертое. Модификация тренажерной базы. Простейшее решение – комплект сменных целиков для ПМ с разной шириной прорези (2, 2,5, 3 мм). Подбирается ширина, при которой искаженная мушка визуально вписывается в прорезь. Также рекомендуются мишени повышенной контрастности.

Пятое. Организационные меры. Для курсантов с выявленными особенностями зрения проводятся дополнительные занятия в малых группах (3-5 человек). Необходима также методическая работа с преподавательским составом по распознаванию признаков астигматизма по поведению курсанта на стрельбах.

Миопический астигматизм – объективная особенность значительной части обучающихся, которая не может игнорироваться в процессе огневой подготовки. Предложенные меры (педагогическая диагностика, габаритное прицеливание, адаптация нормативов, модификация тренажеров, организационная поддержка) не требуют значительных затрат, но позволяют существенно повысить результативность стрельбы у данной категории курсантов. Рекомендуется внести соответствующие дополнения в методические пособия по огневой подготовке для учета индивидуальных особенностей зрения обучающихся.

Литература

1. Егорова И.В., Смирнов А.А. Влияние аметропий на профессиональную деятельность сотрудников силовых структур // Медицина экстремальных ситуаций. 2023. № 4. С. 34–39.
2. Костин С.Ю. Методика обучения стрельбе из пистолета Макарова: проблемы индивидуального подхода // Огневая подготовка в ОВД. 2024. № 2. С. 23–29.
3. Савельев Д.И. Педагогические аспекты обучения стрельбе лиц с нарушениями зрения // Профессиональная подготовка сотрудников ОВД. 2025. № 1. С. 34–41.
4. Шилов П.Г. Практическая стрельба: индивидуальная настройка оружия. СПб.: Изд-во СПбУ МВД России, 2022. 98 с.

***А.С. Отрешко**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Б.А. Федулов**, доктор пед. наук, профессор*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАРЯДАМИ ПОЛИЦИИ, СВЯЗАННЫХ С ГРАБЕЖОМ И РАЗБОЕМ

Обеспечение общественной безопасности и защита прав граждан относятся к числу важнейших задач государства. Существенная роль в решении этих задач возложена на органы внутренних дел Российской Федерации, которые осуществляют деятельность по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений [5]. Особое место в структуре преступности занимают преступления против собственности, среди которых наиболее опасными считаются грабежи и разбои.

Актуальность исследования особенностей тактических приемов пресечения грабежей и разбоев обусловлена тем, что данные преступления нередко сопровождаются применением насилия либо угрозой его применения. Это создает непосредственную опасность для жизни и здоровья граждан, а также негативно влияет на уровень общественной безопасности в целом. В связи с этим эффективность действий сотрудников полиции при пресечении подобных преступлений приобретает особое значение.

Следует отметить, что в современных условиях характер преступности постепенно изменяется. Преступники чаще используют мобильные средства связи, транспорт, а также действуют организованными группами. Подобные обстоятельства усложняют деятельность сотрудников полиции и требуют по-

стоянного совершенствования тактических методов работы нарядов, несущих службу на улицах и в общественных местах [3, с. 263].

Кроме того, значительная часть грабежей и разбоев совершается в местах массового пребывания людей, на улицах, в общественном транспорте, а также в жилых районах. В подобных условиях патрульно-постовые наряды полиции оказываются первыми, кто реагирует на сообщение о преступлении [1, с. 54]. От грамотности их действий, скорости реагирования и правильной оценки обстановки во многом зависит успешность пресечения противоправных действий.

Следовательно, изучение и совершенствование тактики действий сотрудников полиции при пресечении грабежей и разбоев является актуальной задачей для современной правоохранительной практики.

Грабеж и разбой относятся к преступлениям против собственности и характеризуются открытым способом хищения имущества [2, с. 54]. Однако между ними существует принципиальное различие. Грабеж предполагает открытое похищение чужого имущества без применения опасного насилия, тогда как разбой сопровождается нападением с целью хищения имущества, сопряженным с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозой такого насилия.

Практика показывает, что данные преступления нередко совершаются внезапно и отличаются высокой степенью агрессивности со стороны преступников. В большинстве случаев правонарушители рассчитывают на эффект неожиданности и стремятся быстро покинуть место совершения преступления. Именно поэтому действия сотрудников полиции должны быть максимально оперативными и четко организованными.

Дополнительную сложность представляет тот факт, что грабежи и разбои часто совершаются в вечернее или ночное время, когда уровень освещенности улиц ниже, а количество свидетелей может быть ограничено. Преступники используют такие обстоятельства для облегчения совершения противоправных действий.

Еще одной особенностью является возможность совершения преступления группой лиц. В подобных случаях между участниками преступления заранее распределяются роли: один из них наблюдает за окружающей обстановкой, другой непосредственно совершает нападение, а третий обеспечивает пути отхода. Такая организация преступной деятельности требует от сотрудников полиции высокой степени внимательности и умения быстро ориентироваться в изменяющейся обстановке.

В зависимости от вида наряда (патруль, пост, группа немедленного реагирования, автопатруль) тактика действий может варьироваться. Выбор конкретных тактических приемов зависит от того, на какой стадии развития событий наряд включился в ситуацию: в момент совершения преступления, сразу после него или спустя значительное время.

При обнаружении преступления в момент его совершения от сотрудников требуется мгновенная оценка обстановки. Если преступники не видят наряд, сотрудники обязаны занять позиции, обеспечивающие скрытое наблюдение, вызвать подкрепление и лишь при наличии явной угрозы для жизни жертвы

принимать решение о немедленном вмешательстве. При разбойном нападении, например на магазин или офис, рекомендуется блокирование путей отхода и вступление в переговоры до прибытия подкрепления, если наряд не имеет подавляющего численного превосходства.

В случаях преследования по «горячим следам», если преступник скрылся с места происшествия, ключевым фактором будет являться быстрота действий, направленных на четкий сбор примет (особенности одежды, направления движения, использовавшийся транспорт) и немедленную передачу информации дежурной части и соседним нарядам. Если при этом организовывается поиск на прилегающих территориях, нарядам необходимо действовать парами, обеспечивая взаимостраховку. Особое внимание уделяется подвалам, чердакам, стройкам и остановкам общественного транспорта.

При задержании лиц, подозреваемых в совершении грабежа или разбоя рекомендованы следующие тактические приемы: подходить к задерживаемому нужно со стороны спины, требовать поднять руки вверх, и в дальнейшем фиксировать его в положении стоя у стены (автомобиля) с упором для производства поверхностного досмотра на предмет наличия оружия или иных предметов, при помощи которых может быть причинен вред здоровью. Когда задержание происходит в помещении, то запрещается вставать в проеме двери, входить в помещение толпой. А если задержание происходит в автомобиле, то используется прием блокирования транспортного средства служебными машинами.

Тактические приемы неразрывно связаны с правовыми основаниями их применения. Сотрудник полиции обязан действовать в строгом соответствии со ст. 18-23 ФЗ «О полиции», регламентирующими применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Таким образом, тактические приемы пресечения грабежей и разбоев нарядами полиции представляют собой сложный комплекс организационных и силовых мероприятий. Эффективность действий напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки, психологической устойчивости сотрудников и четкого взаимодействия как внутри наряда, так и с дежурными службами. Дальнейшее совершенствование тактики должно идти по пути внедрения технических новшеств (систем видеонаблюдения, беспилотников) и отработки алгоритмов действий в условиях цифровой среды, когда многие преступления фиксируются камерами в режиме реального времени.

Литература

1. Капустина Е.Г., Лимарева Е.С. Организация деятельности патрульно-постовой службы полиции: учеб. пособие. 2018. 75 с.

2. Петров С.В. Тактика действий сотрудников полиции при пресечении преступлений против собственности // Вестник МВД России. 2021. № 4. С. 54.

3. Тактико-специальная подготовка сотрудников органов внутренних дел: учебник / под ред. А.В. Кузнецова. М.: ЦОКР МВД России, 2021. 328 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***М.С. Прокофьев**, курсант 1 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
В.И. Тарасова
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ К ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ У ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Проблема повышения двигательной активности и приобщения к спортивному образу жизни лиц старшего поколения является одной из приоритетных государственных задач, закрепленных в стратегических документах, таких как «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». В Российской Федерации (как во многих других развитых странах) наблюдается устойчивая тенденция к старению населения, что обуславливает важность развития спортивной мотивации у пожилых людей [1].

Для формирования заинтересованности в спортивном образе жизни необходимо учесть специфику данной возрастной группы. Спортивная подготовка лиц пожилого возраста после выхода на пенсию зачастую снижена, поскольку на протяжении всей жизни не соблюдались принципы здорового образа жизни, что приводит к ухудшению здоровья и развитию ряда заболеваний. Это делает затруднительным занятия спортом для ряда пожилых лиц. Но это не означает, что данные лица не испытывают потребности в физической активности [2]. Тренировочный процесс для лиц пожилого возраста во многом отличается от физических занятий других возрастных категорий: помимо необходимости учитывать возраст занимающихся, также необходимо учесть психоэмоциональное состояние, физическую подготовку и т. д. Сегодня большим спросом у лиц пожилого возраста пользуется фитнес, скандинавская и оздоровительная ходьба. По данным ВОЗ, двигательная активность в преклонном возрасте благоприятно воздействует на здоровье пожилого населения. К сожалению, большинство пожилого населения не осознают необходимость физической культуры или пренебрегают ее.

Несмотря на уже неоднократно доказанную необходимость физической активности и ее пользы для здоровья, остается проблема мотивации пожилых

людей [3]. По данным опросов, самым популярным фактором мотивации является улучшение физического здоровья. Однако автор желает обратить внимание на другой не менее значимый фактор: потребность в социализации, потребность в общении и преодолении одиночества. Пожилое население нуждается в общении и время провождении со своими сверстниками. Исследования показали, что многих пожилых людей на занятия спортом подвигла перспектива новых знакомств. Помимо привлечения к физической культуре новых пожилых лиц, данный фактор способствует их удержанию в благоприятной спортивной среде.

Исходя из этого, автором предлагается методика групповых занятий для пожилых лиц. Содержательно-методические аспекты включают социализацию через движение: занятия должны быть организованы так, чтобы способствовать общению. Групповые занятия, прогулки, совместные мероприятия после тренировок помогают удовлетворить потребность в социальных контактах. Необходимо проводить информационно-просветительскую работу. Пожилые люди должны понимать, почему и как работают те или иные упражнения, как они влияют на их организм, что повышает осознанность и приверженность занятиям. Практика работы центров социального обслуживания подтверждает, что комплексный подход к организации досуга пожилых людей дает наиболее устойчивые положительные результаты. Программы, сочетающие физическую активность с культурно-массовыми мероприятиями, позволяют сформировать у участников чувство принадлежности к сообществу. При такой форме организации, физическая культура входит в образ жизни пожилых людей и значительно увеличивается стимул к физической активности.

Литература

1. Андриянов С.В., Роганина М.В. Физическая активность пожилых людей как базовая детерминанта активного образа жизни // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5, № 5. С. 737.

2. Еремин М.В., Милюков А.И., Демидова Т.Е., Пачин А.Ю. Активный образ жизни лиц пожилого возраста как путь к долголетию // Актуальные проблемы теории и практики спортивной тренировки и оздоровительной физической культуры: мат-лы Всерос. научно-практ. конф-ции с междунар. участием. Самара: Научно-технический центр, 2022. С. 85–93.

3. Милюков А.И., Еремин М.В., Демидова Т.Е. Современные проблемы спортивной подготовки лиц пожилого возраста к двигательной активности после выхода на пенсию // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма: мат-лы Всерос. научно-практ. конф-ции молодых ученых, аспирантов, магистрантов, соискателей и студентов. В 2 ч. Омск, 1–2 ноября 2022 г. / редкол.: В.А. Аикин [и др.], под общ. ред. Н.В. Колмогоровой. Омск: Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, 2022. Т. Ч. 2. С. 119–124.

***Д.А. Пушкарева**, курсант 3 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.М. Гуралев**, канд. пед. наук, доцент*
Сибирский юридический институт МВД России

ОБУЧЕНИЕ БРОСКАМ ЧЕРЕЗ СПИНУ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Физическая подготовка в образовательных организациях силовых ведомств занимает одно из центральных мест в системе профессионального обучения. Согласно Приказу Министра обороны Российской Федерации от 20.04.2023 № 230 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации», учебно-тренировочные занятия по теме «Рукопашный бой» являются обязательным элементом профессиональной подготовки курсантов [1]. При этом владение приемами борьбы, в т. ч. бросками, рассматривается как необходимое условие готовности сотрудника к выполнению служебных задач.

Бросок через спину является одним из наиболее эффективных и часто применяемых приемов как в спортивных дисциплинах – дзюдо, самбо, – так и в прикладных системах рукопашного боя [2]. Высокая результативность данного приема обусловлена использованием инерции и веса противника, что особенно важно при противодействии физически более сильному правонарушителю [3].

Проанализировав методику обучения физической подготовки в армейских учебных учреждениях и образовательных организациях МВД России, можно выявить проблему: такая практика обучения броску через спину делает упор на моторное воспроизведение приема, без уделения внимания биомеханическим закономерностям его выполнения. Вследствие этого у курсантов развиваются грубые технические ошибки – неполный подворот, некорректное положение центра масс, неверное направление тяговых сил, которые снижают эффективность приема и повышают риск получить травмы.

Цель работы – поэтапно аргументировать методику обучения броску через спину, основанному на биомеханическом анализе фаз приема. Также определить комплекс специально-подготовительных упражнений и пути повышения методической компетентности преподавателя физической подготовки.

В структуре практического занятия по физической подготовке обучение броску через спину целесообразно выстраивать в соответствии с общепризнанной трехчастной схемой:

– подготовительная часть;
– основная часть;
– заключительная.

В подготовительной части внимание уделяется специально-подготовительным упражнениям, направленным на развитие мышц спины, плечевого пояса и ног, а также на выработку координационных навыков. Р.В. Камнев указывает, что в подготовительную часть занятия по теме «Обучение броскам» следует включать кувырки вперед и назад, наклоны в стороны и гимнастический мостик – как упражнения, формирующие базовую двигательную готовность к освоению бросковой техники [1].

1. Понимание биомеханической структуры броска через спину является необходимым условием грамотного построения методики обучения, однако именно этому аспекту в образовательных организациях силовых ведомств уделяется недостаточно времени и внимания: занятия, как правило, ориентированы на многократное повторение приема в целом, без разбора механики его отдельных фаз. Между тем исследования в области биомеханики единоборств [4, 5] позволяют выделить в данном приеме четыре последовательные фазы, каждая из которых подчиняется определенным механическим закономерностям:

2. Первая фаза – захват – формирует рычаговую систему: одна рука тянет за рукав (точка приложения силы), вторая фиксирует отворот или плечо, образуя опору рычага. В соответствии с законом моментов сил, рукав необходимо захватывать снизу, а именно ближе к локтю, т. к. это увеличивает плечо рычага и уменьшает затрачиваемые усилия на выполнение приема [4]. Помимо вышесказанного захват должен быть крепким, но при этом необходимо учитывать что, перенапряжение кистей сковывает подвижность в суставах и затрудняет своевременный переход к следующей фазе.

3. Вторая фаза: выведение из равновесия – заключается в перемещении общего центра масс (далее – ОЦМ) соперника за пределы его площади опоры, это достигается путем тянущего усилия вперед-вверх, которое вынуждает соперника переносить вес тела на носки [5]. Необходимо учесть, что инерция передвигающегося вперед соперника является вспомогательным ресурсом атакующего: наиболее эффективно начинать прием в момент, когда соперник сам идет навстречу или делает наклон вперед [3].

4. Третья фаза: подворот – является критической и наиболее частой ошибкой. Ее биомеханическая задача заключается в том, чтобы расположить ОЦМ атакующего ниже ОЦМ соперника, этим создав условия для закидывания его тела на спину. Атакующий выполняет поворот на 180º вокруг опорной ноги. Опорная нога располагается по центру между стопами соперника, ноги сгибаются в коленях, ягодичные мышцы плотно взаимодействуют с бедрами соперника, голова поворачивается в противоположную броску сторону. Незаконченный подворот – это поровот всего лишь на 120–150º, который оставляет сопернику возможность контратакующим маневром уйти от броска [6].

5. Четвертая фаза: завершающий бросок – это одновременная координация трех составляющих: наклон тела вперед (ускоряет вращение соперника по дуге через спину атакующего) [4, 5]. Сила тяги руками помогает этому движению. Чем лучше отработано сочетание «ноги-таз-тело-руки», тем меньше сил требует бросок и тем выше его амплитуда.

Эффективность обучения броску через спину также зависит от компетентности преподавателя.

Под методической компетентностью в данном контексте понимается совокупность знаний о биомеханике приема, умений диагностировать и исправлять технические ошибки, а также навыков планирования нагрузки с учетом уровня подготовленности обучающихся.

Формирование данной компетентности обеспечивается следующими путями:

– Преподавателю необходимо освоить ключевые понятия биомеханики применительно к бросковой технике: закон рычага, управление ОЦМ, векторы сил, момент инерции [4, 5].

– Необходимо применять записи и разбор видеозаписей выполнения броска – как образцовых, так и собственных попыток обучающихся – что позволяет объективно диагностировать технические ошибки и аргументированно их исправлять [6].

– Преподаватель физической подготовки, лично владеющий техникой броска через спину на достаточном уровне, способен более точно контролировать качество выполнения приема обучающимися и своевременно указывать на ошибки [2, 7, 8].

Проблема обучения броску через спину в образовательных организациях силовых ведомств состоит в недостаточном учете биомеханических закономерностей выполнения приема при планировании учебного процесса, что влечет за собой устойчивые технические ошибки у курсантов и повышенный риск травматизма. Решение данной проблемы достигается через разбиение приема на четыре биомеханически обоснованные фазы – захват и создание рычага, выведение из равновесия, подворот, завершающий бросок; также необходимо осуществлять подбор специально-подготовительных упражнений, адресованных конкретным биомеханическим задачам каждой фазы; также рекомендуется последовательное объединение отработанных фаз в целостный прием.

Методическая компетентность преподавателя, обеспечивающая качество данного процесса, не является врожденным качеством, а формируется через изучение биомеханической теории, видеоанализ, повышение квалификации и собственную спортивную практику. Соответственно, предложенная исследователями методика соответствует требованиям нормативных документов, регламентирующих физическую подготовку в силовых ведомствах, и согласуется с современными исследованиями в области методики обучения бросковой технике.

Литература

1. Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны Российской Федерации от 20.04.2023 № 230. М., 2023.

2. Камнев Р.В. Методические аспекты обучения боевым приемам борьбы в образовательных организациях МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 143–149.

3. Ожиганова М.В. Методика обучения спортсменов броскам через спину в группах начальной подготовки, занимающихся дзюдо: методическая разработка. Усолье-Сибирское: МБУДО «ДЮСШ № 1», 2020. 48 с.

4. Донской Д.Д., Зациорский В.М. Биомеханика: учебник для студентов институтов физической культуры. М.: Физкультура и спорт, 1979. 264 с.

5. Попов Г.И. Биомеханика: учебник для студентов высших учебных заведений. 4-е изд., стереотип. М.: Академия, 2014. 256 с.

***О.А. Рубцова**, курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.А. Байкалов
Сибирский юридический институт МВД России

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИММЕРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИГРОВЫХ СИМУЛЯТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ КОГНИТИВНЫХ И МОТОРНЫХ НАВЫКОВ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

В современном обществе большое внимание уделяется не только знаниям, но и методам их передачи молодому поколению. На данный момент учебные заведения все чаще используют иммерсивные технологии и игровые симуляторы. Эта идея широко освещена в работах Джона Дьюи (John Dewey), американский деятель, философ и педагог, который выделял множество плюсов данной формы обучения. Эдьютейнмент – это подход, который сочетает в себе образовательные и развлекательные аспекты обучения. Основная цель данного подхода состоит в комбинировании интересных, увлекательных, полезных и эффективные методов в образовании [1, с. 3]. Нельзя забывать, что любой подход будет эффективным и полезным при его правильном применении.

Традиционное обучение огневой подготовке в области структуры и органах правопорядка сталкивается с некоторыми проблемами, такими как: обслуживание и траты на выполнение стрелковых учений, недостаточный опыт в сильных стрессовых условиях, которые очень важны для каждого сотрудника. В наше время компьютерные игры достигли такого уровня, где человек может испытать почти те же эмоции и опыт, как и на полигоне; очень реалистично соблюдены условия при стрельбе из различных видов оружия, сотрудник может дополнительно развивать себя в процессе игры, а также повышать мастерство эффективного и результативного использования экипировки. Вся информация откладывается и запоминается в участках мозга отвечающие за эти функции [2, с. 272–276]. Переход к гибридной модели обучения позволит оптимизировать

ресурсы, повысить частоту тренировок и подготовить сотрудников к эффективному применению навыков и знаний на практике. Выделим определенные группы игр, которые формируют вышеперечисленные моменты жизни сотрудника. Создана система многофазового внедрения игровых навыков для повышения качества работы сотрудника:

1) изучение и закрепление на информационном уровне использования снаряжения;

2) тренировка стрессовых и неординарных условий, а также стратегическое мышление и плановый режим;

3) подготовка сотрудника к правильному настрою своего состояния, что немаловажно в жизни человека работающего в органах.

Цифровая трансформация методов обучения огневой подготовки с помощью внедрения специализированных игровых программ, иммерсивных технологий, способных создавать эффект погружения в альтернативную реальность, являются важным направлением в обучении и подготовке сотрудников силовых ведомств.

Развитие программ дополненной реальности (далее – AR) открывает много новых возможностей. AR позволяет накладывать виртуальные мишени на реальное пространство полигона или же учебного класса. Это поможет провести тренировку в более знакомой для курсантов среде. С их помощью доводятся до автоматизма такие алгоритмы действий с оружием, как перезарядка, устранение задержек, смена магазина. Игры и стимуляторы являются вспомогательным средством для формирования когнитивных и тактических шаблонов и навыков принятия решений и работе в команде. Приведем несколько примеров, на уже существующих играх/симуляторах.

1. VBS3 (Virtual Battlespace) / Arma 3 (модификации под VBS) – профессиональный (военный) симулятор, который позволяет отрабатывать индивидуальные и коллективные задачи, в различных сферах, включая наземные и морские обьекты, а также воздушные средства. Разработан для подготовки офицеров штаба, планирования операций и командно-штабных учений.

2. Onward / Pavlov / Zero Caliber (VR) – симулятор, с помощью которого вырабатывается пространственная ориентация, координация двухручной работы с оружием, тактическая коммуникация.

3. VirTra, Meggitt/VirTra-подобные системы – сертифицированные профессиональные тренажеры, позволяющее отработать практику вербальных навыков и деэслакации, тренировка принятия решений, стресс-индукция через сценарий и последующий разбор.

Симулятор поможет курсантам выполнять все действия с соблюдением техники безопасности, что предполагает быстрое запоминание и работу над ошибками благодаря формированию сильной негативной обратной связи. Любая, даже, казалось бы, незначительная ошибка может стоить им виртуальной смерти. Однако ввести данный метод достаточно сложно: Перечислим основные проблемы внедрения инновационных систем в образовательную среду.

1. Стоимость и обслуживание (Высокая начальная стоимость полнофункциональных иммерсивных систем, модернизация учебных площадей, эксплуатационные расходы, техническое обслуживание и ремонт).

2. Квалификация инструкторов (Инструктор-преподаватель отвечает за корректную интерпретацию данных, коррекцию ошибок и формирование правильных навыков, помимо этого он должен обладать навыками базовой технической подготовкой симуляторов).

3. Кибербезопасность и защита данных (Сохранение персональных данных и оперативной информации).

Игровые иммерсивные симуляторы, являются мощным вспомогательным инструментом для подготовки сотрудников различных силовых ведомств. Они формируют когнитивные шаблоны и навыки командного взаимодействия. Однако для их эффективного применения необходим контроль валидности и последующая практическая отработка на реальном оружии. Цифровое преображение огневой подготовки сотрудников силовых структур открывает новые вершины в повышении эффективности подготовки и обучения. Виртуальная и дополнительная реальность, а также игровые симуляторы, показывают значительные преимущества в формировании моторных навыков.

Данные технологии создают реалистичную учебную среду, которая имитирует настоящие боевые условия, что способствует глубокому усвоению материалов. Помимо этого использование симуляторов позволяет оперативно получать обратную связь и проводить детализированный анализ всех выполненных заданий. А также позволит индивидуально оценить огневую подготовку каждого сотрудника [3, с. 223–228]. Хочется отметить, что большое количество поступающих на службу курсантов с головой погружены в современные технологии. В связи с этим необходимо использовать данную ситуацию в пользу обучения. Учитывая интересы приходящего поколения, мы можем повысить качество и вовлеченность в процесс подготовки молодых сотрудников. Конечно, следует понимать, что за данным процессом необходим контроль, поэтому немаловажное значение имеет сам преподаватель, который направит энтузиазм ребят в правильном направлении, используя современные методы обучения. Именно сочетания всех возможных форм обучения и их правильная комбинация даст высокие результаты на занятиях по огневой подготовке.

Литература

1. Кобзева Н.А. Edutainment как современная технология обучения // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/edutainment-kak-sovremennaya-tehnologiya-obucheniya (дата обращения: 13.09.2025).

2. Вайндорф-Сысоева М.Е. Виртуальная образовательная среда – современный ресурс для современного образования // Вестник Южно-Уральского юридичекого университета: мат-лы XXII Междунар. конф-ции. 2012. № 14. С. 272–276.

3. Зоткин С.Ф., Степанкин И.А., Шматов В.М. Возможности виртуального обучения для первоначальной подготовки сотрудников полиции // Информа-

тизация образования: мат-лы Междунар. научно-практ. конф-ции, г. Волгоград, 23–26 апр. 2014 г. Волгоград: Перемена, 2014. С. 223–228.

***Н.В. Сидоренко**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Б.А. Федулов**, доктор пед. наук, профессор*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ЗАДЕРЖАНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ИМИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования профессиональных компетенций сотрудников полиции в ситуациях правомерного ограничения свободы несовершеннолетних. Деятельность по задержанию данной категории лиц требует от сотрудника не только отличной физической подготовки и знания правовых норм, но и развитых педагогических навыков, психологической устойчивости и способности к прогнозированию развития конфликтной ситуации. Специфика тактики действий в отношении несовершеннолетних продиктована их повышенной эмоциональной лабильностью, склонностью к паническим и агрессивным реакциям, а также особыми требованиями законодательства, направленными на защиту прав ребенка [1, с. 42].

В связи с этим целью данной работы является анализ особенностей и выявление тактических приемов задержания несовершеннолетних в современных условиях.

Для учета современных криминальных вызовов нами были изучены особенности вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность, к ним относятся: использование игровых и развлекательных форматов, при которых вербовка маскируется под компьютерные игры, онлайн-квесты, группы с юмористическим контентом; психологическую обработку через социальные сети и мессенджеры, вербовщиками устанавливается доверительный контакт, используются методы манипуляции; использование религиозного и псевдорелигиозного фактора, при котором искаженная трактовка религиозных догм для оправдания насилия и призыва к «священной войне» (джихаду) активно применяется в отношении подростков из семей, слабо знакомых с религиозными канонами; вовлечение через романтизацию терроризма – создание героического образа террориста-смертника как «борца за справедливость» или «мученика».

Правовую основу задержания несовершеннолетних составляет ряд нормативных актов. В соответствии с ч. 1 ст. 91 УПК РФ, основанием для задержания лица по подозрению в совершении преступления является наличие обосно-

ванных подозрений. Однако в отношении лиц, не достигших 18 лет, уголовно-процессуальное законодательство устанавливает дополнительные гарантии. Ключевой нормой выступает ст. 423 УПК РФ, регламентирующая особенности избрания меры пресечения. При решении вопроса о задержании и последующем заключении под стражу несовершеннолетнего компетентные органы обязаны, в первую очередь, рассматривать возможность применения таких альтернативных мер, как отдача под присмотр. Данное положение корреспондирует с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который ориентирует правоприменителя на обсуждение возможности передачи несовершеннолетнего под присмотр родителей, опекунов или должностных лиц специализированных учреждений [2].

С точки зрения тактики, это означает, что силовое задержание должно рассматриваться как крайняя мера. Сотрудник полиции, прибывший на место происшествия, обязан оценить возможность урегулирования ситуации без применения физической силы и специальных средств, используя авторитет законных представителей или педагогов, если они присутствуют на месте.

Тактика задержания несовершеннолетнего существенно отличается от аналогичных действий в отношении взрослых правонарушителей. Главное отличие заключается в необходимости учета возрастных психологических особенностей: несформированность волевой сферы, повышенный риск паники, искаженное восприятие требований сотрудников полиции, возможная демонстративность поведения.

Как отмечает О.А. Тучина, правовая природа мер принуждения в отношении несовершеннолетних имеет ярко выраженную гуманистическую направленность, что обусловлено возрастной уязвимостью и восприимчивостью личности к негативному воздействию изоляции [3, с. 56]. В связи с этим тактические приемы должны быть направлены, прежде всего, на деэскалацию конфликта.

Нами выделены следующие рекомендуемые тактические приемы:

1. Установление психологического контакта, в ходе которого сотруднику необходимо представиться, говорить спокойным, уверенным голосом, избегая угроз и оскорблений. Важно объяснить несовершеннолетнему причину обращения и правовые последствия его действий в доступной форме.
2. Использование фактора внезапности и отвлечения внимания, в случае, если несовершеннолетний вооружен или агрессивен, тактика силового задержания строится на тех же принципах, что и при задержании взрослого, но с приоритетом фиксации конечностей, исключающей причинение травм.
3. Привлечение законных представителей – присутствие родителя или педагога способно оказать успокаивающее воздействие. Их задача – убедить подростка подчиниться законным требованиям полиции.
4. Задержание несовершеннолетнего должно производиться, группой сотрудников (не менее двух человек), где один выполняет функцию коммуникатора (ведет переговоры), а второй – обеспечивает силовое блокирование в случае необходимости.

После физического блокирования и надевания средств ограничения подвижности (наручников) сотрудник обязан немедленно уведомить законных представителей и обеспечить несовершеннолетнему право на защиту.

Таким образом, тактические приемы задержания несовершеннолетних правонарушителей представляют собой комплекс, интегрирующий правовые, психологические и физические аспекты подготовки сотрудников ОВД. Особенность тактики действий заключается в приоритете превентивных мер и методов убеждения над силовым принуждением. Сотрудник полиции должен быть готов к нестандартному поведению подростка и обязан минимизировать травматизм, строго соблюдая процессуальные гарантии.

В целях совершенствования подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России рекомендуется внедрение квазипрофессионального подхода [4, с. 291] с моделированием ситуаций задержания несовершеннолетних, что позволит сформировать устойчивые навыки правомерного и тактически грамотного проведение задержания

Литература

1. Осипов Д.В. Орлова А.А. История становления и развития правового регулирования уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних // Российский следователь. 2025. № 5. С. 40–45.

2. Тучина О.А. Понятие и правовая природа мер пресечения, обусловленных и не обусловленных изоляцией подозреваемого, обвиняемого от общества // Российский следователь. 2022. № 8. С. 52–58.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Федулов Б.А., Шубин С.П., Левченко А.А. Применение квазипрофессионального подхода в процессе профессиональной подготовки сотрудников полиции // Актуальные проблемы юридической науки и практики. 2019. С. 291–295.

В.А. Сорокопуд, *курсант 1 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
А.И. Чуйко
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

ОТРАВЛЯЮЩИЕ ВЕЩЕСТВА: ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОРГАНИЗМ ЧЕЛОВЕКА, СНАРЯЖЕНИЕ ИМИ БОЕПРИПАСОВ

В современном мире химическое оружие запрещено к хранению, перевозке и подлежит уничтожению в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации. Тем не менее оно остается серьезной потенциальной угрозой, обусловленной относительной простотой синтеза многих отравляющих веществ из доступного сырья, их высокой боевой эффективностью, которая может составить равную конкуренцию иным видами оружия массового поражения.

Согласно определению З. Франке, отравляющие вещества как токсичные химические соединения, предназначенные для поражения живой силы противника. Их отличительная черта от других видов оружия массового поражения – возможность проникать в организм через органы дыхания, кожные покровы, слизистые оболочки и пищеварительный тракт (это значительно осложняет защиту).

Данные вещества имеют комплекс химических и физических свойств, благодаря которым они могут находиться в различных состояниях (например, парообразном, жидком или аэрозольном). Производство ОВ базируется на простых методах получения из доступного и дешевого сырья [1]. Каким путем можно нивелировать вышеупомянутые тактические преимущества отравляющих веществ? Для разрешения поставленного вопроса рассмотрим темы: отравляющие вещества, применение отравляющих веществ в химическом оружии во время первой мировой войны. Наиболее релевантной для анализа применения считается классификация отравляющих веществ по физиологическому воздействию на организм человека. Рассмотрим ключевые группы: нервно-паралитические, кожно-нарывные, общеядовитые, удушающие, психохимические, раздражающие [2, с. 308]. В рамках этой статьи подробнее рассмотрим первые четыре типа и приведем примеры каждого из них:

1. Нервно-паралитические ОВ:

VX ($C_{11}H_{26}NO_2PS$) – жидкость без запаха, малолетучая и плохо растворимая в воде. Применяется в виде аэрозоля и капель. Данное отравляющее вещество эффективно действует на организм человека, проникая через кожу. Смер-

тельная доза – от двух до семи мг, следовательно, ви-икс способен поражать живую силу, оборудованную противогазами [2, с. 309].

2. Кожно-нарывные ОВ:

Иприт ($C_4H_8Cl_2S$) – маслянистая жидкость, бесцветная, плохо растворяется воде, имеет запах чеснока или горчицы. Основное боевое состояние – аэрозоль, капли и пар. Иприт может поражать живую силу противника через органы дыхания, желудочно-кишечный тракт, кожные покровы. Отличается мощным цитотоксическим действием и коварным периодом скрытого действия (от двух до восьми часов) [2, с. 309].

3. Общеядовитые ОВ:

Синильная кислота (HCN) – бесцветная легколетучая жидкость, пахнущая горьким миндалем, хорошо растворяется в воде. Этот быстродействующий яд поражает организм человека через кожу, если насыщенность углерода составляет свыше 10 г/м^3. Концентрация синильной кислоты 0,42–0,5 мг/л приводит к смерти человека в течение 2-5 мин. с момента отравления [2, с. 311].

4. Удушающие ОВ: Фосген ($COCl_2$) – при температуре выше 8°С – газ, имеющий неприятный запах гнилых фруктов или прелого сена. Основное боевое состояние – газ. Обладает отсроченным действием, преимущественно поражая легочную ткань, вызывая отек легких, что в итоге приводит к смерти от удушья [2, с. 312].

Каким же образом вышеупомянутые отравляющие вещества применялись в химическом оружии в период Первой мировой войны?

Первое в истории массированное применение химического оружия состоялось в период Первой мировой войны. Немецкие войска провели газобаллонную атаку с использованием хлора. Столь удачная (с военной точки зрения) операция произвела большой ажиотаж. На огромной территории лежали трупы людей, животных и птиц. Выжившие солдаты французской армии в ужасе покидали землю, на которой было применено химическое оружие, опасаясь возможности невидимого заражения.

Через некоторое время химическое оружие вновь было применено. Его арсенал пополнился более совершенными и стойкими агентами. Основой стало такое отравляющее вещество, как вышеупомянутый иприт, названный по месту первого применения.

За годы первой мировой войны было применено колоссальное количество тонн отравляющих веществ различных типов в составе химического оружия, а потери от их применения достигали более миллиона человек. Под давлением общественности в 1925 г. был принят протокол запрещающий применение на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств [2, с. 306].

Таким образом, химическое оружие и входящие в ее основу отравляющие вещества были и остаются потенциальной угрозой для всех государств, людей и народов. Отравляющие вещества очень вредоносны по своему действию и из-за нетрудного производства могут быть легко синтезированы из дешевого сырья. Несмотря на существующую систему международно-правовых запретов

и режимов контроля, ключевым факторам сдерживания остается историческая память о катастрофических последствиях применения отравляющих веществ. Люди, наученные горьким опытом мировых войн, будут помнить о вреде и ужасе химического.

Литература

1. Франке З., Франц П., Варнке В. Химия отравляющих веществ. В 2 т.; пер. с нем. Ю.Д. Корешкова / под ред. акад. И.Л. Кнунянца и д-ра хим. наук Р.Н. Стерлина. М., 1990. Т. 1. 448 с.

2. Байрамуков Ю.Б. Тактическая подготовка курсантов учебных военных центров, 2014.

С.П. Степкина, *курсант 2 курса*
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
В.С. Турчин
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ: ПЕРЕХОД ОТ КЛАССИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ К ЦИФРОВЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В ПРАКТИКЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Огневая подготовка является неотъемлемой частью обучения в ведомственных вузах Министерства внутренних дел России. Эта дисциплина формирует у студентов определенные навыки и знания, необходимые для сотрудника органов внутренних дел России. Основная цель – это обучение эффективного применения огневого оружия в ситуациях требующих оперативного выполнения задач, таких как противодействие преступникам, нарушающих общественную безопасность, так и для участия в контртеррористических операциях, являющихся опасными для жизни и здоровья как самих сотрудников, так и окружающего их населения.

Применение инновационных технологий в огневой подготовке может значительно улучшить эффективность и точность огневых действий, а также повысить безопасность и снизить затраты на подготовку и проведение огневой поддержки. Обучение огневой подготовке – это очень опасный процесс, к которому надо относится с максимальной ответственностью, ведь научится стрелять это одно, а научится действовать в экстремальных условиях это другое. А как же подготовится к работе с оружием в рискованных и чрезвычайных моментах?

В этом нам помогают современные IT-технологии. С недавних пор цифровые технологии ворвались в жизнь современного общества и стали его

неотъемлемой частью. Новые технологии внедрились во все сферы жизни: бизнес, медицина, производство, обучение. И огневая подготовка не стала исключением.

Использование современных технологий позволяют экономить материальную составляющую изучения данной дисциплины, помогает освоить широкий спектр знаний, приобрести обширный спектр навыков и умений, которые небезопасно приобрести без инноваций, ведь огневая подготовка – это большая ответственность и ее изучение угрожает не только здоровью, но и самому ценному – жизни человека.

Цель работы – выявить ключевые этапы перехода от классических стратегий стрелковой подготовки к современным цифровым комплексам. На основе анализа исторических данных и современных исследований показано, как менялись принципы: от отработки условных рефлексов на «квадратном стрельбище» до формирования тактического мышления в условиях, максимально приближенных к реальности.

С момента появления оружия его стали применять как средства решения государственных задач, как для достижения общественного правопорядка, так и в целях защиты интересов страны в общем. Петр I был первым, кто ввел методику обучения солдат ведению действенного ружейного огня, основанную на стрельбе по шеренгам и плутонгам в наступлении и обороне. Во второй половине XVIII в. возник специальный вид стрельбы – «цельная стрельба» (ведение прицельного ружейного огня из рассыпного строя, при этом цель выбиралась стрелком самостоятельно).

Параллельно в России (СССР) развивалась дидактика стрельбы. Как отмечает В.А. Отрыжко, в конце XIX – начале XX вв. происходило становление отечественной теории обучения стрельбе, которая во многом базировалась на выработке и закреплении условных рефлексов и формировании стабильного навыка обращения с оружием [1].

С 1930-х гг. началось формирование формализованной системы полицейской стрелковой подготовки, основанная на военных протоколах. Обучение строилось вокруг выполнения однотипных упражнений на статичном стрельбище, известном как «квадратный диапазон».

Упражнение «Квадрат» в практической стрельбе – это тренировочное задание, где мишени расположены в форме квадрата. В этом упражнении обычно используют четыре мишени (например, автомобильные покрышки или другие цели), размещенные по углам квадрата. Задача стрелка – быстро перемещаться между позициями, мгновенно останавливаться и поражать мишени. Дистанция между мишенями может варьироваться в зависимости от антропометрических данных стрелка и уровня подготовки.

Ключевым элементом была команда на открытие огня (свисток, громкоговоритель), которая в сознании обучаемых формировала устойчивую связь между внешним стимулом и выстрелом.

В связи с этим в конце XX в. назрела необходимость смены парадигмы: от обучения реакции на раздражитель к формированию навыков распознавания паттернов поведения. В фокус внимания попали такие аспекты, как чтение язы-

ка тела, оценка намерений противника и принятие решения на основе анализа обстановки, а не внешней команды.

Главная причина кроется в фундаментальном разрыве между условиями на стрельбище и реальным боем. Как отмечается в современных исследованиях, деятельность сотрудников правопорядка и военнослужащих по пресечению противоправных действий «зачастую связана с применением огнестрельного оружия в сложных условиях, где необходимо быстро реагировать на складывающуюся обстановку».

Еще одной причиной является то, что практически невозможно создать условия реального боя с использованием только традиционных средств. Как справедливо указывается в анализе проблем подготовки, «для проведения занятий по тактике не во всех учебных учреждениях имеются необходимые условия (тактические полигоны, макеты зданий, окопы и т. д.)». Это не позволяло отрабатывать ключевые элементы боя, такие как перемещение от укрытия к укрытию, взаимодействие в группе и подавление огнем противника.

В связи с этим все больше внимания уделяется различным технологическим инновациям для улучшения качества обучения. Одной из таких технологий является дополненная реальность (AR), которая позволяет создавать тренажеры и симуляторы, в которых военнослужащие могут получить опыт и улучшить свои навыки без фактического участия в боевых операциях [2].

Один из показательных примеров создания и использования цифровых технологий – это изобретение мобильного лазерного тира «Штурмовик». Его создали инженеры Ревдинского завода светотехнических изделий. Уникальность разработки заключается в способности имитировать боевые условия без риска для людей.

Сам по себе тренажер «Штурмовик» представляет собой учебный тир и разработан для обучения профессиональным навыкам стрельбы из массогабаритных макетов пистолета Макарова и автомата Калашникова с отдачей при стрельбе очередями и одиночными выстрелами. Лазерный стрелковый тренажер предназначен для проведения практических занятий по военным дисциплинам в образовательных учреждениях, для обучения и совершенствования навыков прицеливания, а также для регулярных тренировочных и экзаменационных занятий специалистов по стрельбе из массогабаритных макетов оружия без расхода боеприпасов по статическим, динамическим подвижным мишеням, а также видеоупражнениями.

Результаты стрельбы суммируются, и выдается общее количество баллов и число выстрелов. Все произведенные выстрелы заносятся в базу данных. Для каждого режима стрельбы предусмотрена возможность архивации и документирования результатов с последующим выводом на печать в виде отчетов. Что является интересным в данном тренажере – это система умеет включать «умные мишени», обнаруживающие человека: если цель не замечена или не поражена, система блокирует оружие и снимает участника с задания, что делает тренировки максимально приближенными к реальным условиям.

Этот комплекс обеспечивает самое главное при изучении огневой подготовки – это то, что отсутствие боевых патронов делает тренажер абсолютно безопасным [3].

Необходимость качественной подготовки операторов беспилотных систем создало принятие решений по созданию таких программ, как SRIZFLY. Это комплекс, который трансформирует подход к обучению, сочетая технологичность и практическую ценность.

Платформа точно в регионе создает боевые условия: от разведки до управления ударными миссиями. В каждом сценарии учитываются факторы, обеспечивающие соответствие реальным задачам. Обучение проходит безопасно, но с максимальным погружением [5].

Система адаптирована для различных структур – от специальных средств оборонных предприятий. Она увеличит время подготовки операторов на 40 %, одновременно повышая точность их действий. Результат – специалисты, готовые к работе в основных условиях.

С помощью виртуальных тренировок ваше подразделение может безопасно и эффективно повысить боеспособность. Карты превращаются из учебных полигонов в боевые зоны с урбанистическим пейзажем, лесами и открытыми пространствами. Есть дневные и ночные состояния, а также песочницы для экспериментальных упражнений. Одним из главных признаков SRIZFLY является возможность подготовки к непредсказуемым условиям. Симулятор позволяет тренироваться в различных климатических условиях и временных режимах, что помогает операторам адаптироваться к любым ситуациям [4].

Подводя итоги, приходим к выводу, что применение стрелковых тренажеров в учебном процессе по огневой подготовке может быть эффективным способом повышения качества обучения и результативности подготовки курсантов. Они позволяют увеличить наглядность, точность и интерактивность занятий, что способствует более эффективному усвоению материала и развитию необходимых навыков.

В целом применение цифровых технологий в огневой подготовке позволяет повысить эффективность и точность огневых действий, улучшить общую оперативность и боеспособность вооруженных сил, а также снизить затраты и риски для личного состава, что является самым главным.

Таким образом, Россия активно развивает собственные инновационные технологии в области огневой подготовки, охватывающие все уровни. Дальнейшее развитие этого направления будет связано с интеграцией искусственного интеллекта для создания новых адаптивных сценариев обучения и расширением применения робототехнических комплексов.

Литература

1. Гибадуллина М.В. Применение инновационных технологий в огневой подготовке // Вестник науки. 2023. № 10 (67). Т. 1. С. 437–442. URL: https://www.вестник-науки.рф/article/10157 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Нефедова Н.А., Пряхин А.С., Давыдова С.А. Применение цифровых технологий при обучении стрелков-спортсменов из боевого оружия // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 4-1. С. 756–764.

3. Отрыжко В.А. Становление и развитие отечественной теории обучения стрельбе из стрелкового оружия (конец XIX – начало XXI вв.) // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2025. № 3 (20). С. 52–62. URL: https://svkinio.ru/2025/3(20)/Otryzhko.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

4. Панарина С.Ю. Применение современных технологий в обучении стрельбе из боевого оружия // Молодой ученый. 2024. № 16 (515). С. 425–427. URL: https://moluch.ru/archive/515/113177 (дата обращения: 06.03.2026)ю

5. Черкесов А.Ю. Использование современных информационных технологий на занятиях по огневой подготовке слушателей образовательных организаций МВД России // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sovremennyh-informatsionnyh-tehnologiy-na-zanyatiyah-po-ognevoy-podgotovke-slushateley-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd (дата обращения: 10.03.2026).

***К.Е. Стригунов**, курсант 1 курса*
Уральский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.А. Мицкович
Уральский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРКИ ДОКУМЕНТОВ И ЛИЧНОГО ОБЫСКА: СИНТЕЗ ТАКТИКИ, ПСИХОЛОГИИ И ПРАВА

Каждый день тысячи сотрудников полиции выходят на службу и выполняют свои обязанности. Самая частая задача, с которой сталкивается патрульно-постовая служба полиции – это проверка документов у граждан. Кажется, что может быть проще? Однако если посмотреть сводки и статистику травматизма, которые нам приводят на занятиях по первоначальной подготовке, становится страшно. Очень часто именно при попытке проверить документы или провести обыск преступник наносит внезапное удар ножом, применяет оружие или просто оказывает физическое сопротивление. Поэтому тема личной безопасности здесь стоит на первом месте.

Цель нашей работы – показать, что безопасность сотрудника при проверке документов и личном обыске держится на трех китах: тактике (как стоять, куда смотреть), психологии (что чувствует преступник) и праве (как не превысить полномочия). Если убрать один элемент – сотрудник в опасности. На занятиях по тактико-специальной подготовке нас учат, что нельзя просто стоять напротив проверяемого. Если человек с ножом стоит напротив, ему нужно всего лишь сделать шаг вперед и ткнуть сотрудника. Поэтому главное правило, ко-

торое мы усвоили – это безопасная дистанция и смещение с линии атаки. Лучше всего стоять под углом к проверяемому и чуть сбоку. Правая рука (та, что с оружием или средством активной обороны) должна быть направлена в сторону человека, но при этом не вызывать у него агрессию. Ноги должны быть в небольшом полуприседе, чтобы нас нельзя было легко толкнуть или свалить с ног [3, с. 412]. При проверке документов, если мы стоим с напарником (а одному проверять документы в темное время суток вообще запрещено), один должен разговаривать и смотреть на руки проверяемого, а второй – контролировать обстановку вокруг и поведение самого гражданина [5, с. 88]. Никогда нельзя брать документ и сразу отвлекаться на его изучение. Сначала нужно убедиться, что руки проверяемого пусты и он не делает резких движений. Личный обыск – это еще более опасная процедура. По закону (ст. 27.7 КоАП РФ и ст. 48 федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции») личный обыск проводится только лицом одного пола с обыскиваемым и в присутствии понятых. Но тактика безопасности важнее. Считаем, что самое опасное – это так называемый поверхностный обыск, когда сотрудник просто хлопает по карманам куртки. Преступник может держать нож в рукаве или за пазухой и ударить в момент касания. Правильная тактика – это постановка обыскиваемого к стенке лицом, в положение «упор руками в стену», широко расставив ноги, чтобы он потерял равновесие и не мог резко развернуться. Обыск всегда нужно начинать сверху вниз, с той стороны, где нет оружия у сотрудника, прощупывая поясницу, подмышки и внутреннюю часть бедер – самые опасные места для скрытого ношения оружия. На втором курсе изучаем психологию, но тут важно отметить: преступника часто выдает не то, что он говорит, а то, как он молчит. При проверке документов нужно смотреть на так называемые три сигнала опасности:

1. Взгляд. Если человек не смотрит на твое лицо, а смотрит на твои руки, на кобуру, или по сторонам (ищет пути отхода) – это тревожный признак.

2. Жестикуляция. Человек пытается засунуть руки в карманы, прячет их за спину или, наоборот, слишком активно жестикулирует, пытаясь отвлечь внимание.

3. Реакция на команды. Если гражданин игнорирует простые просьбы (отойди, встань сюда, покажи руки) – он, скорее всего, готовится к нападению или побегу.

В учебном пособии для курсантов 2025 г., которое мы разбирали на семинаре, говорится, что большинство нападений происходит не «бывалыми преступниками», а обычными людьми, которые просто испугались и решили защищаться [2]. Поэтому психология общения очень важна. Нужно говорить спокойно, уверенно, но жестко. Показывать, что ты контролируешь ситуацию. Если человек нервничает, нужно сразу усилить бдительность и подать сигнал напарнику. Самое страшное для сотрудника – это не пуля преступника, а статья за превышение мер самообороны. Старшие товарищи рассказывают, что иногда проще не заметить нарушение, чем связываться, потому что потом будешь доказывать, почему ты применил силу перед надзорной инстанцией. Но в рамках темы личной безопасности право играет ключевую роль. Когда мы проводим проверку документов, мы должны четко понимать основания (ст. 13 федераль-

ного закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»). Если мы остановили человека «просто так», без основания, и начали его досматривать – это уже нарушение. Гражданин может подать в суд, и сотрудник понесет наказание. Личная безопасность здесь в том, чтобы знать свои права и действовать строго по закону, тогда и преступник не сможет манипулировать тобой словами: «Вы не имеете права!» Что касается личного обыска, то главная правовая ловушка – это подмена понятий. Часто сотрудники путают «личный досмотр» (при задержании) и «обыск при административном правонарушении». Если мы проводим досмотр без понятых или лица другого пола, все доказательства потом признают недействительными, а на сотрудника напишут жалобу. Это тоже удар по личной безопасности, но уже моральной и профессиональной. Проведя анализ учебной литературы [1, 2, 3] и поговорив с практиками, приходим к выводу, что только комплексный подход может уберечь сотрудника. Нельзя быть просто хорошим борцом, но плохим психологом. Нельзя знать законы, но стоять лицом к преступнику в полный рост. Для улучшения подготовки курсантов и молодых сотрудников предлагаем:

1. Чаще проводить тренинги, где моделируются ситуации проверки документов в темное время суток.

2. Обучать не только приемам борьбы, но и психологическому профайлингу – быстрой оценке человека по его поведению.

3. На занятиях по праву разбирать реальные случаи, когда сотрудники ошибались в процедуре, и это приводило к проблемам с законом или побегу преступника.

Личная безопасность – это не паранойя, а профессиональное качество. Тот сотрудник, который постоянно держит в голове связку «тактика-психология-право», имеет намного больше шансов вернуться домой живым и здоровым после смены.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Тактико-специальная подготовка: учебник для курсантов образовательных учреждений МВД России / под ред. генерал-полковника полиции А.В. Губанова. М.: ДГСК МВД России, 2023.

4. Петров В.К., Сидоров А.Н. Обеспечение личной безопасности сотрудников органов внутренних дел при несении службы // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4.

5. Смирнов О.П. Психология экстремальных ситуаций в деятельности сотрудников ОВД: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025.

***В.В. Тихонова**, курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
О.А. Юсупова
Сибирский юридический институт МВД России

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ОРУЖИЕМ В УСЛОВИЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО НОШЕНИЯ

В современном мире поддержка законности и безопасности государства обеспечивается изо дня в день и никак не может обойтись без работы правоохранительных органов. Оперативность и эффективность выполнения сотрудниками полиции своих служебных обязанностей, обуславливается множеством факторов, а именно уровнем их готовности к выполнению своих служебных обязанностей.

Работники правоохранительных органов всегда подвергнуты рискам связанных с их жизнью и здоровьем, возникновение которых, как правило, всегда неожиданное. Его столкновение с преступной группой или строгим правонарушителем не предсказуемо. Зачастую сотрудники сами становятся жертвами нападений по самым разным причинам, а именно когда защищают себя, либо другое лицо от нападения, предостерегают себя от завладения оружием нападающим, либо защищаются от хулиганов. При таких обстоятельствах важно, не только обладать меткой стрельбой, но и помнить про безопасное обращение с оружием [1, с. 2]. Также необходимо умело уходить с линии атаки, уметь укрываться от стрельбы в разных положениях, к тому же быстро и аккуратно извлекать оружие из кобуры и приводить его в боевую готовность. Высокая компетенция и наработанный навык необходим сотрудникам при несении службы в регионах, где установлен высокий уровень террористической угрозы (Воронежская область, на севере полуострова Крым и т. д.). В таких регионах вероятность встречи с опытными диверсионно-разведывательными группами достаточно велика, поэтому навыки по пользованию оружием должны быть обширные. Основной задачей огневой подготовки является, не только научиться вести огонь из оружия точно по цели, но и уверенно чувствовать себя при стрельбе в сложной обстановке [2] при этом соблюдать все меры безопасного обращения с оружием. Сотрудники, применяя огнестрельное оружие, независимо от критичности ситуации должны обладать соответствующей подготовкой. Эффективность стрельбы при стрессовом состоянии сотрудника, не только должна показать его способность выполнить определенные действия с оружием, но и привить к нему ответственность за эффективное время провождение во время тренировочного процесса. Для того чтобы самому не стать жертвой, сотруднику необходимо уметь оперативно оценивать обстановку, быстро найти качественное место для укрытия [3, с. 305–306] привести оружие в боевую готовность и, прицелясь, произвести выстрел. Все действия сразу необходимо

выполнять соблюдая меры безопасности, чтобы в последующем не допускать ошибок.

Перед обучением стрельбе очень важно проработать навык безопасного обращения с оружием. Во время перестрелки с преступником, стрельба из пистолета может совершаться в разных позах: лежа, сидя с колена и т. п. [4] помимо этого, как в движении, так и находясь на месте, не исключение, что стрельба может вестись как из движущегося транспортного средства так и не находящегося в движение. Даже при таких условиях все действия должны выполняться стреляющим оперативно и при этом необходимо всегда держать визуальный контроль над целью. Во время боевого контакта ответственность полностью лежит на вооруженном сотруднике, он отвечает за ведение огня и быстрое принятие решений. Сотрудникам органов внутренних дел необходимо работать над развитием навыка стрельбы из разных положений, т. к. в боевых столкновениях с вооруженным нападающим, применение классической стрелковой стойки может быть безрезультативной и привести к опасным последствиям для жизни. В применение огнестрельного оружия не обходится без строгого выполнения правил безопасного обращения с ним, знание которых должны быть идеальны. Таковыми являются: не опускать палец на спусковой крючок кроме моментов прицеливания и ведения огня, следить за направлением ствола пистолета и держать его в безопасном направлении, вовремя использовать предохранитель [1, с. 5] и не осуществлять недолжных выстрелов после расснаряжения или перед тем как убрать пистолет в кобуру. Эти навыки должны быть настолько сформированы у стреляющего, чтобы он осуществлял их уже рефлекторно и не забывал про чуткость и наблюдательность, а также не терял контроль над противником. При стрельбе в т. ч. не рекомендуется отвлекаться на замену магазина, а также использовать способ досылания патрона в патронник с вытянутыми вперед руками, тем самым давая шанс противнику завладеть оружием, данный способ можно применять только во время учебного процесса в тире или на стрельбище, т. к. на практике это может привести не к благоприятным последствиям.

Строгое соблюдение мер безопасности по обращению с оружием, гарантирует сотрудникам их личную безопасность, увеличивает шанс избежать неблагоприятных последствий и при возникновении обстоятельств требующих оперативного реагирования, обезопасить население.

Литература

1. Хрущев А.В. Обеспечение личной безопасности сотрудников органов внутренних дел в ситуациях с применением огнестрельного оружия специальных средств. URL: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2020/08/Хрущев-А.-В.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

2. Колесников А.С. Психологическая подготовка стрелка. URL: https://moluch.ru/archive/261/60184 (дата обращения: 19.11.2025).

3. Хилюк С.О., Иванов Е.О., Пичугин Д.А. Уральский юридический институт Обеспечение личной безопасности сотрудника органов внутренних дел в ситуациях риска. С. 305–306. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-

uspu/28447/1/978-5-8295-0624-7_2019_085.pdf?ysclid=mi65utjqb3552245 (дата обращения: 19.11.2025).

4. Анализ применения спортивных методик практической и обороной стрельбы для огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел. URL: https://prikladnaya-strelba.ru/analiz-primeneniya-sportivnyh-metodik/ (дата обращения: 19.11.2025).

***В.Е. Трофименко**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Д.О. Заречнев,** канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ БОЕВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Оперативно-служебная деятельность сотрудников ОВД России традиционно связана с высоким уровнем напряженности, а также психологическим давлением. Статистически подтверждено значительное число инцидентов с угрозой жизни и здоровью сотрудников при выполнении служебных обязанностей. Так, на расширенных заседаниях коллегии МВД России Владимир Колокольцев отмечает, что при исполнении служебных обязанностей погибает в год более 60 сотрудников, еще около 3000 – с тяжелыми ранениями [3].

Подтверждением может выступать следующая трагическая ситуация: Раффи Эдикович Исраелян – выпускник Барнаульского юридического института МВД России, кандидат в мастера спорта по греко-римской борьбе, погиб 8 сентября 2015 г. при исполнении служебных обязанностей. Преследуя нетрезвого водителя, он был умышленно протаранен нарушителем на 18-м км автодороги Барнаул – Камень-на-Оби. От полученных тяжелых травм сотрудник скончался в больнице.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, современные условия прохождения службы в органах внутренних дел характеризуются необходимостью выполнения служебно-боевых задач особого характера, в т. ч. участием в контртеррористических операциях, командирование для выполнения боевых задач, что требует от сотрудников высокого уровня тактико-специальной подготовки, развитой психологической устойчивости. Во-вторых, анализ причин гибели сотрудников ОВД показывает, что значительная их часть связана с неумением правильно оценить оперативную обстановку. В-третьих, практика показывает, что сотрудники ОВД не всегда оказываются достаточно подготовленными к действиям в экстремальных ситу-

ациях, что свидетельствует о необходимости поиска путей совершенствования системы профессиональной подготовки.

Для определения практической значимости знаний и навыков, полученных в ходе освоения дисциплины «Тактико-специальная подготовка», в рамках исследования был проведен опрос действующих сотрудников системы МВД России (выборка – 14 сотрудников). Анализ результатов, следующий: 71,4 % опрошенных констатировали прямую взаимосвязь между знаниями, полученными в ходе освоения дисциплины и успешным выполнением боевых задач. Еще 28,6 % отметили, что лишь частично им пригодились навыки с обучения в их практической деятельности, но отметим: ни один из респондентов не стал отрицать практической значимости информации, полученной на «ТСП».

Так, действующий сотрудник полиции – Ходкевич О.Г., имеющий боевой опыт участия в контртеррористической операции в Чеченской Республике (2008–2009 гг.), Специальной военной операции (2023 г.), подчеркнул, что сформированные у него знания в процессе изучения «Тактико-специальной подготовки», позволили ему эффективно решать поставленные боевые задачи. Особенно отмечены следующие навыки, оказавшие существенное влияние на результативность его действий: работа с топографическими картами, умение управления нарядами, методика осмотра местности в условиях боевой обстановки.

Особое место в рамках тактико-специальной подготовки обучающихся в системе образования МВД России занимает теоретическая и практическая подготовка к организации и проведению специальных операций [2]. Однако выделим несколько ключевых проблемных аспектов и механизмы их преодоления:

1. Ходкевич О.Г. отметил, что существенную долю практически значимой информации он получил в процессе общения с действующими сотрудниками ОВД, кто обладает богатым боевым опытом, в особенности те, кто имеет постоянный опыт служебных командировок в регионы с повышенной оперативной напряженностью («горячие точки»). Так, целесообразно внедрить организацию регулярных встреч, в рамках практических заданий, с указанными лицами.

Это позволит получить актуальную информацию об алгоритмах действий при внезапно возникающих задачах, тактических приемах обеспечения безопасности.

2. На основе опыта, которым с нами поделились действующие сотрудники, мы пришли к выводу – важным умением для выполнения специальных задач является скорость выявления угроз и принятия решений. Тем самым необходимо внедрить те формы практических занятий, которые позволят выявлять признаки потенциально опасных ситуаций, оценивать степень угрозы, прогнозировать возможные варианты развития событий при дефиците информации.

В качестве эффективной формы здесь могут выступать «кейс-методы», предполагающие анализ обучающимися реальной оперативно-служебной ситуации, которая содержит в себе актуальную практическую проблему. Будет

учтена многовариативность решений и их практическая направленность. Посредством интерактивных форм студенты получают практический опыт для будущей профессиональной деятельности [1].

3. Безусловно, важна отработка действий по задержанию правонарушителей, пресечению административных правонарушений и преступлений, она актуализирует такие волевые качества как решительность, смелость, способность к быстрым и энергичным действиям в условиях противодействия и возможной опасности. Методика предполагает ролевые игры, однако их применение ограничено занятостью ситуационных кабинетов и дефицитом времени на подготовку.

Тогда могут быть разработаны симуляторы, тренажеры, в которых встроены интерактивные упражнения, моделирующие реальные ситуации, с которыми могут столкнуться сотрудники. Для усложнения возможно, например, добавление ограничения во времени.

4. Следует признать, что ряд задач, применяемых в обучении, утратили свою актуальность из-за динамических изменений оперативной обстановки и нормативно-правовой базы. Так, при обновлении, внедрение новых заданий, стоит учитывать текущую криминалистическую обстановку в России, определенных ее регионах. Это позволит обеспечить отработку наиболее вероятных специальных задач еще на этапе обучения.

Тактико-специальная подготовка обладает значительным потенциалом для формирования психологической устойчивости и развития волевых качеств курсантов, который реализуется через создание условий, моделирующих экстремальные ситуации профессиональной деятельности, систематическую тренировку действий в условиях воздействия стресс-факторов, постепенное усложнение учебных задач с повышением уровня психологической нагрузки.

Литература

1. Быстрова Н.В. Интерактивные формы проведения практических занятий в вузе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-formy-provedeniya-prakticheskih-zanyatiy-v-vuze?ysclid=momwg4w3ej725981481 (дата обращения: 03.04.2026).

2. Каримов А.А. Психологические аспекты в тактико-специальной подготовке курсантов образовательных организаций системы МВД России // Образование и право. 2021. № 8. С. 159–162. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-v-taktiko-spetsialnoy-podgotovke-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-sistemy-mvd-rossii (дата обращения: 23.03.2026).

3. МВД России назвало число погибших на службе полицейских. URL: https://www.kp.ru/online/news/3778382/?ysclid=mou53688j42465780 (дата обращения: 25.03.2026).

С.А. Федорова, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Б.А. Федулов, *доктор пед. наук, профессор*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПО ОПЫТУ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В современных боевых действиях дроны активно применяются как одно из ключевых средств. Для военных нужд используют и гражданские модели, и специально разработанные боевые беспилотники (далее – БПЛА). С их помощью решают разные задачи: ведут разведку, наносят удары по объектам, создают радиопомехи, перевозят грузы. Особое внимание уделяется защите личного состава полиции от дронов при работе в экстремальных обстоятельствах [1, с. 77]. Этим объясняется острая необходимость изучения вопросов охраны общественной безопасности и противодействия угрозам с беспилотников.

Что такое беспилотный летательный аппарат? Это летающее устройство без пилота на борту. Оно может управляться автономно либо дистанционно. Технические характеристики разных моделей различаются: габариты, вес, скорость, рабочая высота [3, с. 24]. Чем же отличается квадрокоптер от дрона? Главное различие – в участии оператора. Квадрокоптер, как правило, пилотируется человеком вручную с пульта, тогда как дрон – аппарат, выполняющий полет автономно по заранее запланированному маршруту.

Практика ведения боевых действий показывает, что БПЛА стали одним из эффективных средств поражения различных объектом, в т. ч. живой силы, это особенно остро это проявляется в ходе специальной военной операции. Возможности современных дронов позволяют вести разведку, полученные данные передавать на пункты управления в виде координат выбранных объектов для нанесения им огневого поражения, а также ударные дроны способны сами поражать выбранные цели.

Возможности по грузоподъемности у БПЛА различные. Дроны иностранного производства типа DJI Mavic 3 способны нести до полу килограмма взрывчатых веществ. Широко используются дроны, специализирующиеся на поражении живой силы, например ручные гранаты РГД-5 и Ф-1, а также самодельные взрывные устройства ВОГ-17 (30 мм) или ВОГ-25 (40 мм), а также 40-миллиметровые гранатометные боеприпасы.

Крупногабаритные беспилотники способны нести либо один мощный заряд, либо несколько сбрасываемых более мелких боеприпасов. В наибольшей степени опасны аппараты, оснащенные тепловизорами: они ведут разведку в темноте и засекают цели даже сквозь листву деревьев и маскировочные сети.

Исследование: мой отец с 2022 г. и по настоящее время находится в зоне специальной военной операции и у меня была возможность провести беседу с ним как с участником СВО на тему дронов и противодействию им. С его слов:

самый распространенный дрон-камикадзе (Барражирующий боеприпас), он длительное время может находиться в воздухе в режиме ожидания (барражировать) и атаковать цель после получения команды от оператора. Но с ними тоже можно бороться, его очень хорошо слышно и потому возможно своевременно обнаружить. Убежать нельзя, но когда он заходит на вас, его можно подбить. Поэтому за ними очень важно наблюдать и вести круговое наблюдение.

«Паника – худший помощник», – уточняет боец. «Чтобы остаться незамеченными, лучший способ исключить дронам обнаружение вашего местоположения». При наличии различных построек необходимо их использовать как укрытия. Все перемещения на открытой местности должны быть ограничены. Техника, как и личный состав не должен находиться близко друг от друга на ограниченной площади.

При базировании в открытом районе, например в лесополосе, следите за отсутствием объектов демаскирующих вас, при этом необходимо исключить пользование открытым огнем, не сушите вещи на отрытой местности, перемещайтесь только по необходимости, если используете печки в блиндажах, то система дымоходов должна быть много направленная, устраивайте защитные помещения под землей, применяйте маскировочной сети, регулярно использовать бронезащиту и маскировочные средства [2, с. 82].

Сложная ситуация складывается если тебя заметил дрон, в этом случае могут быть следующие рекомендации: в условиях, когда вы заметили дрон над собой при передвижении по открытой местности, единственный разумный вариант, это упасть и наблюдать за беспилотником. В том случае, если это свой, то вас он распознает и проследует дальше по своему маршруту.

В случае если это разведывательный дрон врага без сброса, то повисит, определит координаты и тоже улетит. А если это ударный дрон с зарядом, то вы должны своевременно занять оптимальную позицию лежа. Определив момент сброса – успейте откатиться на несколько метров от места его падения – в лежачем горизонтальном положении максимальные шансы избежать попадания осколков. Эффективными способами защиты от БПЛА являются:

1. Обезвреживание другим дроном.
2. Использование против БПЛА специального огнестрельного оружия.
3. Применение радиоэлектронных средств подавления.
4. Уничтожение дронов с помощью обученных птиц.
5. Использование другого дрона для ловлей сеткой.

Рассмотрим огневые средства способные поражать БПЛА.

1. Зенитные ракетные комплексы малой дальности. Особенности: высокая стоимость выстрела, но надежное поражение. Примеры: «Панцирь-С1», Тор-М2, Stinger (переносной).

2. Зенитная артиллерия и крупнокалиберные пулеметы. Особенности: меньшая точность, требуется высокая плотность огня. Примеры: ЗУ-23-2, КПВТ, М134 Minigun.

3. Снайперское оружие. Особенности: для точечного поражения уязвимых элементов (моторы, аккумулятор). Примеры: СВД, Accuracy International AX50.

Наиболее эффективно противодействуют БПЛА следующие комплексные системы:

1. Серп (ZALA). Состав: РЛС, оптический блок, ружье-подавитель, сетевая пушка. Страна – Россия.

2. Серп (ZALA). Состав: Радиолокация + РЭБ + дрон-перехватчик. Страна – США.

3. DroneDefender (Battelle). Состав: Переносное ружье с подавлением GPS и каналов управления (дальность до 400 м). Страна – США.

4. KVS (Каракурт). Состав: Стационарный комплекс с версией для монтажа на автомобиль. Страна – Россия.

К организационным мерам по противодействию БПЛА относятся: зонирование воздушного пространства – запрет на полеты дронов вблизи объектов критической инфраструктуры; идентификация и регистрация дронов и передача телеметрии в контролирующие органы; обучение личного состава по нейтрализации БПЛА; создание подразделений антидроновой борьбы.

Таким образом, существенное значение при решении задач в специальных правовых режимах имеет личностно-профессиональная подготовка не только военнослужащих, но и сотрудников полиции [4, с. 32]. Следует подчеркнуть, что применение дронов – это одно из самых эффективных средств, как в военном деле, так в правоохранительной деятельности, что требует изучения способов их применения.

Литература

1. Левченко А.А., Морозов В.А., Федулов Б.А. Формирование готовности сотрудников полиции к обеспечению личной безопасности в экстремальных условиях // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 77–79.

2. Макаренко С.И. Противодействие беспилотным летательным аппаратам: монография. СПб.: Наукоемкие технологии. 2020. 204 с.

3. Павлушенко М., Евстафьев Г, Макаренко И. Беспилотные летательные аппараты // Права человека. 2005. С. 24.

4. Федулов Б.А. Личностно-профессиональное развитие курсантов высших военных учебных заведений: аксиологический подход: автореф. дис. … д-ра пед. наук. Барнаул, 2000. 37 с.

И.А. Харахордин, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Б.А. Федулов, *доктор пед. наук, профессор*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ МИНИМИЗАЦИИ УГРОЗ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ

В условиях роста гибридных угроз, цифровизации преступности и распространения экстремистских практик особую актуальность приобретает проблема обеспечения личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач [1, с. 77]. Современная правоохранительная деятельность осуществляется в условиях высокой динамики оперативной обстановки и необходимости принятия решений в режиме реального времени. В рамках национальной программы «Цифровая экономика» и Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г. [4], искусственный интеллект (далее – ИИ) рассматривается как ключевой инструмент прогнозирования угроз, анализа оперативной информации и снижения рисков для жизни сотрудников полиции.

Для системного анализа предпосылок, ограничений и перспектив внедрения ИИ целесообразно применить два апробированных инструмента стратегического планирования: «SWOT-анализ» [3] и метод «Дерева целей» [2].

Особенности использования метода «SWOT-анализ» в программе ИИ для обеспечения личной безопасности сотрудников полиции.

SWOT-анализ позволяет выявить внутренние и внешние факторы, влияющие на личную безопасность сотрудников полиции при выполнении ими служебных задач, их сильные (S) и слабые (W) стороны, возможности (O) и угрозы (T) в правоохранительной деятельности.

Раскроем данные категории и основные факторы.

S – Сильные стороны: 1. Высокая скорость обработки больших данных в реальном времени. 2. Прогнозирование угроз на основе поведенческих моделей. 3. Интеграция с системами видеонаблюдения и базами МВД. 4. Автоматическое выявление угроз без участия человека. W – Слабые стороны: 1. Зависимость точности алгоритмов от качества исходных данных. 2. Высокая стоимость разработки и сопровождения систем. 3. Дефицит квалифицированных кадров. 4. Сложность интерпретации решений нейросетей («черный ящик»). O – Возможности: 1. Государственная поддержка отечественных ИИ-платформ. 2. Внедрение «умной экипировки» и носимых аналитических устройств. 3. Развитие предиктивной аналитики преступности. 4. Межведомственная интеграция данных МВД, Росгвардии, МЧС. T – Угрозы: 1. Киберугрозы и несанкцио-

нированный доступ к системам. 2. Алгоритмические ошибки, ведущие к тактическим просчетам. 3. Правовые и этические риски обработки персональных данных. 4. Технологическая зависимость от зарубежного программного обеспечения.

Реализация данного подхода позволят определять степень угроз личной безопасности сотрудникам полиции и их значимость в конкретных ситуациях правоохранительной деятельность, и в дальнейшем определять эффективные способы и приемы выполнения служебно-боевых задач.

Аналитическая интерпретация. Сильные стороны ИИ заключаются в способности анализировать видеопотоки, геолокационные данные и сведения из баз МВД, выявляя аномальные поведенческие проявления. Слабые стороны обусловлены зависимостью от корректности исходных данных, ошибки в обучающих выборках могут привести к некорректной идентификации угрозы. Высокая стоимость внедрения и недостаточная подготовка кадров требуют значительных ресурсов на этапе цифровой трансформации. Перспективным можно выделить включение в профессиональную подготовку курсантов реализацию синергетического подхода в образовательный процесс юридических институтов МВД России [5, с. 208].

Особенности использования метода «Дерева целей» в программе ИИ для обеспечения личной безопасности сотрудников полиции.

Метод «Дерева целей» представляет собой иерархический способ декомпозиции генеральной цели на подцели последующих уровней. В практике ОВД он позволяет определить иерархию задач, распределить ответственность и обеспечить контроль за ходом проведения специальных операций.

Генеральная цель: обеспечение личной безопасности сотрудника полиции при выполнении служебно-боевых задач на основе интеграции ИИ в процессы прогнозирования, предупреждения и парирования угроз и принятия оптимальных управленческих решений. Цели первого уровня: 1. Прогностическое обеспечение безопасности – до возникновения угрозы. 2. Тактическое обеспечение безопасности – в момент развития угрозы. 3. Реабилитационно-аналитическое обеспечение – после инцидента. Цели второго уровня: 1. Сбор и предиктивный анализ оперативной информации. 2. Оценка готовности сотрудника. 3. Мониторинг обстановки в реальном времени. 4. Поддержка принятия тактических решений. 5. Техническая защита и оповещение. 6. Объективная реконструкция событий. 7. Организация пост-инцидентного обучения.

В рамках третьего уровня мы ставим несколько прикладных задач. Во-первых, система должна сама анализировать криминогенную обстановку и по камерам видеонаблюдения опознавать людей, находящихся в розыске. Во-вторых, предполагается непрерывный мониторинг психофизиологического состояния сотрудника с помощью носимых датчиков – если появляются угрожающие факторы, автоматически срабатывает сигнал «Тревога». Еще одна задача – фиксировать хронологию инцидента, разбирать тактические ошибки и на их основе формировать кейсы для VR-тренажеров.

При таком подходе легче принимать грамотные управленческие решения при подготовке и проведении спецопераций в особых правовых условиях. По-

строенное нами «дерево целей» переводит общие рассуждения на язык конкретных технических заданий для разработчиков и тактических инструкций для разных подразделений органов внутренних дел.

В итоге использование искусственного интеллекта для личной безопасности полицейских дает реальные выгоды: можно прогнозировать угрозы, отслеживать обстановку в реальном времени, снижать влияние человеческого фактора и быстрее принимать решения при выполнении служебно-боевых задач.

Литература

1. Левченко А.А., Морозов В.А., Федулов Б.А. Формирование готовности сотрудников полиции к обеспечению личной безопасности в экстремальных условиях // Мир науки, культуры, образования. 2020. №1. № 1 (80). С. 77–79.
2. Миронова Е.И., Сивиркина А.С. Метод «Древа целей» в исследовании систем управления. Рязань, 2020. 40 с.
3. Сухарев П.Н., Григоренко А.С. Метод SWOT-анализа: его преимущества и недостатки // Экономические науки. 2010. № 6. С. 25–28.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федулов Б.А., Морозов В.А., Стрюц Е.В. Особенности реализации синергетического подхода в образовательном процессе юридического института МВД России // Педагогические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). С. 208–211.

***Д.А. Хоренженко**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Р.Р. Мутагаров
Омская академия МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Актуальность данной работы заключается в том, что, живя в современном мире, мы нередко можем столкнуться с тем, что различные сферы жизни общества, в т. ч. и сфера физической подготовки и спорта, подвергаются развитию, внедряются различные методы и технологии, в т. ч. и искусственный интеллект. Мы заинтересовались вопросом возможности применения искусственного интеллекта в процессе физической подготовки и какова его эффективность. Применение искусственного интеллекта обусловлено некоторыми аспектами: во-первых, быстрое развитие технологий искусственного интеллекта, а во-вторых, возникновение новых возможностей в целях индивидуализации (персонализа-

ции), а также оптимизации тренировочного процесса. Ни для кого не секрет, что некоторые программы физической подготовки устарели, и не учитывают некоторые физические и психологические особенности человека.

Искусственный интеллект предоставляет широкий спектр возможностей таких как создание индивидуальных тренировочных программ с учетом уровня физической подготовки, позволяет обработать определенный объем данных о лице, следовательно, в дальнейшем это позволит не только выстроить программу тренировок, но и сделать ее эффективной, позволяет анализировать реакцию организма на даваемую нагрузку, а также принимать меры по профилактике травматизма, что является одним из ключевых моментов.

Первоначально мы рассмотрим вопрос о положительной стороне применения искусственного интеллекта.

Положительные стороны:

1. Искусственный интеллект обладает высокой скоростью обработки данных таких как: рост, вес, медицинские показатели, особенности реакции на физическую нагрузку, данные о предыдущих тренировках, психологические факторы и многое другое. Преподавателю запомнить все эти данные довольно сложно т. к. у него ни одна группа студентов, курсантов, их несколько, а все люди разные.

2. Предупреждение и профилактика травматизма. Искусственный интеллект с учетом особенностей лица подбирает те тренировочные процессы, которые будут основываться на принципе «соотношения физической нагрузки с безопасностью для здоровья спортсмена»

3. Приспособленность к изменениям: каждая тренировка будет вноситься в соответствующую базу, после чего искусственный интеллект, анализируя эти данные, будет предлагать программу тренировочного процесса.

4. Искусственный интеллект создает нестандартные (не шаблонные) планы тренировочного процесса, наиболее персонализированные и эффективные в зависимости от физических способностей спортсмена.

И как мы знаем ничего не бывает идеального у искусственного интеллекта есть свои отрицательные стороны в нашем исследовании мы решили их разделить на: субъективные, материальные и технические.

К *субъективным* можно отнести:

1. Низкий уровень информационной грамотности в сфере IT-технологий среди преподавательского состава [1, с. 135].
2. Возникают случаи недоверия к данным видам технологий
3. Возрастают риски введения ошибочных данных в программу, что может привести к неправильным рекомендациям по тренировочному процессу
4. Если ввести искусственный интеллект в образовательные организации, не возникнет ли вопрос о сокращении преподавателей.

К *технологическим* можно отнести:

1. Как мы уже говорили, искусственный интеллект может обрабатывать большой объем данных, но одна из возможных проблем, которая может возникнуть это перегруз и сбои базы данных.

2. Не до конца проработан механизм работы искусственного интеллекта, поэтому не исключаются случаи ошибок при построении тренировочного процесса.

3. Искусственный интеллект – это машина, обрабатывающая данные и выдаваемая результат. Машина не понимает человеческие чувства, психологию. В процессе физической подготовки необходимо учитывать не только физические качества, но и психологию спортсмена, т. к. если мы перейдем определенную грань, то это может привести к необратимым последствиям.

К *материальным* следует отнести следующее:

1. Кто будет финансировать данные проекты, в которые нужно включить расходы по обучению преподавательского состава, закупку соответствующих программ и их установку, а также их обслуживание

2. Необходимо наличие специалиста в данной технологии, следовательно введение новой должности, а там и затраты на поиск специалиста и достойная заработная плата

Рассмотрев плюсы и минусы применения искусственного интеллекта в процессе физической подготовки необходимо рассмотреть практику применения.

Исследователи из Китая, Бо Чжан, Хао Цзин и Сяоцзин Дуан, провели глубокий анализ теоретических подходов и практических аспектов внедрения образовательного проекта под названием «Виртуальный спортивный симулятор» для обучения студентов, занимающихся спортом. В рамках своей работы они выдвинули идею о применении методов виртуального моделирования с целью создания эффективной обучающей среды для тренировок в виртуальном формате. Подобная практика обучения способствует не только улучшению технических навыков и тактического понимания спорта, но и предоставляет бесценный опыт применения теоретических знаний в практических виртуальных условиях [2, с. 119].

Система Kitman Labs собирает данные о физической активности, состоянии мышц, сердечно-сосудистой системе и психоэмоциональном состоянии спортсменов, обрабатывает их с помощью методов машинного обучения [3]. Данная программа собирает данные о спортсмене и предупреждает тренера о возможности получения травм или перегрузке спортсмена. Данная программа показала положительные результаты в таких футбольных командах как Fulham, Munich Ravens, Динамо, Спартак. Представители футбольных клубов отмечают, что машинное обучение позволяет оценивать действия игроков к контексте всего матча. Федерация Футбола России внедряет системы анализа данных, чтобы улучшить стратегию и тактику игры.

Исходя из вышеизложенного мы можем сделать соответствующие выводы, что в период развития высоких технологий необходимо избирательно подходить к применению искусственного интеллекта особенно в процессе физической подготовки, не говоря уже о других сферах нашей жизни. Каким бы не был отличным искусственный интеллект, у него также есть свои отрицательные стороны, возможно даже больше, чем положительных. Это связано с тем, что он еще не до конца проработан и есть свои нюансы.

Литература

1. Зенченко И.С. Искусственный интеллект при подготовке спортсмена // Молодой ученый. 2024. № 14 (513). С. 119–128.
2. Иванцов П.П., Лукьянов А.Б., Лукьянов Б.Г., Степанов В.С. Искусственный интеллект в спортивной тренировке: монография. СПб.: Изд-во СПбГИКиТ, 2021. 256 с.
3. Официальный сайт Kitmanlabs. URL: https://www.kitmanlabs.com/ (дата обращения: 07.08.2026).

***Д.А. Хоренженко**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Е.Ю. Симоненко
Омская академия МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

В настоящее время в современном мире происходит глобальная цифровизация общества и государства, и она находит свое отражение во всех сферах жизнедеятельности человека, в политической, военной, образовательной, социальной. Современные технологии нашли свое отражение в процессе обучения курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России. Ни для кого не является секретом, что служба в органах внутренних дел проходит в экстремальных и чрезвычайных условиях с высоким уровнем риска для жизни. Связи с этим в образовательных организациях системы МВД России реализуется дисциплина «Тактико-специальная подготовка», которая направлена на моделирование различных ситуаций в служебной деятельности будущих сотрудников полиции, и теоретические знания не всегда является достаточными, необходим практический навык.

Для того чтобы вырабатывать навыки и снизить возможность получения травм при задержании преступников, представляется возможным использование современных инновационных технологий. Их внедрение позволит преподавательскому составу системы МВД проводить занятия в условиях приближенных к реальной действительности, это может существенно сказаться на повышении уровня профессиональной подготовленности при несении службы в особых условиях, они позволят принимать более правильные решения в условиях риска и воздействия стрессоустойчивости на сотрудника полиции.

Одним из вопросов, который часто задают, – о каких современных технологиях идет речь. На наш взгляд, одним из вариантов ответа на данный вопрос будет следующий:

1. Виртуальные тренажеры и стимуляторы. Ярким примером является VR-тренажер, для отработки навыков по огневой подготовке, ведение огня в различных условиях, по подвижным и неподвижным целям используются программы «Стрелец», «Боец», для отработки навыков по выполнению заданий освобождения заложников, штурмов, корректировка в расстановке сил и средств для выполнения боевых задач используют программы Virtual Battlespace 3.

2. Искусственный интеллект, сгенерирует различные сценарии служебной деятельности для того, чтобы курсанты и слушатели впоследствии находили оптимальные решения.

3. Создание различных интернет-платформ. На данных платформах находилась бы информация для группового и индивидуального обучения по запросу самого сотрудника [1, с. 55]. Например, раздел «тактическая медицина» включала бы в себя вопросы:

– порядок действий в красной, желтой и зеленой зонах;

– алгоритм наложения жгута и турникета для остановки кровотечения;

– средства эвакуации пострадавшего.

На наш взгляд, информацию лучше всего предоставлять в схемах, либо видеофрагментах, т. к. в таких форматах это наиболее запоминающееся средство.

Также рассмотрим положительные и отрицательные аспекты применения инновационных технологий в реализации учебных программ для слушателей и курсантов.

Первоначально положительные аспекты, которые раскроют нашу позицию о необходимости внедрения инновационных технологий:

1. Как мы говорили ранее, отработка полученных навыков в условиях, приближенных к реальным. С помощью VR- симуляторов можно моделировать различные варианты действий, принятие решений в условиях риска, еще одним преимуществом является возможность работы в команде [2, с. 431].

2. Снижение травматизма и обеспечение личной безопасности. Все действия происходят под контролем преподавателя. Процесс обучения проходит преимущественно в виртуальном формате.

3. Возможность использования искусственного интеллекта для обработки данных, с его помощью можно составить алгоритм различных ситуаций.

4. Персонализация и оптимизация учебного процесса. Данный подход улучшит усвоение тактических приемов, быстрое и взвешенное принятие решения, повышения скорости реакции в различных условиях. Благодаря компьютерным технологиям представляется возможным выявлять пробелы знаний у курсантов и слушателей, и максимально в короткие сроки их корректировать [3].

Но ничего не бывает идеальным, в т. ч. и инновационные технологии имеют недостатки:

1. Высокая стоимость оборудования, где установка и обслуживание требует значительных материальных затрат.

2. Механизм работы искусственного интеллекта с уклоном на полицейскую деятельность не разработан.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что внедрение современных технологий в процесс обучения тактико – специальной подготовки в образовательных организациях системы МВД России позволит наиболее качественнее подготовить сотрудников к действиям в особых условиях. Несмотря на то, что чрезвычайные условия сопровождаются высоким риском для жизни, сотрудники полиции будут адаптированы к особым условиям и смогут принимать взвешенные и оптимальные решения. Применение инновационных технологий сыграет важную роль в сохранении жизни и здоровья сотрудников полиции при выполнении поставленных боевых задач в особых условиях.

Литература

1. Бордачев А.Ю. Помощь современных технологий в тактико-специальной подготовке сотрудников полиции // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 5-2 (92). С. 55–57.

2. Кузнецова А.М. Эффективность VR в обучении персонала: международная практика. 2007. Ч. 2. URL: https://modumlab.com/modum-daily/efficiency-vr-2. (дата обращения: 27.01.2026).

3. Черменев Д.А., Бордачев А.Ю. Инновационные подходы проведения практических занятий по тактико-специальной подготовке в образовательных организациях МВД России // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее: мат-лы Всерос. научно-практ. конф-ции. Иркутск, 2022. С. 431–434.

***К.С. Шульга**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***М.А. Огородников**, канд. биол. наук*
Омская академия МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ ДЛЯ ПРЕСЕЧЕНИЯ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время структурные подразделения полиции в свою деятельность активно внедряют новые технологии, одной из которых является использование беспилотных воздушных судов (далее – БВС). С помощью указанных средств появляется возможность эффективно выполнять оперативно-розыскные и поисковые мероприятия, поскольку БВС, исходя из особенностей и работы, способны передавать информацию об условиях местности, осуществлять контроль за ней, идентифицировать разыскиваемых лиц. Перечисленные возмож-

ности позволяют успешно проводить специальные мероприятия, на что обращается внимание представителями доктрины [2, с. 78].

Отметим также, что в состав БВС входит и так называемая полезная нагрузка, а именно: система навигации, система передачи изображения и цифровая видеокамера, с помощью которой возможно осуществлять дистанционное управление [1, с. 51]. В силу изложенных характеристик БВС стали одним из главных инструментов для сотрудников системы правоохранительных органов.

Нельзя не отметить и законодательное регулирование рассматриваемого вопроса. В соответствии с ч. 3 ст. 11 федерального закона «О полиции» в права сотрудников полиции входит использование различных беспилотных средств: БВС, беспилотные транспортные средства и иные беспилотные автоматизированные беспилотные комплексы, применение которых имеет место при документировании обстоятельств совершения преступлений и административных правонарушений [5].

Массовые беспорядки можно определить как динамичные и опасные явления, требующие быстрого реагирования в силу того, что малейшее промедление может привести к серьезным последствиям. Соответственно, применение БВС, как представляется, для пресечения массовых беспорядков крайне актуально, поскольку с их помощью можно снизить уровень рисков для сотрудников полиции и повысить эффективность контроля за обстановкой. Помимо прочего БВС дают возможность видеть картину происходящего в реальном времени, оценивать характер и масштаб массовых беспорядков. В случаях применения цифровой видеокамеры и использования системы передачи информации становится возможным осуществлять документирование противоправной деятельности лиц, а уже затем использовать соответствующие процессуальные акты в качестве доказательств или же ориентирующей информации. Таким образом, можно заключить их роль в доказательственной функции.

Мониторинг оперативной обстановки в режиме реального времени позволяет не только своевременно реагировать на угрозы, но и рационально использовать персонал, направляя его именно в те точки, где их вмешательство максимально необходимо, с дальнейшей синхронизацией работы.

В рамках специальной военной операции беспилотные воздушные системы подтвердили свою роль не только в качестве высокоэффективного разведывательного инструмента, но и как средства поддержки подразделений. Благодаря штатному и дополнительному оборудованию БВС способны транспортировать различные ресурсы, включая воду, продовольствие, медицинские принадлежности и боеприпасы. Оснащение БВС вспомогательными техническими модулями расширяет их функционал, превращая в универсальные средства решения разнообразных задач.

В качестве примера можно привести патентование Волгоградской академии МВД России в 2026 г. беспилотного комплекса, функциональное назначение которого – охрана общественного порядка во время массовых мероприятий в качестве средства патрулирования [4, с. 95]. Запатентованный комплекс оснащен дополнительной «полезной нагрузкой» в виде громкоговорителя для передачи призывов к соблюдению законности и порядка, проблесковыми маяч-

ками, визуально обозначающими присутствие полиции, а также отстреливающим устройством для использования аэрозольных баллончиков, содержащих экстракт черного перца. Разработку Волгоградских специалистов, на наш взгляд, стоит оценить положительно, поскольку установив громкоговорители и проблесковые маяки, можно в правовом поле предупредить участников скопления о незаконном характере их действий, благодаря чему сокращается потребность в прямом физическом воздействии на нарушителей. Применение же аэрозольных баллончиков с раздражающими веществами обеспечивает выборочное воздействие на зачинщиков беспорядков, полностью исключая прямой контакт.

В случаях подавления массовых волнений правонарушители нередко пытаются скрыться. Здесь использование беспилотных воздушных суда оказывается особенно востребованным, поскольку позволяет обнаружить человека в труднодоступных зонах, на значительном удалении от полицейских сил, независимо от времени суток.

Ранее аналогичные решения были внедрены за рубежом. Например, в Китайской Народной Республике беспилотные системы применяются для регулирования дорожного движения, а также для обеспечения безопасности во время массовых мероприятий [3, с. 136]. Более того, именно БВС позволяет осуществлять координацию действий сотрудников полиции, а также прогнозировать и выявлять угрозы в толпе людей.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что задействование беспилотных воздушных систем при пресечении массовых беспорядков представляется не просто целесообразным решением, а насущной потребностью. Внедрение передовых методов противодействия подобным инцидентам становится ключевым вектором развития для органов внутренних дел Российской Федерации. Более того, используя БВС, удается рационально распределять ресурсы, поскольку один аппарат способен выполнять задачи, для которых ранее требовалось привлечение нескольких сотрудников полиции.

Литература

1. Бордачев А.Ю. Тактические особенности применения БПЛА сотрудниками полиции // Закон и власть. 2023. № 4.

2. Мешков И.Н., Тарасенко А.А. Актуальные вопросы использования возможностей беспилотной авиации в деятельности полиции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 2.

3. Мосов С. [и др.]. Место и роль беспилотной авиации при ликвидации чрезвычайных ситуаций: опыт зарубежных стран // Вестник КазАТК. 2021. № 2.

4. Робототехника России. Специалисты МВД разработали полицейский дрон для предотвращения правонарушений. URL: https://roboticsrus.ru/p=1571 (дата обращения: 11.03.2025).

5. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

***А.А. Абраменко**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Гнездилова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЭМПАТИИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Актуальность исследования обусловлена ростом численности мигрирующего населения и необходимостью развития у сотрудников правоохранительных органов навыков понимания и уважения культурных особенностей граждан различных национальностей и конфессий. В современном обществе остро стоит проблема отчуждения как на уровне межличностных отношений, так и на межнациональном и межгосударственном уровнях. Вместе с этим происходит углубление межкультурной интеграции, что проявляется в интенсификации деловых, туристических контактов, а также в интернационализации образовательного процесса. В связи с этим актуальной является проблема понимания и принятия представителя другой культуры. В ее разрешении значительную роль играет эмпатия. В процессе межкультурного взаимодействия могут возникнуть трудности, связанные не только с языковым барьером, но и с различиями в поведении, способах мышления и чувствования, что затрудняет понимание и принятие партнера по общению.

Общение является важнейшим инструментом в жизни каждого человека, особенно в профессии сотрудника правоохранительных органов. Профессиональная деятельность сотрудников МВД связана с постоянным контактом с лицами различного социального статуса, образования, мировоззрения и принадлежности к разным этническим группам. В связи с этим важной задачей является выработка умений поддерживать эффективное межкультурное общение, избегать стереотипов и предвзятых представлений о представителях тех или иных этносов и субкультур. Нужно уметь строить взаимоотношения на принципах равенства, взаимоуважения и законности. Одним из важнейших инструментов достижения успеха в таком общении является культурная эмпатия, понимаемая как способность осознавать и признавать различия между собственными взглядами и культурой других людей. В современной жизни многокультурной среды сотрудники МВД должны уметь устанавливать доверительные отношения с гражданами независимо от их вероисповедания и принадлежности к той или иной расе [1]. Цель статьи заключается в выявлении факторов, которые помогут развить культурную эмпатию у сотрудников правоохранительных органов, а также разработать рекомендации по повышению культурной эмпатии.

Исследование понятия эмпатии имеет богатую историю. Эмпатия рассматривалась как эмоция и как когнитивный акт, направленный на познание и понимание другого человека. Понимание феномена эмпатии шло по пути ее определения (как эмоции или как когниции) к интегрированному пониманию через взаимодействие эмоциональных и когнитивных проявлений, выражающихся в поведении. В психологической науке большое значение уделяется выражению эмпатии и поведению, которое она вызывает. В этом контексте эмпатия рассматривается как регулятор общения, причина альтруистического поведения, а также как форма профессиональной деятельности психолога.

Культурная эмпатия подразумевает глубокое понимание и признание своеобразия чуждой собственной культуре системы взглядов, убеждений, обычаев и ритуалов. Эмпатийный подход помогает снизить риск конфликта и обеспечивает взаимопонимание даже в сложных ситуациях, возникающих в процессе осуществления полномочий сотрудником полиции. Культурная эмпатия включает в себя следующие составляющие: когнитивную составляющую (осведомленность о культурных особенностях); эмоциональную составляющую (способность чувствовать эмоции и переживания представителей других культур); поведенческую составляющую (умение адаптировать свое поведение согласно ожиданиям и правилам поведения представителей конкретной культуры).

Отсутствие культурной эмпатии ведет к недопониманию, возникновению предрассудков и негативному восприятию, что негативно отражается на качестве профессиональной деятельности [2].

В условиях глобализации и миграции, когда общество становится все более многообразным, культурная эмпатия приобретает особую значимость, особенно для сотрудников Министерства внутренних дел. Они ежедневно сталкиваются с представителями различных культур. Правоохранительные органы должны работать на принципах равенства и законности для всех граждан, независимо от их расовой и культурной принадлежности.

Вследствие этого культурная эмпатия является неотъемлемой частью работы сотрудников МВД России в современном обществе. Она улучшает взаимодействие с населением и способствует эффективному разрешению конфликтов. Важно продолжать обучение и развитие этого важного навыка для достижения устойчивых результатов в работе правоохранительных органов [3].

Повышение уровня культурной эмпатии возможно посредством комплексного подхода, включающего специальные образовательные мероприятия, специализированные программы обучения и программы, направленные на личностный рост сотрудников. Среди возможных способов выделяются:

1. Проведение регулярной специальной подготовки по вопросам этнопсихологии и межкультурной коммуникации.

2. Включение в учебные программы образовательных учреждений МВД России курсы, посвященные истории и культуре народов России.

3. Активизация обмена опытом между подразделениями, расположенными в регионах с разными национальными особенностями, а также и на мировом уровне.

4. Поддержка инициативы сотрудников, занимающихся добровольческой деятельностью в сферах межкультурного диалога и профилактики экстремизма.

5. Проведение упражнений, имитирующих повседневные рабочие ситуации с участием представителей разных культур.

6. Привлечение опытных преподавателей этнографии и психологии для консультационной поддержки сотрудников.

Таким образом, проблема развития культурной эмпатии приобретает особую остроту в современном российском обществе, стремящемся обеспечить стабильность и безопасность своих граждан вне зависимости от их этнической или религиозной принадлежности. Эмпатия – это социальный, семейный и культурный фундамент, на котором держится любое социальное взаимодействие. Без нее сложно было бы представить развитие человечества, но сегодня у нас есть возможность взглянуть на общество, в котором мысли и чувства людей не выходят за рамки их личного тесного мирка. Развитие культурной эмпатии очень важно для каждого из нас, но особенно это важно для сотрудников МВД России, т. к. они являются лицом государства и стражем государственного порядка.

Литература

1. Гордеева Е.Н. Эмпатия сотрудников органов внутренних дел как профессионально значимое качество будущих специалистов и цель их профессиональной подготовки // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 1 (4).

2. Шевелева А.В., Марихин С.В. Особенности реализации эмпатических способностей сотрудников медицинских учреждений при взаимодействии с пациентами // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 4.

3. Тюнь А.П. Проблема культуры взаимодействия сотрудников полиции и гражданского населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 12.

***А.В. Авилов**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.А. Шмойлова**, канд. психол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ СОСТОЯНИЯ АФФЕКТА И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Состояние аффекта, на наш взгляд, представляет собой феномен, вызывающий большой интерес. Это обусловлено тем, что понимание данного состояния обеспечивает представление о механизмах дезорганизации поведения человека в экстремальных условиях.

Рассматривая данный вопрос, следует начать с характеристики признаков состояния аффекта, выделенных советскими учеными-психологами, которые характеризуют аффект как «относительно кратковременное, но сильное эмоциональное переживание, сопровождаемое резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями» [4, с. 25]. Кроме того, в литературе подчеркивается, что данное состояние представляет собой «бурно и стремительно протекающий эмоциональный процесс, обладающий взрывным характером, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии» [5, с. 341]. Также отмечается, что аффект отличается от иных эмоциональных явлений «относительной кратковременностью и большей силой», выступая как ответная реакция на неожиданную для субъекта ситуацию [1, с. 56].

Проанализировав литературу по теме исследования, можно выделить следующие признаки аффекта: внезапность возникновения, кратковременность и высокая интенсивность, взрывной дезорганизующий характер, сужение сознания с фиксацией на травмирующем раздражителе, утрата или существенное ослабление волевого контроля.

Таким образом, под состоянием аффекта мы понимаем внезапно возникающее, кратковременное, взрывное по своему течению эмоциональное состояние, которое сопровождается сужением сознания и существенным ограничением способности субъекта к осознанной волевой регуляции собственных действий.

В юридической психологии диагностика аффекта опирается на три группы методов. Первая – это анализ внешних проявлений: внезапность, кратковременность, сужение сознания, ослабление самоконтроля, изменение мимики, цвета кожи и голоса. Второе – это изучение ситуации и личностных особенностей: важно не только само состояние, но и предшествовавшие обстоятельства, а также психофизиологический фон человека. Третье – это стандартизированное тестирование с применением корректурных проб Бурдона, таблиц Шульте, опросников Кеттелла и Русалова, позволяющих объективно оценить внимание и свойства личности.

Нельзя не отметить, что, «процесс экспертизы включает анализ свидетельств, опрос свидетелей, а также проведение психологического тестирования» [2, с. 494]. Однако даже при наличии методик выявление аффекта на практике сопряжено с серьезными трудностями. Проведенное нами обобщение научных данных позволяет выделить шесть основных проблем, на базе которых сформулированы первичные рекомендации по их преодолению.

Проблема первая: все приходится оценивать задним числом. Аффект уже в прошлом, его не пощупать. Исследователю ничего не остается, кроме как реконструировать эмоциональное состояние человека постфактум, цепляясь за косвенные признаки и то, что после него осталось. Что тут можно сделать реально? Только использовать комплекс таких косвенных признаков, причем все вместе, а не по отдельности. Ни один сам по себе выводов не дает. Но когда несколько признаков сходятся в одной точке – вот эта внезапность, взрывной характер реакции, суженное сознание, явные внешние проявления плюс то, что мы видим после аффекта – тогда уверенность в диагнозе резко возрастает.

Проблема вторая: как отличить аффект от обычных эмоций? Внешне аффект запросто можно спутать с сильным гневом, острой обидой или просто эмоциональным срывом. А разница по сути колоссальная. Порой провести четкую границу между истинным аффектом и просто сильным возбуждением удается далеко не всегда. Полезно опираться на структурные критерии. Аффект всегда развивается в три фазы: подготовительная, взрыв и заключительная. Если этой трехфазной структуры нет, скорее всего, мы имеем дело с обычным эмоциональным возбуждением.

Третья проблема – выявление кумулятивного аффекта. Этот вид аффекта возникает не как мгновенная реакция на один удар или оскорбление, а как результат долгого накопления психотравмирующих переживаний. Необходимо тщательно анализировать предысторию: как долго длилась психотравмирующая ситуация, носила ли она систематический характер, были ли попытки ее прекратить. Важно отличать накопленный аффект от простой застарелой обиды, которая не имеет взрывного потенциала.

Четвертая проблема – влияние алкогольного опьянения. До сих пор нет единого ответа на вопрос: может ли человек в состоянии даже легкого опьянения испытывать полноценный физиологический аффект? Определенности в этом вопросе нет. Требуется дифференцированный подход. При легкой степени опьянения диагностика физиологического аффекта возможна при наличии всех остальных признаков. При среднем и тяжелом опьянении речь с большей вероятностью идет об аномальном или патологическом состоянии. В спорных случаях необходима комплексная экспертиза с участием как психолога, так и психиатра.

Пятая проблема – провалы в памяти после аффекта. Человек частично или полностью забывает, что произошло. Это, с одной стороны, частая причина диагностических ошибок, а с другой – удобная лазейка для злоупотреблений. Фраза «я ничего не помню» может быть и честным следствием пережитого шока, и обычным прикрытием. Поэтому полезно различать настоящую амнезию и симуляцию. У истинной амнезии всегда фрагментарный, беспорядочный ха-

рактер. Человек помнит отдельные куски, но не может собрать из них целостную картину. При симуляции же заявитель либо «не помнит вообще ничего», либо его «воспоминания» подозрительно последовательные и детальные.

И еще один важный момент – поведение сразу после события. Для постаффективной стадии типичны вялость, чувство облегчения и сильная усталость. Это состояние симулянту воспроизвести очень трудно.

Шестая проблема – симуляция или умалчивание. Один человек может лгать про аффект, надеясь смягчить обстоятельства совершенного деяния. Другой, напротив, реально пережил аффект, но сам не осознает этого или намеренно скрывает. В данном случае требуется комплексная диагностика с использованием стандартизированных психологических методик.

Проведенный теоретический анализ показал, что аффект остается одним из наиболее сложных феноменов в психологии. Его внезапность, взрывной характер и кратковременность делают ретроспективную оценку крайне затруднительной. Ни один признак, взятый в отдельности, не является достаточным для вывода об аффекте. Но их совокупность позволяет с высокой степенью достоверности отличить состояние аффекта от похожих эмоциональных состояний.

Литература

1. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М., 1976. С. 56.
2. Гареева Э.Р., Шарифьянов Р.Р. Судебно-психологическая экспертиза по определению наличия или отсутствия состояния аффекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7.
3. Кейдунова Е.Р., Мавренкова Е.А., Напханенко И.П., Попандопуло Д.В. Понятие и виды аффектов // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 35–42.
4. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971. С. 25.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1976. С. 341.
6. Савостокин М.Б. Аффект: сущность явления и проблемы квалификации // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 11-1 (86). С. 201–205.

***Д.А. Авилова**, курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ РИСКА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ОСНОВЕ МЕТОДОВ ПРОФАЙЛИНГА

В эпоху глобальной цифровизации социальные сети, стали удобной платформой для экстремистских организаций, при этом традиционные методы мониторинга контента часто оказываются неэффективными. В связи с этим актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов противодействия цифровому экстремизму в условиях его постоянной эволюции с использованием методов профайлинга, т. е. составления психологического и поведенческого портрета личности на основе анализа доступной информации с целью прогнозирования его дальнейших действий [2, с. 70]. Цель состоит в разработке математической модели для оценки вероятности экстремистского поведения в социальных сетях.

Алгоритм реализации технологии профайлинга для выявления экстремистского поведения в социальных сетях состоит из четырех этапов: сбор данных о пользователе из открытых источников, анализ собранных данных с целью выявления индикаторов экстремистского поведения, построение профиля пользователя на основе результатов анализа и оценка вероятности экстремистского поведения [1].

На заключительном этапе можно использовать выведенную нами формулу, которая будет учитывать наличие в действиях пользователя каждого индикатора и его значимость. Она выглядит следующим образом: $P = \Sigma (Wi \times Ii) / \Sigma Wi$, где P – вероятность экстремистского поведения (значение от 0 до 1); Wi – вес индикатора экстремистского поведения (значение от 0 до 1, которое определяется экспертным путем); Ii – степень проявления индикатора (от 0 до 1, где 1 означает максимальное проявление индикатора, а 0 – отсутствие); ΣWi – сумма весов всех индикаторов.

Полученный результат вероятности для наглядности следует перевести в процентное соотношение, при этом необходимо установить пороговое значение, при превышении которого пользователь считается потенциально склонным к экстремизму. Низкий уровень риска до 15 % соответствует полному отсутствию либо единичным, нерегулярным проявлениям индикаторов. Показатель от 15 до 30 % указывает на потенциальную уязвимость, фиксируется при наличии отдельных признаков, не образующих устойчивой системы, и требует наблюдения. Повышенная склонность от 30 до 50 % характеризуется регуляр-

ным проявлением нескольких индикаторов и является основанием для проведения индивидуальной профилактической работы. Высокий уровень риска свыше 50 % свидетельствует о системном характере экстремистских проявлений и сигнализирует о реальной угрозе, требующей немедленного вмешательства специалистов для предупреждения совершения преступлений.

Допустим, мы выделили 5 индикаторов экстремистского поведения и установили определенный вес для каждого индикатора:

1. Использование анонимных сетей (W1 = 0.1).
2. Использование экстремистской лексики (W2 = 0.2).
3. Участие в экстремистской группе (W3 = 0.5).
4. Поддержка экстремистских идей (W4 = 0.9).
5. Распространение экстремистского контента (W5 = 1).

Для каждого индикатора необходимо разработать шкалу или метод оценки, который позволит присвоить ему значение от 0 до 1, которое будет отражать степень проявления индикатора (Ii). Рассмотрим на примере, разобрав два индикатора и получаем, что это будет выглядеть следующим образом. Для использования анонимных сетей (I1):

0 – отсутствие использования средств анонимизации;

0.25 – эпизодическое использование общедоступных VPN-сервисов;

0.5 – регулярное использование VPN, в т. ч. при публикации контента;

0.75 – использование специализированных анонимных сетей (Tor, Freenet, Bitmessage);

1 – комбинированное использование нескольких средств анонимизации с высокой частотой смены идентификаторов.

Для участия в экстремистской группе (I3):

0 – отсутствие участия в экстремистских группах;

0.25 – подписка на несколько экстремистские группы без активного участия (пассивный наблюдатель);

0.5 – подписка на несколько экстремистских групп, редкие реакции (лайки);

0.75 – активное участие в экстремистских группах: комментарии, репосты, участие в обсуждениях;

1 – является администратором, модератором или ключевым активным участником экстремистских групп.

И таким же образом устанавливается значение для каждого индикатора в зависимости от степени его проявления.

Предположим, что у пользователя обнаружено:

1. Регулярное использование VPN, в т. ч. при публикации контента (I1 = 0.5).
2. Единичные случаи использования экстремистской лексики в цитировании или пересказе (I2 = 0.25).
3. Активное участие в экстремистских группах: оставляет комментарии и делает репосты (I3 = 0.75).
4. Умеренная поддержка, выражающаяся в отдельных высказываниях, разделяющих элементы экстремистской идеологии (I4 = 0.25).

5. Распространяет экстремистский контент, при помощи репостов и формальных комментариев (I5 = 0.5).

Из этого следует, что вероятность экстремистского поведения будет равна: P = (0.1 × 0.5 + 0.2 × 0.25 + 0.5 × 0.75 + 0.9 × 0.25 + 1 × 0.5) / 2.7 = 1.2 / 2.7 = 0.44, т. е. она составляет 44 %, что указывает на повышенную склонность и является основанием для проведения индивидуальной профилактической работы.

В заключение хочется сказать, что разработанная модель профайлинга продемонстрировала свою эффективность при предварительной оценке, подтвердив возможность выявления пользователей социальных сетей, проявляющих признаки экстремистской идеологии. Дальнейшие исследования по данной теме могут быть направлены на совершенствование модели, расширение ее функциональности, увеличение количества индикаторов и проведение всесторонних экспериментов для подтверждения и повышения эффективности модели в реальных условиях.

Литература

1. Хасанбиевна М.М. Профайлинг как одна из современных форм противодействия экстремизму и терроризму // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profayling-kak-odna-iz-sovremennyh-form-protivodeystviya-ekstremizmu-i-terrorizmu (дата обращения: 19.03.2026).

2. Шевченко О.И., Агряскин В.Ю. Роль профайлинга в современной психологии // Актуальные исследования. 2025. № 19 (254). Ч. III. С. 70–73. URL: https://apni.ru/article/12012-rol-profajlinga-v-sovremennoj-psihologii (дата обращения: 19.03.2026).

***П.Н. Алексеева**, курсант 3 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
***Н.В. Шкорбатова**, канд. юрид. наук*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ РИСКОВ СПУФИНГ-АТАК В РАМКАХ ФЗ-572

Развитие технологий биометрической идентификации сопровождается ростом числа киберугроз, среди которых особую опасность представляют спуфинг-атаки – попытки обмана системы аутентификации с использованием поддельных биометрических данных. Федеральный закон № 572-ФЗ заложил

основы регулирования биометрии в России, однако он требует дальнейшего развития с учетом динамично меняющихся угроз [5].

Рассмотрим подробнее правовое регулирование биометрических данных в Российской Федерации. Как уже было сказано ранее, федеральный закон № 572-ФЗ регулирует отношения, возникающие при идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных через Единую биометрическую систему (далее – ЕБС). Закон устанавливает требования к обработке биометрических данных (изображение лица и запись голоса) [1]. Полномочия уполномоченного органа, порядок взаимодействия ЕБС с информационными системами аккредитованных организаций, а также ограничения на обработку биометрических данных вне ЕБС.

Ключевые положения закона включают: запрет на обработку биометрических данных вне ЕБС для целей аутентификации и идентификации; требования к хранению данных в зашифрованном виде и отдельно от персональных данных при обработке вне ЕБС [4].

Таким образом, полагаем, что одной из ключевых и неурегулированных угроз является спуфинг. Спуфинг – это попытка выдать фальшивую личность за настоящую с помощью поддельных биометрических данных. Виды спуфинг-атак включают фото- и видеоатаки (показ фотографии или видеоролика настоящего пользователя перед камерой), реплей-атаки (трансляция заранее записанного видео), использование 3D-масок, имитирующих лицо жертвы, дипфейки, а также голосовой спуфинг (воспроизведение аудиозаписи или синтезированного голоса) [2].

Рассмотрим подробнее основные виды спуфинга. При реализации IP-спуфинга злоумышленник использует специальное программное обеспечение, чтобы изменить свой исходный IP-адрес (это может быть достигнуто с помощью утилит, таких как hping, nmap или scapy). Например, при DDoS-атаке злоумышленник может отправить пакеты на сервер, подделывая IP-адреса жертв, чтобы скрыть свое местоположение.

Злоумышленники, использующие Email-спуфинг, взаимодействуют с SMTP-серверами для отправки электронных писем с поддельным адресом отправителя. С помощью утилит вроде sendmail или специальных фишинговых инструментов они могут настроить заголовки писем так, чтобы они выглядели как отправленные от известного источника. Пример, часто встречающийся в реальной жизни: человек получает письмо от «своего друга», который говорит, что он попал в какую-либо трудную финансовую ситуацию и нуждается в деньгах. Письмо выглядит очень правдоподобно, но на самом деле это мошенник, который подделал адрес и воспользовался стилем общения близкого человека. В настоящее время этот вид мошенничества чаще реализуется через мессенджеры и социальные сети, нежели email-сервисы [6, с. 242].

Мошенники могут использовать вредоносное ПО или эксплойты для изменения DNS-записей на целевом сервере или маршрутизаторе. Это достигается через «слабые», менее защищенные места в программном обеспечении, в таком случае можно получить доступ к учетной записи администратора. Например, при попытке зайти на сайт банка, вместо этого можно попасть на поддель-

ный сайт, созданный злоумышленником: DNS-записи маршрутизатора изменены, чтобы перенаправить абоненты на фальшивую страницу, которая выглядит как настоящая. При вводе учетных данных, они попадают к мошеннику [6, с. 243].

Последствия успешных спуфинг-атак могут быть серьезными, а именно:

– несанкционированный доступ к личным данным и финансовым средствам;

– компрометация систем идентификации;

– мошенничество с использованием украденной биометрии;

– подрыв доверия к биометрическим технологиям.

На основе анализа ФЗ-572, полагаем, что существуют следующие пробелы в защите от спуфинг-атак. Недостаточная регламентация технических стандартов защиты биометрических систем, отсутствие обязательных процедур аудита на уязвимость к спуфинг-атакам, нечеткие механизмы реагирования на инциденты, связанные со спуфингом [3].

На основе риск-ориентированного подхода предлагаются следующие меры защиты.

Во-первых, необходимо ввести обязательные технические стандарты защиты, дополнив ФЗ-572 требованиями к использованию технологий методов биометрической безопасности, что может включать в себя текстурный анализ, нейросетевые модели для обнаружения подделок, а также мультимодальной биометрии.

Во-вторых, следует внедрить регулярный аудит и сертификацию систем – обязательную процедуру периодического аудита биометрических систем на предмет уязвимостей.

В-третьих, важно обновить и разработать механизмы реагирования на инциденты: дополнить закон процедурами оперативного реагирования на случаи успешной спуфинг-атаки, включая обязательное уведомление субъектов данных.

Также считаем необходимым интеграцию с законодательством о кибербезопасности. Это позволит обеспечить согласованность ФЗ-572 с другими актами, регулирующих защиту данных.

Таким образом, совершенствование правового регулирования биометрическими данных в рамках ФЗ-572 должно быть гибким и учитывать как текущие угрозы, так и перспективы технологического развития. Ключевым фактором успеха станет межведомственное взаимодействие и привлечение экспертов в области кибербезопасности и биометрии.

Литература

1. Информационные технологии. Биометрия. ГОСТ Р 58668.1-2019. Ч. 1. Структура системы биометрической аутентификации.

2. О защите биометрических персональных данных: доклад Роскомнадзора. 2023.

3. О Единой биометрической системе [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 16.06.2022 № 1089. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2022 № 572–ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Асянова С.Р., Жигалова Я.И. Спуфинг как угроза кибербезопасновти: понятие, виды, меры противодействия // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 11. С. 242–247. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/-spufing-kak-ugroza-kiberbezopasnosti-ponyatie-vidy-mery-protivodeystviya/viewer (дата обращения: 13.08.2026).

***Я.В. Анищенко**, курсант 1 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.В. Внуковская**, канд. филол. наук*
Ростовский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ МВД

Важную роль в общении сотрудников играет культура речи, т. к. она является составляющей компетенции любого профессионала. Речь сотрудника ОВД основана на правовом фундаменте, и любой из них имеет юридическое образование, дающее необходимые юридические знания. Коммуникация сотрудников правоохранительных органов отличается тем, что она обусловлена не только культурой речи гражданского человека, но и особенностями профессиональной деятельности и «языком законодательства», т. е. имеет профессиональную направленность.

Основой профессиональной деятельности сотрудника являются язык и право, которые тесно связаны между собой. Они представляют собой неотъемлемую часть работы правоохранительных органов. Язык – основное средство общения, поэтому от него зависит успешность и эффективность коммуникации. Право создается для защиты общественного порядка и представляет собой инструмент управления обществом. Так как полицейские являются представителями органов власти и имеют определенные требования к поведению и речи, на

них возлагается обязанность воспитания культуры речи. В связи с этим данному аспекту уделяется пристальное внимание учебными организациями в рамках учебной и воспитательной работы с будущими сотрудниками органов внутренних дел.

Образовательные организации имеют определенную систему формирования и развития коммуникативных навыков, т. к. их целью является дать качественное образование и научить курсантов быть компетентными специалистами. Воспитательные задачи решаются в ходе образовательного процесса, повседневной службы, совместной образовательной, методической, научной и других видов деятельности переменного состава вуза. Поэтому очень важно создать систему, которая поможет курсантам освоить все аспекты своей деятельности.

Для курсантов сложным периодом становится 1 курс, т. к. встает вопрос об адаптации. Поступая на службу, они сталкиваются с трудностями смены обстановки жизни, т. к. гражданский образ жизни значительно отличается от жизни полицейского [1, с. 104]. В контексте служебного образования это адаптация к учебе, которая характеризуемая успеваемостью, адаптация к исполнению служебных обязанностей, а также немаловажная адаптация в коллективе, в общении с однокурсниками (налаживание общения и поведение в конфликтах ситуациях).

Каждый курсант имеет свой темперамент, стиль поведения и общения. За счет того, что у курсанта появляются множество новых обязанностей, совокупность всех стрессовых ситуаций может привести к психоэмоциональному выгоранию. На фоне эмоционального истощения молодые люди становятся более агрессивными, снижается профессиональная активность, ухудшаются взаимоотношения с однокурсниками. Вследствие изменений в поведении за счет стресса курсантам свойственно менять свой стиль речи и поведение.

Для снижения нагрузки и формирования здорового психологического климата в образовательных организациях проводится ряд мероприятий, направленных на воспитание речевых и психологических особенностей каждого курсанта. Это работа каждого сотрудника и преподавателя, т. к. такая система имеет эффективность в совокупности усилий всех специалистов, работающих в образовательной организации.

Большую работу проводят психологи, которые следят за морально-психологическим состоянием каждого обучающего. «Профессиональная деятельность психологов органов внутренних дел носит многоплановый, поливариантный характер» [3, с. 51]. Например, занятия по психологической тематике в системе морально-психологической подготовки личного состава; изучение морально-психологических качеств сотрудников; изучение, анализ и оценка социально-психологического климата в служебных коллективах и морально-психологического состояния личного состава, консультативная работа с курсантами по вопросам профилактики, разрешения и минимизации последствий межличностных конфликтов.

Также с курсантами проводится работа преподавателей как по обучению речевым навыкам, так и по воспитанию моральных норм сотрудника. Препода-

ватели организуют ряд занятий, которые помогают курсантам выработать в себе культуру речи и умение общаться с разными слоями населения. Курсанты получают знания в области лексики и грамматики, а также правильного использования юридических знаний. Разумеется каждый сотрудник образовательной организации вкладывается в воспитание будущих офицеров, прививая им этику правоохранителя [2, с. 110].

Таким образом, особенности жизни курсантов накладывают отпечаток на их речь и психологию. Курсантам бывает трудно при смене обстановки и в состоянии стресса свыкнуться с характерами и бытовыми привычками своих сокурсников. Зачастую возникают конфликты на фоне разницы интересов и темпераментов. Образовательным организациям приходится работать не только с тем, чтобы воспитать достойных представителей власти, но также помочь справиться с трудностями речевых коммуникаций и формировать и развивать культуру речи курсантов.

Литература

1. Внуковская А.В., Резникова А.В. Психологическая и социокультурная адаптация обучающихся образовательных организаций МВД // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. № 20-2. С. 104–105.

2. Попова Н.В. Повышение языковой грамотности студентов технических вузов на занятиях по русскому языку и культуре речи // Труды Дальневосточного государственного технического университета. 2002. № 132. С. 18–19.

3. Семчук И.В. Совершенствование профессиональной подготовки будущих психологов в Московском университете МВД России имени В.Я Кикотя как субъектов профессиональной деятельности // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 51–53.

***П.С. Баишев**, курсант 3 курса*
Уральский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Пенионжек**, канд. филос. наук, доцент*
Уральский юридический институт МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СО СМИ И РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ВНИМАНИЯ И ИНФОРМАЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕЗОНАНСНЫХ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СКУЛШУТИНГОМ

В настоящее время активными темпами происходит развитие цифровизации, что существенно сказывается на всех сферах жизнедеятельности человека.

Так, цифровая эра не обошла стороной и область деятельности средств массовой информации. Любое событие может стать достоянием общественности буквально за одно нажатие на смартфон пользователя, при этом, если говорить об инцидентах, которые и без того имеют существенный охват обозревателей, ситуация с появлением интернета только усугубляется. В данной работе автором проводится анализ коммуникативных аспектов деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в условиях повышенного информационного давления и общественного внимания, на примере резонансных происшествий, связанных со скулшутингом.

Начать рассмотрение указанного вопроса представляется возможным с установления понятия скулшутинга, его сущности и ряда особенностей. Так, Т.С. Волчецкая, М.В. Авакьян и Е.В. Осипова определяют скулшутинг как убийство или покушение на убийство двух и более лиц, совершенное одновременно либо на протяжении небольшого промежутка времени в образовательных организациях, без периодов эмоционального охлаждения, сопряженное с опасностью для неопределенного количеств лиц, характеризующееся единым преступным намерением при отсутствии террористических или корыстных мотивов [1, с. 581]. Следует согласиться с позицией авторов, с точки зрения рассмотрения вопроса со стороны правовой науки, поскольку данное определение тесно связывается с уголовным правом.

Следует отметить, что сама концепция скулшутинга имеет западные корни, что можно установить даже исходя из лингвистического анализа самого понятия, образованного от английских слов «school» и «shooting» и дословно означающее – школьная стрельба или «стрельба в школе». При этом эталонным с точки зрения совершения данного рода преступления являются события 1999 г., произошедшие в городе Литлтон штат Колорадо, США, когда двое вооруженных старшеклассников ворвались в школу с оружием, в результате чего погибли 13 человек [3, с. 28]. Данная трагедия произошла в школе «Колумбайн», что послужило наименованием и основой одноименной идеологии насилия. В дальнейшем данное событие стало источников для многочисленных подражателей по всему миру, к сожалению, и из России.

Обращаясь к сведениям из открытых источников, можно установить, что по состоянию на конец февраля 2026 г. мы имеем порядка шести эпизодов таких происшествий в течение начала этого года. При этом если говорить о статистике, то за последние 5 лет (2021–2025 гг.), общее количество инцидентов составляет 28, что в среднем следует считать, как 5,6 актов/год [4]. Справедливо отметим, что это значительно выше текущей тенденции, поскольку на начало года мы имеем показатель выше среднегодового за последние 5 лет. Так, вышеуказанное свидетельствует о важности указываемой проблемы и, к сожалению, об ее актуальности.

Возвращаясь к деятельности сотрудников правоохранительных органов, отметим, что именно сотрудники полиции первыми пребывают на место события, в т. ч. и создающих общественный резонанс. Так, отметим случай 2021 г., когда младший лейтенант полиции Константин Калинин, вместе с его напарником старшим лейтенантом полиции Владимиром Макаровым первыми прибыли

на сообщение о стрельбе в Пермском национальном исследовательском университете. При этом В. Макаровым была организована эвакуация людей из захваченного здания, а К. Калининым был обезврежен нападавший стрелок Тимур Бекмансуров [2]. Так, в результате действий экипажа ДПС, было пресечено преступление, создающее повышенную общественную опасность для окружающих.

Отметим, что упомянутые события создают условия повышенного общественного внимания, что отягощает деятельность сотрудников правоохранительных органов. В данном случае речь идет не только о локализации источника конфликта – скулшутинга, но и об обеспечении общественной безопасности и общественного порядка.

Известно, что любое резонансное событие для средств массовой информации является «навесом золота», поскольку выступает в качестве предмета их деятельности. Это свидетельствует о весомых намерениях журналистов снять качественный и полный сюжет с места событий. В данной ситуации это является одной из проблем противодействия деятельности сотрудников ОВД, задачей которых является обеспечение безопасности, т. е. ограничение доступа к территории, на которой произошел рассматриваемый инцидент. При этом отметим, что в ходе обеспечения общественной безопасности нередки случаи, в которых сотрудникам правоохранительных органов предстояло на основании закона отказывать представителям СМИ в пребывании на участке местности, подлежащем повышенной охране и контролю. Так, мы можем говорить о необходимости формирования у сотрудников органов внутренних дел компетенций, связанных с ведением деятельности в условиях повышенного общественного внимания, поскольку в указанных обстоятельствах лицу необходимо не только выполнить поставленные задачи, но и грамотно объяснить гражданам необходимость покинуть место их временного пребывания в целях обеспечения их безопасности, что в стрессовой ситуации является весьма сложным заданием.

Представляется необходимым затронуть вопрос о формировании специализированной программы подготовки сотрудников правоохранительных органов, ориентированной на проведение переговоров и бесед в условиях повышенного общественного внимания. При этом рассматриваемая дисциплина должна являться основополагающей для всех сотрудников ОВД, поскольку, как показывает практика, вне зависимости от подразделения, полицейские первыми пребывают на происшествие и обеспечивают на нем безопасность граждан. Ключевым аспектом, обуславливающим необходимость введения данной меры, можно также выделить потребность в повышении уровня престижа органов правопорядка. Поскольку, в состоянии сильного эмоционального потрясения, зачастую человек не может в полной мере совладать со своими переживаниями и теряет контроль над своими словами и поступками. Так, любой сотрудник полиции является человеком и также испытывает эмоциональное возбуждение. Именно поэтому нам стоит говорить о необходимости данной меры. Подготовленный сотрудник, обладающий навыками действий в ситуациях повышенного общественного внимания, продемонстрирует высокие имиджевые значения полиции России гораздо лучше, чем в ситуации, когда сотрудник ОВД в результа-

те сильного душевного потрясения стоит и смотрит на толпу наблюдателей, без возможности преподнести им какую-либо информацию.

В заключение хотелось бы отметить, что указанная мера является не единственным необходимым способом усовершенствования деятельности органов внутренних дел. Следует говорить о формировании системного подхода к решению актуальных проблем, который в рассматриваемом случае стоит также в мониторинге социальных сетей, в т. ч. с использованием технологий искусственного интеллекта, внедрением сотрудников правопорядка в молодежную среду с целью анализа тенденций обсуждаемого в среде современной молодежи, а также в реализации функции общей превенции, являющейся одной из ключевых в деятельности полиции России.

Литература

1. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 5. С. 578–591.

2. Константин Калинин награжден орденом Мужества. Его напарник Владимир Макаров – медалью «За отличие в охране общественного порядка» / Пресс-центр МВД России. URL: https://mvdmedia.ru (дата обращения: 09.03.2026).

3. Мамонтова Э.А., Швыркин А.А. Генезис феномена вооруженного нападения на образовательные организации (скулшутинга) в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2. С. 26–32.

4. Почему дети убивают детей. В России пятый год растет число нападений на школы. URL: https://66.ru (дата обращения: 09.03.2026).

***В.М. Балтукова, Я.М. Гарц**, курсанты 2 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
***М.Г. Евдокимова**, канд. пед. наук, доцент*
Восточно-Сибирский институт МВД России

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

В соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации [1] «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». На данный момент в России проживает более 146 млн человек [5], из них на территории страны числится более 190 народов, в число кото-

рых входят коренные малые и автохтонные народы России [3]. В России, как и в других странах, миграционные процессы ведут к образованию разнообразных этнических и культурных групп. Все это создает новые вызовы для правоохранительных органов, сотрудникам которых необходимо работать в условиях многообразия и индивидуализации. Одной из важных составляющих эффективной работы полиции является способность сотрудников быстро и грамотно взаимодействовать с людьми разных культур и национальностей. Сотрудники патрульно-постовой службы и участковые уполномоченные полиции чаще других представителей правоохранительных органов непосредственно взаимодействуют с населением. Их деятельность направлена на урегулирование конфликтных ситуаций, профилактику правонарушений и обеспечение общественного порядка и обусловлена владением межкультурной компетентностью сотрудниками патрульно-постовой службы. Следует понимать, межкультурная коммуникация – это готовность к взаимопониманию людей разных культуры, ценностей со стороны правоохранительных органов, и в то же время уважение норм, правил, правовых культур гражданами других государств, находящихся на территории России.

Как известно, «каждое общество обладает своей уникальной культурой, обусловленной историческим опытом, географическими условиями, особенностями менталитета» [2, с. 448]. Однако культура в силу социальных, экономических и политических факторов динамично развивается, а «Глобализация и информационные технологии ускоряют этот процесс, делая культурный ландшафт мира все более сложным и многообразным [2, с. 448]. Культура как социальный феномен оказывает влияние на развитие общество, на его организацию, деятельность и представляет собой совокупность норм поведения, соблюдения законов и культурных ценностей, присущих конкретному обществу, организации.

Сложность владением межкультурной компетентностью обусловлена разными причинами, прежде всего это коммуникация и правила владения речевым поведением.

Несмотря на то, что в коммуникации существует определенная универсальность, однако избыточное владение информацией о другой культуре может быть неуместна. Владение мимикой и жестами одному коммуниканту будет понятно, у другого собеседника такое общение может вызвать недоумение.

Следует отметить, что в некоторых культурах запрещено употребление определенных слов или обсуждение отдельных тем в присутствии посторонних, принятие во внимание этих особенностей поможет сотруднику «втереться в доверие» и наладить контакт с гражданами. Сотрудник должен относиться с уважением к любому человеку, вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Сотрудник обязан быть приветливым, сдержанным и вежливым [1]. Можно сделать вывод, что знание культурных особенностей различных этнических и религиозных групп помогает сотрудникам ОВД эффективнее выстраивать общение с гражданами. Понимание

традиций, норм поведения, особенностей невербальной коммуникации и религиозных запретов позволяет проявить уважение к собеседнику и снизить уровень психологического напряжения. В результате формируется более доверительная атмосфера общения с гражданином – представителем дугой культуры. Владение разными культурными особенностями невозможно и нерационально, но соблюдение в беседе вежливость, тактичность, уважительное обращение к собеседнику является основным принципом тактичного поведения. Необходимо также проявлять гибкость в общении, способность адаптировать свое поведение в зависимости от ситуации и реакции собеседника. В связи с этим представляется целесообразным включение в программы подготовки и повышения квалификации сотрудников ОВД специальных тренингов по кросс-культурной психологии и межкультурной коммуникации, а также углубленном изучении психологии в целом. Такие предметы должны быть направлены на формирование практических навыков общения в многонациональной стране, развитие эмпатии и способности к гибкому реагированию в сложных коммуникативных ситуациях. Таким образом, межкультурная компетентность сотрудников полиции может рассматриваться как важный инструмент профилактики конфликтов и обеспечения общественной безопасности в условиях культурного разнообразия современного общества.

Как полагает «с установлением компетенции органы внутренних дел по своему правовому положению в системе органов исполнительной власти приобретают возможность либо требовать от объектов управления известного поведения, либо самим в соответствии с возложенными на них обязанностями действовать согласно предписаниям нормативных актов. Вся последующая деятельность органов внутренних дел, включая организационные мероприятия и правоотношения, выступает как результат осуществления их компетенции» [4, с. 210].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Лхагвасайхан Д., Возженикова О.С. Межкультурная компетентность и ее формирование в кросс-культурной среде органов внутренних дел // Право и управление. 2024. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kompetentnost-i-eyo-formirovanie-v-kross-kulturnoy-srede-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 10.03.2026).

3. Многоликая страна: какие народы составляют население России. URL: https://www.thevoicemag.ru/social/stories/mnogolikaya-strana-kakie-narody-sostavlyayut-naselenie-rossii/ (дата обращения: 05.03.2026).

4. Прудников А.С. Особенности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в условиях межнациональных и межконфессиональных конфликтов // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnoy-

deyatelnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-v-usloviyah-mezhnatsionalnyh-i-mezhkonfessionalnyh (дата обращения: 14.05.2026).

5. Численность населения России по годам: 1992–2025. URL: http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-rossii-po-godam/ (дата обращения: 05.03.2026).

***Ю.М. Белик**, курсант 2 курса*
Краснодарский университет МВД России

Научный руководитель:
***С.В. Аликова**, канд. филол. наук, доцент*
Краснодарский университет МВД России

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К НЕГАТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВЛИЯНИЮ

В условиях стремительной трансформации современного общества, роста геополитической напряженности и развития информационных технологий органы внутренних дел (далее – ОВД) сталкиваются с беспрецедентными вызовами. Однако наряду с традиционными источниками стресса и риска, связанными со спецификой служебной деятельности, сотрудники ОВД все чаще подвергаются целенаправленному негативному информационно-психологическому влиянию (далее – ИПВ).

Актуальность темы обусловлена не только возрастающей мощью информационных атак и их негативными последствиями для сотрудников ОВД, но и недостаточной разработанностью комплексных подходов к формированию психологической устойчивости к подобным воздействиям.

Целью данной научно-исследовательской работы является выявление и анализ основных проблем, препятствующих формированию адекватной психологической устойчивости сотрудников ОВД к негативному информационно-психологическому влиянию, а также обоснование путей и механизмов для их преодоления, а также предложены меры по усилению психопрофилактической работы.

1. Теоретические основы психологической устойчивости и информационно-психологического влияния.

Психологическая устойчивость – это интегративное свойство личности, позволяющее ей сохранять оптимальный уровень функционирования, адекватность поведения и эффективность деятельности в условиях воздействия неблагоприятных или стрессовых факторов. Она включает в себя такие компоненты, как волевая регуляция, социальная компетентность, мотивационная устойчивость.

Информационно-психологическое влияние– это целенаправленное и скрытое (или открытое) воздействие на психику человека или группы с использованием информационных средств, направленное на изменение их установок, ценностей, мотивов, эмоционального состояния и поведения в желаемом для субъекта влияния направлении [1].

2. Специфика негативного информационно-психологического влияния на сотрудников ОВД.

Сотрудники органов внутренних дел являются особой мишенью для негативного ИПВ по ряду причин:

1) высокая общественная значимость их деятельности;

2) эмоционально насыщенный характер работы;

3) необходимость соблюдения строгой дисциплины и субординации;

4) уязвимость семьи и близких;

5) частые контакты с криминальной средой. Усиление общественного контроля и критики.

3. Проблемы формирования психологической устойчивости сотрудников ОВД к негативному ИПВ.

Несмотря на очевидную значимость, формирование эффективной психологической устойчивости сотрудников ОВД к негативному ИПВ сталкивается с рядом существенных проблем:

1. Недооценка масштабов и опасности ИПВ на всех уровнях

2. Недостаточная психологическая подготовка и отсутствие специализированных методик:

– устаревшие подходы;

– отсутствие специализированных курсов;

– дефицит практических навыков.

3. Слабая развитость системы психологической поддержки и реабилитации:

– «культура молчания» и стигматизация;

– недостаток квалифицированных специалистов;

– отсутствие непрерывности.

4. Пути решения проблем формирования психологической устойчивости.

Формирование комплексной психологической устойчивости сотрудников ОВД к негативному ИПВ требует системного подхода и многосторонних усилий:

1. Актуализация и совершенствование системы психологического отбора и оценки:

– Оценка уровня психологической зрелости и сформированности системы ценностей как фактора, защищающего от негативного воздействия.

2. Интеграция специализированной подготовки в образовательные программы:

– Практические тренинги по формированию навыков критического анализа информации, развитию «информационного иммунитета».

3. Формирование корпоративной культуры психологической устойчивости:

– Создание атмосферы открытости и доверия в коллективе, где сотрудники могут делиться своими опасениями и получать поддержку [2].

Проблема формирования психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел к негативному информационно-психологическому влиянию является одной из наиболее острых и комплексных задач современного этапа развития правоохранительной системы. Формирование психологически устойчивого сотрудника ОВД, способного критически оценивать информацию, противостоять манипуляциям и сохранять профессиональную эффективность в условиях постоянного информационного давления, – это не просто задача кадрового или психологического подразделения. Это стратегический приоритет, обеспечивающий стабильность и безопасность государства, а также благополучие его граждан.

Литература

1. Марьин М.И., Касперович Ю.Г. Психология безопасности личности и деятельности сотрудников органов внутренних дел: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2017. 383 с.

2. Громыко С.Н. Психологическая устойчивость сотрудников органов внутренних дел в сложных условиях профессиональной деятельности: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2015. 156 с.

3. Мальцева В.В. Проблемы формирования стрессоустойчивости сотрудников правоохранительных органов в современных условиях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 408–412.

***А.Ю. Блюм**, студент 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Гнездилова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКОВ И ЛИНГВИСТОВ В ПОДДЕРЖКЕ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Полицейская деятельность многогранна и требует точного взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов и населением, включая лиц с различным языковым фоном. Переводчики и лингвисты играют в процессе этой коммуникации важную роль. Они являются посредниками между сторонами судебных процессов, в расследовании преступлений, при опросах и допросах и т. д. Хорошее знание иностранного языка является залогом их плодотворной работы – точной передача информации, которая влияет на правильность вынесения судебного решения и соблюдение прав и свобод граж-

данина. Ошибки же приводят к неверным оценочным суждениям, нарушениям процедурных норм.

Однако только языковых знаний для переводчиков недостаточно, очень часто необходима общепрофессиональная компетенция. Специфика переводчика в органах правосудия заключается в понимании юридической терминологии, культурных аспектов обоих языков (исходного и целевого).

Важность роли переводчиков в правоохранительной сфере обусловлена увеличением числа многоязычных сообществ и миграционных процессов, что расширяет спектр задач правоохранительных органов. Однако в Советском Союзе получить переводчика на судебный процесс было не совсем просто. Лишь в 2001 г. согласно УПК РФ стало возможным приглашать переводчика, владеющего родным языком участника судебного процесса, который не владеет языком судопроизводства. В досудебном порядке, если человека задерживают, ему необходимо объяснить, что он имеет право на переводчика. На основании ст. 18 ч. 2 УПК РФ «всем участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами дела, выступать в суде на родном языке, а также бесплатно пользоваться услугами переводчика».

Важным критерием, указывающим на способность гражданина из другой страны понимать язык судопроизводства, является его собственная позиция, что он все понимает в данном процессе: лексику, особенности официально-делового стиля, устной и письменной речи и т. д. Это могло бы значительно облегчить работу сотрудников по поиску переводчиков. Но здесь возникает другая проблема. По мнению многих правоохранителей, достаточно высокий процент преступлений совершается в нынешних условиях лицами из Средней Азии. Это объяснимо, поскольку на сегодняшний момент в России проживает около 3,5 млн человек. В общем, они неплохо понимают русский язык, но в процессе судопроизводства они «забывают» его, требуют переводчика, преднамеренно затягивая процесс. Приведем реальный пример. В Санкт-Петербурге по подозрению в совершении преступления был задержан гражданин грузинской национальности. Он и его адвокаты потребовали переводчика всех следственных действий. Его ходатайство было отклонено по нескольким причинам. Во-первых, подозреваемые ранее привлекался к уголовной ответственности в Российской Федерации и никаких переводчиков не требовал. Во-вторых, во времена Советского Союза он окончил среднюю школу и институт, а в то время русский язык был государственным языком. И в третьих, этот человек в последнее время долго проживал на территории России и прекрасно общался на русском языке. Таким образом, обвинение не посчитало необходимым предоставлять переводчика, поскольку причины были надуманными. Однако сторона защиты доказала, что обвиняемый никогда не учился в вузе, а русский язык в школе он изучал в Грузии. Это значит, что там он был сродни английскому или немецкому, т. е. фактически это был для него иностранный язык. Адвокаты также доказали, что и ранее защита запрашивала переводчика, но он не был предоставлен.

В результате переводчика все-таки предоставили, но процесс был затянут на долгий срок.

Какие же требования предъявляются к переводчикам в нашей стране? Во-первых, это опыт и навыки переводческой деятельности, хорошее знание иноязычной юридической терминологии, высокой уровень коммуникативной компетенции, знания в области юриспруденции, медицины и т. д. И все эти умения должны быть подкреплены официальным образовательным документом. Переводчик обязан незамедлительно приехать в органы по вызову следователя, дознавателя, прокурора, судьи. Он должен уметь переводить не только живую речь сотрудника и гражданина, а также делать устные и письменные переводы процессуальных действий и актов. В его обязанности входит неразглашение тайны, которую он услышал в процессе взаимодействия и был предупрежден заранее. За заведомо ложные показания, заведомо ложный перевод или экспертизу предусмотрена уголовная ответственность.

Как мы видим, требования, предъявляемые к переводчикам и лингвистам достаточно высокие и роль, выполняемая ими в процессе судопроизводства бесценно велика. Однако большой проблемой в Органах внутренних дел Российской Федерации является нехватка специалистов этой профессии, что сказывается на снижении эффективности расследований. Как правило, Следственные комитеты в нашей стране пользуются услугами языковых фирм, и на их переводчиках лежит колоссальная работа и большая ответственность. Услуги за работу оплачиваются из бюджета, и они мизерные, однако и эти деньги умудряются похитить. Так, несколько лет назад в Москве была похищена сумма в 315 млн рублей, которая предназначалась на оплату переводчиков. Организаторами преступления стали руководитель фирмы, предоставлявший переводчиков и бывший руководитель Судебного департамента в Москве. Следствие выяснило, что фирма предоставляла ложные постановления суда о том, что труд переводчиков был оплачен. В результате было возбуждено уголовное дело.

Важно отметить, что современный мир информационных технологий помогает сотрудникам полиции общаться с иностранцами с помощью специальных приложений, чат ботов, однако этого общения недостаточно для замены переводчиков и официального ведения судебного процесса. Необходим комплексный подход, который требует не только повышения квалификации сотрудников, но и совершенствования законодательства. Прежде всего, это касается в части законодательного регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Кроме того, УПК опирается на свободное владение языком, с которого ведется перевод, но этого недостаточно. Необходимо владение юридической терминологией и опыт подобных переводов, поскольку некомпетентность переводчиков может привести к нарушению прав граждан.

Литература

1. Буханов А.И. Квалифицированный перевод и компетентный переводчик – гарантии соблюдения права на пользование родным языком участников уголовного судопроизводства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 126–130.

2. Загорьян С.Г., Мисник И.В. Переводчик и его роль в современном российском уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 139–144.

3. Нургалиев Б.М., Кусаинова А.К., Беляева И.М. Участие переводчика в производстве расследования и его роль в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (по законодательству республики Казахстан) // Вестник КРУ МВД России. 2020. № 3 (49). С. 47–52.

***А.Ю. Блюм**, студент 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Гнездилова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РУССКИЙ ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В Российской Федерации насчитывается около 22 тыс. глухих людей, однако людей с нарушениями слуха гораздо больше – около 20 млн человек. Самостоятельно организовывать свою жизнь без помощи социальных и правоохранительных организаций они не могут.

Рассмотрим понятие «Русский жестовый язык» (далее – РЖЯ) и найдем различия между ним и звучащим языком. Главное отличие заключается в канале, по которому течет звук и проходит информация от говорящего человека к его собеседнику. В РЖЯ, как и в любом другом жестовом языке, информация кодируется в движении рук, мимике, положении тела в сочетании с его взглядом и воспринимается только с помощью визуального канала.

«Русский жестовый язык – это естественный язык, используемый для коммуникации людьми с нарушениями слуха, проживающими на территории Российской Федерации и, частично, на территории ряда стран – бывших республик Советского Союза. РЖЯ – это национальная языковая система, характеризующаяся наличием собственной грамматики и лексики для глухих и слабослышащих граждан Российской Федерации и СНГ. Этот язык является единственно важным средством общения и включения инвалидов в активную жизнедеятельность» [6].

Сама значимость вопроса помощи глухим и слабослышащим людям возникла в 2012 г., когда президент подписал федеральный закон «О ратификации Конвенции о правах инвалидов». В законе подчеркивалась необходимость создания дополнительных условий для всестороннего обеспечения прав инвалидов – экономических, социальных, а также гарантий правового регулирования. В законе утверждалась важность полного участия инвалидов во всех сферах че-

ловеческой деятельности: культурной, политической, образовательной, гражданской и обеспечение ликвидации дискриминации из-за их недуга [1]. Затем был издан ряд законов и указов, которые регламентировали изучение основ русского жестового языка сотрудниками полиции. В связи с ратификацией «Конвенции о правах инвалидов» в Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» были внесены дополнения: «Сотрудникам органов внутренних дел, замещающим отдельные должности в органах внутренних дел, вменяется в обязанности владеть навыками русского жестового языка в объеме, определенном федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел совместно с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования» [2]. Министром внутренних дел был подписан Приказ МВД России и Министерства образования и науки Российской Федерации от 15.06.2015 № 681/587 «Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации». Документ обязывает сотрудников полиции научиться вести коммуникацию по основным темам, касающихся оказания помощи со стороны полиции, т. е. полицейские должны уметь с помощью жестов или дактильной азбуки задать вопросы глухому человеку и, с другой стороны, ответить на его вопросы или просьбу о помощи [3].

На сегодняшний день обучение сотрудников органов внутренних дел проводится на специальных курсах, в учебных заведениях МВД России и центрах профессиональной подготовки. В программу обучения входит знакомство с общей теорией перевода на РЖЯ и с РЖЯ на звучащий язык. На занятиях курсанты/слушатели изучают дактильный алфавит и приобретают умения написать любое слово с помощью пальцев рук. Затем они знакомятся с базовой бытовой лексикой и на заключительном этапе овладевают навыками профессиональной коммуникации с глухими людьми. В процессе обучения применяется как наглядно-демонстрационный метод, так и моделирование ситуаций, приближенных к реальности и имитирующих общение полицейского и глухого человека [5].

Отметим, что обучение РЖЯ проходят не все сотрудники правоохранительных органов, а только те, кто непосредственно может быть связан с этой категорией граждан: сотрудники ГИБДД, дежурная часть, участковые, ППС, уголовный розыск. Точный список сотрудников и должностей устанавливается в регионах начальниками подразделений МВД России [4]. Данные подразделения заинтересованы в специалистах, которые бы владели основами РЖЯ, поскольку у глухих людей, как и у всех других, время от времени появляются проблемы с законом, возникают юридически спорные ситуации, они часто обращаются в полицию, пишут заявления, жалуются на соседей и т. д. Кроме того, эта категория граждан также может быть свидетелем преступлений, и их необходимо опрашивать, т. е. круг работы с глухими людьми ничуть не меньше, чем со слышащими.

Среди сложностей, с которыми сталкиваются сотрудники при изучении РЖЯ, можно назвать:

1) специфику языка, который имеет собственную лексику, грамматику и структуру, отличную от устной речи;

2) необходимость запоминания большого количества жестов и их контекстуального использования;

3) ограниченное количество часов на обучение, что не всегда позволяет достичь глубокого уровня владения языком.

Для эффективного общения с глухими и слабослышащими сотрудниками МВД необходимо не только знание жестового языка, но и понимание психологии таких людей, особенностей их восприятия информации (преимущественно через зрение и кинестетику). Важно уметь использовать невербальные средства общения, соблюдать правила этичного взаимодействия: признавать равенство собеседника, избегать проявлений жалости, создавать комфортную обстановку.

По нашему мнению, обучение РЖЯ полицейским действительно является актуальным. Это – важный шаг к обеспечению равных прав граждан с нарушениями слуха и повышению эффективности правоохранительной системы. Владение основами РЖЯ способствует преодолению коммуникативных барьеров и улучшению качества взаимодействия между обществом и органами власти.

Литература

1. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/15196 (дата обращения: 31.03.2026).

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Об объеме владения навыками русского жестового языка сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, замещающими отдельные должности в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 681, Минобрнауки России от 15.06.2015 № 681/587. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении порядка определения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, исполнение обязанностей по которым требует владения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации навыками русского жестового языка [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 12.05.2015 № 544. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гнездилова Е.В. Особенности обучения навыкам русского жестового языка сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4 (94). С. 161–167.

6. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для вузов. М.: Владос, 2015. 302 с.

***К.А. Боровков**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.А. Шмойлова**, канд. психол. наук*
Барнаульский юридический институт

РОЛЬ МОТИВАЦИИ И ДИСЦИПЛИНЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Сегодня мы поговорим о двух фундаментальных аспектах, определяющих профессиональный путь следователя органов внутренних дел – мотивации и дисциплине. Эти качества не просто важны, они являются основой правоохранительной системы и успешного профессионального самоопределения личности.

Мотивация молодых следователей – это, без сомнения, критически важный фактор. Именно она определяет готовность к самоотдаче, стремление к профессиональному росту и в конечном итоге качество расследования преступлений.

Однако мы наблюдаем тревожную тенденцию: мотивация у молодых специалистов снижается уже в первые годы службы. Почему так происходит?

Причин несколько. Многие приходят в профессию с романтизированным представлением, сформированным кинематографом и СМИ. Реальность же зачастую оказывается далека от идеала: рутина, бюрократия, эмоциональное напряжение [2].

К этому добавляются: постоянная высокая загруженность и переработки, приводящие к физическому и эмоциональному истощению.

К числу проблем, затрудняющих работу следователя, относятся:

– избыточный документооборот, ведущий к неоправданным временным и физическим затратам в ущерб непосредственной следственной деятельности;

– отсутствие института наставничества, вследствие чего молодые специалисты испытывают профессиональную неуверенность и ощущение изолированности;

– недостаточный уровень практических навыков, формируемых в образовательных организациях, который не в полной мере соответствует актуальным запросам правоприменительной практики;

– неадекватная сложности и степени ответственности оплата труда;

– присутствие коррупционных проявлений в профессиональной среде, подрывающее доверие к принципу правовой справедливости.

С целью укрепления мотивационного компонента профессиональной деятельности целесообразно:

– усилить прикладную составляющую подготовки в юридических вузах за счет увеличения объема стажировок и внедрения учебных сценариев, имитирующих реальные следственные действия;

– оптимизировать документооборот путем перехода на электронные системы учета и обмена информацией;

– обеспечить равномерное распределение служебной нагрузки с учетом стажа и квалификации сотрудников;

– закрепить за каждым вновь принятым сотрудником опытного куратора, способного оказать методическую и психологическую поддержку;

– сформировать благоприятный социально-психологический климат в служебных коллективах, поощряя взаимовыручку и коллегиальную поддержку;

– установить конкурентный уровень денежного довольствия, а также предусмотреть меры по решению жилищной проблемы, прежде всего в регионах с дорогостоящим жильем [1].

Вместе с тем мотивационный ресурс не является единственным условием эффективности. Не менее значимая роль принадлежит дисциплине – осознанному подчинению установленным организационным требованиям и правилам. Для следователя дисциплина выступает не внешним ограничением, а базовой предпосылкой результативной работы, гарантией соблюдения законности и объективности.

В завершение необходимо подчеркнуть, что мотивация и дисциплина представляют собой взаимосвязанные категории. Высокий уровень мотивации при отсутствии дисциплины способен провоцировать хаотичность действий и процессуальные ошибки. Напротив, жесткая дисциплина без мотивации нередко оборачивается формальным отношением к обязанностям и бездумным следованием инструкциям. Только сочетание обоих рассматриваемых качеств позволяет следователю в полной мере раскрыть профессиональный потенциал, состояться в профессии и добиться значимых результатов в расследовании уголовных дел [3].

Литература

1. Саиева Л.М. Мотивация личности как ключевая проблема психологии // Мировая наука. 2020. № 6 (39). С. 351–354.

2. Сорокин А.В. Причины, проявление и профилактика профессиональной деформации личности следователя // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: мат-лы VI Всерос. молодежной научно-практ. конф-ции, г. Москва, 5 декабря 2022 г. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 62–67.

3. Фомина Т.Ф., Гончарова Н.А. Юридическая психология (психология в деятельности следователя): учеб. пособие; под общ. ред. Т.Ф. Фоминой. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. 144 с.

***М.М. Брагина**, курсант 1 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
О.А. Безземельная
Уфимский юридический институт МВД России

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В условиях глобализации и все большего сотрудничества России со многими иностранными государствами у сотрудников органов внутренних дел все чаще наблюдаются ситуации, когда они сталкиваются непосредственно с иностранными гражданами. Особенностью этого является, что сотрудник полиции представляет власть, государство, а иностранец может не обладать такими знаниями о национальном законодательстве, традициях и обычаях народов, населяющих Россию [1, с. 149]. В ходе осуществления подобного рода коммуникации сотрудник полиции должен обеспечивать права и свободы иностранного гражданина, на которые он имеет права согласно Конституции Российской Федерации.

При изучении деятельность сотрудников органов внутренних дел становится очевидно, что при осуществлении своих служебных задач практически каждый сотрудник может столкнуться с лицом, которое является гражданином иностранного государства.

В первую очередь, где он может столкнуться с ним, это при осуществлении административной деятельности наружных служб полиции. Сюда можно отнести проверку документов у иностранных граждан на вокзалах, при разбирательстве дорожно-транспортных происшествий, где одним из участников является иностранное лицо. При контакте в подобной обстановке сотруднику полиции следует действовать грамотно, тактично, правильно разъяснить ему почему он остановлен. Так как в данном случае сотрудник является «лицом» государства, необходимо действовать наиболее вежливо и этично.

Также сотрудники органов внутренних дел могут осуществить контакт с иностранным гражданином в ходе осуществления предварительного расследования или оперативно-розыскной деятельности. Допрос подозреваемого, опрос свидетеля или потерпевшего, не владеющего русским языком, требует не просто перевода, а точной передачи юридических терминов. Ошибка в трактовке понятий «кража», «грабеж» или «алиби» может повлиять на ход всего расследования.

Основным препятствием в вышеуказанных ситуациях является языковой барьер. Его наличие делает контакт с иностранцем наиболее трудным, делая полицейского неэффективным и подвергая нарушение прав и свобод гражданина другого государства. Сотрудник, не понимающий речь иностранца, вынужден действовать наугад, что повышает риск появления конфликтной ситуации.

Не следует забывать и о культурном различии. У каждого народа свои традиции, обычаи, которые может проявляться в виде разном понимании жестов, вплоть до провокации агрессивных действий, а также в отличающемся уровне правосознания.

В случае игнорирования сотрудником полиции данных барьеров могут возникать казусы, которые приведут к негативным последствиям в виде открытой конфронтации в ходе беседы или подача жалобы на действия полицейского. Для эффективного выполнения служебных задач сотрудник органов внутренних дел должен обладать не просто знанием иностранного языка на «бытовом» уровне, а межкультурной компетенцией, позволяющей правильно понимать поведение иностранца и донести до него свои требования в понятной и корректной для него форме.

В настоящее время подготовка кадров в рамках взаимодействия с иностранными жителями осуществляется в ведомственных вузах МВД России в ходе поступления на службу, курсов повышения квалификации и получения образования. В ходе изучения языков упор делается на английский, что, по-нашему мнению, рационально, т. к. он является языком международного общения, но при получении знаний по английскому языку будущие служащие получают навыки общения в рамках юридического поля [2, с. 164]. Основное внимание уделяется грамматике, общему переводу и накоплению лексического запаса, который зачастую далек от реальных ситуаций. Курсанты изучают юридические термины в теории, но не отрабатывают навыки ведения диалога в стрессовой ситуации (например, при задержании) или быстрого реагирования на речевую агрессию со стороны иностранца.

Для преодоления языковых проблем зможно применить следующие решения [3, с. 102]:

1. Фонетическая и лексическая готовность. Данный навык заключается в том, что обучаемый получает теоретические и практические умения в правильном и доходчивом произношении наиболее частых и общеупотребляемых команд на тех языках, которые преобладают на определенной территории.

2. Умение вести диалог. Способность сотрудника органов внутренних дел вести, для начала, простые диалоги, которые позволят узнать ему первичную необходимую информацию, в которые входит правильная постановка вопроса и понимание ответа на него, а также дача ответа от самого полицейского.

Таким образом, совершенствования языковой подготовки из второстепенной дисциплины в один из ключевых элементов профессиональной деятельности является очень значимой для современной правоохранительной системы, работающей в условиях многонационального общества.

Литература

1. Баринова О.Ю. Эффективность технологических инноваций в обучении иностранному языку сотрудников ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 4.

2. Кравчук Л.С., Пузанова К.О. Владение межкультурной коммуникацией как готовность к успешному профессиональному взаимодействию // Психология и педагогика служебной деятельности. 2025. № 3.

3. Бурцева Е.В., Жерновой М.В., Климова О.М. Содержание и организация практикума по психологии общения в профессиональной подготовке полицейских // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 1 (84).

***А.И. Валиева**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.А. Шмойлова**, канд. психол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Общеизвестно, что в современных условиях все более остро встает вопрос эмоционального выгорания у сотрудников полиции. Данное эмоциональное состояние проявляется в потере энергии, интереса к профессиональной деятельности; повышаются психологическая нестабильность, агрессия, безразличие к происходящему. Все вышеперечисленное негативно сказываются как на сотруднике, так и в целом на системе ОВД. Что же такое «Эмоциональное выгорание»? Определение данного понятия довольно обширно и не имеет четко сформулированного определения. В данном докладе мы будем ссылаться на мнение Кристины Маслач. По ее мнению, эмоциональное выгорание – это состояние хронической усталости, вызванное длительным влиянием стресса и эмоциональных нагрузок. Как правило, оно сопровождается чувством опустошенности, снижением интереса к работе, отсутствием положительных эмоций при взаимодействии с людьми, а также физическим и психологическим истощением.

Целью данной статьи является более подробное изучение причин возникновения эмоционального выгорания и основных путей их преодоления. Заострим наше внимание на следующих факторах:

Угроза жизни и здоровью, данный фактор выступает не просто стрессором, а травматическим фактором, запускающим механизмы как острого, так и хронического психоэмоционального истощения. В отличие от эмоционального выгорания в профессиях типа «человек – человек», где основой служит хроническая эмпатийная нагрузка, у полицейских центральным звеном становиться парадоксальное сочетание гипервозбуждения (в момент опасности) и последующего эмоционального онемения. Это онемение прогрессирует деперсонализацию [1, с. 120].

Участие в конфликтных ситуациях, является одним из ключевых факторов эмоционального выгорания, это связано с ежедневным столкновением с вербальной и физической агрессией, манипуляциями и провокациями, что требует постоянного самоконтроля, в результате чего истощаются эмоциональные ресурсы. Исследования С.В. Вдовиной, А.В. Буданова подтверждают: у полицейских с высокой конфликтной нагрузкой уровень эмоционального истощения в 3-4 раза больше, чем у сотрудников тыловых подразделений.

Ненормированный рабочий график, один из наиболее разрушительных, но при этом хронически недооцененных факторов эмоционального выгорания. Постоянные переработки, ночные дежурства, работа в выходные и невозможность планировать отдых приводят к кумулятивному недосыпанию и нарушению циркадных ритмов. Это напрямую подрывает ресурсы саморегуляции: падает стрессоустойчивость, эмоции начинают раз за разом брать верх, и даже мелкая неприятность воспринимается чуть ли не как конец света. Если не ввести реальные ограничения по нагрузке и обязательные перерывы на восстановление, то профилактика выгорания в полиции становится делом заведомо провальным.

Четвертое – отсутствие внятной оценки работы, причем и материальной, и моральной.

Это рушит базовое чувство справедливости – а без него сохранить профессиональную мотивацию почти невозможно. Представьте: человек изо дня в день работает в стрессе, рискует, но зарплата никак не отражает реальных усилий, а начальство замечает только ошибки. В такой ситуации очень быстро наступает обесценивание собственного труда. Сотрудник перестает видеть смысл в переработках и в любой инициативе, начинает относиться к обязанностям формально, «от звонка до звонка» [2, с. 5].

Но важна не только зарплата. Моральная составляющая работает не меньше. Простое публичное спасибо от руководства, ведомственная награда, даже обычное «молодец» – все это поддерживает внутреннюю опору человека. Без этого он постепенно теряет себя.

Вследствие этого стоит рассмотреть методы профилактики выгорания. Выделяют два вида мер: индивидуальные и организационные, обратимся к первым, они заключаются в умении осознавать свое состояние и своевременно восстанавливать ресурсы. Как показывают исследования, сотрудники склонные к выгоранию, чаще используют неадаптивные стратегии поведения (избегание, замалчивание). Важно заменить их на продуктивные.

Необходимо учиться гибко реагировать на стресс. Вместо зацикливания на проблеме, сконцентрируйтесь на ее практическом решении. Это важный навык, минимизирующий риск выгорания. Регулярно использовать дыхательные упражнения, приемы мышечной релаксации или короткие медитации, чтобы снимать стресс в течение рабочего времени [3, с. 90]. Важно наличие хобби, регулярной физической активности и качественного общения с близкими. Стараться четко разделять рабочее и личное время. Не берите служебные проблемы домой ни в мыслях, ни в общении с семьей.

Теперь обратимся к организационным мерам. Как уже упоминалось ранее, без поддержки системы личные усилия сотрудника могут быть неэффективны. Организационные меры направлены на создание здоровой рабочей среды, отсюда, по нашему мнению, важно:

– внедрение программ психологических треннингов, доказано снижает тревожность, агрессивность и повышает стрессоустойчивость;

– создание в коллективе атмосферы взаимопомощи и поддержки;

– регулярное повышение квалификации, обучение новым навыкам, а также временная смена обстановки.

– проведение регулярной психодиагностики (например, опросник Маслач на выгорание) позволяет руководству и психологам вовремя заметить проблему и скорректировать нагрузку на сотрудника.

В заключение следует отметить, что эмоциональное выгорание сотрудников полиции – это не просто состояние усталости, а системная проблема, обусловленная спецификой служебной деятельности. Ключевыми причинами выступают уникальный для ОВД травматический фактор угрозы жизни, хроническое участие в конфликтах с высоким уровнем агрессии, разрушительный для здоровья ненормированный график, а также острейший дефицит как материальной, так и моральной оценки труда.

Эти причины в совокупности приводят к закономерному результату: даже самый мотивированный сотрудник рискует столкнуться с эмоциональным истощением, цинизмом (деперсонализацией) и обесцениванием своей работы, что в итоге снижает эффективность всей системы ОВД. Также важно отметить, что профилактика эффективна только тогда, когда совместные усилия сотрудника и руководства объединяются. Сотрудник учиться управлять собой, а руководство создавать все условия, в которых служебный долг не разрушает личность.

Литература

1. Буданов Л.В. Педагогика личной профессиональной безопасности сотрудников органов внутренних дел. М.: Академия МВД России, 1997. 133 с.

2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 358 с.

3. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 85–95.

***А.В. Волкова**, курсант 1 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Косарева
Ростовский юридический институт МВД России

КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КЛЮЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО: МОДЕЛИ ОЦЕНКИ И ОБУЧЕНИЯ

Динамика социальных процессов и культурное многообразие усложняют работу полиции, предъявляя сотруднику не только правоприменительные фунуции, но и медиации в этнокультурных конфликтах. Языковой подготовки недостаточно: необходима интерпретация невербальных сигналов и культурно-обусловленных моделей поведения. Возникает потребность в культурном интеллекте, введенном П. Кристофером Ирли и Сун Анг [4], как способности индивида адаптироваться к новым культурным условиям.

Концепция культурного интеллекта (Лим Ван Дайн и др.) базируется на четырех компонентах:

– метакогнитивный культурный интеллект, т. е. осознанность своих культурных установок, умение корректировать поведение при межкультурном контакте в реальном времени (например, при допросе), предвидя точки непонимания.

– когнитивный культурный интеллект, т. е. знания о культурных, религиозных и правовых особенностях различных народов. Для сотрудника полиции – это понимание существующих этнических барьеров, что напрямую влияет на доверие и предотвращение инцидентов.

– мотивационный культурный интеллект (П.К. Ирли) – внутренняя заинтересованность в эффективном взаимодействии с другими культурами. Это превращает знания в действие, побуждая полицейского избегать упрощенных силовых шаблонов.

– поведенческий интеллект – способность сотрудника гибко изменять вербальное и невербальное поведение (жесты, тон, позу, ритуалы).

В критических ситуациях (задержание, массовые мероприятия) такая гибкость становится решающим фактором деэскалации, позволяя полицейскому избегать провокационных действий. Для оценки культурного интеллекта используется опросник С. Анга, Л. Ван Дайна [4]. Он включает 20 пунктов по четырем шкалам (метакогнитивной, когнитивной, мотивационной и поведенческой). Для внедрения в практику органов внутренних дел необходима адаптация инструмента с учетом специфики российской службы. Это приспособление могло бы включать следующее.

Оценочные центры (ассессмент-центры), имитирующие реальные ситуации межнационального и межрелигиозного взаимодействия. Они выявляют слабые стороны сотрудника, позволяя формировать индивидуальные програм-

мы подготовки. Д. Лхагвасайхан и О.С. Возженикова подчеркивают значимость таких тестовых заданий для диагностики культурного интеллекта у сотрудников полиции [2, с. 452].

Диагностику «до и после»: специализированные тренинги для измерения их эффективности, позволяя сотрудникам осмыслить опыт и скорректировать восприятие, формируя зрелое отношение к другим культурам. В.В. Горохова подтверждает важность сочетания когнитивной составляющей и эмоциональной устойчивости в межэтническом и межконфессиональном взаимодействии [1, с. 100].

Индивидуальные образовательные траектории на основе комплексной оценки. Разрабатывается персонализированный план развития, включающий модульное обучение и практические форматы (культурное наставничество, стажировки, проектные работы с диаспорами). Корректировка образовательного маршрута по результатам промежуточных диагностик обеспечивает гибкость процесса подготовки. М.В. Самофалова подчеркивает, что модель эффективно восполняет дефицит профессиональных компетенций, с учетом персональных характеристик сотрудников [3, с. 342]. Выработка культурного интеллекта предусматривает переход от лекций к интерактивным, иммерсионным технологиям: сценарные симуляции; ролевые игры, моделирующие межкультурные ситуации с последующим подведением итогов для анализа собственных эмоций и решений; кейс-метод с межкультурным разрешением; разбор реальных случаев межкультурного недопонимания для реконструкции культурной логики сторон и выработке альтернативных стратегий; анализ критических ситуаций с выбором верной интерпретации поведения и немедленной обратной связью; помощь опытного коллеги или психолога для анализа личного опыта, скрытых культурных допущений и мотивов участников взаимодействия и некоторые другие.

В условиях культурного многообразия культурный интеллект необходим для функционирования полиции. Его структура (самопознание, знание о культурах, мотивация к адаптации и поведенческая гибкость) применима в правоохранительной деятельности. Внедрение требует специальной оценки и перехода от пассивного усвоения информации к развитию критического мышления и эмпатии. Системное развитие культурного интеллекта в ведомственном образовании повышает эффективность и легитимность полиции.

Литература

1. Горохова В.В. Формирование толерантного поведения и культуры межнационального общения у сотрудников полиции // Вестник экономической безопасности. 2015. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tolerantnogo-povedeniya-i-kultury-mezhnatsionalnogo-obscheniya-u-sotrudnikov-politsii (дата обращения: 27.02.2026).

2. Лхагвасайхан Д. Межкультурная компетентность и ее формирование в кросс-культурной среде органов внутренних дел // Право и управление. 2024. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kompetentnost-i-eyo-

formirovanie-v-kross-kulturnoy-srede-organov-vnutrennih-del (дата обращения: 27.02.2026).

3. Самофалова М.В. Адаптивное обучение как новая образовательная технология // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-obuchenie-kak-novaya-obrazovatelnaya-tehnologiya (дата обращения: 27.02.2026).

4. Ang S. Cultural Intelligence: Its Measurement and Effects on Cultural Judgment and Decision Making, Cultural Adaptation and Task Performance / S. Ang, L. Van Dyne // Management and Organization Review. 2007. Vol. 3, No. 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/227638176_Cultural_Intelligence_Its_Measurement_and_Effects_on_Cultural_Judgment_and_Decision_Making_Cultural_Adaptation_and_Task_Performance (дата обращения: 27.02.2026).

***К.М. Воронов**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Т.В. Хокимова**, канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБЪЯСНЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО: ДИСКУРСИВНОЕ ОПИСАНИЕ

Объяснение как жанр письменной речи может иметь разнообразные формы исполнения: объяснения могут быть устными и письменными, в качестве адресантов могут выступать сотрудники полиции, потерпевшие, свидетели, обвиняемые и т. д. В данной работе мы остановимся на анализе письменной формы выражения объяснения, автором которого является потерпевшая, проведем его дискурсивный анализ.

Согласно Приказу МВД России 02.09.2024 № 515 под «объяснением» нужно понимать, во-первых, текст, имеющий письменную форму; во-вторых, текст должен содержать набор обязательных сведений, установление достоверности которых предстоит проверить в ходе служебных проверки или расследования [3]. Об объяснении как тексте письменной речи в контексте анализа жанровой системы деловой речи написано немного работ, причем они касаются данного жанра только вскользь. К примеру, среди жанров письменной деловой речи объяснение как гибридный (совмещающий в себе признаки официально-делового и разговорного стилей) упоминает Н.Д. Голев [2]. Большинство же работ об объяснении – это работы правовой направленности, в них акцент делается на то, какое место занимает данный документ в процессуальной системе.

Термин дискурс в данной работе мы понимает вслед за М.М. Бахтиным как «текст, погруженный в жизнь» [1, с. 237–280], а значит, в первую очередь

будем говорить о том, как лингвистические особенности данного жанра обуславливаются его социальной природой.

Участниками коммуникации «Полицейский-гражданин» являются субъекты, которые в разной степени владеют официально-деловым стилем речи. Полицейский выполняет свою профессиональную функцию, а значит, будет стремиться максимально нейтрально и строго с точки зрения композиции излагать факты в объяснениях, взятых у граждан. При этом можно говорить о том, что объяснение, которое пишется со слов потерпевшего или подозреваемого имеет двойное авторство, т. к. сотрудник часто видоизменяет первичную речь, стараясь придать ей более официальный характер. Таким образом, практически невозможно «на выходе» определить, где, кому и какое слово принадлежит.

Мы провели эксперимент, попросив действующих сотрудников полиции взять объяснение с потерпевшего без переработки с профессиональной стороны. После этого сотрудник мог переписать данные объяснения так, как бы писал в обычных «полевых условиях» (в форме рапорта или еще какой-то формы документа). В данной работе мы анализируем с точки зрения языка только объяснение, написанное рукой потерпевшего без вмешательства сотрудников полиции.

Участники дела: *супруги Ануфриевы – Анна Сергеевна (35 лет) и Егор Григорьевич (35 лет).* Объяснение потерпевшей А.С. Ануфриевой: *5 марта 2026 года я пришла домой с работы и увидела, что мой муж лежит в кухне, он не двигался, я ужасно испугалась. На меня напала паника, я увидела на столе огромную бутылку коньяка «Старейшина», в бутылке еще оставалось примерно половина. Я решила, что лучше вылить коньяк, хоть он, кажется, и достаточно дорогой. Мы с мужем недавно ездили в Казахстан к одной бабушке, она его отшептывала, чтобы он бросил пить. Вот, он не пил почти месяц, я очень радовалась. Мне было страшно, что я не успею, поэтому я уронила бутылку на пол, у меня руки тряслись. Но Егор не проснулся. Когда я выбросила бутылку, начала будить Егора, он полностью проснулся не сразу. Смотрел в потолок, потом соскочил и начал искать бутылку. Я его пыталась успокоить, видела его стеклянные бешеные глаза, потом напомнила, сколько денег мы потратили в Казахстане на бабку. Потом Егор резко соскочил и начал кричать как взбесившийся: «Отстань от меня, верни мое или я тебя убью!» Потом муж бегал по дому и искал свое спиртное, когда нашел пустую бутылку, подошел и сказал мне в глаза: «Ну все – тебе конец!»*

Я закрылась в туалете и вызвала полицию, я не могла поверить, что мой муж способен со мною так гадко говорить, как же так можно? Но минут через пять Егор подошел к двери туалета и попросил прощения. Он горько плакал, я слышала, как он носом хлюпает, мне стало его жалко. Я вышла, мы помирились. Егор обещал больше не пить. Потом он пошел на улицу прогуляться. Я не буду писать на него заявление, так как он мне пообещал, что такое не повторится, я ему верю.

Лингвистические особенности объяснений потерпевшего:

1. Лексический уровень:

– лексика с эмоциональной окраской: «ужасно испугалась», «очень радовалась» и т. д.;

– лексемы со значением оценки: «гадко», «искренне».

излишняя детализация и драматизация: в описании внешности и поведения супруга, алкоголя.

2. Синтаксический уровень:

– сложноподчиненные и бессоюзные предложения при отсутствии сложносочиненных;

– предложения, осложненные вводными словами, при отсутствии других видов осложнения;

– риторические вопросы и восклицания.

Функциональные особенности объяснений потерпевшего (чисто дискурсивные).

До последнего абзаца текста создается впечатление, что адресант, выбирая набор лингвистических средств, преследует одну цель – получить защиту от представителей власти. После же прочтения последнего абзаца возникает двоякое впечатление: раз адресант, он же заявитель-потерпевший, нашел консенсус с тем, на кого «жалуется», то к чему излишняя драматизация и детализация. Можно, предположить, что это особенность языковой личности. Общим местом в объяснениях потерпевших, особенно устных, часто называют желание презентовать себя как невинную жертву. Тут целесообразен вопрос – как в реальной коммуникации с обвиняемым себя проявляла словесно сама потерпевшая. Это вовсе не означает, что мы предполагаем, что она использовала какие-то негативно окрашенные слова. Речь о том, что данной информации в тексте мы не видим.

Но возможно и другое предположение – адресат не уверен, что детализация данной информации о произошедшем событии не понадобится в будущем. Также можно предположить, что словесные формулы, используемые автором объяснения, служат цели обезопасить себя и обвиняемого перед законом (есть вероятность, что адресант боится ответственности за ложный вызов, а значит, стремится показать, что угроза в моменте была реальной). Адресант стремится вызвать эмпатию у сотрудников полиции, с одной стороны, и не допустить наказания для супруга – с другой.

Заключение. Проанализировав данное объяснение, мы пришли к следующим выводам:

1. Текст не может быть отнесен к официально-деловому стилю, по большинству признаков он является разговорно-просторечным, но при этом письменная форма изложения ведет к тому, что он приобретает форму художественности.

2. Подобного рода объяснение будет переработано полицейским либо в форму рапорта, который будет составлен в деловом стиле, повторяя лишь фабулу произошедшего без деталей, которыми насыщен текст объяснения потерпевшей; либо в форму объяснения, также написанного в официально-деловом стиле с заменой ключевых слов на аналоги делового языка.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159-206.
2. Голев Н.Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент коммуникации: взгляд лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 9–46.
3. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 02.09.2024 № 515. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.П. Гладкова**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.Н. Поддубная**, канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОТКЛОНЕНИЕ ОТ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ НОРМ В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖАРГОН ИЛИ ОШИБКА?

Юридическая профессия относится к числу специальностей, где слово является основным инструментом. Юристы постоянно работают с речью: выступают в судебных заседаниях, взаимодействуют с доверителями, составляют процессуальные документы. От качества речи специалиста зависят его профессиональная репутация и правовые последствия принимаемых решений [3, с. 15]. Однако наблюдая за речью практикующих юристов, можно выявить некоторые отклонения от орфоэпических норм. Часто встречаются ошибочные варианты произношения, например: «возбУждено» вместо «возбужденО», «осУжденный» вместо «осуждЕнный», «ходатАйство» вместо «ходАтайство». Сами юристы нередко объясняют это тем, что так принято говорить в профессиональном сообществе. Возникает вопрос: действительно ли такие варианты являются профессиональным жаргоном или это обычные грамматические ошибки? Цель данной статьи – провести границу между профессиональным жаргоном и акцентологической ошибкой в юридической речи.

Акцентологические нормы представляют собой правила постановки ударения, закрепленные в орфоэпических словарях русского литературного языка. Ударение в русском языке характеризуется разноместностью (может падать на любой слог) и подвижностью (способно перемещаться при изменении формы слова), что создает объективные трудности для говорящих [1, с. 11]. Для юриста соблюдение акцентологических норм имеет особое значение, поскольку

в судебном заседании внимание слушателей сосредоточено на содержании речи, и ошибки в ударении могут отвлекать от смысла сказанного [2, с. 102].

Анализ профессиональной речи юристов позволяет выделить группу слов, в которых наиболее часто допускаются ошибки:

Неверный вариант	**Нормативный вариант**
возбУждено	возбужденО
осУжденный	осуждЕнный
ходатАйство	ходАтайство
дОговор	договОр
уведомИть	увЕдомить
прИговор	приговОр
искОвое	исковОе

Орфоэпические словари квалифицируют произношение «ходатАйство» и «осУжденный» как неправильные. Даже «Большой орфоэпический словарь», который допускает некоторые послабления в устной речи, не признает эти варианты в качестве нормативных.

Чтобы определить, можно ли отнести указанные варианты ударения к профессиональному жаргону, необходимо рассмотреть признаки этого языкового явления. Профессиональный жаргон – это слова и выражения, свойственные речи определенной профессиональной группы, которые не являются обязательными для всех носителей языка. Для профессиональных жаргонизмов характерны следующие признаки:

– ограниченность употребления профессиональной группой;

– факультативность (специалист может использовать как жаргонный, так и литературный вариант);

– отсутствие в официальных документах и нормативных актах.

Применительно к юридической лексике возникает вопрос: обладают ли указанные варианты ударения этими признаками? С одной стороны, варианты «возбУждено», «осУжденный», «ходатАйство» действительно широко распространены в профессиональной среде. С другой стороны, существует ряд аргументов против отнесения их к профессиональному жаргону.

Во-первых, юридическая речь в официальных ситуациях (судебные заседания, допросы, составление документов) реализуется в рамках официально-делового стиля, который требует строгого соответствия литературным нормам. Использование жаргонизмов в таких ситуациях недопустимо.

Во-вторых, профессиональные жаргонизмы обычно непонятны за пределами профессиональной группы. Однако варианты «возбУждено» или «осУжденный» понятны всем носителям языка, хотя и воспринимаются как ошибоч-

ные. Это не особые профессиональные слова, а искажение общеупотребительных форм.

В-третьих, юридическая терминология основывается на лексике, используемой в законодательстве. Законы пишутся на литературном языке, и нормативное ударение в терминах должно соответствовать словарным фиксациям.

Таким образом, отождествление нарушений акцентологических норм с профессиональными жаргонизмами не обосновано. То, что многие юристы ошибочно принимают за профессиональную языковую особенность, на самом деле является нарушением общеобязательных языковых норм. Показательно, что сами юристы в большинстве случаев признают наличие у них лексических и грамматических ошибок, но отрицают ошибки орфоэпические, настаивая на их профессиональном характере.

Среди обучающихся факультета подготовки сотрудников полиции и следователей с целью выявления акцентологических ошибок был проведен опрос, в ходе которого выяснилось, что обучающиеся довольно часто допускают нарушение акцентологических норм. Наиболее сложными словами для правильной постановки ударения оказались следующие: рапорты, договоры, обеспечение, возбуждено, рассредоточение, сироты, средства. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что орфоэпические нормы вызывают определенные трудности у сотрудников органов внутренних дел. Следовательно, в процессе подготовки специалистов необходимо уделять особое внимание изучению курсантами акцентологических и орфоэпических норм. Данные нормы являются общеобязательными для каждого образованного человека, особенно для юриста. Речь специалиста в сфере юриспруденции должна быть образцовой, поскольку ошибки в произношении мешают воспринимать содержание речи, вызывают непонимание и даже заставляют усомниться в его профессиональной компетентности.

Таким образом, специфические ударения в речи юристов не являются нормативными и не считаются профессиональным жаргоном. Юридическое образование подразумевает не только формирование профессиональных компетенций в сфере юриспруденции, но и безупречное владение нормами современного русского языка, в т. ч. акцентологическими нормами.

Литература

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М.: Просвещение, 1968.

2. Введенская Л.А. Риторика для юристов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2022.

3. Ивакина Н.Н. Культура речи юриста. М.: Юрайт, 2023.

***А.А. Гмыря**, курсант 2 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Прохоров,** канд. ист. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПОПЫТКИ ОГРАНИЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ СО СТОРОНЫ ЗАПАДА В 20-Е ГОДЫ XXI ВЕКА

Понятие государственного суверенитета является фундаментальным признаком государства, сформулированным еще при появлении самых первых государственных образований. Тем интереснее наблюдать за искажением данного термина с течением времени в связи с тенденциями, присущими различным периодам истории.

В нынешнее время понятие суверенитет подвергается существенным изменениям из-за совокупности множества факторов, которые происходят параллельно развитию общества.

С началом нового столетия все чаще возникает вопрос о нынешней роли суверенитета в мире. С распадом СССР была разрушена биполярная система международных отношений, вследствие чего значительно возросла роль международного права, которое предоставляло гарантии стабильности и безопасности во всем мире.

Так, большинству государств стало свойственно ставить в приоритет общепризнанные нормы международного права над собственным внутренним правом. Подобная тенденция явно свидетельствовала о процессе регулярного ослабления суверенитета различных стран. При этом довольно распространено мнение о том, что современная международно-правовая система сложилась для гарантированности государственного суверенитета [3, с. 42].

Такое мнение может объясняться собственной инициативой государств, реализующих право на заключение международных договоров, за счет чего они осуществляют независимость в принятии решений за пределами собственных границ. Важность таких решений для сохранения государственного суверенитета также подчеркивается самим определением, выдвинутым профессором А.А. Вихровым: «Суверенитет – это обеспечение единства и независимости государственной власти на своей земле, выражающееся в наличии выбора и самостоятельности в ведении внешней политики» [1, с. 14].

Продолжая тему влияния международного права, стоит обратить внимание на частичное ограничение суверенитета, возникающее в связи с вступлением отдельных государств в различные надгосударственные объединения. Многие современные государства под влияние глобализации часто соглашаются передать компетенцию на некоторые собственные суверенные права международным организациям. Опираясь на это явление современного мира, некоторые эксперты все чаще говорят о том, что абсолютного внешнего суверенитета у государства быть не может [2, с. 11].

Однако в контексте деятельности международных организаций, определенный интерес вызывает следующее, свойственное им, явление. Государства, создающие и вступающие в объединения, как правило, придерживаются общей политики, в рамках этой организации, которая может быть направлена на ограничение суверенности другого, не состоящего в данном объединении, государства. Как правило, подобная деятельность проявляется во введении санкций, направленных на дестабилизацию политических и экономических отношений страны на международной арене.

Российская Федерация подвергалась влиянию со стороны международных организаций еще до присоединения Крыма, в основном в виде персональных санкций против российских граждан, а именно с 2012 г. Активное же ограничение суверенных прав России началось только после событий 2014 г. Тогда во много пострадали оборонные и энергетические проекты, а также огромному влиянию подвергся финансовый сектор – ограничился доступ российских банков и компаний к международным финансовым рынкам.

По своей сути это прямое ограничение суверенитета российского государства, т. к. самостоятельность в принятии экономических решений на международном рынке уже не является полноценной. Однако по сравнению с дальнейшими санкциями это лишь незначительный ущерб для уверенности.

В феврале 2022 г. Россия начала специальную военную операцию, защищая свои интересы. Данное решение было необходимой защитной реакцией нашего государства на реально существующие непосредственные угрозы отечественному суверенитету. В первую очередь, это связано с действиями США и его антироссийского военного блока НАТО, который за последнюю четверть века вплотную подошел к границам Российской Федерации, все больше и больше вовлекая соседние нам страны в свою политику [4, с. 5].

После защитной реакции нашего государства, воздействия на государственный суверенитет Российской Федерации, как и на суверенитет многих других стран, начали происходить не только военно-техническими средствами, но и финансово-экономическими, политическими и идеологическими. Реализуется подобная политика недружественных нам государств, само собой, через инструмент санкций. Среди подобных наиболее яркими примерами являются блокировка активов Центрального банка России, установление потолка цен на российскую нефть и т. д.

Приведенные примеры в очередной раз демонстрируют направление политики международных организаций по отношению к суверенитету отдельных государств, в т. ч. и к российскому. Подобная тенденция является результатом многолетних и безнаказанных действий не только США, но и стран Запада на международной арене.

Таким образом, глобализация и повышение влияния надгосударственных образований способствуют размытию понятия государственного суверенитета, формировавшегося на протяжении нескольких веков истории. По сути, оно трансформируется в набирающее все большую распространенность понятие коллективного суверенитета, вследствие чего стран, которые не имеют союзников, становиться все меньше и меньше.

Литература

1. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Г.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-suvereniteta/viewer (дата обращения: 16.02.2026).
2. Лукьянов Г.В. Государственный суверенитет vs. право наций на самоопределение: сб. науч. ст. М., 2011.
3. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2009.
4. Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022–2023 годах: Специальный доклад комиссии Совета федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела российской федерации. 2023. URL: http://council.gov.ru/media/staticdoc/FwwwyGgcNeIDHovF9zLtk0eeVkUcIEiE.pdf (дата обращения: 16.02.2026).

***Е.В. Горобец**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.Н. Поддубная**, канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ И РАЗВИТИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

За многовековую историю русский язык претерпел множество изменений. Рассмотрим кратко процесс становления русского языка. Изначально появился праславянский язык, который делился на 3 ветви: южный, восточный и западный. Русский язык относится к восточной ветви. Главная причина деления связана с формированием диалектов в разных частях территории Руси. Данный процесс связан с контактами населения конкретных регионов с носителями иных языков.

Закрепление славянского языка в письменном виде происходит в XI в. и обусловлено рядом исторических процессов. В указанный период Византия боролась за самостоятельность, используя для этого православие. Однако требовался перевод церковных книг с греческого на славянский язык. Главную роль в формировании языка сыграли Кирилл и Мефодий. Они создали два вида азбуки: глаголицу и кириллицу. Благодаря азбуке они смогли перевести православные книги и распространить христианство на всей территории Руси.

В Средневековье церковь выполняла образовательную функцию: монастыри становились центрами обучения чтению и письму.

В XII–XV вв. Русь была зависима от Золотой Орды. Длительный период ордынского владычества сыграл огромную роль в формировании древнерусско-

го языка: в него вошли множество новых слов, заимствованных у монголо-татар (ярлык, улус). Кроме того, князья учили монгольский язык для дипломатических отношений. Следовательно, некоторые древнерусские слова могли видоизменяться, менять смысл или совсем забываться.

Во второй половине XIV в. наблюдается интенсивное укрепление Московского княжества. По мере его территориального расширения происходит и увеличение населения. Языковые нормы, характерные для Московского княжества, распространялись на присоединяющиеся территории, а церковнославянский язык начинает устаревать и применяться только в самих храмах на службах.

Значительную роль в становлении русского языка сыграл Петр I. Он провел языковую реформу, результатом которой стали следующие изменения:

– появление заглавных букв;

– исключение букв, имеющих одинаковое значение, но разное написание;

– исключение знаков ударения, ранее использовавшихся в письменной речи;

– появление пробелов между словами;

– введение в алфавит буквы «э», связанное с заимствованием западноевропейских слов.

Не менее важный вклад в развитие русского языка внес М.В. Ломоносов. Он выступал за активное развитие русского языка. Позиция М.В. Ломоносова подтверждается плодотворной научной работой и отражена в высказывании: «Простирайтесь в обогащении разума и в украшении российского слова». В данной фразе ученый призывает к постоянному саморазвитию и совершенствованию русского языка.

Большое влияние на развитие русского языка оказал А.С. Пушкин. Его творчество помогло распространить литературно-разговорный стиль языка в быту. Его произведения приобрели огромную популярность благодаря своей простоте, красоте и понятности. Творчество А.С. Пушкина цитировалось не только при его жизни, оно сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Личное отношение поэта к русскому языку было следующим: «Русский язык – это союз волшебных звуков, чувств и дум».

После революции 1917 г. была проведена реформа, которая привела к исчезновению из алфавита пяти букв: «ижица», «фита», «и десятеричное», «ять» и «ер». Приведем интересный факт, связанный с данной реформой: после удаления буквы «ер» роман Л.Н. Толстого «Война и мир» стал меньше на 30 страниц.

В XX в. в алфавит была включена буква «ё». С этого момента русский алфавит насчитывает 33 буквы.

Таким образом, система современного русского языка – это результат многовекового труда и сотворчества разных народов, отражающий исторические события и этнокультурные особенности.

В настоящее время в развитии русского языка можно выделить несколько тенденций: жаргонизацию и криминализацию речи, активное внедрение англицизмов, размывание литературной нормы [1, с. 149]. На фоне данных процессов возникает риск возникновения примитивности русского языка в долгосрочной перспективе.

Отрицательные тенденции в развитии языка связаны с состоянием самого российского общества, теряющего свое богатое наследие, достаточно высокий уровень грамотности, эффективную систему образования [2, с. 151].

Для сохранения уникальности русского языка необходимо прививать молодому поколению интерес к русской литературе, каждому носителю русского языка следить за своей повседневной речью.

Забота о родном языке – это забота о сознании носителей языка, о целостности и сохранности того образа мира, который вырабатывается и оставляется в наследство потомкам в качестве привитых с детства мотивов и установок на организацию своего жизненного пространства [3, с. 147].

Таким образом, можно сделать вывод, что язык как живой организм постоянно развивается и подвергается воздействию различных факторов. Наша задача состоит в том, чтобы направить изменения, происходящие в языке, в созидательное русло. Осознанное отношение к языку поможет сохранить уникальность русского языка. Ответственность за сохранность и дальнейшее развитие языка лежит на носителях языка и других участниках мультикультурной коммуникации.

Литература

1. Абрамова Г.А. О целостности и сохранности русского языка в едином культурном пространстве // Слово – дискурс – медиа: смыслы, роли и когниции. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 147–150.

2. Макаров М.Л. Заноза не в английском // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1. С. 150–152.

3. Шапошникова И. Родное слово – знак спасенья // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1. С. 147–150.

***В.С. Гребенщикова**, курсант 3 курса*
Воронежский институт МВД России

Научный руководитель:
Ю.М. Ярославцева
Воронежский институт МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних представляют собой одну из наиболее острых и важных проблем. Их общественная опасность определяется большим количеством факторов. Тяжесть последствий для физического и психического здоровья потерпевших, высокая ла-

тентность, а также трудности своевременного выявления лиц, совершающих преступления обуславливают необходимость в совершенствовании законодательства и оперативно-розыскных средств и методов. В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации защита прав и свобод человека является высшей ценностью государства. В связи с этим формирование психологического портрета лиц, совершающих подобные преступления, имеет существенное значение для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений от повторных и подобных посягательств.

Психологический портрет является важным инструментом для поимки преступников, решения определенных задач и целей в оперативно-розыскной деятельности. Сложность диагностики преступления заключается в понимании психологических механизмов лиц, совершающих преступления, лежащих в основе сексуального посягательства на детей. Как отмечает ведущий научный сотрудник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Северо-Западному ФО, полковник полиции Валентин Харламов, составление психолого-криминологического портрета – это кропотливая работа, позволяющая «по крупицам реконструировать особенности личности преступника» и «вылепить» портрет, включая его пол, возраст, семейное положение [2].

Педофилия представляет собой расстройство сексуального предпочтения, характеризующееся устойчивым и доминирующим сексуальным влечением к детям. Подростки, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, из-за своей физиологической и психологической незрелости особо подвержены рискам, поскольку их способность к полному осмыслению последствий собственных поступков еще не полностью сформирована [5, с. 226]. Сексуальное насилие – более широкая категория, охватывающая любые действия сексуального характера с использованием принуждения и беспомощного состояния, вне зависимости от наличия или отсутствия сексуального предпочтения к детям. Груминг – целенаправленное установление доверительных отношений с ребенком с целью последующего совращения.

Для более глубокого понимания личности преступника необходимо рассмотреть модели когнитивных искажений, обозначающих ошибки в мышлении, которые возникают на основе дисфункциональных убеждений, не позволяющих оценивать условия окружающей среды и реальности. *Модель оправдания* представляет собой попытку допустить противоправное действие как правильное. Типичные формулировки, отражающие модель оправдания: «ребенок сам хотел». Другой формой является *модель минимизации вреда*, связанная с отрицанием или приуменьшением негативных последствий для ребенка. Необходимо также выделить формы проявления, включающие в себя: отрицание психологического и физического вреда ребенку, аргументируя это тем, что «я же не причинил ему вред». *Модель перекладывания ответственности* включает в себя обвинения сложившихся обстоятельств вокруг или самой жертвы «я не контролировал себя», тем самым позволяют преступнику снижать уровень внутреннего морального конфликта и поддерживать свое противоправное поведение. Для оперативного сотрудника понимание данных видов модели помогает

в прогнозировании поведения преступников и выборе наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий для его изобличения.

Существенное значение для анализа личности преступника имеет его типологическая характеристика. В современных условиях развития технологий, особое значение приобретает разделение преступников на контактных и бесконтактных. Бесконтактные преступления включают онлайн-эксплуатацию, а также хранение и распространение противоправных материалов. В отличие от контактных преступников, лица, совершающие бесконтактные преступления, нередко действуют в условиях высокой анонимности и формируют сложные сетевые структуры взаимодействия, что значительно повышает уровень латентности подобных преступлений. Отметим, что развитие преступности в данных формах требует разработки новых методов противодействия.

Принципиальное значение имеет разграничение внутрисемейных (например, семейных конфликтов, систематические пьянки, проявление жестокости) и внесемейных форм (например, влияние сверстников, влияние воспитательных колоний) посягательств на несовершеннолетних, поскольку определяет способы доступа к жертве, особенности формирования доверия, уровень латентности, методы сокрытия преступления.

Среди преступников встречаются лица различного возраста, статуса, образования. Многие из них производят впечатление положительных, добропорядочных людей, у которых есть семьи, дети, хорошая работа. Такое положение в обществе часто становится фактором, который затрудняет своевременное выявление преступного поведения. Характерно, что преступники часто обладают хорошими актерскими способностями, обаянием и умением манипулировать, что позволяет им долгое время оставаться вне подозрения [4, с. 70].

В некоторых случаях лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, воспитывались в неблагоприятных социальных условиях. Поэтому присутствует связь между пережитым насилием в детстве и формированием девиантных моделей поведения уже в осознанном возрасте. Дополнительными факторами риска выступают различные формы аддиктивного поведения: злоупотребление алкоголем, психоактивными веществами, а также активное потребление порнографического контента. Наличие данных факторов может снижать уровень самоконтроля и способствовать формированию искаженных сексуальных установок.

Структура преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних является сложной и многокомпонентной. Для некоторых преступлений основным мотивом выступает сексуальное влечение к несовершеннолетним. Подобное состояние преступников характеризуется устойчивым сексуальным интересом к детям. Власть и контроль – мотив, который характерен для насильников, для которых нет принципиальной разницы между ребенком и взрослым. Для них главное доминирование над жертвой. В ряде случаев мотивом совершения преступления выступает замещение отношений со взрослыми.

Таким образом, анализ научной литературы и практики правоохранительной деятельности позволяет сделать вывод о том, что психологический

портрет преступников, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, представляет собой сложную систему взаимосвязанных факторов. Он формируется под воздействием личностных характеристик, социальных условий. Данная категория преступлений отличается значительной латентностью, высокой общественной опасностью и сложностью выявления.

Литература

1. Гришин А.Г., Шахматов А.В. Оперативно-розыскная характеристика личности преступника, совершающего половые преступления в отношении малолетних и несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 199–207.
2. Портрет маньяка. Убийц и педофилов помогают ловить психологи // Аргументы и Факты. № 21. URL: https://spb.aif.ru/society/135353 (дата обращения: 07.08.2026).
3. Ильюк Е.В. Психопатологический механизм общественно опасных действий лиц с психическими расстройствами как основа психологического портрета серийного преступника // Lex Russica. 2016 (4). С. 34–48.
4. Плаксина К.Ю. Психологический портрет педофила // Вестник науки. 2018. № 9 (9). С. 70–71.
5. Ярославцева Ю.М. Анализ современного состояния противодействия преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в условиях цифровой среды // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 1. С. 222–230.

***В.А. Демин**, курсант 3 курса*
Уральский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.А. Барашева
Уральский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Нередко в современном мире мы сталкиваемся с речью различных политических деятелей, которые призывают нас к определенным действиям, которые несут как положительный, так и отрицательный результат. Особенно влиятельным воздействием будут подвержены лица, имеющие наименьшую социальную защиту, т. е. подростки или люди пожилого возраста, которые в силу своих морально – психических качеств не способны в полной мере осознать правомерность или противоправность своих поступков.

Рассуждая на тему экстремизма, невольно в голову приходят сводки новостей, в которых все больше и больше организаций подпадают под запрет и имеют своей целью экстремистскую направленность.

Данное направление выражено в воздействии на психику человека различными путями – через СМИ, социальные сети или даже напрямую, разговаривая с самим представителем экстремистского сообщества. Исходя из новостных лент, мы можем понять, что целями является не только воздействие на человека, но и навязывание ему каких-либо радикальных мыслей, а именно – нетерпимость к нации, расовой принадлежности, государствам и т. д. [1, с. 30].

В своей научной статье Осташев А.А. выделяет множество причин возникновения экстремизма – от проблем национального законодательства до социально-культурных особенностей развития нации. И сколько бы много ни было субъективных точек зрения, оправдывающих нетерпимость любого рода, неизменным останется факт безусловной опасности для общества (народа, нации, человечества) любых проявлений экстремизма – от самых «безобидных» его форм (например, «потребительского») до политического или националистического [3, с. 21].

Помимо вышеперечисленных причин стоит раскрыть следующие:

1. Социально-экономические, которые могут быть вызваны социальным неравенством, дающее одним превосходство над другими за счет своих ресурсов.
2. Политические разногласия, вызванные отсутствием общих интересов формирований гражданского общества и государства.
3. Идеологические факторы, имеющиеся в каждой ячейке общества, имеют настолько многочисленный характер, что зачастую приводит к локальным проблемам, которые могут перерасти в более масштабный конфликт.
4. Миграционные факторы – пожалуй, одна из самых основных причин наличия и поступления экстремистских настроений в гражданское общество Российской Федерации из-за отсутствия тотального контроля за выходцами из других стран, который в нашем государстве существует и действует на законодательном уровне, но не всегда приводит к должному результату по причине многочисленных пробелов и коллизий в праве.

Данные причины объединяет одно – это следствие социально-исторического кризиса, который выражен в отрицании и отсутствии границ между «разрешенным» и «запрещенным», также играет роль и обострение всех форм социальной борьбы и внутрисоциальных конфликтов, обусловленное этим кризисом.

Говоря о противодействии экстремизму, в современном мире создано множество регуляторов, направленных на предотвращение такого рода преступлений. Данные регуляторы выражены в самых разных источниках – федеральные конституционные законы, федеральные законы, постановления Правительства, указы Президента Российской Федерации и т. д. Но основное закрепление, действующее в борьбе против экстремизма, исходит из уголовного законодательства, который включает в себя диспозиции многих проявлений экстремизма и санкций за нарушение тех или иных норм.

Миц Д.С. в своей статье говорит о том, что экстремизму противодействует и государство, и общество. И если государство должно устранять социально-экономические и политические условия, способствующие возникновению экстремизма, и решительно пресекать противозаконную деятельность экстремистов, то общество (в лице общественных объединений, средств массовой информации и рядовых граждан) должно противопоставлять экстремистским идеям и призывам гуманистические идеи политической и религиозной толерантности, гражданского мира и межнационального согласия [2, с. 4].

Таким образом, экстремизм в современном мире – это тот отрицательный элемент, который вжился настолько, что простые методы противодействия не помогут, здесь необходим комплексный подход, состоящий из ряда мер по устранению всех причин и источников возникновения экстремистской направленности. Помимо регулирования на законодательном уровне, необходимо создавать организации и общественные объединения, которые будут направлены непосредственно на агитацию населения в целях разъяснения информации об экстремизме и данного направления деятельности.

Литература

1. Ефанова Е.В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8.

2. Миц Д.С. Противодействие экстремизму в современной России // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3.

3. Осташев А.А. Экстремизм: понятие, виды, причины и способы противодействия экстремистской деятельности в России и зарубежных странах // Юридические науки. 2021. № 1.

***В.И. Демин**, курсант 1 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***А.А. Выходов**, канд. юрид. наук*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИСТОЧНИК ПРАВА» И «ФОРМА ПРАВА» В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Проблема соотношения понятий «источник права» и «форма права» остается одной из наиболее дискуссионных в теории государства и права. Несмотря на многовековую историю изучения, единого подхода к определению этих категорий до сих пор не выработано. Как справедливо отмечал С.Ф. Кечекьян, «источник права» – это скорее образ, помогающий пониманию, чем строгое научное понятие [3, с. 3].

Актуальность проблематики обусловлена необходимостью четкой терминологической определенности для дальнейших исследований в области правотворчества и правоприменения, а также для использования данных терминов в юриспруденции.

В дореволюционной российской юриспруденции вопрос о формах и источниках права активно разрабатывался такими учеными, как Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, Е.Н. Трубецкой и др. Так, Г.Ф. Шершеневич обращал внимание на многозначность термина «источники права», выделяя четыре возможных значения: силы, творящие право; материалы, положенные в основу законодательства; исторические памятники; средства познания действующего права. В связи с этим он предлагал заменить данный термин выражением «формы права», понимая под ними различные виды права, различающиеся по способу выработки содержания норм [2, с. 45]. Е.Н. Трубецкой, в свою очередь, настаивал на необходимости отличать «источники права» от «источников правоведения», подчеркивая, что Свод законов является лишь источником познания о праве, а не самим правом [2, с. 51–52]. Эти идеи заложили основу для последующей научной дискуссии, которая продолжается и в настоящий период.

В советский и постсоветский период дискуссия соотношения исследуемых понятий сохраняется. В условиях сложившейся неоднозначной терминологической ситуации, когда одни ученые используют и понимают термин «источник права» в таком же значении, как другие ученые понимают и употребляют термин «форма права», а другие вообще используют двойное название – «Форма (источник) права». При этом термин «источник права» традиционно употреблялся в двух аспектном понимании. В.М. Баранов расширил данное понимание, представив источник права в трех смысловых плоскостях [6, с. 249].

Таким образом, в современной науке сложилось понимание, что «источник права» может рассматриваться в нескольких смысловых плоскостях. Как отмечает А.А. Выходов, большинство исследователей выделяют материальный, идеальный и формально-юридический смыслы. В материальном смысле под источником понимаются объективные общественные отношения, которые требуют правового регулирования. В идеальном – правосознание, правовая культура, оказывающие влияние на содержание норм. В формально-юридическом – внешние формы выражения и закрепления правовых предписаний [1, с. 173]. Данная классификация позволяет более полно отразить процесс правообразования, который не сводится лишь к деятельности государства.

Вопрос о соотношении «источника» и «формы» права выражен в теории права и государства двумя основными позициями. Сторонники легистского подхода (позитивизма) склонны отождествлять эти понятия, поскольку для них право – это исключительно продукт государственной воли, выраженный в официальных актах. Однако, как справедливо замечает М.Ю. Спирин, такой подход не учитывает социальную обусловленность права и многообразие факторов, влияющих на его формирование [5, с. 10].

Более обоснованной представляется позиция ученых, разграничивающих данные категории. В этом случае «источник права» указывает на истоки правовой информации и систему факторов, предопределяющих содержание норм,

а «форма права» – на способы внешнего выражения и организации правового материала [5, с. 13].

Особого внимания заслуживает введенное С.В. Коданом понятие «источник познания права». По его мнению, в структуре юридического источниковедения необходимо выделять три взаимосвязанных элемента: собственно источники права (общественные отношения), формы права (результат правотворческой деятельности) и источники познания права (носители информации, позволяющие изучать правовые явления) [2, с. 54]. Думается, что к сильным сторонами данного подхода можно отнести то, что он позволяет отделить реальные правообразующие факторы от способов их объективации и от способов изучения права.

Важно понимать, что в российской правовой системе, относящейся к романо-германской семье, основным источником права выступает нормативный правовой акт. Однако, как отмечает Л.А. Голубева, Конституция, выполняет не только юридическую, но и политическую функцию, задавая вектор развития всей правовой системы [4, с. 40]. Таким образом, Конституция является одновременно и формой права (как высший нормативный акт), и источником (как система принципов, порождающих необходимость дальнейшего правового регулирования). Данная двойственность подтверждает важность разграничения рассматриваемых понятий.

Обращая внимание на дискуссионный вопрос о признании судебной практики источником права в России. Хотя официально судебный прецедент не относится к формам права, фактически постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации играют важную роль в обеспечении единообразия судебной практики, вследствие чего ее можно отнести в качестве «самостоятельного» источника права или в качестве вспомогательного, опосредованно влияющего на формирование правовых позиций правоприменителя.

В то же время нельзя не отразить значение и иных источников права. Так, например, в правоприменительной практике возникают ситуации, когда требуется обратиться к правовым обычаям или принципам права. Например, при разрешении споров в сфере предпринимательской деятельности могут учитываться обычаи делового оборота, а общеправовые принципы (справедливость, гуманизм, законность) играют роль ориентиров при принятии процессуальных решений в ситуациях, прямо не урегулированных конкретными нормами права.

Таким образом, в современной юридической науке преобладает подход, требующий разграничения понятий «источник права», «форма права» и «источник познания права». Источник права отражает социальные, экономические, политические и идеологические факторы, обусловливающие содержание правовых норм. Форма права представляет собой способ внешнего выражения и закрепления этих норм, придающий им общеобязательный характер. Источник познания права – это материальный носитель информации, позволяющий изучать право в исторической и догматической перспективе. В правоприменительной деятельности подобное разграничение позволяет глубже понимать природу правовых предписаний, правильно их толковать и применять, а также осознавать роль правосознания и общественных отношений в формировании

законодательства. В условиях динамично меняющегося законодательства и усложнения общественных отношений дальнейшая разработка данной проблематики представляется необходимым условием повышения качества правоприменительной деятельности органов государственной власти.

Литература

1. Выходов А.А. Концептуальные основы разграничения понятий «источник права» и «форма права» в современной отечественной правовой науке // Современное общество и право. 2025. № 6 (79). С. 7–11.

2. Кодан С.В. «Форма права», «источник права» и «источник познания права» как базовые понятия юридического источниковедения // Личность, право, государство. 2018. № 4. С. 42–56.

3. Кечекьян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Кн. 2. М., 1946. С. 3–10.

4. Голубева Л.А. Конституция как источник права и как форма права // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 4. С. 39–41.

5. Спирин М.Ю. Соотношение источников права и форм права в условиях господства формально-позитивистского (легистского) подхода в юриспруденции // Право и современные государства. 2023. № 1. С. 9–16.

6. Баранов В.М. Формы (источники) права // Общая теория права. Курс лекций. Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. ВШ МВД РФ, 1993. С. 247–265.

***Д.И. Демкив**, курсант 2 курса*
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
И.Н. Навроцкая
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КУРСАНТОВ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Первостепенно необходимо отметить, что формирование межкультурной коммуникативной компетенции становится одной из приоритетных задач профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций системы МВД России в условиях стремительных темпов глобализации, роста международной преступности, расширением границ нашего государства в рамках межгосударственного сотрудничества в области обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, наличием обширного ми-

грационного потока, возросшим этническим и культурным разнообразием населения.

В целом элемент культуры общения сотрудников полиции с гражданами является фундаментальным компонентом профессиональной деятельности органов внутренних дел, который непосредственно определяет качество взаимодействия, общения между обществом и органами государственной власти. Профессиональное и вежливое отношение сотрудников полиции при работе с гражданами напрямую влияет на повышение имиджа профессии полицейского. В добавок к этому вежливая, корректная и обоснованная коммуникация сотрудника полиции в какой-то степени мотивирует граждан идти на встречу сотрудникам правоохранительных органов при раскрытии преступлений, административных правонарушений, а также обеспечения общественного порядка и общественной безопасности нашей страны.

Как отмечалось нами ранее, профессиональная деятельность сотрудников полиции, связанная с выполнением ими возложенных обязанностей по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, все чаще соприкасается с взаимодействием с гражданами различных стран и культурной принадлежности, что требует от «стражей порядка не только знания нормативной правовой основы, владения навыками применения боевых приемов борьбы, огнестрельного оружия и т. д., но и знания, понимания культурных особенностей граждан, а также быть готовым к межкультурной коммуникации через призму культурного контекста» [2, с. 115].

Под межкультурной коммуникативной компетенцией сотрудника органов внутренних дел понимается профессионально-личностное образование, представляющее собой совокупность знаний, умений, навыков и личностных качеств, обеспечивающих способность сотрудника ОВД эффективно осуществлять профессиональное общение с представителями различных языковых сообществ в условиях выполнения служебных задач, соблюдая при этом нормы правовой, этической и межкультурной толерантности.

Для более полного понимания данной категории необходимо рассмотреть ее структуру:

– лингвистический компонент, предполагающий владение иностранным языком на уровне, достаточном для осуществления профессионального общения в рамках оперативно-служебной деятельности;

– социокультурный компонент, т. е. знание национально-культурных особенностей, традиций, ценностей, норм поведения представителей различных этнических, конфессиональных групп

– профессионально-деловой аспект через призму служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, под которым понимается способность «сотрудника выбирать эффективные речевые стратегии, тактики в зависимости от ситуации межкультурного общения, коммуникативного контекста, достигать практического результата в процессе профессионального общения» [4, с. 246];

– профессионально-этический компонент, определяющий соблюдение сотрудником органов внутренних дел норм служебной этики, принципов

уважения к правам и достоинству личности независимо от ее национальности, гражданства, вероисповедания и т. д.

Подчеркнем, что основная часть профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел приходится на период обучения в ведомственных образовательных организациях высшего образования системы МВД России, где в «рамках образовательной программы наряду с правовыми, тактическими, психологическими и иными дисциплинами немаловажное место занимает иностранный язык, освоение которого непосредственно формирует у курсантов и слушателей основы межкультурной коммуникативной компетенции» [1, с. 158].

Безусловно, невнимательность со стороны курсанта к «лингвокоммуникативной подготовке на этапе обучения, либо же слабо организованный учебный процесс по данному направлению, крайне сложно восполнить в условиях практической деятельности сотрудника органов внутренних дел, условия которой диктуют ограниченность времени для развития речевых компетенций» [3, с. 683].

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции курсантов образовательных организаций системы МВД России средствами иностранного языка может осуществляться следующими способами:

– методика моделирования непосредственных профессиональных задач, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел в ходе практической деятельности, связанных с взаимодействием с иностранными гражданами. Так, по мнению автора, целесообразно внедрять упражнения по ведению диалога между сотрудником полиции и иностранным гражданином при проверке документа, составлению процессуальных документов, оказанию словесной помощи иностранному гражданину и т. д;

– недолжное внимание на занятиях по иностранному языку социокультурному компоненту в рамках повышения межкультурной компетенции молодых сотрудников органов внутренних дел через изучение культурных особенностей, традиций, норм поведения и коммуникативных стилей народов, с представителями которых сотрудники органов внутренних дел наиболее часто вступают в контакт в процессе оперативной служебной деятельности.

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что формирование межкультурной коммуникативной компетенции курсантов образовательных организаций системы МВД России средствами иностранного языка выступает важным направлением профессиональной подготовки, обусловленное современными реалиями деятельности органов внутренних дел, и обеспечит готовность будущих сотрудников к эффективному взаимодействию с иностранными гражданами.

Литература

1. Арский А.А. Особенности оценки языковой компетентности будущих сотрудников МВД средствами текущего контроля // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 1-1 (74).

2. Баринова О.Ю. К вопросу о языковой подготовке сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (8).

3. Калашникова С.В. Формирование лингвокоммуникативной культуры будущих юристов в процессе обучения иностранному языку // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. № 5.

4. Устинова Л.Г., Султанова М.В. Имидж сотрудников ОВД в контексте современных социокультурных реалий // МНКО. 2016. № 5 (60).

***А.В. Демура**, курсант 2 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Прохоров**, канд. ист. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ В ЗОНЕ СВО

Особенности правового регулирования деятельности органов полиции в условиях специальной военной операции остаются одной из наиболее значимых и дискуссионных тем современной юридической науки. Проведение СВО потребовало оперативной корректировки правовых механизмов и адаптации деятельности полиции к новым социально-политическим и правовым реалиям. В результате работа органов внутренних дел на территориях с особыми правовыми режимами приобрела специфический характер, обусловленный необходимостью одновременного применения норм общего законодательства и специальных нормативных актов, действующих в период военного положения либо контртеррористической операции.

Основой правового регулирования деятельности органов полиции в рассматриваемый период выступает Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении». Именно этот нормативный акт определяет перечень дополнительных полномочий и обязанностей, возлагаемых на органы исполнительной власти, включая Министерство внутренних дел Российской Федерации. В условиях проведения специальной военной операции перед МВД России встают новые задачи, требующие оперативного реагирования и соответствующего правового обеспечения [4, с. 201].

Существенной чертой современного этапа стало внесение в 2023–2024 гг. изменений в законодательство о военном положении, что было продиктовано необходимостью нормативного обеспечения дополнительных функций, возлагаемых на ОВД в районах проведения СВО. Прежде всего, корректировки затронули расширение перечня мер, применяемых полицией

в условиях вооруженного конфликта, а также конкретизацию механизмов взаимодействия с другими органами публичной власти.

Специфика практической деятельности полиции в зоне СВО проявляется по ряду ключевых направлений. В первую очередь, это обеспечение общественного порядка и безопасности при организации и проведении эвакуации населения из территорий, расположенных вблизи зоны боевых действий. На сотрудников полиции возлагается обязанность по охране мест проведения эвакуационных мероприятий, а также пунктов временного размещения граждан. Для эффективного выполнения указанных задач формируются специализированные группы, осуществляющие патрулирование, контроль за безопасностью дорожного движения и поддержание контрольно-пропускного режима [2, с. 58].

Особое значение в условиях военного положения приобретает контрольно-пропускной режим. Его введение направлено на предупреждение проникновения диверсионных и террористических групп, пресечение незаконного оборота оружия и боеприпасов, а также регулирование перемещения граждан в зонах повышенной опасности. Нормативная база данных мер формируется на основе сочетания положений федерального конституционного закона «О военном положении» и ведомственных актов МВД России.

Существенные изменения претерпело и законодательство о прохождении службы в ОВД. Федеральным законом от 28.12.2024 № 525-ФЗ были внесены изменения в ст. 31 федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации». Согласно новой редакции, в период действия военного положения или чрезвычайного положения, в период проведения контртеррористической операции, специальных операций и выполнения задач в области территориальной обороны, в условиях вооруженного конфликта на сотрудника ОВД с его согласия могут быть временно возложены обязанности по вышестоящей, равнозначной или нижестоящей должности [3, с. 8].

Данные изменения способствуют повышению управленческой и кадровой гибкости системы органов полиции, что особенно актуально при необходимости оперативного укомплектования подразделений, дислоцированных на территориях с особым правовым статусом.

Вопрос комплектования подразделений органов внутренних дел, дислоцированных в Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях, является приоритетным направлением кадровой работы МВД России. Практика направления сотрудников из различных субъектов Российской Федерации с временным возложением обязанностей по вакантным должностям позволяет не только закрывать кадровый дефицит, но и обеспечивать унификацию правоприменительной практики, передачу профессионального опыта и формирование единых стандартов служебной деятельности.

Важным элементом правового регулирования стало расширение системы социальных гарантий для сотрудников, несущих службу в условиях особых правовых режимов. Распоряжением Правительства Российской Федера-

ции от 20.09.2023 № 2528-р утвержден перечень регионов, населенных пунктов и местностей, при прохождении службы в которых за сотрудниками ОВД сохраняются гарантии по обеспечению жилыми помещениями. Впоследствии в данный перечень распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.06.2025 № 1627-р были внесены соответствующие дополнения.

В современных исследованиях акцентируется внимание на необходимость соблюдения принципов обоснованности и соразмерности при реализации мер государственного принуждения в рамках особых административно-правовых режимов. Ведущие специалисты обращают внимание на то, что, охраняя и защищая права и свободы граждан, полиция вынуждена применять предусмотренные законом ограничения, однако такие ограничения должны быть адекватны существующим угрозам [1, с. 108].

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема межведомственного взаимодействия в зоне СВО. Так, деятельность полиции осуществляется во взаимодействии с войсковыми подразделениями армии России, Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации, органами местного самоуправления [5, с. 119]. Приказами МВД России и Росгвардии утверждены типовые формы соглашений об обеспечении правопорядка и порядки взаимодействия по вопросам, отнесенным к их компетенции.

Следует подчеркнуть, что правовое регулирование деятельности органов полиции в условиях СВО продолжает развиваться.

Таким образом, современная модель правового регулирования деятельности органов полиции в зоне СВО носит комплексный характер. Она основана на сочетании норм общего и специального законодательства, предполагает повышение кадровой мобильности, расширение социальных гарантий и совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия.

Литература

1. Барбин В.В., Майдыков А.Ф., Овчинников В.В. Особенности деятельности полиции по охране и защите прав и свобод граждан в условиях особых административно-правовых режимов // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4.

2. Дизер О.А. К вопросу о специфике деятельности органов внутренних дел Российской Федерации при обеспечении режима военного положения // Административное право и процесс. 2025. № 12.

3. Мещеряков А.Н. Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в области обеспечения режима военного положения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33).

4. Рачев Д.Н. Реализация сотрудниками органов внутренних дел мер, применяемых в период действия военного положения // Академическая мысль. 2018. № 2 (3).

5. Соломатина Е.А. Реализация новых задач МВД России и осуществление государственной службы сотрудниками органов внутренних дел за год проведения специальной военной операции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5.

***Н.А. Дешко**, студент 2 курса*
Алтайский государственный аграрный университет

Научный руководитель:
***Т.А. Артамонова**, канд. филос. наук, доцент*
Алтайский государственный аграрный университет

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА КАК ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС: СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ СТРОКИ

Современные реалии международной ситуации таковы, что объединенный Запад вновь несет в себе угрозу «коричневой чумы», хотя в России в этом году отметили 81 годовщину победы над фашизмом. Поэтому патриотическое воспитание молодежи сегодня актуально как никогда. Оно позволяет сформировать высокий уровень гражданской ответственности, готовность встать на защиту Родины, а также развивает у молодежи чувство причастности к своей стране, ее культуре и героической истории. Особенно важен данный процесс в подростковый период, когда формируются предпосылки социального и психологического характера для национального самосознания. Одной из форм патриотического воспитания является знакомство учеников с фронтовыми письмами солдат Великой Отечественной войны [3].

Фронтовые письма (треугольники) – исторические источники, которые представляют собой личное сообщение солдата с фронта. Это письма прадедов современной молодежи, которые получала практически каждая советская семья, но сохранились они не у всех. В них четко прослеживаются морально-нравственные ценности бойца, его гражданская позиция. Письмо отражает живые эмоции, чувства, передает бытовую правду о войне и учит молодежь уважению к простым людям, не пожалевшим себя ради жизни других. Письмо является фундаментом для осмысленного патриотизма.

Книги, например, Константина Рокоссовского «Солдатский долг» или Бориса Васильева «В списках не значился» дают нам стратегическое понимание войны, ее масштабы и ход сражений. Письмо в свою очередь – это «сырой», необработанный документ эпохи, правда жизни. Это личный разговор, в котором солдат может пожаловаться на усталость или признаться в страхе. Оно наполнено теплотой и заботой при этом отражает мужество и стойкость наших солдат. Эта искренность пробивает любую броню цинизма современной молодежи [2].

Когда подросток держит в руках пожелтевший листок, он ощущает физическое прикосновение истории, в процессе изучения приходит понимание цены мира. Чтение письма, адресованного жене, детям, маме, позволяет увидеть не абстрактного «героя», а живого человека с мечтами о будущем. Язык фронтовых писем отличается от современного, в них нет цинизма, зато есть вера в Победу и любовь к родным [1]. Показательным примером служит фрагмент письма М.Д. Новикова 1942 г. из музея Клепечихинской средней общеобразовательной школы № 1: *«… шлю я вам свой горящий привет фронтовой, живу по-*

маленьку как дальше не знаю. Еще сообщу вам что иду на охоту на фрицев, если буду жив напишу как мои успехи сколько подстрелил.

Герасим, я очень соскучился об вас, не знаю когда я вас увижу, и когда мы братик с тобой увидимся не знаю. Очень скучаю, надоело уже жить в окопах все время в земле. Когда мы закончим громить врага не знаю хотяб поскорее разгромить если будем живы» (орфография и пунктуация автора).

Целью нашего исследования явилось изучение отношения молодежи к фронтовым письмам как семейным реликвиям. Для решения поставленной цели было проведено анонимное анкетирование, в котором приняли участие 34 учащихся 8–11 классов Клепечихинской средней общеобразовательной школы № 1. Выбор данной возрастной группы обусловлен тем, что в этот период формируется абстрактно-логическое мышление, появляется интерес к вопросам о ценностях, смысле жизни, а также способности не только переживать, но и анализировать свои переживания. Также организовано интервью с учителем истории России Мухопад Любовью Ивановной.

В ходе интервью педагог по истории России с 20-летним стажем отметила, что на уроках истории и во внеурочной деятельности активно использует фронтовые письма. Она считает, что использование исторических источников помогает учащимся лучше почувствовать дух эпохи. Фронтовые письма – это память о Великой Отечественной войне, реликвия, которая помогает понять, как выстояли и победили наши предки, память каждой российской семьи. На вопрос «Чем рукописное фронтовое письмо отличается от современного СМС с точки зрения передачи чувств и сохранения памяти?» Любовь Ивановна ответила, что рукописное письмо хранит тепло рук автора, почерк, который передает настроение и характер. Его можно перечитать через несколько лет, а СМС чаще пишется наскоро, не остается ни в памяти, ни в сердце.

Учащиеся отвечали на следующие вопросы:

1. Хранятся ли в вашей семье (у бабушек, дедушек, прабабушек) какие-либо реликвии времен Великой Отечественной войны?

2. Как ты думаешь, интересно ли современным подросткам читать письма солдат ВОВ?

3. Если бы тебе дали прочитать письмо солдата с войны 1941–1945 годов, что бы тебе было интереснее всего узнать?

4. Согласны ли вы с утверждением, что через строки фронтовых писем можно лучше понять своего прадеда, чем через учебник истории?

5. Какие чувства чаще возникают у вас при чтении фронтовых писем?

6. Что, на ваш взгляд, сильнее влияет на воспитание патриотизма?

7. Как ты думаешь, может ли современный подросток чему-то научиться у солдата, который писал с фронта?

Анализ ответов учащихся показал, что сохранность семейных реликвий неоднозначна. Лишь 11,8 % указали, что в их семьях хранятся письма; 17,6 % отметили наличие наград; 8,8 % – фото, а 38,2 % ответили, что ничего не сохранилось. В то же время 84,1 % опрошенных считают, что современным подросткам интересно читать письма, ведь это живая история. Еще 13,4 % выбрали ответ – скорее да, чем нет; а 2,5 % ответили – нет, что может быть связано

с эмоциональной незрелостью или несформированностью эмпатии к «далекому другу». Также был задан вопрос: «Если бы тебе дали прочитать письмо солдата с войны 1941–1945 гг., чтобы тебе было интереснее всего узнать?» В итоге 17 респондентов ответили – о чем думал, когда было страшно, что говорит о эмоциональном отклике. 9 ответов – о том, как жили между боями; и 8 учащихся интересует как воевал, про бои и оружие. Эти ответы оказывают, что подростков привлекает и человеческая, экзистенциальная составляющая.

Также важно отметить параллель между письмами во время Великой Отечественной войны и письмами участников специальной военной операции. В настоящее время изменилась только форма, большую часть составляют сообщения, но суть осталась той же. Это потребность в связи с родными и близкими, домом.

Таким образом, сочетание данных опроса и личного опыта учителя истории России позволяет сделать вывод о необходимости использования в образовательном процессе фронтовых писем, как воспитательного ресурса, обеспечивающего непосредственную связь поколений через живые строки.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала большим испытанием для нашей страны. Она принесла разрушения, голод, смерть и боль. Важно помнить об этом событии, ведь это не просто уважение к прошлому, это фундамент, на котором строится настоящее и будущее.

Литература

1. Громова И.А. Документальное наследие в образовательном пространстве школы // Отечественная история в школе. 2022. № 3.

2. Сорокина В.Е. Фронтовые истории земляков как основа патриотического воспитания // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: мат-лы V Всерос. научно-практ. конф-ции с междунар. участием, посвященной 83-й годовщине начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой и 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 2025. С. 338–343.

3. Фронтовые письма как исторический источник и средство воспитания / под ред. О.В. Гончаровой. СПб.: Лема, 2024. 156 с.

***Т.Д. Дик**, курсант 2 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Г.Е. Москаленко**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

АВТОМАТИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В настоящее время искусственный интеллект принимает большие обороты в различных сферах жизни. Он стал неотъемлемой частью нашей жизни. Нашел он свое отражение и в правоприменении. В условиях стремительной цифровизации общественной жизни и роста объема судебных споров государственные институты и юриспруденция неизбежно сталкиваются с необходимостью адаптации к инновационным решениям, способным повысить оперативность и прозрачность судебных процессов. В науке теории государства и права автоматизация правосудия рассматривается как часть тенденции модернизации судебной системы, где цифровой формат взаимодействия с участниками процесса соединяется с возможностями алгоритмического анализа, машинного обучения и систем поддержки принятия решений [3, с. 2].

Для того чтобы более детально рассмотреть тему автоматизации правосудия в условия развития искусственного интеллекта нужно разобраться в самом понятии искусственного интеллекта. Итак, искусственный интеллект можно определить как компьютерную программу, которая способна имитировать мыслительную работу человеческого мозга.

Если говорить об искусственном интеллекте в судопроизводстве, то можно выделить два основных направления: 1) осуществление и организация деятельности суда 2) непосредственное использование при осуществлении правосудия. Многие ошибочно полагают, что искусственный интеллект применяется только для выполнения сложных, занимающих время работ. Мало кто знает, что тот же самый электронный документооборот тоже является искусственным интеллектом.

Более продвинутые решения предполагают привлечение ИИ для анализа прецедентов, прогнозирования исхода судебного спора на основе больших данных, а в некоторых случаях – и для вынесения «рекомендательных» судебных решений, которые затем человек-судья может принять к сведению или отклонить. В ряде государств уже разрабатываются прототипы «роботизированных судей» – систем, способная принимать упрощенные решения в делах малой тяжести или по несложным административным правонарушениям, опираясь на структурированные правовые базы и алгоритмы машинного обучения. С точки зрения теории государства и права подобные эксперименты ставят нас перед необходимостью переосмысления сущности судебной власти, ее процессуальных гарантий и фундаментальных принципов: гласности, состязательности и независимости. Сущность правосудия в правовой доктрине традиционно свя-

зывается с деятельностью профессионального судьи, наделенного полномочиями государства, который, исходя из норм права и принципов справедливости, осуществляет правосудие в конкретном деле. В частности, известно, что ИИ, обученный на исторических данных о вынесении приговоров в уголовных делах, может воспроизводить расовые или социальные стереотипы, усиливая дискриминацию определенных групп населения. С точки зрения правовой теории, подобные риски противоречат принципу равенства перед законом, являющемуся фундаментальным для справедливого судебного разбирательства. Что нужно сделать, чтобы преодолеть такие проблемы? 1) необходимо ввести требования к сертификации алгоритмов; 2) важно закрепить законодательно принципы прозрачности, объяснимости и аудита алгоритмов; 3) гарантирование независимости и справедливости; 4) система обучения и подготовки кадров; 5) публичный контроль и взаимодействие с обществом. Однако и сама концепция, согласно которой судья – это единственный источник легитимного судебного решения, может со временем подвергаться эволюции под влиянием «цифрового правопорядка». Так, сторонники радикальной автоматизации считают, что многие типовые дела могут рассматриваться «роботом-судьей» без участия человека. Аргумент заключается в эффективности и скорости: ИИ способен проанализировать сотни подобных дел за короткий срок, значительно сократив время ожидания решения и расходы для государства. Это особенно актуально при перегруженности судебных систем. Противники же указывают на потенциальные случаи судебных ошибок, а также на то, что даже в мелких спорах может возникать уникальный контекст, не поддающийся полной формализации.

Однако пока в законодательстве большинства стран отсутствуют нормы, прямо признающие ИИ самостоятельным субъектом права. (В России деятельность ИИ регулирует Указ Президента Российской Федерации от 10.12.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»). Скорее, практика идет по пути рассмотрения алгоритма как инструмента в руках человека или организации, которые и несут ответственность за его использование [1, с. 4]. Многие международные институты, включая Совет Европы и Европейскую комиссию, уже выпустили руководящие принципы и харты этики ИИ в судебной системе. Там закрепляются принципы прозрачности, непредвзятости, контекстуальности и сохранения контроля за человеком. Однако одной декларации недостаточно: необходима четкая правовая инфраструктура, регулирующая сертификацию алгоритмических систем для судебного применения.

Выполнение этих рекомендаций позволит обеспечить баланс между инновационным потенциалом ИИ и сохранением принципов правового государства. Теория государства и права указывает, что технологические новации должны служить опорой для развития правовой системы, а не подменять ее сущностные начала [2, с. 2].

Таким образом, автоматизация правосудия в условиях развития технологий искусственного интеллекта открывает большие перспективы для модернизации судебной власти. В стратегическом плане государства должны сформировать комплексную правовую политику, предусматривающую как стимулирование инноваций, так и надежные гарантии от злоупотреблений. Интеграция

ИИ в сферу правосудия должна осуществляться под надзором компетентных учреждений, при активном участии научного сообщества и граждан, чтобы в итоге правосудие будущего отвечало не только критериям быстроты и экономической эффективности, но и оставалось подлинным воплощением справедливости и верховенства права.

Литература

1. Конарев А.С., Иванцова Г.А. Информатизация деятельности судов // StudNet. 2020. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-deyatelnosti-sudov (дата обращения: 15.03.2026).

2. Самсонова М.В., Черных И.И. От формализма к алгоритмизации в судебном правоприменении: пределы и возможности в условиях цифровизации правосудия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2025. № 2 (126). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-formalizma-k-algoritmizatsii-v-sudebnom-pravoprimenenii-predely-i-vozmozhnosti-v-usloviyah-tsifrovizatsii-pravosudiya (дата обращения: 15.03.2026).

3. Шундиков К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskom-pravosudii-sostoyanie-i-perspektivy (дата обращения: 15.02.2026).

З.А. Дунгаа*, курсант 5 курса*
Академия права и управления ФСИН России

Научный руководитель:
О.И. Юрина
Академия права и управления ФСИН России

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛОВ ОХРАНЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ С ОРУЖИЕМ

Служебная деятельность сотрудников отделов охраны учреждений уголовно-исполнительной системы относится к числу наиболее стрессогенных видов профессиональной деятельности. Данная категория сотрудников выполняют обязанности в условиях, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья, постоянной готовности к пресечению противоправных деяний, возможного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия с четким соблюдением требований законодательства, а также повышенной ответственности за обеспечение безопасности персонала учреждения, лиц, отбывающих наказание и охраняемых объектов.

Специфичность данной профессиональной деятельности заключается в комплексности монотонных режимных задач наряду с возможностью внезапного возникновения внештатных ситуаций, требующих немедленных правомерных действий со стороны сотрудников. В данных условиях особое место занимает психологическая устойчивость как профессионально важное качество личности сотрудника данной категории. Феномен психологической устойчивости обеспечивает сохранение самоконтроля, адекватность восприятия ситуации, эффективность действий в условиях повышенной ответственности и стресса, а также предполагает наличие способности успешно восстанавливаться после воздействия негативных профессиональных факторов.

Исследования в области пенитенциарной психологии в настоящее время указывают на то, что недостаточный уровень психологической устойчивости является причиной профессиональных ошибок, нарушений служебной дисциплины, эмоционального выгорания, профессиональной деформации, деструктивного поведения и др. Данное явление определяет актуальность изучения психологической устойчивости сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием как фактора личностной полноценности, эффективности служебной деятельности и надежности сотрудника.

В современной психологической науке не существует общепринятого определения «психологическая устойчивость», но тем не менее она определяется как интегральное свойство личности, обеспечивающее сохранение психического равновесия в условиях воздействия стрессогенных факторов, а также предполагает успешное восстановление после негативного воздействия факторов окружающей среды. Если рассматривать психологическую устойчивость в контексте профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, то данное качество приобретает особое значение, поскольку связано со специфичными условиями деятельности, требующих своевременных и правомерных действий по применению оружия.

Ряд авторов утверждают, что психологическая устойчивость не сводится исключительно к стрессоустойчивости, а включает в себя способность к осознанному контролю поведения, эмоциональной регуляции и принятию решений в условиях неопределенности [6, с. 7]. Современные исследования также отмечают тесную связь психологической устойчивости с психологической готовностью к экстремальным ситуациям и профессиональной адаптацией [5, с. 3].

Особенностью служебной деятельности является непрерывное пребывание сотрудника в состоянии постоянной повышенной психологической готовности, что обусловлено спецификой пенитенциарной системы [5, с. 4]. Даже при отсутствии реальных экстремальных событий сотрудник вынужден поддерживать высокий уровень внутренней мобилизации, что формирует хроническое психоэмоциональное напряжение. При недостаточном уровне развитости психологической устойчивости длительное воздействие психоэмоционального напряжения приводит к снижению концентрации внимания, роста тревожности, эмоциональной лабильности, повышению риска профессиональных ошибок, профессиональной деформации, эмоциональному выгоранию и др. [1, с. 3].

Психологическая устойчивость сотрудников проявляется в способности сохранять адекватное восприятие служебной ситуации, контролировать эмоциональные реакции и действовать согласно нормативно-правовым актам, регламентирующим прохождение службы и применение огнестрельного оружия. Развитый уровень психологической устойчивости позволяет избежать возникновения аффективных состояний, которые непосредственно влияют на принятие решений, а также влияет на оценку степени угрозы и выбора того или иного способа реагирования [4, с. 4].

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что сотрудники с более высоким уровнем психологической устойчивости демонстрируют меньшую выраженность признаков хронического стресса, эмоционального выгорания, более высокий уровень адаптации к условиям службы и устойчивость к неблагоприятным воздействиям [2, с. 5].

В этой связи поддержание и развитие психологической устойчивости сотрудников отделов охраны, несущих службу с оружием, следует рассматривать как приоритетное направление психологического обеспечения деятельности сотрудников, которое предполагает системное последовательное воздействие, которое включает в себя следующие мероприятия: профессионально-психологический отбор, регулярное психологическое сопровождение в процессе прохождения службы, целенаправленная психологическая подготовка, тренировки в условиях, приближенных к реальным экстремальным ситуациям, регулярное психологическое сопровождение в процессе прохождения службы, психопрофилактические мероприятия дезадаптивных форм поведения [3, с. 12].

Современные программы психологической подготовки, направленные на развитие психологической устойчивости, показывают высокую эффективность, что несомненно является стимулом к дальнейшему изучению данного феномена и разработке эффективных программ.

Таким образом, психологическая устойчивость является одним из неотъемлемых составляющих эффективности профессиональной деятельности сотрудников. Она обеспечивает надежность, безопасность и законность в условиях повышенного риска и психоэмоциональной нагрузки.

Литература

1. Анисимова Е.А., Проскурякова Л.А., Милентьева И.С. Стрессоустойчивость сотрудников правоохранительных органов с разными стилями поведения в конфликте // МНИЖ. 2024. № 8 (146).

2. Зауторова Э.В. Психологическая устойчивость сотрудников, несущих службу с оружием, в зависимости от выслуги лет в уголовно-исполнительной системе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. № 1 (92).

3. Канунников Р.И., Коноплева Е.А. Психологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3.

4. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.

5. Овчарова Е.В., Душкин А.С., Коноплева И.Н., Ковальчук И.А. Психологическая готовность сотрудников отдела охраны следственного изолятора к

применению огнестрельного оружия на поражение // Психология и право. 2024. Т. 14. № 3.

6. Потемкин П.В., Малышев К.Б., Соболев Н.Г., Чирков А.М. Характеристика психической устойчивости сотрудников отдела охраны с различными сроками службы в уголовно-исполнительной системе российской федерации // Пенитенциарная наука. 2021. № 3.

***Д.А. Дускалиева**, курсант 2 курса*
Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.Н. Муратова**, канд. филол. наук*
Волгоградская академия МВД России

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ)

В современных условиях напряженной геополитики остро стоит вопрос об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, охране ее суверенитета, независимости и государственной целостности [5]. Среди прочих факторов, которые представляют угрозу для национальной безопасности нашей страны, являются терроризм и экстремизм [6].

Терроризм – это насильственные акты, совершаемые против лиц или объектов, находящихся под защитой государственных или международных прав [4]. В широком понимании, терроризм – это идеология и система, совокупность методов и способов для дестабилизации социума. По целенаправленности выделяют такие его формы, как националистический, религиозный, государственный и политический терроризм.

Российское уголовное законодательство понимает под терроризмом действия, создающие угрозу гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступление иных общественно-опасных последствий [2, 4]. Подобные действия классифицируются как террористические, если они совершаются в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти; особенно отмечается, что угроза совершения указанных действий также соотносится с терроризмом. Экстремизм – один из видов поведения человека, при котором он придерживается крайних взглядов и убеждениям, которые зачастую идут вразрез с общепринятыми социальными и правовыми нормами. Экстремистская деятельность становится террористической, когда заканчивается мыслительная деятельность на подсознательном уровне (религиозные, этнические

или национальные идеи и их воплощение среди группы последователей), и осуществляется переход к физическим действиям.

Итак, в современных реалиях такие явления, как терроризм и экстремизм остаются наиболее опасными проявлениями преступной деятельности. Терроризм, как течение в океане, усиливает колебания волн преступности, поэтому на фоне подобных событий криминогенная обстановка обостряется за счет его резонанса – кражи, грабежи, порча и уничтожение собственности происходят чаще всего, поскольку криминальный контингент считает свои деяния малозначительными и незаметными, надеясь избежать привлечения к административной или уголовной ответственности.

Аналитические отчеты [3] свидетельствуют о том, что около половины преступлений террористической направленности остаются нераскрытыми и, как следствие, не расследованными. Это подтверждает необходимость противодействия подобной проблеме на территории нашего государства.

К современным проблемам противодействия экстремизму и терроризму на территории Российской Федерации относят диверсионную деятельность, идеологическое и политическое противоборство, национальную рознь, повышение латентности данной категории преступлений [2, с. 341–344]. На наш взгляд, немаловажной проблемой является активное вовлечение молодежи в экстремистскую и террористскую деятельность, поэтому важным условием в борьбе с терроризмом наряду с активной работой правоохранительных органов по раскрытию и расследованию данных категорий преступлений становится своевременная профилактика антитеррористического и антиэкстремистского мировоззрения, особенно среди молодежи.

В образовательных учреждениях МВД России уделяется большое внимание реализации мер по профилактике и противодействию терроризму и экстремизму.

Выделим наиболее важные моменты указанной деятельности со стороны руководства Волгоградской академии МВД России [1]:

1. Образовательная деятельность: кадровая подготовка специалистов в сфере правоохранительной деятельности с применением инновационных технологий для противодействия террористической пропаганде и вербовке (участие во Всероссийском проекте «Кибердром).

2. Профессионально ориентированная деятельность: охрана общественного порядка, организация совместных совещаний и встреч с представителями правоохранительных органов – прокуратуры, Следственного комитета с целью рассмотрения вопросов ответственности за правонарушения в указанной сфере.

3. Научно-исследовательская деятельность: подготовка научно-педагогических кадров, организация научно-практических конференций, в т. ч. курсантов и слушателей (Всероссийская научно-практическая конференция курсантов, слушателей и студентов «Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе»; конкурс проектов.

4. Морально-патриотичное воспитание: героико-патриотический проект Волгоградской академии МВД России «Из забвения в бессмертие», патриотический слет «Территория без экстремизма».

4. Культурно-просветительская деятельность: актуализация вопросов просвещения населения; разъяснение роли религиозных и общественных организаций в профилактике терроризма и экстремизма; профилактика антитеррористического и антиэкстремистского мировоззрения (участие в научно-просветительском форуме «Профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений»; организация для обучающихся на базе академии кинолекториев «Русофобия как разновидность экстремистской идеологии», «Понятие, признаки, причины экстремизма: социально-политические аспекты», а также лекций представителей общества «Знание»).

Нами перечислены далеко не все формы работы по профилактике противоправной террористической деятельности, которые реализуются на базе Волгоградской академии МВД России. Таким мероприятиям будет и в дальнейшем уделяться большое внимание, т. к. терроризм и экстремизм остаются острыми проблемами современного общества во всех государствах нашей планеты [2]. Эти явления затрагивают практически все сферы человеческой жизни, подрывая устоявшийся уклад жизни. Если своевременно не пресекать их проявления, даже в малой степени это быстро перерастет в проблему, которую своими силами и ресурсами решить будет крайне затруднительно.

Литература

1. Волгоградская академия МВД России: официальный сайт. URL: https:ва.мвд.рф (дата обращения: 12.03.2026).

2. Кильметова Т.А. Каиров Р.Р., Шогемукова С.А. Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму в современной России» // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-protivodeystviya-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 12.03.2026).

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2026 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762 (дата обращения: 10.03.2026).

4. МЧС России – Термины. URL: https://mchs.gov.ru › terminy-mchs-rossii › term (дата обращения: 11.03.2026).

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.И. Дьяконова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Гнездилова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ БАРНАУЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

В современных условиях межкультурного взаимодействия ценность знаний иностранного языка (далее – ИЯ) трудно переоценить. ИЯ является значимым компонентом подготовки высококвалифицированных специалистов и одновременно средством развития коммуникативных навыков, критического мышления, творческой и самостоятельной деятельности. Целью обучения ИЯ в БЮИ МВД России является формирование у курсантов коммуникативной компетенции, необходимой для осуществления их служебной деятельности, включая участие в зарубежных проектах. Кроме этого, польза ИЯ заключается и в удовлетворении своих познавательных потребностей и саморазвития. Однако до сих пор мы сталкиваемся с недооцененной ролью иноязычной коммуникативной компетенции сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД).

Самым распространенным иностранным языком на сегодняшний день является английский язык. Причин для этого множество. Во-первых, это колониальное прошлое Великобритании и большое количество завоеванных территорий. К тому же множество иммигрантов из этой страны переселилось в Северную Америку, и почти весь континент заговорил по-английски. Если к Америке добавить Австралию, Новую Зеландию, Канаду, то список стран, говорящих на английском языке или признающих этот язык в качестве официального, значительно возрастет.

В последующие годы Соединенные Штаты Америки сыграли свою роль в распространении английского языка, он стал активно использоваться в разных сферах жизни и негласно стал движущей силой прогресса, успеха, денег и власти. В связи с этим английский язык и в нашей стране стал самым распространенным иностранным языков и подавляющее число обучающихся, начиная от школы и на протяжении последующей жизни, отдают предпочтение именно этому языку.

В Барнаульском юридическом институте МВД России из 160 человек набора 2026 г. 144 изучали в школе английский, лишь 6 человек – немецкий язык. Поэтому в данном исследовании, говоря об иностранном языке, мы в основном будем подразумевать английский язык.

Являясь обучающимися БЮИ МВД России, мы понимаем, что наша будущая деятельность тесно связана с коммуникацией, т. е. язык и речь – наши главные инструменты в работе с людьми. Очень важно их понимать и быть ими понятыми. В законах не закреплено владение полицейскими ИЯ, но практика

показывает, что им это необходимо, т. к. сотрудник должен уметь оказать помощь как человеку, говорящему как на его родном языке, так и иностранцу (владея хотя бы английским языком). Вышесказанное указывает на важность развития у российских полицейских межкультурной коммуникативной компетенции (МКК). Вслед за В.О. Ивановой и Е.А. Проценко под МКК мы понимаем «способность личности устанавливать взаимоотношения и достигать взаимопонимания с представителями других культур на основе признания из культурных, духовных и материальных ценностей и толерантного отношения к их отличиям в общении, поведении, образе жизни» [2, с. 34].

Важным аспектом в системе развития коммуникативной компетенции является формирование толерантного отношения к человеку иной культуры, иного языка. Под толерантностью в профессии полицейского, мы понимаем «интегральную характеристику индивида, определяющую его способность активно и конструктивно взаимодействовать с профессиональной средой в ситуациях любой сложности с целью не только эффективного осуществления ведущей деятельности, но и сохранения социально-психологической адаптивности и профессионального саморазвития» [1, с. 64]. Полицейский, обладающий толерантностью, всегда сможет расположить к себе человека и выстроить с ним эффективное взаимодействие. На наш взгляд, это и есть истинный профессионализм. Кроме того, хороший уровень владения ИЯ способствует развитию авторитета российского полицейского на международном уровне.

В современных реалиях знания ИЯ особенно востребованы во время проведения международных спортивных соревнований. Так, во время прошедших Олимпийских игр в Сочи количество полицейских составляло 1/9 часть (37 000) от всего населения города. Курсанты Воронежского института МВД России также принимали участие в обеспечении безопасности мероприятия. Сотруднику полиции важно помнить, что иностранцы, находясь в России, обращаются в полицию как в орган государственной власти. Они либо совсем не знают русский язык, либо плохо говорят на нем, а полицейский должен их хорошо понимать, чтобы быстро и точно разобраться в проблеме. Поэтому владение ИЯ нужно рассматривать как средство профессионально личностного развития [3].

Важно отметить, что занятия по ИЯ в БЮИ МВД России носят профессионально и коммуникативно ориентированный характер. Мы не только развиваем навыки общения на ИЯ, но и частично приобретаем новые знания по специальности через освоение терминологии и интернациональной лексики, расширяем наше мировоззрение, межкультурную компетенцию, улучшаем мыслительные навыки и личностные качества. Изучение ИЯ помогает лучше понять особенности нашей будущей профессии не только в России, но и англоязычных странах.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся Барнаульского юридического института МВД России является важным средством совершенствования межкультурного и профессионального общения. Сотрудник, владеющий такой компетенцией, оказывает положительное влияние на имидж и престиж профессии российского полицейского не только со стороны наших граждан, но

и иностранцев. Особенно актуален этот вопрос в рамках растущей миграции и появления на территории России разных языков и культур. Мы считаем, что обучение ИЯ совершенствует как языковые навыки, так и способность к толерантности, творчеству и межкультурной коммуникации.

Литература

1. Жердева Н.Н. Профессиональная толерантность сотрудников ОВД: диагностика и развитие // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 3. С. 64–68.

2. Иванова В.О., Проценко Е.А. Роль иноязычной коммуникативной компетенции в профессиональной подготовке сотрудников ОВД // Студенческий научный форум: мат-лы VIII Междунар. студенческой науч. конф-ции. 2016. С. 33–37.

3. Шалимова О.Н. Особенности подготовки сотрудников полиции средствами иностранного языка // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. № 03 (119). URL: https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-podgotovki-sotrudnikov-politsii-sredstvami-inostrannogo-yazyka.html (дата обращения: 16.03.2026).

***Д.Д. Ермилова**, слушатель 5 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.А. Никитчик**, канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С НЕЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Первая четверть XX в. стала периодом глубочайших социальных потрясений для России. Политический и экономический кризис, усугубленный Первой мировой и Гражданской войнами, революциями, голодом – все это существенно изменило все сферы общественной и государственной жизни, привело к масштабной маргинализации общества. Проблема детской беспризорности, а за ней и детской преступности перешли из разряда текущих явлений в разряд угрозы национальной безопасности, потребовав после революции немедленного реагирования от молодого советского государства.

Как отмечают исследователи, в 1920-е гг. показатели детской преступности возросли в два раза по сравнению с довоенным уровнем [1, с. 28]. Основной причиной, естественно, была массовая беспризорность: дети, оставшись без попечения родителей, вынуждены были выживать, что толкало их на кражи, грабежи и участие в деятельности преступных групп. Особую тревогу властей вы-

зывало вовлечение несовершеннолетних во взрослую преступность. Дети использовались как исполнители второстепенных ролей: распространители наркотиков, наблюдатели за жертвами, а также как субъекты политических провокаций. С течением времени из таких вырастали опытные преступники-рецидивисты.

Понятие девиантного поведения детей постепенно эволюционировало: от термина «безнадзорность», использовавшемуся в 1920–1930-х гг. (отсутствие родительского контроля), в 1950–1980-е гг. перешли к более широкому пониманию – как результату ослабления воспитательного воздействия и социальных связей [2].

Первоначально реакция законодателя была робкой и фрагментарной. УК РСФСР 1922 г. не содержал специальной главы о преступлениях против несовершеннолетних, но устанавливал запрет на вовлечение детей в занятие проституцией (ст. 171), что стало первым шагом к криминализации данного деяния. УК РСФСР 1926 г. расширил уголовно-правовую охрану несовершеннолетних, установив запрет на подстрекательство несовершеннолетних к самоубийству и их развращение, а также закрепил приоритет мер медико-педагогического воздействия для подростков 14–16 лет (ст. 18).

Поворотным моментом стало ужесточение уголовной политики в середине 1930-х гг. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» не только снизило возраст уголовной ответственности до 12 лет, но и ввело наказание для взрослых подстрекателей – тюремное заключение на срок не менее 5 лет. Эта норма была включена в УК РСФСР как ч. 2 ст. 158, ознаменовав переход от воспитательной парадигмы к репрессивной [3, с. 15].

Однако социальные причины детской преступности не устранялись. Как отмечается в архивных материалах, создаваемые в 1920-е гг. воспитательно-исправительные учреждения в Перми, Оренбурге и многих других городах страдали от недостатка финансирования и низкой квалификации кадров, что нередко приводило к усилению криминализации контингента. Системной борьбы с вовлечением детей в криминал в тот период не сложилось [4, с. 123–128].

Качественно новый этап борьбы с детской преступностью и вовлечением детей в преступную деятельность наступил с принятием УК РСФСР 1960 года. Впервые появилась самостоятельная норма – ст. 210, устанавливающая ответственность за вовлечение несовершеннолетних в пьянство, попрошайничество, проституцию, азартные игры, а также за использование подростков для целей паразитического существования. Как отмечает Д.А. Рушанян, название статьи было уже ее содержания, что позволяло трактовать ее широко [5, с. 45]. Позже кодекс дополнился нормами о доведении несовершеннолетних до состояния опьянения (ст. 210.1) и о вовлечении их в немедицинское потребление одурманивающих средств (ст. 210.2). Можно сказать, что к концу советского периода сформировалась относительно самостоятельная группа норм, направленных на защиту несовершеннолетних от преступно-деструктивного влияния.

Эффективность этих мер остается предметом дискуссии. Официальная советская криминология (Г.М. Миньковский, А.В. Садовский, Л.Н. Кривочен-

ко) декларировала успехи, связывая их с преимуществами социализма. Однако статистика опровергает эти оценки. Исследования Д.А. Краснова показывают: в 1960–1980-е гг. число несовершеннолетних, совершивших преступления, устойчиво росло. Если в 1960 г. было зарегистрировано 14 187 подростков-преступников, то к 1964 г. их стало уже 72 409 [6, с. 102]. Справка «О состоянии преступности среди несовершеннолетних в РСФСР за 1960–1964 гг.» прямо указывает, что принятие нового УК не привело к перелому ситуации [4, с. 123–128].

По нашему мнению, причины неуспеха кроются в комплексе следующих факторов. Во-первых, сохранялся разрыв между декларируемой борьбой и реальной правоприменительной практикой. Государство ставило нереалистичную цель полного искоренения преступности, выбирая порой неадекватные средства [7, с. 54]. Вовлечение детей в преступную деятельность часто рассматривалось как рядовое уголовное преступление, что не позволяло устранить глубинные причины: социальное неблагополучие, ослабление института семьи, отсутствие системы досуга и занятости подростков.

Тем не менее значение правовых наработок советского периода трудно переоценить. Именно тогда были заложены основы института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, воспринятые и развитые в УК РФ 1996 г. Систематизация норм в 1960 г. создала правовую базу для дифференциации ответственности взрослых подстрекателей.

Таким образом, эволюция уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность в советский период прошла путь от единичных запретов к относительно стройной правовой системе. Однако, будучи важным инструментом сдерживания, она не смогла кардинально повлиять на динамику подростковой преступности без решения социально-экономических проблем. Уголовно-правовой запрет эффективен лишь как часть целостной социальной политики, направленной на защиту детства и укрепление институтов социализации.

Литература

1. Сафин Ф.Ю. Из истории развития законодательства России об уголовной ответственности несовершеннолетних // История государства и права. 2009. № 1. С. 27–30.

2. Миньковский Г.М. Некоторые вопросы изучения преступности несовершеннолетних // Предупреждение преступности несовершеннолетних. М.: Юридическая литература, 1965.

3. Постановление ЦИК СССР № 5, СНК СССР № 331 от 07.04.1935 // Собрание законодательства СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

4. Справка о состоянии преступности среди несовершеннолетних в РСФСР за 1960-1964 гг. // Сборник документов по истории уголовной политики СССР / под ред. В.М. Курицына. М.: Юридическая литература, 1989. С. 123–128.

5. Рушанян Д.А. Уголовно-правовая регламентация института ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и иных антиобщественных действий: исторические аспекты // Юридические исследования. 2024. № 9. С. 40–52.

6. Краснов Д.А. История государственной политики в области борьбы с преступностью несовершеннолетних в РСФСР: дис. … канд. ист. наук. М., 2014. 210 с.

7. Краснов Д.А. Преступность несовершеннолетних и борьба с ней: нарастание кризисных явлений в первой половине 1980-х годов // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 7. С. 52–56.

***Ю.А. Есюнина**, слушатель 5 курса*
Нижегородская академия МВД России

Научный руководитель:
Н.В. Капитанова
Нижегородская академия МВД России

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД К ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

События, происходящие в стране в настоящее время, накладывают серьезный отпечаток на сознание населения: глобализация, представшая перед нами как благо, в современных условиях лишь усугубляет идеологическое противостояние между государствами. Достижение стратегического паритета между мировыми державами в области ядерных вооружений, рост уровня научно-технического развития призывают государства к поиску новых форм противоборства. В связи с этими тенденциями в обиходе в конце XX в. появился термин «гибридная война», которая определяется как комплекс мер, направленных не на классическую победу, а на разрушение политического строя государства-противника.

Негативное информационно-психологическое воздействие (далее – ИПВ) на сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) – это целенаправленная деятельность различных субъектов, направленная на деморализацию сотрудников и дезориентацию их деятельности с целью достижения политических, социальных и иных целей [3, с. 54].

Среди основных видов ИПВ можно выделить: убеждение, внушение и заражение. Средствами массовой информации, подконтрольными Украине и «коллективному Западу», ведется целенаправленная работа по насыщению российского информационного пространства пропагандой, направленной,

в первую очередь, на гражданское население и правоохранительные структуры. В сети массово распространяются видеоматериалы, направленные на убеждение российской аудитории в превосходстве Вооруженных сил Украины, ошибочном и провальном характере внутренней и внешней политики Российской Федерации. Кроме этого, примером рассматриваемой формы ИПВ могут служить многочисленные сообщения о минировании зданий. Повторяющиеся сообщения перестают восприниматься как что-то серьезное, в связи с этим у сотрудников полиции теряется профессиональная бдительность, формируется попустительское отношение к выполнению служебных обязанностей и убеждение в бессмысленности выполняемой работы.

Внушение как форма ИПВ осуществляется посредством распространения фейковой информации, демонстрирующей противоправные действия сотрудников ОВД; дипфейков, направленных на создание противоречий между гражданским населением и сотрудниками полиции.

Опыт проведения специальной военной операции показал, что активно совершенствуется форма воздействия – заражение. Частым проявление такого механизма являются СМС-рассылки с угрозами в адрес сотрудников органов внутренних дел и членов их семьи, которые могут вызвать панику и деморализацию. Подобные сообщения получают жители приграничных с зоной ведения боевых действий регионов. Путем массовой рассылки информации о готовящихся нападениях, пересечении ВСУ границы Российской Федерации и других противоборствующая сторона пытается посеять панику, подорвать доверие граждан к органам власти. В результате негативного информационного воздействия у сотрудников ОВД могут возникать сомнения в справедливости решений государственных органов, устройства системы МВД России, в частности порядка и условий прохождения службы.

Еще одной распространенной формой информационного противостояния является телефонное мошенничество, жертвами которого могут стать и сотрудники полиции, что говорит о недостаточном развитии их критического мышления.

Опыт ведения боевых действий наглядно доказывает, что эффективность действий личного состава напрямую зависит от высокого боевого духа и стойкости гражданского населения. Именно эти факторы часто становятся объектами целенаправленного деструктивного воздействия для достижения военных целей. В условиях нестабильной социально-политической ситуации в отдельных регионах нашей страны, когда сотрудники ОВД направляются в служебные командировки в зоны военного конфликта, их деятельность становится маркером особых условий военной службы. В связи с этим целесообразно рассматривать механизмы противодействия ИПВ на сотрудников через призму опыта, накопленного в ходе военных конфликтов.

Анализ вооруженных столкновений на территории Чечни и Афганистана показал, что со стороны незаконных вооруженных формирований оказывалось мощное ИПВ. В связи с этим перед руководством стояла задача по защите личного состава, которая в современных условиях выступает отдельным направлением морально-психологического обеспечения. Главными задачами такой за-

щиты стали: анализ и доведение до личного состава обстановки в регионе; разъяснение служебных задач; укрепление боевого духа; выявление и ликвидация средств ИПВ противника.

На начальных этапах этих конфликтов защита от негативного ИПВ осложнялась психологической неготовностью личного состава, недооценкой потенциала противника и недостатком контрпропагандистской работы, что привело к снижению морального духа. Для противодействия был разработан комплекс мер: организация ежедневного информирования, просмотр телепередач о положении в регионах, создание групп информационного обеспечения, информирование о примерах мужества и награждение отличившихся, размещение информационных пунктов на вокзалах [2].

Критически важным направлением стала работа с каналами ИПВ противника: сбор данных о методах воздействия, уничтожение пропагандистских материалов, введение цензуры, запрет на контакты с местными жителями, пресечение слухов, развертывание переговорных пунктов для связи с родственниками по закрытым каналам. Боевой опыт показал, что защита от ИПВ является стратегически важной задачей для поддержания морально-психологической устойчивости.

Разнообразие методов ИПВ требует своевременной защиты личного состава. Система защиты включает: прогнозирование (определение каналов и форм ИПВ, выявление уязвимых сотрудников); предупреждение (информирование об обстановке, перекрытие каналов ИПВ, уничтожение материалов, профилактика, формирование критического мышления и патриотизма); срыв и ликвидация последствий (пресечение панических реакций) [1].

Несомненно, ключевая роль в профилактике оказания негативно-информационного воздействия на сотрудников ОВД и формировании критического мышления отводится образовательным организациям системы МВД России. На наш взгляд, в программу подготовки сотрудников должна быть включена учебная дисциплина по противодействию негативному информационно-психологическому воздействию.

В рамках самообразования при развитии критического мышления можно использовать следующие рекомендации: публикуемую в СМИ информацию необходимо проверять по нескольким источникам, отдавая предпочтение официальным каналам; сенсационные новости следует подвергать сомнению, избегать оценочных суждений, сделанных на основе вырванных фраз.

Таким образом, психологическая устойчивость к негативному ИПВ является неотъемлемой частью профессиональной подготовленности личного состава к несению службы в особых условиях. В связи с этим необходимо создать эффективную систему защиты личного состава, соответствующую современным тенденциям информационного противоборства.

Литература

1. Буранов С.Н., Краснокутский Ф.А. Особенности защиты личного состава и членов их семей от негативного информационно-психологического воздействия в условиях специальной военной операции // Вестник адъюнкта. 2023.

№ 2. URL: https://vestnik-adyunkta.ru/soderzhanie-zhurnala/razdely/8-vestnik/384-osobennosti-zashchity-lichnogo-sostava-i-chlenov-ikh-semej-ot-negativnogo-informatsionno-psikhologicheskogo-vozdejstviya-v-usloviyakh-spetsialnoj-voennoj-operatsii (дата обращения: 10.03.2026).

2. Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне. М.: ВУ, 1997.

3. Яббарова С.И. Структура и содержание противодействия незаконному информационному воздействию на сотрудников правоохранительных органов // Шаг в науку. 2023. № 2. С. 53–57.

***Ю.А. Есюнина**, слушатель 5 курса*
Нижегородская академия МВД России

Научный руководитель:
Н.В. Капитанова
Нижегородская академия МВД России

НЕГАТИВНОЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ВОВЛЕЧЕНИЯ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В современном мире информационно-психологическое воздействие стало одним из основных инструментов ведения гибридных войн. Сегодня информационное пространство превратилось в арену борьбы за сознание людей, где решается вопрос о безопасности целых государств. В доктрине информационной безопасности Российской Федерации отмечается, что спецслужбы иностранных государств расширяют масштабы психологического воздействия на российское население, стремясь дестабилизировать внутриполитическую обстановку и подорвать суверенитет страны [2].

Информационно-психологическое воздействие (далее – ИПВ) – это целенаправленное психологическое воздействие на сознание людей, позволяющее изменять поведение и деятельность человека или социальной группы без прямого принуждения [1, с. 30].

В настоящее время особую опасность представляет деятельность Центра информационно-психологических операций (далее – ЦИПсО) украинских спецслужб. Вооруженными силами Украины при поддержке их западных кураторов развернута масштабная кампания по идеологической обработке российских граждан, особенно молодого поколения, и вербовке для вовлечения их в совершение террористических актов и диверсий.

Для достижения своих целей агенты ЦИПсО используют приемы манипуляции, воздействующие на психическое состояние человека. Среди основных

методов психологического воздействия с целью вербовки выделяют фасцинацию, суггесию и персуазию.

Персуазия – воздействие на адресата с целью изменения его поведения или взглядов с помощью аргументов и логических доводов. Суггесия, напротив, представляет собой скрытое воздействие, которое воспринимается без критической оценки. Фасцинация обозначает способность информации привлекать и удерживать внимание за счет эмоциональной насыщенности, эстетической привлекательности. Инструменты фасцинации действуют на уровне эмоций, подготавливая человека к дальнейшему воздействию [4, с. 142–143].

Первоначальный контакт с потенциальной жертвой строится на привлечении внимания через эмоционально заряженный контент и создании условий для снижения критического восприятия. Для этого вербовщиками используются различные фасцинативные инструменты, адаптированные к целевой аудитории. Мы можем наблюдать большое количество эмоционально насыщенных материалов о политической несправедливости, коррупции, страданиях определенных групп населения. Видеоролики, посты, публикуемые на различных цифровых платформах, вызывают гнев, сочувствие и желание восстановить справедливость.

В современных условиях широкое распространение получили мошеннические схемы, когда агенты ЦИПсО осуществляют звонки российским гражданам, представляясь сотрудниками банка, под различными предлогами выманивают денежные средства. Затем человеку сообщают, что он стал участником преступления и можно все исправить только лишь выполнением заданий.

Для несовершеннолетних часто используются игровые формы. Мошенники из числа украинских агентов под предлогом получения редкого артефакта в онлайн-играх выманивают у несовершеннолетних код из СМС, а затем, представляясь сотрудниками правоохранительных органов, сообщают об угрозе хищения денежных средств и предлагают спасти их путем выполнения заданий, например фотографированием объектов инфраструктуры.

В качестве наглядного примера выступает преступление, совершенное школьником в Нижнем Тагиле. Оказавшись завербованным иностранными спецслужбами, подросток, за некоторое денежное вознаграждение выполнял задания кураторов. Первым заданием была видеосъемка Тагильского районного суда за 1000 руб., при этом кураторы требовали, чтобы на записи был продемонстрирован жест «Джамбо». После выполнения задания, ему были выдвинуты новые требования – поджечь здание и доставить взрывчатку. Ему пригрозили передать информацию о сотрудничестве с ВСУ в полицию, указав на возможность привлечения к уголовной ответственности в случае отказа [5].

После выполнения первого задания человек эмоционально возбужден, его критическое восприятие ослаблено, и он готов к восприятию дальнейшей информации.

Когда жертва эмоционально «разогрета», вербовщики приступают к формированию у нее убеждений (персуазия). На данном этапе человеку предлагаются аргументы, которые он должен осмыслить и принять как руководство к действию. Происходит создание образа врага в лице правоохранительных ор-

ганов и вооруженных сил, призвание к справедливости и возмездию за страдания народа.

После того, как человек совершит первые противоправные действия наступает стадия внушения (суггестия). Указание опубликовать компрометирующие материалы, в противном случае угроза близким родителям, детям) позволяют подкрепить результат. Страх заставляет жертву подчиняться без рассуждений.

Данную схему можно разобрать на примере случая, произошедшего в г. Усинске, когда пожилая женщина устроила поджог здания военкомата под влиянием телефонных мошенников, которые представлялись сотрудниками банковской сферы и правоохранительных органов. Злоумышленники убеди ее, что внутри военного комиссариата находится человек, который пытается похитить ее деньги, а поджог поможет сотрудникам полиции его задержать [3].

Подводя итог, отметим, что противодействие негативному информационно-психологическому воздействию невозможно без разработки комплексного подхода. В качестве основных превентивных способов стоит выделить: развитие критического мышления, информирование граждан о современных методах вербовки, выявление деструктивного контента в сети Интернет и его блокировка. Основное внимание стоит уделять наиболее уязвимым категориям граждан – несовершеннолетним, пожилым людям и тем, кто находится в трудной жизненной ситуации.

Литература

1. Баранов Е.Г. Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 25–31.

2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646) // Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 05.03.2026).

3. Суд приговорил жительницу Усинска к пяти годам колонии за поджог военкомата. URL: https://tass.ru/proisshestviya/19595043 (дата обращения: 12.03.2026).

4. Червякова О.А. Дискурсивное воздействие в военно-политических медиатекстах: фасцинация, суггесия, персуазия (на материале испанского языка) // Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102). С. 141–148.

5. Школьник из Нижнего Тагила завербован спецслужбами: подробности опасной «подработки». URL: https://vedomostiural.ru/news/shkolnik-iz-nizhnego-tagila-zaverbovan-specsluzhbami-podrobno/ (дата обращения: 14.02.2026).

***М.С. Ефимова**, курсант 2 курса*
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***О.М. Пономарева**, канд. пед. наук*
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

О РОЛИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

Профессионально-служебная деятельность участкового уполномоченного полиции осуществляется на административном участке и построена на основе взаимодействия с населением. Участковый как должностное лицо органов внутренних дел решает широкий круг служебных вопросов и задач, что предопределяет универсальный характер его деятельности.

Одним из основных направлений деятельности участкового уполномоченного полиции выступает профилактика совершения противоправных действий на административном участке.

Профилактическая работа осуществляется участковым во взаимодействии с населением участка для выявления лиц, склонных к совершению правонарушений и преступлений, предотвращения возникновения возможных опасных ситуаций.

При этом профилактическая работа проводится участковым по большей части индивидуально, в отношении конкретных лиц.

Участковому необходимо установление психологического контакта, выстраивание модели общения и поведения с конкретными лицами, каждый из которых обладает индивидуально-личностными особенностями. В основе успешного общения находятся особенности личности самого участкового, его настроенность на коммуникацию, гибкость и возможность изменения стиля общения с различными субъектами взаимодействия, уровень доверия к нему со стороны населения.

Установление тесного контакта с населением необходимо и в интересах службы с целью сбора оперативной информации, так и с целью проведения профилактических рейдов и иных мероприятий по предупреждению правонарушений на участке.

Законодательством установлены отдельные категории лиц, нуждающиеся в профилактическом учете. Эти лица склонны к антиобщественным действиям, правовому нигилизму, в поведении могут проявлять агрессию или индифферентность при взаимодействии с ними. Однако участковому необходимо и с ними наладить контакт для реализации задач профилактики.

Индивидуальная профилактика по сути своей является психолого-педагогической работой, которая основана на наблюдении, принятии мер к недопущению правонарушений и установлению причин и условий, способствующих их совершению.

Любое воздействие на профилактируемое лицо должно быть дифференцировано с учетом особенностей личности и социальной обстановки.

Однако у многих участковых отсутствуют профессионально важные качества, которые определяют успешность и уровень качества осуществляемой деятельности.

В структуре профессионально важных качеств участковых в настоящее время выделяются: способности (врожденные и приобретенные); характеристики личности (мотивы, потребности, интересы, ценности и др.); знания и умения.

Б.Г. Бовин в своих исследованиях установил индивидуально-психологические свойства, имеющие значение для профессиональной деятельности участкового: наблюдательность, уравновешенность в поведении и оценках, умение чувствовать человека, интуиция, память на внешность людей и поведение, умение располагать к себе людей, устанавливать быстрый контакт, делать выводы из разнообразной и противоречивой информации [2, с. 112–113].

Представленный перечень демонстрирует свойства, которые могут быть присущи человеку от рождения, так и те, которые при их отсутствии или неразвитости могут быть выработаны в процессе профессиональной деятельности.

При этом на должности участковых в органах внутренних дел назначаются лица, имеющие высшее профессиональное или среднее профессиональное образование без предъявления требований к направлению подготовки или специальности. Не все участковые обладают в силу различного уровня и направленности профессиональной подготовки даже базовыми знаниями психологии.

Участковым необходимы следующие знания и навыки:

– знания об особенностях личности, на которых основано взаимодействие с различными категориями граждан и правилах поведения при возникновении конфликтных ситуаций;

– навыки гибкой реакции в общении с гражданами и оказания психологического воздействия;

– развитые навыки речевого и невербального общения;

– навыки саморегуляции для сохранения психологического здоровья и личности от негативного воздействия профессиональных факторов, прежде всего взаимодействия с правонарушителями, которые оказывают на личность участкового отрицательное действие и нахождение в потенциально агрессивной социальной среде.

Первичные знания и элементарные навыки участковые могут получить при прохождении профессионального обучения, затем они должны углубляться в ходе самообразования, совершенствоваться в процессе профессиональной деятельности.

При этом даже наличие элементарных знаний не гарантирует наличие необходимых для профессиональной деятельности навыков. Уровень развития психологических навыков участкового во многом зависит от его готовности к самосовершенствованию и развитию в рамках выбранной профессии, особенностей личности, профессионального окружения (коллег).

Значение в профессиональной деятельности участкового имеют не только знания, но и конкретные умения, навыки, отражающие его уровень психологи-

ческой подготовленности. Теоретические знания способствуют пониманию самим участковым процессов взаимодействия с людьми, их реакции на его слова и действия, а практический опыт дает возможность вырабатывать интуицию, предвидеть ситуации и поступки, отделять значимое и неважное в профессиональной деятельности.

Участковые уполномоченные полиции, имеющие профессиональную мотивацию и психологическую подготовленность, способны будут выполнять свои профессиональные обязанности с высокой профессиональной эффективностью [1, с. 172].

Психологические знания и основанные на них практические умения и навыки способствуют успешности в профессиональной реализации участкового и эффективному решению служебных задач.

Литература

1. Березуцкая Ю.П., Возженикова О.С., Захаревская Е.А. Анализ проблем психологической подготовки сотрудников, впервые принятых на службу в органы внутренних дел на должности участковых уполномоченных полиции (на примере Барнаульского юридического института МВД России) // Прикладная психология и педагогика. 2024. № 3. Т. 9. С. 171–179.

2. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел / под ред. Б.Г. Бовина, Н.И. Мягких, А.Л. Сафронова. М., 1997. 195 с.

***А.С. Жеребцов**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.А. Никитчик**, канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

БОРЬБА С «КОСМОПОЛИТИЗМОМ» КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА И ЕЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В СОВЕТСКОЕ ПРАВО (1946-1953 ГГ.)

Послевоенный период стал одним из наиболее тяжелых в советской истории, что было обусловлено необходимостью восстановления разрушенной инфраструктуры, реабилитации участников войны, а также формированием нового внешнеполитического образа государства. Победа в Великой Отечественной войне способствовала росту патриотических настроений, но одновременно усилила подозрительность в отношении Запада. Кульминацией этих противоречий стала Фултонская речь Уинстона Черчилля, ознаменовавшая собой пролог к холодной войне.

Важным направлением внутренней политики СССР стали идеологические кампании, нацеленные на конструирование образа врага. Наиболее масштабной из них явилась борьба с космополитизмом, развернувшаяся в период с 1946 по 1953 г. Официальная трактовка этого явления была закреплена в Большой советской энциклопедии, характеризовавшей космополитизм как реакционную буржуазную идеологию, враждебную национальным традициям, патриотизму и государственному суверенитету [2].

Кампания по борьбе с космополитизмом в публичном пространстве проявлялась преимущественно через публикации в центральной прессе (прежде всего – в газете «Правда»), критику театральных и литературных деятелей, а также через идеологическое неприятие западной науки и культуры. Однако рассмотрение данного феномена исключительно как культурно-идеологического явления было бы неполным. Космополитизм обретал и конкретное юридическое измерение, будучи закрепленным в постановлениях ЦК ВКП(б) и Политбюро. Правоприменительная практика того времени квалифицировала соответствующие деяния по уголовным статьям, таким как «Измена Родине» и «Антисоветская агитация и пропаганда», что переносило идеологическую кампанию на сферу правового регулирования.

Отправной точкой кампании стоит считать постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», опубликованным в августе 1946 г. В данном документе подверглась критике редакционная политика указанных изданий, а также творчество отдельных литераторов. Так, Оргбюро ЦК ВКП(б) констатировало, что публикация произведений М.М. Зощенко и А.А. Ахматовой способствует проникновению в советское общество чуждых идей, транслирует безыдейность и аполитичность. В тексте постановления, в частности отмечалось: «Особенно плохо ведется журнал «Ленинград», который постоянно предоставлял свои страницы для пошлых и клеветнических выступлений Зощенко, для пустых и аполитичных стихотворений Ахматовой» [4, с. 587–591]. Таким образом, деятельность журналов осуждалась за попустительство «антисоветским проявлениям» и «низкопоклонство» перед современной буржуазной культурой Запада. Непосредственным результатом постановления стали исключение А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко из Союза писателей СССР и закрытие журнала «Ленинград».

Отдельным эпизодом кампании по борьбе с космополитизмом стала так называемая травля театральных деятелей. Ее суть заключалась в обвинениях театральных критиков в принижении советской культуры, отходе от социалистических стандартов и приверженности буржуазной эстетике. В январе 1949 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», призванная проинформировать советских граждан о существовании группы «антипатриотичных критиков-космополитов», выступавших с негативных позиций в адрес советского театра. В статье, в частности, отмечалось: «К сожалению, критика, и особенно театральная критика, – это наиболее отстающий участок в нашей литературе. Мало того. Именно в театральной критике до последнего времени сохранились гнезда буржуазного эстетства, прикрывающего антипатриотическое, космополитическое, гнилое от-

ношение к советскому искусству» [3]. Подобное осуждение являлось не только культурным феноменом, существенно повлиявшим на театральную жизнь страны, но и приобретало идеолого-правовой характер. Примечательно, что перед публикацией статья была завизирована И.В. Сталиным, и только после его утверждения материал вышел в печать. В тексте красной нитью проводилась мысль о том, что первоочередной задачей является воспитание советского гражданина, а не развитие театрального искусства как такового.

Параллельно с идеологической критикой партийное руководство перешло к более решительным мерам, связанным с созданием специальных органов для выявления «антисоветского влияния», «низкопоклонство перед Западом» и нежелательных контактов с иностранцами. 28 марта 1947 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах» [5, с. 628–630]. Данные органы учреждались для рассмотрения проступков, порочащих честь советского человека, причем в первую очередь это касалось связей с западными странами. Объектами разбирательств становились профессора ведущих университетов, деятели культуры и искусства, работники различных министерств.

Наряду с «судами чести» в борьбе с космополитизмом задействовались и регулярные цензурные органы – Главлит и Агитпроп ЦК ВКП(б). Главлит осуществлял предварительный контроль: выдавал разрешения на печать, формировал перечни запрещенной литературы и визировал газетные и журнальные тексты. Фактически он служил проводником идеологических директив, поступавших из Агитпропа, и мог инициировать закрытие издательств.

Агитпроп же курировал содержательную сторону пропаганды. Показательный случай описан в документальном сборнике «Сталин и космополитизм» под редакцией А.Н. Яковлева. Речь идет об отказе академикам Н.М. Нуждину и Н.М. Сисакяну в сотрудничестве с американским журналом. В справке Агитпропа прямо говорилось «о нецелесообразности постоянного участия наших академиков» в зарубежном издании [6, с. 106]. Сама возможность публикации за границей трактовалась как измена патриотическим ценностям и «низкопоклонство перед Западом», т. е. квалифицировалась как космополитизм. Таким образом, ученые ставились перед выбором: лояльность режиму или международное признание, причем выбор в пользу последнего автоматически влек за собой обвинения в идеологической неблагонадежности.

Репрессивная составляющая кампании по борьбе с космополитизмом выходила далеко за рамки административных мер. Идеологический контроль подкреплялся уголовным преследованием: свобода творчества и слова признавалась лишь в той мере, в какой она не противоречила партийным интересам. Деятельность упоминавшихся ранее театральных критиков завершилась не только увольнением. Ю. Юзовскому, Э. Гурвичу, Л. Варшавскому, А. Борщаговскому была инкриминирована ст. 58-10 УК РСФСР – антисоветская агитация и пропаганда, в т. ч. за «низкопоклонство» перед Западом.

Ключевым прецедентом в рамках кампании по борьбе с космополитизмом стало дело Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). В приговоре Военной коллегии Верховного Суда СССР отмечалось, что «ЕАК превратился

в шпионский и националистический центр». Руководители и активные участники комитета (всего 13 человек) были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу – с конфискацией имущества по совокупности ст. 58-1, 58-10 и 58-11 УК РСФСР (измена Родине, антисоветская агитация и участие в контрреволюционной организации) [1].

Таким образом, в рассматриваемый период произошла экстраполяция идеологической доктрины на сферу позитивного права: партийные установки приобретали силу закона, а правоприменительная практика использовалась как инструмент реализации политических целей. Феномен борьбы с космополитизмом, следовательно, может быть охарактеризован как правовой в той мере, в какой идеологические обвинения санкционировались государством через уголовное преследование и институционализацию репрессивных процедур.

Литература

1. Вы здесь чужой, убирайтесь! // Коммерсантъ: URL: https://www.kommersant.ru/doc/2763931 (дата обращения: 14.03.2026).

2. Модржинская Е. Д. Космополитизм // Большая советская энциклопедия. В 30 т. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 13. С. 236–237. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/065/164.htm (дата обращения: 10.03.2026).

3. Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 янв. С. 3. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/257890 (дата обращения: 13.03.2026).

4. О журналах «Звезда» и «Ленинград»: постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 авг. 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 587–591.

5. О Судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 марта 1947 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 628–630.

6. Сталин и космополитизм. 1945-1953: документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М., 2005. 768 с.

***Р.А. Жерихова**, курсант 1 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
Е.Д. Баринова
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

В современных реалиях для Российской Федерации приоритетной задачей выступает обеспечение национальной безопасности. В нормативно-правовых документах национальная безопасность интерпретируется как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз [1]. Исходя из положений нормативного документа, базовыми компонентами национальной безопасности выступают конституционные права и свободы граждан, их достойный уровень жизни, суверенитет Российской Федерации, территориальная целостность, социально-экономическое развитие. Из заложенного законодателем смысла в понятие «национальная безопасность» следует, что она выступает фундаментом для существования и функционирования составляющих ее компонентов (конституционных прав и свобод, суверенитета, территориальной целостности и т. д.). Вместе с тем угрозой для национальной безопасности выступает такое криминогенное явление как терроризм. Террористическая деятельность преследует цели насильственного изменения государственной целостности, подрыва государственной безопасности, разжигания социальной, национальной, расовой и религиозной вражды. С учетом высокого уровня террористической угрозы для современной России борьба с терроризмом выступает одним из приоритетных направлений деятельности государства.

В рамках статьи ракурс внимания предлагается сместить на анализ исторических корней терроризма и проблему профилактики распространения террористической идеологии среди молодежи.

Исторический анализ происхождения терроризма

Исторические корни терроризма как радикальной идеологии и преступных действий международного масштаба уходят в XIX–XX вв. и связаны с активной деятельностью национально-освободительных революционных движений в Азии, Африке и Латинской Америке, когда террористические акты выступали средством борьбы за суверенитет и независимость в этих государствах [2, с. 58]. Данный период стал отправной точкой для формирования международного терроризма как новой криминогенной угрозы. Сегодня структура международного терроризма носит более устойчивый и организационный характер, предполагающий наличие ролевой иерархии, источников финансирования, развитой сети коммуникации, системы вербовки и обучения. Противостояние тер-

рористической угрозе носит международный характер, о чем свидетельствует ряд принятых международных документов – Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [3], Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [4], Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [5]. Данные международные акты не являются исчерпывающим перечнем и демонстрируют объединение усилий государств для решения общей задачи – противодействие террористической угрозе.

Выявление источников распространения террористической идеологии, а также источников финансирования террористической деятельности становится все труднее. Развитие информационных технологий предоставляет широкие возможности не только для пропаганды радикальных идей, но и для сокрытия информационных источников (закрытые Telegram каналы, возможность ведения переписки в режиме исчезающих сообщений и т. д.), а использование криптоактивов для финансирования террористической деятельности обеспечивает анонимный характер финансовых потоков. Использование криптовалюты обеспечивает анонимность не только финансирования терроризма, но и любого преступного деяния, при совершении которого она используется в качестве средства реализации преступного умысла [6, с. 71]. В этой связи для борьбы с распространением террористической идеологии необходимо применять комплексный подход, который включает не только выявление террористических ячеек, запрещенного контента, привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, но и профилактическую работу, направленную на предупреждение распространения террористической идеологии среди молодежи.

Профилактика распространения террористической идеологии среди молодежи.

Профилактическая деятельность в обозначенном направлении должна быть направлена на формирование правовых ценностей и нетерпимости к радикальным идеям, которые и составляют существо террористической идеологии. Справедливо было замечено, что «благоприятной средой для деформации правосознания молодежи выступает то, что у значительной ее части наблюдаются изменения структуры предпочтений. Это связано с тем, что у данной социальной группы еще не сформировались четкие представления о критериях истинных человеческих ценностей, т. к. старая система социальных координат была разрушена, а формирование новой характеризуется противоречивостью» [7, с. 71]. Таким образом, социальная группа – молодежь – находится в зоне риска и наиболее восприимчива к идеям радикального характера.

Представляется, что профилактическая работа должна проводиться в школах и образовательных организациях и включать в себя следующее:

– объяснение критериев, по которым возможно идентифицировать контент, содержащий террористическую идеологию (идеи насилия, расового, национального и иного превосходства, призывы к совершению преступных действий и т. д.);

– активная работа правоохранительных органов по линии взаимодействия с социальными педагогами и работниками образовательных учреждений;

– вовлечение молодежи в проекты патриотического характера.

В данном направлении государством проводится активная работа, о чем свидетельствует Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи». Целями законопроекта являются формирование мировоззрения детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, их правовой культуры, высоких нравственных качеств и т. д. [8].

Краткого обзора рассматриваемой проблемы достаточно для формирования ряда обоснованных выводов:

– обеспечение национальной безопасности в условиях повышенной террористической угрозы выступает приоритетным направлением деятельности государства;

– террористическая угроза является проблемой не только для Российской Федерации, но и для всего международного сообщества, она носит глобальный характер, о чем свидетельствуют многочисленные международные правовые акты, консолидирующие усилия государств в направлении противодействия данному криминогенному явлению;

– борьба с терроризмом должна основываться на комплексном подходе, важное место в котором занимает профилактика распространения террористической идеологии среди молодежи как наиболее уязвимой социальной группы к идеям радикального характера. Представляется целесообразным обратиться к советскому опыту патриотического воспитания молодежи и на базе образовательных организаций создавать различные патриотические молодежные движения [9, с. 589].

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Сацута А.И. Международный терроризм в условиях глобализации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9.

3. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. URL: https://docs.cntd.ru/document/901812033 (дата обращения: 18.08.2026).

4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

6. Баринова Е.Д., Ишин И.А. Криптопреступления: криминалистическая характеристика // Российское государство и вызовы XXI века: сб. Междунар. научно-практ. конф-ции. К 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза д-ра юрид. наук, проф. А.П. Косицына. М., 2025.

7. Петухов В.Г. Перерожденное правосознание-самая опасная форма деформации правосознания личности // Закон. Право. Государство. 2020. № 4-1 (28).

8. О российском движении детей и молодежи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

9. Баринова Е.Д. Патриотическое воспитание советской молодежи // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): мат-лы XIX Междунар. научно-теор. конфции. В 2 ч. / под ред. Н.С. Нижник, сост. Н.С. Нижник, Е.Н. Козинникова. СПб., 2022.

***Д.Н. Жолобова**, студент 5 курса*
Алтайский государственный университет

Научный руководитель:
И.В. Пьянзина
Алтайский государственный университет

ФАКТОРЫ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ

Мотивация (лат. motivatio) определяется как внутреннее состояние, побуждающее действовать и двигаться к определенным целям. В контексте образования мотивация – это сложный психологический процесс, который запускает, направляет и поддерживает усилия обучающегося, направленные на освоение им знаний, навыков и компетенций. Это совокупность внутренних и внешних побуждений, которые определяют отношение студента к учёбе, его активность, настойчивость и выбор стратегий обучения.

Среди российских учёных, которые изучали мотивацию учебной деятельности, можно выделить работы А.Н. Леонтьева, Л.И. Божович, В.Г. Асеева, А.К. Маркову, В.И. Чиркова, Дж. Аткинсона, Э. Деси и Р. Райана и др. В своих исследованиях как отечественные, так и зарубежные психологи выделяют целый комплекс факторов учебной мотивации, ее разносторонний характер, признают наличие иерархии мотивов, выделяя в ее структуре как познавательные, так и социальные мотивы, разделяют учебные мотивы на внутренние и внешние.

В современной теории мотивации одной из наиболее интересных для анализа теорий нам представляется теория самодетерминации (Self-Determination Theory, SDT), предложенная американскими психологами Эдвардом Л. Деси и Р. Райаном. Согласно представленной теории, качество мотивации важнее ее силы. Ключевая идея теории в том, что поведение и развитие человека зависят не только от того, насколько он замотивирован, но и от того, какого рода эта мотивация – внешняя и контролируемая или внутренняя и самодетерминированная. По мнению авторов, удовлетворение трех базовых потреб-

ностей – автономии, компетентности, связанности (сопричастности) – ведет к личностному росту, устойчивой мотивации, а неудовлетворение их приводит к апатии, тревожности и выгоранию [1]. И действительно, когда базовые потребности удовлетворяются, человек склонен к внутренней мотивации: он включается в деятельность ради самого интереса, удовольствия от процесса познания, решения задач и саморазвития. Исследования показывают, что такая мотивация напрямую связана с глубоким пониманием материала, креативностью, настойчивостью и академическими достижениями. И наоборот, фрустрация этих потребностей (например, жёсткий контроль, давление, отсутствие выбора) ведёт к контролируемым формам мотивации (экстернальная, интроецированная), которые менее продуктивны и связаны со сниженным психологическим благополучием.

Эмпирические исследования подтверждают, что образовательная среда, поддерживающая данные потребности, способствует формированию автономной мотивации, повышению академической вовлечённости и снижению уровня эмоционального выгорания. Таким образом, задача не просто замотивировать человека, а способствовать интернализации и интеграции внешней мотивации, то есть помочь человеку найти в ней личный смысл и ценность.

Как отмечает В.И. Чирков, обобщивший экспериментальные исследования в данной области, внешняя мотивация снижается с исчезновением внешнего подкрепления, уменьшает креативность и спонтанность, связана с преобладанием отрицательных эмоций. Внутренне мотивированные студенты, напротив, более «погружены» в учебный процесс, демонстрируют самостоятельность, активность, более высокий уровень усвоения материала и познавательную гибкость [2].

С учетом основных позиций обозначенной выше теории можно выработать некоторые рекомендации, направленные на повышение уровня мотивации студентов в их учебной деятельности:

1) позволять обучающимся быть более автономными (например, предоставлять возможность влиять на содержание курса, выбирать форматы работы);

2) создавать ситуации успеха (генерировать условия для достижения успешного результата, дать возможность поверить в себя, акцентировать внимание на достижениях, моментах триумфа);

3) формировать поддерживающую среду (проявлять уважение, эмпатию, создавать атмосферу доверия, сотрудничества);

4) избегать избыточного контроля.

Таким образом, концепция Э. Деси и Р. Райана раскрывает особенности мотивации в учебе студентов, поскольку именно в студенческом возрасте особенно важно удовлетворение потребностей в автономии и компетентности. Теория самодетерминации даёт нам инструмент для понимания того, как создать среду, которая не просто мотивирует, а помогает человеку стать подлинным субъектом своего обучения. Перспективно создание и апробация инструментов, формирующих осознанное ценностное отношение к профессии.

Литература

1. Сабаноков А.А. Мотивация студентов к учебе: стратегии и подходы // Актуальные вопросы общества, науки и образования: сб. статей XVI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 214-216.

2. Чирков В.И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека. URL: https://voppsy.ru/issues/1996/963/963116.htm.

3. Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being acoss lifes's domains // Canadian Psychology. 2008. V. 49. P. 14-23.

***Р.В. Золотарева**, курсант 3 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ КИБЕРПРЕСТУПНИКА И ТРАДИЦИОННОГО ВОРА

Цифровая трансформация общества закономерно повлекла за собой трансформацию преступности. В 2025 г. в России зафиксированы 675 372 преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, что более чем в сорок шесть раз превышает показатели грабежей, которые составили 14 400 зарегистрированных фактов [1, 2]. Столь значительный разрыв свидетельствует о завершении эпохи доминирования «уличной» преступности и формировании новой криминальной реальности, требующей адекватного правового и криминологического осмысления личностных характеристик злоумышленника.

С позиции уголовного закона, субъектом как грабежа, так и мошенничества является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. На этом формальные сходства личностных характеристик злоумышленников заканчиваются: субъект традиционного грабежа, как правило, действует в условиях физической реальности и оставляет материальные следы, в то время как киберпреступник – субъект преступлений в сфере компьютерной информации или мошенничеств с использованием электронных средств платежа, взаимодействует с виртуальной средой. Данный факт накладывает отпечаток на психологическое восприятие им своих действий, так формируется «эффект деиндивидуализации», при котором стирается грань между реальным и виртуальным ущербом [3, с. 152].

Психология «обычного» имущественного преступника базируется на классической корыстной мотивации, нередко сопряженной с наличием криминального профессионализма. «Уличный» грабитель осознает публичность своего деяния: вор понимает, что его действие носит открытый характер, что влечет высокий риск конфронтации с потерпевшим или очевидцами. Совершение открытого хищения часто сопровождается выбросом адреналина, страхом разоблачения, что также может являться причиной совершенного преступления. Важно отметить, что традиционный вор часто входит в криминальное сообщество, так называемое воры в законе, что налагает на него определенные обязательства и формирует дефектную социализацию.

Мотивация киберпреступника носит более сложный, часто гибридный характер. Значительная часть киберпреступников (особенно взломщиков – хакеров) изначально руководствуются не столько корыстью, сколько стремлением к самоутверждению, проверке своих профессиональных компетенций. Противоправное проникновение в систему воспринимается как решение сложной задачи. Корыстный мотив, выраженный в продаже баз данных, переводе денежных средств, возникает позднее как производный.

Техническая опосредованность контакта с жертвой, т. е. отсутствие зрительного взаимодействия, порождает у преступника иллюзию безопасности и снижает критическую оценку своих действий. Преступник не видит слез, страха или боли потерпевшего – это формирует равнодушие злоумышленника к своим противоправным действиям.

Деяние считается оконченным с момента наступления последствий, что указано в примечании ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), однако психологически преступник часто не ассоциирует нажатие клавиш с реальным причинением вреда конкретному лицу [4]. Так, в отличие от вора, который осознает себя нарушителем уголовно-правового запрета, хакер или фишер может оправдывать свои действия «низким уровнем защищенности жертвы» или воспринимать это как «цифровую охоту», не проводя параллелей с нарушением закона.

Одним из наиболее показательных критериев, позволяющих провести параллель между личностью традиционного грабителя и киберпреступника, выступает их субъективное отношение к жертве и к самому факту совершенного деяния. Данный аспект имеет определяющее значение для понимания механизма преступного поведения, оценки глубины антисоциальной деформации личности, а также для индивидуализации наказания в соответствии со ст. 60 УК РФ.

Восприятие жертвы грабителем носит конкретно-чувственный характер, т. к. преступление совершается в условиях реального, физического контакта. Преступник видит жертву, ее пол, возраст, физическое состояние, что влияет на выбор способа действий, наблюдает реакцию жертвы и осознает ее как препятствие, которое необходимо подавить для достижения корыстной цели. Это формирует психологическую установку на конфронтацию.

С правовой точки зрения, данное обстоятельство усиливает общественную опасность деяния, потому что посягательство осуществляется не только в отношении собственности, но и на личную неприкосновенность.

Восприятие жертвы киберпреступником характеризуется деперсонификацией в силу технической опосредованности деликта: жертва утрачивает человеческие черты, трансформируясь в сознании преступника в технический объект (IP-адрес, аккаунт, банковскую карту, «базу данных») или носитель информации, подлежащей извлечению или блокированию.

Даже при совершении действий, заведомо причиняющих тяжелый моральный вред (например, шантаж публикацией интимных материалов), киберпреступник психологически не задумывается о последствиях, а фокусируется на техническом аспекте задачи. Данная специфика создает существенные сложности в правоприменении, в частности, при доказывании субъективной стороны и при взыскании компенсации морального вреда, т. к. преступник зачастую искренне не осознает глубины страданий, причиненных потерпевшему.

Таким образом, психология киберпреступника представляет собой качественно иное явление, чем психология традиционного вора или мошенника. Игнорирование данных различий в правоприменительной практике снижает эффективность как уголовного преследования, так и процесса исправления осужденных.

Литература

1. Число киберпреступлений в России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (дата обращения: 14.03.2026).

2. Андрей Храпов подвел итоги работы ГУ МВД России по Московской области за 2025 год. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/andrey-khrapov-podvel-itogi-raboty-gu-mvd-rossii-po-moskovskoy-oblasti-za-2025-god/ (дата обращения: 14.03.2026).

3. Суздальцева В.Н. Деиндивидуализация и деперсонификация в политическом дискурсе// Вестник Московского университета. Серия: Журналистика. 2011. № 2. С. 151–160.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***К.А. Ильин**, курсант 2 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***В.В. Прохоров**, канд. ист. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ ФРАГМЕНТАРНОСТИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

В начале XVIII в. законодательство России представляло собой совокупность разрозненных указов, приказных постановлений и «уложенных» статей, без единой системы.

Так, при Петре I начинается практика адресного издания «инструкций» и «наказов» для отдельных должностей, при этом недостаточно конкретизировавших их функции.

К примеру, утвержденный в январе 1719 г. «Наказ воеводам» предписывал «…содержать посадских людей по уставам…», «стараться, чтобы они не были обижены», а также заботиться о школах и госпиталях. Как видно из документа, функции формально хоть и прописаны, однако конкретика в части того, как именно следует их исполнять, отсутствует.

Далее указ Петра I от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» устанавливал строгий запрет взяточничества и вводил наказания для виновных. В тексте этого указа почти буквально сформулировано, что «…все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление» [5, с. 24]. То есть исходя из этого, делается вывод о ненаказуемости тех деяний, которые несли вред только частным лицам, но не государству.

Проведенные в эпоху Екатерины II (1762–1796 гг.) преобразования также не ввели системности в правовую сферу. Например, императорским Уставом о соли (1781 г.) государство устанавливало порядок поставки и продажи соли на уровне казенных палат. В тексте этого устава подчеркивается, что «Казенная палата знать должна…, во-первых, много ли соли на настоящий и будущий год… достаточно ли соли для народного продовольствия…».

Такая регламентация иллюстрирует фрагментарный подход: сама формулировка расплывчатая и при этом не установлена дефиниция достаточности, иными словами, не известно нужное народу количество соли [2, с. 44].

В 1766–1767 гг. была учреждена Уложенная комиссия для составления нового сборника законов, который должен был, в т. ч. решить проблему фрагментарности законодательства, но по ходу работы комиссии депутаты так и не пришли к согласию [1, с. 81-82].

Как и указы Петра I, указ Екатерины II о созыве комиссии не привел к кодифицированному своду: в итоге остались лишь предложения разных сословий, не сведенные в кодекс.

Как отмечал историк права В.О. Ключевский, попытки XVIII в. «унифицировать централизованное законодательство» неизменно приводили к созданию «многочисленных комиссий», которые «обнаружили в своей работе так мало юридического смысла», что их труды даже не решались вводить.

В XIX веке, под началом Александра I, проектом кодификации всерьез занялся М.М. Сперанский. При нем были составлены многотомные «Полное собрание законов Российской империи» (1830, охватившее акты 1649–1825 гг.) и «Свод законов Российской империи» (1832–1834 гг.) [6, с. 63].

Как указывал М.С. Лунин, составители «Свода…» «…ограничились текстуальным воспроизведением запыленных документов и свалили в одну кучу законы, декреты, приказы, манифесты, дипломатические акты, временные распоряжения и даже простые циркуляры», при этом единственным критерием выбора в случае коллизий была дата издания документа. В связи с этим многие казусные и противоречивые положения прежнего законодательства сохранялись.

Законы в «Своде…» часто отличались неопределенностью формулировок и наличием пробелов, а некоторые распоряжения были включены в кодекс [4, с. 41]. Иначе говоря, по итогам свода единая структура закона так и не сложилась, а фрагментация осталась.

На подобные неудачи кодификации повлияли консерватизм бюрократии и ограниченная политическая воля реформаторов [3, с. 159]. Идеи Сперанского встретили сопротивление «чиновного дворянства», для которого реформирование инертных бюрократических институтов означало потерю привычных привилегий.

По оценке ряда исследователей, даже в своде Сперанского сквозила «незавершенность» и «законодательный хаос» предыдущих столетий.

Последствия этого разрозненного развития – путаница норм и затруднения в их применении – стали одной из причин, по которым полная систематизация российского права не была реализована до середины XIX в.

Литература

1. Абдиева Д.А., Рогачев М.А. Систематизация законодательства: опыт Российской империи // Трибуна молодых ученых МГПУ. 2021. № 42 (2).

2. Ларина О.Г. Организация управления регалийными доходами в России XVIII – XIX веке // Новый ракурс. 2012. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-upravleniya-regaliynymi-dohodami-v-rossii-xviii-xix-veke (дата обращения: 15.02.2026).

3. Мицкевич А.В. Систематизация законов Российской империи М.М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5.

4. Румянцев В.А. Общий ход кодификационных работ в Российской империи в XVIII – первой четверти XIX века // Румянцевский музей. 2011. URL: https://rummuseum.info/node/1041/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. Тимофеева А.А., Павлова А.Д. Кодификация законодательства в России: исторический и практический аспекты // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 3.

6. Федоров А.В. М.М. Сперанский и систематизация российского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц в первой половине XIX века // Российский следователь. 2025. № 4.

***Г.С. Калиневич**, курсант 2 курса*
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
С.В. Глухов
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

ПРОБЛЕМА КОСВЕННОЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПРОПАГАНДЫ ЭКСТРЕМИЗМА В СОЦИУМЕ

В последнее время в обществе, за термином «экстремизм» сформировалось устойчивое практическое понимание основных его черт и отличий от терроризма, выражающихся в идеологической и организационной особенностях. Данное явление по своей деструктивной сущности, отрицательному характеру воздействия во всех своих проявлениях имеет два основных рычага влияния.

С учетом общего мнения, в т. ч. полагаясь на мнение В.А. Юртаева [1, с. 448], безусловно, следует подчеркнуть значимость влияния информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сформировавшее следующие тенденции:

1. Информационное влияние, выражаемое в средствах наглядной агитации (как материальных, так и цифровых) изображений, текстов и других медийных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сторонних статьях, выказывающих признаки экстремизма, его косвенную или прямую пропаганду, а также любое другое внешне-социальное влияние, содержащее в себе скрытые или явные аспекты пропаганды деструкции и по общему признаку под его продвижением воспринимается не только массовое социальное преподношение, но и внушение отдельным категориям населения, форма такого влияния сопоставима с идеологическим и классовым, т. к. вне зависимости от формы информационного воздействия, при достижении прямой деструктивной цели, формируется определенная экстремистская установка у субъекта.
2. Сторона воздействия экстремизма на национальный строй, выражаемая в многогранном влиянии на государственную обстановку, подрывая целостность социальной системы, ставя в опасность конституционные, политические и морально-нравственные нормы.

По мнению М.И. Халикова, социальной целью экстремистской направленности, является именно пропаганда превосходства одного класса (группы) над другими, что и обосновывает вышеизложенную информацию. Так или иначе, данные действия выражены в противоправности, нарушении общественного порядка и безопасности [2, с. 104].

Государством выработана нормативно-правовая база для ограничения экстремистских проявлений, например, Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 1-17) [4], дополнительные регулирующие нормы предусмотрены и Уголовным законодательством (гл. 29, ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ) [3].

Рассмотрев законодательные предписания в аспекте современности, выявлено затруднение идентификации анонимных экстремистов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, через иностранные ресурсы, отграниченные от Российской Федерации, а также исключения материала из общего доступа, в таком случае создаются условия, упрощающие его распространение, растет явная необходимость блокировки данных информационных ресурсов на территории страны, или фильтрация социально-деструктивного контента со стороны представителей виртуального сообщества.

Важно подчеркнуть простоту таких отрицательных влияний на молодежную аудиторию. Данная возрастная группа общества наиболее легко подвергается данной угрозе. Метод вмешательства и искоренения данной проблемы включает в себя альтернативную агитационную работу с молодыми людьми. Организация подобных действий может производиться как в образовательных учреждениях, так и в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, распространяемых в ней специальных материалов, имеющих привлекательный для молодежи вид. Данные ресурсы, помимо государственной инициативы, могут быть реализованы и любыми организациями в некоммерческих целях. Также не могут исключаться и соответствующие меры стимулирования от органов государственной власти за такие действия [1, с. 454].

Анализируя все особенности воздействия на молодежь, выявлена косвенная пропаганда экстремизма – основанная на методе преподнесения материала в социальных сетях и психологическом воздействии на неокрепшие умы, наблюдается следующий порядок такого влияния:

1) информационное воздействие на субъект, содержащее в себе основную экстремистскую идею;

2) психологическое воздействие, пример: гарантия награды/угрозы за распространение/нераспространение экстремистской мысли;

3) решение субъекта по полученной информации выполнение/ невыполнение;

4) в случае выполнения, субъект становится посредником экстремистской идеологии, подвергая риску большее количество лиц.

Таким образом, в результате исследования установлено:

1) влияние экстремизма может быть выражено различными способами воздействия на любую группу, но наиболее подверженной группой является молодежная сторона населения;

2) необходимость контроля экстремистских механизмов воздействия на субъекты;

3) влияние ресурсов на базе информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Литература

1. Юртаев В.А. Интернет-экстремизм и молодежь: тенденции и последствия. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/internet-ekstremizm-i-molodyozh-tendentsii-i-posledstviya/viewer (дата обращения: 04.03.2026).
2. Халиков М.И. Социальный экстремизм. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-ekstremizm/viewer (дата обращения: 06.03.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***К.В. Камышникова**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.Н. Поддубная**, канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Актуальность данной темы заключается в том, что в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел язык и умение им пользоваться играют ключевую роль. Язык выступает не только как средство коммуникации, но и как инструмент познания. Знание языковых норм и навыки речевого поведения играют особенно важную роль в работе сотрудников органов внутренних дел с гражданами. Правильно выбранный способ общения, верно подобранные слова помогают установить контакт, расположить к себе собеседника, что, в свою очередь, способствует достижению коммуникативной цели.

Некорректное общение или неправильное формулирование высказывания сотрудником органов внутренних дел может стать причиной коммуникативных неудач, которые могут привести профессиональным ошибкам. От манеры общения зависит отношение граждан к сотруднику органов внутренних дел.

Стоит отметить, что особенность деятельности сотрудников органов внутренних дел заключается в том, что она протекает в довольно сложных условиях. Сотрудник ОВД по долгу службы ежедневно находится в эпицентре социально значимых взаимоотношений граждан. Ему приходится сталкиваться с конфликтным, а зачастую и агрессивным речевым поведением граждан [2, с. 261]. В подобных ситуациях бывает сложно оставаться спокойным и невозмутимым и не выходить за рамки установленных правил общения и соблюдать

культуру речи во всех ее аспектах. Академик Д.С. Лихачев писал, что «…по-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весом. Наш язык – это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни» [1, с. 57–58].

Министерство внутренних дел требует, чтобы сотрудники были тактичны при общении с гражданами, соблюдали основные правила профессиональной этики и культуры речи. Все правила служебного общения прописаны в законодательных актах, федеральных кодексах, любой сотрудник обязан не только знать их, но и строго выполнять данные положения. Культура речи проявляется в умении грамотно и точно передавать информацию и является важным показателем профессионализма сотрудника полиции.

Основными требованиями, предъявляемыми к речи сотрудника органов внутренних дел, являются грамотность, уместность, ясность, содержательность, лаконичность.

Грамотность основывается на соблюдении норм литературного языка, уместность заключается в правильном выборе языковых средств в соответствии с ситуацией общения, ясность речи обеспечивает легкость и простоту восприятия и интерпретации информации слушателем, содержательность речи выражается в информативной наполненности сообщения, лаконичность предполагает структурирование речи и устранение лишней информации, что способствует эффективности общения.

Соблюдение языковых норм в речи сотрудника ОВД является обязательным условием эффективной профессиональной коммуникации. Однако понятие культуры речи не сводится лишь к нормативному аспекту, оно включает в себя также коммуникативный и этический аспекты. Коммуникативный аспект культуры речи предполагает владение сотрудником правилами речевого поведения, которые непосредственно связаны с ситуацией и сферой общения, а также обусловливает выбор функционального стиля речи, языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей.

В этическом аспекте культуры речи отражены морально-нравственные принципы профессионального общения. Этический аспект включает в себя правила речевого этикета, профессиональные этические нормы. Соблюдение норм речевого этикета способствует созданию доброжелательной атмосферы общения, что, в свою очередь, помогает избегать конфликтов и успешно выстраивать коммуникацию в профессиональной сфере.

Речь сотрудника органов внутренних дел должна быть эмоционально нейтральной, в ней не должна присутствовать эмоционально оценочная лексика. В профессиональном общении сотрудникам ОВД не допускается использование нецензурной брани, сквернословия и выражений, подчеркивающих негативное, презрительное отношение к людям. В случае служебного общения с гражданами различных национальностей сотруднику рекомендуется использовать русский язык как государственный язык Российской Федерации [3, ст. 11].

Культура речи, являясь показателем компетентности и эмоциональной устойчивости сотрудника органов внутренних дел, играет одну из ключевых ролей в его деятельности. Профессиональное общение в соответствии с нормами литературного языка и правилами речевого этикета составляет основу профессионализма сотрудника органов внутренних дел.

Литература

1. Лихачев Д.С. Письма о добром. М.: Наука, 2006.

2. Назарова И.В. Роль культуры речи в формировании личности конкурентоспособного сотрудника ОВД // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5-3. С. 260–262.

3. Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 24.12.2008 № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Я.Д. Караулова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.В. Калашникова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ

Русский речевой этикет определяется конкретной ситуацией и сложившимися традициями. Каждая культура выработала свои правила коммуникации. В России особенно ценятся такие качества, как тактичность, предупредительность, терпимость, доброжелательность и вежливость. Тактичность выражается в чуткости к собеседнику, а также в уклонении от неловких тем. Предупреждение проявляется в предвидении потребностей собеседника. Терпимость – спокойное принятие различий во взглядах, отказ от резких осуждений. Доброжелательность представляет основу национального взаимодействия, которая проявляется в отношении к собеседнику, содержании, форме, интонации и выборе слов. Вежливость транслируется через корректные слова и искреннюю заинтересованность без прерываний [4].

В процессе общения люди обмениваются информацией, выражают свои чувства и эмоции, взаимодействуют друг с другом (конфликтуют, строят планы). Для начала и поддержания общения существуют правила, известные как речевой этикет. Он охватывает такие коммуникативные ситуации, как приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление и др. На формирова-

ние речевого этикета влияют следующие факторы: возраст, пол, социальное положение, место в служебной иерархии и общий культурный уровень [1]. Выбор моделей поведения, или «коммуникативных схем», зависит от конкретной ситуации, отношений между собеседниками, их личных установок и эмоций. Эти схемы задают рамки общения, особенно в диалоге, который состоит из «диалогических единств», где одна реплика – это стимул (сообщение, вопрос, просьба) вызывает реакцию (согласие, несогласие, выполнение) [2].

В работе уделяется внимание изучению и сравнению национальных особенностей русского речевого этикета и английского.Речевой этикет, как языковое явление в английском и русском, имеет общие правила, но при этом каждый язык обладает неповторимыми культурными особенностями. Рассмотрим особенности этикета в зависимости от обстоятельств, например: «золотой тон» проявляется в силе, восторженности и ясности, используется для присяг и клятв, а «серебряный тон» выражается в ясности и мягкости, он применяется для религиозных обращений [2]. В английском языке данный аспект речевого этикета исчерпывается рамками устаревшего «thou» как формы, которая существует сегодня лишь для обращения к Богу. Это говорит о том, что при сравнении речевого этикета разных языков важно учитывать их культурную индивидуальность и самостоятельность. В России и Великобритании существуют значительные различия в том, как люди общаются. Например, русские не видят ничего странного в громком разговоре на улице, в то время как англичане, напротив, считают громкую речь признаком невоспитанности. В плане коммуникации с незнакомцами жители России легко вступают в беседу, тогда как англичане избегают «пустых разговоров» и ценят личное пространство [3].

Визуальный контакт и невербальное общение также сильно различаются. Русский речевой этикет советует воздерживаться от слишком выразительной мимики и жестов. Англичане, как правило, сдержанны, говорят монотонно и считают излишнюю жестикуляцию признаком неискренности. Они ценят уравновешенность, избегают личных откровений и демонстрации эрудиции [3].

Приветствие в любой стране считается самым важным правилом этикета. В русском этикете приветствие «Здравствуйте», которое представляет собой пожелание здоровья, является неповторимым, т. к. не имеет подобий в других странах. Фраза «С добрым утром» выражают поздравление с началом нового дня, а «Добрый день» и «Добрый вечер» обозначают пожелание хорошего времяпровождения. Похожие формы встречаются и в английском языке, например, «Good morning» и «Good evening». Слово «Привет» демонстрирует дружеские отношения и распространено среди молодежи. В английском подобные варианты «Hello» или «Hi» считаются универсальными.

Приветствие «Здорово» отражает неформальный характер общения и употребляется мужчинами. При встрече мужчины обмениваются рукопожатиями, которые демонстрируют приветствие или знакомство, примирение после ссоры или заключение сделки, уважение к собеседнику. После приветствия в России принято спрашивать у собеседника «Как идут дела?» или же «Как поживаете?». Данные вопросы используются для выяснения самочувствия, общего состояния и о жизненных обстоятельствах собеседника. Британцы спраши-

вают «How are you?», не рассчитывая получить развернутый ответ; на вопрос «How do you do?» требуется ответить повторением этой фразы. Русские отвечают на подобные вопросы нейтрально: «Нормально», «Потихоньку», «Помаленьку». В Англии ответят позитивно: «Fine, thanks!» (Отлично, спасибо!). Такие ответы, как «Плохо» или «Не очень», являются неуважительными в этих странах, потому что они переводят переживания на собеседника [3].

Следует обращать внимание на этикетные формулы прощания. Фразы, как «Пока», «Счастливо» или «Всего доброго», имеют границы. «Пока» подходит для близких или примерно равных по возрасту, по правилам этикета ребенок не может сказать взрослому «Счастливо» или «Всего доброго». Самой универсальной и подходящей является фраза «До свидания». В английском формы «Goodbye» и «Bye» считаются гибкими и уместными в общении с любым человеком и в любой обстановке. Фраза «Пока-пока» у жителей России появилась подобно английской фразе «bye-bye», она выражает склонность к непринужденным и простым формам. Заимствованная фраза «Увидимся» у русских появилась от английской «See you». Она нарушает важный принцип русского этикета, который предписывает использовать слова, связанные с визуальным контактом. В связи с развитием мобильной связи возникла формулы прощания «Услышимся», которая первоначально считалась проявлением креативности, но в настоящее время оценивается как чуждое, неуклюжее и неправильное.

В заключение следует отметить, что русский речевой этикет очень живой, разнообразный и яркий. Он задает речевые правила, в пределах которых происходит содержательное общение, и представляет совокупность словесных форм учтивости, вежливости, доброжелательности. Национальная специфика коммуникативного поведения определяется обычаями и традициями, общепринятыми в обществе нормами, неповторимыми особенностями языка, невербальными средствами. Однако независимо от культурных различий, такт, вежливость, теплота в общении и улыбка всегда воспринимаются положительно в любой стране.

Литература

1. Атеян Г.Л. Национальные особенности речевого этикета // Инновационная наука. 2024. № 10-2-2.

2. Введенская Л.А, Черкасова М.Н. Русский язык и культура речи. Ростов н/Д., 2004.

3. Соколова Н.Л. Английский речевой этикет. М, 1991.

4. Формановская Н.И. Культура общения и речевого поведения. М, 2005.

Ю.С. Карначева, *курсант 2 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
Г.Е. Москаленко, *канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

В рамках теории государства и права миграция выступает сложным многоуровневым социально-правовым феноменом. В современных условиях возрастает значимость научного анализа того, как интеграция и социальная адаптация мигрантов влияют на содержание правового статуса личности, как выстроить такую модель правового регулирования, которая, сохраняя гуманистическую направленность и национальный суверенитет, одновременно создавала бы условия для плавной и результативной интеграции мигрантов в новое общество, не умаляя при этом прав и свобод коренных граждан. С одной стороны, миграция предполагает расширение межкультурных взаимодействий и включает новые слои населения в экономические и политические структуры принимающих стран, с другой – создает вызовы и угрозы национальной безопасности. Теоретико-правовой аспект данной проблемы требует осмысления того, каким образом формируются и трансформируются правовые нормы, регулирующие статус личности, и как они преломляются под воздействием внешних факторов, связанных с массовыми миграционными потоками.

Важными составляющими государственной миграционной политики Российской Федерации, как и любого принимающего иммигрантов государства, являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности [4, п. 17].

Раскрывая оригинальные предложения в рамках данной тематики, следует упомянуть возможность разработки «модульных» правовых статусов, обеспечивающих определенные права мигрантам. Такие промежуточные формы могут включать гибридное сочетание разрешения на постоянное проживание, права на участие в местном самоуправлении и доступа к некоторым социальным гарантиям.

Массовая иммиграция может побуждать государства пересматривать правовой статус граждан, что выражается в ужесточении административных барьеров для найма иностранцев, обязательной регистрации аренды жилья и корректировке социальных программ и налоговых льгот. Это приводит к увеличению обязанностей и ответственности для коренного населения.

Сегодня все больше стран (США, Канада, Австралия и страны Западной Европы) создают отдельные визовые категории для высококвалифицированных специалистов и инвесторов, примером является программа «Золотая Виза». При этом соблюдаются строгие правила для низкоквалифицированной рабочей си-

лы, включая ограничения на привоз семей и возможность трудоустройства в здравоохранении и образовании. Это приводит к дифференцированному правовому статусу мигрантов: одни имеют почти гражданские права, другие – существенные ограничения.

Существуют различные модели интеграции, варьирующиеся от ассимиляции, требующей полного отказа от собственной культуры и принятия культуры принимающего общества, до мультикультурализма, признающего и поддерживающего культурное разнообразие. Следовательно, успешная интеграция мигрантов, оказывается фактором укрепления общественного порядка и развития правового государства, что одновременно повышает уровень гарантий для собственных граждан, минимизируя риск общественных конфликтов. Опыт показывает, что при серьезных этнокультурных различиях между страной исхода и принимающей страной ассимиляция прибывающих иммигрантов становится поверхностной, поскольку люди не могут быстро и безусловно принять базовые ценности новой родины [2, с. 13–14].

Помимо этого, по мнению ряда современных исследователей, государство должно не только возлагать на мигранта обязанность выучить язык, но и предлагать ему институциональные условия для этого (бесплатные или субсидированные образовательные программы. Это, в свою очередь, позитивно влияет на морально-психологический климат в обществе и облегчает включение мигрантов в систему прав и обязанностей, характерную для данного государства.

Опыт Российской Федерации в интеграции мигрантов Федерации заслуживает отдельного внимания в свете того, что страна исторически является многонациональным пространством. На данный момент в Красноярске открыт центр для иностранных граждан. С одной стороны, предпринятые меры способствуют экономической динамике в ряде отраслей, с другой – ведут к новым вызовам для национального рынка труда, системе здравоохранения и образования, а также повышают риск усиления ксенофобных настроений. Это показывает, что интеграция мигрантов в принимающее их общество – достаточно длительный и сложный процесс, требующий от мигрантов и граждан принимающих стран взаимного уважения и желания приспосабливаться друг к другу [3, с. 15–19].

К проблемам, осложняющим адаптацию мигрантов, относится отличающееся своей спецификой правосознание. В целом можно выделить следующие отличительные критерии: 1. Различная правовая психология и идеология, сформированные на основе личного опыта, образования и культурных традиций могут быть разными, но, как правило, у граждан они являются более осознанным и укорененным. 2. Чувство правовой ответственности у мигрантов может быть ниже, особенно в первое время, когда они еще не чувствуют себя полноценными членами принимающей страны. Понимание отличий в правосознании является важным для разработки эффективных интеграционных политик и предотвращения конфликтов.

Итак, успешная интеграция способствует расширению прав и возможностей мигрантов, позволяя им полноценно участвовать в жизни общества и вно-

сить вклад в его развитие. Неуспешная интеграция, напротив, может приводить к социальной изоляции, маргинализации и негативным последствиям для общества, даже экстремизма и ксенофобии [1, с. 59–60]. На научно-практическом уровне можно выделить несколько рекомендаций: государствам следует развивать комплексные интеграционные программы (как для мигрантов, так и для коренного населения); также государство должно поддерживать «модульные» статусы; следует проводить систематическую просветительскую работу, направленную на формирование правовой культуры и толерантности.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что трансформация правового статуса гражданина в условиях интенсивной миграции – международная проблема, требующая согласованных действий государств и наднациональных организаций. С одной стороны, миграция стимулирует эволюцию правовых институтов, расширяя содержание гражданства и прав индивида. С другой стороны, чрезмерные миграционные потоки могут повлечь ограничение прав и свобод как мигрантов, так и самих граждан. Конечная цель – выстроить такую модель правового регулирования, которая одновременно будет создавать условия для плавной и результативной интеграции мигрантов в новое общество, не умаляя при этом прав и свобод коренных граждан.

Литература

1. Белозерова М.В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях // Культурология. Вестник КемГУКИ. 2011. № 7.

2.Горячев Ю.А., Захаров В.Ф., Курнешова Л.Е., Омельченко Е.А. Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М., 2008.

3. Злочевская А.А. Теоретико-методологические основы исследования социокультурной адаптации в иноэтнической среде // Административное и муниципальное право. 2011. № 8.

4. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.А. Квон**, магистрант 1 курса*
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Научный руководитель:
***В.Н. Лисица**, доктор юрид. наук, доцент*
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

ВОПРОС ЭТИКИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Искусственный интеллект ввиду популяризации в качестве определенного образа в художественной литературе и кинематографе, а также неосведомленности лиц, не обладающих специальными познаниями о технических аспектах его функционирования, порой воспринимается как цифровой Левиафан, электронный оракул или иное нечто гораздо большее, чем заданный набор алгоритмов и систем машинного обучения. Тем не менее эти системы не обладают сознанием или самосознанием; они не «умны» в человеческом понимании этого слова [4, с. 19]. Понятие «искусственный интеллект», таким образом, скорее является маркетинговым термином: на данном этапе своего развития искусственный интеллект («слабый») представляет собой высокоразвитую, продвинутую форму автоматизации, пусть и способную к обучению и адаптации для выполнения определенного спектра задач (например, они уверенно справляются с выполнением комбинаторных операций и анализом больших данных), но с призрачным потенциалом полноценного воспроизведения когнитивных функций, присущих мышлению реального человека. Вопрос достижимости реального искусственного интеллекта («сильного»), учитывая вектор его развития путем количественного увеличения факторов производства, а не их качественного улучшения, контроверсален и является предметом отдельных дискуссий. Вместе с тем в связи с высоким темпом развития технологий и аккумуляцией интереса ведущих компаний на искусственном интеллекте, выкристаллизовываются этические дилеммы создания, внедрения и его применения.

На сегодняшний день к числу наиболее значимых вызовов в сфере этики в отношении использования технологий искусственного интеллекта следует отнести вопросы определения ответственности, обеспечения транспарентности применения ИИ, запрет несанкционированного использования персональных данных, исключение или, по крайней мере, минимизация актов дискриминации и предвзятостей, существующих в силу особенностей разработки технологий искусственного интеллекта, в частности машинного обучения [5, с. 143]. Так, в 2023 г. был принят Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (далее – Кодекс), устанавливающий общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере ИИ [3].

Для того чтобы социальное предписание было признано правовой нормой, это предписание должно быть, среди прочего, санкционировано и обеспе-

чено силой государственного принуждения: не является достаточным механизм его добровольного исполнения субъектом общественны отношений. В свою очередь, вышеуказанный документ можно отнести к актам так называемого мягкого права (англ. soft law). Акты данной концепции могут быть определены как совокупность правил поведения (принципов, стандартов), характеризующихся рекомендательным характером исполнения: они не закреплены в законах, подзаконных актах уполномоченных органов, а принимаются авторитетными организациями в определенной сфере [2, с. 4]. Квалифицирующий признак норм, относящихся к «мягкому праву» – рекомендательный характер, – детерминирует их фундаментальное отличие от права в понимании концепции юридического позитивизма – норм «жесткого права» (анл. «hard law»). Акты «soft law» не могут быть отнесены к общепринятой системе источников права; вместе с тем они имеют исключительную значимость не только для дальнейших исследовательских изысканий, но и законотворчества и правоприменения в целом.

Кодекс имеет фундаментальное назначение, поскольку задает законодателю и акторам – лицам, являющимся участниками отношений в сфере ИИ, – принципы формирования и регулирования таких отношений. Так, разд. I Кодекса состоит из 6 блоков, посвященным принципам этики и правилам поведения. Кодексом выделены следующие принципы:

1) приоритет развития технологий ИИ с учетом необходимости защиты интересов и прав человека: гуманистический подход, законность действий акторов, недопущение причинения вреда и умышленной дискриминации при обучении модели;

2) использование риск-ориентированного подхода, соблюдения национального законодательства в области персональных данных;

3) исключительная ответственность актора за последствия применения технологий и недопущение переложения ответственности на сам ИИ;

4) применение ИИ в соответствии с его предназначением;

5) превалирование общественных интересов, касающихся научно-технического развития, над конкурентными отношениями (сотрудничество в части информирования о выявленных уязвимостях и повышении доступности ресурсов в сфере разработки ИИ);

6) прозрачность в информировании об актуальном уровне развития ИИ, его возможностях и потенциальных рисках его внедрения и использования.

На основании перечисленных принципов, под этичным применением технологий искусственного интеллекта предлагается понимать деятельность акторов на всех этапах жизненного цикла ИИ, основанную на уважении прав человека, осуществляемую на законной основе под контролем человека и связанную с его личной ответственностью за последствия разработки, внедрения и использования технологий. Вместе с тем кажется справедливым довод о возможных дилеммах применения принципов к реальным отношениям: так, использование персональных данных для обучения модели без надлежащего получения на то разрешения будет расценено как нарушение, даже если оно объективно положительно влияет на уровень развития технологий ИИ [1, с. 26].

Принцип прозрачности, заключающийся в информировании в т. ч. о недоработках и слабых местах ИИ-моделей, концептуально противоречит, например, институту коммерческой тайны и правовому регулированию такого объекта интеллектуальной собственности, как ноу-хау. Отдельный интерес представляет п. 2.9 разд. I Кодекса, в соответствии с которым вопрос применения технологий «сильного» искусственного интеллекта предлагается отнести к исключительной компетенции государства. Если уровень техники позволит говорить о независимой модели интеллекта, аналогичному человеческому, способному не только выполнять предписания, но и самостоятельно рассуждать, создавать охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности, государственный контроль в виде разрешительного порядка или надзора будет не только вызывать вопросы соответствия национальному законодательству (свобода творчества, общее правило принадлежности абсолютного исключительного права автору), но и являться объективной предпосылкой замедления инновационного цикла и роста транзакционных издержек.

Несмотря на то, что этические требования использования искусственного интеллекта не установлены обязательными предписаниями, их соблюдение в корпоративных, экономических и иных общественных отношениях являются маркером образцовых профессиональных стандартов компаний: в этом, кажется, и заключается человеческий подход к ИИ.

Литература

1. Баксанский О.Е., Сорокина С.Г. Этика искусственного интеллекта: сбалансированный подход к развитию и применению // Общество: философия, история, культура. 2025. № 1. С. 23–33.

2. Демин А.В. К вопросу о переносе концепции «мягкого права» на уровень национальных правовых систем // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 4–7.

3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Метелкин П.В. Искусственный интеллект. Основы и практические решения. М.: Проспект, 2025. 408 с.

5. Мищенко П.А., Тевс М.А., Леонтьев С.Д., Кальмуцкий В.О., Стригов Я.А., Партин А.М., Якуненко Е.С. Юристы и нейросети. Руководство к действию. М.: АСТ, 2026. 224 с.

К.А. Киршон, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
С.В. Калашникова, *канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО СОХРАНЕНИЮ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Под традиционными ценностями понимается совокупность нормативных установок, охватывающих морально-этическую, семейно-бытовую и социокультурную сферы, которые служат фундаментом для формирования коллективной идентичности. Данные ценности характеризуются динамичностью, демонстрируя способность к эволюции и адаптации к изменяющимся общественным условиям при сохранении преемственности с историческим наследием. Концепция традиционных ценностей в Российской Федерации закреплена на уровне государственной политики. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» выделяет следующие положения: жизнь, достоинство, права и свободы человека; верность Родине, активная гражданская позиция, готовность посвятить себя благу Отечества; ориентация на высшие этические ориентиры, воплощение добра и истины в жизни; укрепление семейных ценностей, обеспечение благополучия и развития подрастающего поколения; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм, милосердие, справедливость; коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; сохранение и передача исторического опыта от одного поколения к другому; единство народов России [1].

В 2020 г. Президент России В.В. Путин подписал указ о создании общероссийской Ассамблеи народов России [2]. Деятельность «Ассамблеи народов России» ориентирована на укрепление единства многонационального народа России и реализацию стратегических задач в сфере национальной политики. Кроме того, создание данной общественно-государственной организации обеспечивает создание общероссийской сети межэтнических и этнических объединений и осуществление эффективной координации их деятельности. Данная общественная организация проводит Всероссийский форум «Нити идентичности», который помогает молодым гражданам осознать принадлежность к своему государству, к великому русскому народу. Обширная программа Форума включает круглые столы и панельные дискуссии с участием экспертов, где вырабатываются идеи укрепления общероссийской идентичности.

Фотовыставка «Россия в лицах» показывает большую страну во всем ее многообразии: быт и культуру народов, особенности их жизни с учетом географии проживания; а также культурная программа объединяет выступления творческих коллективов и представителей народного творчества.

Акция «Мы – граждане России» реализуется Российским союзом молодежи более 20 лет на территории Российской Федерации. Она ставит своей целью продвижение государственных символов в молодежной среде, формирование уважительного отношения к основному документу гражданина России, гражданской культуры и патриотической позиции подрастающего поколения. Участники акции испытывают не только радость получения паспорта, но и осознают важность единства нашего народа, как неотъемлемой ценности, которые чтут и передают из поколения в поколение жители Российской Федерации.

Глава государства В.В. Путин подписал Указ от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» [3]. Ключевая задача этой инициативы заключается в укреплении единства нации и поддержании гармонии между всеми этносами, проживающими на территории нашей страны. Президент особо отметил, что вопросы межнационального согласия имеют первостепенное значение для развития государства, особенно в контексте современных внешних угроз. В стране пройдут различные мероприятия: национальные театры отправятся на гастрольные туры, а городские улицы украсятся ярмарочными площадками. Там посетители смогут не только познакомиться с самобытными народными промыслами, но и насладиться вкусами и запахами разнообразной кухни народов России. Образовательные учреждения, культурные центры и библиотеки также принимают активное участие в организации. Например, в Алейском районе Алтайского края стартовал фестиваль самодеятельного художественного творчества «Наш общий дом – Россия», где участники покажут свой творческий потенциал на выставках народного и декоративно – прикладного искусства [4]. Для молодежи остаются актуальными этно-квесты по городам, медиапроекты и блоги о национальной идентичности, музыкальные коллаборации, сочетающие фольклорные мотивы с актуальными жанрами. Так, например, в школе № 113 города Барнаула Алтайского края для пятиклассников был подготовлен праздник в честь Года единства народов России, где учащиеся выполняли творческие и интеллектуальные задания, посвященные культуре народов России [5].

Государственная политика по укреплению традиционных ценностей и развития культуры Российской Федерации направлена не только на «сохранение и преумножение народа России», но и на поддержание гражданского мира, укрепление правового порядка, создание безопасного информационного пространства, повышение международного авторитета страны. Распространение деструктивной идеологии внутри общества приводит к искажению исторической правды, пренебрежению духовными традициями. Реализация важнейших мероприятий, образовательных программ, акций гражданского общества, научных разработок является важным инструментом защиты Российской Федерации от социокультурных угроз.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Президент Рос-

сийской Федерации: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 23.02.2026).

2. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России»: Указ Президента Российской Федерации от 13.11.2020 № 701 // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46045 (дата обращения: 23.02.2026).

3. О проведении в Российской Федерации Года единства народов России: указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962 // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52790 (дата обращения: 23.02.2026).

4. Фестиваль самодеятельного художественного творчества «Наш общий дом – Россия». URL: https://druzhbinskij-r22.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_292.html (дата обращения: 30.03.2026).

5. Мероприятия, проходящие в барнаульских школах, посвященные Году единства народов России. URL: https://barnaul-obr.ru/novosti/info/?ELEMENT_ID=19577&ysclid=mnj06bybni5779574 (дата обращения: 30.03.2026).

К.В. Комарова, *курсант 2 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
О.В. Селиверстова
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ МВД В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ НАУЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В АДЪЮНКТУРЕ

Поступление и обучение обучающихся в адъюнктуре в юридическом вузе МВД является значительным трамплином для развития научного потенциала личности, подготовки кадров для дальнейшего роста профессионального самоопределения и научно-педагогической деятельности. Современная модель подготовки кадров высшей квалификации в вузах МВД предполагает сочетание образовательной и научной составляющей, а также серьезную языковую подготовку. В связи с этим иностранный язык перестает быть «дополнительным навыком» и превращается в рабочий инструмент будущего адъюнкта.

Следует подчеркнуть, что определенная часть современной юридической и междисциплинарной научной информации публикуется на иностранном языке, а международные стандарты представления результатов научных исследований во многом формируются именно в иноязычной академической среде.

Обучающиеся юридического вуза МВД должны осознавать, что необходимо читать, понимать, переводить, интерпретировать юридический дискурс в иноязычных научных статьях, которые открывают широкий спектр мировоззренческих концептов, методик и доказательной базы. Будущим адъюнктам также необходимо качественно анализировать иностранную литературу, определять научную проблему и выбор методологии на иностранном языке.

Содержательная часть языковой подготовки обучающихся в юридическом вузе МВД в целях поступления и обучения в адъюнктуре связана с общеобразовательным уровнем и продвинутым этапом в процессе усвоения иностранного языка, в котором приобретаются навыки общения и всех видов речевой деятельности. Это необходимо для дальнейшего реферирования зарубежной литературы и собственного научного исследования при сопоставлении подходов и методов, которые способствуют правильному переводу правовой и нормативной документации.

Процесс языковой подготовки будущих адъюнктов связан с применением языковых средств выражения юридического иностранного языка. Он отличается от «общего» английского не только терминологией, но и логикой формулировок, устойчивыми клише, значением слов и словосочетаний в правовом контексте, а также привязкой к правовым системам. Следует обратить внимание, что ююридические тексты на иностранном языке требуют языковой точности толкования судебные решений, правовой позиции и доктринальных подходов. Понимание и анализ юридического дискурса на иностранном языке важны для поступающих в адъюнктуру, т. к. он характеризуется определенным выбором и использованием лексико-грамматических конструкций, структурой целого ряда юридических жанров и стилей.

Языковая подготовка обучающихся для поступления и обучения в адъюнктуре МВД подразумевает изучение иностранного языка на примерах текстов с элементами грамматически сложных конструкций, перегруженной лексикой, с синонимичными словами, архаизмами, запутанным синтаксисом, латинскими и шаблонными выражениями, чтобы понимать юридический стиль для формирования навыков устного перевода и восприятия смысла юридических речевых продуктов.

Все эти лингвистические особенности помогают в дальнейшем освоить языковой курс в адъюнктуре для эффективности научной продуктивности. Будущему адъюнкту необходимо научиться формулировать научную проблему, гипотезу на иностранном языке, используя «тезаурус юридического дискурса, вербальные формулы трактовки сущности права, «логические» синонимы классификационных категорий в виде ключевых слов, языковые маркеры когнитивных структур сознания, существующие в интерпретациях текста закона» и т. д. [2, с. 6].

Отдельно следует сказать про академическое письмо и публичные выступления. Будущим адъюнктам свойственна регулярная научная коммуникация: доклады на конференциях, обсуждения на семинарах, подготовка публикаций и т. д. Иноязычная письменная речь формирует более строгий стиль научного изложения, включая четкую структуру изложения высказываний, их

логические связи, точные формулировки целей, задач и методов. Это необходимо для представления результатов научных тезисов и апробации начальных эмпирических изысканий на иностранном языке, имея не только базовые, но и продвинутые языковые навыки в письменной речи. Подходы к организации обучения академическому письму на иностранном языке в рамках образовательных программ и курсов повышения квалификации МВД показывают, что языковая подготовка выстраивается системно – через четкие модули лексического академического дискурса, жанры научных текстов, презентацию результатов, работу с источниками и т. д.

Юридический дискурс отличается рядом лингвистических параметров, дифференцирующих тексты различных жанров внутри данного дискурса. Профессиональная языковая личность будущего адъюнкта подразумевает изучение вербально-семантических особенностей своей структуры в специфике письменного (учебного и научного) дискурса. Обучающийся должен уметь выявить морфологические, лексические, синтаксические дискурсивные параметры письменной устной иноязычной речи, что позволяет моделировать профессиональный юридический дискурс и на основе внутриязыкового контрастирования и сопоставления особенностей профессионального и институционального дискурса распознать их внутриязыковую специфику [1, с. 8].

Языковой обучение обучающихся на иностранном языке представляет собой динамичный и научно обоснованный процесс, в котором происходит формирование и последующее развитие личности будущего ученого на институциональном уровне в контексте повышения квалификации научных кадров МВД, владеющих достаточной профессиональной иноязычной подготовкой в области права. Умение выбирать и использовать специфичные языковые средства, тактики и стратегии иноязычной научной коммуникации осуществляется при помощи методов текстовой аналитики юридического дискурса нормативно-правовых актов.

Поэтому для обучающегося юридического вуза МВД важно постигать научную юридическую речь на иностранном языке в процессе чтения и понимания научных статей по теме исследования с фиксацией ключевых тезисов и методологии; уверенно переводить фрагменты юридических документов и научных текстов с сохранением смысла и терминологической точности; владеть как базовым, так и продвинутым набором академических клише для описания цели, метода и результатов исследования; уметь делать краткую аннотацию и устно выстраивать логическую последовательность исследования.

Если эти навыки сформированы заранее, иностранный язык перестает быть барьером и начинает «работать на будущего адъюнкта»: ускоряет сбор и анализ литературных источников, повышает качество аргументации, облегчает подготовку к кандидатским экзаменам и укрепляет научную коммуникацию. В результате профессиональное изучение иностранного языка влияет не только на формальную успешность обучения, но и на содержание научного исследования, в котором необходимо представить и сформулировать актуальность и новизну, методологию, предмет и т. д., а также уметь отстаивать свои научные выводы на профессиональном иностранном языке.

Литература

1. Гилязова А.Е. Объективация языковой личности юриста в профессиональном и институциональном дискурсах (на материале русского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2025. С. 24.

2. Попова Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. С. 24.

***Б.Э. Коцкий**, курсант 2 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***К.А. Корчагина**, канд. юрид. наук*
Ростовский юридический институт МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА А.Р. ЧИКАТИЛО)

Серийные преступления против личности – наиболее сложная категория преступлений в практике правоохранительных органов, что обусловлено их высокой общественной опасностью, а также многообразием психологических факторов, влияющих на поведение преступника. Особое значение приобретают психологические аспекты раскрытия и расследования серийных преступлений, позволяющие глубже понять мотивацию, поведенческие установки и личностные особенности преступника. В отечественной криминалистической и юридической психологии подчеркивалось, что игнорирование психологических характеристик серийного преступника существенно снижает эффективность расследования и приводит к затягиванию сроков раскрытия преступлений [2, с. 15]. Ярким примером является дело А.Р. Чикатило, расследование которого продолжалось более десяти лет и сопровождалось значительными следственными ошибками. Анализ его личности представляет научный интерес с точки зрения выработки современных подходов к расследованию серийных преступлений. Как отмечает Ю.М. Антонян, «серийный преступник – это прежде всего продукт сложного взаимодействия биологических, социальных и психологических факторов» [1, с. 45].

Методологической основой исследования послужили труды ученых в области криминологии, юридической психологии и криминалистики. В частности, положения теории личности преступника, разработанные Ю.М. Антоняном, А.И. Долговой, А.О. Бухановским [3, с. 78; 4, с. 112]. В рамках исследования применяются общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные методы юридической науки: формально-юридический, сравнительно-правовой

и психологический анализ. Особое внимание уделяется методу криминалистического анализа личности преступника, который, по мнению А.О. Бухановского, позволяет «выявить устойчивые поведенческие и эмоциональные паттерны, имеющие значение для построения следственных версий» [3, с. 81]. В научной литературе подчеркивается, что серийность преступного поведения формируется не спонтанно, а как результат длительного внутреннего процесса [2, с. 41]. Ю.М. Антонян указывает, что «серийный преступник действует в соответствии с выработанным стереотипом поведения, который со временем становится для него психологически необходимым» [1, с. 47]. Именно повторяемость и эмоциональная привязанность к преступному акту отличают серийные преступления от иных форм насильственной преступности.

Особое значение при расследовании серийных преступлений имеет составление психологического портрета преступника. «Психологический портрет не является догадкой или интуитивным выводом, а представляет собой результат анализа поведения преступника, следовой картины и особенностей выбора жертвы» [3, с. 79]. Такой портрет позволяет сузить круг подозреваемых, выдвинуть обоснованные следственные версии и определить наиболее эффективную тактику допроса. На примере личности Чикатило можно проследить классические черты серийного преступника: социальную дезадаптацию, внутреннюю конфликтность, искаженное восприятие межличностных отношений. По мнению Ю.М. Антоняна, Чикатило обладал «глубоким комплексом неполноценности, который трансформировался в агрессивные формы сексуального насилия» [2, с. 58]. Данная особенность напрямую отразилась на выборе жертв и способе совершения преступлений.

Важным психологическим фактором, осложнившим расследование преступлений Чикатило, стало его внешне социально приемлемое поведение. Как подчеркивает М.И. Еникеев, «опасность серийных преступников заключается в способности длительное время маскировать девиантные установки под социальную норму» [5, с. 133]. Это обстоятельство привело к тому, что следственные органы на протяжении длительного времени не рассматривали Чикатило в качестве основного подозреваемого.

Таким образом, анализ психологических аспектов серийных преступлений против личности свидетельствует о необходимости обязательного использования данных юридической психологии при их раскрытии. Игнорирование личностных особенностей преступника, как показала практика расследования дела А.Р. Чикатило, существенно снижает эффективность следственных действий и приводит к серьезным ошибкам [3, с. 82; 1, с. 51]. Одной из ключевых проблем в деле А.Р. Чикатило стали следственные ошибки, обусловленные недооценкой психологических факторов. В частности, на первоначальном этапе расследования доминировала версия о наличии нескольких преступников, что, по мнению Ю.М. Антоняна, «привело к распылению следственных ресурсов и утрате логики серийности преступного поведения» [2, с. 96]. Существенную роль сыграл и формальный подход к оценке личности подозреваемых. Как отмечает А.О. Бухановский, Чикатило длительное время не воспринимался следствием как потенциальный серийный убийца ввиду его «внешней социальной

адаптированности и отсутствия выраженных асоциальных проявлений» [3, с. 143]. Подобная ошибка типична для практики расследования серийных преступлений, когда внимание концентрируется преимущественно на лицах с криминальным прошлым.

Эффективное раскрытие серийных преступлений возможно лишь при активном использовании психологического анализа на всех стадиях расследования [6, с. 67]. Важным элементом является также анализ поведения подозреваемого в ходе допроса. М.И. Еникеев указывает, что «неверно выбранная тактика допроса серийного преступника может привести к формированию защитных психологических механизмов и утрате доказательственной информации» [5, с. 201]. В деле Чикатило первоначальные допросы носили поверхностный характер и не учитывали его эмоциональную неустойчивость и склонность к фантазированию.

Таким образом, анализ практики правоохранительных органов на примере расследования преступлений А.Р. Чикатило позволяет сделать вывод о том, что игнорирование психологических аспектов личности серийного преступника существенно снижает результативность следственных действий. Современный этап развития криминалистики требует комплексного подхода, сочетающего правовые, криминалистические и психологические методы расследования серийных преступлений против личности [3, с. 149; 2, с. 102]. Можно сделать вывод о ключевой роли юридической психологии в деятельности правоохранительных органов. Исследование показало, что одной из основных причин длительного нераскрытия преступлений Чикатило стало игнорирование его психологических особенностей и недооценка поведенческих закономерностей серийного преступника. «Следственные ошибки при расследовании серийных убийств в значительной мере обусловлены формальным подходом к личности преступника» [2, с. 51]. Учет эмоциональных, мотивационных и личностных характеристик подозреваемого позволяет не только сузить круг лиц, подлежащих проверке, но и выстроить оптимальную стратегию следственных действий. Опыт расследования дела А.Р. Чикатило имеет важное практическое значение для современной следственной практики и подтверждает необходимость дальнейшего развития криминалистической психологии в системе МВД России [1, с. 149; 4, с. 214].

Литература

1. Антонян Ю.М. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование: монография. М.: Норма, 2024. 368 с.

2. Антонян Ю.М. Серийные убийства: причины и профилактика: монография. М.: Юрлитинформ, 2004. 256 с.

3. Бухановский А.О. Серийные убийства: психология, психопатология, криминалистика: монография. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 512 с.

4. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2018. 912 с.

5. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2016. 384 с.

6. Криминалистика: учебник для вузов МВД России / под ред. Р.С. Белкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. 768 с.

***А.В. Кривоносова**, курсант 2 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
Н.С. Новолодская
Восточно-Сибирский институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РАБОТЫ ПОЛИЦИИ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В контексте реализации концепта многополярной системы международных отношений, соотношения социально-культурных, правовых и иных условий функционирования современного государства, представляется целесообразным провести сравнительный анализ деятельности работы полиции России и Великобритании. Рассмотрение перечисленных параметров через призму реализации полицейских функций двух указанных мировых держав позволяет оценить особенности обеспечения общественного порядка, разграничения нормативно-правовых основ и организационных моделей взаимодействия с обществом.

Необходимо отметить, что выбор настоящего исследования строится на сравнении деятельности именно России и Великобритании по двум важным причинам:

С точки зрения исторического контекста – это различия правовых систем (Россия относится к романо-германской, Великобритания – к англосаксонской системе общего права);

С точки зрения сравнительно-правового современного состояния – обе страны являются мировыми державами и интересен подход к их реагированию на различные виды преступлений, например, киберпреступность, терроризм, наркорынок и т. д.

Это позволяет не только провести ретроспективный анализ и оценить различия в текущих аспектах деятельности реализации полицейских функций на современном этапе, но также и найти похожие черты.

История становления полиции в России и Великобритании демонстрирует различия в подходах к организации правоохранительных органов. В России формирование полиции было напрямую связано с усилением центральной власти: Петр I в 1718 г. учредил в Санкт-Петербурге Главную полицию, возглавляемую генерал-полицмейстером, с ограниченным штатом офицеров, унтер-офицеров и солдат, что отражало ранние этапы централизации. В Великобритании же полиция имела изначально децентрализованный характер: констебли назначались местными судами, а создание централизованных органов объясня-

лось сочетанием факторов, включая рост преступности, активизацию рабочего движения и необходимость обеспечения общественного порядка и государственной политики в условиях расширяющейся колониальной империи [1, с. 4, 6, 7, 9].

В настоящее время в Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [5] Великобритания хоть прямо или косвенно не упоминается, но при этом положения, посвященные повышению устойчивости международно-правовой системы, укреплению международного мира и безопасности, предотвращению конфликтов (п. 1 и 2. ч. 101), непосредственно относится к компетенции постоянных членов Совета Безопасности ООН, к числу которых относится и Великобритания. Таким образом, данный документ формирует концепцию о международной безопасности между взаимодействующими странами – Россией и Великобританией, в т. ч. на уровне правоохранительных структур.

Современная деятельность российской полиции регулируется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, включая Закон «О полиции», международными договорами, нормативными актами Президента, Правительства и МВД России, а также законами субъектов Федерации в пределах их компетенции. Основные функции полиции включают защиту прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрану общественного порядка, собственности и обеспечение безопасности. В отличие от России, британская полиция децентрализована: отсутствует единый национальный орган, а региональные подразделения обладают значительной автономией. Такая структура обусловлена историческим развитием страны, особенностями парламентской монархии и сохранением отдельных правовых систем Англии, Шотландии и Северной Ирландии, что обеспечивает гибкость и адаптацию к местным условиям [2, с. 79].

В Великобритании полиция активно взаимодействует с образовательными учреждениями: специальные полицейские работают со школьниками, способствуя формированию уважения к государству, законам и социальным нормам. В России аналогичные функции выполняют инспекторы по делам несовершеннолетних, однако их деятельность носит более формальный характер, а программы воспитательного воздействия чаще ориентированы на военно-патриотическое направление, включая совместные выезды и лагеря. При этом британская полиция демонстрирует большую гибкость и способность адаптироваться к изменяющимся потребностям общества, тогда как российская практика носит более институционализированный и централизованный характер [3, с. 81].

В России полиция имеет централизованную структуру и подчинена Министерству внутренних дел, с распределением по федеральным, региональным и местным уровням, что обеспечивает единые стандарты работы и вертикальную координацию. Напротив, британская полиция устроена децентрализованно: существует около 43 территориальных полицейских сил (включая Скотланд-Ярд, полицию графств и города), а также специализированные службы –

например, транспортная и министерская полиция, что отражает автономность регионов и разнообразие задач [4, с. 93].

Таким образом, дифференциация в концепции осуществления своей деятельности отражается и на эффективности реагирования. Так, централизованная система в России обеспечивает единообразие стандартов, строгий контроль и «вертикальное» управление, тогда как децентрализованная структура Великобритании позволяет быстрее адаптироваться к локальным условиям и специфике осуществления задач конкретных регионов. Помимо этого, современные полицейские службы обеих стран сталкиваются с новыми вызовами – киберпреступностью, экстремизмом, терроризмом и иными международными угрозами, что требует постоянного совершенствования совместной нормативно-правовой и организационной части в их противодействии.

Важно акцентировать внимание на исторические, правовые и социально-культурные особенности функционирования полицейских служб. Во-первых, это необходимо в рамках патриотического воспитания через призму отечественного прошлого опыта осуществления полиции и сопоставления с настоящим. Во-вторых, формирование уважительного отношения к полицейским структурам иных государств, также с учетом обеспечения внешнеполитической безопасности и осуществления национальной безопасности.

В рамках повышения эффективности деятельности полицейских структур с учетом сравнительного анализа двух стран, в России видится целесообразным развивать профилактическую работу, в особенности в образовательной сфере, в частности противодействия скулшутингу. Для Великобритании видится перспективным анализ вопроса о централизованном контроле для единообразного реагирования на национальные угрозы.

Литература

1. Густова Л.В., Чаннов С.Е. Полиция России и Великобритании: история становления и перспективы реформирования // Гражданин и право. М.: ООО «Новая правовая культура», 2012. № 1. С. 3–15.

2. Данчевская А.В. Сравнительный анализ организационных и правовых основ деятельности полиции в России и Великобритании // Зарубежное законодательство и сравнительное правоведение. 2022. Т. 18, № 6. С. 77–86.

3. Никишкин А.В. Полиция России и Великобритании: сравнительная характеристика // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». № 41. 2016. С. 79–82.

4. Пичкур А.П. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения общественной безопасности на железнодорожном транспорте: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2022. 270 с.

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.А. Кузнецова**, слушатель 5 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ПРЕОДОЛЕНИЕ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СО СТОРОНЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования проблемы манипулятивного воздействия в уголовном судопроизводстве обусловлена реалиями современной правоприменительной практики. Этап предварительного расследования представляет собой острую конфликтную ситуацию, в которой сталкиваются интересы различных участников процесса. Следователь, будучи ключевой фигурой на досудебной стадии, ежедневно подвергается интенсивному психологическому давлению. Цель такого давления со стороны заинтересованных лиц (подозреваемых, обвиняемых, их окружения, а иногда и потерпевших) – склонить следователя к принятию выгодного для них процессуального решения, исказить ход расследования либо получить доступ к закрытой информации.

Современный уровень развития психологической науки и тактики следствия требует от сотрудников ОВД не только знания уголовно-процессуального закона, но и владения методами распознавания скрытых форм психологического принуждения. Неспособность своевременно выявить и нейтрализовать манипуляцию ведет к тактическим ошибкам, нарушению закона и, как следствие, к невозможности использования полученных доказательств [1, с. 342].

В юридической психологии под манипуляцией понимается вид психологического воздействия, при котором один участник коммуникации (манипулятор) добивается от другого (адресата) выполнения определенных действий или изменения позиции скрытым образом, создавая у адресата иллюзию самостоятельности принятого решения [2, с. 115]. Ключевым признаком манипуляции является неочевидность цели для объекта воздействия и использование «слабых мест» личности: эмоций (страха, жалости, тщеславия), профессиональных стереотипов или когнитивных искажений. В контексте уголовного судопроизводства манипуляция выступает одной из форм противодействия расследованию. В отличие от открытого отказа от дачи показаний или физического сопротивления, манипуляция позволяет участнику процесса сохранять видимость сотрудничества, одновременно дезориентируя следствие.

Можно выделить три основные группы субъектов, использующих манипулятивные тактики:

1. Подозреваемые (обвиняемые). Их цель – уйти от ответственности, смягчить наказание, направить следствие по ложному пути

2. Потерпевшие. Мотивы могут варьироваться от корыстных (преувеличение ущерба, оговор из мести) до боязни огласки или мести со стороны преступника

3. Свидетели. Манипуляция может быть продиктована страхом, нежеланием участвовать в деле, либо давлением со стороны заинтересованных лиц.

Анализ следственной практики позволяет систематизировать наиболее распространенные манипулятивные тактики, направленные на следователя.

1. Манипуляции, эксплуатирующие эмоциональную сферу.

Данная группа приемов направлена на выведение следователя из состояния эмоционального равновесия. Снижение самоконтроля повышает внушаемость и вероятность ошибки. В данном случае основным методом манипуляции будет являться «провокация негативных эмоций» – оскорбления, грубость, демонстративное неуважение. Цель – вызвать ответный гнев, заставить следователя перейти на «личности» и потерять нить допроса [3, с. 28]. Распространенным методом манипуляции является «апелляция к жалости»: рассказы о тяжелой судьбе, больных родственниках, «роковом стечении обстоятельств», с целью разжалобить, побудить следователя действовать не по закону, а «по совести» в пользу манипулятора.

2. Манипуляции логико-рационального типа (когнитивные) воздействуют на мышление следователя, пытаясь «запутать» картину происшествия. Оппонент может совершать попытку «подмены тезиса», т. е. уходить от обсуждения существа вопроса в сторону второстепенных деталей, создавать «информационный шум». Приведение заведомо ложных фактов, апелляция к несуществующим свидетелям с целью заставить следователя тратить время на их проверку представляют собой прием «апеллирование ложной информацией». Формирование ложных алиби, т. е. заранее продуманная легенда, подкрепленная показаниями соучастников, встречается чаще всего в ситуациях, когда подозреваемый уже ранее привлекался, а также в организованных преступлениях, где члены ОПГ наиболее «подкованы» в юридических вопросах.

3. Тактико-психологические уловки. Данные приемы связаны с использованием процедурных особенностей следствия. Затягивание времени: симуляция плохого самочувствия, бесконечные ходатайства, отказ от подписи и другие действия оппонентов следователя на этапе предварительного следствия

Противодействие манипуляции требует от следователя комплекса профессиональных и личностных качеств, а также применения специальных тактических приемов. Первый шаг к защите – распознавание самого факта манипуляции. Следователю необходимо анализировать не только содержание речи, но и ее форму, невербальные сигналы (жесты, мимику), а также отслеживать собственные эмоциональные реакции. Если в ходе допроса возникает немотивированное чувство раздражения или, наоборот, симпатии к допрашиваемому, это может быть сигналом о попытке воздействия. Здесь особо уместным будет знание основ метода профилирования.

На этапе предварительного расследования эффективны следующие методы нейтрализации манипулятивного воздействия. Манипулятор, действующий по легенде, часто не способен удержать в памяти все второстепенные детали.

Многократное возвращение к мелочам, излишняя детализация, разрушает искусственную конструкцию, созданную оппонентом следователя. Разумным представляется использование фактора внезапности. Предъявление неожиданного доказательства в момент, когда допрашиваемый уверен в отсутствии улик, лишает его возможности манипулировать. При этом можно использование метода «форсированного допроса» в совокупности, что помешает манипулятору продумывать ответы, а замедление – выведет из равновесия нетерпеливых лиц.

Ключевым фактором устойчивости к манипуляции является сформированная психологическая культура следователя, которая включает в себя эмоциональную саморегуляцию, рефлексивное мышление, а также неукоснительное соблюдение уголовно – процессуального законодательства.

Подводя итог, следует отметить, что манипулятивное воздействие со стороны участников уголовного судопроизводства является объективной реальностью, с которой ежедневно сталкиваются сотрудники органов предварительного расследования. Эффективность преодоления такого воздействия зависит не только от знания уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и от уровня психологической подготовки следователя. Умение распознавать скрытые тактики давления, сохранять эмоциональную устойчивость и применять адекватные тактические приемы (детализация, внезапность, варьирование темпа) позволяет не только нейтрализовать попытки манипуляции, но и использовать их в качестве источника информации о виновности лица и его личностных особенностях. В связи с этим развитие коммуникативной компетентности и навыков психологической защиты должно стать неотъемлемой частью профессиональной подготовки сотрудников следственных подразделений.

Литература

1. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник. М.: Норма, 2020. 512 с.

2. Полстовалов О.В. Совершенствование тактических приемов преодоления противодействия расследованию // Российский следователь. 2021. № 4. С. 27–31.

3. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей: научно-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2018. 352 с.

4. Сорокотягин И.Н., Сорокотягина Д.А. Юридическая психология: учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 361 с.

Д.А. Кузьмиченко, *курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Н.Н. Поддубная, *канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СЛУШАТЕЛЕЙ В БАРНАУЛЬСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МВД РОССИИ

В эпоху глобализации образование за рубежом считается престижным и актуальным для большинства людей. Повышение уровня квалификации и знаний становится приоритетным в сфере правоохранительной деятельности не только в России, но и в других странах. Российская Федерация имеет большой потенциал в подготовке квалифицированных кадров. Именно поэтому некоторые иностранные представители правоохранительных органов приезжают в нашу страну с целью повышения уровня знаний [1].

Однако помимо трудностей, связанных непосредственно с процессом обучения, они сталкиваются с проблемами адаптации в российском обществе. Столкновение культур, языковой барьер, различие религий – все это может приводить к недопониманию. В процессе взаимодействия представители разных культур осознают, что их ценности, правила поведения и общения, отношение к миру могут сильно отличаться. Таким образом, иностранные граждане чувствуют этносоциальную обособленность. Несмотря на то, что курсанты БЮИ МВД России в силу своей воспитанности и образованности относятся к иностранным слушателям с толерантностью, тем не менее в определенных ситуациях могут возникать некоторые трудности в общении.

Целью данного исследования является выявление и рассмотрение основных трудностей, возникающих в процессе культурной адаптации слушателей из других стран (Республики Сомали, Республики Таджикистан) путем применения эмпирических методов: наблюдения и анкетирования. Основной задачей исследования является изучение специфики жизнедеятельности иностранных специалистов в Барнаульском юридическом институте МВД России и предложение решений их проблем в плане адаптации.

По данным отдела кадров БЮИ МВД России, в нашем институте обучаются: 4 гражданина Республики Сомали и 2 гражданина Республики Таджикистан. С целью выявления и изучения трудностей адаптации было принято решение провести анкетирование среди специалистов Республики Сомали, чтобы выявить и изучить проблемы иностранных слушателей в институте.

Первое, с чем сталкиваются иностранцы в чужой стране, – это недостаточный уровень владения языком. Русский язык значительно отличается от многих европейских, а также от языков средней Азии. На первых этапах адаптации из-за этой проблемы обычные бытовые задачи становятся для иностранных слушателей настоящим испытанием. В ходе анкетирования выяснилось,

что гражданам Республики Сомали, которые обучаются в институте всего несколько месяцев, достаточно легко дается диалог на русском языке с учителями и курсантами.

Следующей проблемой адаптации является питание. Русская еда значительно отличается от национальных блюд других стран, поэтому иностранным гражданам необходимо время, чтобы привыкнуть к русской кухне, от некоторых блюд они отказываются из-за вкусовых предпочтений. В Барнаульском юридическом институте МВД России созданы условия для самостоятельного приготовления еды иностранными слушателями. В результате анкетирования наши доводы подтвердились: иностранные граждане питаются только той едой, которую они любят. Ясин Асад Шире даже выделил русскую кухню как самое необычное проявление российской культуры.

Следующая трудность, которую мы отметили, заключается в межличностном взаимодействии. Специалисты из Республики Сомали до начала своего обучения в России были незнакомы, прибыли в чужую для них страну без друзей и родственников. Иностранные слушатели из-за нехватки знаний чувствуют себя скованно, им трудно просить о помощи. В БЮИ МВД России для решения бытовых вопросов привлечены несколько курсантов, которые хорошо знают английский язык. Они помогают слушателями, в случае необходимости дают им рекомендации для дальнейших действий. В ходе анкетирования дополнительно выяснилось, что между собой слушатели из Сомали также ссорятся, но в основном находятся в хороших отношениях. Каждый из них смог завести себе как минимум по 1-2 друга среди курсантов. Указанные выше трудности тесно связаны с понятием «культурная адаптация». Опыт вхождения в русскую культуру достаточно труден, особенно для граждан дальних регионов. Если граждане из Таджикистана могут легко адаптироваться к русской кухне, им легче дается изучение русского языка, то граждане Республики Сомали испытывают так называемый культурный шок. Этносоциологи пришли к выводу, что иностранцы испытывают культурный шок, когда вхождение в культуру другой страны является неожиданным и неподготовленным [2, с. 16]. В бланках анкеты граждане Республики Сомали поделились своими впечатлениями о русской культуре. Они отметили, что культура России им очень интересна, здесь они нашли хороших друзей и увидели снежную страну.

Для того чтобы иностранные граждане быстрее и легче преодолели культурный шок, для них организуются различные экскурсии. Такие выездные занятия помогают лучше погрузиться в культуру страны. Переключение с обучения в аудитории на формат экскурсионного занятия снимает стресс у иностранцев и снимает рамки формального общения. Так, например, накануне Дня защитника Отечества кафедрой истории и философии БЮИ МВД России было организовано посещение иностранными специалистами Государственной филармонии Алтайского края. Слушатели познакомились с традициями праздника, погрузились в атмосферу русского искусства: посмотрели яркие номера ансамбля русского танца «Огоньки» им. Г.Н. Полевого, прослушали песни группы «Любэ». Чтобы сохранить теплые воспоминания о вечере, гостям были вручены памятные сувениры, отражающие русскую культуру.

19 февраля 2026 г. в Барнаульском юридическом институте МВД России отметили Масленицу. В празднике приняли участие иностранные слушатели института. Они познакомились с русскими обрядами, а также рассказали об особенностях своей культуры. «Такие мероприятия играют важную роль в укреплении дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между представителями разных народов», – отметил доцент кафедры истории и философии А.А. Асеев.

Живое общение, познание традиций другого народа способствуют тому, что другая культура постепенно перестает быть чужой и неинтересной. Единственная проблема – сжатые сроки обучения в институте и плотный график занятий, что не позволяет должным образом проникнуться русской культурой. Отвечая на вопрос анкеты, что бы они хотели поменять в обучении, слушатели подчеркивают, что им требуется больше практики русского языка.

На наш взгляд, для более интенсивной адаптации можно привлекать иностранных граждан к участию в различных спортивных мероприятиях. Спорт сближает людей. При этом неважно, сблизит их горечь поражения или радость победы. Совместные эмоции всегда дают почувствовать себя частью коллектива, снимают напряжение.

У каждого иностранца, приезжающего получить образование в другой стране, возникают свои индивидуальные проблемы. Помощь института является основополагающим фактором, влияющим на скорость и легкость адаптации слушателей. Решение вышеперечисленных проблем – это ежедневный труд, совместная работа иностранных граждан и всего коллектива БЮИ МВД России.

Литература

1. Сулейманов Д.Н., Мехова Т.Н., Ноха М.Д. Системный подход к проблемам адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации. URL: https://ialm.ru/os/problemi-adaptacii/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Оберег К. Культурный шок: адаптация к новой культурной среде // Практическая антропология. 1960. № 7. С. 177–182.

***А.Г. Ланге**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.К. Бутенко**, канд. филос. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В МИГРАЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЬМИ МИГРАНТОВ

В условиях глобализации и роста миграционных потоков вопросы защиты прав детей, в т. ч. детей мигрантов, приобретают особую значимость на международном и национальном уровнях. Российская Федерация, будучи одним из ключевых центров притяжения трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, сталкивается с необходимостью сбалансированного регулирования миграционных процессов с соблюдением фундаментальных прав и свобод человека, закрепленных как в международных актах, так и в национальном законодательстве.

Особую озабоченность вызывает положение детей мигрантов – одной из наиболее уязвимых категорий населения. Несмотря на гарантированное Конституцией Российской Федерации право на защиту детства (ст. 38 Конституции РФ) [1] и обязательства России по исполнению Конвенции ООН о правах ребенка (1989 г.) [2], дети мигрантов нередко сталкиваются с системными барьерами в реализации базовых прав: на образование, медицинскую помощь, социальную поддержку и юридическую защиту.

В последние годы в миграционной политике Российской Федерации произошли существенные изменения: приняты новые нормативные акты, ужесточены правила въезда, пребывания и трудоустройства иностранных граждан. Среди ключевых нововведений – расширение перечня оснований для выдворения, введение цифровых реестров мигрантов, усиление контроля за соблюдением миграционного режима, а также корректировка процедур получения разрешительных документов. Эти изменения, направленные на повышение эффективности миграционного контроля, могут оказывать негативное влияние на положение несовершеннолетних иностранных граждан. В частности, в сфере образования, ведь произошли изменения в порядке приема в образовательные учреждения общего и среднего образования, было введено тестирование на знание русского языка. Помимо этого, еще ранее уже были замечены меры ужесточения приема, а именно необходимость регистрации по месту пребывания или жительства у родителей. Без этого допуск к школьной программе невозможен.

При этом хотелось бы отметить, что из-за введенных положений существуют проблемы в установлении их действительными и реализации на практике. Так, например, гражданин Узбекистана, Нурбек Курбанов, в июне 2015 г. обратился в Заволжский районный суд Твери с заявлением о признании недей-

ствительным приказа об отчислении своих сыновей из школы № 34. Суд г. Твери признал право каждого ребенка на образование вне зависимости от наличия регистрации, иск Курбанова удовлетворил, приняв решение восстановить детей в школе. Однако при этом при обращении в Верховный Суд Российской Федерации гражданки Сирии, Нассер Кавтхар, чью семилетнюю дочь отказались зачислять в первый класс в Москве, и гражданина Узбекистана, Нурбек Курбанов, чьи два сына-подростка были отчислены из восьмого и десятого классов одной из школ Твери, было вынесено решение отказа в удовлетворении заявлений истцов, не найдя противоречия между данным приказом и Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3], Законом Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» [4], Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» [5], Гражданским кодексом Российской Федерации [6].

В дополнение к сказанному, необходимо подчеркнуть, что современные тенденции развития международного права свидетельствуют о расширении объема прав человека, которые государства обязаны гарантировать. Это достигается как путем принятия новых международных договоров, так и путем интерпретации существующих норм в пользу более широкого круга лиц и обеспечения более высокого уровня защиты их прав. В частности, эти действия направлены на защиту прав граждан Российской Федерации, в т. ч. в сфере образования. В настоящее время остро стоит проблема нехватки мест в школах. Государство, исходя из своей основной обязанности обеспечить право на образование для всех детей-граждан России, вынуждено принимать определенные ограничительные меры.

Российская Федерация подписала и ратифицировала международные договоры, касающиеся прав человека (и детей, в частности), содержащие обязательства касательно права на образование. Положения этих договоров в рассматриваемой части были имплементированы во внутреннее законодательство Российской Федерации, однако практика правоприменения показала распространенность неправомерно ограничительного толкования его положений. По сути, техническому требованию закона о предоставлении сведений о регистрации ребенка, необходимому для различных управленческих целей, было придано значение условия для получения доступа к образованию. Верховный Суд Российской Федерации расставил акценты в соответствующем подзаконном акте Министерства образования и науки России, дав тем самым правовую основу для обжалования незаконных действий администрации школ, не принимающих детей без подтверждения регистрации по месту пребывания и жительства, в судебном порядке в судах общей юрисдикции.

В данной статье были затронуты только проблемы закрепления в международном праве и праве России и проблемы реализации в Российской Федерации права на образование детьми-мигрантами, но необходимо помнить, что эта тематика имеет более широкое измерение. Образование является не только личным правом человека, основой будущего благосостояния конкретной лич-

ности, но и средством интеграции мигрантов и межнационального мира в обществе, средством противодействия маргинализации растущей части населения на несколько поколений вперед. Представляется чрезвычайно важным исследовать и популяризировать результаты разработки права на образование в таком фундаментальном ключе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013.

2. Конвенция ООН о правах ребенка [Электронный ресурс]: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2012 № 273. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 25.06.1993 № 5242-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изм. и доп. на 15.12.2014. М.: Эксмо, 2014. 621 с.

***Т.Д. Лапченко**, курсант 1 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***Е.К. Обринская**, канд. полит. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

На современном этапе Россия сталкивается с новыми и чрезвычайно серьезными вызовами и угрозами своей национальной безопасности. Одной из таких угроз являются деструктивные процессы в молодежной среде, которые могут способствовать распространению экстремистских идей и совершению террористических действий.

Важнейшей причиной деструктивных явлений в молодежной среде помимо естественных социально-экономических процессов, связанных с глобализацией, оказывается целенаправленное деструктивное воздействие, осуществляющееся на российский социум в геополитических целях. Рост международной напряженности, а также диверсификация инструментов геополитического воздействия, смещение акцента с «жесткой силы» на «мягкую» предполагает использование ресурсов социально-психологического манипулирования. Ярким примером являются так называемые цветные революции, в организации которых как раз основная ставка делалась именно на молодежь. Данная группа обладает гибкой психикой, пригодной для конструирования, а также высокой социальной активностью и выраженной протестной ориентированностью, что позволяет эффективно направлять ее мышление и деятельность в необходимое русло. В этих условиях внешнее деструктивное воздействие на молодежь оказывается чрезвычайно опасным.

По мнению ряда специалистов, «для устранения последствий данной угрозы необходимо преодолеть деформацию национального культурного кода, принижение роли национальных культурных традиций, нацеленность на воспитание прагматично и рационально настроенного человека-потребителя, социально атомизированного индивида и такой личности, которая понимает свободу как произвол и вседозволенность, на воспитание космополита без патриотического сознания и пацифиста в условиях войны» [1, с. 172]. Это требует от государства формирования целостной стратегии противодействия деструктивным процессам в молодежной среде.

Особенно важным аспектом, которому необходимо уделять первостепенное внимание, является цифровизация всех сфер жизни. Прежде всего, это касается именно молодежи. Данный технический фактор существенно влияет и на противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде, формирование положительных установок и конструктивного поведения. Как отмечает К.Ю. Гоглева, «в современном мире, переживающем эпоху активной цифровизации, информационные технологии и социальные сети играют ключевую роль в повседневной жизни молодежи, а потому традиционные методы воспитания уже не всегда достаточно эффективны для закрепления в молодежном сознании навыков просоциального поведения и гражданского участия в жизнедеятельности государства [соответственно] возникает важная задача совершенствования механизма реализации органами публичной власти новых, инновационных форм и методов вовлечения молодых граждан Российской Федерации в процесс укрепления российских духовно-нравственных традиционных ценностей и обеспечение конституционной идентичности нашей Родины» [2, с. 38]. Формирование патриотических составляющих общественного сознания молодежи оказывается в условиях нарастающей глобализации важнейшей задачей. По мнению А.Б. Шангина, А.А. Кудрина и Н.В. Карташова, «важность разнообразных форм и подходов к патриотическому воспитанию российской молодежи является одной из самых актуальных задач устойчивого развития страны, особенно на современном этапе, поскольку практически все информационные ресурсы Запада, и в особенности различных разведывательных структур, активно

используют разнообразные методы воздействия на сознание нашей молодежи, формирование антипатриотических настроений и искусственно сформированного «доверия» лживым публикациям в интернет-сфере» [4, с. 377]. Именно на преодоление указанных деструктивных воздействий и должна быть направлена государственная молодежная политика с целью обеспечения национальной безопасности России.

Существенной угрозой является распространение и укоренение в сознании российской молодежи «идеи прагматизма как единственного источника целеполагания; господства нетократии в эпоху цифровой цивилизации над умами, волей и интересами людей; а также идеи провозглашения власти потребительского общества, оценки человека как потребителя и рассмотрения комфорта как главного источника счастья и блага» [3, с. 25]. Такие идеи приводят к обесцениванию общественного интереса, исторического опыта, цивилизационной идентичности. Абсолютизация индивидуализма существенно снижает потенциал выживания нации в условиях геополитической конфронтации.

Указанные функциональные и смысловые аспекты серьезно влияют на подверженность молодежи деструктивным идеям экстремистского и террористического толка. Уязвимость молодежи для внедрения вредоносных идей, вовлечения в деструктивные организации и поощрения к деструктивной деятельности становится важной проблемой, которую нельзя игнорировать. На современном этапе чрезвычайно важно, что в рамках государственной политики указанная проблема осознается, что находит отражение в стратегических документах государственного планирования, в частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. и Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Соответственно, предпринимаются определенные меры для противодействия деструктивному воздействию на российскую молодежь как с точки зрения ее уязвимости для такого воздействия в целом, так и в плане недопущения его негативных последствий в виде вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность.

Таким образом, можно сделать вывод, что противодействие экстремизму и терроризму в молодежной среде должно начинаться с воспитания молодежи, формирования положительных психосоциальных качеств, в частности, патриотизма и коллективизма, противодействия оказанию на молодежь деструктивного внешнего воздействия, повышения ее устойчивости к таким воздействиям.

Литература

1. Базавлук С.В., Ковалев А.А. Борьба с манипулированием и поощрением деструктивного поведения как элемент политико-правовой культуры // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4 (14).

2. Гоглева К.Ю. Воспитание гражданственности и патриотизма у молодого поколения как фактор противодействия угрозе российским духовно-нравственным традиционным ценностям // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 4.

3. Ковалев А.А. Противодействие антропологической угрозе деморализации россиян // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20, № 1.

4. Шангин А.Б., Кудрин А.А., Карташова Н.В. Система патриотического воспитания российской молодежи в современных условиях и аспекты когнитивной безопасности // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1 (70).

***К.А. Леоневский**, курсант 3 курса, 231 учебный взвод*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕХАНИЗМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ АКТИВНОСТЬ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Цифровая среда перестала быть нейтральным пространством, превратившись в место противостояния ценностей, а для современного человека интернет стал средой обитания, где формируются идентичность и система смыслов. Экстремистские структуры быстро подстроились к этому: открытая пропаганда насилия уступила место многоступенчатым технологиям вовлечения, практически не оставляющим «цифрового следа».

Цифровая экосистема утратила статус нейтрального посредника, трансформировавшись в арену ценностного противостояния. Для современных подростков интернет – это не просто инструмент, а базовая среда обитания, в которой конструируются идентичность и мировоззренческие матрицы. Экстремистские акторы оперативно адаптировались к этой реальности, заменив прямолинейную агитацию насилием на многослойные воронки вовлечения, оставляющие минимальный цифровой осадок.

Актуальность темы обусловлена тем, что, с одной стороны, российское законодательство постоянно ужесточается, а социальные сети внедряют алгоритмы автоматической модерации, с другой – статистика фиксирует неуклонный рост преступлений экстремистской направленности среди несовершеннолетних и молодежи [2, с. 54].

Молодежь представляет собой наиболее уязвимую социальную группу по отношению к экстремистскому влиянию в силу ряда психологических и социальных особенностей. Подростковый возраст и юность – это период активного поиска своего места в мире, формирования идентичности, стремления к признанию и принадлежности к группе. Вербовщики используют эти потребности, создавая иллюзию поддержки, значимости и общности целей.

По мнению автора, к ключевым факторам уязвимости относятся:

Недостаток жизненного опыта и критического мышления. Молодые люди часто некритически воспринимают информацию, особенно если она подается в эмоционально привлекательной форме. Отсутствие навыков верификации источников и анализа контента делает их легкой мишенью для манипуляций.

Психоэмоциональная неустойчивость. Период взросления сопровождается повышенной тревожностью, экзистенциальными вопросами и поиском смыслов. По данным ВОЗ, нарушениями психического здоровья страдает каждый пятый ребенок, причем значительную часть выявляемых заболеваний составляют тревожные и депрессивные расстройства, которые коррелируют с риском формирования склонности к деструктивным действиям.

Цифровая зависимость и погруженность в виртуальную среду. Современные молодые люди проводят существенную часть времени онлайн, где общение, самоутверждение и познание мира происходят в условиях воздействия внешних факторов, далеко не всегда безопасных. Цифровая зависимость носит компенсаторный характер: около 21,7 % подростков стараются уйти от реальности, одиночества и непонимания в цифровую среду.

Социальная изоляция и чувство несправедливости. Главным триггером вовлечения в деструктивные группы выступает чувство несправедливости. Молодые люди, испытывающие эмоциональную или социальную изоляцию, особенно подвержены влиянию, т. к. экстремистские группы могут казаться им единственным вариантом для принятия и понимания .

Стремление к простым решениям сложных проблем. Экстремистские идеологии предлагают упрощенные объяснения социальных проблем и четкое разделение мира на «своих» и «чужих», что привлекает молодежь, ищущую ясность и определенность.

Большинство авторов, изучавших процесс вербовки, выделяют последовательные этапы, которые проходят кандидаты под воздействием вербовщиков:

Этап отбора кандидата. Вербовщик определяет подходящие цели, ориентируясь на психологический портрет потенциального рекрута. На этом этапе происходит отсев малоподходящих лиц.

Следующий этап установления контакта, характеризуется формированием доверительных отношений между вербовщиком и жертвой. Так злоумышленники используют фейковые профили социальных сетей, маскируясь под сверстников, они проявляют интерес к хобби и общим интересам.

После установления доверительных отношений осуществляется переход к этапу конкретных действий. На этом этапе начинается идеологическая обработка: вербуемому предлагают участвовать в обсуждениях, распространять материалы, выполнять отдельные поручения, которые постепенно становятся все более радикальными. Этот этап может включать психологическое воздействие с использованием методов убеждения и внушения.

Заключительный этап полноценного вступления в организацию, на котором человек становится полноправным участником экстремистской группы, принимает ее идеологию и готов к совершению противоправных действий.

Исследователи И.Ш. Галиев, В.Ф. Енгалычев и Е.С. Палеха описывают более детализированную стадийность: этап разжигания интереса и оценки, этап

личностного отбора, этап перестройки, этап формирования новой сложной идентичности, этап легитимизации насилия и подстрекательства к насилию. Основой вовлечения служит концентрическое углубление дихотомии «мы – они», романтизация криминальных смыслов и метафоризация [4, с. 215–220].

Ключевая трудность заключается в том, что начальные этапы складывающегося процесса выглядят абсолютно безобидно. Лайки, комментарии и подписки не дотягивают до юридических критериев нарушения, сводя на нет традиционный контент-мониторинг по ключевым маркерам. Нынешний рекрутинг наглухо закрыт: частные каналы с фильтрацией на входе не просматриваются извне, а попытки инфильтрации разбиваются о барьеры законодательства и технологий. Ситуацию отягощает семиотический сдвиг – место прямых лозунгов заняли эзопов язык мемов, цифровые шифры и пост-ирония, которые не считываются ни автоматическими сканерами, ни лингвистами, оторванными от зыбкой почвы субкультур. И, наконец, ментальный капкан: объект обработки не опознает себя в роли жертвы. Он глубоко убежден, что участвует в увлекательной игре, поэтому не испытывает потребности в поддержке и целенаправленно заметает свои цифровые отпечатки.

Сложившаяся система профилактики, ориентированная на отлов явных лозунгов и крамольной символики, фактически выхолащивается. Сегодня радикализация мигрирует скрытыми контентами, умело маскируясь в геймерских сообществах и замысловатые посты.

Законодательные ужесточения не дают желаемого эффекта, поскольку репрессивный инструментарий на финишной прямой не заменяет ранней превенции.

Дефицит методик диагностики на начальных стадиях вовлечения в экстремистскую деятельность, когда поведение еще лишено формальных признаков состава преступления, является значимым пробелом. Так, по мнению автора, профилактика интернет-экстремизма требует комплексного подхода, включающего следующие направления. Формирование критического мышления и медиаграмотности, внедрение программ по развитию цифровой грамотности в учебных заведениях. Осуществление психологической поддержки, проведение работы с молодежью обладающей факторами уязвимости: социальной изоляцией, чувства несправедливости, эмоциональных проблем. Правовое просвещение, информирование о юридической ответственности за распространение экстремистских материалов и участие в деструктивных организациях. Мониторинг и модерация контента. Повышение эффективности обнаружения и удаления экстремистского контента, включая контекстно-зависимые и кодированные сообщения. Профилактика и раннее выявление, где внимание к изменениям поведения должно проявляться со стороны семьи и педагогов [3, с. 319].

В заключение стоит указать, что вовлечение молодежи в экстремистскую деятельность в сети Интернет представляет собой сложный многоуровневый процесс, в котором пересекаются психологические уязвимости технологические возможности цифровой среды. Понимание механизмов вовлечения создает основу для разработки эффективных мер противодействия, ключевой стратегией которой является не только техническая модерация контента, но и формиро-

вание у молодежи способности критически осмысливать информацию и распознавать манипуляции направленные на вовлечение в экстремистскую деятельность.

Литература

1. Баранов В.В. Противодействие распространению экстремизма в глобальной компьютерной сети: теоретико-правовой аспект: монография / под науч. ред. И. Ю. Захватова. М.: Русайнс, 2023. 101 с.
2. Таскина И.А., Лизунова Г.Ю. Методические рекомендации по профилактике терроризма и экстремизма в образовательных учреждениях: учебно-метод. пособие. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2024. 54 с.
3. Молодежный экстремизм: понятие и противодействие: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ: Юнити-Дана, 2020. 319 с.
4. Галиев И.Ш., Енгалычев В.Ф., Палеха Е.С. Криминальные технологии дистанционной радикализации молодежи в сети Интернет // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 213–221.

***А.М. Леонова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.В. Калашникова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Этнокультурная компетентность является очень важным профессиональным качеством. Оно означает, что сотрудник обладает нужными знаниями и умениями, чтобы хорошо общаться и работать с людьми разных национальностей и культур, когда выполняет свои служебные обязанности. Современная высокая мобильность и интенсивные межкультурные связи ставят перед правоохранительными органами новые задачи. Полицейским приходится взаимодействовать с людьми разных национальностей и культур. Для эффективного выполнения должностных обязанностей сотрудникам необходимо уметь правильно расшифровывать поведение собеседника и вести диалог, принимая во внимание его культурные особенности.

Для многих народов, населяющих Кавказ, Среднюю Азию, а также для коренных жителей Сибири и Дальнего востока, прямой, пристальный взгляд в глаза – это не просто зрительный контакт, а целый язык, отличный от того, что принят на западе. Если в Европе такой взгляд часто расценивается как признак искренности, честности и открытости, то в восточных культурах он может

нести совершенно иные, даже противоположные, смыслы. Как показывают исследования, изучающие особенности психологии разных народов, для многих восточных культур прямой взгляд на старшего по возрасту, положению или представителей власти считается проявлением агрессии, вызова или желания показать свое превосходство [2]. Это объясняется тем, что в восточных обществах принято уважать старших и тех, кто выше по положению, избегая прямого взгляда и смотря вниз.

В восточных культурах считается вежливым не смотреть прямо в глаза собеседнику. Люди могут смотреть в сторону, вниз или как бы сквозь вас, показывая этим, что они уважают вас и признают более высокий статус. Если заставить такого человека пристально смотреть в глаза, это может быть воспринято как неуважение и психологическое давление [1]. Неверное толкование зрительного контакта может повлечь за собой существенные затруднения для представителя правоохранительных органов. В рамках европейских культурных норм уклонение от прямого взгляда ассоциируется с неискренностью, недостатком уверенности или сокрытием фактов. При взаимодействии с представителями восточного происхождения подобное поведение может интерпретироваться как демонстрация почтения к сотруднику полиции как к носителю властных полномочий [3].

Отведенный взгляд правонарушителя воспринимается сотрудником полиции как признание вины, сокрытие правды и неуважение к представителю власти. В восточной культуре прямой взгляд считается проявлением агрессивного поведения и неуважительного отношения к социальному статусу. Возникающий культурный конфликт порождает стрессовую ситуацию, нежелание принимать участие в коммуникации, агрессивное поведение. Данные реакции используются для защиты личного достоинства.

Во многих традиционных культурах рукопожатие является не просто приветствием, а жестом, символизирующим равенство, искренность и примирение. Мужчина, протягивая руку, показывает свою открытость, готовность к доверительному общению. Отказ расценивается как публичное унижение или серьезное оскорбление. В контексте правоприменительных действий, таких как задержание или проверка документов, публичный отказ от сотрудничества значительно усугубляет психоэмоциональное состояние человека, многократно усиливается ощущение унижения. Для представителей культур, где концепция «сохранения достоинства» или «лица» перед общиной, семьей или случайными наблюдателями имеет первостепенное значение, данный фактор зачастую доминирует над последствиями самого задержания [4].

При общении с представителями восточных культур следует избегать любых прикосновений к головному убору и бороде собеседника. Восточные народы воспринимают такие элементы как символы мужского достоинства и чести. Любое посягательство расценивается как надругательство и может вызвать агрессивную реакцию. Такие действия, как похлопывание по плечу, попытки сократить личное пространство, могут быть расценены как проявление неуважения и фамильярности.

Таким образом, этнокультурная компетентность сотрудника полиции является важным фактором в обеспечении проблемы межэтнических контактов. Учет культурных особенностей – это не отказ от законности и не признак слабости. Формирование этнокультурной компетенции должно стать неотъемлемой частью профессиональной подготовки полицейских в образовательных организациях МВД России, т. к. благодаря этому сотрудники вырабатывают в себе способность к межкультурному взаимодействию.

Литература

1. Бобков А.И. Этнопсихология: учебно-метод. пособие. Иркутск: ВСИ МВД России, 2021.

2. Мальцева Т.В., Зайырбекова А.А. Формирование межкультурной компетентности научно-педагогических кадров в системе органов внутренних дел стран СНГ: учеб. пособие. Академия управления МВД России, 2022.

3. Сайфиева Ж.М. Национально-психологические особенности этнических сообществ в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Правосознание и правовая культура в России: современное состояние и перспективы: сб. науч. ст. Тюмень, 2009. Вып. 5, ч. 2.

4. Степаненко В.В., Петров В.Е. Учет этнопсихологических особенностей граждан в деятельности сотрудников полиции: учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2015.

***Д.Л. Литвинова**, курсант 2 курса*
Краснодарский университет МВД России

Научный руководитель:
***С.В. Аликова**, канд. филол. наук, доцент*
Краснодарский университет МВД России

ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИЦ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ПРОФАЙЛИНГА

В условиях современного общества, где угрозы экстремизма и терроризма становятся все более актуальными, важность психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел для раскрытия и расследования преступлений возрастает. Одним из методов, который может эффективно использоваться для выявления лиц с экстремистскими наклонностями, является профайлинг. Данная работа посвящена анализу профайлинга как метода в контексте раскрытия и расследования преступлений: экстремизм и терроризм.

1. Понятие профайлинга.

Главную роль играет психологическая работа с личным составом органов внутренних дел, которая согласно п. 4.7 Приказа МВД России от 11.02.2010 № 80. «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», определяется следующим образом: «Психологическая работа – это вид морально-психологического обеспечения, представляющий собой деятельность, направленную на формирование у сотрудников профессионально значимых психологических качеств личности, психологической устойчивости и готовности к эффективному выполнению оперативно-служебных задач» [1].

Профайлинг – это метод, который основывается на анализе поведения, психологии и социокультурных факторов, позволяющий составить психологический портрет потенциального преступника.

Этот подход используется правоохранительными органами, службами безопасности и исследовательскими организациями для предотвращения и борьбы с террористической деятельностью и другими формами насилия, связанными с экстремистскими идеологиями.

Экстремизм обычно определяется как приверженность идеям или действиям, которые выходят за рамки общепринятых норм и могут включать насилие, ненависть или дискриминацию по отношению к определенным группам людей [2].

1.2. Методы профайлинга.

Рассмотрим несколько основных направлений применения методик профайлинга в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений:

1) разработка психологического профиля преступника включает в себя анализ характерных особенностей, включая склонность к агрессии, ощущение уединения или же чувство принадлежности к определенной группе, что может стать толчком к процессу радикализации;

2) техника географического анализа преступлений;

3) использование приемов верификации при проведении следственных действий и осуществлении оперативно-розыскных мероприятий;

4) демографический и социальный профиль: исследование возрастных категорий, гендерной принадлежности, образовательного уровня, социального положения и прочих аспектов, потенциально коррелирующих с экстремистскими тенденциями;

5) анализ социальных сетей: изучение взаимоотношений и контактов между людьми, в т. ч. тех, кто входит в состав экстремистских организаций.

2. Методы психологического анализа (криминалистического профайлинга):

1) психологическое интервью: проведение интервью с жертвами, свидетелями, подозреваемыми и другими лицами, обладающими информацией о преступлении;

2) анализ документов: изучение личных документов, писем, дневников, сообщений в социальных сетях и других материалов, позволяющих получить информацию о личности преступника, его интересах, убеждениях и ценностях;

3) психологическое тестирование: использование различных психологических тестов для оценки личностных характеристик, интеллекта, эмоционального состояния и других психологических параметров преступника;

4) проективные методики: использование проективных методик (например, тест Роршаха, тест тематической апперцепции) для выявления скрытых мотивов, потребностей и конфликтов преступника [4].

3. Применение профайлинга в практике ОВД.

Профайлинг, как метод психологического анализа и прогнозирования, находит все более широкое применение в практике органов внутренних дел (далее – ОВД). Рассмотрим основные направления применения профайлинга в ОВД:

– выявление лиц, склонных к совершению правонарушений;

– прогнозирование преступности;

– разработка профилактических мер.

В оперативно-розыскной деятельности профайлинг используется при составлении психологического портрета преступника на основе анализа криминальных данных (виктимология, геопрофайлинг, модус операнди, сигнатура). На основе психологического портрета преступника сужается круг подозреваемых, что позволяет сотрудникам ОВД более эффективно проводить оперативно-розыскные мероприятия. В анализе доказательств профайлинг помогает анализировать доказательства, собранные в ходе расследования и выявлять скрытые связи между ними.

Роль профайлинга как метода выявления лиц экстремистской направленности заключается в повышении эффективности противодействия возникновения таких преступлений как экстремизм и терроризм посредством прогнозирования и анализа поведения потенциальных экстремистов, разработке контррадикализационных программ и обеспечении безопасности массовых мероприятий и важных объектов, при этом требуя соблюдения этических и правовых норм, защиты персональных данных и предотвращения дискриминации.

Литература

1. Кудин В.А., Статный В.М. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. Серия: Право, 2013.
2. Константинов В.В., Осин Р.В.. Психология экстремизма и терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2025. 211 с.
3. Хадиков С.К. Психологические особенности личности экстремиста // Вестник наук. № 2 (11). Т. 3. Серия: Право, 2019.
4. Вереникина А.Н. Профайлинг как средство раскрытия и расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 203–209.

***П.А. Литовкин**, курсант 4 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***С.А. Буткевич**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ АКТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Сегодня феномен международного терроризма – это суровая реальность, представляющая угрозу основам коллективной безопасности и миропорядка. Если «традиционный» терроризм действует в рамках одного государства, то международный игнорирует границы, пользуясь достижениями глобализации. Его атаки могут готовиться в одной стране, осуществляться в другой, а исполнители находить укрытие в третьей. Эта транснациональная природа и создает главную коллизию: национальные правоохранительные системы, функционирующие для противодействия внутренним рискам и вызовам, зачастую оказываются не готовы к расследованию преступлений, элементы которых «разбросаны» по миру.

В российском уголовном праве ответственность за международный терроризм предусмотрена ст. 361 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), однако конструкция этой нормы не лишена недостатков и требует анализа. Проблема начинается уже с базовых вопросов: что именно позволяет нам отнести террористический акт к категории международных? Где та грань, которая отделяет его от «классического» терроризма? Без четкого ответа на эти вопросы невозможны ни корректная квалификация, ни эффективное межгосударственное взаимодействие в этой сфере.

В основе любого террористического акта лежит двуединая сущность насилия. С одной стороны, это явное насилие – взрывы, убийства, захваты за-

ложников, т. е. непосредственные физические действия, влекущие гибель людей и разрушения, с другой – латентное насилие. Его цель – посеять страх, парализовать волю общества и власти, создать атмосферу безысходности и тем самым принудить к принятию решений, выгодных террористам. Террористический акт, таким образом, становится не самоцелью, а инструментом шантажа в глобальном масштабе. Но когда этот инструмент приобретает международную окраску? Считаем, что среди ключевых квалифицирующих признаков, которые трансформируют «внутреннее» преступление в международное, можно выделить следующие:

1) трансграничность или территориальность. Речь идет о подготовке, финансировании, планировании террористического акта на территории одного государства, а его осуществление – на территории другого. Этот признак является одним из наиболее очевидных и признаваемых;

2) гражданство (подданство). Международным считается акт, если его исполнители (субъекты) или жертвы (объекты) являются гражданами (подданными) разных государств. Кроме того, к ним относится нападение на лиц, находящихся под международной защитой (дипломатические, консульские учреждения);

3) направленность против международных организаций. Целью дестабилизации деятельности могут выступать не только национальные органы власти, но и структуры типа ООН, ОБСЕ и др.;

4) включение иностранной или международной организации в единый федеральный список организаций, признанных в соответствии с российским законодательством террористическими.

На наш взгляд, совокупность этих признаков и образует ту самую специфику, которая позволяет говорить о качественно ином уровне общественной опасности.

В то же время ключевая проблема законодательной конструкции объективной стороны заключается в ее излишней «громоздкости» и дублировании. Фактически, диспозиция ст. 361 УК РФ во многом повторяет признаки «обычного» террористического акта (ст. 205 УК РФ), добавляя к ним оценочную формулировку «в целях нарушения международной безопасности». Это создает трудности на практике: следователю необходимо доказывать и сам факт террористического акта, и его специальную международную направленность, что не всегда очевидно.

Субъективная сторона преступления характеризуется исключительно прямым умыслом. Однако сердцевиной состава, его разграничивающим стержнем является специальная цель. В соответствии с законом и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, таковыми целями являются: нарушение международной безопасности; воздействие на принятие решений международными организациями или иностранными государствами; дестабилизация деятельности международных организаций или иностранных государств. Именно наличие одной из этих целей отличает международный терроризм от иных преступлений, в т. ч. экстремистской направленности. Если экстремизм мотивирован ненавистью к конкретной социальной группе, то цель международного тер-

роризма – влияние на политику государств и организаций на мировой арене. Без установления и доказывания этой специальной цели квалификация по ст. 361 УК РФ невозможна.

Другими словами, на этапе правоприменения в исследуемой сфере правоохранительная система может сталкиваться со следующими проблемами:

1. Документирование и сбор доказательств в трансграничном контексте. Совершение преступления «частями» в разных юрисдикциях делает стандартный следственный алгоритм практически бесполезным. Для сбора улик на территории иностранного государства требуется направление международного запроса (поручения) о производстве процессуальных действий. Эта процедура регламентирована международными договорами и может занимать месяцы, в то время как доказательства быстро теряются. Низкий уровень доверия и сотрудничества между правоохранителями разных стран, особенно в текущей геополитической конъюнктуре, часто приводит к формальным ответам или полному игнорированию запросов, особенно в случаях причастности самого государства или его специальных служб к террористической деятельности [2, с. 228–229].

2. Кибертерроризм как вызов традиционной юрисдикции. Использование виртуального пространства для планирования атак, вербовки, финансирования или непосредственного проведения диверсий (к примеру, взлом систем управления критической инфраструктурой) полностью стирает понятие территории. Установление места совершения преступления, идентификация исполнителя, работа с цифровыми следами, которые могут храниться на серверах в десятках стран, – все это требует не только уникальных технических решений и инновационных технологических подходов, но и принципиально новых форматов организации совместной работы на межгосударственных и международных площадках.

3. Экстрадиция и «убежища» для террористов. Даже в случае успешного расследования и изобличения виновных, они могут находиться на территории государства, которое отказывается их выдавать по политическим мотивам, либо не имеет соответствующего договора с Россией. Некоторые страны могут рассматривать таких лиц как «борцов за свободу» и «оппозицию», предоставляя для них легальные убежища. Это сводит на нет все усилия следствия и является хрестоматийным проявлением двойных стандартов в борьбе с общей проблемой.

4. Сравнительно-правовые коллизии. Уголовное законодательство разных стран вариативно подходит к определению международного терроризма. В праве США, например, акцент делается на факте совершения преступления за пределами страны или против ее граждан за рубежом. В законодательстве многих европейских государств основным признаком является принадлежность преступной группы к транснациональной сети [1, с. 86–90]. Эти расхождения осложняют согласованную квалификацию одного и того же деяния правоохранительными органами разных стран, что критически важно для создания единых «коридоров» в расследовании.

Таким образом, акт международного терроризма представляет собой не просто усиленную признаками модификацию террористического акта, а каче-

ственно иное преступление, посягающее на основы современного миропорядка. Его сущность заключается в использовании транснационального, общеопасного насилия для шантажа и принуждения к политическим решениям на международном уровне.

Литература

1. Буткевич С.А. Международный терроризм: проблемы дефиниции, криминализации и противодействия // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 6 (79).

2. Чернядьева Н.А. К вопросу о привлечении государства к международно-правовой ответственности за участие в террористической деятельности // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2023. № 4 (51).

***И.О. Луконин**, курсант 1 курса*
Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.С. Бульбенко**, канд. филол. наук*
Волгоградская академия МВД России

УЧЕТ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И НОРМ ПОВЕДЕНИЯ В РАБОТЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Российская Федерация представляет собой уникальное геополитическое и социокультурное пространство, где проживают представители более 190 национальностей, исповедующие различные религии и сохраняющие самобытные культурные традиции. Сегодня проблема учета культурных традиций в полицейской деятельности приобретает особую актуальность в свете концепции общественно-ориентированной полиции, которая с 2023 г. активно внедряется в практику российских правоохранительных органов [4, с. 1]. Как справедливо отмечает А.С. Петров, культурная компетентность полицейского сегодня является не дополнительным навыком, а основным требованием профессиональной деятельности, которое определяет эффективность взаимодействия с гражданами и уровень общественного доверия к правоохранительным органам [3, с. 113].

Анализ большого количества конфликтных ситуаций с участием сотрудников ОВД показывает, что значительная часть инцидентов обусловлена именно недостаточным пониманием культурных особенностей граждан. По данным исследования, проведенного в 2024 г. среди жителей многонациональных регионов России, 34 % респондентов отметили случаи некорректного поведения полицейских, связанного с игнорированием культурных или религиозных норм [1, с. 29].

Современные исследователи выделяют несколько ключевых аспектов культурной компетентности, необходимых для эффективной правоохранитель-

ной деятельности: понимание ценностных ориентаций различных культурных групп; знание особенностей невербальной коммуникации и этикета; осведомленность о религиозных нормах и ограничениях; способность распознавать культурно-обусловленные модели поведения; умение адаптировать профессиональные действия к культурному контексту; навыки предотвращения и разрешения межкультурных конфликтов.

Игнорирование приведенных аспектов не только снижает эффективность правоохранительной деятельности, но и может провоцировать серьезные социальные конфликты, подрывающие авторитет государственной власти и общественный порядок. Отметим, что особое значение культурная компетентность приобретает в следующих направлениях полицейской деятельности: работа участковых уполномоченных полиции на территориях с многонациональным населением; деятельность подразделений по вопросам миграции; профилактика экстремизма и терроризма на национальной и религиозной почве; расследование преступлений с участием иностранных граждан; обеспечение общественного порядка при проведении культурных и религиозных мероприятий; работа с несовершеннолетними из семей мигрантов. В каждом из указанных в данной статье направлений незнание или игнорирование культурных особенностей может привести к серьезным профессиональным ошибкам.

Более того, значимость культурной компетентности подчеркивается в нормативных документах МВД России. Так, профессиональный стандарт «Специалист по служебной деятельности в органах внутренних дел», утвержденный в 2023 году, включает требования о необходимости «знания основ этнокультурных и конфессиональных особенностей населения Российской Федерации» и «умения выстраивать профессиональную коммуникацию с учетом культурного разнообразия» [2, с. 312]. Полагаем, что критически важным аспектом является способность сотрудника полиции различать культурно-обусловленное поведение и противоправные действия, прикрываемые ссылками на традицию. Некоторые практики, существующие в отдельных этнических сообществах (например, ранние браки, калым, кровная месть), противоречат российскому законодательству и не могут оправдываться культурными традициями. В подобных ситуациях требуется тонкое профессиональное чутье, позволяющее, с одной стороны, уважать культурную идентичность граждан, а с другой – твердо пресекать правонарушения.

Н.И. Московский в своем исследовании выделяет три уровня культурной компетентности сотрудника ОВД [2, с. 312]: *когнитивный* – знания о различных культурах, их ценностях, традициях; *эмоционально-мотивационный* – позитивное отношение к культурному разнообразию, эмпатия, готовность к диалогу; *поведенческий* – практические навыки межкультурного взаимодействия. Согласимся с исследователем, что формирование данных трех уровней требует системной образовательной работы, выходящей за рамки традиционных учебных дисциплин и включающей практико-ориентированные тренинги, разбор различных кейсов, стажировки в многонациональных регионах и пр.

Таким образом, практическая значимость развития культурной компетентности сотрудников ОВД может проявляться на нескольких уровнях,

а именно: а) на индивидуальном уровне – это повышение профессионализма и расширение инструментария эффективной коммуникации; б) на организационном уровне – улучшение имиджа полиции, снижение количества конфликтных ситуаций и жалоб на действия сотрудников; в) на социальном уровне – укрепление межнационального согласия, профилактика экстремизма.

Литература

1. Данилова О.Н. Межкультурная коммуникация в деятельности участковых уполномоченных полиции: проблемы и пути решения // Полицейская деятельность. 2023. № 4. С. 28–37. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53127845 (дата обращения: 15.01.2025).

2. Московский Н.И. Этнопсихологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в многонациональных регионах России: учеб. пособие. М.: Академия управления МВД России, 2024.

3. Петров А.С. Культурная компетентность как фактор профессионализма сотрудника полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 2 (56).

4. О внедрении принципов общественно-ориентированной полицейской деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 27.09.2023 № 658 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.01.2025).

***Д.А. Матвеенко**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.К. Бутенко**, канд. филос. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Право на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь является конституционным правом каждого человека, это закреплено в ст. 41 Конституции Российской Федерации [1]. Медицинская помощь периодически нужна каждому человеку, в т. ч. сотруднику полиции. Однако система здравоохранения сотрудников ОВД РФ имеет свою специфику, что влечет как положительные, так и отрицательные моменты.

В соответствии с ч. 18 ст. 11 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» к правам

сотрудника ОВД относится право на медицинское обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации [2].

В ст. 11 Федерального закона от 19.07.2011 № 274-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено право на бесплатную медицинскую помощь, включая лекарственное обеспечение, в ведомственных медицинских организациях. При отсутствии таковых по месту службы или необходимого оборудования допускается обращение в учреждения государственной или муниципальной системы здравоохранения [3].

Несмотря на хорошую нормативную базу, на практике остаются нерешенные вопросы медпомощи сотрудникам полиции. Одна из проблем – территориальное прикрепление к поликлиникам. Система здравоохранения МВД исторически сконцентрирована в крупных городах и административных центрах. Как отмечают Л.В. Чернышова и И.М. Хафизов, сотрудники в сельской местности часто физически не могут добраться до ведомственной поликлиники за сотни километров [5, с. 60]. В гражданских поликлиниках по месту жительства не всегда готовы принять по ведомственным квотам или возникает путаница с финансированием. Пример Алтайского края: одна ведомственная поликлиника на весь регион в Барнауле, в остальных городах и селах ее нет, что создает серьезные сложности.

Следующей фундаментальной проблемой является нехватка специалистов в ведомственной поликлинике. Огромные очереди к узким специалистам становятся серьезным барьером: сотрудникам приходится либо ждать приема неделями, либо обращаться в платные клиники за свой счет, что противоречит идее социальных гарантий.

Для того чтобы убедиться в достоверности существования данных проблем в феврале 2026 г. автор провел социологический опрос среди 75 сотрудников (55 курсантов БЮИ МВД России и 20 действующих полицейских Алтайского края). Результаты: главная проблема медобслуживания – нехватка узких специалистов (36,2 %), затем очереди (31,9 %), проблемы с получением направлений (23,3 %), удаленность (8,6 %). 62 % опрошенных сталкивались с отсутствием нужного специалиста в ведомственной поликлинике. 82,7 % попадают к врачу через 1-2 недели, 14,7 % – в течение месяца, 2,7 % не попали из-за закрытой записи. Из-за ненормированного графика даже неделя ожидания критична. 92 % сотрудников обращаются в частные клиники, из них 62,7 % – постоянно, 29,3 % – в экстренных случаях. На вопрос, что поможет получить хорошую медпомощь, 64 % ответили: возможность лечиться в любой гражданской поликлинике, 29,3 % – упрощение получения справок и направлений, 4 % – приезд выездных врачей, 2,7 % – телемедицина.

Таким образом, для решения проблемы с территориальной удаленностью от ведомственных поликлиник может быть возврат сотрудников ОВД в систему обязательного медицинского страхования, т. е. право на получение медицинской помощи в государственных поликлиниках без получения направления из ведомственной больницы, так считают 64 % опрошенных. Однако предложен-

ные изменения потребуют существенных бюджетных расходов. Такого же мнения придерживается К.С. Миклошевич, предлагающий изменить законодательный статус сотрудников ОВД и включить их в систему ОМС на общих основаниях [4, с. 119]. Еще одним решением проблемы является упрощение получения справок и направлений через внедрение системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) в медицинский блок. Опыт МВД показывает высокую эффективность электронного документооборота: сегодня для справки об отсутствии судимости гражданину не нужно ходить по инстанциям. Этот принцип стоит распространить на медицину, создав защищенный канал обмена данными между ведомственными поликлиниками МВД и региональными Минздравами. Сотруднику больше не придется получать бумажную выписку и лично везти ее в гражданскую поликлинику – достаточно предъявить удостоверение, а врач через СМЭВ автоматически запросит статус сотрудника и данные о его здоровье.

Следующая проблема заключается в нехватке узких специалистов и из нее вытекающая проблема долгие очереди, для того чтобы попасть к врачу. Решением проблемы может быть внедрение целевой контрактной подготовки с усиленными гарантиями для врачей. Необходимо расширить практику целевого набора в медицинские вузы с отработкой в ведомственных поликлиниках МВД, включив в договор не только обязанность отработать, но и конкретные социальные гарантии: служебное жилье или компенсацию аренды, дополнительные выплаты при трудоустройстве, повышение квалификации за счет ведомства. Также требуется ввести существенные надбавки для узких специалистов (неврологов, кардиологов и др.), поскольку их работа сопряжена с колоссальными нагрузками и ответственностью. Зарплата врачей должна быть в разы выше текущей, т. к. низкий уровень оплаты демотивирует персонал и снижает качество помощи. Таким образом, для преодоления кадрового дефицита необходимо повысить зарплату и ввести социальные гарантии для специалистов ведомственных поликлиник МВД.

Для того чтобы справиться с проблемой длинных очередей к специалисту, нужно ввести в систему здравоохранения телемедицину (онлайн-консультации со специалистами). Врач на телемедицинском приеме может оценить состояние и решить, требует ли проблема срочного очного вмешательства или достаточно дистанционной коррекции лечения. Для пациента телемедицина – это возможность получить консультацию, не отпрашиваясь со службы и не тратя время на дорогу и очереди.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется сказать, что есть существенный разрыв между нормативно закрепленными социальными гарантиями сотрудников полиции на бесплатную медицинскую помощь и реальной практикой ее реализации. В настоящее время система ведомственного здравоохранения МВД требует модернизации, которая предусматривала бы возможность взаимодействия ведомственных поликлиник с гражданскими медицинскими учреждениями, внедрение цифровых технологий в управленческую деятельность и формирование выгодных условий труда для врачей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм. от 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Миклошевич К.С. Медицинское обеспечение сотрудников органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4. С. 116–121.
5. Чернышова Л.В., Хафизов И.М. Совершенствование законодательных норм, регулирующих вопросы медицинского и санаторно-курортного обслуживания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 58–61.

***В.М. Милакин**, курсант 2 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***С.В. Кисс**, канд. юрид. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ОБРАБОТКА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни с одновременным усилением роли государства в обеспечении правопорядка и безопасности обуславливают усиление внимания при обработки персональных данных всеми участниками правоотношений, в особенности правоохранительными структурами. Органы внутренних дел (далее – ОВД) как ключевой субъект системы правоохраны являются одним из крупнейших субъектов хранения, обработки и использования персональных данных. С одной стороны, их деятельность по раскрытию и расследованию преступлений объективно требует широких полномочий по сбору и анализу информации о гражданах. С другой стороны, такая обработка создает потенциальные риски для фундаментального права человека на неприкосновенность частной жизни, гарантированного как национальным, так и международным правом.

Противоречие между необходимостью эффективной правоохранительной деятельности и обязанностью защищать приватность личности составляет основную проблему в данной области. Принятие Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [10] и последующие масштабные изменения в законодательстве задали новые правовые рамки, однако их применение в специфической деятельности ОВД порождает ряд сложных вопросов.

В соответствии со ст. 3 федерального закона № 152-ФЗ, персональные данные – это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [9].

В этом направлении особенность деятельности ОВД заключается в том, что они обрабатывают не просто отдельные категории персональных данных, а их комплексные массивы, позволяющие создать детализированный профиль личности [2, с. 77]. К таким данным относятся: биографические и идентификационные данные: ФИО, дата и место рождения, паспортные данные, ИНН, СНИЛС и др.; биометрические данные: дактилоскопическая информация, геномные данные, фотографии и видеозаписи, являющиеся частью криминалистических учетов; социально-демографические данные: сведения о семье, образовании, месте работы, имущественном положении и др.; специальные категории персональных данных: данные о наличии/отсутствии судимости, состоянии здоровья (например, при постановке на учет), фактах привлечения к административной ответственности [1]; иные данные, имеющие значение для раскрытия преступлений: сведения о связях, привычках, образе жизни, перемещениях (включая данные с камер видеонаблюдения, сотовых операторов) и др.

Из этого следует, что хранение, обработка персональных данных занимает одно из центральных мест в деятельности правоохранительных органов, что позволяет идентифицировать личность в соответствии с его персональными данными.

Таким образом, ОВД взаимодействуют с наиболее чувствительными категориями информации, обработка которых в общем порядке требует письменного согласия субъекта. Однако специфика правоохранительной деятельности обусловливает исключение из этого общего правила, поскольку, Конституцией Российской Федерации в предусмотренных отдельных случаях предусмотрено ограничение прав человека на основании федерального закона [3].

Правовое регулирование обработки персональных данных в ОВД представляет собой сложную, многоуровневую систему.

Однако, несмотря на детальную правовую регламентацию, в практике в правоохранительной деятельности возникает ряд проблем при обработке и хранении персональных данных. Среди них можно выделить:

1. Коллизия между доступом и защитой. Чрезмерное усложнение процедур доступа к базам данных может парализовать оперативную работу. В то же время излишняя либеральность создает риски утечек и злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов. Значительный резонанс полу-

чают случаи несанкционированного доступа к базам данных ОВД, когда информация используется в корыстных целях [4, с. 301].

2. Недостаточная прозрачность и информированность субъектов. Граждане зачастую не знают, какие именно данные о них обрабатываются ОВД, в каких целях и на каком основании они используются. Реализация права субъекта на доступ к своим данным (ст. 14 № 152-ФЗ) наталкивается на ограничения, установленные законодательством об оперативно-розыскной деятельности и предварительном следствии, что создает правовую неопределенность [10].

3. Проблема межведомственного информационного обмена. Эффективная борьба с преступностью требует обмена данными между различными правоохранительными органами (ОВД, ФСБ, ФНС, ФССП и другими органами) [8, с. 59]. Однако правовые механизмы такого обмена часто не скоординированы, что приводит либо к созданию «информационных разрывов», либо, наоборот, к неконтролируемому обмену.

В качестве направлений совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в сфере хранения и обработки персональных данных многие авторы выделяют усиление внутреннего контроля и ответственности за несанкционированный доступ к персональным данным, включая внедрение систем проактивного мониторинга действий сотрудников с базами данных [5, с. 208].

По нашему мнению, сегодня необходимо закрепление на законодательном уровне четких процедур и оснований для использования алгоритмов анализа больших данных и работы с информацией, которая содержит персональные данные, а также разработка и внедрение дифференцированного механизма информирования субъектов персональных данных о факте обработки их данных ОВД, с учетом необходимости сохранения следственной тайны и неразглашения данных оперативно-розыскной деятельности, а также создание единой межведомственной платформы обмена данными с четко прописанными уровнями доступа и протоколированием всех запросов.

Исходя из вышесказанного, обработка персональных данных в органах внутренних дел представляет собой особый вид публично-правовой деятельности, основанный на прямом указании закона и осуществляемый в целях защиты охраняемых законом ценностей. Правовой режим такой обработки характеризуется исключением из общего порядка, установленного № 152-ФЗ, что объективно обусловлено спецификой задач ОВД.

Вместе с тем существующая правовая модель не в полной мере отвечает современным вызовам, связанным с цифровыми технологиями и ростом киберпреступности. Основные проблемы – риски утечек, неопределенность в использовании «больших данных», недостаточная прозрачность и сложности межведомственного взаимодействия – требуют комплексного решения.

Литература

1. Бугель Н.В., Никулин А.В. Защита персональных данных как объект организационно-правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54).

2. Еськов А.В., Кирюшин И.И. Защита информационных систем с содержанием персональных данных, эксплуатируемых в ОВД // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Лысова А.Н. Этапы организации обработки и защиты персональных данных в органах внутренних дел // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем: сб. мат-лов Всерос. научно-практ. конф-ции: Воронежский институт МВД России, 2020.

5. Машекуашева М.Х., Геляхова Л.А. Правовое регулирование персональных данных в России // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 5.

6. О некоторых вопросах обработки персональных данных в МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.12.2016 № 925. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

7. Прохорова Т.Ю. К вопросу о нормативно-правовом регулировании защиты персональных данных // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016.

8. Фатьянов А.А., Петрова В.Ю. Особенности обработки персональных данных органами внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25).

9. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

10. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

А.С. Минаева, *курсант 3 курса*
Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель:
М.А. Подтелкова
Волгоградская академия МВД России

ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время в деятельности сотрудников органов внутренних дел остро стоит проблема по вопросам языковой подготовки, ввиду чего возникают сложности при осуществлении ими своих служебных обязанностей. В этой связи следует изучить аспекты, способствующие оптимальному усвоению знаний

в процессе языкового совершенствования правоохранителей и определить пути повышения качества языковых навыков.

Современному обществу свойственно многообразие представителей различных лингвокультур, что напрямую предъявляет к сотрудникам правоохранительных органов определенные требования. В рамках исследуемого вопроса следует обратить внимание на факт того, что в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации, помимо основательного усвоения программы русского языка, существует практика обязательного изучения иностранных языков. Известно, что ключевой задачей изучения дисциплины «Иностранный язык» является формирование коммуникативной компетенции. Комплексное постижение языка и межкультурная осведомленность способствуют не только улучшению качества профессионального общения, но и повышению эффективности выполнения служебных обязанностей в иноязычной среде.

В процессе овладения надлежащим уровнем знаний, обучающиеся развивают навыки языковой подготовки, включающей в себя развитие лингвистических способностей, которые являются неотчуждаемым свойством такого навыка, как говорение. Именно говорение является неотъемлемой частью при реализации процесса иноязычного взаимодействия [1, с. 11].

На протяжении всей познавательной деятельности, в рамках изучаемой дисциплины, делается уклон на содержание изучаемого материала. В фокусе внимания располагается информация, носящая профессионально ориентированный характер. Она включает в свой предмет наличие сведений, непосредственно относящихся к деятельности сотрудников правоохранительных органов, например: базовые фразы для установления контакта, тактика проведения следственных действий, процесс сбора доказательственной информации и т. д. Эти данные играют роль вспомогательного атрибута в целях овладения фактологическим материалом, имеющим значение в профессиональной деятельности. Данная информация усваивается с помощью всех доступных видов речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо.

Таким образом, осведомление соответствующей информацией, находящейся в тематической основе текста, осуществляется не только для обеспечения обучающихся должным багажом знаний в масштабах дисциплины «Иностранный язык», но и для воплощения взаимосвязи работы с другими видами речевой деятельности [3, с. 106].

Эффективность коммуникативного взаимодействия сотрудников органов внутренних дел обуславливается, помимо прочего, особенностями реципиента. Особого внимания заслуживает общение с глухими и слабослышащими гражданами, процесс общения с которыми осуществляется с помощью русского жестового языка. Следует отметить важность проблемы коммуникации со слабослышащими в условиях экстренных случаев, когда участие сурдопереводчика невозможно. В данной обстановке сотруднику самостоятельно нужно принять меры к корректному взаимодействию.

Для выявления трудностей в ходе ассимиляции национальной лингвистической системы, в частности языка жестов, необходимо сосредоточить внима-

ние на целесообразности непрерывности обучения. На фоне выполнения повседневных служебных обязанностей у сотрудников органов внутренних дел отсутствует надлежащая возможность планомерного ознакомления с материалом. Эта проблема решаема в контексте учебной деятельности посредством соответствующей подготовки в лице преподавателей. На основе педагогического опыта решаются ключевые задачи, в т. ч. формирование интереса и повышение мотивации к обучению. Кроме того, разрабатываются эффективные методики преодоления языкового барьера при общении на русском жестовом языке [2, с. 27].

Таким образом, интегрированный подход, включающий в себя системное обучение и учет культурных особенностей, создает условия для создания инклюзивной коммуникационной среды, тем самым укрепляя уровень доверия к профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Немаловажным аспектом в сфере языковой подготовки является самообразование сотрудников органов внутренних дел. Прежде всего, саморазвитие способствует углубленному овладению специализированными языковыми навыками, в т. ч. и средствами альтернативной коммуникации в виде невербальных инструментов.

К тому же непрерывное обучение способствует тому, что стражи порядка начинают тоньше чувствовать межкультурные нюансы, что напрямую работает на снижение конфликтогенности. Самостоятельное же изучение зарубежных источников информации расширяет профессиональный и личный кругозор, позволяя всегда быть в контексте современных тенденций.

Наряду с самосовершенствованием необходимо указать возможность участия сотрудников органов внутренних дел, в настоящее время проходящих обучение в образовательных организациях, в различных конкурсах и научно-практических конференциях. Данная деятельность помогает не только освоить профильную терминологию и научный стиль, но и развить навыки логичного изложения мыслей, работы с информацией, проведения исследований и оформления результатов, что находится в неразрывной связи с обменом знаниями и расширением профессиональных умений.

Важно понимать, что совершенствование коммуникативной культуры напрямую влияет на результаты труда. С помощью достаточного уровня языковой подготовки сотрудник сглаживает острые углы в общении с населением, грамотно оформляет документы и всегда может логично объяснить свои действия. Учитывая все это, речевую компетентность стоит выделить как один из основных факторов, под влиянием которых складывается личность сотрудника органов внутренних дел.

Литература

1. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-yazykovaya-podgotovka-studentov-mezhdunarodnikov-voprosy-didaktiki (дата обращения: 25.02.2026).

2. Липина Е.А. Актуальные проблемы процесса обучения основам русского жестового языка сотрудников полиции // Общество и государство. 2023. № 1 (41).

3. Мельникова Е.Н. Коммуникативное равновесие как фактор эффективного речевого воздействия в иноязычной среде // Университетские чтения: матлы научно-метод. чтений ПГУ. Пятигорский государственный университет, 2020.

***К.Г. Михейцев**, курсант 1 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***М.В. Кутепова**, канд. биол. наук, доцент*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПАТРИОТИЗМ ГЛАЗАМИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

В условиях геополитического и экономического противоборства в современной России особенно актуальными становятся вопросы патриотического настроения населения. Проявление патриотизма обеспечивает стабильность развития общества, национальной безопасности России, снижение напряженности и экстремистских проявлений, выражающихся в разрушении устоев морали и нравственности, ценностных ориентиров человека [6, с. 140]. Особенно остро стоит проблема формирования патриотических чувств у молодых людей, т. к. молодежь – будущее России, определяющее перспективы страны. Представители данной общности задают ритм развития страны, общественной и государственной жизни.

Противостояние экстремистским проявлениям является одной из важнейших задач правоохранительных органов. Следовательно, целенаправленное, организованное патриотическое воспитание в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации просто необходимо, т. к. только оно способно стать фактором противостояния деструктивным идеям и практикам, воспитать у курсантов и офицеров идею защиты Отечества от внешних и внутренних врагов. Патриотическое воспитание должно стать основным вектором воспитательного воздействия на сотрудников органов внутренних дел, необходимым для обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации.

В связи с вышеизложенным определена **цель** настоящего исследования: изучение представления патриотизма курсантами образовательной организации МВД России.

Объект исследования: курсанты образовательной организации МВД России.

Предмет исследования: представления будущих сотрудников органов внутренних дел о патриотизме.

Патриотизм можно интерпретировать, как нравственный и политический принцип, социальное чувство, проявляющееся в форме любви к родине, Отечеству, многолетней культуре, языку, родной природе, а также к истории своего государства и своего народа [2, с. 5].

Патриотизм предполагает гордость, уважение и почитание культурных достижений своего народа, искреннее желание оберегать культурные ценности и достижения, которые, в свою очередь, влияют на самоидентификацию человека в обществе, готовность ставить интересы своего государства выше собственных, а также предполагает стремление защищать интересы державы и своего народа.

В процессе формирования национальных государств патриотизм становится частью общественного сознания. Патриот – любитель Отечества, ревнитель о благе его, отечественник, отчизник, отчизнолюб [1, с. 461].

В настоящее время понятие слова патриотизм в современном обществе имеет несколько основных интерпретаций. Достаточно емким, на наш взгляд, можно считать определение патриотизма как исторически сложившейся, диалектически развивающейся на основе материального производства категории, отражающей позитивное отношение человека к своей Родине. Патриотизм состоит из компонентов: патриотическое сознание, отношения, деятельность и выполняет ряд функций: ценностную, коммуникативную, мировоззренческую, методологическую [5, с. 87].

А.И. Кирсанов дает следующее определение: патриотизм – это общественно-политический и нравственный принцип, характеризующий отношение людей к своей стране, проявляющийся в сложном комплексе человеческих чувств, как правило, называемых любовью к Родине [7, с. 89]. Это базовый принцип построения государства, гражданского общества. Патриотизм – это любовь к семье, к малой Родине. Патриотизм в понимании россиян является личностным качеством, которое выражается в любви к Отечеству, лояльности к нему, но, что особенно важно, в готовности трудиться на благо Родины и отстаивать ее интересы [6, с. 140].

Во многих источниках патриотизм описывается как явление нравственное и политическое, что было определено неизбежными процессами глобализации. Однако чаще ученые сравнивают данное понятие с чувством уважения и любви к Родине [2, с. 5]. Формирование патриотических чувств особенно важно для молодого поколения, для сотрудников органов внутренних дел, т. к. является основой формирования нравственных качеств, необходимых для успешного решения оперативно-служебных задач.

В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать представления курсантов, будущих сотрудников органов внутренних дел, о патриотизме.

В проведенном опросе приняли участие 115 курсантов 1,2 курсов образовательной организации МВД России. Выборка представлена юношами (50 %) и девушками (50 %) в возрасте от 17 до 20 лет. Большая часть респондентов (80 %) относятся к возрастной категории 18-19 лет. 17 полных лет имеют 17 % опрошенных курсантов.

Результаты анализа ответов на вопрос: «Что такое патриотизм?» показали, что наиболее распространенными вариантами стали «Патриотизм – это любовь к Родине», «Патриотизм – это уважение к своей Родине и гордость за страну», «Патриотизм – это любовь к национальной культуре»(1-е, 2-е и 3-е место, соответственно, по частоте встречаемости). Результаты исследования согласуются с имеющимися в научной литературе данными, о том, что патриотизм сравним с чувством любви и уважения к Родине [2, с. 5]. Менее всего оказалось востребовано определение патриотизма как «исповедуемой религиозной веры» и как «возрождение традиций советского государства».

Значительная часть курсантов (45 %), принявших участие в опросе, имеют представление о патриотизме как о нравственном и политическом принципе, содержанием которого является чувство любви к Родине, гордость за прошлое и настоящее своей страны, стремление защищать интересы своего народа, а 30 % обследованных считают патриотизм любовью к Родине, сформированной на основе единства интересов граждан данного государства и конкретной нации. Это также достаточно высокий показатель, свидетельствующий подтверждающий значимость для будущих сотрудников органов внутренних дел исследуемой категории.

По мнению курсантов, истинный патриотизм проявляется, прежде всего, в укреплении семьи и воспитании детей в духе патриотизма, в сохранении исторического наследия страны и в активном участии граждан в деятельности патриотических организаций, движений. Следовательно, любить Родину и проявлять чувство патриотизма для будущих сотрудников органов внутренних дел – это не выдвижение патриотических лозунгов, не ведение разговором, а это деятельность, направленная на формирование патриотических чувств. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что у будущих сотрудников органов внутренних дел сложилась определенная система взглядов, ценностей. Патриотизм становится для данной возрастной группы основным принципом формирования личности. В возрасте 16-21 года складываются способы поведения, определяющие реализацию патриотических убеждений в процессе деятельности.

Подводя итог, следует отметить, что главной задачей патриотического воспитания является воспитание молодежи, патриотично настроенной, обладающей независимым мышлением, профессиональными знаниями и высоким уровнем культуры, ответственности, способностью принимать эффективные решения, умением осуществлять межнациональное общение. Патриотизм в системе морально-нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел имеет особое значение и профессиональную направленность, т. к. их служебная деятельность состоит в защите прав, свобод граждан, в охране законности и правопорядка. Осмысление понятия патриотизм и формирование страте-

гий патриотического воспитания наиболее значимое направление государственной политики, т. к. ценностные ориентации различных групп населения, обусловленные влиянием либеральных взглядов, радикализацией религиозных представлений вызывают озабоченность [3, с. 371; 4, с. 254].

При проведении исследования было выявлено мнение курсантов образовательной организации МВД России о патриотизме, их понимание содержания данной категории. Представление курсантов о патриотизме является основой для продолжения нравственного воспитания и дальнейшего формирования высокого уровня патриотического сознания, чувства любви и уважения к Родине, готовности к выполнению гражданского и служебного долга, а также для разработки новых методик патриотического воспитания.

Таким образом, результаты исследования представлений будущих сотрудников органов внутренних дел о патриотизме могут быть использованы при организации и осуществлении патриотического воспитания в системе образования, для формирования патриотизма как качества личности.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2000. 736 с.

2. Демин И.В., Долгина Е.С., Патриотизм: понятие и виды // Вестник магистратуры. 2015. № 11 (50). Т. 2. С. 4–6.

3. Ермолаев В.В., Марьин М.И., Воронцова Ю. Ценностные регуляторы поведенческих норм в организационной культуре органов внутренних дел в современных представлениях управленческой элиты полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 366–372. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-regulyatory-povedencheskih-norm-v-organizatsionnoy-kulture-organov-vnutrennih-del-v-sovremennyh-predstavleniyah (дата обращения: 14.08.2026).

4. Злоказов К.В., Караяни А.Г., Прокурова Н.С. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3 (90). С. 246–256. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/radikalizatsiya-predstavleniy-molodezhi-o-roli-religii-v-obschestve-metodami-kognitivnoy-voyny (дата обращения: 14.08.2026).

5. Ильичев Н.М. Патриотическое воспитание молодежи // Вестник РФО. 2003. № 3. С. 87–92.

6. Ищенко Д.П., Григорян Д.К. Молодежный экстремизм как способ самореализации в обществе и достижения власти// Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 139–143.

7. Кирсанов А.И. Патриотическое воспитание как фактор противостояния экстремистской деятельности // Язык и текст. 2018. Т. 5. № 4. С. 89–95.

***А.П. Моисеева**, курсант 1 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***И.А. Тарасова**, канд. юрид. наук, доцент*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Терроризм в XXI в. претерпел значительные изменения, превратившись из локальной угрозы в дестабилизирующий фактор планетарного масштаба, не ограниченный государственными границами. Трансформация методов террористической деятельности от традиционных актов насилия до изощренных форм, таких как кибертерроризм, требует от государств непрерывного обновления их нормативной правовой базы. Актуальность проведения сравнительно-правового анализа продиктована насущной потребностью в поиске наиболее эффективных правовых моделей, способных обеспечить действенную превенцию преступлений, не ставя под угрозу демократические институты.

Современное сравнительное правоведение традиционно выделяет две базовые правовые модели, в рамках которых формируется антитеррористическое законодательство: англосаксонскую и романо-германскую. Их различия обусловлены, прежде всего, особенностями источников права и механизмов правового регулирования.

Англосаксонская правовая система, сформировавшаяся на основе общего права, характеризуется доминирующей ролью судебного прецедента и значительной гибкостью правового регулирования. В контексте противодействия терроризму это выражается в принятии специализированных нормативных актов, направленных на оперативное реагирование на угрозы. Так, законодательство США и Великобритании предусматривает расширенные полномочия правоохранительных органов и спецслужб, включая применение превентивных мер, ориентированных на предупреждение потенциальных террористических актов. В Великобритании, например, развитие антитеррористического законодательства первоначально носило чрезвычайный характер, однако со временем соответствующие нормы приобрели постоянное действие и универсальный характер.

В США знаковым стал «Патриотический акт» (2001 г.), принятый после терактов 11 сентября. Он примечателен возможностью электронного слежения без стандартного судебного ордера в целях национальной безопасности и применением за пределами страны.

Великобритания в своем «Законе о терроризме» (2000 г.) предлагает одно из самых широких определений терроризма, охватывающее не только физиче-

ское насилие, но и угрозы серьезного нарушения работы электронных систем, если они мотивированы политическими целями.

Романо-германская правовая семья, базирующаяся на рецепции римского права, предполагает приоритет НПА как основного источника права и характеризуется высокой степенью кодификации. В рамках данной модели антитеррористические нормы, как правило, интегрируются в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, что обеспечивает их системность и внутреннюю согласованность. Для этой правовой семьи характерно также доминирование материального права и стремление к формализации правовых предписаний.

Франция выделяется принципом централизации: здесь созданы специализированные судебные и прокурорские органы для борьбы с терроризмом. Французское право рассматривает «террористический умысел» как квалифицирующий признак для обычных преступлений (например, убийства), что влечет за собой ужесточение наказания.

Германия акцентирует внимание на защите конституционного строя. Закон «О противодействии международному терроризму» (2002 г.) расширил полномочия Ведомства по защите конституции, в частности, в сфере обмена данными между разведкой и полицией, что стало значительным отступлением от ранее строгого разделения их функций.

Существенной проблемой современного международного права остается отсутствие универсального определения терроризма, из-за чего происходит различия в национальных правовых подходах. В рамках различных правовых систем акцент может делаться или на цели террористической деятельности (воздействие на органы государственной власти), или на характере применяемых средств (насилие или угроза его применения), или на последствиях, выражающихся в обострение общественных отношений.

Анализ действующего законодательства позволяет констатировать наличие общей тенденции к усилению предупредительной направленности правового регулирования. Во многих государствах происходит смещение приоритетов с ответственности за уже совершенные преступления на пресечение потенциальной террористической активности. Это проявляется, в частности, в криминализации подготовительных действий, включая участие в тренировочных лагерях или процессы вовлечения в экстремизм, осуществляемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Подобная трансформация уголовно-правового воздействия вызывает обоснованные дискуссии в научной среде, поскольку затрагивает фундаментальные принципы права, включая презумпцию невиновности и гарантии прав и свобод человека. В этой связи ключевым направлением развития антитеррористического законодательства становится поиск оптимального соотношения между необходимостью обеспечения общественной безопасности и соблюдением демократических стандартов правового государства.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что, несмотря на различия в институциональных и правовых подходах, национальные системы противодействия терроризму демонстрируют общую тенденцию к усилению роли превентивных механизмов и расширению полномочий государственных органов.

Также отсутствие единых международных стандартов формирует новые вызовы для правовой науки и практики, требующие дальнейшего теоретического осмысления и нормативного урегулирования.

Литература

1. Борьба с международным терроризмом: разд. I // Международное право и борьба с преступностью: сб. док. / сост.: А.В. Змеевский, Ю.М. Колосов, Н.В. Прокорьев. М.: Международные отношения, 2004. С. 7–255.
2. Европейский Союз. Директива (ЕС) 2017/541 о борьбе с терроризмом.
3. О терроризме: Закон Великобритании 2000 г. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Terrorism_Act_2000 (дата обращения: 14.03.2026).
4. О противодействии терроризму: от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146; 2014. № 26 (Ч. 1). Ст. 3385.
5. Терроризм. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Терроризм (дата обращения: 14.03.2026).
6. Серебренникова А.В. Уголовное право Германии. М.: Юрайт, 2017. 124 с.
7. Федеральное ведомство по охране конституции Германии. Ежегодные отчеты. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Федеральное_ведомство_по_охране_конституции_Германии (дата обращения: 14.03.2026).
8. Хлестов О.Н. Международный терроризм: угроза, меры противодействия, вопрос о ликвидации терроризма // Российский ежегодник международного права. 2013. С. 248–256.
9. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия: монография. М.: Проспект, 2019. 336 с.

***О.А. Молчанова**, слушатель 5 курса*
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

Научный руководитель:
А.И. Максутова
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

МЕХАНИЗМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СЛУШАТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО

Совершенствование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации предъявляет повышенные требования к уровню профессиональной подготовки кадров. Важным этапом вхождения в профессию полицейского является прохождение первоначальной подготовки, в ходе которой закладывают-

ся основы служебной дисциплины, правовой грамотности и практических навыков мер государственного принуждения для обеспечения общественного порядка. Особую научно-практическую значимость приобретает вопрос адаптации слушателей на базе тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. Специфика данной образовательной среды кардинально отличается от гражданских учебных заведений: жесткая регламентация распорядка дня [6], субординация, ношение форменного обмундирования, необходимость оперативного перехода от гражданского образа жизни к условиям военизированной службы [7].

Проблема адаптации осложняется выраженной неоднородностью состава слушателей. Группы первоначальной подготовки формируются из лиц разного возраста, гендера, семейного положения, имеющих различный образовательный ценз (среднее общее, среднее профессиональное и высшее образование) и разный профиль предшествующего обучения (юридическое, экономическое, гуманитарное и т. д), что отражается на стиле мышления и поведении, создавая трудности в процессе обучения знаниям и умениям, необходимых для выполнения оперативно-служебных задач.

Вопрос адаптации актуален в современном обществе, т. к. трансформация личности, влияя на физическое и психическое состояние человека, воздействует на эффективность профессиональной деятельности. Для успешной социализации и самореализации, необходима адаптация к новым людям, новым условия жизни и работы, политическим и экономическим изменениям. Однако не существует единого мнения о структуре, природе и ключевых факторах, способствующих успешной адаптации личности [1, с. 111–122]. Понятие адаптации имеет междисциплинарный характер, поэтому в контексте разных дисциплин понимают разные факторы адаптации личности [2, с. 9–11].

Слушателям первоначальной подготовки Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России необходимо адаптироваться к ряду аспектов: к условиям проживания, специфике образовательного процесса, строго регламентированному распорядку дня, к особенностям несения военизированной службы, к новой социальной среде (другим слушателям, преподавателям, начальству), не теряя профессиональной идентичности своего подразделения. Недостаточная адаптация сотрудника в одном процессе исключает успешную адаптацию, в общем и целом. Далее рассмотрим ключевые компоненты адаптации согласно Р.С. Лазаруса [8, с. 471–519].

Предположим, что генетику личности можно представить через физиологическое здоровье, а психику – особенностью нервной системы, что подлежит проверки при отборе граждан для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Сюда входит: выявление уровня физической подготовки, медицинское обследование, профессиональный психологический отбор [4], психофизиологические исследования, тестирование, направленное на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами [5]. На основании вышеизложенного данный компонент психологической

адаптации находится на высоком уровне, что позволяет длительно выдерживать воздействие стрессоров, сохраняя психологическое здоровье сотрудника.

Социальный компонент адаптации слушателя заключается в процессе освоения личности в новом коллективе, установлении коммуникаций с другими обучающимися, преподавателями, кураторами, вышестоящим начальством. Находясь в ТИПК МВД России, слушатели устанавливают контакты и дружеские отношения, решают конфликты, работают в команде в процессе обучения и выполнении домашних заданий, при проживании в общежитии, посещении мероприятий, участвуя в спортивных соревнованиях, заступая в наряд. На базе института проводятся мероприятия, направленные на формирование профессиональной идентичности и мотивирует к развитию в профессиональной сфере.

Под воздействием внешней среды человеческий организм испытывает стрессовую реакцию, что приводит к повышенному функционированию систем организма. Более показательные изменения наблюдаются под воздействием климата, проявляющиеся в этнических, биохимических и генетических особенностях людей, проживающих в разных климатических зонах [3]. Институт территориально находится в городе Тюмени, климат которого относится к континентальному климату. Особенностью данного климата является резкая смена погоды (разница дневного максимума и ночного минимума может превышать 10º), продолжительным холодным периодом (с ноября по март), продолжительность дня значительно меняется в течение года (продолжительность солнцестояния составляет 6:40 часов в зимнее время, в летнее время – 17:56 часов). Данные факторы влияют на здоровье, общее психологическое состояние людей, режим дня и активности на работе. Слушатели института приезжают из разных регионов России, поэтому им необходимо адаптироваться к новым климатическим условиям и смене часовых поясов.

В процессе адаптации выше представленные компоненты взаимодействуют между собой и оказывают влияние на личность слушателей Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. Процесс адаптации – это динамический процесс, в ходе которого происходит не только освоение знаний и умений, но и осознание своей роли в профессиональных отношениях, обретая внутреннюю мотивацию к самореализации и дальнейшего карьерного роста.

Литература

1. Арапова О.И. Феномен адаптации. Теоретический обзор // Психология. Психофизиология. 2023. Т. 16. № 3. С. 111–122.

2. Белоусов А.Д., Морар В.О. Психологические аспекты адаптации сотрудников подразделений дознания органов внутренних дел: методические рекомендации. М.: ВНИИ МВД России, 2023. С. 9–11.

3. Агаджанян Н.А., Коновалова Г.М., Ожева Р.Ш., Уракова Т.Ю. Воздействие внешних факторов на формирование адаптационных реакций организма человека // Новые технологии. 2010. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/ n/vozdeystvie-vneshnih-faktorov-na-formirovanie-adaptatsionnyh-reaktsiy-organizma-cheloveka (дата обращения: 06.03.2026).

4. Об утверждении правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 06.12.2012 № 1259. Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

5. О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 18.07.2014 № 595. Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист».

6. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. Слушателям: Распорядок дня слушателей // ТИПК МВД России: официальный сайт. URL: https://типк.мвд.рф/Slushatelyam/слушателям/Specalnosti (дата обращения: 02.03.2026).

7. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Lazarus R.S. Emotion and adaptation. New York Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 471–519.

***Б.Б. Момбеков**, студент 1 курса*
Академия МВД Киргизской Республики

Научный руководитель:
Ж.Н. Койчуманова
Академия МВД Киргизской Республики

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В условиях глобализации и роста миграционных потоков органы внутренних дел (далее – ОВД) все чаще сталкиваются с необходимостью выстраивать профессиональное взаимодействие с представителями различных культур, этносов и языковых групп. Эффективность такого взаимодействия во многом определяет как качество правоохранительной деятельности, так и уровень доверия граждан к институтам правопорядка [2, с. 34].

Актуальность темы обусловлена тем, что Киргизская Республика является полиэтническим государством: на ее территории проживают представители более 80 народностей. В подобных условиях сотрудник ОВД должен обладать не только профессиональными юридическими знаниями, но и навыками межкультурной коммуникации, позволяющими предотвращать конфликты и находить взаимопонимание с различными категориями граждан [1, с. 112].

Под межкультурной коммуникацией в деятельности ОВД следует понимать процесс профессионального общения сотрудника правоохранительных ор-

ганов с лицами, принадлежащими к иным культурным, этническим или языковым группам, в целях выполнения задач охраны общественного порядка, предупреждения и раскрытия преступлений [4, с. 67].

Анализ практики деятельности ОВД позволяет выделить следующие основные проблемы в сфере межкультурной коммуникации.

Во-первых, языковой барьер. Значительная часть граждан, обращающихся в органы внутренних дел, не владеет государственным языком в достаточной мере либо общается исключительно на родном языке. Это существенно затрудняет сбор объяснений, оформление процессуальных документов и установление психологического контакта [3, с. 89].

Во-вторых, культурные стереотипы и предубеждения. Недостаточная осведомленность сотрудников о культурных традициях, ценностях и нормах поведения отдельных этнических групп может приводить к непреднамеренным нарушениям культурных табу, что воспринимается гражданами как проявление неуважения и порождает напряженность в отношениях с представителями власти [1, с. 115].

В-третьих, недостаточный уровень межкультурной компетентности сотрудников. В программах профессиональной подготовки ОВД вопросам межкультурного взаимодействия традиционно уделяется ограниченное внимание. Как правило, акцент делается на изучении иностранного языка, тогда как формирование собственно коммуникативных и культурологических навыков остается на периферии образовательного процесса [5, с. 23].

В четвертых, отсутствие систематизированного методического обеспечения. В большинстве подразделений ОВД не разработаны четкие алгоритмы действий при взаимодействии с представителями конкретных этнических и культурных групп, что вынуждает сотрудников опираться исключительно на личный опыт [4, с. 71].

С целью решения обозначенных проблем представляется целесообразным осуществление ряда мер.

Первое – совершенствование образовательных программ ведомственных образовательных организаций. Введение в учебные планы курсов по межкультурной коммуникации и этнической психологии позволит сформировать у будущих сотрудников системное понимание культурного многообразия общества. Эффективным инструментом здесь могут стать ролевые игры, моделирующие реальные ситуации межкультурного профессионального общения [5, с. 27].

Второе – языковая подготовка с учетом региональной специфики. В регионах с высокой долей населения, говорящего на определенных языках, необходимо организовывать для сотрудников ОВД обучение базовым коммуникативным конструкциям на соответствующих языках. Это не требует достижения свободного владения языком, однако позволяет установить первичный контакт и продемонстрировать уважение к культуре собеседника [2, с. 39].

Третье – создание института культурных медиаторов. В подразделениях ОВД, осуществляющих деятельность в полиэтнических районах, целесообразно ввести должность специалиста по межкультурному взаимодействию, в обязанности которого входило бы консультирование сотрудников и содействие в уре-

гулировании конфликтных ситуаций, обусловленных культурными различиями [3, с. 93].

Четвертое – разработка методических рекомендаций. Обобщение лучших практик взаимодействия с представителями различных этнических и культурных групп в рамках ведомственных методических документов позволит систематизировать накопленный опыт и обеспечить его тиражирование [4, с. 74].

Таким образом, межкультурная коммуникация является неотъемлемой составляющей профессиональной компетентности современного сотрудника органов внутренних дел. Преодоление существующих проблем в данной сфере возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем совершенствование системы профессиональной подготовки, языковое обучение и институциональные решения. Реализация предложенных мер будет способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности и укреплению доверия населения к органам внутренних дел.

Литература

1. Абдыкеримов К.К. Этнопсихологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Бишкек: Академия МВД Киргизской Республики, 2019. 198 с.

2. Бондаренко Т.А. Межкультурная коммуникация в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 2. С. 33–41.

3. Кузнецова Е.В. Языковой барьер как фактор, затрудняющий деятельность сотрудников полиции в многонациональном обществе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 4. С. 87–96.

4. Омуралиев Н.А. Культурное многообразие и правоохранительная деятельность: учеб. пособие. Бишкек: Илим, 2022. 144 с.

5. Петрова О.С. Формирование межкультурной компетентности будущих сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. № 1. С. 20–29.

А.С. Морозова, *курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.К. Бутенко, *канд. филос. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЦИФРОВОЙ АВАТАР УМЕРШЕГО: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сложно представить, какие чувства испытывают люди, когда из жизни уходят близкие им люди. Но что, если расставаться и не придется? Именно на это намекают многие разработчики систем по созданию аватаров покойных людей. Цифровой аватар представляет собой цифровую версию человека с совокупностью его манер, повадок. Изучая подобное явление в различных источниках, можно встретить множество разных терминов, но значение они все имеют схожее, однако единого закрепленного термина нет. Несмотря на близкое значение терминов, сами разработчики придерживаются разных целей при их создании. Кто-то таким образом хочет найти ключ к бессмертию, кто-то ищет возможность построить на этом бизнес, а кто-то – помочь справиться с горем.

С морально-нравственной точки зрения здесь возникает несколько неразрешимых проблем. Люди, удрученные смертью близких, не смогут принять факт смерти и будут жить в иллюзии, что отрицательно скажется на них и окружающих, кроме того, это может способствовать разложению в обществе моральных и этнических принципов. С юридической стороны еще сложнее.

Одна из первых идей о создании интернет-версии покойного в Сети возникла в Лаборатории антидисциплинарных исследований Массачусетского технологического института (MIT Media Lab), которая была основана в 1985 г. Николасом Негропонте и экс-президентом института Джеромом Визнером. Именно здесь началась разработка проекта Augmendet Eternity [6]. Идея данного проекта заключалась в том, чтобы создать аватары покойных, так называемых двойников, созданных при помощи искусственного интеллекта, продолжающих жизнь после физической смерти человека в Сети. Создаваться данные персонажи будут на основе той массы данных, которая содержится в Сети и формируется, пока люди пользуются при жизни социальными сетями, различными приложениями, собирающими данные о человеке, и иными интернет-ресурсами или путем загрузки данных о человеке.

Калифорнийская компания 2Wai [4] представила мобильное приложение, позволяющее создавать интерактивные цифровые копии умерших людей на основе искусственного интеллекта. Соучредитель стартапа Калум Уорти опубликовал демонстрационное видео 11 ноября 2025 г. на платформе X.

Ролик показывает беременную женщину, которая общается через телефон с виртуальной версией своей покойной матери. Видео демонстрирует использование технологии на протяжении нескольких лет: цифровая бабушка читает

сказки новорожденному ребенку, затем разговаривает с подросшим мальчиком по дороге из школы, а позже взрослый внук сообщает ей о предстоящем рождении правнука.

В России была представлена также концепция «нейрокладбища» предложенная Михаилом Марцинюком [3]. По его словам, нейрокладбище будет представлять собой ресурс, который будет служить местом хранения памяти о человеке. Но идея подверглась недовольству. Так, депутат Государственной думы Виталий Милонов посчитал проект нарушающим права покойных и отметил, что данный проект не соответствует российским традициям.

Остановимся на том, что, несмотря на критику и недовольство, в мире уже создаются и продаются аватары людей. Появление таких аватаров в России – только вопрос времени.

В настоящее время в российском законодательстве вопрос создания и использования цифровых аватаров умерших людей не урегулирован, законодательство требует нововведений и доработок в этой сфере, т. к. не регулирует подобные вопросы и они решаются в судебном порядке – отмечает ФНП [5]. Однако в партии «Новые люди» была предложена идея о том, чтобы передавать аккаунты по наследству. Но что касается самого процесса создания аватаров, не понятно. К примеру, в Берлине родители девочки, которая покончила жизнь самоубийством, обратились с заявлением к Facebook, дабы он предоставил им доступ к аккаунту дочери с целью поиска причины самоубийства. На это Facebook ответил отрицательно, т. к. это противоречит пользовательскому соглашению. Мать покойной обратилась в суд, на что суд уже обязал Facebook сохранить доступ родителям, аргументировав это универсальным правоприемством.

Однако есть некоторые юридические проблемы, связанные с возможным созданием аватаров, которые уже очевидны:

Авторское право. Возникают вопросы о том, кто имеет право на создание аватара: родственники, наследники или третьи лица.

Право на изображение. Использование изображения гражданина охраняется Гражданским кодексом.

Использование персональных данных. Для создания аватара необходимы фотографии, видео, аудиозаписи голоса и другая информация, которая поможет воссоздать личность умершего. Как разработчики данных систем смогут гарантировать защиту данных аккаунтов от взлома и защиты от противоправных действий? Если мошенники путем взлома под лицом покойного станут, например, просить деньги?

Ответственность за неправомерное использование. Например, если аватар используется в коммерческих целях или память умершего неправомерно эксплуатируется (аватары умерших актеров).

Ответственность за недостоверную информацию. Если на видео с умершим представлена недостоверная информация с использованием ИИ и обработки, то может быть применена статья о клевете.

Исходя из всего вышеизложенного, следует сказать, что данная тема, на наш взгляд, очень актуальна и требует глубокого исследования как со стороны моральных взглядов, так и нормативного регулирования. Требуется проведение

анализа ряда нормативно-правовых актов с целью поиска подходящих норм для регулирования возникающих споров, которые смогли бы регулировать общественные отношения, возникающие исключительно связанные с ним. Так, необходимо законодательное закрепление дефиниции данного явления и иных терминов, которые можно толковать неоднозначно. Кроме того, это позволило бы разработать единые критерии создания аватаров во избежание самовольных действий, нарушающих права других лиц. Также необходимо разработать порядок их создания, а соответственно, права и обязанности лиц, изъявивших желание на пользовани подобными ресурсами. На наш взгляд, наиболее рационально будет подвергнуть поправкам ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1]. В ней можно было бы закрепить понятие «аватар», т. к. данный нормативно-правовой акт регулирует отношения, связанные сетью Интернет, а в ст. 10 «Распространение информации или предоставление информации» можно ввести механизм создания аватара, получение разрешения, отстаивание позиции, что создание не повлечет нарушения прав покойного. Если говорить об ответственности, то, по нашему мнению, ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации» [2] может использоваться для привлечения лиц, незаконно создающих аватары. Так, ч. 9 данной статьи «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений» можно было бы ввести формальный состав, т. к. некоторые создатели преследуют цели создания аватаров для выявления причин смерти (аватар может рассказать от своей смерти).

Литература

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026, с изм. от 29.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. М., 2002. № 1. Ст. 1.

3. Ростовчанин собрался запустить первое в России нейрокладбище URL: https://www.donnews.ru/rostovchanin-sobralsya-zapustit-pervoe-v-rossii-neyrokladbische (дата обращения: 11.05.2026).

4. СМИ: создан способ «общения» с умершими. URL: https://ria.ru/20251115/startap-2055121069.html (дата обращения: 11.05.2026).

5. ФНП рассказала о порядке наследования аккаунтов в соцсетях и других цифровых активов [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

6. MIT Media Lab. URL: https://www.media.mit.edu/ (дата обращения: 11.05.2026).

***А.В. Московченко**, курсант 2 курса*
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
И.Н. Навроцкая
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В правоохранительной системе Российской Федерации основным субъектом, чья деятельность непосредственно связана с коммуникацией с обществом, являются органы внутренних дел. Кроме того, в процессе осуществления профессиональных полномочий сотрудники органов внутренних дел взаимодействуют представителями общественных объединений, правоохранительных органов, должностными лицами и многими другими субъектами. В связи с этим вопрос языковой компетентности сотрудника органов внутренних дел имеет большое значение в его профессиональной деятельности.

Языковая компетентность представляет собой совокупность лингвистических знаний и умений, позволяющих правильно выражать свои мысли в устной или письменной форме в зависимости от конкретной ситуации [3, с. 42]. Профессиональная подготовка сотрудника органов внутренних дел предполагает освоение языковой компетентности, некоторыми элементами которой являются:

1. Знание правил русского языка (грамматики, пунктуации, орфоэпии и т. д.);
2. Владение юридической терминологией и нормами официально-делового стиля общения;
3. Способность выстраивать диалог с разными категориями граждан;
4. Умение правильно воспринимать чужую речь [1, с. 158].

Близким по смыслу с понятием языковой компетентности является понятие коммуникативной компетентности, предполагающее правильное использование языка в процессе коммуникации. Необходимо отметить, что коммуникация может осуществляться как в устной, так и в письменной форме, в связи с чем грамотность изложений собственных мыслей играет важную роль в системе коммуникативной компетентности сотрудника полиции. Поэтому важно учитывать, что языковая компетентность предполагает не только владение устным языком, но еще и письменным, а также является элементом коммуникативной компетентности.

Что касается разговорной речи, сотрудники полиции демонстрируют коммуникативную компетенцию, когда подбирают правильные слова или фразы, чтобы выразить свою мысль, при этом демонстрируя понимание социокультурного или социолингвистического контекста, в котором происходит общение

(например, выбор вежливой или формальной лексики в зависимости от ситуации). Кроме того, говорящие демонстрируют коммуникативную компетенцию, когда могут компенсировать языковые недостатки, например, использовать другие слова для описания понятия, для которого у них нет подходящего слова.

Таким образом, важно понимать, что языковая компетентность является элементном коммуникативной компетентности сотрудника полиции, которая в свою очередь предусматривает не только владение правилами и нормами русского языка, юридической терминологией и другими элементами языковой компетентности, изложенных нами ранее, но также и умение правильно использовать речь в процессе коммуникации. В связи с этим большое значение имеют:

– понимание уместности использования языка;

– умение излагать мысли не только посредством официально-делового стиля общения с использованием юридической терминологии, но и использовать упрощенные обороты, понятные менее грамотным слоям общества;

– знание культурных и этнических особенностей различных народов;

– знание фундаментальных основ психологии человека и психологии общения [2, с. 146].

Важно отметить, что профессиональная деятельность сотрудника полиции непосредственно связана с получением значимой информации. Например, сотрудники следственных и оперативных подразделений для расследования и раскрытия преступлений должны получать информацию у различных участников уголовного судопроизводства: свидетелей, потерпевших, подозреваемых и т. д. В связи с этим важную роль играет коммуникативная компетентность. Сотрудник полиции должен установить доверительные отношения, психологический контакт, вызвать авторитетное отношение к себе, что сделать достаточно сложно без должного уровня коммуникативной компетентности, и в частности, без языковых знаний. В связи с этим языковая компетентность является одним из основополагающих элементов не только коммуникативной компетентности, но и профессиональной деятельности сотрудника полиции в целом.

Следует отметить, что в настоящее время проблема языковой компетентности сотрудника полиции является достаточно острой, что обусловлено заниженным требованиям поступления на службу в органы внутренних дел. Как показывает практика, уровень языковой компетентности сотрудника полиции не всегда соответствует желаемому [4, с. 31]. Это связано с высоким уровнем некомплекта в системе МВД России. Так, например, на просторах сети Интернет находится множество видеороликов, где сотрудники полиции не могут компетентно изложить свои мысли или озвучить свои требования. В связи с этим вопрос повышения языковой компетентности сотрудника органов внутренних дел остается актуальным.

Таким образом, подводя итоги данной работы настоящей работы, можно сделать вывод, что языковая компетентность сотрудника органов внутренних дел является важным элементом его профессиональной деятельности. В свою очередь она является частью коммуникативной компетентности сотрудника полиции и является способом решения важных оперативно-служебных задач. Од-

нако в настоящее время проблема языковой компетентности в системе органов внутренних дел является достаточно острой, что обусловлено высоким уровнем некомплект и заниженным требованиям поступления на службу. В связи с этим важным остается аспект повышения языковой компетентности сотрудника органов внутренних дел.

Литература

1. Арский А.А. Особенности оценки языковой компетентности будущих сотрудников МВД средствами текущего контроля // Управление образованием: теория и практика. 2024.

2. Ахмедова Х.О. Развитие языковых навыков в формировании культуры общения сотрудников правоохранительных органов // Молодой ученый. 2021. № 5 (347).

3. Закирова А.О. О роли русского языка в формировании профессиональной компетенции сотрудников органов внутренних дел // Исследования молодых ученых: мат-лы LIII Междунар. науч. конф-ции (г. Казань, январь 2023 г.). Казань: Молодой ученый, 2023.

4. Мартынова Н.А. Языковая компетентность сотрудников ОВД как неотъемлемая часть профессиональной подготовки // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2024. № 12 (101).

***Д.Р. Мухнурова**, курсант 2 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Ю.И. Коваленко
Уфимский юридический институт МВД России

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ

Трансформация социокультурного пространства Российской Федерации, обусловленная интенсивными миграционными процессами и усилением международного сотрудничества, предъявляет новые требования к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Для успешного выполнения служебных задач сотруднику полиции необходимо развивать и применять на практике вербальные и невербальные навыки общения, эмпатию и способность разрешать конфликты.

Современная языковая подготовка в ведомственных вузах МВД России традиционно фокусируется на двух направлениях: изучение иностранных языков (преимущественно английского) для международного сотрудничества и русский язык как государственный [5, с. 81].

Долгое время в системе профессионального образования МВД России иностранный язык оставался невостребованным, находя применение лишь при подготовке миротворческих контингентов. Однако за последние несколько лет ситуация претерпела кардинальные изменения: наблюдается устойчивый рост интереса и потребности в овладении иностранным языком со стороны действующих сотрудников полиции. В современных реалиях навыки языкового посредничества и межкультурной коммуникации приобретают для сотрудников органов внутренних дел особую значимость. В связи с этим иноязычная подготовка становится неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки кадров МВД [3, с. 254].

Межкультурное взаимодействие в практике правоохранительных органов подразделяется на два уровня:

1. Внешний контур. Взаимодействие с иностранными гражданами (мигрантами, туристами, дипломатами). Здесь критически важны навыки иностранного языка или, как минимум, знание базовых фраз на языках основных диаспор (узбекский, таджикский, азербайджанский и др.), а также понимание миграционного законодательства.

2. Внутренний контур. Взаимодействие с гражданами Российской Федерации, принадлежащими к различным этническим группам. В данном случае языковой барьер может отсутствовать (общение на русском языке), однако культурный барьер сохраняется [4, с. 234].

Анализ образовательных стандартов показывает, что дисциплины лингвистического цикла часто оторваны от реалий оперативной работы. Курсанты изучают лексику общего характера, тогда как профессиональная деятельность требует владения специфическим речевым этикетом при задержании, опросе, проведении профилактических бесед. Серьезным препятствием в деятельности сотрудников ОВД становится низкий уровень этнопсихологической компетентности. Незнание культурных кодов и поведенческих норм конкретных этносов создает риск коммуникативных конфликтов: действия, нейтральные для сотрудника, могут быть интерпретированы как покушение на честь и достоинство гражданина. Ярким примером служит различие в трактовке зрительного контакта: в одних культурах прямой взгляд на представителя власти воспринимается как вызов, в других – как свидетельство искренности. В связи с этим лингвистическая подготовка должна осуществляться в неразрывной связи с изучением основ этнопсихологии [1, с. 368].

В ходе анализа профессиональной подготовки курсантов выявлена проблема недостаточного уровня сформированности коммуникативных навыков. Ключевым фактором, препятствующим получению знаний, выступает когнитивная перегрузка, обусловленная чрезмерным объемом поступающей учебной информации, что приводит к снижению запоминания усвоенного материала.

Для оптимизации процесса усвоения материала предлагается использовать методы ситуационного обучения. Обсуждение профессионально значимых тем повышенной сложности в условиях, отличающихся от стандартной аудиторной обстановки, создает необходимый уровень когнитивной и эмоциональ-

ной вовлеченности. Это способствует лучшему запоминанию и формированию устойчивых навыков иноязычного общения.

С целью повышения эффективности подготовки целесообразно интегрировать в образовательную программу интерактивные методы, воспроизводящие ситуации межкультурного противостояния. Ключевые инструменты включают:

1) анализ практических ситуаций, в которых нарушение взаимопонимания привело к юридическим последствиям;

2) отработка диалога с представителями другой культуры при ограниченных временных ресурсах и психоэмоциональной нагрузке;

3) исследование устойчивых выражений регионов деятельности в рамках правового законодательства [2, с. 16].

Повышение качества языковой подготовки сотрудников органов внутренних дел требует выхода за рамки традиционного изучения иностранного языка. Данный навык следует рассматривать как составляющую профессиональной культуры, влияющую на безопасность и эффективность правоохранительной деятельности в условиях культурного разнообразия. Объединение языковых навыков с правовыми и этнопсихологическими компетенциями позволит сократить скрытую преступность среди мигрантов и снизить конфликтность. В дальнейшем целесообразно разработать специализированные методические комплексы с учетом региональной специфики подразделений [6, с. 28].

Литература

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие М.: Флинта: Наука, 2020.

2. Зинченко Ю.П. Психологические основы профессиональной деятельности сотрудников ОВД в полиэтнической среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 12. № 1.

3. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: монография. М.: КИОРУС, 2014.

4. Сафонова В.В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях М.: Еврошкола, 2018.

5. Шаклеин В.М. Методика преподавания русского языка как иностранного в силовых структурах // Русский язык за рубежом. 2021. № 4.

6. Якуба А.В. Категории профессиональной этики сотрудников ОВД: учеб. издание. Краснодарский университет МВД России, 2015.

В.М. Никитенко, *курсант 1 курса*
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Д.Г. Кривошея
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОЛИЦИИ: ОТ «УСТАВА БЛАГОЧИНИЯ» 1782 Г. ДО ФЗ «О ПОЛИЦИИ» 2011 Г.

История полиции России неразрывно связана с историей самого государства. Будучи одним из ключевых институтов, обеспечивающих внутреннюю безопасность и правопорядок, полиция на протяжении столетий претерпевала значительные изменения, адаптируясь к новым политическим, социальным и экономическим реалиям. Каждый этап развития государства требовал пересмотра правовых основ деятельности правоохранительных органов, что неизменно приводило к масштабным реформам. Милиция (а впоследствии и полиция) является одним из наиболее «реформоемких» российских государственных институтов [1].

В многовековой истории полицейского законодательства особое место занимают два документа, разделенных почти двумя с половиной столетиями, но имеющих поразительное сходство по своему значению. Речь идет об «Уставе благочиния или полицейском» [2], подписанном Екатериной II в 1782 г., и Федеральном законе «О полиции» [3], вступившем в силу в 2011 г. Оба акта стали ответом на системный кризис в сфере охраны порядка и ознаменовали собой кардинальную перестройку всей структуры и идеологии работы полицейских органов. Цель данной статьи – провести компаративный анализ предпосылок, содержания и исторического значения этих двух законодательных вех, опираясь исключительно на исследования, представленные в приложенных материалах.

XVIII век в России характеризовался укреплением самодержавной власти и усложнением общественных отношений, что требовало модернизации системы управления, в т. ч. и на местах. К середине столетия ситуация с правопорядком обострилась до предела: уровень преступности был крайне высок, а полиция в своем прежнем виде не справлялась с обязанностями [4]. Катализатором реформы стала крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева (1773–1775). Результатом стало подписание 8 апреля 1782 г. Екатериной II «Устава благочиния или полицейского» – первого кодифицированного акта полицейского права.

Устав вводил иерархическую систему полицейских органов в городах – управы благочиния во главе с городничим (полицмейстером) [5]. Компетенция полиции была необычайно широкой: от борьбы с преступностью до наблюдения за дорогами, мостами, рыночными ценами и нравами граждан [4, с. 242, 244]. Отличительной чертой стало включение в Устав норм морали, таких как «Великое зерцало».

Несмотря на свою прогрессивность, Устав не был лишен недостатков. Исследователи отмечают его поспешность и незавершенность: ряд положений был прописан детально, другие – поверхностно, документ имел стилистическую разнородность и повторы. Главным образом, права и обязанности полиции не были сформулированы предельно четко, что влекло за собой расширение полномочий на практике и разрозненность в правоприменении. Отсутствие указания о вступлении Устава в силу привело к необходимости издавать дополнительные местные акты, что создавало путаницу и дополнительные бюджетные расходы [5].

Тем не менее значение Устава благочиния для развития российского права трудно переоценить. Он стал отправной точкой в формировании полицейского права как отрасли, а заложенная им система полицейских органов просуществовала с изменениями вплоть до конца XIX в. [6, с. 96].

Революция 1917 г. ознаменовала собой полный разрыв с дореволюционным правопорядком. 28 октября (10 ноября) 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР издал постановление «О рабочей милиции», а в 1918 г. Инструкция НКВД и НКЮ закрепила принципы и задачи нового органа – Советской Рабоче-крестьянской милиции. Милиция создавалась как орган диктатуры пролетариата для охраны революционного порядка. Долгое время ее деятельность регулировалась подзаконными актами, пока в 1973 г. не был принят Указ «Об основных обязанностях и правах советской милиции» [7].

В советский период милиция выполняла широкий спектр задач – от борьбы с бандитизмом в 20-е годы до участия в политических репрессиях 30-х и борьбы с наркоманией в 80-е. В конце 80-х – начале 90-х гг., в период перестройки, система начала трансформироваться: были созданы ОМОН, 6-е Главное управление по борьбе с организованной преступностью, а в 1989 году образовано союзно-республиканское МВД РСФСР [6].

18 апреля 1991 г. был принят федеральный закон «О милиции», впервые комплексно урегулировавший статус, структуру и полномочия милиции. Однако к концу 2000-х гг. закон устарел: нормы стали размытыми, милиция оказалась обременена несвойственными функциями, а коррупция и произвол подорвали доверие общества [8].

Реформирование МВД началось Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2009. Проект нового закона впервые после 1993 г. был вынесен на всенародное интернет-обсуждение [9]. 7 февраля 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал федеральный закон «О полиции».

Важные новации Закона «О полиции»:

1. Возвращение исторического названия «полиция» вместо «милиции» символизировало не просто «смену вывески», а глубокие преобразования сущности и содержания работы правоохранителей.

2. Главным принципом деятельности провозглашено соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина. Общественное мнение стало одним из основных критериев официальной оценки работы полиции. Деятельность полиции объявлялась открытой и доступной для граждан.

3. Закон закрепил исчерпывающий перечень обязанностей полиции, сделав ее работу более прозрачной и понятной как для граждан, так и для самих сотрудников.

4. Из ведения полиции были исключены функции, не связанные напрямую с борьбой с преступностью и охраной порядка (например, медвытрезвители, техосмотр).

5. Произошла оптимизация структуры МВД, вместо деления на криминальную милицию и милицию общественной безопасности созданы главные управления по ключевым направлениям. Все сотрудники прошли внеочередную переаттестацию.

6. Было увеличено денежное довольствие сотрудников, а финансирование всей полиции стало осуществляться из федерального бюджета.

Значение Закона «О полиции» огромно. Он стал стержнем современного полицейского законодательства, отвечающего международным стандартам и содержащего множество инновационных идей. Вместе с законами о службе и социальных гарантиях он образовал единую законодательную основу для органов внутренних дел.

Сравнение Устава благочиния 1782 г. и Закона «О полиции» 2011 г. позволяет выявить ряд параллелей. Оба акта были приняты в переломные моменты истории, когда остро встал вопрос о доверии к власти и эффективности правоохранительной системы. Оба документа стали ответом на кризис – крестьянскую войну в XVIII в. и системный кризис доверия и коррупции в XXI в.

И в том, и в другом случае реформаторы стремились создать четкую правовую основу, детально прописать функции и полномочия полиции, сделав ее работу прозрачной и подконтрольной. Екатерина II вводила элементы общественного участия (выборность квартальных поручиков), а законодатели 2011 г. сделали общественное мнение главным критерием оценки.

Наконец, оба закона продемонстрировали важный принцип развития права – принцип преемственности. Закон «О полиции», будучи новеллой, вобрал в себя положительный опыт применения Закона «О милиции», а Устав благочиния опирался на предшествующие наказы и указы, проверенные временем.

Таким образом, можно заключить, что развитие законодательства о полиции в России – это путь от полиции как универсального органа надзора и хозяйственного управления в XVIII в. к специализированному органу правопорядка, ориентированному на службу обществу в XXI в. «Устав благочиния» 1782 г. и федеральный закон «О полиции» 2011 г. являются ключевыми вехами на этом пути. Они решали схожие задачи: создать правовой фундамент для эффективной работы полиции в новых исторических условиях, определить ее структуру, компетенцию и, что немаловажно, закрепить этические принципы ее взаимоотношений с обществом.

Несмотря на колоссальную разницу в исторических эпохах, идеологических установках и уровне юридической техники, эти два документа объединяет стремление государства упорядочить охранительную функцию, сделать ее рациональной и легитимной в глазах граждан. Сегодняшняя полиция, продолжая сталкиваться с вызовами, опирается на фундамент, заложенный в т. ч. и рефор-

мой 2011 г. Дальнейшее совершенствование полицейского законодательства неизбежно будет продолжаться, отвечая на новые вызовы времени, и этот процесс, как показывает история, является залогом стабильности и правопорядка в государстве.

Литература

1. Футо С.Р. Федеральному закону «О полиции» 10 лет: история разработки и принятия // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2021. Т. 16, № 2. С. 166–203.

2. Устав Благочиния или Полицейский от 08.04.1782 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 15.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Агафонов М.В. Устав благочиния 1782 года как правовая основа взаимодействия полиции и населения в российской империи конца XVIII – начала XIX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): мат-лы XVIII Междунар. научной конф-ции. СПб., 2021. С. 239–245.

5. Антропова А.В., Суховская А.А. Правовой анализ особенностей норм устава благочиния как первого кодифицированного акта российского полицейского права // Академия права. 2023. № 2 (2). С. 71–76.

6. Зыкина Е.В., Васильева М.В., Клинов А.В. Особенности правового положения полиции на различных этапах исторического развития России // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: мат-лы научно-практ. конф-ции. Псков, 2022. С. 95–100.

7. Ксендзов Р.А. История полиции России: от первых подразделений к современности // Моя профессиональная карьера. 2023. Т. 1, № 47. С. 85–90.

8. Пилат Б.А. История становления полиции в РФ // Социальное управление. 2021. Т. 3, № 3. С. 180–184.

9. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2009 № 1468 (ред. от 06.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Б.В. Никонович, *курсант 1 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
Е.К. Обринская, *канд. полит. наук*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СОТРУДНИКОВ НКВД В ОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЗАНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КРЫМУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Партизанское движение в Крыму в годы Великой Отечественной войны занимает особое место в истории советского сопротивления на оккупированных территориях. Специфика географического положения полуострова, его изолированность от «большой земли», сложный этнодемографический состав населения, а также длительный характер немецко-румынской оккупации обусловили как уникальные формы борьбы, так и драматические противоречия внутри самого движения. Актуальность обращения к данной теме определяется необходимостью комплексного осмысления механизмов взаимодействия партизанских формирований с советскими структурами управления и безопасности, прежде всего НКВД, без упрощенных идеологических схем, характерных для историографии советского периода. Современные исследования позволяют говорить о крымском партизанском движении как о сложном, неоднородном социально-военном явлении, развивавшемся в условиях острого дефицита ресурсов, кадров и стратегической поддержки.

Первые партизанские отряды в Крыму начали формироваться в условиях стремительного наступления немецко-румынских войск осенью 1941 г. Уже в сентябре-октябре партийные органы и структуры НКВД получили директивы о необходимости перехода к подпольной и партизанской борьбе в тылу противника. Важную роль сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «О развертывании партизанской борьбы в тылу врага», заложившее нормативную основу для развертывания партизанского движения на оккупированных территориях. Как подчеркивает В.Е. Поляков, процесс формирования отрядов в Крыму носил во многом стихийный характер: значительная часть бойцов представляла собой окруженцев, партийно-советский актив, работников милиции и НКВД, а также местных жителей, не успевших эвакуироваться [2, с. 90, 92]. Также на организацию Крыма было больше времени, чем на большинство регионов из-за его географического положения. Но все равно приход немцев оказался неожиданным, например, Симферополь выходил буквально за сутки до прихода немцев.

К началу 1942 г. в Крыму сложилась многоуровневая система управления партизанским движением, формально подчиненная Крымскому штабу партизанского движения. Однако, как показывает анализ архивных материалов, реальное управление часто было фрагментарным и противоречивым. НКВД играло заметную роль, прежде всего в вопросах кадрового подбора, разведки и свя-

зи. Постановление Государственного Комитета Обороны от 30 мая 1942 г., регламентировавшее создание Центрального штаба партизанского движения, стало одним из немногих документов, реально повлиявших на повышение управляемости отдельных отрядов. Как справедливо отмечает О.В. Романько, чрезмерная централизация и недоверие к «местным инициативам» нередко приводили к конфликтам между командирами отрядов и представителями органов [4, с. 165].

Вся территория Крыма была условно разделена на пять партизанских районов. Боевые действия крымских партизан отличались ограниченным масштабом, но высокой интенсивностью. Основными формами борьбы являлись диверсии на коммуникациях, нападения на гарнизоны и полицейские посты, разведка и саботаж хозяйственной деятельности оккупантов. Горнолесистая местность Крымских гор предоставляла определенные тактические преимущества, однако нехватка продовольствия, медикаментов и вооружения существенно снижала боеспособность отрядов. В дневниках и воспоминаниях партизан неоднократно подчеркивается, что зимой 1941-1942 гг. партизаны оказались на грани физического выживания [1, с. 71]. Директива Ставки ВГК от 7 февраля 1944 г. о координации действий партизан с наступательными операциями Красной армии имела ограниченное применение в Крыму ввиду его изоляции, что еще раз подчеркивает особый характер местного движения сопротивления.

В историографии и публицистике, особенно послевоенного и постсоветского периода, получил распространение миф о якобы массовом дезертирстве крымчан из партизанских отрядов и их низкой устойчивости к условиям подпольной борьбы. Современные исследования, позволяют существенно скорректировать данное представление. Архивные материалы НКВД и отчеты командиров отрядов свидетельствуют, что случаи дезертирства действительно имели место, однако они не носили массового характера и были обусловлены прежде всего объективными причинами: голодом, болезнями, отсутствием снабжения, утратой связи с командованием и угрозой репрессий в отношении семей. В.Е. Поляков подчеркивает, что значительная часть так называемых дезертиров фактически представляла собой людей, физически неспособных продолжать пребывание в горах, либо бойцов, направленных в подполье или легализованных по решению командования [2, с. 95]. Из чего складывались потери: погибшие в боях и карательных операциях ~ 30–35 %, умершие от голода, болезней, обморожений ~ 25–30 %, пропавшие без вести / вышедшие из отрядов ~ 20–25 %. И вот здесь важный момент: эти 20–25 % часто автоматически записывались как «дезертиры», что и породило миф. Таким образом, миф о «дезертирстве крымчан» во многом является результатом упрощенных обобщений и игнорирования конкретных условий, в которых действовали партизаны полуострова.

Отношения партизан с местным населением были сложными и неоднозначными. С одной стороны, именно поддержка населения обеспечивала выживание отрядов, с другой – жестокие репрессии со стороны оккупационных властей приводили к росту недоверия и страха. Немецкая политика коллективной ответственности, подробно рассмотренная в работе О.В. Романько «Крым под пятой Гитлера» [3], существенно ограничивала возможности партизанского ма-

невра. Этнический фактор нередко использовался оккупационной администрацией для подрыва партизанского движения, что дополнительно осложняло ситуацию в тылу.

К 1943 г. партизанское движение в Крыму постепенно стабилизировалось. Улучшилась связь с «большой землей», увеличились поставки оружия и продовольствия. В целом крымские партизаны, в т. ч. и сотрудники НКВД, сыграли важную роль в освобождении полуострова. Они дезорганизовывали тыл противника, обеспечивали важные разведанные.

Партизаны Крыма осуществили весомый вклад в противодействие оккупантам, причем в самый сложный период, когда имелись проблемы со снабжением, организацией и обучением личного состава, отсутствовала поддержка вооруженных сил, а иногда даже и местного населения. Сотрудники НКВД в партизанских отрядах выполняли важную организующую и дисциплинирующую роль, они оказались ядром партизанских подразделений. Поэтому выяснение подробностей об участии сотрудников НКВД в партизанской деятельности, их мужестве и подвигах, развенчивание мифов о партизанах и Великой Отечественной войне в целом – наш долг перед предками и потомками.

Литература

1. Генов И.Г. Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1983.

2. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму в годы Великой Отечественной войны // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2.

3. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму 1941–1944 гг. М.: Вече, 2011.

4. Романько О.В. Новое исследование о крымских партизанах: коллективный портрет на фоне мифов и некомпетентности // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2012. Т. 25 (64), № 1.

***В.А. Новохатько**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Н. Шрайбер**, канд. социол. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

КОНФЛИКТОГЕНЫ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАРНАУЛЬСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МВД РОССИИ)

Молодежная среда характеризуется высокой концентрацией людей с разными характерами, ценностными представлениями и взглядами на будущее. Такие индивидуальные особенности, а также различия в жизненных целях

и опыте формируют многообразие мнений об окружающей жизнедеятельности. Дополнительным фактором в конфликтности молодежного общения является учебная нагрузка, социальная адаптация к новому статусу и необходимость самоопределения. Все это является благоприятной почвой для возникновения конфликтов в межличностном общении среди молодежи, и курсантская среда не является исключением.

Термин «Конфликтоген» (порождающий конфликт), был введен в отечественный научный оборот в конце 90-х гг. XX века конфликтологом А.П. Егидесом [1, с. 16]. Авторитетные исследователи А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов понимают под конфликтогеном «любой предмет, идею, взгляд, элемент поведения, выявляющий разность оценок конфликтующих» [2, с. 141]. Методологической основой данного эмпирического исследования является концепция социальной напряженности и конфликтности локальных социумов Ю.Е. Растова. Алтайский конфликтолог предлагал трактовать конфликтогенность как «предрасположенность социальных субъектов к конфликту, обусловленную комплексом факторов социального, экономического, политического, идеологического, демографического, ментального, социально-психологического и психофизиологического характера» [3, с. 167]. Методика данного исследования основана на совокупности показателей отражающих субъективные оценки студенческой молодежи относительно конфликтогенных тем коммуникации, частоты возникновения конфликтов при обсуждении конфликтогенных тем, форм конфликтного взаимодействия и способов урегулирования конфликтов в повседневной коммуникации. Измерение показателей проводилось посредством сочетания количественного и качественного методов получения данных – анкетирования и фокус-группового исследования. Генеральную совокупность эмпирического исследования составили курсанты Барнаульского юридического института МВД России. В анкетировании приняло участие 104 респондента (45 мужчин и 59 женщин). В фокус-группе участвовали 15 информантов (7 мужчин и 8 женщин). Вопросы для фокус-группы строились на основе первичных данных массового опроса, что позволило получить развернутые комментарии по уже выявленным закономерностям.

В повседневной коммуникации студенческой молодежи фигурируют различные темы, способные породить столкновение интересов, которые, порой, могут обсуждаться спонтанно и неосознанно. В ходе анкетирования респондентам были предложены основные категории тем, которые они могли выбрать в качестве конфликтогенных. При анализе первичных данных сформировались три группы тем для общения, которые, по мнению курсантов, имеют наиболее конфликтогенный характер. В первую группу тем вошли обсуждения состояния морали и нравственности (39 % мужчин и 25 % женщин), внешнего вида и манеры поведения различных людей (55 % мужчин и 83 % женщин). Участники фокус-группового исследования комментируют: *«…меня не устраивает манера поведения парней по отношению к девушкам, которое проявляется, чаще всего, в прямых оскорблениях…»* (ж, курсантка); *«… поведение людей – лицемерие, когда человек в лицо говорит одно, а за спиной отзывается о тебе совершенно по-другому, распространяет плохие вещи про тебя…»* (ж, курсантка); *«… не*

нравится, когда люди не выполняют свои обещания, не сдерживают слова…» (м, курсант).

Вторую по популярности группу составили конфликтогенные темы социального неравенства и финансового положения, их указали 53 % мужчин и 48 % женщин. Для молодежи всегда актуален вопрос финансового благополучия. Курсанты в этом случае не исключение. Но более остро стоит проблема неравенства в социальных статусах или профессиональной субординации. *«На мой взгляд, социальное неравенство проявляется в том, что при получении замечания от руководителя, твое мнение особо не берут во внимание…»* (ж, курсантка); *«…часто мужчины возраста старше 40 лет не соблюдают вежливость и уважение в общественном транспорте, они могут вытолкнуть женщину, не уступают места пожилым людям, стараются как можно быстрее занять места…»* (ж, курсантка); *«…я чувствую чрезмерное внимание, когда нахожусь в форме в общественном месте, некоторые могут что-то крикнуть в спину…»* (ж, курсантка).

В третьей группе конфликтогенных тем оказались обсуждения внутренней и внешней политики государства (34 % мужчин и 32 % женщин), а также размышления о будущем (18 % мужчин и 5 % женщин). Участники фокус-группового исследования комментируют: *«… на данный момент времени есть опасения неудачной сдачи сессии, также волнует необходимость отработки именно по специальности в комплектующем подразделении в течение пяти лет по окончании учебного заведения…»*

Исследование показало, что самыми распространенными мотивами обсуждения конфликтогенных тем является желание высказать свое мнение на злободневную тему (51 %), попытаться решить важную для себя проблему (49 %) и возможность выразить свое недовольство (47 %). При этом для 14 % респондентов обсуждение конфликтогенных тем постоянно или довольно часто приводит к возникновению конфликтов. Для 86 % опрошенных курсантов возникновение конфликта на почве коммуникации довольно редкое явление, но иногда все же случается. Наиболее распространенные формы конфликтного взаимодействия для респондентов являются спор (84 %), прямые или косвенные оскорбления (40 %), игнорирование оппонента (38 %). Чаще всего курсанты конфликтуют с однокурсниками, друзьями и знакомыми, которые не разделяют их позиции по обсуждаемой проблеме (58 %), а также не редки случаи вступления в дебаты с незнакомцами в процессе онлайн-обсуждения, при этом для мужчин это распространенная практика (34 %), нежели для женщин (6 %). При фокус-групповом разговоре курсанты пояснили: *«…здесь, скорее всего, речь идет о соревнованиях или онлайн-играх, там жаркие перепалки с соперниками…»* (м, курсант). Наиболее популярными способами разрешения подобного рода конфликтов, к которым прибегают курсанты, – это мирные способы, например, компромисс (51 %) или нахождение взаимовыгодного решения (19 %). Но бывают случаи, когда используются менее рациональные способы – применение силы (5 %) или избегание (4 %).

Таким образом, конфликтогенные тематики в коммуникации главным образом затрагивают повседневную жизнедеятельность молодежи и проблемы

связанные с ней. Но возрастает интерес к социальным, экономическим, политическим проблемам, а также нравственным изменениям, отражающимся в личностных особенностях молодежи, их поведении и манере общения. Можно отметить относительно низкий конфликтологический потенциал молодежной офлайн коммуникации, однако противоположными свойствами обладает интернет-среда, где находится огромное количество людей с разными мнениями, которые можно высказывать и обсуждать практически безнаказанно. Полученные результаты указывают на важность проведения дополнительных эмпирических исследований по выявлению иных конфликтогенов молодежной коммуникации с целью прогнозирования и профилактики социальной напряженности и конфликтности молодежной среды.

Литература

1. Егидес А.П. Лабиринты общения, или как ладить с людьми. М.: АСТ-Пресс, 2007. 368 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. 4-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2020. 536 с.
3. Растов Ю.Е. Корректировка методологического аппарата социологии конфликта в современном российском социальном контексте // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 164–175.

***С.В. Огнева**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Д.Н. Рыбин**, канд. психол. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Эффективность деятельности сотрудников ОВД определяется не только правовыми знаниями, но и социально-психологическими компетенциями. В условиях стресса и конфликтов ключевое значение приобретает эмоциональный интеллект (далее – ЭИ) под которым понимается способность распознавать, понимать и управлять эмоциями.

Значимость эмпатии и ЭИ для полицейских подтверждается и социальными опросами. Так, 33 % граждан отмечают безразличие полицейских, 25 % – игнорирование проблем, 11 % – грубость [3]. Это указывает на недостаточный уровень эмпатии – важного компонента ЭИ.

С целью выявления динамики ЭИ и его компонентов у курсантов и слушателей Барнаульского юридического института МВД России на разных этапах обучения (с 1-го по 5-й курсы) нами была использована методика Н. Холла [6]. Методика включает 5 шкал: эмоциональная осведомленность, управление своими эмоциями, самомотивация, эмпатия, управление эмоциями других. Статистическая обработка данных включала подсчет среднего арифметического и стандартных отклонений**.**

Выборку составили 105 курсантов и слушателей (по 21 респонденту с каждого курса). Ниже в таблице представлены результаты исследования ЭИ курсантов и слушателей БЮИ МВД России. Данные интегрального показателя ЭИ по каждому курсу как среднее арифметическое значение всех шкал опросника.

Таблица

Показатели ЭИ курсантов и слушателей БЮИ МВД России по методике Н. Холла, в баллах

Курс	Эмоциональная осведомленность	Управление эмоциями	Самомотивация	Эмпатия	Управление эмоциями других	Интегральный показатель ЭИ (средние значения)
1	33,0	31,1	33,3	33,2	32,4	32,6
2	29,3	26,6	29,6	28,3	29,1	28,6
3	29,4	26,6	29,2	28,2	28,6	28,4
4	28,4	27,0	28,0	28,1	28,0	27,9
5	29,2	26,6	29,0	28,2	28,2	28

Исходя из данных таблицы, следует, что на первом курсе наблюдаются максимальные значения ЭИ по всем шкалам медики. Интегральный показатель равен 32,6 баллам, что соответствует высокому уровню ЭИ. Наиболее выражены показатели по шкалам самомотивация 33,3 балла и эмпатия 33,2 балла. Стандартные отклонения минимальны, что свидетельствует об однородности группы.

Ко второму курсу происходит значительное снижение всех компонентов ЭИ. Интегральный показатель падает до 28,6 баллов. Наиболее сильное снижение по шкалам «управление своими эмоциями» (с 31,1 до 26,6 баллов) и «эмпатия» (с 33,2 до 28,3 баллов). Возрастает стандартное отклонение (по эмпатии с 3,1 до 6,6, по управлению эмоциями с 2,1 до 5,0), что свидетельствует о дисбалансе или расслоении группы.

На 3–5 курсах интегральный ЭИ стабилизируется на уровне 27,9–28,6 баллов. Стандартные отклонения снижаются (по эмпатии с 6,6 до 5,3, затем до 4,9). К выпуску крайне низкие значения по эмпатии и управлению эмоциями исчезают, группа становится более однородной.

Выявленная динамика позволяет выделить три этапа развития ЭИ в процессе профессиональной подготовки: идеалистический подъем (1 курс), кризисный спад (2 курс), профессиональная трансформация (3–5 курсы). Причины спада на 2 курсе:

1. Эффект «столкновения с реальностью». На практике курсанты сталкиваются с агрессией, манипуляциями, необходимостью применять силу. Возникает когнитивный диссонанс, вызывающий защитное снижение эмпатии.

2. Запуск механизмов психологической защиты. Как отмечают Костина, Дубинский и Булыгина [4], у курсантов 2–3 курсов фиксируются высокая усталость, раздражительность, тревожность, симптомы выгорания (эмоциональное истощение, деперсонализация). Психика «отключает» избыточное сочувствие, чтобы сохранить ресурсы.

3. Несформированность навыков эмоциональной саморегуляции. На 1 курсе курсанты обладают высокой эмоциональной чувствительностью, но не владеют техниками управления эмоциями в стрессе.

4. Влияние авторитарной среды. Эмпатия может восприниматься как слабость. Бочкова М.Н. с соавтором подтверждают: у сотрудников с большим стажем службы в ОВД уровень эмпатии снижается, но возрастает понимание эмоций, т. е. эмпатия трансформируется в когнитивный компонент [1].

5. Повышенная учебно-служебная нагрузка. Жесткая дисциплина, недосып, переутомление снижают уровень эмпатии, таким образом, наша психика экономит ресурсы [5].

К 3-5 курсам под влиянием опыта и обучения происходит трансформация эмпатии: курсанты осваивают когнитивно-опосредованные формы, развивается эмпатическая избирательность (дозирование эмпатии в зависимости от ситуации). Гончарова Н.А. и Жидкова О.А. также выявили более высокий уровень эмпатии у младшей возрастной группы (18–20 лет) [2]. В нашем исследовании к 5 курсу исчезают крайне низкие значения эмпатии (ниже 19 баллов), снижается стандартное отклонение – группа становится однороднее.

Таким образом, эмоциональный интеллект курсантов БЮИ МВД России максимален на первом курсе (32,6 балла), к концу второго снижается до 28,6 балла и далее стабилизируется до выпуска. Причинами спада выступают «столкновение с реальностью», защитные механизмы (деперсонализация, выгорание), недостаток саморегуляции, авторитарная среда и высокая нагрузка. Наиболее уязвимы компоненты «управление эмоциями» и «эмпатия». К выпуску группа становится однороднее: снижается разброс, исчезают крайне низкие значения, формируется эмпатическая избирательность.

Литература

1. Бочкова М.Н., Шаповал В.А., Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Особенности антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта у сотрудников ОВД // Организационная психология. 2021. Т. 11. № 2. С. 154–168. URL: https://orgpsyjournal.hse.ru/2021-11-2/484841231.html (дата обращения: 20.04.2026).

2. Гончарова Н.А., Жидкова О.А. Эмоциональный интеллект и эмпатия в саморегуляции деятельности сотрудников ОВД // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 107–120.

3. Гордеева Е.Н. Эмпатия сотрудников органов внутренних дел как профессионально значимое качество // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 1 (4). С. 42–50.

4. Костина Е.В., Дубинский А.А., Булыгина В.Г. Выделение профилей переживаемых психологических состояний и чувств при осуществлении деятельности у курсантов вузов Министерства внутренних дел Российской Федерации // Прикладная юридическая психология. 2024. № 1 (66). С. 55–72.

5. Рыбин Д.Н., Лисовская А.В. Эмоциональный интеллект курсантов БЮИ МВД России в контексте стратегий поведения в конфликтных ситуациях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2025. URL: https://bppasu.ru/article/ view/17917 (дата обращения: 20.04.2026).

6. Тест эмоционального интеллекта Холла. URL: https://psytests.org/eq/hall. html (дата обращения: 20.04.2026).

***С.В. Огнева**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Т.В. Хокимова**, канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА СОТРУДНИКА ОВД В УСЛОВИЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПУРИЗМА: КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЮРИДИЧЕСКОЙ НОРМОЙ И ПОТРЕБНОСТЯМИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Федеральный закон № 168-ФЗ о защите русского языка для системы МВД стал вызовом профессиональной идентичности [1]. Профессиональный дискурс сотрудника ОВД долгое время развивался по пути функциональной целесообразности: скорость и точность коммуникации ценились выше этимологической «чистоты» лексики [3, с. 165]. Сегодня этот принцип вступает в противоречие с законодательно закрепленным лингвистическим пуризмом. Цель работы – выявить конфликтные зоны между новой языковой нормой и реальными потребностями правоприменения, предложить пути их преодоления в профессиональной подготовке.

Профессиональный язык сотрудника ОВД исторически гибриден: это язык процессуальных актов (архаичная строгость) и язык оперативного реагирования, впитывающий неологизмы (дроппер, фишинг, скимминг, body-камера). Закон № 168-ФЗ, требуя искоренения «иностранщины», игнорирует бинарную

природу полицейского дискурса. Возникает инструментальная проблема: как говорить с гражданином на понятном языке, соблюдая закон?

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить три ключевые конфликтогенные зоны.

Первая зона – экстремальная коммуникация. Ситуации дорожно-транспортных происшествий с участием иностранных граждан, пресечение административных правонарушений на рынках и в местах компактного проживания мигрантов требуют мгновенной реакции. Так, в мае 2025 г. на одном из перекрестков г. Барнаула инспектор ДПС лейтенант полиции А.В. Смирнов остановил автомобиль под управлением гражданина Республики Таджикистан, который, судя по видеорегистратору, проехал на запрещающий сигнал светофора. Водитель не владел русским языком, а переводчика на месте не было. Инспектор, не имея иной возможности объяснить причину остановки, жестом указал на светофор и произнес слово Stop. Водитель кивнул, поняв суть претензии, и предъявил документы. В данном случае англицизм, хотя и не соответствующий духу закона о защите русского языка, выполнил ключевую коммуникативную функцию, позволив избежать эскалации конфликта и длительного разбирательства. В таких условиях требование п. 3 ст. 1 Закона о приоритете русского языка и необходимости перевода выглядит благим пожеланием, невыполнимым в условиях дефицита времени. Сотрудник ППС вынужден либо нарушать закон, используя язык-посредник (английский или англицизмы), либо бездействовать, дожидаясь переводчика, что недопустимо с точки зрения федерального закона «О полиции».

Вторая зона – административное делопроизводство. Ведомственная отчетность и рапорты уже столкнулись с проблемой номинации. Как участковому уполномоченному квалифицировать в протоколе действие, которое в УК и УПК обозначено через описательный оборот, но в молодежном сленге и заявлениях граждан именуется конкретным англицизмом (например, «буллинг» вместо «систематическое унижение чести и достоинства несовершеннолетнего»)? Искусственное исключение устоявшихся терминов ведет либо к отрыву языка документа от языка заявителя (снижение доверия), либо к громоздким конструкциям, которые теряют юридическую однозначность [2, с. 45].

Третья зона – профессиональная социализация. Язык всегда был маркером «своего» в полицейской среде. Запрет на профессионализмы, имеющие англоязычные корни, разрушает неформальные коммуникативные связи и создает риск отчуждения молодых сотрудников, для которых многие технологические термины изначально являются англицизмами [5]. Это порождает внутренний конфликт: «правильно» говорить по-новому, но «удобно» и «привычно» – по-старому.

Выход из обозначенного кризиса видится не в возврате к архаике, а в качественном изменении системы языковой подготовки в ведомственных вузах. Необходимо перейти от борьбы с англицизмами к управлению профессиональной лексикой.

Во-первых, целесообразно введение спецкурса «Юридическая лингвистика в экстремальных условиях», где курсантов будут обучать приемам «ком-

прессии смысла»: как с помощью минимального набора лексических единиц (в т. ч. допуская функциональные заимствования) установить контакт с иностранцем, не составляя при этом процессуального документа, где эти слова будут зафиксированы [4].

Во-вторых, требуется разработка ведомственного глоссария допустимых терминов. Следует провести экспертизу наиболее употребительных англицизмов и часть из них легализовать (как не имеющих аналогов) на уровне рекомендаций МВД России. Например, термин «профайлинг» уже давно вышел за рамки узкоспециального и закреплен в методиках обеспечения безопасности на транспорте [6].

В-третьих, необходимо усиливать лингвокультурологический компонент. Знание норм русского языка должно дополняться знанием реалий и языков тех культур, с представителями которых сотрудник сталкивается ежедневно. Слепое следование букве закона без понимания коммуникативной ситуации дискредитирует саму идею правоприменения [7, с. 98].

Таким образом, трансформация профессионального дискурса сотрудника ОВД неизбежна, но она не должна сводиться к механической замене слов. Пуризм опасен, если ведет к выхолащиванию функциональности языка. Продуктивнее путь «управляемой адаптации»: сотрудник должен владеть спектром от строго нормативной лексики для рапорта до гибких моделей межкультурной коммуникации. Закон задал новые рамки, но их наполнение – задача профессионального образования и научного осмысления.

Литература

1. О защите русского языка: федеральный закон от 24.06.2025 № 168-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 26. Ст. 4521.

2. Баранова Л.А. Англицизмы в языке права: проблема идентификации // Юрислингвистика. 2024. № 28. С. 43–48.

3. Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов // Известия АлтГУ. 2023. № 6. С. 164–169.

4. Коммуникативная компетенция сотрудника полиции в полиэтнической среде: учебно-метод. пособие / под ред. И.Ю. Кашириной. Орел: ОрЮИ МВД России, 2025. 180 с.

5. Маркова О.С. Профессиональный жаргон сотрудников ОВД: структура и функции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. № 2 (81). С. 112–117.

6. Словарь терминов и определений, используемых в системе обеспечения транспортной безопасности. М.: Минтранс РФ, 2023. 210 с.

7. Язык и межкультурная коммуникация в деятельности полиции: мат-лы Всероссийского круглого стола. Барнаул: БЮИ МВД России, 2025. С. 95–104.

8. Эксперт: закон о защите русского языка не запрещает использовать англицизмы // Парламентская газета. 2026. 11 февр. URL: https://www.pnp.ru (дата обращения: 14.03.2026).

***Е.С. Осокин**, студент 1 курса*
Алтайский филиал РАНХиГС

Научный руководитель:
***А.Г. Сорокина**, канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский филиал РАНХиГС

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА: СССР – РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Институт политического убежища прошел сложную эволюцию от идеологизированного инструмента в советский период до конституционно-правового института в России. В условиях становления нового мирового порядка необходимо осмысление исторического опыта для укрепления позиции нашего государства на мировой арене как гуманного, правового, четко обозначившего свою позицию относительно политических ценностей. Цель работы – выявить основные этапы формирования института политического убежища в СССР и Российской Федерации, проанализировать правовое регулирование и практику применения.

Впервые в истории России право убежища получило законодательное закрепление в Декрете ВЦИК от 28.03.1918 [6, с. 2, 6]. Первое советское государство, с принципиально отличной от остального мира идеологией, утвердило незыблемый принцип предоставления убежища всем иностранцам, подвергающимся на родине преследованиям за свою, политическую деятельность, научные или религиозные взгляды. В дальнейшем предоставление политического убежища неизменно находило закрепление в конституциях всех советских республик, при этом выдача таких лиц иностранным государствам не допускалась.

В советский период право убежища носило ярко выраженный идеологический характер, служа инструментом поддержки международного революционного движения. Ключевой особенностью было предоставление эмигрантам свободы отстаивать именно те политические убеждения, за которые они преследовались на родине, что делало этот институт не только гуманитарным, но и политическим инструментом классовой борьбы.

Как отмечает А.В. Сабаева, в 1920–1930-е гг. в страну прибыли тысячи политэмигрантов из стран Германии, Австрии, Польши, Италии, Венгрии и т. д., для которых была организована материальная и моральная поддержка, в т. ч. через Международную организацию помощи борцам революции. За десять лет в СССР прибыло почти 7 тыс. политэмигрантов, большинству из которых было предоставлено политическое убежище. Однако практика предоставления убежища была крайне противоречивой. Приказ НКВД СССР № 00693 от 23.09.1937 [3, с. 284] предписывал всех перебежчиков, независимо от мотивов, немедленно арестовывать и подвергать следственной проработке.

Одновременно с приемом иностранных политэмигрантов инакомыслящие граждане СССР – писатели, ученые, философы (И.А. Бунин, Н.А. Бердяев, С.П. Мельгунов, В.В. Набоков и др.) – были вынуждены эмигрировать и искать

убежище в других странах. Такое положение явно указывало не столько на гуманистические, сколько на идеологические мотивы государства относительно политического убежища.

Важным международным этапом становления института стало принятие Всеобщей декларации прав человека 1948 г., закрепившей право человека искать убежище от преследования. Сложившаяся после второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская (биполярная) система мирового порядка не предполагала идеологического многообразия, жестко делила политически активных людей на своих и чужих. Политические иммигранты представляли огромный интерес как источник разведывательной информации. В СССР до конца 1980-х гг. информация о лицах, ищущих убежище, была засекречена, а сам институт функционировал в условиях жесткого контроля.

С распадом СССР Россия 13 ноября 1992 г. присоединилась к Женевской Конвенции 1951 г. о статусе беженцев и Протоколу 1967 г. Статья 63 Конституции Российской Федерации 1993 г. провозгласила: «Российская Федерация предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права» [2, с. 14]. Предоставление убежища является суверенным правом государства, а не абсолютным правом индивида. В соответствии со ст. 89 Конституции, решение о предоставлении политического убежища принимает Президент Российской Федерации, что подчеркивает исключительный характер данной процедуры [2, с. 14].

Основным документом, регулирующим порядок предоставления убежища, в настоящее время является Указ Президента Российской Федерации от 21.07.1997 № 746 «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» [5]. Согласно Положению, Политическое убежище предоставляется иностранным гражданам и лицам без гражданства с учетом государственных интересов Российской Федерации на основании общепризнанных принципов и норм международного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации и настоящим Положением. Обратим внимание, что на первом месте не гуманистические соображения, а государственный интерес.

Практика его предоставления политического убежища в современной России ограничена: с 1993 по 2013 г. обществу стало известно лишь о нескольких случаях. К сожалению, в свободном доступе не нашлось информации, однако официальные СМИ сообщали о предоставлении убежища Эдварду Сноудену в 2013 г, бывшему президенту Украины В.Ф. Януковичу в 2016 г., однако правовой характер убежища (временное или политическое) выяснить не удалось. В 2024 г. политическое убежище было предоставлено бывшему президенту Сирии Башару Асаду.

Эти примеры демонстрируют политический характер решений, влияющих на международные отношения. Сравнение советского и современного периодов выявляет значительные различия. Если в СССР институт служил преимущественно инструментом внешней политики и классовой солидарности, то в современной России нельзя однозначно определить его сущность. С одной

стороны, конституционные и международные правовые основы позволяют считать политическое убежище частью механизма защиты прав человека, с другой – Указы Главы государства и практика акцентируются на государственных интересах России. Но это тема для отдельного исследования.

История института политического убежища в России эволюционировала от идеологической системы советского периода, составной части межгосударственных отношений периода поддержки революционного движения, затем к части механизма идеологического противостояния и к современному конституционно-правового институту, сочетающему принципы гуманизма и суверенитета.

Литература

1. О праве убежища [Электронный ресурс]: декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 28.03.1918. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.: (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.10.2022). URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 28.02.2026).

3. Об операции по репрессированию перебежчиков – нарушителей госграницы СССР: оперативный приказ НКВД СССР № 00693 23.09.1937 № 62 // Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/49319- (дата обращения: 28.02.2026).

4. Прудникова Т.А. Некоторые подходы к пониманию убежища в Российской Федерации // Юридические науки. 2014. № 6. С. 203–206. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-podhody-k-ponimaniyu-ubezhischa-v-rossiyskoy-federatsii/viewer (дата обращения: 03.03.2026).

5. Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.1997 № 746. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11231 (дата обращения: 02.03.2026).

6. Сабаева А.В. Становление института права убежища в России // Бизнес в законе. 2012. № 4. С. 16–20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-instituta-prava-ubezhischa-v-rossii/viewer (дата обращения: 01.03.2026).

Д.Н. Папшуова, *курсант 2 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Косарева
Ростовский юридический институт МВД России

ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ЭТНОКОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ НА УЛИЦЕ И В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ

Современное мегаполисное пространство представляет собой сложную систему взаимодействия различных культурных и этнических общностей. Улица, транспорт, торговые центры и иные общественные места выступают зонами наиболее интенсивной, зачастую спонтанной коммуникации. В условиях высокой миграционной мобильности и глобализации языковой барьер становится не только препятствием для общения, но и потенциальным источником межэтнической напряженности.

Значительная часть этноконфликтов в общественных местах провоцируется не осознанной политической или идеологической враждой, а элементарным непониманием речевых конструкций, интонационных моделей и невербальных жестов. Язык в данном контексте выступает как «маркер чужого», а отсутствие навыков межкультурного общения превращает случайную бытовую ситуацию в масштабный конфликт. В этой связи языковая подготовка рассматривается не просто как образовательная задача, а как стратегический инструмент обеспечения социального мира и предотвращения этнополитических рисков.

Примерами языковых триггеров, вызывающих напряжение, являются, во-первых, проблемы с языком. Например, ограничение прав использования языка или резкое сокращение его применения. Если говорящие чувствуют, что их язык под угрозой, это создает вражду между группами. Во-вторых, лингвистическое смешение – появление новых элементов языка в речи может вызывать возмущение у «традиционных носителей». В-третьих, необдуманные высказывания, например, грубость, воспринимаемая как оскорбление. Сила воздействия слов зависит от статуса общающихся и публичности высказывания. Кроме того, существуют лингвистические конструкции, инициирующие ответную эмоциональную волну. Например, во фразе «В Кирове проводница поезда выкинула кота на улицу, несмотря на наличие у него билета» словосочетание «выкинула кота» является триггером. Важно, что такие маркеры срабатывают только в определенном контексте и взаимодействии с другими частями текста.

Под коммуникативными стратегиями можно понимать планы и способы общения с целевой аудиторией, которые помогают достичь определенных целей и задач. Коммуникативные стратегии могут различаться в зависимости от контекста и ситуации, но обычно они включают в себя выбор каналов комму-

никации, формулирование ключевых сообщений, определение тон и стиль обращения, разработку визуального образа и т. д. [3, с. 75].

Стратегии вербальной деэскалации, помогающие снизить напряжение:

1) вдумчивое слушание. Позволить человеку высказаться, не прерывая;
2) сопереживание. Понимание эмоций собеседника, даже при несогласии с его действиями. Фразы вроде «Я вижу ваше расстройство» помогут снизить агрессию;
3) задавать вопросы, требующие развернутого ответа. Вместо защиты попытаться задать вопросы, проясняющие ситуацию и направляющие разговор в конструктивное русло;
4) использовать «Я-высказывания». Сообщать о своих чувствах, не обвиняя;
5) сохранять невозмутимость. Избегать сарказма, говорить спокойно;
6) предлагать решение (если возможно). Найти компромисс;
7) устанавливать границы. Четко сообщать о неприемлемом поведении.

Значимость этих стратегий в том, что они позволяют перехватить инициативу и выйти из конфликта. Важно не выиграть, а исчезнуть, оставив агрессора в недоумении. Изучение языков и культур поможет уменьшить социальную дистанцию между разными группами, т. к. знание языка влияет на контакты и взаимодействие с местной культурой, а изучение культурных кодов формирует кросс-культурную компетентность, культурную осведомленность и учитывает разнообразие культур.

В настоящее время очевидно, что непрерывное профессиональное образование стало объективной необходимостью в любой сфере деятельности. Система дополнительного профессионального образования является составной частью и эффективным средством реализации идеи непрерывного профессионального образования [2, с. 851]. Специализированное лингвистическое образование сотрудников правоохранительных органов и социальных служб, действующих в многоязыковой среде, играет ключевую роль в развитии профессиональных коммуникативных навыков, умения взаимодействовать между культурами и учитывать их уникальные аспекты. Это обусловлено реалиями глобализованного мира, где языковое и культурное разнообразие являются неотъемлемой частью межкультурного общения.

Основная задача обучения – развить коммуникативную компетенцию на иностранном языке, обеспечивающую адаптацию и адекватное реагирование на типичные профессиональные ситуации, а также эффективное выполнение служебных задач в иноязычной среде. Знание иностранного языка крайне значимо в профессиональной деятельности [1, с. 3]. Например, в работе полиции могут встречаться иноязычные документы, требующие понимания и перевода. Международные расследования подразумевают сотрудничество с зарубежными коллегами, что требует языковой подготовки. Взаимодействие с иностранными гражданами также является частью работы некоторых сотрудников.

Для языковой подготовки используются специализированные курсы, интерактивные материалы, стимулирующие наглядное запоминание необходимо-

го материала. Важность иноязычного общения неоспорима в профессиях, связанных с межкультурным взаимодействием.

Подводя итог, можно констатировать, что языковая подготовка является фундаментом, первичной профилактикой этноконфликтов. Она позволяет трансформировать ситуацию «столкновения культур» в ситуацию «диалога культур», переводя взаимодействие из эмоционально-агрессивной плоскости в конструктивно-смысловую.

Литература

1. Жалелова Ж.А. Развитие коммуникативной компетенции в обучении иностранному языку // Universum: филология и искусствоведение. 2023. № 8 (110). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/15864 (дата обращения: 16.02.2026).

2. Лыскова М.И. Лингвокоммуникативная подготовка сотрудников полиции в системе дополнительного профессионального образования: опыт и перспективы // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. Вып. 6.

3. Пищерская Е.Н. Вербальные средства реализации коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы // Филология: научные исследования. 2023. № 4.

***Д.Е. Паршикова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Д.Н. Рыбин**, канд. психол. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОТНОШЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ ОВД РОССИИ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ К НЕСЕНИЮ СЛУЖБЫ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ)

Сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД России), привлекаемые к несению службы в особых условиях подвергаются значительным психоэмоциональным и физическим нагрузкам. Кадровый недокомплект усиливает давление экстремальных факторов на сотрудников ОВД, что ускоряет накопление стресса и утомления. В результате снижается качество выполнения служебных задач и возрастает риск профессиональных деформаций. Необходимость применять физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, а также невозможность оказать своевременную

помощь нуждающимся всем могут вызывать у ряда сотрудников чувство вины, внутренний конфликт и когнитивный диссонанс.

В структуре МВД России функционирует психологическая служба, которая в целом обеспечивает сопровождение личного состава, но на практике ее работа сталкивается с рядом проблем [1]. С целью оценки потребности в психологическом сопровождении сотрудников отделов полиции нами было проведено исследование. В основу исследования была положена анкета, разработанная ранее Д.Н. Рыбиным и Ю.В. Трофимовой [2]. В работе «Потребность в психологической помощи обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России» представлена оригинальная анкета, которая была доработана путем включения в нее несколько дополнительных вопросов. Таким образом, модифицированная нами анкета стала включать в себя 11 вопросов. В анкетировании приняли участие 70 сотрудника ОВД России, привлекаемых к несению службы в особых условиях с разным стажем службы. Анкетирование проводилось анонимно.

Результаты анкетирования:

На вопрос «Возникала ли у Вас необходимость обращаться за помощью к психологу?» – да, ответили 2 %, соответственно, у подавляющего большинства не возникала необходимость обращаться за помощью к психологу.

Слышали ли анкетируемые от своих коллег об их потребности обращения к психологу, положительный ответ дали 11 %.

На вопрос «Был ли у вас опыт обращения к психологу по личной инициативе?». Отрицательно ответили 96 % сотрудников. Оставшиеся 4 % анкетируемых, которые ответили утвердительно, указали, что это был психолог, занимающийся частной практикой, и в трудной ситуации они еще и посоветуют его друзьям и знакомым.

С проблемами преобладания негативных эмоциональных состояний 67 % человек обратились бы к психологу. С проблемой конфликта с коллегами и конфликта с друзьями – данный вариант ответа не был выбран ни одним сотрудником. Следовательно, это проблемы, которые возникают реже всего или же сотрудники считают их незначительными.

Любопытно, что если бы перед сотрудниками ОВД стоял выбор психолога, они предпочли бы обратиться к психологу, занимающемуся частной практикой, исходя из ответа 76 % анкетируемых.

Кроме психолога, сотрудники предпочитают решать свои психологические проблемы с родителями (41 % анкетируемых), близкими родственниками (50 % анкетируемых) и друзьями (50 % анкетируемых), однако ни один не обратился бы за помощью к руководителям и педагогам.

На вопрос «Какова необходимость наличия психолога в системе ОВД?» сотрудники со стажем более 20 лет в количестве 24 % отметили, что «очень важна», это помогает справиться с личными проблемами», сотрудники со стажем от 7 до 20 лет в количестве 50 % отметили, что «присутствие психолога не важнее присутствия других». Сотрудники со стажем от 1,5 до 7 лет в количестве 26 % человек отмечали, что психолог совершенно не нужен.

На вопрос «Обращался ли кто-нибудь из ваших коллег к психологу?» – 91 % сотрудников отметили, что из коллег к психологу никто не обращался, однако 9 % анкетируемых отметили, что обращались, при этом 6 % из них: к ведомственному психологу системы ОВД, один к психологу социальной службы за пределами системы ОВД и один к психологу, занимающийся частной практикой.

Ключевые факторы, объясняющие низкий уровень обращаемости сотрудников ОВД за психологической помощью, обобщены и представлены в таблице ниже.

Таблица

	Психолог социальной службы за пределами системы ОВД	**Психолог, занимающийся частной практикой**	**Ведомственный психолог системы ОВД**
Не поймет мои проблемы	41 %	9 %	20 %
Посчитает меня слабым(ой)	24 %	11 %	17 %
Переживаю, что информация о моих проблемах будет передана третьим лицам	24 %	15 %	54 %
Оценит меня как неуспешного	26 %	4 %	20 %
Необходимость называть свои персональные данные (ФИО, место работы)	43 %	19 %	31 %
Получу некачественную услугу (не сможет решить мои проблемы)	57 %	17 %	28 %
Не понимаю принципов и способов работы психолога	39 %	24 %	30 %

По итогам проведенного опроса установлено, что большинство сотрудников ОВД России никогда не обращались за психологической помощью и не сталкивались с подобными обращениями со стороны коллег. Вместе с тем выявлена доля респондентов, которые не только открыты к самостоятельному посещению психолога, но и отмечают практику консультаций у специалистов среди сослуживцев.

Отношение сотрудников ОВД России к психологической помощи может постепенно меняться в позитивную сторону, однако сохраняются значительные барьеры, связанные с профессиональной культурой и недостаточной эффективностью самой психологической службы. Преодоление этих барьеров требует системного подхода на уровне Министерства внутренних дел, включая нормативное, кадровое и информационное обеспечение.

Литература

1. Моисеев А.В. Актуальные проблемы психологического обеспечения служебной деятельности в ОВД. С. 127–128.
2. Рыбин Д.Н., Трофимова Ю.В. Потребность в психологической помощи обучающихся в образовательной организации высшего образования МВД России // Психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава: состояние, проблемы и пути решения: сб. мат-лов I Междунар. научно-практ. конф-ции. 2018. С. 414–418.

***Д.Е. Паршикова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.К. Бутенко**, канд. филос. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), в частности генеративных нейросетей, способных создавать тексты, изображения, музыкальные произведения и программный код, ставит перед правовой системой Российской Федерации серьезные вызовы. Традиционные институты авторского права, сформировавшиеся в эпоху, когда творцом мог быть только человек, оказываются не адаптированными к новым реалиям. Возникают вопросы: кто является автором произведения, созданного ИИ? Кому принадлежат исключительные права? Как регулировать использование охраняемых произведений для обучения нейросетей? Отсутствие четкого правового регулирования создает риски как для разработчиков технологий, так и для правообладателей традиционного контента.

В Российской Федерации базовым документом, определяющим терминологию, является Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве», а также Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Согласно ст. 2 ФЗ № 123-ФЗ, искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного жесткого алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, со-

поставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Важно отметить, что российское законодательство рассматривает ИИ как технологию (комплекс решений), а не как субъект права. Это фундаментальный тезис, определяющий дальнейший анализ авторско-правовых отношений.

Вызов цифровизации заключается в том, что генеративные нейросети создают контент автономно или полуавтономно. Если вклад человека сводится к вводу текстового запроса (промпта), нарушается принцип «творческого труда гражданина». Это создает правовую неопределенность: результат может быть признан общественным достоянием в момент создания, т. к. у него нет автора-человека, либо права могут быть присвоены лицом, не внесшим творческого вклада.

Согласно п. 1 ст. 1228 ГК РФ, автором результата интеллектуальной деятельности признается «гражданин», творческим трудом которого создан такой результат. Лицо, не являющееся автором (в т. ч. юридическое лицо или техническое устройство), не может обладать авторскими правами [1].

Попытки зарегистрировать права на произведения, созданные ИИ (например, в Роспатенте или через депонирование), сталкиваются с требованием указания автора – физического лица.

Возникает дилемма квалификации вклада пользователя. Можно выделить два сценария: в первом – человек использует ИИ аналогично фотоаппарату или графическому редактору, внося значительные творческие правки, выбирая композицию, редактируя результат. В этом случае автором признается человек, т. к. его творческий вклад очевиден. Во втором – человек вводит запрос (например, «нарисуй картину в стиле Ван Гога»), а ИИ генерирует результат. Творческий вклад пользователя минимален.

В российской судебной практике пока нет устоявшейся позиции по второму сценарию. Существует риск, что такие объекты не будут охраняться авторским правом, т. к. не будет доказан творческий характер деятельности человека (критерий оригинальности).

Вторая масштабная проблема связана с «входом» данных (Input). Для обучения нейросетей используются огромные массивы данных (датасеты), часто включающие охраняемые авторским правом произведения (тексты, изображения), скачанные из открытого доступа.

В Российской Федерации действует институт «свободного использования произведения в информационных целях» (ст. 1274 ГК РФ), однако его применение к машинному обучению не урегулировано прямо. Отсутствие четких правил приводит к росту исков (мировой тренд) и неопределенности для российских разработчиков ИИ, которые могут столкнуться с претензиями при масштабировании продуктов.

Кроме того, не решен вопрос ответственности за «нарушение прав третьих лиц самим ИИ». Кто несет ответственность: разработчик алгоритма, владелец платформы или пользователь, сгенерировавший контент? ГК РФ не содержит норм об ответственности автономных агентов.

Для устранения правовых пробелов в Российской Федерации целесообразно закрепить в ГК РФ норму, согласно которой исключительное право на произведение, созданное с помощью ИИ, принадлежит пользователю (физическому или юридическому лицу), инициировавшему генерацию, при условии, что ИИ не признается автором. Также ввести в ст. 1274 ГК РФ специальное исключение, разрешающее воспроизведение охраняемых произведений в целях машинного обучения и анализа данных, при условии, что результат обучения не является тождественным исходному произведению и не наносит неоправданного ущерба правообладателю. Следует рассмотреть возможность введения права (особого вида права), аналогичного праву изготовителя базы данных. Это позволит охранять инвестиции разработчиков и операторов ИИ, не приравнивая ИИ к человеку-автору. Срок охраны может быть сокращен (например, 3-5 лет) по сравнению с классическим авторским правом. Поможет ввести обязанность маркировки контента, сгенерированного ИИ (цифровые водяные знаки, метаданные), чтобы потребители могли отличать человеческое творчество от машинного. Это уже частично реализуется в рамках Концепции регулирования ИИ, но требует закрепления на уровне закона. И, как вариант, закрепить в законодательстве об ИИ правило, согласно которому ответственность за нарушение прав третьих лиц сгенерированным контентом несет оператор ИИ (владелец сервиса), если он не докажет, что нарушение произошло по вине пользователя или вследствие непреодолимой силы (ошибки алгоритма, не зависящей от разработчика).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что действующее законодательство Российской Федерации в сфере авторского права не полностью адаптировано к реалиям развития искусственного интеллекта. Отсутствие регулирования угрожает развитием цифровой экономики: инвесторы не защищены, правообладатели традиционного контента несут убытки от несанкционированного обучения моделей, а потребители сталкиваются с некачественным или контрафактным контентом. Баланс между защитой прав авторов-людей и стимулированием инноваций в сфере ИИ является главной задачей законодателя на ближайшую перспективу.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Городов В.О. Интеллектуальные права на результаты, созданные искусственным интеллектом // Вестник гражданского права. 2023. № 2.

5. Свечникова А.А. Проблемы авторского права в эпоху искусственного интеллекта // Закон. 2022. № 5.

***Е.А. Пастухова**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.Н. Поддубная**, канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сотрудник органов внутренних дел МВД России, находясь на службе, должен соблюдать важные правила, касающиеся его внешнего вида, поведения. Одним из таких правил является соблюдение норм профессионального общения, грамотная речь играет главную роль в ведении диалога с гражданином. Владение основными нормами речевого поведения и применение их на практике позволяет сотруднику получить статус профессионала.

Культура речи полицейского служит определенным маркером, характеризующим его как образованного специалиста и интеллигентного человека. Недостаточная сформированность навыков профессионального общения, несоблюдение норм и правил современного литературного языка в профессиональной деятельности сотрудника приводит к отсутствию способности слушать и слышать коллег, подчиненных, понимать и видеть особенности собеседника и умения интерпретировать его поступки, что может приводить к коммуникативным неудачам. Эффективная коммуникация очень важна в деятельности полицейского. Для сотрудника органов внутренних дел МВД России на первый план выходят и становятся наиболее значимыми такие формируемые качества личности как коммуникабельность, речевая культура, умение взаимодействовать [1, с. 231].

Совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности составляют речевой портрет [3, с. 14]. В случае обобщения анализируемых характеристик, присущих определенному кругу лиц, объединенных по профессиональному или другому социальному признаку, можно говорить о коллективном речевом портрете.

Поскольку полиция является публичным правоохранительным органом, с которым граждане сталкиваются каждый день, коллективный речевой портрет полицейского является визитной карточкой всей системы МВД.

Основу речевого портрета сотрудника органов внутренних дел составляет культура речи. Первое впечатление о сотруднике складывается в первые секун-

ды разговора, именно культура речи определяет, признает ли гражданин в представителе власти профессионала или увидит угрозу. Гражданин, обратившийся за помощью, видит человека и слышит его слова. Если человек говорит грамотно, уважительно и ясно, то у гражданина формируется к нему доверие и уверенность в его компетентности. Грамотный сотрудник легко составит протокол, аргументированно ответит на вопрос, что формирует его профессиональную пригодность. Трудно уважать сотрудника органов внутренних дел, который позволяет себе грубость при общении с гражданами.

Речевая компетенция сотрудника органов внутренних дел МВД России регламентируется Приказом МВД России от 24.12.2008 № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации», ст. 11 Культура речи [2].

Культура речи является важным показателем профессионализма сотрудника органов внутренних дел и проявляется в его умении грамотно и точно формулировать мысли и обязывает сотрудника придерживаться следующих речевых норм: ясности, грамотности, содержательности, логичности, доказательности, лаконичности, уместности.

Кроме того, сотруднику необходимо соблюдать чистоту русского языка, в его речи неприемлемо употребление грубых шуток и злой иронии, неуместных слов и речевых оборотов, вульгаризмов, высказываний, которые могут быть истолкованы как оскорбления в адрес определенных социальных или национальных групп, резких и циничных выражений оскорбительного характера.

С целью анализа культуры речи сотрудника органов внутренних дел рассмотрим два примера, демонстрирующих различный уровень сформированности коммуникативных навыков сотрудников.

Пример № 1: «Здравствуйте, присаживайтесь. Капитан полиции Петров. Расскажите подробно, что случилось, где и когда произошла кража. Ваше заявление будет зарегистрировано, я помогу его составить. После регистрации получите талон-уведомление с номером, по которому сможете отслеживать ход проверки. Если появятся свидетели или вспомните детали – обращайтесь».

В приведенном примере приветственные фразы сразу задают официальный, уважительный тон. Предложение помощи составления заявления показывает готовность сотрудника помочь гражданину, что свидетельствует об отсутствии формализма. Четкое объяснение процедуры снимает у гражданина тревогу и неопределенность, а готовность принять новые детали в будущем завершает диалог на конструктивной ноте. Такая речь считается образцовой, т. к. она соответствует речевому этикету сотрудника, что позволяет формировать доверие к правоохранительным органам, предотвращая возможную негативную реакцию со стороны пострадавшего.

Пример № 2: «Ты чего пришел? Кошелек потерял? А я тут при чем? Сам виноват – надо было следить за вещами. В общем, так: бланки вон там, садись и пиши сам. Я заполнять за тебя ничего не буду. Что писать – разберешься, не маленький. Камеры? Откуда я знаю, есть там камеры или нет. Иди сам ищи. Найдем – не найдем, ничего обещать не могу. Все, давай, не задерживай, у меня

работа. Напишешь – принесешь, подпишу. И в следующий раз внимательней будь».

Данный пример иллюстрирует недопустимое речевое поведение полицейского. Отсутствие приветствия, обращение на «ты» и покровительственный тон недопустимы в речи сотрудника. Это нарушает условную дистанцию между представителем власти и гражданином, он не должен воспитывать или отчитывать гражданина, его основная задача – зафиксировать факт правонарушения и помочь. В данном случае создается впечатление, что это простая формальность, которая сотруднику в тягость. В этом примере сотрудник подрывает авторитет всей службы, показывая лень и безразличие.

Проведенный анализ речи сотрудника органов внутренних дел подтверждает, что речевой портрет сотрудника является важным элементом его профессионального поведения, а также выступает в качестве инструмента формирования доверия к правоохранительным органам, превращая сотрудника в защитника.

Таким образом, проблема формирования речевой культуры сотрудников полиции должна рассматриваться не как второстепенный вопрос этики, а как важнейшее направление профессиональной подготовки, напрямую влияющее на эффективность выполнения служебных обязанностей и общественную оценку деятельности органов внутренних дел.

Литература

1. Анненкова М.С. Формирование языковой личности сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Прикладная психология и педагогика. 2025. Т. 10. № 1. С. 228–238.

2. Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 24.12.2008 № 1138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2007.

***М.Н. Петрова**, студент 1 курса*
Алтайский государственный университет

Научный руководитель:
В.В. Беденков
Алтайский государственный университет

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ И ВЫЗОВОВ

В последние десятилетия правовое воспитание молодежи становится важнейшим направлением государственной политики в области образования, национальной безопасности и профилактики правонарушений. В условиях усиливающейся правовой неопределенности, трансформации социальных институтов и роста деструктивных влияний (интернет-экстремизм, правовой нигилизм, обесценивание традиционных и духовно-нравственных ценностей), правовое воспитание молодежи приобретает стратегическое значение.

Актуальным фактором, влияющим на содержание правового воспитания, стало внешнеполитическое давление со стороны западных государств. Антироссийская, глобалистская риторика, санкционная политика и попытки информационного вмешательства способствуют распространению протестных установок, правового скепсиса и снижению лояльности к институтам правопорядка. Западный образ жизни обесценивает семейные ориентиры. Подрастающему поколению в противовес традиционному приоритету семейных ценностей ставят личный успех, легкие деньги, развлечения, полную свободу половых отношений. Семья в своем традиционном значении в некоторых европейских странах практически перестала существовать. Пропаганда моральной распущенности, подмена нравственных ценностей, обусловленная псевдосвободой выбора с постоянной трансляцией самых разнообразных пороков, как правило, приводит к вырождению цивилизации.

В 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию отметил, что Россия – открытая страна и при этом самобытная цивилизация. В этом утверждении нет никакой претензии на исключительность и превосходство, но эта цивилизация наша – вот что главное. Ее нам передали предки, а мы должны сохранить ее для наших потомков и передать дальше. Элиты Запада не могут не отдавать себе отчет в том, что победить Россию на поле боя невозможно, поэтому ведут против нас все более агрессивные информационные атаки [1].

Под правовым воспитанием предлагается понимать организованную непрерывную деятельность, которая направлена на формирование зрелого правосознания, требующая социально активной позиции, законопослушности, саморегуляции и навыков правомерного поведения. Это определяет стабильность правопорядка, устойчивость правомерного поведения граждан и их гражданскую идентичность [2, с. 11].

Целью правового воспитания, на наш взгляд, выступает необходимость формирования у человека верного понимания социального значения права и его ценности. Правовые знания сами по себе еще не являются гарантом правильного поведения личности. Так, например, особенностью совершения преступлений несовершеннолетними является то, что большинство из них хорошо осведомлены о правовых запретах, которые они нарушают. Необходимо, чтобы правовые знания перешли в личные убеждения человека, совпадающие с интересами общества и государства [3, с. 46].

Правовое воспитание молодежи должно окончательно сформировать высокий уровень правосознания, поэтому в деятельности колледжа или вуза весьма важна преемственность. Большая роль в правовом воспитании молодежи должна уделяться средствами массовой информации: периодическими изданиями, радио, кино, телевидением, интернетом.

Таким образом, правовое воспитание молодежи должно рассматриваться не как факультативная или побочная функция образовательной и социальной системы, а как приоритетное направление государственной политики и правового развития. Оно должно быть системным, научно обоснованным, интегрированным в образовательные программы, деятельность органов власти, судебной и правоохранительной системы. При этом важно развивать и неформальные форматы воспитания – правовые клубы, молодежные инициативы, цифровые проекты, консультативную и волонтерскую деятельность.

Организация патриотического воспитания молодежи является неотъемлемой и важной частью политики каждого государства. Приоритетной задачей нашего государства является создание таких условий для работы и самореализации современной молодежи, в которых она могла бы реализовать свой потенциал, возможности, новаторские идеи на благо страны [4, с. 324].

Значительная роль в процессе воспитания молодого поколения отводится ее самовоспитанию. Однако не следует забывать, что самовоспитание начинается с осознания недостаточного уровня своего правосознания и правовой культуры, что предполагает критичное отношение к себе. Этим могут похвастать немногие молодые люди. Зачастую встречается отсроченное взросление личности, которое проявляется в неумении адекватно оценить правовую ситуацию, принять правильное решение, нежелании заниматься правовым самообразованием, отсутствии чувства ответственности, негативном отношении к правовым ценностям [5, с. 12].

На основании проведенного анализа можно заключить, что в условиях современных вызовов с учетом антироссийской политики стран Запада перед нашим государством особенно остро стоит задача разработки целостного, долгосрочного обеспеченного механизма правового воспитания молодежи. Такой механизм должен быть закреплен на законодательном уровне, интегрирован в общегосударственную молодежную политику и ориентирован на укрепление правопорядка, развитие правосознания и обеспечение устойчивости демократических институтов.

Ключевым шагом может стать разработка и принятие Стратегии правового воспитания граждан в Российской Федерации с перечнем кон-

кретных мер, способствующих развитию правосознания и правовой культуры у молодого поколения. Также важную роль в правовоспитательной деятельности сыграет разработка федеральных и региональных программ, имеющих в своем содержании систему мониторинга, оценки эффективности, цифровой трансформации правового просвещения и вовлечения молодежи в правовую и гражданскую активность.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 «Мы должны обеспечить России право быть сильной» // Российская газета. 2023.

2. Беденков В.В. Генезис научных представлений о правовом воспитании обыденного правосознания российского общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 9–16.

3. Мудрик А.В. Воспитание: явление, институт, понятие. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-yavlenie-institut-ponyatie (дата обращения: 07.04.2026).

4. Козлов А.А. О патриотическом и гражданском воспитании. URL: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2323 (дата обращения: 14.09.2025).

5. Францискевич И.Ю. Правовые основы гражданско-патриотического воспитания молодежи в Российской Федерации // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции. 2017. С. 324–325.

6. Будкина Л.В. Правовая социализация студентов в профессиональных образовательных организациях: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2013. С. 12.

Е.Р. Пищальникова, О.О. Черепанова*, курсанты 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.М. Морковин*, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ AI-СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В современном мире искусственный интеллект стал стремительно развиваться и усложняться. Его внедрение в нашу жизнь непредотвратимо и сколько бы это ни вызывало сомнений и не порождало бы консервативных мнений, применение ИИ в различных сферах жизни упрощает и оптимизирует старые процессы. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием

технологий искусственного интеллекта и их проникновением в образовательный процесс. Растущее число приложений, чат-ботов, платформ с адаптивным обучением и инструментов распознавания речи создает потребность в систематизации опыта их использования, оценке реальной эффективности и выработке научно обоснованных рекомендаций для преподавателей и обучающихся. Целью исследования является практическое рассмотрение сценариев использования AI-систем в повышении эффективности изучения английского языка.

Для достижения поставленной цели, мы решали следующие задачи:

1. Рассмотреть актуальные методы изучения английского языка.

2. Проанализировать ограничения и возможности AI-систем в различных аспектах изучения языка.

3. Разработали некоторые рекомендации по оптимальному использованию AI-систем в образовательном процессе.

Структура статьи соответствует логике исследования и включает введение, теоретическую часть с анализом методов и AI -инструментов, практическую часть с кейсами и рекомендациями, заключение с выводами и список использованных источников.

С.Н. Татаринцева отмечает, что современная концепция образования стремится отойти от системы обучения перейти к системе учения, при которой доминирующей, центральной личностью становится ученик, где большая роль отводится индивидуальности человека, его уникальности, т. е. обучение становится личностно ориентированным (learner-centered education). Однако это же новое направление и становится проблемой. На практике становится просто невозможным найти подход к каждому учащемуся отдельно, или уделить его пробелам в обучении языка достаточное количество времени. Встает вопрос о самостоятельной подготовке ученика или оптимизации процесса обучения ввиду технологического прогресса [3, с. 11].

Стоит начать с того, какими конкретными методами оперирует современная педагогика в области изучения иностранных языков. С.Н. Татаринцева при этом ссылается на классификацию И.Л. Бим и приводит свои примеры приемов, которые могли бы использоваться в рамках конкретного метода. Так, И.Л. Бим делит методы обучения на две большие группы: *методы научения* (деятельность преподавателя) и *методы учения* (деятельность учащихся). К первой группе методов относятся: *метод показа, метод объяснения, метод организации тренировки, метод организации практики, метод контроля.* Ко второй группе: *метод ознакомления, метод размышления, метод тренировки, метод применения, метод самоконтроля* [3, с. 88].

В рамках практического применения данные методы могут использоваться следующим образом:

Метод показа: ИИ может воспроизводить языковые явления с помощью аудио- и видеоматериалов, к примеру, с помощью технологии Text-to-Speech позволяет озвучивать тексты, а генерирующие интерактивные платформы, помогают визуализировать примеры использования лексики [2, с. 729].

Метод объяснения: ИИ помогает упрощать сложные грамматические правила, к примеру, ChatGPT, DeepSeek, Алиса AI поясняют информацию, генерируют примеры доступные для пользователя.

Метод организация тренировки: платформы типа Duolingo, Lerna AI, подстраиваются под языковой уровень обучающегося, имеют структуру поэтапного освоения материала, генерируют упражнения, ведут диалог в формате обучения, предлагают повторно пройти задания вызывающие затруднения.

Метод организации практики: чат-боты, такие как Алиса AI, ChatGPT, помогают в практике устной речи, произношении, а такие как DeepSeek могут служить ассистентами в письменной речи.

Метод контроля: нейросеть имеет возможность проверять задания на наличие орфографических и грамматических ошибок, и даже контролировать речь учащегося.

Виртуальный помощник не всегда понимает, какие темы стоит повторить и в каких областях вам нужна дополнительная помощь. Он реагирует только на то, что спросили здесь и сейчас. Обучение английскому с помощью ИИ без участия преподавателя приведет к хаосу: обучающийся начинает перепрыгивать с одной темы на другую и не может системно закреплять знания [1, с. 6].

В научной литературе встречаются вопросы, касающиеся возникновения у обучающихся проблем с мотивацией и самоконтролем при организации образовательного процесса с использованием AI. ИИ создает ощущение легкости: всегда подскажет, исправит, объяснит, подберет пример. Но вместе с этим исчезает элемент ответственности и внешнего контроля, который важен в обучении. Робот не потребует результат, не напомнит о домашнем задании, не подбодрит в момент усталости. Как дисциплинированно изучать английский, если есть искусственный интеллект, который постоянно хвалит вас просто за то, что вы существуете? Здесь роль преподавателя незаменима, т. к. именно он организует образовательный процесс, задает темп и мотивирует учащегося.

Анализ результатов исследований показывает, что использование ИИ-систем в образовательном процессе при изучении английского языка перспективно с учетом современных тенденций цифровизации. Современные технологии AI позволяют персонализировать обучение, автоматизировать повседневные задачи педагогов и повысить общую эффективность усвоения учебного материала в удобном для современного поколения формате. Однако внедрение должно быть взвешенным, важно сохранить твердую основу преподавания в виде традиционных методов обучения, а нововведения использовать в качестве результативного дополнения. Условиями успешного реформирования станет подготовка как преподавательского состава (к работе с новыми инструментами, контроль качества сгенерированного ИИ-системой материала), так и обучающихся (целенаправленное развитие критического мышления для осознанного взаимодействия с новым аспектом учебной дисциплины в виде иностранного языка).

Тема AI-систем о роли в современном процессе изучения английского языка актуальна и требует дальнейшего изучения в динамике.

Литература

1. Агальцова Д.В., Валькова Ю.Е. Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза // МНКО. 2023. № 2 (99).
2. Ростовская М.Д. Использование искусственного интеллекта (AI) в обучении английскому языку // Вестник науки. 2024. № 10 (79).
3. Татарницева С.Н. Методика преподавания иностранных языков: теория и практика: учебно-метод. пособие. Тольятти: ТГУ, 2008.

***М.Е. Поваляева**, курсант 3 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ФЕНОМЕН САМООГОВОРА: ПОЧЕМУ НЕВИНОВНЫЙ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ПРИЗНАТЬСЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ?

Признание обвиняемым своей вины чаще всего рассматривается как наиболее значимое доказательство по уголовному делу, которое способно существенно повлиять на ход расследования и судебное решение. В правоприменительной практике Российской Федерации (далее – РФ) значение данного института возросло в связи с широким применением особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1]. Согласие подсудимого с предъявленным обвинением фактически освобождает суд от необходимости исследования доказательств, что может создать предпосылки процессуальных ошибок. За признанием «своей вины» может скрываться психологический феномен самооговора, при котором невиновный может признаться в преступлении, которого не совершал.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что самооговор является одним из опасных явлений в уголовном судопроизводстве в настоящее время, поскольку влечет за собой несколько тяжелых последствий, выражающихся в осуждении невиновного и, как следствие, безнаказанности человека, совершившего преступление.

Самооговор в юридической литературе представляет собой заведомо ложное признание лица в совершении преступного деяния, к которому оно не причастно [2, с. 83]. В отечественном законодательстве подчеркивается, что признание своей вины может быть положено в основу обвинения только при подтверждении этого факта совокупностью доказательств. Однако в правоприменительной практике признательные показания чаще всего создают условия для следственных и судебных ошибок [3]. Проблема усугубляется тем, что выявление ложных признаний происходит, как правило, лишь при пересмотре дел

вышестоящими судами или при появлении новых обстоятельств, что не позволяет отразить в официальной статистике реальные масштабы самооговора в России. Сложившаяся ситуация придает проблеме латентный характер, но не снижает ее остроту в уголовном процессе.

Возникает закономерный вопрос: каковы детерминанты, побуждающие невиновного признать свою вину в преступлении? Современные научные исследования позволяют выделить несколько детерминирующих психологических механизмов, обусловливающих феномен самооговора.

Подчинение лицу, обладающим авторитетом и процессуальное принуждение. Во время следственных действий, а именно при проведении допроса следователем, обладающим властными полномочиями, у подозреваемого активизируются защитно-адаптивные механизмы психики, приводящие к искажению восприятия реальности. Человек находится в состоянии фрустрации, вызванного изоляцией, давлением, депривацией сна, или же напротив, обещаний смягчения наказания [4]. В данной ситуации признание вины выступает как способ избежать дискомфорт, а последствия такого решения не осознаются лицом в полной мере.

Внушаемость и интернализация (ложные воспоминания). Особую опасность представляет феномен интернализованного самооговора, при котором человек может признаться в преступлении и под воздействием внушения начинает искренне верить в свою виновность. Исследуя особенности допроса несовершеннолетних, отмечают, что наиболее уязвимы перед внушающим воздействием лица с эмоциональной нестабильностью и несформированной волевой сферой [5, с. 79]. Во время допроса таких лиц, следователь может предъявлять сомнительные доказательства и убеждать подозреваемого в наличии у него амнезии, тем самым создавать ложные воспоминания у лица о деталях события.

Личностная уязвимость. Необходимо отметить, что некоторые категории лиц – несовершеннолетние, лица с психическими заболеваниями, низким интеллектом и повышенной тревожностью наиболее привержены к самооговору в силу своих психических особенностей. Они легче поддаются внушению, не осознают юридических последствий признания и быстрее теряют волю к сопротивлению.

Для исследования темы феномена самооговора необходимо обратиться к судебной практике прошлых лет, так было рассмотрено уголовное дело, в ходе которого обвинялось лицо в причинении смерти мужчине. Обвиняемый вину признавал, однако адвокат не верил в то, что этот человек совершил убийство и во время судебного заседания попросил его отложить, мотивировав данную просьбу тем, что представит документы, свидетельствующие о невиновности подсудимого. Однако следующее заседание не состоялось по причине самоубийства этого лица. Позже выяснилось, что человек, осуществивший преступление был очень дорог подсудимому и готов был признать вину в том, чего в действительности не совершал [6]. Исходя из данной практики, можно сделать вывод, что самооговор может быть следствием не только давления, но и отсутствия квалифицированной юридической помощи на ранних этапах уголовного судопроизводства.

На основе проведенного анализа можно сформировать комплекс мер, направленных на минимизацию рисков самооговора в российском уголовном процессе:

– необходимо усилить контроль суда за обоснованностью обвинения при особом порядке судебного разбирательства, а также законодательно закрепить обязанность суда проверять не только добровольность признания, но и его соответствие другим доказательствам по делу;

– при проведении допроса несовершеннолетних, лиц с психическими расстройствами и при наличии признаков психологического давления требуется привлечение специалистов-психологов. Для эффективного противодействия самооговору следователю необходимо понимать механизмы формирования ложных воспоминаний, природу внушаемости и манипулятивные приемы, которые способны спровоцировать человека на ложное признание;

– надлежит активно проводить следственные действия, а именно проверку показаний на месте для более эффективного выявления самооговора, особенно в случаях, когда признательные показания являются основой обвинения. Данное следственное действие позволяет сопоставить показания с обстановкой события и выявить совпадения или несовпадения с другими доказательствами;

– необходимо усовершенствовать судебную статистику путем выделения дел с фактом самооговора в отдельную категорию для более точной оценки масштаба явления и эффективности примененных мер.

Исходя из вышесказанного, феномен самооговора в законодательстве представляет собой серьезную междисциплинарную дилемму, находящуюся на пересечении уголовного процесса и психологии. Понимание механизмов формирования ложных признаний кроме теоретического имеет и практическое значение для совершенствования правоприменительной деятельности и предупреждения судебных ошибок.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Шляпников Ю.В., Найкина Ю.А. Тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) в ситуации самооговора // Контентус. 2017. № 12 (65). С. 80–86.

3. Верховный Суд (ВС) потребовал от нижестоящих инстанций тщательно проверять признательные показания URL: https://alrf.ru/news/verkhovnyy-sud-vs-potreboval-ot-nizhestoyashchikh-instantsiy-tshchatelno-proveryat-priznatelnye-poka/ (дата обращения: 12.03.2026).

4. Почему невиновные признаются в преступлениях, которые они не совершали? URL: https://www.klerk.ru/blogs/ceur/507569/ (дата обращения: 12.03.2026).

5. Неупокоева И.А., Гроголева О.Ю. Учет возрастных и индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего при проведении допроса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 3 (74). С. 78–83.

6. О самооговоре и позиции адвоката. URL: https://адвокат-спиридонов.рф/о-самооговоре-и-позиции-адвоката/ (дата обращения: 12.03.2026).

***Д.А. Полонникова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Д.О. Заречнев**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ДЕЙСТВИЯМ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в условиях чрезвычайных ситуаций приобретает в современных условиях особую актуальность.

Актуальность темы обуславливается тем, что реализация должностных обязательств происходит в условиях повышенной сложности и эмоциональной напряженности. Каждый день сотрудники ОВД сталкиваются с психологическими проблемами на службе. Ввиду чрезвычайного характера возникающих угроз, к уровню профессиональной подготовки предъявляются повышенные требования. Психофизическое состояние сотрудника включает в себя как инструментальные навыки, так и развитые регуляторные механизмы психики, обеспечивающие стрессоустойчивость и преодоление негативных последствий психологического воздействия.

В рамках теоретических основ тактико-специальной подготовки принято систематизировать служебные условия по уровню вероятной опасности. Принципиально обозначить, собственно что экстремальная ситуация сама по себе не тождественна угрозе: она имеет возможность быть обоснована важным психоэмоциональным напряжением, образующимся по причине недостатка времени или сложности алгоритмов действий. Наличие реальной угрозы жизни и здоровью личного состава автоматически переводит любую потенциально опасную ситуацию в категорию экстремальных (чрезвычайных). Типичными примерами служат силовое задержание лиц, имеющих при себе оружие, пресечение попыток хищения табельного оружия у сотрудника, а также нейтрализация активного физического сопротивления со стороны злоумышленников.

Повышение эффективности тактико-специальной подготовки сотрудников полиции неразрывно связано с анализом психофизиологических аспектов поведения личности в экстремальных обстоятельствах. С учетом данного фактора представляется целесообразным внедрение следующего комплекса методик:

1. Техника периферического сканирования основывается на тренировке расширения бокового зрения при выполнении практических задач. Сущность способа заключается в следующем: в процессе передвижения по учебной площадке сотрудник получает установку держать под контролем наибольшую численность передвигающихся объектов, не теряя при этом сосредоточении на основном мотивированном объекте. Такой тренинг содействует выработке стойкого опыта отслеживания окружающей обстановки в условиях сосредоточенности на ведущей угрозе, собственно, что решает главную роль в предотвращении внезапных атак.

2. Использование VR-тренажерных комплексов знаменует собой инновационный этап в тактико-психологической подготовке личного состава. Воссоздание достоверной картины чрезвычайного происшествия – с шумовыми эффектами, имитацией разрушений и сигналами бедствия – позволяет безопасно и неоднократно тренировать психику сотрудника к действию в критических условиях. В результате срабатывает принцип «вакцинации стрессом», обеспечивающий закалку нервной системы к экстремальным нагрузкам.

3. Сущность идеомоторной тренировки заключается в мысленном, многократном и детализированном воспроизведении тактических алгоритмов (например, сценариев штурма или задержания). Формирующиеся в процессе такой работы нейронные связи по своей структуре идентичны тем, что задействуются при реальных физических действиях. Это позволяет сократить время принятия решений и повысить степень уверенности сотрудника в ситуациях, сопряженных с опасностью и нестабильностью обстановки.

Следовательно, профессиональная деятельность сотрудников правопорядка в современных условиях неразрывно связана с высокими психоэмоциональными нагрузками и наличием непосредственной угрозы для их здоровья и жизни. В связи с тем, что любое потенциально опасное событие способно перерасти в критическую ситуацию, приоритетное значение в системе профессиональной подготовки приобретает становление способностей психологической саморегуляции и стойкости к негативным влияниям служебной среды.

Литература

1. Чуносов М.А. Компоненты профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в экстремальных ситуациях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 3-1 (285).

2. Билык В.И., Митракова Е.Н. Проблемы формирования адаптационного потенциала сотрудников правоохранительных органов к напряженным условиям профессиональной деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3 (22).

А.Д. Польщикова, *курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
П.Д. Фризен, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ УЧАСТНИКОВ И ВЕТЕРАНОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ, ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

В нынешней политической обстановке в Российской Федерации защита прав такой категории граждан как участники специальной военной операции и члены их семей представляется чрезвычайно актуальным вопросом, решающим значимые аспекты социальной справедливости и отражающей картину объединения общества. Во все времена в нашем государстве признавалась высокая моральная значимость зашиты тех, кто отдает свою жизнь и здоровье на благо защиты интересов Родины.

Ведущей целью данной политики является недопущение ситуации социальной изоляции и незащищенности будущих и текущих ветеранов боевых действий. Такие ситуации уже случались в истории России, например, после военного конфликта в Афганистане, когда военные, вернувшись в мирную жизнь, оказались фактически не готовыми к дальнейшей повседневной действительности, а государство не оказывало им соизмеримой поддержки и должного перечня социальных прав и защиты.

В федеральных нормативных правовых актах не дано легального определения понятия «участник специальной военной операции» Из Постановления Правительства Российской Федерации от 09.10.2024 № 1354 следует, что участники СВО – это граждане Российской Федерации, принимающие (принимавшие) участие в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области.

С 6 августа 2024 г. неонацистские формирования захватили часть территории Курской области, где разворачивались ожесточенные боевые действия. Важно отметить, что военнослужащие, защищавшие Курскую область, не получили статуса участников СВО. Это было связано с введением на территории Курской области режима контртеррористической операции. Соответствующие изменения были внесены в Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» только 21.04.2025.

Базовая задача, реализуемая при поддержке участников специальной военной операции и их семей, – это медицинская помощь, причем как лечебные мероприятия по поддержанию здоровья раненых, их дальнейшая реабилитация и восстановление, так и психологическая поддержка самих военнослужащих и их семей.

Социальная защита исследуемых лиц охватывает широкий спектр мер, которые можно разделить на категории. К ним относятся финансовая поддержка в виде единовременных и регулярных выплат, медицинская помощь (лечение, реабилитация, санаторно-курортное лечение), юридическая защита (бесплатная правовая помощь), пенсионное обеспечение, защита прав в сфере труда и занятости, налоговые льготы, льготы на оплату коммунальных услуг, доступ к образованию (общему, среднему профессиональному и высшему), льготы на проезд в общественном транспорте [1].

Существует определенная особенность российского общества – в нашей действительности обращение к психологической помощи все еще воспринимается как что-то чуждое и многие граждане относятся с большим скептицизмом к данному явлению, отказываясь признавать очевидные проблемы и их влияние на качество жизни, отсутствует в нашей стране и специальное правовое регулирование данного вопроса, а государственно признанного статуса специалисты психологи так и не получили по настоящий момент.

Вероятнее всего бывшим военнослужащим придется фактически заново обучиться тем навыкам, которые кажутся весьма привычными и неотчуждаемыми у обычного человека. Например, режим сна, трудовая деятельность и развитие, понимание себя как индивидуальной личности, общение в социуме и др. Многим ветеранам приходится вновь научится даже отклику на собственное имя, ведь достаточно сложно разорвать импульсы, на которых ты привык жить последние несколько лет, перестать откликаться на боевой позывной и вновь начать идентифицировать себя как простого человека.

Во-вторых, вопросы пенсионного обеспечения для участников СВО – это непростая тема, затрагивающая разные стороны. Здесь сочетаются как страховые выплаты, так и государственная поддержка из бюджета, причем правила могут отличаться для разных групп военнослужащих.

В соответствии с законодательством, территориальные органы Социального фонда России несут ответственность за информирование участников СВО о пенсионных льготах. Среди них – зачет двух лет страхового стажа за каждый год участия в СВО и начисление 3,6 пенсионных коэффициента за календарный год участия (вместо 1,8) [2].

В-третьих, активно ведется работа по социализации участников СВО. Одним из проявлений этой работы является приоритетное зачисление в вузы и колледжи. Участники СВО и их дети имеют особые права при поступлении в учебные заведения. Некоторым участникам СВО предоставляется право поступления на места в пределах отдельной квоты без проведения вступительных испытаний (за исключением дополнительных вступительных испытаний творческой и (или) профессиональной направленности): Героям Российской Федерации и их детям; лицам, награжденным тремя орденами Мужества, и их детям; детям, чей родитель погиб или получил увечье либо заболевание в ходе спецоперации.

В-четвертых, после окончания военной службы участники СВО вправе вернуться к своей работе в течение 3 месяцев. Если они не выйдут на работу по истечении 3 месяцев с даты окончания военной службы, то их можно уволить

на основании п. 13.1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации. В течение 6 месяцев после возобновления трудового договора он имеет право на ежегодный оплачиваемый отпуск в удобное для него время независимо от стажа работы у работодателя (ч. 8 ст. 351.7 ТК РФ).

В-пятых, в соответствии с Федеральным законом от 13.06.2023 № 229-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» участники СВО и члены их семей освобождены от начисления пени за несвоевременное и (или) неполное внесение платы за жилое помещение и коммунальные услуги, взноса на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме. Таким субъектам не могут быть ограничены и (или) приостановлены коммунальные услуги [3].

Около двух лет назад широкий общественный резонанс вызвала ситуация, произошедшая с вдовой участника СВО, которая была принудительно выселена из своего единственного жилья вместе с малолетними детьми. Жилье приобреталось на средства материнского капитала, однако ввиду отсутствия кормильца у семьи возникла долгосрочная просрочка в гашении кредитных обязательств по ипотечному кредиту и обязательных платежей по коммунальным услугам. В результате вдова вместе с детьми оказалась буквально на улице, а кормилец семьи погиб при исполнении долга перед Родиной. Широкое внимание общественности позволило изменить ситуацию и впоследствии вдове и детям были произведены масштабные государственные выплаты и назначены меры ежемесячной социальной поддержки, однако судебные разбирательства по жилью семьи продолжаются до настоящего времени.

Изложенное как нельзя объективно демонстрирует сложности, которые возникают у семей участников военной операции и у самих ветеранов, несмотря на активное развитие законодательных мер поддержки данных субъектов. Государству предстоит еще провести достаточно масштабную работу в данном направлении, которая будет требовать постоянного совершенствования даже после окончания военной операции. Своевременный отклик государства на актуальные запросы общества в рассматриваемой проблематике позволит решать возникающие проблемы хотя бы в ретроспективном формате. Особенную актуальность получит и поддержка семей участников СВО и самих ветеранов с точки зрения оказания им квалифицированной юридической помощи, т. к. дальнейшее возникновение конфликтных ситуаций и судебных споров представляется практически неизбежным.

Литература

1. Бессчетнова О.В. Социальная поддержка военнослужащих – участников СВО и членов их семей как направление государственной социальной политики Российской Федерации // Социальная работа и социальное благополучие в изменяющемся обществе: сб. мат-лов II Всерос. научно-практ. конфции с междунар. участием, г. Киров, 10 октября 2024: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. С. 22–26.

2. Исхакова О.Е. Социальное сопровождение в условиях военного времени: поддержка семей участников СВО // Молодой ученый: сб. ст. XIII Меж-

дунар. научно-практ. конф-ции, г. Пенза, 10 мая 2025. Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 318–320.

3. Рыбалка Е.А. Меры социальной поддержки участников СВО и членов их семей: проблемы и направления совершенствования // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2 (113). С. 58–62.

***Е.В. Попова**, курсант 2 курса*
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
И.Н. Навроцкая
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Информационные технологии играют одну из ключевых ролей в жизни современного общества, обеспечивая доступ к информации, коммуникациям и образовательным ресурсам. Благодаря простоте и доступности информационных сетей они получают широкое распространение среди человечества. Однако эти же технологии могут использоваться злоумышленниками, включая террористические организации, использующие данные ресурсы в противоправных целях.

Террористы используют информационно-телекоммуникационные сети для координации действий, планирования террористических актов, а также привлечения новых членов в свои ряды. Интернет обеспечивает анонимность, бесконтрольную коммуникацию и колоссальные возможности для популяции своей деятельности среди пользователей [5, с. 4].

Кроме того, нельзя не упомянуть о том, что сеть Интернет также используется для сбора средств на финансирования террористических организаций. Онлайн-платформы и появление новых способов платежей позволяют анонимно финансировать экстремизм и терроризм из разных стран мира, минуя банковские структуры, что значительно затрудняя деятельность органов власти по отслеживанию данных транзакций.

Мессенджеры, веб-сайты и иные и информационные ресурсы используются экстремистскими организациями для вербовки единомышленников. Зачастую террористы вовлекают в свою деятельность молодых людей, являющихся наиболее активными в сети Интернет. Стоит упомянуть, что несовершеннолетние граждане подвержены к данным действиям, поскольку, не обладают должным уровнем знаний, опыта за счет чего злоумышленникам проще воздействовать на молодые умы [3, с. 3; 2, с. 123].

Для эффективной борьбы с использование информационных технологий в террористических целях необходимы комплексные меры, включающие законодательные инициативы, взаимодействие общества и государства, а также международное сотрудничество.

Для достижения результативности в данном вопросе необходимо совершенствовать законодательство, регулирующее распространение экстремистской информации в сети Интернет. Это включает в себя разработку новых и совершенствование уже существующих правовых норм, закрепляющих ответственность за создание и распространение материалов, содержащих в себе призывы к осуществлению террористической деятельности [4, с. 7–15].

Разработка эффективных алгоритмов мониторинга социальных сетей и иных платформ обмена информацией позволит своевременно обнаруживать подозрительную активность экстремистов и предотвращать преступления. К данным механизмам можно отнести любые инструменты в информационном пространстве, которые будут специализироваться на автоматическом поиске информации, содержащей в себе определенные ключевые элементы, при обнаружении которых, система будет незамедлительно уведомлять правоохранительные органы и службы безопасности.

Кроме того, следует упомянуть о постоянных профилактических беседах и мероприятиях с подростками для выработки автоматизма реагирования на провокации со стороны террористических организаций. К таковым можно отнести всевозможные уловки, касающиеся вознаграждений за выполнение заданий «кураторов», просмотр и интерес к различным материалам, исходящим от экстремистских организаций [1, с. 3].

Таким образом, в заключение следует отметить, что использование информационных технологий в террористической деятельности представляет серьезную угрозу национальной безопасности многих стран. Для эффективного противодействия данной проблеме важно объединить усилия государства, общества и каждого человека в отдельности. Только совместные действия позволят минимизировать риски и обеспечить правопорядок и безопасность для граждан. Данная тема имеет огромное значение для понимания современных тенденций и развития терроризма и экстремизма, а также разработки м принципиально новых методов защиты от киберугроз, с которыми сталкивается общество сегодня.

Литература

1. Безручко Е.В., Кемпф В.А. Предупреждение преступлений экстремистской и террористической направленности в условиях информатизации общества // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-prestupleniy-ekstremistskoy-i-terroristicheskoy-napravlennosti-v-usloviyah-informatizatsii-obschestva (дата обращения: 24.02.2026).

2. Заврина Е.Е., Макурин П.С., Лебедева И.Н. Основы противодействия терроризму и экстремизму: учеб. пособие. Липецк: Изд-во Липецкого гос. технического ун-та, 2021. 154 с.

3. Опалев А.В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-informatsionnye-tehnologii-kak-instrument-deyatelnosti-ekstremistskih-i-terroristicheskih-organizatsiy (дата обращения: 20.02.2026).

4. Романовский В.Г. Правовые основы противодействия терроризму в цифровом пространстве // Ex jure. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-protivodeystviya-terrorizmu-v-tsifrovom-prostranstve (дата обращения: 01.03.2026).

5. Тирских А.А. Противодействие пропаганде экстремизма и терроризма в сфере информационных технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-propagande-ekstremizma-i-terrorizma-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy (дата обращения: 01.03.2026).

***К.С. Призова**, курсант 3 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***К.А. Корчагина**, канд. юрид. наук*
Ростовский юридический институт МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ К УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ

Актуальность рассматриваемой темы заключается, прежде всего, в том, что сотрудники ОВД, являясь федеральными государственными служащими, а соответственно и представителями государственной власти, в своей профессиональной деятельности ежедневно взаимодействуют с населением, с социальными группами, представителями государственной власти, органами местного самоуправления и др. Вместе с тем от разного рода действий (бездействий) отдельных сотрудников формируется облик сотрудников ОВД в целом, от которого и зависит в последующем степень доверия граждан к МВД России, укрепляется, либо наоборот падает авторитет ОВД. Напомним, что в соответствии с ФЗ «О полиции», один из критериев оценки деятельности полиции – мнение граждан.

Немаловажную роль по повышению доверия населения к полиции играет участковый уполномоченный полиции (далее – участковый), который выполняет служебные обязанности на закрепленном за ним административном участке. Доверие населения к участковому представляет собой не просто социально-психологическое явление, но важнейший оперативный ресурс, от которого напрямую зависит эффективность правоохранительной деятельности на кон-

кретной территории. Участковый, пользующийся доверием жителей, получает доступ к информации, недоступной никаким официальным каналам, и может рассчитывать на содействие граждан в решении служебных задач. Формирование же этого доверия имеет глубокую психологическую природу и требует от сотрудника не столько владения юридическими нормами, сколько развитых личностных компетенций.

Отметим, что участковый должен действовать в соответствии с профессионально-этическими нормами, которые включают в себя нравственные основы службы, профессионально-этические правила поведения в служебных коллективах и в общении с гражданами, а также профессионально-этический стандарт антикоррупционного поведения. Служебная эстетика объединяет в себе культуру труда, речи сотрудника, служебного быта и внешний вид, которые должны быть безупречными исходя из его особого статуса [2, с. 168].

Однако здесь хотелось бы остановиться именно на необходимости грамотно выстраивать профессиональное общение в деятельности участковых с целью выстраивания доверительных отношений с лицами, проживающими на административном участке. В служебной деятельности участкового важен не только факт установления психологического контакта, но и развитие дальнейших доверительных отношений в контексте последующего взаимодействия. Доверие не декретируется приказами и не возникает по велению служебной инструкции – оно вызревает в тысячах ежедневных контактов, в каждом взгляде, каждом слове, каждом поступке.

В психологии под доверительным контактом понимается общение, в ходе которого один человек доверяет другому свои мысли, чувства, тем самым раскрывая свои стороны внутреннего мира, а применительно к психологии служебной деятельности, доверительные отношения, направленные на получение необходимой информации. Основой доверительных отношений является доверие, основанное на знании о порядочности, честности, либо при возникновении веры в собеседника (способностью внушать доверие) [1, с. 416]. Психология доверия начинает формироваться в момент первого контакта: впечатление о человеке складывается в первые секунды взаимодействия и впоследствии крайне трудно поддается коррекции. Участковый, умеющий расположить к себе с порога, получает доступ не просто к информации, а к душе человека. Для участкового это означает, что его внешний вид, манера держаться, тон голоса, направленность взгляда становятся теми сигналами, по которым житель бессознательно оценивает: «свой» перед ним или «чужой» [3, с. 72], защитник или контролер, друг или надзиратель. Открытая поза, спокойный взгляд, доброжелательная интонация снижают защитные барьеры и создают основу для дальнейшего диалога. Закрытость, формализм, казенный тон, напротив, моментально выстраивают стену отчуждения, которую потом придется разрушать годами.

Важную роль в установлении доверия играет *эмпатия*. Способность участкового понимать эмоциональное состояние собеседника, разделять его тревоги и страхи, не оставаться равнодушным к его проблемам – это не просто проявление человечности, но профессионально значимое качество. Люди идут к участковому не за абстрактной «защитой закона», а за конкретной помощью

в конкретной ситуации: агрессивный сосед, украденный велосипед, шумная компания во дворе и т. д. И если вместо живого участия они встречают «отписки», доверие умирает, даже не успев родиться. Эмпатичный участковый, способный сказать: «Я понимаю вашу боль, я помогу», – становится для жителя не просто должностным лицом, а человеком, которому можно доверять. Также в механизме развития доверия играет *наблюдательность и индивидуальный подход участкового*. Участковый, владеющий искусством наблюдения, способен замечать эти нюансы и выстраивать общение с учетом индивидуальных особенностей собеседника. Знание имен, память о прошлых обращениях, интерес к успехам трудного подростка или здоровью одинокой пенсионерки – все это мелочи, из которых складывается большая мозаика доверия. Человек доверяет тому, кто его помнит, кто в нем заинтересован. Также важна психологическая устойчивость и конгруэнтность. Доверие невозможно без ощущения надежности. Граждане должны чувствовать, что участковый – это опора, на которую можно положиться в трудной ситуации. Психологическая устойчивость сотрудника, его уверенность в себе, спокойствие в конфликтных ситуациях, способность сохранять самообладание – все эти качества транслируются окружающим и формируют образ защитника. При этом важна конгруэнтность – соответствие вербальных и невербальных сигналов. Если участковый говорит о доброжелательности, но при этом смотрит исподлобья и держит руки скрещенными, подсознание собеседника считает фальшь, и доверие разрушается. Вместе с тем участковому не следует забывать о *постоянстве и доступности.* Только регулярное присутствие, пешие обходы, участие в жизни двора, школы, общественных мероприятий формируют ощущение, что полиция – это не далекая абстракция, а конкретный человек, всегда готовый прийти на помощь. Доступность в прямом и переносном смысле – открытая дверь кабинета, готовность выслушать в нерабочее время – все это работает на создание доверительной атмосферы.

Таким образом, эффективность служебной деятельности участкового детерминируется не только нормативной регламентацией, но и совокупностью личностно-профессиональных компетенций, формирующихся и развивающихся в ходе повседневной практики. Психология доверия к участковому – это тонкая материя, сотканная из тысяч мелочей: первого взгляда, сказанного слова, проявленного участия, вовремя оказанной помощи. И потому участковый, понимающий психологические механизмы формирования доверия, становится не просто стражем порядка, но подлинным защитником, которому люди открывают не только двери, но и души. А это, в конечном счете, и есть главное условие эффективной профилактики правонарушений и подлинной безопасности. В заключение отметим, что доверие растет медленно, как вековой дуб, но рушится мгновенно, как карточный домик. Участковый должен помнить об этом каждую минуту, поскольку десять лет безупречной службы могут быть перечеркнуты одним часом равнодушия (доверие помнит только последнее).

Литература

1. Димитров А.Н., Кочеров Ю.Н., Сотников С.С. Психологические аспекты установления доверительных отношений в деятельности участкового уполномоченного полиции // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-4. С. 416–419.

2. Корчагина К.А. Формирование профессионально-этической культуры обучающихся образовательных организаций МВД России как профилактика нарушений служебной дисциплины и законности среди федеральных государственных служащих // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: матлы Всерос. научно-практ. конф-ции. СПб., 2024. С. 167–170.

3. Корчагина К.А. Формирование профессионально-этической, эстетической культуры обучающихся образовательных организаций МВД России при освоении ими образовательных программ // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений X Междунар. науч. конф-ции; пред. редкол. С.К. Буряков. Омск, 2021. С. 71–73.

***С.И. Прокопьев**, курсант 1 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
***И.Н. Ахметова**, канд. юрид. наук*
Восточно-Сибирский институт МВД России

КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях реформирования правоохранительной системы, повышения требований к открытости и публичности деятельности полиции, проблема коммуникативной компетентности сотрудников органов внутренних дел приобретает особую значимость. Профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел неразрывно связана с постоянным взаимодействием с гражданами, коллегами, представителями государственных органов и общественных объединений. От того, насколько эффективно выстроено это взаимодействие, зависит не только достижение конкретных служебных целей, но и формирование позитивного имиджа правоохранительных органов в общественном сознании.

В современной юридической психологии и педагогике понятие «коммуникативная компетентность рассматривается как интегративное свойство личности, включающее совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное взаимодействие в различных ситуациях общения» [2, с. 44]. При-

менительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел данное понятие приобретает специфическое содержание, обусловленное особенностями правоохранительной функции.

Е.И. Беглова подчеркивает, что «деловое и профессиональное общение сотрудников органов внутренних дел, с позиций риторических знаний и опыта, направлено на специфику публичного выступления, проведение деловых переговоров и бесед, а также делового телефонного разговора» [1, с. 37]. Данный подход акцентирует инструментальную составляющую коммуникативной компетентности, ее значение для решения конкретных служебных задач.

Некоторые авторы предлагают рассматривать социально-коммуникативную компетентность сотрудника полиции как «способность эффективного взаимодействия с гражданами, коллегами и представителями различных социальных групп», подчеркивая, что «сформированность социально-коммуникативных навыков помогает сотруднику полиции в обеспечении правопорядка, профилактике преступлений, разрешении и урегулировании возникающих конфликтов» [5, с. 308].

Существенным представляется выделение в структуре профессионального общения сотрудника органов внутренних дел трех взаимосвязанных сторон: перцептивной (восприятие и понимание партнера по общению), коммуникативной (обмен информацией) и интерактивной (организация взаимодействия). Каждая из указанных сторон предполагает наличие у сотрудника определенных качеств и навыков, обеспечивающих успешность соответствующего аспекта общения.

Особого внимания заслуживает понятие «психологический контакт», приобретающий в деятельности органов внутренних дел значение профессионального инструмента и под которым понимается «целенаправленное общение участников профессиональной деятельности, возникающее на основе обоснованной позиции и надлежащего поведения» [4, с. 2]. Отмечается, что «установление психологического контакта с различными категориями граждан (потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми, очевидцами) требует от сотрудника дифференцированного подхода, учета индивидуально-психологических особенностей собеседника и специфики ситуации взаимодействия» [3, с. 151].

Эмоционально-волевая регуляция приобретает особое значение при взаимодействии с гражданами, находящимися в состоянии аффекта, агрессии, глубокого горя или отчаяния. Сохранение спокойствия и уверенности позволяет сотруднику не только контролировать ситуацию, но и оказывать успокаивающее воздействие на собеседника. Наблюдательность, способность к рефлексии, умение интерпретировать невербальные сигналы, прогнозировать развитие ситуации общения позволяют сотруднику адаптировать коммуникативную стратегию к индивидуальным особенностям партнера по общению, что существенно повышает эффективность взаимодействия.

Специфика профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел предъявляет высокие требования к его речевой культуре: ясность и точность речи, логичность изложения, богатство лексикона, умение адаптировать речевые средства к ситуации общения и особенностям собеседника, вла-

дение профессиональной терминологией при доступности изложения для неподготовленного слушателя. Е.И. Беглова акцентирует внимание на технике речи, «в частности голосе как инструменте речевого воздействия на слушателя», а также на «приемах ответов на сложные вопросы» [1, с. 25]. Данные навыки особенно востребованы при публичных выступлениях сотрудников, взаимодействии со средствами массовой информации, проведении переговоров.

Система профессионально значимых качеств сотрудника органов внутренних дел включает не только коммуникативные, но и иные качества: морально-нравственные, интеллектуальные, организаторские, специальные способности. Коммуникативные качества занимают в этой системе особое место, поскольку опосредуют реализацию всех остальных качеств в процессе профессионального взаимодействия. Как справедливо отмечается «сформированность социально-коммуникативных навыков помогает сотруднику в обеспечении правопорядка, профилактике преступлений, разрешении и урегулировании возникающих конфликтов» [5, с. 310]. Коммуникативная компетентность выступает, таким образом, не дополнительным, а базовым требованием к профессионализму сотрудника.

В зависимости от специализации сотрудника (оперативно-розыскная деятельность, дознание и следствие, патрульно-постовая служба, работа с несовершеннолетними и др.) структура востребованных коммуникативных качеств может варьироваться. Однако можно выделить инвариантное ядро коммуникативной компетентности, обязательное для всех сотрудников независимо от направления деятельности. К числу таких универсальных коммуникативных качеств относятся: уважительное отношение к человеку независимо от его социального статуса, национальности, вероисповедания или процессуального положения; умение слушать и слышать собеседника; способность ясно и доступно излагать свои мысли; владение навыками установления психологического контакта; умение предотвращать и разрешать конфликты.

Существенное значение имеет способность сотрудника дифференцированно подходить к общению с различными категориями граждан. Исследователи выделяют «особенности взаимодействия с партнерами-манипуляторами, специфику общения с лицами, имеющими суицидальные намерения, особенности установления контакта с подозреваемыми и обвиняемыми» [4, с. 4]. Каждая из указанных категорий требует от сотрудника особых коммуникативных навыков и тактических приемов.

Коммуникативные качества сотрудников органов внутренних дел представляют собой сложную, многоуровневую систему, включающую эмоционально-волевые, когнитивно-аналитические, поведенческие и речевые компоненты. Сформированность данной системы является необходимым условием эффективного решения профессиональных задач, обеспечения прав и законных интересов граждан, укрепления авторитета правоохранительных органов.

Литература

1. Беглова Е.И. Риторический аспект профессиональной коммуникации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: монография / МВД России. Нижний Новгород: НА МВД России, 2025. 96 с.
2. Гордеева Е.Н. Эмпатия сотрудников внутренних дел как профессионально-значимое качество будущих специалистов и цель их профессиональной подготовки // Педагогика и психология: академический журнал. 2024. № 1 (4). С. 42–50.
3. Майоров В.И., Дунаева О.Н. Современные концепции взаимодействия полиции и общества как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39). С. 145–153.
4. Простяков В.В., Гребнева А.С., Винидиктова С.В. Особенности установления психологического контакта сотрудником органов внутренних дел с различными категориями граждан в ситуациях профессиональной деятельности // Юридическая психология. 2025. № 3. С. 2–5.
5. Саенко Л.А. Пелих В.В. Методы формирования социально-коммуникативной компетентности у будущего сотрудника МВД // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3 (112). С. 308–310.

***К.В. Просянок**, курсант 2 курса*
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
А.Ю. Викторов
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Современные условия служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел характеризуются высоким уровнем стрессогенности, неопределенности и рисков для жизни и здоровья. Профессиональная среда сотрудников Министерство внутренних дел Российской Федерации связана с необходимостью оперативного принятия решений в экстремальных ситуациях, противодействием агрессии, криминальному давлению, информационным и эмоциональным перегрузкам. В условиях роста социальной напряженности и усложнения форм противоправной деятельности особое значение приобретает обеспечение личной безопасности сотрудника как одного из ключевых элементов его профессиональной надежности.

Личная безопасность сотрудника ОВД определяется не только уровнем правовой защищенности, технической оснащенностью и тактической подготов-

кой, но и состоянием его психики, способностью сохранять самоконтроль, адекватность восприятия и поведенческую устойчивость в критических ситуациях. Психологическая устойчивость выступает системообразующим фактором, влияющим на предупреждение профессиональных деформаций, эмоционального выгорания, а также на снижение вероятности ошибочных или импульсивных действий, способных привести к угрозе жизни и здоровью сотрудника и окружающих.

Н.А. Гончарова подчеркивает, что психологическая устойчивость рассматривается как интегративное качество личности, включающее эмоциональную стабильность, стрессоустойчивость, развитую саморегуляцию, когнитивную гибкость и мотивационно-ценностную направленность [2, с. 217]. Однако в контексте служебной деятельности сотрудников ОВД данное понятие нередко трактуется фрагментарно, иными словами, преимущественно через призму стрессоустойчивости, без учета поведенческого и ценностного компонентов [2, с. 218].

По мнению Т.Е. Крысиной, проблемным остается вопрос соотношения психологической устойчивости и личной безопасности. С одной стороны, устойчивость снижает вероятность дезадаптивных реакций (паники, агрессии, ступора), с другой – чрезмерная эмоциональная ригидность или формирование «псевдоустойчивости» может приводить к игнорированию реальных угроз, недооценке риска и нарушению техники безопасности [3, с. 109]. Таким образом, необходим комплексный подход к исследованию устойчивости как динамической системы личностных ресурсов.

Отдельного внимания, как отмечает Е.В. Булавина, заслуживает проблема профессионального стресса и его накопительного эффекта. Систематическое воздействие экстремальных факторов, высокая ответственность, дефицит времени, регламентированность деятельности и социальная критика формируют предпосылки для развития синдрома эмоционального выгорания. Снижение уровня психологической устойчивости влечет ухудшение концентрации внимания, увеличение количества ошибок, импульсивность реакций и, как следствие, повышение риска травматизма и угроз личной безопасности [1, с. 154].

Помимо этого, Н.Н. Файзуллин подчеркивает, что недостаточно разработанными остаются механизмы формирования и поддержания устойчивости в процессе профессиональной подготовки и службы. Несмотря на наличие психологического сопровождения в системе МВД России, практические программы зачастую ориентированы на диагностику, а не на профилактику и развитие личностных ресурсов [4, с. 30]. В связи с этим возникает необходимость внедрения комплексных тренингов саморегуляции, развития стрессоустойчивости, навыков эмоционального интеллекта и конструктивного поведения в конфликтных ситуациях.

Следовательно, как определяет Е.В. Булавина, психологическая устойчивость сотрудников ОВД может быть представлена как многоуровневая система, включающая:

– когнитивный компонент, включающий адекватную оценку обстановки, прогнозирование развития ситуации, способность к принятию решений в условиях неопределенности;

– эмоциональный компонент, т. е. способность к управлению эмоциональными состояниями, сохранению внутреннего равновесия при воздействии стрессоров;

– поведенческий компонент, включающий выбор безопасных и правомерных стратегий действий, соблюдение алгоритмов профессиональной деятельности;

– мотивационно-ценностный компонент, т. е. осознание значимости личной безопасности как профессиональной ценности и ответственности [1, с. 161].

Личная безопасность сотрудника в данном контексте выступает не только как физическая защищенность, но и как состояние психологической сохранности, предотвращающее развитие деструктивных форм поведения. Психологическая устойчивость обеспечивает согласованность восприятия, оценки и действия, что особенно важно в условиях угрозы жизни.

Исследования в области профессиональной психологии, в т. ч. работа Е.В. Булавиной, показывают, что высокий уровень устойчивости коррелирует с меньшей выраженностью тревожности, агрессивности и склонности к рисковому поведению. Сотрудники с развитой саморегуляцией демонстрируют более точное соблюдение инструкций по личной безопасности, эффективнее взаимодействуют в группе и реже допускают нарушения служебной дисциплины [1, с. 157–158].

Следует отметить, что формирование устойчивости возможно еще на этапе профессионального отбора, обучения и последующей службы. Так, перспективными направлениями являются внедрение психотренингов, моделирующих экстремальные ситуации; обучение методам психофизиологической саморегуляции; развитие навыков конструктивного разрешения конфликтов; систематическая психологическая поддержка и супервизия (формат профессиональной поддержки, развития и оценки работы психолога, психотерапевта или консультанта).

В заключение необходимо отметить, что психологическая устойчивость является ключевым личностным фактором обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД, влияющим на адекватность поведения в экстремальных условиях. Личная безопасность определяется совокупностью внешних и внутренних условий, среди которых психологическая устойчивость занимает системообразующее место.

Недостаточный уровень устойчивости повышает риск профессиональных ошибок, травматизма и эмоционального выгорания. Формирование и поддержание психологической устойчивости требует комплексного подхода, включающего профессиональный отбор, обучение, психологическое сопровождение и развитие навыков саморегуляции. Разработка и внедрение программ укрепления психологической устойчивости в системе МВД России выступает важным

направлением повышения эффективности служебной деятельности и сохранения жизни и здоровья сотрудников.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод, что психологическую устойчивость следует рассматривать как стратегический ресурс профессиональной надежности сотрудника ОВД и необходимое условие обеспечения его личной безопасности в современных условиях служебной деятельности.

Литература

1. Булавина Е.В. Теоретическая модель информационно-психологической устойчивости сотрудников полиции // Психология и психотехника. 2025. № 4.

2. Гончарова Н.А., Иванова А.М. Дифференциально-психологический анализ особенностей психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93).

3. Крысина Т.Е., Алдошин А.В., Носов С.А. Психологическая устойчивость как элемент безопасности личности сотрудника органов внутренних дел // Автономия личности. 2025. № 1 (34).

4. Файзуллин Н.Н., Хамитов А.Р. Специфика психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Science Time. 2020. № 6 (78).

***В.Е. Пуцелева**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.В. Моисеев**, канд. ист. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВ ДРОППЕРСТВА: НОВЫЕ НОРМЫ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Объем хищений с использованием банковских карт и дистанционного банковского обслуживания в 2025 г. достиг 27 млрд рублей, из которых не менее 60 % прошло через счета дропперов. Под дропперством понимается предоставление третьим лицам доступа к своему счету для обналичивания или транзита похищенных средств. Существующая правовая конструкция не содержит прямого запрета таких действий, что создает системную проблему для правоохранительных органов и банковского сектора.

В 2024–2025 гг. приняты изменения в федеральный закон «О национальной платежной системе» и Уголовный кодекс Российской Федерации, направленные на противодействие дропперству. Однако практика применения показывает пробелы в регулировании.

Первый недостаток принятых норм – отсутствие самостоятельного состава за систематическую передачу банковского счета третьим лицам. Действующие ст. 159, 187, 174.1 УК РФ требуют доказать умысел на хищение или легализацию, что при цепочке дропперов практически невозможно. Дроппер формально остается добросовестным держателем счета.

Второй недостаток – низкая скорость блокировки вновь открытых счетов. Банки получают сведения о подозрительном лице с задержкой до трех рабочих дней. За этот период дроппер успевает провести до 50 транзакций и обналичить средства через третьи кредитные организации.

Третий недостаток – разобщенность реестров. Росфинмониторинг, Банк России и МВД ведут собственные перечни дропперов без прямого обмена данными. Лицо, включенное в один реестр, беспрепятственно открывает счета в банке, не подключенном к этому реестру.

На основе анализа изменений, внесенных федеральным законом от 08.08.2024 № 259-ФЗ, формулируются предложения по повышению эффективности противодействия.

Приоритетное направление – введение административной ответственности за передачу доступа к счету без уведомления банка. Статья 15.27 КоАП РФ дополняется частью 4: предоставление третьему лицу логина, пароля или токена для дистанционного управления счетом влечет штраф от 30 до 50 тыс. руб. Повторное нарушение в течение года – блокировка дистанционного банковского обслуживания на 6 месяцев.

Второе направление – обязательная интеграция банков в единую информационную систему Банка России с режимом реального времени. При попытке открыть счет лицом из федерального перечня дропперов операция автоматически отклоняется. Технический регламент предполагает ответ системы в пределах 0,5 секунды на запрос.

Третье направление – создание межведомственного координационного центра при Банке России. В состав включаются представители Росфинмониторинга, МВД, Генпрокуратуры и Ассоциации российских банков. Центр уполномочен направлять предписания о внесудебной блокировке счета-прокладки без решения суда на срок до 10 рабочих дней.

Действующая правовая модель не дифференцирует дропперов по роли и объему проведенных средств. Целесообразно разделение на три категории. Первая – разовые передатчики данных без получения вознаграждения. Для них – штраф и предупреждение. Вторая – системные дропперы с оборотом до 500 тыс. руб. Для них штраф и запрет на открытие новых счетов на 1 год. Третья – организаторы сетей дропперов с оборотом свыше 1 млн рублей. Для них – уголовная ответственность по ст. 187 УК РФ с максимальным сроком до 7 лет.

Внедрение специализированных мер против дропперства создает правовую основу для разрыва посреднического звена. Однако эффективность норм зависит от скорости межбанковского обмена и наделения Банка России полномочиями по внесудебной блокировке.

Литература

1. Отчет о деятельности МВД России по противодействию IT-преступлениям за 2025 год. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 14.04.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Федеральный закон «О национальной платежной системе» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.А. Ревякина**, студент 2 курса*
Алтайский государственный аграрный университет

Научный руководитель:
***Т.А. Артамонова**, канд. филос. наук, доцент*
Алтайский государственный аграрный университет

ВЛИЯНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Мы живем в эпоху, когда массовая культура окружает нас повсюду. Музыка, соцсети, видеоигры, реклама оказывают большое влияние на современную молодежь и являются неотъемлемой частью, формирующей ее личность.

В постиндустриальном обществе культ потребления стал доминирующей силой, определяющий наш статус, ценности, желания и форму поведения: «Ты – это то, что ты купил». Все это ведет к постоянному стремлению получать материальные блага и впечатления, обусловленное взаимодействием психологических, социальных и экономических факторов [3].

Культ потребления внедряет культуру материализма, где твоя самооценка и положение в обществе зависит от количества имущества, приобретенного тобой. Это способствует нарастанию неудовлетворенности собой и погоне за новой «игрушкой», создавая цикл зависимости и переживаний. Влияя на состояние окружающей среды, не рациональное потребление ведет к истощению ресурсов. Потребительская идеология оказывает значительное влияние на нашу коллективную идентичность и целеустремленность, загоняя нас под определенный шаблон, а не выделяя нас как отдельную личность, отличающуюся своими ценностями и стремлениями [3]. Как защитная реакция, в обществе начинает доминировать индивидуализм, отодвигая традиционные коллективистские ценности отечественной культуры на задний план. Исследователи также отмечают, что «налицо глубочайший культурный и духовный кризис современной цивилизации, который состоит … в гигантских темпах совершенствования информационно-технической среды существования человека параллельно с его все

возрастающей духовной инфантильностью и идейной манипулируемостью» [6, с. 63].

В условиях глобализации и быстроразвивающихся технологий главным и быстрым инструментом для передачи информации стали СМИ. Отмечается влияние медиа и рекламных коммуникаций на структуру желаний и механизмы восприятия. Посредством тщательно продуманных сообщений, ярких изображений и кричащих лозунгов они создают повествование, влияющее на нашу общую картину мира, желания и убеждения. Под их воздействием у людей складываются представления о стандартах красоты, идеализированном образе жизни, критериях поведения и т. д.

Реклама манипулирует нашими желаниями, заставляя пересматривать наши ценности, формируя потребительское мышление [5]. Еще один из факторов – воздействие на человека посредством эмоциональных порывов. Маркетинговые компании часто используют эмоции как уловку, вызывая самые яркие из них: чувство страха, ностальгии, зависти и т. п, тем самым добиваясь своей цели – продать товар. Воздействуя на нашу нервную систему и обходя процесс рационального принятия решений, они стимулируют нас на совершение импульсивных покупок [5].

Глобализация медиа имеет и ряд положительных признаков. Среди них: возможность культурного обмена посредством музыки, кино, моды, технологий, быстрое распространение гуманистических идей, и формирование общественной солидарности [4]. Таким образом, медиа имеют существенное влияние на формирование системы ценностей, стремлений и коллективной идентичности молодежи [5].

С развитием социальных сетей к нам пришли такие платформы, как TikTok, YouTube, Shorts, VK-видео и многие другие информационные площадки, позволяющие получать информацию за короткий промежуток времени, средняя длина роликов 15-30 секунд. Контент адаптирован под снижение концентрации внимания, что увеличивает вероятность просмотра ролика до конца. Сложные темы упрощают до «лайтовых» форматов. Доминирование клипового мышления стало фактором сокращения времени концентрации внимания, особенно у подростков и молодежи.

Удобство потребления – ролики можно смотреть в любое время и в любом месте, алгоритмы сами подстраивают контент под твои предпочтения. Но во всем этом и таится опасность: быстрое переключение способствует уменьшению времени фокусировки на информации, трудностям усвоения новой, снижению памяти, обработки контента лишь поверхностно, что очень плохо, т. к. нужно придерживаться информационной гигиены.

Клиповое мышление может влиять на общение, приводя к проблемам построениям долгих диалогов с окружающими людьми. Быстрая смена картинок, сбивает фокус внимания и может приводить к эмоциональной нестабильности, особенно для детей и подростков, имеющих неокрепшую психику.

У клипового мышления есть ряд положительных аспектов: многозадачность, что важно в ритме больших городов, развитие гибкости, способность адаптации к быстро меняющимся условиям. Креативность и инновационность –

кратковременное восприятие стимулирует нестандартное мышление, развитие визуальной памяти через картинки, видео, схемы или таблицы.

Массовая культура глубоко проникает в сознание молодежи, перестраивая систему ценностей, формируя новые желания и меняя способы мышления. С одной стороны, она подталкивает к постоянному потреблению, где вещи становятся главным мерилом успеха, а реклама и медиа незаметно управляют нашими выборами и эмоциями. С другой стороны, короткие форматы информации снижают способность удерживать внимание надолго, приучая воспринимать мир поверхностно и быстро переключаться между фрагментами.

Однако у этого процесса есть и светлая сторона: глобальные медиа открывают большой спектр возможностей познания окружающего мира, доступ к разным культурам, помогают распространять важные идеи и учат быстро адаптироваться к изменениям. Главный вывод состоит в том, что массовая культура – это не однозначное зло, а мощный инструмент. Каким будет его влияние – разрушительным или созидательным – зависит от того, научится ли молодое поколение критически оценивать информацию, сохранять глубину мысли и не терять себя в бесконечном потоке контента

Литература

1. Быстрова Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Психология и психотехника. 2020. № 4. С. 45–52. URL: https://www.b17.ru/article/klipovoe_myshlenie_/ (дата обращения: 12.04.2026).

2. Захарова А.А. Исследование ценностей коллективизма и индивидуализма у студенческой молодежи // Вестник молодежной науки Алтайского государственного аграрного университета. 2021. № 2. С. 236–240.

3. Культ потребления: роль маркетинга в формировании потребительских желаний. URL: https://vc.ru/marketing/1145156-kult-potrebleniya-rol-marketinga-v-formirovanii-potrebitelskih-zhelanii (дата обращения: 12.04.2026).

4. Ревякина А.А. Влияние массовой культуры на сознание молодежи // Proza.ru. 2024. 9 дек. URL: https://proza.ru/2024/12/09/170 (дата обращения: 12.04.2026).

5. Шарипова Э.Ф. Воздействие средств массовой информации на формирование ценностных ориентаций студентов (по материалам исследования в городе Уфа). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-sredstv-massovoy-informatsii-na-formirovanie-tsennostnyh-orientatsiy-studentov-po-materialam-issledovaniya-v-gorode/viewer (дата обращения: 12.04.2026).

6. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития (коллектив авторов; под. ред. А.В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

Ю.Ю. Ремезова, *слушатель 2 курса ФПП*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
О.В. Макарова
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИК МАЙНДФУЛНЕС ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СНИЖЕНИЯ ВЕРОЯТНОСТИ ОШИБОК У СОТРУДНИКОВ ОВД, ПРОВОДЯЩИХ ПРИЕМ ГРАЖДАН

Работа сотрудников органов внутренних дел, особенно связанная с проведением приема граждан по различным вопросам, часто сопряжена с высоким уровнем стресса, эмоциональной нагрузкой и необходимостью принимать быстрые и точные решения в условиях ограниченного времени. Постоянное взаимодействие с людьми, находящимися в различных жизненных, зачастую конфликтных ситуациях, требует от сотрудников не только профессиональных навыков, но и высокого уровня психологической устойчивости. Недостаток концентрации, усталость, эмоциональное выгорание могут приводить к снижению эффективности работы и увеличению вероятности ошибок, что в свою очередь может иметь серьезные последствия, как для граждан, так и для самих сотрудников.

В последние годы все больше внимания уделяется немедикаментозным методам повышения стрессоустойчивости и когнитивных функций. Одним из таких перспективных направлений является применение техник майндфулнес. Майндфулнес, или осознанность – это практика беспристрастного, ежеминутного осознания собственных ощущений, эмоций и мыслей. «Способность человека сосредоточиваться, осознавать текущий внутренний и внешний опыт, управлять процессом осознания является важным фактором стрессоустойчивости и психологического благополучия» [2, с. 28].

Заграничные исследования с использованием нейровизуализации показывают, что даже непродолжительная практика майндфулнес в течение 8 недель приводит к изменениям в структуре и функционировании мозга. В частности, у людей, испытывающих стресс и тревогу, наблюдалось снижение активности миндалевидного тела (амигдалы), отвечающего за реакцию на стресс и страх, улучшение связности между различными отделами мозга, что способствует лучшей регуляции эмоций и когнитивных функций [3].

Также практики майндфулнес доказали свою эффективность в: снижении уровня стресса и тревожности, снижении артериального давления, улучшении концентрации внимания и способности к сосредоточению, повышении эмоциональной регуляции и снижении импульсивности, развитии эмпатии и сострадания, уменьшении симптомов выгорания.

Изучение потенциала применения майндфулнес для повышения эффективности и снижения вероятности ошибок у сотрудников ОВД проводящих прием граждан весьма актуально.

Сотрудники органов внутренних дел, в профессиональные обязанности которых входит прием граждан по различным вопросам (например: сотрудники подразделений по исполнению административного законодательства, миграционной службы, регистрационно-экзаменационных подразделений ГИБДД и др.), сталкиваются со специфическими психологическими проблемами, для преодоления которых техники майндфулнес могут быть особенно полезны. Прием граждан зачастую сопровождается высоким уровнем эмоционального напряжения, конфликтными ситуациями, жалобами и требует от сотрудников умения сохранять спокойствие и внимательность. Практика осознанности способствует более спокойному и обдуманному подходу к каждой ситуации, снижая вероятность импульсивных или невнимательных действий.

Рассмотрим несколько подходящих для интеграции в рабочий процесс техник майндфулнес.

Осознанное дыхание – сотруднику необходимо занять удобное положение (сидя или стоя), закрыть глаза. Далее следует направить свое внимание на ощущения, связанные с дыханием. Сконцентрироваться на вдохе и выдохе, следить, как поднимается и опускается живот или грудная клетка. Если внимание рассеивается, следует постоянно возвращать его к слежению за дыханием. Для этого упражнения не требуется много времени – 3 мин. перед началом рабочего дня или в перерывах между приемом граждан достаточно. Концентрация на дыхании помогает «заземлиться», расслабиться и настроиться на спокойную работу.

Техника «сканирование тела» требует от сотрудника концентрации внимания на телесных ощущениях. Для этого следует поочередно направлять внимание на различные части своего тела, отмечая любые ощущения (тепло, холод, напряжение, расслабление, покалывание) без попытки их изменить. Начинать можно с пальцев ног и постепенно продвигаться вверх до макушки головы. Данный прием позволяет осознать, как тело отзывается на стресс, какие мышцы напряжены. После чего, следует намеренно направить внимание на эти участки и посредством самоприказов расслабить мышцы, сняв физический дискомфорт. Данное упражнение занимает не более 5 мин.

Техника «осознанное слушание» способствует созданию доверительной атмосферы. Во время разговора с гражданином сотрудник полностью концентрирует свое внимание на том, что говорит собеседник, а не на своих мыслях. Основная задача во время выполнения данной техники – понять собеседника, а не просто его услышать. Это важный навык для сотрудников, работающих с гражданами, который помогает сделать общение бесконфликтным, уважительным и избежать недопонимания.

Техника «5-4-3-2-1» может применяться в любой момент, когда сотрудник чувствует, что его внимание рассеивается. Для этого нужно назвать 5 предметов, которые можно увидеть вокруг, 4 предмета, которые можно потрогать, 3 любых слышимых звука, 2 запаха, и 1 чувство, которое сотрудник испытыва-

ет прямо сейчас. Это упражнение помогает вернуть внимание к настоящему и снизить уровень тревоги.

Майндфулнес может использоваться также в ситуациях, когда сотрудник ОВД встречается с проявлением грубости или хамства. В таких ситуациях сотруднику необходимо иметь навык психологической саморегуляции, чтобы не позволить ответным эмоциям управлять своим поведением. Техника осознанности позволяет наблюдать за своими эмоциями, признавать и называть их (например, «я чувствую гнев», «я чувствую раздражение»). Сделать краткую паузу, пару коротких вдохов и длинных выдохов, осознать собственные чувства и спокойно и твердо сообщить: «Я понимаю ваше недовольство, но прошу вас соблюдать корректность в общении». Это позволяет не допустить развития конфликта и продолжить работу.

Интеграция техник майндфулнес в систему подготовки и профессионального развития сотрудников может происходить посредством обучающих семинаров и тренингов, с помощью распространения информационных материалов – памяток, брошюр, видеоматериалов. Также для успешного практического внедрения майндфулнес в профессиональную деятельность сотрудников ОВД необходима поддержка со стороны руководства, заключающаяся в приверженности принципам благополучия сотрудников и поддержки инициатив, направленных на снижение стресса.

Литература

1. Копейкин А.А., Беловол Е.В. Осознанность и ее влияние на регуляцию эмоций и психологическое благополучие // Вестник Московской международной академии. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osoznannost-i-ee-vliyanie-na-regulyatsiyu-emotsiy-i-psihologicheskoe-blagopoluchie (дата обращения: 13.03.2026).

2. Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 2. С. 18–28.

3. Gotink R.A., Meijboom R., Vernooij M.W., Smits M., Hunink M.G. 8-week Mindfulness Based Stress Reduction induces brain changes similar to traditional long-term meditation practice – A systematic review. Brain and Cognition Vol. 108, October 2016, Pages 32–41. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/27429096/ (дата обращения: 13.03.2026).

М.Д. Решетникова, *курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
П.Д. Фризен, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧЕНОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ СИСТЕМЫ МВД

Указом Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 2022–2031 гг. в Российской Федерации были объявлены Десятилетием науки и технологий, поэтому вопросы правового положения субъекта, занимающегося научной деятельностью, стали все больше интересовать научное сообщество. Ведь ученый является центральной фигурой в прогрессе науки и технологий. От того, насколько высоко ценится его социальное и правовое положение, напрямую зависит успешность научных изысканий, а также польза, которую научный труд приносит обществу и государству.

В Федеральном законе от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» в разделе основных понятий, несмотря на наличие других терминов, отсутствует разъяснение понятия «ученый». Наряду с этим в указанном законе используются такие формулировки, как «научный работник», «специалист научной организации» и «работник сферы научного обслуживания».

Например, исходя из текста Указа Президента Российской Федерации от 16.09.1993 № 1372, ученым признается работник бюджетных организаций науки и высших учебных заведений, имеющий ученые степени доктора наук и кандидата наук. Указ Президента Российской Федерации от 27.11.2023 № 902 аспирантов и адъюнктов учеными вообще не называет. Согласно п. 10 Положения о премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 18.06.2015 № 312, к категории ученых принадлежат научные работники, научно-педагогические работники образовательных организаций высшего образования, аспиранты и докторанты, а также специалисты различных отраслей экономики, социальной сферы, оборонной промышленности, принимающие участие в развитии отечественной науки и в инновационной деятельности.

Таким образом, анализ подзаконных актов указывает на то, что на уровне федерального законодательства отсутствует единообразное понимание признаков ученого, а также круг данных лиц.

При анализе правового статуса ученого, осуществляющего деятельность в организациях системы МВД, следует исходить из того, что такое лицо, прежде всего, является сотрудником органов внутренних дел (далее – сотрудника ОВД), которому присвоено специальное звание полиции. В иерархии его правовых состояний приоритетное положение занимает статус сотрудника полиции, тогда как статус ученого носит факультативный характер. Данный вывод обусловлен положениями Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в силу кото-

рых все сотрудники ОВД – включая проходящих службу в научных и образовательных учреждениях системы МВД – обязаны соблюдать установленные законом предписания, а также предусмотренные им запреты и ограничения.

В соответствии с Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О службе в ОВД РФ») сотрудники должны соответствовать установленным требованиям к состоянию здоровья, физической и специальной подготовке соответствующего уровня, предусмотренных для выполнения обязанностей, предусмотренных их должностью и званию. Как следствие сказанного, ученый, являющийся сотрудником ОВД, не имеет возможности пользоваться рядом прав, предусмотренных для его коллег, работающих в гражданских высших учебных заведениях, в соответствии с п. 6 ст. 4 ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

Например, научный работник имеет право на осуществление предпринимательской деятельности в области науки и техники, не запрещенной законодательством Российской Федерации. Однако сотрудник полиции, проходящий службу в высших учебных заведениях, не имеет права заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, т. к. это противоречит ч. 2 ст. 14 ФЗ от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Данное ограничение вытекает из правового статуса сотрудника ОВД, по которому работа сотрудников по совместительству не допускается, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности. Конечно, закон прямо устанавливает допущение научной деятельности, однако главной ее целью является получение и применение новых знаний [2], а не систематическое получение прибыли, поэтому такая деятельность не может быть предпринимательской.

На сегодняшний день гранты являются наиболее передовым способом поддержки ученых и их исследований. Несмотря на то, что образовательные и научные организации МВД России являются казенными учреждениями, и законодательство формально не запрещает им получать гранты в виде субсидий, детальный анализ действующих норм выявляет скрытый, но реальный запрет на их участие в грантовых конкурсах [3]. Часть 10 ст. 161 Бюджетного Кодекса Российской Федерации закрепляет, что «субсидии и бюджетные кредиты казенному учреждению не предоставляются» [1]. Но в соответствии с Приказом МВД России от 28.08.2009 № 668 творческие коллективы системы МВД вправе участвовать в конкурсах для получения грантов, которые проводятся самой системой МВД ежегодно. Также сотрудники МВД могут участвовать в конкурсах на получение грантов в качестве физических лиц.

Следовательно, правовое положение ученого, проходящего службу в подразделениях МВД, отличается от статуса ученых, не состоящих на такой службе. Отличительная особенность заключается в том, что на него распространяются дополнительные права, обязанности, а также установленные для сотрудников полиции запреты и ограничения. И, несмотря на значительный потенциал ОВД России в развития науки и технологий, текущая система мотивации (как интеллектуальной, так и материальной) способствует уходу молодых ученых в другие научные организации. Поэтому стимулирование научной деятельности в системе МВД

должно строиться не на копировании моделей поощрения государственных высших учебных заведений, а на поиске внутренних резервов и создании особого престижа ведомственной науки.

Для достижения вышеназванных целей необходимо реализовать комплексный подход, который может включать в себя внесение дополнений и изменений в действующие нормативные правовые акты, регламентирующих научную деятельность ведомственных образовательных организаций системы МВД, а именно:

1. Развитие системы ведомственных грантов. Учитывая невозможность полноценного участия в конкурсах из-за бюджетных ограничений, необходимо разнообразить и увеличить объемы внутренних конкурсов. Также важно увеличить количество ведомственных номинаций, тем самым поддерживая не только коллективные проекты, но и индивидуальные;

2. Целевое финансирование перспективных исследований и разработок, а также предоставление средств для публикации научных работ вне системы МВД России. Создание в структуре органов внутренних дел специального фонда для полной или частичной компенсации позволило бы «разгрузить» финансовую составляющую и увеличить количество тиражируемых экземпляров научных работ.

3. Оптимизация режима рабочего времени и служебных нагрузок для научной работы в рамках служебного распорядка с возможностью перераспределения служебной нагрузки с акцентом на научно-исследовательскую работу.

Таким образом, отсутствие в законодательстве прямого закрепления дефиниции и юридических конструкций, раскрывающих правовой статус ученого в образовательных организациях МВД России – при одновременном использовании данного понятия в различных нормативных правовых актах – порождает отсутствие единообразия в его толковании. По нашему мнению, в целях оптимизации правоприменительной практики и упорядочения научных исследований целесообразно легально закрепить указанный термин, а также определить положение ученого в образовательных учреждениях системы МВД России. Сделать это предлагается путем включения отдельной статьи в федеральный закон № 342-ФЗ «О службе в ОВД России», что позволит разрешить существующую коллизию.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 28.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в ред. от 31.07.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Репьев А.Г. Правовой статус молодого ученого (на примере организации научной деятельности в МВД России) // Наука и образование в условиях глобальных вызовов: сб. ст. по итогам Пятого профессорского форума, г. Москва, 22–24 ноября 2022 г. В 2 т. М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2023. С. 13–17.

А.В. Роженцева, *студент 1 курса*
Сибирский государственный университет путей сообщения

Научный руководитель:
С.П. Шатилов, *канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИНЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В период стремительного развития интернета и повсеместной цифровизации вопрос защиты несовершеннолетних в виртуальном пространстве приобретает особую остроту. Дети и подростки, будучи наиболее восприимчивой аудиторией, нередко становятся объектами негативного воздействия со стороны цифровых технологий.

Сегодня ежемесячная аудитория интернета в России насчитывает 105 млн человек – это 86 % населения страны [4, с. 2]. Значительная доля среди этих пользователей – несовершеннолетние, которые в будние дни проводят в сети от трех до восьми часов, а в выходные – от пяти до двенадцати часов. В связи с этим защита прав и интересов детей в цифровом мире становится одной из приоритетных задач государства.

Сеть Интернет открывает перед современными подростками бескрайние возможности. Она проникла практически во все сферы его жизни – от досуга до учебного процесса. Благодаря интернету доступны не только виртуальные хранилища знаний, но и уникальные возможности для самовыражения: можно вести блоги в социальной сети, раскрывая свою индивидуальность и демонстрируя миру свои способности, тем самым способствуя становлению личности.

И тем не менее мир виртуального пространства скрывает множество угроз, способных негативно сказаться на физическом, психическом и эмоциональном состоянии здоровья несовершеннолетнего.

Угрозы, с которыми встречаются подростки в цифровой среде: кибербуллинг (травля), груминг (установление дружеских отношений для последующей сексуальной эксплуатации), секстинг (рассылка интимных фото), информация суицидального характера, мошенничество, кража денег с личных счетов родителей, персональных данных.

По данным исследования Альянса по защите детей в цифровой среде, с которым ознакомилось ТАСС, более 90 % российских подростков сталкиваются с различными цифровыми угрозами [5, с. 3].

По данным МВД России, мошенники могут распространять вредоносное программное обеспечение, маскируя его под безобидные файлы. Например, они могут отправлять файлы с названиями вроде «Фото.apk», «Видео-архив.apk», заманивая пользователей обещаниями важных сведений. Когда пользователь открывает такой файл, на его устройство устанавливается вредоносное программное обеспечение, которое позволяет злоумышленникам удаленно управлять функциями гаджета [3, с. 4].

Правовая защита детей в интернете обеспечивается целым рядом норм, направленных на охрану прав ребенка.

В России функционирует Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Данный закон регламентирует ряд важных аспектов:

– определяет категории информации, которая может нанести ущерб физическому и психическому состоянию детей;

– устанавливает систему классификации информационных материалов (возрастная маркировка 0+; 6+; 12+; 16+; 18+);

– закрепляет правила распространения и использования информационной продукции;

– определяет меры ответственности за нарушения в области охраны детей от информации, которая может навредить их здоровью и развитию [6, с. 5].

Следует сказать, что защита персональных данных несовершеннолетних в сети Интернет требует повышенного внимания. Согласно ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», обработка персональных данных детей должна происходить только с согласия их законных представителей [7, с. 8]. Но дети все чаще действуют самостоятельно, например регистрируются в социальных сетях без уведомления родителей.

В 2015 г. Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию информационной безопасности детей. В 2023 г. была утверждена обновленная редакция документа (распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.04.2023 № 1105-р), которая сменила предыдущую версию (распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.12.2015 № 2471-р). Обновленный документ учитывает тот факт, что дети активно пользуются интернетом, и ставит своей целью оградить их от потенциальных угроз в цифровой среде. В рамках концепции планируется ряд мероприятий, направленных на повышение уровня осведомленности детей о правилах безопасного поведения в сети, в т. ч. введение специальных уроков, посвященных цифровой грамотности, в программу образовательных учреждений [1, с. 98].

В начале 2025 г. вице-спикер Госдумы Борис Чернышов обратился к главе Минцифры Максуту Шадаеву с инициативой ввести обязательное согласование с родителями покупок, которые дети совершают в видеоиграх. По мнению Чернышова, необходимо принять меры для решения этой проблемы, а если ситуация не изменится – пользователь должен иметь возможность вернуть средства, потраченные его ребенком в игре [2, с. 1].

Также в январе 2025 г. один из депутатов Государственной Думы предложил установить возрастной порог в 14 лет для регистрации в социальных сетях.

Нормативная система защиты несовершеннолетних в Российской Федерации в сети Интернет, несмотря на свою развитость, требует постоянного совершенствования в связи с увеличением цифровых угроз. Эффективное противодействие рискам возможно лишь при комплексном взаимодействии государства, образовательных учреждений, родителей. При этом критически важна и личная ответственность детей: им необходимо учиться распознавать признаки кибербуллинга, фишинга, не раскрывать личные данные незнакомцам, прове-

рять достоверность источников информации и сообщать взрослым о любых подозрительных ситуациях в сети.

Литература

1. Беззатеева В.С. Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет // Закон. Право. Государство. 2025. № 2 (46). С. 97–99.

2. В Госдуме предложили обязать игровые платформы согласовывать покупки детей // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20250115/gosduma-1993752279.html?in=t (дата обращения: 28.02.2026).

3. В МВД рассказали, как мошенники могут «заразить» гаджеты россиян // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/12/15/27412639.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 26.02.2026).

4. Исследование Mediascope: Рост интереса к телевидению среди молодой аудитории // Кабельщик. URL: https://www.cableman.ru/content/issledovanie-mediascope-rost-interesa-k-televideniyu-sredi-molodoi-auditorii-i-novye-trendy (дата обращения: 26.02.2026).

5. Исследование показало, что более 90 % подростков в РФ сталкиваются с цифровыми угрозами // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/18647327 (дата обращения: 26.02.2026).

6. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.Я. Рыбакова**, курсант 1 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Ю.В. Музыка
Дальневосточный юридический институт МВД России
имени И.Ф. Шилова

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК НА СЛУЖБЕ ЗАКОНА: ИНТЕГРАЦИЯ РЖЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ

В 2012 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, что привело к изменениям в законодательстве. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342–ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» был дополнен положением о том, что сотрудники ОВД, замещающие отдельные

должности обязаны владеть навыками русского жестового языка (далее – РЖЯ). В 2015 г. был подписан совместный приказ МВД России и Минобрнауки России № 681/587, который определил объем владения РЖЯ. Согласно приказу, сотрудники должны уметь: переводить устную речь на РЖЯ (синхронно или последовательно), переводить РЖЯ в устную речь для слышащих граждан, сохранять смысл юридических терминов и определений при переводе.

Обучение РЖЯ в юридических вузах МВД – относительно новый и динамично развивающийся процесс. Курсанты изучают русский жестовый язык в рамках дисциплины «Основы русского жестового языка» или «Основы профессиональной деятельности».

Опираясь на проведенное анкетирование, автор делает вывод, что курсанты ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова в большинстве положительно относятся к изучению РЖЯ. Однако среди трудностей, с которыми сталкиваются курсанты, остаются – отсутствие достаточной речевой практики и слабо выраженная мотивация к изучению РЖЯ из-за невысокой перспективы взаимодействия с глухими и слабослышащими людьми в профессиональной деятельности.

Итак, остановимся на истории появления учебной дисциплины «Основы русского жестового языка», а также рассмотрим некоторые проблемы и сложности дисциплины с точки зрения обучаемых.

Выделим некоторые проблемы обучения. За время изучения учебной дисциплины курсанты выделяют следующие сложности:

1. Прерывание учебного процесса. Между занятиями может быть перерыв в несколько дней, что приводит к утрате знаний и навыков.

2. Пропуски занятий. Курсанты вынуждены пропускать занятия из-за служебных дежурств, нарядов, рапортов, соревнований.

3. Диалекты РЖЯ. Язык может различаться даже в пределах одного города, что усложняет обучение.

Обратимся к исследованиям ученых, которые утверждают, что если между занятиями проходит несколько дней (недель), то мозг воспринимает эти перерывы таким образом: «Похоже эта информация более не нужна». Мозг начинает удалять ненужную информацию, освобождая место для новых знаний. Такие перерывы приводят к забыванию фактов, потере навыков, ухудшению понимания, а также стрессу при возвращении к учебе, поскольку вместо того, чтобы «двигаться вперед», обучаемый должен тратить время на восстановление утраченного.

В результате мы приходим к следующему выводу: короткие паузы в изучении дисциплины РЖЯ даже могут быть полезны. Они дают мозгу время «переварить» информацию. Долгие паузы – работают против нас, поскольку за это время связь между нейронами ослабевает.

В таких случаях можно дать совет обучающимся: повторять материал перед паузой, самостоятельно использовать интервальное повторение (возвращаться к теме через 1-2-3-7 дней – так информация уйдет в долговременную память).

Частые пропуски занятий для выполнения служебных обязанностей могут также негативно влиять на изучение РЖЯ по нескольким причинам, связанным с особенностями обучения этому языку и требованиями к регулярности практики.

В качестве рекомендации можно посоветовать использовать дополнительные ресурсы для изучения учебной дисциплины (онлайн курсы, видео уроки, мобильные приложения и самоучители могут помочь поддерживать уровень знаний между занятиями. Следует практиковать РЖЯ в качестве внеаудиторных занятий (участвовать в конкурсах и иных мероприятиях конкурсно-оценочного характера, которые помогут закрепить навыки изученного. И, наконец, следует чередовать виды деятельности.

Таким образом, пропуски занятий и служебные обязанности создают ряд препятствий для эффективного изучения РЖЯ, но их влияние можно смягчить за счет продуманного подхода к обучению и самостоятельной работе.

Диалекты РЖЯ – это территориальные и социальные вариации жестов, обозначающих одни и те же понятия.

Рассмотрим несколько примеров диалектных различий:

1. жесты внук/внучка. В регионах чаще используют дактиль, тогда как в Москве и Санкт-Петербурге – отдельные лексические жесты;

2. жесты из категории «школа». Поскольку школа играет ключевую роль в языковом становлении, жесты, связанные с учебным процессом особенно вариативны.

3. жесты могут различаться конфигурацией, локализации (местом выполнения) или количеством задействованных рук (одноручны/двуручный).

Несмотря на возможные сложности в коммуникации, диалекты РЖЯ – это ценное культурное наследие. Лингвисты и Всемирная федерация глухих выступают за сохранение разнообразия, подчеркивая, что вариативность отражает историю сообществ, обогащает язык, поддерживает локальную идентичность.

Итак, диалекты РЖЯ – не дефект, а естественное проявление живой языковой системы, требующие изучения и бережного отношения.

Русский жестовый язык представляет интерес для курсантов по множеству причин, которые варьируются от лингвистической уникальности РЖЯ, до культурного богатства, а именно:

– РЖЯ строит смысл высказывания не линейно (как устная речь), а в конфигурацию руки, локализацию жеста (где он выполняется), ориентацию ладони, динамику движения, мимику и артикуляцию губ (аналог интонации). Например, чтобы показать «мяч закатился под стол», порядок жестов будет следующим: стол – мяч – закатился;

– многие жесты наглядно обозначают смысл (телефон раньше показывали двумя руками (трубка и микрофон)), теперь мобильный телефон показывают изогнутой ладонью у уха. При этом абстрактные жесты без видимой связи с понятием показываются как в обычных языках;

– один жест может обозначать разные вещи: коричневый и кофе – одинаковый жест, зеленый и молодой – тоже совпадают. И наоборот: летит – будет разным для самолета, бабочки или пыли;

– РЖЯ использует композицию: рыбак – рыбачить + человек, учитель – научить + человек. Нет склонения, но есть способы показать связи между словами через порядок и пространственные маркеры;

– диалектное разнообразие. О диалектном разнообразии автор упоминал выше в статье;

– мимика и тело как грамматика. Выражение лица в РЖЯ – не дополнение, а обязательный компонент языка: удивление передается отклонением тела назад, условные конструкции (если… то) требуют поворота корпуса;

– культурная ценность. РЖЯ не является упрощенным вариантом русского языка, это – самостоятельный язык с собственной историей, традициями общества глухих, художественными формами (жестовые песни, театр);

– технологические вызовы. РЖЯ стимулирует развитие ИИ. РЖЯ становится катализатором инноваций в ИИ, стимулируя совершенствование алгоритмов компьютерного зрения, разработку мультимодальных архитектур, создание инклюзивных технологий, расширение границ взаимодействия человека и машины;

– социальный аспект. Изучение РЖЯ открывает доступ сотрудникам полиции к общению с глухими и слабослышащими людьми.

Итак, РЖЯ как учебная дисциплина интересен тем, что сочетает в себе: уникальную лингвистическую структуру; визуальную выразительность; живую культуру сообщества; современные технологические вызовы. Обучение русскому жестовому языку (РЖЯ) в вузах МВД – не является факультативной опцией, а представляет собой необходимый элемент профессиональной подготовки современного сотрудника правоохранительных органов.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2012 № 296-ФЗ // Российская газета. 2013.

4. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Российская газета. 2011.

5. Арский А.А. К вопросу об обучении сотрудников правоохранительных органов русскому жестовому языку на курсах повышения квалификации // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 8-1.

***К.А. Самсонова**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Н. Шрайбер**, канд. социол. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СПЕЦИФИКА МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ОЦЕНКАХ КУРСАНТОВ БЮИ МВД РОССИИ

Изучение конфликтов между родителями и детьми является классической проблематикой междисциплинарных исследований. Актуальность исследования обусловлена комплексом внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние, как на функционирование института семьи, так и на процесс становления и развития личности ребенка. К таким факторам можно отнести период взросления и обособления детей, стремительные социокультурные изменения и их влияние на ценности, цифровую революцию и ее роль в коммуникации и социализации личности, трансформацию института семьи и моделей детско-родительских отношений. Актуальность и новизна настоящего исследования заключается в научном интересе выявления типичных причин и стратегий поведения межпоколенческих конфликтов в семьях курсантов БЮИ МВД России.

Объеком данного эмпирического исследования являются межпоколенческие конфликты. Предмет исследования – конфликты между родителями и детьми в семьях курсантов БЮИ МВД России. Цель исследования – выявить типичные причины и специфику регулирования конфликтов между родителями и детьми в семьях курсантов БЮИ МВД России. Для достижения поставленной цели были выполнены следующие задачи: проанализированы теоретико-методологические подходы к изучению межпоколенческих конфликтов в различных науках; разработана программа эмпирического исследования конфликтов между родителями и детьми в семьях курсантов БЮИ МВД России; выявлены типичные причины и специфика регулирования конфликтов между родителями и детьми в семьях курсантов БЮИ МВД России.

Межпоколенческий конфликт – ценностные разногласия, столкновения интересов и мировоззрений между разными поколениями, вызванные быстрыми социальными изменениями, разницей в жизненном опыте и цифровым разрывом. Данное определение базируется на работах по социологии молодежи [2], теории поколений [3] и конфликтологических исследованиях [1].

Для выявления специфики межпоколенческих конфликтов в семьях курсантов БЮИ МВД России использовались следующие показатели: частота возникновения конфликтов между родителями и детьми, типичные причины, контроль со стороны родителей, тактики поведения в конфликте и стратегии разрешения. Измерение показателей проводилось с помощью анкетирования и фокус-группового исследования. Генеральную совокупность эмпирического исследования составили курсанты 1-2 курсов очной формы обучения Барнаульского юридического института МВД России. В анкетировании приняло участие

152 респондента (63 мужчины и 89 женщин). В фокус-групповом исследовании участвовали 15 информантов.

Опрос показал, что конфликты с родителями в настоящее время у курсантов возникают очень редко в связи с отдельным проживанием, большой занятостью в институте, а также по причине изменений взглядов на жизнедеятельность. Так, 53 % женщин и 72 % мужчин не припомнят, когда были последний раз ссоры с родными, 33 % женщин и 24 % мужчин указали, что конфликты возникают не чаще одного раза в месяц, на более частые конфликтные ситуации, например, несколько раз в месяц / в неделю указали 14 % женщин и 4 % мужчин.

Наиболее распространенными причинами возникновения межпоколенческих конфликтов курсанты называют расхождение во мнениях по поводу учебы и дальнейшей карьеры (56 % мужчин и 38 % женщин), финансовые вопросы и траты (28 % мужчин и 29 % женщин), распределение домашних обязанностей и ведение быта (20 % мужчин и 32 % женщин), личная самостоятельность и контроль за собой. В ходе фокус-группового исследования участники поделились примерами из жизни: «Часто конфликты возникают из-за разных взглядов родителей на мою жизнь,… но я по-женски на маминой стороне…»; «Мой отец говорит, что в моем возрасте не должно быть каких-либо отношений, только учеба…»; «Я сказал родителям, что мне не нравится учиться, и профессия мне совсем не нравится, это привело к серьезному конфликту…».

На вопрос: «Насколько, по вашему мнению, родители понимают ваши жизненные установки и приоритеты?» 61% мужчин и 56% женщин ответили, что понимают полностью. На вариант ответа «Понимают в основном или частично» указали 39% мужчин и 44% женщин. На вариант ответа, что родители не понимают курсантов, не указал никто из опрошенных. Информанты фокус-группы говорят: «Мой отец меня не понимает, он хочет, чтобы я продолжала заниматься спортом, но мне это уже не интересно…»; «Чаще всего родители мне доверяют, но вот мама может высказаться, что ей не нравятся мои друзья или парень…».

Курсантам был задан вопрос: «Как часто вы чувствуете, что родители пытаются вас контролировать?». Всегда или очень часто выбрали 14% женщин и 6% мужчин, но на периодический контроль указывают уже 64% женщин и 75% мужчин. Вариант ответа, что родители их никогда не контролируют и полностью предоставляют ответственность и свободу, указали 22% женщин и 19% мужчин. Информанты фокус-группы говорят: «Я чувствую тотальный контроль: как учится, с кем встречаться, кем быть…»; «Родители сказали, что даже если мне не нравится учиться, все равно я буду это делать…».

При опросе некоторые респонденты также указали, что различия в отношении к цифровым технологиям являются причиной конфликтов в их семье (6 % женщин и 6 % мужчин). Для 94 % женщин и 84 % мужчин гаджеты не являются причиной конфликтного взаимодействия. Информанты выразили следующие мнения на данную проблематику: «Мои родители не понимают, как можно столько времени проводить в телефоне. Конфликты по этому поводу –

это база…»; «Ситуации бывают разные, очень часто я помогаю родителям разобраться с телефоном, приложениями…».

Инициатором примирения в конфликтной ситуации является довольно часто сам респондент (39 % женщин, 54 % мужчин). Родители проявляют инициативу в 39 % случаев среди женщин и в 42 % случаев среди мужчин. Конфликты не разрешаются, остаются «висеть в воздухе» в 22 % случаев среди женщин и в 4 % случаев среди мужчин.

Опрос показал, что основной стратегией разрешения конфликтов в семьях курсантов является поиск компромисса, устраивающего обе стороны (82 % мужчин и 57 % женщин). При этом 22 % женщин отметили, что конфликт часто «затухает» сам по себе без явного решения, в то время как среди мужчин такой вариант выбрали лишь 5 %. О том, что одна сторона обычно уступает другой, чаще всего сам респондент, заявили 12% женщин и 4% мужчин. Остальные способы, такие как уход от разговора или избегание острых тем, набрали минимальное количество голосов.

Литература

1. Гришина Л.М. Профилактика причин межпоколенческих конфликтов в семьях // Вестник ГУУ. 2021. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-prichin-mezhpokolencheskih-konfliktov-v-semyah (дата обращения: 15.02.2026).

2. Константинов М.С., Морозова Е.А. Мировоззренческие основания межпоколенческих конфликтов в современной России // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrencheskie-osnovaniya-mezhpokolencheskih-konfliktov-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 26.02.2026).

3. Рикель А.М., Дорохов Е.А. Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-kak-predmet-sotsialnoy-psihologii-issledovat-nelzya-otkazatsya (дата обращения: 15.02.2026).

***А.А. Синицына**, курсант 5 курса*
Академия ФСИН России

Научный руководитель:
***Г.С. Карпова**, канд. психол. наук, доцент*
Академия ФСИН России

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОРРЕКЦИИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ОСУЖДЕННЫХ С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

В статье рассматриваются особенности ценностно-смысловой сферы осужденных, страдающих наркотической зависимостью, а также психолого-педагогические методы ее коррекции в условиях пенитенциарных учреждений. Анализируются основные направления психологической работы с данной категорией лиц, и подчеркивается значение формирования социально-значимых ценностей для успешной ресоциализации.

Проблема наркотической зависимости среди лиц, находящихся в местах лишения свободы, остается одной из наиболее актуальных для современной пенитенциарной системы. Значительная часть преступлений совершается лицами, употребляющими психоактивные вещества, либо совершающими противоправные действия с целью получения средств для их приобретения [1, с. 14].

Согласно статистическим данным Федеральной службы исполнения наказаний, значительное число осужденных имеет опыт употребления наркотических средств до момента совершения преступлений, а часть из них страдает сформированной наркотической зависимостью [1, с. 27]. Это обуславливает необходимость комплексного подхода к работе с данной категорией лиц, включающего психологическую, педагогическую и социальную помощь [2, с. 63].

Ценностно-смысловая сфера личности представляет собой систему жизненных целей, мотивов и смыслов, определяющих поведение человека и его отношение к социальной действительности. По мнению Д.А. Леонтьева, именно система личностных смыслов определяет направленность поведения и выбор жизненных стратегий человека [5, с. 52]. У лиц с наркотической зависимостью эта система нередко деформирована.

Наркотическая зависимость оказывает существенное влияние на личностной развитие и структуру ценностных ориентаций. Длительное употребление психоактивных веществ приводит к формированию специфической мотивационной структуры, в которой ведущую роль начинает играть потребность в наркотике [4, с. 118].

Исследователи отмечают, что у зависимых лиц происходит постепенная утрата социально значимых ценностей, таких как труд, семья, ответственность и соблюдение правовых норм [3, с. 74].

Для наркозависимых осужденных характерны следующие особенности ценностно-смысловой сферы: снижение значимости моральных и правовых

норм, преобладание краткосрочных мотивов поведения, отсутствие устойчивых жизненных целей и перспектив, низкий уровень самоконтроля и саморегуляции, деформация системы личностных ценностей.

Подобные особенности затрудняют процесс ресоциализации и повышают риск повторного совершения преступлений после освобождения.

Коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных предполагает использование комплекса психологических и педагогических методов воздействия. Основной целью данной работы является формирование социально значимых жизненных ориентиров и повышение мотивации к законопослушному поведению.

К основным направлениям психолого-педагогической деятельности относится психологическое консультирование, психокоррекционные программы, формирование жизненных целей, образовательная и воспитательная деятельность.

Работа с наркозависимыми осужденными требует строгого соблюдения профессионально-этических принципов. Психологи и сотрудники правоохранительных органов должны строить взаимодействие с данной категорией лиц на основе гуманистического подхода и уважения к человеческому достоинству.

К основным этическим принципам относится: уважение личности независимо от совершенного преступления, соблюдение конфиденциальности психологической информации, профессиональная ответственность специалистов.

Соблюдение данных принципов способствует формированию доверительных отношений между специалистом и осужденным, что значительно повышает эффективность коррекционной работы.

Коррекция ценностно-смысловой сферы осужденных, страдающих наркотической зависимостью, является важным направлением психолого-педагогической деятельности в пенитенциарной системе.

Формирование социально значимых ценностей, развитие ответственности и жизненных перспектив способствует снижению риска рецидивной преступности и успешной социальной адаптации после освобождения.

Эффективность данной работы во многом зависит от комплексного применения психологических и педагогических методов, а также от соблюдения этических принципов профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации. Статистический сборник о состоянии преступности и контингенте осужденных. М., 2023.

2. Антонян Ю.М. психология преступного поведения. М.: Юнити-Дана, 2019. 383 с.

3. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. СПб.: Питер, 2019. 352 с.

4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2018. 511 с.

5. Менделевич В.Д. Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 448 с.

***В.А. Соколянская**, курсант 2 курса*
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

Научный руководитель:
Д.Г. Кривошея
Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России

КИБЕРТЕРРОРИЗМ: АТАКИ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ КАК НОВАЯ ФОРМА АСИММЕТРИЧНОЙ ВОЙНЫ

Кибертерроризм сегодня перестал быть гипотетической угрозой из фильмов о далеком будущем. Мы живем в реальности, где линии фронта размыты, а для нанесения удара по суверенному государству больше не нужны армии, авианосцы и баллистические ракеты. Достаточно ноутбука, доступа в сеть и уязвимости в системе управления критически важными объектами. Противник, который еще вчера взрывал себя в толпе, сегодня способен, оставаясь в тени, остановить сердце целого мегаполиса, отключив электричество или нарушив подачу воды.

Современный терроризм эволюционирует вместе с технологиями. Если изначально глобальная сеть использовалась экстремистами преимущественно для пропаганды и распространения идеологии, то теперь она стала полем боя. В зависимости от типа оказываемого информационного воздействия и его объектов выделяют два основных направления: информационно-техническое, в основе которого лежит воздействие на информационно-технические системы и информационно-психологическое, объектами воздействия которого выступают психика человека и общественное сознание. Эти два направления сегодня сливаются воедино [2].

Информационно-психологическая составляющая вообще является фундаментом, на котором строится вся конструкция кибертерроризма. Чтобы запустить сложную техническую атаку, нужно сначала завербовать исполнителя или найти «человека внутри периметра». Схема вербовки, используемая террористами, состоит из четырех этапов: установление контакта, мотивация, коммуникация, вступление в ряды террористической организации. Вербовщики террористической организации, анализируя сотни аккаунтов в социальных сетях, выбирают наиболее активных пользователей, которые отличаются наличием сложностей в самореализации или самоидентификации. Наличие проблем анонсируется чаще всего самими авторами аккаунта посредством публикации статусов («все сложно», «одинокая волчица» и т. д.) [1]. И если раньше результатом такой обработки становился смертник с поясом шахида, то сегодня целью может стать талантливый программист, разочаровавшийся в жизни, или обиженный начальством инженер автоматизированных систем управления.

В целом следует понимать, что все процессы, которые подчиняются электронным командам, рискуют попасть под атаку вирусного кода. Жизни людей, судьбы госкорпораций и коммерческих компаний сегодня стали зависеть от электронных машин, малейший сбой в работе которых таит в себе необратимый

процесс. Кибертеррористические атаки держат под прицелом стратегически важные государственные объекты, вывод из строя которых по последствиям сопоставимы с крупными террористическими актами [3].

Что именно находится под прицелом? Речь идет о так называемой критической инфраструктуре: объекты энергетики (гидро- и атомные электростанции), транспортные узлы и системы управления движением, водопроводные и канализационные сети, системы здравоохранения и связи. Кибертеррористическая атака угрожает национальной безопасности уничтожением физической системы государства, передачей контроля над этими системами третьей стороне, угрозой конфиденциальности персональных данных. Особенность кибертерроризма как асимметричной войны заключается в том, что он сводит на нет военное превосходство сильных держав. Маленькая группа, хорошо подготовленная технически, может нанести удар по самому болезненному месту высокотехнологичного общества – по его зависимости от сложных систем. Для такой атаки не нужно пересекать границу, преодолевать системы ПВО или внедрять агентов с многолетней легендой. Анонимность и трансграничность делают киберпространство идеальной средой для террора.

При этом нельзя забывать о классической природе терроризма как явления. Одна из главных целей террористического акта – психологическое воздействие на индивидов, не являющихся непосредственно жертвами данного преступного действия. Значительная часть актов террора совершается ради извлечения материальных выгод (например, захват заложников с целью получения выкупа), хотя они могут прикрываться иными целями [4].

Психологический подход к проблеме терроризма дает возможность понять, что он порождает у отдельных лиц стремление решать возникшие проблемы крайними, максималистскими приемами, т. е. толкает их в сторону политического экстремизма. Противодействие этой угрозе требует пересборки всей системы защиты. Технические меры, такие как сегментация сетей, постоянный мониторинг трафика и обновление программного обеспечения, жизненно необходимы. Но они неэффективны без решения человеческого фактора.

Готов ли мир к цифровому 11 сентября? Вероятнее всего, нет, как не был готов к разрушению башен-близнецов. Мы все еще мыслим категориями прошлой эпохи, где теракт – это обязательно дым, огонь и кровь на мостовой. Но будущее уже наступило: новый террорист не носит маску и не сжимает в руке автомат. Он сидит где-то в полуподвальном помещении, пьет кофе и пишет код, который должен остановить сердце целой страны. И единственный способ противостоять этому – осознать, что безопасность в XXI в. – это не только мощь армии, но и цифровая гигиена каждого из нас, надежность каждого чипа и бдительность каждого оператора на атомной станции. Промедление в выработке комплексных решений может стоить слишком дорого.

Литература

1. Пащенко И.В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (2). С. 12–24.

2. Сундиев И.Ю. Противодействие вербовочной деятельности международных террористических организаций в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-verbovochnoy-deyatelnosti-mezhdunarodnyh-terroristicheskih-organizatsiy-v-seti-internet (дата обращения: 06.03.2026).

3. Мухтаров Д.Д. Вопросы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры от кибертеррористических атак // Журнал прикладных исследований. 2022. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-obespecheniya-bezopasnosti-kriticheskoy-informatsionnoy-infrastruktury-ot-kiberterroristicheskih-atak (дата обращения: 10.03.2026).

4. Калинин Р.С. К вопросу о социально-психологическом аспекте феномена терроризма // Актуальные проблемы российского права. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sotsialno-psihologieskom-aspekte-fenomena-terrorizma (дата обращения: 12.03.2026).

***И.Я. Тедеев**, слушатель 5 курса*
Нижегородская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.Ю. Волкова**, канд. юрид. наук*
Нижегородская академия МВД России

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В современных условиях невозможно представить эффективное решение значимых государственных задач без активного вовлечения средств массовой информации (далее – СМИ). СМИ становятся своеобразным зеркалом современной жизни, отражая и позитивные, и негативные явления, широко тиражируя сведения о проступках и системных нарушениях. Реалии российской действительности свидетельствуют, что именно журналисты нередко становятся главными распространителями информации о фактах нарушения закона.

Важно подчеркнуть: информация, впервые прозвучавшая на страницах газет или в репортажах телевизионных программ, очень часто служит отправной точкой для правоохранительных органов. После проверки публикаций может быть инициировано проведение оперативно-розыскных мероприятий, возбуждение уголовного дела, либо начало производства по административным правонарушениям. Показателен тот факт, что нормы административного права в ряде случаев работают на упреждение более серьезных преступлений, становясь эффективным инструментом профилактики [1, с. 253–256].

Разумеется, подобная информационная активность журналистов требует постоянного внимания со стороны правоохранительных структур. Необходимо

внимательно следить за публикуемым материалом, вычленять из общего потока сведений те, которые имеют значение для следствия, профилактики либо оперативной работы.

Вместе с тем такие расследования требуют четкого следования законодательству Российской Федерации. Проведение любого журналистского расследования должно осуществляться с учетом норм и ограничений, установленных Законом Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», а также положений Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов. Особую осторожность необходимо проявлять при работе с информацией, составляющей государственную тайну, поскольку уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает ответственность за незаконное получение подобных сведений, что прямо закреплено в ст. 283.1 УК РФ.

Таким образом, современное информационное поле формирует особые условия борьбы с преступностью, где значимую и порой определяющую роль играют СМИ. Их способность освещать сложные вопросы, раскрывать общественно опасные явления и служить каналом для передачи информации от граждан к государству превращает журналистское сообщество в ключевого союзника системы правопорядка [2, с. 305–310].

Роль СМИ в профилактике преступности возрастает с каждым годом. Журналисты часто поднимают те вопросы и обращают внимание на такие аспекты, которые по тем или иным причинам могут быть упущены сотрудниками правоохранительных структур. Так, именно журналисты впервые обозначили тревожные тенденции, связанные с распространением среди молодежи и подростков экстремистских или националистических взглядов, заметили влияние отдельных интернет-ресурсов на формирование деструктивного поведения и подсветили случаи нарушения экологического законодательства.

Все чаще журналисты сами включаются в профилактическую деятельность, формируя у граждан навыки распознавания потенциальных угроз. Особую важность приобретает виктимологическая профилактика. Почти на всех центральных российских телеканалах регулярно звучат призывы сохранять бдительность, сообщения о действиях мошенников и советы о том, как не попасться на уловки злоумышленников. Система СМИ, состоящая из прессы, радио и телевидения, играет роль своеобразного общественного щита, предостерегая людей от ранних опасностей [3, с. 49].

Правоохранительные органы не ограничиваются традиционными средствами связи с населением. Масштабная информационная работа проводится через телевидение, когда необходимо оповестить общество, например, о розыске опасных беглецов, скрывающихся в определенных регионах страны. Такая практика не только способствует вовлеченности граждан, но и значительно повышает уровень их защищенности.

В последнее время особого внимания заслуживает практика совмещения правоохранительной и просветительской работы. Во время выступлений в СМИ сотрудникам правоохранительных органов стоит не только сообщать о результатах своей деятельности, но и разъяснять гражданам ключевые положения законодательства, а также порядок обращения в органы государственной власти и

местного самоуправления, как это отмечено в исследовании [4]. Такой подход делает информационную работу не просто инструментом отчетности, а действенным способом правового воспитания населения.

Однако, пожалуй, основное предназначение современных СМИ – в просвещении, в передачи широкой аудитории ключевых базовых знаний о законодательстве и практике его применения. Запрашиваемость подобных сведений постоянно растет, а медиа начинают активно сотрудничать с представителями правоохранительных структур. Эффективность таких совместных проектов очевидна. К примеру, МВД России инициирует и поддерживает собственные телевизионные программы, направленные на информационно-просветительскую деятельность: одна из ярких иллюстраций – «Петровка-38» на «ТВЦ».

В эфире сегодня представлено множество передач, посвященных вопросам профилактики нарушений и преступлений. Зрителю хорошо знакомы такие проекты, как «Человек и закон» на «1» канале, «По делам несовершеннолетних» на «Домашнем», информационная программа «112» на «РЕН», а также «Дорожные войны» и «Обзор. Чрезвычайные происшествия» на «НТВ». В совокупности они формируют у общества устойчивое представление о значимости профилактических мер и необходимости правовой осведомленности для предупреждения преступных деяний, включая экстремистские и террористические проявления.

В заключение стоит подчеркнуть: современная медиасфера обладает значительным потенциалом, который не должен оставаться неиспользованным. Энергия журналистского сообщества и его возможности по формированию общественного мнения могут стать действенным инструментом в противостоянии самым опасным проявлениям преступности. А также качественное информирование граждан приобретает особое значение, поскольку без этого невозможно и повышение доверия к государственным органам.

Литература

1. Машекуашева М.Х. К вопросу о роли средств массовой информации в предупреждении преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 253–256.

2. Малютин А.А. Влияние средств массовой информации на уровень преступности среди несовершеннолетних // Вестник науки. 2024. № 1 (70). С. 305–310.

3. Нестурова А.Р., Рамазанов А.Х. Роль СМИ в формировании гражданского общества в Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2023. № 4. С. 48–52.

4. Богданова К.В. Организационно-правовой аспект взаимодействия сотрудников органов внутренних дел со средствами массовой информации // Научный портал МВД России. 2021. № 3(55). С. 90–92.

***С.Қ. Темірбай**, студент 1 курса*
Академия «BOLASHAQ»
Республика Казахстан, Караганда

Научный руководитель:
***Л.М. Жунусова**, магистр юрид. наук*
Академия «BOLASHAQ»
Республика Казахстан, Караганда

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Решение проблем реализации социальных возможностей личности является важнейшей задачей любого общества. В современном демократическом государстве эти проблемы находят свое выражение в правах человека. Задачи по их осуществлению являются основными для правового государства, т. к. обеспечение прав человека и гражданина является одной из главных функций этого государства. Рассмотрение прав человека в качестве основы правового статуса личности позволяет выявить противоречия между фактическими и формальными возможностями субъекта права [1, с. 45]. Эти противоречия значительно снижают эффективность правового воздействия на общественные отношения, более того, могут привести к социальным конфликтам. Для предотвращения этого необходимо исследование и нормативно-правовое закрепление прав человека, которые находятся, и тех которые должны находиться, в основе правового статуса личности. Различное соотношение формальных и реальных прав и обязанностей, их отражение в общественном, групповом и индивидуальном сознании, подчеркивает необходимость исследования правового статуса и его социальную значимость.

В Республике Казахстан в соответствии с Конституцией признаются и гарантируются права и свободы человека [2]. Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. Конституция гарантирует каждому человеку право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, свободу слова, право на труд, образование, медицинскую помощь и социальную защиту. Государство обязано создавать условия для реализации этих прав.

Соблюдение права человека и гражданина является основополагающим принципом правового государства. Его сущности основными направлениями деятельности одного понятия «права человека» используется многими отраслевыми и межотраслевыми юридическими науками и не только ими. Анализируя подобное многогранное явление, необходимо отметить, что исключительно юридические признаки, характерны для правового понятия «права человека», тесно взаимосвязаны с философскими, историческими, социальными, категориями это явление, касающиеся свободы индивида в обществе, находит свое выражение в различных определениях, которые показывают всю его многогран-

ность. В процессе развития права человека проявляются функции современного государства. На смену государству, защищавшими интерес какого-либо массы или социальной группы приходит правовое государство, основной целью которого является осуществление функций, удовлетворяющих потребности всего общества современной идеологий становится приверженность к правовому государству не как и цели, а как и средства, необходимому для обеспечения прав человека, последние же должны рассматривать также не как самоцель, а как бесконечный процесс, направленный на поступательное улучшение жизни каждого конкретного человека. Как отмечается в исследованиях по теории государства и права. Любая наука важна не сама по себе, она необходима, прежде всего, для обслуживания потребностей практики, именно в этом значимость и ценность любой научной теории. Соответственно, исследования в области юридической науки, затрагивающие права человека, носят не только правовой, но и идеологический характер. Подобные исследования имеют своей целью рассмотрение различных точек зрения и концепций, направленных против создания тоталитарных обществ и организаций, способных подчинить волю и свободу человека.

Права человека являются важнейшей ценностью современного общества и основой правового государства. Они отражают основные возможности личности, которые обеспечивают свободное развитие человека, защиту его достоинства и участие в общественной жизни. В юридической науке права человека рассматриваются как естественные и неотчуждаемые права, принадлежащие каждому человеку с момента рождения. Развитие идеи прав человека происходило на протяжении многих веков. Постепенно в обществе сформировалось понимание необходимости защиты личности от произвола власти и обеспечения справедливых условий жизни. В современном мире права человека закреплены в международных правовых документах и национальных конституциях государств.

Особую роль в развитии системы защиты прав человека сыграло принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. Этот документ закрепил основные права и свободы личности и стал важным этапом в формировании международных стандартов защиты прав человека. Права человека представляют собой совокупность основных прав и свобод, которые принадлежат человеку от рождения и обеспечивают условия для его достойной жизни. Эти права закрепляются в законодательстве и защищаются государством [3, с.74].

Главной особенностью прав человека является их универсальность. Они принадлежат всем людям независимо от их национальности, языка, религии или социального положения. Государство обязано признавать и защищать данные права. Права человека направлены на обеспечение свободы личности, развитие общества и поддержание справедливости в общественных отношениях.

Одним из важнейших элементов прав человека является свобода. Свобода означает возможность человека самостоятельно выбирать образ жизни, выражать свои мысли и действовать в пределах закона.

В правовом государстве свобода человека не является абсолютной. Она ограничивается правами и свободами других людей, а также требованиями за-

кона. Такое ограничение необходимо для поддержания общественного порядка и справедливости.

Право определяет границы свободы человека и устанавливает правила поведения, которые должны соблюдать все члены общества. Благодаря этому достигается баланс между интересами личности и интересами общества.

Положение личности в обществе характеризует уровень развития государства. На жизнь, личную свободу, честь, достоинство человека никто не имеет права посягать. Поэтому Конституция, другие законы Республики Казахстан уделяют особое внимание обеспечению личной свободы граждан. Если угрожают человеческому достоинству, каждый человек имеет право искать помощи у государственных органов, защиты у закона. Как уже было сказано, для этого существуют специальные органы. Ни один государственный орган, ни одно должностное лицо не имеют права незаконно ограничивать права граждан. Это означает, что в случае ограничения прав и свобод человека ему должно быть сообщено, какие он законы переступил, какое правонарушение он совершил. Самое существенное, естественное право человека – право на жизнь. Важную роль в обеспечении прав человека играют государственные органы, которые принимают законы и контролируют их исполнение. Законодательная власть разрабатывает правовые нормы, исполнительная власть обеспечивает их реализацию, а судебная власть защищает права граждан в случае их нарушения [4, с.36].

Охрана прав человека осуществляется с помощью различных правовых механизмов. Одним из главных средств защиты прав является судебная система. Граждане имеют право обращаться в суд для защиты своих прав и законных интересов. Кроме судов, защиту прав человека осуществляют правоохранительные органы, которые следят за соблюдением закона и предотвращают правонарушения.

В Казахстане также действует институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмена). Он рассматривает обращения граждан и помогает восстанавливать нарушенные права.

Кроме того, важную роль в защите прав человека играют общественные организации и средства массовой информации, которые способствуют повышению правовой культуры общества.

Для защиты прав человека государство использует различные меры и механизмы. К основным мерам относятся:

– принятие законов, направленных на защиту прав и свобод граждан;

– деятельность судебной системы, которая рассматривает жалобы граждан;

– работа правоохранительных органов по предотвращению правонарушений;

– деятельность международных организаций, контролирующих соблюдение прав человека;

– развитие правового образования и повышение правовой культуры населения.

Эти меры позволяют обеспечить эффективную защиту прав человека и предотвратить их нарушение.

Таким образом, права человека являются важнейшим элементом современного правового государства. Они обеспечивают свободу личности, защиту ее достоинства и возможность полноценного участия в общественной жизни.

Обеспечение прав человека требует эффективной деятельности государственных органов, независимой судебной системы и активного участия гражданского общества. Только при соблюдении прав и свобод человека возможно развитие демократического и справедливого общества.

Литература

1. Искакова Г.Н. Права человека в Республике Казахстан. Ч. 1-2. Семипалатинск, 2001.

2. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995.

3. Общая теория права и государства под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 2001.

4. Турлаев А.В. Права человека как основы правового статуса личности Караганда, 2002.

***А.В. Ткаченко**, курсант 2 курса*
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
И.Н. Навроцкая
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

ЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ XIX ВЕКА

Полиция является составной частью централизованной системы МВД России. За все время своего существования полиция выполняла различные функции, начиная от основной (охрана порядка) и заканчивая абсолютно непредставимыми для современного человека (к примеру, в XVII в. по указанию Петра Великого полиция занималась вывозом и уборкой мусора), однако всегда являлась незаменимым «подразделением». Для эффективного выполнения своих обязанностей по поддержанию выполнения принципов законности, справедливости, гуманности и других принципов закрепленными нормативно-правовыми актами, полиции был дан широкий спектр полномочий, закрепленный в различных законодательных актах, основным из которых является федеральный закон «О полиции» [2]. Вместе с тем в целях поддержания авторитета полиции в глазах граждан на сотрудников возложены вполне обоснованные ограничения в области поведения и этических норм.

Некая инструкция должного поведения сотрудника закреплена приказом МВД России «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», принятого в 2020 г. [3]. Большинство положений сводятся к тому, что государственные служащие обязаны быть примером для граждан в различных отношениях: соблюдении законности, культуры речи, сдержанного поведения, делового стиля одежды и т. д. При этом некоторые перечисленные требования относятся к поведению во внеслужебное время, что является одной из особенностей данной деятельности. С одной стороны, требования вполне обоснованы, даже если сотрудник полиции находится в гражданской форме одежды в компании своих друзей и переходит улицу на запрещающий сигнал светофора либо в неположенном месте, это оставит определенный негативный отпечаток в сознании его знакомых, кроме того, вряд ли захочется выполнять правила ПДД, ведь если сотруднику разрешено, то почему запрещено гражданскому? С другой стороны, выполнение некоторых требований психологически тяжело для самого сотрудника. Как уже говорилось, сотрудник полиции должен соблюдать эмоциональную сдержанность, вежливость и учтивость. В совокупности с огромным объемом рабочих задач, связанных с работой с недобропорядочным контингентом, у сотрудников достаточно часто начинает проявляться профессиональная деформация, выражающаяся в холодности и подозрительности в личных взаимоотношениях.

Также, возвращаясь к соблюдению законности, не стоит забывать, что сотрудник полиции тоже человек. При разрешении вопросов, связанных с предотвращением, пресечением и раскрытием преступлений и правонарушений правоохранители часто сталкиваются с выбором: закон или совесть. Далеко не всегда и не все законы в полной мере соотносятся с моральными принципами. Но сотрудник, являясь представителем закона, обязан поступать в соответствии с ним, при этом у гражданского населения зачастую складывается впечатление о несправедливости действий и чрезмерной жестокостью полиции.

Также в кодексе имеется положение о том, что сотрудник обязан ставить интересы службы превыше личных, т. е. фактически данное положение ограничивает сотрудника в ведении личной жизни. Кроме того, ограничивается право сотрудника как человека на свободу слова, в т. ч. в интернет-пространстве, посредством не только публикаций комментариев, текстовых постов, но и фотографий, видеоматериалов и т. д.

Помимо этого, работникам сферы охраны порядка предписывается быть мужественным и решительным перед лицом опасности при пресечении правонарушений, защите граждан от преступных посягательств, проявлять готовность к оказанию помощи пострадавшим. Данное положение звучит достаточно красноречиво, однако на деле ущемляет безопасность сотрудника.

Вместе с этим на образ сотрудника огромное влияние оказывают не только действия правоохранительных органов, но и действия власти в целом, что значительно усложняет работу ведомств.

В настоящее время в сознании гражданского населения сложилось две неутешительные тенденции в поведении с представителями правоохранительных органов. Во-первых, граждане не доверяют сотрудникам, в связи с чем от-

казывают в помощи следствию и всячески избегают любых контактов с полицией. Данное положение крайне усложняет и без того объемную работу следствия. Во-вторых, граждане воспринимают полицию как некий обслуживающий персонал. Во взаимоотношениях, когда служащие лишь способствуют установлению справедливости, представители гражданского населения полагают, что полиция занимается разрешением всех вопросов, связанных с преступной деятельностью и что именно она должна возмещать причиненные убытки.

Таким образом, деятельность полиции представляет собой сложный баланс между высокими государственными требованиями и человеческими возможностями. С одной стороны, жесткие этические нормы, ограничения личной свободы и приоритет служебных интересов необходимы для поддержания авторитета власти и обеспечения законности. С другой стороны, чрезмерное психологическое давление, конфликт между буквой закона и моралью, а также постоянные риски для безопасности способствуют профессиональной деформации сотрудников и снижению эффективности службы.

Критическим фактором остается и отношение общества: сложившееся недоверие граждан и потребительское восприятие роли полиции создают дополнительные барьеры для работы правоохранителей. В конечном итоге повышение эффективности правоохранительной системы возможно лишь при условии гармонизации обязанностей сотрудников с гарантиями их прав, а также через постепенное восстановление взаимного доверия между полицией и населением.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 26.06.2020 № 460. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Григорьев В.А. Доверие населения к полиции как показатель эффективности деятельности органов внутренних дел // Полицейское право. 2021. № 2. С. 12–18.

5. Янбухтин Р.М. Нравственно-этические основы деятельности сотрудников российской полиции // Научный компонент. 2021. № 2 (10). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-eticheskie-osnovy-deyatelnosti-sotrudnikov-rossiyskoy-politsii (дата обращения: 12.03.2026).

***К.В. Токарева**, курсант 1 курса*
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
И.Н. Навроцкая
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА СОВРЕМЕННОСТИ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Терроризм является одной из важных и острых проблем в современном мире. Он приводит к гибели многих людей и упаду экономики. Несмотря на значительные успехи в борьбе с этим явлением, он продолжают функционировать. Новые виды таких преступлений требуют постоянного анализа и совершенствования механизмов противодействия. Изучение террористических случаев, а также проблем борьбы в этой сфере, способствует совершенствованию противодействия и уменьшению таких явлений. В юридической литературе террористическим актам в современной России посвящено немало научных работ.

Так, под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [3, с. 1146].

За совершение террористических актов в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена юридическая ответственность.

В истории нашей страны было много случаев таких действия. Одним из самых жестоких событий было захват школы в Беслане в 2004 г. 1 сентября террористы в составе 32 человек во главе с Русланом Хучбаровым силой поместили всех детей, их родителей и преподавателей в здание школы, а в частности в спортивный зал. Само сооружения они заминировали. Заложников удерживали три дня. При этом им не давали еды, воды и медикаментов. Люди начинали есть лепестки цветов, принесенных на торжественную линейку. Более того, преступники систематически убивали кого-то за неповиновения или для устрашения остальных. Они требовали вывода федеральных войск из Чечни и освобождения боевиков, атаковавших Назрань 22 июня. В этом теракте и в связи со штурмом здания погибло 334 человека, из которых 186 было детей.

Еще одной из трагедий был захват «Крокус Сити Холла» в Москве в 2024 г. Четыре человека ворвались в здания и начали стрелять по людям. Первым из жертв был охранник, у которого не было огнестрельного оружия. Многие люди не сразу поняли, что происходит, поэтому оставались на своих местах и никуда не уходили. Другие искали выход и разбивали окна и двери,

чтобы спастись. Оповещения об опасности не было. Преступники подожгли концертный зал. В результате этого погибло более 149 человек. По итогу расследования было выяснено, что они это сделали по заказу Украины.

Анализируя эти два случая, можно найти сходство их причин. Так, условиям их возникновения служили международные конфликты. Также отсутствовала защита объектов с большим количеством людей, низкий уровень технологий, недостаточно разработанная тактика освобождения заложников, которая привела к гибели многих людей. Но есть и скрытые мотивы, которые подвигли на такие деяния. К ним относится желания получить денежные средства, психологическое воздействие со стороны других стран, желания решать судьбы других людей. Более того, А.Ш. Викторов относит к ним разделение общества на бедных и богатых, безработицу, отсутствие каких-либо жизненных перспектив [1, с. 92].

По мнению Е.Г. Самовичева, немаловажной причиной развития терроризма является отсутствие своевременного, эффективного и сурового наказания виновных лиц в совершении террористических актов, что создает как у преступников, так и простых граждан впечатление слабости правоохранительных органов. Другой политической причиной развития терроризма является то, что человек выражает несогласие в отношении проводимой официально политикой государства в отношении различных вопросов и сфер жизни, а также недовольство людей, которое вызвано методами работы с населением некоторых должностных лиц. К числу причин, носящие комплексный фактор он относит: вооруженные конфликты, общий рост терроризма во всем мире, проникновение в Россию различных зарубежных террористических организаций и др. [2, с. 128].

По нашему мнению, для устранения таких явлений нужно проводить анализ лиц, склонных к преступлению, просматривать интернет-ресурсы, осуществлять профилактику, особенно в отношении молодежи, т. к. эта социальная группа, которая более подается психологическому воздействию. Кроме того, нужно совершенствовать технические средства и устройства. Обеспечить большей охранной важные объекты и сооружения, в которых есть вероятность большого нахождения людей. Также стоит улучшать законодательство страны, для значительного удовлетворения интересов и потребностей людей и общества во всех сферах жизни. Немаловажным является и изменения тактики реагирования правоохранительных служб для быстрого противодействия противоправных действий и уменьшению жертв.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что террористические акты продолжают существовать и развиваться в современном мире. Причины этого раскрываются во всех сферах жизни. Государство все время борется с этим, но для более эффективного уменьшения нужно продолжать трансформировать нормативные акты, наказания, профилактику и различные специальные службы.

Литература

1. Викторов А.Ш. Общесоциологический (цивилизационный) подход в изучении феномена терроризма // Вестник Волгоградского университета. 2009. № 2 (10). С. 91-96.
2. Магомедова Э.А. Причины развития современного терроризма // Молодой ученый. 2018. № 43 (229). С. 127–129.
3. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 (ред. от 28.02.2025) № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. С. 1146.

***Е.В. Трещенко**, слушатель 5 курса*
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель:
А.М. Иванюк
Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России

О МОТИВАХ ПРОХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ УМВД РОССИИ ПО КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

В настоящее время в сфере кадрового обеспечения органов внутренних дел нерешенной остается проблема существенного некомплекта личного состава, ставшая особенно актуальной в условиях продолжающейся специальной военной операции. С начала специальной военной операции на территории ее проведения органы внутренних дел комплектовались лишь из числа временно прибывших командированных сотрудников, что затруднило выполнение сложных оперативно-служебных задач на постоянной основе.

При работе с кадрами органов внутренних дел важную роль играет мотивация, которая побуждает человека к труду. По мнению А. Маслоу, в основе мотивации личности лежат нужды, расположенные в иерархическом порядке, которые помогают людям развиваться как личность. Иной значимой моделью мотивации является двухфакторная теория Ф. Херцберга, который считает, что мотивация к труду возникает под действие гигиенических факторов (заработной платы, социальных гарантий) и факторов-мотиваторов (постановки целей, признании перспектив карьерного роста) [2, с. 166].

Отметим, что мотивация является исключительно внутренней самостоятельной потребностью [1, с. 37]. Перед тем, как приступить к выполнению поставленных задач, сотрудник должен найти в себе источник активности для их выполнения и ответить на вопросы: ради чего он выполняет работу? Какие цели он ставит перед собой?

В целях организации интервьюирования в рамках настоящей научной статьи мы разработали опрос «О мотивах прохождения службы в особых условиях», в основе которого лежит классификация мотивов Ф. Херцберга [4].

Целью опроса послужило получение информации о том, какие мотивы для прохождения службы в особых условиях на постоянной основе послужили бы ведущими. Респондентами выступили десять сотрудников УУР УМВД России по Калининградской области, находившихся в служебной командировке на территории проведения специальной военной операции в 2023 г.

О мотивах прохождения службы в особых условиях

Уважаемые респонденты!

В основе созданного нами опроса «О мотивах прохождения службы в особых условиях» лежит классификация мотивов Ф. Херцберга, среди которых: финансовые; признание и вознаграждение; ответственность; отношения с руководителем; возможность карьерного роста; достижения; содержание работы; сотрудничество.

Цель опроса: получение информации о том, какие мотивы для прохождения службы в особых условиях на постоянной основе послужили бы ведущими.

Назначение опроса: получение достоверной информации от сотрудников Управления уголовного розыска УМВД России по Калининградской области, находившихся в служебной командировке на территории проведения специальной военной операции.

Разработанный нами опрос для десяти респондентов, в свою очередь, включил в себя два вопроса:

1 **Ввиду каких факторов у Вас в наибольшей степени отсутствует мотивация к выполнению служебных обязанностей в особых условиях?**

- ☐ Трудности в продвижении по службе
- ☐ Недостаточное денежное содержание
- ☐ Напряжённый режим служебной деятельности
- ☐ Низкая оценка результатов труда
- ☐ Отсутствие взаимодействия с коллегами
- ☐ Плохие отношения с руководством
- ☐ Отсутствие поощрений за добросовестное выполнение служебных обязанностей

2 **Какие условия службы в наибольшей степени мотивируют Вас к труду в особых условиях?**

- ☐ Карьерный рост
- ☐ Благоприятный морально-психологический климат в служебном коллективе
- ☐ Обеспечение жильём
- ☐ Высокие социальные гарантии
- ☐ Справедливая оценка результатов труда
- ☐ Повышение престижа профессии
- ☐ Денежное довольствие

Посредством анализа результатов анкетирования представилось возможным выделить определенные группы мотивов прохождения службы в особых условиях.

Так, нежелание проходить службу в особых условиях на постоянной основе преимущественно обусловлено низкой оценкой результатов труда, напряженным режим служебной деятельности и отсутствием взаимодействия с коллегами. В гораздо меньшей степени отсутствие мотивации проходить службу в особых условиях у опрошенных вызывает недостаточное денежное содержа-

ние. Следовательно, наиболее значимыми проблемами являются напряженный режим служебной деятельности и низкая оценка результатов труда. Кроме того, дополнительно была выделена проблема, связанная с отсутствием взаимодействия с коллегами. Это объясняется тем, что для сотрудников важен социально-психологический климат в месте службы, поскольку большую часть времени они проводят с устоявшимся служебным коллективом, члены которого постоянно взаимодействуют друг с другом по вопросам борьбы с преступностью.

Наконец, большинство опрошенных сотрудников выделило такие мотивационные условия службы в особых условиях, как карьерный рост, высокие социальные гарантии, денежное довольствие и благоприятный морально-психологический климат в служебном коллективе. Следовательно, респондентов в основном мотивируют высокие социальные гарантии, которые необходимо продолжать развивать и закреплять в российском законодательстве. При этом ответы на данный вопрос подтвердили то обстоятельство, что для действующих сотрудников большую роль играет благоприятный социально-психологический климат в служебном коллективе.

Таким образом, мотивы играют существенную роль в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел в особых условиях. Отсутствие мотивации неблагоприятно влияет на качество оперативно-служебной деятельности [3, с. 7]. В свою очередь, разнообразие мотивов, их сочетание по классификации Ф. Херцберга положительно воздействует на психику сотрудников, вызывая активность в работе и стремление к саморазвитию, что является основой формирования устойчивых профессиональных детерминантов. Безусловно, единых методов мотивации к несению службы в особых условиях не существует, поскольку они зависят от особенностей личности конкретного сотрудника органов внутренних дел, его отношения к оперативно-служебной деятельности и степени подготовленности к прохождению службы в особых условиях (кризисных ситуациях), поэтому представляется возможным лишь выделить определенные группы мотивов, которые в большинстве присущи сотрудникам.

Литература

1. Найденова Л.И., Данилова Е.А., Сеидов Ш.Г. Социальные стратегии трудовой мотивации персонала в различных отраслях и развитие социально-профессиональной структуры организаций // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 2 (74). С. 36–46.

2. Петров В.Е., Стрелкова К.Г. Анализ современных подходов к мотивации персонала на государственном предприятии // Парадигма. 2025. № 4-3. С. 164–169.

3. Поощрение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: учебно-метод. пособие / В.Л. Кубышко [и др.]; под общ. ред. В.Л. Кубышко. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2023. 262 с.

4. О мотивах прохождения службы в особых условиях. URL: http://simpoll.ru/run/survey/771bf013 (дата обращения: 12.03.2025).

***Э.Э. Трубач**, курсант 2 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***С.А. Буткевич**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ВЕДЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ С ТЕРРОРИСТАМИ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ТАКТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Когда речь заходит о ситуации с захватом заложников, первым публичным и часто самым драматичным ответом государства становится фраза: «Мы не ведем переговоров с террористами». Эта аксиома, безусловно, хороша для политических заявлений, демонстрирующих твердость и решимость. Однако на практике, в гуще оперативной реальности, где на кону стоят жизни ни в чем не повинных людей, все оказывается куда сложнее и тоньше. Вместе с тем захват заложников сам по себе предопределяет проведение переговоров, и речь может идти лишь о форме и тактике этого диалога. Российское законодательство предусматривает такую возможность, ставя во главу угла высшую ценность – жизнь и здоровье человека. Но закон лишь задает рамки, а реальный успех или провал специальной операции решаются в ходе напряженного, изматывающего диалога, где переговорщик становится главным инструментом ненасильственного разрешения возникшей кризисной ситуации.

Правовой фундамент для ведения переговоров закреплен в федеральном законе «О противодействии терроризму», ст. 16 которого разрешает ведение переговоров в ходе контртеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей, но с двумя ключевыми ограничениями: переговоры ведут только специально уполномоченные лица, и не должны рассматриваться политические требования террористов. Это важный баланс – государство открывает канал для диалога ради спасения людей, но не ставит под сомнение свой суверенитет. При этом именно переговоры с террористами отличаются наиболее высокой степенью идеологизированности и (или) политизированности конфликта, что накладывает особый отпечаток на тактику их ведения.

Когда организационная структура выстроена, на первый план выходит стратегия и искусство коммуникации. Современные подходы делают акцент на постепенном, поэтапном воздействии, «мягкой» силе. Их суть заключается в том, что нельзя сразу требовать от человека изменения поведения. Сначала нужно установить контакт через активное слушание, затем продемонстрировать эмпатию и на этой основе выстроить взаимопонимание. Только после этого можно осторожно переходить к оказанию влияния, которое, в идеале, и приведет к желаемому и прогнозируемому изменению поведения – освобождению заложников и сдаче.

Техники активного слушания – это рабочий инструмент, а не абстрактная концепция. К ним могут относиться: открытые вопросы («Расскажите, что при-

вело вас сюда?» вместо «У вас есть оружие?»), которые побуждают к монологу и снижают напряжение; эмоциональная маркировка («Похоже, вы чувствуете глубокую несправедливость»), помогающая легитимизировать чувства (но не действия!) собеседника; уместные паузы и минимальные поощрения («Я понимаю», «Продолжайте»), дающие террористу выговориться и почувствовать, что его слушают; перефразирование (повторение его мыслей своими словами) для проверки понимания и демонстрации внимания.

Однако все эти техники бессильны, если их применяет неподготовленный человек. Вот почему переговорщик – это особый психологический тип. От него требуются не только эмоциональная устойчивость и стрессоустойчивость, но и развитый интеллект, способность к быстрому анализу и импровизации, а также специфические знания в области психологии, психиатрии и риторики. Его подготовка – это не просто прослушанный курс лекций, самостоятельная работа и саморазвитие, а длительная профессиональная и личностная подготовка, включающая отработку умений и навыков на сложных тренингах и под наблюдением опытных наставников и практиков [3, с. 432; 4, с. 469].

Иногда в переговорный процесс пытаются включиться третьи лица: родственники террористов, публичные фигуры и журналисты. С одной стороны, их привлечение может быть полезным, поскольку родные, близкие или авторитетные, медийные личности могут обладать уникальным доверием и убедить захватчика сдаться, однако это палка о двух концах. Такие лица неподготовлены, эмоционально вовлечены и сами могут стать мишенью для манипуляций или насилия. Поэтому их участие допустимо только после тщательной оценки рисков, обязательного инструктажа и под полным контролем правоохранителей [2, с. 69]. Важно помнить и о «стокгольмском синдроме»: заложники, начавшие идентифицировать себя с террористами, могут невольно саботировать работу переговорщиков и даже операции по своему освобождению, что требует особой осторожности в работе с исходящей от них информацией.

И здесь мы подходим к главной дилемме. Существует принципиальная позиция, согласно которой любые уступки в переговорах, даже символические (еда, вода, медикаменты, доступ медиа), поощряют терроризм и ведут к новым атакам. С этой точки зрения, переговоры нецелесообразны, однако сложившаяся практика и гуманный подход, как правило, опровергают эту максималистскую точку зрения. Во-первых, как уже говорилось, сам факт захвата заложников делает переговоры неизбежными – вопрос лишь в том, кто и как их будет вести. Во-вторых, переговоры выполняют ряд незаменимых тактических функций: они выигрывают драгоценное время для подготовки штурма или эвакуации, позволяют собрать необходимую информацию о террористах и обстановке внутри, снижают эмоциональный накал и дают возможность постепенно снизить планку выдвигаемых требований [1, с. 132]. Полный отказ от диалога лишает правоохранителей этих инструментов и может спровоцировать террористов на крайние меры, необратимые последствия.

Другими словами, успех переговоров не всегда измеряется полной капитуляцией террористов. Специалисты считают переговоры положительными, если удалось избежать гибели людей, освободить часть заложников (в первую

очередь детей и женщин), снизить агрессивность требований и получить оперативно значимые данные. Даже если итогом становится силовая операция, время, выигранное переговорщиками, делает ее более подготовленной и, следовательно, более безопасной для заложников.

Таким образом, ведение переговоров с террористами – это не признак слабости государства, а компетентная и профессиональная деятельность, являющаяся неотъемлемым элементом контртеррористической операции. Ее результативность обусловлена надлежащим правовым и организационным обеспечением, глубоким знанием тактико-психологических приемов коммуникации и исключительными личностными качествами самих переговорщиков. Отказ от этого инструмента под лозунгом «недопустимости диалога со злом» на деле означает отказ от использования всех доступных законных приемов и средств для спасения человеческих жизней.

Другими словами, задача государства и правоохранительных органов в исследованной сфере – не демонстрировать чрезмерную принципиальность, а избежать (минимизировать) потерей. И профессионально выстроенный переговорный процесс, при всей его сложности, противоречивости и моральной неоднозначности, остается одним из ключевых способов достижения этой гуманной цели. Дальнейшее развитие этой сферы контртеррористической деятельности видится во внедрении современных технологий коммуникации и в системной подготовке кадров, способных сохранять человечность и хладнокровие в экстраординарных ситуациях.

Литература

1. Буткевич С.А. Ведение переговоров с террористами: правовые, психологические и тактические аспекты // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1 (84).

2. Калинина С.Б. Участие женщин в переговорном процессе с преступниками и террористами // Педагогика & психология. Теория и практика. 2019. № 4 (24).

3. Климовский А.С., Стеценко Н.В. Особенности подготовки сотрудников правоохранительных органов к переговорам с террористами // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7 (158).

4. Нурмухаметова И.Ф., Нурмухаметов Э.А., Давтян В.Г. Особенности психологической подготовки специалиста по переговорам с террористами // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183).

***В.С. Тутова**, курсант 1 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Косарева
Ростовский юридический институт МВД России

СКРЫТЫЕ ИНТЕНЦИИ КАК ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТА

В мире, где слова – это не просто звуки или символы, а инструменты воздействия и построения отношений, понимание истинных намерений говорящего становится ключом к успешной коммуникации. Зачастую то, что мы слышим, лишь верхушка айсберга, под которой скрываются более глубокие, не всегда явно выраженные цели. Именно здесь на сцену выходит прагмалингвистика, изучающая как контекст и намерения влияют на смысл высказывания. Одним из наиболее интригующих аспектов прагмалингвистики являются скрытые интенции – неявные цели, которые коммуникант преследует, вступая в диалог.

Скрытые интенции – это те цели, которые говорящий стремится достичь, но не выражает их прямо. Они могут быть связаны с желанием повлиять на мнение собеседника, вызвать определенные эмоции, получить выгоду, избежать конфликта, продемонстрировать свой статус или даже манипулировать. В отличие от явных интенций (например, «Я хочу купить хлеб»), скрытые интенции требуют от слушателя активного анализа контекста, невербальных сигналов и общих знаний о мире.

Прагмалингвистика рассматривает речевое поведение как целенаправленную деятельность. Согласно теории речевых актов, каждое высказывание является не только выражением мысли, но и действием (например, просьбой, обещанием, утверждением). Скрытые интенции – это те «действия», которые не всегда очевидны из самого высказывания. Прагматический аспект лингвистических исследований включает в себя, прежде всего, категорию субъекта. Субъект как отправитель текста определяет интенцию любого речевого высказывания, выбирая языковые средства, которые являются инструментом осуществления конкретных интенций (намерений) говорящего [2, с. 95].

Исследования речевых актов на материале разных языков подтверждают наличие в любом языке разнообразных средств, выражающих различные интенции говорящих. Такие средства входят в коммуникативную компетенцию как говорящего, так и слушающего, и обеспечивают адекватность условий общения [1, с. 45].

Речевая интенция отправителя текста определяет выбор им языковых средств, используемых для наилучшего речевого воздействия на получателя текста [3, с. 74].

Существуют различные точки зрения на стратегию выбора языковых средств, реализующих речевую интенцию говорящего. С одной стороны, речевая деятельность коммуниканта находится в сфере его постоянного сознательного контроля, с другой – некая часть речевой деятельности остается вне сознательного контроля говорящего. Бессознательный характер носит, как правило, лингвистический контроль, т. е. контроль за формой высказывания, за соответствием его нормам языка.

Таким образом, выбор языковых средств осуществляется в процессе речи и может носить как сознательный, так и неосознанный характер.

В речи обнаруживается нечто помимо единиц языка, а именно обширная «сверхлингвистическая» информация о самом говорящем – его возрасте, образовании и т. п.

Большинство ученых рассматривают два вида речевого воздействия – прямое и скрытое (прямое и косвенное). Вместе с тем выбор может быть скрытым осознанным и скрытым на уровне неосознанного для самого отправителя текста.

Сознательный контроль отправителя текста направлен на два вида речевого воздействия: прямое и непрямое. Прямое воздействие представляет собой любое побуждающее к действию высказывание. Непрямое речевое воздействие регулирует поведение получателя текста незаметно для него и не осознается им.

Третий вид речевого воздействия возникает в результате скрытых интенций говорящего и находится вне сознательного контроля самого отправителя текста. В спонтанной речи значение и смысл не расчленяются. Основой и условием осуществления всей деятельности говорения являются речевые автоматизмы. Сознание не может одновременно следить за смыслом высказывания и за каждым элементом речи, участвующим в оформлении этого смысла в понятную для собеседника форму. Не контролируемая отправителем текста скрытая интенция всегда заключает в себе отпечаток его личности и включает в себя такую неоднозначную характеристику, как возраст.

Ключевыми понятиями в анализе скрытых интенций являются: импликатуры (неявные смыслы, которые выводятся из высказывания на основе общих принципов коммуникации (например, принципа кооперации Грайса). Если человек говорит: «У меня сегодня очень много работы», его явная интенция – сообщить о своей занятости. Но скрытая интенция может быть просьбой об отсрочке, желанием избежать встречи или даже намеком на то, что ему нужна помощь); пресуппозиции (предположения, которые говорящий делает относительно знаний и убеждений слушателя. Если кто-то говорит: «Ты уже закончил тот проект?», он пресуппозирует, что проект существует и что слушатель должен был его закончить. Скрытая интенция может быть давлением, напоминанием или даже упреком); контекст (ситуация, в которой происходит общение, включая социальные отношения между участниками, их предыдущий опыт и культурные нормы. Контекст играет решающую роль в интерпретации скрытых интенций. Например, фраза «Ты выглядишь уставшим» может быть выражением заботы в одном контексте и намеком на некомпетентность в другом); невербальные сигналы (мимика, жесты, интонация, поза – все это может до-

полнять или даже противоречить вербальному сообщению, раскрывая скрытые интенции) [3, с. 76].

Таким образом, понятия речевой интенции как намерения говорящего, имплицитности как скрытого содержания текста включены в прагматическую характеристику текста и реализуются в процессе порождения речи. Речевая интенция во многих случаях реализуется речевым действием неадекватно, но речевое действие имплицитно всегда содержит речевую интенцию как прагматическую характеристику речи.

Скрытые интенции являются неотъемлемой частью человеческого общения. Они делают нашу речь многогранной, сложной и, порой, непредсказуемой. Прагмалингвистика предоставляет нам инструменты для анализа этих неявных смыслов, помогая нам стать более чуткими и эффективными коммуникаторами. Умение распознавать и понимать скрытые интенции – это не просто лингвистический навык, а жизненно важная компетенция, позволяющая глубже проникать в суть человеческих взаимодействий, строить более прочные отношения и успешно ориентироваться в сложном мире межличностного общения.

Литература

1. Бабенко М.Г. Коммуникативно-прагматические функции вводных компонентов в структуре диалога: На материале современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 146 с.

2. Медведева М.С. Юридический язык в аспекте современных дискурсивно-прагматических теорий // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 94–105.

3. Саидгасанова Э.У. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в текстах организационно-правовых документов добровольческого объединения / Э.У. Саидгасанова // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2014. Вып. 8: Филологические науки. С. 74–79.

***А.А. Ушмаева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.К. Бутенко**, канд. филос. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПУТЕМ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ

Сексуальное насилие является одним из наиболее опасных видов жестокого обращения, поскольку чаще всего вызывает тяжелые, сохраняющиеся длительное время психические и поведенческие нарушения. Именно поэтому с несовершеннолетними, которые стали потерпевшими от преступлений против половой неприкосновенности, необходимо проведение грамотного и аккуратного расследования. Необходимо применение таких методов, которые позволят минимизировать негативные последствия от воспоминаний о произошедшем. Половое воспитание детей должно стать одной из основных задач родителей и лиц, на которых возложены обязанности по их воспитанию.

Несмотря на наличие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) главы 50, которая регламентирует порядок и правила производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних [3], правовая основа, которая бы касалась несовершеннолетних свидетелей и потерпевших имеет определенные пробелы. Этап проверки сообщения о преступлении характеризуется получением объяснений, при этом проведение указанного действия с участием несовершеннолетнего заявителя не учитывает особенности психики ребенка и его поведения. Остается неопределенным процессуальное положение несовершеннолетнего заявителя, не решен вопрос о процессуальном положении психолога и педагога и их участии в указанной стадии.

Некорректная тактика проведения получения объяснений от несовершеннолетнего потерпевшего, включающая применение психологически неверных и излишне прямолинейных вопросов, создает риск причинения вторичной психологической травмы и может привести к утаиванию потерпевшим ключевых для расследования обстоятельств преступления в силу их личной болезненности. При этом участие психолога поможет минимизировать негативные последствия проверочных действий для ребенка, а также позволит несовершеннолетнему правильно воспроизвести значимые по делу обстоятельства.

Важная роль психолога по данной категории дел заключается в тесном взаимодействии со следователем во время планирования проведения проверочных мероприятий. Данное сотрудничество необходимо для совместной подготовки тактики проведения беседы и составления вопросов, которые будут скон-

струированы согласно возрасту потерпевшего и его психологических особенностей [2, с. 64].

Существенным фактором является и то, что подростки подвергаются насильственным действиям сексуального характера со стороны близких родственников, во время проверки сообщения о преступлении не исключены случаи, когда законные представители могут оказывать давление на ребенка или настаивать на рассказе сведений, не соответствующих действительности. Во избежание таких случаев целесообразно присутствие психолога и во время получения объяснений.

Психолог должен обладает знаниями, позволяющими расположить ребенка к беседе, создать благоприятную обстановку, ему необходимо правильно проанализировать поведение и рассказ ребенка, т. к. обсуждение детьми интимной стороны своей жизни зачастую вызывает чувство стыда и бурную эмоциональную реакцию, на которую нужно уметь правильно отреагировать, чтобы ребенок не закрылся и смог с точностью дать объяснения.

Рассматривая разные точки зрения можно сделать вывод, что необходимость участия лица, обладающего специальными знаниями о психологии и поведении детей, также обусловлена и тем, что показания, которые дает несовершеннолетний, должны быть тщательно проверены, чтобы не допустить необоснованного возбуждения уголовного дела и его последующего прекращения на стадии предварительного расследования или в суде.

А. Левченко считает, что участие психолога на стадии возбуждения уголовного дела необходимо, т. к. для психики несовершеннолетних характерна склонность к фантазиям, обману, неверной трактовке происходивших с ними событий либо совершение поступков из мести или ревности, например, школьному учителю – за плохие оценки, отчиму – за строгость [1]. Вместе с тем на практике встречаются и другие ситуации: когда факт насилия скрыть невозможно, несовершеннолетние потерпевшие, пытаясь защитить членов семьи от огласки и позора или под давлением взрослых, могут обвинять совершенно посторонних лиц. В связи с этим на начальном этапе расследования крайне важно создавать для потерпевших условия, способствующие успешному установлению истины.

Таким образом, считаем обязательным участие психолога на стадии проверки сообщения о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Это необходимо для защиты прав и законных интересов ребенка, а также для объективной оценки информации, на основе которой принимается решение о возбуждении уголовного дела. Данное предложение следует закрепить в ст. 144.1 УПК РФ, которая бы положила начало регламентации особенностей рассмотрения сообщения о преступлении в отношении несовершеннолетнего.

Литература

1. Левченко А.А. Расследование преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности малолетних. Типичные следственные ситуации // Мониторинговый центр по выявлению опасности запрещенного контента. URL:

http://www.pedofilov.net/analytics/rassledovanie-prestupleniysovershaemykh-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-maloletnikh (дата обращения: 05.03.2026).

2. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург, 2006.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***Е.Н. Фарченко**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.В. Пестова**, канд. пед. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Участие полиции в жизни общества всегда представляло собой очень важное и универсальное направление, которое обеспечивало спокойствие и безопасность граждан. Без нее не осуществлялось бы предотвращение и раскрытие преступлений. Сотрудники полиции проводят воспитательные беседы с гражданами нашей страны, внедряя им правомерное поведение. Если же между гражданами все-таки возникают конфликты, то правоохранители помогают урегулировать разногласия, формируя при этом уверенность и уважение между населением и полицейскими [2, с. 71].

В условиях глобализации и роста миграционных потоков многонациональная среда становится неотъемлемой частью современного общества. Для полицейских, чья деятельность напрямую связана с поддержанием общественного порядка и защитой прав граждан, важность межкультурной коммуникации становится особенно очевидной. Но как же все-таки происходит взаимодействие у сотрудников полиции с людьми другой национальности? В данной статье попытаюсь выявить основные проблемы межкультурной коммуникации полицейских в нашей многонациональной стране и найти пути их минимизации.

Для начала нужно понять, что межкультурная коммуникация – это связь и общение между представителями различных культур, что означает как непосредственные контакты между людьми и их общностями, так и опосредованные формы коммуникации (в т. ч. язык, речь, письменность, электронную коммуникацию). По сути это всегда межличностная коммуникация в специальном контексте, когда один участник обнаруживает культурное отличие другого. Такая коммуникация вызывает множество проблем, связанных с разницей в ожидани-

ях и предубеждениях, которые свойственны каждому человеку в разных культурах [1, с. 4].

Сотрудники полиции являются представителями власти и несут полную ответственность за свои слова и действия, т. к. выступают от имени государства. Компетентность современного сотрудника сводится, к сожалению, к его способности составить протокол и формально провести допрос, зачастую не вникая ни в суть, ни в детали ситуации, т. к. приходится следовать процедуре протокола.

Компетентность сотрудника полиции – это понятие широкое и включает следующие аспекты:

– умение использовать различные стилевые варианты русского языка при ведении разговора с гражданами (формальный, профессиональный жаргон, терминология другие стили). Несформированность навыка адаптировать бытовой и профессиональный язык и наоборот приводит к непониманию сути произошедшего, а иногда даже к усугублению ситуации;

– высокий уровень речевой устной и письменной культуры. Но на практике сотрудники полиции в силу занимаемой должности имеют разные уровни образования (среднее, средне специальное, высшее) и не все мотивированы для профессионального развития и оперативного мышления;

– способность вести конструктивный диалог с гражданами, не делая поспешный выводов, навешивания ярлыков и не доминируя (оказывая давление) в разговоре;

– сформированные практические навыки взаимодействия с трудным и агрессивным социальным контингентом (его привычками, убеждениями, манерами др.);

– эмоциональная устойчивость и навыки конструктивного слушания, ведущие к увеличению концентрации внимания, отсутствию агрессивной и спонтанной реакции на возможные манипулятивные выпады со стороны представителей разных национальностей (активная жестикуляция, повышенный тон разговора и др.) [3, с. 33].

Сотрудники полиции с низким уровнем сформированности данных общих и профессиональных компетенций, не имея даже базовой подготовки или слабого понимания специфики коммуникации в служебной деятельности в условиях стресса или конфликта, оказываются без набора инструментов для решения проблемы и выхода из конфликта с гражданами.

Таким образом, чтобы улучшить знания, умения и навыки полицейского, необходимо проходить специальные программы обучения, включающие в себя тренинги по совершенствованию вербального и невербального общения, культурно-национальной чувствительности, обеспечивать непрерывное профессиональное образование с элементами наставничества. В целях налаживания доверительного отношения с гражданами, коллегами и участниками конфликтной ситуации необходимо развивать способности понимать и разделять чувства другого человека (эмпатия) через моделирование сценария и его возможное разрешение в безопасной контролируемой среде.

Литература

1. Абакирова Т.П. Социально-психологические факторы формирования коммуникативных свойств личности: автореф. дис. … канд. психол. наук. Новосибирск, 2000.

2. Дербичева С.А., Астапенко П.Н. Взаимодействие милиции/полиции и населения: отечественный и зарубежный опыт. Деонтологические основы взаимодействия. Смоленск, 2001.

3. Мариничева А.В. Межкультурная коммуникативно-профессиональная компетентность как фактор подготовки квалифицированных специалистов: дис. … канд. социол. наук. Новгород, 2003.

***Р.Е. Фирсов**, курсант 1 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Н.Н. Поддубная**, канд. филол. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

При поступлении в образовательные организации системы МВД многие абитуриенты представляют, что их будущая служба будет связана с постоянными погонями, задержаниями, применением оружия. В действительности основным оружием сотрудника органов внутренних дел является его речь. Сотрудник полиции должен уметь не только грамотно формулировать свои мысли на родном русском языке, но и владеть основными навыками иноязычного профессионального общения.

С этой целью в образовательных организациях системы МВД курсанты изучают иностранные языки. Обучение иностранным языкам заключается не только в овладении обучающимися лексическим, грамматическим материалом и основными языковыми нормами, но и в ознакомлении с особенностями иноязычной культуры. На важную роль культурологических знаний при обучении иностранным языкам указывает О.А. Леонтович, подчеркивая, что «межкультурная коммуникация требует понимания не только языка, но и невербальных сигналов, традиций, представлений о вежливости» [2, с. 45]. Например, в некоторых культурах не принято смотреть в глаза старшим – это не признак лжи, а знак уважения. А бурная жестикуляция может быть просто манерой общаться, а не агрессией. Отсутствие у сотрудника полиции определенных знаний об особенностях культуры при общении с иностранным гражданином может привести к возникновению коммуникативных трудностей.

В процессе изучения иностранного языка в рамках неязыкового вуза обучающиеся сталкиваются с рядом трудностей, связанных с ограниченным коли-

чеством часов, отсутствием возможности общаться с носителями языка. Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез отмечают, что формирование коммуникативных навыков требует погружения в ситуации, максимально приближенные к реальным [1, с.128]. Таким образом, важным моментом на практических занятиях является проигрывание реальных ситуаций, когда, например, иностранец не понимает, что ему говорят, и начинает злиться или паниковать. Важно отработать реакцию сотрудника полиции в сложившейся ситуации. Современные технологии, в частности нейросети, могут стать хорошими помощниками в решении подобных задач. Конечно, они не заменят живого общения с преподавателем, но могут быть полезным тренажером.

В настоящее время активно разрабатываются специальные языковые программы, на основе которых можно создать чат-ботов – виртуальных собеседников, которые будут играть роль иностранцев в разных ситуациях. Таким образом, можно отработать иноязычные коммуникативные навыки в процессе проигрывания различных сценариев, например, принять заявление у туриста, у которого украли телефон. Виртуальный собеседник не просто общается, а следит за ошибками, может подсказать, как правильно сформулировать предложение. Для отработки навыков такие диалоги можно повторять многократно.

В настоящее время в практике подготовки сотрудников правоохранительных органов накоплен определенный опыт применения технологий искусственного интеллекта для отработки коммуникативных навыков. Так, разработаны модели VR-тренажера, использующие технологии распознавания речи и эмоционального интеллекта, позволяющие моделировать поведение виртуального собеседника в зависимости от действий обучающегося. Указанные примеры подтверждают перспективность применения современных технологий для формирования профессионально значимых компетенций сотрудников органов внутренних дел.

Интересным и полезным для обучающихся может быть использование на практических занятиях по иностранному языку очков виртуальной реальности. Виртуальная реальность создает эффект присутствия, что помогает лучше отработать навыки и вести себя естественнее в сложных ситуациях.

Эффективным может быть использование ИИ-тренажеров для отработки фонетических навыков. Программа анализирует речь обучающегося, выявляет проблемные звуки и предлагает упражнения для исправления ошибок и закрепления навыков. Использование ИИ-тренажеров демонстрирует позитивное отношение обучающихся к выполнению заданий. При традиционном выполнении упражнений обучающиеся не способны оценить результаты, в то время как тренажер дает такую возможность, что способствует развитию самоконтроля обучающихся.

На наш взгляд, перспективным было бы создание для курсантов специальной учебной платформы, объединяющей представленные выше возможности.

В заключение можно отметить, что в современном мире сотрудник полиции должен не только владеть знаниями в сфере юриспруденции, но и обладать хорошо сформированными коммуникативными навыками. Использование со-

временных технологий способствует эффективному развитию навыков иноязычной профессиональной коммуникации сотрудников органов внутренних дел, что, в свою очередь, поможет обеспечить правопорядок в многонациональном обществе.

Литература

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2005.

2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.

***К.В. Фоминых**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.К. Бутенко**, канд. филос. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Система гарантий участникам СВО и членам их семей постоянно развивается, разработаны дополнительные меры поддержки, которые заслуживают внимания. В 2025 г. государством принимались дополнительные и корректировались ранее принятые меры поддержки участников СВО и членов их семей. К примеру, закреплено право родственников на дополнительный отпуск до 35 дней для ухода за бойцами, получившим ранение и по заключению врачей, нуждающихся в уходе, расширен круг лиц, которым может быть предоставлен статус ветерана боевых действий и инвалида боевых действий, закреплен приоритетный порядок заключения социальных контрактов с участниками СВО и членами их семей в целях оказания социальной помощи [4], утверждены правила осуществления единовременной выплаты контрактникам войск национальной гвардии, участвовавшим в СВО [5] и др.

Субъекты Федерации также внедряют собственные инициативы. Так, в Алтайском крае детализирована процедура бесплатного предоставления земли участникам СВО [3], введена возможность получения денежной компенсации вместо земельного участка [6], утвержден порядок оказания материальной помощи бойцам и членам их семей [7] и др.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики позволяет выделить проблемы реализации социальных гарантий участников СВО и членов их семей.

По данным Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, внимания заслуживает динамика обращений по социальным вопросам, демонстрирующая тенденцию к росту на протяжении последних трех лет. Если в 2023 г. было зафиксировано 1367 таких обращений, то в 2024 г. их количество возросло до 3395, а в 2025 г. достигло 4478. Следовательно, всего за два года число обращений, связанных с социальными проблемами участников СВО и их семей, увеличилось более чем в три раза (в 3,27 раза). Внутри этой категории основную массу (87 % от всех социальных обращений) составляют вопросы выплат [2, с. 102], что свидетельствует о сохраняющихся сложностях в реализации мер финансовой поддержки и требует особого внимания государства к совершенствованию механизмов предоставления социальных гарантий.

Рост числа обращений по вопросам выплат указывает на то, что на практике участники СВО и их семьи сталкиваются с незаконными отказами в предоставлении социальных мер поддержки. Иллюстрацией такого подхода служит правовая позиция, выраженная в апелляционном определении судебной коллегии по административным делам Третьего апелляционного суда общей юрисдикции. В нем суд указал, что требование о проживании на территории региона именно на дату начала специальной военной операции (24 февраля 2022 г.) необоснованно лишает поддержки граждан, ставших жителями субъекта позднее, но выполнявших те же задачи, сопряженные с особым риском для жизни и здоровья. Федеральное законодательство не ставит право на меры социальной поддержки в зависимость от даты начала проживания на территории субъекта Российской Федерации.

Правоприменительная практика показывает, что одной из причин подобных сложностей является установление региональными властями дополнительных, не предусмотренных федеральным законодательством ограничений. В частности, недопустимо сужение круга лиц, имеющих право на меры социальной поддержки, по сравнению с федеральным законодательством. Апелляционным определением Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 признано незаконным нераспространение региональной выплаты на лиц, заключивших контракты в период с 1 августа по 28 ноября 2024 г., тогда как Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» предписывал осуществлять выплату с 1 августа 2024 г. Реализуя рекомендацию высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации об установлении единовременной выплаты, региональный орган не вправе ограничивать право на ее получение произвольными временными рамками [1].

В другом случае судебным решением признано противоречащим федеральному законодательству требование о наличии у самого участника СВО регистрации в регионе для предоставления льгот членам его семьи, фактически проживающим на территории области. Такой подход не согласуется с гарантиями правовой и социальной защиты военнослужащих и членов их семей, закрепленными в ст. 3 федерального закона «О статусе военнослужащих», и не отвечает целям государственной политики, направленной на дополнительную поддержку участников СВО и членов их семей. Меры поддержки, предполага-

ющие проживание членов семьи на территории региона, не могут быть поставлены в зависимость от места регистрации самого военнослужащего.

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии у судов затруднений при оценке законности региональных нормативных правовых актов, устанавливающих дополнительные меры социальной поддержки. В целях обеспечения правильного и единообразного рассмотрения данной категории дел Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 11.02.2026 № 2А/2026 утвердил Тематический обзор № 1/2026, содержащий правовые позиции, обязательные для применения судами общей юрисдикции.

Сформулированные Верховным Судом Российской Федерации подходы направлены на недопущение дискриминации при предоставлении региональных мер поддержки и обеспечение равенства прав всех категорий участников специальной военной операции и членов их семей независимо от места регистрации, даты ее возникновения, места службы, формирования воинской части или иных формальных критериев, не связанных с фактом участия в СВО. Любые ограничения, не имеющие объективного и разумного оправдания и вводимые региональными актами вопреки требованиям федерального законодательства, признаются незаконными.

Проанализировав законодательство и правоприменительную практику в сфере социальной защиты участников СВО и членов их семей, а также во исполнение поручения Президента Российской Федерации о необходимости обобщения регионального опыта и выработки единых подходов к предоставлению мер поддержки [8], в целях унификации правовых гарантий, устранения диспропорций в объеме социальных прав указанной категории граждан в зависимости от субъекта проживания, является целесообразной разработка федеральной целевой программы, направленной на комплексное сопровождение участников СВО и членов их семей.

Данная программа должна закрепить единый стандарт социальных гарантий, включающий в себя следующие блоки: совершенствование механизмов страховых и компенсационных выплат по принципу «одного окна»; обеспечение доступности медицинской помощи, включая протезирование и реабилитацию, а также психолого-психотерапевтическую поддержку для всех членов семьи; предоставление гарантированных квот и преференций в сфере образования и профессиональной переподготовки; создание правовых механизмов защиты имущественных и трудовых прав. Особое внимание в рамках программы должно быть уделено пожизненному сопровождению семей погибших (умерших) военнослужащих. Базовый (федеральный) перечень гарантий должен быть обязательным к применению на всей территории страны, при сохранении за субъектами Российской Федерации права на установление дополнительных мер поддержки сверх указанного стандарта.

Литература

1. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.04.2025 по делу № 66а-259/2025 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год. URL: https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad_2025.pdf.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

3. О случаях и порядке предоставления в собственность бесплатно земельных участков на территории Алтайского края отдельным категориям граждан в связи с их участием в специальной военной операции [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 07.09.2023 № 45-ЗС. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2023 № 1931 [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2025 № 173. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Правил осуществления единовременной денежной выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 11.02.2025 № 137. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Порядка предоставления компенсационной выплаты взамен предоставления земельного участка в собственность бесплатно отдельным категориям граждан в связи с их участием в специальной военной операции» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Алтайского края от 28.01.2026 № 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О предоставлении материальной помощи отдельным категориям граждан, принимающим (принимавшим) участие в специальной военной операции, и членам их семей» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Алтайского края от 16.02.2023 № 43 (ред. от 22.01.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Путин призвал установить единые стандарты поддержки участников спецоперации. URL: https://rg.ru/2025/04/28/reg-szfo/putin-prizval-ustanovit-edinye-standarty-podderzhki-uchastnikov-specoperacii.html (дата обращения: 11.03.2026).

9. Решение Омского областного суда от 07.10.2025 № 3а-476/2025 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Г.Р. Хабибуллина**, курсант 3 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Е.А. Петрова**, доктор филол. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ У ЮРИСТОВ

На протяжении многих веков человечество совершенствует регламентацию своих межличностных и международных отношений, и вместе с этим нивелируется правовая система. Следует отметить, что юриспруденция – это самый древний институт права, где постоянно появляются какие-то поправки и изменения. В разных цивилизациях существовали свои сборники законов, такие как «Законы Хаммурапи», «Законы Ману», «Законы 12 таблиц» другие. Декларация прав человека и гражданина по сей день является всеобщим шаблоном права. Сотрудник органов внутренних дел получает профессию юриста в образовательных организациях системы МВД, а затем реализует полученные общекультурные и профессиональные навыки в различных областях юриспруденции. Юрист обязан успевать следить за законодательными актами, равно как и за мировыми тенденциями и использовать максимум источников информации.

Напомним, что юрист (от лат. *jus* – право; нем. *Jurist*; англ. *Jurist*) [5] – это специалист по правоведению, юридическим наукам; практический деятель в области права. К юристам относят специалистов, занимающихся разнообразными аспектами профессиональной юридической деятельности: представителей юстиции, прокуратуры, адвокатуры, правоохранительных органов, нотариусов, юристов, занимающихся как частной практикой, так и представляющих интересы различных организаций и предприятий. Упоминание о первых юристах появилось в коллегии понтификов в Древнем Риме, где впервые начали изучать право на профессиональном уровне и интерпретировали его нормы. Одной из основных задач коллегии понтификов являлось предоставление юридических консультаций по применению норм права римским гражданам.

Важная черта всех юристов или правоведов – грамотность. Такой человек обязан уметь четко и ясно выражать свои мысли, обладать высоким интеллектом, быть компетентным в области права [2]. Без сомнения, при формулировке правовых норм, нужно обращать внимание на нормы языка и сохранять их. Все наши мысли выражаются посредством языка, языковых единиц[5]. Не следует забывать, что язык как система реализуется только в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение – быть средством общения. В свою очередь речь – это последовательность единиц языка, организованная по его законам и в соответствии с потребностями передаваемой информации.

По убеждению А. Ф. Кони, «юрист должен быть человеком, безупречно владеющим нормами литературного языка, у которого общее образование идет

впереди специального» [1, с.89]. Данная точка зрения основана, видимо. На том, что юристам постоянно приходится сталкиваться с разными аспектами по роду своей деятельности, поэтому их разносторонность и кругозор должны помочь преодолеть им различные ситуации. Кроме того, деятельность юриста предполагает общение с людьми, и нарушение им языковых норм может вызвать негатив со стороны собеседника. Все юристы являются ораторами, поэтому им необходимо владеть ораторского искусства и красноречия. Они должны уметь логически верно оценить ситуацию, высказывать правильное ассерторическое суждение и убедить в правильности своей точки зрения обращающихся к нему людей. Таким образом, профессиональная компетенция юриста зависит от его общей культуры, грамотности речи, уровня владения нормами литературного языка, умения точно, ясно, правильно выразить мысль. Все эти факторы – «обязательное условие успешной самопрезентации судебного оратора» [3, с. 6], т. е. язык – это профессионально оружие юриста.

Вопросы культуры речи юриста тесно связаны с его профессиональной деятельностью. К сожалению, многие считают, что достаточно зазубрить все нормативно-правовые акты и кодексы, чтобы быть специалистом в области права, но это ошибочная гипотеза. Каждый день юристы демонстрируют свои коммуникативные навыки, а именно: составляют законопроекты, ведут деловую переписку, составляют протоколы допроса и осмотра места происшествия, различные постановления, обвинительные заключения, исковые заявления, договоры и соглашения, т. е. иными словами, вступают в межкультурную коммуникацию с разными слоями населения.

Заострим внимание на том, что в общении с разными людьми необходимо выбирать правильный тон, слова, которые четко определят мысль сотрудника. Если, например, сотрудник органов внутренних дел неграмотно изложит свои мысли, то допрашиваемый не сможет понять некорректный вопрос. В таком случае нередко возникают так называемые коммуникативные лакуны. Все «старания успешного юриста достигают своего апогея, когда тот обладает навыками эффективного общения» [4].

На наш взгляд, юрист должен обладать следующими качествами:

1) объемно-пространственным мышлением. Одновременно представлять в уме все стороны в деле, их статусные и функциональные связи, слабые и сильные стороны, возможности и ограничения, связь законодательной базы, бытового или делового оборота с традициями, частной этикой и культурой;

2) способностью к моделированию ситуаций. На основе отрывочных данных и сведений представить линию поведения каждой из сторон в деле, возникшие статусные и функциональные связи. На модели обнаружить «провалы» и постараться заполнить их;

3) системным мышлением, таким взглядом на ситуацию, когда при решении учитываются все актуальные влияющие на нее факторы.

Итак, несомненно, что все юристы должны обладать навыками коммуникации. Однако некоторые допускают ошибки при написании текстов, причем их замечания зачастую связаны не с грамматическими или орфографическими ошибками, а неумением излагать текст в четкой и логической форме. Для того

чтобы достичь успехов в профессиональной деятельности юрист должен владеть навыками вербальной и письменной коммуникации.

Литература

1. Александров Д.Н. Риторика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2012. 624 с.

2. Алексеев Н.С., Макарова Е.В. Ораторское искусство в суде. 2-е изд., испр. и доп. Ленинград: ЛГУ, 1989. 190 с.

3. Роман Л.В. Метаязыковая субстанциональность языка судопроизводства и речевые аспекты его реализации: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 1998. 20 с. URL: https://www.dissercat.com/content/metayazykovaya-substantsionalnost-yazyka-sudoproizvodstva-i-rechevye-aspekty-ego-realizatsii/read (дата обращения: 19.02.2026).

4. Ивакина Н.Н. Культура речи юриста. М.: Юридическое издательство Норма, 2025. 448 с.

5. Юрист // Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. 797 с.

***И.А. Харахордин**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.В. Моисеев**, канд. ист. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРАВОВЫЕ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «КИБЕРЩИТ» В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях цифровой трансформации общества проблема вовлечения молодежи в деструктивные и экстремистские сообщества приобретает особую остроту. По данным Национального антитеррористического комитета Российской Федерации, в начале 2026 г. участились случаи нападений учащихся на одноклассников и педагогов, при этом вербовка исполнителей ведется преимущественно в закрытых группах мессенджеров и социальных сетей, связанных с деструктивными движениями. В этой связи разработка специализированных информационных инструментов для профилактической работы в образовательной среде становится приоритетным направлением. В рамках настоящего исследования нами была создана веб-платформа «КиберЩит» – интеллектуальная система на основе искусственного интеллекта, предназначенная для профилактики деструктивного поведения в образовательной среде. Она со-

четает функцию поддержки принятия решений для педагогических работников и анонимную среду психологической помощи обучающимся [1].

Архитектура платформы построена на принципе полной изоляции двух пользовательских ролей: преподавателя и ученика. Главная страница приложения предоставляет выбор между входом для педагога и для учащегося, что обеспечивает разграничение функционала и сохранение конфиденциальности. Система реализована как веб-приложение с адаптивным интерфейсом. Центральная концепция заключается в том, чтобы дать педагогу объективный инструмент анализа контента и поведенческих маркеров, а ученику – безопасное пространство для получения психологической поддержки без страха осуждения или разглашения личных данных.

Профиль преподавателя представлен в виде информационной панели (дашборда), на которой отображаются ключевые показатели: количество учеников, классов, случаев высокого риска и наблюдений. Основной функционал учительского профиля включает четыре ключевых модуля. Модуль анализа текста позволяет проверять сообщения, посты и переписку на наличие экстремистских признаков и токсичности с использованием современных нейросетевых моделей. После обработки текста система выдает оценку уровня риска (низкий, средний, высокий), показатели токсичности и экстремизма в числовом виде, а также правовые рекомендации с учетом соответствующих статей КоАП РФ, УК РФ. Результаты анализа сохраняются в истории, и преподаватель может на их основе создать профилактическую беседу или внести запись в журнал наблюдений. Модуль анализа изображений выполняет аналогичную функцию для визуального контента, распознавая запрещенную символику и текст на изображениях.

Конструктор профилактических бесед является инновационным инструментом, который на основе введенных педагогом симптомов (тревожность, агрессия, замкнутость, нетерпимость, радикализм и др.) автоматически генерирует структурированный список вопросов для проведения беседы с обучающимся. Сгенерированные шаблоны сохраняются и могут быть использованы повторно. Журнал наблюдений позволяет фиксировать поведенческие особенности учащихся, связывать записи с конкретными учениками, отмечать риск-индикаторы и отслеживать динамику изменений во времени. Все инструменты преподавательского профиля работают комплексно: анализ текста или изображения может привести к созданию беседы, результаты которой фиксируются в журнале наблюдений, формируя полную картину поведенческих тенденций в классе.

Профиль ученика спроектирован с учетом особенностей подростковой психологии и потребности в анонимности. Личный кабинет учащегося содержит четыре основных раздела. Модуль ИИ-психолога представляет собой анонимный чат с искусственным интеллектом, настроенным на эмпатичное и поддерживающее общение. Диалоговая система работает в режиме реального времени, сохраняет конфиденциальность и не требует указания личных данных. В интерфейсе чата предусмотрена кнопка экстренной помощи, при нажатии на которую отображаются телефоны доверия (единый детский телефон доверия 8-

800-2000-122, экстренные службы 112, 103, 102), что позволяет в кризисной ситуации мгновенно получить профессиональную помощь. История сообщений в чате доступна пользователю для просмотра ранее проведенных консультаций.

Модуль тестирования предоставляет учащимся возможность пройти анонимное тестирование для оценки уровня риска вовлечения в деструктивные сообщества. Результаты отображаются в процентном соотношении с рекомендациями на основе полученных данных. Раздел «Сообщить о проблеме» позволяет анонимно сообщить о выявленных фактах экстремистской деятельности или деструктивного поведения. Модуль образовательных материалов содержит статьи, видео и инфографику о профилактике экстремизма, толерантности, здоровом общении и цифровой безопасности. Регистрация ученика может осуществляться с использованием кода класса, что позволяет преподавателю отслеживать общую статистику без нарушения анонимности личных данных учащихся.

Техническая реализация платформы выполнена с соблюдением требований федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Анонимность ученического профиля обеспечивается на архитектурном уровне: система не требует указания фамилии, адреса или иных идентифицирующих данных. Искусственный интеллект используется не как средство тотального контроля, а как инструмент поддержки педагогических работников, позволяющий объективизировать оценку подозрительного контента и снизить влияние субъективных факторов. Платформа соответствует Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124, которая предусматривает применение технологий искусственного интеллекта для мониторинга интернет-пространства и профилактической работы в образовательной среде. В дальнейшем планируется пилотное внедрение платформы в образовательных учреждениях, сбор обратной связи от пользователей, расширение библиотеки тестов и образовательных материалов [2, 3].

Таким образом, разработанная веб-платформа «КиберЩит» представляет собой комплексное решение, сочетающее аналитические инструменты для педагогов и анонимную психологическую поддержку для учащихся. Использование технологий искусственного интеллекта позволяет повысить эффективность профилактической работы, обеспечить раннее выявление рисков и создать безопасную образовательную среду, отвечающую современным требованиям цифровой трансформации общества.

Литература

1. Противодействие распространению идеологий терроризма и экстремизма с использованием современных технологий: материалы мастер-класса // Антитеррористический центр государств-участников СН. 20.02.2026.

2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124.

3. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Я.И. Цодикова**, студент 3 курса*
Алтайский государственный университет

Научный руководитель:
***О.Н. Замятина**, канд. социол. наук, доцент*
Алтайский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ, ЦИФРОВЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

В условиях современного общества, отличающегося постоянными политическими, экономическими и социальными переменами, отмечается стабильный рост психологических синдромов, связанных с хроническим стрессом и эмоциональным переутомлением. Одним из самых частых проявлений становится эмоциональное выгорание.

Понятие «выгорания» активно исследуется в рамках социальной психологии, социологии и психиатрии. Одним из первых исследователей этого феномена был Г. Фройденбергер, который видел выгорание как состояние ментального и физического истощения, появляющееся вследствие профессиональной работы. К. Маслач раскрывает данный термин как психологический синдром, складывающийся в результате длительной реакции на хронический эмоциональный и межличностный стресс. А. Лэнгле трактует понятие «выгорание» как итог неправильного отношения человека к своей жизни. Оно возникает в обстановке, когда человек теряет ощущение цели своей деятельности и перестает видеть жизнь как целенаправленный процесс [2, с. 19–20]. Таким образом, выгорание следует рассматривать как глубокий личностный кризис, обусловленный длительным стрессом и потерей смысла деятельности. В данном контексте важно акцентировать, что основным условием возникновения данного синдрома является именно вовлеченность человека в систематическую деятельность.

Профессиональная сфера является основным источником эмоционального выгорания, и его выраженность нарастает пропорционально длительности трудового опыта. Согласно предоставленным результатам исследования, наиболее высокие проценты столкновения с признаками эмоционального истощения отмечаются в областях консультирования (91 %), медицины и фармацевтики (88 %), высшего менеджмента (87 %), маркетинга и PR (87 %), а также юриспруденции (86 %). При этом более низкие значения свойственны отраслям, связанным с безопасностью (45 %), добычей сырья (57 %) и страхованием (67 %) [4].

Подобное расслоение свидетельствует о том, что уровень серьезности психологического синдрома заметно меняется в зависимости от особенностей трудовой деятельности и уровня эмоционального бремени. В областях с высокими значениями труд связан с интенсивным общением и необходимостью оперативно выносить ответственные решения. Итог работы зачастую воздей-

ствует на посторонних лиц, что усиливает психологическое напряжение. В профессиях с более низкими значениями рабочие циклы, как правило, более стандартизированы и структурированы.

Развитие синдрома эмоционального выгорания (далее – СЭВ) связано с рядом обстоятельств, которые можно объединить в следующие группы:

1. Ограничения для профессионального роста, отсутствие признания и нездоровая рабочая атмосфера: когда у сотрудника нет перспектив карьерного продвижения, это влечет потерю вовлеченности, падение мотивации и снижение продуктивности.

2. Дисбаланс между работой и личной жизнью: постоянные переработки, пренебрежение нормами рабочего дня и перенос рабочих обязанностей в личное время лишают человека возможности отдыхать.

3. Психологические особенности личности: некоторые люди более предрасположены к выгоранию в силу своего характера и профессиональных установок. В группе риска находятся трудоголики, перфекционисты и карьеристы.

Еще одной актуальной причиной эмоционального истощения являются цифровые технологии. Цифровое выгорание представляет собой состояние психоэмоционального упадка, вызванное постоянным взаимодействием с цифровой сферой и необходимостью непрерывного присутствия в онлайн-пространстве.

Типичной становится ситуация, при которой человек старается сфокусироваться на выполнении задания, однако внимание постоянно переключается на уведомления, сообщения или новые вкладки. Мозг, функционирующий в режиме многозадачности, постепенно перегружается. Более того, исследования в сфере нейронауки показывают, что после отвлечения мозгу требуется в среднем более 20 мин. для полного возвращения к изначальной задаче [5].

Дополнительным элементом становится культура «немедленного ответа», при которой ожидание реакции на сообщение в течение 5-10 мин. считается социальной нормой. Подобный режим порождает постоянное чувство тревожного ожидания и нарушает личные границы.

В свете этого все большую важность приобретают методики, нацеленные на изменение взаимодействия человека с цифровой средой. Одним из наиболее действенных методов считается техника «глубокого фокуса» (Deep Work), предполагающая выделение отрезков по 90–120 мин. без уведомлений, звонков и мессенджеров для полноценной концентрации. Также применима практика «цифрового поста», заключающаяся в создании регулярных офлайн-периодов без гаджетов и социальных сетей [1].

Необходимо понимать, что эмоциональное выгорание носит системный характер, по этой причине борьба только с его внешними признаками зачастую оказывается малорезультативной. По данным исследований, наиболее частыми методиками признают продолжительный отпуск (43 %), поддержку родных и близких (40 %), смену рабочего места (39 %) или профессиональной области (34 %) [3]. Тем не менее большинство подобных мер в основном ослабляют текущее душевное напряжение ненадолго, не устраняя глубинные механизмы возникновения истощения.

В современной психотерапевтической практике все большее значение обретают методики, нацеленные не на краткосрочное улучшение самочувствия, а на продолжительное изменение образов мышления. Одним из наиболее действенных подходов расценивается когнитивно-поведенческая терапия (далее – КПТ), нацеленная на обнаружение и перестройку отрицательных мыслительных установок. Широкое распространение также получила терапия принятия и ответственности (ACT), базирующаяся на развитии внимания и способности принимать собственные чувства без непрерывной внутренней борьбы с ними. Еще одной важной областью является терапия, сфокусированная на сострадании (CFT), ориентированная на уменьшение степени самокритики и внутреннего стресса.

Таким образом, предупреждение эмоционального истощения требует не только временного отдыха или изменения внешних обстоятельств, но и более глубокого переосмысления отношения человека к труду, своим ожиданиям и способам эмоциональной саморегуляции.

Литература

1. Авраменко А. Синдром цифрового выгорания (Digital Burnout): как технологии съедают продуктивность // Новости IT Channel News. 2024. 18 сентября. URL: https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=193696 (дата обращения: 25.02.2026).

2. Козлова К.В., Муравьева О.И., Корытова Г.С. Понятие «выгорание» в психологии: анализ и обобщение подходов // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2019.

3. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ). Профессиональное выгорание: причины, последствия и способы преодоления. М., 2024. URL: https://nafi.ru/upload/iblock/422/jocrshp0od032ahf6e0bxa7zkd9ogeeq.pdf (дата обращения: 24.02.2026).

4. Сгореть на работе: результаты исследования // HH.ru – служба исследований HeadHunter. 2023. URL: https://hh.ru/article/12445 (дата обращения: 26.02.2026).

5. Спивакова М. Цифровое выгорание: как быть на связи и оставаться в ресурсе // Общество. РБК. 2025. 19 марта. URL: https://companies.rbc.ru/news/FSgnkqffiV/tsifrovoe-vyigoranie-kak-byit-na-svyazi-i-ostavatsya-v-resurse/ (дата обращения: 25.03.2026).

***А.А. Чекуряева**, курсант 1 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Р.З. Байбурина**, канд. филол. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ОБУЧАЮЩИМИСЯ В ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ МВД РОССИИ

Изучение иностранных языков сотрудниками органов внутренних дел и курсантами образовательных учреждений МВД России – неотъемлемая часть в подготовке к работе со специалистами из других стран и иностранными гостями Российской Федерации. В данной работе мы рассмотрим актуальность и важность изучения дисциплины «Иностранный язык» на примере Уфимского юридического института МВД России.

Английский язык считается международным языком. На нем издаются учебные пособия для его изучения школьниками, студентами, представителями различных профессиональных сфер, научные статьи и журналы, книги и словари. На английском языке ведутся переговоры лидеров и важных лиц разных стран мира для решения дел мирового масштаба, касающихся таких вопросов, как договоры о мире, доктрины, переговоры, составление торговых соглашений; помимо этого, на английском выпускаются либо дублируются международные акты и стенограммы.

Одной из задач сотрудников полиции является обеспечение безопасности на международных фестивалях, конференциях и других мероприятиях, которые проводятся на территории Российской Федерации. В этом случае иностранный язык выступает в качестве средства коммуникации с людьми, не говорящими на русском языке. Следовательно, владение иностранным языком – это необходимый навык для оказания эффективной помощи иностранным гражданам, а также проведения различных процессуальных действий и выполнения профессиональных задач.

Умение общаться на иностранном языке окажется немаловажным при осуществлении научной деятельности, выступлениях на международных конференциях для обмена опытом. Например, Уфимский юридический институт принимает участие в конференциях, где основным языком является английский.

Помимо этого, полицейские, владеющие иностранным языком, имеют преимущество в представлении к участию в международных операциях, им открывается доступ к международным стажировкам и программам обмена, и в целом увеличиваются шансы на продвижение в структурах, связанных с международным сотрудничеством. Грамотный диалог с иностранными специалистами укрепляет международный авторитет России и российской полиции, формирует ее позитивный образ на международной арене и внутри страны, де-

монстрирует профессионализм и открытость к диалогу и способствует доверию со стороны зарубежных партнеров.

Кроме того, в соответствии со ст. 11 федерального закона от 07.02.2011 «О полиции», полицейские имеют право на использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем [3]. Цифровые ресурсы зачастую имеют программное обеспечение и интерфейс на международном языке. Для полного и понятного использования, например, таких программ как Excel, Windows, Access или ПО Windows, знание английского языка просто необходимо.

Вышеуказанные объективные причины лишь доказывают важность наличия учебной дисциплины «Иностранный язык» в образовательных организациях системы МВД и школах повышения квалификации (профессиональной подготовки).

Например, в Уфимском юридическом институте МВД России часть тем по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)» изучается на материале учебного пособия “English for law enforcement”, разработанного коллективом кафедры иностранных и русского языков [1].

Содержание учебного пособия соответствует требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов высшего и среднего профессионального образования. Каждый раздел (Unit) включает в себя следующие части (Links): Pronunciation Practice; Vocabulary; Grammar; Reading; Speaking; Writing; Test yourself. Терминологический вокабуляр служит для пополнения словарного запаса, например, звания, названия преступлений, термины из уголовного процесса и судопроизводства. Также рабочей программой учебной дисциплины предусмотрено изучение диалогов, в которых разыгрываются базовые условно-естественные ситуации, например: «Как спросить дорогу», «Мой институт», «Знакомство», «О лучшем друге». В грамматической части изложена основная информация о грамматических конструкциях и условиях их употребления, В лексической секции рассказывается о достопримечательностях США, Великобритании и городов Российской Федерации, а также о структуре обучения и становления полицейским/юристом в этих странах. Таким образом, в ходе учебной деятельности происходит формирование профессионально ориентированной лексической компетенции в юридической сфере. Под которой мы понимаем «способность применять лексические единицы при осуществлении профессионально ориентированного общения при решении задач в юридической сфере» [2].

Для контроля усвоения курса английского языка, преподаватели проводят тестирование, которые выявляет «пробелы» в знаниях. Регулярно проводятся индивидуальные консультации с обучающимися. На заседания кафедры приглашаются слабоуспевающие курсанты для выяснения проблем и причин, из-за которых у них возникают трудности в изучении данной дисциплины.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение английского языка – это необходимое условие успешной работы сотрудников полиции. Уровень профессиональных навыков влияет на продвижение по карьерной лестнице и участие в международных конференциях и служебных операциях. Таким образом, даже

базовые знания могут спасти чью-либо жизнь или поспособствуют помощи иностранцам в России при их обращении к сотрудникам или задержании.

Литература

1. Английский язык для профессиональной коммуникации сотрудников правоохранительных органов (English for law enforcement): учеб. пособие. Ч. 1 / Е.А. Петрова, Д.А. Галиева, Р.З. Байбурина, О.А. Безземельная; Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2025. 159 с.

2. Байбурина Р.З. Методика формирования профессионально ориентированной лексической компетенции у обучающихся юридического вуза // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2.

3. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***О.О. Черепанова**, курсант 2 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Н. Шрайбер**, канд. социол. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОБРАЗ КОШКИ В КУЛЬТУРАХ АЛТАЯ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАРНАУЛЬСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МВД РОССИИ)

Кошки – одни из самых популярных и почитаемых домашних животных в мире. Их значимость для различных культур, наций и религий прослеживается на протяжении всей истории человечества. Культурное влияние кошек нашло широкое отражение в различных формах народного творчества и литературных произведениях. Образ этого грациозного животного стал неотъемлемой частью фольклора, мифологии и искусства многих народов мира, в т. ч. и населения Алтая. Настоящее исследование посвящено анализу образа кошки в культуре русского, алтайского и казахского народов.

Цель исследования – выявить специфику представлений студенческой молодежи о роли образа кошки в различных культурах Алтая. Для достижения поставленной цели были реализованы следующие задачи: проанализировать теорию и методологию изучения образа кошки в различных культурах; разработать методику междисциплинарного исследования образа кошки в различных

культурах; выявить специфику субъективных оценок молодежи относительно роли и места кошки в русской, алтайской и казахской культурах.

На первом этапе эмпирического исследования проанализирован широкий спектр научных источников, которые раскрывают значение образа кошки в различных культурах. Так, Гуров А.В. в своей работе упоминает, что кошка в славянской народной традиции обладает двойственной символикой и рассматривается, с одной стороны, как символ демонических сил, с другой – как воплощение домашнего тепла, удачи и богатства [1]. Н. Бойко исследовала данный вопрос относительно казахской культуры и выяснила, что кочевой народ одомашнил кошек задолго до того, как большая часть населения перешла к оседлому образу жизни. Также с приходом Ислама кошка, как любимица Пророка Мухаммеда, почиталась и стала не только практически значима как помощник в ловле мышей, но и выросла как духовный образ чистоты и ласки [2]. Изучая кошку в алтайской культуре, Р.Н. Ойноткинова сделала вывод о том, что в «чистом виде» кошка как домашнее животное появилась на Алтае не так давно, а в культурной составляющей, например, мифах, преданиях и легендах, чаще упоминались манулы, рыси и снежные барсы [3].

На втором этапе было проведено анкетирование и фокус-групповое исследование. Генеральную совокупность составили курсанты Барнаульского юридического института МВД России. В анкетировании приняло участие 104 респондента (45 мужчин и 59 женщин). В фокус-группе участвовали 12 информантов (6 мужчин и 6 женщин), которые являются представителями русской, казахской и алтайской культуры на Алтае. Вопросы для фокус-группы строились на основе первичных данных массового опроса, что позволило получить развернутые комментарии по уже выявленным закономерностям.

Обратимся к некоторым результатам исследования. В ходе опроса выяснилось, что среди респондентов, не имеющих домашних животных, 52 % мужчин и 70 % женщин хотели бы завести кошку. При этом 43 % опрошенных мужчин и 25 % женщин имеют удовольствие быть хозяином кошки. Курсанты отмечают следующие преимущества при заведении кошки: кошка обеспечивает домашний уют в доме (68 % мужчин и 72 % женщин), является живым антистрессом (50 % мужчин и 33% женщин), избавляет от одиночества (по 37 %), воспитывает чувство ответственности (15 % мужчин и 29 % женщин). Респонденты, которые не желают завести кошку, указывают следующие причины, имеющие преимущественно объективный характер: содержание кошки является дорогим удовольствием (30 % мужчин и 18 % женщин), уход за кошкой требует много времени и сил (46 % мужчин и 58 % женщин), некоторые респонденты указали на наличие аллергии на кошачью шерсть (20 % от общего числа опрошенных). При этом для 30 % мужчин и 25 % женщин главным фактором, останавливающим их завести кошку, становится эмоциональная привязанность, которая может привести к психологической травме, если с любимым питомцем что-то случится. При фокус-групповом исследовании прозвучали и другие варианты ответов, которые объективно способствовали бы заведению кошки или напротив категорически воспрещали подобное. *«Я могу предположить, что многие заводят кошек, чтобы угнаться за трендом, модой…»* (ж, курсантка).

В ходе фокус-группового обсуждения была затронута тема о том, что коты являются настоящими помощниками. Так, некоторые респонденты высказались о котах-помощниках в современных реалиях: «*На СВО очень много кошек, их даже специально заводят, ведь у них хороший слух, чтобы слышать дроны…*» (м, курсант).

Обратим внимание, что многие участники опроса указывают на культурную составляющую заведения кошки. Так, в опросе 15 % мужчин и 14 % женщин отметили, что кошка защищает дом от злых духов. Это характеризует культурную ассоциацию образа кошки, пришедшую к нам из старых времен, сложившуюся из обычаев и традиций. Обращая внимание на эту сторону вопроса, в фокус-групповом исследовании нам удалось выяснить ряд интересных моментов связанных с образом кошки в различных культурах в представлении молодежи. «*Когда бабушка с дедушкой покупали дом, у них был кот, они впускали его первым в дом, потому что кошки чувствуют всю энергетику, и если кот оставался подольше, то дом можно было покупать…, но я так делать не буду, просто котика заведу для души, уюта…*» (ж, курсантка). Следовательно, для молодежи кошка представляет собой домашнего любимца и компаньона, тогда как старшее поколение более привержено мифических и традиционных понятий. Вместе с тем молодежь знает достаточно много поверий, поговорок и пословиц о кошках, что удерживает ее культурный образ на плаву.

По мнению респондентов, влияние религии на представления о домашних кошках несколько угасло, однако все же имеет вес как культурное наследие. «*У мусульман кошка считается священным животным, ведь она была любимицей нашего Пророка Мухаммеда … сейчас кошки может не так почитаются, но все равно обижать их нельзя…*» (м, курсант). «Кошка – символ милосердия» – ответ на вопрос о том, что символизирует кошка в современном мире. Респонденты подняли важную тему о жестоком обращении с животными и бродяжничестве большого количества кошек. Так, в ходе фокус-группового исследования, выяснилось, что большинство помогают беспризорным питомцам, в т. ч. пристраивают их в приют, ищут для них хозяев или оставляют у себя.

Исходя из результатов исследования, можно предположить, что образ кошки в различных культурах Алтая подвергся значительным изменениям. С точки зрения молодежи, кошки не только символы домашнего уюта и тепла, некоторые также считают, что такие питомцы отгоняют злых духов, лечат болезни, успокаивают нервную систему. Вместе с тем кошки популярны в медиа пространстве и других аспектах жизнедеятельности современного общества.

Литература

1. Гура А.В. Символика кошки в славянской народной традиции // Славянский альманах. 2019. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-koshki-v-slavyanskoy-narodnoy-traditsii/viewer (дата обращения: 10.02.2026).

2. Бойко Н. Как и когда кочевники приручили кошку? 2023. URL: https://exclusive.kz/kak-i-kogda-kochevniki-priruchili-koshku/ (дата обращения: 06.01.2026).

3. Ойнотникова Н.Р. Представители семейства кошачьих в лингвокультуре и мифологии алтайцев // Фольклористика: Повествовательный фольклор. 2024.

А.В. Черненко, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.К. Бутенко, *канд. филос. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Проблема защиты детства неизменно сохраняет свою актуальность на всех этапах развития общества, поскольку именно дети определяют будущее любой страны. Конституция Российской Федерации провозглашает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1], а Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет приоритет семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии [2].

Несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы в сфере защиты детства, современное российское общество характеризуется системной трансформацией института семьи, следствием которой выступает феномен социального сиротства.

Социальное сиротство представляет собой утрату детьми родительского попечения при живых родителей вследствие уклонения от воспитания, лишения или ограничения родительских прав. Данное явление нарушает механизм межпоколенческой трансляции семейных ценностей и создает риск воспроизводства сиротства.

По данным Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, в России насчитывается около 358 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Ежегодно лишаются прав более 21 тыс. родителей. Масштабная инспекция 2023–2025 гг. показала, что 25 % детей находятся в учреждениях [5, с. 3, 101] необоснованно – при своевременной помощи они могли остаться в кровных семьях. К числу основных факторов, обусловливающих социальное сиротство, относятся: злоупотребление родителями алкоголем (в Алтайском крае – 70 % случаев), социально-экономические трудности, педагогическая несостоятельность, а также недостатки системы профилактики.

Ответом на эти вызовы стала инициатива по созданию Всероссийской службы помощи семье, поддержанная Президентом Российской Федерации. Переход к семьесберегающему подходу, по прогнозам, позволит к 2030 г. сократить число детей в учреждениях вдвое без привлечения дополнительных

бюджетных средств. Примером реализации новой стратегии служит федеральная программа «Вызов» (стратегическая программа «Дети в семье»), запущенная с октября 2024 г. в 14 регионах, включая Алтайский край. Ее цель – снизить темпы выявления социальных сирот на 25 % за счет работы с семьями в социально опасном положении, восстановления родителей в правах и профилактики отказов от новорожденных. Предварительные результаты программы: снижение темпов выявления сирот на 30 % и возврат 96 % детей в кровные семьи.

В рамках проекта «Вызов» одним из ключевых инструментов стали социальные гостиницы. В регионе работают пять отделений временного пребывания, рассчитанных на 63 места. Они расположены в Комплексных центрах Алейска, Барнаула, Рубцовска, Бийска и Каменского района. За первое полугодие эти учреждения приняли 62 женщины и 99 детей.

Социальная гостиница Краевого кризисного центра – это не просто временное жилье. Это безопасное пространство, где каждая семья получает индивидуальный подход. Специалисты проводят консультации, помогают найти решения проблем, оказывают психологическую поддержку. Также помогают восстановить документы, найти работу и пройти лечение, если есть проблема с алкоголем. Такой комплексный подход дает шанс начать новую жизнь, сохранив семью.

В рамках перехода к семьесберегающей модели в 2025–2026 гг. планируется создание сети Семейных многофункциональных центров (МФЦ), нацеленная на профилактику семейного неблагополучия. Предполагается открытие более 120 специализированных сервисов, включая службы экстренного реагирования, мобильные бригады, кризисные комнаты, и психологические онлайн-приемные для поддержки семей с низкими доходами, находящиеся в трудной жизненной ситуации, молодые семьи и семьи участников СВО.

Однако пока федеральные и краевые программы находятся в стадии развертывания, ключевая нагрузка ложится на местные органы и службы. В соответствии с Распоряжением Правительства Алтайского края № 141-р, принятым в марте 2025 г., именно муниципальные структуры должны обеспечивать раннюю диагностику проблем. Органы опеки и попечительства обязаны оперативно реагировать на сигналы о неблагополучии, проводить профилактические беседы и сопровождать семьи после возвращения детей. Участковые полиции и педагогический состав школ призваны выявлять кризисные ситуации на ранних стадиях, не дожидаясь, пока семья попадет в категорию социально опасной [4].

Успешная реализация семьесберегающей политики невозможна без изменения общественного сознания и преодоления стигматизации кризисных семей. Как свидетельствует практика, наличие развитой сети учреждений не гарантирует снижения числа изъятий, если сохраняется обвинительный подход во взаимодействии с родителями.

Характерный пример зафиксирован в сельском районе Алтайского края. Полная семья с двумя детьми была лишена родительских прав на основании заявления дочери, указавшей на эпизодическое употребление матерью алкоголя. При этом комиссионное обследование подтвердило, что базовые потребности детей (питание, одежда, обучение) закрывались в полном объеме, фактов же-

стокого обращения не выявлено. Вместо применения мер профилактики, предусмотренных федеральным законом № 120-ФЗ (беседа, привлечение психолога, социальный патронат), органы опеки инициировали процедуру лишения прав, что привело к разлучению семьи [3].

В связи с этим профилактика требует не только правовых и организационных мер, но и внедрения просветительских программ.

Одним из перспективных направлений выступает возрождение института общественного наставничества, предполагающего привлечение к работе с кризисными семьями авторитетных представителей местного сообщества (педагогов-ветеранов, старших родственников, активных жителей), чье неформальное влияние нередко оказывается действеннее административных мер.

Дополняющим механизмом является внедрение в образовательную среду курса «Семьеведение», ориентированного на формирование у подрастающего поколения понимания семьи как сферы повседневного труда и взаимной ответственности, а также информирование населения через социальные медиа и женские консультации о реальных историях успешного восстановления в родительских правах.

Современная статистика фиксирует позитивные сдвиги, связанные с переходом от карательной модели к семьесберегающей. Однако устойчивый результат возможен только при комплексном подходе, включающий раннюю диагностику проблем, своевременную помощь долгосрочное сопровождение, позволит снизить уровень социального сиротства и сохранить семьи.

Взаимодействие всех служб – залог успешной профилактики социального сиротства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении комплекса мер по профилактике социального сиротства в Алтайском крае на 2025-2026 годы [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Алтайского края от 20.03.2025 № 141-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка «О результатах деятельности по защите прав детей в 2024 году». М., 2025. 277 с.

***В.С. Шатилова**, студент 1 курса*
Сибирский государственный университет путей сообщения

Научный руководитель:
***С.П. Шатилов**, канд. юрид. наук, доцент*
Сибирский государственный университет путей сообщения

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАСТАВНИЧЕСТВА И СТАЖИРОВКИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков потребовала коренной перестройки работы всех государственных и общественных институтов на военный лад [1, с. 705–708]. В связи с этим Президиумом Коллегии адвокатов Новосибирской области в марте 1942 г. была проведена плановая проверка состояния работы со стажерами и молодыми адвокатами в юридических консультациях городов Новосибирска, Сталинска, Томска и других населенных пунктов области.

В результате проведенной проверки организации работы со стажерами и молодыми адвокатами в юридических консультациях Коллегии адвокатов Новосибирской области, осуществленной на основании требований Инструкции НКЮ СССР от 23.04.1941 [4, с. 3–4], было установлено следующее.

По состоянию на 1 апреля 1942 г. в Коллегии адвокатов Новосибирской области насчитывалось 12 стажеров и 22 молодых адвоката [5, л. 7]. Проверкой, проведенной в марте 1942 г., было установлено, что все стажеры и большинство молодых адвокатов были прикреплены для прохождения практики к квалифицированным адвокатам-руководителям [4, л. 27]. Во всех проверенных консультациях руководителями были составлены индивидуальные планы работы со стажерами, которые прошли процедуру обсуждения и последующего утверждения на производственных совещаниях.

В ходе повседневной работы стажеры систематически выполняли задания своих руководителей под их непосредственным наблюдением. Адвокаты-руководители знакомили стажеров с методикой адвокатской деятельности, совместно с ними изучали материалы судебных дел, составляли необходимые записи, вырабатывали планы защиты и конспекты защитительных речей, участвовали в судебных процессах [6, л. 12]. Наиболее подготовленные стажеры допускались к самостоятельному выступлению в судебных заседаниях, но исключительно в присутствии прикрепленного к ним адвоката и после тщательного предварительного обсуждения всех обстоятельств дела. Помимо этого, руководители обучали стажеров правильному оказанию юридической помощи населению, включая устные советы и составление бесплатных заявлений для семей мобилизованных и инвалидов войны [2, с. 56].

Все стажеры и молодые адвокаты вели досье, по которым можно было проследить, насколько правильно были даны руководителями указания по ис-

правлению допущенных ошибок. Кроме того, стажерами велся дневник выполняемой работы, который регулярно подписывался адвокатом-руководителем.

В процессе прохождения практики особое внимание уделялось обучению правильному заполнению регистрационных карточек, квитанционных книжек, соглашений и нарядов, а также составлению финансовых и статистических отчетов. Руководители разъясняли стажерам порядок определения размера гонорара за оказанную юридическую помощь в строгом соответствии с Инструкцией НКЮ СССР от 02.10.1939 [3, с. 2–4].

Контроль за прохождением стажерами и молодыми адвокатами практики осуществлялся заведующими консультациями путем регулярного анализа отчетности, проверки дневников и досье. Учет явки стажеров на работу и их ухода с работы велся в общеустановленном порядке.

Для повышения идейно-политического, теоретического и культурного уровня стажеров и молодых адвокатов на производственных совещаниях юридических консультаций регулярно заслушивались их доклады по отдельным правовым вопросам. На этих же совещаниях проводился разбор сложных ситуаций из судебной практики с обязательным участием стажеров. В городе Новосибирске, например, были проведены специальные беседы на темы «Ведение досье» и «Составление исковых заявлений» [4, л. 12–14]. Также широко практиковалось заслушивание докладов стажеров по изучению действующих законов и подзаконных актов, необходимых в повседневной адвокатской практике.

В целях совершенствования профессионального мастерства практиковалось стенографирование наиболее показательных выступлений в суде как опытных адвокатов, так и самих стажеров с последующим детальным разбором этих стенограмм на совещаниях. Между стажерами было организовано социалистическое соревнование. Помимо этого, стажеры и молодые адвокаты активно привлекались к проведению общественно-массовой работы в форме докладов, лекций и бесед среди населения о правовой помощи семьям фронтовиков, о порядке получения льгот, о противодействии панике и пораженческим настроениям [2, с. 6].

Проверкой также было установлено, что Президиум Коллегии осуществлял контроль за подготовкой кадров путем индивидуальных вызовов стажеров для собеседований. В соответствии с Инструкцией НКЮ СССР от 23.04.1941, заведующие юридическими консультациями не реже двух раз в год представляли в Президиум доклады о результатах прохождения стажерами практики со своим заключением о возможности перевода их в адвокаты [5, л. 76]. Велся также учет работы всех опытных адвокатов, к которым были прикреплены стажеры и молодые адвокаты, по руководству их деятельностью.

На основании вышеизложенного комиссия пришла к заключению, что, несмотря на тяжелые условия военного времени, когда значительная часть наиболее опытных адвокатов была призвана в ряды Красной Армии либо переведена по острой необходимости в другие правоохранительные органы (суд, нотариат, военные трибуналы). Система наставничества и подготовки кадров в Новосибирской области продолжала функционировать бесперебойно. По результатам проверки было признано необходимым и далее неукоснительно со-

блюдать требования Инструкции НКЮ СССР, не допуская самостоятельного участия стажеров в судебных процессах без сопровождения, прикрепленного к ним адвоката, а также усиливать идейно-политическое воспитание молодых специалистов.

Литература

1. Бойков А.Д. Адвокатура в годы Великой Отечественной войны // Российская юстиция. 2005. № 5.

2. О порядке работы со стажерами: инструкция НКЮ СССР от 23.04.1940 // Сборник приказов и инструкций НКЮ СССР. 1940. № 12.

3. Казьмин И.Ф. Подготовка адвокатских кадров в годы Великой Отечественной войны // Советская юстиция. 1943. № 7.

4. Кожевников М.В. История советской адвокатуры. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1946. Отчет Президиума Коллегии адвокатов Новосибирской области за 1-й квартал 1942 года. Новосибирск, 1942. Л. 7 (Архив Управления Минюста по Новосибирской области. Ф. 42. Оп. 1. Д. 23).

5. Отчеты о проведении общественно-массовой работы среди населения г. Новосибирска за 1-й квартал 1942 года // Текущий архив Коллегии адвокатов Новосибирской области. Папка № 17.

6. Протоколы производственных совещаний юридических консультаций г. Новосибирска за январь-март 1942 года // Архив Коллегии адвокатов Новосибирской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15.

***А.В. Шекунова**, курсант 1 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Г.Р. Искандарова**, доктор филол. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

ФАКТЫ О БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЕ

Более 35 лет назад пала Берлинская стена. С 1949 по 1990 гг. существовали два немецких государства – Федеративная Республика Германии (ФРГ) и Германская Демократическая Республика (ГДР). С 1961 г. обе страны разделяла хорошо охраняемая граница. Визиты между восточными и западными немцами были затруднены. Также и Берлин был разделен стеной.

Для того чтобы получить разрешение совершить поездку на Запад, необходимо было получить с места работы удостоверение благонадежности [1, с. 24]. В некоторых случаях восточно-немецкое государство наказывало своих граждан, желающих выехать в ФРГ, увольнениями и арестами. Так, например, известно, что в 1976 г. Зинна Отт, 27 лет, мать двоих детей, попыталась бежать через Берлинскую стену в западную часть города, за что была приговорена к 22 месяцам тюрьмы, а ее дети были помещены в детский дом [2, с. 29].

Конец ГДР ознаменовался уже в 1989 г. В ноябре 1989 г. правительство ГДР оказалось в глубоком кризисе. Летом много граждан покинули страну через Венгрию и уехали в Западную Германию. На демонстрациях люди требовали свободу передвижения, скандируя: «Мы один народ!». Поэтому правительство приняло новый закон о поездках: граждане ГДР теперь беспрепятственно могут выезжать на Запад. Закон должен был вступить в силу 10 ноября, для того чтобы у пограничников было время подготовиться к новому паспортному контролю. Но все получилось по-иному.

Вечером 9 ноября руководитель пограничной полиции подполковник Харальд Егер нес службу на Берлинском контрольно-пропускном пункте. В перерыве по телевизору он услышал слова политика Гюнтера Шабовски на пресс-конференции о том, что с этой минуты и без промедления действуют новые правила выезда для граждан ГДР. Егер позвонил своему начальнику полковнику Руди Цигенхорну, но тот сказал, что ничего не знает о нововведении и по-прежнему действует старый режим пересечения границы. Таким образом, граница осталась на некоторое время закрытой, даже когда к КПП уже подошли первые жители Восточного Берлина и намеревались посетить Западный Берлин.

Перед пограничным переходом собирался народ и требовал открытия ворот. Под давлением масс и из-за отсутствия помощи со стороны начальника Егер отдает приказ об открытии границы в 23.00 час. Так он смог предотвратить неконтролируемую силу.

Падение Берлинской стены вошло в историю как конец мирной революции в ГДР. Тем самым завершилось разделение Европы на социалистический Восток и капиталистический Запад до тех пор, пока оно не появилось вновь после второй мировой войны за счет двух супердержав – Советского Союза и США.

То, что падение Берлинской стены становилось неизбежным, было ясно уже с 1980 г. Люди в социалистических странах Центральной и Восточной Европы требовали больше демократии и улучшение жизни, благосостояния. Летом 1980 г. польские рабочие верфи в Гданьске вышли на демонстрацию против повышения цен. Протестов становилось все больше, и был создан независимый профсоюз «Солидарность». Впервые коммунистическая система дала трещины. Повсюду в восточном блоке появлялись оппозиционные группы, также и в ГДР, которые добивались ядерного разоружения, совместного принятия политических решений и чистой экологии.

Литература

1. Бетмакаев А.М. Идентичность за Берлинской стеной: восточные немцы и «режим СЕПГ» в 1961–1989 гг. //Дневник Алтайской школы политических исследований. 2005. № 21. С. 21–24.

2. Mihr Anja Amnesty international und die DDR. Ausstellungskatalog. Berlin: H+P-Druck, 2002.

***Н.С. Шилин**, слушатель 5 курса*
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***С.А. Буткевич**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОВД С НАЦИОНАЛЬНЫМИ ДИАСПОРАМИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Современные миграционные процессы, сопровождающие глобализацию, создают для принимающих государств и сообществ не только экономические и демографические возможности, но и ряд системных вызовов в сфере национальной безопасности. Одним из наиболее значимых является риск проникновения и распространения идеологии экстремизма и терроризма, которые могут находить благодатную почву в среде мигрантов, сталкивающихся с трудностями социально-культурной интеграции. В этих условиях традиционные силовые, ограничительные и запретительные меры становятся мало результативными и неэффективными.

По нашему мнению, более эффективной стратегией представляется системная работа по выстраиванию доверительного диалога и партнерства с национальными диаспорами, землячествами и общинами. Эти структуры, обладающие внутренним авторитетом и глубинным пониманием своей среды, могут выступать незаменимыми проводниками государственной политики, агентами профилактики, раннего предупреждения угроз и нейтрализации их последствий. Однако такое сотрудничество требует не только нормативной регламентации, но и отлаженных организационных механизмов и преодоления взаимного недоверия.

Так, правовой фундамент для взаимодействия ОВД с национальными объединениями образуют положения Конституции Российской Федерации, гарантирующие равенство прав и свобод человека независимо от национальности, а также федеральное законодательство в сфере противодействия экстремистской и террористической деятельности. Однако нормы права, детально регулирующие направления такого партнерства, носят рамочный и фрагментарный характер, поэтому основная нагрузка ложится на ведомственные нормативные акты, которые закрепляют вариативные формы участия в профилактической работе с населением как одни из задач и обязанностей конкретных служб и подразделений ОВД [1, с. 133].

Как правило, модели взаимодействия варьируются от эпизодических консультаций и встреч в формате общественных советов при территориальных органах МВД до создания постоянно действующих рабочих групп, реализации совместных просветительских программ с институционализацией контактов. Важно отметить, что эта коммуникация носит двусторонний характер. Со сто-

роны ОВД оно включает не только сбор оперативно значимой информации, но и разъяснение российского законодательства, прав мигрантов и их обязанностей. Со стороны диаспор – содействие в разрешении локальных конфликтов, информирование о возникающих в общине проблемах, которые могут создать почву для радикализации, участие в воспитательной, просветительской и профилактической работе.

Ключевым ресурсом диаспор в исследуемой сфере является их внутренний социальный капитал, персонифицированный в фигурах признанных лидеров, старейшин, руководителей культурных центров. Их авторитет, основанный на традициях, возрасте, жизненном опыте или профессиональных успехах, зачастую непререкаем для членов общины. Этот потенциал может быть направлен на решение нескольких взаимосвязанных задач:

1) формирование правосознания и содействие адаптации. Авторитетные лидеры выступают как наиболее эффективные интерпретаторы норм принимающего общества. Их слово может иметь больший вес, чем формальные директивы органов публичной власти о необходимости соблюдения российских законов, уважения культуры и истории страны, изучения языка. Через них транслируются установки на конструктивную интеграцию, легальное трудоустройство, отказ от практик, противоречащих светскому характеру государства;

2) культивация межнационального и межрелигиозного согласия. Представители диаспор способны нейтрализовать возникающие на бытовой почве противоречия и конфликты, не допуская их эскалации. Их участие в общегородских мероприятиях, праздниках, круглых столах способствует разрушению стереотипов, формированию атмосферы взаимного уважения как внутри сообщества мигрантов, так и в его отношениях с коренным населением;

3) контроль за внутриобщинной средой и ранняя превенция. Благодаря своему статусу лидеры диаспор первыми могут заметить появление в своей среде маргинальных элементов, проповедников радикальных идей, факты создания замкнутых группировок, отвергающих интеграцию. Своевременное информирование ими правоохранительных органов о таких маркерах и индикаторах позволяет предпринять профилактические меры уже на стадии их генезиса, своевременно оказать помощь попавшим под деструктивное влияние лицам.

Несмотря на позитивный потенциал, взаимодействие с диаспорами сопряжено с рядом серьезных вызовов и рисков, игнорирование которых может привести к обратному эффекту. Наиболее значимой угрозой является формирование закрытых этнических анклавов криминальной или квазигосударственной направленности. В них могут игнорироваться не только федеральные законы (например, в сфере регистрационного учета, трудовых отношений), но и устанавливаться собственные нормы, основанные на интерпретации религиозных догм или архаичных обычаев, вступающих в противоречие с российским правом и традиционными духовно-нравственными ценностями [2]. Клановая солидарность в таких условиях используется для сокрытия преступлений, давления на свидетелей, создания альтернативных или параллельных систем «разрешения споров».

Еще один риск связан с возможностью внутренней индоктринации самих лидеров или активных членов диаспоры. Радикальные проповедники могут целенаправленно работать над тем, чтобы завоевать авторитет внутри общины, выдавая себя за защитников ее прав и интересов, и в дальнейшем использовать свое влияние для популяризации деструктивных идей. Поэтому для правоохранительных органов критически важно проводить тонкую дифференциацию внутри диаспор, выявляя и поддерживая конструктивно настроенных партнеров и пресекая деятельность тех, кто проповедует изоляционизм, нетерпимость и враждебность.

Кроме того, существует проблема обеспечения общественной безопасности в районах компактного проживания мигрантов. Высокая плотность населения, языковой барьер, сложности с идентификацией лиц создают дополнительные трудности для повседневной работы сотрудников ОВД. Это требует, в большей степени, развития сети доверенных контактов внутри общины, которые могут оперативно сообщать о конфликтных ситуациях или подозрительной активности.

Таким образом, взаимодействие ОВД с национальными диаспорами в сфере противодействия экстремизму и терроризму является не дополнительной, а стратегически необходимой составляющей современной модели обеспечения общественной безопасности. Оно позволяет перейти от затратной и зачастую запоздалой тактики силового реагирования к проактивной стратегии предупреждения, основанной на доверии, диалоге и солидарной ответственности. Успех этой работы возможен только при условии признания диаспор не объектами контроля, а равноправными субъектами профилактики, обладающими уникальными ресурсами для формирования правосознания и гармонизации кросскультурных отношений. Инвестиции в выстраивание таких партнерских отношений, подготовку кадров и поддержку интеграционных проектов – это вклад не только в безопасность, но и в будущее российской государственности, основанной на принципах единства в многообразии. Только совместными усилиями государства и институтов гражданского общества можно создать надежный заслон на пути идеологии ненависти, терроризма и экстремизма, обеспечив тем самым устойчивое развитие полиэтничного и многонационального Российского государства и общества.

Литература

1. Буткевич С.А. Предупреждение преступлений: методология, теория и правовые основы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 131–142.

2. Петрянин А.В. Взаимодействие органов внутренних дел с представителями традиционных религиозных конфессий в области противодействия экстремизму // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).

С.Э. Штейн, *курсант 2 курса*
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

Научный руководитель:
Л.С. Кравчук
Белгородский юридический институт МВД России
имени И.Д. Путилина

ЯЗЫКОВАЯ ПОДГОТОВКА КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Современный сотрудник полиции должен иметь устанавливать и поддерживать взаимодействие с гражданами, владеть навыками иноязычной коммуникации, деэскалирующего поведения, умело разрешать конфликты. В настоящее время большое внимание уделяется разработке методической поддержки в преодолении языковых и межкультурных проблем оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции в ситуациях профессионально значимого общения с иностранными гражданами.

Межкультурное профессиональное взаимодействие с иностранными гражданами при выполнении служебных обязанностей играет важную роль в деятельности сотрудников органов внутренних дел. Как справедливо считает исследователь Т.А. Сливинская, «эффективная коммуникация становится неотъемлемым фактором успеха в профессиональной деятельности будущего специалиста» [1, с. 270]. В этой связи необходимы факторы, которые будут помогать сотрудникам легче и правильно подбирать формы поведения, нужные слова и выражения для общения с гражданами, которые относятся к разным культурам. При этом большое значение имеет развитое чувство толерантности, которое позволяет мирными и бесконфликтными средствами разрешить культурные, этнические и другие недоразумения и противоречия. «Внутренним условием возникновения контакта между взаимодействующими сторонами является проявление искреннего, подлинного уважения друг друга. Внешним проявлением контакта является поведение взаимодействующих субъектов» [2].

Проблема толерантности выходит на первый план, когда сотрудникам полиции в деловом общении приходится искать мирные способы преодоления культурных, национальных, религиозных и прочих различий. Основой эффективного взаимодействия выступает взаимное уважение сторон, которое проявляется через корректное, внимательное и тактичное поведение всех участников общественных дискуссий.

Практическое воплощение принципа толерантности требует глубокого осознания каждым партнером профессионального общения своей роли и личных обязательств. Важнейшие личностные качества сотрудника полиции при этом предусматривают готовность преодолеть внутренние барьеры, умение мо-

билизовать волю и эмоциональные силы, стойкость перед лицом трудностей, концентрацию усилий и правильное распределение ресурсов для последовательного решения сложных вопросов, требующих специального образования и опыта.

По мнению исследователя Т.С. Каримовой, «для эффективного выполнения своих служебных обязанностей сотрудникам полиции необходимы знания основ эффективного профессионального общения, наличие выработанных коммуникативных умений, владение навыками риторического мастерства, что позволяет им избежать коммуникативных конфликтов, формирует умения в информационном обмене» [3, с. 212–213]. Отдельно стоит отметить острую потребность современных сотрудников полиции в знании иностранных языков. Сегодня владение языком имеет принципиальное значение для компетентного специалиста, способного использовать общие знания, навыки и умения на практике при разрешении практических ситуаций, возникающих в процессе выполнения должностных обязанностей. Общение с иностранцами, проверка документов, помощь в ориентировании в городе, чрезвычайные происшествия, нарушения общественного порядка с участием иностранцев – лишь некоторые типичные случаи, к которым сотрудник полиции обязан быть готовым.

Курс иностранного языка в образовательной организации МВД России имеет профессиональную направленность. Его целью является формирование профессионально-ориентированной компетенции в сфере деловой коммуникации, развитие способности иноязычного делового общения в конкретных ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления. Курсанты на занятиях иностранного языка в ходе лингвистической адаптации к деловому общению изучают лексический минимум, необходимый для оформления профессионально-ориентированной иноязычной речи, проходят многочисленные тренинги по преодолению межкультурных и языковых трудностей в профессионально значимых коммуникативных ситуациях с иностранными гражданами.

Постоянно возрастающие требования к уровню профессиональной подготовки сотрудников полиции включают в себя, среди прочего, «способность к деловому общению, профессиональной коммуникации на одном из иностранных языков» [4]. Изучение иностранного языка служит инструментом совершенствования профессиональных компетенций сотрудников полиции и направлено на эффективное выполнение ими служебных обязанностей. Освоение необходимых языковых навыков вместе с полученными ранее профессиональными умениями поможет полицейским адекватно действовать в нестандартных ситуациях, грамотно урегулировать конфликтные моменты, регулярно возникающих в ходе выполнения работы, и успешно справляться с поставленными перед ними задачами.

Таким образом, эффективная работа сотрудников полиции в многонациональной среде предполагает высокий уровень владения иностранными языками и глубокое понимание культурных различий. Знание языка и культуры представителей различных народов помогает предотвратить конфликты, улучшить качество выполнения служебных обязанностей и повысить доверие граждан. В эпоху глобализации и увеличения миграции полицейские регулярно взаимо-

действуют с людьми разной культурной принадлежности и говорят на разных языках, что подчеркивает особую значимость развития профессиональной языковой подготовки полицейских сил в современных реалиях.

Литература

1. Сливинская Т.А. Эффективная коммуникация как показатель готовности к профессиональному общению // Культура народов в социальном пространстве и времени: сб. мат-лов Всерос. научно-практ. конф-ции, Иркутск, 17 апреля 2025 г. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025.

2. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. М.: Издательская корпорация «Логос», 2023.

3. Каримова, Т.С. Интегративный подход в формировании коммуникативной компетенции у сотрудников полиции // Культура народов в социальном пространстве и времени: сб. мат-лов Всерос. научно-практ. конф-ции, г. Иркутск, 17 апреля 2025 г. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2025.

4. Зверева Е.Б., Фокина С.П. Профессиональная языковая подготовка в юридическом вузе как условие формирования конкурентоспособности будущего специалиста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2022.

***Л.И. Щуровский**, слушатель 5 курса*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель:
***С.А. Буткевич**, канд. юрид. наук, доцент*
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ СТАТЬИ 31 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Конституционное право российских граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование является одним из фундаментальных элементов политической свободы в демократическом обществе. Эта норма, закрепленная в ст. 31 Основного закона, не просто декларативна, а служит важнейшим каналом для выражения общественного мнения, политических предпочтений и обеспечения динамичного развития гражданского общества. Однако любое право, включая так называемое право на мирные собрания, не является абсолютным. Его реализация происходит в правовом поле, где существуют и другие значимые приоритеты и охраняемые цен-

ности – общественная безопасность, правопорядок, права, свободы и интересы других лиц.

В современных условиях, характеризующихся ростом различных радикальных проявлений, особую актуальность приобретает вопрос о том, как совместить гарантии ст. 31 Конституции с безусловной необходимостью противодействия экстремистской деятельности. Где проходит та грань, за которой законное волеизъявление граждан рискует превратиться в угрозу общественному спокойствию или, что еще опаснее, в инструмент пропаганды ненависти и насилия, риски для конституционного строя?

Правовое регулирование публичных мероприятий в России представляет собой многоуровневую систему. Помимо ст. 31 Конституции, ее реализация детализируется в федеральном законе «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», который вводит уведомительный порядок проведения массовых акций, устанавливает права и обязанности организаторов, участников и властей, определяет процедуры согласования маршрутов и мест проведения.

Ключевым для нашей темы является смежность этого законодательного массива с нормами о противодействии экстремизму. Экстремизм определяется через конкретные действия: возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности, публичные призывы к осуществлению такой деятельности и т. д. Таким образом, публичное мероприятие, даже согласованное в установленном порядке, мгновенно выходит за рамки правового поля, если в его ходе начинают звучать соответствующие призывы, распространяться символика экстремистских организаций или совершаться действия, направленные на разжигание ненависти. Сотрудник ОВД, получивший информацию о том, что с трибуны митинга звучат призывы экстремистского характера, обязан пресечь это нарушение. Промедление или бездействие в такой ситуации могут привести к эскалации и легализации противоправной деятельности под прикрытием реализации конституционного права граждан [1, с. 286; 3, с. 395].

Несомненно, деятельность правоохранительных органов в период подготовки и проведения публичных мероприятий носит многозадачный характер, ее нельзя сводить лишь к силовому противостоянию. Поэтому на этапе подготовки сотрудники ОВД взаимодействуют с организаторами, анализируют потенциальные риски, планируют расстановку сил. Особое внимание уделяется мероприятиям, тематика которых может привлечь внимание радикально настроенных групп или спровоцировать противостояние [2, с. 19–20]. Здесь важна профилактическая работа, диалог с организаторами, разъяснение границ допустимого.

В ходе мероприятия ключевая задача – не допустить нарушения установленного регламента и перерастания мирного собрания в массовые беспорядки. Это требует от личного состава компетентности, профессионализма, выдержки и знания закона. Действия полиции должны быть соразмерны угрозе. Осуществление охраны общественного порядка – это не только физическое оцепление, но и непрерывный мониторинг настроений в толпе, выявление зачинщи-

ков возможных провокаций, немедленное реагирование на попытки развернуть экстремистскую агитацию.

Особая ситуация возникает при проведении несанкционированных публичных мероприятий. Их нелегитимность сама по себе создает правовой риск и потенциал для нарушения порядка. В таких условиях правоохранителям необходимо, действуя строго в рамках закона, не допустить дестабилизации обстановки. Законное требование о прекращении незаконного мероприятия является первоочередным. Невыполнение этого требования участниками уже образует состав административного правонарушения, а в случае оказания сопротивления может перерасти в уголовно наказуемое деяние. Тут важно подчеркнуть: применение мер физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия всегда будут исключительной мерой, применяемой лишь тогда, когда иные способы исчерпаны и существует реальная угроза безопасности граждан, общества и государству.

Подчеркнем, что наиболее сложной задачей является не силовое пресечение уже начавшихся беспорядков, а упреждающее выявление и нейтрализация попыток использовать легальные или нелегальные публичные акции в экстремистских целях. Экстремистские структуры часто стремятся «встроиться» в социальный протест, чтобы радикализировать его участников, придать своим лозунгам видимость массовой поддержки и спровоцировать конфликт с властями. Именно поэтому профилактика должна быть системной, комплексной и включать:

1) мониторинг информационного поля (анализ лозунгов и призывов в социальных сетях и мессенджерах к участию в мероприятиях, выявление признаков экстремистской риторики в анонсах);

2) работу с организаторами публичных мероприятий (доведение информации о возможных провокаторах; совместная разработка мер по недопущению на трибуну лиц с радикальными взглядами);

3) оперативное реагирование на месте (привлечение наиболее подготовленных сотрудников, способных быстро идентифицировать, задержать и изолировать лиц, распространяющих запрещенную литературу, выкрикивающих экстремистские лозунги или развернувших соответствующую символику);

4) взаимодействие с институтами гражданского общества и традиционными конфессиями для организации контрнарративов и мирного разрешения возможных межнациональных или межрелигиозных конфликтов, которые могут быть искусственно эскалированы в ходе публичных акций.

Таким образом, приоритетная цель ОВД – пресечь связь между реализацией гражданами своего конституционного права и деструктивной экстремистской идеологией, предлагающей насилие как единственный выход. Они должны не просто охранять правопорядок, но и способствовать тому, чтобы публичная площадка оставалась пространством для гражданского диалога, а не ареной для пропаганды ненависти. Иначе говоря, реализация ст. 31 Конституции Российской Федерации – это постоянный поиск баланса между свободой и безопасностью. Абсолютизация любого из этих принципов ведет к негативным последствиям: к анархии и угрозе общественному спокойствию или к стагнации

гражданской жизни и подавлению инакомыслия. Противодействие экстремизму является тем правовым ограничением свободы собраний, которое продиктовано необходимостью защиты основ конституционного строя. В конечном итоге эффективная защита конституционного права на мирные собрания неотделима от столь же эффективного противодействия попыткам это право извратить и использовать против самих основ общества. Задача правоохранительных органов – обеспечивать это неустойчивое равновесие, действуя исключительно в правовом поле, но с твердым пониманием своей ответственности за общественную безопасность и государственный суверенитет.

Литература

1. Буткевич С.А. Терроризм и экстремизм в Российской Федерации: реальные и потенциальные угрозы // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95).

2. Джафарова Н.Т. Меры информационного характера по предупреждению массовых беспорядков при проведении массовых беспорядков // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 3 (69).

3. Шамаев А.М., Воскобоев А.И., Сафронов Д.М. Распространение экстремистских и нацистских идей как причина массовых беспорядков // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167).

О.Г. Яцечко, *курсант 1 курса*
Ростовский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Е.С. Косарева
Ростовский юридический институт МВД России

НЕОБХОДИМОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В наше время служебная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации происходит в период интенсивных миграционных процессов и роста культурного многообразия внутри страны. Для качественного выполнения своих функций, умения вести диалог и грамотно выражать свои мысли сотрудник органов внутренних дел должен пройти качественную межкультурную и межъязыковую подготовку. Данная статья посвящена взаимосвязи межкультурного взаимодействия и языковой подготовки как основы профессиональной подготовки сотрудника органов внутренних дел.

Правовой фундамент для внедрения принципов межкультурного диалога заложен в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Статья 5 данного федерального Закона обязывает сотрудников органов внутренних дел уважать права, свободы, законные интересы всех граждан, вне зависимости от

их национальности, языка, происхождения и имущественного положения [4]. Также часть 4 ст. 7 данного федерального закона выдвигает требования к сотрудникам органов внутренних дел, которые исключают возможность возникновения дискриминации на языковой, религиозной или расовой почвах [4]. В ведомственном нормотворчестве вопросы языковой подготовки регламентируются Приказом МВД России от 01.02.2018 № 50 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении Порядка прохождения службы в органах внутренних дел», где закреплено требование к обязательному знанию иностранного языка для сотрудников, участвующих в международных мероприятиях [3].

Межкультурная компетенция – это способность успешно взаимодействовать с представителями других культур и национальностей на основе полученных знаний и навыков. Ее отсутствие может привести к коммуникативному сбою, невозможности вести диалог, осложнению проведения следственных действий, также может возникнуть недоверие к правоохранительным органам и потенциальному нарушению прав и свобод человека и гражданина [1, с. 217–218].

В ведомственных вузах МВД России традиционно делается упор на физическую и огневую подготовку будущего сотрудника, а также на его правовую составляющую. Но в условиях современной глобализации, расширения международного сотрудничества и многонациональности народа Российской Федерации, изучение иностранных языков выходит на передний план. Сотрудникам МВД необходимо знание неродного языка по следующим причинам:

1. Международное сотрудничество Российской Федерации с другими странами и взаимодействие с зарубежными правовыми организациями (например, Интерпол или милиция Республики Беларусь), сотрудники полиции привлекаются к участию в конференциях или охране общественного порядка при мероприятиях, в которых возможна совместная работа с зарубежными коллегами. Поэтому знание иностранного языка необходимо для установления контакта и должного выполнения своих служебных обязанностей.

2. Российская Федерация – многонациональное государство. Сотрудники органов внутренних дел любых подразделений ежедневно сталкиваются с представителями другой культуры или носителями другого языка. Вследствие этого им необходимо иметь хотя бы минимальную базу знаний о других культурах и иностранных языках. Благодаря этому укрепится контакт между сотрудником и гражданином, вырастет доверие между ними и появится возможность минимизировать уровень преступности в стране.

3. Множество туристов и мигрантов. В наши дни в стране большое количество иностранных граждан, из-за чего сотрудники полиции обязаны иметь хотя бы минимальное знание другого языка, чтобы установить контакт с иностранцем, грамотно объяснить причину остановки или задержания, уметь правильно проверить его документы, а также помочь, если он потерялся. Если данные действия сотрудник не в силах воспроизвести, то иностранец окажется в затруднительном положении, а также это может привести к подрыву международного авторитета России.

4. Упрощение служебной деятельности по расследованию преступлений. В ходе следственных действий (допрос, очная ставка) может возникнуть необ-

ходимость работы с иностранными свидетелями или подозреваемыми. Даже при наличии переводчика, сотрудник, владеющий языком на базовом уровне, способен лучше контролировать полноту и точность перевода, улавливать невербальные сигналы и нюансы показаний, что напрямую влияет на качество расследования.

5. Киберпреступность. В современном уровне – это отдельный вид преступлений, который с каждым днем набирает обороты. Большая часть противоправной информации в интернете публикуется на иностранном языке. Сотрудник, владеющий иностранным языком способен эффективнее раскрывать данный вид преступлений, т. к. мониторинг со знанием языка становится намного полезнее и качественнее.

Таким образом, наличие качественной языковой подготовки и межкультурной компетенции позволяют сотруднику органов внутренних дел успешно выполнять свои служебные обязанности, направленные на охрану общественного порядка, а также защиту прав и свобод граждан, тем самым делая его более квалифицированным, умелым и востребованным в области своей деятельности.

Итак, в современном мире межкультурная компетенция и языковая подготовка становятся не дополнительными умениями в личном деле сотрудника, а обязательным профессиональным качеством, показывающим его служебное мастерство, и является фактором повышения национальной безопасности Российской Федерации. Формирование данных навыков требует системного, интегративного подхода в ведомственных вузах МВД России, на курсах профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел. Только сотрудник полиции, способный ясно и четко выразиться на иностранном языке, принять участие в переговорах с представителем другого государства и к адекватной коммуникации в поликультурной среде, способен выполнять свои главные служебные функции – охрану общественного порядка, защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение национальной безопасности [2, с. 181–182].

Литература

1. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. 3-е изд., исправ. М.: ИЦ «Академия», 2006. 300 с.

2. Евтихов О.В. Формирование профессиональной компетентности курсантов при интеграции учебно-воспитательной и профессионально-служебной деятельности в образовательном учреждении МВД России: дис. … д-ра пед. наук. Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2021. 401 с.

3. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 01.02.2018 № 50 (ред. от 24.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

КРИМИНАЛИСТИКА

***Р.К. Айжаркын**, курсант 3 курса*
Академия МВД Киргизской Республики
имени генерал-майора милиции Э. Алиева

Научный руководитель:
***А.Т. Капарова**, канд. юрид. наук, доцент*
Академия МВД Киргизской Республики
имени генерал-майора милиции Э. Алиева

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИ ДОПРОСЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Допрос является одним из центральных и наиболее сложных следственных действий, сущность которого заключается в получении от допрашиваемого лица достоверных сведений, имеющих значение для расследования уголовного дела. Строгая процессуальная регламентация допроса нормами уголовно-процессуального законодательства сочетается с широкой свободой следователя в выборе тактических приемов, что позволяет ему эффективно взаимодействовать с допрашиваемым.

Особенность допроса как процессуального действия заключается в его диалогическом характере, где взаимодействуют следователь и допрашиваемый. При этом для последнего допрос часто является стрессовой ситуацией, что требует от следователя не только профессиональных знаний, но и психологической компетентности для установления психологического контакта. Создание благоприятной атмосферы, выбор удобного времени (например, утренние часы, а не время после работы) и нейтрализация негативных эмоциональных состояний – важные условия успешного проведения допроса.

Актуальность темы преодоления конфликтных ситуаций при допросе подозреваемого обусловлена рядом факторов. Во-первых, подозреваемый – это участник уголовного процесса, чьи интересы часто напрямую противоречат задачам следствия, что объективно создает почву для конфликта. Во-вторых, рост профессионализма преступных групп и осведомленность граждан о своих правах приводят к усложнению тактики противодействия следствию. В-третьих, эффективное применение тактических приемов напрямую влияет на полноту и достоверность доказательственной базы, т. к. показания подозреваемого (обвиняемого) являются важнейшим источником доказательств, зачастую содержащим информацию, не доступную из других источников. Таким образом, совершенствование тактики допроса в конфликтной ситуации является необходимым условием повышения эффективности предварительного расследования в целом.

Целью данной статьи является анализ тактических приемов, направленных на преодоление конфликтных ситуаций, возникающих при допросе подозреваемого, и определение их роли в получении достоверных показаний.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить сущность конфликтной ситуации на допросе и причины ее возникновения.
2. Систематизировать основные тактические приемы, используемые для преодоления противодействия со стороны допрашиваемого.
3. Рассмотреть психологические аспекты выявления ложных показаний (вербальные, невербальные и физиологические признаки обмана).
4. Обосновать зависимость результативности допроса от правильности выбора тактики следователем.

В ходе допроса может сложиться либо бесконфликтная ситуация (когда подозреваемый сотрудничает), либо конфликтная. Последняя характеризуется нежеланием допрашиваемого давать показания, сообщением заведомо ложных сведений, либо активным противодействием расследованию. В таких условиях перед следователем стоит задача не только изобличить допрашиваемого, но и найти к нему индивидуальный психологический подход, скорректировав тактический план.

Анализ следственной практики и специальной литературы позволяет выделить следующие основные группы тактических приемов, применяемых в условиях конфликтной ситуации:

1. Приемы эмоционально-психологического воздействия (стимулирование положительных качеств):

– Обращение к чувству собственного достоинства, гражданским чувствам.

– Разъяснение негативных последствий дачи ложных показаний (отягчающие обстоятельства) и положительных последствий содействия следствию (смягчение ответственности).

– Побуждение к раскаянию и чистосердечному признанию путем апелляции к моральным принципам.

2. Логико-доказательственные приемы (предъявление доказательств):

– Предъявление наиболее веских доказательств в самом начале. Этот прием оказывает сильное психологическое давление и может сразу сломить линию противодействия, демонстрируя полную осведомленность следователя.

– Предъявление доказательств «нарастающей силой». Постепенное предъявление все более убедительных улик не позволяет допрашиваемому адаптироваться к ситуации и продумывать ложные алиби.

– Внезапная постановка вопроса**,** не связанного с предыдущей темой, но касающегося обстоятельств, по которым у следователя есть надежные доказательства.

3. Стратегические и психологические приемы (создание «информационной неопределенности»):

– Создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя. Следователь не предъявляет все доказательства сразу,

а демонстрирует уверенность в своей правоте, что заставляет подозреваемого думать, что следствию известно гораздо больше, чем есть на самом деле.

– Сокрытие следователем своей осведомленности до определенного момента. Внимательное выслушивание ложной версии позволяет накопить противоречия и впоследствии опровергнуть ее, лишив допрашиваемого возможности маневра.

– Постановка косвенных (уточняющих) вопросов. Вопросы формулируются таким образом, что допрашиваемый, желая скрыть главное, проговаривается в деталях, незаметно для себя выдавая свою виновную осведомленность (например, знание таких деталей преступления, которые мог знать только преступник).

– Установление виновной осведомленности вопреки воле допрашиваемого. Этот прием реализуется путем наблюдения за реакцией (эмоциональной, вегетативной) на предъявление вещественных доказательств или упоминание обстоятельств дела.

4. Детализация и повторность:

– Детальный допрос по каждому обстоятельству. Выяснение мельчайших подробностей, которые сложно выдумать и которые могут противоречить ранее данным показаниям.

– Повторный допрос. Проводится при необходимости, чтобы уточнить детали или предъявить новые доказательства. На повторном допросе допрашиваемый, забыв ранее сообщенные ложные детали, может допустить противоречия.

Психологические аспекты выявления лжи

Центральной проблемой конфликтного допроса является распознавание ложных показаний. Ложь может быть как умышленной (противодействие следствию, самооговор, оговор других), так и неумышленной (добросовестное заблуждение из-за плохой памяти или особенностей восприятия). В практике выработаны способы выявления обмана, основанные на анализе:

– Вербальных признаков: нелогичность, противоречивость, шаблонность, уход от ответа, чрезмерная детализация незначительных моментов при избегании главного.

– Невербальных признаков: мимика, жесты, неестественность поведения.

– Физиологических признаков: изменение частоты пульса, дыхания, покраснение или побледнение кожных покровов.

Учет этих признаков позволяет следователю скорректировать ход допроса и выбрать наиболее эффективные тактические приемы.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что допрос подозреваемого, протекающий в условиях конфликтной ситуации, представляет собой одно из наиболее сложных следственных действий, требующих от следователя мобилизации не только профессиональных юридических знаний, но и глубокой психологической компетентности. Именно на стыке права и психологии лежит ключ к успешному преодолению противодействия со стороны допрашиваемого. Комплексный подход, синтезирующий процессуальные рамки и психологические механизмы воздействия, является необходимым условием для выстраива-

ния эффективной тактики, учитывающей индивидуально-психологические особенности личности подозреваемого.

Искусство допроса в конфликтной ситуации заключается в умении следователя своевременно распознать ложь по вербальным и невербальным признакам, нейтрализовать попытки введения следствия в заблуждение и, в конечном счете, установить психологический контакт даже с не идущим на сотрудничество субъектом. Применяемый следователем арсенал тактических приемов – от обращения к положительным качествам личности до создания преувеличенного представления об осведомленности следствия – не является самоцелью, а служит инструментом для гибкого управления диалогом и разрушения ложных версий допрашиваемого. Грамотное и своевременное использование этих приемов убеждает подозреваемого в бесперспективности дачи ложных показаний, формируя у него осознание нецелесообразности сокрытия или искажения информации, имеющей значение для дела.

Подводя итог, можно сделать выводы, что получение объективной и достоверной доказательственной информации в ходе допроса подозреваемого, обладающего колоссальным информационным потенциалом, напрямую детерминировано уровнем профессионализма следователя. Именно от правильности избранной им тактики на всех этапах – от тщательной подготовки до фиксации полученных результатов – зависит не только разрешение конкретной конфликтной ситуации, но и возможность установления истины по уголовному делу в целом, что определяет высокую значимость дальнейшего совершенствования тактико-психологических основ допроса.

Литература

1. Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М.: Изд-во НОРМА, 2000. С. 598–626.

2. Скориков Д.Г. Ушаков А.Ю. Организация и производство допроса подозреваемого по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 63–66.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.09.2021 № 129.

***А.М. Бакалдина**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Ю.И. Юрина
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИКИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ДРОППЕРСТВА

Дропперство – один из наиболее динамично развивающихся способов совершения мошенничеств в России. Сущность данного способа заключается в передаче банковских карт, счетов и электронных средств платежа третьим лицам за вознаграждение с целью проведения незаконных транзакций. Уголовная ответственность за вышеуказанное деяние была введена относительно недавно в результате поправок, внесенных в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации, вступивших в силу в июле 2025 г. [5], что способствовало необходимости в создании частной методики расследования данного вида преступлений.

Введение такой нормы права неслучайно, оно обусловлено огромными масштабами таких явлений. По данным Банка России, в 2024 г. объем транзакций, совершенных без добровольного согласия клиентов, вырос на 74,4 % по сравнению с 2023 г. и составил 27,5 млрд рублей, значительная часть из которых прошла именно через дропперские схемы [1]. Росфинмониторинг отмечает, что вал банковских операций физических лиц с признаками дропперства в 2025 г. значительно вырос примерно в 1,7 раза по сравнению с 2024 г., а по оценкам Государственной Думы, в такой вид совершения преступления на сегодняшний день вовлечены более 2 млн граждан [3].

Рост дропперства в России свидетельствуют о системном характере угрозы и о недостаточном оснащении правоохранительных органов МВД России традиционных методик расследования киберпреступлений. Характеризуя дропперство, важно отметить сочетание организованной преступности, цифрового мошенничества и теневого банковского оборота, что предопределяет потребность в научном сообществе выработки специальных криминалистических методик.

Эффективное расследование дропперства начинается с правильного понимания механизма совершения преступления. Так, А.Н. Калюжный, анализируя криминалистические особенности способов преступной деятельности дропперов, обосновывает полноструктурный способ совершения данного вида преступлений, включающий три взаимосвязанных этапа: подготовку (поиск исполнителя, вступление в преступный сговор, получение его персональных данных), непосредственное совершение (оформление и приобретение электронных средств платежа, их сбыт организатору) и сокрытие (разрыв контактов, проведение незаконных финансовых операций, обналичивание средств). Выделение

вышеуказанных этапов позволяет следователю сформировать версии и определить направления поиска доказательств [4, с. 3].

Анализ практики раскрытия и расследования дропперства свидетельствует о том, что именно организатор схемы – дроповод – остается наиболее латентной фигурой, т. к. находится на дистанции от конечного исполнителя, общаясь с ним через зашифрованные мессенджеры и аккаунты, основанные на фиктивных данных. Это делает цифровые следы главным объектом криминалистического исследования на всех этапах расследования мошенничества.

Кроме того, главной особенностью методики раскрытия дропперства является работа с цифровыми следами – транзакционными данными, метаданными мессенджеров, историей IP-адресов и геолокационными сведениями. Изъятие и анализ данных с мобильных устройств подозреваемого позволяет установить переписку с организатором, факты получения вознаграждения и временные интервалы незаконных операций. Значительную роль играет оперативное взаимодействие следствия с банковскими организациями, операторами связи и финансовыми органами [7]. Существующая практика взаимодействия органов дознания и следствия с кредитными организациями продемонстрировала гораздо большую эффективность в случаях заключения соглашения таких организаций с органами следствия и дознания по вопросам раскрытия информации.

Так, например, в соглашении между МВД России и ПАО «Сбербанк» указано, что в вопросах противодействия преступности и расследования преступлений необходимо руководствоваться принципами разумных сроков и раскрывать информацию работниками банка для раскрытия преступлений [7].

Помимо технических аспектов, расследование требует установление аспектов криминалистической характеристики личности подозреваемых лиц. Так, И.Н. Волосевич, рассматривая криминалистическую характеристику дропперства, указывает на высокий уровень латентности таких преступлений и значительное социальное разнообразие вовлеченных лиц – от студентов до безработных, – что требует особого подхода к тактике допроса и оценке степени умысла каждого участника [2, с. 2]. Согласно данным Росфинмониторинга, в 2023 г. среди дропперов преобладали мужчины до 30 лет, не имевшие судимостей и активно пользовавшиеся интернетом [6].

Типология дропперов – сознательных, частично осознающих противоправность и введенных в заблуждение – напрямую влияет на тактику следственных действий. По данным МВД России, значительная часть дропперов была вовлечена в схемы через методы социальной инженерии: под обещание легкого заработка или под психологическим давлением.

Таким образом, методика раскрытия и расследования данного рода преступлений находится на стадии формирования и требует комплексного подхода в исследовании. Ее эффективность определяется способностью органов следствия установить полную структуру преступной схемы. От рядового дроппера до организатора, опираясь на цифровые доказательства, финансовый мониторинг и оценку степени осознанности каждого участника. Реальное раскрытие таких преступлений требует дальнейшего накопления следственной практики и теоретических разработок в области криминалистики.

Литература

1. Банк России. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов, за 2024 год. URL: https://www.cbr.ru (дата обращения: 13.04.2026).
2. Волосевич И.Н. Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 147–156.
3. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Выступление первого заместителя председателя комитета по безопасности и противодействию коррупции А.К. Лугового, декабрь 2025 г. URL: https://duma.gov.ru (дата обращения: 13.04.2026).
4. Калюжный А.Н. Способы преступной деятельности дропперов: криминалистический и уголовно-правовой подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026. Т. 17. Вып. 1. С. 156–173.
5. МВД России. Аналитические данные о динамике дропперства. URL: https://mvd.ru (дата обращения: 13.04.2026).
6. Росфинмониторинг. Информационное сообщение об объеме операций физических лиц с признаками дропов в 2025 году. URL: https://www.fedsfm.ru (дата обращения: 13.04.2026).
7. Халиков А.Н. Процессуальные и тактические проблемы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных органов с банками и операторами сотовой связи // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 4 (115).

***Д.А. Бережная**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Крынин
Барнаульский юридический институт МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Современные технологии стремительно трансформируют различные сферы человеческой деятельности, и криминалистика не стала исключением. Внедрение таких технологий, как 3D-сканирование, 3D-моделирование, 3D-печать и VR-технологии, открывает принципиально новые возможности для фиксации, анализа и реконструкции мест преступлений. Эти инструменты позволяют создавать цифровые копии обстановки, многократно изучать место происшествия, визуализировать обстоятельства преступления и сохранять хрупкие улики в виде цифровых и физических копий. Однако, несмотря на значительные преимущества, их применение сопряжено с рядом проблем – от высокой стоимости оборудования до вопросов легитимности цифровых доказательств.

Так, лазерные 3D-сканеры с высокой точностью собирают данные о геометрии объектов на основе измерения расстояния с помощью луча лазера. Такие сканеры способны не только фиксировать отдельные детали места происшествия, но и картину полностью. Они документируют все, что «видит» лазер: следы пальцев рук, предметы мебели, фрагменты автомобилей, а также они способны передавать текстуру объектов. Высокая точность лазерных 3D-сканеров делает их идеальным инструментом для реконструкции траекторий полета пуль. Если в стене обнаружены следы от пуль, достаточно поместить в отверстия специальные стержни и провести сканирование. Затем специализированное программное обеспечение сможет с высокой точностью рассчитать путь пули, вплоть до предполагаемого места выстрела. Интерактивные трехмерные модели, создаваемые путем объединения сканов, могу позволить экспертам в дальнейшем многократно возвращаться к цифровой копии места происшествия. Это дает им возможность исследовать место, увеличивать детали, выполнять точные линейные измерения и определять площадь помещений [4].

3D-моделирование – это технология, которая позволяет изготовить трехмерные цифровые копии объектов, следов, помещений и прочих элементов, связанных с преступлением. С помощью применения 3D-моделирования у эксперта появляется возможность воссоздать обстановку места совершения преступления. 3D-модель делает обстоятельства дела более наглядными и помогает сформировать целостную картину совершенного преступления [2].

3D-печать служит логичным завершающим этапом процесса цифровой фиксации, который трансформирует виртуальные модели в материальные объекты. Она используется для создания физических копий улик, реконструкции мест преступлений, изготовления объектов, связанных с расследованием, а также в специфических экспертных задачах. Кроме того, 3D-печать дает возможность зафиксировать следы и позволяет проводить повторные экспертизы спустя любое время. Например, вместо снятия гипсового слепка, след обуви сканируется и используют в дальнейшем исследовании его напечатанную копию, что полностью исключает повреждение подлинника. Также цифровые модели могут мгновенно передаваться для консультации ведущим специалистам по всему миру и ими же печататься, значительно ускоряя и повышая качество экспертизы [3].

С помощью VR-технологий появляется возможность создания искусственных интерактивных пространств, которые погружают в обстановку. Алгоритмы симуляции помогают создавать точные модели различных сценариев событий. Благодаря VR-технологиям следователь может быстро и с экономией времени «переместиться» на место преступления или происшествия, проходить через него столько раз, сколько необходимо, оценивать его с разных точек зрения, воспринимая место происшествия максимально близко [1].

Однако у использования 3D-технологий в криминалистике есть и проблемы, которые затрудняют их широкое применение. К ним относится, например, высокая стоимость оборудования и программного обеспечения, т. к. для применения технологии требуется приобрести 3D-сканеры, мощные компьютеры, лицензионные специализированные программные обеспечения. К еще од-

ной из проблем относится сложная интерпретация данных. Даже точная 3D-модель не гарантирует верной трактовки событий. Ошибки могут возникнуть на этапе сканирования (например, пропущенные зоны), совмещения фрагментов модели (некорректная стыковка различных участков модели) и визуализации (искажение объектов). Также стоит отметить, что 3D-модели и их физические копии пока не имеют четкого процессуального статуса, что затрудняет их использование в качестве доказательств.

Таким образом, применение 3D-сканирования, 3D-моделирования, 3D-печати и VR-технологий в криминалистике демонстрирует значительный прогресс в методах фиксации и анализа мест преступлений. Эти технологии обеспечивают: высокую точность фиксации обстановки; возможность многократного изучения места происшествия в цифровом формате; сохранение хрупких улик путем создания их копий; наглядную визуализацию событий для следователей и суда; ускорение обмена данными между экспертами за счет цифровой передачи сканов. Вместе с тем широкое внедрение этих решений сдерживают существенные проблемы: высокая стоимость оборудования и программного обеспечения; сложность интерпретации полученных данных; неопределенный процессуальный статус цифровых и напечатанных копий улик.

Для успешного развития направления необходимо: снизить стоимость технологий за счет государственной поддержки и развития отечественного оборудования; разработать нормативные акты, закрепляющие статус 3D-доказательств; организовать обучение специалистов работе с новыми инструментами. Систематическое решение этих задач позволит максимально реализовать потенциал 3D-и VR-технологий, повысив точность, объективность и эффективность криминалистических исследований.

Литература

1. Ауешова Б.Т., Бекжанова Т.К. Анализ преимуществ и ограничений использования VR в криминалистике // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 228–231. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-preimuschestv-i-ogranicheniy-ispolzovaniya-vr-v-kriminalistike (дата обращения: 27.02.2026).

2. Дышокова А.Т. Использование 3D-технологий при раскрытии преступлений: нововведение в области криминалистики // Moluch.ru. URL: https://moluch.ru/archive/443/97154 (дата обращения: 27.02.2026).

3. Как 3D-сканирование и другие технологии применяют в современной криминалистике // 3Dcrafter. URL: https://3dcrafter.ru/blog/kak-3d-skanirovanie-i-drugie-tehnologii-primenyayut-v-sovremennoy-kriminalistike/?ysclid=mnq31f0o82914258128 (дата обращения: 27.02.2026).

4. Как 3D-сканеры используются в криминалистике // Globatek. URL: https://globatek.ru/3d-wiki/otrasli-primeneniya-3d-skanerov/kriminalistika?ysclid=mnstqacs6165015647/ (дата обращения: 27.02.2026).

***Е.В. Богданова**, курсант 4 курса*
Сибирский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.В. Репин
Сибирский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ АВИАЦИОННЫХ СИСТЕМ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

В настоящее время как в нашей стране, так и по всему миру преступники придумывают все новые и более изощренные способы изготовления и распространения наркотических средств и психотропных веществ. Но и методы расследования не стоят на месте. С развитием технологий в процессы раскрытия преступлений и правонарушений внедряют различные технические устройства.

Одним из таких являются робототехнические комплексы (далее – РТК) и беспилотные воздушные судна (далее – БВС), их применение позволяет упростить и ускорить работу различных подразделений органов внутренних дел. Так, например, беспилотные авиационные системы (далее – БАС) участвуют в охране общественного порядка, фиксации случаев нарушения правил дорожного движения, поиска пропавших, способствуют при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), следственных действий, а также участвуют во многих других сферах деятельности полиции.

Но не каждый сотрудник полиции на сегодняшний день имеет право управлять беспилотными летательными аппаратами (далее – БПЛА) самостоятельно, хотя при этом существует возможность использовать БПЛА в расследовании преступления с помощью специальных подразделений органов внутренних дел, имеющих у себя на вооружении данные технические средства.

В данной статье рассмотрим особенности применения БВС при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Как правило, особую сложность составляет поиск мест производства и изготовления запрещенных веществ, находящихся в труднодоступных местах и замаскированных под окружающую среду. С помощью беспилотников сотрудники полиции получают информацию о перемещениях преступников, маршрутах движения, характерных особенностях и используемых ими транспортных средствах, при этом не рассекретив свое местоположение.

Использование беспилотных летательных аппаратов значительно упрощает процесс наблюдения. Во-первых, это позволяет осматривать труднодоступные места (например, болотистую местность, лесные массивы и горные тропы). Во-вторых, результаты применения БПЛА при раскрытии преступлений обеспечивают не только твердую доказательственную базу в виде видеоза-

писи совершения объективной стороны рассматриваемого деяния, но и задержать самого преступника с поличным, а также вычислить соучастником, при их наличии.

Так, например, один из часто используемых беспилотников сотрудниками полиции DJI Matrice 300 RTK имеет 23 кратный зум, что делает возможным зафиксировать лицо человека с высоты 200-250 метров. А наличие тепловизора позволяет фиксировать процессы изготовления и производства наркотических средств и психотропных веществ в замаскированных строениях в любое время суток, а также выявлять наличие нарколабораторий в лесных массивах.

При этом полученная с помощью беспилотника информация поможет составить план наиболее оптимального и безопасного движения поисковых групп. Большое значение имеет скрытность наблюдения при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, т. к. лица, распространяющие запрещенные вещества крайне осмотрительны при совершении данного деяния. Именно наблюдение с воздуха имеет преимущество, а онлайн трансляция на пульт оператора делает возможность поимки преступника «по горячим следам».

Рассмотрим несколько беспилотных летательных аппаратов, стоящих на вооружении МВД России.

Так, например, многофункциональность упомянутого нами ранее DJI Matrice 300 RTK позволяет сотрудникам полиции быстро и грамотно найти преступников и без труда доказать их причастность к совершенному деянию. Технология RTK (Real-Time Kinematic) – это его главное преимущество. Благодаря RTK-модулю Matrice 300 способен определять свои координаты с сантиметровой точностью, создавая высокоточные артофотопланы, а также детализированные 3D-модели мест происшествий – будь то пожар, срубы и иное обширное место преступления. Каждый элемент на такой карте будет иметь точные геопространственные координаты, что делает полученные сотрудниками полиции доказательства неопровержимыми [2].

Еще одно универсальное воздушное судно – это DJI Mavic 3. Ключевыми преимуществами его являются, компактность, стабильность полетов в ветреных условиях и высококачественная съемка при относительно небольших размерах. Он оснащен уникальной системой, включающей основную камеру Hasselblad с 4/3 CMOS-матрицей и разрешением 20 мегапикселей. Это позволяет улавливать больше света, обеспечивая детализацию и широкий динамический диапазон в сложных условиях освещения.

Время в полете у данного беспилотника достигает до 46 мин. на одном заряде – этого достаточно для полноценного первоначального осмотра обширной территории, при этом удаленность от оператора до 15 км, что позволяет оператору оставаться на безопасном расстоянии, контролируя большую площадь [1].

Разнообразные БВС способны выполнять широкий спектр задач, а использование различных видов полезной нагрузки увеличивает функциональность беспилотника и, что не мало важно, повышает экономическую целесообразность мониторинга объектов, имеющих оперативный интерес, а также повышает эффективность и ускоряет процесс расследования преступлений в целом.

Литература

1. DJI Mavic 3: Обзор профессионального дрона – преимущества и нюансы. URL: https://drones-russia.ru/blog/stati/dji-mavic-3e-obzor-professionalnogo-drona-preimushchestva-i-nyuansy/?ysclid=mk8awhl0aw684723169 (дата обращения: 07.01.2026).
2. Беспилотные летательные аппараты. URL: https://russiandrone.ru/publications/bespilotnye-letatelnye-apparaty (дата обращения: 07.01.2026).

***А.А. Богданчикова**, курсант 4 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НА ПРИМЕРЕ «ПУШКИНСКОЙ КАРТЫ»

Социальные проекты страны прямо влияют на качество жизни и уровень удовлетворения населения в этой стране. Разнообразный характер социальных проектов государства говорит о широком (разнонаправленном) и достаточном уровне развития экономики и промышленности страны, ее устойчивом положении на международной арене перед внешним воздействием, о высоком уровне развития основных инфраструктур и отраслей сферы услуг для обслуживания нужд населения.

К числу достойных социальных проектов Российской Федерации можно отнести социальную программу «Пушкинская карта». «Пушкинская карта» в Российской Федерации – это специальная банковская карта (виртуальная и пластиковая), созданная специально для молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет и призванная повысить их интерес к культурно-просветительским мероприятиям, к культуре страны и обмену культурным опытом. Цель программы – повысить доступность культурных учреждения для молодого поколения и привлечь подростков и молодых людей к театральному искусству, музейным экспозициям и концертным программам, просмотру кино и иных произведений искусств [1].

«Пушкинская карта» своим существованием действительно может помочь молодым людям в возрасте от 14 до 22 лет погрузиться в культуру государства, позволяя без нанесения ущерба своему финансовому состоянию и своему бюджету посещать культурно-просветительские мероприятия, заведения культуры, театры, кинотеатры и т. д.

Самое главное преимущество программы – посещение большинства культурных мероприятий и заведений (тех, которые подключились к программе

«Пушкинская карта») оплачивается государством в пределах установленного лимита денежных средств (2026 г. – 5000 руб.). Платить можно онлайн и офлайн с использованием пластиковой карты. Государство делает это безвозмездно с целью повышения культурной грамотности населения, однако требует использования подлинных данных при оформлении платежных документов.

К сожалению, как и с любым достаточно доступным социальным проектом, «Пушкинская карта» столкнулась с «проверочным» вызовом в виде ее использования в мошеннических схемах (мошенничество с использованием «Пушкинской карты»). Анализ существующей правоприменительной практики позволяет выделить несколько наиболее популярных и востребованных у мошенников вариантов незаконного использования такой карты, которые, в своей основе различаются между собой по субъекту правонарушения и объекту посягательства.

Первый и наиболее опасный вид мошенничества – мошенничество с хищением денежных средств в крупном и особо крупном размерах юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями с использованием незаконных «лазеек» в социальном проекте «Пушкинская карта».

Суть схемы заключается в совершении мошеннических действий юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, которые выставляют и регистрируют у себя в культурном заведении (кино, театр, музей, местный кукольный театр) мероприятия и события. Оплату такого посещения и вход на мероприятие подключают, регистрируют и проводят с помощью «Пушкинской карты». При этом мероприятие или событие фактически не проводится, оплачивают места на него с помощью «Пушкинских карт» лиц, с которыми имеются «договоренности». Часто для такой схемы регистрируются ИП или юридические лица с чужими документами или документами с недостоверной информацией, их называют ИП или ЮЛ «однодневки».

Договоренность с такими лицами осуществляется на основе взаимных уступок, услуг или «одолжений», иной выгоды корыстного и имущественного характера (например, человек должен денег индивидуальному предпринимателю или руководителю культурной организации и при этом у него нет достаточного количества денежных средств в настоящий момент рассчитаться с руководителем, именно поэтому взамен долга он привлекает своих товарищей, знакомых или друзей купить билет на мероприятие, оплачивая и закрывая свой долг, тем самым деньги с «Пушкинской карты» «отмываются» и попадают прямиком в «карман» юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю). Наглядный пример данной схемы – приговор по уголовному делу, рассмотренному в Новосибирской области, где сумма ущерба Министерству культуры Российской Федерации превысила 17 млн рублей [2].

Второй вид мошенничества – использование держателей карт в личных целях. В данном случае мошенники используют методы социальной инженерии, технические недостатки и «промахи» политики безопасности официальной платформы сервиса «Пушкинская карта». Мошенники эксплуатируют недостаточную финансовую грамотность подростков, молодых людей и их желание получить наличные деньги. Так, через социальные сети, интернет-сервисы, ин-

тернет-платформы мошенники заманивают молодых людей возрастом от 14 до 22 лет, предлагая им «обналичить» денежные средства, какое-либо денежное вознаграждение, для чего потенциальную жертву просят сообщить полные реквизиты карты.

Важно подчеркнуть, что мошенничество в данном сегменте характеризуется по-разному, в зависимости от объекта преступного посягательства, объективной стороны состава преступления. В частности, имеют место квалификация по ст. 159 «Мошенничество», ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат», ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» УК РФ.

Противодействие и борьба с мошенничеством требует совершенствования системы верификации и аутентификации покупки через онлайн сервисы, проведения контрольной и надзорной работы в области проведения культурных мероприятий и событий. Кроме того, важным шагом является активное проведение работы в сфере просвещения молодежи о правилах безопасного использования карты и правовых последствиях участия или организации мошеннической деятельности с использованием «Пушкинских карт».

Литература

1. Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 15.03.2024 № 1-25/2024. URL: https://bsr.sudrf.ru/ (дата обращения: 18.02.2026).

2. «Пушкинская карта» для молодежи России: где оформить в 2026 году и как пользоваться. URL: https://lenta.ru/articles/2025/12/09/pushkin-card/ (дата обращения: 19.02.2026).

***А.И. Валиева**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***С.Е. Лебеденко**, канд. хим. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНОГРАММ, СОЗДАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ СИНТЕЗА И КЛОНИРОВАНИЯ ГОЛОСА (DEEP FAKE AUDIO)

В современном мире гаджеты стали неотъемлемой частью человека, находящегося в обществе. Каждый день мы начинаем свое утро с проверки социальных сетей, опубликования историй в различных мессенджерах, при этом мы всегда находимся на связи: отправляем фотографии родным и близким, пишем поздравления, передаем информацию и рассказываем о произошедших с нами событиях. Стоит отметить, что бешенный ритм города, постоянная нехватка времени создают условия, при которых люди начали использовать голо-

совой ввод сообщения, тем самым предоставляя цифровому пространству поле для анализа и синтеза человеческой речи.

Современные достижения в области искусственного интеллекта создали весомый вклад в процесс генерации речи. Технологии, позволяющие синтезировать и клонировать человеческий голос, достигли уровня, когда отличить искусственную речь от натуральной на слух становится все сложнее. Если ранние системы синтеза выдавали «роботизированную», обезличенную речь, то сегодняшнее клонирование нацелено на тонкое воспроизведение всего уникального спектра голоса личности – от узнаваемого тембра и манеры расставлять акценты до эмоциональных нюансов и индивидуальных речевых привычек.

Интерес к этой области подогревается невероятной скоростью ее развития и демократизацией доступа. Буквально каждый, имея под рукой короткую аудиодорожку, может с помощью популярных платформ создать убедительный голосовой двойник. Подобный инструментарий, безусловно, полезен в кинопроизводстве, разработке образовательного контента или персонализации цифровых ассистентов. Однако обратная сторона медали гораздо мрачнее: технология стала основным двигателем для создания аудиодипфейков, которые используются в мошеннических схемах, целенаправленной дискредитации людей и манипулировании общественным мнением. В свете этих угроз вопросы достоверности аудиозаписей и разработки надежных методов верификации выходят на первый план.

Все начинается с глубокого анализа предоставленного текста, его разбора на лингвистические компоненты. Затем специальная акустическая модель, превращает текст в нужный голос, формируя его цифровой отпечаток в виде спектрограмм. Завершающий этап – это преобразование этих данных в звук, который осуществляется с помощью вокодера, т. е. с помощью устройства для шифрования, преобразования и синтеза речи. Именно он анализирует и синтезирует речевой сигнал человека для задач сжатия аудиоданных, мультиплексирования, шифрования речи или преобразования голоса [2].

Обнаружение таких искусственных записей является комплексной задачей, требующей комплексного решения. С одной стороны, требуется скрупулезный технический анализ самой аудиодорожки. Специалисты ищут малейшие несоответствия: неестественные для человеческой речи частотные искажения, слишком идеальную или прерывистую интонацию, цифровой шум, характерный для определенных алгоритмов синтеза. С другой стороны, незаменим лингвистический разбор. Здесь эксперт обращает внимание на стилистику, богатство лексикона, употребление характерных для конкретного человека слов и речевых оборотов, а также на то, насколько естественно звучат сочетания звуков. Важными уликами могут стать и технические метаданные файла, и сам контекст, в котором якобы была сделана запись.

С точки зрения права установление подлинности аудиоматериалов является предметом фоноскопической экспертизы. Объектом фоноскопической экспертизы выступает фонограмма (звукозапись) на русском языке, зафиксированная на цифровой носитель. На экспертизу принимаются фонограммы (запись телефонных или иных переговоров), полученные с применением стандартных

программных средств и специализированных технических средств звукозаписи. Длительность реплик подозреваемого лица должна составлять не менее 30 сек., длительность образцов голоса и речи подозреваемого лица – не менее 30 мин. [1]. При этом эксперты должны определить пригодность записи для выполнения фоноскопического исследования и анализа. Информация сравнивается с другими источниками, позволяющими получить максимально достоверную информацию. После выполнения всех работ составляется экспертное заключение с указанием всех отличительных особенностей, подтверждающих либо отрицающих анализируемые объекты и обстоятельства.

Но классические методики, основанные на сравнении голосов, сегодня дают сбой. Высококачественная подделка требует от эксперта не просто сравнить два образца, а провести настоящее цифровое расследование: найти источник утечки голоса, проанализировать запись на наличие скрытых артефактов генерации. Это вынуждает экспертов осваивать новые области знаний и все чаще прибегать к независимой оценке (рецензированию) уже готовых заключений.

Правовое поле лишь начинает адаптироваться к этим вызовам. В гражданском праве голос постепенно начинает признаваться охраняемым нематериальным активом, а его несанкционированное использование может трактоваться как нарушение личных неимущественных прав. Уголовное право сталкивается с необходимостью квалифицировать действия с дипфейками по существующим составам о мошенничестве или клевете, в то время как в некоторых странах уже думают о специальных нормах. Любое судебное разбирательство невозможно без проведенной фоноскопической экспертизы, выводы которой, однако все чаще подвергаются сомнению и перепроверке.

Таким образом, голосовой синтез и клонирование, с одной стороны, открывают революционные возможности для творчества и коммуникации, с другой – создают серьезные угрозы безопасности и общественному доверию, воплощение технологического прогресса, несущее как огромные возможности, так и системные риски. Стремительное улучшение качества и доступности этих инструментов ставит перед обществом сложную задачу: нам необходимо совершенствовать методы обнаружения подделок, пересматривать правовые нормы и формировать новые этические конвенции.

Литература

1. Высоцкая Д.С., Стифеев А.А. Некоторые особенности процессуальной регламентации судебной фоноскопической экспертизы // Юго-западный юридический форум. Курск, 2021. С. 19–21.

2. Обзор технологий создания Deepfake и методов его выявления. URL: https://rdc.grfc.ru/2020/06/research-deepfake (дата обращения: 04.01.2026).

***Р.Ф. Галиева**, слушатель 5 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Л.Н. Ермолаева
Уфимский юридический институт МВД России

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Идентификация в криминалистике – это фундаментальная задача, направленная на установление личности лица, причастного к преступлению, или на исключение таковой причастности. Это определенный комплекс процедур по сбору, сопоставлению и интерпретации сведений о физических, биологических, поведенческих и документальных признаках, которые позволяют соотнести конкретный объект (человека, след, образец) с источником – подозреваемым, потерпевшим или свидетелем. Идентификация необходима для установления фактической картины преступления. В практике используются разнообразные методы, и каждый из них имеет свои требования. Практическая значимость идентификации для расследуемого уголовного дела зависит не только от технических возможностей, но и от надлежащего сбора и упаковки следов. Ошибки на любом этапе могут привести к ложным выводам о виновности либо не виновности лица.

Установление тождества между оставленным следом и объектом, его оставившим играет первостепенную роль среди мероприятий, направленных на обнаружение неизвестных фигурантов уголовного дела. Точность и своевременность выявления персональных характеристик оказывают непосредственное воздействие на конечный итог хода расследования уголовного дела.

В идентификационном процессе участвуют обычно два объекта:

1. Первый (идентифицируемый) – объект, отождествление которого необходимо (например, труп).
2. Второй (идентифицирующий) – объект, который идентифицирует объект [2, с. 27].

Биометрия представляет собой некую совокупность методов для идентификации личности по физическим или поведенческим признакам (отпечатки пальцев, ДНК, лицо, голос, походка, почерк и т. п.).

Ключевые типы биометрических данных, которые часто используются при установлении личности в расследовании преступлений:

1. Отпечатки пальцев и ладони.
2. ДНК-профили.
3. Распознавание лиц (геометрия лица).
4. Радужка и сетчатка глаз.
5. Голосовая идентификация.
6. Поведенческие (походка, динамика набора текста) [1, с. 74].

В последние десятилетия биометрические технологии стали неотъемлемой частью этапа расследования уголовных дел. Их внедрение значительно расширило возможности следствия – автоматический поиск по базам, точная привязка человека к месту преступления и сокращение времени на идентификацию. Вместе с тем биометрия не лишена ограничений и рисков, которые напрямую влияют на достоверность и допустимость доказательств в суде [3, с. 264]. Далее сопоставим сильные и уязвимые стороны биометрии.

Плюсы биометрии:

1. Высокая дискриминационная способность (ДНК, отпечатки) – одно из главных доказательств при корректном сборе и анализе вещественных доказательств.

2. Быстрое автоматическое сопоставление и поиск по базам (экономит время при поиске совпадений).

3. Привязка к месту преступления – биометрические следы, обнаруженные на орудиях или предметах, усиливают факты о присутствии лица на месте преступления.

4. Возможность использовать с другими источниками (цифровые источники, фото/видео камеры) для верификации личности по геометрии лица, либо отличительной походке [4, с. 372].

Минусы:

1. Плохое качество изъятого образца (размытые отпечатки, плохой фотоснимок, видеозапись).

2. Смешанные образцы ДНК затрудняют идентификацию.

3. Возможны случаи нарушения условий хранения, перевозки, неправильная маркировка.

Следовательно, биометрия существенно повышает возможности расследования преступлений, но ее эффективность зависит от качества изъятых образцов, корректности методик, надежности алгоритмов и соблюдения юридических процедур. Биометрические данные следует применять в комплексе с другими.

Идентификация личности в криминалистике сегодня опирается на широкий спектр методов, от классических до передовых цифровых технологий. При грамотном использовании биометрия существенно повышает эффективность расследований, однако ее возможности ограничены техническими особенностями алгоритмов и правовыми рамками. Для минимизации рисков необходим системный подход, а именно: сочетание методов, стандартизация процедур и обеспечение правовой защищенности. Только такой баланс сможет способствовать использование биометрических технологий в построении доказательной уголовной практики.

Литература

1. Автоматизированные дактилоскопические системы органов внутренних дел, используемые в раскрытии и расследовании преступлений: учебник для вузов / под общ. ред. А.А. Сафонова. М., 2025.

2. Жукова Н.А., Кислицина И.Н. Дактилоскопия и дактилоскопическое исследование следов рук: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2025.

3. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов/ под общ. ред. В.В. Агафонова, А. Г. Филиппова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2025.

4. Криминалистика: учебник для вузов/ под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2025.

***Д.Э. Галлямитдинов**, курсант 4 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Гайнельзянова**, канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ

Проблематика преступлений, совершаемых в составе организованной группы, сохраняет свою остроту и значимость в современном обществе, поскольку именно этот вид преступности оказывает существенное негативное воздействие на состояние законности и правопорядка, создает угрозу национальной безопасности и стабильности государства. Организованные преступные сообщества действуют профессионально, целеустремленно и целенаправленно, используя современные технологии и ресурсы для координации своей деятельности, что увеличивает масштаб опасности и последствий преступлений.

Для исследования криминалистической характеристики организованной преступности будет использоваться понятие, предложенное И.В. Красиловым: «Организованная преступность – это социальное явление, представляющее собой преступную деятельность, направленную на получение и легализацию преступных доходов, реализуемую иерархически упорядоченными преступными группами посредством коррупции, шантажа, физического и/или психологического насилия» [1, с. 25].

Также учеными отмечается тот факт, что организованные устойчивые преступные группы не представляют собой простую численную совокупность ее членов, а приобретают новые качества, придающие им повышенную общественную опасность, затрудняющие их разоблачение [2, с. 43].

Ученые-криминалисты разделяют данные элементы на две основные группы:

1) элементы, характерные для структуры криминалистической характеристики группы преступлений, выделяемых на основании особого субъекта их совершения;

2) элементы, характеризующие специфику организованной преступной деятельности, выходящие за пределы конкретных преступлений, совершаемых в составе ОПГ, относящиеся к обеспечению ее функционирования [2, с. 41].

Так, криминалистическая характеристика организованной группы представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов. Каждый элемент данной системы несет в себе информацию о типичных особенностях организованной преступной деятельности.

Способы совершения преступлений организованной группой представляют собой многоуровневую структуру согласованной деятельности ее членов, объединенных общей целью извлечения материальной выгоды или достижения иных корыстных целей путем систематического нарушения закона. Деятельность организованной группы характеризуется высоким уровнем планирования, распределением ролей и функций между ее членами, строгой дисциплиной и конспирацией, что обеспечивает максимальную эффективность совершаемых преступлений и одновременно уменьшает вероятность разоблачения.

Организационно-правовая форма преступной группы предполагает наличие лидера (руководителя), координирующего деятельность остальных участников, исполнителей конкретных заданий (подготовка, совершение, сокрытие преступления), пособников, выполняющих вспомогательные функции (обеспечение транспортом, оружием, фальшивыми документами), а также сообщников, принимающих участие в подготовке и совершении преступлений. Участники группы четко распределяют роли согласно своим возможностям и интересам, обеспечивая таким образом максимальную эффективность всей деятельности.

Для совершения преступлений группа использует целый арсенал технических средств и приемов, повышая шансы успешного завершения своего плана и ухода от ответственности. Например, для подготовки нападения на банковское учреждение члены группы проводят предварительное наблюдение объекта, разрабатывая тактику взлома сейфа и пути отхода. Финансовая поддержка обеспечена за счет денег, полученных ранее от менее значительных преступлений, что позволяет группе приобрести необходимое оборудование и транспорт.

Характерной чертой организованной преступности является стремление избежать внимания правоохранительных органов и минимизировать риски разоблачения. Группы применяют меры предосторожности, заключающиеся в ограниченном взаимодействии между участниками, постоянном изменении мест встреч и контактов, регулярной смене номеров телефонов и банковских счетов, передаче команд и распоряжений устно или через зашифрованные каналы связи.

Криминалистическая характеристика личности преступников, совершающих преступления в составе организованной преступной группы, отражает типичные психологические, поведенческие и социально-демографические особенности, определяющие характер участия каждого члена группы в противоправной деятельности. Организация и устойчивость преступной группы зависят от личностных качеств участников, уровня сплоченности коллектива, иерархии власти внутри группировки, мотиваций и мотивации лидерства.

Индивидуальная роль каждого участника определяется спецификой совершенного преступления, степенью профессионализма и наличием специализированных умений.

Руководители принимают решения относительно стратегии и тактики, исполнительные звенья отвечают за непосредственное исполнение преступлений, а пособники обеспечивают логистическое сопровождение, охрану и безопасность. Социальные установки, ценности и нормы формируются внутри самой группы и служат основой регуляции взаимоотношений между ее членами.

При расследовании преступлений совершенных организованной группой лиц особую роль имеют идеальные следы, т. е. показания лиц подозреваемых в совершении преступления. Исходя из них орган, осуществляющий расследование может квалифицировать совершенное ими преступление как преступление, совершенное организованной группой лиц. В свою очередь следы материальные в редких случаях могут служить для доказывания устойчивости преступной группы, но их важность от этого не уменьшается. Важно отметить, что устойчивость преступной группы зачастую доказывается лишь показаниями ее участников, а также фактами неоднократности совершения преступлений и стабильностью состава преступной группы [3, с. 61]. Для лиц – участников преступной группы характерны такие особенности как высокий уровень профессионализма в определенной сфере деятельности, богатый преступный опыт, проявление преданности к группе. В самой группе обязательно есть лидер и лица ему подчиняющиеся, в некоторых случаях группой управляет несколько человек.

Литература

1. Красилов И.В. Понятие и признаки организованной преступности // Экономика и социум. 2015. № 2-5 (15). С. 585–591. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-organizovannoy-prestupnosti-2 (дата обращения: 22.10.2025).

2. Лозовский Д.Н. К вопросу о криминалистическом анализе организованной преступной группы // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 4. С. 93–97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriminalisticheskom-analize-organizovannoy-prestupnoy-gruppy (дата обращения: 26.10.2025).

3. Салиев А.А. Криминалистическая характеристика организованной преступной группы – как основополагающий структурный элемент методики расследования преступлений // Таврический научный обозреватель. 2017. № 1 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-organizovannoy-prestupnoy-gruppy-kak-osnovopolagayuschiy-strukturnyy-element-metodiki (дата обращения: 22.10.2025).

Б.А. Галлямов, *курсант 4 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Л.Н. Ермолаева
Уфимский юридический институт МВД России

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДСТАВНЫХ АККАУНТОВ

Маркетплейсы (Wildberries, Ozon, AliExpress, «Яндекс.Маркет» и др.) стали одним из основных каналов розничной торговли и дистанционной оплаты товаров. Одновременно растет число мошенничеств с использованием подставных аккаунтов и фейковых магазинов, что ведет к ущербу для граждан и бизнеса и снижает доверие к электронной коммерции.

Эти преступления связаны с теневой цифровой экономикой и используются для легализации доходов, маскируемых под обычные потребительские операции, что затрудняет идентификацию участников и прослеживание денежных потоков и требует адаптации криминалистических подходов к работе с цифровыми доказательствами.

Криминалистическая специфика мошенничества с использованием подставных аккаунтов и фейковых магазинов на маркетплейсах связана с тем, что преступник действует через интерфейсы платформы и скрывается за системой учетных записей. Чаще всего используются схемы предоплаты и фиктивных витрин, когда товар заведомо не предполагается к поставке, а также фишинговые страницы, имитирующие сервисы поддержки и авторизации.

Теневая экономика – это самоорганизующаяся система экономических отношений, функционирующая вне правового поля и основанная на целенаправленном уклонении от государственного контроля, налогового учета и общественных норм. Она характеризуется различными видами деятельности – такими, как незарегистрированный доход, неформальная занятость, транзакции наличными, уклонение от уплаты налогов и прочее. Ее ключевая особенность – способность паразитировать на легальных экономических процессах, искажая рыночные механизмы и подрывая финансовую безопасность государства.

Для таких преступлений характерно преобладание цифровых следов: данные личных кабинетов, история заказов, логи авторизации и операций, сведения о платежных транзакциях, IP-адреса и переписка в чатах маркетплейсов и мессенджерах. Их анализ в совокупности с данными операторов связи и платежных систем позволяет идентифицировать участников, восстановить движение денежных средств и выявлять более широкие схемы теневой цифровой экономики и легализации преступных доходов.

Правовую основу противодействия мошенничеству на маркетплейсах составляют нормы о мошенничестве, краже и преступлениях в сфере компьютерной информации Уголовного кодекса Российской Федерации и разъяснения

Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам их применения [5, 10]. Порядок собирания и закрепления цифровых доказательств (осмотр и выемка электронных носителей, получение сведений у операторов связи и платежных систем, использование электронных документов) определяется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [9].

Права потребителей и обязанности продавца и маркетплейса, режим информационных систем и правила перемещения денежных средств закреплены в законе о защите прав потребителей, законе об информации, законе о национальной платежной системе и положениях Банка России о переводах денежных средств [1, 2, 4, 6]. Полномочия полиции по выявлению и пресечению рассматриваемых преступлений определяются законом о полиции [3], а порядок приема и регистрации сообщений о них – ведомственными инструкциями МВД России и Следственного комитета [7, 8].

Методика расследования мошенничества на маркетплейсах основывается на быстром сборе цифровых следов, грамотной работе с электронными носителями и межведомственном взаимодействии. На первоначальном этапе следователь или дознаватель запрашивает у службы безопасности маркетплейса данные о спорных операциях, направляет запросы в банки и платежных агрегаторов и фиксирует ключевые материалы из личных кабинетов и переписки в протоколе осмотра, после чего организует осмотр и выемку устройств с изоляцией их от сети, созданием копий данных, назначением компьютерно-технических и финансово-экономических экспертиз и допросом потерпевших, свидетелей, сотрудников маркетплейсов и платежных организаций. Расследование дополняется взаимодействием следователя с подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (ОЭБиПК), специализированными подразделениями по борьбе с киберпреступностью, Росфинмониторингом, Банком России и, при необходимости, иностранными компетентными органами.

Мошенничество с использованием подставных аккаунтов и фейковых магазинов на маркетплейсах связано с теневой цифровой экономикой и легализацией преступных доходов. Криминалистическая специфика этих преступлений определяется платформенной моделью торговли и преобладанием цифровых следов. Эффективное расследование основано на своевременном получении данных от маркетплейсов и платежных организаций, грамотной работе с электронными носителями, использовании специальных экспертиз и межведомственном взаимодействии.

Литература

1. О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: с изм. и доп. от 21.12.2021. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2026).

4. О правилах осуществления перевода денежных средств [Электронный ресурс]: положение Банка России от 19.06.2012 № 383-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 11.10.2012 № 72. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***В.Э. Гафарова**, курсант 4 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Гайнельзянова**, канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В юридической практике существует категория уголовных дел, связанных с противоправными деяниями особой тяжести, которые на протяжении длительного времени не находят своего процессуального завершения. Такие расследования, производство по которым приостановлено, зачастую на десятилетия пере-

ходят в архивный статус в ожидании появления новых фактических данных или существенного технологического сдвига в методах криминалистики.

Существенным фактором, изменяющим ситуацию с подобными нераскрытыми преступлениями, является непрерывный прогресс в области судебной экспертизы. Эволюция научно-технических средств и совершенствование экспертно-криминалистических методик создают реальные предпосылки для возобновления работы по делам прошлых лет, позволяя по-новому оценить ранее собранную доказательную базу.

Ведущую роль в реактивации таких расследований играет совершенствование молекулярной генотипоскопической экспертизы. Современные возможности анализа ДНК предоставляют уникальный инструментарий для идентификации личности субъектов, причастных к совершению преступления, даже по прошествии значительного временного периода. Таким образом, обеспечивается реализация принципа неотвратимости наказания и достигаются цели правосудия в отношении лиц, которые длительное время могли считаться избежавшими уголовной ответственности.

Ключевой трудностью становится неизбежное разрушение и утрата массива доказательств, масштабы которых неуклонно растут по мере увеличения срока давности преступления. Материальные объекты, имеющие криминалистическое значение, подвергаются физическому разрушению, могут быть безвозвратно утеряны или контаминированы, что исключает возможность их дальнейшего исследования с применением современных методик. Вследствие этого стандартные тактики, ориентированные на незамедлительное накопление данных, оказываются нерезультативными.

Аналогичные процессы деградации затрагивают и массив вербальной информации. Естественная убыль населения приводит к утрате ключевых очевидцев событий, а у выживших свидетелей когнитивные процессы, в частности забывание, искажают воспоминания, наполняя их неточностями или полностью стирая из памяти. Лица, находившиеся под подозрением, в свою очередь, могут скончаться либо обзавестись алиби, верификация которого по прошествии десятилетий становится крайне затруднительной задачей.

Не менее значимым фактором является технологический разрыв между периодом совершения преступления и моментом возобновления расследования. Научно-технический арсенал правоохранительных органов прошлого был существенно ограничен, что не позволяло извлечь весь объем информации из первоначально собранных улик. К примеру, биологические следы, являющиеся сегодня фундаментальным источником идентификационных данных, могли вовсе не изыматься с места происшествия либо их анализ проводился по несовершенным протоколам, не дававшим однозначных результатов.

Прогресс в сфере молекулярно-генетических исследований ознаменовал качественно новый этап в криминалистической практике, предоставив действенный инструментарий для возобновления работы по архивным уголовным делам. Кардинальное совершенствование методологий анализа дезоксирибонуклеиновой кислоты открыло ранее недоступные возможности для судебного следствия.

Современные аналитические протоколы демонстрируют исключительно высокую чувствительность, позволяя выделять и реконструировать полноценный геномный профиль индивида из микроскопических объемов биологического материала. Следовые количества слюны, клеток эпидермиса или иных тканей, сохранившиеся на вещественных доказательствах многолетней давности, теперь могут служить источником исчерпывающей генетической информации. Это дает возможность проводить повторную, более глубокую экспертизу образцов, которые ранее считались непригодными для анализа, и получать результаты с повышенной степенью достоверности [1, с. 54].

Ключевым элементом процесса является компаративный анализ полученного ДНК-профиля с информацией, содержащейся в национальных геномных базах. Такие базы данных, ведущиеся правоохранительными органами, аккумулируют генетические сведения о лицах, проходивших по уголовным делам. Если генетический профиль, полученный с места преступления, совпадает с профилем из базы данных, это может мгновенно вывести следствие на подозреваемого или, по крайней мере, на круг его близких родственников.

В ситуациях, когда прямой поиск в официальных криминалистических базах данных не приносит результатов, следствие может прибегнуть к более сложному, но высокоэффективному подходу – судебно-генеалогической экспертизе. Данная методика представляет собой синтез классического генетического анализа и генеалогического исследования.

Принцип этого метода заключается в использовании публичных коммерческих сервисов, предоставляющих услуги по установлению родства. Специалисты загружают полученный с места преступления геномный профиль в такие системы для поиска частичных совпадений, указывающих на дальних родственников искомого лица. На основе этих данных выстраивается разветвленное семейное древо, что позволяет, шаг за шагом отсекая неподходящие ветви, в конечном итоге с высокой точностью локализовать и идентифицировать преступника. Необходимо отметить, что данный подход, несмотря на его доказанную результативность, является предметом активных дискуссий в плоскости биоэтики и приватности персональных данных.

В истории отечественной криминалистики особое место занимают уголовные дела, раскрытые спустя многие годы благодаря технологическому прогрессу. Дело Михаила Попкова, получившего известность как «ангарский маньяк», является одним из наиболее показательных прецедентов такого рода, демонстрируя решающую роль молекулярно-генетической экспертизы в расследовании серийных преступлений прошлых лет [2, с. 77].

Таким образом, центральную роль в современной практике реанимации «холодных» дел играет интеграция инновационных криминалистических технологий. Прежде всего, это касается повторного исследования вещественных доказательств с использованием передовых методик, среди которых доминирующее положение занимают генетико-молекулярные экспертизы. Полученные в результате анализа профили ДНК подвергаются тщательной верификации по актуальным национальным и международным базам данных. В ситуациях, когда прямые совпадения отсутствуют, перспективным направлением становится

привлечение специалистов в области генетической генеалогии для установления личности через выстраивание родственных связей [3, с. 67].

Литература

1. Лавров В.П. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет / под ред. Б.Я. Гаврилова. М., 2013. 93 с.

2. Ревягин А.В., Гудков А.Ю. Понятие нераскрытой преступности // Вестник Омского университета. 2020. № 4. С. 77–79.

3. Рыжкова А.К. Преступления прошлых лет против жизни и здоровья: современное состояние проблемы их раскрытия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 34–36.

***Д.В. Герасимова**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***А.Б. Соколов**, канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ОЧНОЙ СТАВКЕ

Очная ставка не относится к числу наиболее распространенных следственных действий, однако в силу присущей ей специфичности на страницах учебных и периодических изданий исследуемому способу собирания доказательств уделяется большой интерес, как в области криминалистики, так и уголовного процесса. Очная ставка – следственное действие, заключающееся в допросе в присутствии друг друга ранее допрошенных лиц в целях устранения существенных противоречий в их показаниях, а также для оспаривания подозреваемым, обвиняемым показаний, свидетельствующих против него участников процесса [3, с. 273]. Очная ставка отличается сложностью, как с организационной, так и с тактической точки зрения, что обусловливает наш интерес к систематизации действий следователя при подготовке к ее проведению.

Результативность очной ставки обусловлена качественной деятельностью следователя на ее подготовительном этапе. Осознавая и разделяя с нами важность отмеченного тезиса, А.К. Гавриловым и А.А. Закатовым был разработан алгоритм действий следователя по подготовке к производству очной ставки, который включает в себя:

– изучение показаний лиц, между которыми планируется очная ставка, и анализ иных материалов уголовного дела;

– выяснение причин существенных противоречий в имеющихся показаниях;

– изучение характера взаимоотношений между лицами, с участием которых будет очная ставка;

– принятие решения о целесообразности проведении очной ставки;

– составление плана проведения следственного действия, определения круга и очередности вопросов;

– определение времени и места проведения очной ставки;

– подбор документов, вещественных доказательств, подготовка технических средств фиксации хода и результатов очной ставки [1, с. 22].

Представленный алгоритм детально регламентирует организационно-тактическую сторону подготовительной деятельности к очной ставке. Однако целесообразно дополнить предложенную структуру принятием решения о производстве очной ставки, поскольку именно решение об этом является отправной точкой последующей подготовки. Кроме того, к числу самостоятельных действий следует отнести определение круга участников очной ставки и обеспечение их явки.

Основной задачей на подготовительном этапе очной ставки является установление причин возникновения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц. Поскольку очная ставка не всегда связана с дачей ложных показаний одним из лиц или обманом обеих сторон, речь может идти о добросовестном заблуждении допрашиваемых.

Во время подготовки следователю необходимо помнить о том, что допрашиваемые в силу психологического давления, которое является неотъемлемым составляющим очной ставки, могут умолчать об информации, позволяющей изобличить вторую сторону во лжи. Необходимо убедить лицо, чьи показания следователь считает достоверными, в том, что от его готовности сотрудничать и полноты сообщенных сведений напрямую зависит успешное завершение не только производимого следственного действия, но и расследования преступления в целом [5, с. 516–519].

Порядок проведения очной ставки определяется умением диагностировать складывающуюся ситуацию, правильно формулировать вопросы и определять тактические приемы, соответствующие ситуации. Составление плана очной ставки – ключевой элемент подготовки: он упорядочивает деятельность следователя, помогает ему действовать последовательно и надлежащим образом фиксировать процесс очной ставки.

В плане проведения очной ставки следует отражать следующие элементы: 1) время, место и участников; 2) перечень и очередность постановки вопросов, которые направлены на разрешение конкретных задач очной ставки; 3) спрогнозировать возможные ответы на вопросы от участников очной ставки, на основе анализа полученных данных скорректировать последующие вопросы.

При подготовке к проведению очной ставки важным представляется тщательное изучение психологических особенностей личности допрашиваемых. Объективные факторы личности в данном случае будут включать в себя то, что имеет отношение к составу преступления, а субъективными же факторами принято считать качества лица: черты его характера, темперамент, интеллектуаль-

ные способности, взаимоотношения с другим участником очной ставки и иные [2, с. 80–83].

При определении круга лиц, участвующих в очной ставке, целесообразно их представить двумя группами: обязательные и факультативные. К первой группе следует отнести: 1) следователя; 2) допрашиваемых; 3) законного представителя и педагога (психолога), если одним из допрашиваемых лиц является несовершеннолетний; 4) переводчика, если допрашиваемый не владеет языком, на котором осуществляется уголовное судопроизводство. Во вторую группу входят лица, приглашение которых зависит от усмотрения следователя или ходатайства ее участников: 1) защитник; 2) законный представитель и педагог (психолог), если одним из допрашиваемых лиц является несовершеннолетний в возрасте от 16 лет; 3) специалист; 4) эксперт 5) оперуполномоченный.

Для проведения очной ставки следует уделить внимание организации помещения, оснащенного техническими средствами видеофиксации. Применение средств видеофиксации воздействует на лиц, дающих показания, в части осознания ими невозможности последующего отказа от своих слов ввиду их фиксации на материальном носителе и возможности воспроизведения записи, например, в суде.

Организационно-тактическая деятельность следователя при подготовке к производству очной ставки при использовании систем видео-конференц-связи имеет свои специфические особенности, исследование которых мы продолжим, а результаты опубликуем в последующих работах.

Таким образом, успешное проведение очной ставки зависит от многих факторов, включая уровень профессионализма следователя, качество организационно-тактической деятельности, реализуемой на подготовительном этапе и соблюдение требований, закрепленных в уголовно-процессуальном законе.

Литература

1. Гаврилов А.К., Закатов А.А. Очная ставка: учеб. пособие. Волгоград, 1978.

2. Давыдова С.А., Цой А.Б. Очная ставка как источник доказательств // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. 2018.

3. Криминалистика (общие положения, техника, тактика): учебник для вузов / М.М. Горшков [и др.]; под ред. А.А. Кузнецова, Я.М. Мазунина. М.: Издательство Юрайт, 2023.

4. Соколов А.Б. Очная ставка с участием несовершеннолетнего: отдельные аспекты подготовительной деятельности // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. 2022.

5. Черевиченко Т.С., Ботарева Е.А., Стародубова В.С. Психология очной ставки // Аллея науки. 2018. Т. 4, № 3 (19).

***Е.А. Жильцов**, курсант 4 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.Р. Гилязов
Уфимский юридический институт МВД России

ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ АНАЛОГОВ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сотрудниками правоохранительных органов МВД России ежегодно выявляется около 300 тыс. преступлений по делам, связанным с незаконным сбытом наркотических средств (далее – НС), психотропных веществ (далее – ПВ), или их аналогов, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ). Из незаконного сбыта НС, ПВ, или их аналогов, сотрудниками МВД России изымается более 20 тонн в год.

При рассмотрении данного состава преступления необходимо выделить его нормативно-правовое закрепление в законодательстве Российской Федерации. Вопросы, связанные с незаконным сбытом НС, ПВ, или их аналогов, совершаемым с использованием ИТТ, закрепляются в федеральном законе «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 08.01.1998 № 3-ФЗ [1, с. 1].

Данная концепция была выведена в федеральном законе от 01.03.2012 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а именно в п. б ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) был выделен квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации либо электронных или ИТТ (включая сеть Интернет)» [4, с. 38].

Исходя из следственно-судебной практики, способ совершения данного вида преступления, а именно с использованием ИТТ, определяет множество трудностей для сотрудников ОВД РФ, например удаление информации, имеющей значение для раскрытия преступления. Согласно ст. 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» операторы связи обязаны хранить на территории Российской Федерации все текстовые сообщения пользователей, срок хранения которых составляет 6 месяцев [2, с. 2].

Деяния, совершаемые в сфере незаконного сбыта НС, ПВ, или их аналогов с использованием ИТТ, отличаются сложностью механизма следообразования, а именно оставлением цифровых следов в сети Интернет после совершения деяния. Так, ученые Д.О. Давыдов и А.Ю. Головин интерпретируют понятие «цифровые следы» как замаскированное в виде цифрового образа формальной модели изменение состояния информации в памяти абонентных электрон-

ных устройств, связанное с процессом продажи и сбыта НС путем использования ИТТ [3, с. 4].

При совершении данной категории преступления злоумышленники имеют хорошую подготовку и современные цифровые устройства, что позволяет наиболее эффективно довести преступление до конца. Так, например, у субъектов преступления есть глубокая сеть DeepWeb, с помощью которой клиенты и продавцы НС осуществляют свою деятельность, не опасаясь правоохранительных органов.

С целью осуществления продажи НС «в сети Интернет» злоумышленниками создаются специальные обозначения, которые имеют сокращенное обозначение наркотиков, к примеру, «соль», «мяу», «снеговик», «бошки», «герыч», «меф» и др.

После оплаты НС покупателям с помощью интернет-бота либо же от самого продавца осуществляется отправка географически точных координат мест «тайников» или «закладок» с наркотиками. Данные точки сбыта отмечаются через программу 2GIS или GoogleMaps.

Сложным моментом для сотрудников ОВД России является процесс отслеживания транзакции денежных средств между покупателем и продавцом НС вследствие отсутствия полноценного законодательного регулирования криптовалюты и трудностей, вызванных с отслеживанием операций, проводимых с ней, а также другими электронными переводами денежных средств, избегая участия банковских учреждений в роли посредников.

После того как покупатель и продавец договариваются о продаже и покупки НС, происходят непосредственно действия по оплате данной операции. Злоумышленники взяли на вооружение способ получения денежных средств через сторонние программные обеспечения, например, «Яндекс-Кошелек», Yandex-money, PayPal и др. Это связано с тем, что если осуществлять переводы через банковские сервисы, то данная операция может быть гласной, что является важным моментом для сотрудников ОВД России.

Также преступники для осуществления расчетов используют цифровую криптовалюту: Bitcoin, Ethereum и др. Имеющаяся судебно-следственная практика показала, что в настоящий момент не располагает возможностями отслеживать подобные операции по продаже НС в сети Интернет.

Главной задачей криминалистической характеристики являются: выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. К основным направлениям использования криминалистической характеристики незаконного сбыта НС, ПВ или их аналогов относятся:

1) установление источников доказательственной базы путем анализа элементов криминалистической характеристики. Так, наличие сведений о механизме совершения незаконного сбыта НС, ПВ или их аналогов, обстановке и данных о личности подозреваемого, свидетелей и очевидцев позволяет выявить не известные для следствия факты преступной деятельности;

2) выдвижение следственных версий и анализ их допустимости: о механизме совершения преступления, личности преступника, типичных источниках

следообразования, возможном противодействии в раскрытии и расследовании данного состава преступления позволяет грамотно организовать расследование;

3) процесс планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Так, при наличии информации о личности преступника, полученных данных в ходе проведения допроса свидетелей, можно составить фоторобот подозреваемого лица, осуществляющего незаконный сбыт НС, ПВ или их аналогов.

Таким образом, проанализировав приоритетные элементы криминалистической характеристики по делам незаконного сбыта НС, ПВ, или их аналогов, совершаемый с использованием ИТТ, что данный процесс представляет из себя автоматизированно-систематическую процедуру, которая позволяет эффективно произвести раскрытие и расследование преступления сотрудниками ОВД России. Для противодействия совершения данной категории преступлений, сотрудникам полиции необходимо использовать систематически новейшие ИТТ для борьбы с преступными деяниями.

Литература

1. О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2026).

2. О связи: федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2026).

3. Поляков В.В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex Russica. 2022. № 6 (187). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-i-printsipy-formirovaniya-chastnoy-metodiki-rassledovaniya-vysokotehnologichnyh-prestupleniy (дата обращения: 11.03.2026).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2026).

К.О. Зиборов, *слушатель 5 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
В.Н. Чаплыгина, *канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

Данная научная статья посвящена проблемным аспектам использования специальных знаний в процессе расследования мошенничеств, которые были совершены с применением электронных средств платежа (далее – ЭСП). В процессе рассмотрения процедуры расследования подобных преступлений и изучения научной литературы, рассматривающей основные правовые и практические аспекты деятельности лица, расследующего данный вид мошенничеств, по применению им специальных знаний, нами были выделен ряд проблемных моментов, устранение которых позволило бы расследовать преступления более оперативно.

Одной из немаловажных проблем является неправильная квалификация преступного деяния следователем в процессе возбуждения уголовного дела и в ходе его расследования. В зависимости от определения статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), по которой возбуждается дело, будет определяться направление расследования и составляться план расследования по уголовному делу. Соответственно, в случае ошибки и неправильной квалификации, могут быть неверно определены следственные действия и судебные экспертизы, которые назначаются лицом, производящим расследование. Сложности в квалификации могут возникнуть не только в случае непрофессионализма лица, производящего расследование и возбуждающего уголовного дело, но и в связи со схожестью уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за мошеннические действия разного характера. В УК РФ существует отдельная ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа». Помимо нее, есть ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» [2]. Объективная сторона этих преступлений схожа, поэтому важной задачей следователя является их разграничение и правильная квалификация деяния. Для этого у него должно быть представление чем являются ЭСП, что к ним относится и что такое компьютерная информация. Целесообразнее всего в случае возникновения сомнения относительно определения объективной стороны преступления и отнесения его к конкретной статье УК РФ, обратиться к специалисту, обладающему достаточным уровнем специальных знаний, который будет способен отличить ЭСП от компьютерной информации.

Принципиально важным аспектом квалификации деяния, имеющего признаки объективной стороны мошенничества с использованием систем электронного платежа, является вовлечение в процесс выдачи денежных средств работников банковских или кредитных организаций. В случае, даже если преступник использует похищенную карту, но снимает деньги самостоятельно, необходимо квалифицировать данные действия как кражу, а не мошенничество.

Следующим проблемным аспектом, который мы рассмотрим, будет сложность в установлении субъекта преступления и дальнейшее определение субъективной стороны. Поскольку зачастую данные преступления совершаются при помощи ЭСП, в число которых входят, например, электронные кошельки, соответственно возникают трудность определить злоумышленника, которые прибегают к самым различным способам сокрытия своих деяний и своей личности. В связи с уходом большого количества иностранных компаний и ограничением действия приложений на территории нашей страны, активно стали развиваться сервисы VPN (Virtual Private Network). Так, Свищев А.В. в своей работе рассмотрел сущность работы таких сервисов, их преимущества и недостатки. По его мнению, VPN – это защищенный поток данных (туннель) между пользовательским устройством и сетью Интернет [1, с. 2]. Говоря простыми словами, преступник, воспользовавшись VPN-сервисом, скрывает свой IP-адрес и в случае проверки исходных данных касательно его местонахождения будет показываться геолокация из совершенно другого конца нашей планеты. Получается, что в случае совершения мошеннических действия дистанционно, с использованием VPN-сервисов и специальных SIM-картах, которые уничтожаются после использования, установить лицо практически невозможно. Однако в случае допуска ошибки со стороны преступника, возникает возможность его установления и поиска по «горячим следам».

В принципе, по данному направлению уголовных дел есть определенный перечень обстоятельств, которые будет необходимо установить, чтобы выйти на злоумышленника. К таким обстоятельствам относятся:

1. Характеристика электронного кошелька или банковской карты, при помощи которых было совершено преступление и их взаимосвязь с потерпевшим.
2. Алгоритм действий лица, которое заявило о совершении в отношении него мошеннических действия, по распоряжению денежными средствами, похищенными с его счета, электронного кошелька или банковской карты.
3. Обстоятельства использования субъектом преступления ЭСП.
4. Обстоятельства, характеризующие особенности использования услуг доступа к сети Интернет как со стороны потерпевшего, так и со стороны правонарушителя.

Рассматривая данный вид преступлений, нельзя не остановиться на одной очень негативной тенденции, которая делает в некоторых случаях невозможным расследование мошенничеств, с применением ЭСП. Речь идет о совершении подобных деяний осужденными, отбывающими наказания в учреждениях уголовно-исправительной системы. Несмотря на то что такие учреждения обладают особенным правовым статусом, который закреплен в целом ряде НПА, та-

ких как «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ; Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» и др., и установлен перечень предметов, которыми осужденные не имеют права владеть, к которым относится, например, мобильный телефон, все равно часто встречаются случаи совершения мошенничеств с территории учреждений уголовно-исполнительной системы. Многие подобные преступления так и остаются не раскрытыми. Происходит это из-за того, что сотрудники из мест лишения свободы не признают возможность совершения преступных действий осужденными, поскольку это укажет на нарушение правил и запретов, установленных на этой территории. Мобильные телефоны могут попасть к осужденному не только через посылки, передаваемые их знакомыми, бывают случаи передачи запрещенных предметов через сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы за определенное вознаграждение.

Таким образом, подводя итог по данной работе, отметим, что на сегодняшний день существует большое количество проблемных аспектов в процессе использования специальных знаний при расследовании мошенничеств с применением ЭСП. Не всегда эти проблемы способен разрешить следователь. Во многом необходимо проведения совместной работы лица, расследующего подобные преступления с работниками экспертных учреждений, специалистами и даже с работниками (сотрудниками) учреждений уголовно-исполнительной системы. Однако бывают случаи совершения ошибок именно со стороны следователя ввиду неправильной оценки совершенного преступления или недостаточного количества специальных знаний в данной области.

Литература

1. Бежик А.А., Свищев А.В. Сервисы VPN: что это такое, причины возникновения, цель существования, необходимость использования и возможные // E-Scio. 2021. №12 (63).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***М.Д. Иванова**, слушатель 5 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Гайнельзянова**, канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ ХУЛИГАНСТВА

Хулиганство является одним из наиболее опасных посягательств на общественную безопасность и общественный порядок. Оно не только нарушает спокойствие граждан, но и зачастую выступает катализатором более тяжких преступлений против личности и собственности. Специфика хулиганства заключается в его демонстративном характере, явном неуважении к обществу и противопоставлении личности окружающим [3, с. 81].

В последние годы методика расследования хулиганства претерпела изменения, вызванные как корректировками в уголовном законодательстве (в частности, акцентом на применение оружия или предметов, используемых в качестве такового), так и широким распространением средств видеонаблюдения и мобильной фиксации. Успех расследования напрямую зависит от своевременной организации следственных действий и грамотной тактики изобличения виновных.

Криминалистическая характеристика – это фундамент, на котором строится тактика расследования. В случае хулиганства она включает следующие элементы:

1. Способ совершения. Применение насилия или угроза его применения, использование оружия, взрывчатых веществ, совершение действий по мотивам политической, расовой, национальной или религиозной ненависти.

2. Обстановка. Как правило, это общественные места (парки, транспорт, развлекательные заведения) в вечернее или ночное время.

3. Личность преступника. Чаще всего это лица мужского пола, нередко находящиеся в состоянии опьянения, характеризующиеся импульсивностью, агрессивностью и стремлением к самоутверждению за счет унижения других.

4. Мотив. Ключевой элемент. Хулиганский мотив подразумевает отсутствие личной неприязни к жертве или наличие повода, явно несоразмерного ответной реакции [1, с. 34].

Организация расследования во многом определяется ситуацией, сложившейся на момент возбуждения уголовного дела:

1. Преступник задержан на месте происшествия или «по горячим следам». Основная задача – закрепление доказательств (допрос очевидцев, изъятие оружия, освидетельствование задержанного).

2. Преступник скрылся, но его личность установлена. Организация розыскных мероприятий, допросы лиц, знающих подозреваемого, обыски по месту жительства.

3. Преступник скрылся, и его личность не установлена. Наиболее сложная ситуация. Требует активного взаимодействия с оперативно-розыскными подразделениями, анализа видеозаписей, работы с криминалистическими учетами.

Осмотр места происшествия при хулиганстве часто недооценивается из-за того, что преступление совершается в условиях очевидности. Однако именно осмотр места происшествия позволяет объективизировать показания свидетелей [2, с. 55].

Поиск вещественных доказательств. Окурки, следы обуви, поврежденные предметы мебели, гильзы, осколки стекла. Особое внимание – предметам, которые использовались как оружие (арматура, камни, палки). Необходимо зафиксировать не только материальные следы, но и положение камер видеонаблюдения, а также возможные точки обзора для свидетелей. Привлечь специалиста для поиска микрообъектов и биологических следов (кровь, пот, волосы), которые могут принадлежать преступнику.

Допрос при расследовании хулиганства осложняется психологическим состоянием участников. Потерпевшие часто находятся в состоянии шока или обиды, что может привести к преувеличению агрессии преступника или, наоборот, к пропуску важных деталей. Следователю важно установить, была ли предшествующая ссора, знал ли потерпевший преступника ранее (для подтверждения хулиганского мотива). Хулиганство часто происходит при большом скоплении людей. «Эффект толпы». Свидетели могут давать противоречивые показания. Важно допросить как можно больше людей по отдельности. Выявление «случайных» свидетелей. Проверка записей видеорегистраторов проезжавших машин, поиск людей через социальные сети. Нейтрализация страха. Если хулиганство совершено группой лиц, свидетели могут бояться мести. В таких случаях необходимо применять меры государственной защиты или допрашивать свидетеля под псевдонимом.

Допрос подозреваемого в хулиганстве – это борьба за мотив. Типичная линия защиты: «это была самооборона», «меня спровоцировали», «я просто пошутил».

При расследовании группового хулиганства (ч. 2 ст. 213 УК РФ) организационный аспект выходит на первый план.

Разобщение участников. Важно изолировать задержанных друг от друга, чтобы исключить сговор и выработку единой легенды. Установление ролей. Кто был инициатором, кто принес оружие, кто активно подстрекал. Психологическое воздействие. Использование противоречий в интересах участников (например, предложение сотрудничества тому, кто играл менее активную роль).

Для успешного доказывания хулиганства необходим комплекс экспертиз:

1. Судебно-медицинская. Для установления характера повреждений у потерпевшего.

2. Баллистическая или экспертиза холодного оружия. Если применялись соответствующие предметы.

3. Психиатрическая и психологическая. Для определения вменяемости преступника и установления «хулиганских побуждений» как доминирующего психического состояния в момент преступления.

4. Видеотехническая. Для идентификации лиц на записях камер наблюдения.

Хулиганство требует оперативного реагирования. Организационное взаимодействие включает:

1. Своевременный обмен информацией о личности подозреваемых.

2. Проверку задержанных на причастность к аналогичным нераскрытым преступлениям в данном районе (серийность).

3. Проведение оперативных комбинаций для выявления организаторов групповых беспорядков.

Расследование хулиганства требует от следователя не только высокой юридической грамотности, но и неординарных организаторских способностей. Основная сложность заключается в необходимости доказывания специфического мотива – явного неуважения к обществу.

Современная тактика расследования должна опираться на широко е использование цифровых доказательств и глубокий психологический анализ личности правонарушителя [4, с. 45]. Только комплексный подход, сочетающий тщательный осмотр места происшествия, грамотную работу со свидетелями и эффективное взаимодействие с оперативными службами, позволяет обеспечить неотвратимость наказания и предупредить совершение новых, более тяжких преступлений.

Литература

1. Кузнецов А.А. Особенности расследования группового хулиганства: учеб. пособие, 2015.

2. Облаков А.Ф., Тимербаев А.Т. Организация и тактика осмотра места происшествия: учеб. пособие, 2019.

3. Сердюк Л.В., Тимербаев А.Т. Расследование хулиганства и его профилактика: учеб. пособие, 2018.

4. Тюрин Ю.Ю. Тактические средства первоначального этапа расследования хулиганства // Научный лидер. 2021.

***А.Р. Идрисова**, слушатель 5 курса*
Казанский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***Э.Т. Хайруллова**, канд. пед. наук, доцент*
Казанский юридический институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Успех в расследовании преступлений во многом определяет налаженное взаимодействие между сотрудниками органа дознания и специалистами экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП). От того, насколько оперативно и грамотно выстроена их совместная деятельность, зависит качество сбора доказательств. Такое взаимодействие традиционно осуществляется в двух формах – официальном (процессуальном) и организационно-тактическом (непроцессуальном).

Процессуальную базу совместной работы составляют: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»; Приказ МВД России от 29.04.2015 № 495дсп «Об утверждении Инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании уголовных дел»; ряд иных приказов МВД России, регламентирующих экспертно-криминалистическую деятельность в системе МВД, в т. ч. и порядок организации производства судебных экспертиз [1, с. 167].

В основе непроцессуального взаимодействия лежит практический опыт, накопленный в ходе совместного разрешения уголовных дел. Такое сотрудничество реализуется через ряд организационных мероприятий, включая формирование специализированных аналитических следственно-оперативных групп [2, с. 178], предоставление консультаций сотрудниками ЭКП в рамках их компетенции, а также оказание содействия дознанию в корректной постановке вопросов перед назначением экспертиз.

Опираясь на практический опыт сотрудников органов внутренних дел, а также обзоры МВД России в части взаимодействия экспертов и сотрудников органа дознания можно с полной уверенностью сказать, что, несмотря на многолетнюю совместную работу этих подразделений, еще осталось множество неразрешенных вопросов, непосредственно влияющих на эффективность достижения результатов при раскрытии и расследовании преступлений [4, с. 250].

Можно выделить основные проблемные точки соприкосновения деятельности двух этих подразделений, например, такие как: упущение назначения исследований по изъятым следам преступлений; назначение финансово затратных

экспертных исследований без учета специфики конкретного дела; низкая оперативность получения экспертных заключений и последующее «зависание» материалов экспертиз по делам, в возбуждении которых отказано; также мы отдельно можем выделить проблему процессуальной составляющей, а именно: неправильное составление постановления о назначении экспертизы, неправильная упаковка собранной доказательственной базы, несовпадение изъятых материалов для изучения указанных в постановлении с фактически прибывшими на исследование.

Проблематика организации эффективного взаимодействия между экспертными подразделениями и органами дознания не остался незамеченным научными исследователями. Многие авторы в своих работах представляют анализ функциональной составляющей ЭКП территориальных органов МВД, нацеленный на поиск оптимальных путей взаимодействия экспертов с дознанием [5, с. 248].

Также необходимо отметить, что эти проблемные аспекты не являются неизвестными для вышестоящего руководства обоих подразделений. Причины данных недостатков, как правило, кроются в совокупности субъективных и системных факторах. К числу первых относят низкий уровень персональной дисциплины дознавателей и недостаточный контроль за работой молодых кадров, которые в нынешних реалиях не обладают достаточными знаниями и опытом при поступлении на службу. Ко вторым – недостаточная квалификация должностных лиц, острый кадровый дефицит и высокая текучесть личного состава, которая в настоящее время приобрела характер устойчивой тенденции.

Минимизация негативного влияния перечисленных факторов требует реализации комплекса стратегических мер. Прежде всего, необходимо повышение привлекательности службы для устранения кадровых дыр в ЭКП и органах дознания. Достижение этой цели видится в поднятии престижа профессии, целенаправленной подготовке профильных специалистов в ведомственных вузах и расширении мер социальной поддержки, призванных компенсировать недостаточно конкурентный уровень денежного довольствия и удержать сотрудников в системе.

Фундаментом качественной совместной работы выступает непрерывное профессиональное развитие кадров. Показателен в этом отношении опыт МВД по Республике Татарстан. Экспертно-криминалистическим центром (далее – ЭКЦ) на регулярной основе организуются учебно-методические и практические сборы для сотрудников предварительного следствия и дознания. Особого внимания заслуживает решение проблемы экспертного обеспечения в муниципальных районах, где штатные должности экспертов отсутствуют. На базе ЭКЦ реализуется подготовка сотрудников специалистов-криминалистов из числа дознавателей, участковых уполномоченных и оперативников. Такого рода дополнительная квалификация уже стоящих на своих должностях сотрудников доказала свою состоятельность: зафиксированы случаи, когда именно такими приданными силами на местах происшествий изымались следы рук, позволившие впоследствии установить лиц, совершивших преступления. Подобная практика

представляется крайне востребованной, особенно в труднодоступных регионах и районах, не обеспеченных штатными экспертами.

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что повышение эффективности взаимодействия ЭКП и дознания невозможно без системной работы над профессиональным уровнем кадров. Достижение этой цели требует регулярного проведения совместных мероприятий (рабочих встреч, круглых столов, сборов) и стимулирования индивидуального профессионального роста каждого сотрудника.

Литература

1. Арестова Е.Н., Есина А.С., Фадеев П.В. Предварительное следствие в органах внутренних дел. Взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025.

2. Криминалистическая методика: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М., 2025.

3. Криминалистическая тактика: учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Филиппова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025.

4. Обернихина А.Д. Раскрытие и расследование преступлений следственно оперативной группой // Молодой ученый. 2024.

5. Щедринов К.С. Понятие и сущность ситуации взаимодействия между различными правоохранительными органами при расследовании преступлений // Молодой ученый. 2021.

***В.А. Караваева**, курсант 4 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Гайнельзянова**, канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С БИОЛОГИЧЕСКИМИ СЛЕДАМИ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В настоящее время наиболее распространенными следами, которые преступники сами того не осознавая оставляют на местах совершения преступлений являются биологические следы. Малоизвестно, что даже малейшая частица кожного эпителия, небольшой след пальца руки, несут в себе весомую генетическую информацию. Обнаружение и изъятие данных следов на месте происшествия является важнейшим элементом в раскрытии и расследовании преступлений.

Зачастую сотрудники следственных подразделений не уделяют особого внимания теоретическим основам по работе с биологическими следами, а именно в части обнаружения, фиксации, изъятия и хранения. При производстве осмотра места происшествия следователю необходимо, в первую очередь, определить возможное место нахождения следов биологического характера. Это необходимо для того, чтобы обеспечить сохранность данных следов для дальнейшего правильного изъятия данных объектов, а все потому, что данные следы несут в себе большое количество информации о лице их оставившем. Следы биологического происхождения имеют свойство быстро разрушаться. Это может произойти от воздействия солнечных лучей, воздействия влаги или высоких температур, именно поэтому следователям важно уметь правильно работать с данной категорией следов при производстве осмотра места происшествия.

Для работы со следами на месте происшествия необходимо знать тактические особенности таких этапов как обнаружения, фиксации и изъятия данных объектов.

Начнем рассмотрение тактических особенностей работы со следами с такого этапа как обнаружение. Для того чтобы отыскать следы следует знать классификацию по степени видимости. Данные знания необходимы для правильного подбора технических средств, которые влияют на быстроту и эффективность обнаружения следов биологического происхождения. Теория трасологии выделяет: видимые следы, для обнаружения которых не требует вспомогательных средств, и те, которые образуются при контрасте; маловидимые или слабовидимые – для обнаружения которых требуется изменение режима освещения; а также не видимые – для обнаружения которых требуется применение технико-криминалистических средств и методов [1, с. 204].

Зачастую при проведении осмотра места происшествия следователи на этапе обнаружения забывают о мерах личной безопасности. Биологические следы имеют свойства распространения, что делает их непосредственно объектом распространения различного рода заболеваний. Существует ряд негласных правил, которые обеспечивают наиболее безопасную и эффективную работу со следами на месте происшествия. Первое на что необходимо обратить внимание – это использование перчаток без талька, позволяющих не оставлять свое потожировое вещество или иные микрообъекты на исследуемой поверхности; медицинский халат или специальный комбинезон, выполненный из синтетической ткани, который противодействует оставлению в рабочей обстановке текстильных тканей одежды; головной убор [3, с. 31]. Использование данных средств защиты необходимо также для того, чтобы следы на месте происшествия не были уничтожены, из-за неаккуратного воздействия на них.

Также необходимо отметить, что существуют специфические особенности работы с технико-криминалистическими средствами при обнаружении следов биологического характера. При работе с ультрафиолетовыми лучами необходимо знать, что воздействие данных лучей более чем полторы минуты на след, имеющий биологическое происхождение, ведет к разрушению клеток ДНК. Незнание данной особенности влечет за собой утерю возможно един-

ственно имеющегося следа на месте происшествия, что значительно увеличивает объем работы следователю для раскрытия и расследования преступления.

Следующим этапом работы со следами является фиксация их на месте происшествия. Данный этап реализуется при описании следа, обнаруженного на месте происшествия с указанием его особенностей в протоколе следственного действия. Зачастую на данном этапе также возникают неточности при описании следов биологического происхождения. При написании протокола осмотра происшествия следователь не должен нарушать правила, предъявляемые к написанию данного процессуального документа, а именно делать предположения относительно обнаруженных следов. Существует определенная криминалистическая терминология, которой следователю необходимо придерживаться при описании следов. Не должны использоваться такие формулировки как «кровь», «слюна» или «изъято вещество, предположительно слюна», «изъято вещество похожее на кровь». Помимо описания в протоколе осмотра места происшествия, огромное значение имеет фотофиксация. Использование средств и методов криминалистической фотографии происходит с учетом общих требований, предусмотренных доктриной криминалистики [1, с. 172].

Не менее важным этапом является изъятие ввиду того, что включает в себя упаковку предмета с биоматериалом и должен обеспечивать сохранность ДНК при транспортировке объектов с выделениями до территориального органа, а в дальнейшем и до места производства судебной экспертизы [2, с. 63]. На данном этапе следователю необходимо изъять обнаруженный и зафиксированный след, с соблюдением определенных правил и особенностей.

Во-первых, жидкие следы биологического происхождения, такие как кровь, слюна зачастую изымаются с помощью ватного или марлевого тампона, которому необходимо высохнуть в условиях комнатной температуры без воздействия иных температур, а в дальнейшем упаковать в бумажный конверт, скрепленный пояснительной надписью с подписями и печатью. Рассмотрение данной особенности необходимо для того, чтобы не допустить уничтожения биологических следов вследствие неправильного изъятия или выбора упаковки. Зачастую из-за незнания сотрудниками могут использоваться полиэтиленовые пакеты для упаковки или файлы, которые в свою очередь создают «парниковый» эффект, который может способствовать тому, что изъятый след будет не пригоден для идентификации.

Во-вторых, при изъятии могут использоваться нож, скальпель или пинцет для снятия соскоба при наличии высохшего следа, например, крови, волос, а также для изъятия клеток эпителия может использоваться ватная палочка, которые упаковываются в бумажный конверт и скрепляется пояснительной надписью, заверяются печатью отдела. В ходе транспортировки необходимо учитывать условия его осуществления, в частности наличие неблагоприятных для этого последствий.

Исходя из вышеизложенного отметим, что процесс деятельности со следами биологического содержания в ходе осмотра места происшествия требует использования эффективных и безопасных условий его проведения. На каждом

этапе работы с вышеуказанными следами и объектами важную роль играется грамотность лиц, которые осуществляют эту деятельность.

Литература

1. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. 4-е изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020.

2. Надоненко О.Н. Криминалистическое значение следов биологического происхождения: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

3. Неустроева А.В., Гутникова А.Н. Тактические аспекты и технико-криминалистическое обеспечение работы со следами биологического происхождения при производстве осмотра места происшествия // Правовой альманах. 2025. № 6 (46).

У.М. Караченцева*, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Крынин
Барнаульский юридический институт МВД России

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ НА МАРКЕТПЛЕЙСАХ

Развитие цифровой экономики сопровождается стремительным ростом маркетсплейсов – онлайн-платформ, объединяющих продавцов и покупателей. Их оборот исчисляется триллионами рублей, а число пользователей десятками миллионов человек. По данным «РИА НОВОСТИ», маркетплейсами пользуются 90 % жителей России, преимущественно представители молодого поколения. По данным портала Statista, маркетплейс Wildberries по итогам 2024 г. занял третье место по количеству скачиваний [3]. Вместе с ростом популярности платформ увеличивается и число противоправных деяний в их цифровой среде, в т. ч. хищений с использованием технологических возможностей и уязвимостей систем безопасности.

Среди основных схем хищений можно выделить несколько наиболее распространенных. Первая – фальшивая регистрация и заниженные цены: злоумышленники регистрируются как предприниматели с ложными данными, а после получения оплаты удаляют карточки товаров. Вторая схема связана с продажей известных брендов, которые предлагаются по заниженным ценам, что вводит покупателей в заблуждение. Третья схема – манипуляции с отзывами: злоумышленники используют ботов для накрутки фальшивых положительных комментариев, повышая тем самым доверие к продавцу и провоцируя рост продаж некачественных или несуществующих товаров.

Перечисленные преступные схемы образуют многоуровневую систему следов, ключевое место в которой принадлежит цифровому пространству. Следы остаются на серверах различных торговых площадок, включая в себя сведения об активности пользователя в сети, о динамике управления заказами и корректировку карточек товара. Особое значение для расследования имеют метаданные финансовых перемещений, поскольку они отражают специфику и хронологию платежных операций. Не стоит забывать и про преднамеренное сокрытие геолокации посредством VPN-сервисов.

Второй по важности в следовой картине рассматриваемого нами преступления выделяют категорию материальных следов: подмененные товары, поврежденная тара, документы, подтверждающие различные транзакции. Важными материалами являются записи с камер видеонаблюдения, позволяющие идентифицировать лиц, совершивших преступление, и воспроизвести их противоправные действия в пунктах выдачи товаров.

Расследование рассматриваемого нами вида хищения характеризуется наличием ряда сложностей. Одной из проблем является децентрализованный характер хранения сведений о финансовых операциях. Это обстоятельство вынуждает следователя обращаться к специалисту, обладающему особо глубокими знаниями в данной сфере деятельности. Необходимо помнить, что участники, задействованные в экономической преступной цепочке, могут уклоняться от предоставления сведений, имеющих значение для уголовного дела, ссылаясь на коммерческую тайну, что также образует сложности при расследовании.

Для эффективного расследования данной категории дел на практике выделяют следующие три типичные следственные ситуации:

1. Лицо, совершившее хищение на маркетплейсе, задержано.
2. Лицо, совершившее хищение, не установлено, но имеются сведения о переводе похищенных денежных средств на банковский счет.
3. Местонахождение установленного лица не известно.

Следуя продуманному плану, следователь при расследовании хищений на маркетплейсе первоначально проводит осмотр места происшествия, во время которого обращает внимание на расположение камер видеонаблюдения, на зоны хранения и выдачи товаров. Особое внимание уделяется следам вмешательства – поврежденным пломбам, подмененным QR-кодам, признакам несанкционированного доступа к складу [2]. Изъятые видеозаписи анализируются на предмет выявления подозрительных лиц и их действий, при этом производится ориентирующая, обзорная, узловая и детальная фотосъемка, а при необходимости привлекается специалист. Немало значим и осмотр цифрового интерфейса маркетплейса. При первоначальной фиксации доказательств следователь указывает технические параметры устройства, операционной системы, браузера и версии приложения, документирует процесс авторизации, фиксирует URL-страницы или название приложения, сохраняет скриншоты экрана входа и главного меню.

Ключевым следственным действием является допрос потерпевшего – покупателя или продавца, столкнувшегося с мошенничеством. В ходе беседы сле-

дователь детально выясняет обстоятельства сделки: как был найден товар, какова была его цена, каким способом производилась оплата и т. п. [1].

При работе с цифровыми доказательствами особую роль играет выемка и осмотр электронных носителей. У подозреваемого изымаются компьютеры, смартфоны, внешние накопители, роутеры.

Не стоит забывать и о взаимодействии с маркетплейсом. Следовать направляет официальный запрос на предоставление данных о профиле подозреваемого, логинах и действиях на платформе, информации о транзакциях и способах оплаты, метаданных.

Завершая изложение, стоит отметить, что на всех этапах расследования следователь должен учитывать динамичность цифровой среды. Мошенники постоянно совершенствуют методы: используют нейросети для подделки фотографий, применяют многоуровневые схемы перевода средств, эксплуатируют уязвимости платформ. Эффективное противодействие преступлениям в сфере электронной торговли возможно только при сочетании оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий с применением специализированных технических и криминалистических методов, тесного взаимодействия с маркетплейсами и банками, привлечения профильных специалистов и оперативного реагирования для предотвращения уничтожения доказательств

Литература

1. Анешева А.Т. Предмет допроса, предшествующего предъявлению для опознания // Правоприменение в публичном частном праве. Омск, 2021.

2. Ефремова О.М. Особенности производства осмотра компьютерной информации следователем в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 1(82).

3. Исследование показало, сколько россиян не покупает товары на маркетплейсах // РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20250813/marketpleys-2034917127.html (дата обращения: 28.02.2026).

***А.А. Кузнецова**, слушатель 5 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ПРАКТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Специфика существующей в настоящий момент времени криминальной обстановки на территории проведения специальной военной операции (далее – СВО) демонстрирует, что классические знания недостаточны для производства качественного расследования в условиях вооруженного конфликта, разумным представляется обратиться к иным разделам частной теории науки криминалистики [2, с. 330].

Мы предлагаем в контексте данного вопроса обратиться к разделу «экстремальной криминалистики». По нашему мнению, экстремальная криминалистика как частная криминалистическая теория, определяющая методы работы следственных органов, больше подходит к условиям специальной военной операции, нежели военно-полевая криминалистика, рассматривающая вопросы расследования преступлений в рамках исключительно вооруженного конфликта, коим СВО по своей сущности не является, однако обладает схожими признаками.

Боевые действия – не редкость на территории СВО – существенно осложняют процесс раскрытия и расследования преступлений, ограничивают возможности собирания и фиксации доказательств, создают угрозу жизни и здоровью сотрудников правоохранительных органов. В том варианте, который на настоящий момент времени сложился на указанной территории, адекватное функционирование силовых структур является затруднительным, в т. ч. и правоохранительных органов.

Расследование преступлений в зоне боевых действий требует учета нестандартных факторов: динамичности обстановки, разрушения инфраструктуры, ограничения доступа к месту происшествия, высокой латентности преступлений, а также участия в преступных посягательствах так называемых специальных субъектов – военнослужащих.

Вооруженный конфликт прямо влияет на все сферы общественной жизни, в т. ч. и на преступность. Меняются ее количественные и качественные признаки [3, с. 121]. Все преступления, совершаемые на территории вооруженного конфликта, можно разделить на несколько групп: 1) общеуголовные преступления, на которые вооруженный конфликт не влияет или влияет минимально (кражи, мошенничества, убийство на «бытовой почве»); 2) преступления, детерминируемые боевыми действиями (диверсии, террористические акты, призывы к насильственному изменению основ конституционного строя); 3) пре-

ступления, на которые вооруженный конфликт влияет напрямую, создавая саму возможность для их совершения (военные преступления, преступления против мира и человечности) [1, с. 259].

Расследование преступлений в зоне проведения СВО характеризуется рядом специфических особенностей, отличающих его от стандартных условий предварительного следствия. Резко возрастает уровень латентности преступности. Боевые действия позволяют маскировать убийства под последствия боестолкновений, самооборону или несчастный случай. По нашему мнению, особое распространение среди преступлений против собственности получают кражи с проникновением в жилище, вызванные, в первую очередь, оставлением своих жилищ собственниками, ставшими беженцами в связи со сложившейся ситуацией, в месте их постоянного проживания, а зачастую информация о совершенных кражах даже не доходит до правоохранительных органов. Существенно усложняется и проведение следственных действий. Осмотр места происшествия, выемка, обыск и другие следственные действия часто проводятся в условиях непосредственной угрозы обстрела, минирования территории и отсутствия стабильной транспортной и коммуникационной инфраструктуры.

Нам представляется необходимым применение таких роботизированных комплексов, как беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) в процессе производства следственного действия «осмотр места происшествия». Применение БПЛА может позволить обеспечить документирование, путем видео- и фотофиксации, что не только повысит эффективность производства следственного действия, но и снизит нагрузку, с которой сотрудникам ОВД приходится ежедневно сталкиваться, при этом отсутствие их личного присутствия значительно снизит риски получения ими ранения, а также в целом опасность для жизни, позволяя сохранить следы преступления, не уничтожив их и не создав новые. Также необходимо заметить, что использование изображений с места происшествия может в дальнейшем обеспечить возможность создания трехмерной цифровой модели, как интерактивного 3D-пространства, что позволит детально изучить воссозданную обстановку, объекты и события, сохранить следы преступления, а также дает следователю провести повторный осмотр места происшествия. В конечном итоге это способствует повышению полноты, объективности и доказательственной надежности процессуальных действий.

Таким образом, необходимым представляется подвести закономерный итог: научное осмысление феномена производства предварительного расследования на территории специальной военной операции требует дальнейшего изучения в связи с малым количеством как теоретического, так и практического материала, однако при существующих в настоящий момент времени пробелах есть и положительные аспекты, указывающие на явный прогресс в новом, ранее не изученном правовом пространстве. Возможность изучения данных проблем представляется разумным в рамках «экстремальной криминалистики», представляющей собой совокупность основных положений «классической» и «военно-полевой» криминалистики.

Литература

1. Антонов А.Н. Особенности предмета расследования в условиях международного вооруженного конфликта // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11(215).
2. Григорьев В.Н., Антонов А.Н. К вопросу о частной методике расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта // Пробелы в российском законодательстве: Юридический журнал. 2008. № 1.
3. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (Правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
4. Громов М.А. «Особые условия» как универсальное понятие для деятельности органов и подразделений МВД России: их виды, характеризующие признаки, классификация // Законодательство: состояние и пути совершенствования. 2013. № 4 (28).

***Д.В. Лебедев**, слушатель 5 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Гайнельзянова**, канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время ведущей группой преступлений, которые остаются нераскрытыми, вследствие их неочевидности, являются преступления, совершенные в киберпространстве. Данную группу преступлений принято называть «киберпреступлениями», которые имеют неочевидный характер и высокий уровень сложности при раскрытии, изобличении личности преступника и их расследовании. Главной отличительной чертой киберпреступлений является то, что они совершены в информационном поле, работа с которым вызывает трудности у органов дознания и предварительного следствия еще на первоначальных этапах их раскрытия и расследования.

Осмотр места происшествия – это неотложное следственное действие, которое заключается в непосредственном восприятии следователем обстановки места происшествия и установление, фиксацию, исследование обстановки места происшествия, следов преступления и иных данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельств расследуемого события [1, с. 320].

Персональный компьютер и мобильный телефон являются наиболее распространенными объектами осмотра места происшествия при проверке сооб-

щения о преступлении, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

В случае если объектом осмотра места происшествия является цифровое устройство, то следователю необходимо в первую очередь обратить внимание на подготовку к проведению следственного действия. Ключевым моментом подготовки является поиск и подбор специалиста, имеющего специальные познания в области цифровых технологий. Такой вариант следователь может предусмотреть на случай нехватки собственных знаний в области осмотра цифровых устройств, но, к сожалению, даже такими важнейшими моментами следователи зачастую пренебрегают, что приводит к неполноценному проведению первоначального следственного действия – осмотр места происшествия.

Если же у следователя нет возможности найти и привлечь специалиста, то он вынужден самостоятельно произвести данное следственное действие, соблюдая весь выработанный алгоритм.

Важно понимать, что осмотр любого цифрового устройства состоит из трех стадий:

1) статический осмотр, в ходе которого следователь фиксирует в протоколе осмотра места происшествия общие визуальные признаки цифрового устройства;

2) детальный осмотр, где следователь фиксирует факт наличия элементов питания, внешних жестких дисков, карт памяти и т. д.;

3) «внутренний» осмотр, в процессе которого следователь осматривает и фиксирует непосредственно информацию, находящуюся на устройстве.

Стоит отметить, что пользовательский компьютер состоит из определенный частей: системный блок и устройства ввода и вывода информации (монитор, клавиатура, компьютерная мышь, принтер, сканер и т. д.). При статическом осмотре в первую очередь необходимо зафиксировать в протоколе наличие следов механического вмешательства или иных повреждений.

В ходе детального осмотра системного блока необходимо зафиксировать в протоколе осмотра места происшествия следующие сведения:

– какие интерфейсы были использованы при работе устройства, к каким внешним устройствам они были подключены, длина соединений;

– присутствуют ли внешние физические повреждения (царапины, сколы, загибы и т. д.) на корпусе системного блока и его внутренних составляющих;

– имеются ли специальные «слоты» для подключения внешних устройств [2, с. 126].

После этого следователь должен зафиксировать в протоколе осмотра места происшествия марку, модель, серийный номер устройства.

В ходе проведения осмотра внутренних составляющих системного блока, следователь должен уделить внимание комплектующим (материнская плата, оперативная память, блок питания, видеоадаптер, центральный процессор, накопители информации, устройства чтения). Если какая-либо из комплектующих отсутствует, то данный факт необходимо зафиксировать в протоколе осмотра места происшествия.

В ходе осмотра и изучения внутренних данных цифрового устройства, используя ключ реестра, следователь способен узнать:

– какой файл был открыт приложением последним. Расположение: WIN+RNTUSER.DAT\Software\Microsoft\Windows\CurrentVersion\Explorer\ComDlg32\LastVisitedPidlMRU;

– последние открытые документы. Расположение: WIN+R NTUSER.DAT\Software\Microsoft\Windows\CurrentVersion\Explorer\RecentDocs;

– системная директория «Корзина», которая крайне важна для исследования следователем, т. к. именно там могут находиться скрытые удаленные файлы: WIN+R C:\$Recycle.bin;

– ключ реестра Event Logs – информация о подключении USB-устройств: WIN+R SOFTWARE\Microsoft\Windows Portable Devices\Devices;

– Run MRU – информация о запуске системных программ, находящихся в системном журнале Windows [3, с. 23].

Информационное поле является современным и новейшим пространством совершения преступлений, работа с которым требует специальных познаний со стороны следователей, дознавателей и оперуполномоченных. К сожалению, в данном направлении наблюдаются существенные пробелы в работе территориальных органах внутренних дел. Считаем, что данный факт обусловлен тем, что в данный момент изучение киберпреступлений находится лишь на научном уровне и, пока что, не имеет места полноценного и достаточного распространения результатов изучения и исследования среди сотрудников территориальных органов внутренних дел, которые могут быть реализованы, например, в виде курсов повышения квалификации.

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Тактика экспериментальных следственных действий: монография. М., 2020.

2. Баранов А.К., Карпычев В.Ю., Минаев В.А. Компьютерные экспертные технологии в органах внутренних дел: учеб. пособие; Акад. МВД России. М., 2024.

3. Крестовников О.А. Информационные технологии в борьбе с преступностью // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6.

***Т.Н. Молокова, А.А. Своеволина**, курсанты 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.В. Щербинина
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЗНАКОВ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Идентификация личности по признакам внешнего облика традиционно остается одним из наиболее востребованных направлений криминалистической деятельности. В условиях, когда дактилоскопические, генетические или иные биометрические следы отсутствуют или не могут быть получены, данные о внешности субъекта, зафиксированные очевидцами или техническими средствами, выступают первоочередным источником криминалистически значимой информации. Вместе с тем современная следственная и экспертная практика демонстрирует устойчивый рост числа случаев, когда использование признаков внешнего облика не приводит к ожидаемому результату.

Как справедливо отмечает Т.А. Солодкова, в настоящее время подавляющее большинство имеющихся теоретических и методических разработок ориентированно на изучение признаков внешности в стабильных условиях по морфологическим характеристикам элементов внешности. Однако сегодня активно совершенствуются способы изменения признаков внешности, возрос уровень доступности пластических операций, операционное «омоложение» стало массовым явлением. При этом конкретные и исчерпывающие методические рекомендации по исследованию лиц, внешний облик которых подвергся изменениям в результате старения и последующего «омоложения» не выработаны [1, с. 10].

Изменения внешнего облика человека могут подразделяться в зависимости от отношения субъекта к этим изменениям. В криминалистике выделяют два основных типа таких изменений: ненамеренные и намеренные.

К ненамеренным изменениям внешнего облика человека относят изменения, происходящие неосознанно в связи с естественными причинами, такими как возрастные изменения, патологические процессы в организме, а также внешние факторы, не зависящие от воли субъекта.

В свою очередь, намеренные изменения внешнего облика вызваны осознанно, с определенной целью. Часто такие изменения человек совершает в преступных целях для маскировки личности, для того, чтобы выдать себя за другое лицо, избежать опознания очевидцами. Намеренные изменения, в свою очередь, могут осуществляться различными способами:

1. Косметическое изменение предполагает визуальное преобразование внешности с помощью различных методов, направленных на улучшение внешнего вида, коррекцию эстетических недостатков или достижение определенных визуальных эффектов. Такие изменения могут быть как временными, так и по-

стоянными. Способы косметического изменения признаков внешности в настоящее время очень развиты и можно выделить такие способы, как:

1) контурная пластика – введение под кожу филлеров на основе гиалуроновой кислоты или других компонентов для коррекции объемов лица;

2) ботулинотерапия – инъекции препаратов ботулотоксина для разглаживания мимических морщин и заломов;

3) пилинги – химические, лазерные и механические процедуры для обновления кожи;

4) нитевой лифтинг – омоложение и подтяжка тканей с помощью специальных армирующих нитей;

5) макияж – один из примеров косметического изменения внешности, который позволяет визуально изменить черты лица, подчеркнуть определенные зоны или создать определенный образ.

2. Гримировальные – с использованием специальных красок, париков, предметов одежды и т. п.

3. Хирургические изменение внешнего облика человека – это процедура, проводимая в рамках пластической хирургии. Она включает оперативные вмешательства, направленные на коррекцию формы, размера, пропорций лица, тела или отдельных его частей.

Учитывая такое разнообразие современных способов намеренного изменения признаков внешнего облика человека, в ходе уголовного судопроизводства могут возникать проблемы при производстве экспертиз и проведении отдельных следственных действий, в ходе которых проводится идентификация личности по признакам внешнего облика.

Так, например, для производства портретных экспертиз, при исследовании лиц, облик которых подвергся изменениям, достаточно часто эксперту предоставляется ограниченный объем информации о признаках исследуемой внешности, что нередко вынуждает экспертов приходить лишь к вероятным выводам. Вместе с тем информация, содержащаяся в медицинских документах, могла бы результативно способствовать решению идентификационных задач [1, с. 14]. Однако отечественное законодательство не предусматривает обязанность медицинских организаций регистрировать данные о внесении изменений в признаки внешнего облика человека.

Значительные трудности могут возникнуть и при предъявлении для опознания лиц с измененными внешними признаками. В качестве таких изменений могут быть использованы как элементы грима, профессиональная косметология, так и общедоступные косметические средства, декоративная косметика. Для успешного опознания в таких случаях критически важно использовать научные методы габитоскопии, ориентируясь на устойчивые анатомические признаки, которые не подверглись коррекции. Однако нужно учитывать предел изменений свойств и признаков объекта, за рамками которого идентификация становится невозможной.

Для преодоления возможных сложностей Д.А. Стадник предлагает перед предъявлением для опознания лиц с измененным внешним обликом проводить тщательную подготовку, состоящую из следующих этапов: 1) изучение обстоя-

тельств, свидетельствующих о виде и уровне изменения внешности; 2) соотнесение содержания показаний потенциального опознающего с информацией о виде и степени изменения внешности [2, с. 1].

Таким образом, качество проведенного предъявления лица для опознания и его результаты будут напрямую зависеть от полноты подготовительного этапа направленного на изучение вида и уровня изменений признаков внешности опознаваемого и допроса опознающего о характерных признаках изменений внешности опознаваемого лица.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в целях преодоления проблем в расследовании преступлений в отношении лиц с признаками изменения внешнего облика необходимо:

– изучение признаков изменения внешности с использованием достижений современной косметологии и хирургии;

– обновление рекомендации по назначению и производству судебно-портретной экспертизы в отношении лиц с измененными признаками внешности;

– законодательное закрепление обязанности медицинских организаций ведения базы данных лиц-пациентов, которые изменили свой внешний облик;

– выработка новых методических рекомендаций по тактике производства предъявления лица для опознания с учетом вероятности внесенных изменений во внешний облик.

Литература

1. Солодкова Т.А. Криминалистическое установление лиц с измененным внешним обликом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

2. Стадник Д.А. Проблемы криминалистической идентификации лиц с измененным внешним обликом посредством косметико-хирургических операций // Научный аспект. 2023. Т. 1, № 2.

О.О. Неровић*, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Крынин
Барнаульский юридический институт МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ СУБЪЕКТИВНОГО ПОРТРЕТА

Современные технологии искусственного интеллекта предоставляют все больше возможностей для различных сфер жизнедеятельности человека. Благодаря своим нейросетевым алгоритмам, способным за короткий промежуток времени проанализировать большой объем информации и создать нужное изображение, искусственный интеллект может быть применен и в создании бо-

лее точного субъективного портрета лица, подозреваемого в совершении преступлений. Созданный таким образом субъективный портрет открывает новые возможности для совершенствования технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений [2].

Субъективные портреты – это наглядное изображение внешности человека, изготовленное с помощью определенных объектов современных достижений науки и техники в соответствии с тем мысленным образом, который есть у человека [1]. Классическая методика составления субъективного подхода крайне необъективна и зачастую в ней содержатся значительные отклонения, т. к. первоначальные сведения могут быть искажены личным восприятием как специалиста, так и непосредственным очевидцем. Благодаря применению искусственного интеллекта можно значительно повысить точность и объективность описания внешних черт разыскиваемого лица.

Основное назначение субъективного портрета является установление причастности лица, выявленного в результате применения (использования) субъективного портрета, к расследуемому событию. Использование искусственного интеллекта в создании такого портрета открывает новые возможности для визуализированного и психологического анализа личности. Искусственный интеллект позволяет фиксировать внешние черты модели, а также визуализировать ее внутреннее состояние, эмоциональные и психологические характеристики. С помощью алгоритмов специалист может создавать портреты в различных стилях, изменяя настроение, цветовую гамму и различные детали, что позволяет работать с образами, которые сложно реализовать традиционными методиками.

Для того чтобы создавать подробный субъективный портрет подозреваемого, пользователь должен предоставить нейросети в структурированном виде всю имеющуюся информацию о подозреваемом. Информация должна быть предоставлена искусственному интеллекту, в формате, который он сможет обработать и интерпретировать, например, в виде текстового описания (наиболее распространенный способ), также это может быть фото или видео, если доступны реальные изображения или видеоматериалы (с камер видеонаблюдения). Также могут использоваться графические и эскизные наброски, нарисованные художником, основанные на тех описаниях, которые дали свидетели. Однако наиболее эффективный способ – комбинированный, который сочетает текстовые описания, фотографии и эскизы. Кроме того, нужно отметить, что нейросеть сможет работать с этими данными только после процедуры обработки.

Предварительная обработка данных состоит из последовательных этапов, прежде всего необходимых для точной работы при создании портрета. Первым этапом является сбор и подготовка данных. Прежде всего пользователю на этом этапе необходимо провести «чистку» текстового запроса от лишних символов, следуя единому формату. Далее необходимо выделить ключевые признаки, на которые нейросети следует обратить внимание при дальнейшем анализе [2].

На втором этапе идет создание первоначального субъективного портрета. Данный образ создается с учетом полученной информации в процессе анализа текста и представляет собой первоначальную визуализацию внешности человека.

Особенность третьего этапа заключается в уточнении полученного изображения. Полученный портрет подвергается корректировки на основе обратной связи специалиста, что постепенно позволяет повышать степень его сходства с воспринимаемым образом.

Таким образом, использование искусственного интеллекта при создании субъективного портрета обладает рядом существенных преимуществ. Во-первых, это объективность, которая практически сводит к нулю какие-либо субъективные факторы, которые могут исказить итоговый результат. Во-вторых, это высокая продуктивность, благодаря которым искусственный интеллект способен обрабатывать большой объем данных в течение незначительного времени. В-третьих, это глубокая проработка черт человека, которые могут улучать точность субъективного портрета. Стоит заключить, что применение искусственного интеллекта способствует повышению эффективности при создании субъективного портрета, точностью и гибкостью процесса, а также объединяет возможность современных технологий и аналитического подхода.

Литература

1. Крюкова Е.С. Курск лекций по криминалистике. URL: https://teach-in.ru/file/synopsis/pdf/criminalistics-kryukova-MKv0.pdf.

2. Святенко Я.А. Составление словесного портрета с использованием нейросетевых технологий // Правовой альманах. 2025. № 2 (42). С. 43–50.

В.А. Неудахин, *курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Мазкин
Барнаульский юридический институт МВД России

ЗНАНИЕ БАЛЛИСТИКИ. БАЛЛИСТИКА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

Незаконная охота представляет собой серьезную угрозу биоресурсам и экологической безопасности. Высокая латентность и сложность доказывания данного состава преступления требуют от правоохранительных органов применения совершенных криминалистических методик. Ключевую роль в раскрытии и расследовании таких преступлений играет криминалистическая баллистика, адаптированная к специфике охотничьего оружия и условий его применения [4, с. 8].

Криминалистическая баллистика – это отрасль криминалистической техники, изучающая огнестрельное оружие, боеприпасы к нему, следы их действия и закономерности образования этих следов в целях расследования преступле-

ний [7, с. 15]. При расследовании дел о незаконной охоте объектами баллистического исследования становятся не только стандартное боевое оружие, но и разнообразные виды охотничьего огнестрельного оружия, а также самодельные и переделанные образцы, что накладывает специфический отпечаток на методику работы [5, с. 43].

Как отмечает профессор В.А. Образцов, при расследовании незаконной охоты круг баллистических объектов шире, чем при расследовании стандартных преступлений с применением огнестрельного оружия [2, с. 217]. Сюда входят:

– Охотничье оружие: зачастую это переделанные или самодельные образцы, не имеющие серийных номеров.

– Боеприпасы: для гладкоствольного оружия характерно использование самодельных компонентов. Пыжи, изготавливаемые из подручных материалов, например: из газет, журналов, войлока, пластиковых бутылок), становятся, по выражению эксперта Анатолия Николаевича Самончика, «визитной карточкой» преступника.

– Следы на биологических объектах: туша животного является основной преградой, исследуемой с позиций судебной баллистики и судебной медицины.

Юрий Петрович Гармаев выделял, что осмотр места происшествия – это систематизированное, планомерное действие. При осмотре места незаконной охоты, это действие должно быть подчинено решению баллистических задач.

Пример из практики № 1:

В лесном массиве был обнаружен труп косули со следами огнестрельных ранений. При осмотре места происшествия в радиусе 50 метров от туши гильза обнаружена не была. Расширив зону поиска до 80 метров с применением металлоискателя, оперативная группа обнаружила стреляную гильзу 12 калибра. Рядом с гильзой лежал самодельный пыж, свернутый из страницы глянцевого журнала. На пыже сохранился оттиск с полным профилем дульного сужения ствола (он же чок), что в дальнейшем позволило точно идентифицировать тип оружия. Специалист, зная, что гильза от гладкоствольного ружья при ручной перезарядке может быть отброшена на значительное расстояние (до 10–15 м и более), настоял на расширении периметра осмотра. Пыж же, как легкий объект, обычно падает недалеко от места выстрела (3–10 м). Его изучение под микроскопом в лабораторных условиях позволило не только установить тип чока, но и по фрагменту текста на бумаге выявить конкретный источник – журнал, изъятый впоследствии при обыске у подозреваемого [4, с. 67].

Пример из практики № 2:

В одном районе в течение месяца были зафиксированы несколько случаев незаконной добычи кабанов. На каждом месте происшествия обнаруживались стреляные гильзы 16 калибра одного типа. Однако оружие не находилось. При детальном исследовании гильз в Экспертно-криминалистическом центре было установлено, что на всех гильзах присутствовал характерный продольный след-царапина от дефекта (забоины) в патроннике оружия. Следы бойка на капсюлях всех гильз были идентичны по форме и микрорельефу. Это позволило сделать

категорический вывод о том, что все преступления совершены одним и тем же охотничьим ружьем [9, с. 32].

Была выстроена единая картина преступной деятельности, что позволило координировать оперативные мероприятия. В результате был задержан браконьер, у которого при обыске изъято ружье, при последующей экспертизе давшее полное совпадение по следам на гильзах. Это пример решения идентификационной задачи и использования криминалистических учетов баллистических следов [8, с. 88].

На основе изложенного можно сформулировать пошаговый алгоритм для следователя и криминалиста:

1. Определение и фиксация эпицентра места происшествия (туша животного). Проведение обзорной и узловой фотосъемки.

2. Концентрический осмотр от туши животного для поиска:

1) стреляных гильз;

2) пыжей, дроби, следов рикошета на деревьях, земле;

3) следов обуви, окурков и иных следов пребывания человека.

3. Детальное исследование туши животного с участием специалиста-биолога или судмедэксперта:

1) описание и фотографирование входных и выходных отверстий;

2) описание признаков близкого выстрела-осаднение, копоть, порошинки;

3) изъятие образцов шерсти и кожи с краев раны для последующей спектрографической экспертизы на наличие металлов [3, с. 31].

4. Поиск места, откуда производился выстрел, на основе трасологического анализа – следы ног, положение гильзы, траектория полета дроби или пули [4, с. 55].

5. Безопасное изъятие и упаковка вещественных доказательств:

1) оружие изымается разряженным, с соблюдением мер предосторожности против уничтожения следов;

2) гильзы изымаются пинцетом за края, чтобы не повредить следы от пальцев рук и от оружия;

3) пыжи и микрочастицы изымаются в стеклянные пробирки или бумажные пакеты [9, с. 44; 7, с. 102].

6. Назначение судебных экспертиз: баллистической, трасологической, физико-химической [6, с. 210].

Таким образом, знание баллистики и ее методичное применение при осмотре места происшествия превращает его из формальной процедуры в мощный инструмент раскрытия преступления. Приведенные примеры из практики наглядно демонстрируют, что:

1. Даже такие, на первый взгляд, малозначимые объекты, как пыж, могут стать ключевым доказательством, позволяющим идентифицировать оружие и выйти на преступника.

2. Анализ повреждений на туше животного позволяет объективно установить дистанцию выстрела, опровергая ложные показания браконьеров [3, с. 24].

3. Идентификация оружия по стреляным гильзам позволяет объединить разрозненные эпизоды в единую криминальную схему и доказать серийность действий.

4. Современные методы анализа микрочастиц позволяют доказать факт производства выстрела даже при отсутствии прямых вещественных доказательств.

Соблюдение научно обоснованного алгоритма осмотра, основанного на глубоких знаниях баллистики, обеспечивает полноту, объективность и, в конечном счете эффективность расследования дел о незаконной охоте.

Литература

1. Поколенко Р.В. Баллистическая экспертиза при расследовании незаконной охоты // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по мат-лам LXX Междунар. научно-практ. конф-ции 2022. № 11 (70). М.: МЦНО.

2. Образцов В.А. Криминалистика. М.: Юристъ, 1995.

3. Егоров А.Г. Установление дистанции и направления выстрела из охотничьего ружья по рассеиванию дроби: учеб. пособие. Волгоград, 1982.

4. Тихонов Е.Н. Судебно-баллистическая экспертиза: учеб. пособие. Барнаул, 1991.

5. Плескачевский В.М. Оружие в криминалистике: понятие и классификация. М.: Спарк, 2001.

6. Плескачевский В.М., Юхин, С.Н. Криминалистическое оружиеведение: Справочник. М.: Юриспруденция, 2002.

7. Коваленко Т.М., Воронков Л.Ю. Судебная баллистика: учеб. пособие. Саратов: Издательство Саратовской государственной юридической академии, 2013.

8. Тихонов Е.Н. Криминалистическая экспертиза оружия: учеб. пособие. Барнаул, 2007.

9. Чулков И.А. Отождествление огнестрельного оружия по следам на гильзах: лекция. Волгоград, 1994.

***Д.А. Полонникова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***М.А. Янгаева**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДТП С УЧАСТИЕМ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Средства индивидуальной мобильности (далее – СИМ) – электросамокаты, гироскутеры, моноколеса – прочно вошли в транспортную систему российских городов. Ежегодно с их участием происходит тысячи дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), сопровождающихся тяжким вредом здоровью и гибелью людей. Методика расследования таких преступлений до сих пор не изучена на монографическом уровне, а также не предложены единые рекомендации, что создает серьезные проблемы в правоприменительной практике правоохранительных органов.

По официальным данным Госавтоинспекции МВД России, в 2024 г. зафиксировано 4424 ДТП с участием СИМ, в которых погибли 54 человека (в т. ч. 6 детей), ранены 4591 человек. В 2025 г. произошло 3275 ДТП, погибли 68 человек, ранены 3480 человек. Несмотря на снижение общего числа происшествий на 26 %, количество погибших выросло с 54 до 68. Это подтверждает, что проблема остается острой и требует безотлагательных процессуальных и методических решений [4].

С 1 марта 2023 г. в Правилах дорожного движения Российской Федерации закреплено легальное определение СИМ: это «транспортное средство, имеющее одно или несколько колес, предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя». СИМ прямо исключены из режима механических транспортных средств. Для них установлены возрастные ограничения, лимит скорости (не более 25 км/ч), правила движения по тротуарам и велосипедным дорожкам, а также запрет управления в состоянии опьянения.

Судебная практика по делам о ДТП с участием СИМ только формируется. Верховный Суд Российской Федерации указал: водитель автомобиля не может считаться виновным автоматически [3]. Суд обязан проверять, имел ли право пользователь СИМ выезжать на проезжую часть, и была ли у водителя техническая возможность предотвратить наезд. При этом лицо, управляющее СИМ, не является субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. Если оно нарушает ПДД и причиняет тяжкий вред или смерть пешеходу, содеянное квалифицируется по ст. 268 УК РФ [1, с. 112–125].

В расследовании ДТП с участием СИМ критически важно детально разобраться в механизме совершения преступления. Данная задача реализуется посредством проведения первоначального следственного действия – осмотра ме-

ста происшествия. От того, насколько качественно он будет проведен, зависит дальнейшая результативность расследования данной категории дел.

В ходе осмотра места ДТП с СИМ следователь обязан обеспечить фиксацию обстановки на месте происшествия. Особое значение имеет анализ элементов дорожной инфраструктуры – наличие или отсутствие тротуара, обочины и велосипедной дорожки. При осмотре СИМ следователю нужно обратить особое внимание на техническую составляющую. Проверяется, исправны ли тормозные механизмы, работают ли световые приборы, нет ли механических повреждений на колесах. Если на устройстве есть встроенный электронный контроллер, следователь должен изъять телеметрические данные – они отражают такие параметры движения, как скорость, ускорение и режимы торможения в период, непосредственно предшествовавший наезду.

Еще одна особенность СИМ – сравнительно небольшая масса и низкое трение при контакте с покрытием. Поэтому обычные следы торможения или юза на асфальте почти не остаются. Это смещает акцент в доказывании на цифровые следы. К ним относятся записи с камер видеонаблюдения, архивы GPS-треков, а также лог-файлы от кикшеринговых компаний.

Ключевым элементом доказательственной базы по таким уголовным делам выступает заключение судебной автотехнической экспертизы. Типичный перечень вопросов, адресуемых эксперту, обычно сводится к установлению скорости перед моментом контакта, проверке соблюдения ПДД и оценке технической возможности предотвращения наезда. Сегодня эксперты вынуждены применять расчетные методики, изначально разработанные для автомобилей и мототранспорта, что снижает точность выводов применительно к СИМ. Как справедливо отмечают в своих работах А.И. Винников, С.А. Шаталов и В.А. Козлов, отсутствие специализированных нормативных подходов требует скорейшего внедрения отраслевых стандартов судебно-экспертного исследования средств индивидуальной мобильности [2, с. 381–383].

Показания участников происшествия традиционно рассматриваются как важный источник информации, однако их объективность часто подвергается сомнению. Различия в субъективном восприятии, ограниченный обзор, разный уровень водительской подготовки и неоднозначное толкование норм ПДД способны исказить фактическую картину события. Для проверки заявленных сведений следователь обязан использовать предусмотренные УПК РФ следственные действия: проверку показаний на месте, следственный эксперимент, а при наличии противоречий – очную ставку. Полученные сведения обязательно перекрестно сопоставляются с материалами осмотра места происшествия и выводами эксперта.

Для системного улучшения качества расследования дорожных происшествий с участием СИМ представляется:

1. Создать ведомственные методические рекомендации. Документ должен четко регламентировать последовательность действий при осмотре места происшествия, фиксировать обязательный перечень электронных носителей информации, а также устанавливать единый порядок запросов к платформам-агрегаторам проката с учетом сроков хранения телеметрии.

2. Разработать методики производства автотехнической и трасологической судебных экспертиз, учитывающие физические параметры СИМ.

3. Рассмотреть вопрос о возможном электронном взаимодействии между органами внутренних дел, операторами связи, муниципальными системами видеонаблюдения и компаниями-арендодателями СИМ.

Таким образом, отсутствие единообразной правоприменительной практики и методических пробелов в экспертной деятельности создает риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и ухода виновных от справедливого наказания. Решение указанных проблем возможно только через системное взаимодействие законодателя, правоприменителя, экспертного сообщества и компаний кикшеринга.

Литература

1. Дымовских А.Ф. Персонологический фактор в уголовно-правовой оценке ДТП с участием водителей средств индивидуальной мобильности: пробелы законодательства и судебная практика // Юридические исследования. 2025. № 6.

2. Исмагилова А.Р., Айсанова Н.В. Анализ проблем правового и криминалистического обеспечения расследования дорожно-транспортных происшествий с участием средств индивидуальной мобильности // Аграрное и земельное право. 2025. № 4.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Сведения о показателях преступности состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 08.02.2026).

***М.Б. Раисова**, курсант 3 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Ахметгалеев**, канд. юрид. наук*
Уфимский юридический институт МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ И ТЕХНОЛОГИИ В УСТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Установление личности человека в криминалистике требует применения комплексного набора методов и технологий, обеспечивающих надежную идентификацию. В современных условиях растущей криминальной активности, повышение точности при установлении личности становится приоритетной задачей для правоохранительных органов и специалистов судебной экспертизы.

Термин «идентификация» происходит от латинского слова, означающего отождествление либо приравнивание, что подчеркивает суть процедуры – выявление соответствия между исследуемым объектом и эталоном на основании сравнительного анализ [6, с. 105].

Суть криминалистической идентификации заключается в разработке и использовании специализированных подходов, инструментов и технологий для точного установления уникальности человека или предмета, имеющего отношение к преступлению. В то же время, предметом изучения является практическая деятельность правоохранительных и экспертных служб, применяющих эти методы. Основной целью идентификации является неопровержимое доказательство, что конкретный человек или объект, связанный с преступлением, является единственным в своем роде. Это имеет первостепенное значение для хода расследования и последующего судебного процесса, поскольку от точности установления личности зависит выявление истинных виновников и предотвращение ошибочных обвинений.

Сравнительно-анатомический метод занимает важное место в практике судебно-медицинской экспертизы. Этот метод применяется преимущественно при исследовании трупов с целью установления половых, возрастных и конституциональных характеристик индивида. Наряду с исследованием мертвых тел, сравнительно-анатомический подход позволяет решать задачи идентификации и у живых лиц, если в этом есть необходимости. Исследование начинается с определения внешних признаков личности: пола, предварительного возраста и телосложения, которое классифицируют на три типа: гиперстенический, нормостенический и астенический. Обращают внимание на то, насколько человек упитан, его рост и, если получается, вес. Также при возможности определяют отдельные части тела, например, длину стопы [3, с. 106]. При исследовании костных останков, сравнительно-анатомический метод позволяет установить видовую принадлежность, пол и возраст индивида.

Эти данные являются фундаментальными при идентификации жертв катастроф, преступлений или других ситуаций, когда тело подлежит исследованию в условиях значительного повреждения или частичного сохранения.

Одним из наиболее исторически значимых и практично применяемых методов является дактилоскопия, основанная на анализе рисунка папиллярных линий пальцев. В настоящее время дактилоскопия переходит на новый технический уровень: используются цифровые сканеры высокой точности, трехмерное моделирование отпечатков, а также внедряются нанотехнологии для улучшения считывания и сохранения следов. Автоматизированные дактилоскопические информационные системы (далее – АДИС) обеспечивают быстрый поиск совпадений в больших базах данных, что существенно повышает оперативность экспертизы и раскрытия преступлений [1, с. 352]. Так, по уголовному делу по обвинению Г. и В. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, при процедуре дактилоскопирования и поиска по дактилоскопической карте в базе данных АДИС «Папилон» было установлено, что отпечатки пальцев рук, отобранные у С., идентичны отпечаткам пальцев гражданина Республики Узбекистан – Х. В последующем, у Х. был обнаружен и изъят поддельный паспорт гражданина Российской Федерации на имя С., а показания Х. легли в основу обвинения [5].

После сравнительно-анатомического метода, биометрические технологии выступают следующим этапом в развитии криминалистической идентификации личности, ориентируясь на внедрение технических средств обработки уникальных физиологических характеристик человека. Биометрия в криминалистике представляет собой совокупность автоматизированных методов и устройств для сбора, анализа и сопоставления биометрических данных, которые служат для точной и надежной идентификации лиц в ходе расследования преступлений [4, с. 77]. Распознавание лица обеспечивает идентификацию на основе анализа геометрии лицевых пропорций, структуры кожи и мимики, что удобно при видеонаблюдении и идентификации на месте происшествия. Также, хотя и реже, применяется венозный рисунок на руках и ногах благодаря уникальности расположения сосудов, которое можно зафиксировать инфракрасной камерой. К тому же радужная оболочка глаза, является надежным инструментом для систем, требующих максимальной достоверности. А для идентификации в сложных условиях исследуются индивидуальные особенности походки и поведенческие характеристики.

В настоящее время нанотехнологии рассматриваются как ключевой фактор повышения точности идентификации, обеспечивая детальный анализ биоматериалов на микро- и наноуровне. Интеграция этих решений способна преодолеть ограничения существующего STR-анализа, приближая криминалистику к абсолютной достоверности [2, с. 167].

Таким образом, в условиях возрастающей изощренности и технологичности преступной деятельности, правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью совершенствования своих информационных систем и биометрических методов идентификации. Инновационные разработки в данной области играют ключевую роль в повышении точности и оперативности установ-

ления личности и минимизации погрешностей экспертиз. Именно внедрение передовых технологий значительно упростит поиск преступников, даже в самых запутанных ситуациях, тем самым надежнее защищая интересы граждан и государства. Сочетание молекулярной биологии, нанотехнологий, биометрии и комплексной экспертной диагностики гарантирует беспрецедентную точность, достоверность и скорость идентификации личности, что в свою очередь укрепляет правовую защиту общества и способствует своевременному раскрытию преступлений.

Литература

1. Дышеков А.М. Использование цифровых технологий в дактилоскопии // Вопросы российской юстиции. 2025. № 36.

2. Колиев В.В., Говоров А.А. Использование информационных технологий в криминалистике: проблемы и направления развития // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221).

3. Леонов С.В., Шакирьянова Ю.П., Авдеев А.И., Косухина О.И., Современные аспекты идентификации личности в судебной медицине и криминалистике // Дальневосточный медицинский журнал. 2022. № 3.

4. Малянова К.П. Использование биометрических технологий в криминалистике // Юристъ-правоведъ. 2022. № 3 (102).

5. Приговор Василеостровского районного суда г. Санкт-Петербург от 18.06.2025 по делу № 1-311/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qcgip N2vpb6O/?regular-txt=адис+папилон&regular (дата обращения: 27.01.2026).

6. Фомичев А.А., Тихомирова О.Г. Системный подход в понимании криминалистической идентификации // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39).

Д.О. Рябых, *курсант 3 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
В.Н. Чаплыгина*, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

Современная реальность характеризуется стремительным развитием информационных технологий, которое охватывает практически все сферы жизни, включая финансовую область. Современные тенденции привели к значительным изменениям в способах управления финансовыми ресурсами. Благодаря информатизации банковской системы стали широко использоваться новые инструменты и методы расчета, значительно упростившие процесс совершения

платежей и переводов. Появление цифровых банковских сервисов позволило клиентам осуществлять операции удаленно, не выходя из дома. Широко распространились электронные платежные сервисы вроде ЯндексДеньги, Visa Wallet, WebMoney и другие аналогичные системы. Все это существенно повысило удобство и доступность финансового сервиса, выведя процедуру покупки товаров и оплаты услуг на принципиально иной уровень качества.

В условиях формирования цифровой экономики и активного внедрения информационных технологий в финансовую сферу криптовалюты приобрели значительное распространение как средство расчетов, инвестирования и хранения стоимости. Использование технологии распределенного реестра (блокчейн) обеспечивает высокий уровень защищенности транзакций, их неизменяемость и прозрачность записи операций. Вместе с тем данные характеристики создают новые вызовы для правоохранительных органов, поскольку трансформация финансовых отношений неизбежно влечет трансформацию преступности.

По мнению Е.А. Кузнецовой, отсутствие единообразного подхода к определению правовой природы криптовалют затрудняет формирование устойчивой правоприменительной практики [1]. В ряде случаев цифровые активы рассматриваются как имущество, в иных – как цифровые права либо как разновидность финансовых инструментов. Подобная неопределенность влияет на квалификацию преступных деяний и выбор процессуальных механизмов реагирования.

Предметом посягательства в рассматриваемой категории дел выступают цифровые активы, существующие исключительно в электронной форме. Их оборот осуществляется посредством криптографических алгоритмов и распределенных сетей. Как отмечает В.Н. Лопатин, цифровой след становится ключевым элементом доказательственной информации, что требует применения специальных методов его фиксации и анализа [2].

Способ совершения преступления характеризуется использованием информационно-телекоммуникационных сетей, анонимизирующих сервисов, технологий шифрования и распределенных платформ. Существенной особенностью является высокая латентность данных преступлений, обусловленная сложностью их выявления и трансграничным характером операций.

Расследование преступлений данной категории предполагает анализ блокчейн-транзакций, электронных устройств, облачных хранилищ и переписки в мессенджерах. К.А. Смирнова и Н.Н. Смирнов подчеркивают, что цифровые доказательства требуют строгого соблюдения процессуальной формы их получения и закрепления, поскольку любое нарушение может повлечь признание их недопустимыми [3].

Особую сложность представляет идентификация владельца криптовалютного кошелька. Анонимность адресов не позволяет непосредственно установить личность пользователя без взаимодействия с криптовалютными биржами и иными посредниками, применяющими процедуры KYC (Know Your Customer). Использование микшеров и анонимных криптовалют существенно осложняет построение цепочки движения средств.

Крайне важным аспектом является уделение внимания выявлению места, времени и самого факта совершенного деяния, поскольку именно эта информа-

ция играет ключевую роль в расследовании киберинцидентов. Так, характерная особенность криптовалютных сделок заключается в том, что физическое местонахождение злоумышленника часто не совпадает с местом нахождения технических устройств и программного обеспечения, используемых для реализации атаки.

Важным элементом расследования является проведение компьютерно-технических экспертиз, направленных на восстановление удаленной информации, анализ журналов событий и выявление вредоносного программного обеспечения.

При изучении вопроса о преступлениях, связанных с использованием криптовалют, становится ясно, что органы предварительного расследования обязаны иметь глубокие знания о механизме функционирования криптоплатежей, особенностях осуществления транзакций и специфике цифровой инфраструктуры. Ведь эффективное раскрытие таких преступлений требует наличия высококвалифицированных экспертов в сфере информационных технологий, требуется организовать отдельные курсы в профильных вузах правоохранительных органов, дабы заблаговременно подготовиться к данной проблеме.

Сейчас сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с серьезной проблемой при расследовании преступлений, совершаемых с использованием цифровых активов, основанных на технологии шифрования. Дело в том, что пока отсутствует четкое правовое регулирование обращения криптовалюты, нет утвержденных методик ведения предварительных действий и выявления признаков таких преступлений, не накоплены практические данные ни правоохранительными структурами, ни судами. Более того, многие следователи и оперативники не обладают необходимыми знаниями и опытом работы с подобными делами.

Таким образом, установление основных элементов состава преступления является обязательным условием успешного следствия по делам, связанным с цифровыми активами. Данные действия применяются к каждому виду преступлений, в т. ч. и к рассматриваемым преступления используя виртуальную валюту. Именно преступления в сфере оборота криптовалют отображают насколько важна высокая квалифицированность сотрудников правоохранительных органов. Важным аспектом в расследовании «цифровых» преступлений будет создание специализированных подразделений с обученными в данной сфере сотрудниками, которые компетентны по вопросам анализирования блокчейна и «цифрового» расследования преступлений.

Техническое оснащение также имеет значительное значение для эффективного и наиболее кратковременного изобличения преступников и раскрытия самого преступления. Современные технические средства сотрудников зачастую уступают оснащению преступников, что является немаловажной проблемой, но даже в такой современной «гонке вооружений» оснащение подразделений техническими средствами проходит на достойном уровне.

Таким образом, преступления в цифровом пространстве характеризуются высоким уровнем подготовки и комплексностью действий преступников, которые требуют особого подхода и достойного уровня подготовки от сотрудников

правоохранительных органов для обеспечения эффективного раскрытия и расследования киберпреступлений.

Литература

1. Кузнецова Е.А. Правовые проблемы регулирования цифровых активов. М., 2021.
2. Лопатин В.Н. Информационная безопасность и право. М., 2019.
3. Смирнова К.А., Смирнов Н.Н. Цифровые доказательства в уголовном процессе. М., 2024.

***К.А. Сабулова**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Ю.И. Юрина
Барнаульский юридический институт МВД России

УЭЙЛИНГ И ПСЕВДОФРАНЧАЙЗИНГ КАК НОВЫЕ СПОСОБЫ ФИНАНСОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА: ИХ ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДИКА РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

При всем многообразии современных видов финансового мошенничества, ученые криминалисты выделяют – уэйлинг и псевдофранчайзинг. Данные виды усматриваются в различных видах преступлений, таких как ст. 159, 159.6, 180 УК РФ и совершаются с использованием преступниками информационных телекоммуникационных технологий. В методике расследования данных видов преступлений выделяются общие криминалистические черты: высокая латентность, мультисубъектность преступных групп и транснациональный характер деяний. Данные черты обуславливают сложность расследования таких преступлений, что свидетельствует о необходимости в детальном изучении такого элемента криминалистической характеристики, как способ. Кроме того, обоснована необходимость развития специализированных следственных алгоритмов и повышения профессиональной компетентности следователей в сфере цифровых угроз.

Рассмотрим основные понятия указанных способов совершения мошенничества. Уэйлинг (от англ. whaling – «китобойный промысел») – разновидность целевого фишинга, направленная исключительно против ключевых фигур организации: генеральных директоров, финансовых директоров, членов советов директоров. Суть такого способа заключается в том, что злоумышленники охотятся на «крупную рыбу», поскольку именно топ-менеджмент вправе санкционировать значительные финансовые операции [1]. В отличие от массового фишинга, уэйлинг строго персонализирован – атака готовится на основе сведений,

полученных из открытых источников: социальных сетей, корпоративных сайтов и пресс-релизов. Ярким примером такого рода преступлений является следующий случай. В 2016 г. HR-служба компании Snapchat передала злоумышленникам данные о зарплатах всех сотрудников, поверив поддельному письму от имени генерального директора. Уголовно-правовая квалификация подобных деяний осуществляется по ст. 159 УК РФ, а при задействовании компьютерных технологий – дополнительно по ст. 159.6 УК РФ.

Исследуем еще один способ «делового мошенничества» – псевдофранчайзинг – мошенническая схема в сфере коммерческой концессии, при которой злоумышленник предлагает потенциальному партнеру несуществующую или юридически ничтожную франшизу. Мошенник вводит потерпевшего или свидетеля в заблуждение относительно ценности бренда, получает взнос (нередко от 1000 до 500 000 долл.), после чего прекращает исполнение обязательств и исчезает. Дополнительную сложность создает мультисубъектность мошенников: организованная группа распределяет роли и действует через разветвленные финансовые цепочки, маскируя конечного выгодоприобретателя [2].

На первоначальном этапе расследования уэйлинга следователь совместно с компьютерно-техническим специалистом проводит осмотр электронных устройств и деловой переписки организации-жертвы. Ключевым следственным действием выступает осмотр носителей информации (компьютер, планшет, сотовый телефон и др.), в ходе чего, часто обнаруживаются подозрительные письма. Далее расследование нацелено на установление подлинного IP-адреса отправителя, домена-«двойника» и маршрута электронного сообщения. Для полного исследования цифровых следов назначается компьютерно-техническая экспертиза. Так, Е.Р. Россинская подчеркивает, что электронно-цифровые следы при расследовании хищений в информационной среде являются ключевым источником доказательств, а специалист должен привлекаться уже на стадии доследственной проверки [3].

На последующем этапе проводятся допросы должностных лиц организации, выемка финансово-бухгалтерских документов и банковских выписок. Судебная финансово-аналитическая экспертиза позволяет отследить движение похищенных средств через цепочку транзитных счетов. Для идентификации преступной группы задействуются оперативно-розыскные мероприятия: снятие информации с технических каналов связи, контроль переговоров и наблюдение.

Алгоритм расследования псевдофранчайзинга строится преимущественно на документально-правовом анализе. Первоочередная задача – проверка сведений о регистрации товарного знака через базы ФИПС и Роспатента: отсутствие регистрации или ее ничтожность по ст. 1483 ГК РФ становятся базовыми криминалистическими маркерами. Выемка и анализ договорной документации, экспертиза на предмет соответствия взятых обязательств реальным возможностям контрагента позволяют зафиксировать умысел, необходимый для квалификации по ст. 159 УК РФ.

Важную роль в доказывании играют нотариальные протоколы осмотра интернет-страниц с предложениями о продаже франшизы, фото- и видеофиксация использования сходных обозначений, а также товароведческая экспертиза

на предмет смешения торговых знаков. При таких обстоятельствах возникает вопрос о незаконном использовании чужого товарного знака, что предусмотрено ст. 180 УК РФ; гражданская ответственность наступает по ст. 1515 ГК РФ, административная – по ст. 14.10 КоАП РФ. Запрет недобросовестной конкуренции с использованием чужих средств индивидуализации закреплен в ст. 14 федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Уэйлинг и псевдофранчайзинг – качественно различные по механизму совершения преступления, но схожие по социальной опасности формы мошенничества и носят весомые последствия в финансовых потерях компании. Такие способы преступлений ориентированы на корпоративных субъектов и эксплуатируют доверие как главный инструмент обмана. Криминалистическая методика их расследования требует дифференцированного подхода – технической форензики и цифровой экспертизы в первом случае и документально-правового анализа во втором. Формирование специализированных следственных алгоритмов и повышение профессиональной компетентности следователей в сфере цифровых угроз остаются приоритетными задачами современной криминалистики.

Литература

1. Глухова М.И. Роль нетворкинга в преодолении «псевдофранчайзинга» как новой формы финансового мошенничества в современной экономике // Путеводитель предпринимателя. 2025. № 1.
2. Глухова М.И. Уэйлинг и псевдофранчайзинг как новые виды финансового мошенничества: особенности и угрозы // Ученые записки Российской академии предпринимательства. 2025. № 2.
3. Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник. М., 2022.

***Р.Р. Самусенко**, курсант 3 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
***А.Л. Беляк**, канд. техн. наук*
Восточно-Сибирский институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИТИЙ-ИОННЫХ АККУМУЛЯТОРНЫХ БАТАРЕЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В настоящее время литий-ионные аккумуляторные батареи находят свое промышленное и бытовое применение. Так, А.А. Титов отмечает, что: «Литий-ионные аккумуляторы (ЛИА) являются основными элементами питания современных устройств портативной электронной техники (ноутбуки, сотовые телефоны, цифровые фото- и видеокамеры, беспроводной инструмент)» [9, с. 93–

97]. В промышленных масштабах литий-ионные аккумуляторные батареи имеют активное применение в логистике, складской технике, системах накопления энергии, промышленном автотранспорте (процесс использования погрузочно-доставочных машин).

Литий-ионные аккумуляторные батареи становятся современным решением многих проблем их предшественников, таких как дороговизна, избыточный вес, ограниченный срок службы, риск возгорания при перегреве и механических повреждениях (недостатки относящиеся, например, к свинцово-кислотным аккумуляторам). Если рассматривать достоинства литий-ионных аккумуляторных батарей, то им присуще малый вес и высокая энергетическая плотность. В своей работе А.С. Павлов затрагивает аспект быстроты темпов развития литий-ионных аккумуляторных батарей, отмечая, что уже в 2015 г. на долю литий-ионных технологий приходилось более 95 % новых развертываний накопителей энергии [6, с. 12–17].

Создание литий-ионных аккумуляторных батарей связывают с именами таких ученых, как: Джон Гуденаф, Стэнли Уиттингем и Акире Есино, в 2019 г. именно они получили Нобелевскую премию по химии за разработку литий-ионных батарей. Созданию литий-ионных аккумуляторных батарей предшествовал опыт изучения физико-химических взаимодействий на межфазных границах электролит-электрод [4, с. 1–2].

Особенностями литий-ионных аккумуляторных батарей являются их высокая плотность энергии (как объемная, так и весовая), напряжение питания на элементе составляет 3,6 %, что свидетельствует о том, что литий-ионная аккумуляторная батарея имеет более простую конструкцию батарейной сборки, а также лучшие разрядные характеристики, быстрый процесс заряда батарей, высокий показатель ресурса (выдерживает около 1000 циклов), низкий показатель саморазряда [5, с. 247–250]. Их недостатками является высокая пожарной опасность, отмечены случаи вхождения литий-ионной батареи в критические режимы работы из-за механического повреждения, перезарядки аккумулятора, пониженных или повышенных (экстремальных) температур.

Отмечая этот факт, можно сделать вывод о том, что они становятся объектом пристального изучения при производстве пожарно-технической экспертизы в рамках оценки обстоятельств пожара с присутствием на объекте данного типа батарей. Это подтверждают исследования В.В. Пашинского [7, с. 24–25], также об этом свидетельствует авторское определение, данное Г.Л. Бордюговым [2, с. 336–339]: «объект судебной экспертизы общий – материальный носитель информации о фактах, интересующих следователя или суд, и который исследуется на основе использования специальных знаний в рамках судебной экспертизы как средства доказывания...».

По нашему мнению, важно обособленно рассмотреть поведение литий-ионной аккумуляторной батареи во время пожара. Основной критической ситуацией для литий-ионной аккумуляторной батареи является ее тепловой разгон, который зачастую происходит вследствие короткого замыкания, перегрева или перезарядки. Горение литий-ионных аккумуляторных батарей сопровождается выбросом легковоспламеняющихся и токсичных газов.

Согласно данным исследований Ю.Н. Елисеева и А.В. Мокряк при пожаре, когда «...температура достигает 70–90 °С, ионопроводящий защитный барьер начинает разрушаться на аноде. После этого литий, интегрированный в анод, запускает реакцию с электролитом, в результате этого процесса происходит выделение летучих газов: этана, метана, этилена и т. п.» [3, с. 14–17]. Авторы делают акцент на значении литий-ионных аккумуляторных батарей при производстве пожарно-технической экспертизы. Ведение учетов о пожарах, связанных с литий-ионной аккумуляторной батареей (как об объекте пожарно-технической экспертизы) внесет огромный вклад в расследование отдельных групп преступлений (например, будет происходить тщательный учет окружающей среды, в рамках которой произошло возгорание, возраст аккумулятора и возможная причина его повреждения).

Также актуальность рассмотрения литий-ионных аккумуляторных батарей, как объекта пожарно-технической экспертизы, подтверждается исследованиями А.П. Балобан [1, с. 1–10], где приводятся примеры судебных пожарно-технических экспертиз, объектами исследования которых выступали электросамокаты, ноутбуки, мобильные телефоны, портативные зарядные устройства (пауэрбанки), источником энергии которых были литий-ионные аккумуляторы. На данный момент по всей территории России наблюдается тенденция [8, с. 437–441] к учащению случаев воспламенения литий-ионных аккумуляторов (увечья в виде ожогов рук, лица, кровоподтеки, вследствие взрыва в руках вэйпа, портативных аккумуляторов (PowerBank)).

Возгорание литий-ионных аккумуляторов рассматривается в рамках различных составов преступлений, например, из-за механических повреждений, брака или неправильной эксплуатации ст. 168 УК РФ (уничтожение имущества по неосторожности), ст. 219 УК РФ (нарушение требований пожарной безопасности), ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) или 238 УК РФ (производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности).

Таким образом, литий-ионная аккумуляторная батарея является относительно новым объектом при производстве пожарно-технической экспертизы. В настоящий момент она имеет повсеместное бытовое и промышленное распространение, одновременно с этим, в процессе эксплуатации данное устройство обладает потенциальной пожарной опасностью. Ожидаемые новые модификации в данной сфере требуют постоянного совершенствования экспертных методик и актуализации знаний для проведения качественных расследований.

Литература

1. Балобан А.П. О некоторых вопросах исследования литий-ионных аккумуляторных батарей при проведении пожарно-технической экспертизы // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика. Минск, 2023.

2. Бордюгов Г.Л. Проблемные вопросы определения объекта судебной экспертизы // Эволюция государства и права: история и современность. Курск, 2017.

3. Елисеев Ю.Н., Мокряк А.В. Анализ пожарной опасности литий-ионных аккумуляторных батарей // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2020. № 3.

4. Коляда Е.Н., Полешко В.А. История создания и принципы работы литий-ионных аккумуляторов // 71-я научно-техническая конференция учащихся, студентов и магистрантов. Минск, 2020.

5. Круглов П.Е. Основные преимущества и недостатки литий-ионных аккумуляторов // Качество в производственных и социально-экономических системах. Курск, 2020.

6. Павлов А.С. Развитие систем накопления энергии в мире: от концепций до проектов // Электроэнергия. Передача и распределение. 2020. № 2.

7. Пашинский В.В. Объекты судебной экспертизы // Закон и право. 2007. № 4.

8. Самусенко Р.Р. К вопросу актуальности взрывоопасности литий-ионных аккумуляторов // Проблемы становления гражданского общества. Иркутск, 2025.

9. Титов А.А. Оценка современного состояния рынка литий-ионных аккумуляторов // Альтернативная энергетика и экология. 2012. № 12.

***С.М. Сенина**, курсант 4 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель
***В.Н. Чаплыгина**, канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВИНОВНОГО ЛИЦА ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА КОМПЬЮТЕРНОГО ПОЧЕРКА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

С каждым годом развитие науки в области информационных технологий ставит перед обществом новые вызовы, направленные на поиск наиболее действенных способов защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в действующем цифровом пространстве. В первую очередь, данная необходимость вызвана возрастающей ролью преступности в сфере компьютерной информации. Подтверждением данному доводу служат официальные статистические данные, изложенные Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) в краткой характеристике состояния преступности за январь–декабрь 2025 г. Так, согласно приведенным сведениям, количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составило 675 372 преступления. При этом важно отметить, что количество раскрытых преступлений составляет

179 144 [3]. Данная диспропорция, в свою очередь, свидетельствует о сложном механизме процесса доказывания, зачастую обусловленного невозможностью идентификации виновного лица ввиду отсутствия цифровых следов. В связи с этим на протяжении нескольких лет действующие сотрудники территориальных подразделений ведомственных служб, эксперты и специалисты в области IT-технологий находятся в изнурительном поиске способов преодоления данных трудностей. Справедливо отметить, что на сегодняшний день многолетняя работа дала многообещающий промежуточный результат. В 2025 г. ученые Московского государственного университета информационных технологий, радиотехники и электроники (РТУ МИРЭА) разработали модуль аутентификации и поведенческого анализа, который способен идентифицировать пользователей по их уникальному клавиатурному почерку, который, в свою очередь, выступает в качестве динамической биометрической характеристики лица. Особенности написания текста путем использования различных электронных устройств анализируется с точки зрения предшествующего процесса работы с клавиатурой, используемой для ввода печатного текста. Данный способ позволяет определить пользователя по динамике нажатий на устройство. Она, в свою очередь, характеризуется такими особенностями как время нажатий, паузы между нажатиями, а также способ отпускания клавиш [2]. Помимо этого, благодаря современным цифровым технологиям появилась возможность идентификации лица по силе нажатия на клавиши, траектории движения рук над клавиатурой, дисграфии, замены слов символами и др. Наряду с этим активно рассматривается вопрос, связанный с выявлением особенностей клавиатурного почерка посредством изучения виброакустических шумов. Основным требованием, предъявляемым при работе с векторами, позволяющими идентифицировать пользователя, является устойчивость. Также важно отметить, что наряду с анализируемой деятельностью работы с клавиатурой можно также прибегнуть к анализу динамических характеристик при работе с манипулятором «мышь» [1]. Они, в свою очередь, позволяют установить особенности пользователя в соответствии с временем удержания кнопок нажатыми, интервалом между нажатиями, а также скоростью движения и траектории манипулятора.

Как можно заметить из приведенной информации, действующий инструментарий уполномоченного лица в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации значительно расширился, что предопределяет возможность увеличения процента раскрываемости по уголовным делам данной категории. Более того, рассмотренные выше динамические характеристики компьютерного почерка лежат в основе создания методики идентификации пользователя сети, разрабатываемой учеными Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. В рамках ее реализации предполагается создание специализированной базы данных образцов клавиатурного почерка, позволяющей отслеживать противоправные действия и своевременно реагировать на потенциальные угрозы посредством анализа цифрового портрета, воссозданного с помощью специальной программы, основанной на работе кейлоггера и журнала клавиш [4]. Принцип работы программы заключается в дроблении напечатанного текста на формулы, за счет

принятия пользователем сети пользовательского соглашения на негласную слежку за его действиями при работе с текстом. В результате этого происходит автоматическая фиксация каждого нажатия на клавиатуре с последующим анализом закономерностей.

Тем не менее, несмотря на столь перспективное развитие данного направления, реализация его в практической деятельности значительно затрудняется в связи с непостоянством физиологического и эмоционального состояния лица. Человек, в процессе своей жизнедеятельности, проживает огромный спектр эмоций и чувств, которые, несомненно, отражаются на характере его письма. Помимо этого, на дифференциацию компьютерного почерка также оказывает влияние состояние болезни или усталости. В связи с этим вопрос внедрения методики расследования преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий посредством создания специализированной программы остается дискуссионным.

Таким образом, анализируя изложенную информацию, представляется возможным сделать вывод, что на сегодняшний момент сотрудниками территориальных подразделений ведомственных служб, экспертами и специалистами в области IT-технологий делается все возможное для решения вопроса безнаказанности «цифровых преступников». Возможность идентификации лица посредством анализа его компьютерного почерка стало более реальным, нежели мы могли себе представить ранее. Усовершенствование процедуры идентификации лица в цифровом пространстве позволит увеличить раскрываемость преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, что, несомненно, будет свидетельствовать о всеобъемлющей реализации принципа «назначение уголовного судопроизводства», регламентируемого ст. 6 УПК РФ.

Литература

1. Борисов Р.В., Зверев Д.Н., Сулавко А.Е., Писаренко В.Ю. Оценка идентификационных возможностей особенностей работы пользователя с компьютерной мышью // Вестник СибАДИ. 2015. № 5 (45). С. 106–107.

2. Еременко Ю.И., Олюнина Ю.С. Об идентификации клавиатурного почерка пользователей // Перспективы развития информационных технологий. 2016. № 28. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-identifikatsii-klaviaturnogo-pocherka-polzovateley.

3. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics?ysclid=mj97sca18s166902563 (дата обращения: 17.08.2026).

4. Ученые в России придумали программу поиска преступников по клавиатурному почерку. URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1400761-uchenye-v-rossii-pridumali-programmu-poiska-prestupnikov-po-klaviaturnomu-pocherku (дата обращения: 17.08.2026).

***А.Г. Симонян**, слушатель 5 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
А.О. Миронов
Восточно-Сибирский институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Методы и способы совершения преступлений непрерывно развиваются, поэтому у следователей (дознавателей) возникает необходимость адаптироваться к новым условиям, а также постоянно повышать уровень своей компетентности. Для достижения целей расследования преступлений сотрудникам правоохранительных органов необходимо использование эффективных процедур и средств, которые применяются в рамках уголовного судопроизводства. Результативность предварительного расследования напрямую связана не только с деятельностью следователя или дознавателя, но и участием иных участников уголовного судопроизводства. На данном этапе развития стадии предварительного расследования невозможно представить процесс доказывания без компетентных должностных лиц, обладающих специальными знаниями в разных отраслях науки и техники.

Судебная психофизиологическая экспертиза – процессуальное действие, проводимое в рамках законодательства Российской Федерации, направленное на психодиагностическое исследование связи между психологическими раздражителями, содержащими информацию о событии, и физиологическую реакцию организма, регистрируемую специалистом с использованием полиграфа.

Целью данного исследования является устранение противоречий, отраженных в показаниях участника уголовного судопроизводства [5, с. 607].

Данный вид экспертизы назначается для решения следующего комплекса вопросов:

1. Присутствуют ли у исследуемого лица признаки (психофизические реакции), констатирующие факт того, что лицу известна информация об обстоятельствах совершения преступления определенным лицом.
2. При каких условиях была получена данная информация.
3. Могла ли быть получена данная информация в момент юридически значимого события (преступления).

Применение показаний, полученных в результате проведения судебной психофизиологической экспертизы (далее – СПФЭ) в процессе расследования преступлений – вопрос дискуссионный. Исходя из положений ст. 74 УПК РФ [6] – показания, полученные с помощью полиграфа, не входят в перечень допустимых, однако п. 3 ч. 2 указанной статьи причисляет к допустимым доказательствам заключение эксперта. На сегодняшний день не существует методических рекомендаций, которые позволяли бы регламентировать порядок проведе-

ния СПФЭ. Однако в п. 19.1 Приказа МВД России № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [1] указано, что СПФЭ – психофизиологическое исследование, проводимое с применением полиграфа. Исходя из имеющихся нормативно-правовых актов, следует, что заключение эксперта должно соответствовать требованиям ФЗ-73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3] и не должно противоречить положениям ст. 204 УПК РФ.

Так, рассмотрев кассационную жалобу осужденного ФИО3, Самарский областной суд принял решение исключить из описательно-мотивировочной части приговора Промышленного районного суда г. Самары все ссылки на заключение СПФЭ, поскольку УПК РФ не предусматривает использование полиграфа в процессе расследования преступлений, СПФЭ является опросом с применением полиграфа и ее заключение не может являться доказательством по существу уголовного дела [4].

Важно отметить, что существуют проблемы оценки результатов, полученных в результате проведения СПФЭ, в частности, отсутствие единого методического подхода; ограниченность круга лиц, в отношении которых может быть произведено исследование по различным критериям (требования к состоянию здоровья – отсутствие сердечно-сосудистых заболеваний, заболеваний дыхательной системы, болевого синдрома; возрастные ограничения – лицо должно достичь возраста 14 лет, лица в возрасте от 14 до 18 лет – присутствие законного представителя обязательно; физиологические процессы – исследование не проводится с женщинами, находящимися на 2 или 3 триместре беременности). Лицо не всегда может знать о наличии у него определенного заболевания, вследствие чего результаты будут недостоверными.

Полиграф фиксирует реакцию организма на внешний фактор, основываясь на четырех показателях: давление, пульс, дыхание и электропроводность кожных покровов. Изменение показателей образуют электрические импульсы, образующие график, который изучает и анализирует эксперт. Каждый человек реагирует на непривычные внешние факторы индивидуально, у человека может быть повышенный уровень эмоционального возбуждения, в результате чего довольно сложно произвести анализ графика, поскольку подобные признаки могут свидетельствовать не об обмане, а о сильном уровне стресса или страхе.

Таким образом, заключение СПФЭ в процессе расследования преступлений выступает неоднозначным методом получения доказательственной базы, поскольку получение сведений с применением полиграфа носит относительный характер, данная экспертиза преследует цель выявления ложных показаний на основе реакций организма человека [2, с. 181], что не всегда может являться относимым доказательством. СПФЭ не регламентируется УПК РФ и методическими рекомендациями, но находит отражение в иных нормативно-правовых актах. Данные, полученные в результате исследования с применением полиграфа, носят ориентирующий характер и в правоприменительной практике признаются недопустимыми доказательствами. Основное противоречие использования полиграфа в процессе расследования преступлений заключается в следу-

ющем: СПФЭ направлена на проверку достоверности показаний участника уголовного судопроизводства, однако, исходя из положений закона, эксперт не вправе давать оценку об их достоверности.

Литература

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Милюс А.И. Совершенствование методики расследования краж нефти и нефтепродуктов, совершаемых при их хранении и транспортировке на объектах топливно-энергетического комплекса: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2023.
3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Президиума Самарского областного суда от 28.03.2019 № 44у-75/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Скрябина А.К. Психофизиологическая экспертиза как доказательство в уголовном процессе российской федерации // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Я.А. Синицын**, слушатель 5 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
***А.И. Милюс**, канд. юрид. наук, доцент*
Восточно-Сибирский институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Экстремизм представляет собой существенную угрозу человечеству и национальной безопасности Российской Федерации. Расследование данного комплекса преступлений отличается особой сложностью. Большой ущерб, причиненный обществу и государству, относительная редкость совершения преступлений, появление новых способов и методов совершения преступлений, вербовка молодого поколения создают сложности для раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности.

По данным ТАСС, за период январь–ноябрь были осуждены 1251 человек за экстремистскую деятельность в Российской Федерации, из которых 326 человек были осуждены в соответствии со ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации), 271 человек – ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 174 человека – ст. 282.4 УК РФ (неоднократная пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций…), 51 человек – ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды), 147 человек – ст. 282.3 УК РФ (финансирование экстремистской деятельности) [1].

Число случаев экстремизма в Российской Федерации в 2024 г. увеличилось на 43 % в сравнении с предыдущим годом, а количество обвиняемых по данной категории преступлений возросло более чем на 50 % – об этом сообщил председатель Следственного комитета Российской Федерации – А.И. Бастрыкин [4].

На сегодняшний день противодействие экстремизму является одной из самых первоочередных задач, возложенной на все государственные структуры Российской Федерации. Увеличение случаев экстремизма может быть связано со слабой государственной антиэкстремистской программой. Подростки, школьники, обучающиеся колледжей – являются наиболее уязвимой категорией граждан, подвластных вербовке представителями экстремистских организаций. Вследствие плохо слаженной работы различных организаций в стране возникает множество причин, способствующих распространению экстремистских идей среди молодежи. В условиях активного развития информатизации экстремистские организации разрабатывают новые методы вовлечения несовершеннолетних в процесс своей деятельности. С помощью использования интернет-ресурсов распространяются видеоматериалы жестоких казней жертв экстремистских группировок, профессионально смонтированные фильмы, которые рассчитаны на вербовку несовершеннолетних зрителей. Дети и подростки с несформированным мировоззрением через многочисленные социальные сети вовлекаются в информационный хаос. Пристальное внимание следует уделить скулшутингу – одно из направлений экстремизма, заключающееся в нападении на обучающихся или работников образовательных организаций с применением оружия [2].

Проблема расследования данной категории преступлений заключается в определении субъекта преступления, поскольку исходя из психологических и физиологических особенностей подростки не осознают степень опасности, причиненной преступлением. Они не ощущают себя в качестве объекта манипуляции и подвластны влиянию организатора преступления, который, в свою очередь, является хорошим психологом. Организатор выбирает отстраненного от общества подростка, входит к нему в доверие, пытается стать его другом, далее дает ему задания и навязывает ему служение какой-либо идеологии. Ребенок, не понимая всей опасности, выполняет указания организатора, после чего последний бесследно пропадает.

Другой не малозначимой проблемой при расследовании преступлений экстремистской направленности является использование интернет-ресурсов, запрещенных на территории Российской Федерации социальных сетей [5, с. 253]. Отследить преступную активность в цифровой среде достаточно сложно, преступники находят новые методы уничтожения цифровых следов.

Следующей проблемой выступает отсутствие дефиниции «экстремизм». Законодатель не дает точного определения данного понятия. Круг противоправных деяний, относящихся к экстремизму, постоянно растет, вследствие чего возникают проблемы квалификации преступления.

Уголовная ответственность по некоторым видам преступлений наступает с 14-летнего возраста. Лицо, совершившее преступление и не достигшее возраста, не подлежит уголовной ответственности. При этом данная категория граждан наиболее подвержена к влиянию экстремистских организаций, что обусловлено особенностями психического и физиологического развития.

Таким образом, экстремизм – опасное общественное явление, которое представляет существенную угрозу для общества, государства, конституционных прав и свобод граждан, национальной безопасности Российской Федерации. Представители экстремистских организаций находят новые возможности привлечения в свою деятельность несовершеннолетних лиц, наиболее подверженных вербовке. Существующие проблемы, возникающие при расследовании данного вида преступлений, необходимо решать, поскольку они посягают на общественную безопасность и представляют особо высокую угрозу государственности. Целесообразно разработать комплекс мероприятий, направленных на пропаганду антиэкстремистской культуры в образовательных организациях.

Литература

1. В России в 2025 году более 1,2 тыс. человек осудили за экстремизм. URL: https://tass.ru/proisshestviya/26084415 (дата обращения: 23.02.2026).

2. Нападения в российских школах за десять лет. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8293040?ysclid=mlz2qd1vzx474253734&nav_id=chapter10 (дата обращения: 23.02.2026).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Число дел об экстремизме в России за 2024 год выросло на 43 %. URL: https://ria.ru/20250115/chislo-1993749833.html?ysclid=mlytz7935m816856080 (дата обращения: 23.02.2026).

5. Шаевич А.А., Старичков М.В., Грушихина В.А. Актуальные проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3-2.

П.П. Синяков, *слушатель 5 курса*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:
А.Н. Колычева, *канд. юрид. наук*
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ХРАНЕНИЕМ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопрос доказывания занимает центральное место в уголовном судопроизводстве. Проблема правового регулирования и практического применения норм о доказывании являются предметом постоянного научного интереса и дискуссий, требуя регулярного анализа и исследований. Именно уголовный процесс призван, посредством вещественных доказательств и самого процесса доказывания, установить факты, которые имеют значение по уголовным делам. Действительно, вещественные доказательства, как наиболее значимый вид доказательств, предоставляющий объективное понимание о произошедших событиях, требуют детального анализа в контексте современных реалий, в отношении их хранения и обеспечения сохранности [4, с. 33].

Так, хранение вещественного доказательства, в первую очередь, лежит на участнике, который ведет расследование по уголовному делу, – следователе, дознавателе, а также на тех отделах (организациях), кому были переданы такие предметы на хранение. Хранить вещественные доказательства возможно различными способами: в уголовном деле, в специальной камере хранения, на специализированной стоянке и других местах в зависимости от объекта. И при этом существует множество пробелов и проблем, с которыми возможно встретиться при их хранении.

Во-первых, необходимо отметить, что сотрудник обязан сначала осмотреть предметы (документы), имеющие значение по уголовному делу, далее вынести постановление о признании вещественных доказательств, после чего тщательно упаковать указанные предметы, и сдать в камеру хранения вещественных доказательств (под расписку). При этом упаковка должна быть надежная, иметь пояснительную надпись, подписи участвующих лиц, а также печать. Бывает, что следователи могут забыть о таких базовых пунктах, и отнести вещественное доказательство, без печати.

Встречаются случаи, когда вещественные доказательства хранятся долгий период времени, но в дальнейшем существует возможность их забрать. Допустим, гражданка Р. совершила кражу с банковской карты, принадлежащей гражданину Е., купив в ТЦ «Лето» себе спортивный костюм. В ходе предварительного следствия обвиняемая возместила ущерб потерпевшему и, после того, как уголовное дело было направлено в суд, и вынесен приговор в отношении гражданки Р., указанный костюм, который был признан вещественным доказательством, так и хранился в камере хранения. Судья в приговоре в обязатель-

ном порядке должен прописать пункты, касающиеся дальнейших действий с вещественными доказательствами и если он разрешит выдать гражданке Р. указанный спортивный костюм, то последняя вправе обратиться к следователю, чтобы тот на основании приговора, выдал ему указанные вещественные доказательства. Однако многие забывают или вовсе не пытаются обратиться для возврата вещественных доказательств. В спорных случаях о принадлежности вещи, ее возвращение до разрешения вещи не допускается [1, с. 180].

Также главной проблемой, которая может встретиться при расследовании преступлений, совершенных против собственности, – это утеря вещественных доказательств. Например, такое встречается, когда уголовные дела передаются из органов дознания в органы следствия. Зачастую теряются вещественные доказательства, которые можно приобщить к материалам уголовного дела (DVD-R-диски, флеш-носители, содержащие фото и видеозаписи, купюры и многое другое). В этом случае следователю приходится выносить рапорт об утере вещественных доказательств на имя начальника подразделения. Возможно, потеря указанного вида вещественного доказательства неблагоприятным образом скажется на результатах расследования уголовного дела.

Поэтому можно сделать вывод о том, что проблема контроля за вещественными доказательствами в период хранения является на настоящий день актуальной и распространенной, особенно на стадии предварительного следствия. Для гарантирования надлежащего хранения необходимы строгие процедуры и стандарты. То есть одним их первоочередных аспектов считается:

– поддержание целостности и сохранности доказательств (использование специальных, надежных методов упаковки и маркировки, в целях ограничения использования посторонними лицами);

– правильный учет всех вещественных доказательств, четкая фиксация особенностей предмета, его изменений и повреждений;

– строгость в соблюдении профессиональных стандартов, контроль за соблюдением хранения вещественных доказательств, в целях обеспечения их сохранности и безопасности.

Именно поэтому вопрос хранения вещественных доказательств сопряжен с рядом сложных правовых аспектов. Требуется, во-первых, закрепить в законодательстве нормы, содержащие их хранение в специально оборудованных камерах, а во-вторых, определить порядок их хранения и передачи на хранение в рамках закона. В настоящий момент подробные меры учета не применяются [3, с. 110].

Таким образом, можно перейти к заключению изложенного. Уголовно-процессуальные нормы на текущий момент не содержат достаточных инструкций по работе с вещественными доказательствами. Существующие специальные правила часто сформулированы общими фразами, что требует от следователей и судей глубоких знаний и умения быстро и правильно применять эти правила, учитывая особенности каждого конкретного вещественного доказательства [2, с. 60]. Действительно, ввиду неясности и противоречивости законов о вещественных доказательствах, в т. ч. из-за того, что положения, регламентирующие данную сферу, закреплены в разных нормативных документах,

возникают трудности при расследовании преступлений. Это замедляет работу и усложняет для следователей и других должностных лиц правильный выбор действий при изъятии, учете, хранении и передаче вещественных доказательств в уголовных делах.

Литература

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. 2017.

2. Николюк В.В., Анешева А.Т. Вещественные доказательства в уголовном процессе: взгляд из Конституционного Суда Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68).

3. Расторопов С.В., Иванов Д.А., Павлов В.Ю. Сущность и значение хранения вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2025. № 3.

4. Яковлева В.А. К вопросам о современных проблемах хранения вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Юридический аналитический журнал. 2022. Т. 17. № 2.

***Е.Д. Солодовник**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Н.В. Фотьянов
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Следственные действия (закрепленные в главе 22 УПК РФ) представляют собой систему предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств. Их эффективность прямо влияет на полноту доказательств и в целом на исход уголовного производства – без надлежащего проведения следственных действий объективность и расследование уголовного дела невозможна. В условиях Арктической зоны Российской Федерации стандартная процедура производства следственных действий вызывает трудности, порождаемые сочетанием природно-климатических условий и слаборазвитой инфраструктуры, формирующие устойчивую систему проблем, требующих разработки организационных, технических и кадровых решений.

Одной из ключевых проблем является транспортная недоступность. Значительные расстояния между населенными пунктами, зависимость от авиационного и морского сообщения в ограниченные сезоны создают значительные

препятствия для быстрого реагирования и проведения процессуальных мероприятий – возникают трудности доставления следственных групп, специалистов, оборудования и транспортировку вещественных доказательств в лаборатории.

Особое внимание вызывает кадровый дефицит [2]. При этом статистика фиксирует значительную региональную нагрузку, о чем свидетельствуют данные по Ямало-Ненецкому автономному округу, где в 2024 г. было зарегистрировано 3167 преступлений при общей раскрываемости 53,8 % [4].

Завершает данный комплекс проблем отсутствие базовой процессуальной и экспертной инфраструктуры. На многих арктических территориях отсутствуют не только криминалистические лаборатории, но и адвокаты, специалисты и эксперты, что наглядно демонстрирует ситуация на архипелаге Новая Земля. Непосредственная работа с подозреваемыми (обвиняемыми) производится следователями, как правило, по месту дислокации отдела в г. Северодвинске либо путем обеспечения прибытия на архипелаг адвоката, что зачастую является проблематичным ввиду режимности территории и немалой стоимости авиаперелета. Все необходимые экспертизы и исследования по уголовным делам и доследственным проверкам выполняются также на материке [1].

Преодоление указанных проблем требует системного подхода, сочетающего технологическую модернизацию, адаптацию процессуальных механизмов к арктическим условиям и специализированную подготовку кадров, характерную для рассматриваемого нами региона.

В области технического оснащения необходимо внедрение специализированной криминалистической техники, адаптированной к арктическим условиям, включая морозоустойчивые беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА), способные сохранять работоспособность при экстремально низких температурах, роботизированные комплексы для осмотра труднодоступных участков местности, передвижные криминалистические лаборатории на вездеходах или вертолетах, а также подводные аппараты для обследования акваторий [3].

Значительный потенциал содержит развитие дистанционных процессуальных технологий, позволяющих сократить транспортные издержки. Расширение применения видео-конференц-связи открывает новые возможности для проведения таких следственных действий, как допрос и очная ставка, а также организация взаимодействия с экспертами и обеспечения доступа к проведению следственных действий удаленных участников процесса, что особенно актуально для изолированных арктических поселений. Считаем важным предложить использование при проведении дистанционных следственных действий средств аутентификации личности – кодовое слово, биометрические данные, электронную подпись.

Решение кадровой проблемы в арктических регионах является формирование в учебных заведениях юридического профиля специализированных программ, ориентированных на работу в условиях Арктики. Такие программы должны включать освоение методики производства следственных действий в арктических условиях – изучение особенностей осмотра места происшествия

с вечной мерзлотой, снежным и ледяным покровом; отработку тактики осмотра водной поверхности и архипелагов; изучение специфики документирования следов преступлений в экстремальных климатических условиях [3].

Также необходимо создавать программы повышения квалификации для действующих сотрудников следственных подразделений, включающую регулярные специализированные курсы по арктической специфике; стажировки в арктических регионах под руководством опытных следователей; тренинги по использованию специализированной криминалистической техники, адаптированной к низким температурам; изучение практики применения дистанционных технологий при производстве следственных действий.

В заключение отметим, что эффективное производство следственных действий в Арктической зоне Российской Федерации требует системного подхода, учитывающего специфичные характеристики данного региона. Перспективными направлениями являются внедрение специализированной криминалистической техники, адаптированной к низким температурам, активное использование дистанционных технологий с применением средств аутентификации, а также создание системы целевой подготовки и повышения квалификации кадров для работы в арктических условиях. Реализация этих мер будет способствовать соблюдению процессуальных сроков, повышению эффективности расследования преступлений и укреплению правопорядка в данных регионах.

Литература

1. Бертовский Л.В., Клебанов Л.Р. Уголовно-правовые и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в Арктике // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2.

2. Дефицит кадров в 470 человек: полицейские Ямала просят выплачивать им северные надбавки с первого дня работы. URL: https://www.mk-yamal.ru/social/2022/03/18/deficit-kadrov-v-470-chelovek-policeyskie-yamala-prosyat-vyplachivat-im-severnye-nadbavki-s-pervogo-dnya-raboty.html (дата обращения: 14.01.2026).

3. Рывкин С.Ю., Туров Г.С., Берова Д.М. Особенности проведения следственных действий в Арктике // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 6.

4. Снижение преступности и рост раскрываемости. Ямальская полиция подвела итоги 2024 года Законодательное Собрание ЯНАО. URL: https://zs.yanao.ru/presscenter/news/287749/ (дата обращения: 09.01.2026).

***А.А. Султанова**, слушатель 5 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***В.Р. Гайнельзянова**, канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Производство первоначальных следственных действий, как один из этапов уголовного судопроизводства, играет немаловажную роль, т. к. именно на этом этапе собирается и оценивается информация о совершенном преступлении, которая впоследствии становится основанием для возбуждения уголовного дела и входит в основу обвинительного заключения.

В законодательной базе не закреплено понятие «первоначальных следственных действий», из-за чего в научном мире ведутся дискуссии о его определении. Так, например, Э.А. Винокуров считает, что первоначальные следственные действия – это процессуальные действия, уполномоченных на их производство лиц, по сбору, фиксации и изъятию следов преступления [3, с. 121].

Из курса изучения криминалистики, а также освоения профессиональных знаний в деятельности следователя, мы знаем, что первоначальные следственные действия – это комплекс действий, производство которых осуществляется для установления факта совершения преступления, по собиранию, оценке доказательств, осуществлению планирования и оперативного хода расследования.

Одними из важнейших первоначальных следственных действий по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) и психотропных веществ (далее – ПВ) являются все виды обысков.

Рассматривая особенности первоначальных следственных действий по данной категории преступлений, необходимо акцентировать внимание на осмотрах, цель которых обнаружение следов преступления и отыскание доказательств по уголовному делу, как трактуется в ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

При совершении подобного рода преступлений зачастую образуются различные следы. Это могут быть следы, образовавшиеся при производстве, изготовлении, приобретении, сбыте и хранении наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Так, С.И. Соболевская, Н.В. Кривощеков, О.С. Кайгородова указывают, что в ходе предварительного расследования, а именно при проведении осмотров, необходимо обращать внимание на следующие материальные следы: наркотические средства и иные предметы, контактирующие с ними; рукописные записи; предметы, содержащие электронную информацию [5, с. 49].

Осмотр места происшествия (далее – ОМП) – первоначальное следственное действие, основной задачей которого является отыскание доказательств совершения преступления, а также установление обстоятельств по способу, месту совершения преступления и иных криминалистических данных, имеющих значение для уголовного дела. Правовой основой для проведения осмотра места происшествия является ст. 177, ст. 180 УПК РФ. Для успешного осуществления следственного действия, следователю необходимо наиболее качественно подготовиться к его производству. Для этого необходимо составить точный план проведения осмотра места происшествия, в котором будет зафиксирована следующая информация: место и время проведения следственного действия; лица, принимающие участие в следственном действии; использование технических средств [2, с. 48].

Немаловажное значение для осмотра места происшествия по делам в сфере НОН и ПВ играет специалист, участие которого также необходимо предусмотреть заранее. Специалист оказывается содействие при ОМП не только для обнаружения и изъятии предметов и документов, а также для определения методики изготовления, вида наркотического средства и фиксации производства следственного действия. Стоит отметить, что, несмотря на оказанное содействие специалиста при определении веса и вида наркотического средства, точное определение данной информации будет исходить из заключения эксперта. Так, А.П. Бирюков считает, что специалист также обеспечивает безопасность лиц, участвующих в ходе ОМП, например, от опасных паров от синтетических материалов, использующих при изготовлении наркотических средств [2, с. 48]. Например, 22 сентября 2015 г. следственная оперативная группа выехала на осмотр места происшествия в нарколабораторию, оборудованную в гараже, в которой было обнаружено 200 кг концентрированной субстанции, содержащей наркотическое вещество N-(1-карбамоил-2-метилпропил)-1-(циклогексилметил)-1H-индазол-3-карбоксамид и а-пирролидиновалерофенон. Основная специфика данного наркотика – впитывание в кожу человека. Сотрудники правоохранительных органов не знали о специфике данного наркотика и использовали обычные противогазы, что привело к сильному отравлению – все сотрудники попали в реанимацию с тяжкими последствиями для здоровья, в то время как специалисты и эксперты находились в барьерных комбинезонах, вследствие чего не отравились [4].

Осмотр жилища проводится согласно ч. 5 ст. 176 и ч. 5 ст. 165 УПК РФ – только с согласия проживающих лиц на производство осмотра. Если проживающие лица против, то следователь должен вынести перед судом ходатайство о производстве данного следственного действия. Однако если у органов предварительного расследования имеется основание полагать о том, что вещественные доказательства могут быть уничтожены, то производство осмотра проводится на основании постановления следователя, без ходатайства суда. После проведенного следственного действия, следователь обязан в течение трех суток уведомить судью и прокурора о его производстве.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что основные первоначальные следственные действий по делам в сфере незаконного оборота наркотических

средств и психотропных веществ – все виды осмотров, обыск и личный обыск, освидетельствование. Именно эти следственные действия направлены на сбор значимой для уголовного дела информации, исходя из которой будет ясна квалификация уголовного дела и непосредственно перечень следственных действий, проводимых на последующем этапе.

Литература

1. Абрамова Л.Л. Особенности принятия решения о начале расследования по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.
2. Бирюков А.П. Тактика первоначальных следственных действий в расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Таврический научный обозреватель. 2020. № 10 (15).
3. Винокуров Э.А. Особенности производства осмотра места происшествия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов // Internation Law Journal. 2025. Т. 8. № 1.
4. По материалам уголовного дела № 33/00/0038-15, возбужденного 22 сентября 2015 года ВСУ СК России по г. Москве по ч. 30 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.
5. Соболевская С.И., Кривощеков Н.В., Кайгородова О.С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2019.

***А.С. Татаринова**, слушатель 5 курса*
Восточно-Сибирский институт МВД России

Научный руководитель:
***А.И. Милюс**, канд. юрид. наук, доцент*
Восточно-Сибирский институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Экология – центральное звено жизнедеятельности общества. Разнообразие биологических, водных и природных ресурсов позволяет человеку удовлетворять его потребности. На территории России множество важных природных экосистем, благодаря которым добывается значимое количество необходимых обществу ресурсов для развития экономической сферы, удовлетворения потребностей и нормального функционирования общества. Однако с ростом индустриализации в природной среде возникает все больше проблем, связанных с нерациональным использованием природных ресурсов, загрязнением окру-

жающей среды, расширением урбанизации и сферы промышленности. На сегодняшний день проблемы в экологической среде носят глобальной характер. Загрязнение атмосферы приводит к ухудшению здоровья населения планеты, загрязнение вод и незаконная добыча водных биологических ресурсов порождает снижение популяции ихтиологических объектов, незаконная охота способствует исчезновению и пауперизации численности животных, незаконная рубка лесных насаждений способствует разрушению экологической системы леса и уничтожению разных видов животных и растений [1, с. 95]. Данные преступные посягательства негативно сказываются на экологической безопасности.

На официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) указано, что за период январь-декабрь 2025 г. зафиксировано 11 415 экологических преступлений, что на 16,1 % меньше, чем за аналогичный период времени в 2024 г. (13 598 экологических преступлений). В 2023 г. было зафиксировано 16 211 экологических преступлений – это на 15 % меньше, чем в январе-декабре 2022 г. [2]. Данная статистика позволяет сделать вывод о том, что количество преступлений, совершенных в экологической сфере, ежегодно уменьшается. Данная тенденция связана с разработкой эффективных методов борьбы с преступностью и результативной профилактической работой с гражданами, а также это может свидетельствовать о том, что увеличивается латентность экологических преступлений и существуют проблемы в нормативно-правовой базе, регулирующей общественные отношения в экологической сфере.

К актуальным проблемам экологических преступлений следует отнести такие, как:

1. Низкая раскрываемость преступлений в экологической сфере в связи с запоздалой информацией о совершении преступления. Данная проблема обусловлена плохой координацией МВД России с организациями, осуществляющими мониторинг окружающей среды.

2. Отсутствие реального возмещения ущерба, причиненного государству и обществу вследствие совершения экологического преступления. Для решения данной проблемы в Российской Федерации целесообразным является рассмотрение практики других стран относительно возмещения ущерба. Так, например, в Нидерландах некоторые преступления в экологической сфере относят к экономическим преступлениям, поскольку данные правонарушения приносят вред жизни общества и государству, в связи с чем преступник, помимо основного наказания в виде ареста или штрафа, обязан возместить государству причиненный вред, в т. ч. посредством личного имущества [3].

3. Малое количество или отсутствие необходимой специальной техники. В качестве примера можно привести беспилотные летательные аппараты, используемые следователем при оценке территории, на которой были уничтожены или повреждены лесные насаждения (ст. 261 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) [4]. Для расследования и раскрытия преступлений в экологической сфере необходимо оборудование, которое позволяет выявлять факт совершения противоправного деяния. При выяснении обстоятельств преступления, предусмотренного ст. 261 УК РФ, следователю важно уста-

новить очаг возгорания и провести детальный осмотр места происшествия для установления обстоятельств совершения преступления. Установить очаг возгорания позволяет тепловизор, его спектр действия направлен на обнаружение источника теплового излучения. Зачастую данные обстоятельства невозможно установить без специального оборудования. Исходя из данной проблемы, вытекает следующая.

4. Высокий уровень латентности экологических преступлений. Расследование преступлений в сфере экологии имеет ряд особенностей, стоит отметить, что существуют сложности также в выявлении данной категории преступлений, поскольку отсутствуют потерпевшие. Экологические преступления причиняют вред окружающей среде и обществу в целом, а не конкретному лицу.

5. Сложность в установлении реального вреда, причиненного преступлением. Прямой вред, нанесенный экологии данной категорией преступлений, составляет лишь малую долю, связанного с ней косвенного вреда [5, с. 87]. Например, загрязнение вод наносит вред всей экосистеме, разрушая ее нормальное функционирование. При исчезновении одного элемента пищевой цепи может погибнуть несколько видов животных и растений. В дальнейшей перспективе человечество может лишиться некоторых представителей флоры и фауны из-за нарушения законодательства, предвидеть последствия преступления крайне сложно.

Таким образом, существует совокупность проблем, с которыми сталкиваются сотрудники МВД России при расследовании преступлений в экологической сфере. Для их решения необходим комплексный подход, данная категория правонарушений представляет большую опасность для государства и общества, поскольку наносит невосполнимый вред экологии. Необходимо совершенствовать профессиональные навыки сотрудников для увеличения процента раскрываемости преступлений, разработать систему мер профилактики для предотвращения преступлений. Важно осознавать реальный ущерб, нанесенный природе, обществу и государству вследствие совершения экологического преступления.

Литература

1. Милюс А.И., Усачев С.И., Лузин А.Н. Тактические особенности производства осмотра места происшествия при выявлении незаконной рубки лесных насаждений с участием задержанных лиц: вопросы теории и практики // I Восточно-Сибирский юридический форум. Иркутск, 2025.

2. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 17.02.2026).

3. Организация объединенных наций. URL: https://textarchive.ru/c-1640475-pall.html (дата обращения: 17.02.2026).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Фомина И.А. К вопросу о противодействии экологической преступности // Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. Омск, 2025.

В.Е. Трофименко, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
М.О. Янгаева, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ) КАК ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Цифровая трансформация общественных отношений вносит изменения и в способы совершения противоправных деяний, в т. ч. связанных с незаконным оборотом наркотиков. Как следует из данных официальной статистики МВД России, в период с января по декабрь 2023 г. и за аналогичные периоды времени в 2024–2026 гг. более 61 % преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств совершалось с применением сети Интернет. При этом заметна устойчивая тенденция к росту: например, в 2025 г. зафиксировано 109,2 тыс. подобных преступлений, что на 28,5 % превышает показатель предшествующего года [3].

Выбор темы исследования обосновывается также недостатком научных и учебно-методических работ, непосредственно посвященных данной проблеме. Новизна работы видится в том, что автор проводит системный анализ цифровых платформ как элемента криминалистической характеристики преступления (обстановка совершения преступления) по ст. 228.1 УК РФ, опираясь на изучение судебной практики.

В криминалистике под обстановкой совершения преступления традиционно понимается система материальных и нематериальных условий, при которых реализуется преступный замысел. Как писал В.К. Гавло, данное понятие представляет собой интегральную систему обстоятельств и условий, сосредоточенных в определенном месте и времени [1].

Считаем, что в современных реалиях, при совершении преступлений в сфере наркотиков, используется информационно-телекоммуникационные технологии, поэтому указанное определение нуждается в корректировке. Так как цифровая среда создает особую обстановку, для которой характерны:

1. Пространственно-временная автономность – участники могут взаимодействовать вне зависимости от географического положения и конкретного времени.

2. Бесконтактность – физические риски для сбытчика минимизируются.

3. Анонимность – применяются псевдонимы, шифрованные каналы связи, технологии VPN, прокси-серверы.

4. Технологическая защищенность – сквозное шифрование, автоматическое удаление сообщений, децентрализованное хранение данных.

Эмпирическую основу данной работы составила судебная практика за 2023–2025 гг. – 33 приговора, вынесенные судами общей юрисдикции по уголовным делам, квалифицированных по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

По результатам анализа судебно-следственной практики определены цифровые ресурсы, используемые для совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков:

– мессенджер Telegram – 48,5 %;

– мессенджер WhatsApp (принадлежит Meta, признанной в Российской Федерации экстремистской организацией) – 27,3 %;

– браузер Tor (для доступа к ресурсам в домене «.onion») – 17,6 %;

– мессенджер Element – 9,1 %.

Далее перечислим некоторые свойства указанных платформ, которые делают их удобными для преступников.

1. Криптографическая защита. Сквозное шифрование гарантирует конфиденциальность данных только для отправителя и получателя; серверы мессенджеров не имеют доступа к содержанию сообщений. Например, в Telegram предусмотрены два уровня – облачные и секретные чаты, а в WhatsApp сквозное шифрование действует по умолчанию для всех переписок.

2. Функция автоматического удаления сообщений. В большинстве современных мессенджеров можно задать временной интервал, после которого отправленные материалы исчезают. Важно, что автоудаление распространяется на всех участников диалога: сообщения стираются одновременно на всех устройствах, цифровых следов почти не остается, что серьезно затрудняет сбор доказательств.

3. Сокрытие идентификационных данных. Несмотря на попытки блокировки таких мессенджеров, как Telegram и WhatsApp, участники незаконного оборота наркотиков активно их используют. Для обхода блокировок применяются VPN и прокси-серверы – они скрывают реальный IP-адрес, подменяя его IP-адресом другой страны.

4. Браузер Tor. Здесь механизм анонимизации сложнее, чем в VPN или прокси. Соединение проходит через несколько серверов с многослойным шифрованием и только потом выходит в обычный интернет. Теоретически расшифровка возможна, но требует большого времени, за которое информация теряет актуальность [2].

Из анализа приговоров удалось установить временные характеристики онлайн-взаимодействия сбытчиков и покупателей: вечер (18:00–00:00) – 47 % случаев; день (12:00–18:00) – 26,3 %; утро (06:00-12:00) – 13,2 %; ночь (00:00–06:00) – 13,2 %.

Преобладание вечернего периода коррелирует с завершением трудовой и повседневной деятельности, увеличением продолжительности темного времени суток, а также общей социальной активностью пользователей в мессенджерах.

На основе проведенного исследования сформулированы следующие рекомендации для ведомственных образовательных организаций.

Во-первых, целесообразно дополнить образовательные программы разделом, где курсанты и слушатели работают с макетом программно-аппаратного комплекса «Мобильный криминалист» для ознакомления с его функционалом. Параллельно требуется включить в дидактическую единицу соответствующей темы алгоритм работы с облачными хранилищами данных.

Во-вторых, в рабочую программу дисциплины по расследованию незаконного оборота наркотиков полезно включить специальные кейсы, отражающие специфику раскрытия и расследования преступлений в сфере наркотиков, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Такие кейсы должны предусматривать изучение технических особенностей наиболее распространенных площадок и мессенджеров, используемых для сбыта наркотиков, а также способов обхода блокировок.

Таким образом, проведенное исследование позволяет охарактеризовать цифровую обстановку при незаконном сбыте наркотических средств через следующие признаки: анонимность участников (достигается за счет VPN, прокси-серверов и браузера Tor), техническая возможность автоматического удаления сообщений (что затрудняет фиксацию доказательств), а также применение сквозного шифрования в мессенджерах. Среди цифровых платформ наиболее часто встречается Telegram – 48,5 %. Временной период онлайн-взаимодействия между сбытчиком и покупателем приходится на вечерние часы с 18:00 до 00:00 – 47 %. Выявленные в ходе настоящего исследования данные (доминирующая платформа, вероятное время, способы сокрытия следов) могут быть использованы следователем при выдвижении версий и планировании первоначальных следственных действий.

Литература

1. Гавло В.К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений: сб. науч. трудов / отв. ред. Д.А. Турчин. Иркутск. 1980.

2. Рудниченко А.К., Колесникова Д.С., Явтуховский Е.Ю. Tor Browser. Преимущества и недостатки анонимности в интернете // Молодой ученый. 2016. № 10 (114).

3. Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.ru (дата обращения: 12.03.2026).

В.И. Умрихина, *курсант 3 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.Р. Гилязов
Уфимский юридический институт МВД России

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ: ОТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ К ПРИЗНАНИЮ

В современной криминалистической реальности расследование преступлений, совершаемых профессиональными преступниками, представляет особую сложность. Данная категория лиц характеризуется не только наличием специфических криминальных навыков, но и психологической готовностью к противодействию следствию [4, с. 160]. Допрос профессионального преступника часто превращается в интеллектуальный поединок, где традиционные методы прямого убеждения оказываются неэффективными. В связи с этим актуальным становится внедрение и адаптация современных психологических приемов, позволяющих следователю перехватить инициативу и получить достоверные показания.

Успех допроса напрямую зависит от понимания психологических особенностей допрашиваемого. Для профессионального преступника характерны:

1. Правовая осведомленность. Глубокое знание уголовно-процессуальных норм, прав обвиняемого и пределов полномочий следователя.

2. Эмоциональная устойчивость. Высокий порог чувствительности к стрессу, выработанный в ходе предыдущих судимостей и контактов с правоохранительными органами.

3. Установка на противодействие. Априорное восприятие следователя как врага и убежденность в возможности избежать ответственности через ложь или отказ от показаний.

4. Знание тактики следствия. Понимание стандартных «ловушек» и методов ведения допроса [2, с. 161].

Противодействие процессу допроса может проявляться в активных и пассивных формах. К числу распространенных тактик относятся: использование конституционного права на отказ от дачи показаний (ст. 51 Конституции Российской Федерации) [3, с. 10], применяемое для затягивания следственных действий или согласования позиции с защитником; предоставление заведомо ложного алиби, как правило, заранее спланированного и подтвержденного лжесвидетельством аффилированных лиц; имитация амнезии или симуляция психических расстройств; применение вербальной агрессии и манипулятивных техник в отношении следователя, включая провоцирование конфликтов или апелляцию к чувству жалости.

Для нейтрализации вышеуказанных форм противодействия в современной криминалистике предлагается использовать следующие тактические схемы:

1. Стратегическое использование доказательств (SUE-техника).

Суть приема заключается в том, чтобы не предъявлять все имеющиеся доказательства сразу. Следователь позволяет допрашиваемому изложить свою ложную версию событий во всех деталях. Когда преступник окончательно «увязает» в противоречиях, следователь дозированно предъявляет неопровержимые улики. Возникающий при этом когнитивный диссонанс подрывает уверенность допрашиваемого в своей безнаказанности и часто ведет к смене тактики поведения на сотрудничество.

2. Метод «рационализации» (эмпатический подход).

Несмотря на статус «профессионала», любому преступнику свойственно стремление оправдать свои действия в собственных глазах. Следователь может предложить допрашиваемому «социально приемлемый» или «логически оправданный» мотив совершения преступления (например, вынужденная мера, самооборона, влияние обстоятельств). Соглашаясь с такой трактовкой, преступник психологически расслабляется и начинает давать показания, фактически признавая свое участие в событии [1, с. 70].

3. Прием «информационного вакуума».

При отказе допрашиваемого от дачи показаний следователь продолжает проводить допрос, зачитывая протоколы осмотра мест происшествий, заключения экспертиз и показания соучастников, не требуя немедленного ответа. У преступника создается ложное впечатление, что следствию уже все известно и его молчание никак не мешает доказыванию вины. Это вызывает тревогу и желание «вставить свое слово», чтобы скорректировать картину в свою пользу. Однако использовать данный тактический прием следует рационально, дозированно предъявлять только те доказательства, которые преступник не сможет опровергнуть, иначе ознакомившись со всеми доказательствами преступник усилить свое противодействие создав ложное алиби, которое следователю придется проверять что затруднить процесс расследования.

4. Использование факторов психологического превосходства.

Это не физическое давление, а демонстрация абсолютной информированности и уверенности. Использование деталей быта преступника, знание его кличек, иерархии в криминальной среде и мелких подробностей совершения преступления убеждают профессионального преступника в тщетности сопротивления перед лицом «всезнающего» следствия.

5. Техника «Когнитивного интервью» (адаптированная).

Для разоблачения ложного алиби используется метод изменения последовательности событий. Профессиональный преступник обычно заучивает легенду в хронологическом порядке. Требование рассказать о событиях «с конца к началу» или с середины резко увеличивает когнитивную нагрузку на мозг. Если версия ложна, допрашиваемый начинает путаться, допускать логические ошибки и выдавать невербальные признаки лжи (микромимика, вегетативные реакции). Также психологическое воздействие на преступника оказывает ис-

пользование следователем видеозаписи в соответствии со ст. 189, 191 УПК РФ [5, с. 182], которая служит не только целям фиксации показаний, обеспечения достоверности показаний, но и помогает зафиксировать невербальные реакции, психологическое состояние, поведение преступника.

Дальнейшая эволюция тактико-криминалистических основ расследования предполагает глубокую интеграцию достижений нейробиологии поведения, психолингвистики и методов обработки больших массивов данных. В условиях современного уголовного судопроизводства фундаментальными инструментами следователя остаются навыки формирования конструктивного контакта с деструктивно настроенными участниками процесса, а также способность к когнитивному анализу скрытых мотивов поведения и прецизионному использованию доказательственной базы. Систематическое повышение уровня владения следователями данными методами является единственным залогом успешной реализации уголовной политики государства в отношении субъектов профессиональной преступности, гарантируя тем самым неотвратимость наказания за совершенные деяния.

Литература

1. Балеевских Ф.В. Тактико-психологические основы преодоления противодействия допрашиваемого // Российский юридический журнал. 2008. № 2.

2. Баянов А.И. Тактические особенности формулирования и постановки вопросов допрашиваемому // Совершенствование расследования преступлений. Иркутск: Издательство ИГУ, 2017.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Подольный Н.А. Тактическое значение следственной хитрости при расследовании преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.А. Ушмаева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***М.О. Янгаева**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Активное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества привело к появлению новых форм противоправной деятельности. Особую обеспокоенность вызывает рост числа преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Глобальная сеть, обеспечивая широкий доступ к информации и относительную анонимность, превратилась в основной инструмент пропаганды радикальных взглядов и взаимодействия представителей экстремизма.

Преступления экстремистской направленности являются одними из сложнодоказуемых преступлений. Для того чтобы успешно раскрывать и расследовать преступления данной категории, необходимо тщательно изучить их криминалистическую характеристику. Рассмотрим один из элементов криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет – способ совершения преступления. Г.Г. Зуйков отмечал, что «способ совершения преступления – взаимосвязанная система действий по подготовке, совершению и сокрытию общественно опасного деяния, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, которые могут быть связаны с использованием соответствующих орудий, средств, условий места и времени» [1, с. 16]. В способе рассматриваемых видов преступлений можно проанализировать все три стадии, в процессе которых преступник оставляет уникальные цифровые следы.

Подготовка в совершении данных видов преступлений включает в себя выбор платформы для размещения экстремистских материалов, доступ в которые можно ограничивать. Чаще всего такими платформами выступают мессенджер Телеграмм, социальные сети «ВКонтакте», «Одноклассники». Во время подготовки создают интернет-страницы, группы, каналы, где планируют распространение экстремистского контента, осуществляют поиск и выбор материалов со сведениями экстремистской направленности или занимаются их созданием, осуществляют поиск и сговор с соучастниками.

Способ совершения преступлений экстремистской направленности включает в себя публикацию экстремистского контента в открытом или ограничен-

ном доступе (который может быть в виде фотографии, видеоматериала или аудиозаписи), его непосредственное комментирование или создание платформы для размещения запрещенного контента.

По степени технической оснащенности способы совершения преступления можно разделить на примитивные способы, включающие в себя копирование, скачивание и публикацию материалов без использования средств сокрытия следов; на способы среднего уровня, заключающиеся в использовании VPN-сервисов или использование фейковых аккаунтов для сокрытия личности; и на усложненный способ – применение средств шифрования, создание собственных платформ для размещения запрещенных материалов.

Совершение преступления позволяет выявить следовую картину, остающуюся в цифровом пространстве. Так, публикация через VPN-сервисы оставляет лог-файлы у провайдера, а публикация через Tor оставляет их в меньшем объеме.

Сокрытие преступлений экстремистской направленности в сети Интернет выражается в уничтожении или маскировке цифровых следов: в удалении опубликованных материалов, комментариев, сообществ, групп, аккаунтов. Так, в материалах уголовного дела, возбужденного по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282.2, ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ, содержатся сведения о том, что подозреваемым были уничтожены следы преступления путем удаления интернет-переписки, касающейся организации экстремистского сообщества, а также приложения Telegram с мобильного устройства [2, с. 248].

Часто преступники создают аккаунты в социальных сетях, используя сведения третьих лиц, не имеющих отношение к совершаемым действиям. Преступники для анонимизации в цифровом пространстве используют VPN, Tor сервисы, криптовалюту для финансирования экстремистской деятельности, которые усложняют работу правоохранительным органам. Через указанные сервисы трудно отследить местоположение лица, а также происходит шифрование трафика, что усложняет отслеживание цепочки действий преступника.

Подробное изучение криминалистической характеристики, в частности ее элемента – способа совершения преступления, позволяет успешно расследовать преступления экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и выдвигать версии. Например, если лицо использовало Tor-сервисы и криптовалюту, то у него высокий уровень технической подготовки и в преступлении могут быть выявлены цифровые следы, указывающие на деятельность преступной группы. Если же преступник оставил комментарий со своей настоящей страницы и не пытался его каким-либо образом скрыть, значит его действия носили импульсивный характер и он не имеет специальных знаний, необходимых для совершения преступления.

Считаем, что необходимо внедрение в деятельность подразделений по противодействию экстремизму специализированных программно-аппаратных комплексов, которые бы осуществляли автоматизированный мониторинг интернет-пространства, способны были бы выявлять экстремистский контент, анализировать сетевые связи и деанонимизировать пользователей. Установить

регламентированный порядок оперативного получения информации от владельцев интернет-ресурсов, включая иностранные платформы, в рамках международных правовых механизмов, а также дальше развивать сотрудничество с Роскомнадзором для своевременной блокировки экстремистского контента.

Таким образом, способ совершения преступления является системообразующим элементом криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Его анализ позволяет выявить закономерности преступной деятельности, определить оптимальную тактику предварительного расследования и обеспечить полноту собирания доказательств.

Литература

1. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Социалист. Законность. 1971. № 11.

2. Льянов М.М. Криминалистическое значение электронно-цифровых следов преступлений экстремистской и террористической направленности в сети Интернет. Тюмень, 2024. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1774869672&tld (дата обращения: 01.04.2026).

Е.А. Хныкина*, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Суверова*, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

В современных условиях проблема организации незаконной миграции становится все более актуальной. Незаконная миграция создает угрозу национальной безопасности страны, межнациональную напряженность, а также влияет на уровень криминализации общества и способствует росту преступлений.

Актуальность противодействия фактам незаконной миграции обусловлена, в первую очередь, высоким ростом преступности за последние 5 лет, а ежегодный прирост доли таких деяний демонстрирует сложившуюся негативную тенденцию. Так, в период за 2019 г. число выявленных и зарегистрированных фактов организации незаконной миграции составило – 963; в 2020 г. – 737; в 2021 г. – 926; в 2022 г. – 1081; в 2023 г. – 1941; в 2024 г. – 3320, в 2025 г. – 3998 преступлений [1]. Эти цифры в свою очередь свидетельствуют о том, что, несмотря на усилия правоохранительных органов, преступные схемы в сфере незаконной миграции продолжают совершенствоваться, их масштабы расти.

Сведения о способе совершения преступления являются одним из ключевых элементов криминалистической характеристики, поскольку они несут наибольший объем информации, значимой для раскрытия и расследования преступления. Наиболее распространенным способом организации незаконной миграции является организация незаконного пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации, что преимущественно связано с созданием фиктивных правовых оснований для их пребывания на территории страны. Анализ судебно-следственной практики позволяет выделить следующие типичные способы организации незаконной миграции:

– заключение фиктивных трудовых договоров с иностранными гражданами без законных оснований;

– заключение фиктивных браков с гражданином России, что в последующем позволяет мигрантам получить разрешение на временное проживание, вид на жительство или гражданство в упрощенном порядке;

– установление фиктивного отцовства, что также предоставляет возможность мигрантам в последующем урегулировать свое правовое положение в стране.

– получение фиктивных сертификатов о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации. Так, например, в рамках уголовного дела, расследуемого в Барнауле были получены следующие сведения: гражданин А. был осведомлен о возможности сдачи экзамена в упрощенном формате, без письменной части, с помощью сотрудников, которые подсказывали правильные ответы. В день экзамена по договоренности его встретила гражданка В., выяснила цель его визита и предложила помощь в сдачи экзамен за определенную плату. В процессе экзамена гражданка В. оказывала содействие гражданину А., диктуя по слогам при заполнении документов и помогая в написании текстов. При выполнении тестовых заданий гражданин А. заполнял только личные данные, не приступая к решению самих задач [2].

В настоящее время преступления данной категории претерпевают изменения под влиянием цифровизации. Значительная часть преступлений совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и миграционная сфера не стала исключением.

Так, активная цифровизация государственных услуг и миграционных процедур, происходящая в последние годы, сопровождается ростом числа преступлений, связанных с организацией незаконной миграции с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Если еще несколько лет назад ученые констатировали отсутствие в исследованиях упоминаний об использовании возможностей сети Интернет для совершения миграционных преступлений, то сегодня правоприменительная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к «цифровизации» данного вида криминальной деятельности.

Так, в ноябре 2024 г. в ст. 322.1 УК РФ были внесены изменения, а именно в ч. 1 добавлен квалифицирующий признак «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети Интернет.

Интернет-ресурсы активно участвуют в преступной деятельности, что проявляется:

– в обеспечении связи. Так, следственным отделом по Пушкинскому району ГСУ СК России по городу Санкт-Петербургу возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а, д» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ в отношении гр. А. По данным следствия, в период с марта по июнь 2025 г. гр. А приискивала иностранных граждан, подлежащих постановке на миграционный учет по месту пребывания, и получала от них документы, удостоверяющие личность. Далее гр. А изготовляла на данных иностранных граждан бланки уведомлений о трудоустройстве, в которые вносила заведомо ложные сведения, и указанные бланки подавала в подразделения по вопросам миграции [3];

– сокрытии следов преступления. Такие технологии, как VPN, анонимные мессенджеры, применяются преступниками с целью скрыть их личность.

Исходя из анализа сложившейся судебно-следственной практики, можно выделить следующие способы совершения организации незаконной миграции с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

1) Использование взломанных учетных записей государственных информационных систем. Так, преступники в 2025 г. получали несанкционированный доступ к аккаунтам граждан на Едином портале государственных и муниципальных услуг (обнаружено около 100 взломанных аккаунтов) и от имени владельцев осуществляли постановку иностранных граждан на миграционный учет [4].

2) Использование различных мессенджеров при совершении организации незаконной миграции. Так, в Ульяновске была задокументирована организованная группа, участники которой, находясь в России по учебным визам, получали от клиентов документы через социальные сети, направляли их для изготовления поддельных документов в другой регион, а уже готовые подложные документы пересылали клиентам через WhatsApp в формате PDF [5].

Таким образом, в условиях активной цифровизации появляются и стремительно распространяются новые способы организации незаконной миграции с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в т. ч. сети Интернет. Для сотрудников правоохранительных органов знание данных способов имеет важное значение, поскольку это позволяет своевременно выявить, а также эффективно расследовать преступления указанного вида.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/55225633/ (дата обращения: 13.02.2026).

2. Обвинительный акт по уголовному делу № 12111010001000048, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ.

3. Официальный сайт ГСУ СК РФ по городу Санкт-Петербургу. URL: https://spb.sledcom.ru/tags/item/7831 (дата обращения: 13.02.2026).

4. Ирина Волк: В Санкт-Петербурге полицейские перекрыли канал незаконной миграции. URL: https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-v-yakutii-gosavtoinspektory-okazali-pomoshch-grazhdanam-vo-vremya-pozhara/ (дата обращения: 13.02.2026).

5. Официальное обращение пресс-службы УФСБ России по г. Ульяновску. URL: https://www.gazeta.ru/amp/social/news/2025/12/11/27392425.shtml (дата обращения: 13.02.2026).

А.А. Худоба, *курсант 4 курса*
Уфимский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
В.Р. Гайнельзянова, *канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДАКТИЛОСКОПИЮ

В современном мире одним из наиболее эффективных и устойчивых методов идентификации личности, используемых при расследовании преступлений криминалистами уже больше века, – это дактилоскопическая экспертиза. С развитием технологий и принятием решения правоохранительных органов хранить информацию о ранее совершенных преступлениях вместе с изъятыми на месте происшествия следами, путем занесения последних в базу данных, возникла необходимость в подборе метода работы с массивами данных.

Также с учетом возможностей, которые открываются с развитием технологического обеспечения криминалистов, существует мнение, что для повышения эффективности дактилоскопической экспертизы и снижения нагрузки на экспертов данного направления методы анализа следов пальцев рук нуждаются в технологическом переосмыслении. Одним из наиболее перспективных направлений технологического переосмысления методов криминалистических экспертиз является развитие, осуществляемое путем внедрения искусственного интеллекта на отдельные направления экспертной деятельности, в т. ч. в дактилоскопию.

Актуальность внедрения машинного обучения в работу экспертов криминалистов заключается в возможности автоматизировать и ускорить идентификационные процессы в условиях постоянного расширения имеющейся базы следов, обнаруженных на местах совершения преступления, а также внесенных в базу в связи с иными обстоятельствами. Отметим, что, помимо явного ускорения работы криминалистических центров в части осуществления идентификации предъявленных на исследование следов пальцев рук, с внедрением искусственного интеллекта возникают новые возможности недоступные человеку без применения нейронных сетей.

Сущность искусственного интеллекта заключается в системе, которая представляется в виде определенных алгоритмов действий и вычислений, а также возможности программы самостоятельно удалять, добавлять и редактировать тот или иной алгоритм, что при рассмотрении технических характери-

стик носит название обучаемость искусственного интеллекта. Особенность искусственного интеллекта, отличающая его от иных компьютерных программ схожих в функциях – это возможность функционировать и выполнять задачи, требующие непосредственного участия оператора, т. е. человека.

Внедрение искусственного интеллекта в дактилоскопию является одним из перспективных направлений технологического развития криминалистики как науки. Причиной тому служит огромный спектр возможностей, открывающийся перед экспертами с внедрением нейронных сетей в дактилоскопию. Искусственный интеллект лишен недостатков присущих человеку и его органам чувств, при рассмотрении возможностей искусственного интеллекта в дактилоскопии многие ученые отмечают способность машинного мышления анализировать микроскопические детали отпечатков, такие как папиллярные линии, бифуркации, дельты и поровые структуры, кроме того, искусственный интеллект может классифицировать их с высокой степенью точности [2, с. 41].

Согласно современным исследованиям, искусственный интеллект способен повысить точность распознавания следов пальцев используя гибридные архитектуры сверхточных нейронных сетей и методов глубокого обучения с подкреплением [3, с. 57]. Сущность данного вида нейросети заключается в способе анализа поступающей в нее информации. Так при поступлении снимка с изображенным на нем отпечатка пальца нейросеть делит изображение на квадраты интереса, вычленяя тем самым ранее ей известные признаки или особенности. Затем выбранная особенность, а именно часть изображения, проходит точно такой же процесс, т. е. из нее вычленяется часть, которая распознана нейросетью как ранее встречаемая особенность.

Так при первом отборе нейросеть видит края и углы как признак того или иного объекта, а в более глубоких слоях, т. е. последующих этапах отбора признаков по сетчатому принципу, нейросеть ищет признаки текстуры изображенного на снимке объекта что позволяет наиболее эффективно исследовать имеющийся отпечаток пальца. Нельзя не согласиться, что внесение в базу данных не только отличительных признаков, видимых человеку, таких как папиллярный узор, но и текстура рельеф папиллярного узора замеченного нейросетью позволит в будущем идентифицировать след удивительно маленьких размеров.

Также в современной криминалистической науке обсуждается возможность и необходимость внедрения в дактилоскопию искусственного интеллекта состоящего из алгоритмов объяснимого машинного обучения. Данные алгоритмы являются необходимостью в судебной экспертизе по причине их особенности, состоящей в возможности эксперта использующего данный инструмент заглядывать в мыслительный процесс и понимать логику принятия решения алгоритмом.

Важность внедрения данного технологического метода заключается в преодолении возникающих трудностей в юридическом признании достоверными результатов экспертизы, произведенной при помощи искусственного интеллекта [1, с. 206].

Рассмотренные совокупности алгоритмов, включенные в систему мышления искусственного интеллекта, носят англоязычное название explainable ai,

что в дословном переводе означает «объяснимый ИИ (искусственный интеллект)». Подобного рода системы способны распознавать признаки, не только внесенные авторами искусственного интеллекта в его базы знаний, но и находить взаимосвязи невидимые для человека. Кроме того, система может подстраиваться под качество изображения, что означает не столь высокую зависимость результата отождествления личности по оставленным отпечаткам пальцев от качества фиксации и изъятия следов.

Особый интерес внедрения искусственного интеллекта вызывает его возможность к самообучению путем анализа синтетических образцов следов пальцев рук. Данный метод является наиболее безопасным, когда речь идет о сохранности в тайне данных о лицах. Сущность метода заключается в создании нейросетью изображения максимально реалистичных следов пальцев рук и предоставлении их изображения обучаемой нейросети, которая в свою очередь будет выявлять основные признаки и взаимосвязи в ходе дактилоскопического анализа.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в дактилоскопию является открытием нового этапа развития точности, эффективности, скорости и объективности криминалистического анализа. Сам факт осуществления сравнения следов пальцев рук искусственным интеллектом может значительно снизить нагрузку на экспертов, а также минимизировать человеческий фактор при исследовании объектов. В современной криминалистике основными проблемами внедрения искусственного интеллекта в работу судебных экспертов являются вопросы этичности применения нейросетей в исследовании, а также высокая стоимость как факта внедрения, так и обслуживания данной технологии.

Литература

1. Степаненко Д.А., Бахтеев Д.В., Евстратова Ю.А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. С. 206–214.

2. Хайруллин Р.Н. Применение искусственного интеллекта в исследовании материальных следов преступлений // Вестник науки и образования. 2025. № 5 (160)-1. С. 41–43.

3. Laputko K. Artificial Intelligence in Forensic Science: Path to Legal Integration. Belarus State University Repository. Collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Forum // Scientific dialogue: theory and practice. Moscow: Infiniti Publishing House, 2025. P. 57–61.

***В.А. Циликина**, курсант 3 курса*
Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель:
***О.А. Решняк**, канд. юрид. наук, доцент*
Волгоградская академия МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ БУЛЛИНГА ПОДРОСТКОВ: ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ

В наши дни травля среди подростков претерпела значительные изменения, из открытых физических столкновений и стандартных методов психологического воздействия, которые происходили в школе, во дворах, в торговых центрах в унижения и травлю в интернет-пространстве. Явления, связанные с разрушением репутации подростка другими подростками, создают серьезные проблемы для развития здорового и полноценного общества.

Цифровые технологии не только создали новые возможности для агрессии, но и привели к проявлению гибридных ее форм, объединяющих онлайн- и офлайн-компоненты. Такие ситуации характеризуются тем, что конфликт, зародившийся в реальном жизненном пространстве, продолжается и прогрессирует посредством цифровых платформ, или же, наоборот, кибербуллинг перерастает в физическое нападение. Эти взаимосвязанные модели поведения, использующие множественные каналы для систематического давления, крайне затруднительно документировать ввиду особенностей образования цифровых следов и проблем их обнаружения и фиксации. Активные формы агрессии отличаются повышенным ощущениям угрозы, как в реальном, так и в виртуальном мире.

Основная сложность в расследовании данных преступлений заключается в отсутствии четких рекомендаций к документированию обстоятельств преступной деятельности, осуществляемой посредством интернет-платформ. Не все преступления, по унижению и травле подростков, совершаемые в сети Интернет, регистрируются, так большинство подростков боятся сказать об этом родителям и обратиться в правоохранительные органы, будучи запуганными своими обидчиками. Данные обстоятельства приводят к безнаказанности подростков осуществляющих кибербуллинг и продолжению их незаконных действий по унижению и травле своих сверстников.

Современные интернет-площадки, стали катализаторами анонимной агрессии, представляя широкий арсенал инструментов для кибербуллинга. Социальные сети, мессенджеры и форумы облегают распространение оскорбительного контента, минимизируя риск разоблачения агрессоров. Особую опасность представляют функции временных публикаций с анонимных профилей. Такие технические возможности цифровых платформ значительно усложняют своевременное выявление и документирование травли при расследовании данных деяний [1, с. 28].

Сложность выявления виртуальных следов агрессивных и насильственных действий подростков в интернет-пространстве проявляется в недостаточности специальных знаний у сотрудников правоохранительных органов выражающееся в отсутствии специального образования в сфере IT-технологий.

Кроме того, современные возможности, позволяют подросткам скрывать реальные данные IP-адреса, используя сервисы VPN, что ведет к невозможности установления местонахождения пользователя аккаунта, с которого происходила травля, и установления его данных.

Изучая киберпреступления, Г.В. Вершицкая выделяет особенности доказывания достоверности виртуальной информации, и ее отношению к конкретному преступлению [2]. Поэтому важно понимать, что для фиксации следов преступления в виртуальном пространстве, требуется точное установление аккаунта или мессенджера, с которого происходила травля, унижение, наличие переписки, или ее скриншоты, точное время и длительность, установление личности кому она предназначалась, и кто именно это писал, т. к. бывает, что подростки пользуются чужими аккаунтами. В сети Интернет не составляет трудности купить чужой аккаунт или создать аккаунт без верификации личности.

Кроме того, отдельного внимания требует вопрос продажи сим-карт с историей, т. е. абонент, не пользующийся сим-картой, продолжает иметь доступ к зарегистрированным ранее на данную сим-карту аккаунтам в мессенджерах, но зарегистрирована она уже совсем на другого человека.

На наш взгляд, сотрудники правоохранительных органов должны взаимодействовать с работниками абонентский компаний, с целью получения информации обо всех пользователях сим-карт, а также если сим-карту приобрел другой абонент, обязать абонентские службы блокировать доступ ко всем возможным электронным услугам (мессенджерам, социальным сетям, финансовым организациям, государственным учреждениям).

Также взаимодействие со школами и выявление трудных подростков, в ходе бесед с педагогами может помочь в установлении предполагаемых агрессоров в сети Интернет. Проверка их социальных сетей и аккаунтов, изучение личности будет способствовать деятельности правоохранительных органов по профилактике и совершенствованию работы в направлении кибербуллинга.

Литература

1. Богомолова А.Г., Кот Е.А. Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети Интернет // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. С. 25–32.

2. Вершицкая Г.В. Возможности использования виртуальных следов в ходе расследования киберпреступлений // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22, № 2. С. 17–23.

***Т.Ю. Чичканова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.А. Суверова**, канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В эпоху цифровой трансформации преступность также приобретает новые черты, все чаще совершаясь в киберпространстве. Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) является одним из наиболее распространенных и технически сложных для расследования преступлений. Высокий уровень латентности, трансграничный характер и возможность быстрого уничтожения следов преступления требуют от правоохранительных органов применения принципиально новых подходов и инструментов. В этой связи особую актуальность приобретает использование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельности по раскрытию и расследованию данных деяний.

Под искусственным интеллектом в контексте правоохранительной деятельности, согласно Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г., понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами его интеллектуальной деятельности. Применительно к расследованию неправомерного доступа, ИИ может функционировать как инструмент анализа больших данных (лог-файлы, сетевой трафик), распознавания образов (например, для идентификации лиц на записях с камер или анализа вредоносного кода) и автоматизации рутинных процессов.

Как справедливо отмечает в своем исследовании Р.С. Хамидуллин, внедрение систем ИИ открывает перспективу для успешного развития уголовного судопроизводства и должно стать неотъемлемым атрибутом современной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, не исключая, а дополняя человеческий элемент. Ключевым при этом является криминалистическое обеспечение такой деятельности, т. е. совокупность знаний и навыков субъектов расследования по эффективному использованию систем ИИ [2, с. 55].

Правовой фундамент для этого заложен в упомянутой Стратегии, однако детальное процессуальное регулирование применения ИИ при сборе и оценке доказательств пока отстает от темпов развития технологий.

Особую значимость это приобретает в контексте работы с цифровыми доказательствами, которые являются основой при расследовании неправомерного доступа.

Одним из наиболее перспективных направлений является использование ИИ для анализа исходной следственной ситуации и выдвижения обоснованных версий. Р.С. Хамидуллин приводит результаты эксперимента с использованием GPT (Generative Pre-trained Transformer) на материалах реального уголовного дела. Искусственному интеллекту были предоставлены материалы дела, на основе которых он должен был выдвинуть версии и разработать программу расследования на начальном этапе.

Результаты показали, что ИИ способен детально и объективно анализировать обстоятельства, предлагать логичные версии, а также составлять перечни необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В некоторых случаях предложенные ИИ программы не уступали по полноте планам, составленным следователями, а иногда и превосходили их в детализации. Например, при анализе фабулы о краже из автомобиля GPT смог выдвинуть несколько обоснованных версий, учитывая все предоставленные, пусть и скудные, обстоятельства [2, с. 58].

В контексте неправомерного доступа к компьютерной информации, где исходные данные могут представлять собой гигабайты лог-файлов, дампов памяти или сетевого трафика, аналитические способности ИИ становятся незаменимы. Системы на основе машинного обучения способны: выявлять аномалии в сетевом трафике, указывающие на вторжение; сопоставлять временные метки событий в разных системах для построения хронологии атаки; автоматически выделять из массива данных ключевые артефакты (IP-адреса, домены, хэш-суммы вредоносных файлов), которые могут стать основой для следственных версий о способе совершения преступления и лице, его совершившем.

Другой важной сферой применения ИИ является помощь следователю в технически сложных аспектах фиксации доказательств. Описанные Р.С. Хамидуллиным успешные эксперименты по использованию нейросети для составления фрагментов процессуальных документов (осмотр предметов, документов, мест происшествий) демонстрируют, что ИИ способен создавать текст, не уступающий по качеству, составленному следователем [2, с. 64].

Применительно к расследованию киберпреступлений данное направление приобретает особое звучание в контексте технико-криминалистического обеспечения. Как отмечают в своих исследованиях Л.Х. Харисова и Я.А. Климова, использование систем, основанных на алгоритмах искусственного интеллекта, открывает новые возможности именно для технико-криминалистического сопровождения расследования. В частности, программные комплексы класса «Мобильный криминалист», UFED или Belkasoft Evidence Center, функционирующие на базе ИИ, позволяют автоматизировать процесс обнаружения, фиксации и предварительного анализа цифровых следов при осмотре электронных носителей. Такие средства способны не только извлекать криминалистически значимую информацию, но и проводить ее интеллектуальный анализ – распознавать лица, классифицировать угрозы, что значительно повышает оперативность и полноту собирания доказательственной информации по делам о неправомерном доступе [1, с. 84–85; 3, с. 65–66].

Практическая реализация этого подхода может выглядеть как грамотное составление промпта (запроса) для генеративной нейросети (например, ChatGPT). Следователь может делегировать ИИ описание технической части протокола осмотра цифрового устройства. Несмотря на очевидный потенциал, использование ИИ в расследовании сопряжено с рядом проблем и ограничений. Поскольку ИИ не обладает человеческим интуитивным пониманием и эмоциональным опытом, это может сказаться на точности его выводов, особенно в нестандартных ситуациях.

Однако важно понимать, что искусственный интеллект является лишь инструментом, и он не должен заменять должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное расследование. Считаем, что ключевым фактором успешного использования технологий ИИ при расследовании неправомерного доступа к компьютерной информации будет являться качественное обучение сотрудников правоохранительных органов использованию нейросетей и разработка четкой правовой регламентации их использования. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на создание специализированных сервисов на базе ИИ и интеграцию их в существующую систему криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов.

Литература

1. Климова Я.А. Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1 (64).

2. Хамидуллин Р.С. Криминалистическое обеспечение использования технологии искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 1.

3. Харисова Л.Х. Оптимизация процесса поиска, анализа и интерпретации цифровых доказательств с использованием алгоритмов искусственного интеллекта // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23).

***А.Н. Шагдуров**, курсант 2 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
М.Ю. Курченко
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научно-технический прогресс в современном мире достиг невероятных высот. Информационно-коммуникационные технологии проникли в жизнь каждого государства. Каждый человек использует интернет для удовлетворения своих потребностей во всех сферах жизнедеятельности. Недостатком для такого развития выступает использование интернета для целей преступной деятельности, например, хищения чужого имущества. В связи увеличением количества преступлений, совершаемых с помощью информационно-коммуникационных технологий, государство выделяет одним из направлений своей политики обеспечить эффективную борьбу с преступлениями в данной сфере [1].

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [4] содержит несколько видов составов преступлений, совершенных в информационной среде, среди которых: ст. 159.3 УК РФ – мошенничество с использованием электронных средств платежа; ст. 159.6 УК РФ – мошенничество в сфере компьютерной информации, а также квалифицирующий признак в ч. 3 ст. 158 УК РФ – кража в отношении электронных денежных средств.

Главной особенностью таких преступлений выступает объективная сторона, а именно отсутствие непосредственного контакта субъекта преступления и потерпевшего. Обязательный признак таких составов заключается в использовании информационно-коммуникационных технологий или сети Интернет.

Самым распространенным последствием мошенничества выступает неправомерный доступ к расчетным счетам потерпевшего. Предметом преступления всегда будут электронные средства платежа, которыми согласно федеральному закону «О национальной платежной системе» [2] являются не только платежные банковские карты, но и иные виды безналичных расчетов.

Примером таких действий может выступать распространение ложных ссылок на покупку товара или на регистрацию в какой-либо сети. При переходе по данной ссылке лицо получает доступ к банковским счетам потерпевшего.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» вмешательство в чужие банковские счета может осуществляться с любого технического средства, которое использует информационно-коммуникационные технологии.

Сложности в расследовании таких видов преступлений, в первую очередь, возникают с поиском лиц, осуществляющих незаконное вмешательство

и хищение чужих денежных средств. Органы предварительного расследования сталкиваются с тем, что преступные действия могут совершаться как из любой точки страны, так и за территорией Российской Федерации. Возникают трудности с определением территориальной подследственности, определяемой Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [3], а именно в силу того, что потерпевший чаще всего находится в одной точке страны, а субъект преступления в другой.

Кроме того, согласно статистическим данным, в данной сфере мошенничества присутствует большое количество латентных преступлений, это может быть связано с нескорым обнаружением совершения преступления. При осуществлении мошенничества, лица могут использовать телефонную сеть под предлогом проведения анкетирования или иной цели разговора, добиваясь услышать от потерпевшего ответ «да». При разговоре осуществляется его запись и положительный ответ потерпевшего используется в дальнейшем времени для вмешательства в его банковские счета для списания денежных средств.

При поступлении заявления о данном виде преступления, следователь после возбуждения уголовного дела должен как можно больше узнать информации и совершенном деянии: если мошенничество совершено вследствие телефонного разговора, то обязательно следует узнать отличительные признаки голоса злоумышленника. Если преступление совершено посредством сети Интернет, то потерпевший должен предоставить всю информацию о посещении сайтов в ближайшее время.

Далее следователь осуществляет взаимодействие с органом дознания на предмет проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Также привлекаются специалисты для анализа имеющейся информации, которые могут вычислить провайдер и IP-адрес, с которого осуществлялись преступные действия [5].

Кроме того, следователь истребует информацию от банков, операторов сотовой связи и иных организаций, в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ, которые обязаны предоставить организации по соответствующему запросу. Количество действий, которые может предпринять следователь довольно обширно, однако большинство уголовных дел подлежат приостановлению, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Это обуславливается, прежде всего, тем, что преступники приспосабливаются к средствам и методами борьбы правоохранительных органов с данным видом преступлений. Совершая противоправные действия, лицо подключается через VPN, что делает невозможным определение его IP-адреса. Также при определении лица, действовавшего за пределами Российской Федерации, правоохранительные органы сталкиваются с проблемами запроса о правовой помощи в связи с неустановлением точного местоположения субъекта преступления, либо с несвоевременностью подачи.

Таким образом, мошенничество, совершенное с помощью информационно-коммуникационных технологий отличается рядом особенностей, которые затрудняют осуществлять эффективное расследование данных уголовных дел. Изобличение лиц, осуществляющих мошеннические действия, остается труд-

ной задачей для правоохранительных органов в связи с приспособлением преступников к современной системе борьбы с мошенничеством.

Литература

1. Барокко Л.А. К вопросу об особенностях мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1.
2. О национальной платежной системе [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Шарипова А.Р. Особенности расследования мошенничества с использованием сети Интернет // E-Scio. 2022. № 11 (74).

***Ю.С. Шаманина**, курсант 3 курса*
Волгоградская академия МВД России

Научный руководитель:
***О.А. Решняк**, канд. юрид. наук, доцент*
Волгоградская академия МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

Трансформация современной наркопреступности в Российской Федерации (далее – РФ) характеризуется переходом к высокотехнологичным бесконтактным схемам сбыта, что подтверждается динамикой статистических показателей. К 2025 г. количество выявленных фактов сбыта наркотиков возросло на 17,6 % относительно уровня 2024 г., составив две трети в общей структуре наркопреступности [4]. Современный способ совершения преступления изменился из простой передачи товара в сложную технологическую операцию, включающую использование зашифрованных мессенджеров, автоматизированных ботов автопродаж и многоуровневую систему логистики. Учитывая, что в 2020 г. доля сбытов наркотических средств, совершаемых через интернет, составляла 41,6 %, то очевидно, что в современных условиях глобальная сеть стала основной площадкой для их незаконного оборота [4].

Правонарушители в преступных целях массово задействуют интернет-магазины, мессенджеры, анонимные платежные системы и облачные сервисы, при этом сами практически полностью отказались от метода передачи «из рук в руки» в пользу тайников-закладок и сети «Даркнет» [2, с. 335]. Организаторы используют методы «цифровой конспирации», что обуславливает необходимость изменения тактики не только следственных действиях, но и оперативно-розыскных мероприятиях.

Для качественного расследования следователь классически опирается на полную криминалистическую характеристику, включающую предмет преступного посягательства, способ, обстановку, механизм следообразования и личность преступника. Но в современное время ключевой проблемой становится установление связи между участниками преступной группы. Процессуальная специфика расследования таких деяний в условиях усложнения способа совершения преступления требует расширения границ осмотра места происшествия. Помимо фиксации обстановки в точках размещения закладок и местах фасовки, основополагающее значение приобретает осмотр электронных устройств – смартфонов, планшетов, роутеров, персональных компьютеров и т. д. Данный процесс на рабочем этапе включает статическую стадию – внешний осмотр – и динамическую стадию, содержащую изучение программного обеспечения, анализ контактов, биллинга, истории данных браузера и иную значимую информацию [2, с. 335].

В современных условиях возникают две типичные следственные ситуации: задержание закладчика в момент совершения преступления и задержание приобретателя при заборе наркотика. В первой ситуации проводятся личный досмотр, освидетельствование на состояние наркотического опьянения, допрос о способе связи со сбытчиком, осматривается мобильный телефон на предмет электронных кошельков и переписок, изымаются смывы с рук и срезы с карманов для физико-химической экспертизы. Во второй ситуации следователь фокусируется на выявлении каналов связи с продавцом и способах оплаты. Прибыв на место происшествия, следователь обязан расширить границы осмотра за пределы точки задержания, изучая пути подхода и отхода, где правонарушитель мог что-то скинуть или обронить во время попытки скрыться с места происшествия.

Выявление незаконного сбыта наркотических средств осуществляется двумя основными способами: проведением оперативно-розыскных мероприятий и в ходе расследования уголовного дела по другому преступлению. Однако следственная практика сталкивается с серьезными проблемами выявления, среди которых наиболее значимыми, на наш взгляд, являются высокий уровень конспирации и анонимность участников преступной цепи [1]. Данные трудности усугубляются использованием криптовалютных «миксеров» и системы дропов, что разрывает связь между покупателем и организатором, затрудняет отслеживание финансовых операций [3]. Проблемы усиливаются тем, что сбытом запрещенных веществ преимущественно занимаются организованные группы, участники которых физически могут находиться в различных регионах страны либо даже вне юрисдикции РФ.

При этом важно учитывать риск использования программ удаленного уничтожения данных (типа «Антивор»). В этой связи при изъятии включенного устройства представляется необходимым незамедлительно переводить его в режим «полета» в присутствии понятых (или с применением видеозаписи) с обязательным протоколированием данного факта. Не стоит включать устройство, если оно выключено, в данном случае рекомендуется произвести только внешний его осмотр и назначить компьютерную экспертизу.

Для преодоления названных проблем представляется перспективным использовать и мобильные экранированные боксы для блокировки внешних сигналов в момент изъятия, что позволит нейтрализовать проблему дистанционного удаления данных, т. к. режим «полета» не способен всегда обеспечить безопасность данных, особенно, если включен Wi-Fi. Представляется также, что данное действие необходимо в протоколе фиксировать как технические меры по обеспечению сохранности информации. Однако после изъятия в краткие сроки криминалистически значимых данных целесообразно привлекать специалиста для того, чтобы в зависимости от состояния устройства включить его или отключить режим «полета». Данные действия необходимо предпринять в целях изучения информации, поступающей задержанному лицу. Кроме того, видится, что дефицит информации при допросах должен восполняться обязательным назначением лингвистических или фоноскопических экспертиз по записям телефонных разговоров и переписок, при их наличии.

Таким образом, современная трансформация способов незаконного сбыта наркотических средств требует от правоохранительных органов интеграции новых подходов, перехода от фиксации физических следов к анализу и защите информации, содержащейся на цифровых носителях. Совершенствование криминалистических методик расследования преступлений позволит предварительному следствию эффективно противодействовать высокотехнологичной наркопреступности и обеспечивать полноту доказательственной базы по уголовному делу в современных цифровых реалиях.

Литература

1. Герасимов И.Ф. Проблемы расследования преступлений, совершаемых организованными группами и сообществами // Криминалистика. 2000.

2. Иванова К.С. Расследование незаконного сбыта наркотических средств: специфика следственных действий в цифровой среде // Молодой ученый. 2025. № 49 (600).

3. Сулейманов Э.Р. Проблемы расследования незаконного сбыта наркотиков посредством сети Интернет // StudArctic forum. 2023. Т. 8, № 2.

4. Число выявленных фактов сбыта наркотиков в России за 2025 год выросло на 17 %. URL: https://profile.ru/news/society/chislo-vyyavlennyh-faktov-sbyta-narkotikov-v-rossii-za-2025-god-vyroslo-na-17-1825685/?ysclid (дата обращения: 12.03.2026).

***К.С. Шульга**, курсант 4 курса*
Омская академия МВД России

Научный руководитель:
***Е.А. Тюлеева**, канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

На сегодняшний день важным направлением практической деятельности выступает расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых на территории исправительных учреждений. Статистические данные опровергают тезис о том, что судебное решение о лишении свободы влечет снижение преступной активности заключенных.

Опираясь на данные, полученные в ходе изучения уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях, можно сделать вывод о том, что характерной особенностью подобных деяний является то, что они совершаются не только индивидуально, но и в составе различных преступных объединений – от групп, действующих по предварительному сговору, до организованных групп [2].

Ключевое значение в установлении личности лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотический средств и психотропных веществ в условиях, связанных с ограничением и лишением свободы в исправительных учреждениях УФСИН России, оказывает способ совершения указанного вида преступления.

Особенность криминальной среды обусловлена способностью адаптироваться к меняющимся реалиям, разрабатывая все новые методы преступной деятельности, учитывая возможности и знания сотрудников УФСИН России, органов предварительного расследования и уровень технологического прогресса. Так, в настоящее время существуют как контактные, так и бесконтактные способы передачи запрещенных веществ в исправительные учреждения [1, с. 33].

Говоря о контактном механизме совершения сбыта наркотических средств и психотропных веществ, следует отметить, что наиболее распространенными способами являются:

– использование свиданий с родственниками или другими лицами;

– реализация в периоды, когда осужденный находится вне стен колонии, например, на временных производственных объектах;

– передача веществ в процессе взаимодействия с коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов и общественных организаций;

– сбыт при этапировании – перемещении заключенного между исправительными учреждениями.

Как правило, контактный способ сбыта характерен для «старой школы», криминальные представители которой в силу своей длительной изоляции от общества, не сумели приспособиться к возможностям современных технологий. Указанные способы являются наименее безопасными для осужденных, поскольку существует высокая доля вероятности быть застигнутым в момент совершения преступления.

Наибольшее применение получил бесконтактный способ распространения наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы. Речь идет о перебросе через основное ограждение колонии, в т. ч. с применением технических приспособлений, таких как арбалеты, беспилотные летательные аппараты и аэромодели, а также отправка в посылках, бандеролях и передачах. Однако, несмотря на то, что указанные способы сбыта являются наиболее эффективными, следует отметить, что существуют сложности в их реализации, связанные с тщательным изучением территории, выбора места переброса с минимальным присутствием персонала и других заключенных, необходимостью обследования прилегающей местности, оценки регулярности и качества ее патрулирования исполнителем за пределами колонии.

Установление канала сбыта наркотических средств и психотропных веществ способствует установлению механизма следообразования органами предварительного расследования. Зачастую следы изготовления, выращивания, хранения, сбыта, перевозки, приобретения, а также следы потребления и воздействия на организм человека, являются основным инструментом в руках следователя, имея доказательственное значение в расследовании пенитенциарных преступлений.

В настоящее время проблема расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в условиях исправительных учреждений остается актуальной из-за специфики деятельности исправительных учреждений системы УФСИН России, появления адаптивных способов сокрытия и совершения указанного вида преступлений заключенными, а также созданной внутри исправительного учреждения иерархии [3, с. 88].

В связи с этим стоит констатировать, что установление причинной взаимосвязи способа совершения преступления, личности лица виновного и механизма следообразования, оказывает существенное влияние на расследование указанного вида преступления. Тесное взаимодействие с оперативными подразделениями, установление современных для преступного мира технических средств, использованных для совершения преступлений, проведение мероприятий по деструктуризации преступных связей внутри тюремной иерархии, способствует минимизации распространения наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях.

Литература

1. Звонова А.В., Журавлева Ю.В. Сбыт как основной способ проникновения наркотических средств и психотропных веществ на территорию мест

принудительной изоляции // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 2.

2. Обзор судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2024) (ред. от 22.12.2025). URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/33761.htm (дата обращения: 10.03.2025).

3. Ткачук Т.А., Бодяков В.Н., Киселев А.В. [и др.]. Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых в исправительных учреждениях: учеб. пособие. Владимир. 2018.

***И.А. Шулятицкий**, курсант 3 курса*
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Научный руководитель:
Е.В. Горчакова
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

В настоящее время цифровизация проникает во все сферы общественной жизни. Особенным новшеством в этой сфере стали технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), которые справедливо заняли позицию приоритетного направления развития научно-технического прогресса. Как справедливо отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении на Конференции по искусственному интеллекту в 2019 г., данные технологии обладают огромным потенциалом во всех сферах человеческой жизнедеятельности [5]. Определяющим документом стратегического планирования в данной области становится Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Согласно данному документу, под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение, и получать результаты, сопоставимые с результатами его интеллектуальной деятельности [4].

В условиях, когда «криминальный мир» также активно осваивает цифровые технологии и внедряет их в механизм совершения преступлений, внедрения ИИ в методику расследования преступлений приобретает особую актуальность.

Как отмечает Д.В. Бахтеев, «криминалистика всегда отличалась высокой восприимчивостью к технологиям, потенциально полезным в выявлении и раскрытии преступлений» [1, с. 43]. Однако ИИ представляет собой технологию принципиально нового уровня, сочетающую в себе как техническую, так и когнитивную составляющую, что открывает беспрецедентные возможности для организации расследования.

Обратимся к одному из наиболее ярких примеров практического применения методов машинного обучения в криминалистике, исследовании, проведенном под руководством А.А. Бессонова, направленном на изучение серийных преступлений, совершенных по сексуальным мотивам. Эмпирическую базу исследования составили данные о 1068 серийных преступлениях, совершенных 186 лицами с 1973 по 2018 г. С помощью методов регрессионного анализа и глубокого обучения ученым удалось выявить устойчивые корреляции между признаками преступлений и личностью преступника.

Результатом применения ряда математических моделей стал вывод искусственного интеллекта о том, что выбор жертв и способ совершения преступления существенно различаются в зависимости от удаленности места преступления от места жительства лица, совершившего преступление. При совершении преступлений на расстоянии более 3,5 км от дома преступники в полтора раза чаще выбирают жертв мужского пола, вдвое чаще используют только ножевые ранения и в три раза чаще перемещают труп [2]. Детальное изучение количества повреждений подтвердило, что лицам с психическими отклонениями свойственно наносить значительно больше телесных повреждений.

Подобный анализ позволяет значительно упростить этап планирования расследования и выдвижения следственных версий, поскольку имея подобную модель, мы попросту можем сравнить собранные при проведении первоначальных следственных действий данные с усредненными и унифицированными при помощи методов машинного обучения переменными. Предполагается, что подобная система позволит реализовать два ключевых направления расследования: от портрета преступника – к следам, и от портрета – к конкретному подозреваемому [3, с. 31].

Другим важным направлением использования ИИ, выделяемым Д.В. Бахтеевым, является задача распознавания. Наиболее показательным примером здесь служит система распознавания лиц. В Москве функционирует одна из крупнейших систем видеонаблюдения «Безопасный город» с использованием технологий компании NTechLab. Нейросети способны распознавать лица, скрытые масками или очками, а эффективность выявления разыскиваемых лиц достигает 80 % при попадании в объектив камеры. Результаты внедрения системы впечатляют: только в 2020 г. в Москве с ее помощью было раскрыто 5085 преступлений, включая 40 убийств и 2713 краж [6].

Несмотря на очевидную эффективность рассматриваемых нами методов, закономерно встает вопрос о доказательственном значении получаемой при помощи них информации. Очевидно, что в настоящее время обвинение не может быть основано исключительно на данных, полученных рассматриваемым путем. Такие доказательства являются исключительно косвенными. Однако иг-

норировать возможности ИИ по выявлению закономерностей, прогнозированию и построению следственных версий становится невозможно. Модели ИИ способны не только анализировать тенденции, но и предлагать возможные версии преступления, оценивать достаточность доказательств и даже проверять процессуальные документы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование искусственного интеллекта является важнейшим нововведением в методике расследования преступлений. Однако его полноценная интеграция в уголовный процесс и криминалистику сталкивается с объективным барьером: юристы не обладают достаточными компетенциями в области математики, инженерии и программировании для самостоятельной разработки таких систем, а технические специалисты – в области права, для успешной их интеграции в следственную деятельность.

Так, успешность разработки новых технических решений и дальнейшее их интегрирования в деятельность органов предварительно расследования зависит от успешности взаимодействия специалистов из указанных областей знания. Особенно важным становится разработка именно внутриведомственных решений в области искусственного интеллекта, предназначенных для раскрытия и расследования преступлений.

Литература

1. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4.

2. Бессонов А.А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 2 (78).

3. Бессонов А.А. Применение методов искусственного интеллекта для построения криминалистического портрета серийного преступника // Информационное право. 2021. № 1.

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

5. Путин назвал развитие искусственного интеллекта вопросом национальной безопасности. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62047 (дата обращения: 14.03.2026).

6. NTechLab: технология распознавания лиц. URL: https://ntechlab.com (дата обращения: 14.03.2026).

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

***А.А. Аферина**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних представляют собой одну из наиболее опасных категорий противоправных деяний, посягающих на нормальное физическое, психическое и нравственное развитие детей. Высокая латентность данных преступлений, совершение их в условиях неочевидности, а также особый статус потерпевших, выражающийся в малолетнем возрасте, психологических травмах, зависимости от преступника создают серьезные препятствия для их выявления и расследования в общеуголовном порядке. В связи с этим ключевая роль отводится оперативным подразделениям органов внутренних дел, деятельность которых направлена не только на раскрытие уже совершенных преступлений, но и на их выявление, пресечение и профилактику.

Прежде чем рассматривать работу оперативных подразделений по раскрытию преступлений против половой неприкосновенности, необходимо определить сущность понятия «половые преступления». Это умышленные общественно опасные деяния, имеющие объективно сексуальную природу. Они посягают на половую свободу и неприкосновенность личности и одновременно нарушают устоявшийся в обществе уклад сексуальных отношений.

На первоначальном этапе раскрытия преступлений складываются особые оперативно-розыскные ситуации, характер которых определяет построение версий, проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий, а также расследования в целом. Изучение практики расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних дает основание выделить три наиболее характерные оперативно-розыскные ситуации. Первая ситуация характеризуется наличием длительных и устойчивых связей между потерпевшим и виновным. Так, указанные лица являются членами одной семьи или родственниками. Отличительной чертой данной ситуации является то, что сексуальное насилие часто носит систематический характер. Исходя из этого, основная линия поведения оперативного работника должна строиться на использовании негласных способов. В рамках негласного «Опроса» может быть получена информация от педагогов, школьных психологов, соседей, подруг матери

в условиях, когда мать или другие лица скрывают правду из-за страха или зависимости от виновного лица [1, с. 2]. Также возникает необходимость в проведении ОРМ «Наведение справок». Направляются запросы в образовательные учреждения для получения характеристик на несовершеннолетнего и выяснения, не поступало ли от учителей сообщений о замкнутости, синяках или иных признаках неблагополучия; также в медицинские организации для установления количества обращений, возможного наличия следов побоев. Далее рассмотрим такие ОРМ как «Наблюдение» и «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», цель проведения которых заключается в подтверждении систематического характера насилия» [2, с. 3]. Наблюдение необходимо проводить за виновным, акцент сделать на моменты, когда он остается наедине с ребенком, зафиксировать его контакты, режим дня. Также необходимо наблюдать за поведением ребенка в общественных местах. Несовершеннолетний может бояться и не оставаться наедине с отцом или же отчимом.

Вторая ситуация подразумевает, что преступник и потерпевший также ранее уже видели друг друга, возможно, просто знакомы друг с другом. Например, могут находиться на определенной территории – школы. Ключевой особенностью является постепенное вхождение в доверие.

В рамках третьей ситуации потерпевший и преступник не знакомы. Поиск жертвы осуществляется в местах, где пребывают дети в благоприятных условиях для осуществления нападения, характеризующегося отсутствием очевидцев и плохой видимостью. Часто с целью сокрытия следов преступления виновное лицо идет на убийство потерпевшего.

При использовании сети Интернет в ходе совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних полностью меняется картина самого деяния, оставляя тем самым характерный «цифровой след», который является основным носителем оперативно-значимой информации. Так первоочередным оперативно-розыскным мероприятием по данному виду половым преступлениям является ОРМ «Наведение справок». Реализуя предоставленные законом полномочия, оперативный сотрудник направляет письменные обращения в различные органы власти, на предприятия и в организации, которые располагают значимой информацией для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Документирование результатов ведется по нескольким ключевым направлениям и, прежде всего, усилия сосредоточены на установлении: регистрационных данных об администраторах страниц в социальных сетях, о владельцах сайтов; сведений, связанных с использованием адресов электронной почты и облачных хранилищ; информации, размещенной в открытых источниках сети Интернет. Следующее обязательное для проведения оперативно-розыскное мероприятие – это «Наблюдение». Суть его заключается в фиксации значимой информации в интернет-пространстве. Нельзя не отметить важность проведения «Сбора образцов для сравнительного исследования». Например, при расследовании понуждения к действиям сексуального характера в сети Интернет необходимо зафиксировать и изъять текстовые сообщения

шантажирующего или угрожающего характера, возможные аудиофайлы, содержащие требования вступить в половую связь, а также изображения, которые виновный использует в качестве шантажа (интимные фотографии, которые раньше были получены от потерпевшего). В рамках проведения ООРМ «Исследование предметов и документов» возможно проведение психолингвистического исследования по содержанию электронной переписки лиц. По результатам его проведения устанавливается наличие или отсутствие обсуждения темы сексуальных отношений, указаний на возраст лиц, призывов к сексуальным действиям, угроз различного характера. Нередко переписка с несовершеннолетними в социальных сетях служит для виновных лишь подготовительной стадией к совершению контактных половых преступлений. В таком контексте ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» становится одним их ключевых оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих всесторонне задокументировать противоправную деятельность. В целях противодействия незаконному изготовлению и обороту порнографических материалов несовершеннолетних, допустимо проведение такого оперативно-розыскного мероприятия как «Проверочная закупка». В ходе последнего фиксируется факт купли-продажи доступа к облачному хранилищу с порнографией. Ход переговоров поэтапно фиксируется посредством создания скриншотов, а произведенный платеж удостоверяется соответствующими документами.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что деятельность оперативных подразделений по раскрытию половых преступлений несовершеннолетних требует комплексного подхода при выборе проведения тактики отдельных оперативно-розыскных мероприятиях.

Литература

1. Горбова В.В., Пучнин А.В. Особенности раскрытия преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних подразделениями уголовного розыска органов внутренних дел // Вестник ВИ МВД России. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raskrytiya-prestupleniy-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-nesovershennoletnih-podrazdeleniyami-ugolovnogo-rozyska (дата обращения: 04.03.2026).

2. Садыков А.У. Особенности расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Общество и право. 2017. № 4 (62). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-protiv-polovoy-neprikosnovennosti-nesovershennoletnih (дата обращения: 03.03.2026).

А.А. Басюбина, *курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Д.Н. Николаенко, *канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФСИН С ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ МВД И ФСБ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ГОТОВЯЩИХСЯ ИЛИ СОВЕРШАЕМЫХ ОСУЖДЕННЫМИ

Эффективность расследования преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы, напрямую зависит от качества межведомственного взаимодействия. Специфика пенитенциарной преступности, характеризующаяся высокой латентностью и ограниченностью пространства, требует объединения усилий оперативных подразделений ФСИН России с территориальными органами МВД и ФСБ. Актуальность темы взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России с территориальными органами МВД и ФСБ обусловлена ростом криминализации среды осужденных, попытками организации преступлений из мест лишения свободы, а также проникновением в исправительные учреждения запрещенных предметов, в т. ч. средств связи. Преступления, совершаемые осужденными, нередко имеют межрегиональный и транснациональный характер, что требует консолидации усилий всех правоохранительных органов [4].

Правовую основу такого взаимодействия составляет целый ряд нормативных правовых актов. Базовым является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Важным этапом в совершенствовании координации стало внесение изменений в ст. 4 Закона об ОРД, которые обязали МВД России и ФСИН России согласовывать с ФСБ России ведомственные нормативные акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРМ с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации [2].

Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, данная мера обусловлена накопленным в ФСБ опытом организации таких мероприятий и необходимостью единой технической политики [3].

Формы взаимодействия оперативных подразделений разнообразны.

Во-первых, это обмен информацией. Оперативные аппараты ФСИН, выявляя каналы поступления запрещенных предметов или факты подготовки побегов, передают информацию в МВД для отработки связей осужденных на свободе. В свою очередь, ФСБ координирует деятельность по пресечению преступлений экстремистской и террористической направленности среди заключенных [5].

Во-вторых, это проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий. Практика показывает высокую эффективность межведомственных аналитических групп, в состав которых входят сотрудники уголовного розыска, собственной безопасности и оперативных подразделений ФСИН. Особое значение такая координация приобретает в рамках противодействия организованной преступности, деятельность которой может охватывать территорию нескольких регионов и даже стран.

В-третьих, техническое и тактическое взаимодействие. При отсутствии у ФСБ необходимых оперативно-технических возможностей, мероприятия осуществляют органы внутренних дел. Это критически важно для пресечения мошенничеств, совершаемых осужденными с помощью сотовой связи (так называемые колл-центры в колониях) [1, с. 136].

Несмотря на развитую правовую базу, существует ряд проблем, снижающих эффективность взаимодействия:

1. До сих пор отсутствует единый законодательно утвержденный механизм взаимодействия, детально регламентирующий полномочия следователя по контролю за проведением ОРМ по его поручению. Следователи зачастую не имеют доступа к материалам дел оперативного учета, что затрудняет планирование следственных действий.

2. Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям УПК. На практике рапорты и справки оперативников ФСИН часто возвращаются следователями МВД России и СК РФ из-за нарушений, не позволяющих проверить данные в условиях судопроизводства.

3. Проблемы финансирования и технического оснащения. Оперативные подразделения ФСИН не всегда обладают современными техническими средствами, сопоставимыми с арсеналом ФСБ или МВД, что требует привлечения последних для проведения сложных технических мероприятий.

В целях совершенствования взаимодействия представляется необходимым:

– унифицировать межведомственные нормативные правовые акты, регулирующие порядок обмена информацией в электронном формате;

– на законодательном уровне закрепить обязанность оперативных подразделений всех ведомств предоставлять следователю по его запросу результаты ОРД в полном объеме (с соблюдением режима секретности);

– расширить практику проведения совместных учений и стажировок сотрудников оперативных подразделений ФСИН и МВД.

Таким образом, эффективное расследование преступлений, совершаемых осужденными, невозможно без тесного, законодательно урегулированного и технически обеспеченного взаимодействия оперативных подразделений ФСИН, МВД и ФСБ. Дальнейшее совершенствование этого механизма является важным резервом повышения раскрываемости преступлений и обеспечения режима законности в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. Золотарев Д.А., Ким В.В., Латынин Е.В. Правовые аспекты прерывания услуг связи осужденным, подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2 (35). С. 136–142.

2. О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.06.2015 № 170-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменения в статью 4 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: пояснительная записка к проекту федерального закона № 742094-6. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Состоялась коллегия по вопросам оперативного сопровождения предварительного расследования уголовных дел // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://sledcom.ru/news/item/517237 (дата обращения: 13.02.2026).

5. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

***Н.С. Бодрова**, курсант 4 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ ДАННЫХ ОПЕРАТИВНОЙ-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Как обоснованно подчеркивается в современных научных трудах, на практике сложилась противоречивая картина: несмотря на совершенствование ОРД, сохраняются серьезные сложности при предоставлении ее результатов для принятия процессуального решения. Это обусловлено в принципиальном расхождении природы оперативных сведений и процессуальных стандартов, предъявляемых к доказательствам в суде. Данное несоответствие формирует устойчивый системный вызов, для преодоления которого необходим всесторонний анализ.

Нормативно-правовую базу в данной сфере образует комплекс законодательных и подзаконных актов. Ключевое место среди них занимает Федераль-

ный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). Основополагающей процессуальной нормой выступает ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Существенное значение для единообразия практики имеет межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденная приказом от 27.09.2013 (далее – Инструкция), которая подробно регламентирует процедуру передачи результатов ОРД и их введения в уголовный процесс.

Однако действующая нормативная база характеризуется рядом серьезных недостатков. По справедливому замечанию Е. О. Киселева, основная трудность заключается в том, что правоприменительная практика регулярно сталкивается с ситуациями, когда оперативно значимая информация оказывается непригодной для использования в судебном разбирательстве вследствие нарушений, допущенных на этапе ее получения, либо из-за ненадлежащего оформления [1]. Особую остроту данная проблема приобретает в контексте применения современных технологических средств – цифровых систем наблюдения, инструментов обработки больших массивов данных и методов дистанционного контроля, поскольку существующие процедуры не всегда успевают адаптироваться к стремительному развитию технических возможностей.

В последнее время дискуссия относительно вовлечения оперативно-розыскных материалов в уголовный процесс перешла в качественно иную плоскость. Во исполнение поручения Президента Российской Федерации № Пр-613 от 25.03.2025 при Министерстве юстиции сформирована экспертная группа, перед которой поставлена задача «по рассмотрению вопроса об оптимизации досудебного производства по уголовным делам и его адаптации к реальным условиям». В ходе ее работы активно обсуждаются законодательные инициативы, способные существенно трансформировать устоявшийся порядок придания оперативной информации доказательственного значения. В центре внимания оказалось предложение, поступившее от МВД и других правоохранительных ведомств, – скорректировать ст. 89 УПК РФ таким образом, чтобы разрешить использовать результаты ОРД в доказывании без прохождения ими полной процессуальной процедуры легитимации.

Разработчики законопроекта аргументируют свою позицию совокупностью практических обстоятельств. Обращается внимание и на существующее в действующем законодательстве дублирование: оперативный работник собирает первичный материал, после чего следователь фактически заново совершает те же действия, придавая этим сведениям статус доказательств.

Выдвинутое предложение встретило решительное неприятие со стороны представителей адвокатуры и многих ученых-процессуалистов. Как отметил вице-президент Федеральной палаты адвокатов Р. Ф. Рубинштейн, участвовавший в работе экспертной группы, защита прав граждан в уголовном процессе категорически возражает против ослабления процессуальных требований, поскольку это неминуемо приведет к падению и без того недостаточно высоких стандартов доказывания и существенно ограничит гарантии для лиц, оказав-

шихся в сфере уголовного судопроизводства [6]. По мнению оппонентов реформы, институт легализации результатов ОРД исторически внедрялся именно с целью фильтрации сведений, поступающих в уголовное дело, и недопущения использования неподтвержденной информации.

Представляется маловероятным, что обозначенное противоречие удастся урегулировать посредством механического упразднения процессуальных гарантий в интересах оперативной выгоды. Как обоснованно указывается в научно-практических комментариях к уголовно-процессуальному законодательству, УПК РФ занимает особое место в системе нормативного регулирования, выступая единственным федеральным законом, предметно регламентирующим всю совокупность уголовно-процессуальных отношений. В случае возникновения противоречий между предписаниями УПК РФ и положениями иных федеральных законов приоритет надлежит отдавать именно нормам УПК РФ [2]. Из этого с неизбежностью вытекает, что любые законодательные предложения обязаны интегрироваться в сложившуюся конструкцию процессуальных гарантий, а не подрывать ее фундаментальные основания.

В научной литературе формулируются более сбалансированные варианты разрешения рассматриваемой проблемы. В частности, И.В. Литвинова аргументирует целесообразность включения в ст. 89 УПК РФ новой нормы, регламентирующей порядок придания результатам ОРД (включая компьютерную информацию) доказательственного значения сугубо в рамках процессуальной процедуры. Ключевым условием при этом выступает оценка допустимости электронных данных на основе двух критериев: во-первых, законности их получения согласно предписаниям Конституции Российской Федерации и ФЗ «Об ОРД»; во-вторых, обеспечения целостности и неизменности компьютерной информации на промежутке от момента ее выявления до передачи в распоряжение следователя [3, с. 38].

Анализ судебной практики показывает, что действующая Инструкция в целом обеспечивает возможность легитимации оперативных данных при условии ее надлежащего соблюдения. Так, в апелляционном определении Московского городского суда от 04.07.2025 по делу № 10-9867/2025 прямо указано, что результаты ОРМ отвечают предъявляемым УПК РФ требованиям к доказательствам, поскольку переданы следователю в соответствии с Инструкцией на основании вынесенных соответствующими должностными лицами постановлений о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну [4].

Резюмируя изложенное, проблема заключается не столько в несовершенстве самих нормативных предписаний, сколько в системных сбоях механизма их практической реализации. Таким образом, для повышения эффективности ОРД и обеспечения законности при ограничении конституционных прав граждан требуется комплексное совершенствование правового регулирования.

Литература

1. Киселев Е.О. Проблемы предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности для использования в судопроизводстве // Молодой ученый. 2025. № 29 (580). С. 75–77.

2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд. М.: Проспект, 2023. 659 с.

3. Литвинова И.В. Допустимость электронных доказательств, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3. С. 36–39.

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.07.2025 по делу № 10-9867/2025.

5. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2024 № 7у-3086/2024.

6. В России готовят оптимизацию Уголовно-процессуального кодекса // Официальный сайт Независимой Газеты. Новость от 12.11.2025. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-11-12/3_9378_polit1.html (дата обращения: 17.02.2026).

***В.А. Бугаева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.В. Климачков
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Современное состояние преступности несовершеннолетних продолжает оставаться одной из наиболее важных проблем, несмотря на наблюдаемые в последние годы тенденции к снижению абсолютных показателей. В этой связи особую актуальность приобретает анализ региональных особенностей преступности несовершеннолетних и эффективности реализуемых профилактических мер, что позволяет выработать более точные и адресные рекомендации по совершенствованию системы предупреждения противоправного поведения.

Анализ официальных статистических данных, характеризующих состояние преступности среди несовершеннолетних в Алтайском крае, свидетельствует о сохранении напряженной криминальной обстановки в молодежной среде региона.

Личностная характеристика несовершеннолетних преступников в Алтайском крае демонстрирует устойчивый преступный портрет: это преимущественно лица мужского пола (87,2 %), в возрасте 14-17 лет (71,4 %), не имеющие постоянного источника дохода (обучающиеся – 64,1 %, неработающие и не обучающиеся – 22,3 %). Обращает на себя внимание высокий уровень групповой преступности – 58,7 % всех преступлений совершено в соучастии, при этом в 14,3 % случаев в группы входили взрослые лица, вовлекавшие подростков в преступную деятельность. В текущем году наблюдается рост на 9,7 % числа

преступлений, совершенных несовершеннолетними в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Наиболее частыми преступлениями являются: кражи (42,1 %), грабежи (18,6 %), угоны (9,4 %), преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (8,9 %).

Совершенствование профилактики преступности несовершеннолетних, по мнению большинства ученых, должно идти по пути интеграции традиционных мер и инновационных подходов. Так, Е.В. Рогова и Е.В. Демидова-Петрова обосновывают необходимость широкого внедрения технологий «больших данных» (Big Data) в деятельность субъектов профилактики, что позволит аккумулировать информацию из различных источников (правоохранительных органов, медицинских учреждений, образовательных организаций, социальных служб), выявлять латентные криминогенные факторы, прогнозировать индивидуальное противоправное поведение и своевременно корректировать профилактические мероприятия. Важным направлением является развитие методов предупреждения преступлений, предполагающих разработку алгоритмов деятельности по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений несовершеннолетними.

Предупреждение преступности среди несовершеннолетних представляет собой комплексную социально-правовую проблему, эффективное решение которой возможно лишь при условии объединения усилий субъектов профилактики. Перспективными направлениями при этом являются: внедрение технологий «больших данных» и автоматизированных информационных систем в деятельность субъектов профилактики; развитие криминалистических методов предупреждения преступлений; совершенствование правового регулирования профилактической деятельности на региональном уровне; активизация работы по правовому просвещению несовершеннолетних и их родителей; усиление мер по противодействию вовлечения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность, особенно в сети Интернет. Только комплексное применение этих мер позволит создать эффективную систему предупреждения преступности несовершеннолетних, обеспечивающую защиту прав и законных интересов как самих подростков, так и общества в целом.

Литература

1. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 86–89.

2. Рогова Е.В., Демидова-Петрова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: возможности «больших данных» (big data) // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 2. С. 429–436.

И.Ю. Гермаш, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В современном мире преступность представляет серьезную угрозу жизни, здоровью, правам и свободам человека и гражданина, обществу и государству. Наибольшую опасность имеют преступления, которые характеризуются высоким уровнем латентности, т. к. безнаказанность лиц, совершивших противоправные деяния, провоцирует к их большему распространению. С каждым годом растет количество преступлений, раскрытие и расследование которых затрудняется использованием лишь уголовно-процессуальных средств. Это подтверждается официальной статистикой.

Всеобщая глобализация и цифровизация выступают определенным подспорьем лицам, в отношении которых ведется уголовное преследование, расширяя «арсенал» их методов противодействия правоохранительным органам. Ввиду чего последнее время возрастает роль результатов оперативно-розыскной деятельности как инструмента эффективной борьбы с новыми формами преступной деятельности.

Последнее время подчеркивается распространение использования результатов ОРД как средства уголовно-процессуального доказывания. Однако, как отмечается в юридической науке, низкая правовая регламентация данного «инструмента» повлекла увеличение жалоб в судебные органы, в т. ч. Верховный и Конституционный суды Российской Федерации. Это указывает на наличие определенных проблем как в уголовно-процессуальном законодательстве, так и в законодательстве, регулирующем сферу оперативно-розыскной деятельности.

Основное противоречие заключается в том, что нормы федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД), регламентирующие порядок применения результатов ОРД, отсылают к уголовно-процессуальному законодательству, однако дальнейшего развития в нормах УПК РФ не находят. Правовые акты, разработанные ведомствами для регулирования способов использования данных, полученных с помощью ОРД, в уголовном процессе, не решают указанные проблемы.

В свою очередь опыт следственной практики показывает, что общность когнитивных методов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности открывает возможности эффективного использования оперативной информации в процессе доказывания по уголовным делам, иногда становясь основным источником доказательств в суде [1, с. 81].

Продолжая дискуссию по поводу использования результатов ОРД в доказывании, следует отметить, что как в науке, так и среди правоприменителей отсутствует единое мнение по поводу разрешения существующей проблемы. Одни ратуют за упрощенную процедуру использования оперативных данных, другие – настаивают на обязательном принятии уголовно-процессуальной формы сведениями, полученными оперативными сотрудниками. Отсутствие единого подхода порождает правовую неопределенность: на практике это затрудняет работу следователей и оперативных сотрудников, снижая общую результативность противодействия преступности [2].

Использование результатов ОРД в доказывании начинается с их представления органам предварительного расследования согласно Межведомственной Инструкции. На этом этапе следователь должен активно проверять оперативные сведения: основания для проведения ОРМ, их соответствие ст. 8 ФЗ об ОРД, наличие (в установленных случаях) судебного решения и соответствие его срока фактическому сроку мероприятия, полномочия лица, утвердившего постановление о проведении ОРМ. Также подлежат проверке план ОРМ, применяемые тактики и технические средства, качество оформления документов, объем и полнота полученной информации и ее использование в расследовании. При необходимости у сотрудников и руководителей, проводивших ОРМ, запрашиваются письменные объяснения.

Конституционный Суд отмечает, что решение в каждом отдельном случае вопроса о том, являются ли конкретные материалы, представленные оперативными службами <…>, достоверными и допустимыми, и могут ли они, с учетом требований уголовно-процессуального закона, использоваться в качестве доказательств, относится к ведению судов общей юрисдикции [3]. Данные положения подтверждаются анализом судебной практики.

По нашему мнению, учитывая вышеизложенное, чтобы преодолеть системные проблемы, накопившиеся и выявленные за годы правоприменительной практики, целесообразно сформировать в рамках уголовно-процессуального законодательства и законодательства в сфере ОРД специализированный правовой институт, который бы исключил правовую неопределенность результатов ОРД. Он должен включать комплекс норм, детально регламентирующих все этапы работы с оперативными данными: от их собирания и надлежащего оформления до представления, проверки и последующего использования в качестве элементов доказательственной базы.

Как отмечает Е.Б. Мизулина, «нельзя не учитывать известного риска отрицательных побочных последствий оперативно розыскной деятельности. ОРД по своему характеру, особенностям (негласность большинства оперативно розыскных мероприятий, временное ограничение прав лиц, в отношении которых такие мероприятия проводятся, отсутствие гарантий, имеющихся в УПК РФ, и др.) чревата опасными нарушениями прав и свобод граждан. Поэтому, эффективно используя результаты ОРД в уголовном процессе, когда это действительно необходимо, нельзя допускать вытеснения ими подмены легальных доказательств, некритического восприятия оперативных данных и принятия на их основе процессуальных решений».

В связи с этим критически важен принцип соразмерности: оперативно-розыскные меры должны применяться только тогда, когда достичь цели иными (процессуальными) способами невозможно. Соответственно, результаты ОРД следует рассматривать как дополнительную альтернативу уголовно процессуальным доказательствам – мощную, но не подменяющую их.

Литература

1. Гришин А.И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Проблемы реализации судебной реформы в России. Саратов, 1998.

2. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно розыскной деятельности: монография. М., 2009.

3. По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.1999 № 18-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

***В.А. Егоров**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Мазкин
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРОППЕРОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях цифровизации общества дистанционные мошенничества приобрели массовый характер. Распространение дистанционных мошенничеств привело к устойчивому усложнению преступных схем, в которых ключевую роль играют дропперы – лица, предоставляющие свои банковские карты, счета или доступ к дистанционному банковскому обслуживанию для транзита, обналичивания и сокрытия похищенных денежных средств. Банк России прямо указывает, что человек, согласившийся предоставить свою карту для переводов за вознаграждение, фактически становится соучастником – дроппером, а банки ограничивают таким лицам доступ к карте и онлайн-банкингу.

Деятельность дропперов существенно осложняет процесс раскрытия преступлений, т. к. они выступают промежуточным звеном между организаторами преступной схемы и потерпевшими. В этой связи особую актуальность приоб-

ретает совершенствование оперативно-розыскной деятельности, направленной на их выявление и документирование.

В 2025–2026 гг. усилилась и профилактическая часть противодействия. С 1 марта 2025 г. действует самозапрет на заключение договоров потребительских кредитов и займов, с сентября 2025 г. введен обязательный период охлаждения по потребительским кредитам и займам, а также сервис «второй руки», позволяющий назначить доверенное лицо для подтверждения подозрительных операций. Эти меры снижают число ситуаций, когда гражданин под влиянием мошенников оформляет кредит или проводит перевод, а затем деньги уходят через дропперские цепочки. Банки в 2025 г. предотвратили 134,2 млн мошеннических операций и, по данным Банка России, сохранили клиентам 13,9 трлн рублей, что показывает, насколько критична именно ранняя антифрод-фильтрация.

Выявление дропперов осуществляется, как правило, на основе анализа финансовых операций, проводимых через кредитно-финансовые организации. К числу характерных признаков деятельности дропперов относятся: множественные транзакции от различных лиц, короткий промежуток времени между поступлением и списанием денежных средств, использование счетов, оформленных на социально незащищенные категории граждан, а также отсутствие экономического смысла в совершаемых операциях.

Значительную роль в выявлении дропперов играет использование возможностей оперативно-розыскных мероприятий, таких как наведение справок, получение компьютерной информации, а также взаимодействие с подразделениями, осуществляющими борьбу с преступлениями в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. При этом особое внимание уделяется установлению цепочек движения денежных средств, что позволяет выйти на организаторов преступной деятельности.

К 2026 г. противодействие этой категории преступлений стало более жестким и технологичным. В частности, федеральным законом от 24.06.2025 № 176-ФЗ в ст. 187 УК РФ внесены изменения, направленные именно на уголовно-правовое пресечение деятельности дропперов. Одновременно Банк России обновил признаки переводов без добровольного согласия клиента, а с 1 января 2026 г. банки используют расширенный набор признаков подозрительных операций, включая совпадение реквизитов получателя с базой Банка России, использование ранее скомпрометированного устройства, нетипичность операции, а также наличие возбужденного уголовного дела в отношении получателя средств[4].

Документирование деятельности дропперов представляет собой сложный процесс, требующий комплексного подхода. Основной задачей является фиксация фактов осведомленности лица о противоправном характере совершаемых действий. В практической деятельности, лица, которые являются дропперами, ссылаются на то, что были введены в заблуждение третьими лицами. В данном случае, главной задачей является сбор доказательств, подтверждающий преступный умысел лица. В качестве таких доказательств можно использовать переписку в мессенджерах, сведения о незаконном предоставлении доступа

к банковской карте третьим лицам, а также показания свидетелей. Также необходимо использовать результаты оперативных мероприятий, в ходе которых будут установлены факт обналичивания денежных средств, в т. ч. совершение финансовых операций или сделок с использованием электронных средств платежа. В данном случае важен комплексный анализ банковских операций, произведенных по конкретному банковскому счету, а также последующие транзакции [3].

Оперативно-розыскное документирование деятельности дропперов должно быть направлено не только на фиксацию факта перевода, но и на установление умысла, роли лица в преступной цепочке и его связи с организатором. Для этого важны не единичные эпизоды, а совокупность признаков: массовое использование одного счета, короткий цикл «поступление – вывод», одинаковые устройства входа, совпадение контактных данных, переписка о «легком заработке», передача реквизитов третьим лицам, а также повторяемость операций после первого подозрительного транша. Благодаря базе данных Банка России имеется возможность отследить в какой банк и на какой конкретно счет ушли денежных средства, а также последующий детальный анализ банковских операций позволяет отследить и выявить, а в последующем заблокировать переводы на установленные банковские реквизиты [1].

Одной проблем также является вопрос разграничения дропперов, на лиц которые действовали осознанно и умышленно, а также на лиц, которые были вовлечены в данный вид преступной деятельности неосознанно, или же путем обмана. В данном случае для установления истинного умысла лица необходимо оценить совокупность всех собранных материалов и индивидуальный подход к каждому случаю.

На сегодняшний день для решения сложившихся на практике проблем наиболее рационально следует применять следующие решения:

Во-первых, сотрудникам полиции необходимо видеть полную картину произведенных банковских операций и весь путь движения денежных средств, включая все последующие дробления суммы, снятие наличных денежных средств через банкоматы, выводы и переводы денежных средств в иные активы. Это позволит отследить банковские реквизиты, которые были использованы, а также в последующем заблокировать мошеннические операции и банковские счета.

Во-вторых, необходимость развития быстрых каналов передачи сведений о подозрительных реквизитах, устройствах, получателях и повторяющихся паттернах операций.

В-третьих, профилактика вовлечения граждан в дропперство должна строиться не только на предупреждениях, но и на экономическом сдерживании. Банк России подчеркивает, что использование личных счетов для сомнительных задач недопустимо, а получатели таких схем рискуют блокировкой карты и дистанционного банковского обслуживания. Следовательно, публичная профилактика должна быть адресной: для студентов, безработных, подростков, мигрантов, лиц с финансовыми трудностями и тех, кто ищет быстрый заработок в мессенджерах и социальных сетях.

Таким образом, в 2026 г. противодействие дропперам и дроповодам должно строиться на трех уровнях: уголовно-правовом, оперативно-розыскном и финансово-аналитическом. Наиболее эффективной моделью становится не последующее преследование уже выведенных денег, а раннее выявление транзитных счетов, устройств и лиц, вовлеченных в преступную инфраструктуру. Совокупность новых норм ст. 187 УК РФ, расширенных антифрод-признаков Банка России, обязательного периода охлаждения и сервисов превентивной защиты граждан создает основу для более результативного раскрытия и пресечения дистанционных мошенничеств.

Литература

1. Васильева А.В. Дропперы в системе киберпреступности: уголовно-правовые проблемы квалификации и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/droppery-v-sisteme-kiberprestupnosti-ugolovno-pravovye-problemy-kvalifikatsii-i-perspektivy-zakonodatelnogo-regulirovaniya (дата обращения: 10.04.2026).

2. Волосевич И.Н. Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистического анализа: постановка проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepravomernyy-oborot-deystvuyuschih-elektronnyh-sredstv-platezha-dropperstvo-kak-obekt-kriminalisticheskogo-analiza-postanovka (дата обращения: 11.04.2026).

3. Какие признаки мошеннических переводов применяются с 1 января 2026 года. URL: https://cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/11403 (дата обращения: 09.04.2026).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из правовой системы «КонсультантПлюс».

***М.В. Зозуля**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЗАДАЧИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ОСНОВАНИЯМИ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Актуальность рассматриваемой проблемы объясняется, прежде всего, тем, что на практике признаки преступления обнаруживаются гораздо раньше момента, когда у уполномоченного накапливается достаточный объем данных для принятия решения согласно требованиям УПК РФ. Судебная практика последовательно исходит из того, что результаты оперативно-розыскных мероприятий сами по себе не образуют доказательств и приобретают доказательственное значение лишь после их надлежащего процессуального закрепления. Конституционный Суд Российской Федерации прямо указал, что результаты ОРМ представляют собой не доказательства, а сведения об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только при строгом соблюдении требований уголовно-процессуального закона [2]. Верховный Суд Российской Федерации, в свою очередь, разъяснил, что если доказательства, сформированные на основе результатов ОРД, признаны недопустимыми, такой дефект не может быть восполнен допросом сотрудников, проводивших оперативно-розыскные мероприятия [1]. Дополнительно значение имеет и решение Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № АКПИ23-241, которым подтверждена законность ключевых положений Инструкции о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд [3]. Следовательно, для правомерного использования результатов ОРД недостаточно самого факта проведения мероприятия, необходимы: законное основание его проведения, соблюдение условий осуществления, а также надлежащее оформление и процессуальное введение полученных сведений в доказывание.

В современной доктрине также проводится различие между основаниями и условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий. М.И. Максимов обоснованно указывает на недопустимость смешения этих категорий, поскольку такое смешение ведет к расширительному пониманию поводов для оперативного вмешательства [8]. И.В. Бунова и С.Н. Чурилов, рассматривая использование результатов ОРД в доказывании, исходят из того, что такие результаты не используются в уголовном процессе в «чистом виде», а подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности после их процессуального оформления [4]. Эти позиции подтверждают, что проблема состоит не только в абстрактном несовпадении ст. 2 и 7 Закона об ОРД, но и в недостаточ-

ной нормативной определенности перехода от оперативной информации к процессуально значимому материалу.

Главная трудность заключается в том, что задача выявления преступлений и основание для проведения оперативно-розыскного мероприятия обладают разным правовым значением. Статья 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет выявление преступлений как общее направление работы, тогда как ст. 7 данного закона устанавливает наличие сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших. Закон не раскрывает, какой объем информации следует считать достаточным для начала конкретного мероприятия, в какой форме такие сведения должны быть зафиксированы и насколько должны быть проверены. Вследствие этого задача выявления преступлений на практике иногда воспринимается слишком широко и фактически подменяет собой требование о наличии законного основания. Сложность усиливается тем, что ст. 6 того же закона перечисляет оперативно-розыскные мероприятия, но не определяет, какое из мероприятий допустимо при определенном объеме подтвержденной исходной информации. В итоге при схожих обстоятельствах принимаются разные решения, а единый подход к оценке исходных данных выражен недостаточно [8, с. 77].

Не менее важная проблема возникает при сопоставлении Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и УПК РФ. Статья 140 УПК РФ требует наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а ст. 144 УПК РФ устанавливает порядок проверки сообщения о преступлении. Одновременно ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» также использует формулу о сведениях, связанных с признаками противоправного деяния. Вместе с тем закон недостаточно определяет, в какой момент оперативная проверка должна перейти в стадию процессуального решения [5, с. 425].

Решение данной проблемы возможно через более точное законодательное регулирование. В статье 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» целесообразно закрепить, что основанием для проведения оперативно-розыскного мероприятия могут быть только конкретные, проверяемые и документально оформленные сведения о признаках преступления. В статье 6 того же закона разумно установить правило о соразмерности между объемом исходной информации и видом выбираемого мероприятия [6, с. 57]. Статью 8 следует уточнить через более точное определение признаков неотложности и условий последующего контроля [6, с. 57]. Одновременно согласовать данные положения со ст. 89, 140 и 144 УПК РФ, чтобы в законе был более определен момент перехода от оперативной проверки к процессуальной форме. Межведомственную Инструкцию от 27.09.2013 дополнить требованием об обязательном отражении источника исходной информации, даты поступления, краткого содержания сведений и мотивов выбора конкретного мероприятия [7, с. 88].

В реальности картина выглядит существенно сложнее. Действующее законодательство до сих пор не дает достаточно ясного представления о том, в какой именно момент общая задача выявления преступлений переходит в проведение конкретного оперативно-розыскного мероприятия. По сути, преодолеть эту неопределенность можно лишь через более точное законодательное закрепление оснований и условий осуществления ОРМ, строгое разграничение оперативной проверки от процессуального этапа, а также подробную регламентацию порядка документирования и передачи полученных сведений. Такие поправки позволят достичь большего единообразия в правоприменительной практике, повысить обоснованность принимаемых решений и обеспечить более действенную защиту прав граждан.

Литература

1. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025). URL: https://vsrf.ru/documents/own/8528/ (дата обращения: 15.03.2026).

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каланчева Вадима Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.11.2005 № 448-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующими пунктов 9, 10 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд… [Электронный ресурс]: решение Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2023 № АКПИ23-241. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Бунова И.И. Процессуальные особенности использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о преступлениях против личных прав и свобод человека и гражданина // Лоббирование в законодательстве. 2022. № 1. С. 43–46.

5. Бессонов В.А., Введенский А.Ю. Направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 423–426.

6. Волобоев О.А., Романенко Е.А. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 1. С. 57–60.

7. Гирько С.И. Харченко С.В. Некоторые вопросы оперативно-розыскного обеспечения раскрытии и расследовании преступлений // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 86–91.

8. Кудравцев А.В. О некоторых направлениях повышения эффективности оперативно-розыскного сопровождения выявления и расследования преступлений // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20. № 1. С. 76–79.

9. Максимов М.И. Проблемы определения и разграничения оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий // Юристъ-Правоведъ. 2025. № 2 (113). С. 181–185.

***Е.В. Кобзева**, курсант 3 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.А. Мазкин
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПРОСЛУШИВАНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ», ПРОВОДИМЫХ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Прослушивание телефонных переговоров (далее – ПТП) является одним из негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), основной целью которого является фиксация входящих и исходящих соединений фигуранта, ведущихся с абонентских номеров операторов сотовой связи, IMEI номеров или стационарных телефонов, проводимое специально-техническими подразделениями [3].

Информация, получаемая сотрудниками (инициаторами) оперативных подразделений в результате проведения такого ОРМ, как ПТП, является уникальной, т. к. может содержать информацию о подготавливаемом, совершаемом, совершенном преступлении, о лицах причастных к преступной деятельности, местонахождении похищенного, орудий и предметов совершения преступления и иная оперативно-значимая информация [1].

Одним из ключевых моментов использования результатов ПТП является его анализ. Рассмотрим один из возможных примеров разговора:

Иван: Петр привет. Ты готов ехать на рыбалку?

Петр: Да, Иван, привет. Конечно, готов, сейчас только все снасти необходимые соберу, заправлю автомобиль и за тобой.

Иван: Хорошо, жду.

При анализе данного разговора оперативный сотрудник может не предать этому значение, особенно при получении первоначальных результатов проведения ПТП. Но на самом деле данные фигуранты планировали совершение преступления

Все результаты ПТП могут быть использованы в доказывании лишь тогда, когда они представлены следователю в установленном законом порядке, а именно в соответствии со ст. 7,8 и 9 ФЗ №144 «Об оперативно розыскной деятельности» [4]. При наличии каких-либо нарушений может возникнуть вопрос о допустимости их вовлечения в уголовный процесс [2].

Российская Федерация является многонациональным государством. На территории каждого субъекта проживают различные национальности. В связи с этим и преступления совершаются лицами различной национальности.

Основной проблемой анализа результатов ПТП в отношении данной категории граждан является перевод их разговоров. Не стоит забывать, что у каждой национальности множество диалектов. Согласно ст. ФЗ № 144 «Об оперативно розыскной деятельности», привлечение специалистов-переводчиков происходит из числа должностных лиц и специалистов, а также отдельных граждан с их согласия на гласной или негласной основе [4]. В связи с этим оперативные работники сталкиваются с проблемой привлечения вышеуказанных специалистов для перевода результатов ПТП, т. к. зачастую на территории оперативного обслуживания нет таких лиц, а если они и есть, то в силу своей этнической принадлежности и каких-либо «устоев», «понятий» отказываются содействовать органам дознания [2].

Таким образом, пропадает момент оперативности. Фигурант за это время, может распорядиться похищенным, уничтожить орудия или предметы совершения преступления, а в некоторых случаях оказать давление на потерпевшего, свидетелей и т. п., тем самым оперативный работник упускает момент документирования и раскрытия преступной деятельности [1].

Единственный способ более оперативного перевода результатов ПТП – это выполнение функции переводчиков сотрудниками, но к сожалению в реальности это не всегда возможно, т. к. не везде имеются сотрудники, владеющие иностранными языками [3].

Эта проблема может быть решена, если в штате будет оперативный сотрудник, владеющий иностранным языком (в этом случае целесообразно предусмотреть специальные языковые курсы, особенно для таких распространенных языков, как цыганский, азербайджанский, узбекский, таджикский и другие языки).

Проблема с отсутствием у гражданских переводчиков допуска к государственной тайне может быть решена посредством создания в России института судебных переводчиков [2].

Если рассмотреть этот вопрос широко, особенно в реалиях нашего времени, то решать проблему оперативного перевода нужно глобально, в этом поможет создание службы государственных переводчиков для оказания переводческих услуг в рамках уголовно-процессуальной, социальной, политической и других сфер жизни, а также внедрение искусственного интеллекта для более быстрого перевода результатов ПТП, что гораздо упростит работу сотрудников и позволит более оперативно раскрывать преступления.

Литература

1. Билай А.А., Омелин В.Н., Чукарин К.В. Проблемы законодательного регулирования условий проведения прослушивания телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. 2008. № 1. С. 3–58.

2. Гавриков Е.В. Прослушивание телефонных переговоров. Способ реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Закон и право. 2020. № 8. С. 147–149.

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Чечетин А.Е., Шатохин И.Д. Некоторые проблемные вопросы правового регулирования прослушивания телефонных переговоров // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6. С. 112–118.

***Ю.Р. Коваль**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Успешное раскрытие преступлений и качество предварительного следствия находятся в прямой зависимости от слаженности действий различных служб органов внутренних дел. Ключевое значение здесь приобретает совместная работа следователей и сотрудников оперативных подразделений МВД России. Процесс собирания и проверки доказательств по уголовному делу является комплексной процедурой, объединяющей юридически регламентированные действия следователя с результатами оперативно-розыскных мероприятий. Учитывая, что современная преступность отличается высокой степенью организации, выходом за национальные границы и активным использованием технологий, перед сотрудниками полиции остро стоит задача оперативного объединения ресурсов и мгновенной координации усилий.

Согласно воззрениям Р.С. Белкина, под взаимодействием следует понимать скоординированную по целям, временным параметрам и месту деятельность структур, не находящихся в отношениях административного соподчинения, которая базируется на нормах закона и ориентирована на достижение задач уголовного судопроизводства [1]. Ключевым в данной дефиниции выступает указание на отсутствие властно-управленческой вертикали между участниками, что принципиально отличает рассматриваемое явление от механизмов ведомственного контроля или субординационного руководства.

В свою очередь, Е.Н. Арестова считает, что взаимодействие следствия и оперативных подразделений – это взаимная помощь и взаимное содействие

органов дознания и органов предварительного следствия, оказываемое в процессе расследования преступлений [2].

В криминалистической науке сложилось понимание двух типов взаимодействия следователей и оперативников: процессуального (нормы УПК) и организационно-тактического (ведомственные инструкции и практический опыт).

Основные формы совместной работы выглядят следующим образом:

– Обмен информацией. Это базовый элемент сотрудничества, предполагающий взаимное предоставление данных: следователь изучает оперативные материалы, оперативник знакомится с материалами дела. Важнейшее условие – быстрота передачи сведений и их совместная оценка, что позволяет сохранить в тайне источники и методы получения информации.

– Методическая поддержка. Особенно значима на этапе первичного документирования преступления. Предварительное изучение следователем оперативных данных еще до возбуждения дела помогает верно определить доказательственную ценность материалов и не допустить ошибок на старте расследования.

– Комплексные тактические мероприятия. Объединение ресурсов следствия и оперативных служб позволяет одновременно решать несколько задач: искать соучастников, собирать улики, проверять причастность подозреваемого к другим преступлениям.

– Рабочие встречи. Регулярные совещания служат площадкой для обсуждения текущих вопросов, анализа недочетов и планирования дальнейших действий, что напрямую влияет на качество взаимодействия.

В научной литературе проблематика взаимодействия следователей и оперативных сотрудников неоднократно становилась предметом исследования. Так, С.М. Вологин (1995) к числу основных препятствий относил: ведомственную разобщенность, негативно сказывающуюся на раскрытии преступлений; формализм оперативников при выполнении поручений (отчасти спровоцированный размытостью самих заданий); ограничение процессуальной самостоятельности следователя вследствие его подчиненности руководителю ОВД; отсутствие учета психологической совместимости членов следственно-оперативной группы. В качестве одного из путей оптимизации автор предлагал внедрение практики промежуточных отчетов оперативников перед следователем [3].

Проведенный нами опрос выявил, что основным препятствием для эффективного взаимодействия 82 % респондентов из числа следователей считают рассогласованность ведомственных показателей. Если для оперативного состава приоритетом выступают статистические данные о раскрытии преступлений, то следователи ориентированы на процессуальную чистоту закрепления доказательств.

Особую остроту проблема приобретает на этапе передачи результатов оперативно-розыскной деятельности. Две трети опрошенных следователей (67 %) констатируют нарушения в оформлении поступающих документов. Наиболее распространенными недостатками названы: отсутствие сведений об источнике информации, затрудняющее проверку допустимости (42 %), нару-

шение сроков передачи материалов (38 %) и их неполнота, требующая дополнительных запросов (20 %).

Акцентируют внимание на проблеме дифференциации доступа к секретным материалам А.Ю. Сухаруков и О.О. Чужикова. Оперативные сотрудники, имеющие допуск по форме № 2 (совершенно секретно), и следователи, работающие с формой № 3 (секретно), обладают неодинаковым объемом информации, что не позволяет следствию сформировать целостную картину события [4].

Целесообразно ввести следующие меры по совершенствованию совместной работы следователя и оперативного сотрудника:

Организационные:

– единые показатели для СОГ (ориентация на качество доказательств, подтвержденное приговором);

– обязательное совместное планирование ключевых следственных действий.

Нормативные:

– уравнивание допусков для следователей по отдельным категориям дел либо введение «офицера связи»;

– усиление статуса отдельного поручения с дисциплинарной ответственностью за его неисполнение.

Тактические:

– разработка типовых тактических операций с распределением ролей;

– полугодовые межведомственные учения.

Технические:

– единая защищенная информационная среда;

– оснащение СОГ мобильными криминалистическими лабораториями.

Кадровые:

– учет психологической совместимости при формировании СОГ;

– взаимные стажировки.

Таким образом, реализация вышеуказанных мер будет способствовать оптимизации взаимодействия между органами предварительного расследования и сотрудников оперативных подразделений в ходе доказывания по уголовным делам, что, в свою очередь, повысит качество расследования, результативность совместной деятельности, а также укрепит законность и обоснованность принимаемых решений.

Литература

1. Арестова Е.Н., Есина А.С., Фадеев П.В. Предварительное следствие в органах внутренних дел. Взаимодействие следователя с участниками уголовного судопроизводства: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2021.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: учебный словарь-справочник. М.: Юристъ, 1999.

3. Малахова Л.И. Принципы, содержание и процессуальные аспекты взаимодействия следователя и органов дознания // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 92–99.

4. Сухаруков А.Ю., Чужикова О.О. Проблема взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений // Epomen.Global. 2024. № 54. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vzaimodeystviya-sledovatelya-i-sotrudnikov-operativnyh-podrazdeleniy.

В.А. Козлова, *курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Д.Н. Николаенко, *канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуальность темы совершенствования законодательства об оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в современной России обусловлена совокупностью факторов, требующих незамедлительного пересмотра сложившихся правовых подходов. Во-первых, стремительная цифровизация всех сфер жизни общества создала принципиально новые вызовы: преступность активно осваивает киберпространство, мессенджеры и криптовалюты, в то время как правовые механизмы проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в цифровой среде до сих пор не получили адекватного законодательного закрепления. Во-вторых, сохраняется высокая латентность нарушений закона при проведении ОРМ, что обусловлено конспиративностью данной сферы и низкой эффективностью надзорных механизмов.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» был принят 12.08.1995 [5]. За почти три десятилетия своего существования закон подвергался многочисленным точечным изменениям: общее количество поправок исчисляется десятками, однако они носили преимущественно ситуативный характер, касаясь компетенции отдельных ведомств или перечня ОРМ. Системного обновления, учитывающего современные реалии и потребности гармонизации с иными отраслями права, так и не произошло.

Фундаментальной проблемой правового регулирования ОРД является избыточное регулирование данной сферы подзаконными актами, значительная часть которых имеет гриф секретности. ФЗ «Об ОРД» содержит преимущественно рамочные положения, тогда как детальная регламентация ключевых процедур (ведение дел оперативного учета, порядок предоставления результатов ОРД, основания проведения ОРМ) осуществляется на уровне закрытых ведомственных инструкций МВД, ФСБ и иных субъектов ОРД [1, с. 145].

Отсутствие открытой процедуры ставит гражданина и его защитника в положение правовой неопределенности: адвокат не имеет доступа к правилам, по которым проводились ОРМ, и не может проверить законность действий оперативных сотрудников. Суды при этом ссылаются на положения секретных инструкций, недоступных стороне защиты, что нарушает принцип состязательности и право на справедливое судебное разбирательство [2].

Представляется необходимым законодательное закрепление ключевых процедурных гарантий непосредственно в тексте ФЗ «Об ОРД». Требуется детальная регламентация на уровне федерального закона порядка ведения дел оперативного учета, процедуры рассекречивания результатов ОРД и оснований проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан. Минимизация ведомственного нормотворчества повысит прозрачность ОРД и укрепит гарантии прав граждан.

Другой проблемой является факт того, что современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни, что порождает новые вызовы для законодательства об ОРД. Преступность активно осваивает мессенджеры, криптовалюты и технологии Big Data, однако правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в цифровой среде существенно отстает от темпов технологического развития.

Ключевая проблема заключается в отсутствии законодательно урегулированного порядка снятия информации с новых технических каналов связи. Проведение ОРМ в мессенджерах, социальных сетях и иных цифровых платформах осуществляется по аналогии с традиционными средствами связи, что не учитывает специфики современных коммуникаций. Это приводит к систематическим нарушениям тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантированной ст. 23 Конституции Российской Федерации. Практика идет по пути расширительного толкования устаревших норм, что создает риск признания полученных доказательств недопустимыми [3, с. 215].

Понятийный аппарат ФЗ «Об ОРД» морально устарел: в законе отсутствуют определения ключевых категорий («электронный носитель», «виртуальный осмотр», «снятие информации из компьютерных систем»). Это порождает правовую неопределенность и позволяет оперативным сотрудникам действовать по собственному усмотрению, а не по закону. Представляется необходимым проведение системной актуализации законодательства об ОРД в части цифровых технологий. По мнению автора, требуется:

1. Введение в понятийный аппарат ФЗ «Об ОРД» современных терминов: «электронный носитель», «виртуальный осмотр», «снятие информации из компьютерных систем», «оперативно-розыскной мониторинг».
2. Установление особого порядка судебного санкционирования для цифровых оперативно-розыскных мероприятий с учетом их специфики (скоротечность, возможность удаленного уничтожения данных).
3. Законодательное закрепление процедур изъятия электронных носителей и копирования цифровой информации в ходе ОРМ с обязательным участием понятых или применением видеозаписи.

Это позволит привести ОРД в цифровой среде в соответствие с конституционными гарантиями и обеспечить допустимость полученных результатов в уголовном процессе.

Проведенное исследование показывает: законодательство об ОРД нуждается в системном обновлении. ФЗ «Об ОРД» сохранил рамочный характер, а ключевые процедуры оказались в ведении закрытых ведомственных инструкций, недоступных стороне защиты. Реализация предложенных мер позволит привести оперативно-розыскную деятельность в соответствие с конституционными гарантиями прав граждан, повысить качество уголовного судопроизводства и восстановить доверие общества к правоохранительной системе. Баланс между эффективностью борьбы с преступностью и защитой прав человека должен стать основой любой реформы в данной сфере.

Литература

1. Омелин В.Н. О законодательных условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Закон и право. 2019. № 10. С. 144–146.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кузнецов А.В., Ерохин В.Н., Люев Т.Х. Теоретические и практические проблемы реализации оперативно-розыскных мероприятий как средств получения оперативно-значимой информации // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 212–219.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В.Ф. Косинова, *курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Д.Н. Николаенко, *канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный этап развития правоохранительной системы характеризуется поиском инструментов для противодействия криминальным угрозам в цифровую эпоху. Преступность быстро меняется, становясь более латентной и технически оснащенной. В этих условиях технологии искусственного интеллекта рассматриваются руководством страны и МВД России как один из драйверов повышения эффективности борьбы с преступностью. Их внедрение осуществляется в рамках Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г. и ведомственных программ цифровой трансформации [7]. Однако, как показывают исследования, этот процесс сопряжен с комплексом серьезных проблем, требующих безотлагательного решения.

Главный барьер – это неразвитость нормативной базы Действующие законы (например, ФЗ «Об ОРД») не содержащие норм для алгоритмов ИИ, порождают правовую неопределенность ответственности за ошибочные решения [2; 5, с. 280]. Отсутствуют и обязательные стандарты сертификации: как отмечала Счетная палата, при внедрении системы прогнозирования преступности в Москве решения ИИ не проходили проверки [3]. Разработка профильного законопроекта, инициированная МВД России в 2023 г., была отложена из-за дискуссий о пределах автоматизации.

Существует также проблема качества алгоритмов. ИИ обучается на данных, и если они неполны, выводы неточны. Алгоритмы могут воспроизводить предубеждения: система «Стриж» из-за нерепрезентативных выборок снижает точность на 15–20 % при идентификации жителей Северного Кавказа, что создает риски необоснованного привлечения к ответственности [1, с. 78–92]. Проблема усугубляется непрозрачностью: разработчики редко раскрывают источники данных, а многие алгоритмы работают по принципу «черного ящика», не объясняя логику решений, что создает трудности для следствия и суда [10, с. 454–456].

Безопасность данных и защита от кибератак находится в зоне особого внимания. Внедрение ИИ расширяет поверхность для атак: по данным Центра кибербезопасности МВД, инциденты с системами видеоаналитики в 2022–2023 гг. выросли на 40 %. Злоумышленники используют методы внесения по-

мех, делая человека «невидимым» для камер. Критична проблема защиты персональных данных: хранение биометрии в единых базах повышает риски утечек (в 2022 г. утекли данные 1,2 млн граждан из системы «Безопасный город» в Татарстане). Ситуацию усугубляет зависимость от иностранного ПО с недокументированными функциями [8, с. 180–186]. Решением будет являться последовательный переход на отечественные аппаратно-программные средства.

Эффективность ИИ зависит не только от качества данных, но и от квалификации специалистов. В МВД ощущается нехватка кадров, владеющих программированием, статистикой и спецификой правоохранительной деятельности [9, с. 161–168]. В вузах МВД такие дисциплины только внедряются, и необходимо создание центров компетенций. Существует также разрыв между техническими специалистами и руководством: первые не всегда доступно объясняют преимущества технологий, а вторые с осторожностью относятся к инновациям.

Успешное функционирование систем прогнозной аналитики требует качественных данных и современной инфраструктуры. Однако на практике в ОВД многих регионов используются устаревшие данные 2010-х годов, что снижает их точность на 30–35 % [6]. Данные зачастую не совпадают, а внедрение новых сервисов с устаревшими системами (например, АИПС «Розыск») крайне затруднена и требует усовершенствования. Тем не менее уже сейчас реализуются пилотные проекты по использованию ИИ для анализа биологических следов и выявления серийных преступлений.

Многие зарубежные страны движутся в направлении регулирования ИИ в сфере правоохранительной деятельности. AI Act это европейский регламент, который относит системы ИИ, применяемые полицией и судами, к категории «высокого риска», из чего исходит обязательная сертификация и человеческий контроль за решениями алгоритмов, а также право граждан на объяснение полученных результатов [4]. Комплексное решение данных проблем находиться в создании цифровой системы искусственного интеллекта МВД России, которая должна объединить несколько направлений: управленческое (научно-технические и специализированные подразделения), технологическое (отечественные разработки и защищенная инфраструктура), образовательное (подготовка кадров) и нормативное (пакет стандартов и регламентов).

Также в качестве инновационного предложения предлагается создать в рамках этой системы полигон ситуационного моделирования, представляющий собой VR-платформу с цифровыми двойниками для обучения сотрудников. На основе реальных данных она будет генерировать различные криминальные сценарии. Сотрудник погрузится в виртуальную среду, где ИИ управляет цифровыми двойниками, подстраивающейся под его действия в реальном времени. Это даст возможность на получение опыта работы в критических ситуациях без риска для жизни.

Современный этап цифровой трансформации правоохранительной системы России характеризуется наличием существенного разрыва между стратегическим курсом на внедрение искусственного интеллекта и реальным состоянием правовых, технологических и кадровых ресурсов. Проведенный анализ показывает, что использование ИИ в деятельности органов внутренних дел со-

пряжено с рядом системных барьеров: от отсутствия специализированного нормативного регулирования и рисков воспроизводства алгоритмических предубеждений до уязвимости перед кибератаками и дефицита квалифицированных специалистов. Преодоление указанных противоречий возможно только при реализации комплексного подхода, предполагающего формирование единой цифровой экосистемы МВД, которая объединит разработку профильного, переход на отечественную защищенную инфраструктуру, актуализацию ведомственных баз данных и модернизацию системы профессиональной подготовки.

Литература

1. Григорьев А.Г. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности: этика и право // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 4. С. 78–92.

2. О внедрении технологий ИИ в государственном управлении: доклад Счетной палаты Российской Федерации. 2022. URL: https://ach.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

3. European Parliament. Regulation on Artificial Intelligence (AI Act). 2023.

4. Павлов П.В. Уголовное право. Особенная часть: учеб. пособие для вузов. 10-е изд. М.: Юрайт, 2021. 280 с.

5. ИИ в региональных ОВД: проблемы и перспективы: отчет НИИ проблем правоприменения. 2023.

6. Кубасов И.А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 180–186.

7. Кобец П.Н. Внедрение технологий, использующих искусственный интеллект, в деятельность МВД России: опыт и проблемы // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 4 (68). С. 161–168.

8. Шелаева Л.А. Основные направления применения искусственного интеллекта в правоохранительных органах // Молодой ученый. 2025. № 46 (597). С. 454–456.

9. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В.П. Костюченко, *курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Д.Н. Николаенко, *канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ «ЦИФРОВОГО СЛОМА»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Оперативно-розыскная деятельность в Российской Федерации сегодня имеет мощный пласт теоретических наработок и богатейший практический опыт, доставшийся в наследство от советской школы сыска. С другой стороны, она столкнулась с тем, что преступность ушла в цифровое пространство гораздо быстрее, чем правоохранительная система смогла эффективно, а главное быстро разработать методики противодействия и борьбы с ней. Эта асинхронность развития порождает целый комплекс проблем, которые лежат не столько в плоскости тактики, сколько в области методологии и законодательной техники [2, с. 360].

Попробуем взглянуть на ситуацию без глубинного погружения в привычную ведомственную статистику. Классическое оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение», которое еще в начале 2000-х гг. понималось как визуальный контакт с объектом, сегодня в чистом виде практически не работает. Преступник давно не ходит на встречи с «чемоданом денег», он переводит криптовалюту, использует VPN и общается в мессенджерах с end-to-end шифрованием. Формально оперативник может вести наблюдение за дверью квартиры, где находится подозреваемый, но содержательно от него скрыта главная часть криминальной активности. Получается парадокс: законные основания для проведения мероприятия есть, результаты оформлены, а преступность продолжает существовать параллельно в «цифре». Теория ОРД пока не дает ответа на вопрос, как совместить физическое документирование с фиксацией виртуальных следов в едином процессе доказывания.

Сегодня оперативный сотрудник, работая с открытой информацией, тратит колоссальное время на мониторинг страниц, групп и каналов в социальных сетях. Но возникает правовая коллизия: является ли скриншот переписки, сделанный до возбуждения уголовного дела, доказательством? Правоприменительная практика показывает, что если мероприятие «снятие информации с технических каналов связи» не проводилось, а было совершено простое «заглядывание» в открытый аккаунт, то результаты такого мониторинга не могут быть легализованы в уголовном процессе [4, с. 15].

Не менее сложная ситуация складывается с внедрением автоматизированных систем анализа данных. Оперативные подразделения ожидают от цифровизации мгновенных результатов: если компьютер сам выдал подозрительный паттерн, значит, надо отрабатывать. Но здесь кроется самая главная ошибка. Алгоритмы, даже самые совершенные, пишутся людьми и содержат в себе погрешности. Слепая вера в «цифру» может привести к тому, что под оперативный интерес попадет добросовестный гражданин, чья цифровая тень просто случайно совпала с неким шаблоном. Как оценивать законность в таких случаях? Ведомственный контроль и надзор прокуратуры пока не готовы к проверке содержательной стороны алгоритмов. Проверяется наличие судебного решения или постановления, но не то, насколько корректно сработала программа. Это зона риска, которая требует не просто технической, а серьезной юридической проработки, о чем все чаще говорят на профильных конференциях [5, ст. 3349].

Отдельный сложный вопрос – документирование преступлений в теневом сегменте интернета. Когда оперативник сталкивается с даркнетом и криптовалютами, привычные методы дают сбой: нельзя провести обследование сервера в другой юрисдикции, невозможно наладить агентуру в условиях тотальной анонимности. Результаты ОРД все чаще остаются на уровне оперативной справки, которую сложно конвертировать в доказательство. Научное сообщество предлагает ввести понятие «цифровой оперативной информации» с особым режимом легализации, но законодатель не спешит с изменениями, справедливо не допуская тем самым расширения полномочий без налаживания должного контроля [1, с. 175].

Кроме того, нельзя забывать про человеческий фактор. Переход на новые технологии требует совершенно иного уровня подготовки. Сегодняшний оперативный сотрудник должен быть не только юристом и психологом, но и уверенным пользователем, разбирающимся в сетевых протоколах и методах анонимизации. На практике часто возникает ситуация, когда опытные сотрудники старой школы с трудом осваивают цифровую реальность, а молодежь, хорошо понимающая технологии, пока не обладает необходимым оперативным опытом и чутьем. Этот разрыв компетенций не оставляет никаких альтернатив формальному подходу к документированию, когда факт преступления известен, но процессуально закрепить его грамотно, чтобы не потерять в суде, не получается [3, с. 184].

Подводя итог, стоит признать: оперативно-розыскная деятельность остро нуждается в пересмотре собственных основ. Бесконечно подгонять новые реалии под старые нормативные рамки невозможно. Точечные поправки в закон «Об ОРД» не решают проблем. Необходима комплексная работа над понятийным аппаратом, критериями допустимости цифровой информации и механизмами взаимодействия оперативников с органами предварительного расследования и судом. Пока практика вынуждена изобретать гибридные формы, ошибки и нарушение прав граждан неизбежны. Задача теории – предложить законодателю эффективную модель, которая позволит бороться с преступностью, не подрывая доверие к правоохранительным органам [6, с. 115].

Литература

1. Жандров В.Ю. Цифровая оперативная информация: нормативное регулирование и правовой режим использования в уголовном преследовании // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. Т. 8. № 3 (27). С. 172–186.
2. Павлова А.А., Строева Ю.В. Оперативно-розыскная деятельность как разновидность познавательной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 359–362.
3. Саетгареева А.А. Законность изъятия предметов и документов при проведении оперативно-розыскного мероприятия // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 182–186.
4. Тетенькин А.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам (проблемы теории и правоприменительной практики): магистерская диссертация / НИУ ВШЭ. М., 2023.
5. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Чупров Н.А., Захарчук С.Д. Ведомственный контроль за оперативно-розыскной деятельностью как элемент обеспечения законности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 4. С. 112–117.

***А.Е. Лапшина**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.В. Климачков
Барнаульский юридический институт МВД России

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО СКУЛШУТЕРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ)

За последние годы в Российской Федерации зафиксирована устойчивая тенденция совершения массовых убийств в образовательных организациях, жертвами которых становятся учащиеся, педагоги и сотрудники правоохранительных органов. Данное явление, получившее в криминологической литературе наименование «скулшутинг» (от англ. school shooting – «школьная стрельба») или «колумбайн» (по названию американской школы, где в 1999 г. произошло резонансное нападение), представляет собой относительно новый для отечественной криминальной практики феномен, требующий всестороннего научного осмысления.

Преступность несовершеннолетних традиционно привлекает внимание ученых в силу специфических черт, обусловленных возрастными, психологиче-

скими и социальными особенностями лиц данной категории. Однако скулшутинг выделяется даже на фоне иных форм девиантного поведения подростков своей исключительной общественной опасностью, демонстративностью, вооруженным характером и, как правило, множественностью жертв. В этих условиях особую значимость приобретает деятельность оперативных подразделений МВД России, направленная на своевременное выявление лиц, вынашивающих преступные намерения, и предотвращение готовящихся нападений.

Проведенный анализ оперативно-розыскной характеристики личности несовершеннолетнего скулшутера позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Личность скулшутера представляет собой сложный комплекс социально-демографических, психологических, нравственных и поведенческих признаков, имеющих оперативно-розыскное значение. Типичный портрет: лицо мужского пола 14–18 лет, обучающееся в данном учебном заведении, интроверт, имеющий трудности в коммуникации, переживающий состояние изоляции, проявляющий интерес к деструктивному контенту.

2. Ключевым элементом предкриминального поведения является информационная активность в сети Интернет, включающая поиск соответствующего контента, участие в деструктивных сообществах и, что наиболее важно, «утечку информации» о готовящемся преступлении. Выявление данной «утечки» – приоритетная задача оперативных подразделений.

3. Факторами риска, подлежащими оперативно-розыскному мониторингу, выступают: пережитый буллинг, конфликты с окружением, семейное неблагополучие, психическая неустойчивость, подражание резонансным преступникам.

4. Эффективность оперативно-розыскной профилактики скулшутинга напрямую зависит от уровня взаимодействия оперативных подразделений с образовательными организациями, органами системы профилактики, а также от степени вовлеченности родителей и педагогов в процесс выявления детей, находящихся в кризисном состоянии.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением психологических механизмов формирования преступного умысла у различных возрастных категорий несовершеннолетних, а также с разработкой методик оперативно-розыскного мониторинга деструктивной активности в виртуальном пространстве на основе технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных.

Литература

1. Неформальные молодежные объединения экстремистской направленности как угроза национальной безопасности государства: монография / С.А. Попова, Н.Ф. Борисова; под общ. ред. С.А. Поповой; Московский ун-т им. С.Ю. Витте; филиал Московского ун-та им. С.Ю. Витте в г. Нижнем Новгороде. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2025.

2. Воробьева С.В., Кольцов М.И., Абрамова В.И. Теоретико-методологические основы деструктивного поведения несовершеннолетних: анализ динамики и профилактика // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2 (30). С. 240–256.

***К.А. Леоневский**, курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЕЛЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, И УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР, СДЕРЖИВАЮЩИЙ РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современная криминальная ситуация в России характеризуется тревожными структурными изменениями. Несмотря на формальное снижение регистрируемой преступности в начале 2026 г., эксперты фиксируют рост тяжких и особо тяжких деяний, активизацию организованных групп и увеличение доли латентной преступности. Особую опасность представляет кадровый кризис в правоохранительной системе. В таких условиях раскрытие каждого преступления требует предельной точности и мобилизации всех ресурсов.

Ключевым звеном в этой системе выступает взаимодействие органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и участников уголовного судопроизводства (следователей, дознавателей, прокуроров). Именно от слаженности их работы зависит, насколько быстро и полно будет собрана доказательственная база, а преступник – изобличен. Однако парадокс заключается в том, что именно в зоне стыка оперативной и процессуальной деятельности сконцентрированы основные законодательные недочеты [3, с. 72].

Действующее законодательство не содержит четкого механизма трансформации результатов ОРД в доказательства по уголовному делу, не регламентирует сроки и порядок передачи материалов, не устанавливает ответственности за неисполнение поручений следователя. На практике это приводит к тому, что ценная оперативная информация, можно сказать, «зависает» между ведомствами, утрачивается или признается недопустимой в суде. В условиях кадрового голода и усложнения способов совершения преступлений такие пробелы становятся критическим фактором, сдерживающим раскрытие.

Одним из системных пробелов законодательства является концептуальное противоречие между двумя ключевыми нормативными актами. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» базируется на принципах конспирации, тактической гибкости и закрытости информации. Уголовно-процессуальный кодекс, напротив, требует гласности, состязательности и строгой процессуальной формы [5].

На практике это противоречие обостряется отсутствием в законе четких сроков и порядка передачи материалов от оперативников следователю, а именно действующее законодательство не устанавливает:

– Предельного срока, в течение которого результаты ОРД должны быть переданы следователю после получения оперативной информации;

– Четкой процедуры такой передачи (какие именно материалы, в каком виде и с какими сопроводительными документами);

– Ответственности оперативного сотрудника за затягивание передачи или вне временных рамок приводит к тому, что оперативные материалы поступают после исполнения поручения.

Все это может создать следующие неблагоприятные последствия:

1. Утрату возможности проведения неотложных следственных действий (обысков, выемок, допросов), которые могли бы закрепить доказательства по горячим следам.

2. Потерю доказательств (подозреваемые успевают уничтожить улики, договориться с соучастниками или скрыться).

3. Следователь вынужден продлевать сроки следствия, что, в конечном счете, нарушает право на разумный срок уголовного судопроизводства.

Рассмотрим другую проблему. Статья 89 УПК РФ запрещает использовать результаты ОРД в доказывании, если они не отвечают требованиям к доказательствам. Однако закон не раскрывает механизм трансформации оперативных данных в доказательства. Сама же проблема заключается в том, что процедура легализации результатов ОРД регламентируется не законом, а подзаконной Инструкцией. Статья 89 УПК указывает лишь на запрет, но не содержит позитивной модели – каким образом оперативные сведения становятся доказательствами. Это создает все те же проблемы: затягивание сроков, утрату доказательств и длительность передачи материалов между ведомствами. Если обратиться к статистике, по этому вопросу, то согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2023 г. прокурорами выявлено 577 457 нарушений законодательства об оперативно-розыскной деятельности, значительная часть которых связана с порядком представления результатов ОРД в уголовный процесс [1].

Проведенный анализ подтверждает, что пробелы в регулировании взаимодействия органов ОРД и участников уголовного судопроизводства напрямую сдерживают раскрытие преступлений, поскольку отсутствие четких механизмов трансформации результатов ОРД в доказательства, неопределенность сроков передачи материалов и ведомственная разобщенность ведут к утрате доказательств и затягиванию следствия [2, с. 201].

Для устранения выявленных пробелов предлагается внести изменения в УПК РФ, дополнив его ст. 89.1 «Представление результатов ОРД и их использование в доказывании», где закрепить порядок и основания представления результатов ОРД следователю, требования к оформлению, а также критерии допустимости результатов ОРД в качестве доказательств. Кроме того, в качестве решения вышеуказанных проблем предлагается принять федеральный закон «Об основах взаимодействия субъектов ОРД и уголовного процесса», которым

унифицировать межведомственные инструкции и установить единые сроки передачи материалов, обязанность оперативников по сохранности доказательств, ответственность за неисполнение поручений следователя и нарушение сроков, а также обязательность создания совместных следственно-оперативных групп по тяжким преступлениям.

Реализация этих мер позволит устранить правовую неопределенность, обеспечить своевременное закрепление доказательств и повысить раскрываемость преступлений.

Литература

1. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в 2023 году // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).

2. Вытовтов А.Е. Информационная составляющая данных оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 7. С. 198–201.

3. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения. 2018. № 10. С. 70–84.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.А. Максименко**, курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА СУДЕБНОГО САНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРМ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН: БАЛАНС МЕЖДУ ТАЙНОЙ СЛЕДСТВИЯ И ЗАЩИТОЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Оперативно-розыскная деятельность по своей сути находится в состоянии объективного противоречия с конституционным правом граждан на неприкос-

новенность частной жизни [1]. Эффективность борьбы с преступностью требует негласности и скрытого вторжения, в то время как ценности правового государства требуют максимальной защиты личности от произвольного вмешательства. Институт судебного санкционирования ОРМ призван стать механизмом разрешения этого противоречия, однако действующая законодательная модель, допускающая рассмотрение вопроса без участия заинтересованного лица и невозможность оперативного обжалования, создает риск нарушения конституционных прав граждан.

Судебное санкционирование оперативно-розыскных мероприятий, призванное защищать конституционные права граждан, сталкивается с фундаментальной процедурной проблемой: суд вынужден принимать решение об ограничении этих прав, основываясь исключительно на материалах, предоставленных оперативно-розыскными органами, не имея реальной возможности проверить их достоверность. Рассмотрение ходатайств происходит в условиях строгой секретности и отсутствия состязательности – гражданин не уведомляется и не участвует в заседании, что лишает его права представить возражения. Судья видит лишь версию оперативников, опирающуюся зачастую на сведения от негласных источников или данные, полученные в ходе иных негласных мероприятий, которые не раскрываются в полном объеме под грифом секретности. Механизмов перепроверки фактических обстоятельств, на которые ссылаются оперативники, у суда просто нет, и он вынужден принимать их на веру. После вынесения решения все материалы возвращаются инициатору и рассекречиванию, как правило, не подлежат, а само постановление судьи зачастую немотивированно и повторяет текст ходатайства. Если уголовное дело впоследствии не возбуждается или прекращается, материалы оперативно-розыскных мероприятий уничтожаются через год. Это создает порочный круг: даже если гражданин узнает о факте проведения в отношении него негласных мероприятий, он не может их оспорить, поскольку и основания проведения, и сам факт остаются для него засекреченными, а суды отказывают в жалобах, ссылаясь на отсутствие предмета обжалования или государственную тайну [5, с. 270].

Одним из решений такой проблемы может стать повышение стандартов мотивированности судебных решений. Уже на стадии предварительного санкционирования суды должны быть обязаны выносить мотивированные постановления, из которых было бы ясно, на основании каких конкретно фактических обстоятельств и доказательств суд пришел к выводу о необходимости ограничения конституционных прав. Недопустимо воспроизведение в постановлении общих формулировок ходатайства оперативных органов. Требование конкретности и обоснованности, сформулированное Конституционным Судом Российской Федерации, должно получить законодательное закрепление с указанием на недопустимость немотивированных решений.

Другая проблема заключается в обжаловании решения о санкционировании ОРМ, которое возможно лишь одновременно с обжалованием итогового приговора по делу (ст. 389.2 УПК РФ) [2]. Отдельно оспорить само разрешение на прослушивание телефонных переговоров или иное негласное мероприятие

сразу после его выдачи нельзя – необходимо дожидаться завершения всего производства.

Свою позицию Конституционный Суд обосновывает тем, что промежуточные судебные решения на досудебных стадиях не подлежат самостоятельному обжалованию, поскольку все претензии к законности действий на этих этапах должны заявляться в рамках единого производства по уголовному делу, итогом которого является приговор. Самостоятельное обжалование нарушило бы, по мнению Суда, установленную систему стадий уголовного процесса. При этом формально гражданин не лишен права на судебную защиту – он может обратиться с жалобой, но лишь после постановления приговора.

Однако на практике эта правовая позиция создает серьезные проблемы для реализации конституционных прав граждан. Специфика оперативно-розыскной деятельности заключается в ее негласном характере: гражданин, в отношении которого проводились оперативно-розыскные мероприятия, либо узнает об этом только после задержания, либо не узнает вовсе, если материалы остались засекреченными. Документы, на основании которых суд выдал разрешение, после вынесения решения возвращаются оперативным органам и рассекречиванию, как правило, не подлежат, поэтому защита лишена возможности с ними ознакомиться и своевременно оспорить их достоверность [4]. Если уголовное дело так и не было возбуждено, эти материалы вообще уничтожаются через год.

Резюмируя вышесказанное, следует констатировать наличие системной проблемы в механизме судебной защиты прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, закрепляющая невозможность самостоятельного обжалования решений о санкционировании ОРМ до постановления приговора, при всей ее формальной логичности, не учитывает специфической природы негласных мероприятий. Гражданин, в отношении которого они проводятся, зачастую либо не знает об этом, либо узнает слишком поздно, а материалы, обосновывающие необходимость вторжения в его частную жизнь, остаются для него недоступными под грифом секретности или уничтожаются.

Такое положение дел не соответствует конституционному стандарту эффективного восстановления прав, предполагающему, что защита должна быть своевременной и реальной, а не формальной и запоздалой. Представляется, что сложившийся подход нуждается в пересмотре либо в корректировке на уровне законодательного регулирования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Доля Е.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: теория и практика. М.: Проспект, 2020. 288 с.

5. Семенчук В.В. Право лица на получение информации об осуществлении в отношении него оперативно-розыскной деятельности: теория и практика реализации, сравнительно-правовой анализ и перспективы совершенствования // Библиотека криминалиста. 2018. № 1 (36). С. 267–280.

У.В. Морозова, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
А.В. Климачков
Барнаульский юридический институт МВД России

ОТГРАНИЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ» ОТ «СНЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ С ТЕХНИЧЕСКИХ КАНАЛОВ СВЯЗИ»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Стремительная цифровизация общественных отношений и повсеместное внедрение информационных технологий предопределили появление относительно нового оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) – «Получение компьютерной информации» (далее – ПКИ). Несмотря на законодательное закрепление, правовая природа данного ОРМ до сих пор вызывает дискуссии среди теоретиков и правоприменителей.

Актуальность исследования обусловлена тем, что получение компьютерной информации обладает значительным сходством с таким ОРМ, как «Снятие информации с технических каналов связи» (далее – СИТКС). Отсутствие легального толкования и четких критериев разграничения данных ОРМ порождают проблемы определения действий оперативных сотрудников, что на практике может привести к нарушению конституционных прав граждан либо к признанию результатов оперативно-розыскной деятельности недопустимыми.

В условиях постоянного развития IT-технологий данное разграничение становится все более условным. Облачные технологии, удаленные рабочие столы – все это создает ситуации, когда информация, формально хранящаяся на удаленном сервере, фактически доступна через каналы связи в режиме реального времени.

Для решения проблемы представляется необходимым осуществить внесение изменений в Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оператив-

но-розыскной деятельности», а именно законодательно закрепить определения рассматриваемых оперативно-розыскных мероприятий. При этом определения должны быть сформулированы таким образом, чтобы учитывать современные технологические реалии и обеспечивать четкое разграничение мероприятий. В частности, в определении ПКИ целесообразно указать на доступ к информации, содержащейся в компьютерных системах и устройствах, независимо от наличия подключения к сетям связи. В определении СИТКС необходимо акцентировать внимание на перехват информации, передаваемой по каналам связи, независимо от формы ее представления и типа оконечных устройств.

Также представляется необходимым разработка детальных инструкций, разграничивающих рассматриваемые мероприятия. В частности, возможно закрепление перечня типовых ситуаций с указанием того, какое именно ОРМ подлежит проведению в каждом конкретном случае.

Литература

1. Баженов С.В. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2. С. 31–33.

2. Дворецкая Е.С. Получение компьютерной информации как оперативно-розыскное мероприятие: особенности практического осуществления // Academy. 2020. № 1 (52). С. 35–36.

3. Сафин Н.М., Цедилкин В.В. Разграничение оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» и смежных оперативно-розыскных мероприятий // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2024. № 2 (18). С. 42–50.

***А.А. Орлова**, курсант 4 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Правовое регулирование в области взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно – розыскную деятельность. в нормативном аспекте происходит путем усовершенствования уже имеющейся законодательной базы, на почве введенных нововведений в действующем законодательстве.

Нормативное правовое регулирование отражает законодательную основу всей системы взаимодействия и отражает ее особенности. В.А. Лопухова отмечает, что особенности взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно – розыскную деятельность заключаются в информационном, материально-техническом и научном обеспечении [8, с. 125]. К тому же на базе университетов профессорско-преподавательский состав производится написание научных статей и научных работ в этой области, производящих усовершенствование процесс взаимодействия.

Организации взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно – розыскную деятельность это, прежде всего, возможность решения различных задач, путем формирование совместной деятельности различных субъектов права с иными субъектами обеспечения общественной безопасности. Профессиональная деятельность органов внутренних дел буквально невозможна без взаимодействия с иными территориальными органами внутренних дел, поскольку сотрудники ОВД выполняют ряд различных, в т. ч. управленческих функций. Основой взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно – розыскную деятельность выступают общественные отношения, возникающие между субъектами, имеют основную цель, носят волевой характер, находятся в пределах деятельности по обеспечении законности и созданы для реализации поставленных задач.

Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность представляет собой обмен информацией, представляющей оперативный интерес. Это могут быть сведения о готовящемся или совершенном преступлении, о лицах, находящихся в розыске и иных значимых объектах. Обмен оперативной информацией происходит непрерывно и важен для эффективного раскрытия преступлений.

Взаимодействия осуществляется в соответствии с основополагающими принципами: законности, непрерывности, целеустремленности, конспирации и т. д. Принцип законности раскрывает профессиональную деятельность по исполнению действующих законов и нормативных правовых актов, принцип непрерывности отражает поток информации от одного подразделения в другое, с учетом чего и осуществляется взаимодействие. Далее принцип целеустремленности определяет общую конечную цель профессиональной деятельности, принцип конспирации устанавливает положения по засекречиванию передаиваемой информации между сотрудниками (органами). Взаимодействие обеспечивается взаимным знанием сотрудниками поставленных задач, имею выстроить стратегию по их исполнению, организацию непрерывной связи, созданию единой системы оповещения, четко выстроенной системой взаимодействия. Сама организация управления системой взаимодействия представляет собой стабильную систему подержания субъектов в постоянной готовности, четким разграничением прав и обязанностей субъектов взаимодействия, складывающуюся в совместную деятельность по охране общественного порядка, общественной безопасности, проведению профилактических мероприятий по пресечению преступлений.

Формами взаимодействия является процесс планирования совместной деятельности, разработка и проведение мероприятий; обмен информацией, связанной с розыском преступников; проведение взаимных консультаций. Подразделения уведомляют следователя о лицах, совершивших преступления или готовящихся совершить их, после чего определяется масштаб необходимой работы, роли и характер правоохранительной деятельности.

Можно подвести итог, что процесс организации взаимодействия тесно связан с процессом передачи субъектами взаимоотношений значимой информации, посредством которой выполняется социальный заказ общества. Оперативно – розыскная деятельность, как одна из государственно – правовых форм обеспечения безопасности в обществе, имеет своей целью осуществления противодействия преступности установленными законом методами и способами. Согласно установленному законодательству, оперативно – розыскная деятельность уполномоченными лицами осуществляется гласно и негласно.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 4. 2009. Ст. 41.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144- ФЗ (Принят Государственной Думой 05.07.1995) // Российская газета. № 160. Ст.1.

3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон № 323-ФЗ (принят Государственной Думой 01.11.2011: одобрен Советом Федерации 09.11.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. Ст. 2.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ: (принят Государственной Думой 24.05.1996: одобрен Советом Федерации 05.06.1996) (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174-ФЗ: (принят Государственной Думой 22.11.2001 одобрен Советом Федерации 05.12.2001) (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

6. Александров А.С., Фролов С.А. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: монография. Н. Новгород, 2011. 176 с.

7. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2011. 328 с.

8. Лопухова В.А. Взаимодействие следователя с другими участниками расследования: учебно.-практ. пособие. М.: Юрайт, 2022. 344 с.

***В.В. Панфиленко**, курсант 4 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В данной статье мы проанализируем оперативно-розыскную деятельность как специфическую форму познавательного процесса, многие ученые исследовали выявили некоторые проблемные аспекты в сфере, как теоретического, так и практического характера. Ключевое внимание в данной работе будет уделяться законодательным пробелам, а именно в отсутствие в федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» доступной, понятной терминологии. Речь здесь идет о таких понятиях, как «Результаты ОРД» и «Оперативно-розыскные мероприятия». Статья 2 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает определенный перечень задач. Для реализации данных задач оперативными сотрудникам необходимо совмещать в себе безупречное знание теоретической составляющей, а именно законодательной базы, при этом полностью понимая ее содержание и сущность, выходя за рамки буквального толкования, с осмыслением познавательных аспектов ОРД, включая исследование закономерностей и механизмов развития.

Внедрение термина «оперативно-розыскная деятельность» в практическую деятельность относится к периоду после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в 1958 г., а также УПК РСФСР от 27.10.1960. Данная дефиниция сохраняет свою актуальность и функционирует в правовом поле до настоящего времени. Названные выше законодательные источники сыграли важную роль в связи с тем, что в них была закреплена обязанность органов дознания на проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления преступных действий, идентификации лиц, причастных к их совершению. Закрепление этих положений позволило легитимировать оперативно-розыскную деятельность, установив ее официальное признание на государственном уровне.

Впервые научное осмысление оперативно-розыскной деятельности представил А.Г. Лекарь в 1963 г. Он заложил основу, рассмотрев ОРД в сфере «системы специальных разведывательных мероприятий, осуществляемых преимущественно негласными методами в целях предотвращения и раскрытия преступлений и розыска скрывшихся преступников» [4, с. 234]. В будущем исследователи развивали данное понятие, видоизменяя и дополняя его.

На данный период времени ОРД можно определить как юридическую деятельность, которая направлена на решение государственных задач в целях про-

тиводействия преступности, действуя в строгом соответствии с установленным законодательством.

Для того чтобы оперативные работники могли эффективно использовать оперативно-розыскную деятельность, важно понимать ее суть, познавательные процессы, и закономерности, и учитывать специфические особенности. Взаимосвязь всех этих факторов существенно влияет на формирование концепций: законом установлено правило, которое гласит, что результаты ОРД не могут выступать доказательствами по уголовным делам, однако корректно оформленная информация служит ориентиром и базой в процессе доказывания, а также может приобрести доказательственное значение.

Исходя из изложенного выше, в целях заполнения правового пробела, научное сообщество рассматривает вопрос о дополнении ч. 2 в ст. 74 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В нее стоит внести пункт о допустимости в качестве доказательств результатов ОРД.

А.А. Бессонов предлагает дополнить главу 10 УПК РФ ст. 83.1, которая будет гласить: «Материалы, содержащие результаты оперативно-розыскной деятельности, допускаются в качестве доказательств, если они получены в соответствии с Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности» [2, с. 117–124]. Е.А. Доля в подтверждение данному мнению утверждает, что оперативное доказывание в целом основывается на чувственном и рациональном познании, и обусловлено объективной действительностью [3, с. 278].

В противовес ранее изложенному В.И. Зажицкий придерживается мнения М.П. Полякова, который утверждает, что любые теоретические попытки разделения оперативно-розыскных данных и доказательств по информационному признаку не имеют оснований. Этот факт не добавит никакой новой информации, кроме как подтверждения их достоверности [4, с. 446].

По нашему мнению, существенные различия между ОРД и доказыванием делают их несовместимыми. Виду несоответствия информации, полученной оперативным путем, процессуальной форме доказывания, исключается возможность ее прямого использования в качестве доказательств по уголовному делу.

Таким образом, Закон об ОРД явно вторгается в уголовно-процессуальную сферу, а если говорить о другой стороне – это приводит к противоречиям в правовом регулировании. Законодатель дал понять, что результаты оперативной деятельности возможно использовать в процессе доказывания, при условии соответствия требованиям закона. Однако проблема их допустимости к доказательствам по уголовному делу является актуальной на нормативно-правовом уровне.

Литература

1. Бессонов А.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Уголовное право. 2022. № 2.

2. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2019.

3. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. Теория и практика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2023.

4. Синилов Г.К. История оперативно-розыскной деятельности: от древности до современности: монография. В 2 ч. М.: МосУ МВД России, 2020.

***Д.А. Полонникова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), предусмотренные ст. 6 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», представляют собой систему действий, осуществляемых гласно и негласно оперативными подразделениями в целях решения задач ОРД. Интеграция искусственного интеллекта в проведение ОРМ трансформирует методы их реализации, повышая результативность и оперативность получения информации. Рассмотрим специфику применения ИИ-технологий при производстве наиболее распространенных оперативно-розыскных мероприятий [7].

Наблюдение как ОРМ традиционно осуществляется силами оперативных сотрудников, визуально контролирующих объект интереса. Внедрение систем автоматизированного видеонаблюдения с функциями распознавания и трекинга радикально изменило возможности этого мероприятия. Алгоритмы компьютерного зрения обеспечивают непрерывное отслеживание объекта в кадре, автоматическую фиксацию его перемещений, идентификацию контактов с другими лицами. Система может одновременно сопровождать десятки объектов, что физически невозможно для группы наружного наблюдения. При этом исключается фактор усталости, снижения концентрации внимания, характерный для человека [3, с. 54–60].

Использование дронов с ИИ-управлением расширяет пространственные возможности наблюдения. Автономные беспилотные летательные аппараты способны патрулировать заданные маршруты, автоматически отслеживать движущиеся объекты, передавать видеопоток в режиме реального времени с одновременной аналитической обработкой. Алгоритмы стабилизации изображения и компенсации движения камеры обеспечивают качество видео, достаточное для биометрической идентификации даже при съемке с движущейся платформы. Применение дронов особенно эффективно при наблюдении за объектами на обширных территориях, в труднодоступной местности [2, с. 248].

Прослушивание телефонных переговоров с использованием ИИ-технологий включает автоматическую транскрибацию разговоров, выделение

семантических единиц, идентификацию участников по голосовым характеристикам. Системы на основе NLP анализируют содержание переговоров, выявляя упоминания противоправных действий, кодовых слов, географических локаций и персоналий. Формируются автоматические уведомления при обнаружении ключевых слов или фраз, что позволяет оперативным работникам концентрироваться на значимых фрагментах записей, не прослушивая часами малоинформативные разговоры [5, с. 110–118].

Снятие информации с технических каналов связи в современных условиях генерирует огромные объемы данных, обработка которых вручную практически неосуществима. ИИ-системы обеспечивают фильтрацию трафика, выделяя коммуникации, релевантные задачам оперативно-розыскного мероприятия. Алгоритмы машинного обучения классифицируют типы передаваемого контента (текст, изображения, видео, финансовые транзакции), выявляют паттерны, характерные для координации криминальной деятельности. Технологии анализа зашифрованного трафика позволяют идентифицировать использование анонимизирующих сервисов и каналов связи, применяемых преступными группами.

Оперативное внедрение как специфическое ОРМ предполагает деятельность оперативного сотрудника или лица, оказывающего содействие органам ОВД, в криминальной среде. ИИ-технологии используются для формирования легендированных цифровых личностей, имитирующих активность реального пользователя в социальных сетях и мессенджерах. Алгоритмы генерируют контент, соответствующий поведенческим паттернам целевой аудитории, обеспечивая правдоподобность легенды. Системы анализа тональности помогают оперативному сотруднику адаптировать коммуникационную стратегию, отслеживая реакции объекта разработки. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств с применением ИИ-технологий включает использование специализированных сканирующих устройств, обрабатывающих данные с помощью алгоритмов распознавания. Портативные рентгеновские сканеры с ИИ-анализом изображений выявляют скрытые предметы, запрещенные вещества, тайники в конструкциях. Системы на основе георадаров и лидаров создают трехмерные модели пространств, позволяя обнаружить пустоты, несоответствия в конструкциях, подземные коммуникации. Алгоритмы автоматически идентифицируют аномалии, требующие внимания оперативных работников [6, с. 153–162].

Критическим аспектом применения ИИ в ОРМ является обеспечение допустимости полученных результатов в качестве доказательств. Процессуальное законодательство требует соблюдения установленной формы фиксации результатов оперативно-розыскных мероприятий. Данные, полученные с использованием ИИ-систем, должны сопровождаться технической документацией, подтверждающей корректность работы алгоритмов, метрологическую проверку оборудования, соблюдение цепочки хранения данных. Экспертные заключения о функционировании программного обеспечения могут требоваться для удостоверения достоверности результатов [8, с. 162–172].

Проблема автономности ИИ-систем при принятии решений о проведении ОРМ требует четкого правового регулирования. Действующее законодательство исходит из принципа, что решение о производстве оперативно-розыскного мероприятия принимается уполномоченным должностным лицом, а технические средства выполняют вспомогательную функцию. Однако развитие автономных систем ставит вопрос о возможности делегирования алгоритмам принятия предварительных решений (например, автоматическое начало записи при детекции ключевых слов), что требует законодательного уточнения пределов такой автоматизации [4, с. 22–28].

Применение искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности ощутимо повышает ее результативность – прежде всего за счет обработки больших массивов данных и автоматизации рутинных задач. Вместе с тем здесь не обойтись без строгого соблюдения законодательно установленных процедур оформления сведений и обеспечения их проверяемости. Право принимать итоговые решения по действиям, затрагивающим конституционные права и свободы граждан, должно оставаться за сотрудниками оперативных подразделений – и это, надо сказать, принципиально [1, с. 11–15].

Литература

1. Васильев А.М., Краснов А.А. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Российский следователь. 2024. № 3. С. 11–15.

2. Гаврилин Ю.В., Дворкин А.И. Цифровые технологии в раскрытии и расследовании преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 248.

3. Зайцев О.А., Смирнов П.А. Использование систем видеоаналитики в оперативно-розыскной деятельности: правовые и организационные аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 54–60.

4. Климов И.А., Маслов И.В. Этико-правовые проблемы применения технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1. С. 22–28.

5. Овчинский В.С. Цифровая криминология: искусственный интеллект и преступность // Российский криминологический взгляд. 2023. № 2. С. 110–118.

6. Смирнова И.Г., Бобров М.Я. Предиктивная аналитика в правоохранительной деятельности: технологии и правовые риски // Библиотека криминалиста. 2023. № 3. С. 153–162.

7. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 334.

8. Ястребов О.А., Мамонов В.В. Правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта органами внутренних дел // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 165–172.

***А.М. Синицын**, курсант 3 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ КАК КОМПЛЕКСНОЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) реализуется через систему мероприятий, закрепленных в профильном федеральном законе. Поскольку законодательство не содержит их развернутых дефиниций, в научной среде сохраняется множество подходов к толкованию каждого из них. Особое место среди этих мероприятий занимает оперативное внедрение – одно из наиболее сложных, ресурсоемких и рискованных. Его уникальность обусловлена необходимостью проникновения в закрытую, зачастую враждебную среду для получения информации, недоступной иными способами. Сложность усугубляется комплексным характером внедрения: оно требует сочетания разнородных тактических приемов, длительного пребывания субъекта в экстремальных условиях и сопряжено с правовыми рисками, включая возможное причинение вреда при выполнении задач. Настоящая статья посвящена обобщению теоретических взглядов на природу данного оперативно-розыскного мероприятия и выделению его ключевых характеристик.

В действующем законодательстве Российской Федерации дефиниция «оперативное внедрение» отсутствует, что детерминирует множественность научных трактовок. Анализ различной литературы позволяет выделить несколько основных подходов к пониманию данного феномена.

Представители одного подхода акцентируют внимание на процессе легендированного ввода. В частности, А.Ю. Шумилов считает: «Оперативное внедрение – это приобретение оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации внутри объекта оперативного интереса и (или) в его окружении для оптимального решения оперативно-розыскных задач и достижения ее целей в сложившейся оперативной обстановке» [1, ст. 98].

С.И. Захарцев определяет рассматриваемое мероприятие как основанный на легенде ввод оперативных сотрудников и лиц, сотрудничающих на конфиденциальной основе, в преступную среду либо на объекты, представляющие оперативный интерес [4, с. 134]. Схожей позиции придерживается Д.В. Ривман, уточняя, что подобные действия совершаются для разведывательного получения сведений, необходимых для разрешения задач ОРД [7, с. 104].

Дискуссионным остается вопрос: является ли вербовка члена преступной группы оперативным внедрением? При узком подходе (только «ввод извне») –

нет. При широком (функциональном) – да, т. к. это способ обретения источника внутри объекта. Последняя позиция логичнее, т. к. расширяет тактический арсенал оперативника. Синтезируя подходы, оперативное внедрение можно определить как комплексное ОРМ по обретению конфиденциального источника в криминальной среде (путем ввода сотрудника или вербовки аутентичного лица), его использованию и выводу с обеспечением конспирации и безопасности.

Оперативное внедрение носит комплексный характер, что прямо следует из его содержания. В ходе подготовки и реализации этого мероприятия неизбежно применяются элементы иных ОРМ, предусмотренных ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД», такие как опрос, наблюдение, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов и др. [2]. При этом императивным условием проведения всего комплекса действий выступает их исключительно негласный (конспиративный) характер, обеспечивающий безопасность внедренного субъекта и достоверность получаемых сведений.

По темпоральным характеристикам оперативное внедрение дифференцируется на кратковременное (продолжительностью от нескольких часов до нескольких суток), которое чаще всего является разовым контактом для решения узкой задачи, и долговременное (длящееся), которое может составлять от нескольких недель до нескольких лет. Долговременное внедрение предполагает глубинное вхождение в доверие и решение стратегических задач, таких как разобщение организованных преступных групп.

Стратегическими целями оперативного внедрения выступают формирование устойчивого канала поступления оперативно-значимой информации, дезорганизация или разобщение организованных преступных групп и сообществ, а также создание условий для решения иных конкретных задач ОРД. В рамках достижения указанных целей добываемая информация классифицируется по следующим группам:

– сведения, имеющие доказательственное значение по уголовным делам;

данные о структуре преступной группы, иерархии, ролевых функциях и степени фактического участия каждого из ее членов;

– информация о местонахождении разыскиваемых лиц, орудий совершения преступлений, похищенного имущества и иных предметах преступного посягательства;

– данные о готовящихся, совершаемых или совершенных преступных деяниях, позволяющие проводить их пресечение или раскрытие по горячим следам;

– результаты фиксации следов противоправной деятельности.

Объектами оперативного интереса выступают: организованные преступные формирования любой формы (группы, сообщества, банды); физические лица (граждане Российской Федерации, иностранцы, апатриды), причастные к подготовке или совершению преступлений; а также территории и объекты, характеризующиеся высокой криминогенной пораженностью (места сбыта наркотиков, концентрации криминалитета и т. п.).

Правовым основанием для проведения оперативного внедрения служат обстоятельства, предусмотренные ст. 7 Федерального закона «Об ОРД». К ним относятся: наличие возбужденного уголовного дела; ставшие известными сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, к этому причастных; поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя или определения суда; запросы иных органов, осуществляющих ОРД, либо международных правоохранительных организаций [2].

Ключевой правовой проблемой оперативного внедрения является вопрос об ответственности внедренных лиц за вред, который они вынуждены причинять в ходе поддержания легенды и сохранения доверия.

Правовым основанием, исключающим противоправность деяния в таких случаях, выступает ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об ОРД», допускающая вынужденное причинение вреда при защите конституционных прав и законных интересов, а также обеспечении безопасности общества и государства.

Применение данных институтов в контексте оперативного внедрения требует учета специфики оперативной обстановки и главного критерия – направленности деяния на достижение общественно полезных целей, связанных с защитой охраняемых законом интересов.

Оперативное внедрение занимает особое место среди ОРМ как наиболее эффективный, но и один из самых сложных способов проникновения в криминальную среду. Современная доктрина трактует его не как единичный акт, а как процесс, охватывающий вхождение, функционирование и вывод источника. Успех внедрения напрямую зависит от защиты внедряемых, тщательного планирования и тактической гибкости. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно идти по пути уточнения пределов причинения вреда, развития механизмов госзащиты и реабилитации участников.

Литература

1. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

3. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020.

4. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

5. Ривман Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». СПб., 2003.

***С.А. Ситникова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЩИЩАЕМЫХ ЛИЦ

По статистике, в российском уголовном процессе ежегодно насчитывается около 10 млн потерпевших и свидетелей, причем каждый пятый из них впоследствии под давлением угроз отказывается от своих показаний или меняет их [3]. Из-за страха мести со стороны обвиняемых 60 % граждан, пострадавших от преступлений, не обращаются в полицию. Следовательно, грамотная система защиты свидетелей необходима не только для правосудия, но и для национальной безопасности, ведь именно свидетельские показания нередко помогают восстановить картину преступления и раскрыть деятельность организованной преступности.

Ярким примером данной проблемы является суд над участниками татарстанского преступного сообщества «Хади Такташ», орудовавшего в 1980–1990 гг. Основу обвинения составили показания наемного убийцы из того сообщества, которые он впоследствии полностью отозвал. Ситуация осложнялась тем, что другие свидетели боясь мести оставшихся на свободе соучастников, категорически отказались сотрудничать со следствием, что вынудило правоохранителей обеспечить их полную анонимность. Для сокрытия личностей свидетелей сотрудники использовали необычные методы: завешивали дверные проемы простынями, применяли вязаные маски и даже профессиональный грим для изменения внешности. Несмотря на эти усилия, трагедии избежать не удалось – при невыясненных обстоятельствах погибло несколько человек, дававших показания против лидера преступного сообщества [4].

Оперативно-розыскная деятельность занимает ключевое место в системе мер по обеспечению безопасности защищаемых лиц. Именно оперативные подразделения обладают возможностями своевременного выявления угроз, документирования противоправных намерений и предупреждения преступных посягательств. Вместе с тем практика показывает наличие существенных проблем правового и организационного характера, снижающих эффективность реализации соответствующих мер безопасности.

В условиях функционирования системы государственной защиты ключевым нормативным актом выступает Федеральный закон Российской Федерации от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», закрепляющий перечень мер безопасности, основания их применения и компетенцию органов, осуществляющих защиту [1]. Однако правовое регулирование носит рамочный ха-

рактер и не в полной мере учитывает специфику оперативно-розыскного сопровождения данных мер.

Закон предусматривает широкий спектр мер, включая изменение места жительства, замену документов, обеспечение конфиденциальности сведений и личную охрану. Однако дефицит финансирования и кадров приводит к тому, что на практике применяются в основном наименее затратные способы, не всегда соответствующие реальной угрозе. Формальный подход снижает доверие защищаемых лиц и может спровоцировать их отказ от сотрудничества с правоохранителями.

Серьезное влияние оказывают и социально-психологические факторы, защищаемые лица часто не доверяют правоохранительным органам, опасаются разглашения данных и негативных последствий своего участия в программе. Для формирования доверия к государственной системе защиты необходимо повышать информированность граждан и обеспечивать реальную конфиденциальность.

Анализ практики применения самих мер безопасности показывает, что основными проблемами являются:

1. Проблема ограниченного охвата. Государственная программа защиты, действующая с 2006 г., обеспечила безопасность более 39 тыс. человек. А это означает, что применяются в 0,4 % от общего количества случаев, когда в них имеется необходимость. Новая государственная программа на 2024–2028 гг. с бюджетом в 714 млн руб. призвана решить эту проблему, но ее соразмерность масштабам проблемы требует отдельного анализа [2].

2. Проблема эффективности и экономической целесообразности отдельных мер. Вопрос о способах изменения внешности защищаемого лица проработан недостаточно. Эффективность этой меры с точки зрения обеспечения безопасности остается дискуссионной. Ранее она применялась достаточно широко, однако сегодня используется крайне редко, поскольку сами методы трансформации внешности существенно изменились. Если раньше было достаточно грима, накладных усов, маски или парика, то теперь такие средства не соответствуют требованиям безопасности, а им на смену пришли хирургические методы коррекции черт лица. Тогда кто добровольно согласится на операцию и насколько экономически оправдано применение подобных мер? Следовательно, законодателю стоит пересмотреть актуальность изменения внешности как одной из мер безопасности.

К числу ключевых проблем реализации законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства относятся:

– отсутствие единых критериев оценки реальности угроз и методических рекомендаций по их выявлению;

– ограниченность кадровых, финансовых и технических ресурсов;

– риски утечки персональных данных защищаемых лиц в условиях цифровизации;

– недостаточная готовность сотрудников к противодействию цифровым угрозам;

– социально-психологические факторы, выражающиеся в недоверии защищаемых лиц государственным институтам.

В целях повышения эффективности оперативно-розыскного обеспечения безопасности защищаемых лиц представляется целесообразным:

1. Совершенствование нормативной базы в соответствии с предложенными решениями некоторых проблем.

2. Внедрение современных информационных технологий анализа рисков, мониторинга угроз и защиты персональных данных.

3. Повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников, включая развитие компетенций в области цифровой аналитики.

4. Усиление мер по обеспечению конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и ответственности за их разглашение.

5. Формирование доверия к институту государственной защиты посредством информирования граждан и обеспечения реальных гарантий безопасности.

Таким образом, только при условии формирования целостной системы, обеспечивающей неотвратимость защиты можно говорить о действительной реализации фундаментального принципа – обеспечения права гражданина на безопасное выполнение своего гражданского долга по содействию правосудию

Литература

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.09.2023 № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы ″Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024-2028 годы″». URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).

3. Приподнять завесу тайны: как засекречивают участников уголовного процесса. URL: https://pravo.ru/story/202810 (дата обращения: 14.04.2026).

4. Как работает в России программа защиты свидетелей. URL: https://versia.ru/kak-rabotaet-v-rossii-programma-zashhity-svidetelej-i-pochemu-ona-poroj-zashhishhaet-obvinyaemyx (дата обращения: 14.04.2026).

***Е.Д. Солодовник**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предупреждение преступности является одной из приоритетных задач правоохранительных органов. Особое место в системе мер, направленных на предупреждение преступлений, занимает оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД), которая ориентирована не только на раскрытие уже совершенных преступлений, но и на своевременное выявление преступных намерений на ранних стадиях их формирования.

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой совокупность гласных и негласных мероприятий, осуществляемых уполномоченными государственными органами в целях защиты личности, общества и государства от преступных посягательств [1]. Ее правовую основу составляет Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», определяющий задачи, принципы и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий.

К числу основных задач ОРД относятся выявление, предупреждение и пресечение преступлений, установление лиц, подготавливающих или совершающих преступления, получение информации о состоянии криминогенной обстановки, а также выявление причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний [1]. Это позволяет рассматривать оперативно-розыскную деятельность как один из важнейших инструментов предупреждения преступности, обладающих ярко выраженной профилактической направленностью.

С целью определения практического значения ОРД в системе предупреждения преступлений в рамках настоящего исследования проведен опрос сотрудников, осуществляющих оперативно-служебную деятельность в Алтайском крае, Новосибирской и Кемеровской областях. Ценность полученных результатов обусловлена тем, что они основаны на мнениях действующих сотрудников, непосредственно занимающихся оперативно-розыскной деятельностью, что придает исследованию высокую степень практической значимости.

Результаты опроса показали, что все респонденты признают значимую роль оперативно-розыскной деятельности в предупреждении преступлений. Анализ их ответов позволил выделить несколько основных направлений профилактического воздействия ОРД.

Прежде всего, оперативно-розыскная деятельность способствует выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений. Речь идет о недостатках в системе охраны объектов, пробелах в организации контроля и особенностях криминогенной обстановки на конкретной территории. По мне-

нию оперуполномоченных, оперативный сотрудник должен постоянно анализировать оперативную обстановку, выявлять уязвимые места и прогнозировать возможные преступные проявления. Своевременное устранение таких факторов позволяет предупредить преступление еще до возникновения конкретного преступного замысла.

Не менее важным направлением является получение информации о готовящихся преступлениях на ранних стадиях. Как отмечают сотрудники, оперативно значимая информация нередко поступает уже на этапе предварительного обсуждения противоправных действий. Это позволяет своевременно принять необходимые меры и предотвратить кражи, нападения, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, еще до их совершения.

Одним из важнейших направлений оперативно-розыскной деятельности является работа с конфиденциальными источниками содействия. Именно благодаря таким источникам сотрудники получают ценную и достоверную информацию о процессах, происходящих в преступной среде.

Большое значение имеет и непосредственная работа в криминальной среде – оперативное внедрение, использование конфидентов, инструментов наблюдения и других методов позволяет устанавливать участников преступных групп и своевременно пресекать их деятельность.

Оперативно-розыскная деятельность выполняет также и профилактическую функцию. Усиление контроля, осведомленность правоохранительных органов и иные меры нередко заставляют лиц, склонных к противоправному поведению, отказаться от реализации преступного замысла.

Посредством оперативно-розыскной деятельности обеспечивается выявление латентных правонарушений, не отражаемых в данных государственной статистической отчетности. Существенное значение придается указанной деятельности в контексте защиты свидетелей и иных лиц, содействующих правоохранительным органам. Вследствие реализации означенных мер отмечается повышение эффективности мероприятий по профилактике и пресечению криминальных проявлений.

Резюмируя изложенное, следует констатировать: оперативно-розыскная деятельность представляет собой один из ключевых элементов механизма профилактики правонарушений. Фундаментальная ценность ОРД обусловлена ее способностью выявлять и пресекать противоправные деяния на стадии их подготовки. В современных условиях наблюдается неуклонный рост значимости данного направления работы. Этим обстоятельством диктуется необходимость модернизации тактики проведения розыскных мероприятий, повышения квалификационного уровня сотрудников и внедрения аналитических методик в повседневную практику. Рациональная организация оперативно-розыскной работы выступает обязательным условием поддержания правопорядка и снижения показателей преступности.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***Л.В. Старкова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ОРМ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Коррупция, в частности, взяточничество, представляет собой одну из наиболее острых и деструктивных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Д.Н. Еремкин проводит сравнительный анализ подходов к дефиниции взяточничества как в доктринальных источниках, так и в нормативно-правовом поле. Рассматривая определение взятки, Д.Н. Еремкин опирается на положения различных лингвистических и толковых словарей, представляя ее как «передачу денег или материальных ценностей должностному лицу в качестве подкупа или оплаты за совершение им определенных действий, либо, напротив, за их несовершение». При этом автор подчеркивает сущностное различие между обещанием взятки и ее фактической передачей, отмечая, что «взятка – это не то, что обещано, а то, что взято фактически» [5].

Коррупционные преступления, в особенности взяточничество, в силу своей специфической природы требуют применения особых методов оперативно-розыскной деятельности на этапе их выявления и первичного документирования.

Ключевым специальным нормативным актом, регламентирующим основания и порядок проведения ОРМ, выступает Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В контексте взяточничества, правовым основанием для начала оперативно-розыскной работы является наличие повода и оснований, перечисленных в ст. 7 названного Закона [3].

Оперативная разработка в сфере противодействия взяточничеству представляет собой процесс, протекающий в условиях высокой латентности, конспиративности и повышенного социального риска. Е.С. Дубоносов указывает, что его структуризация на последовательные этапы не является формальной, а отражает внутреннюю логику накопления информации, проверки оперативных версий и постепенного перехода от общих предположений к конкретным,

процессуально значимым действиям, направленным на фиксацию состава преступления [4].

Исходным этапом, предваряющим саму разработку, является получение и анализ исходных данных, что может быть инициировано на основании поводов, предусмотренных ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», таких как сообщения граждан, организаций, материалы проверочных закупок, результаты оперативного наблюдения, ориентировки других подразделений или запросы международных правоохранительных органов.

Особенностью дел о взяточничестве на данном этапе является необходимость оценки достоверности информации, учитывая высокий потенциал добросовестных заблуждений, клеветы или провокационных действий. Проведенная оценка позволяет принять решение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Д.М. Фарахиев также отмечает, что важной предпосылкой своевременного выявления фактов взяточничества является получение в процессе поисковой деятельности достаточно полной и достоверной информации о признаках приготовления к преступлению или совершенного преступления. Своевременное поступление информации о противоправной деятельности, поиск и обнаружение дополнительных сведений, надлежащая проверка полученных данных, позволяют должностным лицам оперативных подразделений правильно оценивать складывающуюся ситуацию [6].

Процесс планирования ОРМ начинается не с абстрактных идей, а с глубокого анализа всей имеющейся исходной информации, сформированной на предыдущих этапах оперативной проверки и разработки, включая данные о личности подозреваемых, их связях, образе жизни, профессиональных обязанностях, выявленных коррупционных схемах, местах и способах возможной передачи взятки.

На основе данного анализа формулируется центральная цель комбинации, например, не просто «установить факт взяточничества», а «задокументировать передачу денежных средств от гражданина должностному лицу в обмен на конкретное действие (бездействие) по службе в конкретном месте и конкретное время с последующей фиксацией на видео- и аудионосители».

Далее оперативный сотрудник, а чаще группа специалистов, создает модель предполагаемой ситуации взаимодействия между участниками коррупционной сделки, в которую затем встраиваются легальные и негласные силы и средства органов. В рамках планирования детально прорабатывается каждый элемент комбинации, а именно технический, т. е. какая аппаратура будет использована, как она будет замаскирована, как обеспечено энергоснабжение и качество сигнала, кадровый, тактический (последовательность действий, условные сигналы, порядок связи между группами) и, что крайне важно, правовой. Правовая составляющая планирования включает в себя подготовку всех необходимых процессуальных и оперативно-розыскных документов.

Основополагающими ОРМ в данном процессе традиционно являются оперативный эксперимент, проверочная закупка, в части документирования коммерческого подкупа, наблюдение, опрос и снятие информации с техниче-

ских каналов связи, причем их применение носит комплексный и взаимодополняющий характер. Все перечисленные ОРМ преследуют одну цель, а именно зафиксировать сам факт передачи-получения предмета взятки, умысел сторон и содержание противоправной договоренности.

Е.С. Дубоносов считает, что на начальном этапе, после поступления оперативной информации, тактика строится на осторожной проверке ее достоверности с помощью наблюдения, которое позволяет установить реальные связи фигурантов, их образ жизни, маршруты передвижения и места вероятных встреч [4].

На основе полученных данных разрабатывается план оперативного эксперимента, который является итогом тактической комбинации. Во время проведения оперативного эксперимента тактика требует максимальной гибкости и готовности к импровизации в рамках утвержденного плана. Оперативник, вступающий в контакт, должен естественно вести беседу, провоцируя взяткополучателя на вербальное подтверждение сути сделки, избегая при этом любых формулировок, которые можно трактовать как провокацию.

В момент непосредственной передачи предмета взятки тактически верным является организация немедленного или максимально оперативного задержания взяткополучателя с поличным, что позволяет исключить возможность сокрытия вещественных доказательств и обеспечивает психологический эффект, способствующий даче признательных показаний. Задержание должно быть проведено с участием понятых, а сразу после него осуществляется личный обыск, осмотр места происшествия и изъятие предмета взятки с составлением всех необходимых протоколов, которые затем становятся основными доказательствами по уголовному делу.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. 399 с.

5. Еремкин Д.Н. Понятие и сущность взяточничества // Теория и практика современной науки. 2025. № 3 (117). С. 33–36.

6. Фарахиев Д. М. Некоторые особенности выявления и документирования фактов взяточничества при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Искусство правоведения. 2024. № 1. С. 73–80.

***А.А. Тербекова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О значимости вопросов нарушения прав и свобод человека и гражданина в результате оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) подтверждает информация об объеме жалоб, направленных в Конституционный суд Российской Федерации – в среднем по 20 жалоб ежегодно за последние 5 лет. Не менее значимым свидетельством выступает и статистика выявленных прокуратурой Российской Федерации нарушений законодательства в рассматриваемой области – по официальным данным, за 2026 г. их количество составило более 500 тыс. [3]. В долевом соотношении большинство из них – 19 % – это нарушение права на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации), на втором месте – 18 % – право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции Российской Федерации).

Нередки в правоприменительной практике и случаи нарушения права гражданина на квалифицированную юридическую помощь, а именно допуск адвоката к производству оперативно-розыскных действий. Так, например, адвокат В., являющийся членом адвокатской конторы № 1 г. Буденовска Ставропольской краевой коллегии адвокатов, незамедлительно прибывший по телефонному звонку доверителя, не был допущен к участию в проведении обследования жилого помещения. Поясним, что в отношении доверителя проводилось оперативно-розыскное мероприятия (далее – ОРМ) – «Обследование зданий, помещений», в рамках уголовного дела, возбужденного по ч.1. ст. 222 УК РФ (результатом которого стало изъятие огнестрельного оружия).

Более того, находящиеся у входа в жилое помещение гражданина Н. правоохранители (которые не представились) в устной форме предупредили адвоката о том, что применят оружие, если он не подчинится их требованиям. Адвокат В. подал в дежурную часть ОВД заявление о привлечении «неизвестных лиц» (указанные субъекты были одеты в камуфляжную форму) к ответственности.

В своем заявлении адвокат В. апеллировал к Определению Конституционного Суда Российской Федерации № 1419-0 от 27.06.2017, в котором указано, что Закон об ОРД (в т. ч. п. 8 и ч. 1 ст. 6) «не ограничивает право на квалифицированную юридическую помощь лица, в отношении которого проводятся административные или следственные действия, применяются по основаниям и в порядке, предусмотренным КоАП РФ или УПК РФ, меры принуждения, связанные с ограничением свободы и личной неприкосновенности, включая

свободу передвижения, а также не отменяет закрепленной этими законодательными актами обязанности разъяснять соответствующие права».

В подтверждение свой правоты адвокат В. также процитировал Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 924-0-0 «По жалобе гражданина Козлова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав п. 13 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 2 ст. 75, ч. 1 ст. 285 УПК РФ и пунктом 1 части первой статьи 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), из которого следует: «то обстоятельство, что действия, проводимые с участием лица, подвергаемого уголовному преследованию, оформлялись не в рамках процессуальной деятельности, а в качестве оперативно-розыскных мероприятий, само по себе не является законным основанием для отклонения его ходатайства о предоставлении защитника».

Следует отметить, что к данной ситуации также применимо положение, закрепленное в решении органа конституционного контроля от 27.06.2000 № 11-П, определяющее время возникновения конституционного права пользоваться помощью адвоката, как момент фактического (реального) ограничения прав конкретного лица (По делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П), «сотрудники органов, осуществляющих ОРД, обязаны обеспечить и сделать реально выполнимой для указанного лица реализацию права на получение помощи адвоката».

Говоря иначе, осуществление обозначенного предписания сводится к тому, что уполномоченное лицо, самолично проводящее ОРМ или же возглавляющее группу сотрудников, обязано обеспечить реализацию законного права доверителя оповестить своего адвоката о факте проведения ОРМ и указать место его проведения.

Сотрудники оперативно-розыскных подразделений, как справедливо, на наш взгляд, подчеркивают В.А. Гусев, Е.В. Герасименко, – «обязаны не препятствовать оказанию им квалифицированной юридической помощи своему доверителю». По нашему мнению, из вышеуказанных обязанностей оперативного сотрудника разъяснить право на квалифицированную юридическую помощь и вызвать адвоката на место проведения ОРМ обоснованно возникает и обязательство обеспечить реальное участие защитника в ходе таких мероприятий [2, с. 220].

Как следует из вышеизложенного, в анализируемом нами примере допущенное нарушение затрагивает одновременно, во-первых, право гражданина на квалифицированную юридическую помощь; во-вторых, право адвоката присутствовать при гласном оформлении результатов ОРМ на любом их этапе, реализовывать защиту прав и интересов своего доверителя, а также настаивать на внесении в соответствующий протокол своих замечаний и возражений.

Следует сказать, что по аналогичному уголовному делу в другом регионе России, когда к производству ОРМ, проходившему в офисе компании, к доверительнице – бухгалтеру фирмы не был допущен адвокат К. Красноярский краевой суд в своем Апелляционном постановлении от 21.01.2021 № 22-439/2021

указал, что «ограничение передвижения было законным и связано с потребностью поддержания порядка при ОРМ, а следовательно, не должно квалифицироваться в качестве злонамеренного препятствия адвокату».

В отношении сотрудников, которые не допустили адвоката к доверителю, в указанном судебном решении отмечено, что их действия, как субъектов, не участвующих в ОРМ, «не подлежат обжалованию в связи с тем, что их данные не были внесены в протокол. В их компетенции было обеспечить силовое сопровождение ОРМ. То есть любые их действия могут быть обжалованы в ином порядке, а не по ст. 125 УПК РФ».

Полагаем, что в данном судебном решении действия оперативных сотрудников максимально формализованы, в результате чего никто из них не был привлечен к ответственности.

Таким образом, как следует из вышеизложенного, вопрос ответственности должностных лиц за нарушение прав и свобод граждан при проведении ОРМ весьма проблематичен, хотя отечественным законодательством предусмотрена возможность граждан обжаловать такие действия оперативных сотрудников в Конституционный Суд Российской Федерации [4, с. 63]. Как уже было отмечено в начале статьи – данный орган конституционного контроля в случае выявления нарушений встает на защиту граждан.

В контексте ведомственного контроля (в частности, Указание Генпрокуратуры России № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-р от 23.07.2020 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности») устанавливается персональная ответственность за обеспечение законности в оперативно-розыскной деятельности.

Основанием для реализации вышестоящим органом своих контрольных полномочий является подтверждение обстоятельств немотивированного нарушения прав граждан. В таких пределах он полномочен вмешиваться в деятельность, отменить неправомерные решения, пресечь действия, противоречащие закону, и принять меры к восстановлению нарушенных прав.

Перспективы совершенствования механизма обеспечения прав граждан при производстве ОРД, на наш взгляд, видятся в оптимизации правозащитного механизма в рассматриваемой сфере и связаны с конкретизацией оснований, границ и процессуального порядка ограничения прав граждан, равно как и с усилением контрольно-надзорной деятельности суда и прокуратуры.

Обозначенный подход, по нашему мнению, обеспечит баланс публичных интересов борьбы с преступностью и конституционных прав личности.

Литература

1. Заключение Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов АП Ставропольского края от 10 апреля 2026 года // URL: https://www.advokatseregin.ru/advokata-ne-dopustili-k-podzashhitnomu-vo-vremya-orm-pod-ugrozoj-primeneniya-oruzhiya/

2. Гусев В.А., Герасименко Е.В. Квалифицированная юридическая помощь лицам, в отношении которых проводятся негласные оперативно-розыскные мероприятия, в случаях приобретения такими мероприятиями гласного характера // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 2. С. 220–237.

3. Статистические данные об основных показателях деятельности прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2025 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.
gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/result/e80142/ (дата обращения: 05.05.2026).

4. Шатохин И.Д., Чечетин А.Е. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 206 с.

***А.А. Токарева**, курсант 4 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

Современный этап информатизации общества является переходом искусственного интеллекта из экспериментального инструмента деятельности в стандартный, который активно внедряется во всю деятельность государственных органов. Этот процесс направлен на кардинальное изменение государственного управления, в т. ч. и деятельности сотрудников органов внутренних дел, существенно повышающий эффективность работы ведомств. Однако стоит отметить, что внедрение искусственного интеллекта в оперативно-служебную деятельность должно соответствовать законодательной базе Министерства внутренних дел Российской Федерации, которую необходимо расширять, включая аспекты цифровизации общества.

Способности искусственного интеллекта очень многообразны – поиск данных, экспертные системы, распознавание и анализ текста, речи, разнообразные системы безопасности и многое другое. Однако искусственный интеллект не является самостоятельным субъектом, он выступает как технологический инструмент, который действует совместно с сотрудником, усиливая его потенциал, работоспособность и время деятельности [1, с. 53].

Потенциал применения искусственного интеллекта в оперативно-служебной деятельности рассматривается, в первую очередь, через автоматизацию рутинного процесса. Так, например, документооборот в работе сотрудников органов внутренних дел занимает огромное количество времени, сил и средств. Внедрение искусственных ассистентов позволяет автоматизировать подготовку типовых документов. Применение таких систем может помочь сократить время составление документов с двух часов до нескольких минут, полностью исключая какие-либо ошибки.

Если мониторинг оперативной обстановки будет проводиться с помощью нейросетей, то появляется возможность уменьшить количество неучтенных и незамеченных деяний, которые могут быть пропущены сотрудником из-за усталости, занятости. Далее полученную информацию искусственный интеллект может самостоятельно обработать и включить в автоматизированную базу данных.

Как следствие из вышесказанного, можно отметить, что появляется возможность решения кадрового вопроса и снижения нагрузки на сотрудников.

Кроме того, использование искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности может быть направлено на:

– автоматический анализ видео в режиме реального времени (для распознания машин, пропавших людей, людей, находящихся в розыске и др.);

– анализ цифровых улик;

– определение очагов преступной активности;

– анализ доказательств, протоколов.

Однако вся деятельность, связанная с использованием искусственного интеллекта оперативными подразделениями, сталкивается с разнообразными проблемами. Например, далеко не во всех отделах полиции есть современная инфраструктура, которая совместима с новыми программными обеспечениями или базами данных, а чтобы устранить эту проблему, необходимы денежные средства [3, с. 52]. Чтобы обучить сотрудников правильно использовать искусственный интеллект необходимо время, средства и новое оборудование, отсюда появляется нехватка специалистов, которые способны грамотно формулировать задачи для алгоритмов и правильно интерпретировать их результаты. Также само обслуживание искусственного интеллекта требует не малых финансовых затрат.

Следующая проблема заключается в том, что новое программное обеспечение может совершать ошибки, в связи с которыми могут происходить утечки данных, а также своевременно могут быть не отбиты хакерские атаки, все это нарушает принцип недопустимости разглашения сведений, связанных с расследованием преступлений.

В России использование искусственного интеллекта в оперативно-служебной деятельности регулируется, например:

– Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», который утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

– Федеральным законом от 08.07.2024 № 169-ФЗ – он дополняет федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» механизмом рассмотрения случаев причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека в результате использования решений, созданных с применением технологий искусственного интеллекта.

При этом важно определить границы между правовой и внеправовой работой искусственного интеллекта, чтобы не нарушать права человека и безопасность. Представленной нормативной базы не остаточно, для регулирования процесса работы с искусственным интеллектом в оперативно-служебной деятельности [4, с. 244]. В случае ошибки или причинения вреда, кого следует привлекать к ответу – разработчика программного обеспечения, оператора системы, должностное лицо, подписавшее документ, подготовленный с помощью нейросетей?

Искусственный интеллект способен стать катализатором глубокой модернизации оперативно-розыскной деятельности, освобождая сотрудников от решения сложных задач, а также автоматизируя процесс работы. Однако современные технологии не могут полностью заменить человека, поэтому реализация этого потенциала должна происходить под четким определением границ, руководствуясь нормативно-правовой базой.

Литература

1. Бахтеев Д.С. Искусственный интеллект в правоохранительной деятельности: пределы допустимого применения // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 3. 122 с.

2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (одобрен решением Наблюдательного совета АНО «Цифровая экономика» от 26.10.2021) // АНО «Цифровая экономика». М., 2021.

3. Поляков Е.В. Опыт внедрения ИИ-сервисов в деятельность органов власти Нижегородской области // Цифровая трансформация регионов. 2025. № 2 (18). 50 с.

4. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы. М.: НОРМА, 2024. 288 с.

5. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41.

6. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества; пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь Мир, 2022. 344 с.

В.Е. Трофименко, *курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В современных условиях цифровизации общества незаконный сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет приобрел массовый характер. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2025 г. число выявленных фактов сбыта наркотиков выросло на 17 % по сравнению с предыдущим годом и составило 158,7 тыс. случаев [1]. Значительная доля таких преступлений совершается бесконтактным способом через мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Element), браузеры (TOR) и специализированные площадки – с использованием закладок, криптовалют и анонимных платежей.

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) необходима для выявления и раскрытия данных преступлений, т. к. следственные действия на начальном этапе малоэффективны из-за отсутствия прямого контакта между сбытчиком и покупателем, тогда цель работы – раскрыть содержание оперативно-розыскного сопровождения расследования сбыта наркотических средств через интернет. Попробуем проанализировать правовую базу ОРД, рассмотреть специфику преступлений, изучить применяемые оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ), изучить и обобщить практику, выявить проблемы и предложить пути их решения.

Правовой основой оперативно-розыскной деятельности является Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), где указано, что одной из задач ОРД как раз являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 2). К основным ОРМ, применяемым при установлении обстоятельств сбыта наркотических средств в интернете, относятся: наблюдение, проверочная закупка, опрос, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, снятие информации с технических каналов связи и др. (из ст. 6 ФЗ «Об ОРД») [3].

Преступления по сбыту наркотических средств через интернет совершаются бесконтактно, например, объявления публикуются в мессенджерах, оплата часто криптовалютой, а товар передается через закладки. Вследствие этого возникают сложности с идентификацией злоумышленников, выявлением каналов сбыта и закреплением факта передачи наркотиков. Преступники активно ис-

пользуют VPN, TOR, анонимные аккаунты и самоуничтожающиеся сообщения, что требует от оперативных подразделений специальных знаний в области информационных технологий [2].

Цифровая среда формирует специфическую обстановку, которая также характеризуется пространственно-временной автономностью (возможность взаимодействия участников вне географических и временных границ); анонимностью; технологической защищенностью (сквозное шифрование, функции автоматического удаления сообщений, децентрализованная архитектура хранения данных).

Исходя из вышеуказанных характеристик, наиболее эффективными ОРМ являются:

1. Наблюдение – позволяет фиксировать действия сбытчика по размещению объявлений, контактам с покупателями и закладкам. В цифровой среде оно дополняется мониторингом открытых и закрытых ресурсов.

2. Проверочная закупка – проводится с использованием легендированных аккаунтов, электронных платежей и последующим изъятием наркотических средств. Требует строгого соблюдения законности, чтобы избежать признания провокацией.

3. Снятие информации с технических каналов связи – получение данных о переписке, IP-адресах, геолокации.

4. Опрос и оперативный эксперимент.

В рамках оперативного сопровождения расследования данные мероприятия проводятся как на стадии проверки сообщения о преступлении (до возбуждения уголовного дела), так и после. Такой подход обеспечивает тщательное документирование и выявление лиц, причастных к преступлению.

Чтобы выяснить, какие оперативно-розыскные мероприятия применяются при раскрытии таких преступлений наиболее часто и, следовательно, являются наиболее эффективными, было принято решение основывать исследование на анализе судебной практики. Эмпирическую базу составили 33 уголовных дела, квалифицированных по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ либо по ч. 3–5 указанной статьи, где сбыт производился посредством информационно-телекоммуникационных сетей, рассмотренных судами общей юрисдикции в 2023–2025 гг. В 8 делах прямо указывались ОРМ, проведенные для выявления преступления. В 6 случаях применялось наблюдение, в 2 случаях – проверочная закупка. В остальных делах информация о первоначальном выявлении преступления отсутствовала или носила общий характер. Полученные данные подтверждают эффективность традиционных ОРМ даже в условиях цифровизации, однако подчеркивают необходимость их адаптации к бесконтактным схемам сбыта.

Однако существуют некоторые проблемы: высокая степень анонимизации преступников, сложность легализации цифровых следов, недостаточная техническая оснащенность оперативных подразделений и пробелы в нормативном регулировании мониторинга закрытых ресурсов. Для их решения предлагается: усилить межведомственное взаимодействие с провайдерами и операторами связи; развивать специализированные программно-технические средства

анализа трафика; совершенствовать подготовку оперативных сотрудников в сфере цифровых технологий.

Оперативно-розыскное сопровождение расследования преступлений по незаконному сбыту наркотических средств через интернет является важнейшим инструментом противодействия наркопреступности в условиях цифровизации. Эффективность ОРД определяется комплексным применением ОРМ, адаптированных к особенностям интернет-среды, строгим соблюдением законности и активным использованием результатов в уголовном процессе. Дальнейшее совершенствование тактики и технического обеспечения позволит повысить раскрываемость таких преступлений и снизить их общественную опасность.

Литература

1. В РФ в 2025 году число выявленных фактов сбыта наркотиков выросло на 17 %. URL: https://tass.ru/proisshestviya/26522889 (дата обращения: 18.04.2026).

2. Малянова К.П. Актуальные вопросы расследования сбыта наркотических средств и сильнодействующих веществ через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет // Criminalistics. С. 69–76. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-rassledovaniya-sbyta-narkoticheskih-sredstv-i-silnodeystvuyuschih-veschestv-cherez-informatsionno?ysclid=mopdfkxpik422987502 (дата обращения: 02.04.2026).

3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***А.Д. Турыгина**, курсант 4 курса*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Д.Н. Николаенко**, канд. юрид. наук*
Московский областной филиал
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВА ЛИЧНОСТИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется комплекс теоретических, а также в некоторой мере практических вопросов в области соблюдения прав личности, предусмотренных основным законом – Конституцией Российской Федерации, при реализации оперативно-розыскной деятельности. Во время изучения и анализа существующей литературы в области ОРД, было установлено, что на данный момент до сих пор не существует единого мнения авторов относительно вопроса

государственной и правовой защиты прав личности в оперативно-розыскной деятельности. В основу анализа легло действующее российское, международное законодательство, оперативно-розыскная практика, а также труды деятелей научной литературы, что позволило сделать выводы о некоторых вопросах теории государственной защиты прав личности в данной сфере.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации: «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1, с. 4]. Ключевая обязанность Российской Федерации – это признание, соблюдение и защита законных прав личности. Данные требования в полном объеме касаются и оперативно-розыскной деятельности, она в силу своей специфичности и негласного характера нередко объективно вторгается в частную жизнь граждан. Статья 3 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет что, уважение и соблюдение конституционных прав человека и гражданина является одним из основополагающих принципов, на котором и основывается сущность оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскная деятельность в Российской Федерации наделена правом, как гласного, так и негласного осуществления уполномоченными на то оперативными подразделениями, следуя из того, что данная деятельность служит для защиты жизни, здоровья и конституционных прав человека, а также для обеспечения безопасности общества и государства. В свою очередь, реализация данной деятельности указывает на необходимость применения и исключительных мер, которые направлены на временное ограничение конституционных прав лиц, в отношении которых имеется информация о подготавливаемом или совершенном преступлении.

Следует сказать о том, что вышеуказанные ограничения строго регламентированы и основываются в первую очередь на Конституции Российской Федерации, так в ч. 3 ст. 55 сказано, что «ограниченные федеральным законом основные права и свободы человека могут быть только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты государства, нравственности, прав и законных интересов других лиц» [1, с. 57]. Право на принятие решения ограничения конституционных прав граждан принадлежит суду. Однако в случаях, не терпящих отлагательств, законом также предусматривается и иной порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий ограничивающих конституционные права граждан, их проведение допускается с дальнейшим уведомлением суда в течение 24 часов и получением разрешения в следующие 48 часов [4, с. 201].

Законодательство, в свою очередь, также предусматривает и систему гарантий соблюдения прав личности, включающую в себя судебный контроль и прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью. Так, лицо, считающее, что его права были нарушены, может обжаловать действия уполномоченных лиц в один из вышестоящих органов, прокурору или же в суд. Указанные органы обязаны своевременно принять меры по восстановлению нарушенных прав, а также возмещению вреда, если это необходимо. Следует также сказать о том, что гарантируется уничтожение материалов полученных при осуществлении ОРМ в отношении лиц, чья виновность не была доказана. Полученные материалы подлежат уничтожению по истечению срока их хранения.

На современном этапе развития оперативно-розыскной деятельности ключевой проблемой является внедрение цифровых технологий, в т. ч. метода OSINT-анализа. Данный метод осуществляется строго при наличии определенных условий и оснований при проведении оперативно-розыскных мероприятий, это связано в с тем, что он включает в себя обработку персональных данных и просмотр социальных сетей, что в силу своего негласного характера весьма часто является ограничением права на неприкосновенность частной жизни.

Для решения вышеуказанной проблемы необходимо внести некоторые изменения в законодательство, поскольку в настоящее время не в полной мере учитывается специфичность сбора и анализа цифровой информации, из этого следует риск нарушения прав личности Необходимо разработать специальные нормы, которые будут регламентировать порядок проведения ОРМ с использованием технологий OSINT-анализа, включая требования к сбору, хранению и использованию информации из открытых источников.

В законодательстве, посвященном оперативно-розыскной деятельности, еще не совсем сформированы соответствующие системы, которые бы содержали в себе нормы, упорядочивающие вопросы обеспечения конституционных прав человека. Различные правовые нормы, которые затрагивают защиту личности, расположены в разных нормативно-правовых актах, не связанных друг с другом, что является проблемой требующей соответствующего решения. Дальнейшая организация законодательства в данной сфере должна быть направлена на создание четких механизмов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.02.2026).

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349 (ред. 2022 г.).

3. Титов П.М. Права личности в оперативно-розыскной деятельности/ П.М. Титов // Вопросы Российской юстиции. № 29. С. 386–391. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prava-lichnosti-v-operativno-rozysknoy-deyatelnosti (дата обращения: 19.02.2026).

4. Антонов Е.В. Гарантии соблюдения прав и свобод гражданина при реализации оперативно-розыскной деятельности // Молодой ученый. 2025. № 19 (570). С. 199–202. URL: https://moluch.ru/archive/570/125060 (дата обращения: 19.02.2026).

***А.А. Ушмаева**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества привело к появлению новых форм противоправной деятельности. Огромной проблемой является увеличение числа преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет [1, с. 64]. Глобальная сеть, обеспечивая широкий доступ к информации и относительную анонимность, превратилась в основной инструмент пропаганды радикальных взглядов и взаимодействия представителей экстремизма.

Несмотря на принимаемые меры, правоохранительные органы сталкиваются с серьезными трудностями при расследовании указанной категории дел. В связи с этим исследование особенностей расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных в интернете, приобретает высокую актуальность как для юридической науки, так и для правоприменительной практики. Благодаря проведению оперативно-розыскных мероприятий удается выявлять и раскрывать преступления экстремистской направленности, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В системе оперативно-розыскных мероприятий, используемых при расследовании преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет, особое место занимает наблюдение. Данное мероприятие в условиях цифровой трансформации приобретает новое содержание, адаптируясь к специфике виртуального пространства и особенностям поведения его пользователей. Как справедливо утверждают исследователи, наблюдение в сети Интернет преобразовывается в мониторинг.

Как отмечает А.В. Кутузов, «осознание возможностей всей совокупности процессов накопления данных обуславливает популярность такого метода сбора разведывательной информации из сети Интернет, как разведка из открытых источников, т. е. оперативно-розыскной мониторинг (интернет-мониторинг), который являет собой новую категорию для науки оперативно-розыскной деятельности» [2, с. 235].

Наблюдение при расследовании преступлений указанной категории дел характеризуется такими особенностями, которые отличают его от обычного наблюдения в физическом пространстве. В цифровой среде объектами могут

выступать информационные ресурсы (сайты, страницы в социальных сетях, каналы в мессенджерах, форумы, блоги), содержащие экстремистские материалы; пользователи, размещающие запрещенный контент или участвующие в деятельности экстремистских сообществ; коммуникационные процессы (переписка, комментирование, репосты, обмен файлами); цифровые следы (IP-адреса, временные метки), позволяющие устанавливать связи между участниками противоправной деятельности.

При проведении наблюдения за экстремистскими проявлениями в сети Интернет возникает ряд проблем. Главными из которых является проблема противодействия анонимности. Активное использование средств анонимизации (VPN-сервисы, браузер Tor, прокси-серверы) существенно затрудняет идентификацию пользователей, размещающих экстремистский контент. Преодоление этих препятствий требует совершенствования технического оснащения оперативных подразделений и развития методов, направленных на раскрытие анонимности.

Также проблемой является использование шифрования со стороны преступников, в связи с чем необходимы специальные познания для расследования. Технологическая сложность большинства процессов в сети и достаточно большой объем данных, выявляемых преимущественно в электронном виде, приводят к необходимости привлечения к осуществлению наблюдения специалистов, которые обладают познаниями в области информационных технологий.

Совершенствование наблюдения как оперативно-розыскного мероприятия при расследовании экстремистских преступлений в сети Интернет возможно при внедрении технологий искусственного интеллекта для автоматического выявления экстремистского контента, анализа связей между пользователями, прогнозирования развития оперативной обстановки; совершенствования методов анализа данных; развитие международного сотрудничества; дальнейшее развитие законодательства, регламентирующего порядок проведения наблюдения в цифровой среде, включая процедуры доступа к закрытой информации и использования полученных результатов.

Оперативно-розыскное мероприятие «наблюдение» играет ключевую роль в системе раскрытия преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет. Эффективность наблюдения зависит от своевременного реагирования на изменения в способах совершения преступлений, совершенствования технического оснащения оперативных подразделений, развития методов работы с цифровыми следами и надлежащего процессуального оформления полученных результатов.

Литература

1. Куликов А.Г. К вопросу совершенствования оперативно-розыскной деятельности по противодействию экстремизму в сети Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-sovershenstvovaniya-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-po-protivodeystviyu-ekstremizmu-v-seti-internet (дата обращения: 08.03.2026).

2. Кутузов А.В. Оперативно-розыскной мониторинг сети Интернет как элемент противодействия преступлениям экстремистской направленности // Вестник КГУ. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoy-monitoring-seti-internet-kak-element-protivodeystviya-prestupleniyam-ekstremistskoy-napravlennosti (дата обращения: 09.03.2026).

***А.А. Черненко**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ МЕССЕНДЖЕРА «МАКС» В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ

Согласно официальным данным ГИАЦ МВД России, в январе 2026 г. на территории страны зарегистрировано 40,8 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составляет почти треть (32,7 %) от общего числа криминальных деяний. Ключевую роль в структуре IT-преступности играют хищения: при общем снижении на 16,3 % зафиксировано 27,4 тыс. мошенничеств, значительная часть которых совершается через мессенджеры, что требует от правоохранительных органов новых инструментов противодействия [4].

В этих условиях с 1 сентября 2025 г. в России вводится обязательная предустановка национального мессенджера «Макс». К февралю 2026 г. в платформе зарегистрировались более 85 млн пользователей.

Взаимодействие оперативных подразделений с мессенджером «Макс» осуществляется в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральным законом № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Основным механизмом доступа к данным выступает система оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), предназначенная для получения метаданных. Доступ предоставляется по официальному запросу уполномоченных органов в соответствии со ст. 64 Федерального закона «О связи» [2]. «Макс», будучи организатором распространения информации, обязан хранить данные на территории Российской Федерации и предоставлять их по мотивированному запросу.

Платформа размещена на российских серверах, что полностью соответствует указанным требованиям. Все данные пользователей – сообщения, звонки, метаданные, файлы – хранятся в юрисдикции Российской Федерации. Это принципиально отличает платформу от зарубежных мессенджеров, серверы которых расположены за пределами российской юрисдикции, что затрудняет по-

лучение информации в рамках правового поля и зачастую занимает месяцы, не гарантируя результата.

Архитектура «Макс» создает несколько ключевых преимуществ для оперативно-розыскной деятельности:

1. Обязательная идентификация пользователей. Регистрация в «Макс» доступна только по номеру российских или белорусских операторов, исключая виртуальные и анонимные SIM-карты. Верификация через «Госуслуги» подтверждает личность и открывает доступ к цифровому ID. Для оперативных сотрудников это означает привязку каждого действия к конкретному лицу, идентифицированному государственной системой.

2. Локализация и доступность данных. Все данные «Макс» хранятся на серверах VK в России, что позволяет оперативным подразделениям получать к ним доступ в рамках законодательства без взаимодействия с иностранными юрисдикциями.

3. Интеграция с государственными сервисами. «Макс» объединяет коммуникации, «Госуслуги», цифровой ID, СБП (система быстрых платежей) и мини-приложения, что дает оперативным сотрудникам максимум информации в одном месте.

Согласно анализу технических возможностей платформы, оперативные сотрудники могут получать следующие категории данных:

– IP-адреса, с которых пользователь заходил в мессенджер, что позволяет устанавливать реальное местоположение лица даже при использовании средств анонимизации;

– данные геолокации пользователя, включая историю перемещений;

– геолокацию из EXIF-сведений фотографий и видео, хранящихся на устройстве;

– контакт-лист пользователя и сведения о том, как абоненты идентифицируют данного пользователя в своих записных книжках;

– номер мобильного телефона, адрес электронной почты, историю смены имени пользователя, историю IP-адресов для входа на страницу.

Практика взаимодействия оперативных подразделений с Центром безопасности «Макс» подтверждает эффективность платформы как источника оперативно значимой информации.

В августе 2025 г. 34-летней жительнице Курска поступил звонок в «Макс» от лица, представившегося сотрудником службы доставки. Под предлогом получения посылки женщину вынудили назвать код из СМС, после чего ей начали поступать звонки от якобы сотрудников государственных органов с требованием перевести деньги на «безопасный счет». В результате она перевела мошенникам 444 тыс. руб. Следственным комитетом возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 159 УК РФ [5].

Оперативники направили запрос в Центр безопасности «Макс», специалисты Центра с помощью автоматизированных систем быстро вычислили подозрительный аккаунт, установили личность посредника из Ростовской области, его местонахождение и каналы перевода средств. Данные передали инициатору запроса. Оперативники провели соответствующие мероприятия и при поддерж-

ке Росгвардии задержали фигуранта. Похищенные деньги заблокировали и вернули потерпевшей.

В рамках совместной работы оперативного подразделения и Центра безопасности «Макс» был реализован следующий алгоритм:

1. Поступление первичной информации и возбуждение уголовного дела;
2. Направление официального запроса в Центр «Макс»;
3. Автоматизированная идентификация подозрительного аккаунта, установление личности посредника, его местонахождения и каналов перевода средств;
4. Передача результатов оперативным сотрудникам, проведение ОРМ и задержание подозреваемого;
5. Блокировка и возврат похищенных денег.

Совместная работа Центра безопасности мессенджера «Макс» и МВД России в январе 2026 г. позволила пресечь крупные хищения денежных средств. Было раскрыто 3 преступления, задержано 4 мошенника, а 17 человек вовремя предотвращен ущерб. По данным мессенджера, благодаря своевременным мерам было спасено более 22 млн руб. Также в январе было предотвращено передача более 25 000 вредоносных АРК-файлов, которые мошенники распространяют для кражи денежных средств.

Таким образом, платформа создает новые возможности для выявления и пресечения противоправной деятельности, что соответствует интересам общества в целом.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О связи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Официальный сайт Министерства внутренних дел. Состояние преступности. URL: https://мвд.рф/reports/ (дата обращения: 02.03.2026).

5. МВД показало задержание пособника первого мошенничества через социальную сеть MAX // Телеканал Краснодар. 20.08.2025. URL: https://tvkrasnodar.ru/proisshestviya/2025/08/20/mvd-pokazalo-zaderzhanie-posobnika-pervogo-moshennichestva-cherez-sotsset-max/ (дата обращения: 02.03.2026).

***А.О. Шелмакова**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
***А.А. Шмидт**, канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ

Институт конфиденциального содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), является одним из наиболее эффективных инструментов выявления и раскрытия преступлений, совершаемых в условиях строгой конспирации, организованной преступной деятельности или коррупционных связей. Вместе с тем использование оперативно полученной информации в уголовном процессе неизбежно сталкивается с фундаментальными началами судопроизводства, закрепленными в УПК РФ, прежде всего с правом на защиту, принципом состязательности и процессуальным статусом свидетеля (ст. 56 УПК РФ).

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся в правоприменительной практике неопределенностью: оперативные подразделения исходят из императива сохранения в тайне источника получения информации, тогда как суды и сторона защиты требуют соблюдения гарантий, предусмотренных ст. 56 УПК РФ, предполагающих, в свою очередь, идентификацию лица, предупреждение об ответственности и возможность проверки ранее данный показаний.

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», а именно ст. 17, регламентирует содействие лиц указанным органам с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия, в т. ч. по контракту [1]. Указанная нами статья регламентирует гласное и конфиденциальное содействие, осуществляемое на контрактной (бесконтрактной) основе, возмездно либо безвозмездно.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, напротив, строится на началах гласности, непосредственности исследования доказательств и равенства сторон. В соответствии с ч. 6 ст. 56 УПК РФ свидетель не вправе давать заведомо ложные показания либо отказываться от дачи показаний [2]. Таким образом, возникает проблемная ситуация, когда лицо, осведомленное об обстоятельствах совершенного преступления и предоставившее эту информацию в оперативное подразделение конфиденциально, должно стать свидетелем по уголовному делу.

В то же время ст. 12 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» гарантирует защиту сведений о лицах, оказывающих содействие. Данные сведения составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами [1].

Природа конфликта заключается в том, что ФЗ «Об ОРД» охраняет конфиденциальность как ключевой элемент эффективности и безопасности оперативно-розыскной деятельности, в то время как Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно ст. 56, 75, 88, 89 УПК РФ, требуют идентифицируемости источника доказательств. Акцентируем внимание на ст. 89 УПК РФ, которая констатирует факт использования результатов ОРД только при условии их соответствия требованиям УПК о допустимости доказательств, что фактически означает трансформацию оперативного источника в процессуального свидетеля, но без легального механизма сохранения конфиденциальности [2].

Главные противоречия заключаются в том, что лицо, предоставившее информацию конфиденциально в рамках оперативно-розыскной деятельности, не имеет четкого статуса в уголовном процессе. Если информация, полученная от конфиденциального источника, используется в уголовном процессе и играет важнейшую роль в привлечении лица к уголовной ответственности, возникает вопрос о том, как обеспечить права лица, предоставившего информацию. Обратим внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно рассматривал вопросы баланса между интересами раскрытия преступлений и гарантиями права на защиту. В определении от 15.07.2010 № 924-О-О и Постановлении от 14.07.2011 № 16-П КС РФ указал, что использование результатов ОРД не должно ограничивать конституционное право на защиту и состязательное исследование доказательств [3, 4].

Доктор юридических наук, профессор А.В. Смирнов и кандидат юридических наук, доцент К.Б. Калиновский в комментарии к УПК РФ подчеркивают, что «результаты ОРД не являются доказательствами по смыслу ст. 74 УПК РФ до момента их процессуального закрепления». Авторы указывают, что ст. 56 УПК РФ не содержит изъятий для «анонимных свидетелей», а попытка придать оперативной тайне процессуальное значение противоречит ст. 15, 14, 47 УПК РФ и ст. 47 Конституции Российской Федерации. Компромисс возможен лишь через применение мер безопасности, предусмотренных ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», при условии, что суд и стороны располагают достаточными данными для оценки достоверности показаний [6, с. 1008].

Советский и российский ученый, правовед В.П. Божьев в своих трудах по теории доказывания последовательно отстаивал позицию, согласно которой «любое доказательство должно иметь проверяемый источник». По мнению В.П. Божьева, анонимность допустима на оперативно-розыскном этапе, но не совместима с судебным доказыванием [5, с. 541].

В свою очередь доктор юридических наук, профессор А.Ю. Шумилов в своем комментарии к ФЗ «Об ОРД» подчеркивает, что конфиденциальное содействие в ОРД должно быть ограничено случаями, когда раскрытие личности источника угрожает его безопасности. Он предлагает разработать четкие критерии использования конфиденциальной информации в уголовном процессе [7, с. 374].

Конфликт между режимом конфиденциальности в ОРД и гарантиями ст. 56 УПК РФ отражает более широкую проблему взаимодействия оперативно-розыскного и процессуального правопорядка. Анализ действующего законода-

тельства и научной доктрины позволяет констатировать, что к 2026 г. в российской правовой системе сложился устойчивый подход: абсолютная анонимность несовместима с принципами судебного разбирательства.

По нашему мнению, разрешение коллизии требует не отмены конфиденциального сотрудничества, а его процессуальной адаптации. Введение специального статуса «свидетеля-источника ОРД» с четкими гарантиями для защиты и обязательствами для оперативных органов позволит сохранить эффективность борьбы с преступностью.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 № 924-О-О.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П.

5. Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник для бакалавров; отв. ред. В.П. Божьев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2012. 541 с.

6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2003. 1008 с.

7. Шумилов А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». 7-е изд., доп. и перераб. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2007. 374 с.

***А.В. Шнайдер**, курсант 4 курса*
Барнаульский юридический институт МВД России

Научный руководитель:
Р.А. Нейман
Барнаульский юридический институт МВД России

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОМ МИРЕ

В XXI в. цифровая трансформация стала непосредственным ключом к формированию экономической и социальной устойчивости, а также глобального влияния. Общее будущее человечества уже обретает форму в цифровой сфере.

Цифровизация кардинально меняет условия оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Еще в 2023 г. в России зарегистрировано 677 тыс. IT-

преступлений (почти 40 % от общего числа). Киберпреступность отличается анонимностью и трансграничностью, требуя от правоохранительных органов новых методов работы [1, с. 202–204].

Всего несколько лет назад киберпреступность не обладала тем разрушительным потенциалом, который позволяет ей воздействовать на огромное количество граждан. В тот период главными помощниками оперуполномоченных были ручка и блокнот. В нынешних условиях стремительного развития цифровых технологий опираться на подходы прошлых лет уже невозможно.

Как эффективно бороться с киберпреступностью в настоящее время? Сейчас существует целый ряд факторов, которые осложняют деятельность по противодействию ей: повышение анонимности преступников, охват широкой аудитории, простой доступ к информации и трансграничный характер деяний.

Совокупность перечисленных обстоятельств говорит о необходимости пересмотра тактики и методов оперативно-розыскной деятельности. Традиционные подходы утрачивают эффективность в условиях цифровизации общества.

Согласно ст. 1 ФЗ №144-ФЗ «Об ОРД», оперативно-розыскная деятельность осуществляется гласно и негласно для защиты от преступных посягательств [4]. Задачи ОРД (выявление, предупреждение, раскрытие преступлений, розыск лиц) сохраняются, но решаются с использованием цифровых технологий. Принципы законности, конспирации и сочетания гласных и негласных методов наполняются новым содержанием: требуется учет законодательства о персональных данных и применение средств анонимизации [2, с. 87–93].

Закон об ОРД разрешает использование информационных систем и технических средств (ч. 4 ст. 6). В перечень оперативно-розыскных мероприятий включено получение компьютерной информации. Применение цифровых технологий регламентируется также ФЗ «О полиции», «О связи», законодательством о персональных данных. Специального закона об ИИ в ОРД нет, но действуют Национальная стратегия развития ИИ до 2030 г. и Этический кодекс использования ИИ.

Средства наблюдения и контроля стали ключевым инструментом. Системы видеонаблюдения с распознаванием лиц (более 250 тыс. камер в Москве) позволяют задерживать преступников по горячим следам. Геолокация мобильных устройств через операторов связи (по решению суда) дает возможность отслеживать перемещения подозреваемых [5, с. 171–178].

ИИ применяется по четырем направлениям:

1) анализ больших данных (выявление аномалий, группировка преступлений);

2) распознавание образов и речи (идентификация лиц, расшифровка переговоров);

3) предиктивный анализ (прогнозирование горячих точек);

4) системы поддержки решений (рекомендации по выбору ОРМ).

Внедрение ИИ порождает риски: нарушение приватности при массовом наблюдении, ошибки алгоритмов (ложная идентификация), вопросы ответственности, возможность использования deepfake в провокационных целях.

Требуется законодательное закрепление порядка использования ИИ, процедур верификации результатов и защиты данных.

Перспективы развития включают полную интеграцию видеоконтроля с ИИ, создание единых аналитических платформ, обучение персонала и противодействие «криминальному ИИ».

Цифровизация расширила потенциал ОРД, предоставив новые инструменты для работы с электронными доказательствами. Нормативная база адаптируется, но требует дальнейшего совершенствования. Главная задача – найти баланс между эффективностью ОРД и соблюдением прав граждан в цифровой среде.

Литература

1. Антонов Е.В. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровизации // Молодой ученый. 2025. № 19 (570). С. 202–204.

2. Малянова К.П. Особенности ОРД в условиях цифровизации // Сибирские уголовно-процессуальные чтения. 2023. № 2. С. 87–93.

3. О связи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 334.

5. Шаров В.И. Цифровая оперативно-розыскная деятельность // Вестник СПбУ МВД России. 2025. № 3 (107). С. 171–178.